КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Геополитика
и
международные отношения

Евразийское Движение
Москва
2012

ББК 66.4
Л 36

Печатается по решению кафедры
Социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Главный редактор
Савин Л. В.
Научно-редакционная коллегия
Д. эконом. н. Агеев А. И., д. философ. н. Добаев И. П.,
д. полит. н. Дугин А. Г., к. филос. н. Мелентьева Н. В.,
д. полит. н. Комлева Н. А., докт. истор. н. Майтдинова Г. М.,
д. филос. н. Попов Э. А., к. филос. н. Черноус В. В.,
канд. ист. н. Четверикова О. Н., Альберто Буэла (Аргентина),
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),
Матеуш Пискорски (Польша), Пшемыслав Серадзан (Польша),

Геополитика: Сборник статей, опубликованных в 2010 - 2011 гг. в информационно-аналитическом журнале «Геополитика» / [Под. ред. А. Г. Дугина]. — М.: Евразийское Движение, 2012. — 210 с., ил.

ISBN 978-5-903459-06-3

Л 36

Данная монография представляет собой сборник статей, опубликованных в 2010 - 2011 гг. в информационно-аналитическом журнале «Геополитика» (редактор - Савин Л.В.), издающемся при кафедре социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (заведующий - Дугин А.Г.). Они охватывают самые различные темы от теоретических разработок, связанных с трансформацией геополитической структуры мира, до актуальных и прикладных аспектов, таких как энергоресурсы и безопасность. Книга разбита на тематические главы, указывающих на конкретный регион (страну) или направление исследования. Настоящий сборник является частью проекта кафедры по геополитическим исследованиям, включая институциализацию доктрины многополярного мира во внешнюю политику Российской Федерации.

Книга может представлять интерес для политологов, студентов профильных направлений, практикующих дипломатов, экспертов в области международных отношений и всех интересующихся вопросами современной геополитики.

ББК 66.4

Для оформления обложки использована работа Уильяма Блейка «Бегемот и Левиафан».

© «Евразийское Движение», оформление, 2012
© Авторы, текстов докладов и статей, 2012

ISBN 978-5-903459-06-3

СОДЕРЖАНИЕ

Арабские бунты

Александр Дугин
Цветные революции в Арабистане 7
Леонид Савин
Жасмины, финики и внешнее управление 18
Атилио Борон
Сражаясь с леопардистской стратегией 36
Махди Дариуш Наземроая
Ливия и интервенция США 40
Уильям Энгдаль
Египетская революция: «творческое разрушение»
для Большого Ближнего Востока? 36
Али Мухиэддин
Этнопсихологический анализ мусульман Ливана 40

Безопасность и конфликты

Том Бурхард
Высокотехнологичное корпоративное полицейское
государство: «перестройка» *Интернета* 46
Игорь Добаев
Северокавказский терроризм в контексте
национальной и региональной безопасности России 50
Александр Дугин
Американская идея и теория заговора 59
Артем Лукин
Ядерное распространение: зло или благо? 86
Юрий Матвиенко
Предупредить — значит вооружить
(кибертерроризм вчера, сегодня и завтра) 89
Игорь Мурадян
Что придет на смену рад икальному исламу? 99
Леонид Савин
Сетецентричные войны — от концепции к спецоперациям 105
Кьёнджонь Ча
Чеджу и гонка военно-морских вооружений в Азии 99
Александра Шаповалова
Противоракетная оборона после Лиссабона:
на грани политики и безопасности 99

Восточная Европа

Александр Бовдунов
Политико-географические образы Центральной и Восточной Европы и геополитическая организация региона 117
Эрик Гермушка
Глобализация и Европейский союз 123
Владислав Гулевич .....
Геополитика украинства как «интеллектуальный дубликат» 136
Андрей Коваленко
Перспективы федерализац ии Украины 151
Алексей Корнев
Государственно-правовые аспекты развития крымского регионализма 157
Григорий Миронов
Проблема сохранения русинской национальной идентичности в современных условиях 168
Эдуард Попов
Русское и российское движение и интересы России на Украине 175
Октавиан Раку
Балканский Союз — альтернатива Союзу Европейскому? ... 183
Леонид Савин
Проект Межморья и геополитика региональных рисков ... 190
Миломир Степич
Расширение НАТО и геополитическое положение Сербии .. 193
Александра Шаповалова
Роль Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента 199
Всеволод Шимов
Белорусы и проблема «родного языка» 217

Евразийский Союз

Вячеслав Алтухов
Геостратегия «Анаконда» и Евразия 221
Лорен Гудрич
Россия: восстановление империи по возможности 232
Владислав Гулевич
Геополитическая ситуац ия у западных границ Евразийского Союза 232

Александр Дугин
Евразийский взгляд. 221
Светлана Лурье
Что такое жить в империи 232
Юрий Матвиенко
Камо грядеши, Россия?
(Оборонный аспект в формирования Евразийского союза) . 232
Леонид Савин
Великая Стратегия для Евразийского Союза 221
Смита Пурушоттам
Заигрывания Украины с Китаем и поиски
Евразийского союза Россией 232
Юрий Солозобов
Евразийский Союз: от идеи к практике 232
Мария Токмакова
Стратегическая переорганизация 221
Александра Шаповалова
Возможности и перспективы Евразийского Союза 232

Иран

Александр Дугин
Ось Москва — Тегеран 232
Арина Новгородова
Иранский вопрос США 221
Сайед Махмуд Реза Саджади
Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом
Исламской Республики Иран в РФ 232
Леонид Савин
Иран и Япония: взаимозависимость атомной
энергетики и политики. 232
Гиль Ярон
«Шиитский полумесяц» может превратиться в полную луну:
Запад теряет своих бывших союзников
на Ближнем Востоке 221

Китай

Томас Барнетт
Китай нуждается в глобальной роли США
в сфере безопасности 232
Керри Болтон
Водные войны. 221

Виктор Кочетков, Марина Лымарь
Китайская нац иональная идентичность:
чтобы понять китайский народ 221
Джон Молдин
Геополитика Китая: закрытая великая держава 232
Леонид Савин
От периферии к супердержаве 232

Латинская Америка

Леонид Савин
Парадигмальные сдвиги в Западном полушарии 232
Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Боливии в РФ Марией Луисой Рамос Урсагасте
От Республики к Многонациональному государству. 221
Альберто Буэла
Геополитика Южной Америки 232
Ева Голинжер
Венесуэла: от заднего двора к многополярному миру 232
Александр Зурабишвили
Дело пяти заключенных в США кубинцев 221
Джеймс Кокрофт
Мексика: империализм, «недееспособное государство»,
новые войны и сопротивление 232
Эду Сильвестре де Альбукерке
Боливийская революция:
разрушение«континентальной тюрьмы»? 221
Пепе Эскобар
Американская мечта родилась в Бразилии 232

Латинская Америка

Томас Ренард, Свен Бишоп
Необходимость стратегии в многополярном мире:
рекомендации для ЕС после Лиссабона 232
Александр Бовдунов
Восточноевропейский национал-популизм и
концепции многополярногомира 221
Иммануил Валлерстайн
Наступление многополярности 232
Альваро де Васконселос
Многополярность, становящаяся «многосторонней» 232

Александр Дугин
Многополярность как проект миропорядка
с позиции Суши 221
Желтов В. В., Желтов М. В.
К вопросу о методе геополитики в условиях
многополярного мира.....232
Леонид Савин
Предпосылки многополярного мирового порядка..... 221

США

Александр Бовдунов
Сверхчеловек и американская политическая трад ция.....232
Илья Дмитриев
Голливуд в поисках утраченного «Я» 221
Александр Дугин
Глобальный переход и его враги 232
Олаво де Карвальо
США и Новый Мировой Порядок.....232
Джозеф Най младший
Американская власть в XXI веке 221
Леонид Савин
Terra Americana в киберпространстве 232
Санджив Кумар Шривастав
Профиль химического оружия в США 221

Теория

Светлана Лурье
Внешняя политика малых стран
(Геополитическая мифология Армении и
Нагорного-Карабахской республики) 232
Тиберио Грациани
Геополитика республиканской Италии 221
Поль Видаль де ля Блаш
Географическая обусловленность социальной
действительности.....232
Александр Дугин
Экзистенциальная геополитика Карло Террачано 232
Стивен Манн
Теория хаоса и стратегическое мышление 221
Игорь Окунев
Центростремительные и центробежные силы
в структуре геополитической картины мира 232

Николас Спикмен
Американская стратегия в мировой политике:
Соединенные Штаты и баланс силы 221
Ольга Якушина
Геополитическая концепция Р. Штраусц-Гупе 232

Турция

Мариус Вэкэрелу
Турция: политические перспективы 232
Барыш Достер
Турция между двух континентов..... 221
Семих Корай
Как понимать нынешнюю
политическую ситуацию в Турции? 232
Павел Морару
Геостратегическое значение Турции
к концу Второй Мировой войны.
Взгляд военного атташе Румынии.....232
Леонид Савин
К стратегическому созвездию..... 221
Александр Сотниченко
Турция: геополитическая ось Евразии.....232
Джюнейт Акалин, Элиф Эрал
Роль турецкой прессы в деле «Эргенекон» 232

Экономика

Леонид Савин
Циклическая модель экономики, войны и гегемонии 232
Джордж Сорос
Как разрешить кризис евро..... 221
Джозеф Стиглиц
Идеологический кризис западного капитализма 232
Джордж Фридман
Мировой экономический кризис:
кризис политической экономики.....232
Майкл Хадсон
Финансовое цунами:
дело в отношении рейтинговых агентств 221
Федор Смирнов
Геофинансы XXI века — доминирование
англосаксонской либеральной модели 232

Джюнейт Акалин, Элиф Эрал
Роль турецкой прессы в деле «Эргенекон» 232

Энергетика

Питер Касни
Трубопроводные проекты Европейского союза в аспекте энергетической безопасности и глобальной политики власти. 232
Александр Бовдунов
Петрополитика России и Юго-Восточная Европа (на примере Сербии и Румынии). 221
Леонид Савин
Современная структура энергополитики 232
Александр Дугин
Энергетическая геополитика 221

Арабские бунты

Александр Дугин

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В АРАБИСТАНЕ

Арабский мир лихорадит. Тунис (изгнание Бен Али), Египет (массовые акции протеста, народные волнения), Алжир, Йемен, Иордания — все это более чем серьезно. Что случилось? Что это значит? Такими вопросами задаемся мы все сегодня.

Всю глубину процессов понять разом трудно, попробуем выделить отдельные моменты.

Во-первых, арабские страны представляют собой не полноценные государства, но искусственно разделенные абстрактно проведенными границами постколониальные образования. Никаким особым историческим смыслом они не обладают — это части единого арабского пространства с общим этносом, языком, религией, историей. Это не что иное, как останки халифата. Поэтому пламя, занимающееся в одной точке арабского мира, немедленно дает о себе знать в другой точке. Все разделение арабских стран между собой держится лишь на искусственных, авторитарных и предельно коррумпированных диктатурах (чаще всего прозападного, проамериканского толка). Если в Тунисе у этой диктатуры (типичного проамериканского либерального коррупционера Бен Али) сорвало резьбу, в других точках Арабистана это чувствуется вполне конкретно. Как приглашение к действию. Если оппозиции удастся сковырнуть Мубарака, далее один за одним падут и остальные постколониальные режимы. Постколониальные государства не отвечают внутренним потребностям арабских обществ — они держатся за счет штыков полиции, СМИ и американской политической поддержки. Арабам их государства фундаментально обрыдли, они спят и видят, чтобы снести эти конструкции до основания.

Во-вторых, несколько лет назад Кондолиза Райс озвучила в Анкаре проект «Великого Ближнего Востока». Суть его заключалась в

следующем. США надоели проамериканские коррупционеры во главе арабских государств, которые препятствуют развитию «гражданского общества», постоянно нарушают права человека и консервируют недееспособные архаичные политические гибриды. Ранее они были полезны, но приходит пора с ними заканчивать и строить настоящее арабское «гражданское общество». Американцы — ребята конкретные: сказано — сделано. Не сразу, а спустя несколько лет. Поэтому американский след в этой цепной волне «цветных революций» в арабском мире виден невооруженным глазом.

В-третьих, совершенно очевидно, что сегодня одни застилают постель, спать в которой собираются другие. Когда мы смотрим кадры хроники гражданского протеста в Тунисе или Египте, мы видим толпу вполне европейского вида. Ее участники, давая интервью, прекрасно говорят по-французски или по-английски; выглядят в целом так же, как жители среднеевропейского города. Но у человека, знающего реальную социологическую структуру арабского общества, возникает вопрос: а где же они самые? Бритоголовые, бородатые, вооруженные люди, которые составляют костяк реальной оппозиции — салафиты, ваххабиты, интегристы, фундаменталисты, «братья мусульмане»? Их явно вырезают из кадра, либо они предпочитают оставаться в стороне. Пока. Но именно они, а отнюдь не усредненно-космополитическая джинсовая толпа, составляют ядро сопротивления проамериканским коррумпированным марионеткам. Ждем момента, когда они появятся на авансцене. Уверяю, ждать придется не долго.

В-четвертых, стоит задаться вопросом, а что предлагают протестующие? И что хотят от этих процессов явно потворствующие им американцы? Формально все ясно: существующая власть настолько нелегитимна, что ее отвержение объединяет широкие народные массы и амбициозные элиты всех типов. Но что конкретно они предлагают? И вот тут самое интересное: это совершенно не важно. Если смести один порядок, так или иначе какой-то другой порядок выстроится сам собой, по логике баланса сил. Стоит ли задумываться на несколько ходов вперед, особенно в условиях постмодерна? Снеси то, что обрыдло, и далее действуй по обстоятельствам. Как в Ираке или Афганистане: американское вторжение опрокинуло существующие порядки, но ничего особенно вместо этого не предложило. Война, кровь, хаос, сливы Wikileaks, возмущение общественности, некоторые потери… Но ничего страшного. Это важно и это ново: хаос взят на вооружение

американскими стратегами (например, Стивеном Манном) как новый способ контроля и новая форма порядка. Распадется ли Тунис, Йемен, Египет или Иордания? Может, да, может, нет. Это не принципиально. Умоются ли арабы кровью? Тоже не принципиально, в Ираке уже умываются. Главное — динамика и «углубление демократии». Это новая логика «благой» американской гегемонии (У. Кристол). И у нее есть свой определенный шарм и логика (разделяй и властвуй).

В-пятых, а что Израиль? Это интересует многих больше, чем собственно судьба арабских стран, ведь израильское лобби сильно и в США, и в Европе, и в России. Тут мнения разделились. Одни израильские аналитики считают, что хаос ослабит арабский мир. Другие, напротив, опасаются, что пришедшие на смену проамериканским марионеткам режимы будут действовать в отношении Израиля более решительно. В Израиле нет консенсуса по поводу происходящего (там, кстати, вообще сегодня нет консенсуса ни по одному из серьезных вопросов). Война для израильтян обычное дело, не очень они ее и боятся. Но одни видят в этом выход, другие стремятся избежать. Осторожные давят на Вашингтон, чтобы он притормозил в поддержке арабской оппозиции. Радикалы, напротив, готовы активно вмешаться в ситуацию и поиграть мускулами. Снова, кстати говоря, хаос.

И последнее: возможно ли сопоставить цветные революции в арабском мире с Россией? Многие стали говорить об этом. Политика современной России в отношении США также старается быть лояльной (подписание СНВ-3, поддержка санкций против Ирана, рост либеральных тенденций, открытие памятника Ельцину и т.д.) Нельзя не заметить и падение легитимности нынешнего курса в глазах общества: прозападным либеральным элитам все мало (несогласные), массы же, напротив, грустят об имперском имидже России, старательно создававшемся в эпоху Путина. Но у нас еще далеко не все так запущено, как у арабов. Однако если продолжать в том же духе, то рано или поздно ситуация станет похожей.

Если далее проводить эту параллель, можно попытаться поискать в российском обществе аналог фундаментализма у арабов. Чем это могло бы быть? Очень показательно, что в последнее время (особенно после выступления радикальной футбольной молодежи на Манежной площади) все чаще говорят о феномене русского национализма. Пока эти явления не сопоставимы, но в будущем все может измениться.

Самое лучшее средство — не доводить до крайности, прислушаться к реальному обществу, к тому, чего хочет и чего не хочет народ. Те правители, которые основывают свою власть на согласии и гармонии со своими людьми, неуязвимы (теоретически, по меньшей мере) для подобных технологий. Когда Путин в начале своего президентства провозгласил курс на укрепление реального суверенитета, он обозначил путь к такой неуязвимости. Стоит в этом смысле держаться курса.

Леонид Савин

ЖАСМИНЫ, ФИНИКИ И ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

Бегство президента Туниса Бен Али в результате массовых беспорядков, охвативших улицы этого ближневосточного государства, последовавшее за этим создание правительства Национального единства, и недоверие к нему широких масс, которое вылилось в новые акции протеста и погромы 24 января, назвали жасминовой революцией.

Несмотря на то, что согласно основной версии СМИ точка невозврата была пройдена после самосожжения продавца фруктами, у которого полицейские конфисковали его товар, а масла в огонь подлила информация с Викиликс о гастрономических и прочих изысканиях бывшего президента, которые обходились в довольно крупные суммы, это название явно отсылает нас к предыдущим «цветным революциям» в Сербии, Грузии, Украине, Молдавии и других странах.

Почему же достаточно развитая в экономическом и социальном отношении страна с относительно высоким уровнем прав и свобод по сравнению с другими мусульманскими странами региона превратилась в очаг нестабильности, где уличные протесты, на которых демонстрантов разгоняли с помощью слезоточивого газа, имеют тенденцию перерасти в неуправляемый хаос?

На наш взгляд это не было спонтанной реакцией тунисского общества, которая согласно одному из законов конфликтологии, возникла благодаря многолетнему накапливанию критической массы. Хотя нужно признать, что ловкое манипулирование, тонкая дипломатическая работа и информационный шум через подконтрольные СМИ выставил ситуацию так, что Совет Африканского Союза по миру и безопасности, несмотря на то, что в некоторых его странах-членах имеются проблемы, осудил силовые действия правительства в первые дни беспорядков и выразил поддержку народу Туниса.

Анализ гражданского общества Туниса, которое и явилось движущей массой этой революции, показывает, что ее очаги готовились долго и планомерно. Больше всего в процесс выращивания «революционеров» поддерживался Национальным фондом за демократию (National Endowment for Democracy, NED) — организации из США, которая стояла не только за цветными революциями на постсоветском пространстве, но и финансировала ряд других сомнительных проектов.

Карта Туниса

Мы не будем вдаваться в историю этой структуры, так как она достаточно известна. В случае Туниса ситуация довольно прозрачная — Фонд на протяжении ряда лет финансировал проекты, направленные на создание групп активистов по продвижению гражданского общества (т.е. революционных ячеек), по такому же принципу, по какому создавались сербский «Отпор», грузинская «Кхмара» и украинская «Пора».

Информация об этом размещена на сайте NED. А поскольку отчеты о прошедшем годе публикуются в середине следующего, на момент написания публикации последняя информация дана на 2009 г. В этом году финансовое вливание на продвижение демократии по-американски и подготовки борцов за подобные ценности получили три организации.

Форум Аль-Джахед за свободное мышление (Al-Jahedh Forum for Free Thought, AJFFT) — $131,000. Цели организации состоят в укреплении и построении демократической культуры среди активной тунисской молодежи. AJFFT занимается проведением форумов по текущим вопросам, связанным с исламом и демократией, дебатов между арабскими учеными по социальным проблемам, академических лекций по исламу, экономической политике и международным отношениям. Форум организовывает тренинги по лидерству, поддерживает

местные молодежные культурные проекты, имеет библиотеку и издает результату исследований.

Ассоциация поддержки образования (Association for the Promotion of Education, APES) — $27,000. Занимается укреплением потенциала учителей высшей школы для продвижения демократических и гражданских ценностей на их месте работы (т.е. в учебных аудиториях). APES проводит тренинги для университетских профессоров и школьных инспекторов, двухдневные семинары для учителей, связанные с демократическими и гражданскими ценностями. Цель APES — инкорпорировать с помощью таких методик толерантность и плюрализм в образовательной системе Туниса.

Центр исследований, образования и тренингов Мохаммеда Али (Mohamed Ali Center for Research, Studies and Training, CEMAREF) — $33,500. Его активисты тренируют ячейки тунисских молодежных активистов по лидерству и организационным техникам, чтобы поощрять (в оригинале использовано слово encourage, что также означает «подстрекать») их участие в общественной жизни. В 2009 г. Центр проводил интенсивные 4-дневные тренинги для отобранной группы молодежи, а также провел обучение 50 активистов обоих полов в возрасте от 20 до 40 лет по лидерским техникам и принятию решений. Также проводилась выездная работа с активистами по месту нахождения их организаций.

Между строк (и учитывая наработки 2010 г.) с легкостью читается, что готовились полевые командиры для проведения государственного переворота. Но поскольку такая терминология давно не в моде, подобные школы комиссаров цветных революций в отчетах называют тренинговыми центрами по продвижению прав человека и укреплению демократии.

Работа велась и в предыдущие годы, что позволило сформировать довольно разветвленную и мобильную структуру активистов по всему Тунису. В 2006 г. AJFFT получили $51,000, а в 2007 — $45,000. Центра Мохаммеда Али в этом же году — $38,500.

Нет сомнений, что эти гражданские сети сыграли свою роль, как на первом этапе революции, так и на втором, сформировав «Караван свободы».

Кроме этих организаций в Тунисе действовали Американский центр международной трудовой солидарности, Арабский институт прав человека, Комитет уважения свобод и прав человека в Тунисе, Центр международного частного предпринимательства и другие.

Если зайти на страничку NED в Интернете в раздел Ближнего Востока и Северной Африки, то обнаружите, что в соседних странах так же работают организации, финансируемые NED, и некоторые из них носят такое же название. Т.е., это не сугубо национальные тунисские проекты, поощряемые NED, это международная сеть активистов, которые, с учетом региональной специфики и поставленных задач проводят обмен опытом и подготовку революционных кадров в районе Северной Африки и Ближнего Востока.

Поэтому, как отмечает новозеландский исследователь и специалист по подпольным и революционным движениям Керри Болтон, «видя интересы NED в Тунисе, будет наивным полагать, что революция жасминов являлась лишь «спонтанным проявлением народного гнева», она была спланирована заранее и нужно было лишь ждать подходящего момента для ее катализации». Он же указывает и на еще один небезынтересный факт, что 22 директора NED являются членами плутократического аналитического центра «Совет по международным отношениям», причем часть из них являются руководителями программ.

Это во многом объясняет нарочитую отстраненность госсекретаря США Хилари Клинтон (также члена «Совета по международным отношениям») во время ее турне по Ближнему Востоку в первой половине января по отношению к еще действовавшему президенту Туниса Бен Али, которая в императивном тоне заявила о необходимости адекватного и прозрачного проведения будущих выборов.

Визит заместителя госсекретаря США по вопросам Ближнего Востока Джефри Фелтмана, который находился в Тунисе с 24 по 26 января 2011 г. также вписывается в план США, ведь он встречался не только с представителями власти, а и с «активистами гражданского общества, которым заявил о поддержке США тунисского народа», — как прокомментировал эту ситуацию представитель госдепартамента Филип Кроули.

Как видно из заявлений Белого дома, США осудили применение силы и во время разгона беспорядков в Египте, устроенных по тунисскому сценарию (активистами идентичных организаций, которых в Египте финансирует тот же NED).

И хотя ряд американских СМИ, учитывая комплексную ситуацию в регионе — отделение Южного Судана, беспорядки в Алжире и Египте, правительственный кризис в Ливане, начали выражать показное

беспокойство, указывая, что подобные угрозы нельзя игнорировать, в стратегическом плане этот вариант давно учтен Вашингтоном. Также угроза переворотов и насилия в арабских странах была спрогнозирована и в докладе по глобальным трендам 2015, ранее подготовленным национальным разведсообществом США

Не стоит сомневаться, что при надобности США смело помогут становлению арабским демократиям по самым различным сценариям, лишь бы сохранить свое присутствие в регионе. В этом отношении показательным будет развитие ситуации в Бахрейне, где базируется Пятый флот ВМС США. В любом случае, как сказал экс-президент США Джимми Картер «любая попытка какой-либо внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться, как нападение на жизненные интересы США и подобная атака будет отражена любыми возможными средствами, включая вооруженные силы». Две войны в Ираке и наличие военных баз США в регионе — наглядное тому подтверждение.

Атилио Борон

СРАЖАЯСЬ С ЛЕОПАРДИСТСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ

Проблема, с которой столкнулся сейчас Обама, заключается в необходимости построения «мубаракизма» без самого Мубарака, то есть в обеспечении непрерывности американского влияния при смене самого режима.

Хиллари Клинтон ранее заявила о необходимости по возможности избежать полного безвластия в Египте. По ее словам, цель Белого дома заключается в поэтапной передаче власти демократическим властям, социальных реформах, экономической справедливости. Она также отметила, что Хосни Мубарак остается пока что президентом Египта, но процесс перехода к демократии все же остается в повестке дня.

Вопреки ожиданиям, президент США Барак Обама не потребовал немедленного отстранения дискредитированного лидера от власти. Заявив об этом, он не мог в то же время отвергнуть решение Госдепартамента США, отражающего геополитическую стратегию, которая исправно функционирует, начиная с Шестидневной войны в 1967 году. Эта концепция исправно поддерживается с 1981 года, когда был убит Анвар Садат и к власти стал пробиваться тогда еще вице-президент Хосни Мубарак.

Садат стал ключевым элементом политики США и Израиля потому, что стал первым главой арабского государства, признавшим государство Израиль и подписавшим мирный договор между двумя странами 26 марта 1979 года. Однако Садат и израильский премьер министр Менахем Бегин все еще испытывали некоторое волнение и беспокойство из-за пяти войн и бесконечных мирных переговоров, от которых тут же пришлось отказаться из-за известий о том, что 16 января того же года стратегический союзник США в регионе — иран-

ский шах — был сброшен с престола в результате народной революции и искал убежища в Египте. Свержение шаха привело к провозглашению Исламской Республики под предводительством Аятоллы Рухолла Хомейни, для которого Соединенные Штаты и вся «Американская цивилизация» были не чем иным, как «Большим Сатаной», заклятым врагом ислама.

Хотя насильственное свержение шаха с политической шахматной доски и потрясло весь Ближний Восток, новости из центральной Америки не были лучше: 19 июля 1979 года силы Сандинистского фронта вошли в Манагуа (столица Никарагуа) и положили конец диктатуре давнего сторонника США в регионе — Анастасио Сомоса, усложнив тем самым геополитическую ситуацию в Северной Америке. С этого момента главной задачей внешней политики США станет любой ценой вернуть Египту функцию стабилизатора всей ближневосточной политики, несмотря даже на царящую при Мубараке коррупцию, процветающий наркотрафик, отмывание денег на фоне стабильного обеднения и исключения общества из политической жизни. Такая политика двойных стандартов по отношению к Египту стала каждодневной практикой руководства США.

Именно поэтому президент Обама и госсекретарь отметились столь лицемерной и притворной критикой в адрес «коррумпированного и репрессивного режима», который Америка поддерживала и финансировала в течение десятилетий, призвав руководство Египта к реализации экономических, социальных и политических реформ. Это режим, который Вашингтон регулярно снабжал узниками для проведения пыток без каких бы то ни было правовых ограничений, когда в центре Каира без всяких препятствий «для ведения войны с терроризмом» функционирует штаб ЦРУ. Более того, это режим, который открыто блокирует работу интернета и мобильной связи в ответ на малейшую критику Вашингтона. Стоит задуматься, была бы реакция на подобные злоупотребления столь же мягкой, если бы речь шла, например, об Уго Чавесе.

Утверждая, что Мубарак пересек критическую точку невозврата, Обама неизбежно встает перед дилеммой строительства «мубаракизма» без Мубарака, то есть ему теперь необходимо сохранить американский контроль над регионом с помощью нового ставленника, не причастного к действующему режиму. Как сказал один из персонажей известного романа «Леопард» сицилийского автора Джузеппе Томази

ди Лампедуза, «что-то должно измениться, если мы хотим, чтобы все осталось по-прежнему». Это именно та формула, которую безуспешно пытался утвердить Вашингтон за месяц до свержения Сомосы в Никарагуа, добиваясь утверждения одной из фигур самого режима — Франциско Уркуйо, президента Национального конгресса, чьей первой и, фактически, последней инициативой на посту президента была попытка убедить Сандинистский фронт, который крушил Национальную гвардию Сомосы в любом уголке страны, сложить оружие. Сандинисты решили, однако, что более целесообразно свергнуть его сразу же после этого, а экс-президента стали в Никарагуа называть «Уркуйо — однодневкой».

Сейчас Белый дом собирается провернуть нечто похожее: оказывают давление на Мубарака, чтобы тот назначил вице-президента и не повторился провал с Уркуйо. Но выбор Мубарака не мог быть еще менее удовлетворительным, чем назначение на эту должность главы военной разведки Омара Сулеймана — бескомпромиссного человека, известного своей враждебностью относительно демократической открытости Мубарака. Массы, требующие новых демократических преобразований, вряд ли будут долго терпеть такого человека у власти. Только когда эти массы вышли на улицы и начали громить ненавистных полицейских, штаб-квартиры правящей партии, а также всенародно презираемых шпионов и информаторов вместе с представителями государственной разведки, Мубарак попросил именно шефа этих самых подразделений возглавить демократические реформы. Нельзя придумать более злой шутки над всеми египтянами, вышедшими в те дни на улицы и требующими свержения правления Мубарака.

В традиции марксистского социализма такое положение, когда «верхи не могут, низы не хотят», называется революционной ситуацией. В Египте те самые верхи не могут, потому что полиция была повержена в уличных боях, в то время как офицеры и простые солдаты братались с протестантами вместо отчаянной с ними борьбы. Никого не удивит, если еще какие-то утечки à la Wikileaks раскроют очередной факт давления, оказываемого Белым домом на престарелого деспота, чтобы он немедленно покинул Египет, дабы вновь не повторилась трагедия Тегерана.

Альтернативы, которыми располагают Соединённые Штаты, малочисленны и малоприятны: «Леопардизм», то есть поддержка суще-

ствующего режима лишь с некоторыми косметическими преобразованиями и новыми лицами в руководстве, за который приходится платить феноменальную политическую цену — не только в арабском мире, но и на Западе и в самих США — для наглой защиты своих позиций и привилегий в ключевом регионе мира, тогда как разрушение этих же стандартов самим Белым домом должно доказывать неоспоримое лидерство демократической политики США; приход к власти крайне непостоянного гражданско-военного альянса, при котором оппозиция Мубараку будет сохранять еще большее влияние, разжигаемая сильнейшим давлением снизу; или худший из кошмаров, если действительно появится ожидаемый дефицит власти, и исламистские Братья-мусульмане захватят власть силой.

Ни один из этих сценариев не обещает значимого улучшения позиций США, доказывая, что даже при самом умеренном сценарии вероятность, что Египет будет и дальше оставаться эффективным и безоговорочным батраком Вашингтона, крайне мала, а в стране — в лучшем случае — установится крайне нестабильный режим.

И если, в конце концов, установится власть исламских радикалов, Израиль и США в регионе станут крайне уязвимы. Об этом еще раз заявил премьер-министр Израиля Беньямин Натаньяху, принимая во внимание эффект домино, который начался с кризиса в Тунисе, продолжился в Египте и уже сказался на важных союзниках США, таких как Иордания и Йемен, каждый из которых в свое время значительно повлиял как на военный успех США в Ираке, так и на безрассудное отступление из Афганистана. Если эти прогнозы сбудутся, с новой силой разгорится палестино-израильский конфликт, кровавые волны от которого достигнут дворцов в Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии, раз и навсегда изменяя положение на шахматной доске мировой политики и международной экономики.

Махди Дариуш Наземроая

ЛИВИЯ И ИНТЕРВЕНЦИЯ США

Ливийская оппозиция

Здесь нужно задать вопрос — что представляет собой «оппозиция» в Ливии. Оппозиция не является монолитной структурой. Общий знаменатель в ней — это противодействие правлению Каддафи и его семьи. Нужно сказать, что «действия оппозиции или сопротивления против угнетателя» и «движение оппозиции» являются двумя разными вещами. По большей части простые люди и коррумпированные ливийские чиновники, которые питают укоренившуюся ненависть к Каддафи и его семье, находятся теперь в одном и том же лагере, хотя есть и различия.

Есть подлинная форма оппозиции, которая не организована, и систематическая форма оппозиции, которая является либо внешней по своей природе либо управляется непосредственно изнутри ливийского режима. Внутренняя оппозиция простых людей в Ливии не организована, и «акции оппозиции» были самопроизвольны. Но само восстание было поощрено и управлялось из-за рубежа через социальные сети, агентства международных новостей и события в остальной части арабского мира.

Руководство внутренней оппозиции, которая появилась в Ливии, выросла непосредственно изнутри режима. Коррумпированные чиновники, которые восстали против Каддафи, не являются народными лидерами. Эти оппозиционеры не настроены против тирании, они просто настроены против правления полковника Каддафи и его семьи. Ареф Шариф и Аль-Юнис — сами фигуры ливийского режима.

Нужно также учитывать, что некоторые ливийские чиновники, которые повернулись против Каддафи, делают это, чтобы спасти себя,

в то время как другие в будущем будут работать, чтобы сохранить или усилить свое положение. Как пример можно рассмотреть Абделя Монеима Аль-Хони, ливийского посланника в Лиге арабских государств в Каире. Аль-Хони осудил Каддафи, но нужно отметить, что он был одним из членов группы ливийских чиновников, которые совершили удачный переворот в 1969 г. вместе с Каддафи и что позже в 1975 г. он сам пытался прийти к власти, но неудачно. После неудавшегося переворота он сбежал из Ливии и возвратился лишь в 1990 г. после того, как Каддафи простил его.

Аль-Хони не единственный такой ливийский дипломат. Ливийский посол в Индии сделал то же самое. Есть явные намерение со стороны этих чиновников стать членами в структуре власти в Ливии после изгнания Каддафи: ливийский посол в Индии Али аль-Ессави сказал Би-Би-Си, что ушел в отставку, выступая против применения суровых мер его правительства в отношении демонстрантов.

Господин аль-Ессави являлся министром в Триполи и мог бы стать важной фигурой в альтернативном правительстве в случае, если Муаммар Каддафи уйдет.

Абдель Монеим аль-Хони сказал в Каире, что «подал заявление об отставке, протестуя против актов репрессии и насилия над демонстрантами, присоединяясь к рядам революции».

Опять же, эти взбунтовавшиеся чиновники сами вышли изнутри режима, так как были бывшими министрами. Вполне возможно, что эти «оппозиционные фигуры» могли или могут сотрудничать с внешними силами.

Внешние силы в ливийской игре

Правительства США, Великобритании, Франции, Германии, и Италии прекрасно знали, что Каддафи был деспотом, но это не помешало им заключить прибыльные сделки с Триполи. Когда СМИ показывают насилие в Ливии, они должны также уточнить, какое оружие применяется и откуда оно получено. Продажа оружия Ливии со стороны США и ЕС должна быть тщательно расследована. Может быть это — часть их программ по продвижению демократии?

Начиная с восстановления отношений между США и Ливией, вооруженные силы обеих стран значительно сблизились. У Ливии и США были военные сделки и начиная с восстановления отношений

в Триполи были весьма заинтересованы покупкой военной техники США. В 2009 г. представитель Пентагона, подполковник Хибнер, подтвердила эти отношения лучше всего: «[США] рассмотрят ливийские запросы о военном оборудовании, которое позволят [Ливии] улучшить возможности в областях, отражающие наши взаимные интересы [или синхронизируют американские и ливийские интересы]». Нужно отметить, что американские интересы означают, что Пентагон вооружит Ливию только на их основе.

Из последних действий видно, что у Ливии появился совершенно новый арсенал американских самолетов. Каддафи были применены самолеты F-16, вертолеты «Апачи», и наземные транспортные средства. Если это будет подтверждено, это может стать сенсацией, так как нет никакой публичной информации о поставке этих самолетов в арсенал ливийских вооруженных сил. Традиционно Ливия использовала «Миражи» французского производства и российские «МиГи».

Ливийский режим также имел контракты с американскими или европейскими частными военными компаниями (наемниками).

Политика Аль — Джазиры

Ливийское правительство отключило Интернет и телефонные линии в стадии реализации информационной войны. Хотя одна из самых профессиональных новостных сетей в мире, Аль-Джазира не была нейтральный актором. Она находится в подчинении эмиру Катара и катарскому правительству, представляющих собой автократию. Явно освещение Аль-Джазирой событий в Ливии имело определенное влияние.

Репортажи Аль-Джазиры о ливийских самолетах, стреляющих в протестующих в Триполи и главных городах не проверены и являются сомнительными. К тому же, репортажи о самолетных атаках не были подтверждены. Не было приведено ни одного визуального доказательства этих действий, в то время как поступало визуальное подтверждение о других событиях в Ливии.

Аль-Джазира не является только одной станцией, которая относится с предубеждением к Ливии. Саудовские СМИ также смакуют события в этой стране. Ашарк Аль-Авсат — саудовская газета, которая выступает союзником американским интересам в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Главный редактор газеты лично

пишет передовые статьи, прославляющие решение Лиги Арабских Государств приостановить Ливию от использования силы против протестующих — но тогда почему такие шаги не были сделаны в отношении Египта, Туниса, Бахрейна или Йемена? Внутри и снаружи арабского мира господствующие СМИ создают условия для своего рода вмешательства в Ливию.

Роль иностранных интересов в Ливии

Очень важно задаться вопросом о роли иностранных правительств и корпораций в Ливии. И в первую очередь нужно спросить об этом у итальянских и американских правительств, в том числе о поставках оружия.

Вполне понятно, что демократия лишь используется в качестве удобного предлога против диктаторов и правительств, которые не хотят уходить и служить интересам ЕС и США. В данном контексте будет весьма показательным то, как с распростертыми объятиями Муаммара Каддафи приветствовала в Вашингтоне 21 апреля 2009 г. Хиллари Клинтон и администрация Обамы. При их встрече Клинтон публично сказала: «Я очень рада приветствовать господина Каддафи в государственном департаменте. Мы глубоко ценим отношения между Соединенными Штатами и Ливией. У нас есть много возможностей для углубления и расширения нашего сотрудничества, и я очень надеюсь продвинуться вперед в этих отношениях. Добро пожаловать, господин министр».

Что США и ЕС хотят сделать теперь, так это максимизировать их выгоды в Ливии. Гражданская война, кажется, это то, что имеют в виду Брюссель и Вашингтон.

Угроза интервенции НАТО — США и контроля ЕС над Ливией

Ливия находилась в перекрестке нитей Пентагона в течение многих лет. Согласно Уэсли Кларку, отставному генералу, который был военнокомандующим НАТО, Ливия была в списке стран Пентагона для вторжения после управляемого Талибаном Афганистана. Список включал Ирак, Сомали, Судан, Ливан, Сирию и, наконец, Иран. По словам Кларка: «Это — записка, которая описывает то, как мы собираемся вывести из игры семь стран через пять лет, начиная с Ирака, затем будет Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан и, в завершение, Иран».

Так или иначе, все страны из списка подверглись нападению прямо или косвенно и все они, включая Сирию и Иран уступили США и их союзникам. Ливия начала секретные переговоры с Вашингтоном в 2001 г., это осуществилось в формальном восстановлении отношений после падения Багдада в 2003 г. в ходе интервенции США и Британии. Все же, США и союзники всегда хотели расширить свое влияние на ливийский энергетический сектор и захватить обширные богатства Ливии. Гражданская война обеспечивает наилучшее прикрытие для этой цели.

Уильям Энгдаль

ЕГИПЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: «ТВОРЧЕСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ» ДЛЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА?

По свежим следам смены 25 января 2011 г. режима в Тунисе разразился народный протест против стародавнего порядка Хосни Мубарака в Египте. В отличие от тщательно культивируемого впечатления, что администрация Обамы пытается сохранить нынешний режим Мубарака, Вашингтон, фактически, дирижирует египетским, а также другими региональными изменениями режимов от Сирии до Йемена, Иордании и так далее в процессе, который некоторые называют как «творческое разрушение».

Шаблон для таких тайных изменений режима в течение десятилетий разрабатывался в Пентагоне, учреждениях американской разведки и различных научно-исследовательских институтах, таких как корпорация RAND, начиная с мая 1968 года и дестабилизации правления де Голля во Франции. Впервые с того момента, как около двадцати лет назад начались поддерживаемые США смены режима в странах Восточной Европы, Вашингтон запустил несколько одновременных операций во многих странах региона. Эта стратегия родилась от определенного отчаяния и воплощается не без значительного риска для Пентагона и долгосрочной повестки дня Уолл-Стрит. До сих пор неясно, что она принесет для народов региона и мира.

Хотя окончательный результат яростных уличных протестов в Каире и по всему Египту и исламскому миру остается неясным, в общих чертах тайная стратегия США уже очевидна.

Никто не может оспаривать подлинных причин, почему миллионы людей выходят на улицы, рискуя жизнью. Никто не может оправдывать зверств режима Мубарака, его практики пыток и

подавления инакомыслия. Никто не может оспаривать взрывной рост цен на продовольствие, поскольку товарные спекулянты в Чикаго и на Уолл-Стрит, а также преобразование американских сельхозугодий в сумасшедшее возделывание кукурузы для производства топливного этанола взметнули цены на зерно под самый потолок. Египет является крупнейшим в мире импортером пшеницы, по большей части из США. Чикагские фьючерсы на пшеницу выросли на ошеломляющие 74% за период между июнем и ноябрем 2010 года, что привело к инфляции цен на продукты питания в Египте примерно на 30%, несмотря на государственные субсидии.

Широко игнорируется CNN, BBC и другими западными СМИ в череде событий в Египте тот факт, что независимо от эксцессов внутри страны, Мубарак представлялся основным препятствием для общей программы США в регионе.

Не будет преувеличением сказать, что отношения между Обамой и Мубараком были холодными с самого начала. Мубарак был решительно против политики Обамы в отношении Ирана и его деятельности по борьбе с иранской ядерной программой, против политики Обамы в Персидском заливе, Сирии и Ливане, а также в отношении палестинцев[1]. Он был неприятной занозой для общей программы Вашингтона в отношении всего региона, вашингтонского проекта Большого Ближнего Востока, в последнее время замененного на более мягко звучащий термин «Новый Ближний Восток».

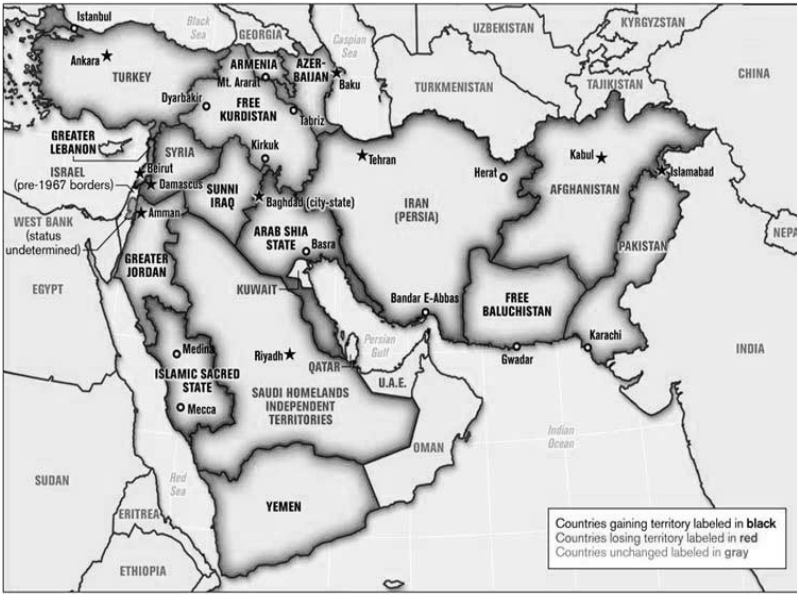
Как реальны факторы, ставшие причиной выхода на улицы миллионов людей по всей Северной Африке и на Ближнем Востоке, так нельзя игнорировать тот факт, что именно Вашингтон выбирает момент и способ, пытаясь сформировать окончательный результат всеобъемлющего изменения режимов и дестабилизации во всем исламском мире. В день удивительно хорошо скоординированной народной демонстрации с требованием к Мубараку уйти в отставку, ключевые члены египетского военного командования в том числе начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Сами Хафез Энан находились в

[1] DEBKA, Mubarak believes a US-backed Egyptian military faction plotted his ouster, February 4, 2011, accessed in www.debka.com/weekly/480/. DEBKA is open about its good ties to Israeli intelligence and security agencies. While its writings must be read with that in mind, certain reports they publish often contain interesting leads for further investigation.

Вашингтоне в качестве гостей Пентагона. Это удобно нейтрализовало решающие силы армии, чтобы остановить растущие протесты против Мубарака в критически важные первые дни[1].

Эта стратегия была в различных файлах Государственного департамента и Пентагона, по крайней мере, уже 10 лет или дольше. После того, как в 2001 году Джордж Буш объявил войну с террором, эта стратегия называлась проектом Большого Ближнего Востока.

Сегодня он известен под менее угрожающим именем «Новый Ближний Восток». Речь идет о стратегии, направленной на взлом государств региона от Марокко до Афганистана, региона, определенном другом Дэвида Рокфеллера Сэмюэлем Хантингтоном в его печально известном эссе «Столкновение цивилизаций» в журнале Foreign Affairs.



Карта Нового Ближнего Востока

[1] DEBKA, Mubarak believes a US-backed Egyptian military faction plotted his ouster, February 4, 2011, accessed in www.debka.com/weekly/480/. DEBKA is open about its good ties to Israeli intelligence and security agencies. While its writings must be read with that in mind, certain reports they publish often contain interesting leads for further investigation.

Подъем Египта?

Текущий сценарий Пентагона для Египта читается как голливудский сценарий Сесила Б. Демилля, только это сценарий с действующими лицами из миллионов Twitter-подкованной, хорошо подготовленной молодежи, сети оперативников «Братьев мусульман», работающих с обученными американцами военными. В главной роли нового кино на данный момент является никто иной, как лауреат Нобелевской премии мира который вовремя появляется, чтобы стянуть все линии противостояния старому режиму в то, что выглядит как плавный переход к новому Египту в ходе самопровозглашенной либерально-демократической революции.

Предварительно полезно рассмотреть декорации, на фоне которых разворачивается действие, прежде чем смотреть на то, чем долгосрочный стратегический план может обернуться для исламского мира от Северной Африки до Персидского залива и в конечном счете для исламского населения Средней Азии у границ Китая и России.

Мягкие революции Вашингтона

Протесты, которые привели к внезапной отставке всего египетского правительства президента Мубарака, произошли сразу после панического бегства тунисского президента Бен Али в Саудовскую Аравию и вовсе не были «спонтанными», как рисуют их Белый дом Обамы, Госдеп Хилари Клинтон или CNN, BBC и другие основные средства массовой информации на Западе.

Они организуются в украинском стиле высокотехнологичных электронных средств с большими интернет-сетями молодежи, связанными с Мохаммедом эль-Барадеи и с запрещенной и покрытой таинственным мраком сектой «Братья-мусульмане», чья связь с британской и американской разведкой и масонством широко освещалась[1].

На данный момент движение против Мубарака выглядит отнюдь не как угроза для американского влияния в регионе, скорее наоборот.

[1] he Center for Grassroots Oversight, 1954-1970: CIA and the Muslim Brotherhood ally to oppose Egyptian President Nasser, www.historycommons.org/context.jsp?item=western_support_for_islamic_militancy_202700&scale=0. According to the late Miles Copeland, a CIA official stationed in Egypt during the Nasser era, the CIA allied with the Muslim Brotherhood which was opposed to Nassers secular regime as well as his nationalist opposition to brotherhood pan-Islamic ideology

В нем есть все признаки других поддержанных США операций по смене режима по модели 2003 - 2004 гг. «цветных» революций в Грузии, Украине и не удавшейся «зеленой» революции против Ахмадинежада в Иране в 2009 году.

Призыв к египетской всеобщей забастовке и Дню гнева 25 января 2011 г., который вызвал массовые акции протеста с требованием отставки Мубарака, был сделан организацией, базирующейся в Facebook и называющей себя «Движение 6 апреля». Протесты были столь существенными и хорошо организованными, что вынудили Мубарака отправить свой кабинет в отставку и назначить нового вице-президента, генерала Омара Сулеймана, бывшего министра разведки.

«Движение 6 апреля» возглавляет некто Ахмед Махер Ибрагим, 29-летний инженер-строитель, который создал страницу в Facebook для поддержки призыва рабочих к забастовке 6 апреля 2008 года.

По подсчетам New York Times, с 2009 года около 800000 египтян, большинство из них молодежь, уже тогда были пользователями Facebook или Twitter. В интервью вашингтонскому Фонду Карнеги, глава «Движения 6 апреля» Махер заявил: «Будучи первым молодежным движением в Египте, использующим связь через сеть Интернет, например через Twitter, мы стремимся содействовать демократии путем поощрения участия общественности в политическом процессе»[1].

Махер тогда же заявил, что его «Движение 6 апреля» поддерживается бывшим главой Агентства ООН по атомной энергетике (МАГАТЭ), и провозгласил кандидатом в президенты Египта эль-Барадеи и его коалицию Национальная ассоциация по изменению климата (NAC). Последняя включает в себя среди прочих Джорджа Исхака, лидера движения «Кефайя» (Движение за перемены в Египте) и Мухаммеда Саада Эль-Кататни, президента парламентского блока из одиозных ихванов (братьев) или «Братьев-мусульман»[2].

Сегодня «Кефайя» стоит в центре разворачивающихся в Египте событий. Неподалеку на заднем плане просматриваются более сдержанные «Братья-мусульмане».

Эль-Барадеи на данный момент проектируется как центральная фигура в будущих египетских парламентских демократических переменах. Любопытно, что хотя последние тридцать лет он не жил

[1] *Jijo Jacob*, What is Egypts April 6 Movement?, February 1, 2011, accessed in http://www.ibtimes.coms/107387/20110201/what-is-egypt-s-april-6-movement.htm

[2] *Jijo Jacob*, What is Egypts April 6 Movement?, February 1, 2011, accessed in http://www.ibtimes.coms/107387/20110201/what-is-egypt-s-april-6-movement.htm

в Египте, он обладает поддержкой всего мыслимого египетского политического спектра от коммунистов до «Братьев-мусульман», «Кефайи» и молодых активистов «Движения 6 апреля»[1]. Судя по спокойному поведению эль-Барадеи в интервью CNN в эти дни, вероятно, он также имеет поддержку ведущих египетских генералов, по каким-либо причинам оппозиционных правлению Мубарака, а также поддержку некоторых очень влиятельных лиц в Вашингтоне.

Ненасильственная война «Кефайя»-Пентагон

«Кефайя» стоит в самом центре мобилизации египетских демонстраций протеста, которые поддерживают кандидатуру эль-Барадеи. Слово «Кефайя» переводится как «Хватит!».

Любопытно, что планировщики вашингтонского Национального фонда в поддержку демократии (НФД)[2] и связанных с цветными революциями НПО, видимо, не смогли придумать нового броского названия для своей египетской цветной революции. В ноябре 2003 года для «революции роз» в Грузии, финансируемые США НПО выбрали броское слово «Кмара!», для обозначения молодежного движения, направленного на смену режима. «Кмара» на грузинском языке также означает «Хватит!»

Как и «Кефайя», «Кмара» в Грузии была также обучена финансируемыми из Вашингтона тренерами из НФД и других групп, таких как Институт Альберта Эйнштейна Джина Шарпа, которые используют так называемый «отказ от насилия как метод ведения войны»[3].

Различных молодежные сети в Грузии, как и «Кефайя» были тщательно подготовлены как свободная, децентрализованная сеть ячеек, намеренно избегая центральной организации, которая может быть разгромлена, что привело бы движение к краху. Обучение активистов методам ненасильственного сопротивления проводилось в спортивных объектах, что придавало ему безобидный вид. Активисты также проходили подготовку в области политического маркетинга, отношений со СМИ, мобилизации и навыках рекрутирования.

[1] *Janine Zacharia*, Opposition groups rally around Mohamed ElBaradei, Washington Post, January 31, 2011, accessed in http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/2011/01/31/AR2011013103470_2.html?sid=ST2011013003319.

[2] National Endowment for Democracy, Middle East and North Africa Program Highlights 2009, accessed in http://www.ned.org/where-we-work/middle-east-and-northern-africa/middle-east-and-north-africa-highlights.

[3] *Amitabh Pal*, Gene Sharp: The Progressive Interview, The Progressive, March 1, 2007.

Официальное название «Кефайи» - «Египетское движение за перемены». Оно было основано в 2004 году египетской интеллигенцией в доме Абул-Ала Абу-Мади, лидера партии «аль-Васат», созданной, по некоторым сообщениям, «Братьями-мусульманами»[1]. «Кефайя» была создана как коалиционное движение, объединенное только призывом положить конец правлению Мубарака.

«Кефайя» в рамках аморфного «Движения 6 апреля» на раннем этапе набирала очки в новых социальных медиа и цифровых технологиях в качестве основного средства мобилизации. В частности, умело и очень профессионально использовались политические блоги, размещение нецензурированных роликов и фотографий на YouTube. На митинге уже в далеком декабре 2009 года «Кефайя» объявила поддержку кандидатуры Мухаммед аль-Барадее на египетских выборах в 2011 году[2].

RAND и «Кефайя»

RAND Corporation провела детальное изучение «Кефайя». Это исследование RAND как отмечает сама корпорация, было «организовано Министерством обороны, Генштабом, Объединенными боевыми командованиями, Военно-морским флотом, морской пехотой, оборонными агентствами и оборонным разведывательным сообществом»[3].

Вряд ли можно еще найти более прекрасный букет демократически ориентированных дам и господ.

В своем докладе Пентагону за 2008 год исследователи RAND отметили следующее по отношению к египетской «Кефайя»: «Соединенные Штаты исповедуют интерес к большей демократизации в арабском мире, особенно после атак в сентябре 2001 года террористов из Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта и Ливана. Этот интерес был частью усилий по сокращению дестабилизирующего политического насилия и терроризма. Как отметил президент Джордж Буш в 2003 году в обращении к Национальному фонду

[1] *Emmanuel Sivan*, Why Radical Muslims Arent Taking over Governments, Middle East Quarterly, December 1997, pp. 3-9.

[2] *Carnegie Endowment*, The Egyptian Movement for Change (Kifaya), accessed in http://egyptelections.carnegieendowment.org/2010/09/22/the-egyptian-movement-for-change-kifaya

[3] *Nadia Oweidat,* et al, The Kefaya Movement: A Case Study of a Grassroots Reform Initiative, Prepared for the Office of the Secretary of Defense, Santa Monica, Ca., RAND_778.pdf, 2008, p. iv.

в поддержку демократии, «до тех пор, пока Ближний Восток остается местом, где свобода не процветает, он будет оставаться местом стагнации, недовольства и насилия, готовых для экспорта». Соединенные Штаты использовали различные средства, чтобы провести демократизацию, в том числе военное вмешательство, которое, хотя и началось по другим причинам, имело в качестве одной из конечных целей установление демократического правительства.

Однако, движения коренных народов за реформы является наилучшей возможностью для продвижения по пути демократии в собственной стране»[1].

Исследователи RAND потратили годы на доводку нетрадиционных методов изменения режима под названием «роение», метод развертывания массовой толпы связанной средствами цифровой связи молодежи во внезапные и короткие акции протеста, подобно поведению роя пчел[2].

Вашингтон и та свора НПО, проповедующих «права человека», «демократию» и «ненасилие», за которой он присматривает в течение последнего десятилетия, все в большей степени полагаются на изощренные «спонтанные», подпитываемые локальным недовольством протестные движения, чтобы создавать провашингтонские смены режима и продвигать пентагоновскую глобальную программу полного спектра доминирования. Как утверждает в своих заключительных рекомендациях для Пентагона исследование RAND о «Кефайя»: «Правительство США уже поддерживает реформы через такие организации, как Агентство США по международному развитию и Программа развития ООН. Учитывая нынешнее негативное отношение населения региона к Соединенным Штатам, поддержку американских инициатив по реформе лучше всего проводить через неправительственные и некоммерческие организации»[3].

Исследование RAND 2008 года было даже еще более конкретно о будущей поддержке правительством США египетских и других «реформистских» движений: «Правительство США должно поощрять неправительственные организации к тому, чтобы предлагать обучение как быть реформаторами, в том числе [давать] руководство по

[1] Ibid.

[2] For a more detailed discussion of the RAND «swarming» techniques see F. William Engdahl, Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order, edition.engdahl, 2009, pp. 34-41.

[3] *Nadia Oweidat* et al, op. cit., p. 48.

созданию коалиции и как бороться с внутренними разногласиями в стремлении к демократическим реформам. Академические институты (или даже неправительственные организации, связанных с США политических партий, таких как Международный республиканский Институт или Национальный демократический институт международных отношений) могут осуществлять такую подготовку, которая бы обеспечила лидеров реформ средствами по урегулированию своих разногласий мирным и демократическим путем. <...> В-четвертых, Соединенные Штаты должны помочь реформаторам получить и использовать информационные технологии, возможно, предлагая стимулы для американских компаний инвестировать в области инфраструктуры связи и информационных технологий. Американские информационные технологические компании могли бы также способствовать тому, чтобы веб-сайты реформаторов продолжали устойчиво работать, и инвестировать в такие технологии, как анонимайзеры, которые могли бы обеспечить некоторое укрытие от внимания правительства. Это также может быть достигнуто путем использования технологических средств обеспечения безопасности, чтобы предотвратить саботаж веб-сайтов реформаторов со стороны режимов»[1].

Как утверждают сами авторы, эта монография по «Кефайя» была подготовлена в 2008 году Инициативой альтернативной стратегии Исследовательского отдела национальной безопасности RAND, спонсируемой Управлением технологии быстрого реагирования в канцелярии заместителя министра обороны по закупкам, технологиям и логистике.

Инициатива альтернативной стратегии, чтобы поставить все точки над «i», включает в себя «исследования творческого использования средств массовой информации, радикализации молодежи, вовлечения гражданского населения в предотвращение насилия на религиозной почве, предоставления социальных услуг для мобилизации недовольных секторов коренного населения, и на вершине всего этого — изучение альтернативных движений»[2].

В мае 2009 года незадолго до поездки Обамы в Каир на встречу с Мубараком, Государственный секретарь США Хиллари Клинтон принимала у себя ряд молодых египетских активистов в Вашингтоне под эгидой «Фридом Хаус», еще одной вашингтонской НПО по защите

[1] *Nadia Oweidat* et al, op. cit., p. 48.

[2] Ibid.

«прав человека» с долгой историей участия в сменах режима в Сербии, Грузии, Украине и в других цветных революциях. Клинтон и исполняющий обязанности помощника государственного секретаря по делам Ближнего Востока Джеффри Фелтман встретились с шестнадцатью активистами в конце двухмесячного «общения», организованного в рамках программы «Новое поколение» «Фридом Хаус»[1].

«Фридом Хаус» и вашингтонская, финансируемая правительством НПО, стоящая за сменами режимов — Национальный фонд в поддержку демократии (НФД) стоят в самом центре восстания, которое сейчас захлестывает исламский мир. Они правят географический контекст того, что Джордж Буш провозгласил после 2001 года как свой проект Большого Ближнего Востока, чтобы принести «демократию» и «либеральный свободный рынок» экономических реформ исламским странам от Афганистана до Марокко. Когда Вашингтон говорит о введении «либеральных свободных рыночных реформ», люди должны настораживаться. Это немного больше, чем кодовые слова для привлечения этих стран под иго долларовой системы и всего, что за этим последует.

Вашингтонский НФД в общей программе

Если мы составим список стран региона, которые переживают народные движения протеста с начала тунисских и египетских событий и наложим их на карту, мы обнаружим почти идеальное совпадение протестующих сегодня стран и оригинальной карты вашингтонского Большого Ближнего Востока, которая была впервые представлена Джорджем Бушем-младшим после 2001 года.

Вашингтонский НФД спокойно занимался подготовкой волны дестабилизации режима в Северной Африке и на Ближнем Востоке, начиная с американского военного вторжения в Афганистан и Ирак в 2001-2003 гг. На его сайте в списке Тунис, Египет, Иордания, Кувейт, Ливия, Сирия, Йемен и Судан, а также, что интересно, и Израиль. По случайному совпадению почти во всех этих странах сегодня происходят «спонтанные» народные восстания за смену режима.

Международный республиканский институт и Национальный демократический институт международных дел, упомянутые в иссле-

[1] *Michel Chossudovsky*, The Protest Movement in Egypt: «Dictators» do not Dictate, They Obey Orders, January 29, 2011, accessed in http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=22993

довании RAND о «Кефайя», являются вспомогательными организациями базирующегося в Вашингтоне и финансируемого Конгрессом США НФД.

НФД координирует вашингтонские агентства по дестабилизации и смене режима. Он активно работает от Тибета до Украины, от Венесуэлы до Туниса, от Кувейта до Марокко, изменяя мир после распада Советского Союза и ведя его в Новый мировой порядок, как назвал это Джордж Буш-старший в выступлении в Конгрессе в 1991 году[1].

Как архитектор и первый руководитель НФД Аллен Вайнштейн сообщил Washington Post в 1991 году: «Многое из того, что мы делаем сегодня, 25 лет назад делалось тайно ЦРУ»[2].

Совет директоров НФД включает в себя или включал бывшего министра обороны и замглаву ЦРУ Фрэнка Карлуччи из Carlyle Group, генерала в отставке Уэсли Кларка из НАТО; ястреба-неоконсерватора Залмая Халилзада, который был архитектором афганского вторжения Джорджа Буша и позже послом в Афганистане, а также в оккупированном Ираке. Другой член правления НФД — Вин Вебер, сопредседатель с бывшим госсекретарем США Мадлен Олбрайт крупной независимой целевой группы по политике США в отношении реформы в арабском мире и бывший одним из основателей ультравоинственного мозгового центра «Проект нового американского века « с Диком Чейни и Доном Рамсфелдом, который выступал за принудительную смену режима в Ираке уже в 1998 году[3].

НФД, предположительно, является частным, неправительственным, некоммерческим фондом, но получает ежегодные ассигнования на свою международную деятельность от Конгресса США. Национальный фонд в поддержку демократии зависит от финансирования американских налогоплательщиков, но поскольку НФД — не государственное учреждение, он не подлежит обычному надзору Конгресса.

Деньги НФД направляются в целевые страны через четыре «основных фонда»: Национальный демократический институт международных дел, связанный с Демократической партией,

[1] *George Herbert Walker Bush,* State of the Union Address to Congress, 29 January 1991. In the speech Bush at one point declared in a triumphant air of celebration of the collapse of the Sovoiet Union, «What is at stake is more than one small country, it is a big idea—a new world order...»

[2] *Allen Weinstein,* quoted in David Ignatius, Openness is the Secret to Democracy, Washington Post National Weekly Edition, 30 September 1991, pp. 24-25.

[3] National Endowment for Democracy, Board of Directors, accessed in http://www.ned.org/about/board

Международный республиканский институт, связанный с Республиканской партией, Американский центр международной трудовой солидарности, связанный с Федерацией «Американская федерация труда - Конгресс промышленных профсоюзов» США и с Государственным департаментом США, а также Центр международного частного предпринимательства, связанный с рыночной Торговой палатой США.

Покойный политический аналитик Барбара Конрай отмечала: «НФД воспользовался своим якобы частным статусом, чтобы влиять на зарубежные выборы, деятельность, которая выходит за рамки USAID или USIA и была бы возможной только с помощью секретной операции ЦРУ. Такая деятельность, следует отметить, была бы незаконна для иностранных групп, действующих в Соединенных Штатах»[1].

Примечательно то, что НФД описывает свои различные сегодняшние проекты в исламских странах, в том числе, в дополнение к Египту, - в Тунисе, Йемене, Иордании, Алжире, Марокко, Кувейте, Ливане, Ливии, Сирии, Иране и Афганистане. Короче говоря, почти в каждой стране, которая в настоящее испытывает последствия прокатившейся волны протестов, захлестнувших Ближний Восток и Северную Африку, целевой регион НФД[2].

В 2005 году президент США Джордж Буш выступил с речью в НФД. В длинном и путаном дискурсе, который в качестве нового врага приравнивал «исламский радикализм» к порокам коммунизма и использовал заведомо более мягкий термин «широкий Ближний Восток» вместо Большого Ближнего Востока, что уже вызвало большое возмущение в исламском мире, Буш заявил: «Пятым элементом нашей стратегии в войне с террором является блокировка будущих новобранцев боевиков с помощью замены ненависти и обиды на демократию и надежду во всем Ближнем Востоке. Это трудный и долгосрочный проект, но альтернативы ему нет. Наше будущее и будущее этого региона связаны между собой. Если на Ближнем Востоке будет разрастаться горечь, если страны останутся в нищете, в то время как радикалы будут раздувать обиды миллионов, то эта часть мира будет

[1] *Barbara Conry, Loose Cannon*: The National Endowment for Democracy, Cato Foreign Policy Briefing No. 27, November 8, 1993, accessed in http://www.cato.org/pubs/fpbriefs/fpb-027.html.

[2] National Endowment for Democracy, 2009 Annual Report, Middle East and North Africa, accessed in http://www.ned.org/publications/annual-reports/2009-annual-report.

источником бесконечных конфликтов и растущей опасности и для нашего поколения, и для следующего. Если народам этого региона позволить право выбирать свою собственную судьбу и продвигать ее их собственной энергией и их участием в качестве свободных мужчин и женщин, то экстремисты будет маргиналами, и поток насильственного радикализма в остальном мире замедлится и, в конечном итоге, закончится ... Обнадеживать наших друзей на Ближнем Востоке, включая Египет и Саудовскую Аравию вставать на путь реформ, в укреплении их собственного общества в борьбе с терроризмом на основе уважения прав человека и выбора своего собственного народа. Стоять с диссидентами и ссыльными против деспотических режимов, потому что мы знаем, что сегодняшние диссиденты завтра будет демократическими лидерами...»[1].

Американский проект для Большого Ближнего Востока

Распространение операций Вашингтона по смене режима от Туниса до Судана, от Йемена до Египта и Сирии лучше всего рассматривать в контексте давней стратегии Пентагона и Государственного департамента для всего исламского мира от Кабула в Афганистане до Рабата в Марокко.

Грубые контуры стратегии Вашингтона, частично основанной на их успешных операциях смены режима в странах бывшего Варшавского договора коммунистического блока Восточной Европы, были обрисованы бывшим консультантом Пентагона неоконсерватором Ричардом Перлом, а также чиновником Буша Дугласом Фейтом в рекомендательном документе, составленном в 1996 году для пришедшей к власти израильской партии «Ликуд» Биньямина Нетаньяху.

Эта политическая рекомендация была названа «Полный разрыв: Новая стратегия для удержания царства» (A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm). Это был первый документ вашингтонского мозгового центра, открыто призывающий к свержению Саддама Хусейна в Ираке, к агрессивной военной позиции по отношению к палестинцам, к удару по Сирии и сирийским целям в Ливане[2]. Как

[1] *George W. Bush,* Speech at the National Endowment for Democracy, Washington, DC, October 6, 2005, accessed in http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/10.06.05.html.

[2] *Richard Perle*, Douglas Feith et al, A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm, 1996, Washington and Tel Aviv, The Institute for Advanced Strategic and Political Studies, accessed in www.iasps.org/strat1.htm

сообщалось, правительство Нетаньяху в то время положило доклад Перла-Фейта под сукно как слишком рискованный.

К моменту событий 11 сентября 2001 года и возврату в Вашингтон ястребов неоконсерваторов вокруг Перла и других, администрация Буша-младшего установила наивысший приоритет для расширенной версии доклада Перла-Фейта, назвав этот план своим Проектом Большого Ближнего Востока. Фейт был назначен Бушем на пост заместителя министра обороны.

За фасадом возгласов о демократических реформах для автократических режимов на территории всего региона Большой Ближний Восток был и есть план по расширению американского военного контроля и взлому государственных экономик всего ряда государств от Марокко до границ Китая и России.

В мае 2003 года, не успела осесть пыль от американских бомбардировок Багдада, как великий друг демократии президент Джордж Буш объявил политику «распространения демократии» на весь регион и явно отметил, что это означает «установление области свободной торговли США-Ближний Восток в течение десятилетия»[1].

Перед саммитом G8 в Си-Айленде, Джорджия, в июне 2004 года, Вашингтон выпустил рабочий документ «Партнерство G8 и Большого Ближнего Востока». В разделе под названием «Экономические возможности» содержался драматический призыв Вашингтона к «экономическим преобразованиям, аналогичным по величине тем, которые были предприняты в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы».

Этот американский документ заявлял, что ключом к этому будет укрепление частного сектора как путь к процветанию и демократии. Он заведомо ложно утверждал, что это будет сделано с помощью чуда микрофинансирования, при котором, как гласилось, «всего за 100 млн. долларов в год в течение пяти лет из нищеты поднимутся 1200 тысяч предпринимателей (750 000 из них женщины) с помощью 400 долларов кредита каждому»[2].

План США предусматривал передачу региональных банковских и финансовых дел в новые институты, якобы международные, но, как Всемирный банк и МВФ, де-факто контролируемые Вашингтоном, включая сюда и ВТО. Цель этого долгосрочного проекта Вашингтона

[1] *George W. Bush*, Remarks by the President in Commencement Address at the University of South Carolina, White House, 9 May 2003.

[2] *Gilbert Achcar*, Fantasy of a Region that Doesnt Exist: Greater Middle East, the US plan, Le Monde Diplomatique, April 4, 2004, accessed in http://mondediplo.com/2004/04/04world

состояла в том, чтобы полностью контролировать потоки доходов от продажи нефти, а также все страны региона, от Марокко до границ Китая. Это проект столь же нагл, сколь и безнадежен.

После того, как этот документ просочился в 2004 году в арабскую газету «Аль-Хайят», по всему региону началось широкое противодействие (в основном протест вызывало определение американского Большого Ближнего Востока). Как отмечалось во французской Le Monde Diplomatique в апреле 2004 года, «помимо арабских стран, этот план покрывает Афганистан, Иран, Пакистан, Турцию и Израиль, чей единственный общий знаменатель только в том, что они лежат в зоне, где враждебность к США является самой сильной, и в которой исламский фундаментализм в его антизападной форме является самым распространенным»[1]. Стоит отметить, что НФД с рядом программ также весьма активен внутри Израиля.

Примечательно, что в 2004 году имела место неистовая оппозиция проекту двух ближневосточных лидеров — Хосни Мубарака (Египет) и короля Саудовской Аравии — которая вынудила идеологических фанатиков администрации Буша-младшего временно сместить Проект для Большего Ближнего Востока на второй план.

Сработает?

На момент завершения этой статьи пока неясно, какой будет окончательный результат последних возглавляемых США дестабилизаций в исламском мире. Не ясно, каков будет результат для Вашингтона и защитников Нового мирового порядка, в котором будет доминировать США. Их очевидная повестка дня — создание Большего Ближнего Востока под устойчивой американской властью, которая держит в своих руках основной контроль будущих движений капитала и будущих энергетических потоков Китая, России и Европейского союза. Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры.

Также развитие событий имеет огромное потенциальное значение для будущего Израиля. Как выразился один американский комментатор: «Израильский расчет сегодня состоит в том, что если Мубарак уйдет (это обычно говорится как «если Америка позволит Мубараку уйти»), уйдет Египет. Если Тунис уйдет (в той же формулировке), Ма-

[1] *Gilbert Achcar*, Fantasy of a Region that Doesnt Exist: Greater Middle East, the US plan, Le Monde Diplomatique, April 4, 2004, accessed in http://mondediplo.com/2004/04/04world

рокко и Алжир уйдут. Турция уже ушла (в чем виноваты только сами израильтяне). Сирии не стало (частично потому, что Израиль хотел отключить ее от доступа к водам Галилейского моря). Сектор Газа перешел в руки ХАМАС, а палестинские власти могут скоро тоже уйти (к ХАМАС?). Это оставляет Израиль среди руин политики военного доминирования в регионе»[1].

Вашингтонская стратегия «творческого разрушения» явно вызывает бессонные ночи не только в исламском мире, но, также, по слухам, в Тель-Авиве и, в конечном счете, в Пекине, Москве и во всей Средней Азии.

[1] *William Pfaff,* American-Israel Policy Tested by Arab Uprisings, accessed in http://www.truthdig.com/report/item/american-israeli_policy_tested_by_arab_uprisings_20110201/

Али Мухиэддин

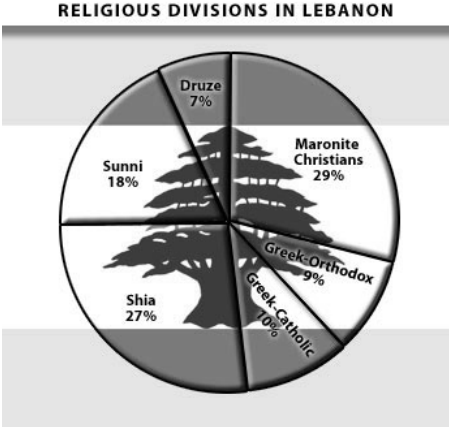
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУСУЛЬМАН ЛИВАНА

Ислам представляет собой не просто религиозное учение, но религиозную идеологию, претендующую на тотальное управление жизнедеятельностью общества. По сравнению с христианством или зороастризмом, ислам значительно больше уделил внимания не космогонической мифологической системе, но этико-моральным вопросам. То, что составляет «сакральную мифологию» и космогонические представления исламской доктрины во многом формировалось под влиянием иудейской мифологической системы так, как она могла быть понята аравийским сознанием, далеким от христианских таинств и обрядов Византии. Это способствовало формированию исламской доктрины как этико-социального кодекса, основанного на букве законодательства — священного Писания Корана, воспринимаемого как «божественное право».

Для мусульманина все, что написано в Коране, представляет собой неоспоримую истину, не подлежащую обсуждению и не признающую никакого сомнения. Пророк Мухаммад признается единственным пророком своего времени, после которого не может быть пророков. Доказательством того, что Мухаммад является истинным пророком, являются слова Корана, переданные, согласно утверждению самого пророка, архангелом Гавриилом, озвучившим слова Аллаха в священный месяц Рамадан. Доказательством того, что Гавриил передал Мухаммаду откровение являются слова пророка и слова Аллаха, озвученные пророком. Свидетельством и неоспоримым доказательством того, что Коран является истинным словом Аллаха, является магическая красота слова и поэтичность текста. При этом, сам текст написан в стиле, известном как «саджа», и представляющим

собой рифмованную прозу, широкую используемую при написании апокрифических священных текстов и гностических сакральных писаний на всем Аравийском полуострове.

Известно, что в раннюю эпоху появления ислама при пророке велась активная борьба против «поэтов-жрецов», претендовавших на сакральную поэзию своих текстов, которые уничтожались ревностными сподвижниками пророка как «лжепророчества», угрожающие исламу. Известно о существовании многих исторических личностей, современников Мухаммада, провозглашавших себя пророками, как известный Сулайма, получивший прозвище «Каззаб», что означает «лжец».



В эпоху, предшествующую возникновению ислама, на Аравийском полуострове существовало множество религиозных сект, бежавших или по каким-либо обстоятельствам эмигрировавших из Византии и Персии, и оказавших влияние на настроения и религиозные воззрения жителей полуострова. Одной из подобных религиозных общин была иудео-христианская секта «ханифов», к которой принадлежал двоюродный брат жены пророка Варака Ибн Науфаль. Слово «ханиф» в значении носителя «истинной веры» появляется в Коране в отношении Ибрагима (Авраама), который согласно Писанию, не ни иудеем, ни христианином, но «ханифом мусульманином». Образ Авраама занимает особое положение в исламском учении, он выступает в роли праотца арабов и иудеев, построившим Каабу со своим сыном Исмаилом как первый храм Аллаху.

На Аравийском полуострове существовали различные христианские секты, бежавшие из-за преследований официальных властей после Халкидонского собора. Были представлены и ариане, которые могли оказать влияние на формирование образа Христа в исламе, где отрицается факт распятия Иисуса (вместо него по Корану был распять похожий человек) и его воскрешения.

Некоторое влияние на процесс становления ислама могли оказать и многочисленные персидские зороастрийские общины, населявшие южную часть полуострова. Так, в исламе присутствует пятикратная молитва, как и в зороастризме. Традиции южных арабов также могли повлиять на становление доктрины. К примеру, южные арабы совершали пожертвование в размере одной десятой от прибыли верховному Богу, принося в храму, тогда как исламе верующий совершает «закят», жертвуя 1/10 прибыли мусульманской общине.

Пять столпов исламской доктрины способствовали формированию общеарабской семитской нации на основе арабоязычного священного Писания — Корана. Пять столпов ислама: клятва или «шахада», паломничество в Мекку, пожертвование или закят, молитва, пост в месяц Рамадан.

Шахада представляет собой юридическую клятву, произносимую при вступлении человека в исламскую общину. В переводе она гласит следующим образом: «Нет бога кроме Аллаха, а Мухаммад — пророк Его». Можно найти сходство с надписями, относящимися к ранней эпохи становления христианской религии в Римской империи, о личности Юлиана Отступника и гласящими: «Бог лишь один, и Юлиан — пророк его»[1]. Сравнительный анализ позволяет предполагать, что подобная формула единства Бога и пророка была в лексическом обиходе гностических и религиозных сект накануне появления ислама.

Храм Кааба в Мекке, кубического строения, с появлением и утверждением ислама становится местом паломничества мусульман. Во время паломничества в священные города Мекку и Медину, исполняя один из основных столпов ислама, мусульманин при входе в храм совершает обряд семикратного обхождения здания кубической мечети. Данный ритуал похож на процесс восхождения вавилонских жрецов к святилищу Зигкурата, располагавшемуся на верхнем этаже постройки из семи кубических этажей. Исламская традиция генеалогически возводит строительство Каабы к своему праотцу Ибрагиму (Аврааму), по библейской традиции ведущий свой род из древнехалдейского города Ур.

Священнослужителями и хранители Каабы, святыни северо-арабских племен в доисламскую эпоху, были представители рода бани Хашим из племени Курайш. Этот род считался известным и именитым, но обедневшим, несмотря на почетный статус ведения богослужения. Дед пророка Мухаммада был одним из хранителей арабской святыни.

[1] *Шпенглер О.* Закат Европы, т. II, Москва, 2004, с. 209.

При введении столпа об обязательном совершении «закят» или пожертвования в пользу мусульманской общины, основным храмом которой стала Кааба, в распоряжении пророка оказался «общинный банк», позволяющий укрепить каноны религии в обществе. Борьба с процентщиками сделало ислам весьма популярным среди простых слоев населения, страдающих от процентных займов, что способствовало признанию «закят», как формы пожертвования, лучшим методом борьбы с засильем процентщиков.

Особую роль в формировании мировосприятия членов мусульманской общины играет молитва: коллективная пятничная молитва и ежедневная пятикратная молитва. Коллективная молитва способствует формированию единого коллективного настроя и общинного духа. К тому же она способствует формированию у членов общины единых образов картины мира, способствуя формированию единой мифологической картины, коллективные образы и шаблоны восприятия.

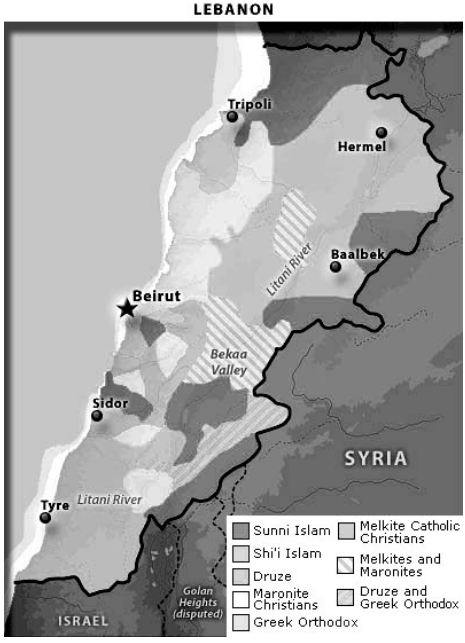
Значительную роль в формировании коранических образов играет арабский язык священного Писания. Поэтический рифмованный слог текста откровения на арабском языке не передаваем при переводе на другие языки, что могло послужить причиной запрета на перевод стихов Корана на другие языки при совершении намаза — молитвы. Арабский язык Корана способствовал возникновению и развитию классического арабского языка, объединившего различные семитские диалекты аравийских племен.

Появление единого языка у семитских племен способствовало формированию арабского макроэтноса в центре новой исламской нации — уммы. Основателем исламской нации, уммы, стал пророк Мухаммад при помощи своих ближайших сподвижников — «ансаров». Среди ближайших сподвижников были праведные халифы: Абу Бакр, Омар, Осман и имам Али (двоюродный брат пророка и муж его дочери Фатимы). Мухаммад, как основатель уммы и пророк, занимает почетное место в картине мира членов общины как лидера общины и безгрешного образца исполнения предписаний Аллаха. Его авторитет наряду с Кораном настолько силен, что в равной степени со священным Писанием способствовал созданию этических норм и представлений на основе сборника «хадисов» — изречений пророка и рассказов о нем.

Языком Корана и молитвы является арабский, что создает основу для возникновения общесемитского арабского самосознания у аравийских племен. Молитва имеет значительное воздействие, когда она

произносится на родном языке, воспроизводящем архетипические образы. Коллективная молитва на одном языке способствовала возникновению единой исламской общности. Ведь язык зачастую лежит в основе формирования этнической и национальной идентичности.

Ислам, претендовавший на роль общесемитской религиозно-политической доктрины вскоре после своего появления завоевал обширные территории. Базисом ислама, после смерти пророка стал Коран, представляющий собой сборник отдельных несвязанных между собой главами, именуемые «суры». Если «Откровение» Иоанна, претендующее на сакральность и Божественное происхождение, имеет единый мифологический сюжет, заставляющий читателя переживать миф о победе Света над Тьмой, то в Коране нет единой сюжетной линии, а периодическую хаотическую череду образов можно сравнить с разрозненными чувственными образами, вводящими человеческую психику в замешательство и смятение. Сура «Поэты» или по-арабски «Шуара» вносит некую ясность в то, что представляет собой Писание. «Шаир» переводится на русский как «поэт», но это еще обозначение и человека с развитым чувственным восприятием, способным чувствовать духовный мир и воспроизводить чувственные образы в виде поэтического текста. В Коране пророки, предшествующие, Мухаммаду, именуются поэтами («чувствующими»), и сам пророк выступает в образе поэта, которому был явлен Коран на арабском языке.



Священный текст переполнен угрозами по отношению к неверным и нарушающим законы ислама. Люди погружаются в состояние коллективного сновидения, получая умиротворение от соблюдения

предписаний, и погруженных в состояние страха перед Аллахом. Буквальное понимание текста обусловлено самим смыслом и его контекстом, представляя систему этико-моральных канонов, представленных в виде заповедей и слов самого Всевышнего. Понимание рая получает физическую плотскую окраску, представляя собой сублимированные желания: вино, гурии, мальчики. Сознание мусульманина полностью контролируется текстом Корана, вселяющим жуткий страх в сердца верующих.

Этот страх компенсируется формированием мифологического образа правоверного мусульманина, соблюдающего все каноны и получающий за это награду — жизнь в раю, где доступно исполнение физических плотских желаний. Такое представление идет в разрез в христианским учением о воскрешении, и живописно описанным Небесным Иерусалимом в «Откровении Иоанна», где наградой за веру является обретение Света.

Текст Корана переполнен использованием букв в их каббалистическом и магическом значении. Исламские богословы, не понимающие и не знающие ничего, что выходит за рамки собственно сложившейся исламской традиции, все больше гипнотизируют сознание людей, вселяя в них трепет перед буквой Корана, так сами и не выбравшись из своего невежества. Они гадают о тайном значении сакральных букв «алеф-лям-мим», представляя их в качестве аргумента Божественного происхождения текста, вместо того, чтобы обратиться к иудейской традиции магического применения букв и наконец расшифровать их. Но для них даже не мыслим такой вариант, поскольку Коран — это «вечная книга Аллаха», а ее значение доступно только Творцу.

Мусульманин, выросший в обществе, где регулярно культивируется чувство страха, находит компенсацию в том же тексте Корана, который вместе со страхом культивирует в его сознании чувство собственного превосходства, представления о том, что все вокруг стоят на низшей ступени духовного развития по сравнению с ним, потому что у него есть Священное Писание, единственно истинное. Несмотря на внешнее признание христианства и иудаизма, мусульманин рассматривает их носителей как людей более низшего сорта, что культивируется и Кораном, и хадисами, и повседневной практикой. Здесь мы видим процесс компенсации чувства страха, заложенного в подсознании мусульманина, чувством собственного превосходства.

В свою очередь бурный рост науки и арабской культуры, который приписывают исламу, в действительности имеет несколько другие корни. В эпоху праведных халифов был запрет на все, что может отвлечь мусульманина от ислама. Была запрещена поэзия, науки рассматривались как продукты языческой культуры. Мусульмане обычно апеллируют к хадису пророка, в котором говорит: «Просите знания, даже в Китае». Однако в реальности ислам, внедрением в коллективное сознание переживания страха, привел к резкому ограничению творческого потенциала человека, установив правление «духовной тирании» догматического текста.

Бурный рост науки и культуры был связан с завоеванием народов, носителей высоких культурных ценностей, побудивших закрепощенное сознание к творческой деятельности. К тому же следует учитывать тот факт, что многие ученые, такие как Ибн Сина, ат-Табари, Омар Хайям и многие другие были не арабского происхождения, так что устрашающие архетпические образы Корана на них не производили устрашающего эффекта. Соприкосновение с культурой и творчеством завоеванных народов способствовали раскрепощению арабского сознания и возрождению творческого потенциала, подавляемого религиозным страхом. Взаимодействие различных народов в едином творческом процессе и синтез новой культуры привели к попыткам пересмотреть исламское учение и преодолеть культивируемый страх. Соприкосновение с христианством и зороастризмом породили плеяду исламских мистиков, пытающихся преодолеть страх через любовь к Богу. Распятие суфийского мистика аль-Халладжа, громко провозглашающим «Я есть Истина», явилось ярким свидетельством того, что внутри мусульманской общины появилось течение, исповедующее принцип манифестации выше догматического текста.

Появление мистических и эзотерических течений внутри ислама не смогло пробудить общину от коллективного «религиозного сновидения», но вызвало волну нетерпимости и роста салафитского течения, легко управляющего массовым сознанием путем пропаганды страха.

Манифестационизм и «эзотерический ислам» стал распространяться в суфийских орденах и братствах, совместив табуированные догмы ислама с духовными потребностями. Когда произошел раскол мусульманской общины на сторонников имама Али и сторонников

Абу Бакра, партия, поддержавшая Али, и сам имам столкнулись с тем, что текст может не совпадать со словами пророка. В решении вопроса о том, кто возглавит умму после пророка, имам Али сослался на слова пророка, произнесенные, но не записанные. В свою очередь противники его привели текст о «шуре», согласно которому община сама выбирает себе правителя. Али же следовал устоявшейся традиции, согласно которой бани Хашим являются хранителями Каабы, и примеру самого пророка, создавшего теократическую форму управления уммой. К тому же сыновья Али, Хасан и Хусейн, были внуками пророка и прямыми наследниками его власти.

Шиитская традиция утверждает, что пророк лично сказал Али, что от его потомства будет 12 имамов, последним из которых будет Махди, воплощение самого пророка и Спаситель исламской уммы. Письменных доказательств этому нет, но и пренебрегать этим тоже не стоит, т.к. во многих учениях сакральное тайное знание передавалось устно, тогда, как экзотерическое имело письменное выражение. Так, например, северный буддизм в обосновании своего эзотерического учения ссылается на устную традицию передачи учения Будды.

Раскол уммы привел к образованию двух крупных направлений в исламе: суннизма и шиизма. Сунниты стали представителями «юридического ислама», основанного на систематизации исламского учения в виде правовой системы организации общества, сформировав основные правовые направления религии. Систематизировав исламское учение, суннитское направление в исламе «закрыло двери иджтихада», что означает — закрыло путь для каких-либо новшеств или реформ. Таким образом, суннизм стал основным догматическим учением, оплотом фундаментализма в исламе.

Шиизм же в свою очередь развил внутри ислама эсхатологическое направление, сформировав у своих последователей особое мифологическое сознание, воспринявшее идею о неизбежном спасении уммы, когда придет имам Махди, находящийся в сокрытии, и возглавит войну против неверных. Образ спасителя Махди на белом коне соответствует образу зороастрийского Саошьянта и Христу в христианстве.

Внутри шиизма также появилось и глубоко эзотерическое течение исмаилизма, проповедующее систему манифестационных циклов, в ходе которых происходит воплощение Бога в каждом седьмом представителе цепочки посвящения. Несмотря на то, что Исмаил был отстранен своим отцом от положенного наследования звания имама за

совершенное им нарушение (вероятно, распитие вина), его сторонники не только не признали отстранения, но провозгласили Исмаила своим имамом, в котором воплотился «Божественный принцип».

Шиизм основывается на поддержании мифологического сознания через культивацию мифологических образов. Так, имам Али стал образом доблестного воина ислама, воплощающего в себе идею справедливости и глубокой веры. Имам Хусейн, убитый омеядами, стал мифологическим образом, воплощающим идею самопожертвования во имя правды. Дочь пророка Мухаммада и жена Али, Фатима аз-Захра, воплотила в себе образ правоверной идеальной мусульманки. Имам Махди воплотил в себе образ Спасителя, вселив в сердца верующих веру в неизбежную победу Света над Тьмой.

В ходе становления двух основных течений ислама суннизм стал оплотом омеядской власти. Шиизм был более популярен среди простого народа, поскольку воплощал в себе борьбу против несправедливости, в ходе которой 11 из 12 имамов были убиты, а 12-й исчез или ушел в сокрытие. Вплоть до правления Салахеддина нельзя было утверждать о доминировании суннитской доктрины в исламском обществе. Так, например, в Сирии почти половина мусульманского населения придерживалась партии Али, тогда как другая половина — суннизма. В эпоху правления Салахеддина шииты стали открыто подвергаться репрессиям и гонениям. Окончательно суннизм становится основной конфессией на Ближнем Востоке в эпоху Османского правления. Шиизм же распространяется в Сафавидской империи в Персии, куда съезжаются шиитские улемы из Джабаль Амиль (Ливан), Неджефа и Карбала (Ирак) и других арабских стран, чтобы принять участие в построении шиитского государства.

В Османской империи шииты представляют угнетенное меньшинство, лишенное права формирования собственных религиозных институтов. В Ливане шиитская община обитает в районе Джабаль Амиль, сохраняя традицию религиозного обучения в провинциальных условиях, где их деятельность не вызывает подозрений и опасений со стороны османов. У шиитов формируется комплекс меньшинства внутри исламской уммы. Их надежды направлены в сторону священных городов Ирака и шиитского государства в Персии.

Состояние отчуждения держит общину в состоянии упадка. Так, сионистский деятель, который вел переговоры с ливанцами в поиске союзников, пишет о том, что один шиитский лидер, которого звали

Мухаммад аль-Хадж Абдалла, предложил ему купить все земли Джабаль Амиль, и что он обещал в течение 10 лет вывезти около 400 тысяч людей в Ирак[1].

Сунниты, составившие вторую по численности и влиянию конфессиональных общин Ливана, после провозглашения «Великого Ливана» сохраняли свое арабское самосознание. Следует заметить, в мусульманской среде понятие арабского национализма нераздельно с пониманием исламской идентичности. Исламская составляющая и арабская представляют собой единый сплав мифологического восприятия. Ислам не только не отменил арабского самосознания, но и усилил его, став его неотъемлемой частью. Эпоха распада Османской империи способствовала проявлению и выходу на политическую арену арабского национализма, который знаменовал собой освобождение от многолетнего турецкого правления.

Сунниты Ливана не представляли собой единое целое, поскольку у них не было причин объединять свои ряды в условиях правления османов. Поэтому на момент провозглашения ливанской государственности маронитские лидеры смогли легко найти себе союзников, как среди суннитов, так и среди шиитов. Независимость Ливана в 1943 году поставила неизбежный вопрос о национальном характере ливанского государства. Была найдена компромиссная формулировка, провозглашающая Ливан независимым государством арабской ориентации, но не арабским государством.

Несмотря на популярность арабского национализма в исламской среде, лидеры общин, участвующие в организации независимого ливанского государства, не встретили никакого серьезного сопротивления, если не считать восстание, предпринятое Антуаном Саади против отделения Ливана от Сирии. В 1949 году премьер-министр и ведущий суннитский политик Риад ас-Сольх отдал приказ казнить идеолога сирийского национализма. Вскоре он был убит членом Сирийской Националистической Общественной партии.

Популярный суннитский политик Рашид Караме, занимавший пост премьер-министра Ливана, был сторонником идей панарабизма, но оказался бессилен что-либо сделать в условиях конфессиональной системы ливанской государственности. Кризис самосознания внутри суннитской общины можно было наблюдать и в семье Рашида Кара-

[1] *Элиаху Сасун*. Путь к миру (ат-Тарик ила ас-Салям), брошюра на арабском языке, место и дата издания отсутствуют, с. 53.

ме, который придерживался идей модернизма, в то время как его отец муфтий Абдул-Хамид придерживался консервативных исламских идей.

Идеи арабского единства стали особо популярны с появлением на политическом арене Гамаля Абдель-Насера в Египте. Однако ни в суннитской среде, ни в шиитской, арабский национализм не смог преодолеть конфессиональные каноны государственности. Панарабизм, выражающий политические идеалы больше половины населения страны, оказался, по сути, вне закона, поскольку представлял угрозу суверенитету страны.

Провал идеологии панарабизма на Ближнем Востоке, в том числе и в Ливане, привел к бурному росту религиозного самосознания мусульман, видевших несправедливость в привилегированном положении маронитской общины, которая к 70-м годам XX века утратила положение самой многочисленной общины страны. Если арабский национализм объединял суннитов и шиитов, то возврат к конфессиональной диверсификации общества привел к росту напряжения в суннито-шиитских отношениях.

Рост религиозного самосознания шиитов сопровождался активизацией деятельности религиозных ученых, во главе которых встал приехавший из Ирана имам Муса ас-Садр. Он начал структуризацию общины с отделения религиозных учреждений от суннитских и образования Высшего Шиитского Совета. Садр создал политическую структуру «Движение Обделенных», преобразованное в движение АМАЛЬ, выражавшее интересы шиитской общины. Другой шиитский деятель аятолла М.Х. Фадлалла основал в Ливане филиал иракской шиитской партии «Да'уа» и ряд благотворительных фондов.

Исламская революция в Иране в 1979 году привела к росту революционных шиитских настроений на всем Ближнем Востоке. В Ливане с 1982 года начинает функционировать партия, название которой дал имам Хомейни — Хезболла. За период гражданской войны и до подписания Таифских соглашений религиозные лидеры шиитской общины смогли создать целую систему институтов, обеспечивающих целостность общины и ее фактическую независимость от Ливанского государства.

Что касается суннитской общины, то рост религиозного самосознания привел только к дроблению общины и появлению различных

исламистских группировок. Появление на ливанской политической арене Р. Харири, представляющего интересы саудовского короля, стало отправной точкой к консолидации суннитской общины вокруг него и его экономической корпорации. Основной задачей, поставленной перед Харири, была консолидация суннитов в рамках единой политической структуры, призванной противостоять усилению шиитов.

Таким образом, ливанское государство, основанное на конфессиональном принципе и доминировании маронитского самосознания, пришло к состоянию failed-state. Маронитская община расколота и уже не имеет ресурсов оставаться государствообразующей; мусульмане расколоты на два крупных противостоящих друг другу лагеря. Каждый лагерь живет в своей мифологической системе.

Шиитское духовенство установило полный контроль над своей общиной. Все политические деятели и мыслители, такие как Махди Амиль и Хусейн Мрувве, были уничтожены физически за свободомыслие. Шиитская община погружена в мифическое переживание «хусейнизма» и эйфорическое религиозное сновидение, в то время как духовенство укрепляет собственные позиции, готовясь к провозглашению исламского имамата.

Суннитская община, разрываемая между панарабизмом и салафизмом, погружена в «кошмар шиитской угрозы». В этих условиях шейхи богословы путем вселения страха и с помощью религиозного гипноза устанавливают свое господство над общиной, устанавливая законы шариата.

Подобный ренессанс ислама не является возрождением исламской цивилизации, но скорее походит на последние сватки перед пробуждением арабского мира от коллективного исламского сновидения.

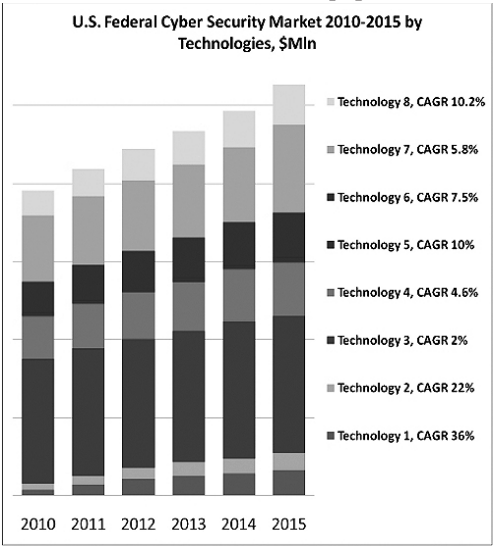
Безопасность и конфликты

Том Бурхард

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: «ПЕРЕСТРОЙКА» ИНТЕРНЕТА.

Секретное пространство «ситуативной компьютерной осведомленности» — голубая мечта любого шпиона, ставшая еще привлекательней с наступлением эры сверхскоростного вычисления и возможности почти безлимитного сохранения информации с помощью огромных серверных групп.

Внутри этой сумеречной дымки, скрываемой в интересах национальной безопасности или собственников бизнес-информации, можете не сомневаться, что настоящие кукловоды и простые жулики позаботятся о разрозненных точках ввода данных.



Дискуссиями о вторжении в частную жизнь и незаконном извлечении данных камуфлируется, как правило, та ключевая роль, которую играют Интернет-провайдеры (internet service providers — ISP) как посредники и «привратники». Занимая эту позицию, ИП глубоко

изучают, собирают и анализируют онлайн-общение десятков миллионов пользователей одновременно в режиме реального времени.

Согласованные усилия по устранению онлайн-анонимности, наблюдающиеся как в странах с демократическими, так и с авторитарными режимами, стали более интенсивными при развертывании Глубокого пакетного инспектирования[1] (deep packet inspection — DPI) датчиков и ПО практически всех сетей.

Как заверили канадские «сторожевые псы» из DeepPacketInspection.ca, DPI предлагает ИП «беспрецендентный уровень разведывательного контроля онлайн-активности абонентов».

«Не составляет труда распаковать даже немного из всего непрерывно циркулирующего потока информации, находящегося в индивидуальных пакетах со специальными заголовками (т.е. адресацией) и полезной информационной нагрузкой (т.е. контентом), — уверяют исследователи проблемы. Наглядно это можно себе представить как адрес на почтовой открытке с письменным и визуальным контентом на ее лицевой стороне».

Предполагается, что все эти специально отбираемые данные могут стать «доказательством по уголовному делу для судебного делопроизводства».

Однако сохраняется иллюзия, что технические средства коммуникации являются в некотором роде «нейтральными». Ни плохими, ни хорошими, но, наоборот, более похожими на умный телефон, снабженный геолокационными отслеживающими чипами или интернетом с электронными средствами наблюдения, лишь облегчающими его использование.

[1] Deep Packet Inspection дословно переводится как «глубокое инспектирование пакета», и в соответствии с названием представляет технологию, позволяющую проверять пересылаемые данные, а не только протоколосодержащую информацию. DPI-устройства способны работать со 2-го по 7-ой уровни OSI и выявляют:

- Типы передаваемых данных (P2P, VoIP, online-игры, почта, видео…), позволяя контролировать и блокировать трафик согласно установленной политике;
- Использование в сети наиболее распространенных приложений (например, для P2P: BitTorrent, KaZaa, eDonkey, Gnutella, MP2P, FastTrack);
- Загрузку сети тем или иным сервисом, формируя на основе анализа механизмы, гарантирующие определенную производительность сети (QoS);
- Злонамеренный трафик в сети (не только эксплойты, но и червей, троянов, и прочих зловредов);
- Аномалии в протоколах (например, обнаружение в SMTP-трафике вставки пользователем команды «MSG From:» перед «RCPT To:»).

В действительности же эти технологии по-настоящему зубастые и кусают очень больно.

Нечто подобное наблюдается и в случае с другими последними достижениями, начиная от биомедицинских и фармацевтических исследований, пропагандирующих активное разведение скота и птицы индустриальными методами и с помощью генетических модификаций, до чего-то, что кажется таким обыденным, как система магистральных автодорог, ведущих в дальние пригороды. Точно так же и функции наших техноигрушек, которые, скорее, приспособлены для жесткого социального контроля, нежели для нашего удобства.

В действительности технология DPI позволяет нашим провайдерам беспрецедентно глубоко контролировать наш онлайн-трафик и каталог онлай-коммуникаций. Сканируется вся наша информация, начиная с постов в блоге и запросов в поисковике, кончая содержимым нашей почты и видео, которое мы просматриваем каждый день. Безликая армия привратников контролирует каждый наш шаг в мировой паутине.

Не принимая во внимание критическую проблему нейтральности, связанной с нарастающей монетизацией интернета, исчезают всякие сомнения по поводу того, что провайдеры и частные пользователи крайне заинтересованы в собственной защите от опустошающих набегов организованных банд воров и хищников.

Если DPI было лишь средством искоренения злоумышленных атак или нежелательного трафика, гарантируя таким образом широкие возможности для доступа каждому, то возможно было бы предоставлять пользователям конкретные выгоды и способствовать более безопасному коммуникационному окружению в сети.

Этого не случилось. Вместо этого компании и корпорации, призванные защищать нашу безопасность, лихорадочно «перестраивают интернет», а также способствуют инициаторам DPI читать личные сообщения в «глубоких пакетах» и выдают это за единственный способ сохранить нашу же безопасность.

В 2009 г. Антифашистский призыв сообщил о манипуляциях помешанных на слежке экспертов по развертыванию глубокого пакетного «вынюхивания» Einstein 3 – специального программного обеспечения, созданного Агентством национальной безопасности для национальной телекоммуникационной инфраструктуры.

Главный разоблачитель AT&T (Американская телефонно-телеграфная компания) Марк Кляйн наглядно показал в своем докладе, основанном на внутренней документации компании, как с помощью Агентства распространяется шпионаж за американцами через дрифтерские сети. DPI и «железо» снабжаются «секретной начинкой», приводящей в движение эти запрещенные пока еще программы.

Еще раньше в том же году Кляйн рассказал журналу Wired, что эти документы наводят на мысль, что юридически безосновательный перехват данных агентами АНБ «был всего лишь верхушкой айсберга», наглядно демонстрирующей «огромные масштабы сканирования информационного обмена миллионов людей в автоматическом режиме каждую секунду».

Якобы созданная для обнаружения и разрушения вредоносных атак, которые представляют угрозу государственным сетям, программа пакетного «вынюхивания» Einstein 3, согласно информации The Wall Street Journal, разрабатывалась под кодовым названием ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО (TUTELAGE), чтобы досматривать компьютерный трафик, курсирующий между государственными порталами и сектором частных сетей, включая всех подключенных к интернету пользователей.

«Ее технология фильтрации, — писал журналист Шиобан Горман, — способна считывать контент электронной почты и других систем коммуникации».

Einstein 3 считалась настолько вредоносной для сферы частной жизни, что AT&T искала «легальных гарантий, что им не придется отвечать в суде за участие в этой пилотной программе», — писала The Washington Post. И хотя разработчики из команды Буша уверяли, что фирма «не понесет никакой ответственности», AT&T все же попыталась затормозить процесс, пока команда Обамы официально не подтвердила возможность использования программы в 2009 году. До сегодняшнего дня федеральное правительство уже израсходовало на эту программу около $2 миллиардов.

Исследователь систем безопасности Якоб Аппельбаум из проекта Tor-анонимность[1] рассказал в интервью CNET News в марте 2010 г.,

[1] Свободное программное обеспечение для реализации второго поколения так называемой «луковой маршрутизации». Это система, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, защищённое от прослушивания. Рассматривается как анонимная сеть, предоставляющая передачу данных в зашифрованном виде. Программа написана преимущественно на языке программирования Си и на март 2010 года имеет более 100 000 строк программного кода.

что стремительно распространяющаяся на частные сети Einstein 3 «будет добиваться частичного аутсорсинга безопасности» для непонятных корпораций.

Но все пошло по гораздо худшему сценарию. Аппельбаум утверждал, что проект представляет «очевидную потерю контроля [общественного]. А любой пользователь с доступом к системе мониторинга сможет отслеживать поразительное количество трафика».

Годом позже родственная программа «Идеальный Гражданин», находящаяся в процессе разработки АНБ и оборонным гигантом Raytheon, была снабжена набором датчиков для развертывания в компьютерных сетях, предназначенных для постоянного мониторинга какой угодно системы, в которую она установлена. Согласно перехваченной The Wall Street Journal переписке, из-за отсутствия информации о принципах работы «Идеального Гражданина» корпоративным инсайдером он был назван компьютерным эквивалентом «Большого Брата».

Я много раз подчеркивал, что в рубриках компьютерная безопасность, секретное государство, американские телесистемы и провайдеры соединены разделы, которые называют «частно-публичное партнерство».

И в самом деле, на посвященном безопасности сайте «Публичная разведка» был конфиденциальный документ, разъясняющий детали работы такой инициативы, как Проект 12.

Согласно информации «Публичной разведки», целью этого скрытого предприятия «является не только увеличить поток «опасной информации» от госструктур в частный сектор, но облегчить больший «обмен информацией» между этими компаниями и федеральным правительством».

Проще говоря, незаконный перехват информации программами АНБ и вся совокупность совершенно секретных проектов по компьютерной безопасности превратятся в ничто, если фильтрующее программное обеспечение, которое проверяет контент или глубокие пакеты, не развернуты во всех сетях, как частных так и публичных.

«Соучастие» для корпоративного полицейского государства

Считывающие программы непосредственно связаны с вебсайтами, которые устанавливают отслеживающие «cookies» и других

подобных кодов, которые преследуют множество назойливого мусора по всему интернету.

Эта информация продана такими рекламодателями, как Google и Yahoo, которые назначают цену с надбавкой для пиринга в браузерах.

В конце 2010 г. The Wall Street Journal сообщил, что множество целевых фирм « собирают онлайн-диалоги и детали личной жизни из социальных сетей, исследуют онлайн-форумы, где люди могли бы обсуждать свою жизнь».

Мы уже говорили, что сомнительная практика «веб-зачисток» обеспечивает «сырьем» быстро расширяющуюся «экономику данных». Журналисты обнаружили, что продавцы услуг «потратили $7.8 миллиардов на сбор онлайн и оффлайн информации в одном 2009 году» и что «траты на получение данных из онлайн-источников увеличатся более чем в два раза до $840 миллионов в 2012 г. с $410 миллионов в 2009 г.».

Поэтому неудивительно, что из-за подобных, практически ничего не регулирующих структур, мы становимся настоящей добычей для интернет-акул.

Пока мы строим планы по сохранению приватности от хищных взглядов интернет-провайдеров, стервятников интернет-рынка и наших же политических мыслителей с помощью специальной шифровки, администрация Обамы в скором времени получит санкцию Конгресса, которая позволит разработчикам программного обеспечения и сайтам социальных сетей создавать специальные обходные пути (backdoors) для доступа к информации на Вашем компьютере.

Согласно данным The New York Times, администрация заявляет о крайней необходимости законодательного принуждения и разведывательной слежки, чтобы «останавливать и расшифровывать зашифрованные послания» из-за их «способности нести криминальную и террористическую угрозу».

Притворные требования администрации абсолютно совпадают с аналогичными требованиями рекламной индустрии в интернете.

В жекабре 2010 г. The Wall Street Journal сообщил о глубокой экспертной проверке: «одна из самых навязчивых технологий для определения профиля и выбора в качестве мишени интернет-пользователей с помощью рекламы находится на грани отзыва с рынка из-за

настойчивых жалоб на вмешательство в частную жизнь американцев, а в Британии ее вовсе хотят запретить».

Рекламные мошенники из Kindsight и Phorm «организовали сервисы глубокого слежения в качестве интернет-провайдера, чтобы завоевать свою долю прибыльного рынка интернет-рекламы».

Вслед за этим в Phorm заявили, что их компания, «специализирующаяся на технологиях персонализации данных», которые «поставляют наиболее интересный интернет-контент», что по сути является навязчивым отслеживанием вашей переписки и технологией извлечения информации.

В то время как обе компании настаивают на том, что приватность пользователя является для них «наивысшим» приоритетом, их достижения в этой сфере свидетельствуют об обратном. Так, в 2008 году фирма, занимающаяся интернет-маркетингом NebuAd планировала «использование DPI для доставления своей рекламы миллионам абонентам пока они не детально не ознакомятся с предлагаемым сервисом».

Шум в прессе поднялся после того, как этот план стал достоянием общественности. Пока NebuAd уходил из этого бизнеса, «несколько провайдеров США, которые подписали соглашение с NebuAd, обратились в суд с групповым иском и обвинили их во внедрении шпионских устройств в свои сети», — утверждали в журнале.

Согласно информации с аналитического сайта Ars Technica, в ходе судебного процесса обвинялись сама фирма и провайдеры Bresnan Communications, Cable One, CenturyTel, Embarq, Knology, и WOW, вовлеченные в перехват, копирование, передачу, хранение, сортировку, использование и изменение частных данных пользователей».

Рекламная компания NebuAd была обвинена в злонамеренном эксплуатировании «нормальных браузерных платформ безопасности с помощью фальсификации IP пакетов, позволявшему собственному коду JavaScript быть вписанным в исходный код, в котором браузер не распознал угрозы». «NebuAd и провайдеры объединяют усилия в атаке на потребителя интернет-услуг, проектировщиков программного обеспечения и других владельцев серверов, на которые они заходят», — высказывало свои претензии уполномоченное для этого лицо.

«Все вовлеченные в это стороны, — писал журналист Жаки Ченг, — нарушили Акт приватности электронных средств связи 1986 года (Electronic Communications Privacy Act), Закон о компьютерах Калифорнии, Акт о компьютерном мошенничестве и злоупотреблении (Computer Fraud and Abuse Act) и калифорнийский Закон о вторжении в личную жизнь (Invasion of Privacy Act)».

В Британии подобные дебаты возникли, когда BT Group PLC[1] была вынуждена под давлением признать, что они «тестировали технологию Phorm на некоторых абонентах, не сообщая им об этом. В прошлом году BT и два других провайдера, применявших Phorm- сервис — Virgin Media Inc. и TalkTalk – прекратили эту деятельность», — сообщает журнал.

При этом в BT отказались отвечать на вопросы касательно прозрачности.

Почему в таком случае пользователь должен доверять заклинателям из компаний-провайдеров, которые не хотят снабжать своих абонентов настоящей идентичностью? Помимо прочего, как заметил один шутник в интервью журналу, провайдеры «чувствуют, что у них в руках есть какая-то информация и им очень хотелось бы хоть как-то ее использовать» и «хотят они этого очень отчаянно».

Информация, которую я здесь представил, могла бы представить огромный интерес для наших политических деятелей и корпоративных мошенников, которым они любезно предоставляют работу.

Что же касается состояния национальной безопасности, в рамках обеспечения которой уже фильтруются огромные объемы информации, собранной из интернета и других коммуникационных платформ, The Guardian предупреждает, что Британия и другие управляемые западные демократии «медленно спускаются к подконтрольному обществу».

Не пришло ли время проснуться!?

[1] British Telecommunications plc — британская телекоммуникационная компания, оператор телефонной сети, производит операции и обслуживание клиентов во всём мире. Предоставляет услуги стационарной и сотовой (мобильной) связи, доступ в интернет, множество дополнительных услуг для предприятий и частных лиц, например, голосовая почта, телеконференция, веб-конференция.

Игорь Добаев

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Основные черты современного терроризма, являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей; террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществлять акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества. Его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламистского компонента в идеологические конструкты многочисленных террористических организаций.

Отличием современного терроризма от терроризма прошлых эпох является и то, что традиционный терроризм не угрожал обществу как таковому, не затрагивал основ его жизнедеятельности. Современный же высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой. В этой связи представляется небезынтересным рассмотреть статистику террористических проявлений в мире и в северокавказском регионе России. Сравнительный анализ террористических проявлений в мире и конкретном регионе России позволяет оценить место России в антитеррористической борьбе, а

также вооружиться опытом этой деятельности, положительно зарекомендовавшей себя в других мировых регионах и странах.

Национальные антитеррористический центр США в мае 2009г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11800 терактов, в то время как в 2007 г. — 14500, в 2006 г. — 14000, в 2005 г. — 11000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, — 3192.

Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. — 4600 (40%) — было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007-2008 гг., их число снижалось. В то же время, в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55% от общего числа терактов в мире. 140% рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западном полушарии отмечено сокращение числа терактов на 25%, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана — на 30%.

В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340%, в Афганистане — на 100%, в Индии — на 30%, в других странах Южной Азии — на 45%.

Как и в прежние годы, в 2008 г. при проведении большинства терактов использовалась уже известная тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей. Террористы продолжали прибегать к проведению скоординированных по времени нападений, когда вскоре после первого теракта они осуществляли второй, направленный уже против сотрудников специальных и спасательных служб, прибывших на место происшествия.

Количество терактов с использованием боевиков-смертников сократилось с 525 в 2007 г. до 404 в 2008 г., что в значительной степени связано со снижением активности Аль-Каиды в Ираке. Число терактов в мире с участием женщин-смертниц составило 9%, а в Ираке — 15% от их общего числа. Ирак в этом плане поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркнут. Пиковыми годами оказались 2005-й и 2007-й — 478 и 442 случая использования «живых бомб», со-

ответственно. В 2009 г. в Ираке было зафиксировано «только» немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же с 2003 г. в этой стране было отмечено около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» — Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксируется в среднем по 140 акций самоподрывов. В последние год-два в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучат с нарастающей частотой.

В 2008 г. в результате терактов в различных странах мира погибло или было ранено свыше 50 тыс. человек, причем большинство из них являлось мусульманами. 65% жертв террористических нападений были мирными жителями. Обращает на себя внимание тот факт, что дети продолжают составлять непропорционально большое число жертв. Так, в 2008 г. количество погибших детей возросло на 10%. Одновременно отмечается рост числа жертв терактов среди дипломатов: с 12 — в 2007 г., до 47 человек в 2008 г.

На этом фоне некоторые авторы, американские в частности, настаивают на невозможности решения террористических угроз и терроризма, в целом, в рамках современного развития мира, в основе которого лежат глобализационные тенденции. В частности, американские ученые из Чикагского университета Р. Пэйп и Дж. Фельдман в своей недавно вышедшей в США книге «Срезать фитиль: всемирный расцвет террористов-смертников и как его остановить» утверждают, что «терроризм» до 2003 г. и после 2003 г. (2003-й — год начала американской интервенции в Ираке) — это два разных по природе терроризма, и начавшаяся антитеррористическая кампания ни в коей мере не отвечает ее заявленным целям. Именно «военное принуждение является объяснением почти всего терроризма с участием смертников во всем мире, по крайней мере, с 1980 года», считают авторы исследования[1].

Выводы, сделанные этими американскими учеными, впечатляют. За 24 года, в 1980-2003 гг., во всем мире было совершено только 350 нападений террористов-смертников, и из них лишь около 15 процентов можно рассматривать как направленные против граждан США. За последующие 6 лет (2004-2009) произошло уже 1833 самоубийственных теракта, из них 92 процента — против американцев. Связан такой взлет числа атак террористов-самоубийц, по мнению исследователей, с войнами США и НАТО против Афганистана и

[1] См. об этом: Гордеев К. Европейский Союз США // http:/www. Fondsk.ru. 2010. 30 окт.

Ирака и оккупацией этих стран. Авторы книги пошли в своих выводах еще дальше, отметив, что истинной причиной интернационального терроризма является «защита политическими, религиозными и общественными организациями региональных сообществ их независимости от иностранного вмешательства», крайними формами которого выступают война и оккупация, «с очевидностью требующие адекватного ответа — самопожертвования». Это вывод обнажает всю лживость американского «антитеррористического» мифа, оправдывающего действия агентов глобализма противоборством с якобы «оторванными от народных корней» фанатиками. Как считают американские ученые, не фундаменталисты-фанатики вынудили США к «глобальной войне с терроризмом», которая в одном только Ираке обернулась гибелью более сотни тысяч жителей, а наоборот — иностранная военная интервенция не оставила выбора тем, у кого завоеватели отняли свободу национального самоопределения. В этой связи можно утверждать, что всякие разговоры о борьбе с «международным терроризмом», при сохранении США, а шире — Западом и его клиентами во многих странах мира тенденции на установление «нового мирового порядка» по-американски, практически неэффективны, а послушное следование в фарватере США девальвирует эффективность международного сотрудничества в сфере противодействия современному терроризму.

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее северокавказском регионе, то они свидетельствуют, что своеобразный пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% — против сотрудников правоохранительных органов и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90% отнесены к Югу России; а в 2007 г. — только 48 терактов, то есть впятеро меньше чем в 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на «нет».

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 году, понятие террористического акта значительно сузилось. Так, сейчас для квалификации

преступления как террористического акта обязательным является наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране в последние годы стали крайне редким преступлением.

Тем не менее, уже в 2008-2010 гг. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно, не отвечая истинному положению дел. Так, например, в 2009 г., согласно официальным данным, в Российской Федерации зарегистрировано только 15 террористических актов, 14 из них пришлось на южные регионы страны.

Однако если обратиться к статистике, озвученной правоохранительной системой Южного федерального округа, то можно утверждать, что ситуация в 2008 — 2010 гг. на территории ЮФО характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований. Так, по итогам 2008 г. в Южном федеральном округе было зафиксировано 491 преступление террористического характера, но только небольшая их часть была квалифицирована как «террористические акты». В том же 2008 г. бандитами были предприняты попытки захвата шести населенных пунктов на территории Чечни и Ингушетии, совершено около 30 нападений на государственных и муниципальных служащих, активизировались покушения на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих.

В 2009 г. на территории Южного федерального округа, тогда еще включавшем в свой состав Северный Кавказ, было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, по сравнению с 2008 г. рост составил 30%[1]. Анализ динамики террористической активности в северокавказском регионе России свидетельствует, что исламисты направляют острие своих ударов, прежде всего, против представителей силовых структур. Именно таким образом экстремисты настраивают людей против тех, кто не способен обеспечить безопасность, — официальной власти, вызвав у людей к ней ненависть еще большую, чем к устроителям терактов. Они стремятся лишить власть возможности опираться в борьбе с терроризмом на широкие слои населения. Оставив власти

[1] Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. 24 февраля 2010.

без такого мощного союзника, исламисты создают выгодную для себя нестабильность в регионе.

Как следствие, в 2010 г. рост террористической активности продолжился. Только за первый квартал количество преступлений, квалифицируемых как «террористический акт», по словам заместителя генпрокурора России Эрнеста Валеева, выросло на 200%. Все это, по мнению высокопоставленного чиновника, является как показателем высокой террористической активности, так и свидетельством наличия проблем в правоохранительных структурах, работающих на предотвращение терактов[1]. Террористами-смертниками даже были атакованы родовое село президента Чеченской Республики Кадырова — Центорой, а также здание республиканского парламента.

Действительно, как значимая тенденция, обращает на себя внимание активизация деятельности в последние два года террористов-смертников. Если в 90-е годы акций смертников на территории Северного Кавказа не фиксировалось, то в первом десятилетии нового тысячелетия специалисты выделяют два импульса использования «живых бомб» в регионе: первый пришелся на 2000-2003 годы, а второй — на 2009-2010 годы.

Одновременно нарастает активность силовых структур. Только органами государственной безопасности России на территории северокавказского региона в 2009 г. было предотвращено 80 терактов, проведены 42 контртеррористические операции, а также значительное количество спецмероприятий. В результате было задержано 782 члена вооруженного подполья и их пособников, выявлено и изъято более 1,6 тысячи единиц стрелкового оружия, 490 самодельных взрывных устройств и более 5,5 тонн взрывчатых веществ. В 2010 г. «силовикам» удалось ликвидировать целый ряд знаковых фигур в террористической среде, причем этот процесс носит систематический характер. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удается также ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но это происходит далеко не всегда.

Однако и боевики предпринимают активные меры, направленные на восстановление понесенных потерь. Эмиссарами бандподполья осуществляются меры по внедрению религиозно-экстремистской идеологии в сознание, прежде всего, горской молодежи. В этих це-

[1] Число терактов в России за квартал выросло в два раза. 03.06.2010. ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1290357.html.%20-%202010#ixzz1k1op67bx (дата обращения — 14.06.2010).

лях тиражируются и распространяются книги брошюры, листовки, DVD-диски, видеокассеты и, конечно, используются возможности Интернета. Сотрудниками правоохранительных органов регулярно изымается внушительное количество такого рода идеологической продукции. Характерно при этом, если еще в 2008 г. эти материалы обнаруживались в большинстве случаев в схронах и на базах боевиков, то, начиная с 2009 г., — преимущественно в домовладениях граждан. Наибольшее количество изъятий приходится на Хасавюртовский и Кизлярский районы Дагестана.

Как следствие, сегодня по возрастному составу участников террористическое движение является преимущественно молодежным. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.). По данным Национального антитеррористического комитета, возраст 80% экстремистов, преступная деятельность которых была пресечена за последние 4-5 лет, составлял менее 30 лет. Из 546 членов незаконных вооруженных формирований, сдавшихся правоохранительным органам в период амнистии, объявленной 22 сентября 2006 г. Госдумой РФ, также не менее 80% составили молодые люди от 19 до 30 лет. Из 92 ликвидированных в октябре 2005 г. боевиков, предпринявших попытку вооруженного нападения в Нальчике (КБР), 58 человек, или 63%, были молодыми людьми в возрасте до 25 лет. Средний возраст нейтрализованных в 2005-2007 гг. в Карачаево-Черкесской Республике членов диверсионно-террористической группы Ачемеза Гочияева, одного из организаторов взрывов жилых домов в Москве в 1999 г., также составил немногим более 25 лет. И такой возрастной состав участников НВФ — правило, а не исключение. Иными словами, в лице террористов мы имеем дело с молодыми людьми, ставшими в силу целого ряда причин и факторов носителями идеологии религиозно-политического экстремизма.

Вместе с тем, не уменьшаются и масштабы наемничества, представители которого основательно представлены в составе северокавказских НВФ. Более того, боевикам «стало удаваться вербовать в свои ряды славян»[1].

В связи с непрекращающейся активностью экстремистов актуальным в контексте обеспечения национальной и региональной

[1] РБК daily. 28 ноября 2009.

безопасности остается вопрос о противодействии терроризму. В мире, да и в Российской Федерации, накоплен значительный опыт в этом направлении. В самом общем ракурсе рассмотрения он заключается в совершенствовании антитеррористического законодательства, укреплении национальных спецслужб, вскрытии и пресечении каналов финансирования терроризма, а также проведении информационно-пропагандистской и разъяснительной работы среди различных слоев населения.

Не вызывает сомнений то, что одними силовыми методами войну с терроризмом выиграть невозможно. В этой связи следует остановиться на последнем, наименее разработанном блоке — информационно-пропагандистской и разъяснительной работе. Безусловно, борьба «за умы» является самой сложной составляющей антитеррористической стратегии и требует длительного времени. Для усиления идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы на этом направлении Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2008 г. утвержден Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 — 2012 годы. Однако, как представляется, этот план перенасыщен количественными показателями в ущерб качественным, не предусматривает привлечения достижений гуманитарных и общественных наук, и, что немаловажно, носит в целом безадресный характер. Речь, в частности, идет о том, что планом даже не предусмотрено проведение социологических замеров в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий, поскольку для каждого социального слоя нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов и лиц, ставших носителями экстремистских идеологий, не существует авторитета светских сластей и ученых, а также представителей официального ислама, их идеологическими наставниками выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад в соответствующей интерпретации. Ситуацию надо корректировать, и как можно скорее. В частности, серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом отношении поддерживаемая государством.

Однако до сих пор в регионе практически отсутствуют официальные структуры исламских исследований в рамках высших учебных

и научных заведений, которые бы имели прямое государственное финансирование. Отдельные ученые или их коллективы занимаются этими вопросами, как правило, по собственной инициативе. Все попытки преодолеть этот пробел, в том числе и в рамках Южного научного центра РАН, претендовавшего на преобразование в Южнороссийское региональное отделение РАН, до сих пор остаются безуспешными. Ситуацию надо срочно исправлять.

Как представляется, другим эффективным путем в борьбе с терроризмом является модернизация российского ислама, северокавказского в частности, прежде всего, путем воссоздания собственного российского мусульманского образования в России и ее регионах, с участием государства в решении этой проблемы. Речь идет о создании в северокавказском регионе при участии государства исламских образовательных центров.

В настоящее время на территории Южного федерального округа функционируют более 20 высших исламских учебных заведений (ВИУЗов), около 170 средних специальных исламских учебных заведений — медресе, а также около 300 начальных исламских учебных заведений — мактабов, в которых обучается около 17 тысяч учащихся. В подавляющем большинстве — это приверженцы одного из основных направлений в исламе — суннизма. Из общего количества студентов около 14 тыс. человек, или примерно 85%, учатся в исламских учебных заведениях Дагестана. Вместе с тем, несмотря на значительное количество исламских ВУЗов, система исламского религиозного образования Северного Кавказа до сих пор не составляет реальной конкуренции зарубежным образовательным центрам. Как следствие, только из Республики Дагестан в последние годы на обучение в эти центры выехало около 1500 молодых людей (возвратилось после обучения в республику около 500 человек). Причем, зачастую инициативно, по различным каналам, без участия в этом процессе ДУМ Дагестана, что, впрочем, характерно и для других республик. В результате имамы — приверженцы традиционного ислама — постепенно вытесняются из мечетей их более образованными конкурентами, получившими образование за рубежом, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 2007 г. при содействии государства на Северном Кавказе созданы два высших исламских учебных заведения: в Махачкале (Дагестан) образован Северо-Кавказский университетский

центр исламского образования и науки, в Нальчике (Кабардино-Балкария) — Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы. В августе 2009 г. третий на Кавказе исламский университет открылся в Чеченской Республике. Их основными целями являются:

- подготовка современных высококвалифицированных служителей исламского культа и исламских теологов;
- повышение квалификации имамов и других служителей исламского культа, переподготовка и специализированная подготовка кадров по отраслям исламского знания;
- содействие в подготовке специалистов — исламоведов для субъектов Северо-Кавказского региона и других регионов Юга России.

Учебный процесс по подготовке священнослужителей и исламоведов направлен на внедрение современных образовательных и научно-информационных технологий, совершенствование системы религиозного образования и науки в целом, а также адаптацию его к условиям российской светской системы образования. Именно такие служители мусульманского культа должны будут успешно противодействовать идеологии исламистски ориентированных экстремистов, своей деятельностью компрометировать идеологические доктрины исламистских фанатиков.

Однако и этими мерами проблему решить вряд ли удастся, если не будут локализованы или хотя бы снижены параметры многочисленных внутренних конфликтогенных факторов, определяющих ситуацию в российских регионах, а также паразитирующего на внутренних неурядицах разрушительного «внешнего фактора», зачастую продуцируемого геополитическими интересами самых разнообразных акторов международных отношений.

Александр Дугин

АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕЯ И ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

Теория заговора и potestas indirecta

Последнее время в нашем обществе все популярнее становятся обращения к теории заговора для объяснений тех событий, которые стремительно развертываются в современном мире. Сайты и журналы конспирологов всех мастей растут как грибы. Эта тема выплеснулась на широкие экраны — чему пример бесконечный сериал X-files («Секретный досье») про агентов Малдера и Скалли, а также замечательный фильм «Теория заговора» Ричарда Доннара с Мэлом Гибсоном и Джулией Робертс в главных ролях. Показателен сюжет фильма Доннара: в нем главный герой Джерри Флетчер (Мэл Гиббсон), кажущийся вначале тежелым шизофреником, бредящим «теорий заговора», оказывается единственным, кто проник по-настоящему в истинную подоплеку политических событий и спас героиню (а вместе с ней и мир) от реальных маньяков и злодеев, маскировавшихся по вполне нормальных людей. В бесконечных гротескных и сплошь и рядом откровенно бредовых построениях конспирологов то тут, то там маячит глубокая и зловещая реальность, пробиться к которой, однако, не так просто.

С точки зрения вполне рациональной политологии, этот бурно растущий интерес вполне объясним. Немецкий юрист и философ Карл Шмитт говорил о существовании в современном обществе двух типов власти — власть прямая (potestas directa) и власть косвенная (potestas indirecta). Вот эта косвенная власть, опирающаяся на неформализованные группы, клубы, неправительственные общества и фонды, а также лоббистские структуры и особенно СМИ, и становится объектом пристального, подчас чрезмерного, внимания конспирологов.

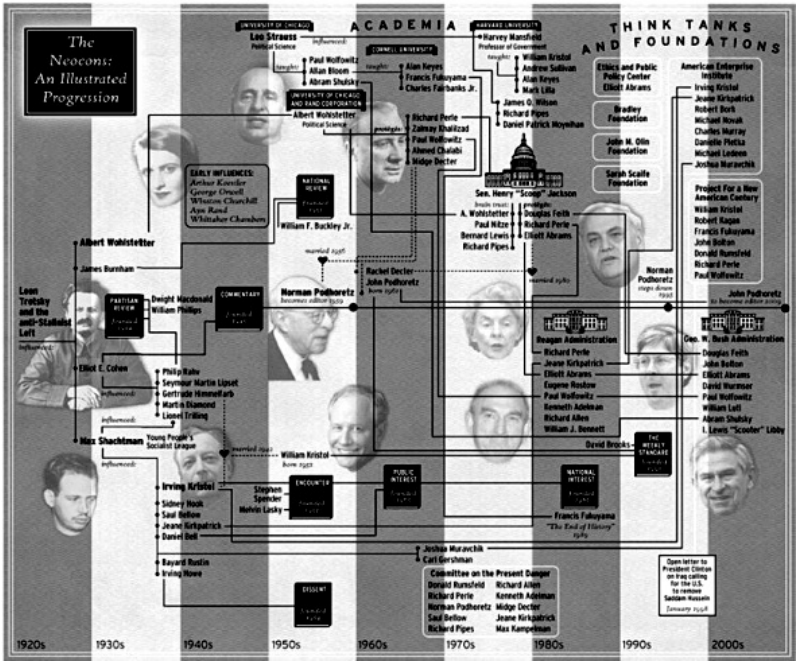
Конечно, основные решения принимаются главами государств, правительствами, парламентами, судебными инстанциями. Но где готовятся эти решения? Кто вырабатывает стратегию крупных держав на многие десятилетия, а то и столетия? Откуда берутся основные элементы этих стратегий?

Все это, как правило, довольно трудно однозначно выяснить, и внимание аналитиков само собой постепенно перемещается на неформальные клубы, группы влияния, а так же в область спецслужб, деятельность которых сознательно покрыта мраком и тайной. Тайные общества и специальные службы в английском языке звучат очень похоже — secret secrvice и secret society. А если добавить к этому анализ «четвертой власти» — так называемых «независимых» СМИ — независимых теоретически от трех классических властных инстанций демократии (законодательная, исполнительная и судебная власть) — но зависимых от множества других факторов — и в первую очередь, от специфики самой журналистской профессии (где согласно МакЛюэну «media is a message» — «сами СМИ становятся содержанием того, что они транслируют»), то мы получим огромную и чрезвычайно запутанную, мутную область, устройство которой непрозрачно, а влияние на общество, политику, культуру, историю — огромно.

Идеи имеют значение

После нападения Саакашвили на Цхинвал конспирологические построения ворвались и в российскую действительность. Для объяснения произошедшего стали привлекаться самые различные теории заговора. И что показательно, даже премьер Путин дал понять, что по его представлению «за нападением на Цхинвал стоит не просто Вашингтон, а определенная группа влияния в американском истеблишменте, заинтересованная в проведении в президенты республиканского кандидата МакКейна». Путин явно имел в виду группу неоконсерваторов, «неоконсов», которые стали превращаться во влиятельную силу с 80-х, а вместе с Бушем-младшим начали напрямую определять политику США.

Но кто такие «неоконсы»? — Это не партия, не парламентская группа, не часть правительства, не судебная инстанция. С точки зрения «прямой власти» (potestas directa), их не существует. Это неформальная группа единомышленников, представленная интеллектуалами,



Неоконсерваторы: иллюстрированный процесс становления

учеными, бизнесменами, журналистами, отдельными политическими и общественными деятелями. Это клуб, кружок. А если угодно, это заговор. Как бы мы ни назвали это явление, мы имеем дело с «косвенной властью» (potestas indirecta), не имеющей никакой однозначной политической и государственной институционализации.

Сами неоконсы, говоря о самих себе и своей программе, неустанно подчеркивают — «the ideas do matter» — «идеи имеют значение». В этой формуле скрыто чрезвычайно много. «Идея» не имеет политической и правовой институционализации, более того, она предшествует всякой политике. Поэтому бессмысленны попытки загнать сферу идей в легальные и правовые рамки — это разные уровни реальности. Но если работа с идеями ведется адекватно, последовательно и настойчиво, то стартуя с любой позиции — даже с самой маргинальной и периферийной — она может дать внушительный результат, подчинив своей логике гигантские политические и государственные массивы.

Американский политолог Джозеф Най в несколько ином контексте обозначил то же явление как «soft power» («мягкое могущество»).

Кстати, сами неоконсы иллюстрируют своим примером то, как действует это правило — в 70-е годы они представляли собой жалкую кучку ультрамаргиналов троцкистов, группировавшихся вокруг журналиста Нормана Подгоретца и не имевших ровным счетом никакого влияния в США. Но они занимались идеями и только идеями, и это дало результаты. В 70-е они успешно интегрировались в левый фланг Демократической партии, сумев сохранить свою идеологическую идентичность, а в 80-е двинулись на захват Республиканской партии, пока, наконец, не вытеснили оттуда «старых правых» («палеоконсерваторов»), чей главный теоретик Пэтрик Бьюкенен оплакивал это событие, сравнивая неоконсов со сквоттерами. А в лице Джорджа Буша-младшего они получили огромную власть не только над Америкой, но и над значительной частью всего мира. Доказав всем недоверчивым — насколько много может значить идея.

Так постепенно от брутальных форм теории заговора мы переходим к возможности исследовать область «косвенной власти» (potestas indirecta) более рациональным способом. «Тайное общество» неоконов подсказывает нам как это сделать. Надо просто обратить внимание на идеи. Не на институты, не на личности, не на указы и декреты, не на инстанции и процедуры, не на право и не на технологии, а на давно забытые и преданные насмешке идеи. Вместо того, чтобы заниматься (всегда занимательной, а иногда и продуктивной, но всегда слишком приблизительной) мифологизацией политических процессов, не лучше ли поинтересоваться сферой идей. Это не вернет нас на землю (об идеях Платон говорил, что они либо парят, либо умирают), но снабдит нас надежным рациональным инструментом в виде философии. Так от теории заговора мы плавно переходим к рассмотрению идей и идеологий.

Происхождение Американской Идеи

Чтобы понять, что является осью и тайным центром всей американской политики, ядром американской potestas indirecta, американского soft power, надо обратиться к исходным формам американской национальной идеи.

Первым кто внятно сформулировал эту американскую идею был журналист Джон О'Салливан, активист Демократической партии (впервые в тексте 1839 года и более подробно в книге 1845 года — «Divine Destiny of America», «Божественное предназначение Америки»). Он определил ее как « Manifest Destiny», что можно перевести как «очевидное предназначение» (или «предначертание»). Согласно О'Салливану, Соединенные Штаты имеют «божественную миссию», основанную на таких ценностях как равенство, свобода совести, права индивидуальности, «основать на земле моральное достоинство и спасение человечества». Так как, по мнению О'Салливана, Мексика не являлась государством, разделяющим эти ценности, то земли Мексики — Техас, а позже Калифорния — «по праву» («по Божественному предназначению») должны быть присоединены к США. На том же основании — Manifest Destiny — О'Салливан предлагал отобрать Штат Орегон у Англии. Англия в этом случае также была найдена «не достаточно демократичной и цивилизованной державой». О'Салливан считал, что обращение к этой инстанции — к «очевидному предназначению» — есть «высший закон» и «абсолютная ценность». Призывы О'Салливана были восприняты, и США захватили мексиканские земли, аннексировав их в соответствии с этим «божественным призванием». Естественно, это произошло в ходе военных действий. Так же произошло и со Штатом Орегон.

Практически в то же время в 30 годы XIX века американский президент Джэймс Монро формулирует свою знаменитую доктрину — «доктрину Монро». Звучит она довольно просто «Америка для американцев». В данном случае речь шла о том, что только американские державы должны стратегически контролировать все пространство американского континента (включая Южную и Центральную Америку). Это означало ультимативное требование европейским державам (в том числе и России, контролировавшей через «Российско-американскую компанию», созданную Шелеховым и Барановым, не только Аляску, но значительную часть собственно Северо-американских территорий к Западу от Скалистых гор) уйти с территории Америки.

Но если «доктрина Монро» выражала прямые жизненные интересы США, и не случайно она была сформулирована официальным главой государства, пятым Президентом США, то теория «Manifest Destiny» О'Салливана относилась к категориям ценностей. Причем обе теории прекрасно дополняли друг друга — одна на практическом, другая на теоретическом уровнях.

Из этих двух составляющих и сложилась первая версия Американской Идеи, нигде не закрепленная, но объясняющая всю логику развития американской истории на протяжении XIX и начала XX веков. Смысл этой идеи в следующем: «США — это богоизбранная страна, носительница высших идеалов всего человечества, которой Провидением вверено расширяться и устанавливать контроль над остальными странами (для их же вящей пользы)».

В этой идее причудливо сочетается:

- и протестантский фундаментализм,
- и либеральный пафос светского европейского Просвещения,
- и практические соображения бурно развивающегося индустриального общества в поисках новых земель и колоний,
- и масонский идеал «свободы, равенства и братства»,
- и даже расистский момент, косвенно наделяющий особой миссией англо-саксов.

Вот с такой Американской Идеей, разделяемой большинством американской элиты, но не имеющей никакой строго фиксированной правовой или политической формы, США вступили в XX век.

Рождение CFR

В первой четверти XX века Американская Идея претерпевает существенное изменение. США оказались втянутыми в Первую мировую войну. После атаки немецкой подводной лодки на английский корабль «Лузитания», на котором находились 100 американских граждан — президент Вильсон принимает решение включиться в события на стороне Антанты. После заключения Версальского мира, США начинают переосмысливать свое место в мире. Если раньше «Manifest Destiny» проявлялось в стратегическом проекте добиться независимости американцев от европейских держав и установить контроль над странами Центральной и Латинской Америки (собственно «доктрина Монро»), то теперь США почувствовали, что готовы распространить свои интересы и свои ценности и за пределы американского континента — соучастие в победе над Германией открывало для этого историческую перспективу. К тому же прежняя морская империя Англия на глазах теряла влияние над колониями, оставляя существенный вакуум власти и влияния. Американская экономика переживала, напротив, бурный подъем, и США принялись постепенно перекупать

английские колонии, устанавливая в них под видом независимости и демократии свой экономический и политический контроль. Так родилась доктрина Вильсона, сменившая доктрину Монро. Отныне территорией, предначертанной для установления американского стратегического контроля и распространения американских ценностей (демократии, прав человека, свободного предпринимательства) становился теоретически весь мир.

Здесь мы подходим к точке, ключевой для большинства теорий заговора — к созданию уникальной организации Council on Foreign Relations (CFR), «Совета по внешней политике». Эта организация не дает покоя огромному числу конспирологов, и, так или иначе, участвует во всех изданиях «теории заговора». CFR почти с самого начала обвиняют в том, что это тайное общество, стремящееся создать «мировое правительство», «подчинить себе и своим членам всю политику США», «лоббировать интересы других держав», «служить чуть ли не инструментом мирового коммунизма».

CFR был создан стараниями близких к Вильсону банкирских домов Рокфеллеров и Морганов и представлял собой неформальную группу академических ученых, призванных выработать внешнеполитическую стратегию США в послевоенном мире. В центре этой группы стояли советник Вильсона полковник Мандель Хаус, Уолтер Липпман, крупнейший банкир Пол Уорбург, Герберт Гувер, Лайонел Кертис и другие. Центром CFR стал Нью-Йорк, торговая и культурная столица США. Штаб-квартира этой организации до сих пор находится там же — 58 East 68th Street.

С самого начала деятельность CFR была покрыта ареалом тайны. В этой организации участвовали представители обоих главных партий США, крупнейшие магнаты. Информация о деятельности не разглашалась. Организация весьма напоминала масонскую ложу, в частности тем — что на первых порах в ее работе запрещалось принимать участие женщинам (это правило сохранилось во многих североамериканских масонских ложах до настоящего времени). Нет информации, что CFR имело обряды и символические учения, наподобие масонских, скорее это напоминало закрытый элитарный клуб. Те крупицы информации, которые просачивались в прессу о деятельности CFR, только подливали масла в огонь. Становилось известно, что среди членов этой организации множество высокопоставленных политиков, бизнесменов, деятелей науки. Несколько раз сами члены CFR,

в том числе сам Рокфеллер, заявляли о том, что создание «мирового правительства» неизбежно и желательно.

Обращение к теме «мирового правительства» вызвало бурный отклик как в среде правых консерваторов (увидевших в этом «след Антихриста»), так и левых прогрессистов, разглядевших в CFR «заговор империалистической буржуазии». Но никакие скандалы не могли остановить CFR.

CFR начинает издавать регулярный журнал «Foreign Affairs» («Международные отношения»), который становится в скором времени самым влиятельным изданием, где формируются основные решения во внешней политике США. Члены CFR становились руководителями ЦРУ — как Аленн Даллес или Джордж Буш-старший, президент США. Очень близок к CFR был президент Никсон (назначивший крупнейшего деятеля CFR Генри Киссинджера советником по национальной безопасности), а президент Картер был членом этой организации и сформировал на ее основании весь пул своих советников и экспертов, а также сотрудников Администрации.

CFR и новая редакция Американской Идеи

Если подвергнуть CFR рациональному анализу, отложив в сторону обильную конспирологическую мифологию, мы опознаем в этой инстанции новую формулировку Американской Идеи, с учетом изменении статуса США в начале XX века. Основной задачей CFR с момента основания было осмысление и продвижение в жизнь «американской миссии», Manifest Destiny — но на сей раз на планетарном уровне. Америка — с ее интересами и ценностями — выходила теперь за пределы своего континента и становилась активным игроком в мировой политике. В этой глобальной политике она не просто должна была отстоять некие материально-стратегические рубежи, способствующие собственной безопасности и обеспечивающие развитие, но по сути покорить мир, аннексировать прямо или косвенно всю территорию планеты — под эгидой «Богом данной миссии». «Божественное предназначение Америки», о котором провозгласил О'Салливан, задание нести народам «демократию» и «свободу», получило всечеловеческий масштаб.

Отсюда и идея «мирового правительства». Включая в зону своего влияния новые страны и территории, США требовалось предложить

им какое-то соучастие в новой архитектуре американского мира. Формат такого соучастия не мог обсуждаться публично, так как речь шла о передаче (вначале частичной) национального суверенитета внешним инстанциям. Для консервативных американцев, привыкших к прежнему изданию Американской Идеи, это было непривычно. — Отсюда и подозрения членов CFR в том, что они «торгуют американскими интересами». «Мировое правительство» должно было стать новым этапом реализации Американской Идеи, но таким этапом, который перевел бы сам статус США от национального государства к флагману Всемирной Федерации, World State, «мировому государству».

Именно под эгидой этой миссии и прошел XX век, в ходе которого мы можем наблюдать последовательный рост американского влияния в мире, достигший своего пика в конце XX века. XX век действительно стал веком Америки, так как в его начале США были периферийной державой, во второй половине стали одной из двух сверхдержав, а к концу столетия превратились в единственную гипердержаву (по выраженпю Юбера Видрина). По сути, основные пункты программы Вильсона были выполнены.

Критики CFR, такие как палеоконсерватор Пэт Бьюкенен, с горечью говорят сейчас по этому поводу «Америка приобрела весь мир, но потеряла саму себя».

Трехсторонняя комиссия

CFR шел к своей цели постепенно. В июле 1973 года по инициативе Рокфеллеров члены CFR — в первую очередь, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер и другие — создают «Трехстороннюю комиссию», Trilateral comission, еще один объект пристальной конспирологической критики. Это — международная организация закрытого типа, тоже своего рода клуб, куда входят представители политической, научной, масс-медийной, экономической элиты, но на сей раз не только американской, но также европейской и японской. Капиталистический мир делится на три геополитические зоны, призванные координировать свои усилия по окружению СССР и стран социалистического лагеря, а также согласовывать позиции по созданию «мирового правительства». В этом нет ничего нового по сравнению с CFR — происходит дальнейшая формализация изначальной стратегии, Trilateral comission становится конкретным воплощением того мироустройства, к которому стратеги CFR шли начиная с эпохи Вудро Вильсона.

В функциональном смысле «Трехсторонняя комиссия» на международном уровне выступает как продолжение CFR, чей формальный статус ограничивается территорией США.

Трехсторонняя комиссия и победа Запада в «холодной войне»

Несмотря на то, что в самой Америке членов CFR неоднократно обвиняли в «коммунизме» и «предательстве американских национальных интересов», на самом деле, CFR служил исключительно интересам США. Все недоразумения возникали из-за того, что для реализации Американской Идеи в форме «мирового правительства» необходимо было убедить другие международные силы, что в процессе «глобализации» (а это и есть главный инструмент CFR) выгоды якобы получат не только США, но и все остальные, а значит, «мировое правительство» будет коллективным органом. «Каким еще коллективным?», вопрошали консервативные американцы, до которых доходили смутные слухи о деятельности CFR или Трехсторонней комиссии. Чтобы не пояснять своим, что эта «коллективность» будет носить фиктивный характер, членам CFR приходилось терпеть эту критику в свой адрес, а на самом деле, они прекрасно понимали, что делали. «Мировое правительство», к которому вел дело CFR, должно было воплощать именно Manifest Destiny, то есть американскую мечту и американскую миссию, а всем остальным предлагалось лишь как можно более комфортно адаптироваться к этому, согласившись добровольно на «геополитическую эвтаназию».

Особым успехом такой стратегии CFR был вброс «теории конвергенции». Эта теория заключалась в том, что буржуазная демократия и советский коммунизм имеют одни и те же идеологические корни, уходящие в Просвещение, и поэтому конфронтация капитализма и социализма должна перейти к мирному сосуществованию, а в перспективе и слиянию двух систем. Продвигать эту концепцию были призваны дочерние структуры CFR такие как Римский клуб и Венский институт Системных Исследований.

В конце 70-х Трехсторонняя комиссия интенсифицировала контакты с Пекином, где в 1980 провела выездное заседание. Смысл состоял в том, чтобы предложить Китаю гигантскую экономическую помощь и дипломатическую поддержку в обмен на либерализацию экономики. С этого начались китайские реформы.

В 70-е же годы Трехсторонняя комиссия стала активно налаживать связи с СССР. Так в Москве академиком Джерменом Гвишиани был создан Институт Системных Исследований. По сути, это было первое полуофициальное представительство CFR в Москве. Именно здесь вызревали идеи «управляемости мировым сообществом», «перестройки», «гласности» и т.д. Советники и сподвижники Горбачева — Яковлев, Шеварнадзе, Шахназаров и другие — постепенно пропитались этими идеями. В результате советская идея была отброшена в пользу теории конвергенции. Чем это кончилось всем известно: Варшавский договор был обрушен, СССР распущен, и Россия превратилась в региональную державу, открыв новые, невиданные доселе просторы для реализации Идеи Американской.

Про соучастие Москвы в «мировом правительстве» все тут же забыли, и все свелось к одностороннему укреплению американской мощи — на сей раз за счет территорий, откуда растерянная и запутавшаяся Москва, лишенная какой бы то ни было идеи, поспешно выводила свои войска и инфраструктуры.

После распада СССР, CFR создает в Москве свой прямой филиал. Им становится СВОП — Совет по Внешней и Оборонной Политике. СВОП призван оказывать влияние на российских политиков, политологов, специалистов по внешней политике, журналистов. Начиная с 1991 года, членами этой организации становятся практически все ньюсмэйкеры ельцинского периода. Почти официальным органом СВОПа некоторое время служит «Независимая Газета». CFR и Трехсторонняя комиссия получают почти неограниченное влияние на российскую интеллектуальную элиту.

Уже при Путине в 2002 новое поколение агентов влияния CFR в лице Федора Лукьянова начинает выпускать прямой аналог «Foreign Affairs» — российский журнал «Россия в глобальной политике», в редакционный комитет которого входят многие российские олигархи, известнейшие политики и эксперты.

На базе СВОПа создается клуб «Валдай». Патронирует клуб одна из ключевых фигур сектора американской разведки, занимающегося Россией Фиона Хилл. Американский CFR представлен Стивеном Сестановичем, Эндрю Качинсом (куратор американской сети влияния в России по линии Карнеги), Клиффордом Капчаном и целым рядом других разведчиков и аналитиков.

Основная стратегия CFR в России (как и в Китае) заключается в том, чтобы

- вовлечь местную интеллектуальную, политическую и экономическую элиту в орбиту американского влияния,
- создать устойчивую систему лоббирования американских интересов,
- продвинуть идею соучастия в «мировом правительстве» политического руководства страны в обмен на следование американским указаниям.

При этом сети CFR делают акцент на универсальности, всеобщности тех ценностей, которые отстаивают США. Это сродни политической идеологии или даже религиозной идее: вера в то, что американские (западные) ценности являются общечеловеческими оправдывает и объясняет то, что суверенное государство (в нашем случае Россия) должна жертвовать своими национальными интересами ради соучастия «в торжестве демократии, либерализма и прав человека». Эта идеологическая программа CFR и легла в основу мировоззрения российской политической и экономической элиты 90-х.

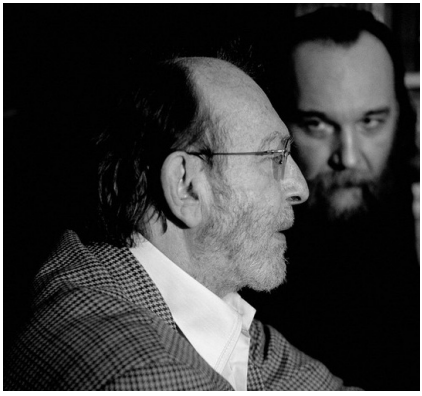
До Путина вся эта деятельность по введению в России внешнего управления через сеть агентов влияния развивалась планомерно и почти беспрепятственно, на место русской национальной идеи была поставлена американская (как общечеловеческая). Но и в бытность Путина президентом и даже сейчас мы видим, что сети CFR далеко не исчезли.

США пришли к однополярному миру не случайно. Это результат почти двухвековой стратегии, последовательных и идеологически обоснованных действий, поступков, решений, расчетов и операций.

Если Россию за эти два столетия шатало и бросало из стороны в сторону до такой степени, что ни о какой идеологической преемственности или передачи эстафеты по линии элит и речи быть не могло, США упорно и планомерно двигались к мировому могуществу, к реализации того, что сами они считали и считают «божественным предназначением Америки». У них проблемы с национальной Идеей, а точнее, с методами ее реализации. У нас же вообще этой национальной идеи нет, так как на месте ее в последние десятилетия стояли совершенно чуждые нам импортированные ценности.

Чтобы в такой ситуации выстоять, недостаточно просто решительно отстаивать наши интересы. Это важно и может быть на дан-

ный момент это главное. Но так как речь идет не о конце случайного конфликта, а о начале системного фундаментального противостояния, то нам жизненно необходимо наверстать упущенное за эти годы и всерьез осмыслить самих себя, определить нашу идентичность, выяснить место России в мире, сформировать наш проект и четко выразить нашу идею. The ideas do matter. — Вот этой истины нашей власти, нашему государству, нашему политическому руководству действительно не хватает.



Ален де Бенуа

Уже на протяжении 40 лет в Европе функционирует «Группа исследований и изучения за европейскую цивилизацию» (сокращенно GRECE) основателем которой является известный французский философ Ален де Бенуа. В своих исследованиях представители этой группы проводят линию на то, что Европа должна быть самостоятельным геополитическим игроком, независимым от США. Будучи традиционалистами и консерваторами, де Бенуа и его последователи даже в эпоху СССР стояли за сближение с Москвой, а после конца СССР стали еще активнее поддерживать союз Европы с Россией против американской доминации. Очень важно, что этой позиции придерживаются не социалисты или коммунисты, но именно консерваторы, называемые также «новыми правыми». Эта группа издает регулярные журналы «Nouvelle Ecole», «Elements»,«Krisis», материалы коллоквиумов, конференций, публикует множество книг европейских и иных авторов в общем идеологическом (антиамериканском) ключе. На интеллектуальную жизнь Франции и Европы эта группа оказывает огромное влияние.

В настоящее время идеи и взгляды де Бенуа являются наиболее близкими из европейских интеллектуальных групп к руководству Российской Федерации. Де Бенуа выступает за многополярный мир, за различные системы демократий с национальной спецификой, за интеграцию «больших пространств» (европейского, постсоветского и т.д.), за сотрудничество Европы с Россией, за дифференцированную

экономику, за систему самостоятельной европейской безопасности (без НАТО и с партнерством с Россией), против однополярного мира, против либерального догматизма, против бездуховности и общества потребления, против смешения народов и культур.

Для высшего политического руководства РФ диалог с А. де Бенуа и личные контакты с ним позволили бы иметь идеального партнера по диалогу, который самостоятельно и около 40 лет назад на основе автономных идеологических и геополитических исследований пришел к тем же выводам, к которым пришло руководство современной России в начале 2000 годов. Де Бенуа представляет ту Европу, которую хотелось бы видеть руководству страны. Европу континентальную, пророссийскую и проевропейскую (но при этом антиамериканскую и антинатовскую).

Для интеллектуальных и академических кругов России регулярные контакты с де Бенуа и GRECE могли бы расширить представление о интеллектуальных процессах в Европе, открыть неизвестных авторов, школы, направления мысли, способные дать новый импульс российской общественной науке — по ту сторону и догматического марксизма и догматического либерализма.

Для укрепления российского влияния в Европе (в том числе и Восточной Европе) — причем среди «непрофильных» политических и общественных сред (правых, а не левых как при СССР) — тесные связи с де Бенуа и GRECE могли бы стать основой сети, способной противодействовать сетевым операциям США в Европе.

В битве идей одной материальной силы или технологий не достаточно. Прагматизм не может заменить собой идеологию, а ориентация только на интересы в отрыве от ценностей приведет рано или поздно в тупик. Ведь именно идеи по настоящему и имеют значение.

Артем Лукин

ЯДЕРНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ: ЗЛО ИЛИ БЛАГО?

Введение

Международные отношения, по знаменитому утверждению Раймона Арона, «развертываются в тени войны». К сожалению, масштабное физическое насилие, либо угроза его применения остается одним из фундаментальных свойств международной политики. Военно-стратегические соображения по-прежнему лежат в основе политики если не всех государств, то, по крайней мере, наиболее влиятельных мировых и региональных держав. А, значит, критическое значение имеют вопросы военного потенциала и вооружений, поскольку в международном конфликте победа во многом зависит от того, какая из сторон имеет более мощный комплекс средств физического насилия и разрушения и насколько эффективно она его использует.

Ядерное оружие стало самым мощным средством убийств и разрушений, которое человечество когда-либо создавало в своей истории. Тот факт, что это, по выражению Бернарда Броди, «абсолютное оружие» не применялось с 1945 года, отнюдь не гарантирует того, что оно не будет пущено в ход в будущем. Ядерное оружие остается «силой за троном», самим фактом своего наличия существенно воздействуя на характер современных международных отношений.

Для характеристики взаимосвязи ядерных вооружений и международной политики часто употребляется понятие «стратегическая стабильность». Согласно Н. Ромашкиной, «военно-политическая система является стратегически стабильной, если в рамках этой системы состояние мира поддерживается даже при постоянно действующих возмущениях (дестабилизирующих факторах) в течение определенного периода времени»[1].

[1] *Ромашкина Н. П.* Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений. М.: Научная книга, 2008. С. 224.

Данное понятие используется и в официальных межгосударственных документах. Так, в Совместном заявлении СССР и США относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениями (июнь 1990 г.) дана более операциональная версия термина: стратегическая стабильность — это такое такие состояние отношений двух держав, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара[1].

Как отмечают специалисты ИМЭМО РАН, классическая концепция стратегической стабильности состоит из двух слагаемых. Первое — это способность к недопущению глобальной войны за счет поддержания стратегического ядерного равновесия оппонентов, то есть способности стратегических ядерных сил гарантированно нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответных действиях. Второе — иметь такую группировку СЯС, планы и возможности по ее развитию, которые наглядно демонстрируют бесплодность попыток достижения односторонних преимуществ, то есть бесперспективности гонки вооружений[2].

Обобщая приведенные выше трактовки, можно определить стратегическую стабильность как такое военно-политическое состояние системы международных отношений, при котором акторы системы воздерживаются от осуществления силовой агрессии, развязывания войны, а также инициирования гонки вооружений в отношении других акторов. Важно подчеркнуть, что стратегическая стабильность проистекает не из «внутреннего» миролюбия государств, когда насилие претит государствам в силу их пацифизма, и не из отношений экономической взаимозависимости, когда войн стараются избегать из-за того, что они могут нанести ущерб взаимовыгодной торговле. В основе стратегической стабильности — механизм сдерживания, когда государства воздерживаются применять насилие в отношении других акторов системы, прежде всего, потому, что боятся ответного силового возмездия.

Ядерное сдерживание: понятие, виды, доктрины

В самом абстрактном виде, сдерживание заключается в удержании оппонента от определенных действий путем угрозы нанесения ему

[1] Стратегическая стабильность после холодной войны/ Авт. коллектив — Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А., Ознобищев С.К. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 60 с.

[2] Стратегическая стабильность после холодной войны. Ук. соч. С. 18.

такого ущерба, который бы превысил все мыслимые выгоды от этих действий. Военно-политическое сдерживание[1] (а дальше речь будет идти именно о нем) предполагает недопущение нападения, либо иных силовых акций со стороны потенциального противника посредством предъявления ему угрозы ответного силового удара.

Сдерживание является разновидностью политического принуждения, когда один субъект заставляет другого выполнить определенные действия или же воздержаться от них, угрожая ему в случае неповиновения наказанием в виде применения физической силы. Диапазон наказания может быть весьма широк — от нанесения «хирургических ударов» по ограниченному числу объектов противника (например, действия НАТО против Югославии в 1999 г.) до тотальной войны и полного уничтожения государства-оппонента (например, разрушение Римом Карфагена).

Концепция сдерживания всегда присутствовала в международных отношениях. Но только с появлением ядерного оружия она заняла центральное место в мировой политике и, следовательно, в теории международных отношений. В доядерную эпоху, государства могли надеяться на то, что с помощью своих оборонительных средств (армии, флота, крепостных стен и т.п.) они смогут отразить удар противника и не допустить нанесения критического урона своей собственной территории и населению.

Ракетно-ядерное оружие полностью упразднило эту логику. Теперь, чтобы нанести оппоненту неприемлемый ущерб, уже нет необходимости взламывать его оборону[2]. Достаточно нескольких десятков (или даже просто нескольких) ракет с ядерными боеголовками, способных поразить крупнейшие города и центры противника, чтобы эффективность сдерживания была если не стопроцентной, то, по крайней мере, очень высокой. Именно эффекту сдерживания многие приписывают заслугу предотвращения войны между СССР и США и сохранения относительной стабильности в период биполярности.

И конвенциональное, и ядерное сдерживание требует соблюдения трех условий: 1) Наличие у сдерживающей стороны достаточного военно-стратегического потенциала, применение которого способно

[1] Термин «сдерживание» применительно к международным отношения является переводом английского слова deterrence. На русский язык его иногда переводят и как «устрашение».

[2] Здесь мы пока оставляем за скобками фактор противоракетной обороны, которая теоретически может обеспечить защиту от ракетно-ядерного удара.

нанести противнику неприемлемый ущерб. 2) Угроза применения этого потенциала должна быть правдоподобной. Иными словами, оппонент должен верить в то, что угрозы являются не пустыми словами и со значительной долей вероятности могут быть реализованы. 3) Необходимо доходчиво довести до противника смысл угрозы, что требует наличия эффективных каналов коммуникации между сторонами конфликта. Сигнал об угрозе и вашей решимости ее осуществить должен быть понятен оппоненту, иначе сдерживание теряет смысл.

Одна из главных трудностей в применении сдерживания в отношениях между ядерными державами сводится к вопросу: как можно угрожать противнику ядерным ударом, если он может нанести ответный удар, в результате чего обе стороны могут быть уничтожены? Очевидно, что даже первостепенные национальные интересы государства вряд ли могут рационально обосновать такой шаг, ибо всякие национальные интересы сами по себе теряют смысл, если их носитель — государство — больше не существует. Эта проблема с 1960-х годов мучила западных теоретиков и стратегов, прежде всего в связи с возможным, как они считали, риском вторжения Советского Союза в Западную Европу. Как убедить Советский Союз в том, что США готовы выполнить союзнические обязательства перед европейцами даже чудовищной ценой ядерного разрушения своей собственной страны? Как сделать так, чтобы заведомо немыслимая, самоубийственная угроза, казалась противнику правдоподобной?

Один из подходов к решению этой дилеммы предложил американский стратегический аналитик Томас Шеллинг. По его мнению, в условиях взаимного гарантированного уничтожения между двумя ядерными державами угроза нанести первый удар будет заведомо неправдоподобной. Тем не менее сдерживание может основываться на страхе, что ситуация выйдет из-под контроля (например, в результате технического сбоя или человеческого фактора на нижестоящих уровнях командования) и может произойти эскалация до уровня полномасштабной ядерной войны. Государство, придерживающееся политики сдерживания, должно использовать угрозы, которые повышают вероятность непроизвольной эскалации. Если ставки в конфликте очень высоки и на кону действительно стоят важные для актора интересы, то оппонент вполне может поверить в его решимость осуществлять эскалацию рисков. Шеллинг утверждал: «ответ, который содержит в себе определенный риск войны, может быть

вполне убедительным, даже разумным, в то время как окончательное решение о начале полномасштабной войны было маловероятным и бессмысленным»[1]. Данная стратегия, которую часто именуют «балансированием на грани пропасти» (brinkmanship), манипулирует угрозами эскалации кризиса. Наибольшее значение здесь приобретают способность и готовность создавать риски.

Второй подход к ядерному сдерживанию получил название «ограниченного ответа» (limited response). В этом случае государство не загоняет оппонента в угол угрозой тотального уничтожения (когда он может лишиться всего и, значит, ему уже нечего будет терять), а пытается сдержать его путем угрозы нанесения сравнительного ограниченного ущерба (например, в виде уничтожения одного города или стратегического объекта). Достоинство этого подхода заключается в том, что, даже с утратой одного города противнику еще есть что терять и это может сделать его более сговорчивым. Кроме того, фактическое осуществление ограниченной угрозы, в случае если противник вначале не уступил, сразу же повышает правдоподобие последующих угроз. Это может убедить его отказаться от удара возмездия и отступить. Шеллинг подчеркивает, что в этом случае «принуждение больше зависит от угрозы будущего ущерба, чем от уже понесенных потерь»[2]. Применяя стратегию ограниченного ответа, государство пытается продемонстрировать, что его решимость превышает решимость противника в том смысле, что оно обладает большей готовностью нанести оппоненту ущерб и подвергнуться ответному удару во имя своих интересов[3].

Хотя вышеописанные трактовки ядерного сдерживания появились на свету в эпоху холодной войны, их, видимо, еще рано отправлять в архив. Пока будут существовать ядерные державы, отношения между которыми характеризуются острым соперничеством, эти жутковатые концепции будут сохранять актуальность.

Фактор стабильности или фактор риска?

Делает ли ядерное оружие наш мир более безопасным или же оно, напротив, создает неприемлемую угрозу для человечества? На этот

[1] *Thomas Schelling.* Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 98.

[2] *Schelling*. Op. cit. P. 172.

[3] *Robert Powell.* Nuclear Deterrence Theory: the search for credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 17-18.

вопрос до сих пор нет одного и убедительного ответа. В дебатах о ядерном оружии выделяется два противостоящих друг другу подхода. Сторонники первого утверждают, что ядерное оружие стабилизирует международные отношения. последователи второго делают акцент на рисках и угрозах, которые оно порождает.

Пожалуй, самым авторитетным и последовательным представителем первой точки зрения является создатель структурного реализма, американец Кеннет Уолц. Он уверен в том, что ядерное оружие вкупе со стратегией сдерживания повышает шансы государств на мирное сосуществование. Уолц исходит из того, государства являются рациональными акторами, склонными к минимизации рисков. Ядерные державы, имея дело друг с другом, будут вести себя крайне осторожно, поскольку понимают, что цена конфликта может быть слишком велика. «В конвенциональную (неядерную) эпоху, — подчеркивает Уолц, — государства могут развязать войну, зная, что даже в случае их поражения, их жертвы будут сравнительно ограниченными…Если же войну между собой начинают ядерные державы, они понимают, что их потери могут быть неограниченными»[1].

Чтобы стратегия сдерживания была действенной, необходимо иметь способность ответного ядерного удара. То есть государства должны располагать ракетно-ядерным арсеналом, хотя бы часть которого выживет в случае гипотетического первого удара противника и может быть использована для возмездия. Даже если несколько боеголовок имеют шанс поразить административно-промышленные центры противника, этого будет вполне достаточно, чтобы остановить потенциального агрессора. Поэтому, считает Уолц, даже государства с небольшим ядерным потенциалом могут успешно применять стратегию сдерживания в отношении гораздо более мощных ядерных держав. В этой связи Уолц не видит смысла в чрезмерном и дорогостоящем наращивании ядерных арсеналов, выступая за минимально достаточный потенциал сдерживания: «больше — не лучше, если достаточно иметь меньше»[2]. Кроме того, ядерное оружие уменьшит потребность в увеличении обычных вооружений[3].

[1] *Kenneth Waltz*. Realism and International Politics. New York: Roootledge, 2008. P. 261.

[2] *Waltz*. Op. cit. P. 272.

[3] *Waltz*. Op. cit. P. 272.

Умиротворяющий эффект ядерного оружия заключается и в том, что с его появлением резко снизилась стратегическая значимость территории. Раньше завоевание территории рассматривалась как важная мера по созданию вокруг государства «буфера безопасности». Теперь, когда главным гарантом безопасности стали ракеты с ядерными боеголовками, ослабели стимулы к расширению территориальных рубежей и тем самым была устранена одна из главных исторических причин войн[1].

По мнению Уолца, история взаимоотношений ядерных государств однозначно свидетельствует об отрезвляющем и умеряющем эффекте ядерного оружия. «Вероятность крупных войн между ядерными государствами стремится к нулю»2. Он полагает, что расширение ядерного клуба будет иметь скорее положительные последствия. Ядерное оружие, считает Уолц, практически непригодно для нападения. Оно может быть использовано только для защиты жизненно важных интересов, в случае, например, прямой агрессии против своей территории или ключевых стратегических союзников: «ядерное оружие эффективно гарантирует жизненно важные интересы страны, но малопригодно для установления господства над другими государствами»[3].

Уолц отвергает аргументы противников распространения, что если ядерной бомбой обзаведутся нестабильные или радикальные государства, то это может привести к катастрофе. Даже правители, которые могут кому-то казаться «иррациональными», желают жить и сохранять власть. И это заставит их крайне ответственно подходить к своему ядерному оружию. Ведь если они посмеют использовать свой арсенал для нападения, то может последовать сокрушительное возмездие со стороны других ядерных держав.

Уолц не исключает полностью возможность ядерной войны, но полагает, что даже в этом случае интенсивность конфликта быстро начнет спадать и катастрофы удастся избежать. «Если сдерживание не сработает, всего лишь несколько расчетливо запущенных боеголовок скорее всего отрезвят руководителей всех участников конфликта и приведут к деэскалации...Стратегии сдерживания уменьшают вероятность развязывания войн. Но даже если они вспыхивают, стратегии

[1] *Waltz*. Op. cit. P. 261.
[2] *Waltz*. Op. cit. P. 287.
[3] *Waltz*. Op. cit.. P. 296.

сдерживания снижают вероятность того, что они зайдут слишком далеко»[1].

Уолц резко отрицательно относится к проектам стратегической противоракетной обороны. Он считает, что их технологическая осуществимость и эффективность весьма сомнительна. Кроме того, даже если такая система будет создана, она окажет крайне дестабилизирующее влияние на отношения между ядерными державами и может породить опасную гонку оборонительных и наступательных вооружений[2].

О положительной роли ядерного сдерживания в предотвращении войн пишет и известный российский политолог Сергей Караганов. Он утверждает, что ядерное разоружение — это «вредный миф» и что «ядерное оружие есть благо, которое призвано спасти человечество от него самого»[3].

Если представители первого подхода развивают, по сути, единственный центральный аргумент об умиротворяющем эффекте ядерного сдерживания, то доводы противоположной стороны спора более разнообразны.

Во-первых, как уже отмечалось выше, сама суть сдерживания предполагает наличие риска обмена ядерными ударами. Поэтому, даже с этой точки зрения, ядерный катаклизм нельзя полностью исключать.

Во-вторых, оппоненты нуклеаризации обращают внимание на то, что ракетно-ядерные стратегические комплексы государств являются сложными системами, которые несмотря не все принимаемые меры предосторожности не застрахованы от ошибок и сбоев, вызванных либо техническими причинами, либо человеческим фактором[4]. Вероятность таких сбоев повышается в период кризисов, когда ядерные силы приводятся в повышенную готовность. Например, ошибочное срабатывание системы предупреждения о ракетном нападении может привести к отдаче приказа о нанесении массированного ответно-встречного удара. Известно, что в годы холодной войны США и СССР не раз оказывались на грани таких ситуаций.

[1] *Waltz*. Op. cit. P. 274.

[2] *Waltz*. Op. cit.. P. 290.

[3] *Сергей Караганов*. «Глобальный ноль» и здравый смысл // Россия в глобальной политике. Май-июнь 2010. №3.

[4] Например, см.: Scott Sagan. The Limits of Safety: Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons. Princeton: Princeton University Press, 1994.

В-третьих, период повышенного риска возникает, когда одно из государств готовится приобрести ядерный потенциал, либо только им обзавелось и еще не успело нарастить его до степени, достаточной для надежного обеспечения способности ответного удара. Так, в начале 1950-х годов американцы всерьез задумывались о превентивном ударе по Советскому Союзу, а в начале 1960-х — по Китаю[1]. Советский Союз, в свою очередь, был готов нанести упреждающий удар по китайским ядерным объектам в конце 1960-х годов. Такого рода превентивные меры вполне могут спровоцировать полномасштабную войну с использованием как обычных, так и ядерных сил.

В-четвертых, после завершения холодной войны угроза столкновения ядерных государств отошла на задний план, зато повысились риски, связанные с попаданием ядерного оружия в руки террористов, экстремистов и преступников. По словам бывшего руководителя МАГАТЭ Мухаммеда Эль-Баредеи, это самая серьезная угроза, с которой сталкивается сегодня мир[2]. Особую тревогу в этой связи вызывает нестабильность в Пакистане, ядерный арсенал которого, по мнению ряда аналитиков, слишком уязвим перед исламскими экстремистами. Вот что пишет известный американский ученый Грэм Аллисон: «Если Пакистан потеряет контроль хотя бы над одним ядерным зарядом, который будет в конечном счете применен террористами, это изменит мир. Жизнь в городах подвергнется трансформации, основные гражданские свободы будут урезаны…»[3]. Как уже говорилось выше, классическое сдерживание практически бессильно перед нетерриториальными акторами, такими как террористические сети, которые к тому же с легкостью жертвуют своими (и чужими) жизнями.

Выдвигая вышеперечисленные аргументы, противники ядерного оружия настаивают, что следует немедленно усилить режим его нераспространения, а затем достигнуть и всеобщего ядерного разоружения.

---

[1] *Scott Sagan*. How to Keep the Bomb from Iran // Foreign Affairs. September/October 2006. P. 45-59.

[2] *Mohamed ElBaradei*. Statement to the 64th Regular Session of the United Nations General Assembly. November 2, 2009.

[3] *Graham Allison*. The Nuclear Disorder // Foreign Affairs. January/February 2010. P. 75. (pp. 74-85).

Региональные измерения стратегической стабильности: опыт Южной Азии.

Сегодня насчитывается девять ядерных государств, пять из которых (Россия, США, Китай, Франция, Великобритания) признаются международным правом (Договор о нераспространении ядерного оружия). Все пять «легитимных» ядерных государств одновременно являются великими державами с глобальными интересами. Приобретение и наращивание ими ядерных арсеналов было в значительной степени обусловлено логикой холодной войны. Поэтому эти государства часто относят к «первой» ядерной эпохе.

Остальные четыре ядерные государства (Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея) являются в первую очередь региональными державами[1] и осуществили нуклеаризацию прежде всего в силу угроз, источники которых находятся в их собственном регионе. Возникает вопрос: может ли стратегическая стабильность, сформировавшаяся в годы холодной войны и поныне существующая между «классическими» ядерными державами, быть воспроизведена на региональном уровне? Мнения на этот счет весьма сильно расходятся.

Так, специалисты ИМЭМО РАН полагают, что «распространение ядерного оружия и его носителей в мире не влечет автоматического воссоздания взаимного ядерного сдерживания и стратегической стабильности на региональном уровне…отработанный за десятилетия механизм сохранения стратегической стабильности в рамках взаимного ядерного сдерживания, включая системы предотвращения несанкционированного применения, в значительной части отсутствует на региональном уровне во взаимоотношениях между новыми ядерными государствами»[2].

В качестве доводов в поддержку такой точки зрения чаще всего приводятся: отсутствие у молодых ядерных государств опыта применения доктрин ядерного сдерживания; несовершенство их ядерных арсеналов, систем управления и контроля; вовлеченность этих государств в острые и застарелые конфликты с соседями по региону, которые уже неоднократно приводили к конвенциональным войнам;

[1] Здесь надо сделать оговорку, что Индия безусловно была региональной державой до самого недавнего времени, но сейчас все больше начинает претендовать на статус великой державы с глобальными амбициями.

[2] Стратегическая стабильность после холодной войны. Ук. соч. С. 28.

высокая степень национализма и/или радикализма некоторых новых или пороговых ядерных государств; опасность попадания ядерных боезарядов в руки террористических или иных криминально-экстремистских группировок вследствие нестабильности и внутренней слабости этих государств. Рассуждения, основанные на подобных доводах, нередко проникнуты идеей о том, что новые ядерные страны вряд ли смогут распоряжаться своими смертоносными арсеналами столь же рационально, взвешенно и ответственно, как ядерные державы первого поколения.

В скобках заметим, что способность новых держав безопасно владеть ядерным оружием ставится под сомнение отнюдь не во всех случаях. Так, Израилю и Индии, как правило, не отказывают в ядерной «рациональности» и «ответственности». В качестве главных обвиняемых выступают Пакистан, Северная Корея, а также некоторые азиатские государства, подозреваемые в ядерных амбициях (в первую очередь, Иран). Такая выборочность не может не вызвать мысль о двойных стандартах современного режима нераспространения, который в основном отражает интересы стран Запада, монополизировавших право говорить за все «международное сообщество».

На сегодняшний день единственным случаем региональной ядерной диады выступает Южная Азия, где два самых крупных игрока, Индия и Пакистан, осуществили нуклеаризацию. В современном мире попросту нет других примеров действия механизма взаимного сдерживания среди так называемых новых ядерных держав. Потенциально таким регионом может стать Ближний Восток, если Иран превратится в ядерную державу и между ним и Израилем начнет действовать логика взаимного сдерживания.

Индия и Пакистан открыто заявили о наличии у себя военного ядерного потенциала в мае 1998 года, проведя практически одновременно серию ядерных испытаний. Однако есть основания полагать, что уже с конца 1980-х годов они располагали вполне пригодными к боевому применению стратегическими ядерными арсеналами. Таким образом, уже в течении более двух десятков лет Индия и Пакистан сосуществуют в условиях взаимного ядерного сдерживания.

Если для Дели главным мотивом нуклеаризации была китайская угроза, то Исламабад принял решение о создании ядерного оружия после сокрушительного поражения в войне с Индией 1971 года, в результате которой Восточный Пакистан получил независимость и стал

государством Бангладеш. Работы по созданию пакистанской бомбы были ускорены после успешного ядерного испытания, проведенного Индией в 1974 году. Пакистан рассматривал и продолжает рассматривать ядерное оружие прежде всего как стратегическое средство, позволяющее компенсировать его значительное отставание от Индии в силах общего назначения.

Согласно экспертным оценкам, в настоящее время каждое из двух государств располагает от 55 до 115 ядерных боезарядов[1]. Кроме того, и Индия, и Пакистан располагают ракетами средней и меньшей дальности, способными нести ядерные заряды. В то же время эксперты отмечают, что Дели и Исламабад наращивают свои стратегические потенциалы весьма умеренными темпами, прибавляя к ним всего по два-четыре заряда ежегодно[2]. Нет оснований говорить о том, что между ними разворачивается гонка вооружений. Обе страны придерживаются стратегической доктрины минимально необходимого сдерживания.

При этом ядерная доктрина Индии с самого начала предусматривала отказ от нанесения первого ядерного удара. Ядерное оружие может быть использовано только в качестве «массированного возмездия» в ответ на ядерное нападение противника[3]. В отличие от Индии, Пакистан не исключает возможность использовать ядерное оружие первым в случае крупномасштабной агрессии противника, но только в качестве последнего средства. Такая позиция логически продиктована относительной слабостью Пакистана в обычных вооруженных силах, которые в случае крупного конфликта вряд ли смогут долго противостоять индийцам.

Индия и Пакистан предприняли также некоторые шаги в области мер укрепления доверия. В 1988 г. они подписали двустороннее соглашение о ненападении на ядерные объекты друг друга, а в 2005 г. — соглашение о предварительном уведомлении друг друга о ракетных пусках. Кроме того, и пакистанские, и индийские ядерные арсеналы поддерживаются в состоянии пониженной боеготовности (например, боеголовки хранят-

[1] *K. Alan Kronstadt*. US — India Relations. CRS Report. No RL33529. Washington, DC: Congressional Research Service, 2007. June 6, 2007. P.30.

[2] *Marianne Hanson and Rajesh Rajagopalan*. Nuclear Weapons: Asian case studies and global ramifications. / Security Politics in the Asia Pacific: a regional-global nexus? Ed. by William T. Tow. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 230.

[3] *Ali Ahmed*. Reviewing India's Nuclear Doctrine. IDSA Policy Brief. New Delhi: Institute for Defense Studies and Analysis. April 24, 2009.

ся в разобранном состоянии и отдельно от средств их доставки), что позволяет увеличить их защищенность от несанкционированного доступа, минимизировать вероятность спонтанного и непреднамеренного применения ядерного оружия[1].

В целом, можно утверждать, что ядерное оружие играет в индо-пакистанских отношениях стабилизирующую и сдерживающую функцию. Во всяком случае, в ядерный период между странами не было крупных войн, подобных тем, что вспыхивали в 1947-48, 1965 и 1971 годах. Напряженность между Дели и Исламабадом, безусловно, сохраняется. Время от времени случаются довольно острые кризисы (особенно в 1999, 2001-2002 гг.) Однако каждый раз удавалось не допускать их эскалации и фактор ядерного сдерживания несомненно играет в этом немаловажную роль. «Ядерный арсенал Пакистана, — подчеркивает видный специалист по азиатским делам Муфия Алагаппа, — отчасти ослабил превосходство Индии в обычной военной мощи. Хотя он и не устранил всех последствий значительной разницы в силе между двумя странами, он наложил значительные ограничения на возможность Индии прибегать к военным средствам и позволил Пакистану меньше беспокоиться об индийской угрозе»[2]. В то же время попытки Пакистана использовать в ходе Каргильского инцидента в 1999 году угрозу ядерной эскалации, чтобы получить территориальные приращения в Кашмире, не увенчались успехом. Дели проявил твердость и вынудил пакистанские силы уйти с территории индийского Кашмира. Подобно Карибскому кризису между СССР и США, кризисы 1999 и 2001-2002 годов стали водоразделом в отношениях Индии и Пакистана: опасность ядерной войны заставила их сосредоточиться на том, как предотвратить крупный конфликт и урегулировать двусторонние отношения путем переговоров[3]. Схожей позиции придерживается и Н. Ромашкина: «именно наличие ЯО у обеих стран сыграет свою сдерживающую роль и предотвратит новую войну»[4].

Хотя Индия и Пакистан остаются за рамками ДНЯО, их ядерный статус де-факто признан мировым сообществом. После проведения

[1] *M. Hanson and R. Rajagopalan*. Op. cit. P. 236.

[2] *Muthiah Alagappa*. Nuclear Weapons Reinforce Security and Stability in 21st Century Asia. (An excerpt from The Long Shadow: Nuclear Weapons and Security in 21st Century Asia. Ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2008). www.globalasia.org

[3] *Alagappa*. Op. cit.

[4] *Ромашкина*. Ук. соч. С. 141.

ими ядерных испытаний в 1998 году, на них были наложены международные санкции, которые, впрочем, носили ограниченный характер и быстро были отменены. Более того, в 2005 году США заключили с Индией соглашение о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергетики, хотя ранее отказывались от такого сотрудничества со странами, не присоединившимися к ДНЯО. Затем это соглашение было санкционировано Группой стран — ядерных поставщиков. Таким образом, ни Индия, ни Пакистан не понесли какого-либо значимого ущерба на мировой арене вследствие своей нуклеаризации. Напротив, международный статус Индии с 1998 года значительно возрос.

Заключение

Роль ядерного фактора в международной политике продолжает вызывать острые дискуссии. Противники ядерного оружия часто говорят о его бесполезности против так называемых «новых угроз» безопасности (международный терроризм, транснациональная преступность, межобщинные конфликты и т.п.), которые, по их мнению, выдвинулись сегодня на первый план[1]. Действительно, ядерное сдерживание вряд ли может помочь в борьбе с террористами или наркоторговцами. Однако новые угрозы (многие из которых, на наш взгляд, носят искусственно раздутый характер) отнюдь не отменяют «старых», традиционных угроз, лежащих в сфере межгосударственных отношений.

В конечном итоге этот спор можно свести к фундаментальному вопросу о том, кто сегодня является наиболее важным субъектом мировой политики: государства (прежде всего, великие державы) или негосударственные акторы? По нашему мнению, именно государства остаются главными и наиболее влиятельными акторами. Никакой друг тип социально-политических субъектов пока не может сравниться с государством в способности мобилизовывать и организовывать человеческие и материальные ресурсы. Никто не может превзойти и способность государств убивать и разрушать в значительных масштабах. Государства не просто обладают этой способностью. Они продолжают ее применять, в том числе против других государств. Именно это определяет значение ядерного сдерживания. Ядерное оружие сегодня является одним из самых надежных поли-

[1] Стратегическая стабильность после холодной войны. Ук. соч. С. 27-28.

тических инструментов, гарантирующих суверенитет и выживание государства, в условиях малопредсказуемой международной среды, в которой по-прежнему господствует право сильного.

Современный антиядерный дискурс отчасти обусловлен искренним и благородным стремлением многих людей избавить мир от смертоносных арсеналов. Но в значительной мере он также продуцируется правящими элитами тех государств, для которых ядерное оружие превратилось в помеху для реализации их интересов. Речь, в первую очередь, идет о США. Создав когда-то ядерное оружие в надежде использовать его для утверждения своего мирового преобладания, Соединенные Штаты теперь видят в нем серьезную угрозу своей гегемонии. Ядерное оружие, защищая более слабые государства от силового нажима со стороны более сильных, делает международные отношения более равноправными. И это нравится далеко не всем.

Безусловно, ядерное оружие таит в себе массу рисков уже вследствие своей огромной разрушительной силы. Но было бы наивно полагать, что современный мир без ядерного оружия будет более безопасным. Люди могут устроить Армагеддон и не прибегая к ядерным арсеналам. Достаточно вспомнить Первую и Вторую мировые войны, да и предыдущие бесчисленные кровопролития, в результате которых нередко истреблялись целые народы и цивилизации. Ядерное оружие является лишь симптомом болезни — тревоги государств за свою безопасность, но не ее причиной.

Ядерное оружие способно быть конструктивной и отрезвляющей силой как на глобальном, так и на региональном уровне международной политики. Об этом, в частности, свидетельствует опыт Южной Азии. Оба главных региональных актора, Индия и Пакистан, осуществили нуклеаризацию, но это не привело росту конфликтности, а, напротив, способствовало стабилизации в их стратегических отношениях.

Юрий Матвиенко

ПРЕДУПРЕДИТЬ — ЗНАЧИТ ВООРУЖИТЬ (КИБЕРТЕРРОРИЗМ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА)

Названием статьи является парафраз знаменитого латинского афоризма «Praemonitus praemunitus» («предупреждён — значит вооружён»). А предупреждать есть о чём: тенденция развития нашей цивилизации как постиндустриального информационного общества такова, что ещё недавние «страшилки» писателей-фантастов и кинорежиссёров стараниями специалистов высоких технологий из виртуальных превратились уже в реальность и стали частью нашей повседневной жизни, опутанной «всемирной паутиной». И вот из бездны информационных технологий, из тёмных глубин киберпространства на сцену истории выползло и поселилось рядом с нами такое Hi-Tech-чудовище, как «кибернетический терроризм»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» (поэма «Тилемахида»).

Цель статьи — попытаться обратить более пристальное внимание в первую очередь органов власти и управления, правоохранительных структур и «капитанов» отечественного бизнеса на само это явление — кибертерроризм, дабы осознать возможные масштабы последствий и понять формы и способы реализации этой, отнюдь не виртуальной в начале XXI века угрозы для России и предпринять уже сегодня превентивные меры и приступить к формированию комплексной системы противодействия кибертерроризму как в государственных, так и коммерческих структурах.

В отличие от террора, проводимого властными структурами государства, терроризм, как социальное явление, характерен для оппозиционных сил, выступающих против «истеблишмента» и объективно являющихся стороной более слабой. Этой точки зрения, в частности, придерживается известный польский ученый, автор книги «Страте-

гия терроризма» А. Бернгард. Он пишет: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильными в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое объективно более слабыми в отношении более сильных»[1].

Современный терроризм — это массовая высокоорганизованная деятельность, чаще всего выступающая под знаменем борьбы за те или иные национальные, религиозные или территориальные права. При этом терроризм рассматривается именно как политический (а не криминальный) акт и политически мотивированное насилие.

В окружающем нас мире терроризм как социальное явление достаточно многолик. Одни усматривают в нём наиболее опасный, но крайне эффективный «подводный» инструмент формирования современной системы международных отношений[2]. Другие видят в нём современную форму ведения вооруженной борьбы за мировое переустройство, обосновывая свой тезис тем, что «война всегда ведётся самыми эффективными в данный исторический период средствами»[3]. Ряд исследователей видит в терроризме один из способов борьбы за власть внутри отдельного государства[4]. Тем не менее, опыт борьбы с терроризмом показывает условность любой его классификации и градации, ибо порой сложно сказать, какой международный отклик или резонанс получит тот или иной террористический акт и как это событие повлияет на межгосударственные отношения и внутригосударственный расклад политических сил.

Поэтому в Федеральном законе «О противодействии терроризму» 2006г. термин «терроризм» («система страха», от латинского terror — страх, ужас) определён как «идеология насилия и практи-

[1] *Berngard. A*. Strategia terrorismu. — Warszawa, 1978.

[2] *Дроздов Ю*., Егозарьян В. Мировая террористическая …. — М.: «Бумажная галерея», 2004; Анненков В.И., баранов С.Н., Моисеев В.Ф., Сергеев Н.А. Безопасность и противоборство в информационной сфере: аспекты национальной безопасности. Учебное пособие / под общ. ред. профессора В.И. Анненкова. — М.: Русавиа, 2010.

[3] *Паршин С. А*., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности? — М.: КРАСАНД, 2011; Илларионов С.И. Глобальная террористическая война. — М.: ООО РИЦ ПрофЭко, 2006; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21». — М.: Военный университет, Русский путь, 2005.

[4] *Баташёв А*. «Предвыборный терроризм.// Русский журнал, 27 июня 2001г.; Цыганов В.В. Медиа-терроризм: терроризм и средства массовой информации. — К.: Ника-Центр, 2004; Расторгуев С.П. Основы информационной безопасности: учеб. Псобие для студ. высших учебных заведений. — М.: ИЦ Академия, 2007.

ка воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». С информационной точки зрения терроризм можно рассматривать как специфическое информационно-управляющее воздействие на население страны и органы власти в целях изменения общественного сознания, в основе которого лежат противоправные насильственные действия[1].

Одной из форм такого манипулятивного воздействия на общественное сознание в нужном для террористов направлении как раз и является «кибертерроризм», когда для достижения своих политико-идеологических целей и установок террористы используют компьютеры, специальное программное обеспечение, телекоммуникационные сети (в первую очередь Интернет), специальную электронную аппаратуру, а также современные информационные технологии, обеспечивая несанкционированный доступ к тем или иным информационным и программным ресурсам, технологическим процессам, техническим системам и объектам, в том числе входящим в системы безопасности и обеспечения жизнедеятельности. Демонстрация террористами возможности доступа к неким ресурсам, объектам и системам и угроза использования этой возможности во вред обществу может вызвать сильное эмоциональное воздействие на психологическое состояние и поведение людей, особенно непосредственных адресатов этой угрозы.

Что касается природы кибертерроризма, то он качественно отличается от общепринятого понятия терроризма, сохраняя лишь стержень этого явления и основные признаки — выдвижение разного рода требований к властным структурам и попытка их достижения путём противоправных насильственных действий. Уже сегодня кибертеррорист, находясь практически в любой точке земного шара, может нанести больший вред, используя в своём преступном арсенале компьютерную клавиатуру и «мышь», нежели «традиционный» террорист, использующий взрывное устройство (например, бомбу) или отравляющие вещества.

Яркий недавний пример кибернетической террористической деятельности — скандал, связанный с сайтом WikiLeaks. Публикации на сайте материалов об Ираке, Афганистане, а также дипломатической

[1] *Белоножкин В. И.*, Остапенко Г.А. Информационные аспекты противодействия терроризму. — М.: Горячая линия-Телеком, 2009.

переписки госдепартамента США — это кибернетические террористические акты, если под ними понимать «устрашающее информационно-управляющее воздействие на сознание населения и носителей властных полномочий»[1]. Результатом публикаций сайта явился ряд отставок государственных чиновников в некоторых странах и ухудшение международных отношений между некоторыми странами — фигурантами скандала.

Термин «кибертерроризм» ввел в 1980 г. Бэри Колин — старший исследователь американского Института Безопасности и Разведки в Калифорнии, чтобы обозначить террористические действия в виртуальном пространстве[2]. В то время сеть ARPANET Управления перспективных разработок Минобороны США — прообраз нынешнего Интернета — объединяла всего несколько десятков компьютеров на территории США. При том уровне развития электронно-вычислительной техники и технологии сетей передачи данных практически этот термин был бесполезен и использовался лишь для составления прогнозов на будущее. Кстати, сам автор термина предполагал, что о реальном кибертерроризме можно будет говорить не раньше, чем в первые десятилетия XXI века. Однако первые террористические кибератаки были зафиксированы уже в начале 1990-х годов. Одной из самых резонансных в обществе и эффективных по своим последствиям кибератак того времени можно считать вывод американцами из строя иракских систем управления комплексами ПВО во время операции «Буря в пустыне» в Кувейте в 1991 г. При этом если отбросить всю пропагандистскую мишуру, действия США против Ирака можно рассматривать как акт государственного терроризма.

Не меньший резонанс в обществе в 1993-94 гг. вызвала кибератака группы литовских террористов на Игналинскую АЭС. Преступники действовали по классической модели терроризма: выдвижение требований — отказ — угроза насилия — отказ — осуществление насильственной акции. Так, члены группировки потребовали от правительства Литвы освободить осуждённого подельника, угрожая в противном случае взорвать атомную станцию. После отказа выполнить требования террористов, в ходе проведённого специального расследования выяснилось, что произошёл сбой в работе

[1] *Белоножкин В. И.*, Остапенко Г.А. Информационные аспекты противодействия терроризму. — М.: Горячая линия-Телеком, 2009.

[2] *Старостина Е.* Кибертерроризм — подход к проблеме. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crime-research.ru. (дата обращения — 04.08.2010).

вычислительной системы, обслуживающей АЭС. Выяснилось также, что подкупленный преступниками штатный программист станции записал в систему управления АЭС «паразитный код», что позволяло перехватывать управление атомными реакторами и в нужный момент могло изменить скорость ввода урановых стержней в активную зону, что, в свою очередь, могло привести к неконтролируемой ядерной реакции.

В июне 1998 г. международная группа хакеров, называющая себя Milw0rm, получила доступ к Индийскому центру атомных исследований Bhabha Atomic Research Center (BARC) и создала фальшивую страницу сайта с ядерным грибом и надписью: «Если начнется ядерная война, вы закричите первыми…».

Бурное развитие Интернета в конце XX века и связанных с ним технологий вывели кибертерроризм из стен научно-исследовательских организаций в реальный мир и за короткий период превратили в мощное средство политической борьбы как внутри отдельных государств, так и на межгосударственном уровне. Так, настоящий «киберджихад» за Кашмир ведут друг против друга хакеры Пакистана и Индии. Пакистанские хакеры взламывают веб-сайты индийских государственных учреждений. В свою очередь, индийская хакерская группа «Indian Snakes», в качестве «виртуальной мести» распространила сетевой червь Yaha-Q, главной задачей которого стало совершение DDOs-атак на некоторые пакистанские ресурсы, среди которых — интернет-провайдеры, сайт фондовой биржи в Карачи и правительственные ресурсы. Помимо этого в начале 2003 года объявил о себе, как о новой террористической организации «Арабский Электронный Джихад» (AEJT), под новым для террористов лозунгом — поставить на колени Интернет. Организация AEJT заявила о том, что собирается уничтожить все израильские и американские Web-сайты, а также «все другие неугодные ей сайты»[1].

В августе 2003г. произошло обвальное отключение электричества в США, в результате которого только предварительный ущерб исчислялся 2–6 млрд. долл. В ходе расследования этой аварии появились новые факты, из которых следует, что именно сбои в компьютерных системах энергосетей стали основной причиной чрезвычайного происшествия. В день каскадного отключения червь Blaster забил каналы, которые использовались для связи между диспетчерскими центрами.

[1] См. материалы сайта http://www.crime-research.ru.

В результате время передачи данных значительно возросло и персонал не смог предотвратить развитие каскада.

Первой кибервойной принято считать действия, развернувшиеся в виртуальном мире «WWW» в период агрессии стран НАТО против Югославии в конце 90-х годов XX века. Помимо вооружённых сил противодействующих стран в информационное противоборство активно включилось гражданское население: протестующие с обеих сторон конфликта бомбили электронную почту правительственных сайтов стран-участниц боевых действий и их союзников. Хакеры всех мастей использовали Сеть для осуждения военных действий как Югославии, так и НАТО, и выдвижения требований о прекращении кровопролития путем нарушения работы правительственных компьютеров и получения контроля над сайтами. Такие действия, обусловленные политической мотивацией, прямо относятся к кибертерроризму и вписываются в теорию современной войны как «мятежевойны»[1]. Последняя рассматривается как слияние таких явлений, как война, политический экстремизм и социальные движения и использование в ходе военных действий для достижения победы над врагом как боевых операций регулярных вооружённых сил, так и террористических актов (в том числе и кибератак), проводимых участниками террористических групп различного толка, протестных движений либо разрозненными индивидуумами.

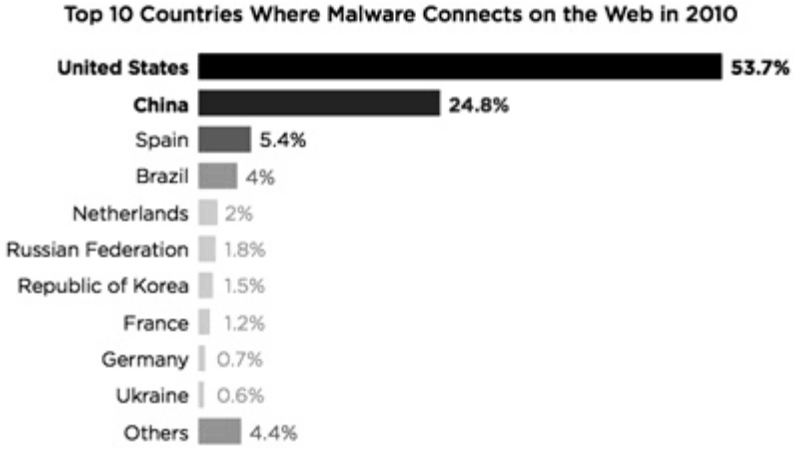
Тактика кибертеррора на фоне вооружённого конфликта была в большем масштабе использована в ходе так называемой «войны 08.08.08» в августе 2008г. в Южной Осетии и Абхазии. После атаки грузинских войск на Цхинвал в ночь на восьмое августа в СМИ, в том числе и в Интернете, разразилась настоящая информационно-психологическая война. Помимо информационного противоборства между российскими и грузинскими вооружёнными силами, в Сети в массовом количестве с обеих конфликтующих сторон появились так называемые «кибердобровольцы» (а по сути — кибертеррористы-патриоты), начавшие взаимные атаки на официальные сайты органов власти и управления России, Южной Осетии, Абхазии и Грузии[2]. Кстати, эта кибервойна в вялотекущем режиме с переменным успехом ведется участниками событий 2008 г. до сих пор.

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21. — М.: Военный университет, Русский путь, 2005.

[2] *Жаров М., Шевяков Т.* Хроники информационной войны. — М.: издательство «Европа», 2009.

Тактика создания армии кибердобровольцев была позже использована сторонниками основателя сайта WikiLeaks. Вывесив осенью 2010г. в Сети «Манифест анонимов» с, по сути, политическими требованиями, друзья Джулиана Ассанжа создали целое движение сторонников свободы слова, которые подвергли кибератакам ресурсы компаний Visa, MasterCard, PayPal и Postfinance, что привело в итоге к значительным экономическим потерям этих коммерческих структур.

К кибертерроризму можно отнести и попытки хакеров повредить сайты РЖД летом 2010 г. Это была хоть и слабоорганизованная, но четко целенаправленная политическая акция раздосадованных необоснованным повышением тарифов граждан, связанная с попытками нарушения работы одной из важнейших систем жизнеобеспечения страны.



Таким образом, ко дню сегодняшнему на счету кибертеррористов и хакеров всех мастей успешные атаки на сайты различных органов власти и управления, британский спутник связи, центр управления полетами НАСА в Гринбелте, штат Мериленд, энергосеть США, систему управления ПВО Ирака, ряд банковских систем и многие другие. Это говорит о том, что в арсенале киберзлоумышленников в настоящее время имеются достаточно эффективные, успешно апробированные на практике методы, способы и средства проникновения к информационным ресурсам и программно-аппаратным средствам самого разного назначения, в том числе к объектам и сетям жизне-

обеспечения. При наличии такого разнообразия кибероружия вполне можно ожидать кибердударов, направленных против действующей власти, банковской и коммерческой систем, электронного сервиса, управляемых компьютером инфраструктур, например, газо- и нефтепроводов, электрических сетей, систем контроля за наземным и воздушным транспортом, телефонных систем, сферы здравоохранения, оборонных систем коммуникации и снабжения[1]. В той или иной степени они все уязвимы для электронных атак и подрывных действий.

При этом в отличие от других форм компьютерных преступлений, указанные действия могут преследовать политические цели:

оказание давления на органы власти и управления, принуждение их принять выгодные для террористов решения;

дестабилизация общественно-политической обстановки за счет устрашения населения либо посягательства на личную безопасность государственного или общественного деятеля;

осложнение международных отношений, как следствие воздействия на используемые ими транспортные средства, линии связи и банки данных.

В особом ряду стоит случай успешной кибератаки на объекты атомной промышленности Ирана вирусом Win32.Stuxnet Dossier. Данная вредоносная программа была обнаружена в 2010 году в промышленных системах, управляющих автоматизированными производственными процессами, не только Ирана, но и Индии, Индонезии и ряда других стран, в том числе США и России. Больше всего случаев инфицирования пришлось на США (57,71%), затем идёт Иран (30%), а на третьем месте — Россия (4,09%). При этом в Иране было обнаружено 60% из всех инфицированных компьютеров.

По мнению специалистов американской компании «Symantec», изучивших код Stuxnet, в Иране кибервирус был нацелен на вывод из строя центрифуг по обогащению урана на комбинате в Натанзе: до поры до времени Stuxnet никак себя не проявляет, но в заданный момент времени он может, как полагают, отдать команды, физически выводящие из строя промышленное оборудование.

Кибератаки на ядерный завод в Натанзе и АЭС в Бушере явились дальнейшим развитием террористической технологии, применённой при кибератаке на Игналинскую АЭС в Литве: здесь тоже была

[1] *Богорад Е.* Искусство войны — 2. Китайские военные стратеги о методах ведения боевых действий в новом тысячелетии..//Популярная механика № 9, 2003 г.

применена специальная программа, заранее в ходе спецоперации внедрённая в компьютеры инсайдерами.

Специалисты фирмы «Symantec» выяснили следующее:

- W32.Stuxnet — очень сложная и виртуозно спроектированная угроза, использующая 4 «уязвимости нулевого дня» и украденные сертификаты безопасности;
- это — первый «червь», направленный на SCADA-системы (системы автоматизации производства), целью которого являлся шпионаж и перепрограммирование систем;
- злоумышленники не преследовали цели получить финансовую прибыль;
- для создания такого кибероружия нужен очень высокий уровень экспертизы и значительные ресурсы;
- над созданием Stuxnet работали как минимум 6-10 человек на протяжении 6-9 месяцев;
- теперь хакеры имеют возможности использовать код W32.Stuxtet как шаблон для будущих атак.

Несмотря на всё возрастающее количество кибератак и примеров кибертерроризма, на сегодняшний день не существует его чёткого юридического определения, что может говорить о ещё недостаточной научной проработке и осмыслении данного явления. Трудности в определении понятия «кибертерроризм» связаны в основном с тем, что порой очень сложно отделить сам кибертерроризм от акций информационной войны и информационного оружия, от преступлений в сфере компьютерной информации или патриотических порывов населения стран и регионов. Дополнительные трудности возникают при попытке выявить специфику данной формы терроризма. Так, например, психологический и экономический аспекты кибертерроризма тесно переплетены, и невозможно однозначно определить, какой из них имеет большее значение.

В статье под «кибертерроризмом», как разновидностью высокотехнологического терроризма, понимается «комплексная публичная акция, выражающаяся в преднамеренной, политически мотивированной атаке (серии атак) с помощью специальных программно-аппаратных средств на информационный ресурс, программное обеспечение и средства вычислительной техники объекта воздействия, создающая опасность для штатного функционирования различного рода техни-

ческих систем и объектов инфраструктуры общества, жизни или здоровья людей или наступление иных тяжких последствий, если такие действия были содеяны с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, провокации вооружённого или межнационального конфликтов». В число его целей могут также входить политическая или экономическая дестабилизация государства, в том числе смена власти или нарушение работы органов власти и управления, а также систем жизнеобеспечения страны, саботаж, кража военных или гражданских активов и ресурсов в политических целях.

В настоящее время в качестве участников кибертеррористической деятельности можно рассматривать кибертеррористов-одиночек, кибертеррористические организации и целые государства, занимающиеся кибертерроризмом. В этом случае кибертерроризм является одним из стратегических орудий, нацеленных на разрушение и ослабление политической, экономической, военной мощи страны, тем более что кибертерроризм является относительно недорогим средством для осуществления стратегических целей государства, где основными мишенями кибертеррориста будут являться вычислительные системы, управляющие различными процессами, и циркулирующая в них информация (особенно он выгоден странам с низким уровнем жизни, где за неимением другого оружия кибертерроризм остается единственным средством осуществления террора).

Главное же в тактике кибертерроризма, как и при простом терроре, состоит в том, чтобы киберпреступление имело опасные последствия, стало широко известно населению, получило большой общественный резонанс и создавало атмосферу угрозы повторения подобного акта без указания конкретного объекта атаки.

Одним из основных средств в арсенале кибертеррористов является так называемое «кибероружие». Появление такого понятия позволило ввести в научный оборот новую классификацию методов, разрабатываемых для разрушения или нарушения работоспособности компьютерных систем и сетей. К кибероружию можно отнести «любой инструмент или способ, в состав которого входит общее или специализированное программное обеспечение, применимый с целью нанесения ущерба компьютеру, сети или электронному устройству»[1]. При этом, чтобы классифицировать какой-либо

[1] *Паршин С. А., Горбачёв Ю. Е., Кожанов Ю. А.* Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности? — М.: КРАСАНД, 2011.

продукт как кибероружие, необходимо наличие у него трёх основных компонентов, используемых для формирования его наступательных возможностей, а именно:

- средство доставки оружия;
- компонент преодоления системы безопасности;
- полезная нагрузка — программный код вредоносного компонента.

На сегодняшний день к кибероружию можно, к примеру, отнести следующие средства:

- различные виды атак, позволяющие проникнуть в атакуемую сеть или перехватить управление сетью;
- компьютерные вирусы, в том числе сетевые («черви»), модифицирующие и уничтожающие информацию или блокирующие работу вычислительных систем;
- «логические бомбы» — наборы команд, внедряемые в программу и срабатывающие при определенных условиях, например, по истечении определенного отрезка времени или нажатии определенной клавиши;
- «троянские кони» — программы, позволяющие выполнять определенные действия без ведома хозяина (пользователя) зараженной системы;
- средства подавления информационного обмена в сетях и др.

В отличие от обычного оружия массового поражения (ОМП) кибероружие обладает свойством «двойного действия»: наносить как массовый урон, так и поражать избирательные цели, всё зависит от замысла террористов. Кроме того, если момент старта носителя ОМП потенциально может быть обнаружен, что даёт шанс, зная подлётное время, применить против него те или иные средства защиты, то кибероружие может быть применено через трансграничные связи, что делает весьма затруднительным, а порой и невозможным выявление источника атаки. При этом кибероружие может быть применено в любое время суток и сезон года. А момент начала кибератаки может быть запрограммирован так, что сам террорист к этому времени уже может находиться в любой другой точке физического пространства. Данная особенность кибероружия очень затрудняет создание средств борьбы с ним, так как система управления средствами киберпротивоборства будет только рефлексивной, реагирующей на свершившееся

событие — сигнал системы обнаружения атак (вторжений) о факте нападения.

Кстати, компьютерный червь Win32.Stuxnet полностью подходит под данное выше определение кибероружия, причём кибероружия нового поколения, так как он, по оценкам специалистов, уже способен «выйти за пределы цифрового мира» и уничтожить материальные объекты — а не только парализовать интернет-коммуникации.

В качестве приёмов кибертерроризма в информационном пространстве можно выделить следующие:

- нанесение ущерба отдельным физическим элементам информационного пространства, например, разрушение сетей электропитания, наведение помех;
- использование специальных программ, стимулирующих разрушение аппаратных средств, а также биологических и химических средств для разрушения элементной базы и др.;
- кража или уничтожение информационного, программного и технического ресурсов, имеющих общественную значимость, путем взлома систем защиты, внедрения вирусов, программных закладок и т. п.;
- воздействие в информационных системах и системах управления на программное обеспечение и информацию с целью их искажения или модификации;
- раскрытие и угроза опубликования или само опубликование закрытой информации о функционировании информационной инфраструктуры государства, общественно значимых и военных информационных систем, кодах шифрования, принципах работы систем шифрования, успешном опыте ведения информационного терроризма и др.;
- захват каналов СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации мощи террористической организации и объявления своих требований;
- уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, искусственная перегрузка узлов коммутации.

В условиях информационного общества ожидать кибертеракт можно где угодно. Теоретически возможно блокировать работу, например, метрополитена любого из крупных городов. Или нарушить график движения пригородных электропоездов. Учитывая то, что

основная масса населения добирается до места работы на метро или на электричке, на некоторое время город будет попросту парализован. Вполне возможным представляется проникновение в локальные сети, изменение или уничтожение информации, блокирование работы компьютеров, какого-либо государственного учреждения или предприятия. Нарушение работы электроподстанций может повлечь за собой повсеместное отключение электроэнергии и как следствие — сбои в работе или отключение компьютерных систем связи и управления. Нарушение работоспособности структур финансовой системы страны может привести к резкому социальному напряжению и ухудшению экономической ситуации в отдельном регионе или стране в целом[1].

Уже сегодня, по заявлениям некоторых иностранных экспертов, отключение компьютерных систем приведет к разорению 20% средних компаний и около 33% банков в течение нескольких часов, 48% компаний и 50% банков потерпят крах в течение нескольких суток. Разорение компаний и банков нанесет урон не только владельцам, работникам и вкладчикам, но и экономике страны. Поэтому можно сделать вывод, что последствия от кибертеракта могут быть весьма разнообразными: от снижения уровня жизни и гибели людей, до полного экономического разорения государства.

Самый свежий пример — принудительное отключение властями Интернета в Египте во время начавшихся 25 января 2011 г. волнений в Каире. (Можно сказать, что правительство страны провело кибератаку само против себя). На распространение оппозиционерами антиправительственной информации это никоим образом не повлияло, так как инженеры компаний Google, Twitter и SayNow довольно быстро организовали для египтян так называемый голосовой Twitter. А вот экономика Египта сразу начала проседать, потеряв за две недели волнений и всего, что с ними связано, в том числе и в системах связи и коммуникации, около 3 млрд. долларов. Целая страна оказалась на грани экономического краха.

Вообще, то, что происходит в арабском мире Северной Африки и Ближнего Востока, от королевства Марокко до исламской республики Иран, с точки зрения кибертерроризма требует отдельного разговора. Существует мнение (и не безосновательное), что революционные на-

[1] *Дроздов Ю.*, Егозарьян В. Мировая террористическая ... — М.: Бумажная галерея, 2004.

строения в Северной Африке спровоцировали публикации утечек на сайте WikiLeaks. Кроме того, на активный протест властям, по мнению ряда политологов, повлияло наличие доступа в этих странах к социальным сетям. Причин, толкнувших людей на революционные действия, достаточно много: бедность, коррупция, авторитаризм, клановость — наиболее заметные из них. Но они существуют в арабских странах не одно десятилетие (президент Х. Мубарак находился у власти в Египте 30 лет, лидер ливийской революции Муаммар Каддафи руководит страной более 40 лет, президент Туниса Бен Али правил 23 года). Все попытки протеста в том же Египте неоднократно и жестоко подавлялись. Но только наличие социальных сетей позволило тысячам людей самоорганизоваться буквально в считанные часы и с политическими лозунгами выйти на площади и улицы. Как сообщил 7 февраля 2011 г. о событиях в Египте Интернет-портал F5.ru «Это могло случиться только в XXI веке. Кровавый переворот, устроенный руками создателей групп в Facebook и Twitter; революция мирового масштаба, зародившаяся и питающаяся из Сети. Это война блогеров, это война интернетов, вылившаяся реками крови на улицы. Это — или абсурд, или единственное наше будущее. Наша война online».

Принимая во внимание ход развития событий в ряде стран мусульманского мира, приведших к смене режимов, к террористической деятельности, как «совокупности технологий и действий, реализуемых в процессе подготовки к возможным терактам» следует относить попытки координации и «внешнего» управления интернет-группами по интересам или протестными движениями в социальных сетях типа «синих ведёрок» или футбольных фанатов. В этом же ключе следует рассматривать и так называемые «флеш-мобы», с помощью которых как раз и отрабатываются технологии управления Интернет-сообществом.

Наличие организованных протестных групп граждан и технология «флеш моба» могут позволить террористическим организациям в час «Х» путем манипуляции чувствами и эмоциями членов Интернет-сообществ сорганизовать самую простую кибератаку типа «отказ в обслуживании» на тот или иной объект, будь то промышленное предприятие, орган государственной власти или система обслуживания жизнедеятельности. При этом мотив у людей при поддержке акции может быть самым разным: месть за обиду, проверка своих технических возможностей, чьё-либо задание и т.п. Пример таких действий и использования «втёмную» высококлассных

специалистов по вычислительной технике довольно эффектно показан в голливудском боевике «Крепкий орешек — 4».

С учётом приведенных примеров, в условиях нарастания социальной напряженности в ряде регионов России велика опасность реализации деструктивными силами такой киберугрозы, как виртуальная забастовка или «кибер-стачка» на отдельном жизненноважном предприятии (объекте) или в учреждении, или даже в целой отрасли.

Чтобы понять, какую угрозу может нести для нашей страны стачка как «коллективное организованное прекращение работы в организации или предприятии с целью добиться от работодателя или правительства выполнения каких-либо требований», достаточно вернуться на сто лет назад и вспомнить работу стачечных комитетов большевиков и к чему это привело.

На сегодняшний день уже существует ряд характерных примеров (способов) проведения кибер-забастовок.

Так, при сидячей забастовке активисты протестного движения посещают некий сайт и пытаются создать такой трафик, чтобы другие пользователи на этот сайт зайти не смогли. Первый протест такого рода осуществила группа, называющая себя «Strano Network», протестовавшая против политики французского правительства в вопросах ядерных программ и социальной сфере. 21 декабря 1995 г. эта группа в течение часа атаковала различные сайты правительственных агентств. Участники группы с разных континентов были проинструктированы следующим образом: им полагалось с помощью браузера зайти на правительственные сайты. По сообщениям, ряд сайтов действительно были выведены из строя на некоторое время.

В 1998 г. группа под названием «Electronic Disturbance Theater» (EDT) сделала следующий шаг в развитии концепции электронного гражданского неповиновения. Ею был организован ряд забастовок в сети, сначала против сайта мексиканского Президента Седийо, позже — против веб-сайта администрации Президента США Клинтона, сайтов Пентагона, Франкфуртской фондовой биржи, Мексиканской фондовой биржи. Цель данных демонстраций состояла в выражении солидарности мексиканскому сапатистскому движению. По словам одного из деятелей EDT, Пентагон в качестве мишени был выбран потому, что «США воспитывает солдат для последующего нарушения прав человека». Фондовые биржи были атакованы, поскольку, по мнению EDT, они «выражают роль капитализма и глобализации, исполь-

зующих методы геноцида и этнических «зачисток», но народ должен выбирать свою судьбу сам, а не принудительно, под прицелом западного государства и западного финансирования». В забастовке, проведенной EDT 9 сентября 1998 года (атака сайтов Президента Седийо, Пентагона и Франкфуртской фондовой биржи), участвовало около 10 000 человек со всех континентов, что составило 600 000 попаданий в минуту на каждый сайт.

Виртуальная сидячая забастовка (демонстрация) или виртуальная блокада — это своеобразное «виртуальное» исполнение реальной физической забастовки или блокады.

Ещё одним путём провоцирования нарушения работы предприятий является вмешательство в работу службы доменных имен, так, чтобы запрос названия одного сайта приводил на IP-адрес другого. Когда пользователи направляют браузеры на нужный сайт, их переадресовывают к альтернативному, не имеющему никакого отношения к работе организации.

Во всех случаях цель организаторов акции состоит в том, чтобы привлечь внимание к действиям протестующих и причинам этих действий, с помощью нарушения нормального функционирования сети и блокирования доступа к услугам ряда жизненноважных объектов, предприятий и систем.

Помимо этого часто используется бомбардировка электронной почты как средство мести или преследования, либо инструмента противодействия правительственной политике. Кроме того, террористы активно используют электронную почту для организации и координации своих атак. Многочисленные чаты и форумы, существующие в Интернете, идеально приспособлены для передачи зашифрованных посланий и приказов.

Следует отметить, что современные информационные технологии позволяют организовать прекращение работы организации как самими работниками предприятий или сотрудниками учреждений, так и от их имени, что затрудняет поиск истинных организаторов или заказчиков кибер-стачки. При этом масштабы стачки, организованной с помощью компьютерных атак, могут быть любыми — от отдельного предприятия или офиса, до департамента, министерства или целой отрасли. Наиболее опасным в случае начала кибер-стачки является большая вероятность краха промышленного предприятия или предприятия сферы услуг, так как даже непродолжительный их уход с

рынка в современных условиях жесткой конкуренции и глобализации, как отмечалось выше, может нарушить весь процесс производства или реализации товаров и услуг. Наиболее в этом случае пострадает мелкий и средний бизнес, но угроза банкротства будет велика и для крупных организаций. Такая ситуация как снежный ком может вызвать лавину банкротств и резкий рост социальной напряженности сначала в отдельных регионах, а затем и в стране в целом.

Необходимо принимать во внимание, что «кибердудары» с целью дестабилизации обстановки в государстве могут быть нанесены как извне — международными террористическими организациями, так и внутри страны — местным террористическим подпольем. По оценкам специалистов, современные структурированные атаки на сложные системы и сети, включающие отслеживание цели и тестирование сложных хакерских инструментов, могут требовать от двух до четырёх лет подготовки[1]. Остаётся только гадать, сколько высококлассных бойцов кибертеррора подготовлено на сегодняшний день в различных оппозиционных структурах, надеющихся путём нарушения работоспособности компьютерных систем и сетей решить свои проблемы.

Какие же меры защиты можно предпринять от терроризма и как успешно противодействовать реализации угроз кибертеррористов?

Предупреждение терроризма является чрезвычайно сложной задачей, поскольку это явление порождается многими социальными, политическими, психологическими, экономическими, историческими и иными причинами, которые порой переплетены в очень запутанный клубок. В одном из интервью в начале февраля 2011 г. председатель Правительства РФ Владимир Путин на вопрос «почему никто не берет на себя ответственность за теракты?» ответил: «Бессмысленная жестокость, абсолютно бессмысленная! Они даже не понимают часто, чего хотят, не могут сформулировать свои требования. Просто это такой анархический терроризм — против всех и всего». От того, насколько точно будут установлены побудительные причины современного терроризма, будет зависеть и эффективность принимаемых мер по борьбе с ним, и их дальнейшее совершенствование.

Как ни странно, но довольно действенной мерой борьбы с терроризмом является создание в стране гражданского общества, когда у

[1] *Белоножкин В. И., Остапенко Г. А.* Информационные аспекты противодействия терроризму. — М.: Горячая линия -Телеком, 2009.

политической оппозиции есть легитимные способы донесения тех или иных проблем до действующих органов власти и управления на всех уровнях и их открытого обсуждения, а также построение правового государства, когда законы одинаковы и незыблемы для всех членов общества, а права и обязанности органов власти и, в первую очередь, силовых структур, чётко прописаны и, главное, безукоснительно соблюдаются. Надо помнить, что в большинстве случаев к терроризму, как крайней мере выражения своих политических требований, людей толкает именно безысходность попыток решения возникающих проблем законным путём, непонимание и как следствие — недоверие к органам власти и управления на местах или в центре.

Что же касается кибертерроризма как такового, то основу антикибертеррористической деятельности в Сети должна составлять традиционная информационная безопасность, методология её обеспечения, модели, механизмы и инструментальные средства защиты информации от несанкционированного доступа, а также системы и средства обнаружения и предупреждения сетевых атак.

В настоящее время существует достаточно много способов, методов и средств успешной борьбы с преднамеренными киберугрозами, которые в самом общем виде могут быть сведены в следующие группы[1]:

- организационно-правовые (административные) меры противодействия несанкционированному доступу к информационным ресурсам;
- программно-аппаратные методы и средства защиты информации;
- инженерно-технические способы противодействия утечке информации.

В различной комбинации данные методы и средства защиты от угроз безопасности информации обеспечивают на необходимом уровне предотвращение киберугроз, их парирование или нейтрализацию.

Тем не менее, при организации защиты от киберугроз необходимо учитывать следующее.

[1] *Сердюк В. А.* Организация и технологии защиты информации: обнаружение и предотвращение информационных атак в автоматизированных системах предприятия: учебное пособие. — М.: Изд. Дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2011; Мельников В.П., Клеймёнов С.А, Петраков А.М. Информационная безопасность: Учебное пособие для сред. проф. образования. — М.: ИЦ Академия, 2005.

Любой технологический процесс производства продукции, предоставления услуг, финансирования, исполнения властных полномочий и т.д. с точки зрения теории информации может быть представлен как процесс передачи и приема неких данных (управляющих воздействий). Нарушение правильности протекания процесса обмена данными в силу действия самых разных причин, в том числе и преднамеренной кибератаки, приводит к искажению информации и нарушению самого процесса производства неких продуктов (услуг) для обеспечения жизнедеятельности общества. В каждом таком процессе могут быть выделены так называемые «критически важные составляющие» (КВС): нарушение их работоспособности приводит к нарушению процесса в целом. Поэтому при создании комплексной системы защиты информации предприятия (учреждения) в первую очередь должны быть выявлены КВС информационных процессов, отражающих процессы физического производства, и обеспечена их защита. В идеале, при построении системы защиты целиком, все информационные составляющие процесса производства товаров или услуг должны иметь одинаковую защищенность (быть равностойки к киберугрозам). В этом случае модель действий нарушителя будет для него самой затратной, что может побудить его, в конце концов, к отказу от намеченных действий в отношении выбранного объекта атаки.

Недавний трагический пример недооценки наличия критически важной составляющей в таком технологическом процессе как перевозка авиапассажиров и слабой её защиты — это теракт в зоне прилёта московского аэропорта Домодедово в январе 2011 г. Если бы система защиты пассажира строилась комплексно «от двери (аэропорта отлёта) до двери (аэропорта прилёта)», то зона прилёта должна была бы быть защищена от угрозы теракта не меньше зоны посадки в самолёт, до самого выхода пассажира из здания аэровокзала к местам стоянки общественного транспорта. А в реальности получилось просто: рейс успешно приземлился, багаж получен и всё, все свободны… В итоге террористы нанесли свой коварный удар по самому слабому звену процесса перевозки, что, в конце концов, свело на нет все дорогостоящие усилия авиаперевозчика по обеспечению безопасности пассажиров на других участках процесса перевозки.

При создании системы защиты от киберугроз необходимо также помнить, что нельзя защититься от всех угроз всё время. Система защиты может обеспечить выполнение своих функций только от

определённой совокупности угроз на конечном интервале времени. С появлением новых угроз в уже существующей системе защиты могут появиться новые точки уязвимости и её необходимо будет модернизировать. А это потребует вложения определённых затрат, что не всегда приветствуется руководством предприятий и организаций. В связи с этим необходимо уметь учитывать риск, которому подвергается предприятие или учреждение и оценивать возможный ущерб от реализации тех или иных угроз информационной безопасности. И если оценки покажут, что потенциальный ущерб от новых угроз будет больше затрат на модернизацию системы защиты, то система обеспечения информационной безопасности предприятия или учреждения должна быть безотлагательно модернизирована.

Для предотвращения псевдо кибер-стачек система защиты предприятия от кибератак должна иметь средства распознавания такого рода нападений (вторжений) и включения средств противодействия. Наиболее важная информация и данные на предприятии должны быть задублированы и поддерживаться в актуальном состоянии, сайты предприятий должны иметь свои «зеркала». На самих предприятиях должны быть разработаны должностные инструкции на случай реализации угрозы псевдо кибер-стачки и отработана технология их выполнения.

В заключение хочется отметить следующее. По своим последствиям кибертерроризм в крайних своих проявлениях представляет собой серьезную социально опасную угрозу для всего человечества, сравнимую с ядерным, бактериологическим и химическим оружием, причем степень этой угрозы в силу своей новизны, не до конца еще осознана и изучена.

Учитывая характер и масштабы угрозы, в мире предпринимаются значительные усилия для организации борьбы с кибертерроризмом.

Так, в США ещё в июле 1996 г. Президент Клинтон объявил о формировании Президентской комиссии по защите критических инфраструктур (PCCIP).

По инициативе Российской Федерации в декабре 1998 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, касающуюся киберпреступности, кибертерроризма и кибервойны. Резолюция 53/70 призвала государства-члены информировать Генерального секретаря ООН о своих взглядах и оценках относительно проблем информационной безопасности, определения основных понятий, связанных с информационной безопасностью и развитием международных принципов, улучшающих глобальное информационное пространство и телекоммуникации и помогающих сражаться с информационным терроризмом и преступностью.

В Российской Федерации в сентябре 2000 г. была принята «Концепция информационной безопасности», в которой среди прочих затронуты и вопросы борьбы с компьютерными преступлениями и кибертерроризмом.

Первым международным соглашением по юридическим и процедурным аспектам расследования и криминального преследования киберпреступлений стала Конвенция о киберпреступности, принятая Советом Европы 23 ноября 2001 г. Конвенцией предусматриваются скоординированные на национальном и межгосударственном уровнях действия, направленные на недопущение несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем.

На международном уровне несколько стран, включая США, направили силы на заключение по вопросам кибербезопасности взаимных соглашений о юридической помощи, экстрадиции, разграничении разведывательных полномочий, унификации законов таким образом, чтобы киберпреступники могли преследоваться в судебном порядке даже в том случае, когда преступление пересекает границы.

В начале февраля 2011 г. Международный экспертный центр Институт «Восток–Запад» (EastWest Institute, EWI) опубликовал первый совместный российско-американский доклад «К выработке правил поведения в киберконфликтах: применимость Женевских и Гаагских конвенций в современном информационном пространстве». Его цель — разработка международной нормативно-правовой базы для регулирования конфликтов в киберпространстве. Подготовленный группой российских и американских негосударственных экспертов под эгидой ИВЗ, доклад рассматривает вопросы, связанные с распространением гуманитарных принципов ведения войны на сетевое пространство. «Сегодня практически все критические гражданские инфраструктуры работают в режиме онлайн, являются взаимосвязанными и интерактивными — от сетей электроснабжения больниц до систем контроля полетов в гражданской авиации. По большому счету эти инфраструктуры не защищены международными нормами», — говорится в докладе. «Мы надеемся, что наши рекомендации станут стимулом для широких международных межотраслевых дебатов по крайне острой проблеме киберконфликта, — сказал на презентации доклада руководитель российской группы экспертов Андрей Коротков. А Карл Раушер, представитель США, добавил: «Мы ведем эту работу в духе перезагрузки. Наши рекомендации обладают большим потенциалом вовлечения международного сообщества, потому что когда Россия и США говорят в один голос, мир слушает».

Будем очень надеяться, что мир услышит…

Игорь Мурадян

ЧТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ РАДИКАЛЬНОМУ ИСЛАМУ?

В настоящее время исламское радикальное движение переживает политический и идеологический кризис, связанный с рядом важных событий: практическим разгромом чеченской группировки исламистов и определенным исчерпанием чеченской проблемы и принципиальным снижением интереса к данному очагу радикализма со стороны исламских радикалистских центров; переосмыслением политики США и Великобритании в отношении исламского радикализма; ростом озабоченности исламским радикализмом со стороны арабских государств; невозможностью решения социально-экономических проблем, а также создания сильных национальных государств при помощи исламских принципов — шариата; возрастанием противоречий между исламскими государствами и различными направлениями исламских радикальных движений (ряд государств, подвергнувшихся агрессии исламского радикализма создали структуры для борьбы с ним).

После вывода советских войск из Афганистана космополитические, прежде всего суннитские исламские движения не сумели самостоятельно решить ни одной политической и геостратегической проблемы ни на одном из направлений. Все успехи космополитического исламского движения связаны исключительно с поддержкой США и Великобритании на Балканах, в Северо-западном Китае и Центральной Азии. Военно-политический успех ливанской «Хезболла» в Южном Ливане объясняется тем, что данная организация представляет собой национально-религиозную организацию, ставящую целью защиты своей Родины. Давно было предопределенно и понято, что «Хезболла» откажется от радикальных методов и станет обычной

политической партией парламентского типа. Стало понятно, что все без исключения транснациональные проекты, сконструированные на основе религиозных принципов и инициированных, исходя из финансово-экономических целей и задач оказались обреченными. Положение Бен Ладена становится бедственным в связи с тем, что его роль и функция по созданию волны «новых исламских» организаций исчерпаны. Перед ним стоят задачи по реанимации своей функции, что предполагает создание новых проектов, новых сценариев, получение новых источников финансирования. Бен Ладен возлагает большие надежды на смену власти в Саудовской Аравии и приход к власти «пан-арабистской партии». Возможно, это стало мотивом его намерений переместиться на Аравийский полуостров. В Афганистане обнаружены весьма серьезные противоречия между Бен Ладеном и многими лидерами «Талибана». Эти противоречия прежде всего связаны со стремлением руководства «Талибана» ограничить внешнеполитические амбиции, отказаться от ряда проектов в направлении Центральной Азии и сосредоточиться на решении внутренних проблем. Сложились весьма напряженные отношения между многими местными лидерами и командирами «Талибана» и политическим руководством, так как не удается решить ни одну социальную и экономическую проблему. Многие обвиняют Бен Ладена в изоляции Афганистана, в рассмотрении им Афганистана всего лишь в качестве трамплина в другие регионы. Лидеры племен, кланов, городских слоев выступают против Бен Ладена и требуют снижения его влияния на политику Афганистана. Практически Бен Ладен уже не имеет возможности оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. В настоящее время в руководящих кругах «Талибана» принято решение о полной изоляции Бен Ладена от политической жизни внутри страны. Вместе с тем, многие внешние проекты продолжают осуществляться и во многом зависят от решений и положения Бен Ладена. Руководство «Талибана» опасается выдворить Бен Ладена из Афганистана, так как он на дистанции может начать действовать против них. Вместе с тем, из-за связей Мухаммада Омара с Бен Ладеном вряд ли можно ожидать выдачу Бен Ладена американцам. Именно в связи с данным положением Бен Ладен предпринял попытки начать новый проект в борьбе с Израилем и западными крестоносцами. Реализация данного проекта для Бен Ладена может иметь исключительно опосредованный характер, так как имеется решение проиранских и палестинских исламских

радикальных организаций («Хезболла», «ХАМАС», палестинский «Исламский джихад») о недопущении групп от «Аль-Кайеды» непосредственно в Палестину или в зону вооруженного противостояния с Израилем. Бен Ладену остается участвовать в финансовой и военно-технической поддержке антиизраильских акций. Однако этим самым он становится рядовым исламским радикалом, который не может претендовать на роль ключевого лидера мирового исламского радикального движения. Израиль не может уничтожить лидеров ООП, «ХАМАС», других палестинских организаций, так как это вызовет непредсказуемые события и негативную реакцию Запада. Эти организации, несмотря на применение методов вооруженных действий, имеют международное признание и статус национально-освободительных. Уничтожение Бен Ладена Израилем будет одобрено и Западом и арабскими государствами и, практически, Ираном.

США и Великобритания не провели своевременно ряд мероприятий по устранению исламско-радикальной угрозы для самих исламских государств. В настоящее время все ведущие арабские государства подвержены реальной угрозе свержения правящих режимов со стороны исламских организаций. Если отвлечься от Алжира, который дистанцирован от проблем Ближнего Востока и где доминируют французские спецслужбы, наибольшая угроза со стороны исламского движения сложилась в Египте. В Египте традиционные приоритеты сохраняют «старые» исламские организации, в основном, организации структуризированные в рамках ассоциации «Братья мусульмане». Эти организации хорошо изучены и известны властями и западными спецслужбами. «Новые организации» типа «Аль-Кайеды» и другие созданные по новому типу и с новыми целями не оказывают большого влияния на данные процессы в Египте. Однако в Египте, США, Великобритании не приходится затрачивать большие усилия для соответствующих инициатив. Данные государства практически не имеют возможностей для расшатывания правящих режимов с помощью исламистов в Сирии и Ливии. Но главная задача англо-американского блока направлена на упрочение режимов в странах-партнерах: Саудовской Аравии, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Омане и в Иордании. В этих странах западные державы сочетают две составляющие упрочения ситуации: новая прозападная интеллектуальная элита и традиционная исламская элита. Основной удар, предполагающий перманетный шантаж наносится по

Саудовской Аравии. Американцы в отношение Саудовской Аравии предпринимают безошибочный подход. США настаивают на создание ограничений в деятельности исламских организаций и на некотором дистанцировании королевской семьи от наиболее вызывающих доктринерских принципов салафизма (в данном случае ваххабизма). Саудовское руководство вынуждено идти на соответствующие шаги, что вызывает ответную реакцию исламистов. Имеется мнение британских экспертов относительно того, что политика США и Великобритании привела к расколу в правящей саудовской элиты на три части: умеренные политики; прозападные силы, включающие представителей технократии, исламских эстетов, часть крупной торговой буржуазии, интеллигенцию и многих молодых представителей королевской семьи; пан-арабские силы, носители пан-арабского национализма, возглавляемые принцем Абдулой. Следует отметить, что еще 10 лет назад в Саудовской Аравии не существовало столь четкого и определенного внутреннего противостояния. Это стало результатом деятельности Великобритании и США (именно с такой последовательностью).

Аналогичные инициативы предпринимаются в отношении Кувейта, ОАЭ, Омана и Иордании. Молодой король Иордании Абдула пытается превратить Иорданию в Ближневосточную политическую Швейцарию, то есть местом и посредником для политических переговоров между государствами и движениями, различными оппозиционными группировками. При этом, Иордания, пользуясь данным своим положением, пытается защищать арабские национальные интересы, проявляет интерес к развитию отношений с Ираком и Сирией. Это обусловливает применение методов «раскачки» с помощью исламистов и в отношении Иордании.

После двух — трех десятилетий иллюзорных надежд Запада на возможность дальнейшей секуляризации арабских и иных исламских государств, центры разработки стратегической политики США и Великобритании (а также Израиля) поняли, что демократизация арабских и исламских государств представляется весьма опасной перспективой для интересов Западного сообщества и Израиля. Во-первых, демократизация неизменно приводит к серьезной дестабилизации в данных странах, вызывая хроническую социальную и политическую нестабильность, гражданское противостояние, военные государственные перевороты, образуются очаги долговременного вооруженного воз-

мущения. При этом создается неуправляемая долговременная ситуация. Правящие режимы в данных странах научились консервировать демократию на определеном уровне и предотвращать угрозу по отношению к себе. В отдельных случаях демократизация привела к укреплению не только умеренно-исламского, но и радикально-исламского режима, правда, в рамках не очень продолжительного времени. Во-вторых, «первичные» этапы демократизации и секуляризации приводят к определенному росту экономики и потребления, что не всегда благоприятно для экономических интересов Запада. Поэтому, применимый в отношение Восточной Европы метод демократизации и либерализации не может быть применим к арабским и исламским государствам. В качестве универсального метода «раскачки» с гораздо большим успехом применяется исламизация как более управляемый метод для Запада и менее управляемый для арабских и исламских государств. Следует отметить, что некоторая либерализация, которую позволили президент Египта Х. Мубарак и король Иордании Абдула, привела к тому, что на парламентских выборах «Братья мусульмане» заняли неожиданно значительное количество мест в парламенте.

«Раскачка» принципиально направлена на упреждение возрастания таких тенденций, как панарабизм и панисламизм в качестве государственной политики ведущих арабских и исламских государств. Однако наиболее важной задачей США и Великобритании по части «раскачки» режимов в арабских и исламских государствах, является контроль над ценами на углеводородное сырье и нанесение геоэкономических ударов по европейской экономике.

Таким образом, исламский радикализм медленно поворачивается против самих исламских государств. Выдающийся исламский религиозный и политический деятель Ливана аятолла Фаталлах (недавно усопший), еще в 90-х гг. заявил о том, что в государствах Запада мусульмане более защищены социально, экономически и в религиозном отношении, чем в странах ислама. Это было удивительное откровение и признание того, что ни исламские режимы, ни государства с моделью умеренного политического ислама, не сумели решить кардинальные экономические и социальные вопросы. В скором времени можно ожидать возвращение миллионов мусульман из Европы в свои страны, что приведет к новому скачку вестернизации и одновременно радикализации исламского общества в большинстве стран Ближнего Востока. Данные противоречивые

тенденции предопределят отвлечение внимания исламских движений от Запада и концентрацию внимания на сами исламские страны. Режимы, которые десятилетия правят в исламских странах, не готовы и не имеют рекомендаций для отражения нового витка политической и общественной напряженности.

Ведущие нефте-финансовые страны арабского мира не являются военными державами и не в состоянии вести обычные войны даже с небольшими, но хорошо организованными государствами. Поэтому они заинтересованы в ведении партизанских войн против государств, где имеются геоэкономические интересы арабской нефте-финансовой элиты. Партизанские войны предполагают особую идеологическую основу и политическую стилистику. Вместе с тем центры инициации радикального исламизма предполагают не только экспансию, но и самосохранение. Это приводит к попыткам направить имеющийся исламский радикалистский потенциал во внешнюю среду — либо против других исламских государств, либо против государств, контролирующих обширные маргинальные зоны — Россия, Китай, Индия и другие. Партизанская война против этих государств не является дорогостоящей. По существу, арабская нефте-финансовая элита не затрачивает на эти проекты даже десятой доли процента своих доходов. Низкий жизненный уровень в Афганистане, в Центральной Азии, в Северо-Западном Китае, на Юге России позволяют разворачивать значительные партизанские контингенты при относительно небольших затратах. Но, во-первых, данный экспорт радикализма стал гораздо сложным делом, так как государства-мишени уже успели создать инструменты противодействия и безопасности. Поэтому радикализм будет нарастать внутри самих исламских стран.

По мнению ведущего эксперта США по исламским проблемам Шера Хантера (Вашингтон), политика США в ближайшие 20 лет будет направлена на сдерживание исламского движения в качестве приоритетной внешнеполитической задаче. Эксперт утверждает, что США пытаются избежать очень неприятной для себя задачи — консолидации с Россией и Китаем против радикального исламизма, а также и то, что США никогда ранее не планировали инициативы в отношение исламских регионов более, чем на 5 лет, но сейчас отсутствие долгосрочного планирования стало серьезным ограничителем американской внешней политики. В связи с этим эксперт пытается обосновать необходимость создания системы безопасности с участием различных го-

сударств, в том числе и России. Следует отметить, что различные проекты, предусматривающие США в части создания неких региональных систем безопасности исходят от мозговых центров Демократической партии США и привязаны на обеспечение безопасности Израиля. В этих условиях у России были надежды на солидаризирующие усилия США, которые могли оказать финансовую поддержку России в части борьбы с исламским радикализмом и терроризмом. Администрация Республиканской партии принципиально снизила свою ответственность за происходящее в регионах Центральной Азии, Афганистане, на Ближнем Востоке и попытается извлечь выгоды от действий исламских радикалов. По оценкам англо-американского аналитика Анатолия Лиевена, Республиканской администрации не удастся избежать «прямого столкновения» с агрессивным исламизмом в различных регионах и снижение ответственности США за порядок в этих регионах является преждевременным. По мнению данного эксперта (либерального направления) природа данных тенденций такова, что безотносительно внешнеполитической тактике, США должны будут принять на себя ответственность за борьбу с этими движениями. Администрация Б. Обамы вообще не собирается бороться с радикальным исламизмом как таковым, а предпочитает борьбу с терроризмом, надеясь, что США удастся разделить радикализм от терроризма. Так или иначе, конечно же, США продолжат политику противодействия исламскому радикализму, но лучшим способом при этом является направление исламских движений против исламских стран, вернее, против правящих режимов в этих странах. Обращает внимание то, что часть интеллигенции, элитарных кругов и революционно настроенных групп становятся весьма заинтересованными в усилении радикального ислама в данных странах, что обусловлено не способностью протестных секуляристски ориентированных слоев общества вести успешную и результативную борьбу с правящими режимами. Секуляристы возлагают надежды на группы исламского свойства, которые должны сыграть роль ударной силы социальной революции. Объединение этих сил уже происходит в ряде исламских стран и вполне возможно в Турции, где может возникнуть яркий пример националистическо-исламской социальной революции.

Леонид Савин

СЕТЕЦЕНТРИЧНЫЕ ВОЙНЫ — ОТ КОНЦЕПЦИИ К СПЕЦОПЕРАЦИЯМ

Концепция сетецентричных войн (СЦВ) появилась далеко не сразу. После успешной кампании «Буря в пустыне» в 1991 г. американские стратеги и военные начали анализировать успех своей операции, открыв широкую дискуссию о начале новой эры войны в специализированной прессе и сообществе. Дальнейшее участие американских военных в конфликтах в Югославии, Сомали и других странах подталкивало их к выводу о необходимости кардинальной реформы в вооруженных силах для того, чтобы совершить организационный и технологический скачок, оставив далеко позади своих возможных конкурентов.

Согласно определению Пентагона, сетецентричная война (СЦВ) направлена на перевод информационного преимущества с помощью информационных технологий в конкурентное между надежными сетями географически распределенных сил. Эта сеть, в сочетании с изменениями в технологиях, организации, процессах и людском потенциале, возможно, позволит создать новые формы организационного поведения[1].

Новая форма войны, согласно ее теоретикам, основана на четырех принципах:

1.Прочные (robustly) силы, построенные по принципу сети и усовершенствующие распределение информации.

2. Распределение информации и взаимодействие улучшает качество информации и всеобщей ситуационной осведомленности.

[1] The Implementation of Network-Centric Warfare. Department of Defense. Washington, D.C., 2005, p. 4.

3. Всеобщая ситуационная осведомленность улучшает самосинхронизацию.

4. А это в свою очередь значительно повышает эффективность миссии.

Суть концепции СЦВ состоит в том, что войска, действующие по этим принципам, с помощью лучшей синхронизации эффектов в боевом пространстве будут иметь увеличенную боевую мощь, и достигнут большей скорости командования, а также повысят свою живучесть и гибкость.

Цели СЦВ состоят в преобразования военной структуры в такую конфигурацию, которая сделает войска наиболее эффективными: они будут быстрее (работать в более высоком рабочем темпе); состоять из более рассредоточенных сил, понизят коэффициент смертности, в то же время уменьшая зависимость от применения оружия, будут иметь возможность предвидеть (по сравнению с реактивными действиями), а также интегрировать новые технологии в сеть для производства информации и получения преимущества в скорости по сравнению с будущими оппонентами[1].

При СЦВ происходит разделение значительно растущего доступа к информации на всех уровнях и переопределение отношений среди участников миссии, а также между командирами и подчиненными[2].

В объединенной интеграционной концепции по СЦВ, изданной Пентагоном в 2005 г. даны подробные разъяснения о том, как должны быть взаимосвязаны элементы сетецентричных войск.

«Трудность в создании сетецентричного окружения состоит из двух составляющих. Первой является управление знаниями (knowledge management), — это систематический процесс обнаружения, отбора, организации, фильтрования, обмена, развития и использования информации в контексте социальной среды с целью улучшения боевой эффективности. Чтобы этого достичь, нужно обеспечить правильную информацию, доступную для нужного человека в нужное время в нужном контексте — тогда произойдет парадигмальный сдвиг от «необходимости знать» на «необходимость обмениваться».

[1] *Tisserand III J.* Network Centric Warfare Case Study. U.S. V Corps and Third Infantry Division during Operation Iraqi Freedom Combat Operations (Mar-Apr 2003). U.S. Army War College. Carlisle, 2006. P. 175.

[2] *David S. Alberts, John J. Garstka, Frederick P. Stein.* Network Centric Warfare. Network centric warfare : developing and leveraging information superiority. CCRP, 2000. pp. 9-10.

Это будет поддерживать динамические организационные конструкты и децентрализованный процесс принятия решений. Партнерские действия, как ожидается, будут исходить от межведомственных, многонациональных, коалиционных неправительственных организаций, промышленности и академических кругов.

Вторым важным элементом является техническое подключение и межоперационность, составляющие два требования по сетевому управлению.

Поэтому необходимо организовать передачу нужной информации через защищенные каналы связи — не только для элементов системы «командование и контроль», но и для пользователей Объединенных сил, которые находятся на тактических позициях. Платформа разведки, наблюдения и рекогносцировки — Intelligence, surveillance and reconnaissance (ISR), которая представляет собой «сенсоры» и оружейные системы («стрелки») также должна быть объединена в сеть»[1].

Сферы СЦВ

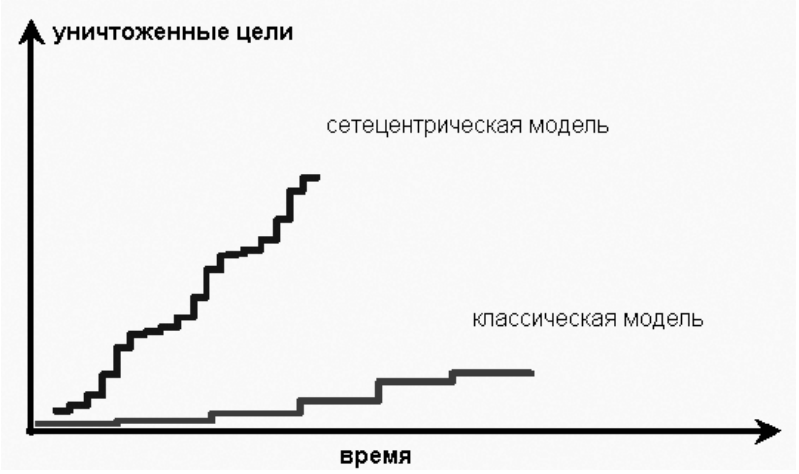
В этом документе 2005 г. на 144 страницах также дается пояснение, в каких сферах (доменах) размещается знание и информация. Таких сферы четыре.

«Информационная сфера определяется как таковая, где «информация существует». Она имеет двойственный характер, состоящий из самой информации и посредника через которого мы собираем, обрабатываем и распространяем информацию. Характеристика информационной сферы включает качество информации (полнота, точность, своевременность, актуальность и последовательность), распространение (диапазон, процесс передачи и непрерывность), а также взаимодействие (обмен или поток информация).

Физическая сфера — это сфера, где вооруженные силы перемещаются во времени и пространстве. Она охватывает землю, моря, воздух и космос, потому что в этих средах физически размещены военные платформы, и в них проходят сети коммуникаций, связывающие эти платформы.

Социальная сфера определяется спецификой языка и символической связью между людьми. Это область, в которой происходит

[1] Net-Centric Operational Environment. Joint Integrating Concept. Version 1.0. Joint Stuff. Washington, D.C. 31 October 2005, p. 4.



взаимодействие индивидуумов, находящихся под сильным влиянием неформальных знаний... В предшествующие эпохи, когда бойцы взаимодействовали друг с другом на значительных дистанциях, они были ограничены работой курьера по доставке сообщений, а затем голосовым радио. Эти методы являются наилучшими из всех существующих, но их потенциал для человеческого выражения был и остается довольно ограниченным по сравнению с прямым контактом. Поскольку большинство прямых контактов на самом деле являются невербальными — задействована мимика и другие элементы языка тела, то коммуникативная важность социальной сферы не должна сбрасываться со счетов.

Когнитивная сфера, пожалуй, наименее материальна из всех четырех областей, потому что существует в сознании человека. Эта сфера находится под влиянием отдельных нематериальных активов, таких как обучение, опыт, общественное мнение и понимание обстановки. Самое главное, что когнитивная сфера — это та, где мы будем принимать решения, и она непосредственно связана с интеллектуальными возможностями и уровнями развития. Жизненные характеристики этой сферы представляют из себя такие, которые влияют на принятие индивидуальных и организационных решений, включая взгляды, мнения, убеждения, ценности и понимание»[1].

[1] Net-Centric Operational Environment. Joint Integrating Concept. Version 1.0. Joint Stuff. Washington, D.C. 31 October 2005, p. 11-12.

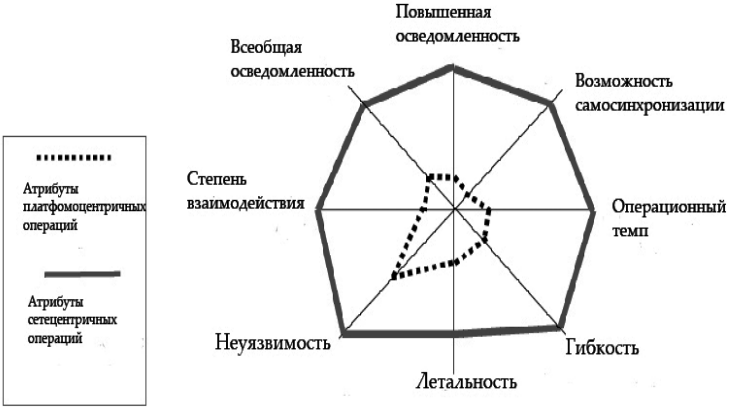
Казалось бы, все довольно понятно. Но в среде военных все должно быть расписано до мелочей, поэтому для продвижения концепции СЦВ и инсталляции программ, связанных с нею, понадобилось еще довольно много приказов, распоряжений и директив. Например, в Директиве Министерства обороны 8320,2 была указана необходимая политика и обязанности для осуществления обмена данными, в соответствии меморандумом Министерства обороны Директора информационной службы «Сетецентричная стратегия по данным Министерства обороны» от 9 мая 2003 г. Директива была издана 2 декабря 2004 г. и определяла сообщества по интересам, которые должны обмениваться информацией в достижении своих общих целей, интересов, задач, бизнес-процессов и, следовательно, должны иметь общий словарь по информации, которой они обмениваются. В данной директиве указывалось на основные параметры данных — это видимость, доступность, управляемость, понятность и надежность. А 23 марта 2007 г. была издана новая директива DoDD 8320.03[1], где уточнялись некоторые положения предыдущей (это объясняется тем, что военные передают информацию тремя путями — это приказы (директивы и руководства), разведданные и доктрина, поэтому реформацию необходимо было проводить во всех трех областях. Если второй сектор связан в основном с применением технологий, то два остальных подразумевают интеллектуальное соучастие в процессе и учебную подготовку).

Сетецентричные спецоперации

Альбертс, Гарстка, Хайс и Синьори отмечали, что концепции СЦВ применимы не только на всех уровнях войны (тактическом и операционном), но и во всех видах военной деятельности от тактической до стратегической. «Когда сетецентрические концепции применяются для операций вне условий войны, мы используем термин сетецентричные операции. На оперативном уровне сетецентричные операции обеспечивают командиров возможностью генерировать точные боевые эффекты при беспрецедентном оперативном темпе, создавая условия для быстрой блокировки действий противника»[2].

[1] См. http://www.fas.org/irp/doddir/dod/d8320_03.pdf

[2] *Alberts D., Garstka J., Hayes R.*, Signori D.Understanding Information Age Warfare. CCRP, August 2001. p. 59.



Еще одним критерием сетецентричных операций является простота. По мнению капитана ВВС США Грэга Гэгнона в СЦВ необходимо избегать сложности при планировании операций. «На первый взгляд, концепция применения простоты и упрощенности при планировании сложных задач выглядит как оксюморон, но в действительности — это необходимое условие для успеха. СЦВ операции координируются и ведутся в рамках доктрины, набора правил и намерения командира»[1] и, как отмечает Гэгнон, простота в планировании обеспечивается разработкой ясного и четкого набора правил, намерения командира и движущей доктриной.

Он приводит пример, когда на маневрах один самолет F-15C применял только голосовую связь, а второй F-15C был кроме этого обеспечен объединенной тактической системой распространения информации Joint Tactical Information Distribution System (JTIDS).

В результате сетецентричный самолет увеличил свою боевую силу более чем на 100%.

В другом случае при проведении маневров Fleet Battle Experiment Delta, проходившее в октябре 1998 г. параллельно с FOAL EAGLE 98 и US Army's Task Force XXI Advanced Warfighting Experiment были достигнуты подобные результаты[2].

[1] *Alberts, Garstka, and Stein*. Network Centric Warfare: developing and leveraging information superiority. C4ISR Cooperative Research Program. Washington D.C., 1998.

[2] *Garstka J*. Network Centric Warfare: An overview of Emerging Theory.// Phalanx 33:4. December, 2000. pp. 1-33.

Капитан Гэгнон суммирует теорию СЦВ в простую формулу:

сц = сетецентричный самолет оснащенный системой JTIDS, пц = платформоцентричный самолет, передающий информацию только по голосовой связи. В итоге получается:

Улучшенная информационная позиция (И):

Исц > Ипц Пилоты, имеющие доступ к релевантным, своевременным и точным данным JTIDS имели значительное информационное преимущество, чем пилоты, применяющие голосовую связь между самолетами. JTIDS эффективно расширила дальность действия каждой платформы путем обмена сенсорных данных между платформами.

Повышенная всеобщая ситуационная осведомленность (ВСО):

ВСОсц > ВСОпц Распространяя одну и ту же общую оперативную информацию между сц самолетами, пилоты сц имели лучшую всеобщую ситуационную осведомленность, чем их противники — пц пилоты.

Повышение боевого темпа (БТ):

БТсц > БТпц Для сц пилотов превосходство в ситуационной осведомленности ускоряло прохождение петли НОРД, что улучшало командные и боевые решения.

Повышение пропорции потерь (П):

Псц > Ппц Впоследствии, сц пилоты увеличивали соотношение боевых потерь в ущерб пц оппонентов[1].

Грэг Гэгнон для специалистов известен тем, что соединил концепцию спецопераций с понятием сетецентричной войны. Развивая теорию своего коллеги Уильяма МакРавена по спецоперациям, он заметил сходство ее принципов с новой теорией СЦВ и предложил некий гибрид обеих теорий — сетецентричные спецоперации. Согласно определению Министерства обороны США «спецоперации — это операции, проводимые специально созданными, обученными и экипированными военными и военизированными силами для достижения военных, политических, экономических или психологических целей неконвенциональными военными методами во враждебной, неблагонадежной или политически чувствительной среде»[2]. У МакРавена «спецоперация проводится специально обученными, оснащен-

[1] *Gagnon G.* Network-Centric Special Operations — Exploring New Operational Paradigms. Airpower magazine. February 2002. [Электронный ресурс].URL: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/cc/gagnon.html ((дата обращения — 26.08.2010).

[2] Joint Publication 1-02. [Электронный ресурс].URL: http://www.fas.org/news/reference/lexicon/des.htm (дата обращения — 26.08.2010).

ными и поддерживаемыми силами для конкретной цели, уничтожение которой, ликвидация или спасение, является политической или военной необходимостью»[1]. Его теория по спецоперациям делится на три фазы и шесть принципов: планирование (простота), подготовка (безопасность и репетиция) и выполнение (внезапность, скорость и целенаправленность). По мнению Гэгнона эти критерии соответствуют модели СЦВ и ООЭ, поэтому он и обосновал необходимость применения теории МакРавена для развития доктрины СЦВ.

С СЦВ также связаны концепции операций на основе эффектов, кибервойны и сетевых войн (родилась в процессе анализа общественных и радикальных процессов специалистами по безопасности и социологами). Однако говорить про окончательную формулу СЦВ и давать характеристики процессов, протекающих внутри нее, пока рано. Тем более, что сами авторы считают, что новая концепция пока еще находится в стадии разработки и обогащается новыми теоретическими выкладками, наблюдениями и опытом.

[1] *McRaven, William*. Spec Ops — Case Studies in Special Operations Warfare: Theory and Practice, Presidio, Novato, CA, 1996. P. 2.

Кьёнджонь Ча

ЧЕДЖУ И ГОНКА ВОЕННО-МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ В АЗИИ

Военно-морская безопасность была до последних пор главной темой в странах северо-восточной Азии. Потопление южнокорейского корвета Хенан являлось главным пунктом повестки дня на ежегодном саммите, который Южная Корея провела с Японией и Китаем на острове Чеджу в мае 2010 г. Чеджу важен и по другой причине. Южнокорейское правительство планирует построить здесь военно-морскую базу.

Остров Чеджу — особая самоуправляемая провинция, расположенная немного юго-восточнее от Северной Кореи. Его расположение в центре Северо-восточной Азии дает острову географические и политические преимущества. На востоке остров обращен к Цусиме и японской префектуре Жангги — прямо между Южно-Китайским и

Восточно-Китайскими морями. На западе остров обращен на Шанхай. Южно-Китайское море простирается к югу от острова, в то время как континентальная часть Южной Кореи лежит к востоку.

Несмотря на свое стратегическое расположение, остров Чеджу остается неоднозначным местом для военного базирования. ЮНЕСКО провозгласило остров объектом Всемирного наследия, благодаря чему он сейчас является популярным местом проведения медового месяца. Бывшее правительство Но Му Хёна также объявило Чеджу «мирным островом». Но южнокорейское правительство стремится построить военно-морскую базу в деревне на острове еще с 2002 года. Несмотря на сильное сопротивление местных жителей, южнокорейское правительство планирует построить базу в деревне Геонгжеонг.

Остров Чеджу на протяжении долгого времени был в центре стратегических интересов, связанных с безопасностью в Северо-восточной Азии. Во время Второй мировой войны японцы использовали остров для защиты Японии от американских войск. На острове располагались базы снабжения для 75 000 японских солдат. Американские военные попытались укрепить остров после поражения Японской империи.

Но сейчас остров Чеджу вновь в центре внимания. Но на этот раз как объект эскалации в гонке военно-морского вооружения в Северо-восточной Азии.

Безопасность на море

Стратегическое расположение острова Чеджу в последнее время стало еще более значимым из-за возросшего в регионе интереса к военно-морской безопасности. Китай и Япония усилили свою военно-морскую мощь. Доклад Пентагона за 2009 г. оценил военно-морские силы Китая примерно в 260 кораблей, включая 75 «ведущих боевых» — основных военных кораблей — и более 60 подводных лодок. Также военно-морской флот получает более одной трети всего китайского военного бюджета в $78 миллиардов. Однако реальный военный бюджет Китая значительно выше, так как китайское правительство значительно занижает сведения о своих военных расходах.

Тем временем Япония аналогичным образом развивала свою военную стратегию. Морские силы самообороны Японии развертывают, возможно, самый современный и боеспособный

дизель-электрический подводный флот в мире. Личный состав насчитывает 44,000 военных, в него входят 18 подводных лодок, 9 фрегатов, и второй по величине флот эсминцев после американского, снабженный системами «Иджис» (система распознавания «свой-чужой» — прим. пер.).

Администрация южнокорейского президента Ли Мён Бака также объединила усилия в наращивании военно-морских сил. Согласно оборонному бюджету на 2010 год, расходы на военные корабли увеличиваются на 23,7% по сравнению с прошлогодним. На постройку одной лишь военно-морской базы на Чеджу выделено 97,5 миллиардов вон (7,8 миллионов $). «Инвестирование в сектор военного кораблестроения сосредоточено на непрерывной защите высокотехнологичных эсминцев и субмарин с той целью, чтобы доказать возможность господства на море вокруг Корейского полуострова, а также возможность дальнейшего его наращивания для проведения морских операций», — заявил ученый из Корейского института анализа обороны (KIDA) Пик Жи Ок.

Инцидент с Чеонаном, который привел к затоплению южнокорейского судна в Желтом море, подтолкнул администрацию Ли к увеличению затрат на военно-морской флот в военном бюджете на 2011 год. Южная Корея обещала усилить морское патрулирование и научно-исследовательскую работу, связанную с национальной обороной, чтобы подготовиться к северокорейским провокациям. Тем не менее, директор Центра безопасности и стратегии KIDA Парк Чанг-Квоун говорит, что «южнокорейскому правительству необходимо сбалансировать военную силу и советует должностным лицам не делать поспешных решений».

Роль США

Альянс США-Корея тесно сотрудничает по этому вопросу. Военно-морские силы США остаются самыми мощными в мире. Правительства США и Южной Кореи расширяют свое военное сотрудничество, и если военно-морская база на Чеджу будет построена, флот США будет использовать эту базу для слежения за морскими силами Китая. Из-за близкого расположения по соседству с Китаем база будет служить заградительным щитом скорее от китайской экспансии, чем защитой от северокорейской угрозы (для чего больше подходят базы в Пусане и Чинхе).

Именно из-за противоракетной обороны военно-морская база в Чеджу больше походит на яблоко раздора между Соединенными Штатами и Китаем. Сеул планирует ввести в доки Чеджу эсминцы, снабженные системами «Иджис». Эти военные корабли — важнейший компонент системы противоракетной обороны США. Согласно данным китайской газеты «Синьхуа», Южная Корея планирует построить новую военно-морскую базу в южной части Чеджу, чтобы расширить направление своих морских операций. Военный подрядчик США Lockheed Martin снабжает боевыми системами «Иджис» Сеул. «Китай рассматривает противоракетную оборону в качестве величайшей угрозы XXI века и проявляет обеспокоенность по поводу американской политики противоракетной обороны», — говорит Чеонг Вук-Сик, директор организации Peace Network в Южной Корее. Китай уверен, что в случае конфликта с Тайванем США непременно будут вовлечены в конфликт из-за противоракетной обороны.

Между тем, Южная Корея обозначила собственную заинтересованность в большей интеграции с американской системой противоракетной обороны. Так, став заложником конфликта между Китаем и Соединенными Штатами, военно-морская база может подвергнуть опасности национальную безопасность Южной Кореи. Согласно заместителю генерального секретаря Ли Тай-Хо из Народной Солидарности за Активную Демократию в Южной Корее, «китайское правительство использует ответную стратегию, согласно которой в случае нападения первой будет атакована база противоракетной обороны США. Это означает, что военная база Чеджу станет мишенью в вооруженном конфликте между США и Китаем». Но даже без войны база будет создавать напряжение между Китаем, Японией и Кореей, которая может быть вовлечена в гонку вооружений Азиатско-Тихоокеанского региона.

Демократия и окружающая среда

Споры вокруг военно-морской базы превратились в весьма щекотливую тему на недавних выборах на о. Чеджу. Большинство кандидатов обещало разобраться в конфликте между правительством и жителями острова. Но люди на Чеджу с большим недоверием относятся к действующему подходу правительства Чеджу к военно-морской базе. Когда в Министерстве национальной безопасности решили

построить эту базу в деревне Геонгжеонг, процедура принятия этого соглашения не была открытой. Проведенный 14 мая 2007 года референдум не отражал в полной мере действительное мнение местных жителей. Через четыре месяца после референдума, когда Народный совет деревни Геонгжеонг провел голосование по этому вопросу, 94% сельских жителей высказалось против военно-морской базы.

После последних выборов на острове военно-морская тема погрязла в длительных обсуждениях. Как только выборы завершились, капитан Ли Йон-Гук из делового комитета базы Чеджу объявил, что Военно-морской флот планирует начать строительство порта и бухты в сентябре. С другой стороны, Ву Геун-Мин — вновь избранный губернатор — выразил свое сожаление в связи с настойчивым продвижением плана строительства базы, заявив, что «теперь пришло время уважать точку зрения друг друга». Жители Чеджу ссылались на него. Но новый губернатор в принципе не выступал против плана базы. Он даже охотно принял двойственное положение дел.

В прошлом апреле 450 жителей Геонгжеонг подали иск против министра обороны. В нем содержалось обвинение против министерства в незаконном одобрении плана базы без вынесения соответствующего заключения о воздействии на окружающую среду.

Исходя из конфликтности между островитянами и правительством, случай с базой в Чеджу становится похож на ситуацию с втягиванием военных США на Окинаву. Бывший японский премьер-министр Юкио Хотояма подал в отставку после одобрения первоначального плана переноса базы морской пехоты Футенмы в префектуре Окинава. Несмотря на то, что это касалось жителей Окинавы, Хотояма решил оставить Вашингтон довольным. Новый губернатор Чеджу как и Хотояма попал в жернова между требованиями местных жителей и национальными приоритетами.

Вопрос о военно-морской базе затронул существенные стороны жизни островитян. Сооружение военно-морской базы может не только увеличить региональную военную напряженность, но и разрушить экосистему острова. Имеется множество случаев разрушения окружающей среды в связи со строительством военных баз в азиатско-тихоокеанском регионе, включая базы на Окинаве, Гавайях и Гуаме. Южнокорейское правительство заявило, что туризм и военные базы США могут успешно сосуществовать. Согласно Кейлу Кажихиро, лидеру демилитаризованной зоны Гавайев/Алохи, «аргумент ко-

рейского правительства о том, что милитаризация была хорошим решением для Гавайев и будет хорошим для Чеджу — это глубочайшее заблуждение». Базы для морской пехоты на Окинаве, Гавайях и Гуаме были построены в послевоенный период, до того, как на этом острове появился туризм. Чеджу уже был открыт для туристического использования, поэтому база скорее всего принесет ущерб для местной экономики.

Исходя из соображений безопасности, экономических предпосылок и условий окружающей среды, военно-морская база Чеджу — рискованный проект. Не следует также игнорировать сопутствующие опасности. Южнокорейская морская мощь не способна приблизиться по своему уровню до Китая и Японии. Вместо сооружения морских баз на острове, Южной Корее следовало бы дать понять Китаю и Японии, что военно-морская гонка вооружений не имеет смысла.

Военное соперничество на море также поднимает некоторые тревожные вопросы о будущей морской стабильности в Азии. В регионе имеется множество споров, здесь также было множество морских столкновений. Никто не желает повторения ситуации с Окинавой. Тем не менее, представляется возможным сохранить морскую безопасность с помощью системы невоенного сотрудничества вроде Регионального форума АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) или АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). Эти организации играли первостепенную роль в обеспечении морской стабильности, поощряя правительства вести переговорные процессы друг с другом. Военная база на острове Чеджу и гонка военно-морских вооружений в регионе способны сделать и так плохую ситуацию еще худшей.

Александра Шаповалова

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА ПОСЛЕ ЛИССАБОНА: НА ГРАНИ ПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Тематика создания системы противоракетной обороны и налаживания сотрудничества Альянса с Россией в этой сфере выступала одним из центральных пунктов повестки дня саммитов НАТО в Лиссабоне 19-20 ноября 2010 года. В португальской столице ключевые заинтересованные стороны дали своё принципиальное согласие на создание системы ПРО, анонсировали свои ожидания в отношении этой системы и обозначили условия, на которых они готовы принимать участие в её построении. Таким образом, процесс становления системы противоракетной обороны на европейском континенте запущен, но его результаты не являются гарантированными и зависят от многих факторов. Попытаемся проанализировать, что конкретно означают лиссабонские авансы в сфере ПРО для НАТО и для России, и какие перспективы у этого проекта?

На систему противоракетной обороны возлагается несколько важных функций как стратегического, так и политического характера. В стратегическом аспекте речь идёт об обеспечении полноценной защиты от угрозы ракетного удара со стороны потенциально опасных стран, прежде всего Ирана. В таком виде система ПРО расценивается ни много, ни мало, как ключевой элемент коллективной обороны Альянса, что зафиксировано в новой Стратегической концепции. В политическом аспекте построение этой системы выступает в качестве, во-первых, магистрального направления американской политики в Европе и инструмента усиления американского присутствия на континенте, во-вторых, центральной составляющей обновлённого трансатлантического партнёрства и, в-третьих, платформой для «перезагрузки» отношений Россия-НАТО.

Одно только сопоставление указанных функций позволяет констатировать серьёзный дисбаланс между стратегическим и политическим аспектами системы ПРО, что вызывает существенные сомнения относительно её способности выполнять эти функции.

Ситуация выглядит так, что, с одной стороны, механизм с довольно неоднозначной оборонной ценностью призван служить практической основой для цементирования проблемных политических сегментов деятельности НАТО (причём сегментов, имеющих первоочередную значимость для сохранения целостности НАТО), а с другой, его стратегическая специфика и непосредственное отношение к коллективной обороне значительно ограничивают возможности для подключения третьих стран к его функционированию. Иными словами, именно потому, что система ПРО пока что представляет собой виртуальный стратегический актив, оперативное развёртывание которого возможно лишь в среднесрочной перспективе, её намного легче использовать для насаждения или консервации определённых политических конфигураций в условиях, когда разрешение более весомых противоречий осложнено шлейфом негативного опыта и недостатком доверия. Сотрудничество вокруг пока что гипотетической ПРО не требует от участвующих сторон ни капитальных уступок, ни радикального пересмотра собственных позиций по другим вопросам. Но вместе с тем целиком очевидно, что система ПРО – это внушительный оборонительный механизм, для полноценного функционирования которого необходима даже более тесная политическая консолидация его участников, нежели для системы интегрированного командования. То есть привлечение к ней третьих государств теоретически может быть результатом активного политического сближения, но генерировать такое сближение система ПРО сама по себе не может.

Другой вопрос, возможно ли на базе пусть и ограниченного сотрудничества в сфере противоракетной обороны, без полноценного включения России в систему ПРО Альянса создать такую политическую структуру, которая приведёт к качественной трансформации отношений Россия-НАТО? При определённых условиях возможно. И предложения, озвученные Д. Медведевым на саммите в Лиссабоне, по сути содержат в себе модель взаимодействия, которая делает вполне реалистичным переход этих отношений на качественно новый уровень и позволяет нивелировать риск игнорирования России при принятии решений Альянсом.

Своей инициативой относительно «секторальной ПРО» Россия фактически предлагает НАТО отношения, близкие к союзническим, основанные, если не на формальных гарантиях безопасности, то на согласовании взаимной ответственности за поддержание безопасности друг друга. Это весьма конструктивная инициатива как в стратегическом, так и в политическом отношении. В стратегическом плане она позволяет избежать нацеливания натовской системы ПРО против России, не допустить полёта натовских противоракет над своей территорией и получить по крайней мере частичный контроль над одним из компонентов коллективной обороны Альянса.

В политическом плане её преимущества ещё более существенны. Во-первых, «секторальная ПРО» означает, что Россия, оставаясь формально вне рамок НАТО, превращается в контрибутора безопасности европейских стран и необходимый элемент коллективной обороны НАТО. Во-вторых, как следствие этого, образуется такая система взаимосвязей между Россией и Альянсом, нарушение которой будет невыгодно для обеих сторон, на чём неоднократно делали упор российские представители, в том числе посол России при НАТО Д. Рогозин. В свою очередь, благодаря этому игнорирование позиции России при принятии решений будет чревато серьёзными негативными последствиями для Альянса. В-третьих и самое главное, инициатива «секторальной ПРО» знаменует готовность России строить отношения с НАТО не на основе стратегического баланса, а на основе стратегической взаимозависимости, что является поворотным изменением в подходе России по сравнению с инициативой Договора о европейской безопасности (о котором, что примечательно, на саммите в Лиссабоне российские представители публично не упоминали). От «застолбления» зон влияния Россия хочет перейти к взаимно согласованным зонам ответственности, что даст возможность не только повысить значимость России во взаимодействии с НАТО, но и укрепить её позиции и роль в Европе.

Конечно, такая перспектива не является гарантированным исходом реализации российской инициативы. Она зависит в первую очередь от того, будет ли система ПРО иметь критическую значимость для обеспечения коллективной обороны НАТО, насколько дееспособной будет эта система в функциональном смысле, и насколько весомую защиту может предложить в противоракетном отношении Россия Альянсу. Но даже без учёта этих факторов согласие НАТО на

воплощение российской модели кажется довольно проблематичным. Для Альянса неприемлема сама постановка вопроса о том, что его безопасность может зависеть от третьих стран, и что он может давать какие-либо гарантии третьим странам. Посол США при НАТО И. Даалдер заявил в своём интервью после саммита в Лиссабоне: «НАТО будет защищать территорию НАТО. … Мы не собираемся передавать кому бы то ни было ответственность за обеспечение нашей обороны». И хотя консультации по вопросу реализации российских предложений всё-таки ведутся, сложно представить, что Альянс согласится на их реализацию в полном объёме.

В конечном итоге, для России ситуация вокруг ПРО после лиссабонского саммита складывается неоднозначно. Москва согласилась на превращение (по крайней мере на данном этапе) диалога по системе ПРО в краеугольный камень отношений Россия-НАТО, чем косвенно дала своё согласие на создание этой системы. Но условия, при которых эта система может иметь положительный эффект для стратегической и политической стабильности на европейском континенте, не обеспечены. При этом основная работа по формированию этой системы будет проходить непосредственно в рамках органов НАТО (тем более, что полного согласия относительно конфигурации этой системы среди государств-членов Альянса нет). Это означает, что Россия дала старт процессу, над которым она пока что имеет весьма опосредствованный и ограниченный контроль, и её влияние на который напрямую зависит от доброй воли Альянса. Возможность игнорирования России нельзя считать нейтрализованной, отсюда и громкие слова о том, что в случае провала этой попытки налаживания кооперативных связей между Россией и НАТО Европе грозит новая «гонка вооружений». Лакмусовой бумажкой в этом отношении станет готовность НАТО считаться с российской позицией в ходе выработки конфигурации системы ПРО и дислокации её объектов, но этого вряд ли будет достаточно для формирования эффективной политической структуры отношений.

Параллельно с этим нужно принимать во внимание и общее значение сотрудничества по противоракетной обороне в комплексе отношений Россия-НАТО в том виде, в каком оно предстаёт на сегодняшний день. Хотя российской дипломатии удалось обеспечить отсутствие резких нежелательных формулировок в новой Стратегической концепции, но подвижек по наиболее принципиальным для

России вопросам не наблюдается. Нужно признать, что наибольшую значимость с точки зрения российских интересов имеют не столько аспекты коллективной обороны Альянса, сколько принципы его участия в кризисном урегулировании, механизмы контроля над вооружениями на территории европейского континента и возможности дальнейшего расширения НАТО. И сотрудничество вокруг системы ПРО само по себе этих проблем не снимает, а только может способствовать формированию такого контекста, в котором их решение станет возможным. Но пока что говорить об этом не приходится.

Восточная Европа

Александр Бовдунов

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНА

Политико-географические образы и концепция ориентализма: теоретические и методологические совпадения

Когда заходит речь о Восточной Европе, как правило, никому не нужно пояснять, с чем мы имеем дело, это понятие уже нагружено неким смыслом, который не позволяет задавать на первых порах такой вопрос, однако то, что ни в социальных науках, ни в практической политике не существует единообразного представления о границах этого явления, наталкивает на размышления. Неопределенность и размытость самого понятия «Восточная Европа» во многом обусловлены двойственной природой этого концепта. С одной стороны, оно постоянно используется в современной международной политике, международно-политической и внутриполитической практике. Иногда используется понятие Восточной Европы, иногда те же самые страны относятся к Европе Центральной. В последние 20 лет распространение получило понятие Центральной и Восточной Европы. Более того, споры относительно термина могут приобретать ожесточенный характер, что позволяет предположить, что название региона само по себе не является нейтральным, оно наполнено множеством смыслов, и в зависимости от того, какое название для региона мы выбираем, мы эти смыслы заново утверждаем.

В этом контексте оно само по себе обладает определенной силой воздействия и может рассматриваться в терминологии отечественного географа Д.Н. Замятина как географический

образ[1], аффектирующий действия как внешнеполитических, так и внутриполитических акторов. Такой образ отражает не конкретную географическую реальность, но скорее является частью ментальной карты, «созданного человеком изображения части окружающего пространства, отражающего мир, как его представляет себе человек»[2], то есть социальным представлением об определенной части пространства.

Д.Н. Замятин отмечает, что поворот к проблеме географических образов в географической науке возник по мере расширения предметного поля политической географии, там, где в центре внимания исследователя оказались проблемы связи пространства географического и общественной жизни. «Развитие целой индустрии культурного наследия повело к осознанию важности формирования и культивирования образов тех или иных географических мест. Место, по сути, не стало фиксироваться в традиционных географических координатах, но выступало уже скорее как собственный образ или их совокупность. Подобная методологическая ориентированность базировалась на признании важности географического воображения, которое опиралось на реальное, физическое место, но затем разрабатывало на этой основе необходимые ему образы». Особое значение для нас имеют образы политико-географические или геополитические в терминологии Замятина. «Специфика политического мышления, в особенности структура традиционных политических переговоров, известный схематизм этого типа мышления и сравнительно высокая нацеленность на достижение политического компромисса ведут, как правило, к формированию довольно простых, четких и выпуклых политико-географических (геополитических) образов. Характерно, что в дальнейшем эти политико-географические образы могут формировать и достаточно сложную, разветвленную и часто иерархизированную единую систему — геополитическую картину мира», — пишет российский автор[3]. Геополитическая динамика зачастую может быть описана как динамика географических образов, более того, если мы выделим в географическом образе дискурсивную составляющую, то

[1] *Замятин Д. Н.* Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.

[2] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.5.

[3] *Замятин Д. Н.* Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.

нетрудно увидеть на примере конкретных образов, как они, выступая в качестве правящих дискурсов, начинают выполнять чисто политические функции власти и контроля.

Изучение географические образы, как отмечает российский исследователь Алексей Миллер, в западной географической и общественно политической мысли воплотилось в появлении такого направления как «ментальная картография», введенного Е.С. Толманом в 1948 г. Главные работы по этой тематике в 70-е годы были выполнены географом Р.М. Доунзом и психологом Д. Стеа. Эти авторы определяют ментальную картографию как «абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве». «Следовательно, ментальная карта — это «созданное человеком изображение части окружающего пространства./…/ Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны». Для представителей социальных наук в ментальной картографии интересны процессы формирования этих карт и присутствующих в них географических образов, то есть, если применять терминологию и методологию М. Фуко дискурсивные практики по формированию различных схем географического пространства и наделению тех или иных его частей определенными характеристиками»[1].

Обращаясь к представителям исторической науки, Миллер упоминает, что прежде, чем писать об истории Центральной либо Восточной Европы, «дискурсы о Центральной Европе сами должны быть предметом исторического, или, если угодно, историко-политологического исследования, прежде всего в области истории идей. Только выяснив для себя разнообразные интересы и «тенденциозности», связанные с различными концепциями Центральной Европы, историки могут использовать понятие Центральная Европа как инструмент исторического исследования. В противном случае тенденциозность даже помимо воли исследователя будет проникать в их труды вместе с самим понятием»[2]. Думаем, что

[1] *Миллер А. И.* Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности. [Электронный ресурс]. URL: mion.sgu.ru/empires/docs/mental.doc (дата обращения — 14.06.2011).

[2] *Миллер А. И.* Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности. [Электронный ресурс]. URL: mion.sgu.ru/empires/docs/mental.doc (дата обращения — 14.06.2011).

этот призыв актуален не только для историков, но и для социологов и политологов, в особенности международников, занимающихся Восточной Европой или иным географическим регионом.

Именно этим в отношении концепта «Восточной Европы» занялся американский ученый Лари Вульф в своем знаменитом труде «Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения». В этой достаточно известно книге он показывает, как создавался дискурс Восточной Европы и конструировался этот географический образ, отмечая, что «Восточная Европа» с тех самых пор, когда это понятие входит в язык политиков, всегда рассматривалась как нечто ущербное по отношению к Европе Западной. На «Восточной Европе» так же как на «Балканах» лежит печать недоразвитости, агрессивности, неустроенности, отставания в развитии и несоответствия общепринятым европейским социальным, политическим, культурным и экономическим стандартам. Эта печать не может быть снята хотя бы потому, что самому процессу создания образа Восточной Европы и было наделение ее этими атрибутами. Такой географический образ схож с рассматриваемый Эдвардом Саидом образом «Востока» как сконструированной западными европейцами реальности, за которыми скрываются колониалистские интенции Запада[1].

Автор концепции ориентализма Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм. Западные концепции Востока» утверждает, что само понятие «Восток» — исключительно западный концепт, навязанный азиатским и вообще незападным странам как единственно реальный и адекватный. Одной из целей создания образа Востока как страны загадочной и притягательной, но отсталой и нуждающейся в помощи цивилизованного и просвещенного Запада, является оправдание западного колониализма, второй — конструирование образа «Другого» по отношению к Западу. Таким образом, создавая концепт Востока, Запад и утверждает самого себя в качестве Запада, в качестве не-варваров, в качестве центра просвещения, ума, науки, узаконивая на ментальном уровне отношения неравенства, колониального господства, либо претензий на такое господство по отношению к тем, странам, которые он рассматривает как «восточные».

С методологической точки зрения для нас интересно то, что Саид напрямую подходит к понятию географического образа и его политической функции, показывая, какую роль географический образ играет

[1] *Саид Э.* Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006.

в геополитике. По Саиду существует два пространства. Одно — реальное, географическое. Второе — образное. Сначала создается образ Востока в интеллектуальном пространстве, который затем проецируется на реальность и используется как элемент управления, политической манипуляции[1].

Восточная Европа или «Восток» Европы?

Концепцию Саида, применительно к географическому образу Восточной Европы и развивает Лари Вульф. Сам ориентализм, говорит Вульф, «это стиль, с помощью которого Запад подавлял, перекраивал и подчинял себе Восток». Современный российский исследователь Восточной Европы Алексей Миллер, уже упоминавшийся ранее, в предисловии к изданию книги американского ученого на русском языке, суммируя главную идею работы, отмечает, что «Вульф описывает создание образа Восточной Европы как проект полуориентализации, в котором главной характеристикой обществ этой части континента становится некое переходное состояние между цивилизованным Западом и варварским Востоком, когда усвоение Запада оказывается поверхностным, а основа этих обществ оказывается варварской»[2].

Образ Восточной Европы создается как один из субпродуктов ориентализма, показывает Вульф. С началом эпохи Просвещения и созданием описанного выше образа Востока, создается географический образ зоны, находящейся между чистым «Востоком» и чистым «Западом». Эта зона и получает название «Восточной Европы» и по отношению к ней начинают применяться стратегии, схожие со стратегиями ориентализации.

Если до эпохи Просвещения граница между цивилизацией и варварством в сознании европейцев проходила по линии Север-Юг, и образу культурного Средиземноморья противостоял варварский германский Север то с началом Нового Времени и появлением ориенталистского дискурса в сознании людей Запада происходят существенные перемены, позволяющие им поместить образ значимого «Другого» на Восток, таковым Другим оказываются, как отмечает и

[1] *Савин Л. В.* Ориентализм, окцидентализм и интеллектуальный терроризм / Дугин А.Г. (ред.) Левиафан: материалы семинара «Геополитика/Геостратегия». М.: 2011. С. 35.

[2] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.6.

Вульф, и норвежский социолог Ивэр Нойманн, Османская империя, а потом Россия[1].

Восточная Европа, «открытая» в таком качестве в начале XVIII века, сначала воспринималась как «внутренний Восток», или «Восток Европы», непосредственно примыкающий к османским владениям и территории России. Появившиеся тогда элементы восточноевропейского дискурса до сих пор довлеют над сознанием людей Запада, из века, в век разделяя Европу на две половины. Действительно, в XVIII веке впервые появляется и затем уже не исчезает представление о Восточной Европе как о «варварском крае» и «Склавонии», территории преимущественно со славянским населением; вызванный восстанием Ракоши интерес к венграм как со стороны поддерживающей ее французской короны и ее географов, так и со стороны ученых, поддерживавших Габсбургов, привносит в формирующийся образ восточной окраины континента и противоречивое представление об изначальной дикости, элементах «азиатчины» и свободолюбии здешних народов, стремящихся разорвать оковы рабства[2].

Изданный в 1720 году в Амстердаме Atlas Historique кроме вышеупомянутых моментов отражал еще один важный элемент, который закрепится в представлении западноевропейцев, а потом и американцев о Восточной Европе, а именно восприятие ее как чего-то архаичного, отсталого, в Восточной Европе словно концентрировалось прошлое, которое Запад преодолевал. Территории, относящиеся к этому региону, в отличие от Европы Западной, в этом атласе обязательно подписаны как современными, так и древними латинскими названиями (например, Венгрия и Паннония, Болгария и Мезия, Валахия и Дакия). Такое обозначение и отсылка к архаике служили маркером «восточноевропейскости», что показывает пример Богемии, древнего латинского названия которой не существовало, но поскольку авторы атласа стремились отнести ее к Восточной Европе, то они такое название (Boiohemum) просто выдумали[3]. То, что такое представление о Восточной Европе не только не преодолено, но продолжает культивироваться западными СМИ и кинематографом, показывают как исследования российских ученых, например, работа Н.Н. Клочко «Об-

[1] Neumann I. B. The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

[2] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250-252.

[3] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250.

разы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафорики)»[1], так и публикации западноевропейских исследователей[2] и их восточноевропейских коллег[3], в частности бельгийского геополитика и политического философа Р. Стойкерса «Об образе Румынии в мире» и албанского социолога Гёзим «Western Media and the European «Other»: Images of Albania in the British Press in the New Millennium»).

Обращаясь к дискурсивному анализу Вульф (в меньшей мере) и Сайд в (большей) следуют за Мишелем Фуко в стремлении вскрыть властные дискурсы, конституирующие отношения господства и подчинения[4]. Дискурс — это не невинное говорение, как отмечает английский ученый Томас Диес[5], но политический акт, вписывающий определенный вопрос в политический контекст.

Дискурс «ориентализма» или Восточной Европы, отделяя низших от высших, «цивилизованных» от «дикарей», устанавливает специфические властные отношения, в которых восточноевропейцам всегда уготована роль ведомых, тех, кто подчиняется, цивилизуется, рискуя так и никогда не цивилизоваться, пока данный дискурс не будет снят.

Другие дискурсы могут, наоборот, «европеизировать» различные культуры и страны. Для Восточной Европы характерным примером может служить дискурс эллинизма, благодаря которому Греция оказалась вне этого географического образа. Как показал в своем интереснейшем исследовании «Черная Афина: Афро-азиатские корни классической цивилизации: Фабрикация античной Греции» Мартин Берналь, эта интеллектуальная традиция, наоборот, устранила из европейского восприятия Греции все следы восточных, азиатских и

[1] *Клочко Н. Н.* Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафорики) / Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 213-226.

[2] *Steuckers. R.* Despre imaginea Romaniei in lumea. [Электронный ресурс]. URL:http://ro.altermedia.info/opinii/despre-imaginea-romniei-n-europa-occidental_1664.html (дата обращения 21.11.2010).

[3] *Gëzim. A.* Western Media and the European «Other»: Images of Albania in the British Press in the New Millennium // Albanian Journal of Politics. 2005. №I (1). Pp. 4-25.

[4] *Фуко М.* Воля к истине, по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 49-95.

[5] *Diez. T.* Europe's Others and the Return of Geopolitics// Cambridge Review of Internationall Affairs. Vol. 17. Number 2, July 2004. Pp. 319-335.

даже африканских влияний не только в современной греческой, но и древнегреческой культуре[1].

Дискурс «Центральной Европы» и его геополитическая функция

Учитывая те коннотации, которые несет с собой образ Восточной Европы, неудивительны предпринимаемые интеллектуальными и политическими элитами стран этого региона попытки по элиминации этого дискурса. Создание дискурса Центральной Европы восточноевропейскими интеллектуалами во второй половине XX века можно интерпретировать именно так. Существовавшие ранее представления о Центральной Европе в их не германистских версиях, связанные с движением австрославизма, утратили свою идеологическую силу с исчезновением самой Австро-Венгрии. Одним из первых, если не самым первым, кому удалось оживить дискурс Центральной Европы в ее новом понимании, стал Милан Кундера в статье «Трагедия Центральной Европы». За ним потянулись и другие представители интеллигенции, создавшие миф о «Центральной Европе», которая по уровню культуры и цивилизованности ничем не уступала Западной, но была насильственно вырвана из привычного для себя культурного, политического и экономического контекста «с приходом Красной Армии»[2]. Само диссидентское движение, выступившее под «центральноевропейскими» знаменами», пользовалось как материальной, так и политической и информационной поддержкой стран Запада, прежде всего США. Кроме того, как отмечает Алексей Миллер, цитируя американского историка Тони Джадта, Кундера был не первым восточноевропейским эмигрантом, который сожалел о судьбе «растоптанной большевиками» Центральной Европы, но его статья, отражавшая настрой многих восточноевропейских интеллектуалов, пришлась ко двору противников советского блока в изменившейся геополитической ситуации. Кроме общей заинтересованности Запада и прежде всего США в ослаблении социалистического блока и его европейской

1 Bernal M. Black Athena: Afro-Asiatic Roots of Classical Civilization: The Fabrication of Ancient Greece, 1785-1985. New York: Vintage Books, 1991.

2 *Коля А. Ф.* Концепция «Центральной Европы» в творчестве Милана Кундеры, Юрия Андруховича и Анджея Стасюка // Европа: Журнал польского института международных дел. 2002. Т.2, № 2(3). С. 131-154.

составляющей имели место и другие интересы, а также взаимодействие интересов, тенденций развития мировой системы и конкретных действий, предпринимаемых ведущими мировыми акторами. «Несколько важных событий и процессов совпали во времени, чтобы сделать западную публику восприимчивой к таким речам», — пишет Алексей Миллер. — «Это упадок западных коммунистических партий и вообще марксистски ориентированных левых, вторжение СССР в Афганистан, польская «Солидарность». Важно было также возрождение внимания к теме прав человека в западной политической теории. Для некоторых западноевропейских, в особенности французских, радикалов, дискурс о Центральной Европе стал также сферой проекции их собственных идей об эмансипации Европы от США. Осуществить это могла Европа, объединяющая восток и запад континента. Новое и особое значение приобрела тема Центральной Европы в Германии, где ее пытались приспособить к решению главной задачи «восточной политики» — будущего объединения страны»[1].

Политической целью правящих элит стран «Восточной Европы» после падения социалистической системы стало окончательное избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое. Последовало насаждение «центральноевропейской региональной идентичности»[2]. Компромиссом с этой интенцией и принятым ранее названием региона стало понятие «Центральной и Восточной Европы», хотя Госдепартамент США из политических соображений в 1994 году отказался и от него, приняв инструкцию, в которой предписывалось использовать вместо понятия «Центральная и Восточная Европа» определение «Центральная Европа»[3].

И термин «Восточная Европа», и термин «Центральная Европа» имеют преимущественно политическое наполнение. Пытаясь дать этому понятию, наполнение географическое, чешский геополитик Оскар Крейчи сталкивается с тем, что этот регион не имеет естественных геополитических границ и потому говорит преимущественно об

[1] *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.

[2] *Кобринская И.* Россия и Центральная Восточная Европа после «Холодной Войны». М.: 1997. С. 14.

[3] Там же.

идее Центральной Европы[1]. Как пишет Алексей Миллер: «Политологи практически едины в том, что самостоятельного политического субъекта по имени Центральная Европа нет и не было. Но очевидно, что Центральная Европа существует как идеологический феномен»[2].

То же представление, дублирующее изменения в региональной саморепрезентации элиты региона, отражается и в отечественных работах, особенно в тех, где уделяется немного внимания пониманию восточноевропейскости и центральноевропейскости как правящих дискурсов, например, в делении пространства этой части Европы, предлагаемом в трудах отечественного ученого Э.Г. Задорожнюк, где под «Восточной Европой» понимаются бывшие республики СССР, а под «Центральной Европой» — «пояс государств между Балтикой и Адриатикой, стран бывшего социалистического содружества»[3].

Образ Центральной Европы как неотъемлемой части европейского целого, созданный интеллектуальными кругами закрепляется в обществе, порождая такое явление как «повседневный ориентализм». Британский социолог С. Янсен в ходе исследования этого явления в столицах двух балканских стран Сербии и Хорватии («Повседневный ориентализм: Восприятие «Балкан» и «Европы» в Белграде и Загребе»)[4], описывает, как происходит формирование негативного образа «Балкан», которые противопоставляются Европе. Сами сербы и хорваты начинают мыслить себя как европейцев и «защитников Европы». При этом в случае Хорватии прежне нейтральный и популярный термин Балканы получает однозначно негативные коннотации, Балканы ассоциируются с сербами и коммунистами, а Хорватия однозначно с Европой. Ярким примером символического утверждения собственной европейскости в Загребе явилось переименование кинотеатра «Балканы» в «Европу».

[1] *Krejčí O.* Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. Prague, 2005. P. 65.

[2] *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2001. С. 33.

[3] *Задорожнюк Э. Г.* Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С.15.

[4] *Янсен С.* Повседневный ориентализм: Восприятие «Балкан» и «Европы» в Белграде и Загребе / Игрицкий Ю. И. (отв. ред.) Восточная Европа: Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции: Сб. обзоров и реф. М. , 2005. С. 119-126.

Географические образы, властные дискурсы непосредственно влияют на геополитику и внешнюю политику государств. Важным отличием современного образа Центральной Европы, культивируемого в странах региона, является понимание России как чужого. И. Нойман отмечает, что для этого дискурса Центральной Европы Россия всегда будет выполнять важную функцию «конституирующего Чужого», как виновник «трагедии Центральной Европы» и как «угроза ее будущему»[1]. Разнообразные местные изводы центральноевропейской идеи, будь это польская «яггелонская идея» или не столь масштабные и претендующие на экспансию в восточном направлении ее собратья в других странах региона, характеризуются противопоставлением себя России, в результате чего эти страны становятся удобным плацдармом для НАТО и США, а все рассуждения о своей исключительности лишь оттеняют атлантистские устремления элит этих государств[2]. Центральноевропейский дискурс утверждает свое господство как дискурс антироссийский и атлантистский и, таким образом, приводит к атлантистской доминации в этом регионе.

В то же время, внутри самого Запада по отношению к странам, считающим себя центральноевропейскими, как мы уже отмечали, работает восточноевропейский дискурс. Дискурс Центральной Европы, который поддерживали США и другие страны Запада, оказывается уловкой, на которую поймали восточноевропейские общества. Хотя он и продолжает «править», отделяя их от России и выдвигая эти страны на передовую антироссийской борьбы, в головах самих европейцев и американцев, как показывают уже упоминавшиеся исследования и как продолжает отмечать Ларри Вульф, в отношении этих стран целиком и полностью господствует восточноевропейский дискурс, со всеми его коннотациями варварства, дикости и отсталости. Восточная Европа продолжает оставаться младшим братом, которого надо контролировать и воспитывать. То же отмечает британский исследователь Томас Диес, утверждая, что образ Другого, для Европы, которым долгое время после Второй Мировой выступало ее собственное прошлое, при ее столкновении со странами Восточной Европы после распада социалистического блока, тут же нашел в

[1] *Neumann I. B.* The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.

[2] *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.

них свое географическое воплощение. Собственное преодолеваемое и негативно воспринимаемое прошлое воплотилось для Европы в ее восточной окраине, снова воспроизведя все элементы восточноевропейского дискурса, конструируя и реконструируя образ Восточной Европы как внутреннего «Другого»[1].

В той или иной форме Запад продолжает относиться к Восточной Европе колониалистски, в то время как закрепляемые в ней самой географические образы конституируют ее отчужденность от России, закрепляя то, что в геополитической терминологии называется «санитарным кордоном». Расширение НАТО и ЕС на Восток, как подводит еще одна работавшая в данном направлении исследовательница, канадка эстонского происхождения Мерье Куус, поддерживалось повсеместным использованием ориенталистского дискурса, в котором восточноевропейские страны понимались как «недостаточно европейские», вынужденные постоянно учиться у Запада[2].

В процессе создания и использования образа Восточной Европы как образа «Другого» и его отделения от «более цивилизованной» Центральной Европы идет мультипликация образов Восточной Европы[3]. Географически он смешается все дальше на Восток, захватывая западную окраину СНГ. Теперь перед этими странами стоит задача преодоления собственной «отсталости» (или своеобразия?). В этом переходе геополитическая функция дискурса Восточной Европы видна как нельзя явно. Эксперты американского центра трансатлантических связей Дэниэл Гамильтон и Герхардт Манготт выделяют особую категорию «Новой Восточной Европы» в одноименной книге[4]. В эту группу стран эксперт центра известный специалист по Восточной Европе и Евразии Анжела Стент отнесла Украину, Белоруссию и Молдову, отмечая, что теперь их роль как буферной зоны между Россией

[1] *Diez. T.* Europe's Others and the Return of Geopolitics // Cambridge Review of Internationall Affairs. Vol. 17. Number 2, July 2004. Pp. 319-335.

[2] *Kuus M.* Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P 472-489.

[3] *Kuus M.* Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P 479.

[4] *Hamilton D.*, Mangott G. The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, Moldova. Baltimore, Maryland: Center for Transatlantic Relations, 2007.

и Европейским Союзом[1]. Хотя и неявно, но западный специалист по международным отношениям проговаривается о том, что с геополитической точки зрения означает применение термина «Восточная Европа» к странам СНГ.

Мерье Куус предлагает для адекватной оценки социально-политических процессов и прежде всего сферы международных отношений применительно к Восточной Европе использовать наработки теории постколониализма, труды Э. Саида и его последователей. Несмотря на отсутствие прямого колониального господства западных держав в прошлом, теперь этот регион находится в схожем со странами «третьего мира» отношении к странам Запада[2]. О том, что термин «постколониализм» включает в себя и стратегии неоколониализма, автор не упоминает, впрочем, это можно додумать и самим. Как отмечал Иосиф Бродский, давая отповедь Милану Кундере, Кундера и «многие его братья восточноевропейцы стали жертвами геополитической истины, придуманной на Западе, а именно концепции деления Европы на Восток и Запад»[3]. Первое, что можно ей противопоставить, — попытаться вскрыть ее властную функцию и искусственную природу.

[1] *Stent A.* The Lands In Between: The New Eastern Europe in the Twenty-First Century / Hamilton D., Mangott G. The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, Moldova. Baltimore, Maryland: Center for Transatlantic Relations, 2007. P. 3.

[2] *Kuus M.* Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P. 482 — 484.

[3] *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.

Эрик Гермушка

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

В своём докладе я хочу сосредоточить своё внимание на будущем Европейского союза в связи с геополитическими событями в европейском пространстве с момента окончания «холодной войны», после «бархатной» революции в бывшей Чехословакии, которая оказалась де-факто первым шагом к евроинтеграции Словакии. С точки зрения геополитики, Европа проживает глобальный экономический кризис, который показывает нам на кризис не только в экономической сфере, но и в сфере интеграции. Интеграционный фактор связан не только с принятием новых членов а также и уже интегрированных членов ЕС с государствами «старой» Европы. Очень важной является и интеграция инокультурных мигрантов внутри наиболее развитых стран, которые в основном являются не адаптивными.

Прежде всего я хотел бы представить путь Словакии к Европейскому Союзу. Словацкая Республика возникла 1 января 1993 года. В это время все правительства пост-коммунистических стран Вышеградской четвёрки (V4) имели совместную задачу — вступление в Европейский Союз. Первым премьер-министром правительства Словакии стал Владимир Мечиар, который был одним из инициаторов создания Словацкой Республики. Его правление приходится на период с 1992 по 1998 гг. Это был период, характеризующийся переходом от централизованного планового хозяйства к открытой рыночной экономике. Указанный период обозначается как период «дикой» приватизации. Стремление Владимира Мечиара было направлено на создание внутренней экономической элиты, которая сможет полноценно конкурировать с иностранным капиталом. Это означало, что в процессе приватизации было дано преимущество отечественным предпринимателям перед иностранными.

Внешняя политика была направлена не только на экономическое сотрудничество с Европейским союзом, но и в какой-то степени на Россию. Усилия основателя второй независимой Словацкой Республики оказались не очень успешными. Благодаря такой политике Владимир Мечиар воспринимался за рубежом как авторитарный лидер, а Словакия считалась недемократическим государством. В это время госсекретарь Соединенных Штатов Медлин Олбрайт назвала Словакию «черной дырой» Европы. В том же смысле относился к нам и Европейский союз. Перед парламентскими выборами в 1998 г. в Словакии начался процесс, который Сергей Хелемендик — русский писатель, журналист и бывший член Национального совета Словакии назвал «Цветной революцией». После выборов в 1998 г. благодаря поддержке Запада к власти пришел Микулаш Дзуринда, который, грубо говоря, продал все стратегические промышленные отрасли западным корпорациям, в том числе нефтянную и газовую промышленность, электрическую систему и также традиционно сильную металургическую промышленность. После этого мы стали в глазах Запада наиболее демократической страной Европы.

События в Словакии были и продолжают быть результатом более широкого контекста нового мирового порядка. В связи с этим, очевидно, что после окончания «холодной войны» Евразия стала новой ареной соперничества. Возникает вопрос, «холодная» война завершилась или продолжается дальше, но в другом виде? Экономически слабый преемник Советского Союза — Россия — в течении 1990-х гг. постепенно потеряла свою власть и была вынуждена покинуть свои бывшие территории в Центральной и Восточной Европе. Отступление одного центра силы означало наступление другого. Соединенные Штаты постепенно начали интегрировать новые независимые государства в трансатлантические структуры, несмотря на гарантию американского президента Джорджа Буша-старшего, что НАТО не будет выходить за пределы тогдашней Западной Германии. Этот факт отметил бывший президент России Владимир Путин в 2007 г. на конференции по глобальной безопасности в Мюнхене, когда он прямо спросил западных лидеров: «Где эти гарантии?».

В следующей части статьи я бы хотел указать на недостатки и рамки, которые ограничивают существование Европейского союза в результате глобализации. Это отсутствие собственной структуры безопасности Европы, многокультурные и многоэтнические

явления, которые ослабляют Европейский Союз и трясут его в самых основах. Европейский Союз является главным партнером США в экономической сфере, а также стратегическим партнёрем в области безопасности. Эта зависимость укрепляет роль США в Европе сначала как защитника своих, а затем и остальных европейских интересов. На мой взгляд, основным недостатком Европейского союза является то, что ЕС не обладает независимой структурой безопасности, которая была бы приемлема как для новых государств-членов, так и для всех остальных стран Европы, в которых поднялась волна несогласия, особенно после бомбардировки Югославии войсками НАТО. Например, в Словакии не было референдума по вопросу вступления в НАТО, потому что оно было бы с высокой степенью вероятности отклонено, и таким образом было бы сорвано и наше членство в Европейском Союзе. НАТО крайне непопулярно в странах бывшего Восточного блока и поддерживается «сверху». Создание собственной системы безопасности в сотрудничестве с Россией является только словесной декларацией или, скорее, игрой в глазах зрителя, потому что сам ЕС не проявил серьезного интереса в области её создания.

Другим и гораздо более опасным препятствием для функционирования и будущего Европейского Союза является миграция и с ней связанные мультикультурность и многоэтничность, что создает синергетический эффект опасности, угрожающий Евросоюзу снизу. Инокультурные массы могут стать неуправляемыми, как мы видели, например, во Франции в 2005 г. В связи с этим, на мой взгляд очень интересная оценка извне. В книге "Третья Империя — Россия" бывший депутат Государственной Думы Михаил Юрьев дает свое представление о работе и возможном будущем Европейского Союза. В своей книге Юрьев говорит, что в будущем останутся только четыре государства мира (цивилизации) — Русская цивилизация, Америка, Китай и Халифат. Следующее его спорное убеждение состоит в том, что Россия, метафорически говоря, завоюет Европу до 2020 г., а если нет, то примерно за 30 лет придется всем женщинам ходить по улицам в хиджабе, а это де-факто завоевание. Юрьев говорит о Европе как об умирающей цивилизации, жизненный тонус которой близок к нулю. Причина в том, что европейцы отказались от любой самоидентификации (религиозной, национальной). И это знак надвигающейся смерти, поэтому Европа будет завоевана. По моему мнению, имиграционная по-

литика Европейского союза действует как приманка для мигрантов и беженцев, которые могут наслаждаться полной «горстью» свобод и прав, когда коренное население оказывается угнетенным. Это приводит к росту националистических настроений в Европе, которая допустила массовое перемешивание этнических групп, дефакто работая на свой раскол. Исскуственность существования Европейского союза усиливается тем фактом, что нет общей европейской идеи, объединявшей Европу. Использование средств из фондов ЕС, на самом деле, очень слабый аргумент, и во время мирового экономического кризиса это временный «клей» Европы. Юрьев приводит и тот факт, что человек или государство священного характера, с идеей, способно бороться и приносить жертвы за свое существование. С другой стороны, за демократию и деньги, никто с радостью умирать не будет. Михаил Юрьев также в этом смысле критически говорит о России.

Подобные волны иммиграции и вышеупомянутые эффекты, также оказывают влияние и на Россию, как один из центров силы в этом мире. Очень интересная концепция развития «Русского мира», представлена Максимом Калашниковым в своей книге «Крещение огнем. Вьюга в пустыне». В ней рассматривается нынешняя роль России в мировой политике, особенно отношения к своим бывшим союзным республикам. В настоящее время в России есть подобные проблемы, как и в Европе, то есть, проблемы миграции рабочей силы и низкой рождаемости. Калашников не скрывает, что он сторонник существования Советского Союза, но критикует внутренную политику центра в отношениях к странам Центральной Азии, население которых в период Советского Союза массивно увеличилось на основе благоприятных жизненных условий. В СССР в течение нескольких десятилетий славянские народы могли бы оказаться в меньшинстве. Калашников даже утверждает, что распад Советского Союза лишил Россию большой проблемы с Средней Азией, но ее нужно было решать, а не просто отказаться от нее. Решение Калашников считает в сосуществовании двух миров в одной империи. **Первый Славянский мир** — это мир футуристический и технократический. **Второй мир** — традиционный мир — Восточный.

В этом царстве человек может выбрать как и где он хочет жить. Два мира могли бы работать и жить по принципу симбиоза, на собственных принципах и без стремления вмешиваться в правила жизни друг друга.

В этих теориях отражены аналогичные процессы перемешивания этнических групп в мировых центрах силы, не исключая и Соединенные Штаты, где этнической состав населения быстро меняется, что согласно Бжезинскому может привести к

«балканизации» Соединенных Штатов. Я хотел бы отметить, что Европейский союз стремится постепенно к тому же результату (балканизации Европы).

Вопрос об экономической интеграции связанной с внутренней политикой Европейского союза очень красноречиво выразил Михаил Делягин, который этот процесс назвал «колониальной» моделью евроинтеграции. В этой модели экономической политики необходимо наличие коррумпированной элиты, которая охотно откажется от защиты национальных интересов в обмен на поддержку со стороны подкупателя. Исключением не является Словакия, которая уже не обладает контролем над стратегическими секторами экономики и банковской сферой (такая же обстановка и в остальных посткоммунистических государствах ЕС). Согласно Делягину расширение евроинтеграции является необходимым для поддержания экономического роста. Экономика Европейского союза основана на торговых обменах в рамках Союза, а не для экспорта за пределы ЕС. Таким образом, создалась колониальная модель между центром и периферией, которая зависит от экономического успеха центра, а страны периферии не имеют возможности взаимодействовать с иностранными партнерами, такими как Россия. В этой связи снова вернемся к примеру Словакии с 1998 г. и к первой так называемой цветной революции. Россию тогда представляли как зло, с которым не должно поддерживать никаких контактов. После 1998 г. этот взгляд был полностью воплощен на практике и наши деловые контакты сузились только к импорту энергоресурсов. Так как высокотехнологическое производство новых членов ЕС, как правило, было на внутреннем рынке ЕС неконкурентоспособным, их европейская ориентация способствовала деиндустриализации этих стран. «Гиперконкуренция» европейских компаний привела к массовой безработице, деквалификации рабочей силы и перемещению населения в секторы с высокой степенью эксплуатации (мелочная лавка, мелкий бизнес и сельское хозяйство), а также к миграции в развитые страны ЕС. Кроме того, чрезмерная «фрагментация» бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность. Государства бывше-

го «остблока» стали сборочными развитых западных корпораций. В этом контексте поднимается вопрос, имеем ли мы в настоящее время больше свободы и демократии, чем в предыдущий период?

Наконец, я бы хотел выделить проблемы, до которых человечество «срывается» по объективным и субъективным причинам. **Андрей Фурсов** (историк, социолог, публицист) говорит о **кризисе кризисов**, который нас ждёт в будущем. Фурсов характеризовал 4 кризиса человечества.

1.**Кризис верхнего палеолита** — переход от охоты к сельскому хозяйству. Кризис характеризуется отсутствием ресурсов для выживания, демографический кризис — сокращение численности населения на 75%.

2. **Падение Римской империи** характеризуется падением продуктивности тогдашней экономики, демографическим спадом, деградацией правящего слоя, который не смог создать новый порядок и, следовательно, перестал существовать. Римская империя была разрушена варварскими ордами, которые сначала взрастил сам Рим на своих границах.

3. **Падение Константинополя (1453 г.) — конец 30-летней войны (1648 г.).** Кризис конца феодализма. 90% семей которые имели власть, её сохранили и в новом порядке обеспечили прогресс для себя, а регресс для широких масс. Во время эпидемий погибло около 20 миллионов человек в Европе.

4. **Кризис кризисов — эффект домино**. Этот кризис будет иметь все знаки предыдущих кризисов, переполненная планета, экологические проблемы, дефицит ресурсов, особенно воды. Фурсов говорит, что новая цивилизация будет отличаться от современной цивилизации так, как современная отличается от цивилизации палеолита.

Самой большой опасностью для Европейского Союза, на мой взгляд, является аналогия с Римской империей, которая была разрушена чужим элементом. Единственным критерием нашего общества является экономическое процветание любой ценой. Такой капитализм в его жесткой форме, — это опасность не только для Европы, но и остального мира, поскольку к обеспечению роскошных потребностей нужно все больше ресурсов, энергии, за которые борются центра силы (о чем свидетельствует ситуация в Афганистане Ираке, цветные революции).

Рационализация капиталистической системы, которая основана на необходимости постоянного расширения потребления и

следовательно, доходов, будет очень сложным и трудным процессом. По крайней мере, возможна ли еще какая-то рационализация. Не стоит говорить о культурном перемешивании населения Европы, где коренные народы часто являются дискриминированными и по этом поводу поднимаются националистические тенденции, которые за несколько лет могут стать не управляемыми. Глобализация не приводит к уменьшению народного самосознания, а наоборот — к его усилению. Это серьезная причина будущих потенциальных конфликтов. Европейский Союз стремится к централизации своей власти и государствам остается все меньше и меньше пространства для осуществления своей собственной политики. Это противоречит тому, чего хочет население ЕС. Чьи интересы таким образом представляет Европейский Союз? Президент Чехии Вацлав Клаус сравнил ЕС с бывшим СССР. У меня серьезные опасения, что Европейский союз уже превысил тень Советского Союза. Это сравнение конечно не идеальное, поскольку СССР создал возможность всем своим союзникам сохранить свое национальное богатство в своих «руках». В связи с глобальным кризисом, вполне логично, что «петля» ЕС будет продолжать затягиваться, о чем свидетельствуют недавние события в Греции и усилия по созданию централизованного управления стран ЕС и их фискальной политики. Степень отчуждения власти от населения в любой стране в истории не была такой большой, как в настоящее время в ЕС. Это вместо того, чтобы спросить: Какое будущее Евросоюза, если мы посмотрим на него через призму его собственных недостатков?

Владислав Гулевич

ГЕОПОЛИТИКА УКРАИНСТВА КАК «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДУБЛИКАТ»

С момента своего зарождения политическое украинство всегда стремилось предстать перед мировой общественностью в виде концептуально оформленной идеологии, со своей философией, педагогикой, литературой и геополитикой. Поскольку цель украинства всегда выражалась в построении отдельного государства (Украины), националистическая идеология неизбежно обращалась к категориям политического мышления, мимикрируя под завершённую геополитическую концепцию. Среди деятелей политического украинства сложилась немногочисленная когорта тех, кто занимался преимущественно проблемами геополитического оформления украинской идеологии в её националистическом преломлении — Юрий Липа, Дмитрий Донцов, Михаил Колодзинский, Степан Рудницкий.

На заре украинской независимости националистическая пропаганда не затрагивала вопросов геополитики. Основной упор делался на литературу и историю, поскольку тогда само украинство было недостаточно сильно для таких интеллектуальных экспериментов. Сегодня, когда очередная украинская государственность приближается к своему двадцатилетнему рубежу, история и литература попрежнему остаются основным полем для идеологических инсинуаций. Тем не менее, нельзя не заметить некоторого смещения акцентов в пропагандистской работе в область геополитики. Позволить себе иметь «свою» геополитику могут только либо супердержавы либо страны из числа региональных лидеров. Украина не относится ни к тем, ни к другим. Поэтому геополитические теории украинства представляют собой «идеальный тип» (по Веберу), т.е. фиксированную

цель или установку, отражающую идеальное, с точки зрения националистического концепта, существование украинского государства, и во многом служит эхом геополитических взглядов западных стран.

Украина занимает промежуточное положение между Европой и Евразией, и в обеих занимает периферийное положение. Эту проблему украинствующие идеологи излагали в категориях окцидентализма (ориентации на Запад) и ориентализма (ориентации на Восток). Основоположник украинского интегрального национализма Дмитрий Донцов утверждал, что геополитически Украина по всем признакам относится к Средней Европе: «Ни в геологическом и климатическом отношении, ни в соответствии со своей речной системой Украина не является продолжением Русской равнины, хотя и не имеет с нею чётких разделительных границ. Напротив, через Литву и Польшу и через их систему рек она была скорее продолжением Средней Европы. Такое положение превратило её в театр неутихающей политической и культурной борьбы двух миров: московско — татарского и европейского. От этого последнего она политически отпала в конце XVIII в., а культурно — никогда. Главная проблема Украины — избавиться от насильственной ориентации на Восток и пробудить в себе окцидентальные традиции» [1]. Главной формулой Д. Донцова принято считать его изречение: «Мы были, может, крайним востоком Окцидента (т.е. Запада), но никогда — крайним западом Ориента (т.е. Востока)»[2]. Украина у Д. Донцова — часть Средней Европы, простирающейся от «Адриатики до Дона и от Балтики до Средиземного моря»[3]. Для Д. Донцова противостояния украинской державы и, в целом, всей Европы с Москвой носит извечный характер как борьба «фаустовских» народов против народов «буддийских»[4].

В книге «Москва и Запад» Д. Донцов пишет, что суверенная Украина — это благо, это — геополитический форпост Запада в его борьбе с Востоком, это пробойный таран против Москвы — Евразии. Обращаясь к вопросам религиозного характера, Д. Донцов пишет: «Религия, которая сумеет углубить культурную пропасть, отделяющую нас от России, с национально — политической точки зрения очень полезна, всякая другая — вредна. И с этой очки зрения унии, католицизму

[1] *Донцов Д.* Підстави нашої політики. Відень, 1921.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Донцов Д.* Націоналізм. — Лондон; Торонто: Українська видавнича спілка, 1966.

принадлежит первенство. Каждое ослабление Европы — упадок ли Польши, ослабление Турции или Швеции — фатально отражалось на Украине. Украина под опекой Москвы — это Суворов в Варшаве, это донские казаки на площади Бастилии в Париже, это Паскевич в Вилагоше, это Брусилов в Карпатах, это Будённый на границах Румынии»[1].

По мысли Д. Донцова, главной характеристикой российской истории, политики и ментальности является империалистический, централизованный «натиск на Запад». Причём эта идеология в равной мере свойственна как русским консерваторам, так и русским «западникам». Поставив Украину на острие цивилизаторской борьбы Запада с Востоком, он подчёркивал крайнюю важность «окциденталиализации» (т.е. «озападнивания») украинской психологии и культуры, призывая к отказу от конфронтационных отношений с Польшей как ближайшим геополитическим союзником антироссийской Украины. Геополитическая ось Киев — Варшава призвана похоронить «российский империализм», которому «для своего успеха крайне необходимо уничтожить Киев и Варшаву как независимые центры. Не допустить этого можно только с опорой на те европейские державы, которые в данный момент выступают против российского империализма, с опорой на всю Европу»[2].

Похожая концепция лежит в основе доктрины ULB польского политолога Юлиуша Мерошевского (ULB — Украина — Литва — Белоруссия), выдвинутой ещё в 1950-х гг., и опубликованной на страницах эмиграционного польского журнала «Культура» Ежи Гедройца в 1974 г. Призывая отказаться от «ягеллонской» идеи, в соответствии с которой страны ULB считались неотъемлемой частью Польши, Ю. Мерошевский писал: «Это для нас ягеллонская идея не имеет ничего общего с империализмом, а для литовцев, украинцев и белорусов эта чистейшая форма польского империализма. Речь Посполитая Двух Народов привела к ополячиванию литовской аристократии… Приятно, что польская культура так привлекательна, даже более привлекательна, чем русская. В литовской или украинской перспективе это означает, что поляки куда более грозные ассимиляторы, чем русские. Требуется лишь соответствующая конъюнктура, чтобы поляки распрямили свои ассимиляторские крылья»[3]. В своей концепции Ю. Мерошевский центральное значение придавал украинскому незави-

[1] *Донцов Д.* Справа Унії. «Шляхи», 1916.

[2] *Донцов Д.* Підстави нашої політики. Відень, 1921.

[3] *Juliusz Mierowszewski*. Rosyjski "kompleks Polski" i obszar ULB. 1974.

симому государству как лимитрофному образованию под контролем внешних сил, и в таком случае Польше доставалась роль регионального лидера и почётный титул защитницы «латинской цивилизации». Такое совпадение взглядов Д. Донцова и польских геополитиков не должно удивлять, поскольку Д. Донцов и наставник Ю. Мерошевского — Е. Гедройц — были лично знакомы[1].

Идеология украинского национализма не есть идеология оборонительная. Михаил Колодзинский, автор военной доктрины украинского национализма прямо указывал на экспансионистскую суть украинства: «Мы, выстраивая украинскую державу, должны отодвинуть границу Европы до Алтая и Джунгарии. Европе как раз не хватает этого пространства. Украина призвана связать это пространство с Европой политически, экономически и культурно…, а фраза «на грани двух миров» получит реальный смысл»[2]. Далее читаем у М. Колодзинского: «Как Цезарь добывая Галлию, открывал целую Европу для римской культуры и цивилизации, так и наши националистические революционные армии должны открыть для западноевропейской культуры пространство, простирающееся на юг и юго — восток от Украины... Это была великая задача нашей жизни, как народа и расы — завладеть степями над Чёрным и Каспийским морем и на грани двух континентов строить центр новой мировой цивилизации»[3]. М. Колодзинский настаивал, что необходимо «выиграть войну, великую и жестокую, которая сделает нас властителями Восточной Европы»[4]. Геополитические инсинуации М. Колодзинского выходят далеко за географические рамки современной Украины и даже Европы: «Это было величественное задание нашей жизни, как народа, как расы — добыть степь над Чёрным и Каспийским морем и построить здесь, на грани двух континентов, центр новой мировой цивилизации»[5]. В современной трактовке украинских политиков националистического толка внешняя политика Киева при президенте В. Ющенко укладывалась в канву теорий М. Колодзинского с образованием блока ГУУАМ как единого геополитического пространства от Черноморского бассейна до Прикаспийского региона.

[1] *Квит С.* Дмитрий Донцов. Идеологический портрет. Киев, 2000.

[2] *Колодзинский М.* Українська воєнна доктрина. [Электронный ресурс]. http://fmm51.narod.ru/text/156/ (дата обращения — 14.09.2010).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

Овладению южными морями геополитиками украинства уделялось достаточно много внимания. Директор Института географии и картографии АН Украины Степан Рудницкий, сторонник расширения украинской территории, в 1920 г. составил карту украинских земель, которая хранилась в отделе картографии библиотеки им. Вернадского АН УССР[1]. На ней Украина простиралась до Северного Кавказа и Каспия.

Юрий Липа, которого принято именовать главным теоретиком украинской геополитики, подчёркивал, что главной целью независимой Украины должно стать объединение стран всего Черноморского региона[2]. Ю. Липа ввёл понятие «украинской скрепы» (Черноморское пространство плюс Украина) и утверждал, что геополитической осью Украины является север — юг, а не запад — восток, и поэтому конфликты с Польшей больше неактуальны . Ни в какие учебники по геополитике это понятие не вошло, и мировая наука осталась к нему совершенно равнодушной. Историкам известно, что большинство мировых конфликтов основывались на противостоянии Запада и Востока, т.е. той самой оси запад — восток, которую Ю. Липа окончательно списал со счетов[3]. В теориях Ю. Липы заметную роль играл расовый элемент, что для идеологического украинства не является исключением. Киев, по мысли Ю. Липы, должен доминировать на пространстве от Балкан до Урала (!). Украинцы же — это особая понтийская раса, которая призвана проявить себя в связи с тем, что римский, англосаксонский и германский мир пришли в упадок. Он выдвигает теорию ментального, культурно — духовного и исторического единения народов Черноморского региона, в особенности Украины, Болгарии и Турции[4]. На севере он видит необходимость заключения оборонительного союза с Белоруссией для противостояния гипотетическому союзу Варшавы («балтийский экспансионистский центр») и Москвы («финно-угорский экспансионистский центр»), направленному против украинской независимости. Излишне говорить, что в реальности такого союза никогда не существовало. Для вытеснения российского

[1] *Баталпашинец Н.* Даёшь проект «Великой Украины». Одна Родина, 26.07.2010 [Электронный ресурс]. http://odnarodyna.com.ua/articles/4/1409.html (дата обращения — 14.09.2010).

[2] *Юрий Липа.* Призначення України. [Электронный ресурс]. http://www.twirpx.com/file/437960/ (дата обращения — 14.09.2010).

[3] *Тойнби А.* Мир и Запад. — М., 2003.

[4] *Липа Ю.* Чорноморська доктрина. 1940.

влияния из данного региона необходимо способствовать обретению независимости закавказскими республиками — Арменией, Грузией и Азербайджаном для совместного противодействия российской политике, а также пробудить национализм и сепаратистские устремления среди народов Кавказа, Поволжья и Каспия.

Согласно самой знаменитой, «речной» теории Ю. Липы Украине сама география подсказывает политически ориентироваться на Запад и Юг, а не Россию, поскольку практически все реки по территории Украины текут с севера на юг, лишая Украину гидрографического сообщения с Россией, что, по мнению Ю. Липы, не случайно. Отдельное значение в теориях Липы отводится Днепру. Эта «могущественная водная артерия Украины» всегда выступала как фактор интеграции украинского пространства, структурируя, опять же, по его утверждениям, территорию Украины и придавая ей геополитическую форму, поскольку «речная сеть формирует единство территории, власти, торговли, обычаев, языка и религии». Относительно самой России Ю. Липа призывал к её расколу по национальным «швам», т.к. Россия до тех пор будет бременем для своих соседей, пока не сосредоточится на создании исключительно русской нации на русских этнических землях и откажется от имперских традиций[1]. Ю. Липа доказывал, что извечный дух России — это дух кочевничества и разрушения всего нероссийского[2]. Экспансивность теорий Ю. Липы заставляет сегодня политиков крайне правого толка утверждать, что Украине предназначено судьбой «перекроить» международную политику на всём евразийском материке.

В своё время философ и богослов Владимир Соловьёв подробно останавливался на теме цивилизационного раскола между Западом и Востоком, проходящим по территории Украины[3]. Отмеченное многими зарубежными и отечественными геополитиками столкновение западно-католического массива с русско-православной ойкуменой на территории Украины превращает саму Украину в объект постоянных попыток Запада ещё дальше отодвинуть условную границу Русского мира. Этот момент тоже нашёл своё отображение в идеологии современного украинства, которая не отрицает наличия в мире реального

[1] *Липа Ю.* Розподіл Росії. І-т народознавства НАН України, Львів, 1995

[2] Там же.

[3] *Соловьёв В.* Великий спор и христианская политика. Польша и восточный вопрос. — М.: Антология мысли, 1999.

американского империализма, но призывает к развитию геостратегических отношений с Вашингтоном, а не Москвой, поскольку не приемлет ориентации на Россию.

Опираясь на упомянутые факты, остановимся на основных характеристиках геополитики украинства.

1) Украинство не является автором оригинальных геополитических теорий, и предпочитает пользоваться зарубежными «заготовками». Геополитика украинства — импортированный продукт, «интеллектуальный дубликат» западной геополитики, прежде всего, польской (Юзеф Пилсудский, Юлиуш Мерошевский, Влодзимеж Бончковский). Среди разработчиков геополитических теорий украинства были этнические поляки — М. Колодзинский, Н. Сциборский. Аналитические центры и политические органы украинствующих геополитиков размещались за рубежом — Черноморский институт Ю. Липы располагался в Варшаве, Союз освобождения Украины Д. Донцова — в Вене.

В 1920-х годах Юзеф Пилсудский параллельно мессианской концепции польского «прометеизма» выдвинул геополитическую теорию «Междуморья» — проекта конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию и простиралось бы от Чёрного моря до Балтийского. Сегодня эта стратегия чётко прописана в программе некоторых националистических партий[1]. В их трактовке проект «Междуморья» получил название Балто-Черноморской геополитической оси Швеция — Норвегия — Финляндия — Литва — Латвия — Эстония — Польша — Болгария, а в перспективе, и Белоруссия. Геополитические устремления белорусской оппозиции являются зеркальным отображением геополитики украинства с теми же попытками сконструировать Балто-Черноморский союз при главенствующей роли Варшавы.

2) Геополитика украинства кишит концептуальными противоречиями. С одной стороны, украинство объявляет поход против имперской России. С другой — призывает к строительству своей империи, «от Сана до Кавказа». В таком случае украинство служит продолжением (эпигоном) западного империалистического импульса, стремящегося проникнуть вглубь Евразии. При этом роль Украины на международной арене не меняется. Она по-прежнему

[1] Програма ВО «Свобода» VII. Зовнішня політика і оборона. Європейський україноцентризм та сильна держава.

остаётся окраинным государством на границе двух миров без перспективы превращения в сильную державу. Это не удаётся Варшаве с её вековыми традициями польской государственности, и нет предпосылок, чтобы это удалось Киеву.

3) В соответствии с геополитическими теориями украинских националистов Украине по умолчанию отводится роль Польши в противостоянии стран коллективного Запада с Россией. Смещение цивилизационной «линии фронта» с польской территории на территорию Украины освобождает Польшу от необходимости быть постоянной ареной столкновений двух миров, поскольку основные коллизии будут разыгрываться непосредственно на украинских землях. Польша останется в тылу этой борьбы. Это превратит Украину в «бедного родственника», во всём полагающегося только на Запад. Сегодня этим «родственником» является Варшава.

4) Геополитика украинства ментально опирается на западную культуру и западную логику отношений человека и пространства и является трансляцией западной социологии пространства на земли всей Украины. Понятие пространства как количественной категории, т.е. простой совокупности километров или гектаров, закрепилось в научном сообществе благодаря французскому мыслителю и учёному Рене Декарту, который ввёл философские понятия res cogitans (вещь мыслящая) и res extensa (вещь протяжённая). Именно в таких категориях мыслил Рене Декарт соотношение человека, как мыслящей вещи, и пространства, как вещи протяжённой. По Р. Декарту, человек видел перед собой некую пространственную протяжённость и воспринимал её сугубо количественно, как совокупность математических данных (общая площадь пространства, его длина и ширина). Европейская наука той эпохи отличалась крайним рационализмом, поэтому Р. Декарт воспринимал отношение человека к пространству сквозь количественную оптику. Такой взгляд характерен для мировоззрения западного человека, подходящего ко всему, в т.ч. к географическому пространству, с позиции рационализма. Западный человек приходит, чтобы подчинить пространство себе, покорить его и переделать на свой лад. Политика во многом формируется, опираясь на культуру. Для Запада покорение пространства имеет количественное измерение. Здесь даёт о себе знать философия накопления, столь свойственная западному мышлению. Запад, в лице США, как единственной супердержавы, «собирает» в свою «копилку» всё большее количество

стран, в т.ч. на территории бывшего СССР — Эстония, Литва, Латвия, Молдавия, Киргизия, Грузия, Украина. О «качестве» этих стран вопрос не стоит: на государственном уровне в некоторых из этих стран прославляется фашизм, ультранационализм и расовая нетерпимость. В социологическом срезе геополитика украинства выражает мнения максимум 15% населения (Западная Украина) против остальных 85% (центр и юго-восток страны). Геополитика украинства — антитеза евразийства и континентализма.

5) На сегодняшний день популяризаторами идей геополитики украинства и её производных среди украинских интеллектуалов и студенчества выступают Научно-идеологический центр им. Д. Донцова (Дрогобыч)[1], Институт социальных исследований (Днепропетровск)[2], Институт трансформации общества (Киев)[3]. В условиях, когда украинский слушатель лишён возможности ознакомиться с геополитическими концепциями противоположного толка, геополитика украинства может превратиться в безальтернативный интеллектуальный продукт, распространяемый в вузах Украины.

[1] [Электронный ресурс].http://dontsov-nic.org.ua/ (дата обращения — 14.09.2010).

[2] [Электронный ресурс]. http://www.ukrterra.com.ua/ (дата обращения — 14.09.2010).

[3] [Электронный ресурс]. http://ist.osp-ua.info/ (дата обращения — 14.09.2010).

Андрей Коваленко

ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ УКРАИНЫ

Динамика международных отношений последних лет наглядно демонстрирует влияние на мировую политику и международные отношения двух фундаментальных и во многом разнонаправленных процессов: стремительной глобализации и столь же интенсивной региональной глокализации. Если о первом феномене известно практически повсеместно, то второй изучен мало и нуждается в дополнительном разъяснении. Под глокализацией политологи понимают тотальную регионализацию этно-политической карты мира[1]. Процесс глокализации проявляется как этнически — в сепаратизме отдельных регионов внутри государств, так и экономически — в экономическом обособлении отдельных территорий той или иной страны.

Трудноразрешимая дилемма, стоящая перед правительствами многих современных государств, заключается в том, что им нужно одновременно реагировать на размывание собственных границ и десуверенизацию, вызванные глобализационными процессами, и на глокализацию, выражающуюся в сепаратизме и автономизме. Одна тенденция, таким образом, вызывает в качестве реакции вынужденную централизацию госуправления, другая — столь же необходимую автономизацию отдельных регионов.

Наглядных примеров глокализации в современном мире более чем достаточно. Даже при самом поверхностном взгляде можно выделить некоторые очаги регионализации не только в странах второго и третьего мира, но и в Западной Европе и США. Так, долгие годы добивается автономии от Англии Северная Ирландия; в Испании властям постоянно бросают вызов баски и каталонцы; турецкие, ирак-

[1] *Травина Е. М.* Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире. СПб: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2007. С. 55

ские и отчасти иранские курды долгие годы пытаются отвоевать для себя автономию на Ближнем Востоке. Таких примеров можно привести десятки и сотни, так как и глобализация, и глокализация носят глобальный характер. Строго говоря, в мире нет стран, которые не подвержены обоим этим тенденциям, есть лишь те, политическая система, геополитическое положение и государственное устройство которых исторически более устойчивы к этим катаклизмам.

Наиболее подвержены тенденциям глокализации «молодые» государства, появившиеся после распада Советского Союза. Не имея, как правило, глубоко укорененных традиций собственной государственности, эти страны столкнулись, с одной стороны, с необходимостью выработки единой государственной идентичности, с другой, — с этническим и экономическим многообразием своего политического пространства. Ярчайшими примерами здесь являются Грузия и Украина. В первой президент Михаил Саакашвили попытался реализовать насильственный сценарий централизации, и что из этого получилось, все помнят. На Украине же, если срочно не будут приняты конкретные шаги по снятию напряженности, могут произойти похожие события.

Украина, начиная еще с досоветских попыток образования собственной государственности, была и остается по сей день крайне неоднородной во всех отношениях территорией. Помимо явного языкового различия, на лицо явный дисбаланс экономических потенциалов и культурное своеобразие регионов по оси Запад — Восток. Это удачно показывает на примерах Сергей Жильцов в книге «Украина: перезагрузка…»[1]. Одинаково бесперспективными в свете последних событий кажутся как попытки «оранжевых» властей навязать всей Украине единый язык и идеологию галицийского национализма, так и робкое желание «регионалов» отвадить жителей Львова и Тернополя от героизации Степана Бандеры и Романа Шухевича. Существование на Украине трех церквей: православной, греко-католической и католической, а также целого ряда нетрадиционных конфессий также свидетельствует об отсутствии единой украинской ментальности.

По сути, Украина стоит сейчас на распутье. Точка невозврата еще не пройдена, и новое руководство страны в лице Виктора Януковича еще может решить, двинуться ли дальше по пути унитарной централизации, получив при этом дальнейшее отдаление от Киева Крыма,

[1] *Жильцов С. С.* «Украина: перезагрузка …» - М.: Восток — Запад, 2009. С. 24

Закарпатья, района Галичины, либо встать на путь федерализации и попытаться примирить внутри единого государства идеологически и экономически разнородные регионы. Воспользоваться мировым опытом «Партия регионов», похоже, не собирается, хотя и внутри этой политической силы есть свои сторонники и противники наделения отдельных областей и регионов большей финансово-экономической и политической субъектностью. Так, горячими сторонниками федерализации страны остается т.н. «луганское крыло» Партии регионов. Публичными выразителями мнения «луганчан» являются такие крупные фигуры, как председатель фракции Партии регионов Александр Ефремов, луганский олигарх Александр Киселев. Самым же последовательным сторонником федерализации является вице-премьер-министр Украины по вопросам региональной политики Виктор Тихонов — тоже из «луганских». Его перу принадлежит книга «Манифест федерализма, или путь к демократическому государству», имеющая широкое хождение на русском и украинском языках в Интернете[1]. Также к активным сторонникам федерализации относится известный своей умеренно пророссийской позицией депутат Верховной рады Вадим Колесниченко. Под его председательством на Украине действует общественное движение «Русскоязычная Украина», регулярно организующее различные форумы и круглые столы по вопросу федерализации и защите прав русскоязычных граждан[2].

15 октября 2010 г. в Одессе состоялась представительная конференция «Федерализация Украины: от раскола к единству», в которой принимали участие как украинские, так и российские политики и политологи. Колесниченко на этой конференции выступил с пространным докладом «Украинский федерализм: история, личности, контрверсии». «В целом можно говорить, что в перспективе федеративная Украина может состоять из нескольких субъектов. От 3 — 5 до 7 — 12, в зависимости от того, какая модель будет воспринята», — отметил Колесниченко. Политик подчеркнул, что для того, чтобы регионы могли пользоваться расширенными полномочиями и большими бюджетами, нужны профессиональные кадры, «которых сегодня, к сожалению, на местах нет». «Чтобы отработать процесс федерализа-

[1] Межрегиональный Союз органов местного самоуправления Украины. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://federal.org.ua/content/manifest-federalizma-iliput-k-demokraticheskomu-gosudarstvu (дата обращения — 05.10.2010).

[2] Правозащитное Общественное Движение «Русскоязычная Украина». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://r-u.org.ua/ (дата обращения — 05.10.2010).

ции Украины, некоторые области уже сегодня в качестве эксперимента могли бы заключать межобластные соглашения по экономическому сотрудничеству», — резюмировал он.

Непосредственно перед «Оранжевой революцией» противники и сторонники федерализации разделились достаточно четко. Поводом послужил так называемый Северодонецкий съезд (Съезд в Северодонецке 28 ноября 2004 г., на котором, кстати, по поручению Владимира Путина присутствовал Юрий Лужков). Видя активное вмешательство в ход президентской компании западных стран и возможность прихода к власти Виктора Ющенко, руководители юго-восточных регионов Украины решили коллективно этому противодействовать. В частности, участники съезда пригрозили Ющенко, что в случае активного вмешательства западных стран в ход избирательного процесса и подтасовок результатов голосования они создадут Юго-Восточную Украинскую Автономную Республику со столицей в Харькове. Практически на следующий день после Съезда тогда еще кандидат в президенты Виктор Ющенко с ближайшей соратницей Юлией Тимошенко заявили, что украинская элита продалась России и делает ставку на сепаратизм. С тех пор политики и предприниматели — выходцы из западных областей Украины — принялись отстаивать идею жесткой культурно-языковой унификации и унитарной централизации.

Такой подход, однако, противоречил идеям самих отцов-основателей украинского национализма. «Будет Украинская Республика формально называться федеративной или нет, фактически она все равно должна организовываться как федерация своих фактических республик-громад. Любое навязывание громадам механической унитарности, принудительных связей будет большой ошибкой, которая приведет только к сопротивлению, реакции, центробежности, или даст основу для новых междоусобиц», — писал еще в начале прошлого века первый председатель Центральной Рады Украинской Народной Республики Михаил Грушевский — этнический поляк, почитаемый националистами как основатель украинской государственности. На выборах президента 1991 г. за федеративное устройство выступал основатель Народного Руха Украины Вячеслав Чорновил.

С другой стороны, к противникам федерализации относится сам президент, хотя не вполне ясно, пытается ли он отмежеваться от этой идеи, чтобы угодить западно-украинскому электорату, либо действительно хочет выстроить жесткую пирамиду власти, встроив в нее

региональные политические элиты и крупную буржуазию. «Украина — унитарное государство. Точка. Унитарное и демократическое. И это предполагает больше прав регионов. Создан Совет регионов, который будет активно работать над административно-территориальной реформой. Последняя, естественно, подразумевает значительное увеличение прав и полномочий местных органов власти», — заявил в интервью еженедельнику «2000» Янукович 3 июня 2010 г. То есть, по мысли президента, на расширенной административно-территориальной реформе все должно закончиться[1].

Однако полумеры в отношении предоставления прав регионам могут быть еще более опасными, чем консервация текущей ситуации. Для примера можно взять Испанию, где упорное нежелание идти на правовую фиксацию de facto вполне автономного положения Каталонии и Страны Басков заводит конфликт между регионами и центром в тупик и даже провоцирует террористическую активность. На Украине же конфликт между западными и восточными областями коренится скорее не в этническом своеобразии, а в экономической развитости отдельных областей. В этом смысле противостояние напоминает скорее конфликт валлонских и фламандских общин в Бельгии или сепаратизм Падании в составе Италии. В обоих случаях северные территории Бельгии и Италии значительно более развиты, что дает основания более богатым регионам предъявлять претензии экономически менее успешным соотечественникам.

Другими словами, на лицо все хрестоматийные причины, побуждающие создать полноценное федеративное государство (заметим, что автономный статус Крыма уже делает Украину федерацией, что, однако, не мешает полуострову оставаться в составе Украины. Напротив, попытки лишить Крым статуса автономии наверняка закончились бы открытым конфликтом, грозящим перерасти в международный).

Отказ закрепить в конституции страны субъектный статус культурно, религиозно, ментально и лингвистически различных регионов может со временем привести к сепаратистским конфликтам низкой (Северная Ирландия) или средней (Страна Басков) интенсивности. Это, в свою очередь, приведет к появлению очередного очага неста-

[1] Официальный сайт президента Украины Виктора Ющенко. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.president.gov.ua/ru/news/17328.html (дата обращения — 05.10.2010).

бильности на рубежах России. Историческая область Галиции, если она захочет под давлением Киева отделиться от остальной Украины, грозит превратиться в еще более антироссийское государство, чем современные прибалтийские страны. Если же государственный статус этого региона будет закреплен в составе Украинской Федерации, то это, во-первых, замкнет экспансию «бандеровской» идеологии в отдельном субъекте федерации, предотвратив ее продвижение в центральную Украину, во-вторых, гарантирует решение вопросов дипломатическиого и военно-стратегического характера (в том числе о размещении ПРО и военных баз НАТО) официальным Киевом, сохраняющим лояльность Москве.

Алексей Корнев

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Дезинтеграция советского пространства и образование новых демократических государств, декларирующих европейские стандарты в государственном строительстве, не создали условий, которые способствовали бы сохранению стабильности и безопасности на Южных рубежах России. Напротив, указанные процессы обусловили их нестабильное развитие, которое вызвано целым рядом факторов не только геополитического и социально-экономического характера. Сказываются и серьезные политико-правовые проблемы, которые, несмотря на их несомненную значимость, не признаются ключевыми в определении перспектив развития государств в целом. Нежелание центральных властей урегулировать существующие проблемы в Грузии привело в августе 2008 года к российско-грузинскому вооруженному конфликту. При всей очевидности причастности к данным событиям американской стратегической мысли мы не будем вдаваться в анализ геополитических факторов, повлиявших на эти события. Они очевидны, и вызваны общей трансформацией Черноморского региона. После неудачи грузинской кампании, США более отчетливо обозначила свои интересы, но уже в другом сегменте Черного моря.

В начале 2009 года Стивен Пайфер в своем докладе, касающемся анализа ситуации в Украине, обозначил, что «Опаснейший сценарий для Украины и для американских интересов (украинско-российские столкновения и кризис в Крыму) может взорвать территориальную целостность Украины, сделать Крым чем-то похожим на новый замороженный конфликт и разрушить евроатлантические стремления Украины. Такой кризис неминуемо попал бы на верхушку входной

корреспонденции в Овальном кабинете. Настойчивые российские усилия в поощрении крымского сепаратизма или возобновлении связей между Крымом и Россией могут стать главным пунктом повестки дня дебатов между США и Россией. Ведь последствия могут затмить результаты конфликта между Россией и Грузией 2008 года»[1].

Опасения бывшего посла США в Украине вполне понятны. Украина на сегодняшний день является тем государством, где противоречивый курс центрального руководства страны может привести к серьезным последствиям, которые вполне могут отразиться на геополитической стратегии США. В то же время хотелось бы отметить, что сохранение стабильности в Украине отвечает интересам в первую очередь Российской Федерации, которая имеет протяженную границу с этим государством. Нестабильная политическая ситуация, а также неурегулированность политико-правовых отношений между центром и периферией требует постоянного внимания к складывающейся ситуации. Наиболее остро проблема политико-правовых отношений между центральными и региональными властями прослеживается на взаимоотношениях Киева с Автономной Республикой Крым.

В АРК, по сравнению с другими регионами украинского государства, естественноисторическим путем сложились и существуют особые формы внутрирегиональных проблем, определяющих развитие общественно-политической ситуации в республике в целом. К ним относятся вопросы координации взаимоотношений по линии центр-периферия; особенности социально-политического развития республики; этнополитическое взаимодействие в автономии; риски возникновения многоуровневых очагов социально-политической нестабильности; необходимость выработки механизма по блокированию внешнеполитических факторов влияющих на ситуацию в Крыму.

Изучение данных аспектов развития привлекает значительное внимание российских, украинских и западных специалистов из различных областей гуманитарных наук[2]. Основным предметом их

[1] Доклад по Украине для Белого дома: Территориальная целостность Украины под угрозой.// ИА REGNUM. 12.03.2009. [Электронный ресурс] http://www.regnum.ru/news/1136348.html (дата обращения — 07.10.2010).

[2] *Небоженко В.* Кримська проблема України // Розбудова держави. 1992. № 6. С. 3–8; Мальгин А. Крымский узел: Очерки политической истории Крымского полуострова, 1989–1999. Симферополь, 2000; Wilson A. Politics in and around Crimea: A Difficult Home coming // The Tatars of Crimea: Return to the Homeland. / Allworth E. (ed.). 2nd. ed. Durham; London, 1998. P. 288–297.

рассмотрения, как правило, является не только анализ исторических событий и места в них региональной специфики Крымского полуострова, но и текущий политический процесс в автономии, позиционирование политических сил, вопросы законодательного урегулирования и нормализации взаимоотношений между Киевом и Симферополем, проблемы внешних влияний, динамика и особенности этноконфессиональных взаимоотношений.

Общекрымская проблематика в фокусе внимания специалистов находится на протяжении 90-х XX века, когда в Украине набирали обороты конфликты между региональной элитой Крыма и центральной властью, а также между крымскими властями и крымскотатарским региональным движением[1]. При этом Киев в обозначенный период практически полностью игнорировал специфику крымского регионализма, ловко играя на противоречиях внутри крымского руководства. Ослабив и расколов его, центральная власть постепенно повела решительное наступления на местную Конституцию 1992 года[2]. Именно в этот период Киев решил сформировать особую политику централизованного регионализма, фактически угнетая почвеннические региональные тенденции крымской автономии. При этом центр четко осознавал, что спешить не стоит, Крымская автономия уже воссоздана и необходимо реально исходить из свершившегося факта.

Политико-правовые условия для формирования осторожного вектора взаимоотношений между Киевом и Симферополем были созданы благодаря положительным результатам крымского референдума 20 января 1991 года[3]. Однако центр, несмотря на собственное неустойчивое положение на Востоке и Юге страны, не отступил от избранной схемы централизованной регионализации беспокойного полуострова и выбрал осторожную тактику в борьбе с «демократическим сепаратизмом» Крыма. Скорее всего, это обусловлено отсутствием на тот момент, серьезной региональной оппозиции в других регионах страны, «спящих» русинов и гуцулов, русского большинства Восточной Украины и ее южных регионах, «союзные устремления» крымских татар в политике Киева и т.д.

[1] *Губогло М. Н.*, Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1

[2] Конституция Республики Крым 1992 г.

[3] *Шимин Ю. В.*. Государственное устройство Автономной Республики Крым. В книге Крым: настоящее будущее. Сборник статей под редакцией Г. М. Фомина. Симферополь: Таврия, 1995.

Такая установка центра является не выверенной, поскольку отсутствуют реальные центры на региональном уровне (общественные национальные организации с большим числом сторонников; верная прослойка местной администрации, способная эффективно доводит до конца целевые установки центра; структурированное медиапространство и др.). Более того, нельзя не отметить, что в современном обществе регионализм реализуется, как правило, снизу, а не сверху, и его смысловая доминанта связана с поиском оптимальных механизмов участия регионов с четко очерченными региональными признаками в общегосударственных процессах. При этом государство предлагает себя как силу, не только способную содержать свои экономически отсталые регионы, но и готовую создавать им условия для саморазвития[1]. Роль государства повышается от уровня простого управления до уровня осуществления программ по комплексному развитию региона как целостного образования. Такое участие государства в решении региональных проблем является взаимовыгодным, ведь суммарное развитие регионов — это системное развитие его самого, ускоренное интеграционными возможностями.

Киев, осознавая важность обозначенной проблематики, пока недостаточно эффективно, но пытается предметно работать в этом направлении. Указом Президента «О Концепции государственной региональной политики»[2] в 2001 году определены основы региональной политики. По итогам парламентских слушаний 2003 г. Верховная Рада Украины приняла постановление «О состоянии и перспективах развития депрессивных регионов, городов и поселков Украины». В 2004 году был разработан проект закона «О стимулировании развития регионов»[3], который органично вошел в нынешнюю концепцию государственной региональной политики Украины.

Однако в тоже время очевидным представляется один момент — официальный Киев стремится снять проблемы локального сепаратизма путем фактической унификации региональной палитры государства.

[1] *Семена Н.* Депрессивные регионы: как вызвать скорую помощь? // Зеркало недели №13 (488) 2004.

[2] Про Концепцію державної регіональної політики Указ Президента Україні № 341/2001 від 25.05.2001. [Электронный ресурс]. http://www.uazakon.com (дата обращения — 12.09.2010).

[3] Про стимулювання розвитку регіонів Закон ВР Украины № 2850-IV від 08.09.2005 (По состоянию на 26 марта 2007 года). [Электронный ресурс]. http://www.uazakon.com (дата обращения — 12.09.2010).

Сейчас очевидно, что Автономная республика Крым, как наиболее нестабильный украинский регион, стал полигоном по обкатке различных схем политико-правовых взаимоотношений по линии Центр-периферия. Стоит особо обозначить нынешнее политико-правовое положение Крымской автономии, чтобы четко представить себе современную ситуацию в русскоязычном регионе Украины. При этом необходимо указать на рубежные исторические кризисные периоды политико-правового развития крымского региона, пройдя через которые АРК обрела свое нынешнее содержательное состояние.

Отправной точкой стал кризис в условиях распада СССР, длившийся с начала 1991 года до принятия Конституции 1992 года. Определяющей содержательной характеристикой обозначенных тенденций стал их этнонационалистический характер[1]. Основная сложность заключалась в защите крымского социума, его политического пространства от двух полярных негативов: этнонационалистических тенденций украинской политики и втягивания в украино-российский конфликт вокруг раздела Черноморского Флота. Обозначенный негатив в период первого политико-правового кризиса, преодолевался путем увеличения разрыва между АРК и официальным Киевом.

Политико-правовые условия для достижения подобной цели были созданы в результате крымского референдума 20 января 1991 года[2]. Цепь последующих после референдума событий показала, что решение о восстановлении автономного статуса Крыма было оптимальным, так как позволяло нейтрализовать две опасные крайности. С одной стороны — сепаратизм, крайность полной государственной независимости от Украины и курс на вхождение в состав России, что могло бы привести к открытой конфронтации между Киевом и Симферополем. С другой стороны — опасность потерять автономный статус, и историко-географическую специфику, попав под нарастающую украинизацию, значительные нарушения прав человека и ликвидацию этнорелигиозной специфики. Именно автономный статус Крыма и связанная с этим определённая самостоятельность властей АРК позволили населению

[1] *Боровицкий Е.* Крымская автономия как образец развития конституционного процесса для Украины. [Электронный ресурс]. www.partyofregions.org.ua (дата обращения — 12.09.2010).

[2] *Грач Л.* Годовщина крымского референдума. [Электронный ресурс]. www.rusk.ru

полуострова уберечься от деструктивной политики украинских националистических сил в гуманитарной сфере.

Последовавший за этим вплоть до марта 1995 года период состоял в практической реализации положений первой Конституции АРК, которая была принята 6 мая 1992 года[1]. Данный этап был насыщен борьбой между различными политическими силами и группировками, попытками наладить функционирование экономики в условиях жесточайшего общеукраинского социально-экономического кризиса, галопирующей инфляции, непропорционального перераспределения доходов от средних слоёв населения к немногочисленной бизнес — и политической элите.

На данном этапе продолжился поиск оптимальной модели политического правления в Крыму. В рамках этих попыток 30 января 1994 года был избран первый Президент Республики Крым Ю. А. Мешков. Последовавший вслед за этим период до марта 1995 года определялся политическим противоборством внутри властной политической элиты и конфликтом вокруг распределения сфер интересов бизнеса. Развитие ситуации в таком контексте предопределило второй кризис в политической жизни АРК, который закончился резким конфликтом крымских властей с официальным Киевом и ликвидацией института Президента Крыма.

Конституция АРК 1998 года, разработанная и принятая по инициативе и при непосредственном участии председателя Верховной Рады АРК в 1998-2002 годах Леонида Грача, зафиксировала сложившийся на то время баланс сил и интересов между автономией и центром. На тот сложный период, она стала оптимальной как для Крыма, так и для Украины в целом[2]. Конституция АРК образца 1998 года завершила третий, и пока последний, серьезный политический кризис в автономии.

Действующая крымская Конституция, установила в АРК парламентскую республику с расширенными полномочиями Верховного Совета, которая в самой Украине была введена изменениями к Конституции только с 1 января 2006 года. Также необходимо отметить, что помимо кризисов в отношениях с Киевом, АРК пережила ряд серьезнейших внутренних кризисов, обусловивших нестабильную ситуацию между республиканскими органами власти. Последний и наиболее продолжительный политический кризис в Верховной Раде

[1] Конституция АРК от 6 мая 1992 года.

[2] Конституция Автномной Республки Крым от 21 октября 1998 года.

АРК (с 1999 г.) привел к блокированию ее деятельности на длительное время[1].

Такая ситуация сохранялась вплоть до апреля 2006 года когда «Блок за Януковича» с союзниками образовали относительно устойчивое большинство[2]. С 2000-х годов уместно говорить о преодолении негативов обозначенных выше, но их место заняли другие проблемы: отсутствует политический конструктивизм, эффективно работающая политическая инфраструктура на местах, что минимизирует реальную работу партий с населением полуострова. Таким образом, по своей сути, АРК выступила региональным полигоном, для обкатки нового политического режима, который впоследствии был применён во всей Украине.

Конечно, изменения в общеукраинской политической ситуации, в частности, принятие политической реформы, скорректировавшей границы полномочий законодательной и исполнительной властей, Президента, неизбежно ставят новые задачи и перед политической элитой АРК. Закрепление в Конституции Украины поправок в части, касающейся функционирования политической системы, поставило задачу гармонизации крымской Конституции с Конституцией Украины и с корпусом общеукраинских законов. Эти задачи касаются, например, установления пятилетнего срока полномочий крымского парламента и статуса русского языка в АРК. Последнее стало представлять собой проблему после ввода в действие в качестве части украинского законодательства Европейской Хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. Необходимо выяснить, даёт ли русскому языку его современный статус, зафиксированный в нынешней Конституции АРК 1998 г достаточную защиту по сравнению с Хартией и целесообразно ли воспользоваться её нормами относительно русского языка в АРК.

В тоже время остро стоят вопросы, связанные с возвращением потерянных в 1999-2007 гг. и игнорируемых в настоящий момент полномочий АРК в ряде сфер общественной жизни. При этом необходимо указать, что вопросы о возвращении утраченных АРК полномочий, конечно, стоят, но весь вопрос заключается в необходимости сохранения ментальной базы регионального сообщества, а также реальном

[1] *Жданов И.* Крым на политической карте Украины./ / Зеркало недели №17 (341), 2001.

[2] *Попов Э. Кокин Ю.* О российском движении Крыма. Фонд Стратегической Культуры, 12.05.2006 [Электронный ресурс]. http://www.fondsk.ru/pview/2006/05/12/7804.html (дата обращения — 01.10.2010).

соблюдении имеющихся, пусть и ограниченных центром, полномочий и прав.

Можно констатировать, что конфликт по линии «Центр — периферия», имеющий место в Украине, для Крыма складывается не в пользу Крымского региона. При этом, если рассматривать глубинные первопричины политики Центра, становится ясно — основной удар наносится не столько по политико-правовому статусу Крымской автономии, сколько по региональному самосознанию регионального сообщества Крыма. Не имея возможности ликвидировать автономию Крыма, власть делает ставку на фрагментацию почвеннических ценностей, являющихся связывающим звеном в самосознании ведущих этносов Крыма, чьи региональные движения, в критические моменты украинской государственности, становятся катализаторами дисфункционального развития региона.

Официальный Киев, руководствуясь Концепцией государственной региональной политики, стремится к построению централизованной модели государственного регионализма, в рамках которой Крым, как политико-правовой регион, будет рассматриваться как унифицированное административное образование (аналог регионов Украины). При этом автономная форма будет оставаться неизменной, но ее практическое содержание будет только теряться. Основным объект государственной политики в отношении АРК, несомненно, является преодоление, фрагментация регионального самосознания крымского социума, в том числе, его этнических сегментов. Атомизация регионального мировоззренческого ядра позволит в дальнейшем свести Крым к уровню рядовой области Украины и окончательно ликвидировать все варианты развития демократического, локального сепаратизма.

Григорий Миронов

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РУСИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сегодня русинский народ стоит перед серьезным выбором. Это судьбоносное решение, некая точка начала пути будущего развития национально-политической и культурной ориентации: с кем быть, с кем дружить и с кого брать пример. Сделать правильный выбор населению современной Закарпатской области очень сложно. УССР и «незалежная» украинская власть в прошлые годы, а также в недавнее ющенковское правление, постарались, чтобы русинское самосознание находилось на весьма низком уровне или его вообще не было.

Для этого использовались разнообразные методы, например, известный «План мероприятий по разрешению проблем украинцев-русинов». Документ предполагал ряд мер, направленных на укрепление позиций украинизации Закарпатья (язык, культура, подбор кадров и др.), интеграцию его населения в социально-политическое и духовно-культурное пространство Украины, то есть ассимиляцию русин в украинской этнической среде. Надо признаться, что «украинской национальной идее» все-таки удалось часть русинов и их потомков превратить в людей, которые приняли украинскую национальную идентичность, забыв свои корни и историю.

Сам же этноним «украинцы» в Подкарпатской Руси и других территориях, где проживают русины, никогда не употреблялся. Против него, как чуждого русинской среде, выступали русинские подкарпатские будители. Только после Первой мировой войны на землях русинов начало появляться небольшое число украинских эмигрантов, в основном, интеллигентов, которые были фанатично преданы «укра-

инской национальной идее». Именно они и развернули среди русинов пропаганду о якобы принадлежности их к «Великой Украине».

Своего наибольшего распространения украинская агитация достигла в 1938-1939 годах, в период существования так называемой «Карпатской Украины». Когда же Подкарпатская Русь находилась в составе Венгрии, стало понятно, что идеология «украинства» затронула только небольшую часть русинской молодежи. Своеобразное возрождение «украинской идеи» произошло в период присоединения Подкарпатской Руси к УССР. Конечно, «товарищу Сталину-Джугашвили» и его коммунистической идеологии, которая была часто антирусской, это было нужно по чисто прагматическим соображениям — в качестве своеобразного прикрытия аннексии Подкарпатья. Идеологически это выглядело «объединением всех украинских земель в едином государстве — Советской Украине». Как ни прискорбно, коммунистов не интересовало русофильство в крае и, конечно, не волновала судьба русинской культуры, истории и языка. Во многом русофильство коммунисты воспринимали враждебно потому, что любовь ко всему русскому строилась на общерусском, русскокультурном, дореволюционном, святорусском, а не коммунистическом единстве.

Одним росчерком пера в 1946 году все русины Подкарпатской Руси были записаны украинцами. Ускоренными темпами были сфальсифицированы свидетельства о рождении, по которым все жители Закарпатья родились в Украине (а не в Австро-Венгрии или Чехословакии) и поэтому являются украинцами. Все школы были срочным образом переведены на украинский язык. Для усиления украинского влияния в крае государство всячески поддерживало переселение этнических украинцев из Центральной Украины и Галичины. Русинская самоидентификация стала невозможной, а иногда и просто опасной.

С обретением Украиной независимости в русинском вопросе почти ничего не изменилось, продолжалось утверждение того, что русины «часть украинского народа». Хотя во всех странах, где живут русины, их признают отдельным национальным меньшинством. Сегодня с понятием «украинцы» продолжает жить чуть ли не большинство населения Закарпатской области, которое не знает ни русинского языка, ни культуры, ни истории. Все это вытеснено для существования единственного государственного этнонима.

Хотя нет, есть и еще одна стадия самосознания населения Закарпатской области Украины, это так называемые «закарпатцы» — региональный этноним. «Закарпатский народ» — это некий промежуточный этап между русинами и украинцами. Они забыли этноним «русин» (в силу многих исторических обстоятельств), но инстинктивно чувствуют свою особенность и ментальную близость к соседним странам Центральной Европы.

Для более полного рассмотрения формирования и сохранения русинского народа важно рассмотреть пример того, как малочисленная русинская диаспора Воеводины (Сербия) выстояла и сохранила русинское самосознание, культуру, историю и язык в инокультурной и иноконфессиональной среде. В своей статье «Русский Керестур как символ русинства», я привел несколько факторов, некоторые из которых представлю для примера здесь:

1) быстрая организация образования;

2) строительство церкви и становление церковной жизни почти сразу после переселения в Воеводину;

3) организация компактной общности проживания (самой большой общностью и был Русский Керестур, где русины жили «среди своих»);

4) замкнутость русинской общины;

5) сравнительно быстрое, в отличие от одноплеменников в Карпатском регионе, формирование русинского языка и его литературной нормы;

6) признание русинского национального меньшинства Королевством сербов, хорватов и словенцев.

Именно эти причины сдерживали ассимиляцию и позволили такой малочисленной этнической группе сохранить свою культуру, религиозную принадлежность, язык и самосознание сквозь четверть тысячелетия до наших дней в отрыве от Карпатского региона.

Какие же сейчас из этих факторов сохранения самоидентификации русинов на Балканах есть у русинского населения Закарпатской области? Существует ли должная организация образования на русинском языке? Есть ли признание у русинской общины в Украине как национального меньшинства? Я привел это для того, чтобы подчеркнуть важность развития самосознания населения Подкарпатской Руси: складывается такое впечатление, что есть лишь русинские организации, а четкая идентификация русин как отдельного народа у большинства (или весомой части) населения Закарпатской области отсутствует.

Сегодня в Закарпатской области некоторые называют себя «закарпатцами», некоторые «и русинами, и украинцами одновременно», а часть и вовсе так перешла в украинскую идентичность, что и не вспоминает о своем «русинском происхождении».

Хотелось бы таким людям напомнить, что различия между украинцами и русинами проявляются в истории, культуре, языке, фольклоре и многом-многом другом. Лингвистические различия гораздо существеннее, чем например, между сербом и хорватом, македонцем и болгарином, белорусом и русским и т.д.

Русины — не национальное и не культурное меньшинство украинского народа, не этническая группа, которая принадлежит украинской нации. Русины во всем мире имеют свою этнокультурную самоидентификацию, основанную на славянской традиции, которая отличается от «украинства». Когда русин говорит, что он русин, он не отождествляет себя с украинским народом. Этноним «русин» значительно старше этнонима «украинец» и одинаково принадлежит всем восточным славянам и Святой Руси.

Украинская национальная идентификация русин не может выводиться из общего происхождения, общее происхождение не может означать национальную принадлежность, даже из-за того, что русины свое происхождение делят со всеми восточнославянскими народами, а не только с украинцами. Историческое наследие связывает русинов с Карпатской областью, а не с новой украинской нацией и идеологией, возникшей в начале XX столетия.

В историческом культурном наследии и памяти сегодняшних русинов нет чувства принадлежности к истории украинского народа, нет места ни для Богдана Хмельницкого, ни «славному казачьему прошлому», нет воспоминаний о Тарасе Шевченко, Иване Франко и других родоначальников украинского возрождения.

Помимо этих различий, есть еще один важный аспект, это вопрос самосознания. Кем человек себя САМ ощущает. Самосознание, в общем смысле этого слова, осознание субъектом самого себя в отличие от иного — других субъектов. Национальное самосознание — осознание своей национальности и особой культуры.

Если сегодня русинским организациям заняться развитием русинского самосознания у населения Подкарпатской Руси, то целей, которых добиваются эти организации, с всеобщей народной поддержкой и пониманием, будет достичь гораздо легче! Таких

примеров в истории существует масса. А вот с идеологией, на которой и будет основываться русинское национальное возрождение — сложнее. Это одна из самых тяжелых тем в современном русинском движении, которая еще требует времени, тут нужно говорить особенно осторожно…

В сети Интернет существует масса статей, посвященных вопросу, чем же является Подкарпатская Русь. Частью ли Русского мира? Частью Центральной Европы? Даже раздаются голоса мадьяронской направленности. (Мадьяроны — русины, перешедшие в процессе мадьяризации на позиции венгерского национализма). Начнем с того, что русины всегда жили в мире с соседними народами и с уважением относились ко всем нациям и культурам. Географическое положение территорий расселения русинского народа связывает их с Центральной Европой, происхождение и историческая память — с Русским миром. Итак, русины — авангард Русского мира!

Но сегодня, к сожалению, населению Закарпатья не хватает национального патриотизма. Это то, что уберегает народ и его самосознание, так как без него народа просто не может быть. Сохранение народа — первоочередная задача. Это особый труд, требующий усилий, ума, памяти и упорства от каждого представителя. Народ жив пока все его части непрерывно трудятся ради его сохранения. Сохранение народа и его самоидентификации есть процесс обеспечения безопасности систем, связывающих людей в народ. Тут и вопросы языка, культуры, исторической памяти, самосознания — все важно. Если этого не будет, не будет и русинов, которые будут и дальше считать себя «частью украинского народа» или «закарпатцами».

Сегодня русинский народ оказался разделенным между разными государствами. Основная масса русин автохтонно проживает в Карпатском регионе, остальные — на Балканах, Северной Америке, Австралии и других частях света. Организации русинского народа с каждым годом все больше и больше заявляют о себе как о силе, которая может противостоять ассимиляции и культурному уничтожению русин. Где-то эти процессы уже сильно развиты, где-то только начинаются. Русины как отдельный народ признаны во всех странах, где они проживают как национальное меньшинство. Исключение — Украина, там русинская национальная самобытность отрицается по-прежнему.

Действительно, ничего сверхъестественного в действиях Украины нет. Если посмотреть с «ее колокольни», то станет понятно, что

украинская власть хочет сохранить унитарность, навязать всем — и русским Юго-востока, и русинам — «украинское этническое сознание». Следовательно, русинский народ как отдельную национальность ей признавать нежелательно. Это может угрожать не столько целостности Украины, сколько украинству как идеологии. Русины же вынуждены на эти вызовы отвечать в меру своих сил. Но полностью отдавать все силы на обвинения украинской власти во всех русинских проблемах тоже не стоит. Это будет лишь отвлекать от решения насущных вопросов. Сейчас особенно нужно сконцентрироваться на себе и в полной мере понять сложившуюся ситуацию.

Сегодня многие активисты русинского движения видят, что происходит с их народом в современной Украине и хотели бы исправить это положение дел. Они намерены добиться признания, права нормального развития своей национальности. Хотят, но не могут! Ибо не понимают, что им именно нужно, как изменять ситуацию, к чему приступать и с чего начинать. Без понимания того, что нужно делать, дальше разговоров дело никогда не сдвинется!

Но как же можно поменять самосознание людей, потомков русинов, которые в процессе более чем полувековой украинизации (и других факторов) перестали считать себя таковыми? Ответ ясен — самосознание может измениться средствами информации и пропаганды. Источниками информации является окружающая каждого человека среда (СМИ, искусство, художественные произведения и др.), в том числе и сеть Интернет (особенно среди молодежи).

В середине прошлого века само дальнейшее существование русин было под вопросом, а русинское самосознание стало просто опасным. Присоединение Подкарпатской Руси к УССР больно ударило по всем признакам русинской самоидентификации. Язык, культура, история, народные герои и многое другое было на полстолетия оставлено без внимания. Под влиянием русинов на Балканах и в других странах, которые никогда не забывали свою русинскую культуру, и где национальность русин никогда не была запрещена, началось русинское возрождение во всем мире, в том числе Карпатском регионе, поэтому очень важно русинское межгосударственное культурное общение. В самой же Закарпатской области нужно вести работу по созиданию национальных, культурных, языковых, исторических связей между населением.

Особенно важно вспомнить национальные русинские традиции, которые сложились на основе длительного опыта жизнедеятельности народа, передающиеся новым членам этнической общности правила, нормы и стереотипы поведения, формы общения людей, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого. Традиции складываются и закрепляются в ходе исторического развития этноса, они представляют формы деятельности и поведения, доказавшие свою положительную значимость, а также соответствующие им правила, ценности, представления.

Хотелось бы отметить будущую роль русинистики в сохранении русинского самосознания — как фундамента выработки идеологии для русинского народа. Русинистика должна будет на материале изучения истории, политологии, социологии, экономики и других научных дисциплин, указать те точки, которые русинам нужно держать под своим особым контролем, а также на примере других народов и собственной истории выяснить возможность актуальных угроз для русинского народа и им противостоять.

Каковы же эти задачи сегодня, в нынешнюю эпоху выработки идеологии и становления русинского самосознания? С моей точки зрения, такая задача только одна — возрождение русинской национальной и культурной жизни на ее традиционных духовных и политических началах. Из этого и нужно исходить, вырабатывая программу сохранения народа.

На одном из первых мест в данной программе должно стоять развитие русинского литературного языка и внедрение его в образовательный и информационный оборот. Язык — это душа народа, самая большая его ценность. Следовательно, борьба за язык — один из важнейших факторов русинского культурного возрождения и сохранения идентичности.

Конечно, национальную идентификацию определяет не только языковое родство и развитие языка, но и историко-культурное развитие этноса, которое на протяжении тысячелетия шло в особой культурной, исторической и политической среде. Но это не помешало русинскому народу остаться верными Русскому миру и Православно-славянской цивилизации, на фундаменте чего, по сути, и возник русинский народ.

Стоит отметить, что включение в состав Украинской ССР Подкарпатской Руси, которая под этим названием в межвоенный период на

правах автономии входила в состав Чехословакии, а также непризнание русинского народа современными украинскими властями, которые считают русинов только «частью украинцев», лишило население Подкарпатской Руси автономии, а русинов во всем мире — Родины. Это отдалило русинское население от лояльности официальному Киеву.

В Украине в сентябре 1991 г. попытались восстановить историческую справедливость: был рассмотрен «вопрос о провозглашении Закарпатья автономным краем Украины». Областная рада Закарпатья приняла решение вынести на референдум вопрос «О статусе Закарпатской области». Референдум был проведен 1 декабря 1991 года. 78 % населения высказались за придание области статуса «специальной самоуправной территории», а значит автономии в составе Украины. Но это решение русинского народа было проигнорировано украинскими властями и не признается до сих пор. У летчиков есть такое понятие — «точка невозврата». Так называют ситуацию, в которой нельзя останавливать самолет, даже если возникают технические неполадки. Можно только подниматься в небо. Так и тут, у русинов, если ситуация дойдет до этой точки, то о дальнейшем диалоге с украинскими властями просто не может быть и речи. Но этого не хочет понимать официальный Киев, который считает, что если предоставит русинам автономию, то это усилит сепаратистские настроения. Но больше всего эти настроения может усилить только отсутствие внимания к русинской проблематике на Украине, нежелание решать этот вопрос.

С одной стороны, русинам во что бы то ни стало нужно добиваться признания законности референдума 1991 года, разговоры официальных лиц со ссылкой на Конституцию Украины и ее положения об унитарности государственного устройства, лишь еще раз доказывает, что украинские власти не намерены решать эту проблему. Такая постановка вопроса может лишь усугубить конфликт. А учитывая активность русинских организаций, это соответственно будет началом еще большего роста их влияния среди населения Закарпатской области, государственных институтов некоторых стран.

Но с другой стороны, для сохранения русинской идентичности, культуры, языка, нужно использовать все имеющиеся способы. На вечный вопрос «лучше что-нибудь, чем ничего,или лучше ничего, чем что-нибудь» нужно отвечать с точки зрения сохранения русинского самосознания, а значит, народа.

Подведем некоторый итог. Для сохранения русинского самосознания русинскому движению важно, используя средства информации, заняться популяризацией русинской идентичности среди населения Закарпатской области — Подкарпатской Руси. Источниками этой информации должна выступать окружающая человека среда. Важно развивать русинское культурное межгосударственное общение, вести работу по созиданию национальных, культурных, исторических связей между населением, то есть заняться возрождением национальной и культурной жизни на ее традиционных духовных и политических началах.

Источники:

1) Годьмаш П., Годьмаш С. «История республики Подкарпатская Русь». Ужгород, 2008.

2) Миронов Г. Великороссы Подкарпатской Руси: история и современность, 31.08.2009. Одна Родина [Электронный ресурс]. http://www.odnarodyna.ru/articles/17/818.html

3) Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С.358

4) Хорньак Михајло, «Бачко-сремские русини (порекло, начин живота, положај и права, институције и организације», Русини, Руснаци, Rutenians (1745 — 2005), Том I, Нови Сад, 2006.

Эдуард Попов

РУССКОЕ И РОССИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА УКРАИНЕ

Русское и российское движение является достаточно важным фактором общественно-политической жизни Украины. Между тем со стороны до относительно недавнего времени этот потенциал использовался лишь в малой степени. В последние 3 — 4 года наметились позитивные сдвиги в этом направлении, государственная власть в России осознала важность данного направления. На работу с соотечественниками выделяются значительные средства, статус этого направления повышен до высшего государственного уровня. Однако нуждается в серьезной проработке концепция этой работы, в противном случае деньги будут расходоваться впустую, не принося должного эффекта.

Провести четкую грань между русскими и российскими организациями во многих случаях затруднительно. Под русскими организациями понимаются общественные организации, созданные на русскокультурной основе и выступающие в защиту русского языка, культуры, духовного и культурного единства народов России и Украины. Часть организаций носит подчеркнуто академический и научно-образовательный характер, дистанцируясь от политики (например, Ассоциация учителей русского языка, Русский дом г. Донецка и др.). В записке будут рассмотрены, главным образом, представители общественно-политического спектра русских организаций, выступающих с отдельными политическими требованиями или непосредственно участвующими в политической борьбе.

Под российским движением здесь понимаются: 1) всеукраинские и региональные организации российских соотечественников на

Украине, созданные с прагматической целью получения российского гражданства и представительства интересов данной целевой группы в структурах МИД России и 2) общественные организации и политические партии, выступающие за объединение Украины и России (а также Белоруссии) в рамках единого государства либо за ту или иную форму государственной и экономической кооперации. В Автономной республике Крым (АРК) русское и российское движение обладает существенной спецификой: на полуострове идея новой Переяславской рады конкурирует с идеей возвращения исторической Тавриды в состав России. Именно на региональном крымском материале наиболее ощутима смысловая разница понятий русское и российское движение: первое характеризуется сепаратистскими настроениями (отделение от Украины), второе направлено на участие в общеукраинском движении русских, основной целью которого стало союзное государство.

Российское движение представлено общеукраинскими партиями «ЗУБР» («За союз Украины, Белоруссии и России»), «Русский блок», организацией «Русское содружество» и др.

«Русский блок» — наиболее влиятельное политическое образование российского движения на Украине. Одним из создателей (наряду с Иваном Симоненко, председателем партии «Русско-украинский союз») и первым лидером партии является А.Г. Свистунов, предприниматель из Львова. В настоящее время Свистунов остается лидером общественной организации «Русское движение Украины», является депутатом Верховного Совета АРК от блока «За Януковича!» (Партия «Русский блок» — Партия регионов).

«Русское содружество» позиционирует себя как организацию, призванную объединить разрозненный спектр русских и российских организаций. В политической деятельности РС ориентируется на депутата Верховной Рады Украины, регионала Вадима Колесниченко. Он же является председателем Совета Всеукраинской общественной организации «Правозащитное общественное движение «Русскоязычная Украина», созданной специально под президентские выборы 2010 г. для привлечения на сторону Партии регионов голосов избирателей Новороссии (Юга и Востока).

Русское и российское движение на Украине за десятилетие активной деятельности не смогло стать самостоятельным политическим игроком, за некоторым исключением регионального движения в АРК.

В значительной степени сказалась нехватка финансирования, отсутствие должной поддержки со стороны России, амбиции и непрофессионализм лидеров и умелая подрывная работа СБУ. Как итог — движение в целом ориентируется на блокирование с более мощными политическими силами.

Избирательные кампании на Украине 2004 — 2010 гг., когда русские и российские организации выступали с поддержкой Партии Регионов и В. Януковича, не получая гарантий соблюдения их интересов при замещении должностей и выполнении предвыборных обещаний. Ошибочным было решение, которое приписывается российским партнерам В. Януковича, идти на парламентские выборы 2006 г. отдельным списком Партии Регионов вместо формирования широкого оппозиционного антиоранжевого блока. Необходимо было добиться включения в состав этого объединения в роли младших партнеров ПСПУ Н. Витренко и русских и российских организаций. Это позволило бы создать внутри самой парламентской фракции трибуну для критики чрезмерно соглашательской политики Партии Регионов, постепенно трансформировать партию из донецкого в общеукраинский проект и сделать поддержку русского языка одним из ключевых программных требований партийной программы. В сложившейся же ситуации лозунг придания русскому языку статуса второго государственного становится предвыборным обещанием, которое не выполняется. На президентских выборах 2010 г. В. Янукович отказался от этого лозунга, пообещав имплантировать европейскую Хартию региональных языков и языков национальных меньшинств, что позволит использовать русский язык на региональном уровне.

В высшем эшелоне Партии Регионов имеется группа политиков, выступающих с последовательных позиций защиты русского языка и культуры (В. Колесниченко, Д. Табачник и др.). Однако позиции этой группы внутри ПР не являются лидирующими. Регионалы стремятся не к стратегическому сотрудничеству с русскими организациями, а к поглощению и к прагматическому использованию их потенциала. На финальной стадии избирательных кампаний Партия регионов и В. Янукович заявляли о поддержке русского языка, чем обеспечивали нужное для себя голосование русскокультурных избирателей. Лишь в АРК был создан избирательный блок в составе ПР и партии «Русский блок», который оказался более выгоден регионалам, чем русским и российским организациям. Подобного рода взаимоотношения

не отвечают интересам русского и русскокультурного населения Украины и должны быть изменены.

На сегодняшний день русское и российское движение на Украине разобщено, чему парадоксальным образом отчасти способствовала победа В. Януковича на президентских выборах.

Российская политика в отношении русского населения Украины преимущественно сводится к работе: 1) с организациями российских соотечественников, то есть, целевых групп, планирующих переселение в Российскую Федерацию и 2) с русскокультурными («фольклорными») организациями, участвующими в культурных мероприятиях. Представляется, что отдача от вложенных средств минимальна даже в том случае, если деньги расходуются по назначению.

Между тем русское и российское движение на Украине могло бы стать асимметричным ответом России на сеть западных НПО, созданных для создания вестернизированной элиты. Россия не может на равных конкурировать с США и ЕС в сфере неправительственных организаций. Однако мы обладаем огромным конкурентным преимуществом в лице многомиллионной русской общины и еще большего ареала распространения русской культуры (культурно-информационное пространство Русского мира). Русское и российское движение в потенциале может стать одним из главных рычагов реализации стратегических интересов России не только на Украине, но и в некоторых других странах СНГ (прежде всего, в Казахстане и государствах Прибалтики).

Октавиан Раку

БАЛКАНСКИЙ СОЮЗ — АЛЬТЕРНАТИВА СОЮЗУ ЕВРОПЕЙСКОМУ?

Балканское пространство принадлежит к ареалу фракийской цивилизации, о которой Геродот говорил, что если бы фракийцы не были разъединены, они стали бы самым сильным народом в мире. Кажется, что гораздо позже эта черта балканской идентичности сохранится в коллективном бессознательном народов, которые вопреки наплыву пришельцев, мигрирующих в эти места, будут продолжать сохранять черты своих предков.

Общей будет оставаться историческая судьба: римское завоевание, византийское политическое и духовное управление, а распад Османской Империи вызовет не без лицемерного вмешательства великих держав, начало войн за независимость и за передел границ. Балканы становятся известными в истории только в качестве «пороховой бочки» Европы.

Об объединении Балкан мечтали императоры Влахско-Болгарской Империи, румынские князья Стефан Великий, Петру Рареш, Михай Храбрый, и все же воплощению этого проекта мешал либо некоторый геополитический, либо неблагоприятный исторический контекст.

Солидарность балканских народов часто выражалась в борьбе за свободу. В 1185 г. румыны, жившие на юг от Дуная во главе с братьями Петру и Асаном восстали против Константинополя из-за роста налогов при императоре Исааке Втором. В результате этого восстания, поддержанного царем Сербии Стефаном Немани в 1188 г. Византия признала существование румыно-болгарского царства. Через год амбиции румын стали еще больше. Так, они предлагали

сербам и германскому императору Фридриху Барбароссе захватить и поделить Византийскую Империю. По причине внутренних политических конфликтов этот проект так и не был реализован.

Имперская румынская идея возрождается во время правления Ионицы, который просит Рим признать за ним титул императора и поднятия своего епископства до ранга Патриархии, просьба, которая была отвергнута Папой Иннокентием III. Рим не мог признать более двух центром имперской власти на земле — Константинополь и Рим. Все же в ноябре 1204 г. он был признан «королем валахов и болгар».

Балканская Федерация — провал коммунистов

Первая попытка создания единого балканского пространства имела место в начале XIX века, когда мощь турок на Балканах была уже чем-то из области истории. В 1865 г. эта идея была сформулирована левыми кругами Белграда, вдохновлявшимися федерализмом Сен-Симона, социализмом Карла Маркса и анархизмом Николая Бакунина. Они предлагали создать Восточную Демократическую Федерацию от Альп до Кипра. На этой базе в 1894 г. была создана Лига за Балканскую Конфедерацию, в которой участвовали румынские, сербские, болгарские и греческие социалисты.

Первая конференция балканских социал-демократов состоялась в Белграде между 25 и 27 декабря 1909 г., в рамках которой было предложено создать Федерацию Балканских Государств. В этой конференции участвовали представители социал-демократических партий из Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, Турции, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. Во время этой встречи лидер сербских социал-демократов Димитрий Тукович заявил, что «объединение и взаимопомощь балканских народов — единственный путь к экономическому, национальному и политическому освобождению. Во время этой же конференции была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что балканская проблема может быть разрешена только через «объединение всех народов, которые живут на этой территории, ликвидацию всех границ, созданных искусственным путем, и гарантию взаимного сотрудничества в обороне от внешних опасностей». После этого, все партии социал-демократической и социалистической ориентации включили в свои программы в качестве цели создание Балканской Федерации.

В 1915 г. после прошедшей в Бухаресте конференции было решено создать Революционную Балканскую Трудовую Социал-Демократическую Федерацию, которую возглавил Кристиан Раковский, а среди ее членов были Георгий Димитров и Василь Коларов — известные лидеры болгарских коммунистов.

После большевистской революции в Петрограде в 1917 г. была создана Балканская Коммунистическая Федерация, которая предложила объединить под эгидой Москвы Болгарию, Югославию, Грецию и Турцию. Принятие Румынии в этот проект, обуславливалось расчленением румынского государства, чтобы исключить любой риск румынской доминации на Балканах. В дальнейшем, эта организация была распущенна в 1939 г.

9 февраля 1934 г. в Афинах представители Румынии, Югославии, Турции и Греции подписали Пакт Балканской Антанты, в котором стороны обязывались содействовать безопасности региона. Задуманная как политический, военный и экономический союз, Балканская Антанта даже если и не охватывала все государства полуострова, конкретизировала естественные и традиционные устремления дружбы и сотрудничества между балканскими народами во множестве областей и продвигала цели сближения и понимания между подписантами и неподписантами. К сожалению, Болгария отказалась присоединиться к пакту.

Последняя попытка имела место после Второй мировой войны, когда лидер коммунистов Югославии, Иосип Броз Тито и лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров начали переговоры о слиянии этих государств в Федерацию Балканских Государств. Болгарская сторона показала свою предрасположенность к некоторым уступкам, признав этническую и лингвистическую идентичность македонского меньшинства. Это было одним из условий подписания соглашения в Бледе между Софией и Белградом 1 августа 1947 г., который предусматривал помимо всего прочего разрешение некоторых территориальных проблем, снятие визового режима и создание таможенного союза. Все же из-за дипломатических конфликтов между Югославией и СССР Болгария была вынуждена играть на руку Москвы, выбрав позицию противника Белграда. Кремль боялся роста влияния Югославии на Балканах, а югославский лидер был раздражен попытками Советского Союза контролировать государства Юго-Восточной Европы.

Европейский Союз — провалившийся проект интеграции балканского пространства

После череды кровопролитных воин, которые привели к распаду Югославии, сегодня европейская интеграция рассматривается в качестве единственного средства решения проблемы объединения народов этого региона. Греция, Румыния и Болгария уже являются членами ЕС, тогда как государства бывшей Югославии: Сербия, Босния и Герцеговина, Хорватия и Черногория претендуют на статус членов Союза. И все же перспективы подобного проекта стоят под вопросом из-за финансового кризиса в Европе, а также по причине внутренних конфликтов в ЕС. Знаменитый американский ученый и преподаватель Джоел Коткин в статье, опубликованной в «Ньюсвик», утверждает, что в ближайшем будущем «племенные связи» (включающие расу, этнос и религию) станут гораздо более важными, чем политические границы. Более общие концепции — а именно зеленая идеология, социализм или рыночный капитализм могут воодушевить космополитические элиты, но в целом они никак не мотивируют людей. В свою очередь «племя» ценится гораздо выше, чем любая универсалистская идеология», подчеркивает автор, добавляя, что «хотя племенные связи так же стары, как и история, политические изменения и глобализация усиливают их воздействие».

Таким образом, регионализация Европы и борьба «пограничных государств» за свою автономию против «конкурирующих зон влияния», как и попытки Франции и Германии утвердить порядок на континенте, будет определять в ближайшее время обращение к альтернативным геополитическим проектам. Тем более, что ни Европейский Союз, ни НАТО больше не в состоянии гарантировать безопасность стран бывшего социалистического лагеря, более того, Сербия и Румыния выразили недовольство политикой Вашингтона и Брюсселя в отношении проблемы сербской провинции Косово, которая продолжает оставаться больной раной на теле Балкан.

Балканский Союз — альтернативный проект

Новый геополитический контекст (ось Париж-Берлин-Москва, впечатляющий рост Китая, создание исламского блока Турция-Сирия-Иран), как и мировой финансовый кризис утверждают необхо-

димость возвращения к обсуждению перспектив объединения пространства Балкан

Юго-Восточная Европа приобретает и еще большую важность, становясь единственным источником импорта энергетических ресурсов в Европейский Союз. Прежде всего, речь идет о российско-итальянском проекте „Southstream" и «Набукко», продвигаемом США и ЕС. Через Балканский полуостров проходят главные транспортные артерии, связывающие Западную Европу с Малой Азией и Ближним Востоком. Одним словом, Балканы представляют собой связующее звено между регионами индустриальных государств и евразийскими регионами, обладающими важными минеральными ресурсами.

Сила Византии в прошлом вытекала из того, что она господствовала над путями коммуникаций, шедшими из Восточной и Центральной Европы, Азии и Восточной Африки. Это положение может быть благоприятно использовано Балканским Союзом.

В терминах геополитики, балканская зона представляет собой Римланд, прибрежный регион, который взаимодействует как с морской силой, так и с сухопутной, регион, контроль над которым обеспечивает господство над Хартлендом (геополитическим центром). С этой точки зрения, Балканы представляют собой зону повышенного интереса для России, Турции, Ирана и Китая, что открывает ряд перспектив заключения союзов.

В 2010 г. Китай уже начал экономическое наступление на полуостров, предоставив Сербии грант в размере 1 миллиарда евро на строительство двух электростанций и моста через Дунай. Перспективные соглашения заключены между китайскими компаниями и Македонией, Словенией и Грецией. Китайские деньги двигают балканские государства, хотя методом, отличным от западных международных финансовых организаций, Пекин не ставит экономических и политических условий, в свою очередь, уменьшая влияние Европейского Союза и США в регионе, что на руку и балканским государствам.

Идеологический фундамент: консерватизм, традиционализм и православие

Коммунизм как идеология был не в состоянии создать необходимую основу для сближения балканских народов. Их объединение невозможно иначе как через сохранение идентичности и уважение

ценностей каждой нации. Исходя из этих соображений, Балканский Союз можно построить только отталкиваясь от консервативных и рационалистских ценностей, принимая во внимание и единство в лоне Православной Церкви. Для этой цели многому поможет общее византийское наследие, на почве которой выросли балканские нации, в противовес ценностям Европейского Союза, восходящим к просветительским принципам французской революции 1789 г.

Как христианский Константинополь был антиподом языческого Рима, так и Балканский Союз может стать антиподом Европейского Союза. Вокруг подобных идей можно будет найти Республику Молдову, Румынию, Болгарию, Сербию, Македонию и Черногорию. Балканы стали бы не только простым оборонительным геополитическим проектом, но и наступательным идеологическим проектом. Если в прошлом в центре подобного проекта пыталась себя позиционировать Сербия, пришел момент, в котором Румыния и Республика Молдова могли бы осуществить свою историческую миссию по возведению этого строения. Реализация этого проекта не может осуществиться иначе как через смену парадигм внутри государств, которые станут членами Балканского Союза. Евробалканский вектор мог бы стать платформой новых политических движений, которые представляют настоящую альтернативу силам, представляющим себя в качестве продвигающих европейскую интеграцию или «коммунистическую ностальгию». Новый вектор уменьшил бы популистские месседжи и перевел бы в повестку дня проблемы, касающиеся национальных интересов государств региона, что будет означать новую революцию в обществах вышедших два десятилетия назад из коммунизма, конец кризиса идентичности и так называемого «переходного периода».

Леонид Савин

ПРОЕКТ МЕЖМОРЬЯ И ГЕОПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ

Прием новых членов в ЕС изменил геополитическую картину Европы. К Атлантико-Средиземноморскому фактору, который был доминирующим, добавился Балтийско-Черноморский, и страны из этого региона были вынуждены столкнуться с решением ряда вопросов — адаптации законодательной системы, политических и гражданских институтов, экономики; в то же время, сохраняя свой этноцентрум, а также национальную историческую память и традиции. Данная историческая перспектива, особенно во время транзитного периода, характерна пересмотром своей геополитической роли по отношении к действующим акторам и окружающему пространству. В этом плане новые члены ЕС — страны Центральной и Восточной Европы активно включились в международные политические процессы, что привело к определенной дихотомии. Условные обозначения на Восточные и Юго-восточные регионы все еще сохраняется в западных центрах, таких как Германия и Франция, более того, учитывая географическую периферийность (то же, но с другим знаком можно сказать и в отношении как Португалии и Испании, так и скандинавских стран), термин «восточный» будет еще сохраняться определенное время. Однако географическое расширение сделало возможным зарождения дискурса о новых геополитических осях, в определенной мере, конкурирующих со старыми векторами. Вопрос центральности для общего определения новой Европы (термин Фридриха Науманна «Срединная Европа) также продолжал интерпретироваться. Были предложены такие дефиниции, как «МидиЕвропа», «Димидальная Европа» и «Вискальная Европа»,

которые основаны на соответствующих латинских терминах[1]. На них накладывались существующие концепции еврорегионов, основанные на модели водоразделов (зона бассейнов рек Маас-Рейн, Дунайская низменность). Аналогично, в новой постмодернистской и технополитической (энергетическая и коммуникационная составляющая) версии был возрожден проект Межморья польского географа и картографа Евгениуша Ромера, прототипом которой в свою очередь послужила ягеллонская идея. Стратегия Йозефа Пилсудского (как известно из истории, неудачная) по созданию «Польши от моря до моря» была построена именно по этой модели. Вместе с коммуникационной привлекательностью (адаптация пути «из варяг в греки» по новому сценарию) эта геополитическая модель имела и этнонациональное содержание — предполагалось, что балто-славянская культурная идентичность послужит дополнительной основой для реализации этого проекта. Необходимо отметить, что в настоящий момент вопросы о балто-славянских корнях являются темой для политических спекуляций в Беларуси — на фоне обострения отношений между руководствами официальных Минска и Москвы, там развивается концепция литвинства, которая вызывает противоречивые отклики у самих белорусов[2]. Параллельно с этим начало употребляться слово из обихода XIX в. «тутэшни», которое обозначало самоопределение жителей Беларуси и прилегающих регионов Украины. Необходимо отметить, что как Беларусь, так и Украина, исходя из-за своего геополитического расположения, могли бы играть значительную роль в качестве государств-транзитеров, однако пока эти страны не являются членами ЕС и не могут быть полноценными игроками в подобном проекте. Более того, даже между государствами, которые можно условно отнести к единому цивилизационному типу, называемому иногда западно-христианским миром или западно-европейскому суперэтносу, существует ряд глубинных противоречий, имеющих исторические или этнополитические причины, выраженные в устройстве границ и взглядах на распределение ресурсов. Столкнувшись с давлением

[1] *Дрыночкин А. В.* Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. М.: Олита, 2004. С. 11.

[2] См. напр. Макаров И. Ментальная война в Белоруссии — «психическая атака» литвинства. [Электронный ресурс]. http://www.zapadrus.su/zaprus/filzr/115-2010-09-03-14-54-43.html (дата обращения — 07.07.2010); Проекту литвинства посвящен сайт http://www.litvania.org/

старых членов ЕС в отношении гомогенизации экономического пространства, что отразилось в первую очередь в том, что транснациональные корпорации получили доступ к национальным ресурсам, государства Балто-Черноморской оси были заинтересованы в протекционистских мерах направленных против такого однобокого эффекта от глобализации. Хотя К. Полани еще в середине XX в. доказал, что рынок является одной из трех форм аллокации ресурсов (наряду с перераспределением и реципрокностью)[1], а Ф. Перу также выделил три формы, на основе которых состоит экономическая структура общества (товарное перемещение благ, вынужденное перемещение благ и солидарное перемещение благ)[2], новые государства ЕС были вынуждены принять условия рыночного либерализма, что отразилось на попытках выработки новых региональных проектов, соответствующих как устремлению политико-экономических центров в лице Германии и Франции, так и национальных интересов.

Евробюрократия, хоть и настаивает на исторической преемственности, как посредством риторических заявлений3, так и с помощью введения единых стандартов, это не исключает риски экономической и социальной дестабилизации.

Существует распространенное мнение, что демократические государства не применяют санкций по отношению друг к другу, так как между их гражданами и элитами существует понимание, основанное на общих ценностях и идеях. Частично это верно, однако упускается тот факт, что современные демократические государства отстаивают в свою очередь свои интересы, а потом уже общие ценности. Согласно теории либералов и конструктивистов национальные интересы определяются значительно большим количеством факторов, чем расположение государства в международной системе. Исходя из этого, внутренние ценности и приоритеты могут перевесить общие ценности и нормы, разделяемые с другими государствами, а продвижение национальных

[1] *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс. // Экономическая социология, 2002. Т.3 -№2. С. 62-73.

[2] *Perroux F.* Savoirs economiques methematises et theorie englobante. // Economies et societes, 1972. — T.VI. - № 8. pp. 1650-1651.

[3] *José Manuel Durão Barroso.* A New Atlanticism for the Century. 26 March 2010. [Электронный ресурс]. http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/10/135 (дата обращения — 14.04.2010).

интересов в дальнейшем привести к конфликту[1]. Не обязательно конфликт должен быть военным или политическим. Вполне эффективным механизмом для сдерживания государства и даже его дисфункции могут быть различные экономические санкции. При этом, «экономические войны» могут вестись между странами, которые на протяжении длительного времени были партнерами и имели общую историю. Некоторые исследователи связывают такие прецеденты с недостаточно развитой политической культурой государства (известны такие термины, как посттоталитарное устройство, страны с транзитной экономикой и пр.), однако экономические связи США с другими странами убедительно демонстрируют, что санкции могут быть применены к демократическим странам, в то же время торговля может вестись с диктаторскими режимами. Также следует отметить, что термин «дефицит демократии» возник именно в Европе в 1977 г. для определения неспособности ЕС решить вопросы, связанные с нуждами европейских граждан [2].

Что, касается возможности экономического давления, то Хафбаер, Шот и Эллиот в своем исследовании отмечают[3], что демократические страны могут применять санкции по отношению друг к другу, исходя из трех независимых переменных, таких как:

- Уровень торговли демократической страны;
- Экономическая мощь демократического государства и возможность покрывать расходы, связанные с санкциями;
- Внутренние ценности и приоритеты.

С ценностями и приоритетами как раз связаны противоречия как внутри Европы, так и по отношению к основным партнерам — США и России. Это происходит по причине различных версий национализма в этих странах и стратегической культуры, которая напрямую связана с внешней политикой. Британский теоретик международных отношений Кен Бут связывает стратегическую культуру с этнической (национальной) самоидентификацией. Бут отмечает, что «думая о

[1] *Chingono H.* The Nexus between the Democratic Peace Theory and Economic Coercion:Why Democracies Fight Each Other?//Alternatives: Turkish Journal of International Relations, Vol. 8, No. 4, Winter 2009, P. 69.

[2] *Laffen, B.* «Democracy and the European Union», in Cram, L., Dinan, D. and Nugent, N. (eds.),

[D]evelopments in the European Union, London: Macmillan Press Ltd., 1999, p. 334.

[3] *Hufbauer Clyde Gary, Schott Jeffrey J and Elliot Ann Kimberly.* Economic Sanctions Reconsidered, Washington, DC, Institute for International Economics, 2006, Pp. 20-32.

рациональном поведении других, стратеги имеют тенденцию проектировать свои собственные культурные ценности…, но должно быть очевидно, что можно лишь предсказать поведение «рационального человека», если и у наблюдателя и у наблюдаемого сила и власть логически похожи. В этот процесс вмешивается этноцентрическое восприятие: это означает, что собственные ценности и смыслы по поводу приоритетов, спроектированы на другого. Этим процессом этноцентризм подрывает центральное действие в стратегии, которое сначала оценивает то, как другие смотрят на мир, а затем уже происходит процесс осмысления и действия»[1]. Один из авторов концепции стратегической культуры Алистер Джонстон отмечал, что в ее основе лежат ответы на три важных вопроса: роль войны в международных отношениях, природа врагов и угроз, которые они могут представлять и применение силы[2]. Современный геополитик Колин Грей также проводил взаимосвязь между культурными пластами определенного народа и государственной стратегией. Он указывал, что «никто и никакое учреждение не могут действовать вне культуры», и что «природа и функция стратегии являются постоянными и универсальными и она, также, в ее специфической и динамической исторической форме и содержании, неизбежно является культурной»[3]. Безусловно, практически во всех странах рассматриваемого нами региона существуют культурно-политические традиции, в рамках которых деятельность Российской Империи, а позже СССР и сейчас России, рассматривается как экспансионистская политика, которая может выражаться в военной агрессии, ресурсной политике и имперских амбициях, связанных с ностальгией по прошлому. Поэтому в странах Балто-Черноморской оси существует как гражданский национализм, где действия руководства России и русской культуры в целом подвергаются оценочным суждениям, так и военно-политическая составляющая на уровне межгосударственного сотрудничества, выраженная, в первую очередь, в деятельности Североатлантического альянса.

Внешнее влияние также играет определенную роль в формировании международной политики стран Балто-Черноморской оси и интеграционных процессах региона. На фоне трансатлантического

[1] *Booth K.,* Strategy and Ethnocentrism. New York: Homes & Meier Publishers, 1979. P. 65.

[2] *Johnston A.*, Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History, Princeton: Princeton University Press, 1995.

[3] *Gray C.*, Modern Strategy, New York: Oxford University Press, 1999. P. 129.

сотрудничества, связанного с США, появился такой термин как рефлексивный атлантизм по отношению к странам региона. Он означает целенаправленные действия руководства страны во внешней политике, в первую очередь, направленные против интересов России. До 2010 г. такую линию проводили Польша и Украина, продолжает проводить Румыния. Ряд амбициозных проектов, связанных с энергетическими коммуникациями, также связаны непосредственно с рефлексивным атлантизмом. В действительности же попытки адекватно решить энергетическую зависимость от России оцениваются по-разному. Эксперты Российского Института Стратегических Исследований считают, что в будущем усилия европейских стран по диверсификации поставок топлива приведут к снижению объема экспорта газа из России[1]. На Западе также лоббируют проекты по добыче сланцевого газа, которые активно поддерживают США, но они имеют объективные трудности — экологические последствия, высокая плотность населения, наличие фермерских угодий в зонах предполагаемого бурения и т. п.[2]

Важно также отметить, что в отношении самого понятия Балтийско-Черноморской оси существует неопределенность. Как правило, под таким названием подразумеваются страны региона, входившие ранее в СССР (Латвия, Литва, Эстония, Беларусь, Украина, Молдова) и Варшавский блок (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния). При этом Вышеградская группа (Польша, Венгрия, Словакия и Чехия), явившаяся первой структурой со времен падения Берлинской стены, которая самостоятельно заявила об интеграционных приоритетах во внешней политике, тяготела к Дунайско-Балканскому региону, что гипотетически подразумевало создание треугольника Адриатика-Балтика-Черноморье. «Свидетельством такого подхода стало создание в 1992 г. зоны свободной торговли Центральной Европы на базе Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА). Кроме стран — членов Вышеградской группы, в ЦЕФТА вошли Болгария, Словения, Румыния и Хорватия»[3]. Ряд украинских экспертов и политиков также рассматривали Балто-Черноморское со-

[1] *Федорцева В. А.* Газовый вектор энергетической стратегии Европейского Союза.// Проблемы национальной стратегии № 3(4), 2010.

[2] *Kanter J.* Outlook for Shale Gas in Europe Is Uncertain. New York times, October 13, 2010. [Электронный ресурс]. http://www.nytimes.com/2010/10/14/business/global/14shale.html?_r=2 (дата обращения — 14.10.2010).

[3] *Панасюк П.* Балто-Черноморский регион: геополитический шанс. [Электронный ресурс]. http://soskin.info/ea/2006/3-4/20060303.html (дата обращения — 14.10.2010).

трудничество как перспективное для Украины, т.к. страна является важным связующим звеном между севером и югом[1]. Неопределенность также выражается в том, что не совсем ясно, какие государства можно относить к этой оси, а какие нет. Так как если брать полный географический спектр, то в эту ось должны войти государства Северной Европы, которые имеют выход к Балтийскому морю, а также Турция и страны Южного Кавказа, в первую очередь, Грузия. Кроме того, на данный момент в таком блоке остаются слабые места — государства с проблемным суверенитетом — Приднестровье, территорию которого оспаривает Молдова, и Абхазия, к которой имеет территориальные претензии Грузия. В первую очередь для Центральной Европы беспокойство причиняет Приднестровье, так как из-за статуса этой непризнанной республики интеграционные проекты в регионе не могут быть окончательно утверждены.

Можно сказать, что первоначальные попытки основать союз региональной кооперации, вместе с историческими компонентами в определенной мере послужили базой для перемоделирования этого проекта в иную, более широкую стратегическую плоскость, затрагивающую интересы крупных сил — как континентальных (евразийских), так и атлантистских (мондиалистских). Неслучайно ряд исследователей начал сравнивать модель балто-черноморской оси с санитарным кордоном, который образовался после Версальского соглашения по окончании Первой мировой войны. Основными протагонистами идеи создания новых государств в Центральной Европе на обломках Австро-Венгерской и Российской Империй были Вудро Вильсон и Хэлфорд Макиндер. Американский президент обосновывал необходимость создания новых суверенных государств на национальной основе, в то время как британский географ и политик предложил проект санитарного кордона между Германией и Россией. По мнению Макиндера, который во время гражданской войны в России являлся эмиссаром Антанты в Украине, для того чтобы сдерживать Россию, на территории которой находится географическая ось истории*2*, необходимо было не допустить ее сближения с другой континентальной силой — Германией, для чего нужно было создать цепь из новых госу-

[1] *Зарубинский О.*, Черный В. Перспективы Балто-Черноморского сотрудничества.// Зеркало недели. № 8 (536) 5-11 марта 2005. [Электронный ресурс]. http://www.zn.ua/2000/2675/49403/ (дата обращения — 14.10.2010).

[2] *Mackinder J.Halford.* The Geographical Pivot of History, Geographical Journal, London, 1904.

дарств, начиная с Северной Европы и заканчивая Кавказом. Геополитическим проектом, косвенно связанным с подобными идеями, можно назвать ГУУАМ, который не получил никакого реального развития и определялся как проект стран Запада (включая США) по созданию искусственного барьера между современными Россией и ЕС.

С учетом вышесказанного, при эскалации напряжения отношений как стран, входящих в восточную периферию ЕС, так и всего Европейского Союза в целом с Россией, это будет приводить к определенной демонстрации силы. Если будет проведена четкая идентификация, где применение (угроза применения) военной силы будет наиболее эффективным, этот метод также может быть задействован. Ранее Генштаб России заявлял о возможности размещения оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской области. Модернизация Черноморского и Балтийского военно-морских флотов Российской Федерации также относятся к этому виду hard power[1]. По мнению руководителя программы по исследованию ЕС Йельского университета Дэвида Кэмерона, Россия по отношению к Европе стратегически применяет линию smart, что зачастую ставит европейцев в тупик. Кэмерон это связывает с тем, что у всех стран сообщества свои национальные интересы, а многие из них зависят от российских энергоносителей[2].

Балансирование между двумя осями hard и soft power может послужить дальнейшей стратегией стран региона. Это связано не только с объективными императивами международной обстановки, но и наличием новых рисков, а также процессом осетевления общественных процессов. Изменения, связанные с информационной эпохой привели не только к появлению такого феномена, как электронная демократия, но несут в себе угрозы киберпреступлений, а в общем способствуют тому, что подобные техники влияния и борьбы за власть могут применяться и негосударственными акторами, которые отстаивают свои интересы или являются проводниками чужих. Как справедливо отмечают специалисты по сетевым войнам Аркилла и

[1] Под hard power принято понимать прямолинейные политические действия, обычно связанные с приминением военной силы и/или дипломатического давления. Soft Power — это непрямые методы действия. Smart Power является сочетанием обеих. Подробнее см. Nye J. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008; CSIS Commission on Smart Power : a smarter, more secure America / cochairs, Richard L.Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington, CSIS Press, 2007.

[2] Dancing with the Bear. An Interview with David Cameron. [Электронный ресурс]. http://thepolitic.org/content/view/154/39/ (дата обращения — 14.10.2010).

Ронфельдт, «четко организованные, ограниченные группы, которые ранее поддерживались государственными спонсорами, трансформируются в произвольно организованные, международные сети террористов… Преступные организации создают сети и сотрудничают друг с другом намного плотнее, чем это было раньше, что позволяет им сочетать экспертизу и расширять область своих действий. Вместо того, чтобы рассматривать друг на друга как конкурентов, множество преступных организаций делятся друг с другом информацией, услугами, ресурсами и доступом к рынку согласно принципу сравнительных преимуществ»[1]. Вместе с угрозой роста нелегальной миграции, а также эффекта исламизации ряда европейских стран, подобные тенденции указывают, что для их мониторинга, профилактики и эффективных мер сдерживания новых угроз, старые методики не подойдут. Поэтому предложения Аркиллы и Ронфельдта, изложенные в их работе Advent of Netwar по выработке диапазона альтернативных стратегий, которые позволяют применять их по отношению друг к другу, представляются вполне применимыми.

В отношении перспектив развития государств, которые относятся к Балто-Черноморскому региону существует ряд прогнозов и индексов, которые отражают динамику социально-политических изменений в регионе. Один из ведущих экспертов по геополитике из США, директор частной разведывательно-аналитической организации Stratfor Джордж Фридман считает, что после окончания холодной войны Европа до сих пор пребывает в легком хаосе и распутать этот клубок сложных и неоднозначных отношений между разными институтами не представляется возможным. Он также отмечает, что за внешне благопристойным фасадом Европейского Союза «кроются застарелые националистические «язвы» Европы[2]. Автор предполагает также дальнейшую конфронтацию с Россией, т.к. она будет пытаться восстановить свое влияние в бывших советских республиках и это ей удастся и в Украине, и в Беларуси. Фактический выход российского военного и экономического присутствия вплотную к границам Польши и странам Балтии заставит эти страны проявить определенное беспокойство. По мнению американского эксперта, если страны Балтии останутся нейтральными, то Россия будет чувствовать себя в безопасности, но США могут захотеть усилить мощь Польши и стран

[1] *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Advent of Netwar. Santa Monica, Rand, 1996.

[2] *Фридман Д.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. с. 106.

Балтии, тем самым, создавая первый очаг конфликта в регионе. Вторым очагом может стать Южный Кавказ в лице Грузии[1].

Есть и более мирные версии прогноза. Глобальный рейтинг мощи ведущих 100 стран мира, составленный международной группой ученых на основе политических и экономических показателей, не зависящих от конъюнктурных показателей отдельный стран при сценарии «умеренной глобализации», показывает, что серьезных изменений не предвидится[2]. Среди стран региона только Беларусь, Литва, Молдова и Польша улучшат свои геополитические показатели. По ряду параметров рейтинг ухудшится у Украины, но по другим улучшится. В целом, среди стран Балто-Черноморской оси серьезных изменений не произойдет. С одной стороны, это характеризует определенную социальную и политическую устойчивость, с другой — свидетельствует о том, что текущие проблемы в различных областях, возможно, останутся не решенными.

Учитывая изложенное, наиболее приемлемым сценарием развития стран Балтийско-Черноморской оси будет прагматический подход, который привязан к геополитической специфике региона и будет направлен на трансграничное сотрудничество по вопросам безопасности, торговли, экономического развития, как со странами Западной Европы, так и с Россией, при этом выйдя из-под влияния США, как прямого, так и опосредованного членством в НАТО и военной помощью.

[1] Там же, с. 154-158.

[2] Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. М.: МЛСУ, МАИБ, ИНЭС, 2008.

Миломир Степич

РАСШИРЕНИЕ НАТО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБИИ

Геополитическая (теоретико-концептуальная) основа создания НАТО

Когда улеглась западная триумфалистская эйфория из-за победы в Холодной войне, окончания биполярного разделения, превзойдения «равновесия страха», самоупразднения Варшавского договора, распада СССР и очевидной тенденции ослабления России, возник кажущийся логичным вопрос: в чем причина дальнейшего существования НАТО когда противника больше нет? Но НАТО стремительно превзошел «кризис идентичности», подыскав себе конкретное дело, бойко и предвзято занявшись насильственной дезинтеграцией Югославии, по-военному артикулируя содержание и темпы балканской «геополитической транзиции»[1]. Последующее интервенционистское участие на Ближнем и Среднем Востоке, наряду с фазовой фронтальной экспансией на восток и юго-восток Европы, показали наличие двух основных функций НАТО: сохранения американского униполярного господства в мире и продолжения окружения, «сдерживания» и ослабления России.

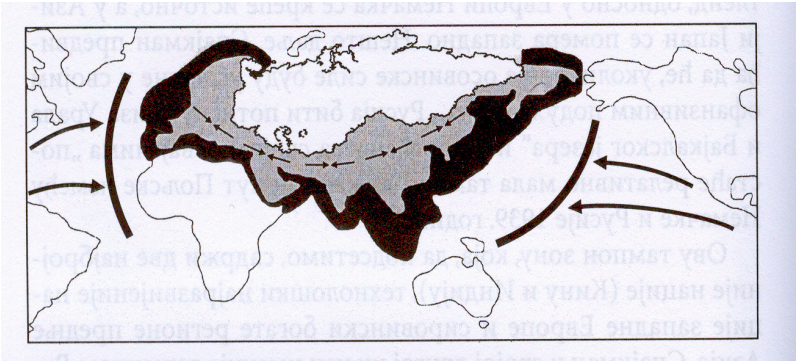
[1] Так как СФР Югославия не дезинтегрировалась в один миг, договорным распадом с одновременным провозглашением независимости ее республик, термином геополитическая транзиция определены период и процессы последовательной деструкции югославского государства, создание новых государств и государствоподобных образований внутри ее бывших границ, пересмотр регионального, европейского и глобального положения данного пространства, и смены влияния великих держав на Балканах в контексте постбиполярной перемены всемирного равновесия. См. Миломир Степић: Српско питање — геополитическо питање, Јантар-група, Београд, 2004. С. 197.

Одновременно пропагандистски моделировался мнимый новый имидж НАТО, в первую очередь направленный на психологическую подготовку будущих вассалов, с последующим последовательным охватом их «империей». С применением инструментов так называемого мягкого могущества, восприятие следовало перенаправить в первой фазе на антитеррористическое и превентивно-силовое, а потом и экономическое, политическое, гуманитарное, социальное и прочие измерения «нового НАТО», вплоть до альтруистического. Но эта «ретушированная картина» не смогла скрыть суть, о которой следует напомнить — НАТО как был так и остается военным союзом, характерными особенностями которого являются экспансионизм и интервенционизм; НАТО создали и ею поныне неприкосновенно повелевают США согласно собственным интересам; НАТО возникла в 1949 г. не как реакция на сопернический Варшавский договор, возникший позднее (в 1955 г.); НАТО создано на морском могуществе (Sea Power) и его геополитическая идентичность является талассократической, а его действие с самого начала было направлено против СССР как державы, базирующейся на сухопутном могуществе (Land Power) и теллурократической геополитической идентичности; НАТО существенно не сменил цели после Холодной войны и они по сей день, вопреки риторическому туману, направлены против России; самым конкретным доказательством антирусской геополитической и геостратегической ориентации НАТО является ее территориальное приближение к границам России.

В научном, теоретико-геополитическом смысле, в основе НАТО лежит концепция Rimland-а Н. Спайкмена (Nicholas John Spykman, 1893-1943 гг.), обоснованная в книге География мира, опубликованной в 1944 г.[1] Подход Спайкмена берет начало в концепции морского могущества Мэхэна (конец XX в), то есть из разработки и существенной коррекции нескольких вариантов модели Heartland-а Макиндера (1904, 1919, 1943 гг.). Термин Rimland[2] касается прибрежного пояса Евразии и Спайкмен именно ему, не Heartland'у, отводит ведущую роль

[1] *Nicholas Spykman,* The Geography of the Peace, Harcourt, Brace & Co., New York, 1944. Концепция Rimland'а разработана раньше, а эту книгу коллеги Спайкемена редактировали и опубликовали после его смерти.

[2] Геополитическое понятие Rimland можно перевести как Дуговая земля, Береговая зона... В отличие от географического понятия береговая зона, охватывающего более узкий прибережный пояс, Rimland простиряется намного глубже во внутренность Евразийского материка, охватывая и отдельные сугубо континентальные области (Hinterland).



Карта 1: Rimland Спайкмена как Евразийская зона конфликтов и налаживание американского контроля
Источник: N. Spykman, The Geography of the Peace. (p. 52)

в достижении мирового господства. Не отрицая того, что столетиями из Центральной Азии, то есть из Осевого ареала (Pivot Area) Макиндера или Heartland'a, исходили большие военные нашествия и миграции, он отмечает, что в новейшей мировой истории направление переменилось, и что вторжения уже некоторое время направлены в противоположную сторону — от евразийской прибрежной полосы вовнутрь. Поэтому положение Rimland'a является контактным, переходным и посредническим между Heartland'ом и окружающими Евразию морями, при этом часто выполняя и роль буферной зоны между противоборствующими сухопутными державами Heartland'a с одной стороны, и морскиими державами с другой (карта 1).

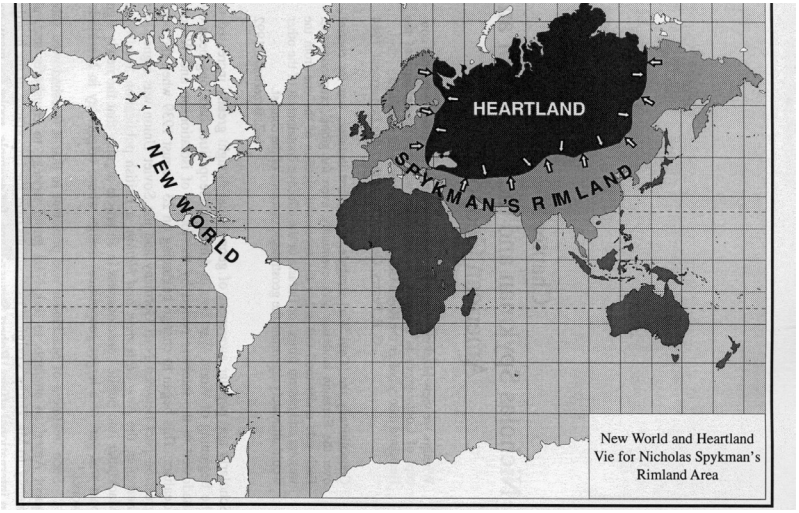
Ключевую глобальную геополитическую и геостратегическую роль Rimland'a Спайкмен сублимировал в силлогизм: КТО КОНТРОЛИРУЕТ RIMLAND, ГОСПОДСТВУЕТ НАД ЕВРАЗИЕЙ: КТО ГОСПОДСТВУЕТ НАД ЕВРАЗИЕЙ, КОНТРОЛИРУЕТ СУДЬБЫ МИРА[1]. Следовательно, осуществленние американских амбиций мирового господства напрямую зависело от способности поставить под контроль прибрежную полосу Евразии и континентальные

[1] По сути, это — контрсиллогизм по отношеию к силлогизму Макиндера: Кто контролирует Восточную Европу, тот господствует над Хартлендом, кто господствует над Хартлендом, тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой остров, тот господствует над миром. См. Halford John Mackinder, Democratic Ideals and Reality, National Defense University Press, Washington, DC, 1942. /электронное издание/; подлинное издание: Henry Holt &Co., New York, 1919. P. 106.

державы (в первую очередь СССР, но также Китай и Германию...) держать в окружении разъединенными и слабыми. Самое большое значение в Rimland'е имели дальневосточный и западноевропейский фасады, потому что из этих двух зон исходила самая большая опасность угрозы континентальнымы державами морской «формуле» американского глобального господства: СССР и Германия — прорывом на Атлантический, а Китай и СССР — прорывом на Тихий океан. Уже к концу Второй мировой войны США, операциями в Нормандии (1944 г.) и Японии (1945 г.), добились далеко идущих геополитических достижений — трансатлантический и транспацифический «брустверы», впоследствии переросшие в американские «плацдармы» на восточном и западном «фасадах» Евразии.

Сразу же после окончания Второй мировой войны стало очевидно, что Rimland становится ареной противостояния двух великих держав — США и СССР. В послевоенной «первой пятилетке» (1945 — 1950 гг.) последовала практическая «ударная работа» в глобальном и трансконтинентальном (евразийском) плане, что вылилось в многие региональные политико-экономические противостояния и жестокие военные расправы. Операционализацию концепции Спайкмена США обосновывали на инструкциях Дж. Кеннана (1904-2005 гг.) — сначала данных в длинной телеграмме, а потом уточненных и осуществляемых посредством стратегии сдерживания[1]. Поэтому Спайкмена считают теоретическим, а Кеннана практическим «отцом Холодной войны». За этот короткий период несколько событий ясно указали, что на Западе Европы создается американский «плацдарм» и отрабатывается долгосрочный раздел на две противоборствующие сферы интересов. В своих двух речах Уинстон Черчилль актуализировал понятие железного занавеса и антиципировал проамериканское сплочение западноевропейских стран, а потом последовали доктрина Трумэна, план Маршалла, институционализация интеграции западноевропейских стран, политические, экономические и военные противостояния в Греции,

[1] Длинную телеграмму (The Long Telegram) Кеннан отправил в Вашингтон из Москвы 22 февраля 1946 года, обосновав в ней историческиеске причины возможных послевоенных (ре)акций СССР. Американская стратегия сдерживания (The Strategy of Containment) вытекает из статьи Кеннана Истоки советского поведения (подлинное название: The Sources of Soviet Conduct), опубликованной у июльском номере ежеквартального журнала Foreign Affairs 1947 года под псевдонимом «X», в котором он свои «телеграммные наблюдения» уточнил.



Карта 2: Противостояние Heartland-а и Rimland-а в ходе Холодной войны
Источник: M. Polelle, Raising Cartographic Consciousness: The Social and Foreign Policy Vision of Geopolitics in the Twentieth Century. (p. 118)

Турции, Берлине, Чехословакии, Югославии... Американское участие на западе Европы, опустошенной войной и заторможенной индуцированным страхом от «советской опасности», увенчано созданием НАТО в 1949 г. Американские «евразийские клещи» были сформированы. Их западноевропейская часть легче сжималась и проникла глубже, чем дальневосточная, где уже на самом побережье Тихого океана находились два «крепких орешка» — СССР и Китай. Пульсирующее противостояние Heartland'а и Rimland'а началось на их восточной и западной стороне, но в течение Холодной войны охватило всю контактную зону. (карта 2)

Структура Rimland'а была непростой. Внутри этой периферийной евразийской зоны можно различить три типа стран на базе их геополитической ориентации: 1) государства ориентированные к Heartland'у; 2) страны ориентированные к морским державам; 3) условно нейтральные страны1. Но для американских интересов было еще важнее установить матрицу, по которой Rimland будет функционировать и выполнять свою антисоветскую (и антикитайскую)

[1] *Радован Павић*, Основе опће и регионалне политичке географије, геополитике и геостратегије, I дио, Факултет политичких наука Свеучилишта у Загребу, Загреб, 1973. С. 353.

миссию. Два установленных «плацдарма» были необходимы, но из-за своей хрупкости, стратегических недостатаков и географической ограниченности — недостаточны. Поэтому в ходе Холодной войны Rimland последовательно укреплялся и пространственно дополнялся на базе «формулы»: два «трамплина» + многочисленные пакты + неприсоединившиеся страны.

Западноевропейский «трамплин» в отличие от дальневосточного США удалось прочно интегрировать и профилировать в экономическом, политическом и военном отношениях. Воплощением американского трансатлантического «плацдарма» и «трамплина» на западе Европы в военно-силовом смисле стал НАТО (1949 г.), а в экономико-политическом — Европейское объединение угля и стали (1951 г.), впоследствии преобразованное в Европейское экономическое сообщество, и в 1992 г. в Европейский союз.

Военные пакты и многие двусторонние и многосторонние союзы, заключаемые США с государствами вдоль периметра Евразии, имели задачу непосредственно оформлять геополитическую и геостратегическую роль Rimland'а как цепи для окружения и «сдерживания» Советского Союза (и Китая), то есть, помешать им взять первенство в Евразии и выйти в океаны. Наряду с НАТО на западе Евразии, важнейшими пактами являлись: CENTO (Central Treaty Organization) в Юго-западной Азии, СЕАТО (Southeast Asia Treaty Organization) в Юго-восточной Азии и ANZUS (Australia, New Zealand, United States Security Treaty) в зоне Тихого океана.

Неприсоединившиеся страны были нейтральными, наладив лишь кажущуюся равноудаленность от двух великих держав. Их действительная функция была двоякой и однозначно проамериканской: восполнить пробелы в «мозаике» Rimland'а, оставшиеся после создания НАТО и «пактомании» после 1950-х гг.[1]; чтобы путем включения стран, последовательно освобождавшихся от колониальной власти, предотвратить их логичную просоветскую ориентацию, что обессмыслило бы функцию Rimland'а[2].

[1] Большинство учредителей (в т.ч. Югославия) и ключевых государств Движения неприсоединения имели важное геополитическое положение и связующую роль в Rimland'е.

[2] С 1960-х гг. началась стремительная деколонизация африканских государств (1960 г. — «Год Африки»). Если бы они, по принципу контртолчка маятника, массово заняли просоветскую ориентацию, Rimland бы оказался между первичным, евразийским Heartland-ом и вторичным, африканским Heartland'ом (африканский Heartland также введен Макиндером в его капитальном труде Демократические идеалы и действительность, опубликованном в 1919 году). В этом контексте, включая тогдашний Берлинский и Кубинский кризис, Rimland бы оказался «между молотом и наковальней», то есть его роль окружения Советского Союза была бы сорваной. Нельзя считать случайным тот факт, что именно Джордж Кеннан, создатель стратегии сдерживания и один из самых элитарных американских дипломатов того времени, в июне 1961 года стал послом в Белграде, а в сентябре того же года, также в Белграде, состоялась первая конференция неприсоединившихся стран!

Расширение НАТО во время и после Холодной войны: югославский и сербский опыт

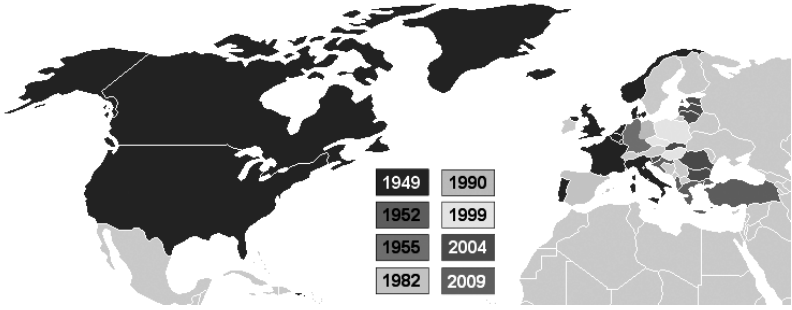
Бывший Санитарный кордон, созданный после Первой мировой войны по рекомендации и идее предшественника Спайкмена — Макиндера, составлявший пояс буферных государств между Балтикой и Средиземноморьем, после Второй мировой войны оказался внутри советской сферы интересов. Вместо Санитарного кордона через центр Европы прошел «барьер» с аналогичной функцией — Железный занавес. Уже в 1948 г. налажена его четкая «трасса», разделившая европейские страны в два противопоставленных блока. Всемирно важные последствия имело «историческое НЕТ» Тито Сталину, что передвинуло «вторую» Югославию с восточной на западную сторону Железного занавеса. Югославский конфликт с Информбюро стереотипно воспринимают обычно в идеолого-политических, экономических и военных рамках, но геополитические и геостратегические импликации при этом не учитываются. Именно эти характеристики в балканских, европейских и глобальных рамках были важнее всего. С 1945 по 1948 гг. «вторая» Югославия входила в советскую сферу интересов и теллурократический восточный блок, простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря, т.е. до его важного Адиатического «залива», глубоко вклинившегося на север к центральной Европе. Трасса возникающего Железного занавеса тогда проходила по середине Адриатического бассейна. После 1948 г. «вторая» Югославия перешла на сторону талассократического Запада, долгосрочно загородив восточному блоку стратегический доступ к Адриатике и Средиземному морю. Железный занавес таким образом с Адриатики переведен в срединные части балканской суши, что в евразийских масштабах не представляло значительный пространственный сдвиг, но имело исключительное всемирное качественное геополитическое значение. Западноевропейская часть американских евразийских «клещей» в балканском секторе уже тогда четко проявляла экспансионистские и интегративные свойства. (карта 3) Уже с начала 1949 г. Югославия за сыгранную и будущую геополитичекую роль, начала получать обильную политическую, экономическую и военную помощь Запада. Наподобие буферной и заградительной роли «первой», монархической Югославии, геополитическая функция «второй», социалистической Югославии тоже была антисоветской (антирусской). Вопреки традиционной теллурократической

геополитической идентичности сербских стран как убедительно самой обширной составной части Югославии, государства как Александра так и Тито были включены в мировой талассократический ареал.

Возникновение американского «плацдарма» в Европе формализовано созданием НАТО 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. В тот момент в Северноатлантический альянс вошло 12 стран — две северноамериканские (США и Канада) и 10 европейских (Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Норвегия, Франция, Италия, Великобритания, Ирландия, Исландия). После того, как с применением доктрины Трумэна и плана Маршалла было сорвано вовлечение Греции и Турции в советскую сферу интересов, их интеграция в трансатлантический ареал была решена быстрым приемом в НАТО в 1952 г. Это стало первым расширением данного военного союза, благодаря чему американская сфера интересов достигла восточного Средиземноморья, поставив под контроль Босфор и Дарданеллы, и проникнув в Черноморской бассейн — вплоть до границ СССР. Прерванная было территориальная связь между греко-турецким «якорем НАТО» и Италией быстро восстановлена в 1953/54 гг. заключением Балканского пакта между Югославией (с тех пор лишь формально не входившей в НАТО), Грецией и Турцией. Расширением на Западную Германию в 1955 г. и постфранковскую Испанию в 1982 г. закончена фаза трансгрессии НАТО в период Холодной войны. Таким образом в Европе налажены совсем четкие территориальные контуры и функции НАТО — атлантический «фасад» полностью контролировался от норвежского Северного мыса до Гибралтара; посредством Западной Германии обеспечено участие в центре Европы и установлен «бруствер» против Восточной Германии, Польши и Чехословакии, входивших в состав Варшавского пакта;

Карта 3: Глобальное геополитическое значение прехода Югославии с восточной на западную сторону Железного занавеса

Норвегия на Скандинавском и Турция на Малоазийском полуострове представляли «верхнюю и нижнюю челюсти» агрессивного талассократического Левиафана, угрожающе разинутых на обороняющегося теллурократического евразийского Бегемота — СССР. (карта 4)



Карта 4: Две фазы экспансии НАТО — во время Холодной войны и после нее
Источник: www.wikipedia.org/NATO_countries.png

Вскоре после встречи Буша и Горбачова на Мальте и падения Берлинской стены в 1989 г. последовало «невидимое» расширение НАТО (и Европейского союза) в 1990 г. путем объединения Германии. Таким образом был прорван Железный занавес и началось транслирование рубежа евроатлантических интеграций к востоку. Вопреки риторическим заявлениям и наивным ожиданиям на европейском востоке, НАТО не последовало судьбе своего соперника периода Холодной войны — Варшавского пакта и не самоупразднилось. Наоборот, как и любой победитель в истории, свою победу начал конкретизировать традиционным и очевидным способом — расширяясь на территорию побежденного. В трех циклах экспансии НАТО достигло очень важных геополитических и геостратегических позиций — во всех трех случаях реагируя на состояние и действия России:

Для расширения в 1999 г. воспользовалась бессилием России, дотигнувшей дна финансового, экономического и политического кризиса в 1998 г. НАТО «окопалась» в центральной Европе, завладев ключевыми геостратегическими областями и направлениями в Польше, Чехии и Венгрии, находившихся во время Холодной войны в составе и под контролем Варшавского пакта («Коридором войн», «Чешской крепостью» и «Паннонской линией»). НАТО отметила 50-летие своего существования агрессией против СР Югославии, в результате чего Косово и Метохия насильственно отделены от Сербии.

Расширение в 2004 г. (55-летие) охватило семь государств и стало самым массовым после создания НАТО. Оно последовало как срочная реакция Североатлантического альянса на появление путинизма, т.е. на успехи в возрождении России и ее возвращение на мировую сцену как великой державы. Интегрированием Словакии поставлена под контроль центральная Европа, пополнен разрыв между Польшей на севере и Венгрией на юге, а посредством включения Словении осуществлено участие на балканской стороне Адриатики, на южной стороне Альп и на территории бывшей Югославии, в насильственной дезинтеграции которой НАТО непосредственно участвовала. Сигнал однозначной антирусской угрозы НАТО направил приемом Литвы, Латвии и Эстонии на севере (Балтийский бассейн), Румынии и Болгарии на юге (Черноморский бассейн).

Расширение в 2009 г. (60-летие) охватило двух надежных союзников НАТО в ее антисербском участии в процессе дезинтеграции Югославии и ребалканизации Балкан — Хорватию и Албанию. Оно последовало через год после нелегального провозглашения косовской независимости, которую вскоре признало значительное большинство стран-членов НАТО, как реакция на поддержку Россией Сербии и решительный отказ признания Россией и большинством стран мира.

Расширение Rimland'а Спайкмена путем оттеснения и сдавливания Heartland'а Макиндера и проведение стратегии сдерживания Кеннана очевидно продолжалось вопреки тому, что давно закончилась идеологическая опасность от «Красной заразы». Это доказывает, что мнимая коммунистическая угроза никогда не была настоящей причиной создания НАТО и ее агрессивности (вопреки заявлениям об оборонительности и ограничении зоны действия только на страны-члены). Цель НАТО как военной персонификации талассократического Запада не изменилась — это была, есть и будет Россия как олицетворение теллурократического евразийского центра (Heartland'а).

НАТО в функции постмодернистского «сдерживания» сербского фактора

«Спайкменизм» в американской геополитике и геостратегии оставил глубокие следы и многочисленных последователей, разработавших на базе его идей не только постмодернистские теоретические подходы, но и концептуальные положения, на основании которых в

период униполярной транзиции мирового порядка осуществлялось стремление США наладить и сохранить глобальное господство. Ничего существенно не изменил и влиятельный З. Бжезинский в своем популярном, конъюнктурном, но не очень оригинальном программно-стратегическом труде Великая шахматная доска 1997 г. Эта книга, переводы которой массово тиражировались, служила не только как «инструкция» для действий американской «Империи», но и как «пугало», которое должно заранее фаталистически затормозить любую попытку сопротивления «Варваров». Механизм иерархизированной системы и функционирования США в контексте «геостратегических игроков», «геополитических стержней» и прочих мировых факторов, в особенности картографическая проекция «шахматных полей», представляли незначительно модифицированый подход Спайкмена и Кеннана: пан-регион Срединного пространства включал Россию (Heartland), а ее окружала, оттесняла и «сдерживала» цепь из трех «больших пространств» — Западного, Срединного и Восточного (по сути, тройного Rimland'a)[1]. Вся модель проецировалась на макро-, мезо- и даже микро-региональном уровне, и именно в этом плане имела конкретные последствия.

Самыми чувствительными являются зоны прикосновения «больших пространств», конфликтность которых вызывается «геополитическим трением» различных интересов. Именно на Балканах имеется контакт двух из трех глобально важных пространств (Западного и Южного), роль которых состоит в том, чтобы как можно более сплоченно сохранять в окружении большое евразийское пространство. Через ту же самую зону лабильного и ранимого «звена цепи» также проходит потенциально самая подходящая трасса, вдоль которой Срединное пространство (Россия) может прорвать кольцо, выйти в Средиземноморье, освободиться от конкурентного окружения и долгосрочно в этом секторе осуществлять «демонтирование» американского «трансатлантического плацдарма» в Европе. Это означает, что важность Балкан и в период постмодерна не ослабла. Практическое доказательство тому представляют уже два десятилетия длившиеся политические, экономические и военные стремления НАТО в интересах США препятствовать

[1] О всеобъемлемости, течении и проблемах процесса выздоровления России после прихода к власти Владимира Владимировича Путина см.: Винко Ђурић, Путинизам: историја — теорија — пракса, Институт за политичке студије, Београд, 2008.

сербскому фактору (с Запада апострофированному как главный актор «отрицательного балканского сценария»), который в глобальном плане мог бы вызвать «эффект домино» и поставить под угрозу функционирование униполярного порядка Pax Americana. Ключевую точку представляет косово-метохийская часть Сербии, но сербские земли в целом имеют большую геополитическую важность, одновременно выполняя и роль связи (в интересах американского

Карта 5: Балканская проекция глобального противостояния американского талассократического евроатлантизма и русского теллурократического евразийства
Источник: М. Степић, Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитических концепција. (стр. 269)

талассократического евроатлантизма) и разрыва (в интересах русского теллурократического евразийства)[1]. (карта 5)

Хотя «вторая» Югославия была прозападно ориентированой и почти четыре десятилетия неформально функционировала как

[1] *Збигњев Бжежински*, Велика шаховска табла, ЦИД, Подгорица; Романов, Бања Лука, 2001.

«примкнувший член НАТО», США и западноевропейские страны, собранные в ЕС, решающим образом влияли на начало, ход и финал ее насильственного исчезновения, а также озвучили создание новой пост-югославской политико-географической карты Балкан[1]. Но данному пространству нельзя было оставаться в «геополитическом вакууме». Наряду с (само)дистанцированием ослабленной России, последовало ультимативное, наступательное и антисербски пристрастное политическое и экономическое проникновение ведущих и заинтересованных стран ЕС (лживо представлявшихся объективными «посредниками», «предоставляющими добрые услуги»), а вскорости также и антисербское вмешательство — начиная с пропагандистской, разведывательной и логистической поддержки, через косвенную (мнимые миротворческие соединения УНПРОФОР, СФОР, ИФОР, КФОР) вплоть до прямой вооруженной интервенции (операции против Республики Сербской Краины и Республики Сербской в 1994 и 1995 гг. и против Сербии в 1999 г.)[2]. Целью являлось восстановление разрыва НАТО между Италией на северо-западе (северная Адриатика, Триестский залив) и Грецией на юго-востоке (Салоникский залив). Таким образом с 1991 по 1999 гг. последовательно, в двух фазах, была создана Балканская геополитическая дуга — сначала северо-западный (А), а потом юго-восточный (Б) ее фрагменты[3]. «Позвоночник» дуги составляла система баз, полигонов, аэропортов и прочих объектов, как местных НАТО-союзников (хорватских, мусульманских, албанских военных формирований), так и настоящих НАТО-соединений (карта 6). De facto балканская геополитическая дуга имела функцию увязки Западного и Восточного

[1] Подробнее см.: Миломир Степић, «Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитических концепција», Срби на Косову и у Метохији, Зборник радова са научног скупа одржаног у Косовској Митровици 27-29. маја 2005. године; Научни скупови, Књига 112; Одељење друштвених наука, Књига 26; Српска академија наука и уметности, Београд, 2006.

[2] Характерное обоснование американского интервенционистского всеприсутствия, по стереотипности не уступающего прежним имперальным традициям, представил Генри Киссинджер именно на примере Балкан: «Соединенные Штаты на Балканах по сути выполняют ту же функцию, что и Австрийская и Отоманская империи в конце 19-го века, сохраняя мир созданием протекторатов между противоборствующими этническими группами.» См.: Хенри Кисинџер, Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века, БМГ, Београд, 2003. С. 13.

[3] О Балканской геополитической дуге подробнее см.: Миломир Степић, Српско питање — геополитическо питање, Јантар-група, Београд, 2004. Сс. 210-219.

пространств, концепция которой изложена в Великой шахматной доске З. Бжежинского, а осуществление последовало употреблением «новой НАТО».

Прибрежные «фасады»

I Адриатический
II Черноморский
III Эгейский
Паннонский «веер»

Карта 6: Балканская геополитическая дуга
Источник: М. Степић, Српско питање — геополитическо питање. (стр. 218)

Балканская геополитическая дуга

А — северо-западная
1. Истрия и Кварнер
2. Цазинская Краина
3. Гламочский полигон
4. Бутмирский аэропорт
5. «Panhandle» (выступ) Горажде

Б — юго-восточная
1. Фессалоники
2. Криволак
3. Скопски-Петровац
4. Аэропорт Слатина
5. Пештерское плоскогорье

Почему же геополитический смысл балканских действий НАТО и ЕС являлся (и поныне остается) антисербским? Первая причина проистекает из непрерывного исторического геополитического «магнетизма» Балкан, и во времена постмодерна продолжающих привлекать великие державы. Внутри балканского «субконтинента» интегральные сербские земли по своей величине, природным ресурсам, демографическим свойствам, культурной идентичности и, в особенности, по геополитическому положению — являются важнейшим фактором. Вторая причина проистекает из западного восприятия сербов как «балканских русских», «маленьких русских», «русского форпоста на Балканах»... Подобная позиция лишь частично проистекает из эт-

но-национальной, религиозной и культурно-цивилизационной родственности сербов и русских, сходства исторических наследий, государствообразующих циклов и идеолого-политического опыта. Суть в геополитической аналогии:

а) и русское, и сербское пространства унаследовали теллурократическую (сухопутную) геополитическую идентичность;

б) тем, чем русский фактор является в мировом и евразийском планах, сербский фактор является на Балканах.

Наподобие геополитического Heartland-Rimland дихотомного функционирования в евразийском масштабе, существует аналогичная, региональная, балканская Heartland-Rimland (суб)система. Также как Россию можно отождествить с евразийским Heartland'ом, так и сербские земли можно отождествить с балканским Heartland'ом. Также, и евразийский и балканский Rimland имеют одинаковую функцию: один — окружить, подавить и ослабить Россию, а второй — «сдержать» Сербию[1]. Если Россия представляет глобальный «дестабилизирующий фактор» для талассократических интересов Запада, тогда то же самое представляет Сербия на Балканах. В соответствии с этим, с 1990-х создана стереотипная «формула»:

- сербы = русские = противники Запада
- сербские соперники = русские соперники = союзники Запада
- поражение сербов = поражение русских = победа Запада

Почти двадцатилетнее применение подобного подхода вызвало огромные масштабы десербофикации, территориального сдавливания и фрагментации сербского пространства на Балканах. НАТО, т.е. США и ЕС прежнюю титовскую формулу «Слабая Сербия — сильная Югославия», несколько видоизменили и продолжили применять на практике в неформальном виде «Маленькая Сербия — стабильные Балканы»[2]. Из этого последовало: уничтожение Республики Сербской Краины; уменьшение, ослабление, разоружение, лишение власти и постоянные угрозы упразднения Республики Сербской; отделение

[1] Подробный анализ и картографическое изображение геополитического положения и роли сербских земель в балканской Heartland-Rimland (суб)системе см.: Миломир Степић, У вртлогу балканизације, ЈП Службени лист СРЈ и Институт за геополитичке студије, Београд, 2001. Сс. 102-108.

[2] Как в первом так и во втором выражении понятие Сербия охватывает сербский фактор целиком, т.е. всю совокупность сербских земель на Балканах.

Черногории от Сербии и лишение Сербии выхода к морю; ампутация Косова и Метохии от Сербии; антагонизирование БЮР Македонии (оформлена на территории южной части историко-географической Старой Сербии) с Сербией под угрозой разделения. Очевидны и действия, направленные на дальнейшую фрагментацию Сербии (прешево-буяновацкая область на юго-востоке Сербии, Воеводина, Рашкая область)1. НАТО обеспечила укрепление и экспансию сербских соседей, включая даже навязанным этногенетическим и государствообразовательным процессом полностью или частично возникших из сербской этнической группы, узурпировав обширные части сербской историко-государственной территории. Таким образом из старых и новых сербских соседей вставлен балканский Rimland, послуживший для проведения балканской стратегии сдерживания сербского фактора. Не обошлось и без установки «противовеса» сербскому фактору: инструментализованное соперничающее окружение, награждение их активной пронатовской позиции отнятыми сербскими территориями, политическое, экономическое, транспортное и иное поощрение в ущерб сербам, создание и признание государствоподобного образования Republika e Kosovës насильственной ампутацией от Сербии, превращение косово-метохийского пространства в Fort Kosovo для стационирования и более широких действий НАТО, а потом размещения военной базы Бондстил под Урошевацем как символа контроля. Специфичным видом «сдерживания» является интенсивное пропагандистское форсирование сербского (само)унижения в целях изменения традиционной геополитической идентичности и подготовки к якобы неминуемому вхождению в НАТО. Все эти антисербские удары косвенно являются и антирусскими.

Действительность и перспективы НАТО в европейском и сербском фокусах

Нередко высказываются мнения, что НАТО из бывшей защитницы Европы от «русской (советской, коммунистичекой) опасности» превратилась в анахронного оккупанта Европы. Подобная позиция исходит из предположения о том, что Холодная война закончена, что

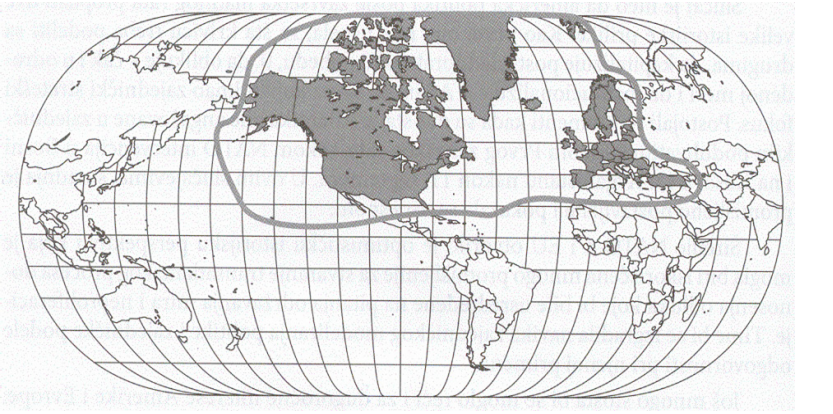
[1] *Миломир Степић*, «Могућности симбиозе српских и руских геополитических интереса на Балкану», Национални интерес, год. V, vol. 5, бр. 1-2/2009., Институт за политичке студије, Београд, 2009. Сс. 67-68.

биполярного раздела Европы больше нет, что современная Россия является не угрожающей, милитаризованной, интервенционистской и имперской великой державой, а пространственым, многолюдным, богатым природными ресурсами и экономически желательным партнером Европы. Стратегическое мышление европейцев все очевиднее ориентируется к эмпирически обоснованным выводам, что европейское будущее решающим образом зависит не от инерции унаследованного трансатлантического союзничества с США, а от российских энергоносителей. Более того, НАТО, как персонификация евро-американской «связи», все больше воспринимается как тормозящая Европу обуза в гонке за позиции на новой экономико-политической карте мира, обременяющая улучшение отношений с державами, уже релятивизирующими униполярную неприкосновенность США, т.е. закладывающими фундамент нового мирового мультиполярного порядка (Китай, Индия, Россия, Бразилия...).

С другой стороны, американское восприятие прежней, нынешней и будущей Европы ясно: «Европа — важнейший американский геополитический плацдарм на евразийском континенте»1. De facto США в глобальном плане считают Европу манипулятивным геополитическим объектом. Под американской контролем она и впредь будет инструментализованной как «трамплин» для прорыва в Россию. Американское практическое применение посылок из концепций Мэхэна, Макиндера и Спайкмена, а также их противодействие применению идей Ратцеля, Челлена, Хаусхофера, Савицкого и прочих классиков геополитической мысли, оказалось действенным в осуществлении Pax Americana. Зачем бы США от них по сути отказываться, пусть даже невозможно сохранить глобальное имперское господство, а только глобальное предводительство?[2] В этом контексте, позиция ЕС как экономико-политического выражения трансатлантизма, по-сути, исскуственно отделяется от его военно-силового альтер эго — НАТО. Отношения между НАТО и ЕС неявно утверждены: «Это две взаимодополняющиеся организации», т.е. мало сказать, что «НАТО — это аппаратура, а ЕС — программное обеспечение»; эти

[1] *З. Бжежински* — Велика шаховска табла. С. 57.

[2] Генри Киссинджер похоже озаглавил первую главу своей книги («Америка на вершине: царство или предводительство?»). См.: Х. Кисинџер, Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века. Сс. 11-27.



Карта 7: Европа как американский плацдарм на западе Евразии или «Центральное положение Атлантического союза в мировых масштабах» (заштрихованные государства внутри обведенного контуром ареала являются членами НАТО и/или ЕС)
Источник: Збигњев Бжежински, Друга шанса Америке — три председника и криза америчке суперсиле. (стр. 108)

две организации являются «левой и правой ногами» трансатлантической безопасности[1]. (карта 7)

Россия стремится не только по-новому воспринимать Европу, но и это новое восприятие превратить в действительность. Европа для России является не только в физико-географическом смысле частью евразийской суши, но должна стать тем же и в экономическом и геополитическом смыслах. Но так как Европа под покровительством НАТО и после завершения Холодной войны сохранила и территориально расширила роль наступательной американской «передовой позиции», она все еще, зачастую вопреки своей воле и интересам, является политико-силовой угрозой для России. Поэтому Россия стремится «перехватить» Европу у США в нескольких циклах, избегая при этом военного столкновения с более сильным соперником и его (по своей воле или нет) вассалами. Эта рискованная и филигранная геополитическая и геоэкономическая «игра» ведется на глазах современного мира. Российское предложение Европе заманчиво — будущий статус само-

[1] Дисскусия «Саммит НАТО 2009 — новые члены, старые члены», прошла в апреле 2009 года в посольстве Чехии в Белграде. См. статью «НАТО и ЕУ су комплементарни», Политика, 25 апреля 2009 года.

стоятельного полюса могущества в качестве «Великого европейского пространства» в мультиполярной мировой системе. Не исключено, что это является лишь промежуточной стадией в переориентации Европы с навязанной неестественной интеграцией трансокеанического типа (евроатлантической) на географически более логичную, а в будущем и экономически более утилитарную — трансконтинентальную (евразийскую)[1]. Эпилогом может стать создание заинтересованными сторонами Евроссии как геоэкономической-геополитической-геостратегической интеграции[2].

Отказавшись от методов противостояния (военного, политического, экономического, пропагандистского), какой иной аппарат имеет Россия в распоряжении для «освобождения» Европы? Что же в будущем Европе станет заманчивее и необходимее чем НАТО в качестве отжившей американской защиты? Возможно, это очертания альтернативной «архитектуры» безопасности, интенсивно озвучиваемые Россией? Или пока еще речь идет о чем-то более жизненном? От чего такого Европа будет жизненно зависеть, чтобы ориентироваться на (не)добровольное дистанцирование от США и приближение к России? Что за российский козырь, от которого Европа даже при желании не может отказаться, без того, чтобы поставить под вопрос не только свою позицию глобально важного фактора, но и традицию беспечной жизни своих жителей? Ответ однозначен: это энергоносители, газ и нефть! Итак, российским геополитическим инструментарием являются газопроводы и нефтепроводы. Это вовсе не конспиративный, криптогеополитический сценарий. Более того, российские трубопроводы не направлены эксклюзивно только к Европе, но и к более надежным, платежеспособным и перспективным дальневосточным рынкам — Китаю и Японии. Но энергозависимая Европа не имеет географически более близкого, стабильного и, по имеющимся количествам, более богатого поставщика, трубопроводы которого уже стали интегральной частью европейского газового и нефтяного «кровообращения».

[1] О способе и фазах российского «перехвата» Европы/ЕС у США см.: М. Степић, «Могућности симбиозе српских и руских геополитических интереса на Балкану.» Сс. 63-64/

[2] Идея и несколько картографических вариантов мультиполярного разделения мира в несколько «блоков», включая и Евроссию, концепированы в 1994, а опубликованы в 1997 году. См.: Миломир Степић, «Будућа блоковска структура света», Економика, Вол. 33 (1997), бр. 1-2, Економика, Београд, јануар-фебруар 1997. Сс. 37-41.

Не нужно было обладать большой прозорливостью, чтобы США не только распознали «европейскую игру» России, неоднократно предостерегая, что Россия геополитически (зло)употребляет энергозависимостью Европы, но и предприняли конкретные меры по пресечению потенциальной европейско-российской «оси», базирующейся на трубопроводах как «минимальном общем знаменателе» интересов. В уже известной геополитической манере они установили заградительную зону от Балтийского до Черноморского бассейнов, наподобие прежнего Санитарного кордона. Польша и Украина[1] являлись главными опорами США, значительное место имели прибалтийские республики Литва, Латвия и Эстония, а в буферную «занавеску» последовательно включались и другие страны центральной и юго-восточной Европы. Дональд Рамсфельд, министр обороны США (2001-2006 гг. при президенте Джордже В. Буше), назвал эту новую постбиполярную буферную зону Новой Европой, подчеркнув, что она имеет более выраженную проамериканскую роль, чем государства, уже включенные во время Холодной войны в трансатлантический альянс (НАТО). Но вынужденным российским ответом на данное провоцирование конфликта стало проектирование подводных маршрутов трубопроводов: «Северного потока» в обход прибалтийских республик и Польши, и «Южного потока» в обход Украины. Эти две газопроводные магистрали должны с севера и юга взять в «энергетическое объятие» две экономически и политически могущественные страны, Германию и Италию, т.е. подавляющую часть центральной, восточной и юго-восточной Европы.

В энергетических геополитических играх США/НАТО/ЕС, с одной стороны, и России, с другой, важным является транзитное, а в некоторой степени и узловое положение Сербии. Разветвлясь в Болгарии, одна ветка ориентировочного маршрута «Южного

[1] Украина с «Оранжевой революции» 2004 года вплоть до президентских выборов в начале 2010 года имела выраженную антироссийскую (гео)политическую ориентацию.

потока»[1] пойдет к Греции и югу Италии, а вторая через Сербию (ветка к Республике Сербской) к Венгрии и Австрии. Американская реакция и попытка сорвать прорыв российских интересов на Балканы путем трубопроводной сети и собственного «сербского форпоста», выражалась следующим образом:

Спроектирован конкурирующий трубопровод «Набукко»[2]. Одна его исходная ветка из Азербайджана (через Грузию!) и вторая из северного Ирана (?!) соединяются под Эрзерумом в Турции, после чего трубопровод должен пойти дальше к западу Турции, перейти Дарданеллы и потом через Болгарию, Румынию и Венгрию дойти до Австрии, откуда разветвления пойдут к Чехии и Германии, с возможными опциями к Словении и северной Италии. Показательно, что данный маршрут в обход Сербии связывает американских союзников на южной (Турция), восточной (Грузия) и западной (Болгария, Румыния) сторонах Черноморского бассейна. Данная альтернатива также имеет несколько неразрешимых проблем, в т.ч. числе главную — недостаточное количество газа и острое противостояние США и Ирана.

Слишком быстро и вне очереди[3] в евроатлантическую группировку государств вошли Румыния и Болгария (в НАТО в 2004 г. и в ЕС в 2007 г.), вопреки тому, что тогда и даже теперь далеки от заданных стандартов. На то имелись преимущественно геополитические

[1] Наряду с газопроводом, большое значение придается и планируемому трансбалканскому нефтепроводу Констанца — Панчево — Триест, который также должен пройти через Сербию. Учитывая, что маршруты как газопровода так и нефтепровода пройдут через северную часть Сербии, Воеводину, где пересекаются и где будет большое хранилище Банатски-двор, Воеводина может оказаться геополитически инструментализированной как очередное антироссийское препятствие. Значительно увеличенные, некоторые даже государствоподобные полномочия, содержащиеся в новом Уставе Автономного края Воеводина, принятом в конце 2009 г., могут вызвать и такие последствия.

[2] Соответственно, конкурирующим нефтепроводом был бы БТЧ (Баку — Тбилиси — Джейхан).

[3] Приемом Румынии и Болгарии НАТО «перешла Рубикон». На балканском секторе трансатлантического «плацдарма» США, НАТО и ЕС перешли через горы Старапланина, Джердап и Карпаты, выйдя к Черному морю. Эта «капля переполнила чашу терпения» России. «Это было поворотным моментом для геополитически озвученной российской реакции», ведь любое промедление стало бы катастрофой для ее жизненно важных интересов. См.: Миломир Степић, «Србија у евроазијској и неоевроазијској концепцији — упоредна геополитическа анализа», Русија и Балкан — питање сарадње и безбедности, Институт за политичке студије, Београд, 2008. С. 44.

причины[1]. В соответствии с возобновленным страхом США перед «повторным империализмом России»[2], этим двум странам отводилась роль предупредительного заграждения от возможного трансбалканского (intermarium) прорыва оправившейся России из Черноморского к Адратическому и Эгейскому бассейнам, с опорой на Сербию в румыно-болгарском тылу. Тест на преданность Западу Румыния и Болгария прошли еще в 1999 г., примкнув к антисербской стороне в агрессии НАТО против СР Югославии[3].

[1] Многие релевантные западные источники подтверждают геополитические мотивы ускоренного включения Румынии и Болгарии в евроатлантические интеграции. Например, согласно анализа Stratfor: «На процесс расширения ЕС влияет геополитика. Присоединение Румынии и Болгарии в 2007 г. в основном мотивировалось желанием ЕС пресечь любое российское влияние на беспокойных западных Балканах.» (См.www.stratfor.com/memberships/149009/analysis/20091117_eu_rapidly_expanding_balkans)

[2] *Х. Кисинџер*, Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века. С. 81.

[3] Возможные сомнения относительно включения Румынии и Болгарии США и Европой в антироссийские и антисербские геополитические действия развеял и Гюнтер Ферхойген, бывший вице-президент Еврокомиссии и комиссар ЕС по вопросам расширения. В интервью газете Данас под показательным заглавием «Турции не войти в ЕС пока не признает Кипр, то же касается и Сербии» (имеется в виду признание независимости Косова), на вопрос-констатацию журналиста о том, что румыны и болгары вошли в ЕС благодаря Косову, он ответил: «Иные сейчас говорят, что начало переговоров и последующий прием Болгарии и Румынии в ЕС было ошибкой, но они забывают, что мы имели четкую геополитическую причину для начала переговоров с этими двумя странами: война в Косове! Нельзя забывать, что стабильность в этой части Европы тогда была заботой номер один в ЕС. Румыния и Болгария весной 1999 г. сыграли существенную роль для стабильности региона.» Журналист далее спросил касается ли это факта что Румыния и Болгария не позволили российским военным самолетам перелететь через их воздушное пространство, чтобы присоединиться к российским соединениям в аэропорту Слатина в Приштине (сразу же после окончания агрессии НАТО против Сербии, российские миротворцы внезапным марш-броском из Боснии и Герцеговины прибыли в аэропорт Слатина, что разгневало командование НАТО, и только благодаря сдержанности британского генерала Джонсона не произошла прямая стычка российских и НАТО соединений; прим. М.С.). Г. Ферхойген ответил однозначно: «Именно. Они тогда стопроцентно выполнили свою часть работы, все то, что мы ожидали. Поэтому я боюсь даже предположить, что случилось бы на Западных Балканах, не имей Румыния и Болгария четкую перспективу членства в ЕС». (См. www.nspm.rs/prenosimo/turska-ne-moze-u-eu-dok-ne-prizna-kipar-isto-vazi-za-srbiju.html; источник: Данас, четверг, 11 февраля 2010 года).

Вместо вывода:

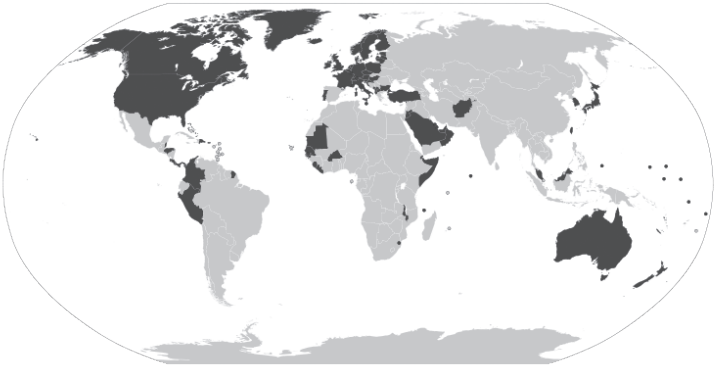
Косово и Метохия как парадигма намерений НАТО в отношении Сербии

У сербов отрицательный опыт отношений с США, НАТО и ЕС в течение всего югославского кризиса, продолжавшегося с 1990-х гг. и все еще не оконченного. Пожалуй, нет ни одного не только просербского, но и объективного политического, экономического и военного действия, как со стороны самой могущественной страны мира и пакта под ее командованием, так и европейской интеграции, на формирование функционирование и расширение которой США решающим образом не влияют. Они поощряли, судили, всесторонне контролировали, военным путем навязали и политико-географически оформили деструкцию СФР Югославия, причем противоположно сербским интересам. За счет историко-этнических областей сербских земель удовлетворены требования не только конституентов «первого» югославского государства (преимущественно хорватского), но и «инстантнаций»[1], возникших в результате титовского декрет-этноинжиниринга после Второй мировой войны (македонской, черногорской, мусульманской), и даже национальных меньшинств (албанского), причем преследовалась цель как можно больше ослабить сербский фактор и долгосрочно его «сдерживать». Более того, в этом США и НАТО и напрямую участвовали военным путем — как закамуфлированно, в составе (псевдо)миротворческих соединений, предоставляя политические, дипломатические, экономические, разведывательные, консультационные и логистические услуги сербским военным соперникам, так и открыто, бомбардируя Республику Сербскую Краину в 1994 г. и помагая хорватским вооруженным силам занять ее в ходе операции «Буря» в августе 1995 г., потом несколько раз бомбардируя Республику Сербскую, помогая хорватско-мусульманским формированиям в августе 1995 г. завоевать обширные ее части, и заставив ее пойти на уступки в Дейтоне, а потом совершив агрессию против Сербии в 1999 г. и овладев ее косовско-метохийской частью.

Именно Косово и Метохия представляют парадигму не только отношений евроатлантических структур к Сербии, но также Сербии (и

[1] Термин академика Милорада Екмечича, историка, члена Сербской академии наук и искусств.

сербов) к евроатлантическим интеграциям. США, НАТО как военный союз, ЕС как политико-экономический блок и подавляющее число их членов, в отдельности и/или скоординированно, в значительной степени посодействовали созданию, после участия в ампутации Косова и Метохии из состава Сербии, благоприятного дипломатического окружения для нелегального провозглашения так называемой косовской независимости 17 февраля 2008 г. Потом сами они предводительствовали в признании «независимости», также оказывая давление на большое число стран мира, чтобы они сделали то же самое. Вопреки этому, за три года (по состоянию на 13 января 2011 г.) косовскую «независимость» признали 74 государства. Большинство этих государств можно классифицировать на несколько групп:



Карта 8: Государства, признавшие нелегальную косовскую независимость (до 13 января 2011 года)
Источник: www.wikipedia.org/NATO_countries

- ведущие, влиятельные, экономически и военно могущественные государства НАТО и ЕС (с несколькими исключениями), под предводительством США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Италии...;
- их традиционные геополитические последователи и бывшие колониальные владения (Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, незначительное число африканских и южноамериканских государств...);
- несколько исламских стран, связанных с косово-метохийскими албанцами /пан/исламской солидарностью (Афганистан, марио-

неточные проамериканские власти которого первыми в мире заявили о признании, потом Саудовская Аравия как глобальный защитник, Турция как балканский спонсор...);

- группа маленьких островных государств в Тихом океане под влиянием США или бывших европейских колониальных метрополий. (карта 8)

Таким образом, антисербская роль НАТО является решающей не только в акте косовского отделения, провозглашенного руководством албанского национального меньшинства, но и в процессе достижения как можно более массового признания в качестве совершившегося факта накануне вердикта Международного суда ООН в Гааге о легальности самопровозглашенной «независимости» по международному праву.

Путем насильственного военного захвата, а потом и спонсорирования «независимости», НАТО лишает сербов и Сербию косовского центра национальной и государствообразующей идентичности. В нем расположены не только средневековые ориентиры сербской православно-христианской духовности, но и живые центры подлинного культурно-цивилизационного бытования. Монастыри и храмы, древние укрепленные города, столицы, памятники, поля сражений, письменные документы и устное наследие, топонимы, гидронимы и этнонимы — все это свидетельствует о сербской автохтонности и непрерывности существования в Косово и Метохии как центральной территории сербского государства. И все это сепаратистское движение косово-метохийских албанцев под покровительством НАТО систематически разрушает, сжигает, уничтожает, переименовывает и искореняет, стремясь сфальсифицировать подлинную этноисторическую и геополитическую идентичность данного пространства. Вопреки этому, именно сербов упрекают в том, что они являются «анахронно неприспособленными», «иррациональными пленниками истории» и «заложниками косовского мифа», и что им следует «уважать реальность» косовской независимости и повернуться к будущему и «стать прагматичными» в современном рациональном и материалистическом мире. Мнимая сербская чрезмерная эмоциональная привязанность к Косову и Метохии и закрытость в традиционные сакрально-географические, геокультурные и геополитические матрицы не корреспондируют с постмодернистским дискурсом всемогущей геоэкономии.

Следовательно, из евроатлантических институтов и стран сербам «благожелательно» подсказывают, что Косово и Метохия не имеют экономическую ценность, являясь лишь обузой, которой следует поскорее освободиться. Этими 12,3% территории Сербии[1] необходимо пожертвовать ради обещанного процветания Сербии, ожидающего ее только если войдет в состав НАТО и ЕС. Но и по этим прагматичным, экономическим соображениям Косово и Метохия жизненно важны для Сербии. Центральное положение на Балканах имеет преимущественно геополитическое измерение, но из этого проистекают производственные, транспортные, торговые и прочие ценности. Котловины Метохия и Косово имеют очень плодородную землю и благоприятный климат — ключевые предпосылки для развития земледелия и производства продовольствия, считающегося в современном мире стратегическим продуктом. Богатство качественной водой огромно — а она также все больше приобретает статус стратегического ресурса. Вода и продовольствие в геополитическом смысле считаются «нефтью и газом XXI столетия», ценность и дефицит которых в будущем вызо-

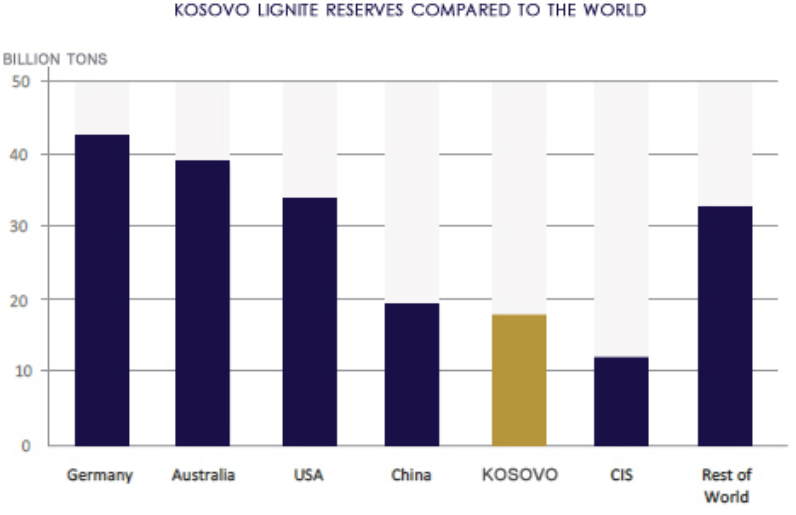


Диаграмма 1: Запасы бурого угля в Косове и Метохии в сравнении с крупнейшими мировыми запасами
Источник: www.wikipedia.org/Kosovo-lignite.jpg

[1] В медийном, политическом, и даже научном обращении чаще всего ошибочно указывается, что территория Косова и Метохии составляет 15% территории Сербии.

вут не только большинство конфликтов, но и значительные миграции населения. Залежи неметаллов и цветных металлов в Косове и Метохии (в особености свинцово-цинковой руды) значительны даже в европейских масштабах. Запасы бурого угля, необходимого для получения электроэнергии и достижения «энергетической безопасности» Сербии (и Балкан в целом) — входят в ряд крупнейших в мире! (диаграмма 1) Без косово-метохийских природных ресурсов экономические перспективы Сербии очень уменьшены. А данных природных основ развития Сербия лишена именно благодаря НАТО, что является доказательством продолжения постмодернистской, неокеннановской стратегии сдерживания Сербии.

Вопреки весьма отрицательному опыту отношений с экспансивным талассократическим Западом в течение прошедших двух десятилетий, включение в евроатлантические интеграции является главной провозглашенной внешнеполитической, экономической, геополитической и геостратегической ориентацией большинства сербского политического класса. Присоединение к ЕС всеобъемлюще раскручивается как «безальтернативный путь», «решение всех проблем», «путь к тому, чтобы стать нормальной страной», «включение в цивилизованное, демократическое и процветающее общество», «опция, пользующаяся поддержкой большинства граждан» (хотя не проверена референдумом — прим. М.С)... Любая иная опция заранее провозглашается «заблуждением», «авантюризмом», «безумием», «безответственностью», «анахронным традиционализмом», «националистическим аутизмом», а население систематически индоктринируется и запугивается «экономической катастрофой», «изоляцией», «дальнейшим окруженим, фрагментированием и сдавливанием Сербии» если государство не пойдет по пути интеграции в ЕС. Одновременно, пока Сербия «ползком приближается к НАТО» и трансформирует свою армию в соответствии с НАТО-стандартами, для раскрутки ее вхождения в этот военный союз выжидается более подходящий timing только по двум причинам: из-за весьма отрицательной настроенности народа к НАТО из-за агресии в 1999 г. и «ампутации» Косово и Метохии, а также из-за обязывающей декларации Парламента Республики Сербии о военной нейтральности страны. Обеспокоенная и недоверчивая сербская общественность все громче требует своевременно объявить референдум о вступлении страны в НАТО (показательно то, что все еще не настаивают на референдуме о вступлении в ЕС!?). Но

общественность одновременно анестезируют риторикой, что «НАТО все еще не на повестке дня», «в НАТО нас пока никто не зовет»... Прежде чем с подобной (псевдо)аргументацией, уже применяемой для подготовки к включению в ЕС, не начнут устранять два указанных «препятствия» для вступления в НАТО, в оборот запущена самообманывающая официальная политическая «формула» Сербии — ЕС: да, НАТО: нет. Если ЕС и НАТО являются двумя взаимодополняющимися организациями, если из 27 членов ЕС только 6 не вошли в НАТО, если из 26 европейских членов НАТО только 5 не вошли в ЕС, если одновременно в ЕС и в НАТО находятся самые мощные европейские государства (Германия, Великобритания, Франция, Италия...), если и ЕС, и НАТО имели по сути одинаковое антисербское отношение при деструкции СФРЮ, если и ЕС, и НАТО в отношении Сербии и Республики Сербской по сей день ведут политику ультиматума и шантажа, если из 12 стран в двух последних расширениях ЕС 10 сначала вошло в НАТО (все бывшие социалистические страны), если и ЕС, и НАТО выступают за лишение Республики Сербской власти, т.е. за унитаризацию Боснии и Герцеговины, если лишь 5 из 27 стран ЕС, и лишь 4 из 26 европейских стран НАТО не признали косовскую независимость (а самые мощные признали), если и ЕС, и НАТО систематически нажимают, чтобы как можно больше стран мира признало косовскую независимость, если и ЕС (политико-экономическим), и НАТО (военно-силовым образом) во взаимной координации заняты созданием, консолидацией, государственным конституированием и международным оформлением «независимости» самозванного, НАТОидного образования Republika e Kosovës, если ЕС (посредством ЕУЛЕКС) и НАТО (посредством КФОР) стремятся осуществить насильственную интеграцию оставшихся сербских областей Косова и Метохии в нелегальную политико-силовую систему сепаратистских властей албанского национального меньшинства, если..., то неминуемо задаться ключевым вопросом: возможно ли вхождение Сербии в ЕС, но без вступления в НАТО? Следовательно, в случае референдума о вступлении Сербии в НАТО, разве не логично и необходимо провести референдум и о вступлении Сербии в ЕС?

Александра Шаповалова

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА

Формирование геополитического пространства Восточной Европы (ввиду недостатка внутренней целостности и сохраняющейся политической аморфности нет оснований называть его регионом) как относительно обособленного фрагмента на политической карте Европы произошло сравнительно недавно и являлось логическим следствием постсоциалистической реструктуризации восточной части европейского континента. Вступление ряда стран Центральной Европы в евроатлантические структуры и постепенная кристаллизация автономной региональной динамики в Центральной Азии привели к тому, что постсоветские государства европейского континента, выпавшие на начальном этапе из общих направляющих тенденций развития европейской системы, заняли примерно сходное промежуточное место в её структуре и к тому же стали рассматриваться внешними игроками в единой связке. Это способствовало становлению отдельных форматов политики в отношении данных стран, что не слишком усилило внутреннюю консолидацию этого пространства, но придало ему некоторые внешние признаки целостности или по крайней мере общности их геополитического положения.

В этом плане программа Восточного партнёрства Европейского Союза сыграла ключевую роль. Не имея изначально существенного практического наполнения и чёткой политической направленности, она самим фактом своего образования обозначила обособленность шести постсоветских стран и выделила их в отдельное самостоятельное направление политики ЕС. В сущности, в этом и заключался

заложенный её инициаторами политический смысл — размежевать форматы отношений ЕС с Россией и с остальными постсоветскими странами, предложив последним более углублённые механизмы сотрудничества, наделённые, в отличие от механизмов отношений Россия-ЕС, некоторыми, пусть и ограниченными интеграционными элементами.

Россия таким образом не только утрачивает роль первостепенного «ментального центра» и главного генератора политических импульсов в Восточной Европе, но, что самое важное, превращается из неотъемлемого компонента внутренней организации этого пространства в, условно говоря, «рядового» внешнего игрока наравне со США или Евросоюзом. Поэтому экстернализация России является для политического оформления Восточной Европы не менее весомой составляющей, нежели наделение её некоторыми внешними (и во многом искусственными) признаками целостности.

Несмотря на это, оценка того, какую роль играет пространство Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента, до сих пор остаётся неоднозначной. Одни обозреватели склонны видеть в нём исключительно площадку для конкуренции между ведущими центрами силы в Европе, другие указывают на возможности маневрирования, которыми обладают элиты восточноевропейских государств в ходе данной конкуренции. Однако, главными в этом контексте представляются два вопроса: во-первых, насколько взаимосвязи, которые формируются в этом пространстве как между внешними игроками, так и между его непосредственными участниками, зависят от континентальной конфигурации, и во-вторых, насколько эти взаимосвязи устойчивы и какое структурное значение они имеют для формирования континентальной конфигурации.

Для выяснения этих вопросов рассмотрим процесс эволюции данного пространства за минувшие два десятилетия и конкретные его результаты на текущем этапе.

Нужно признать, что долгое время перипетии в нынешней Восточной Европы не находились на переднем плане европейской политики. В первое десятилетие после распада СССР это пространство оставалось довольно замкнутым и до некоторой степени периферийным полем европейской системы. Внешние импульсы его структуризации были минимальными и сводились преимущественно к недопущению перетекания за его пределы доминирующих в нём центробежных

тенденций к дестабилизации и фрагментации. Почти ничем не сдерживаемые, эти тенденции в полном объёме проявили себя в 90-е гг., приведя не только к нарастанию турбулентности и нестабильности в этом пространстве, но и к аккумуляции в нём значительного конфликтного потенциала.

Нарастание конфликтного потенциала в Восточной Европе происходило на трёх структурных уровнях этого пространства: во-первых, на уровне отношений России с новыми независимыми государствами, во-вторых, на уровне отношений между этими государствами и, в-третьих, внутри этих государств между центральной властью и сепаратистскими образованиями. Хотя первый из указанных уровней, несомненно, генерировал главные структурные импульсы дальнейшей эволюции данного пространства, наличие существенных очагов конфликтности на двух других уровнях привело к дисперсии ресурсов, власти и влияния, не позволяющей придать его структуре даже формальных признаков интегральности.

Как следствие, ни одна из сформировавшихся конфликтный линий не стала фундаментом для построения новой системы взаимосвязей в Восточной Европе. Но совокупный эффект напряжённости по всем существующим конфликтным линиям вылился в невозможность построения подобной системы и на основе кооперативных проектов. Любая, даже секторальная инициатива, направленная на консолидацию восточноевропейских государств, от кого бы она ни исходила, и на каком бы принципе ни базировалась, непременно сталкивалась с проявлениями этой имманентной конфликтности.

Ситуация усугублялась ещё и тем, что практически никто из основных игроков данного пространства не задавался целью преодолеть нарастающие конфликты, стремясь скорее использовать их для получения дополнительных политических дивидендов, нежели нейтрализовать их как потенциальную угрозу безопасности для всей Восточной Европы. Проще говоря, конфликты стали рассматриваться как инструменты политического влияния. Причём эффективных механизмов сдерживания и ограничения конфликтного потенциала выработано не было — унаследованная с советских времён экономическая взаимозависимость не воспринималась в качестве абсолютной ценности, поддержание которой оправдывало возможные политические уступки, а предложить новый целостный проект, способный оказать цементирующее воздействие на страны

данного пространства, никому не удалось. Неудивительно, что в таких условиях лидеры как восточноевропейских государств, так и России не отступали перед перспективой эскалации конфликтов и открыто демонстрировали готовность к конфронтационным сценариям в отношениях друг с другом. Если добавить к этому тактику использования местными элитами конфликтов одного уровня для демпфирования конфликтов на других уровнях, то можно получить достаточно точную картину политического ландшафта Восточной Европы на рубеже тысячелетий и причин углубления его политических разломов.

Ключевым звеном в этой цепочке фрагментации и конфликтности, бесспорно, являлись перипетии российско-украинских отношений. Украина играет для Восточной Европы примерно ту же роль, что играет Казахстан для Центральной Азии — наиболее крупного, относительно самодостаточного государства, имеющего тесные взаимосвязи со всеми участниками данного пространства и способного самостоятельно задавать вектор политических процессов в своём региональном окружении, хотя и не определять его напрямую. Правильно выстроенная стратегия отношений с Украиной могла бы не только дать России существенные рычаги влияния в Восточной Европе, но и обеспечить условия для стабилизации данного пространства без вовлечения внешних сил. Однако, по ряду причин, как объективного, так и субъективного характера, этого не произошло.

Отношения между Россией и Украиной увязли в узких двусторонних противоречиях экономической и энергетической, а со временем и гуманитарной направленности, из-за которых стороны часто жертвовали стратегической ценностью партнёрства ради сомнительных тактических интересов. Удовлетворить эти интересы при довольно конфликтном общем контексте диалога не удавалось, что побуждало как Киев, так и Москву «играть на понижение» значимости двусторонних отношений. Правда, пытаясь нивелировать значимость отношений ради ограничения взаимного влияния, элиты обеих стран тем самым ограничивали и собственные возможности для усиления роли в Восточной Европе, не говоря уже о консервации политической «раздробленности» этого пространства. Но как украинские, так и российские лидеры не были склонны рассматривать двусторонние отношения в более широком контексте как компонент их соответствующих европейских стратегий, усматривая в этих отношениях в лучшем случае

производную от западного вектора своей дипломатии, а в худшем отвлечённое второстепенное измерение внешней политики, никак не связанное с более приоритетными задачи на европейском направлении.

Следствием концептуального тупика в российско-украинских отношениях стала постепенная переориентация обеих сторон на решение своих проблем в ближайшем окружении за счёт привлечения внешних сил. Переломным этапом в этом смысле представляется период 2001-2003 гг., когда благодаря сближению России и Запада на фоне борьбы с терроризмом у Москвы появилось существенное «окно возможностей» в ближнем зарубежье. Но грамотно воспользоваться им у Кремля не получилось — выдвижение новой интеграционной инициативы создания Единого экономического пространства четырёх государств сопровождалось нерациональным витком напряжённости вокруг острова Тузла, в контексте которого достичь конструктивных результатов было вряд ли возможно. Эти события показали, что даже при отсутствии активного вмешательства внешних сил, России и Украине не удаётся создать устойчивые механизмы партнёрства, способные не только перевести в русло двусторонние отношения, но и стать структурной основой системы в Восточной Европе.

«Оранжевая революция» стала кульминационным моментом в развитии данных тенденций. Кризис передачи власти на Украине стал также и кризисом действующих стратегий основных игроков в отношении Восточной Европы. В первую очередь, стратегии России, которая в конечном итоге оказалась отстранена от процесса поиска компромиссных путей выхода из украинского кризиса. Но и для других игроков этот кризис стал сигналом о необходимости пересмотра существующих подходов. Так, для Европейского Союза, долгое время предпочитавшего оставаться в стороне от восточноевропейских пертурбаций, более активное вовлечение в дела этого пространства стало не просто необходимым, но и неизбежным итогом его роли посредника в урегулировании кризиса на Украине. Правда, в случае Соединённых Штатов качественных сдвигов в политике по отношению к Восточной Европе не произошло. Наоборот после «оранжевой революции» наблюдался некоторый концептуальный вакуум стратегии США, когда желаемый результат вроде бы достигнут, поэтому насущной потребности в дальнейших изменениях нет, а главная задача заключается в поддержании сложившегося баланса.

Но самым значимым последствием «оранжевой революции» для Восточной Европы стало не столько возрастающее вовлечение внешних сил, — США и ЕС — сколько изменение отношения к такому вовлечению со стороны главных «действующих лиц» данного пространства — России и Украины. Новое украинское руководство расценивало его как главный и единственный способ решения проблем в отношениях с Россией. А Москва, в свою очередь, усматривала в нём главную и единственную причину неудачи собственной политики на этом направлении и, что самое важное, считала, что достижение желаемого результата и укрепление собственных позиций в данном пространстве возможно только на уровне взаимодействия с Западом. Российские политические деятели и эксперты часто высказывали мысль о том, что, по их мнению, вопросы, касающиеся Украины, Грузии, Молдовы лучше обсуждать в Брюсселе или других западных столицах, нежели в Киеве, Тбилиси или Кишинёве.

Именно эти три обстоятельства — рост активности США и ЕС, готовность стран Восточной Европы использовать противоречия в отношениях России с Западом для усиления своих позиций в отношениях с Россией и настроенность самой России на решение наиболее проблемных вопросов в данном пространстве на уровне взаимодействия с Западом — и привели к тому, что Восточная Европа превратилась в один из компонентов баланса между ведущими центрами силы на европейском континенте. Инкорпорация аккумулированных в этом пространстве конфликтов и противоречий в общий контекст сложного комплекса взаимосвязей между США, Евросоюзом и Россией стала продуктом целенаправленных усилий всех его участников и означала существенное повышение структурного значения этого пространства в геополитической конфигурации европейского континента, но не как самостоятельной силы, способной влиять на ход политических процессов, а как ещё одного поля столкновения интересов ведущих центров силы. Проще говоря, Восточная Европа стала ещё одной крупной ставкой в «большой игре», но, как ни парадоксально, это не привело к качественным изменениям характера процессов в самой Восточной Европе.

Во многом это объясняется особенностями развития в последующие годы ситуации на базовом структурном уровне европейской системы, который сводится преимущественно к взаимодействию ведущих центров силы, и в рамках этого пространства непосредственно.

Во-первых, превращение Восточной Европы в поле конкуренции ведущих центров силы происходило в условиях сохранения и до некоторой степени углубления геополитически промежуточного положения этого пространства. Причём это положение обусловлено не только и не столько отсутствием институционально закреплённой принадлежности его стран к тому или иному центру силы, сколько отсутствием чётко определённых и согласованных «правил игры», то есть нормативных параметров и «пределов дозволенного» в поведении всех акторов в данном пространстве. Вне единой целостной «системы координат» каждое действие одного актора рассматривается сквозь призму общего баланса и вызывает реакцию со стороны других акторов сообразно с их субъективными ожиданиями, а не понятными для всех нормами поведения.

Во-вторых, конкуренция за влияние в данном пространстве велась не открыто и напрямую, а имплицитно и в опосредствованных формах. Проблемные вопросы, относящиеся к этому полю, не были предметом систематических переговоров в рамках действующих институциональных или двусторонних форматов взаимодействия. Более того, не наблюдалось даже попыток выработать системный компромисс по этим вопросам. То, что происходило вокруг Восточной Европы в 2005-2008 гг., представляло собой скорее цепочку взаимного асимметричного реагирования европейских центров силы на односторонние действия друг друга, генерирующую своеобразную «спираль напряжённости», которая, тем не менее, не находила открытого признания в политической риторике сторон.

В-третьих, эта конкуренция носила неравномерный и избирательный характер. Она касалась ряда наиболее болезненных аспектов ситуации в Восточной Европе, а именно военно-политического и энергетического. Внимание было сконцентрировано на усилении стратегического присутствия США в этом пространстве, тогда как усиление присутствия ЕС не вызывало особых беспокойств. Вместе с тем, именно в данный период в тени российско-американской конфронтации были заложены предпосылки конкуренции между Россией и ЕС в Восточной Европе, которая хоть и отличается меньшей интенсивностью и резонансом, но, как выяснилось, имеет более весомое структурное значение для политической организации данного пространства.

Нужно признать, что эта конкуренция возникла не в результате целенаправленной стратегии сторон, а скорее явилась побочным продуктом реализации их разнонаправленной политики в условиях недостатка координации между ними. Становление упомянутых в начале статьи форматов политики ЕС в отношении восточных соседей — Европейской политики соседства и Восточного партнёрства — долгое время не рассматривалось Россией как угроза её стратегическим интересам, поскольку они не содержали перспективы членства восточноевропейских стран в Евросоюзе, но в виде этих форматов ЕС демонстрировал готовность взять на себя те функции, которые до этого выполняла только Россия, а именно структурирование и централизация данного пространства с помощью вовлечения его участников в ограниченные интеграционные инициативы. И если Россия использовала для реализации подобных инициатив экономические и энергетические инструменты, то ЕС опирался на традиционную для него стратегию нормативной конвергенции, в основе которой лежали стимулы, ориентированные на цивилизационную принадлежность и европейскую идентичность стран-партнёров.

И в-четвёртых, конкурентная политика ведущих центров силы в отношении Восточной Европы не затрагивала глубинных источников конфликтности и флуктуативности данного пространства. Скорее, противоречия на уровне США-Россия и частично ЕС-Россия «наложились» на сформированный в нём комплекс конфликтов разных уровней, но существенно его не изменили, поэтому не привели к желаемой стабилизации.

При этом в структуре общего политического баланса в Европе противоречия вокруг восточноевропейских проблем заняли скорее подчинённое, нежели определяющее место. Они весьма своеобразно вписались в существующий контекст, превратившись в его неотъемлемый компонент, но вместе с тем не стали его движущей силой. Это было вполне предсказуемо, поскольку противоречия России с Западом носят намного более системный характер, нежели конъюнктурная конкуренция в Восточной Европе, и касаются более глубинных, в чём-то даже экзистенциальных для обеих сторон вещей, которые мало зависят от их позиций в восточноевропейской конфигурации.

Но нельзя игнорировать тот факт, что вследствие перипетий указанного периода нахождение компромиссной формулы взаимодействия ведущих центров силы в Восточной Европе стало обязатель-

ным условием для формирования кооперативных основ системы отношений на континенте, в том числе построения новой архитектуры безопасности в Европе. Без преодоления сложившихся в этом пространстве очагов конфликтности выработать приемлемый modus operandi для всех акторов континентальной системы не представляется возможным.

Ход развития конкуренции между Россией, США и ЕС в Восточной Европе продемонстрировал неоптимальность конфронтационной логики и ошибочность ожиданий всех её участников. Государствам данного пространства так и не удалось воспользоваться нарастанием противоречий между ведущими центрами силы и переложить на них решение своих политических и экономических проблем. В результате эти государства были вынуждены самостоятельно противостоять последствиям глобального финансового кризиса. Россия сумела предотвратить наиболее негативные для неё военно-политическое сценарии в данном пространстве, но не смогла ни достичь приемлемого компромисса со США и ЕС, ни предотвратить дальнейшего дистанцирования восточноевропейских государств. Для Запада тактика ограниченного вовлечения также оказалась контрпродуктивной, поскольку ни эффективной стабилизации, ни демократизации Восточной Европы осуществить не получилось.

Конечным итогом активной фазы этой конкуренции стал стратегический тупик. На определённом этапе «спираль напряжённости» дошла до такого витка, который для большинства игроков данного пространства считался неприемлемым, то есть до открытого вооружённого конфликта. Ответом на это был переход к политике «перезагрузки», в рамках которой напряжение вокруг восточноевропейских проблем несколько ослабло. Но подобное ослабление являлось следствием скорее негласной линии на «самосдерживание» основных игроков, нежели качественных изменений принципов их взаимодействия в этом пространстве. Достигнутые в предыдущие годы позиции основных игроков сохранялись, а вместе с ними сохранялся и довольно высокий уровень конфликтогенности, хоть и приглушённый общим настроем на конструктивное сотрудничество.

К тому же, устранив «верхний слой» этой конкуренции на уровне российско-американской стратегической конфронтации, «перезагрузка» вынесла на поверхность два других уровня структурной организации восточноевропейского пространства, не менее значимых

для его стабилизации — во-первых, уровень интеграционной конкуренции между Россией и ЕС, а во-вторых, уровень взаимодействия России со странами данного пространства.

Структурирующее значение, которое приобрела политика Евросоюза для Восточной Европы за эти годы, нельзя сбрасывать со счетов, каким бы ограниченным оно ни казалось. Несмотря на всю критику, которой сопровождалось становление новых форматов политики ЕС в данном пространстве, Брюсселю так или иначе удалось сделать то, что не вышло у Москвы, — сформировать единые политические рамки, объединяющие все шесть стран Восточной Европы, несмотря на разрозненность их целей и подходов в отношениях с ЕС.

Другой вопрос, насколько эти рамки эффективны для выполнения поставленных задач по стабилизации и нормативной конвергенции восточных соседей. И в этом аспекте политика ЕС существенно пробуксовывает ввиду, во-первых, её собственной структурной специфики, а во-вторых, особенностей её реализации. Евросоюз предлагает восточным партнёрам набор стимулов — общих функциональных инструментов сотрудничества или механизмов участия в интеграционных процессах, требующих соответствующей адаптации регуляторных и управленческих стандартов этих стран. С одной стороны, эти стимулы никак формально не соотносятся с политической ситуацией в данном пространстве и продвигаются как деполитизированные формы сближения, не учитывающие текущих геополитических последствий их воплощения, в первую очередь последствий в отношениях с Россией. Но с другой, самим фактом своего внедрения они означают сдвиг геополитического баланса, который не могут игнорировать ни российские правящие элиты, ни руководства соседних стран. Брюссель, в свою очередь, не предпринимает необходимых шагов для нейтрализации негативных эффектов от подобного геополитического сдвига: он не проявляет ни готовности взять на себя вытекающие из него риски и потери соседних стран, ни стремления дополнить оформление собственного присутствия в данном пространстве усилением механизмов координации с Россией. Как следствие, восточноевропейским странам приходится самостоятельно искать решения этих дилемм, для чего у них объективно не хватает ни влияния, ни ресурсов.

Политика России в этом контексте приобретает особое качество главной переменной, которая определяет степень устойчивости гео-

политического баланса в Восточной Европе. В условиях «перезагрузки» российское руководство предприняло ряд попыток ограничить конфликтный потенциал этого пространства в отношениях с западными партнёрами. С одной стороны, была выдвинута масштабная инициатива, направленная на выработку единых «правил игры» в сфере европейской безопасности при сохранении сложившегося статус-кво (Договор о европейской безопасности). С другой, предпринимаются усилия для создания механизмов координации политики России и Евросоюза в Восточной Европе (комитет Эштон — Лавров). И с третьей, происходит процесс реконструкции отношений с восточноевропейскими странами, толчок к которому дала смена власти на Украине.

Сложно сказать на нынешнем этапе, к чему приведут эти попытки. Но можно с уверенностью утверждать, что качественные изменения ситуации возможны только в случае одновременного прогресса на обоих уровнях баланса в Восточной Европе — на уровне взаимодействия России с другими центрами силы и на уровне её отношений со странами данного пространства. В противном случае результаты будут частичными, неустойчивыми и неокончательными.

Нужно отметить, что применяя тактику одностороннего давления в отношении восточноевропейских стран, Россия попадает в ту же ловушку, что и в период 2001-2003 гг. и сводит свой диалог с этими странами к набору взаимных претензий и противоречий. Это несомненно является тупиковым путём развития отношений, который не только не позволяет достичь качественных изменений в геополитическом балансе в данном пространстве, но и серьёзно ослабляет позиции России, которая, в отличие от ЕС, не имеет в своём распоряжении механизмов политического структурирования или кооперативных проектов, ради продвижения которых местные элиты стран Восточной Европы готовы пойти на существенные политические уступки.

Подводя итог представленного анализа, следует подчеркнуть, что, оставаясь наиболее аморфным, наименее регулируемым и наиболее небезопасным пространством на континенте, Восточная Европа, тем не менее, выполняет и конструктивную функцию, стимулируя ведущие центры силы к поиску оптимальных вариантов организации этого пространства и оптимальных принципов взаимодействия в этом пространстве. Его стратегическая ценность для поддержания безопасности и стабильности как в западной части континента, так и в восточной, настолько высока, что допустить перехода к открытой

конфронтации они не могут. Правда, факторов, которые бы делали дальнейшее сохранение нынешнего неустойчивого и конфликтогенного состояния этого пространства непереносимым, и побуждали бы его участников к радикальным изменениям сложившегося положения вещей, тоже не наблюдается.

Восточная Европа представляет собой сложный комплекс разноуровневых конфликтов и противоречий, который не вписывается ни в один навязанный извне проект — ни в американский проект продвижения демократии, ни в проект нормативной конвергенции Евросоюза, ни в российский проект постсоветской реинтеграции России. Нахождение приемлемого баланса в этом пространстве требует комплексных интегральных решений, осуществление которых непременно связано с ревизией действующих политических подходов, а также отказом от ряда достигнутых позиций как со стороны ведущих центров силы, так и со стороны самих восточноевропейских стран. Сложность подобного пути наряду с негарантированностью окончательного результата заставляет всех игроков придерживаться традиционных подходов, которые, несмотря на их неоптимальность, дают возможность сохранить отдельные преимущества и закрепить достигнутые позиции. Поэтому текущее аморфное, конкурентное состояние пространства Восточной Европы, хоть и не устраивает многих его участников, но вполне может продлиться достаточно долгое время до тех пор, пока один из экстремумов — переход к конфронтации или к координации — не возобладает в их политическом мышлении над тактическими преимуществами, обеспечиваемыми этим состоянием.

Таким образом, можно сделать вывод, что противоречия между ведущими центрами силы в Восточной Европе не являются первичным структурным фактором для конфигурации европейской системы, а скорее выступают производными от базовых политических противоречий между ними, однако, разрешение последних требует нахождения оптимальных путей решения острых вопросов на восточноевропейском направлении. Исходя из этого, можно сказать, что в геополитической конфигурации европейской системы Восточная Европа играет роль промежуточного пространства, аморфность и флуктуативность которого создаёт поле для конкуренции за влияние, а взаимосвязи, сформированные в этом пространстве, дополняют существующую конфигурацию, но не определяют её.

Всеволод Шимов

БЕЛОРУСЫ И ПРОБЛЕМА «РОДНОГО ЯЗЫКА»

Данные республиканской переписи населения 2009 г. выявили любопытные тенденции в динамике русско-белорусского языкового баланса в среде этнических белорусов. За период, прошедший с предыдущей переписи (1999 г.) этот баланс существенно сместился в сторону русского языка. Во-первых, заметно сократилось число белорусов, определяющих белорусский язык как родной: в 1999 г. белорусский назвали родным 85,6 % людей, идентифицирующих себя как белорусы, в 2009 г. — только 60,8%. Особенностью языковой ситуации в Беларуси как в 1999 г., так и в 2009 г. был значительный разрыв между числом людей, заявляющих белорусский язык как родной и реально использующих его в повседневном бытовом обиходе (прежде всего, в кругу семьи). Так, в 1999 г. заявили, что разговаривают дома по-белорусски 41,3 % белорусов (по-русски — 58,6 %). К 2009 г. доля разговаривающих дома по-белорусски упала до 26 %; доля использующих русский язык возросла до 69,7 % [1].

	1999 г. (%)	2009 г. (%)
Белорусский как родной	85,6	60,8
Русский как родной	???	37
Белорусский как разговорный дома	41,3	26
Русский как разговорный дома	58,6	69,7

[1] Перепись населения 1999 г. Распределение населения Республики Беларусь по национальностям и родному языку в 1999 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/p6.php (дата обращения: 16.06.2011); Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Население по национальности и родному языку // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.8-0.pdf. (дата обращения: 16.06.2011); Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Население по национальности и языку, на котором обычно разговаривают дома // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. (дата обращения: 16.06.2011).

Таким образом, зафиксировано значительное сокращение численности людей, не только номинально идентифицирующих белорусский как родной, но и практикующих белорусскоязычие в быту. Сокращение доли людей, называющих белорусский язык родным, представляется вполне объяснимым и свидетельствует о крайне неустойчивых и поверхностных представлениях о самом понятии «родного языка». В 1999 г., очевидно, еще сказывались последствия периода «белорусизации» начала 1990-х гг., когда государственная политика была ориентирована на формирование установки, что родным языком белоруса может быть только белорусский.

Снятие идеологического пресса государства в языковом вопросе привело к тому, что к 2009 г. многие русскоязычные белорусы предпочли в качестве родного указать реальный язык повседневного обихода, т.е. русский.

А вот резкое сокращение (с 41 до 26 %) доли бытового употребления белорусского языка вызывает вопросы. Как представляется, 10 лет — недостаточный срок, чтобы привести к столь существенным сдвигам в языковой практике, особенно на уровне домашнего обихода. Отчасти это может быть объяснено естественной убылью старшего поколения сельских жителей, преимущественно использовавших разговорный белорусский язык. Однако здесь, как представляется, наблюдается не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиг в восприятии языка. Важным языковым сегментом в Беларуси является «трасянка» — сельское и отчасти городское (преимущественно среди людей рабочих специальностей) просторечие, возникшее в результате интерференции русского и белорусского языков.

Переписи это явление не отражают, поскольку носители «трасянки» предпочитают относить ее либо к русскому, либо к белорусскому языку. Как представляется, значительная доля респондентов, заявивших в 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно «трасянку»; к 2009 г. многие из них уже заявили, что общаются дома на русском, понимая под этим все ту же «трасянку». Причины этого сдвига описаны нами выше: инерция «белорусизаторских» установок в 1999 г. обусловливала определение «трасянки» как белорусского языка; к 2009 г. ослабление «идеологического эха» белорусизации и высокий престиж русского языка побуждали идентифицировать «трасянку» уже в качестве этого последнего.

В целом, налицо тенденция, когда понятие «родного языка» все больше ассоциируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с «титульным» языком национальности. Формула «белорусский язык — родной язык белорусов» перестает быть актуальной: многие русскоязычные белорусы, с раннего детства использующие русский язык в качестве основного средства общения, именно его, а не «титульный» белорусский, указывают в качестве родного. Если эта тенденция сохранится, следующая перепись может обнаружить еще большее количество белорусов, называющих русский язык своим родным.

В связи с этим требует серьезного пересмотра сам концепт «национального»/«титульного» языка в отношении белорусов.

Несмотря на официально установленное в стране двуязычие, в качестве такового рассматривается только белорусский язык, в то время как государственный статус русского языка обосновывается соображениями «прагматичного» характера: это язык международного общения, один из шести языков ООН, а также один из ведущих языков мировой науки.

Однако в условиях, когда значительная часть белорусов даже на декларативном уровне отказывается идентифицировать себя с белорусским языком, его монополия на статус «национального» оказывается под вопросом. Также требуют детального изучения причины сложившейся ситуации.

Национальный язык как продукт «воображения»

Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», существующее как продукт коллективного «воображения» своих членов. Любая нация, даже численно относительно небольшая, является неконтактной социальной группой, большинство участников которой лично не знают и никогда не узнают друг друга. Поэтому такое сообщество может существовать только как воображаемое, т.е. посредством воспроизводства образов, представляющих данное сообщество как внутренне интегрированную целостность — нацию. Эти образы могут быть самые разнообразные — представления об общности происхождения и истории, государственная символика, географические карты, обозначающие национальную территорию, некие неформальные символы (например, неформальные символы Беларуси — аист или зубр) и т.п.

Важным элементом этого образного ряда является национальный язык. Следует отметить, что большинство национальных движений Европы носили именно языковой характер. Этим Европа отличается, например, от Америки (как Северной, так и Южной), где формирование наций происходило на основе гражданского противостояния колоний и метрополий, говоривших на одном языке (английском, французском, испанском или португальском). В Европе, где на малом пространстве сконцентрировано большое разнообразие этнических групп, язык закономерно становился символом национальной особости[1].

Говоря о нации как о продукте «воображения», то же самое можно утверждать и в отношении национального языка. Очевидно, следует различать язык как живую речь, средство непосредственной коммуникации между конкретными людьми, и образ языка как атрибут того или иного национального сообщества.

Национальный язык не является некой объективной реальностью — он является продуктом концептуальной обработки этой реальности. Действительно, в ряде случаев оказывается достаточно сложным провести границы между близкородственными наречиями и диалектами, а также обосновать либо принадлежность тех или иных наречий к одному языку, либо их лингвистическую обособленность. Кроме того, нередко национальным активистам приходится противостоять тенденциям языковой ассимиляции, когда население, язык которого по тем или иным причинам оказался социально непрестижным, постепенно переходит на более «престижный» язык. Во всех этих случаях речь идет о создании образа языка, который служит для национальной консолидации и мобилизации, а также для обособления от соседних, зачастую близкородственных, этнических групп.

«Языковой фетишизм», характерный для большинства европейских национализмов, является достаточно новым феноменом, возникшим вместе с самим национализмом, т.е. не раньше XVII-XVIII вв. Собственно, и о феномене «национального языка» мы можем более или менее уверенно говорить только с этого времени. «Национальный язык» представляет собой универсальное средство коммуникации на

[1] *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Центр фундам. социологии. — Москва: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 286.

всех уровнях социальной структуры в рамках данного национального сообщества, т.е. он выполняет функцию его внутренней интеграции. Вместе с тем — по крайней мере, это верно для Европы — «национальный язык» обособляет данное национальное сообщество от соседних национальных сообществ, использующих свои «национальные языки», ставит между этими сообществами культурно-информационный барьер.

Подобная языковая структура, возникающая в Новое время, разительно отличается от того, что наблюдалось в Европе в Средние века. Для этого периода характерна жесткая социальная стратификация языков. Живые разговорные наречия имеют социально непрестижный статус, характеризуются слабой литературной и художественной обработкой (на их основе существуют лишь «низкие» жанры), практически не используются в законодательстве. С другой стороны, существует универсальный «высокий» язык, единый для всей Европы и, таким образом, находящийся вне каких-либо этнических границ, — это латынь. Латынь — язык мертвый и поэтому доступный только высшим, образованным слоям общества.

Престижность латыни обусловливалась культурным наследием Римской империи, на руинах которой возникла западноевропейская цивилизация. В рамках Империи латынь была универсальным средством коммуникации, языком высокой культуры, литературы, философии и науки и жестко противопоставлялась прочим языкам и наречиям как варварским и непрестижным.

Подобный подход перекочевал и в средневековую Европу, где идея возрождения Римской империи оставалась одной из идеологических доминант: на роль наследников Рима претендовали и светские феодалы, провозгласившие Священную Римскую империю германской нации, и римские папы, мечтавшие соединить в своем лице как светскую, так и духовную власть над Европой.

Ослабление «римской» идеи и формирование нового национально-культурного ландшафта Европы связано с развитием городов и выходом на политическую арену городского сословия. Городское сословие, не будучи по своему происхождению «благородным», борется с наследственными правами и привилегиями феодальной аристократии и церкви — основных носителей «римской» традиции. Не будучи связанным с «римской» идеей и не стремясь «присвоить» имперское наследие Рима, городское сословие формирует новый тип культуры

на основе живых разговорных языков, которые, достигнув в эпоху Возрождения высокого уровня литературной обработки, стремительно вытесняют мертвую латынь. Дробление единого гуманитарного пространства на базе латыни ведет к затуханию имперской «римской» идеи. На смену концепции универсальной панъевропейской империи приходит идея нации — более узкого в сравнении с империей сообщества людей, объединенных общностью языка, культуры и гражданских интересов.

Важным представляется замечание О.Б. Неменского, что национализм является феноменом принципиально городским[1]. Именно в городах создаются национальные язык и культура, которые впоследствии распространяются на все население, включаемое в то или иное «воображаемое сообщество». Важную роль сыграли города в формировании европейских национальных языков. Формируясь на основе живых разговорных наречий, национальные языки превращались в унифицированные наддиалектные койне, призванные преодолеть племенное и диалектное разнообразие и, таким образом, сплотить национальное сообщество. Именно интенсивным межгородским связям обязаны возникновением наддиалектные итальянский и немецкий языки, интегрировавшие пестрые диалектные континуумы в единые информационно-языковые пространства.

С другой стороны, политическая конкуренция двух и более точек «национально-языкового роста» могла вести к разделению диалектного континуума между несколькими национальными языками. Так, формирование двух конкурирующих политических центров на Пиренейском полуострове привело к появлению на близкородственной диалектной основе двух языков: испанского и португальского. Разделилась и нижненемецкая диалектная зона: часть ее вошла в немецкое языковое пространство на базе верхненемецкого литературного стандарта, другая образовала самостоятельное языковое пространство в рамках Нидерландов.

Специфика национального генезиса в Беларуси

Беларусь является страной с давними традициями городской культуры, однако первоначальное становление городской культуры

[1] Неменский, О.Б. Национализм городской и сельский / О.Б. Неменский // Вопросы национализма. — 2010. — №1. — С. 49-57.

здесь происходило в этнокультурном контексте, выходящем далеко за пределы современной территории Беларуси. Культура белорусских городов изначально формировалась как часть культуры древнерусской. Древняя Русь представляла собой этнополитическое пространство, по своим сущностным характеристикам заметно отличавшееся от современной ей средневековой Европы. Наиболее очевидным отличием было то, что если средневековая европейская культура находилась под сильным влиянием культурного наследия Западной Римской империи, включая латинскую языковую традицию, то Русь, приняв православие, оказалась в сфере влияния «греческого» культурного влияния, идущего из Византии (неслучайно и православие нередко позиционировалось как «греческая вера»). В то же время, греческий язык на Руси не занял то доминирующее положение, которое занимала в Западной Европе латынь.

Напротив, здесь очень рано начала развиваться самостоятельная культурная традиция на местной языковой основе, что, очевидно, связано с тем, что в качестве языка церкви использовался не греческий, а специально разработанный для славян литургический язык — церковнославянский. Таким образом, Древняя Русь очень рано обозначилась как особое этнополитическое пространство, противопоставлявшее себя Западной Европе (по конфессиональному признаку, как «греки» «литинянам»), Византии (по признаку этноязыковому — как «славяне» «грекам») и кочевым племенам Евразии (как часть цивилизованного христианского мира — варварам-язычникам). Формирование, пусть и достаточно рыхлого, династического государства Рюриковичей, центрированного на Киев, единые церковные институты — все это способствовало становлению достаточно однородной городской культуры, выработке единого древнерусского письменного языка и становлению «общерусского» этнополитического самосознания образованного городского класса.

Таким образом, закладывались сущностные предпосылки для интеграции восточных славян, включая предков белорусов, в единую национальную общность — русскую.

Монголо-татарское нашествие привело к дезинтеграции древнерусского пространства и включению отдельных частей Руси в разные политико-культурные контексты. Но и после этого представления о Руси как об общности восточных славян, существующей «поверх» актуальных государственных границ, сохраняли высокую устойчи-

вость. Характерно, что представление о Руси как едином этнокультурном пространстве, политически разделенном между Литвой, Польшей и Московией, находили отражение и у иностранцев, бывавших в регионе (эту тему детально исследовал российский историк А. Мыльников[1]). Этнонимы «Русь», «русский», «русин», идентификация языка как «русского» оставались доминирующими у образованного восточнославянского населения Великого княжества Литовского (в систематизированном виде эти свидетельства были в начале XX в. собраны Е.Ф. Карским)[2]. Осознание восточнославянским населением ВКЛ своей культурно-исторической преемственности Киевской Руси признает и современная белорусская историография[3].

Таким образом, представления о Руси как о некой этнополитической целостности, объединяющей восточных славян, демонстрировали высокую устойчивость, что создавало предпосылки для формирования национальных проектов, призванных консолидировать восточных славян в единое «воображаемое сообщество» — большой русский народ.

С другой стороны, политическое разделение Руси после монголо-татарского нашествия существенно осложнило и затормозило процесс национальной консолидации восточных славян и, кроме того, заложило предпосылки для возможной дезинтеграции «общерусского» пространства. В XIII-XIV вв. оформляется разделение Руси на две части — восточную и западную. Восточная Русь оказывается в зависимости от Орды, западная попадает в сферу влияния Литвы и Польши. Этот период совпадает с кризисом и упадком православной цивилизации, вызванным геополитической катастрофой Византии. Восточная и Западная Русь ответили на этот кризис неодинаково.

Восточная Русь создала «под крылом» Орды мощное централизованное Московское государство и, освободившись от ордынской зависимости, удачно использовала упадок Византии, провозгласив себя наследницей последней — «Третьим Римом». Таким образом, «русская

[1] Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы / А.С. Мыльников // Маловідомі матеріали Історії України [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ukrainaforever.narod.ru/etnodominazia.html. (дата обращения: 16.06.2011).

[2] Карский, Е.Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность. Том III / Е.Ф. Карский. — Петроград, 1921. С. 246.

[3] Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11 — 17 стст. / І. Марзалюк // Гісторыя Беларусі [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.albaruthenia.by.ru/art/edentete.htm. (дата обращения: 16.06.2011).

идея» обрела не присущий ей ранее имперский размах и притязания на «вселенскую» цивилизационную миссию, связанную с охранением и распространением «истинной веры» — православия.

При этом в культурном отношении Московское государство, оказавшееся в относительной изоляции, пережило длительный культурный застой, который удалось преодолеть в послепетровский период посредством синтеза местных традиций с европейской культурой.

Западная Русь (будущие Беларусь и Украина) не создала собственной государственности, оказавшись инкорпорированной в «чужие» государственные структуры. Так, территория Беларуси оказалась «спаянной» с Литвой при политическом лидерстве последней; большая часть украинских земель также пребывала под литовским владычеством вплоть до Люблинской унии, после которой эти земли оказались под непосредственным управлением Польской короны. Политическое подчинение «западным» центрам силы усугублялось культурным превосходством — в то время как западнорусская (белорусско-украинская) традиция переживает кризис и упадок, Западная Европа находится в стадии культурного подъема (Возрождение и Реформация). Поэтому вполне закономерно в польско-литовско-западнорусском политическом союзе вслед за политическим закрепляется и культурное лидерство Польши. Начинается болезненный и противоречивый, однако достаточно устойчивый процесс инкорпорации Западной Руси в польское культурно-языковое пространство.

Это вело либо к полной ассимиляции и утрате исходной русинской идентичности, либо к преобразованию ее в региональный вариант польской, с сохранением многих местных особенностей. По такому пути эволюционировала идентичность литовской магнатерии и шляхты — «литвинство» превращалось в специфическую региональную разновидность общепольской идентичности по формуле «роду литовского, нации польской». В принципе, в аналогичном направлении могла эволюционировать и русинская идентичность. Так, белорусский историк И. Марзалюк указывает, что в XVII-XVIII вв. древнерусское культурное наследие оставалось значимым элементом идентичности белорусской полонизированной шляхты[1].

[1] Свитич, А.К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/s/svitich2.html. (дата обращения: 16.06. 2011).

Как представляется, формой интеграции «русскости» в польский культурный контекст было и униатство, причем уния, в отличие от католицизма, позволяла сохранить значительно больший пласт древнерусского культурного наследия, одновременно интерпретируя его в кодах польской культуры. По сути, русины-униаты могли стать своего рода «поляками восточного обряда». Примечательно, что близкую по смыслу формулу — «поляк православного исповедания» — пытались внедрить в сознание православных жителей западной Украины и Беларуси в межвоенной Польше в XX в.

В XVII-XVIII вв. на территории Беларуси формируется «высокая» дворянская и городская польскоязычная культура; таким образом, возникает перспектива интеграции белорусов в польский национальный проект, при сохранении регионального этнокультурного и исторического своеобразия, интерпретированного в кодах польской культуры.

Однако реализация этой перспективы оказалась затруднена рядом обстоятельств. Процесс полонизации протекал достаточно болезненно и вызывал ожесточенное сопротивление со стороны православного населения. И если в Беларуси, оказавшейся под контролем пропольски настроенной шляхты и магнатерии, он протекал более «мягко», то на Украине, где развилось казачье движение, польская экспансия спровоцировала многочисленные войны и восстания, способствовавшие ослаблению польского государства и снижению ассимиляторских возможностей польской культуры. Сказывалось и «возмущающее» воздействие на Западную Русь со стороны усилившейся России, поддерживавшей православное сопротивление и стимулировавшей русофильские и антипольские настроения среди местного населения.

После окончательного крушения Речи Посполитой и присоединения территории Беларуси к России начинается обратный процесс — «деполонизации» и «русского возрождения». Его целью было максимально ослабить и по возможности демонтировать польское культурное влияние, создать русскоязычную городскую культуру и сформировать слой русофильски ориентированной интеллигенции. Беларусь и белорусы интерпретировались как исконная часть исторической Руси с местными этноязыковыми особенностями, которые признавались и даже культивировались, будучи интерпретированными в контексте национального единства велико-, мало- и белорусов.

К началу 20 в. действительно удалось существенно ослабить польское влияние и нарастить русское политико-культурное присутствие в Беларуси. Возникла целая плеяда политических, культурных, религиозных деятелей (И. Семашко, М. Коялович, П. Жукович, И. Харлампович, Н. Носович, Е. Карский), внесших значимый вклад в формирование «русоцентричной» модели белорусской культуры, известной как западнорусизм. В то же время, процесс демонтажа польского и интеграции в русский проект носил весьма нелинейный и турбулентный характер. Структуры польского влияния, несмотря на формальную ликвидацию Речи Посполитой, сохраняли жизненную силу и оказывали активное сопротивление «русификации». Мечта о возрождении Речи Посполитой обусловливала необходимость выработки «польской» версии белорусской идентичности, которая выступала в качестве конкурента и антагониста «русской» модели.

Весьма примечательны в этом плане листовки К. Калиновского, который выступал не только с призывами к совместной борьбе против России белорусов и поляков, но и с апологией унии которая, как было показано выше, являлась одним из инструментов «вписывания» белорусской идентичности в польский контекст.

Русский и польский проекты для Беларуси представляли собой примеры типичного городского национализма.

Они предполагали интеграцию масс белорусского крестьянского населения в пространство «высокой» городской русской или польской культуры, что, однако, не означало тотальной утраты местной этнографической специфики, интерпретируемой в кодах соответствующей культуры. В языковом плане это предполагало возможность диглоссии: параллельного бытования «высокого» языка и местного разговорного наречия, которое признается диалектом первого и служит индикатором регионального своеобразия в рамках «большого» культурного пространства. Во многом сходным образом развивалась ситуация в Германии, где в ряде земель общенемецкий литературный язык существует параллельно с местными диалектами, получившими определенную литературную обработку, а также применение в СМИ и системе образования.

Однако в 19 в. возникает третий национальный проект — белорусский национализм, основанный на культивировании белорусской этноязыковой специфики, ориентированный на создание «высокой» городской культуры на базе белорусского разговорного языка и вы-

теснение как русского, так и польского культурно-языкового влияния. Этот тип национализма вслед за О.Б. Неменским можно охарактеризовать как сельский национализм. Сельский национализм возникает в этнической среде, лишенной собственной городской культуры, там, где в городах господствует «чужая» культура и язык. Его задачей является создание «собственной» городской культуры на основе сельских разговорных наречий и вытеснение из городов «чужой» культуры и языка.

Как правило, сельский национализм — это национализм «покоренных» народов, оказавшихся в политической зависимости, в результате чего господствующее положение в городах и высших сословиях занимают язык и культура «завоевателей», в то время как язык основной массы коренного населения воспринимается как «низкий» и «варварский». Сельский национализм возникает далеко не всегда — нередко городская культура «пришельцев» успешно ассимилирует и иноэтничное сельское население, инкорпорируя его в состав «нации-завоевателя».

Такова судьба полностью германизированных балтских и славянских племен на востоке Германии; на грани полной германизации находятся лужицкие сербы. Сходным образом развивалась ситуация во Франции, где французская городская культура полностью подавила достаточно развитую провансальскую традицию.

Сельский национализм возникает там, где городская культура «пришельцев» оказывается по тем или иным причинам не в состоянии полностью ассимилировать коренное население. Примером может служить Чехия, где немецкой городской культуре так и не удалось полностью подавить славянскую идентичность местного населения, результатом чего стало «чешское возрождение» и драматическое устранение немецкого присутствия в XX в. В Латвии и Эстонии, где в Средние века также установилось немецкое политико-культурное доминирование, немецкая ассимиляция потерпела фиаско по ряду причин. Относительная удаленность и изолированность Прибалтики от основного массива немецких земель существенно осложняла и тормозила немецкую колонизацию этих областей. Присоединение к России в 18 в. привело к появлению здесь конкурирующего русского влияния; кроме того, российские власти, стремясь ослабить немецкую политико-экономическую монополию, стимулировали национализм коренного населения.

Во многом сходным образом развивалась ситуация и в Беларуси. Взаимная конкуренция и борьба русского и польского «городских» национализмов существенно ослабляла их обоих, что затрудняло инкорпорацию белорусского крестьянства в тот или иной национальный проект и, в конечном счете, привело к возникновению третьей альтернативы в виде белорусского сельского национализма. Однако само по себе появление белорусского национализма еще не означало его автоматической победы. Конкуренция со стороны таких мощных традиций, как русская и польская, низкий престиж белорусского языка, в том числе в глазах его носителей — все это затрудняло формирование особого белорусского «воображаемого сообщества»; интеллектуальные и кадровые ресурсы перманентно вымывались в пользу адептов как русской, так и польской идеи.

Резкому усилению позиций белорусского национализма способствовали Октябрьская революция и образование СССР. Идеология большевиков, ориентированная на освобождение «угнетенных» народов от «империалистической эксплуатации», привела к тому, что именно белорусский национализм стал основной стратегией национального строительства в Беларуси, в то время как русская и польская альтернативы отвергались как проявления великодержавного шовинизма крупных империалистических наций. Таким образом, белорусы на официальном уровне признаются в качестве отдельного народа, начинается интенсивная работа по литературной обработке и популяризации белорусского языка. С этого времени в качестве аксиомы утверждается формула «родной язык белорусов — только белорусский».

Однако существование Беларуси в рамках СССР, формирование единого экономического комплекса делало неизбежными тесные культурно-языковые контакты белорусов и русских. Учитывая, что русский язык оставался основным языком советской культуры, и именно на русском языке формулировались основные нормы «советскости», советского образа жизни, его престижность в глазах белорусов, в том числе в сравнении с белорусским языком, оставалось высокой. Этому способствовала и внутренняя слабость и незрелость белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, а также остаточное влиянием западноруссизма, в рамках которого русский язык и культура воспринимались как «свои» для

белорусов. Именно в рамках СССР произошла реальная массовая интеграция белорусов в пространство русскоязычной городской культуры. С другой стороны, в это время практически полностью ликвидируется политико-культурное влияние Польши на Беларусь: массовое русскоязычие охватывает даже католическое население (чему, очевидно, способствует утрата жесткой связи с православием советизированной русскоязычной традиции).

Таким образом, в рамках СССР белорусы оформились как особая этнополитическая общность с выраженным самосознанием. В то же время, формирование этой общности происходило отнюдь не по рецептам языкового национализма: оформление «белорусскости» сопровождалось массовой языковой русификацией. Белорусский язык не стал массовым языком «высокой» городской культуры, маркируя белорусскую «особость» на сугубо символико-декларативном уровне. Как показали данные последней переписи населения, даже это сугубо символичная роль постепенно теряет свое значение.

Таким образом, проект белорусской языковой нации следует признать неадекватным национально-политическим реалиям Беларуси. Белорусы оформились как особая национальная общность, однако значение и роль белорусского языка как символа этой общности невелики. Формирования белорусского «воображаемого сообщества», краеугольным камнем которого была бы особая языковая идентичность, не произошло. Более того, попытки навязать белорусский язык в качестве единственного национального языка вызывают рост общественной напряженности и сопротивление значительной части населения (о чем красноречиво свидетельствует фиаско «белорусизации» 1991-94 гг.).

В связи с этим должна быть существенно пересмотрена роль белорусского языка в жизни общества: белорусский язык следует рассматривать не в качестве единственного или основного национального языка, но в качестве одной из языковых традиций Беларуси, как значимую, однако далеко не единственную часть белорусского культурного наследия.

В то же время, важной задачей является создание белорусской русскоязычной культуры, адекватной реалиям Беларуси и кодифицирующей ее историко-культурное своеобразие.

Очевидно, такая культурная традиция останется тесно связанной с культурой России, но, вместе с тем, не будет слепо копировать российские образцы.

Евразийский Союз

Вячеслав Алтухов

ГЕОСТРАТЕГИЯ «АНАКОНДА» И ЕВРАЗИЯ

Геополитический анализ

Проанализируем дискуссию об интеграции постсоветского пространства, которую начали на страницах газеты «Известия» российский премьер-министр Владимир Путин, президент Беларуси Александр Лукашенко и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Владимир Путин, рассуждая в своей статье[1] об интеграционных процессах, подчеркнул, что мировой финансовый кризис подстегнул государства к поиску новых ресурсов для экономического роста. Это заставило серьезно задуматься о том, как модернизировать принципы партнерства — в рамках СНГ, Союзного государства России и Белоруссии, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП, в общем, во всех региональных объединениях на просторах бывшего Советского Союза. Владимир Путин в своей мюнхенской речи[2] назвал распад СССР геополитической катастрофой, и это объяснят его призыв к тому, чтобы интеграционные процессы превратить в долгосрочный проект, не зависящий от перепадов различного рода конъюнктур, нацеленный на то, чтобы стать одним из полюсов современного мира. Настаивая в своей статье на том, что Евразийский Союз, становясь своего рода центром дальнейших интеграционных процессов, не стоит воспринимать как попытку реставрации или воссоздания СССР, напротив, предлагается

[1] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] URL: http://www.izvestia.ru/news/502761(дата обращения — 24.11.2011)

[2] *Путин В. В.* Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] URL:http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения — 24.11.2011)

модель наднационального объединения, смысл которого в более тесной координации экономической и валютной политики по созданию полноценного экономического союза.

Александр Лукашенко, в своих размышлениях[1] говорит о том, что положено начало реализации решений, которые принято называть судьбоносными. Подчеркивая общность судьбы и многовековые традиции совместного проживания в границах одного государства, президент Белоруссии поддерживает предложенную Владимиром Путиным конструкцию продвинутой интеграции, настаивая на надежности и долговечности нового наднационального механизма. Так же Александр Лукашенко говорит о том, что развал Советского Союза, который он считает глубочайшей и трагической ошибкой XX столетия, не привел к смене биполярного мира на многополярный, сбалансированный с множественностью центров влияния. Напротив, в мире, меняющемся от одной формации к другой, царит хаос, в котором молодым государствам приходится испытывать на себе давление более сильных международных акторов. Одним из «противовесов» сложившейся ситуации президент Белоруссии видит в формировании емкого общего рынка, основанного на балансе интересов, т.е. без интеграции «никак нельзя». При этом Александр Лукашенко в своей статье не только говорит об интеграции постсоветского пространства, но и поддерживает идею о создании общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, указывая также на необходимость тесной интеграции с государствами и экономическими объединениями Азиатско-Тихоокеанского региона и, прежде всего, с Китаем.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, продолжая дискуссию начатую Владимиром Путиным и Александром Лукашенко, говорит о том[2], что распад СССР и разрыв прежде единого хозяйственного механизма обвалил целые отрасли народного хозяйства. Стали набирать обороты межнациональные конфликты, зародившиеся на закате Советского Союза. Погружение в хаос и разлом по этническим и религиозным основаниям всего постсоветского пространства, подобный тому, что произошел в Югославии, удалось, во-многом,

[1] *Лукашенко А. Г.* О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] URL:http://www.izvestia.ru/news/504081(дата обращения — 24.11.2011)

[2] *Назарбаев Н. А.* Евразийский Союз: от идеи к истории будущего [Электронный ресурс] URL:http://izvestia.ru/news/504908 (дата обращения — 24.11.2011)

остановить благодаря созданию 20 лет назад Союза Независимых Государств. Создание СНГ нормализовало сложнейшие процессы, вызванные распадом сверхдержавы, одновременно с этим положило начало интеграционным процессам некогда единого пространства. Опыт, полученный в рамках СНГ, позволил перейти к более результативным формам разноформатной и разноскоростной региональной интеграции, которые сегодня принято называть евразийской интеграцией, утверждает президент Казахстана. Именно Нурсултан Назарбаев в МГУ имени М.В. Ломоносова в 1994 г., обращаясь к интеллектуальной элите стран Содружества, впервые предложил создать на пространстве СНГ качественно новое интеграционное объединение — Евразийский Союз Государств. В основе предложенного проекта лежит «евразийство» Льва Гумилева, концептуально обосновавшего единство географических и культурно-исторических связей народов Евразии, но переосмысленное и учитывающие конкретные исторические и геополитические условия, сложившиеся в мире на рубеже XX и XXI веков. По мнению президента Казахстана, регионализация стала общемировой тенденцией, это прослеживается и в предполагаемом расширении Евросоюза и в создании зоны свободной торговли Китая и стран АСЕАН в Юго-Восточной Азии, укреплении интеграции стран Северной и Южной Америки, Африки. Без учета этих глобальных трендов невозможно становление Евразийского Союза как глобального центра многополярного мира.

Дискуссия между Владимиром Путиным, Александром Лукашенко и Нурсултаном Назарбаевым не носит полемический характер, напротив, их выступления, как уже отметили многие эксперты, развивают и дополняют друг друга, что говорит о присутствии некоего единства во взглядах по важнейшим вопросам. Эти обстоятельства вселяют оптимизм в сторонников евразийской интеграции. По некоторым социологическим опросам порядка 70% жителей стран постсоветского пространства выступает за тесное взаимодействие и сотрудничество между бывшими республиками Советского Союза. Эта цифра на протяжении 20 лет практически не меняется. Так за сохранение СССР на референдуме в 1991 г. высказались 76,4 % проголосовавших, правда, тогда это не помогло удержать Союз от краха. Вспоминая о распаде СССР, патриарх Кирилл назвал это крушением

исторической России[1]. Наличие исторического единства, взаимное уважение народов говорит так же о том, что схожесть структур обществ, пропитанных общими цивилизационно-культурными кодами, позволяет мыслить постсоветское пространство как нечто единое, как то, что подлежит интеграции.

В данном контексте будет релевантным упоминание теории, пожалуй, первого русского геополитика Петра Савицкого, в которой важнейшую роль играет концепция «месторазвития». Проявляя преемственность к русской интеллектуальной традиции, всегда тяготевшей к «цельности», «соборности», «всеединству», Савицкий так выделяет сущность своего термина: Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт[2]. Краткую характеристику еще одного термина — Россия-Евразия, которым Савицкий обозначает не материк и не континент, но идею, отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму и особую цивилизацию, можно дать следующую: Россия-Евразия есть такое «месторазвитие», которое является интегральной формой существования более мелких «месторазвитий»[3]. То есть Россия-Евразия у Савицкого резонирует с понятием Raum у Фридриха Ратцеля и с Grossraum у Карла Шмитта.

Так же в развернувшейся дискуссии содержатся неоднократные высказывания по поводу создания единого экономического пространства с Евросоюзом от Лиссабона до Владивостока. Это имеет прямую отсылку к евразийской геополитической теории Жана Тириара о Европе от Дублина до Владивостока[4], в основе которой лежит принцип автаркии больших пространств. Данная теория, развитая Фридрихом Листом в XIX веке, утверждает, что полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями. Впрочем, созданный Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана можно свести к той же экономической теории Фридриха Листа. В любом случае прослеживается заявка на создание одного из полюсов многополярного мира, предпосылками

[1] *Патриарх Кирилл*, распад СССР крушение исторической России [Электронный ресурс] URL:http://vz.ru/news/2011/11/11/537962.html (дата обращения — 24.11.2011)

[2] *Дугин А. Г.* Основы Геополитики. — М.: Арктогея, 2000.

[3] Там же.

[4] Там же.

к построению которого и выступает интеграция постсоветского пространства в Евразийский Союз Государств.

Возможно, высказывания высокопоставленных чиновников на страницах «Известий» о том, что создаваемый союз государств не планирует закрываться в собственных границах и носит открытый характер, в будущем выльется в некую доктрину, схожую по своему смыслу с теорией Фредерика Тернера о «подвижных границах», что реализовалась в политике «открытых дверей» США. Вопрос чисто риторический, однако, разноформатная и разноскоростная интеграция в границах бывшего СССР, есть не что иное, как восстановление «Большого пространства», которое в своих границах строго тождественно heartland'у в геополитической модели Хэлфорда Макиндера.

Отсылка к классической модели геополитики, одним из отцов-основателей которой принято считать Хэлфорда Макиндера, требует вкратце напомнить ее суть. Иерархизируя планетарное пространство через систему концентрических кругов: в центре находится Heartland (Сердцевинная Земля), которая тождественна в своих границах исторической России, о чем уже упоминалось выше; Rimland (Внутренний полумесяц) совпадающий с береговым пространством евразийского континента; World Island (Мировой Остров) или Внешний полумесяц; Макиндер формулирует важнейший геополитический закон — кто правит Восточной Европой, тот господствует над Хартландом; Кто правит Хартландом, господствует над Мировым островом, Кто правит Мировым островом, господствует над миром[1].

Анаконда

В классической модели геополитики особую роль играет геостратегия, получившая название «Анаконда». Принцип анаконды (смысл заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что постепенно приводит к истощению противника), успешно апробированный в гражданской войне США в 1861-1865 гг., был перенесен на планетарный уровень адмиралом А. Мэхэном и предложен для борьбы с континентальными государствами Евразии — в первую очередь с Россией и Китаем, а во вторую — с Германией.

Термин геостратегия З. Бжезинский, продолжатель дела Х. Макиндера и один из идеологов Холодной войны, в своей работе «План

[1] Там же.

игры»[1] определил так: геостратегия — это объединение геополитики и стратегии; ее задача — максимизация коэффициента полезных действий и перенос геополитики и стратегии из области теории в область практики.

Оценку эффективности данной геостратегии в интервью журналу «Экономические стратегии»[2] (в контексте национальной безопасности) дал Г. Зюганов, заявивший, что «1500 американских баз обложили нас со всех сторон и как только выдернут у нас ядерный зуб, начнут диктовать условия». В данном контексте интересной является статья ведущего эксперта американского Фонда «Наследие» по проблемам России, Евразии и международной энергетической политики Ариэля Коэна, написанная для федерального еженедельника «Российские вести»[3]. Ариэль Коэн считает, что первостепенная геополитическая цель США по-прежнему заключается в недопущении возврата евразийской империи, будь то под эгидой России или Китая, и ревизии международного устройства Евразии, возникшего после окончания Холодной войны.

З. Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска»4 честно и прямолинейно говорит о том, что конечная цель американского империализма — это покорение Евразии, а НАТО призвано играть такую же роль как морской флот для адмирала Мэхэна в прошлом. Поэтому расширение НАТО на Восток необходимо рассматривать не как неотъемлемую часть развития Европы, а как продвижение к границам России враждебно настроенного альянса, возглавляемого Америкой.

Для оценки разворачивающихся процессов необходимо учесть и те изменения, что коснулись стратегии национальной безопасности США, обновленной в 2010 г. Основные положения сводятся к тому, что внешняя политика Соединенных Штатов должна быть перестроена с учетом присутствия в мире множества эволюционирую-

[1] *Бжезинский, З.*, План игры : геостратег. структура ведения борьбы между США и СССР / Пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986.

[2] *Зюганов Г. А.*, Безопасность государства под угрозой! [Электронный ресурс] URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/files/2011_03/ES2011-03-zyuganov.pdf (дата обращения — 24.11.2011).

[3] *Ариэль Коэн*, 2012 год: политика США в отношении России [Электронный ресурс] URL:http://www.regnum.ru/news/1444178.html (дата обращения — 24.11.2011).

[4] *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геополитические императивы / Пер. с англ. — О. Ю. Уральской. М. : Международные отношения, 2002.

щих угроз, включая войну в киберпространстве, эпидемические заболевания, этнические конфликты и неравенство. В самой военной стратегии применяются такие понятия как власть и сила (power)[1]. Российский политолог Леонид Савин в своей книге «Сетецентричная и сетевая война» говорит о том, что профессор Гарвардского университета Джозеф Най и бывший Госсекретарь США Ричард Эрмитаж сформулировали основные принципы современных разновидностей power. «Power — это возможность влиять на поведение других для получения желаемого результата». Источник любой power в первую очередь зависит от контекста. Hard power дает возможность странам использовать метод кнута и пряника для того, чтобы получить желаемый результат. Soft power дает возможность привлекать людей на свою сторону без применения насилия. Для soft power фундаментальной основой является легитимность. Smart power не является ни hard ни soft, а представляет собой комбинацию обеих. Под руководством Ная и Эрмитажа был подготовлен доклад по smart power, в котором было указано, что для достижения могущества в области smart power США должны сконцентрироваться на пяти ключевых пунктах:

Альянсы, партнерство и институции: необходима перестройка основ, которая будет учитывать глобальные изменения;

Глобальное развитие: выработка унифицированного подхода, начиная с общественного здравоохранения;

Общественная дипломатия: повышение качества доступа к международному знанию и процессу обучения;

Экономическая интеграция: увеличение выгоды от торговли для всех людей;

Технологии и инновации: они должны быть направлены на вопросы изменения климата и энергетической безопасности.

НАТО традиционно используют сочетание soft и hard power. Hard — при развертывании необходимых сил по выполнению коллективных обязательств по обороне, а также планировании и учениях, направленных на развитие структуры, а soft — чтобы установить соответствующий уровень сотрудничества с соседними государствами с целью снижения или избегания возможных причин конфликта[2].

[1] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

[2] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

Балто-Черноморско-Каспийский регион

Аналитик Семен Залевский в своем исследовании[1] утверждает, что в Балтийском регионе разворачивается стратегическая группировка войск, и под видом военных учений отрабатывается сценарий крупномасштабной войны, где главным противником выступает некое «придуманное государство», которое владеет огромными природными ресурсами в условиях проблем с доставкой этих ресурсов в западные страны. История НАТО свидетельствует о том, что за время существования Альянс не вел оборонительных войн, а действовал всегда превентивно, что так же отложило свой отпечаток и на характер учений.

В этом же контексте стоит упомянуть американскую систему ПРО, которую США активно разворачивают в Европе. Констатируя данный факт, МИД РФ выражает озабоченность быстротой и планомерностью осуществления этого проекта. При этом наше министерство иностранных дел ждет гарантий ненаправленности ПРО США в Европе против стратегических ядерных сил России. Стоит отметить, что подобных гарантий МИД РФ ожидал и после подписания договоренностей США с Польшей, с Румынией, а также после заявления Турции о готовности принять у себя американскую РЛС. К этому добавим дважды высказанную озабоченность МИД РФ заходом в Черное Море крейсера ВМФ США «Монтерей», оборудованного противоракетной системой «Иджис». Как заявили российские дипломаты, «Монтерей» был направлен в европейские воды в рамках реализации «поэтапного адаптивного подхода» администрации США к формированию европейского сегмента глобальной ПРО. «Первый этап этой программы предусматривает размещение в Адриатическом, Эгейском и Средиземном морях группы американских кораблей, призванных осуществлять защиту стран Южной Европы от гипотетических ракетных угроз. По официальной американской версии, они могут также выдвигаться в Черное море в случае необходимости, например, при обострении ситуации в регионе», — пояснили в МИД РФ. Какого рода угрозы и ситуации могут возникнуть для США в Восточной Европе?

[1] *Залевский С.* Европейская безопасность: зачем НАТО балтийский плацдарм? [Электронный ресурс] URL:http://www.belvpo.com/1636.html (дата обращения — 24.11.2011).

Рассматривая западные границы России, стоит упомянуть и о старом геополитическом проекте, который подразумевает конструирование пространства в виде буферных зон в районе Балто-Черноморской дуги.

На протяжении последних 500 лет на этом пространстве проводились попытки по созданию пояса враждебных России образований[1]. В XXI веке этот тренд продолжается: прежде всего, это создание в 1997 г. ГУАМ (аббревиатура по первым буквам стран участниц: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия, а с 1999 г. еще и Узбекистан). Основной целью блока было заявлено максимальное взаимодействие с НАТО, создание совместного миротворческого батальона для замещения российских миротворцев в зоне конфликтов на территории стран участниц (принятие решения было заблокировано президентом Молдавии В. Ворониным).

В экономическом плане — обеспечение энергетической независимости Украины и Молдавии от России благодаря азербайджанской нефти и ее транзиту в Европу, а также транспортный коридор в обход России Европа—Кавказ—Азия (TRACEKA).

Политическая составляющая в ГУАМ превалировала над экономической и, исходя из взятых ценностных ориентиров на США, НАТО и ЕС, можно сделать вывод, что созданная международная наднациональная организация на пространстве СНГ, действующая против РФ в экономическом и военно-политическом плане и направленная на отстаивание интересов третьих стран и организаций носит не только враждебный характер по отношению к России, но и действует не в интересах народов стран ГУАМ.

[1] В исторической ретроспективе подобного рода проекты создавались и со стороны Ватикана (Флорентийская уния: униатская (греко-католическая) церковь внесшая раскол в православных землях в XVI в. находящихся под протекторатом Речи Посполитой), со стороны Франции («Великий план» герцога М. де Сюлли XVII в., в котором речь идет о том, что в будущей европейской конфедерации нет места варварской Московии, ее следует вместе с турецким султаном «отбросить в Азию»), к XVIII в. к этим процессам активно подключилась британская дипломатия, со своими идеями восточного барьера по ограничению России в европейских делах, в 1919 г. итальянский и французский премьер-министры В. Орландо и Ж. Клемансо выдвинули идею «санитарного кардона» против распространения большевизма. В конце XX в. вновь стали воспроизводиться апробированные модели дуги, это оформилось ускоренным принятием в ЕС и НАТО восточноевропейских стран, бывших участников социалистического лагеря, а так же стран прибалтийского региона, на волне русофобской риторики и антироссийского курса. (прим. автора)

К 2003 г., несмотря на выбранный курс на сближение с Западом, в чем активно содействуют США и их союзники по НАТО, пытаясь укрепить свое влияние на постсоветском пространстве, ГУАМ начинает буксовать и фактически прекращает свое существование.

В общем-то, ГУАМ это не единственная попытка строительство «санитарного кордона», были и другие геополитические концепты, разработанные американскими стратегами, в частности Балтийско-Черноморское Содружество или так называемый союз стран Межморья, а так же Сообщество Демократического Выбора (СДВ) Балтийско-Черноморско-Каспийского региона, основная идея которого — это создание своего рода расширенного антироссийского ГУАМ путем привлечения к нему стран т.н. «Новой Европы» уже являющихся членами НАТО, плюс тех государств, которые стремятся войти в Североатлантический альянс.

В наши дни на пространстве Балтийско-Черноморско-Каспийского региона получил реализацию проект Восточного партнерства, представленный в 2008 г. на заседании Совета ЕС по общим вопросам и внешним связям Министерством иностранных дел Польши при участии Швеции, рассчитанный на шесть постсоветских государств — Украину, Белоруссию, Молдавию, Армению, Азербайджан и Грузию. Основная цель проекта — это интеграция этих государств в евроатлантические структуры, но так как перспектива принятия перечисленных стран в ЕС и НАТО весьма туманна, то речь идет об укреплении стратегического сотрудничества. В экспертной среде бытует мнение, что этот проект есть не что иное, как попытки «старой» Европы перехватить у США инициативу в «освоении» постсоветского пространства путём отрыва от России восточноевропейских стран СНГ. Однако, не стоит полагать, что сам проект идет в разрез с интересами США, тем более, что основные инициативы по продвижению «Восточного партнерства» принадлежат Польше, которая на сегодняшний день является основным проводником американских интересов в регионе.

Из обнародованных сайтом WikiLeaks рассекреченных документов переписки американских дипломатов со своими европейскими коллегами следует, что разговоры о перезагрузке являются всего лишь разговорами, в то время как Запад продолжает воспринимать Россию как угрозу, и предпринял ряд шагов по ее сдерживанию[1]. В частности,

[1] *Черненко Е.*, Российская угроза стала явной [Электронный ресурс] URL:http://www.kommersant.ru/doc-rm/1763891 (дата обращения — 24.11.2011).

в депеше, составленной временным поверенным посольства США в Стокгольме Робертом Сильверманом, говорится о том, что глубокая интеграция постсоветских государств с ЕС ничуть не менее важна, чем договор НАТО о коллективной безопасности, добавляя при этом, что Москва серьезно недооценивает эффективность «мягкой силы» (soft power).

Можно отметить, что политика ЕС не сильно отличается от политики НАТО, так как практически все государства входящие в Евросоюз являются членами Североатлантического Альянса. При этом существует некоторое разделение: ЕС сосредоточено на экономическом сотрудничестве, а НАТО сконцентрировано на военно-политическом и военно-техническом. Обозначим, что все геополитические и военно-стратегические интересы США и НАТО в регионе стоит рассматривать в контексте соперничества с Россией.

С 1997 г. черноморско-каспийский регион объявлен зоной американских национальных интересов и рассматривается не только как источник энергоресурсов, альтернативный Персидскому заливу, но и как плацдарм последующего доступа США к перспективным рынкам Китая, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии. Действия Америки усиливают напряженность в регионе, что повышает вероятность возникновения конфронтационных ситуаций и конфликтов. Напомним, что основной целью США и НАТО является не допущение объединения России, Ирана и Китая в единый блок.

К упомянутым угрозам российской безопасности в военной и экономической сфере стоит добавить и угрозы культурологического характера. В этой связи релевантным является исследование аспиранта ННГУ Максима Медоварова[1], который, говоря о геополитике букв, в контексте информационных войн, показывает, как в эпоху глобализации происходит использование графики и орфографии в идеологической борьбе. На территориях, где ослабевает влияние России, вместе с усилением западного влияния запускаются процессы, влекущие за собой замещение графического начертания алфавита, в частности с кириллицы на латиницу.

Все проекты, реализуемые в Балтийско-Черноморско-Каспийском регионе, имеют антироссийских характер, влекут за собой и милитаризацию региона для сдерживания потенциала России, и преследуют

[1] *Медоваров М.*, Геополитика букв [Электронный ресурс] URL:http://www.rossia3.ru/politics/foreign/kirillitsa (дата обращения — 24.11.2011).

цель разрыва многовековых культурно-исторических связей, и вывода из-под сферы влияния России территорий, необходимых для ее выживания. Наглядным примером тому может послужить Грузия, которая модернизировала свои вооруженные силы при помощи и финансовой поддержке США и НАТО: военная база вблизи города Сенаки в 2006 г., военная база в Гори в 2008 г., модернизация авиабазы Марнеули, строительство аэродромов вблизи Местия, Чихареши, поставка грузинской армии боевых вертолетов «Апач» и «Блекхок», и т. д.

Центральная Азия

Для более полного понимания действий США в азиатском районе постсоветского пространства приведем высказывание помощника государственного секретаря США по делам Средней Азии Роберта О. Блейка, который в своей речи «Приоритеты администрации Обамы в Южной и Центральной Азии», произнесенной 11 января 2011 г., подчеркнул, что Средняя Азия лежит на стратегически важном перекрестке дорог, граничащих с Афганистаном, Китаем, Россией, Индией и Ираном. Это объясняет, почему Соединенные Штаты намерены расширять свое присутствие в этом критическом регионе и сотрудничать с находящимися в нём странами. Именно поэтому США, используя как предлог борьбу с «международным терроризмом», а так же раздавая различного рода финансовые и экономические обещания, небезуспешно склоняют страны региона — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан к созданию на их территориях американских военных баз и опорных пунктов. Заняв ключевые позиции в Центральной Азии, США замыкают кольцо своего господства вокруг Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии, получая при этом доступ к энергоресурсам региона. Заявляя о выводе войск из Афганистана, США и НАТО, скорее всего, будут реализовывать план по переброске военных в страны Центральной Азии.

В данном контексте нельзя не затронуть проект Большой Центральной Азии Фредерика Старра. Целью проекта является трансформация всего региона в зону государств с рыночными экономиками, светскими и открытыми системами государственного управления, уважающими права человека и поддерживающими позитивные отношения с Вашингтоном. В рамках осуществления программы «Боль-

шой Центральной Азии» США планируют создание энергосистемы, объединяющей Центральную и Южную Азию. Суть программы заключается в том, чтобы направить энергоресурсы Центральной Азии (нефть Казахстана, газ Туркменистана, гидроресурсы Кыргызстана и Таджикистана) в сторону Афганистана, Пакистана и Индии для удовлетворения их растущих потребностей. Создание БЦА позволит США не только вывести центрально-азиатские республики бывшего СССР, большинство из которых входит в Шанхайскую Организацию Сотрудничества, из-под влияния России и Китая, и объединить их с прозападно ориентированными странами Центральной Азии, но окончательно закрепиться в регионе. Предлагаемый Америкой проект для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана открывает некую альтернативу, так если евразийская интеграция мыслится как мост между ЕС и странами АСЕАН в Юго-Восточной Азии, то участие в БЦА — это мост между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией.

Отдельно обозначим угрозу, связанную с увеличением объема производства героина и наркотрафика из Афганистана. Как отмечают эксперты, начиная с 2001 г., т. е. с момента вторжения США и сил коалиции в эту страну, выращивание опиатов увеличилось в три раза, а производство героина только за последний год составило порядка 870 тонн. Как отметил Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ Виктор Иванов, Афганистан превратился по сути в наркогосударство — в стране производится 93% всех опиатов в мире. Только по официальной статистике, сегодня в России регулярно используют наркотики 530 тысяч человек, на деле эта цифра в три-четыре раза больше. 90% наркозависимых людей — это больные афганскими опиатами. И самое страшное, что 90% этих больных — люди в возрасте до 35 лет, — отмечает директор ФСКН РФ. По данным аналитиков, поставки героина в Россию осуществляют 180 афганских наркокартелей. У каждого из них свой уникальный товарный бренд, нечто вроде своеобразного знака качества, который ставится на упаковки с наркотиками. Изъятые с начала 2011 года полторы тысячи таких клейменых упаковок содержат порядка 300 миллионов разовых доз, то есть по две на каждого гражданина России, включая и младенцев. Какое количество героина удалось незаконно провезти на территорию России наркокурьерам, остается лишь гадать.

Азиатско-Тихоокеанский регион

Россия в данном регионе граничит с Китаем на юге, КНДР на крайнем юге, Японией на юго-востоке и США.

Стратегии США в регионе в основном направленны против возрастающего потенциала Китая. Напряженность в отношениях приобрела более жесткий характер после того, как в 2010 г. на встрече глав МИД стран АСЕАН во Вьетнаме госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила, что Вашингтон выступает за свободную навигацию в Южно-Китайском море, которое Китай считает зоной своих ключевых интересов. После этих событий можно было наблюдать рост военной активности Соединенных Штатов, в частности проведение военно-морских маневров Pacific Reach с участием США, Японии, Южной Кореи, Австралии и Сингапура, а так же первые совместные военно-морские учения США и Вьетнама. При наличии у Китая споров с соседними странами о морских территориях, обстановка в регионе заметно накаляется.

Так же в своем недавнем турне по тихоокеанскому региону Барак Обама заявил: «Поскольку мы закончили все войны, в качестве приоритетной задачи я поручил своей команде национальной безопасности обеспечить присутствие и миссию в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Добавив, что США усилят свое влияние на регион, несмотря на сокращения бюджета. На практике эти заявления выльются в создание военных баз морской пехоты в Австралии и в Сингапуре, а так же в укреплении военных связей с Филиппинами.

Еще одним немаловажным событием стало заявление президента США на саммите Ассоциации Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на острове Бали о том, что с двухдневным визитом Бирму посетит Хиллари Клинтон. Цель визита заявлена как дальнейшее давление на правящую хунту, уже объявившую о реформах, которые должны повести страну по пути политической и экономической открытости, к ослаблению политического контроля и расширению свободы СМИ, что позволит США открыть путь во власть бирманским оппозиционным силам. Происходящие события говорят о том, что получит реализацию концепция «углублённой демократии». Вот ее основные пять компонентов: честные и свободные выборы; свобода собраний, выражения мнений в СМИ; верховенство закона, которое осуществляет независимое правосудие, право на честный суд; борьба с коррупцией;

реформирование спецслужб и правоохранительных органов (включая полицию) и обеспечение демократического контроля над ними. Воплощаются эти реформы следующим образом: глобальные неправительственные организации выделяют гранты широкому кругу НПО и НКО на выявление нарушений со стороны властей в вышеперечисленных сегментах общественной жизни. Последние в свою очередь публикуют отчеты и привлекают внимание мировой общественности к попранию демократических ценностей и ущемлению прав человека. Оппозиционные силы внутри страны начинают устраивать акции протеста, на которых, как правило, провоцируются силовые структуры на жесткие меры, создавая в информационной среде авторитарный антидемократический образ власти. Для выведения людей на улицы используются сетевые технологии, в частности Socket puppet revolution, и ненасильственные методы сопротивления, описанные Джином Шарпом в своей работе «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». О противостоянии «гражданского общества» и власти подхватывают транснациональные СМИ, лидеры западных стран начинают оказывать давление и требовать не только реформирования системы власти, но и смены последней.

Реализацию данной концепции на практике можно отследить на примере событий в странах Магриба, названных прессой «арабской весной». Можно с уверенностью говорить о том, что в скором времени будут запущены деструктивные процессы по созданию пояса нестабильности в Южно-Азиатском регионе на границах Китая, возможно также, что в очередной раз будет разыграна карта радикального исламизма. Также стоит ожидать вспышек сепаратизма в самом Китае, тем более, что предпосылок для этого более чем предостаточно.

Для полного понимания этих процессов рекомендуется ознакомиться с работами Стивена Манна, в частности об «управляемом хаосе»[1], в которых он предложил модель, построенную на аналогии между государством и компьютерной системой[2]. Любая страна ассоциируется с «железом», а политическая культура и идеология — с программным обеспечением. Демократия, которую стоит рассматривать как саморазвивающийся вирус, внедренная в «компьютерную

[1] *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] http://www.geopolitica.ru/Articles/890/ (дата обращения — 24.11.2011).

[2] *Савин Л. В.* Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] URL:http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie.html (дата обращения — 24.11.2011).

систему» позволит достичь положительного результата по смене режима, не прибегая к военным действиям и оккупации. Как это было в Египте и Тунисе; при сопротивлении со стороны правящих элит, как это было в Ливии, возможны и силовые методы, но смена действующей администрации все равно произойдет под лозунгами защиты демократии.

Мнения, что напряженность между США и Китаем находятся в сфере их двусторонних отношений, являются ошибочными. Американо-китайское противостояние имеет глобальный контекст и в ближайшем будущем окажет фундаментальное влияние на расстановку сил и изменения всей архитектуры мира. Во-первых, Китай на сегодняшний день — это экономика номер один в мире. Во-вторых, китайцы сейчас проводят колоссальное перевооружение своих вооруженных сил, и если они успеют его закончить, США останется лишь признать свое поражение. Но согласятся ли американцы уступить мировое господство? Нет. Поэтому-то Пол Вулфовиц и говорит о том, что последний год, когда можно начинать войну против Китая, — 2017. После 2017 г. воевать будет уже бесполезно. Поэтому в ближайшее время против Китая будут запущены различные стратегии, за которыми будут стоять США, явно или косвенно.

Наличие конфликта и постоянно подогреваемой напряженности со стороны США между Северной и Южной Кореями, являются сигналом, что и эта ситуация будет задействована для дестабилизации. Китай вряд ли останется безучастным в случае развязывания военных действий против КНДР. Тот факт, что союзником Сеула являются США, только обостряет ситуацию в приграничных с Россией территориях.

Несмотря на то, что российско-японские отношения невероятно важны для обеих стран, их омрачает 2 момента: наличие территориального спора и военное присутствие вооруженных сил США, дислоцированных на острове Окинава. Летом 2011 г. по итогам очередного раунда двусторонних переговоров в формате «два плюс два» представители Японии и США в совместном заявлении консультативного комитета по безопасности США и Японии обозначили одной из стратегических целей альянса Вашингтона и Токио полную нормализацию российско-японских отношений посредством урегулирования вопроса о принадлежности «северных территорий». «Северными территориями» Япония называет Южные Курилы. Участвовавшие в

переговорах госсекретарь США Хиллари Клинтон, шеф Пентагона Роберт Гейтс и министры иностранных дел и обороны Японии Такэаки Мацумото и Тасими Китодзава не позволяют сомневаться в серьезности подобных намерений. Тем более, что США связаны с Японией союзным договором 1960 г. и правительство Соединенных Штатов неоднократно высказывало признание суверенитета Японии над ее «северными территориями».

Отметим, что в отношениях России и США есть комплекс территориальных противоречий. Москва не ратифицировала Вашингтонское соглашение 1990 г. о передаче Соединенным Штатам спорного сектора в Беринговом море. США так же оспаривает эксклюзивные права российской стороны на ряд участков Северного морского пути. Акватория Северного Ледовитого океана не до конца разграничена, обе стороны имеют разные позиции по этому вопросу, но об этом чуть ниже. Что же касается американского военного потенциала в регионе, то, прежде всего, нужно отметить военные базы на Аляске, где дислоцированы две бригады сухопутных войск, два авиакрыла ВВС, а так же 176-е авиакрыло ВВС Национальной гвардии США с транспортными самолетами С-130Н. При этом в Форт-Грили находится самый крупный позиционный район глобальной системы ПРО США, оснащенной ракетами GBI, количество которых планируется довести до 30-40 штук. Так же на Аляске дислоцируются корабли и катера береговой охраны, которые относятся к 14 району Тихоокеанской зоны береговой охраны. Принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и Номе.

Северные моря России

В связи с начавшимся интенсивным таянием арктических льдов исчезновение ледового покрова создает условия для круглогодичного плавания торговых судов и боевых кораблей по Северному морскому пути и сезонного в высоких широтах. Северный морской путь из Европы в Азию почти на 5 тыс. км короче пути через Суэцкий канал. Смягчение климата на планете прогнозируется не однозначно, но американские стратеги не сидят, сложа руки, и уже готовятся к открывающимся новым вызовам. «Изменения климата открывают водные пространства Арктики не только для разработки новых ресурсов, но также для новых судоходных маршрутов, которые могут

изменить глобальную транспортную систему», — говорится в американской «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». В международной политике руководства США одно из центральных мест занимает признание растущего значения региона не только для экономики страны, но и для военных целей. Что нашло свое отражение в американской стратегии национальной безопасности. Ежегодные масштабные военные учения, проходящие в Арктике, наглядный тому пример. США планируют закончить развертывание, в рамках новой архитектуры системы ПРО, боевых кораблей не только в Средиземном, Черном, Балтийском, но и в Баренцевом и Северном морях. Генсек НАТО так же выразил мнение, что Альянсу будет необходимо расширять военное присутствие в Арктическом регионе по мере того, как глобальное потепление будет растапливать северные льды. Арктика имеет важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для старта баллистических ракет, для систем противоракетной обороны и для других элементов систем стратегического сдерживания.

С международно-правовой точки зрения в современных условиях Арктика остается «ничейной землей». Однако в последнее время зазвучали призывы к пересмотру этого статуса, поскольку в Арктике открыли широкий ряд полезных ископаемых и залежи некоторых из них подходят для промышленного освоения. При этом действия России по юридическому закреплению за РФ территорий арктического шельфа рассматривается в США как угроза американским национальным интересам, где России отводится место главного соперника США в борьбе за преобладание в Арктике.

Стратегия США в Арктике соответствует сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. При реализации своих интересов особое внимание уделяется формированию негативного отношения международного сообщества к государствам-конкурентам. Проводя информационные компании по дискредитации, Вашингтон расширяет свое военное присутствие в регионе, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. Так, например, американские СМИ постоянно подчеркивают экономические и социальные проблемы в арктической зоне России, формируя мнение о том, что только расширение иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического присутствия в российской Арктике может спасти регион

«от деградации» и экологических угроз. При этом задействуются различные международные и российские экологические организации, создающие общественный резонанс о наносимом вреде окружающей среде Арктики со стороны России. США уже сегодня требуют прямого доступа своих представителей к российским военным объектам и технологиям, настаивая на реализации программ по утилизации объектов российских военно-морских сил, в частности программы Нанна-Лугара. То есть США помимо чисто экономических задач пытается решить еще одну — установление контроля над российским Северным флотом.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что динамика происходящих событий полностью укладывается в логику геостратегии «Анаконда» в частности и в логику классической модели геополитики в целом. Взяв момент осознания «крах СССР — геополитическая катастрофа» за отправную точку — видим, что территории, вышедшие из-под влияния Хартлэнда, переходя на орбиту геополитического противника, сильнее сжимают кольцо анаконды.

Все те деструктивные процессы, что были заложены распадом Советского Союза, на данный момент приостановлены, но не сняты с повестки дня. Можно предположить, что с запуском интеграционного проекта в рамках Евразийского Союза на границах России напряженность будет нарастать. Этот аспект не сокрылся от наших военных.

Начальник Генштаба Минобороны России Николай Макаров, выступая с докладом в Общественной палате РФ, сказал о том, что возможность локальных вооруженных конфликтов практически по всему периметру границы России резко увеличилась. При определенных условиях локальные и региональные вооруженные конфликты могут перерасти в крупномасштабную войну, в том числе с применением ядерного оружия. При этом Макаров также напомнил о возможных угрозах в Средней Азии в случае вывода американских войск из Афганистана.

Для противодействия развертыванию системы ПРО в Европе Россия вынуждена принять ряд оборонительных мер. Российские баллистические ракеты оснастят перспективными комплексами преодоления противоракетной обороны, Вооруженные силы РФ разработают

меры по разрушению информационных и управляющих средств американской системы ПРО, а в Калининградской области будет развернут ракетный комплекс «Искандер». С такими словами обратился к гражданам РФ президент Дмитрий Медведев.

Так же стоит обратить внимание на то, что в последнее время во многих аналитических журналах, издаваемых в США и Европе, часто употребляются фразы — распад России на маленькие национальные государства, война на Кавказе как катализатор процесса распада России, и т.д.

Евразийские интеграционные процессы в данном контексте стоит рассматривать как геополитический ответ на глобальные вызовы, но необходимо помнить, что экономические подходы к этим процессам должны быть дополнены и политическими и военными. Создание одного из полюсов многополярного мира подразумевает и его способность к обороне, а это значит, что восстановление контроля над территорией Исторической России должно так же дополниться созданием приграничных буферных зон, которые впрочем, можно интегрировать в единый союз.

Лорен Гудрич

РОССИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ ПО ВОЗМОЖНОСТИ

Отношения между США и Россией, кажется, были относительно спокойными в последнее время, хотя в Вашингтоне есть множество противоречивых взглядов об истинном характере современной внешней политики России. Также есть и сомнения насчет искренности Государственного департамента США по поводу так называемой «перезагрузки» отношений с Россией — этот термин начал употребляться в 2009 г., когда государственный секретарь США Хиллари Клинтон передала кнопку перезагрузки (reset) своему русскому коллеге в качестве символа моратория на эскалацию напряженности между Москвой и Вашингтоном. Проблема состоит в том, является ли «перезагрузка» реальным сдвигом в отношениях между двумя бывшими противниками или просто передышкой перед тем, как отношения вновь ухудшатся.

Перезагрузка на самом деле имела мало общего с Соединенными Штатами, желающими видеть Россию в качестве друга и союзника. Скорее всего, Вашингтон хотел создать условия для управления другими ситуациями — в основном в Афганистане и Иране — и просить Россию о помощи (Россия уже оказывает помощь в транспортировке грузов в Афганистан и отказалась от поддержки Ирану). Между тем, Россия также хотела бы изменить условия, чтобы выстроить систему, которая помогла бы ей создать новую версию своей старой империи.

Конечный план России состоит в том, чтобы восстановить контроль над большей частью своих бывших территорий. Это неизбежно опять приведет Москву и Вашингтон в противостояние, что поставит крест на так называемой перезагрузке, так как русское могущество

на всей территории Евразии является прямой угрозой способности США сохранить свое влияние в мире. Так Россия действовала на протяжении всей истории для того, чтобы выжить. Советский Союз действовал в том же русле, что и большинство имперских режимов до него, и Россия сегодня следует той же модели поведения.

География имперостроительства

Определяющей географической характеристикой России является ее незащищенность, а значит, ее главная стратегия заключается в создании для себя безопасности. В отличие от большинства могущественных стран, центральный регион России, Московия, не имеет никаких препятствий для ее защиты, и таким образом она была захвачена несколько раз. Из-за этого на протяжении всей истории Россия расширяла свои географические границы для того, чтобы установить редут и создать стратегическую глубину между русским ядром и множеством окружающих ее врагов. Это означает расширение до естественных преград Карпатских (Украина и Молдова) и Кавказских гор (в особенности, для Малого Кавказа, в прошлом в Грузии и Армении) и Тянь-Шаня на дальней стороне Центральной Азии. Одной географической дырой является Восточно-Европейская равнина, где Россия исторически устанавливает для себя столько территории, сколько было возможным (например, страны Балтии, Беларусь, Польша и даже некоторые части Германии). Короче говоря, для того, чтобы Россия была в безопасности, она должна создать некий тип империи.

С созданием империи связано две проблемы: люди и экономика. Из-за того, что они абсорбируют довольно много территорий, Российские империи столкнулись с трудностями обеспечения огромного количества людей и подавления несогласных (особенно тех, кто не были этническими русскими). Это приводит к изначально слабой экономике, которая никогда не сможет преодолеть инфраструктурные проблемы обеспечения для населения огромной империи. Однако, несмотря на свои экономические недостатки, это никогда не удерживало Россию от притязания на статус могущественной силы в течение длительного периода времени, потому что Россия часто акцентирует значение своего сильного военного аппарата и служб безопасности, чем (а иногда и в ущерб) экономическое развитие.

Поддержание сильного государства

Российская власть должна быть измерена с точки зрения государственной мощи и способности управлять людьми. Это не то же самое, что популярность правительства России (хотя популярность бывшего президента и нынешнего премьер-министра Владимира Путина нельзя отрицать), это способность руководства России, будь то царь, Коммунистическая партия или премьер-министр, сохранить жесткий контроль над обществом и обеспечить безопасность. Это позволяет Москве брать ресурсы из народного потребления для государственной безопасности и подавления сопротивления. Если правительство имеет жесткий контроль над людьми, народное недовольство политикой, социальной политикой или экономикой не представляют угрозу для государства — по крайней мере, не в краткосрочной перспективе.

Это случается тогда, когда российские лидеры теряют контроль над аппаратом безопасности, что приводит к падению режимов. Например, когда царь потерял контроль над армией во время Первой мировой войны, он потерял власть, а Российская империя распалась. При Иосифе Сталине отмечалась массовая экономическая дисфункция и массовое недовольство, но Сталин сохранил жесткий контроль над службой безопасности и армией, которые он использовал, чтобы иметь дело с любыми намеками на инакомыслие. Экономическая слабость и жесткий режим в конечном итоге были приняты в качестве неизбежной цены за безопасность стратегическое могущество .

Москва использует ту же логику и стратегию сегодня. Когда Путин пришел к власти в 1999 г., русское государство было разбито и уязвимо для других мировых держав. Для того, чтобы восстановить стабильность в России — и в конечном итоге свое место на мировой арене — Путин должен был сначала консолидировать власть Кремля внутри страны, что означало укрепление страны в экономическом, политическом и социальном плане. Это произошло после того, как Путин реорганизовал и укрепил службы безопасности, что дало ему большие возможности для доминирования над людьми, объединенных под одной политической партией, а также очистить страну от иностранного влияния в экономике и создать культ личности среди народа.

Затем Путин положил глаз на русскую империю для того, чтобы обеспечить будущее страны. Это был выбор не лично Путина, а национальных проблем безопасности, связанных с вековым историческим прецедентом.

Путин видел, как США посягают на территории России, которые считаются необходимыми для ее выживания: Вашингтон помог большинству государств Центральной Европы и бывших советских стран Балтии вступить в НАТО и Европейский Союз; поддерживал прозападные «цветные революции» в Украине, Грузии и Кыргызстане; создавал военные базы в Центральной Азии, а также объявил о планах размещения баллистических установок ПРО в Центральной Европе. Для России казалось, что США пожирали ее периферию для того, чтобы Москва навсегда осталась уязвимой.

За последние шесть лет Россия в какой-то степени снизила западное влияние в большинстве бывших советских республик. Одна из причин такого успеха состоит в том, что Соединенные Штаты были заняты другими вопросами, в основном в странах Ближнего Востока и Южной Азии. Более того, Вашингтон ввел себя заблуждение, полагая, что Россия не будет официально пытаться воссоздать нечто вроде империи. Но, как мы видели на протяжении всей истории, она должна это сделать.

Планы Путина

Путин объявил в сентябре, что он будет стремиться опять занять президентский пост в России в 2012 г., и он начал с изложения своих целей для нового царствования. Он заявил, что Россия должна формализовать свои отношения с бывшими советскими государствами, создавая Евразийский Союз (ЕАС); другие бывшие советские республики предлагали эту концепцию почти десять лет назад, но Россия именно сейчас находится в таком положении, в котором она может приступить к осуществлению этого проекта. Россия начнет эту новую интеграцию русской империи, создав союз с бывшими советскими республиками на основе текущих ассоциаций Москвы, таких как Таможенный Союз, Союзное Государство и Организация Договора о Коллективной Безопасности. Это позволит ЕАС стратегически охватить как экономическую сферу, так и сферу безопасности.

Предстоящий ЕАС не будет являться воссозданием Советского Союза. Путин понимает, какие уязвимости ожидают Россию, если она понесет бремя экономической и стратегической заботы о таком количестве людей на территории почти в девять миллионов квадратных километров. Попытки прямого контроля являлись одним из самых слабых мест Советского Союза. Вместо этого Путин создает союз, в котором Москва будет влиять на внешнюю политику и безопасность,

но не будет нести ответственность за большую часть внутренних дел в каждой стране. Россия просто не имеет средств на то, чтобы поддерживать такие интенсивные стратегии. Москва не считает необходимым разбираться в киргизском политическом театре или экономически поддерживать Украину для того, чтобы контролировать эти страны.

Кремль намерен полностью сформировать ЕАС к 2015 г., когда, по мнению России, Соединенные Штаты снова перенесут свое внимание на Евразию. Вашингтон в этом году занят своими обязательствами в Ираке и намеревается положить конец боевым действиям и значительно сократить свой контингент в Афганистане, так что к 2015 году Соединенные Штаты будут иметь запас военного и дипломатического внимания. Это также тот же период времени, за который будет инсталлирована система противоракетной обороны США в Центральной Европе. Для России это сводится к формированию фронта США и их сателлитов в Центральной Европе у постсоветских (и будущих ЕАС) границ. Это создание новой версии русской империи, в сочетании с консолидацией влияния США на периферии империи, скорее всего, вызовет новые военные действия между Москвой и Вашингтоном.

Это могло бы подготовить почву для новой версии холодной войны, хотя она не будет столь долгоживущей, как предыдущая. Другой причиной Путина по восстановлению русской империи является то, что он знает, что следующий кризис, скорее всего, так повлияет на Россию, что она не сможет вновь возродиться: Россия умирает. Демографические показатели страны являются одними из худших в мире, неуклонно снижаясь со времен Первой мировой войны. Рождаемость в стране значительно ниже смертности, и сейчас уже там больше граждан за 50 лет, чем подросткового возраста. Россия может быть крупной державой без крепкой экономики, но ни одна страна не может быть мировой державой без людей. Вот почему Путин пытается укрепить и обезопасить Россию в настоящее время, прежде чем ее ослабит демография. Однако, даже принимая во внимание демографические показатели, Россия будет в состоянии поддерживать свой нынешний рост у власти в течение, по крайней мере, еще одного поколения. Это означает, что ближайшие несколько лет, вероятно, будут последним великим моментом для России, который будет отмечен возвращением страны в качестве региональной империи и новой конфронтацией с ее старым противником, Соединенными Штатами Америки.

Владислав Гулевич

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ У ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Идея о создании монолитного Евразийского Союза ещё не получила практического наполнения, однако уже сейчас представляется целесообразным проанализировать основные тенденции, которые будут не способствовать, а препятствовать воплощению в жизнь этой идеи.

Наибольшее беспокойство гипотетический Евразийский Союз вызвал у западного экспертного сообщества, поскольку как раз в этой части света находятся непримиримые оппоненты этой идеи, и больше всего проблем у сторонников евразийской интеграции возникнет как раз со странами Запада, в т.ч. ближайшего Запада — постсоциалистическими странами Европы и бывших советских республик, ориентированных не столько на Москву, сколько на Вашингтон и Брюссель.

Так, в СМИ появилась информация о том, что главы МИД Германии и Польши Гидо Вестервелле и Радослав Сикорский выступили с совместным призывом к ЕС о разработке новой стратегии в отношении Москвы. Основной упор предлагается сделать на модернизацию экономики и политической системы, а также соблюдение демократических ценностей. Очевидно, что участие западных инвесторов в модернизации российской экономики будет напрямую зависеть от дисциплинированности Москвы в вопросах прав человека, своеобразно понимаемых Западом. О конкретном практическом наполнении инициативы Сикорского и Вестервелле говорить рано, но некоторые прогнозы можно сделать уже сейчас. Первое впечатление — Россию хотят принудить к игре по правилам Запада, а за это обещают некоторые экономические послабления.

Сам факт договорённостей между Берлином и Варшавой по «русскому вопросу» может означать контуры новой геополитической конструкции — ось Берлин — Варшава. Идея ориентации Польши на Германию не нова. Впервые предельно внятно и обоснованно её озвучил польский геополитик германофильских убеждений Владислав Гизберт- Студницкий, ещё в начале XX в. По мнению Гизберт-Студницкого, Польше самой природой уготована роль союзницы Германии[1]. Этот союз должен быть направлен на борьбу с Россией. Берлину он отводил ведущую роль, Варшаве — вспомогательную. Немцы, поэтому, должны контролировать всю Центральную Европу, а полякам будет отдана Европа Восточная, в т.ч. территории, на тот момент входящие в состав Российской империи (Украина, Белоруссия). Германофильство Гизберт-Студницкого было настолько сильно, что даже после разгрома Польши вермахтом в 1939 г. он обращался к руководству Третьего Рейха с идеей воссоздания Войска Польского под нацистским командованием для совместной войны против Советского Союза.

Геополитическая логика в концепциях Гизберт-Студницкого предполагала присоединение Польши к конструированию т.н. Средней Европы (Mitteleuropa), понятой не географически, а политико-идеологически. Концепция Средней Европы была выдвинута немецким политическим деятелем Фридрихом Науманном во время Первой мировой войны и предполагала доминирование Германии в масштабах всей Центрально-Восточной Европы, оттеснение России вглубь евразийского материка и создание санитарного кордона из небольших, по максимуму германизированных, государств, зависимых от Германии — Литва, Латвия, Польша, Украина и т.д. Гизберт-Студницкий понимал, что если Польша будет пассивна, она превратится в объект геополитики, и не будет её субъектом. Выход, по его мнению, был в присоединении Варшавы к империалистическим планам Берлина, пусть и на вторых ролях. Поскольку Россия завладела 80% польских территорий, в т.ч. столицей Польши — Варшавой, именно она, по мысли Гизберт-Студницкого, была основным врагом поляков.

Современная Польша вынуждена считаться и с Берлином, и с Москвой. Тезис польского геополитика Адольфа Бохенского, о том, что Польша — это проклятое место Европы (из-за соседства с

[1] Wladyslaw Gizbert-Studnicki. Przeciw pradowi. W sprawie obchodu grunwaldzkiego. Krakow, Polskie Tradycje Intelektualne, 1910.

более мощными Германией и Россией), всё ещё актуален в польской геополитике, хотя ряд интеллектуальных школ отрицают его насущность в XXI в. В силу принадлежности польского народа к лону западной цивилизации, в т.ч. в политико-институциональном смысле, Польша, скорее, выберет Германию, чем Россию. И союз Берлина и Варшавы принесёт немало хлопот для российской политики в Европе[1].

Характерно, что правящий в Германии правоцентристский Христианский демократический союз в своём программном документе, озвученном на съезде партии 14 — 15 ноября 2011 г., отмечает важность консолидации Европы под эгидой Германии и Франции. Опорой европейской восточной политики христианские демократы видят Польшу, и выступают за активизацию роли Веймарского треугольника. «Треугольник» появился в 1991 году, когда Франция и объединённая Германия перестроили свою политику на постсоветском пространстве. С распадом СССР постсоциалистическая Европа превратилась в зону непосредственных геополитических интересов Берлина и Парижа. Привлечение Польши, одной из самых крупных по численности населения и территории стран «новой Европы» в качестве «третьего угла», диктовалось тем, что немцы и французы стремились держать поляков в рамках диалога, осуществляя мягкий контроль над внешней политикой Варшавы.

12 мая 2011 г. страны Вишеградской четвёрки (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) объявили о намерении создать новое боевое соединение под командованием Польши, которое к 2016 году превратится в полноценный военно-политический механизм с формально отдельными от НАТО полномочиями. И уже с 2013 года Вишеградская группа примет участие в серии военных учений «Ответная сила» (под эгидой НАТО). Подписав ещё в 1990-х совместную декларацию о стремлении к интеграции в европейские структуры, Вишеградская группа чётко обозначила политико-идеологический рубеж, на котором она собиралась «сдерживать» Россию. Решение Вишеградской четвёрки «сплотиться силой» может прочно «запечатать» восточноевропейское направление для российской внешней политики… Выбор Польши на роль руководителя новообразованного союза тоже не случаен: поляки — самый крупный по численности армии и населению союзник США в Восточной Европе с задатками регионального лидера и далеко идущими внешнеполитическими амбициями.

[1] Wldyslaw Gizbert-Studnicki. System polityczny Europy a Polska. Warszawa, 1935.

Страны нового военного блока раскинулись от Балтийского побережья до границ Румынии. По центру будут сосредоточены вооружённые силы Вишеградской четвёрки, а с флангов находятся Румыния с её экспансионистскими идеями и отношением к России как к врагу №1 (что записано в военной доктрине Бухареста) и страны Прибалтики с натовским контингентом и традиционной русофобией. Обсуждаются перспективы присоединения к блоку в ближайшие десять лет Украины — ключевого звена европейской политики на востоке.

Для того чтобы полностью отгородиться от России, Вишеградской группе желательно заручиться поддержкой Болгарии и Турции. Открыто София помогать «замуровывать» восточно-европейские рубежи не собирается, но и мешать этому не будет. Сложнее с Анкарой. С недавних пор отношения Турции и РФ значительно улучшились, а это значит, что «вишеградский заслон» на юге так и не упрётся в Черное море. Однако настораживают новые уступки турецких властей Вашингтону, в т.ч. в вопросах размещения элементов системы ПРО.

Из всех стран-членов Вишгерадской группы наиболее ровные отношения у Москвы со Словакией. С венграми, чехами и поляками ситуация сложнее. Поэтому в случае попытки Москвы достичь взаимоприемлемых договорённостей в диалоге с Вишеградской четвёркой переговоры, скорее всего, начнутся с Братиславой. Внешнеполитический вес Словакии не так велик, но в региональном масштабе она представляет собой звено, наиболее открытое к сотрудничеству с Россией.

Стремление Варшавы активно участвовать в строительстве новой Европы и потепление в польско-российских отношениях не означает, что Польша готова «отказаться» от Украины или Белоруссии. Так называемые «восточные территории», к которым поляки относят западные районы Украины и Белоруссии, а также южную Литву, — это колыбель польской культуры, где родились и творили многие её представители. Отказ от «кресов всходних» для поляков немыслим. Несмотря на некоторое сближение Москвы и Варшавы, репортажи польских СМИ, вещающих на «восточные территории», по-прежнему выдержаны в крайне русофобских тонах. «Восточные земли» — тот рубеж, который Польша не намерена оставлять ни при каких условиях. «Кресы всходни» для поляков — это сугубо польский вопрос.

Необходимо отметить, что в польском экспертном сообществе до сих пор остаётся востребованной идея польского прометеизма,

получившая активную поддержку в 1920-х — 1930-х маршала Ю. Пилсудского. Прометеизм — концепция мессианского служения Польши на благо народов Европы в их борьбе с российским экспансионизмом. Польшу сравнивали с легендарным Прометеем, который нёс огонь свободы людям и поплатился за это жизнью. В довоенной Польше на прометейскую идею работал Восточный институт в Варшаве. В Париже действовала организация «Прометей». Ячейки организации существовали в Хельсинки, Праге, Берлине и близких к южным и восточным рубежам Советского Союза Тегеране и Харбине. Целью организации «Прометей» было расчленение по национальным швам (создание отдельных государств Белоруссии, Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, Туркестана) не только Советского Союза, но и РСФСР (откол Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Дона, Северного Кавказа). Планировалось создание новых государств — Ингрии (район проживания финнов-ингерманландцев) и Идель-Урала (территория расселения татар и башкир). Официальным печатным органом прометейской идеи были издававшиеся в Париже журналы «Прометей» («Prométhée») (1926-1938) и «Прометейское обозрение» («La Revue de Prométhée») (1938-1940). Сегодня идеологию польского прометеизма активно поддерживает специализированный портал «Прометейское обозрение» («Przegląd Prometejski») вместе с Отделом изучения Востока Варшавского университета[1]. Прометейская идея находит отзыв у части интеллектуалов, принадлежащих к геополитической школе, которую условно можно назвать «краковской». Площадкой для развития и популяризации этой идеи служит краковский Центр политической мысли (Osrodek Mysli Politycznej).

Но «краковская» школа не является монополистом в польском геополитическом дискурсе. На одном с ней интеллектуальном поле развивается т.н. «варшавская» школа. Её отличие от «краковской» в том, что «варшавская» школа имеет чёткую проамериканскую ориентацию, как безальтернативный выбор для Польши в условиях её соседства с Россией, а концепцию «Междуморья» рассматривает как романтическую грёзу былых времён. Средоточием «варшавской» геополитической мысли является Центр изучения восточных территорий (Osrodek Studiow Wschodnich).

[1] Andrzej Nowak: Przez Ukraine i Kaukaz na Petersburg: poczatek drogi do koncepcji prometejskich w polskiej mysli politycznej («Przeglad Prometejski»).

Третьим направлением в польской геополитике можно считать «ченстоховскую» или континенталистскую школу. «Ченстоховское» направление зародилось сравнительно недавно и пока является миноритарным течением. С учреждением в 2007 г. в Ченстохове Института геополитики (Instytut geopolityki) континенталистская геополитическая мысль вышла на более высокий интеллектуально-политический уровень, поскольку Институт геополитики поддерживает отношения с правительственными структурами и частью польской интеллектуальной элиты. На похожих позициях стоит также Европейский центр геополитического анализа (Europejski Centrum Analiz Geopolitycznych), который активно сотрудничает с экспертами из стран СНГ.

Очевидно, что проатлантистская геополитическая мысль в Польше имеет явный количественный перевес над польским континентализмом. Две из трёх геополитических школы в той или иной мере привержены талассократическим концепциям, которые приобретают различную военно-политическую форму — от идеи ягеллонской империи и «Междуморья» до создания Pax Polonica или присоединения к НАТО. Далее, из двух традиционных польских внешнеполитических парадигм — пястовской и ягеллонской — преобладает последняя, подразумевающая проникновение на Восток. Интеллектуальный базис ягеллонской доктрины формировался на протяжении не одного столетия, и в современной польской геополитике талассократические принципы, исповедуемые «варшавской» и «краковской» школами, — суть современного измерения доктрины Ягеллонов.

Тем не менее, стабильность на западных рубежах Евразийского Союза возможно при стабильных польско-российских отношениях. Москве необходимо искать точки соприкосновения с Варшавой, даже если это неимоверно трудно. Ось Берлин-Москва, в обход Варшавы, могла бы привнести положительную динамику в европейскую политику России, но у Варшавы есть Вашингтон. Так, в июне 2011 г. в Варшаве было открыто Бюро базирующегося в США Немецкого Фонда Джорджа Маршалла (German Marshall Fund of the United States). Директором варшавского Бюро стал американский профессор польского происхождения Эндрю Михта, специалист по безопасности Центрально-Восточной Европы. Задачами Бюро являются «анализ и исследование вопросов трансатлантического сотрудничества, проблем Центральной Европы и её восточных соседей, в том числе, с

применением сетевых принципов работы и в тесной кооперации со штаб-квартирой Фонда и его представительствами». Примечательно, что варшавское бюро Фонда при сборе аналитической информации будет работать в обход посольства США в Польше — у него иная вертикаль подчинения.

Оскар Жебровский, польский историк и политический географ, предлагал условно разделить Центрально-Восточную Европу на два разнонаправленных полюса — юго-западный и северо-восточный. К юго-западу он относил Польшу, Чехословакию, Венгрию, Германию и т.д. Северо-восток включал в себя Украину (за исключением западных областей), Белоруссию, Молдавию и Россию. Разделительная линия между ними условно проводилась от Гданьска на Балтике до Одессы на Чёрном море. По Жебровскому, эта черта служила границей двух мировоззренческих парадигм, постоянно конфликтующих и конкурирующих друг с другом. И сегодня, анализируя отношения Варшавы, и, шире, коллективного Запада с Москвой, следует учитывать эти нюансы.

Александр Дугин

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Дыхание эпохи

Для каждой исторической эпохи характерна своя «система координат»: политическая, идеологическая, экономическая, культурная. Например, XIX век в России прошел под знаком противоборства «славянофилов» и «западников». В XX веке водораздел прошел между «красными» и «белыми». XXI век станет

веком противостояния «атлантистов»[1] (сторонников «однополярного глобализма»[2]) и «евразийцев»[3].

Против установления атлантистского миропорядка и глобализации выступают сторонники многополярного мира — евразийцы.

[1] Атлантизм — это геополитический термин, указывающий:
исторически и географически — на Западный сектор мировой цивилизации;
военно-стратегически — на страны-члены НАТО (в первую очередь — США);
культурно — на унифицированную информационную среду, создаваемую западными медиа-империями;
социально — на «рыночный строй», возведенный в абсолют и отрицающий многообразие иных форм организации экономической жизни.
Атлантисты — это стратеги Западной цивилизации и их сознательные сторонники в других частях планеты, стремящиеся поставить под свой контроль весь мир, навязать характерные для Западной цивилизации социальные, экономические и культурные стереотипы всему остальному человечеству. Атлантисты являются строителями «нового мирового порядка» — никогда не бывшего прежде устройства мира, выгодного абсолютному меньшинству населения планеты, т.н. «золотому миллиарду».

[2] Глобализм, глобализация — процесс построения «нового мирового порядка», в центре которого стоят политико-финансовые олигархические группировки Запада. В жертву глобализации приносятся суверенные государства, национальные культуры, религиозные доктрины, хозяйственные традиции, представления о социальной справедливости, окружающая среда — все духовное, интеллектуальное и материальное многообразие планеты. Термин «глобализм» в обычной политической лексике означает именно «однополярный глобализм»: не слияние многообразных культур, социально-политических и экономических систем в нечто новое (это было бы «многополярным глобализмом» или «евразийским глобализмом»), но навязывание человечеству западных стереотипов. Глобализм на практике представляет собой новую форму «колониализма» и «империализма».

[3] Евразийство (в широком смысле) — базовый термин, указывающий:
исторически и географически — на весь мир за исключением Западного сектора мировой цивилизации;
военно-стратегически — на страны, неодобрительно относящиеся к экспансионистской политике США и их союзников по НАТО;
культурно — на сохранение и развитие органичных национальных, этнических, религиозных и культурных традиций;
социально — на многообразие форм хозяйствования и «общество социальной справедливости».
Евразийство (в узко историческом смысле) — философское направление, возникшее в 20-е годы в среде русской эмиграции. Основные авторы — Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев, В.Г.Вернадский, В.Н.Ильин, П.П.Сувчинский, Э.Хара-Даван, Я.Бромберг и др. С 50-х по 80-е гг. это направление развивал и углублял Л.Н.Гумилев.
Неоевразийство — возникло в конце 80-х (основатель — философ А.Г.Дугин), расширило традиционное понятие евразийства, объединив его с новыми идейными и методологическими блоками — традиционализмом, геополитикой, метафизикой, элементами философии «новых правых», «новых левых», «третьего пути» в экономике, теорией «прав народов», «этнического федерализма», экологией, онтологической философией, эсхатологическим вектором, новым пониманием универсальной миссии русской истории, парадигматическим видением истории науки и т.д.

Евразийцы принципиально отстаивают необходимость сохранения самобытности каждого из народов Земли, многоцветия культур и религиозных традиций, неоспоримость права народов самостоятельно выбирать путь своего исторического развития. Евразийцы приветствуют общение культур и ценностных систем, открытый диалог народов и цивилизаций, органичное сочетание приверженности традициям с творческим новаторством в культуре.

Быть евразийцем — это сознательный выбор, сочетающий стремление сохранить традиционные формы бытия со стремлением к свободному творческому развитию (общественному и личному).

Поэтому евразийцы — это не только представители народов, населяющих континент Евразия. Евразийцами являются все свободные творческие личности, признающие ценность традиции — в том числе и представители регионов, объективно являющихся базой атлантизма.

Евразийцы и атлантисты противоположны друг другу. Они отстаивают два разных, альтернативных, образа мира и его будущего. Именно противостояние евразийцев и атлантистов определит исторический облик XXI века.

Евразийское видение будущего мира

Евразийцы последовательно отстаивают принцип многополярности, выступая против однополярной глобализации, навязываемой атлантистами.

В качестве полюсов этого нового мира будут выступать не традиционные государства, а новые интеграционные цивилизационные образования («большие пространства»), объединенные в «геоэкономические пояса» («геоэкономические зоны»).

Исходя из принципа многополярности, будущее мира представляется как равные, доброжелательные партнерские отношения всех стран и народов, организованных по принципу географической, культурной, ценностной и цивилизационной близости в четыре геоэкономических пояса (каждый их геоэкономических поясов состоит, в свою очередь, из нескольких «больших пространств»)

Евро-африканский пояс, включающий три «больших пространства» — Европейский Союз, Исламско-арабская Африка, субтропическая (черная) Африка;

Азиатско-Тихоокеанский пояс, включающий Японию, страны Юго-Восточной Азии и Индокитая, Австралию и Новую Зеландию;

Евразийский континентальный пояс, включающий четыре «больших пространства — «Евразийский Союз» (куда входят Россия, страны СНГ плюс некоторые страны Восточной Европы), страны континентального ислама, Индию, Китай;

Американский пояс, включающий три «больших пространства» — Северную Америку, Центральную Америку и Южную Америку.

При такой организации мирового пространства маловероятны глобальные конфликты, кровопролитные войны, крайние формы конфронтации, угрожающие самому бытию человечества.

Россия и ее партнеры по евразийскому континентальному поясу установят гармоничные отношения не только с поясами-соседями (евро-африканским и тихоокеанским), но и с поясом-антиподом (американским) который также призван играть конструктивную роль в Западном полушарии в контексте многополярного устройства.

Такое видение будущего человечества противоположно глобалистским планам атлантистов по созданию однополярного стереотипного мира под контролем олигархических структур Запада, с перспективой создания «мирового правительства».

Евразийское видение эволюции государства

Евразийцы считают «государства-нации» в их современном виде устаревшей формой организации пространств и народов, характерной для исторического периода XV-XX вв. На место «государств-наций» должны прийти новые политические образования, сочетающие в себе стратегическое объединение больших континентальных пространств со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий внутри. Определенные черты такой организации пространств и народов можно увидеть как в великих империях прошлого (империи Александра Македонского, Римской империи и др.), так и в новейших политических структурах (Европейский Союз, СНГ).

Нынешние государства сегодня имеют перед собой следующие перспективы:

1) самоликвидация и интеграция в единое планетарное пространство с доминацией США (атлантизм, глобализация);

2) противостояние глобализации, попытка сохранить свои административные структуры (формальный суверенитет) вопреки глобализации;

3) вхождение в надгосударственные образования регионального типа («большие пространства») на основании исторической, цивилизационной и стратегической общности.

Третий вариант — евразийский. С точки зрения евразийского анализа только такой путь развития способен сохранить все самое ценное и самобытное, что призвано защищать современные государства перед лицом глобализации. Чисто консервативное стремление сохранить государство любой ценой обречено. Сознательную ориентацию политического руководства государств на растворение в глобалистском проекте евразийцы расценивают как отказ от той относительной ценности, которой исторические государства обязаны своим существованием.

XXI век будет ареной судьбоносных решений политическими элитами нынешних государств этой задачи с тремя возможными исходами. Борьба за третий вариант развития лежит в основе новой широкой международной коалиции политических сил, резонирующих с евразийским мировоззрением.

Евразийцы видят в Российской Федерации и СНГ ядро будущего самостоятельного политического образования — «Евразийского Союза» и, далее, одного из основных четырех мировых геоэкономических поясов («Евразийский континентальный пояс»).

В то же время, евразийцы являются убеждёнными сторонниками развития многомерной системы автономий[1].

Автономия противоположна суверенитету — способу организации народов и пространств, характерному для государств-наций в их современном виде. В случае суверенитета речь идет о приоритетном праве на свободное и независимое распоряжение территорией. Автономия подразумевает независимость в вопросе организации коллективного бытия людей в областях, не связанных с распоряжением территорией.

[1] Автономия (греч. самоуправление) — форма естественной организации коллектива людей, объединенных по какому-либо органическому признаку (национальному, религиозному, профессиональному, родовому и пр.). Для автономии характерна максимальная свобода в сферах, не касающихся стратегических интересов политических образований континентального масштаба.

Принцип многомерных автономий рассматривается как оптимальная структура организации жизни народов, этносов, социо-культурных групп как в РФ, так и в «Евразийском Союзе», в «Евразийском континентальном поясе», во всех остальных «больших пространствах» и «геоэкономических поясах» («зонах»).

Все земли (территории) новых политико-стратегических образований («больших пространств») должны находиться в прямом ведении центра стратегического управления. В компетенции автономий должны находиться вопросы, сопряженные с нетерриториальными аспектами управления коллективами.

Евразийский принцип разделения властей

Евразийский принцип политического устройства подразумевает два различных уровня управления: местный и стратегический.

На местном уровне управление осуществляется автономиями — естественно сложившимися общинами различного типа (от многомиллионных народов до трудовых коллективов в несколько человек). Управление это осуществляется совершенно свободно и не регламентируется никакими высшими инстанциями. Модель каждого типа автономии выбирается свободно, исходя из традиций, предпочтений, прямого демократического волеизъявления органических коллективов — общин, групп, этносов, религиозных организаций.

В ведении автономий находятся:

- гражданские и административные вопросы,
- социальная сфера,
- образование и медицинское обслуживание,
- все сферы хозяйственной деятельности.

Это все, кроме стратегических отраслей, то есть вопросов, касающихся безопасности и территориальной целостности «большого пространства».

Уровень гражданских свобод при организации общества по евразийскому автономному принципу, беспрецедентно высок. Человек получает невиданные в человеческой истории возможности для самореализации и творческого развития.

Вопросы стратегической безопасности, международная деятельность, осуществляемая за рамками единого континентального про-

странства, экономические проблемы макроуровня, контроль за стратегическими ресурсами и коммуникациями — находятся в ведении единого стратегического центра*.

Единый стратегический центр — условное название инстанции, которой делегирован контроль за стратегическими областями управления «большим пространством». Представляет собой строго иерархизированную структуру, сочетающую элементы военного, правового и административного ведомств. Полюс геополитического планирования и руководства «большим пространством».

В его ведении находятся разрешение спорных вопросов между автономиями, установление границ компетенции, рассмотрение арбитражных споров.

Сферы компетенции властей стратегического и местного уровней строго разграничены. Любые попытки вмешательства автономий в вопросы, находящиеся в компетенции единого стратегического центра, должны пресекаться. И наоборот.

Таким образом, евразийские принципы управления органично сочетают в себе традиционное и религиозное право, национальные и местные традиции, учитывают богатство исторически сложившихся общественно-политических укладов, предоставляя при этом надежные гарантии стабильности, безопасности и неприкосновенности территорий.

Евразийское видение экономики

Атлантисты стремятся навязать всем народам мира единую модель экономического устройства, присвоить опыту хозяйственного развития западной части человеческой цивилизации в XIX-XX вв. статус эталона. Хозяйственным системам других народов и эпох атлантисты отказывают в праве на существование, отрывая таким образом область хозяйствования от конкретных исторических, национальных и социальных условий. Евразийцы, напротив, убеждены в том, что экономический уклад является производным от исторических, культурных аспектов развития народов и обществ; следовательно, в экономической сфере закономерны многообразие, многоукладность, творческий поиск, свободное развитие.

Жестко контролироваться должны лишь масштабные стратегические области, связанные с обеспечением общей безопасности (ВПК,

транспорт, ресурсы, энергоснабжение, коммуникации). Все остальные сектора экономики должны развиваться свободно и органично, в соответствии с условиями и традициями конкретных автономий, где непосредственно разворачивается хозяйственная деятельность.

Евразийство настаивает на том, что в области экономики не существует никаких абсолютных истин — рецепты либерализма и марксизма** применимы только частично и в зависимости от конкретных условий. На практике необходимы разные формы сочетания свободного рыночного подхода с контролем над стратегическими областями и перераспределением прибыли в зависимости от национальных и социальных задач общества в целом. Таким образом, в экономике евразийство придерживается модели «третьего пути».

Либерализм — экономическое учение, утверждающее, что только максимальное освобождение рынка и приватизация всех хозяйственных инструментов создает оптимальные условия для экономического роста.

Экономика евразийства должна строиться на принципах:

- подчинения хозяйства высшей цивилизационной духовной цели;
- макроэкономической интеграции и разделения труда в масштабе «больших пространств» («таможенный союз»);
- создания единых финансовой, транспортной, энергетической, промышленной, информационной систем в пространстве Евразии;
- дифференцированных экономических границ с соседними «большими пространствами» и «геоэкономическими зонами»;
- стратегического контроля центра за системообразующими отраслями с параллельным максимальным освобождением хозяйственной деятельности на уровне среднего и мелкого бизнеса;
- органического сочетания форм хозяйствования (рыночных структур) с общественными, национальными и культурными традициями регионов, отсутствия единообразного экономического эталона в среднем и крупном предпринимательстве;
- максимального освобождения рынка товаров и услуг.

Евразийский взгляд на финансы

Для единого стратегического центра Евразийского Союза вопрос контроля за денежным обращением должен быть также признан стратегически важным. Ни одно платежное средство не должно претендовать на роль универсальной мировой резервной валюты. Необходимо создать собственную, имеющую хождение на всех территориях, входящих в Евразийский Союз, евразийскую резервную валюту. Никакие другие валюты в качестве резервных в Евразийском Союзе использоваться не должны.

С другой стороны, следует всячески поощрять создание местных платежных и обменных средств, имеющих хождение внутри одной или нескольких соседних автономий. Эта мера сделает неэффективной концентрацию капитала для спекулятивных целей, повысит его обращаемость. Кроме того, возрастут объемы вложений в реальный сектор экономики, причем средства будут вкладываться преимущественно там, где они были заработаны.

Сфера финансов в евразийском проекте рассматривается как инструмент реального производства и обмена, ориентированного на качественные стороны развития хозяйства. В отличие от атлантистского (глобалистского) проекта никакой автономии финансов (т.н. «финансизма») быть не должно.

Финансизм — экономический строй капиталистического общества в его постиндустриальной фазе, логический результат безграничного развития либеральных принципов в экономике. Отличается тем, что реальный сектор экономики становится вторичным по отношению к виртуальным финансовым операциям (финансовые биржи, рынки ценных бумаг, портфельные инвестиции, работа с межгосударственной задолженностью, фьючерсные сделки, произвольно оценивающие финансовые тренды и т.д.). Финансизм делает упор на монетаристском подходе, отрывая область денег (мировой резервной валюты, электронных денег) от производства.

Зональное видение многополярного мира предполагает несколько уровней валют:

- валюта геоэкономическая (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельной геоэкономической зоны как инструмент финансовых взаимоотношений между стратегическими центрами совокупности «больших пространств»);

- валюта «большого пространства» (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельного «большого пространства» — в частности, в Евразийском Союзе — как инструмент финансовых взаимоотношений между автономиями);
- валюта (иные формы менового эквивалента) уровня автономий.
- В соответствии с этой схемой должны быть организованы эмиссионные и финансово-кредитные институты (банки) — зональные банки, банки «большого пространства», банки (и их аналоги) автономий.

Евразийское отношение к религии

В верности духовному наследию предков, в полноценной религиозной жизни евразийцы видят залог подлинного новаторства и гармоничного общественного развития. Атлантист принципиально отказывается видеть все, кроме эфемерного, сиюминутного настоящего. Для него, в сущности, нет ни прошлого ни будущего.

Философия евразийства, напротив, сочетает глубокое и искреннее доверие прошлому и открытость грядущему. Евразиец приветствует как верность истокам, так и свободный творческий поиск.

Духовное развитие для евразийца является главным жизненным приоритетом, отсутствие которого не могут компенсировать никакие экономические или социальные блага.

Каждая, даже самая незначительная, локальная религиозная традиция или система верований, по мнению евразийцев, является достоянием всего человечества. Традиционные религии народов, связанное с ними духовное и культурное наследие заслуживает внимательного, бережного отношения. Структуры, представляющие традиционные религии, должны пользоваться поддержкой стратегического центра. Раскольничьим группам, экстремистским религиозным сообществам, тоталитарным сектам, проповедникам нетрадиционных вероучений и религиозных доктрин, любым силам деструктивной направленности следует оказывать противодействие.

Евразийский взгляд на национальный вопрос

Евразийцы считают, что каждый народ земли — от тех, что создали великие цивилизации, до самых малочисленных, бережно сохраняющих свои традиции — бесценен. Ассимиляция в результате внешнего воздействия, утрата языка, традиционного уклада, физическое вымирание любого из народов Земли — невосполнимая потеря для всего человечества.

Обилие народов, культур, традиций, называемое евразийцами «цветущей сложностью» — признак здорового, гармоничного развития человеческой цивилизации. Великороссы в этом отношении представляют собой уникальный случай смешения трех этнических составляющих (славянской, тюркской и финно-угорской) в единый народ, с самобытными традициями и богатой культурой. В самом факте возникновения великороссов в результате синтеза трех этнических групп содержится интеграционный потенциал исключительной ценности. Именно поэтому Россия не раз становилась ядром для соединения множества разных народов и культур в единый цивилизационный узел. Евразийцы верят, что ту же роль России суждено сыграть и в XXI веке.

Евразийцы не являются изоляционистами, так же, как не являются сторонниками ассимиляции любой ценой. Жизнь и судьба народов — это органический процесс, не терпящий искусственного вмешательства. Межэтнические, межнациональные вопросы должны решаться исходя из их внутренней логики. Каждому народу Земли должна быть предоставлена свобода самостоятельно сделать свой исторический выбор. Никто не имеет права принуждать народы к отказу от своей уникальности в «общем плавильном котле», как того желают атлантисты.

Права народов для евразийцев значат не меньше, чем права человека.

Евразия как планета

Евразийство является мировоззрением, философией, геополитическим проектом, экономической теорией, духовным движением, ядром консолидации широкого спектра политических сил. Евразийству чужд догматизм, слепое следование за авторитетами

и идеологиями прошлого. Евразийство — идейная платформа обитателей нового мира, для которого споры, войны, конфликты и мифы прошлого представляют лишь исторический интерес. Евразийство — принципиально новое мировоззрение для новых поколений нового тысячелетия. Евразийство черпает вдохновение в различных философских, политических и духовных учениях, которые подчас выступали в отношении друг друга как непримиримые и взаимоисключающие.

Вместе с тем, евразийство имеет определенный набор основных идейных принципов, отступать от которых не следует ни при каких обстоятельствах. Одним из важнейших принципов евразийства является последовательное, деятельное и масштабное противодействие однополярному глобалистскому проекту. Это противодействие (в отличие от чистого отрицания или консерватизма) имеет созидательный характер. Мы понимаем неизбежность определенных исторических процессов и стремимся осознать их, участвовать в них, задавая то направление, которое соответствует нашим идеалам. Можно сказать, что евразийство — это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур.

Исторически первые евразийские теории появились среди русских мыслителей в начале XX века. Но этим идеям были созвучны духовные и философские искания всех народов земли — по меньшей мере, тех, кто осознавал ограниченность и недостаточность банальных догматов, обреченность и тупиковость расхожих интеллектуальных клише (либеральных и коммунистических), потребность выйти за привычные рамки к новым горизонтам. Сегодня мы можем придать евразийству новый, глобальный смысл, осознать как наше евразийское наследие не только труды русской школы, чаще всего отождествляющейся с этим названием, но и огромный культурный, интеллектуальный пласт всех народов земли, не попадающий строго в узкие рамки того, что совсем недавно (в XX веке) считалось неотменимой ортодоксией (либеральной, марксисткой или националистической).

В таком сверхшироком понимании евразийство приобретает новое небывалое значение. Теперь это не только форма национальной идеи для новой посткоммунистической России (какой она виделась

отцам-основателям этого движения и современным неоевразийцам на первом этапе), но широкая программа планетарной общечеловеческой значимости, вышедшая далеко за пределы России, самого евразийского материка. Подобно тому, как понятие «американизм» сегодня может быть применено к географическим областям, находящимся далеко за пределами самого американского континента, «евразийство» означает особый цивилизационный, культурный, философский и стратегический выбор, который может быть сделан любым представителем человеческого рода, в какой бы точке планеты он ни находился и к какой бы национальной и духовной культуре ни принадлежал.

Чтобы придать такому пониманию евразийства реальное содержание, предстоит еще очень много сделать. И по мере того, как в данный проект будут включаться все новые и новые культурные, национальные, философские и религиозные пласты, само глобальное понятие евразийства будет расширяться, обогащаться, видоизменяться… Но такое смысловое развитие евразийской платформы не должно оставаться только вопросом теории — многие аспекты должны обнаружиться и осуществиться через конкретную политическую практику.

В евразийском синтезе слово немыслимо без дела, а дело — без мысли. Поле духовной брани за смысл и ход истории — весь мир. Выбор своего стана — личное дело каждого. Остальное решит время. Рано или поздно, великой ценой больших свершений и драматических битв, но час Евразии пробьет.

Светлана Лурье

ЧТО ТАКОЕ ЖИТЬ В ИМПЕРИИ

Мы живем в многонациональном государстве. И этого факта никто не сможет отменить. Вторая Чеченская война, и ее практически единогласное одобрение российским обществом, говорит о том, что идеей мононационального государства, нации-государства мы уже переболели. Вспомним, как на протяжении многих лет, вполне серьезные политики всерьез могли говорить: «А не отпустить ли нам Чечню на все четыре стороны?» и никто не запирал их в сумасшедший дом. Сегодня подобное могут позволить себе только политические маргиналы. Большинство давно уже не сомневается в том, что Чечня, Татария или Осетия — это такая же Россия, как и Вологодчина или Брянщина.

Заодно как-то улетучилась и мысль, что все многонациональные государства — достояния прошлого, что все империи рано или поздно погибают. Мы живем и, главное, собираемся жить в некоем подобии империи — иначе почему бы нам не избавиться от всех конфликтных или потенциально конфликтных регионов, не провозгласить, что Россия страна русских и только русских (другой вопрос — что это за «русские», которым нужна для счастья куцая и обкорнанная Россия?) и навсегда забыть о головной боли связанной с межнациональными противоречиями? Мы, однако, ворчим, но тянем свой воз. Нет даже убедительных объяснений, почему мы его тянем. И вольно или невольно жалеем об ушедших от нас республиках, которые, в большой мере в состоянии перестроечного энтузиазма мы сами же от себя и прогнали или напугали так, что они просто вынуждены были от нас сбежать. И опять же нет рациональных объяснений, почему жалеем. Просто есть некое общее ощущение, что порознь — неправильно. И все.

Итак, мы живем в некоем подобии империи — раз. Собираемся так жить и дальше — два. И не желаем чувствовать себя виноватыми перед другими народами нашей страны — три. Называться империалистами, однако, не хотим. Империалистами мы называем американцев, когда особо злы на них. И они нас так же называют, когда желают подчеркнуть свою антипатию к нам. И мы на них при этом обижаемся.

Примем как факт, что все три вышеперечисленных тезиса верны. Чтобы устранить противоречие, необходимо, прежде всего, просто развести понятия империализм и имперскость. Под империализмом традиционно понимают экспансию, имеющею целью прагматические интересы — экономические и политические. Когда ради этих интересов проливаются потоки крови, это эгоизм чистой воды. Я не хочу сказать, что Россия никогда не лила потоков крови во имя государственного эгоизма, лила, но ощущала, что делает что-то неправильное. Когда ради выгоды завоевывали Среднюю Азию, то чувство собственной неправоты даже превалировало. В заметках военных и политических деятелей того времени лейтмотивом звучит: нас гонит вперед какой-то рок. Смысла движения в Среднюю Азию русскими не ощущалось. Англичане, завоевывая Индию тоже, между прочим, чувствовали, что делают что-то не то, и более того, политическая верхушка Британии скрывала от своих граждан завоевание Индии, а когда граждане были поставлены перед фактом, разразился скандал. Который, впрочем, быстро утих, потому как в английскойм языке существует поговорка «right or wrong — my country». У нас похожей поговорки нет. Зато на протяжении столетий в каждом храме России за великим повечерием пели и поют до сиих пор: «С нами Бог, разумейте, языци, и покоряйтеся, яко с нами Бог». А помните, что Лермонтов писал:

«... Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию, она цвела,
Не опасаяся врагов,
Под сенью дружеских штыков».

Вдумаемся в эти строчки: ничего себе самомнение! А стоит за ним именно ощущение, что сделано правильно. Правильно, потому что «с нами Бог». Правильно, потому что присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем — для их Блага — с нами Бог. А если

они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия сама всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия.

В словах Лермонтова очень остро это ощущение имперскости. Не империализма, а имперскости. Если брать рубеж XVIII и XIX веков, то никакой особой выгоды обладание Закавказьем нам не сулило. Крови же, если брать в расчет и длительные кавказские войны, которые велись, чтобы удержать в своих руках Закавказье, пролито было предостаточно.

Но только ли нашей крови и крови непокорных горцев? Ничуть не бывало. Крови закавказских народов — грузин и армян — пролито было также немало. И славились они своею храбростью и отвагой. Обратившись к истории, мы изумимся — сколько среди высших и низших военных чинов русской армии, даже генералитета, нерусских фамилий. В Тбилиси на берегу Куры, около армянской церкви кладбище героев кавказских воин — Тер-Гукасова, Бебутова, Лорис-Меликова и других. Ради чего воевали они? Ради возможности остаться в нашей империи. Ради нашей империи.

Импульс Империи дает один народ. Он включает в свой жизненный круг, в свой государственный круг другие народы, иногда с их согласия, иногда против их воли. Делает он это не ради политического интереса и выгоды, а ради своих идеалов. Потому что чувствует, что правильно именно это, потому что чувствует «что с нами Бог» и смеет сказать «Покоряйтесь языци, яко с нами Бог». Он предлагает другим народам так же жить с Богом. И другие народы это очень часто понимают, воспринимают правильность происходящего и вливаются в ряды народа, с которым Бог. Таким образом, все здание империи строится на всепроникновении этой высшей ценностной доминанты, которую можно назвать центральным принципом империи.

Имперская иерархия строится на всепроникновении этого принципа. По мере того как Империя набирает силы, эта иерархия делается наднациональной и в этом — одна из целей имперского строительства. При этом государственные сановники из «инородцев» могут сохранять или не сохранять свою «этничность» — культурные и поведенческие особенности. Это собственно не важно. Гражданством империи национальность как бы превосходится. Другие народы, все новые и новые народы активно включаются в процесс имперского строительства. Поэтому нечего удивляться, что закавказские наро-

ды, всеми силами сохраняя свою этничность, сражались и умирали за нашу империю. Они считали ее своей империей, такой же нашей, как и своей. Наша империя стала их родиной, их страной, в той же мере, что и нашей страной. Потому что покорились они не нам как этнической общности, а принципу империи, если не религии империи, то культуре империи, тому, что нас с ними объединило.

«Национализм» имперского народа, стремление выделить для себя какое-то исключительное место, поставить собственный «национальный интерес» или, того хуже, собственную этничность, выше имперского принципа имеет своим следствием не только неизбежную деструкцию империи, но и распад народа. Множество народов имеет некий благопристойный национализм, который если и агрессивен, то в меру, который ведет народ к хотя бы относительному процветанию, который, в конце концов, вразумителен, его можно одобрять или не одобрять, но его всегда можно понимать. В России прошел какой год с начала пресловутой перестройки, а вразумительного национализма так и не зародилось. Года с восемьдесят седьмого в разнообразной «патриотической» прессе идут разговоры, что России нужна нормальная националистическая доктрина, а ее все нет и нет. Мы порождаем таких националистических монстров, на которых смотреть противно, весь наш русский национализм — не национализм, а карикатура на него. Все рожаем «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку».

Не надо себя мучить и других пугать. Врожденного чувства этничности у нас нет, мы не делим и не сможем поделить мир по принципу «русский» — «нерусский». Не то, чтобы у нас не было ощущения русскости, но из нашего ощущения русскости, из нашей любви к России, из нашего патриотизма национализм не вылепить. Мы скорее запишем в русские всех хороших людей — будь они хоть папуасы. Мы сформировались как имперский народ и поделать с этим ничего невозможно, а главное не нужно.

Потому русские и согласны были жить в том жалком подобии империи, который именовался Советским Союзом и там тоже служили своего рода имперскому принципу, только искаженному и уродливому, безбожному принципу. Американцы, которые на долларовой купюре пишут «Мы верим в Бога», словно лучшего места для этого интимного признания не найти, для которых Бог как бы сливается с долларом, все-таки имели некоторые основания обозвать нас империей зла. Мы рискнули скинуть с себя зло, зло коммунизма. Понимая,

что коммунизм, как рак, пропитал все клетки нашей государственности, мы оказались способными рискнуть государственностью, решив, что если для того, чтобы очиститься от зла, надо разрушить само государство его воплотившее, то мы пойдем и на это. Рискнули. Многое потеряли. Но потеряли не все. Осталась странная и невыразительная Российская Федерация, медленно и мучительно очищающаяся от многолетнего зла, но еще аморфная, неприкаянная, увязающая в больших и маленьких грешках, и тоже, по сути, жалкое подобие империи. Мы согласны жить и в ней.

Но почему мы должны жить в жалком подобии империи, а не в Империи? Честное слово, потому что боимся слов, кем-то измазанных, запачканных слов — и не более того. Мы спокойно сносим, когда на телевидении и в газетах слова «империя», «имперский» появляются исключительно как ругательство, как способ одернуть нашу власть, когда она пытается поступать более-менее по правде. Мы трусим помогать нашим союзникам не потому даже, что опасаемся, что и нам достанется. Мы боимся сделать имперский жест, четко очертить нашу зону влияния, потому что боимся упрека имперскости. Но ведь это бред. Этот страх не стоит одного волоска сербского ребенка.

Пора где-то остановиться в этом саморазложении и самозапугивании. Хватит предавать других, хватит предавать и калечить себя самих. Нет у нас выбора. Россия никогда не станет государством-нацией. Россия мучится, будучи федерацией, России незачем быть пародией на империю. Она должна перестать бояться собственной тени и сказать самим себе — наша цель — имперское строительство, нам надоело жить в плоском бумажном мире карикатур, мы хотим нормальной Империи.

Сама по себе бесконфликтность, конечно, не является самоцелью. Империя предполагает служения высшим целям, которое требует дисциплины. Но, прежде всего оно требует дисциплины от самого имперского народа.

Почему одни народы создают империи, а другие — нет? Иногда говорят, что все народы стремятся к империи, удается ли реализовать это стремление — зависит от возможностей, то есть внутриполитических и внешнеполитических предпосылок. Последнее, конечно, важно, но это не все. Еще говорят, что это зависит от внутренней силы народа. Верно, но слишком расплывчато. Верно ли, во-первых, что империи хотят все? В некотором смысле, да. У каждого народа есть

свое представление о должном состоянии мира, и ему кажется, что его точка зрения лучше, и он бы хотел, чтобы ее разделяли другие. При этом каждый народ считает, что его точка зрения не только лучше, но и правильней, поскольку она имеет важные онтологические основания. Весь вопрос в интенсивности этого чувства, а именно Богом данной народу правды. Бывают случаи, когда такое чувство, будучи очень интенсивным, ведет к самозамыканию, но это скорее исключение, чем правило. Главное же, готов ли народ нести жертвы ради своей правды, и не только в том, что касается завоевания других. Империя это и завоевание самих себя, встраивания себя, порой ценой жестких самоограничений, в собственный идеальный образ. Это первый признак имперского народа.

Второй признак касается содержания мессианской идеи. Она должна быть в принципе приемлемой для других. В противном случае возникнет империоподобное экономическо-политическое образование, а не империя в полном смысле этого слова.

Дополнительно к этому можно назвать умение транслировать свою правду другим народам. Если первые две характеристики имперского народа являются культурологическими, то здесь мы переходим уже к его этнопсихологическим характеристикам. Это, прежде всего, повышенная способность к взаимодействию с другими народами, что является следствием наличия у имперского народа развитого культурного сценария межэтнического взаимодействия. Внешне это проявляется как инстинкт, позволяющий правильно вести себя с представителями других этносов, так, чтобы ненавязчиво привить им определенные культурные черты. Русские крестьяне-колонисты были в этом смысле образцом и по наитию действовали часто вернее, чем имперская администрация.

Вторая важная для имперского народа этнопсихологическая особенность — способность к колонизации. Колонизации в прямом смысле этого слова — способности и склонности образовывать колонии вне места своего компактного проживания. Не на солдате держится колонизация, а на крестьянине. Именно народные поселения являются форпостами империи.

И, наконец, умение выносить и преодолевать те внутренние противоречия, которые неизбежно несет в себе империя как всякий живой организм. Здесь требуется налаженный мощный механизм отреагирования конфликтности.

Мы обладаем всеми вышеперечисленными качествами, но они нуждаются в развитии. Чтобы приступить к новому имперскому строительству, мы должны, прежде всего, работать над собой. Это потребует мужества, собранности, самоотверженности. Нам нужно воспитать из себя имперский народ, способный служить Идеалу.

Юрий Матвиенко

КАМО ГРЯДЕШИ, РОССИЯ?

(Оборонный аспект в деле формирования Евразийского союза)

Когда-то Бенджамин Франклин сказал, что «большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краёв». Печальный опыт Российской Империи и СССР яркое тому свидетельство. Тем не менее, перефразируя видного американского политика и учёного-физика, можно сказать, что и собирается большая империя, как и разлившаяся ртуть, тоже с краёв: крошечные капельки разлетевшегося во все стороны от сильного внешнего воздействия жидкого металла начинают собираться вокруг самой крупной капли, постепенно сливаясь в одну большую массу, практически полностью восстанавливая былые вес и объём.

Подтверждением появлению в геополитическом пространстве России подобных центростремительных тенденций является недавнее предложение главы российского правительства о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), основа которого была заложена Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана[1]. При этом строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывают основу для выхода на следующий, более высокий уровень интеграции, — формирование в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно предполагается вести работу в направлении постепенного расширения круга участников Таможенного союза и ЕЭП: на первом этапе за счет полноценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана.

[1] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. Известия от 4 октября 2011 г.

«Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом… Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества», — пишет в своей статье в газете «Известия» В.В. Путин.

Вместе с тем, начатая нашей страной внятная и долговременная политика по созданию Евразийского экономического пространства и Евразийского экономического союза вызывает в мире, в первую очередь на Западе, далеко не однозначную реакцию. Это связано с тем, что большинство стран Западной Европы и США за последние двадцать лет привыкли видеть в России по меткому выражению Збигнева Бжезинского «скорее пациента, чем партнёра». Вместо одного из политических полюсов мира Запад хотел бы по-прежнему видеть в России только территорию, кладовую ресурсов.

Тем не менее, мир не стоит на месте и геополитическая ситуация в силу целого ряда причин начала меняться.

В частности, российские и зарубежные аналитики связывают изменение политической обстановки в мире с происходящим в последнее время процессом коренного переустройства всей системы международных отношений, что затрагивает основы сформировавшейся в конце XX века системы глобальной безопасности. Этот процесс характеризуется, с одной стороны, углублением международной интеграции, формированием глобального экономического, экологического и информационного пространств, а с другой — обострением соперничества мировых и региональных экономических и военно-политических центров за расширение сфер влияния, в том числе на постсоветском пространстве.

В этих условиях заявление России о создании совместно с Белоруссией и Казахстаном ядра будущего Евразийского союза становится толчком к новому витку борьбы за «душу Земли», за так называемый Heartland[1]. Поэтому при проработке различных аспектов создания и развития Евразийского экономического союза необходимо помнить следующее.

[1] *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997.

Несмотря на все успехи международной дипломатии по сохранению мира, снижение угрозы развязывания крупномасштабной ядерной войны со стороны США и «перезагрузку» отношений между Америкой и Россией, в начале XXI в., как и во все предыдущие века, в основе политики обеспечения национальной безопасности практически всех государств и союзов лежит опора на военную силу и потенциал вооружённых сил. В реальной политике по-прежнему актуален «принцип Аль Капоне», согласно которому «с помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, чем с помощью одного только доброго слова».

В частности, в национальной военной стратегии даже такого наиболее экономически развитого и «демократичного» государства как США, американское руководство, тем не менее, рассматривает свои вооружённые силы в качестве самого важного, а зачастую и основного средства обеспечения национальных интересов страны[1].

Страны ШОС

[1] Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник./ А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др. — М.: Воениздат, 2011.

Исходя из этого, с большой долей уверенности можно сказать, что будущий Евразийский экономический союз столкнётся, в том числе, и с силовым противодействием со стороны ряда ключевых игроков на «Великой шахматной доске», как назвал Евразию американский политик и политолог, известный русофоб Збигнев Бжезинский[1]. Поэтому уже на этапе формирования геополитического контура Евразийского экономического союза следует обратить внимание и на его оборонительную составляющую.

Для начала представляется целесообразным провести анализ возможных вызовов и угроз военного характера, с которыми может столкнуться новое политико-географическое образование, а также форм и методов силового противодействия Евразийскому экономическому союзу. Об этом и пойдёт речь ниже. При этом следует отметить, что статья носит обзорный характер, и отдельные положения рассматриваемой тематики лишь обозначены авторами без их детального раскрытия.

В своём фундаментальном труде «О войне» прусский генерал Карл фон Клаузевиц писал: «Самое первое, самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять государственный деятель и командир, — это определить тип войны, в которую он погружается …».

На другом конце Евразии об этом же писал в своём труде «Искусство войны» не менее ныне знаменитый древнекитайский стратег и военный теоретик Сунь Цзы: «Тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в ста сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении».

Вот и нам следует понять, в мир каких войн мы вступаем и с каким противником можем столкнуться, начиная воплощать в жизнь идею Евразийского экономического союза. Поэтому обратимся вначале к науке о войне — полемологии.

Видный русский военный теоретик генерал-лейтенант российской Императорской армии Н.Н. Головин в своей книге «Наука о войне. О социологическом изучении войны», изданной в эмиграции в 1938 г., писал: «В военной науке столько науки, сколько в ней социологии». В самой же социологии ключевыми являются понятия со-

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998.

циальной роли, социальной справедливости и социального прогресса. Так, с точки зрения социологии, в качестве необходимого условия возникновения войны выступает фактор справедливости. Под ним понимается «невозможность мирного сотрудничества субъектов социальных отношений в прежних ролях в связи с настоятельной необходимостью общественного прогресса».

В соответствии с социологической теорией ролей, любой субъект (личность, организация, страна) может быть описан посредством усвоенных и принятых им или вынужденно выполняемых социальных функций и образцов поведения — так называемых ролей, вытекающих из его социального статуса в данном обществе в данное время. При этом в любом человеческом деле можно выделить три формальные роли или функции: обеспечение, управление и исполнение. Обеспечение даёт средства, управление — цели, а исполнение приводит к результату. В процессе войн как раз и происходило перераспределение ролей: обеспечения, управления и исполнения. Поэтому с позиций социологии основной целью любой войны является не просто уничтожение противника как такового, а силовое перераспределение ролевых функций стран или социальных групп внутри страны, если иметь в виду войну гражданскую.

В заявлении главы правительства РФ была озвучена новая роль, на которую претендует Россия и её партнёры по Евразийскому союзу — роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, своеобразного «моста культур».

США, напротив, всеми силами пытаются сохранить свою нынешнюю роль — единственной сверхдержавы в монополярном мире[1]. Вместе с тем, бремя лидера однополярного мира США не выдержали. Мир не увидел в них страну, «которую не боятся, а уважают». Доминирования во всём спектре отношений не получилось. Американоцентричная модель политического устройства мира дала сбой, что породило, как и предсказывал Бжезинский, «всемирную реакцию в виде идеологии антиамериканизма». «Пятнадцать лет спустя после своей коронации в глобальные лидеры Америка становится одинокой, внушающей страх демократией в политически враждебном ей мире»[2]. Попыткой возвращения былого американского величия является

[1] *Бжезинский З.* Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. — М.: Международные отношения, 2007.

[2] Там же.

разработка Вашингтонскими политиками доктрины «восстановления» (restoration), согласно которой «внешняя политика США должна базироваться на восстановлении силы страны и пополнения ее ресурсов — экономических, человеческих и материальных».

Вместе с тем, по оценкам стратегов из Пентагона, изложенных в обновлённой «Национальной военной стратегии США» «главная глобальная тенденция последних лет — быстрое превращение Азии в новый центр мира. Вслед за стремительным ростом экономических показателей стран этой части света увеличиваются и их военные возможности». Америка же уже не может позволить себе «воевать в долг».

В то же время, если посмотреть на политическую карту Азии (с поправкой на мартовское 2011г. землетрясение в Японии), то из всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона особое место в современном мире занимает Китай, вышедший, несмотря на кризис, по многим макроэкономическим показателям на второе после США место в мировой экономике. А стремительный рост экономической и как прямое следствие — военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь брать силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне[1]. Виной тому — бурный рост экономики Поднебесной: дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него — вопрос выживания его экстенсивной модели экономики. Как говорят сами китайцы: «Тигр ест людей не потому, что он злой, а потому, что голоден».

После геополитической рассмотрим более подробно военную составляющую в стратегии ведущих зарубежных стран.

На Западных рубежах России противостоят оснащённые современным оружием и боевой техникой небольшие армии европейских государств, способные вести сколь-нибудь масштабные боевые действия только в рамках блока НАТО. Моральный и боевой дух европейских армий невысок, если судить по участию их представителей в войнах в Афганистане и Ираке.

На южных рубежах страны находятся вооружённые формирования стран, в основном исповедующих ислам. У этих армий нет в большом количестве современного мощного вооружения и боевой

[1] *Дугин А. Г.* Конец экономики. — СПб.: Амфора, 2010.

техники, но благодаря религиозным убеждениям эти армии имеют сильную сплочённость, высокий боевой дух и способны вести затяжные боевые действия партизанского типа — так называемую «мятежевойну», — с самыми современными армиями мира.

На Дальнем Востоке России противостоит Китай, имеющий колоссальные людские ресурсы и активно ведущий перевооружение своей армии на новые средства ведения крупномасштабной войны, вплоть до применения ядерного оружия. Активно осваивает китайская армия и новые формы и методы ведения войны — психологические и информационные операции, управление войсками на основе сетецентрической модели боевых действий, кибернетические атаки.

В ряде зарубежных стран началась активная подготовка войск к ведению боевых действий в Арктике.

В то же время в рамках проводимых в армиях ведущих зарубежных государств трансформаций в военной сфере признается, что войны в XXI веке не являются исключительно прерогативой военных, а победа в них не может быть достигнута только военными средствами[1]. Задачей современной войны является не уничтожение хозяйственной и военной инфраструктур противника, а завладение его ресурсами для последующего их использования победителем.

В настоящее время благодаря развитию информационных технологий и достижениям в области психологии, в первую очередь психологии массовых коммуникаций, разработан достаточно большой арсенал способов, методов и средств организации различных видов противоборства. Здесь и технологии «цветных революций»[2], и внедрение в правительства стран-конкурентов в качестве советников так называемых «экономических убийц»[3], и организация различного рода негативных PR-кампаний в информационном пространстве и

[1] Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник./ А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др. — М.: Воениздат, 2011.

[2] Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая, ред и сост. Е.А. Бондарева. — СПб.: Алетейя, 2008; Шарп, Джин. От диктатуры к демократии / пер. с англ. Н. Макаровой. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

[3] *Перкинс, Джон.* Исповедь экономического убийцы. — М.: Pretext , 2010; Игры экономических убийц, тайный мир международных махинаций и сеть глобальной коррупции / под ред. Стивена Хайата. — М.: Претекст, 2008.

деструктивных информационных атак в виртуальном пространстве[1], и ведение дистанционных, бесконтактных военных действий в пространстве физическом на основе «сетецентричной» модели управления войсками и оружием[2], и новые формы асимметричных действий на основе партизанской борьбы и террористической деятельности[3], и технологии информационно-психологической войны и её высшей формы — «консциентальной» войны или войны смыслов[4].

Всё это меняет характер будущих войн, главной особенностью которых является отсутствие необходимости в массовом применении войск на поле боя. Их призваны заменить аэромобильные части и силы специальных операций, обеспечивающие достижение и закрепление политических целей войны после нанесения ущерба критически важным объектам военной, экономической и политической инфраструктур государства обычными высокоточными средствами поражения или кибернетическим оружием[5]. К таким выводам пришли как военные теоретики США и НАТО, так и специалисты армий южного пояса Евразии, в первую очередь Китая и Индии.

[1] *Паршин С. А., Горбачёв Ю. Е., Кожанов Ю. А.* Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности? — М.: КРАСАНД, 2011; Сердюк В.А. «Организация и технологии защиты информации: обнаружение и предотвращение информационных атак в автоматизированных системах предприятия: учебное пособие. — М.: Изд. дом Гос. Унта — Высшей школы экономики, 2011; Бианки В.А., Серавин А.И. Убрать конкурента: PR-атака. — СПб.: Питер. 2007; Студеникин Н.В. PR-защита бизнеса в корпоративных войнах: Практикум победителя. — М.: Альпина Паблишерз, 2011.

[2] *Барышев А. П.* Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). — М.: ОГИ, 2011; Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография». — М.: Граница, 2011; Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооружённых силах США. — М.: ЛЕНАНД, 2009; Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова. — М.: КНОРУС, 2011.

[3] *Матвиенко Ю. А.* Предупредить — значит вооружить (кибертерроризм вчера, сегодня и завтра).// Информационные войны» № 2 (18), 2011; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21. — М.: Военный университет, Русский путь, 2005.

[4] *Матвиенко Ю. А.* Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе.//Информационные войны № 4(8), 2008; Девятов А.П. Путь победы в войне смыслов. ООО «Академия небополитики». Доклад № 313/4 от 15.01.2008.

[5] *Карякин В. В.* Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография. — М.: Граница, 2011.

В частности, в ходе войн в Югославии и Ираке американское военное командование уже опробовало новую доктрину ведения боевых действий с воздействием по центрам, контролирующим его экономику, промышленное производство и транспорт1. В этой доктрине использовалась теория Джона Бойда о действиях на опережение противника в области принятия и проведения им в жизнь решений на применение вооружённых сил (так называемый цикл НОРД — «наблюдение-ориентация-решение-действие»)[2]. Согласно этой теории одним из необходимых условий достижения успеха являются действия по разрушению командных пунктов противника всех уровней управления и линий связи с одновременной деморализацией войск и населения противника за счёт проведения психологических операций.

Ещё в 2001г. в стратегической доктрине США FM-1 «The Army», а также в боевом уставе действий FM-5 «Operations» были практически сформулированы положения теории «войны в трёх кварталах», согласно которой в то время, пока в одном квартале войска ведут активные наступательные боевые действия, во втором они осуществляют «зачистку» территории, закрепляя успех, а в третьем квартале уже раздают гуманитарную помощь[3].

Следует признать, что в последнее время всё чаще привычные формы ведения войны с применением огневых средств поражения на театрах военных действий заменяет война информационно-психологическая с применением в основном оружия информационного, а в недалёком будущем — и кибернетического[4]. Её основной задачей является уменьшение «цены» грядущего вооружённого противоборства за новые роли, в том числе, на просторах Евразии путём уничтожения определённых типов сознания. При этом носители этих сознаний, наоборот, могут быть сохранены, если они откажутся от форм сознания — предметов разрушения и поражения.

[1] *Валецкий О. В.* Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов. — М.: Арктика 4Д, 2008.

[2] *Паршин С. А., Горбачёв Ю. Е., Кожанов Ю. А.* Современные тенденции развития теории и практики управления в вооружённых силах США. — М.: ЛЕНАНД, 2009.

[3] *Валецкий О. В.* Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов. — М.: Арктика 4Д, 2008.

[4] *Паршин С. А.*, Горбачёв Ю. Е., Кожанов Ю. А. Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности. — М.: КРАСАНД, 2011.

Необходимо отметить, что в вопросах, связанных с информационными технологиями, в американской внешней политике силовой (военный) аспект становится всё более приоритетным. Так, в Минобороны США создано специальное «кибернетическое командование». Для этого ведомства принят основополагающий документ — «Стратегия Минобороны по операциям в киберпространстве» (DoD Strategy for Operating in Cyberspace), — согласно которому киберпространство объявлено такой же «обычной средой деятельности ВС США, как суша, море или воздушное пространство». Данный документ также предполагает, что в ответ на реальные или виртуальные угрозы и вызовы США готовы использовать любые средства — дипломатические, экономические, кибернетические и чисто военные.

Одной из форм борьбы, активно практикуемой в последнее время США и их союзниками для достижения своих интересов, является концепция нацеленности на конечный результат или эффект — «Effects-Based Approach to joint Operations»[1]. Данный тип операций не является новым классом военных операций, а представляет собой интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками. Впервые эта концепция была применена в 1999г. в отношении суверенной Югославии. Тогда комплексное применение политических, дипломатических и экономических мер, в сочетании с действиями международных неправительственных организаций на фоне ракетных и бомбовых ударов авиации стран НАТО в условиях широкого проведения информационно-психологических операций принудило президента Милошевича подписать Дейтонское соглашение и в конечном итоге привело к распаду СФРЮ[2].

Дальнейшее развитие концепция «Операция на основе эффектов» получила в ходе военной агрессии США и их союзников по НАТО в Афганистан и Ирак. При этом для достижения своих конечных целей в Ираке США дополнительно использовали и такой экономический рычаг как откровенный подкуп военной верхушки армии Ирака и

[1] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

[2] *Валецкий О. В.* Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов. — М.: Арктика 4Д, 2008.

части окружения Саддама Хусейна, проведя специальную операцию накануне вторжения.

Что касается непосредственно России, то и США вместе с НАТО, и Китай вынуждены считаться с ней, пока у страны есть мощные стратегические ядерные силы (СЯС) и большие запасы тактического ядерного оружия (ТЯО). По нашему мнению на сегодняшний день «разрушает замыслы противника» о главенстве в Евразии два фактора — высокая боеготовность и надёжность СЯС России и ст. 22 её военной доктрины 2010 г., в которой чётко говорится, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Эти факторы могут оказать самое существенное влияние на формирование Евразийского экономического союза: под российский ядерный зонтик могут встать как раз те страны региона, которые ощутили на себе всю жёсткость объятий заокеанских и китайских «друзей», и которые не хотят терять свою идентичность на политической карте мира[1].

При формировании нового экономического союза необходимо помнить, что теория борьбы условных информаций определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию «объединение слабых вокруг сильного». Применительно к рассматриваемому вопросу это может быть объединение сырьевых стран Евразии вокруг России. Для развитых же стран, в первую очередь США, такое развитие событий — крах всего выстраиваемого ими миропорядка. По нашему мнению недопущение данного состояния — это концептуальная основа всей международной политики западного мира в отношении РФ и её союзников.

Руководство Поднебесной в складывающейся обстановке вокруг России и её инициатив в Евразии вынуждено пока вести себя согласно стратагемы «Красавица»: «Если войско могучее, нападай на его командира. Если командир мудр, воздействуй на его чувства. Когда его воинский дух ослабнет, сила войска растает сама». В русле этой политики руководство Китая за спиной России активизировало свои

[1] *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России.- М.: Арктогея, 1997.

дипломатические отношения с Америкой, подписав во время визита в Вашингтон в январе 2011г. соглашение между КНР и США «О взаимном признании интересов сторон», фактически снова поделив мир.

Вот вкратце та геополитическая атмосфера, в которой Россия решила изменить свою роль, и те угрозы, реализация которых может помешать ей в создании Евразийского экономического союза, если политическим руководством стран-участниц будет не в полной мере учтена оборонная составляющая создаваемого нового геополитического игрока.

Для нейтрализации угроз своей безопасности Евразийский союз должен приступить к формированию соответствующих вооружённых сил, по своей структуре полностью отвечающих стратегии и роли формируемого на Евразийском континенте нового политико-экономического образования.

В заключение хочется отметить следующее. В наше смутное время финансового кризиса, дефицита топливно-энергетических и питьевых ресурсов и обострения, в том числе, и экономических противоречий между ведущими государствами мира хочется напомнить всем тем, от кого так или иначе зависит экономическая стабильность и безопасность будущего Евразийского экономического союза, слова полководца древности Сунь Цзы: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придёт, а полагаться на то, с чем можно его встретить; не полагаться на то, что он не нападёт, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него»[1].

[1] *Эндгаль Уильям Ф.* Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке. — СПб.: Геликон плюс, 2010.

Леонид Савин

ВЕЛИКАЯ СТРАТЕГИЯ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Проект Евразийского Союза, который находится в зачаточном состоянии, будет нуждаться в долгосрочной стратегии, требующей как идеологического наполнения, так и институциализации новой стратегической культуры, которая должна будет преодолеть возможные этнические, национально-гражданские и религиозные противоречия, которые в предыдущие исторические этапы служили поводом для эскалации конфликтов, а с учетом новой международной ситуации могут приобрести иные формы, связанные с тактическими приоритетами властных элит и влиянием извне.

Эта стратегия обязательно должна быть Великой Стратегией, так как подразумевает не только грандиозные географические масштабы и экономические реформы государств, которые войдут в будущий союз, но и сильную реакцию со стороны конкурирующих стран или государственных блоков. При всем этом важно преодоление логики капитализма, имеющей несколько опасных тенденций, от расслоения общества по имущественному цензу и неминуемого осетевления, присущего современной капиталистической модели и процессу информатизации, до втягивания России в новые конфликты у границ ее периферии.

Во многом стратегию государственного развития связывают со стратегией национальной безопасности, хотя обе они являются элементами Великой Стратегии.

Сам термин Великой Стратегии (Grand Strategy) был предложен британским военным Бэзилом Лидделом Гартом, который, таким образом, вывел понятие войны на более высокий уровень. Роль Великой

Стретегии, таким образом, «заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны»[1]. При этом военная мощь государства является всего лишь одним из средств для ослабления воли противника, наряду с дипломатическим, идеологическим, финансовым, коммерческим и другими видами давления.

Современные концепции Великой Стратегии[2] относят ее как к военным аспектам, так и к более сложному уровню, куда входит доктрина национальной безопасности. Доктор Гарри Яргер из Института армии США по миротворческим операциям считает, что «под стратегией лучше всего понимать искусство и науку развития и применения политической, экономической, социо-психологической и военной мощи государства в соответствии с политическим руководством для получения эффектов, которые защищают или продвигают государственные интересы в стратегическом окружении»[3].

А любое стратегическое окружение находится в постоянной динамике и представляет собой сложную самоорганизующуюся систему.

Если рассматривать данную проблематику с этой позиции, то у России отсутствует четкая доктрина в отношении всего комплекса стратегического окружения, угроз и вызовов, хотя отдельные попытки, которые можно отнести именно к Grand Strategy, уже предпринимались еще в конце 90-х — начале 2000-х. гг. В частности, работы А.Г. Дугина по геополитике, основанные на широком междисциплинарном дискурсе и континентальном мышлении уже предлагали проект евразийской интеграции с учетом текущих трендов и прогнозов[4]. Другие ученые также отмечали уникальное положение и цивилизационную идентичность России, предлагая модель интеграционного моста между Европой и Азией. «Евразийская стратегия России должна носить всеобъемлющий характер, интегрируя экономические, политические и военные аспекты внутреннего и внешнего развития нашей страны, — писал С. М. Рогов[5].

[1] *Бэзил Лиддэл Гарт*. Стратегия непрямых действий. — М.: Эксмо, 2008. С. 415.

[2] Также используется термин «Большая стратегия».

[3] *Yarger, H. Richard*. The Strategic Appraisal: the Key to Effective Strategy.// Bartholomees, J. Boone (ed.). Theory of War and Strategy. U.S. Army War College. July 2010. P. 53.

[4] См. Наш путь. Стратегические перспективы развития России в XXI веке. М.: Арктогея, 1999; Дугин А.Г. Проект «Евразия». — М.: Эксмо, Яуза, 2004; Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. — М.:Арктогея, 2002; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1999.

[5] *Рогов С. М*. Евразийская стратегия России.// Экономические стратегии, стр.51—61, ноябрь—декабрь 2001 г. [Электронный ресурс] http://www.iskran.ru/russ/rogov/ecstroit1-01.html (дата обращения — 24.11.2011).

Эти идеи не были востребованы в конце 90-х гг. из-за умиротворения Кавказа, а позже в связи с невольной поддержкой со стороны Москвы антитеррористической коалиции под руководством США.

На данный момент различные политические и общественные силы говорят о необходимости выработки национальной стратегии России, где бы затрагивались не только вопросы обеспечения безопасности, экономического развития и других секторов, связанных с прагматическим государствостроительством, но и вопросы духовного возрождения, а также культурной и религиозной идентичности.

Номинально у нас есть инновационная стратегия, есть стратегия антикоррупционная, запущенная по инициативе президента в 2010 г., однако нет Великой Стратегии, хотя все патриотические силы едины во мнении, что Россия — великая страна. Следовательно, отсутствие такой стратегии на данный момент является нонсенсом.

Можно начать с анализа стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и мы увидим, что ее основные положения довольно конструктивны по своему характеру, а критические элементы направлены против стран Запада. Основная задача стратегии национальной безопасности до 2020 г, принятая в 2009 г. состоит в «формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов»[1]. В документе указано, что «несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности»[2]. Это, безусловно, является риторическим вызовом странам НАТО, где главным актором являются США.

Далее среди факторов, которые могут оказать негативное влияние на обеспечение национальных интересов Российской Федерации, от общеизвестных, таких как угроза терроризма, наркоторговли, киберпреступлений и распространения различных видов оружия массового поражения, указаны вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях и противоречия между основными участниками мировой политики.

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет Безопасности РФ. [Электронный ресурс] http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения — 24.11.2011).

[2] Там же.

Если мы обратимся к национальной военной стратегии США, подкорректированной в 2011 г. то увидим, что «США, стремясь к приверженности международным правилам, будут использовать военную силу в тесном взаимодействии с союзниками и партнерами во всех случаях, но оставляя за собой право действовать также самостоятельно, если это необходимо»[1].

Следовательно, нежелание США сотрудничать с Россией по вопросам размещения систем ПРО в Европе является фактическим подтверждением юридического обоснования одностороннего силового подхода со стороны США, который может угрожать национальной безопасности России.

Далее в стратегии РФ Организация Договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Указано, что Россия будет способствовать укреплению Евразийского экономического сообщества в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения.

Также для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской Организации Сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

Однако, несмотря на глобальную роль России по многим вопросам (участие в Совете Безопасности ООН, признание значения со стороны энергетического Совета США-ЕС и пр.), стратегическое мировоззрение политической элиты России продолжает явно отставать даже от региональных игроков. Если, например, Турция следует своей доктрине стратегической глубины и светского ислама, а на дипломатическом уровне использует риторику «не иметь проблем с соседями», а Китай и Индия имеют четкие векторы стратегии, в российском истэблишменте наблюдается явный дефицит мысли.

[1] Национальная военная стратегия США. Интелрос. 09.02.2011. [Электронный ресурс] http://www.intelros.ru/strategy/gos_usa/8481-nacionalnaya-voennaya-strategiya-soedinennyx-shtatov-ameriki.html (дата обращения — 24.11.2011).

Безусловным лидером в разработке различных стратегий и релевантного анализа продолжают оставаться США. После 2004 г. благодаря усилиям различных политических лобби групп и интеллектуальных центров там появилось пять отдельных альтернативных направлений Великой Стратегии США[1]. Это:

- Неоизоляционизм;
- Селективный ангажемент;
- Либеральный интернационализм;
- Первенство;
- Империя.

Каждая из этих стратегий имеет вполне логическое обоснование с позиции определенных идеологических групп. Российское же руководство, обосновывая необходимость создания Евразийского Союза, указывает только на негативно-исторический аспект — это распад СССР, и потенциальные возможности, которые могут послужить во благо народам будущего союза. Следовательно, России и странам-партнерам по созданию Евразийского Союза, принимая во внимание разработки неоевразийской геополитической школы, необходимо выработать системный подход к региональной и глобальной стратегии в вопросах безопасности и отстаивания общих сверхнациональных интересов.

27 ноября 2011 г., выступая на съезде партии «Единая Россия», премьер-министр РФ Владимир Путин отметил, что «евразийский союз вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня с новыми возможностями для граждан, для бизнеса, для торговли и для инвестиций, для сотрудничества в сфере культуры, науки, образования, с твёрдыми гарантиями стабильности, спокойствия на огромном евразийском пространстве»[2]. Остается тщательно сформулировать стратегические императивы, проанализировать существующие школы и отшлифовать стратегическую культуру, где еще могут быть противоречия, а далее имплементировать соответствующую доктрину на межгосударственный, региональный и глобальный уровень. И, в конце концов, люди с улицы должны будут мыслить геостратегически, создавая надежную опору Евразийскому Союзу.

[1] *Ross, Andrew L.* What is to be Done with U.S. Predominance? Grand Strategy Choices and Challenges.//William B. Ruger. A Nation at War: Reconciling Ends and Means. Naval War College. Newport, Rhode Island. 2005 P.35-37.

[2] *Путин В. В.*: С нами правда.// Российская газета. Неделя №5647 (271) 01.12.2011. [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/2011/12/01/pravda.html (дата обращения — 01.12.2011).

Смита Пурушоттам

ЗАИГРЫВАНИЯ УКРАИНЫ С КИТАЕМ И ПОИСКИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА РОССИЕЙ

Введение

Россия и Украина в течение долгого времени спорили о стремлении последней к интеграции в западные структуры безопасности и экономики, а также о ценах на поставки российского газа. Всё усиливающееся сближение Украины с Китаем и потенциальная утечка военных технологий также может вызывать у России озабоченность. Россия особенно жёстко противостояла вступлению Украины в НАТО, пригласив Украину к участию в Таможенном союзе вместе с Белоруссией и Казахстаном как к началу более тесной экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Все эти годы Украина упорно противостояла давлению России, стремящейся вовлечь Украину в Таможенный союз. Тем не менее, 18 октября 2011 г. во время саммита СНГ в Санкт-Петербурге Украина исполнила неожиданный кульбит и согласилась вступить в свободную торговую зону с Россией, Белоруссией, Казахстаном, Арменией, Киргизией, Молдавией и Таджикистаном. Здесь мы попытались объяснить неожиданный поворот в позиции Украины, его стратегические последствия для баланса сил в Евразии, особенно в свете предложения премьер-министра России создать Евразийский экономический союз.

Войны за цены на газ

Принимая во внимание стремление Украины сформировать независимый внешнеполитический курс, ориентированный на тесное сотрудничество с ЕС, НАТО и Китаем, непосредственной причиной

её капитуляции перед России с её предложением может быть понимание, что она проиграла войну за цены на газ с Россией.

Разногласия в вопросе цены на газ с Украиной вынуждали Россию прерывать поставки в 2006 и 2009 гг. Тогдашний премьер-министр Украины Юлия Тимошенко позднее согласилась с рыночной газовой ценой в 2009 г. В следующем году президент Виктор Янукович договорился о снижении цены на 100$ за тысячу кубометров в обмен на продление срока аренды российской военной базы в Севастополе. Однако он продолжил настаивать на дальнейшем снижении цены. Как сообщают, Россия предложила снизить цены в обмен на слияние «Газпрома» и украинской газовой компании «Нафтогаз», уже обсудив соглашение с Белоруссией о получении её газовой транзитной системы и пригласив Украину присоединиться к Таможенному союзу вместе с Белоруссией и Казахстаном. Украина отклонила эти требования, так как это бы означало уступку контроля над своими трубопроводами и утрату всякого рычага давления в диалоге с Россией.

Тем временем, украинский президент предал суду Тимошенко с обвинением в обременении страны непосильными ценами на газ, угрожая расформировать украинскую газовую фирму, надеясь, что это аннулирует контракт с Россией. Украинский суд затем приговорил её к семи годам лишения свободы, что привело к серьёзным протестам со стороны как России, так и ЕС по поводу политически мотивированной «охоты на ведьм».

ЕС отменил запланированную встречу 20 октября с президентом Януковичем, демонстрируя своё недовольство. Всего за две недели до этого Россия объявила о неизбежности запуска Северного потока, трубопроводной системы для транспортировки российского газа в Германию через Балтийское море, при помощи которого можно будет снизить ценность Украины как транзитной страны. Находящийся в стадии разработки Южный поток также обходит Украину.

Отброшенная Европой, Украина согласилась на предложение более интенсивной экономической интеграции, это объясняет резкий поворот её президента. Возможно, Украина осознала, что в сложившихся условиях вступление в зону свободной торговли, которое не позиционируется как помеха диалогу о свободной торговле с ЕС — это один из немногих оставшихся вариантов, позволяющих справляться с давлением России, стремящейся к газовому слиянию (хотя — с учётом других альтернативных строящихся трубопроводов — эти украинские транзитные маршруты больше не кажутся таким уж лакомым куском).

Растущее стратегическое партнёрство с Китаем

Чтобы понять стратегические последствия разворота Украины, необходимо учесть в этом контексте растущую близость Украины к Китаю и российский проект Евразийского экономического союза.

Существует два аспекта усиленного диалога Украины с Китаем — геостратегический и военно-технический, причём оба могут быть причиной для беспокойства со стороны России. Украина и Китай сейчас сотрудничают в области энергетических проектов, атомной энергетики, военной авиации, инвестирования в инфраструктуру — включая железнодорожные проекты и аэропорты. По словам президента Януковича, многообещающие области сотрудничества с Китаем — это авиационный сектор, космические исследования и научно-техническая сфера.

Во время визита на Украину президента Ху Цзиньтао в июне 2011 г. уровень отношений вырос до стратегического партнёрства, основанного на взаимном уважении к суверенитету государства, территориальной целостности, пути развития, избранного каждой из стран, отказе от использования силы или угрозы её применения, экономических и других способов принуждения. Китай также дал гарантии безопасности Украине, отказавшись от использования ядерного оружия против Украины, являющейся безъядерным государством. По словам агентства Синьхуа, стратегическое партнёрство также фиксирует, что «ни одна из сторон не должна разрешать третьей стране использовать территорию этой стороны для нанесения вреда суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны», при этом утверждалось, что «китайско-украинское сотрудничество не направлено ни на одну из третьих стран». Точно так же комментарий в China Daily, подчёркивая «значимое» стратегическое место Украины, добавляет, что Китай всегда придавал значение связям с Украиной, «которая является мостом между Азией и Европой» и служит «воротами Китая в Европу».

Китайско-украинское сотрудничество приветствовалось украинцами как «новый шёлковый путь» и планировалось как переключатель игры. Украина искала для себя место эксклюзивного посредника между Китаем и Западной Европой. Президент Янукович заявил, что Китай — главный партнёр Украины в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечательно, что Венгрия, видимо, соперничала с Украиной в борьбе за получение этого же статуса во время визита китайского премьер-министра Вэня Цзябоа через несколько дней, во время которого обсуждались (среди многих других) планы превратить неиспользуемый венгерский аэропорт в «главную европейскую базу грузов». Это отразило приобретение Китаем также неиспользуемого аэропорта Пархим в северной Германии в 2007 г., после того как аэропорт был предложен и, вероятно, использовался для парковки самолётов делегаций G-5 во время встречи G-5 и G-8 на Хайлигендаммском саммите. Точно так же греческий порт Пирей, который принадлежит теперь китайской фирме, тоже используется Китаем для достижения центральноевропейских рынков. Китай, конечно, также финансирует массу проектов в Центральной и Восточной Европе, включая Турцию. Таким образом, китайские заигрывания с Восточной Европой, видимо, привели к реальному выбору среди поклонников, борющихся за право «эксклюзивных» отношений с Китаем.

Для Китая гостеприимная встреча в европейских столицах отмечается как в странах постсоветского пространства, так и в находящихся в затруднительном финансовом положении странах ЕС. Китай, который проектировал себя как евразийская сила, желает зафиксироваться и как равный игрок в европейской политике. В решительной попытке сделать своё присутствие ощутимым в Европе он добивается стратегических позиций в экономиках ключевых стран, нуждаясь в передовых технологиях и продуктивных рынках сбыта для своих огромных валютных резервов, которые помогут Китаю достигнуть статуса суперсилы. Ему также необходимо влияние на европейские столицы для обеспечения признания себя в качестве рыночной экономики и избавления от эмбарго на поставки оружия. Его цели будут достигнуты очень скоро, так как Европа находится в поиске средств, чтобы выбраться из нынешнего мегакризиса.

Военно-техническое сотрудничество между Украиной и Китаем

Другое измерение их двусторонних отношений — усиливающееся военно-техническое сотрудничество, которое включает в себя украино-китайскую координационную комиссию военно-технического сотрудничества. Следует отметить, что Украина и Китай в течение продолжительного периода времени сотрудничали

в военно-технологических вопросах, включая военную авиацию, постройку аэродинамических труб для тестирования тяжёлых транспортных самолётов, модернизацию транспортных судов Y8 и т.д. Пакистан и Китай — сегодня главные направления украинского военного экспорта.

Украинский авианосец «Варяг» в буквальном смысле слова взволновал восточное полушарие. Ричард Фишер, военный эксперт по Китаю, а также некоторые российские комментаторы, предполагали, что китайцы использовали прототип T10K, купленного у Украины в 2005 г., для разработки своего палубного истребителя J15. По словам Фишера, Украина могла быть источником авиационных, космических и ракетных технологий, передовых жидкостных ракетных двигателей, ракет класса «воздух-воздух» и многого другого для Китая. С двусторонней торговлей, ведомой военным экспортом с оборотом в более чем 1,2 миллиарда долларов за последние три года, Китай может стать главным партнёром Украины в военно-технической области в ближайшем будущем.

Раздосадованная конкуренцией, которую составили на новых рынках китайские продукты, разработанные при помощи советских технологий, Россия стала сворачивать своё сотрудничество с Китаем в военно-технической сфере, при этом не до конца закрывая дверь. Учитывая тесные, однако, иногда неспокойные отношения России с Украиной, российские СМИ пристально следили за разработками в этой области во время визита китайского президента на Украину в июне этого года.

Отзываясь о фактах нарушения советских/российских прав на военную интеллектуальную собственность, российские СМИ предупреждали, что Китай непропорционально выиграет от трансфера технологий, так как у него нет никакого смысла покупать украинские вооружения после копирования технологии, так что Украине следует быть крайне осторожной при укреплении военно-технического сотрудничества с Китаем.

Сергей Вознесенский, военный комментатор, отметил, что «развитие украино-китайского диалога, так же как и внешнеполитические инициативы Китая на постсоветском пространстве, чрезвычайно интересны Российской Федерации, так как Москва видит в Китае не только многообещающий рынок для российских энергоносителей, но и потенциальную угрозу своей территориальной целостности и суве-

ренитету». Сообщая, что Китай может закупить украинские радарные системы и ракеты системы «воздух-воздух», автор отметил, что Китаю не удалось получить их у России, пересмотревшей своё отношение к сотрудничеству с Китаем в свете «неприкрытого стремления Китая развивать свои собственные радарные системы и ракеты, которые могут быть использованы против России в гипотетическом конфликте с Китаем». Он также предупредил Украину, что «Китай не будет покупать большое количество вооружений, так как основной его целью является присвоение технологии, затем запуск собственного производства и, наконец — экспорт на мировые рынки, что позволит таким образом оставить ни с чем и Россию, и Украину». Автор дошёл даже до утверждения, что проникновение Китая на постсоветское пространство ставит перед собой целью ограничить отход России на свой запад «в случае российско-китайского конфликта из-за аннексии российских восточных территорий».

Проект Путина по усилению экономической интеграции — Евразийский союз

Решение Украины присоединиться к возглавляемой Россией свободной торговой зоне может помочь понять возможную конфигурацию баланса сил в Евразии.

4 октября в своей занимательной статье премьер-министр Путин в «Известиях» призвал к созданию Евразийского союза, который должен состоять из постсоветских государств. Дмитрий Тренин, уважаемый российский аналитик, заявил, что это — не попытка возродить Советскую империю, хотя Россия и «остаётся важным глобальным стратегическим игроком, благодаря своим запасам нефти и газа, а также ядерному арсеналу… у неё нет ни желания, ни ресурсов, чтобы попытаться вернуть Российскую Империю». Русские стремятся, прежде всего, к «стратегической независимости, которая означает независимость от двух принципиальных игроков — США и Китая».

Путин подтверждает эти соображения, утверждая: «Это никоим образом не ведёт к возрождению Советского Союза в любой форме. Было бы наивно пытаться возродить или подражать тому, что было предано истории». Он хорошо понимает препятствия, перед которыми стоит политическая интеграция на постсоветском пространстве.

Путин также обращает особое внимание на тему стратегической независимости, когда пишет о том, что Евразийский союз будет «могущественной надгосударственной ассоциацией, способной стать одним из полюсов в современном мире», добавляя, что «сотрудничество между Евразийским союзом и ЕС спровоцирует изменения в геополитической и геоэкономической структуре континента в целом с гарантированным глобальным эффектом». Евразийский союз будет, таким образом, ключевым игроком наряду с ЕС, США, Китаем и АТЭС.

Наконец, акцент Путина на экономической интеграции и координации бизнеса и, конечно, на модели ЕС как образца для Евразийского союза, подтверждает западный вектор инициативы. Ссылаясь на ЕС как на модель и пример по ряду пунктов и подчёркивая необходимость сделать приоритетными торговые и производственные связи, он говорит, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ЕЭП) станут фундаментом Евразийского экономического союза. С Шенгенским соглашением в качестве модели предусмотрена общая визовая и миграционная политика, а также повышение уровня контроля границ и трудовые квоты, что будет означать свободный выбор места проживания, учёбы и работы. Это также создаст новые динамичные рынки, управляемые общими стандартами и управлением товарами и сервисами, как в модели ЕС.

Высказываясь по поводу сомнений Украины насчёт присоединения к «прогрессивным интеграционным проектам на постсоветском пространстве», Путин утверждает, что проект не противоречит проевропейской позиции Украины, добавляя: «Мы не намерены ограничивать себя, как не собираемся и противостоять кому-либо. Евразийский союз будет базироваться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединённая общими ценностями свободы, демократии и рыночных законов». То есть он, таким образом, повторил известную российскую идею о создании (экономически) согласованного пространства от Лиссабона до Владивостока, в частности, «свободной торговой зоны и даже об использовании более тонких интеграционных схем… повсюду от Атлантического до Тихого океана». В этих целях Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана инициировал переговоры по созданию свободного торгового пространства с Европейской ассоциацией свободной торговли.

Заключение

Россия использовала свою энергетическую дипломатию, пытаясь вытеснить ЕС, НАТО и Китай с места ключевого партнёра Украины, тем временем снижая ценность Украины как стратегического партнёра, в том числе и для Китая. Дружественная Украина рассматривается как необходимое условие для российской безопасности, а более тесные отношения смогут обеспечить лучшую координацию в предотвращении утечки технологических секретов в Китай. Решение Украины присоединиться к зоне свободной торговли может стать началом российско-украинского соглашения в том случае, если обе стороны проявят уважение к интересам друг друга и создадут этим возможность оживить свои экономики, а также экономики других стран-членов СНГ.

Россия предлагала и другие инициативы для усиления своего влияния на постсоветском пространстве, желая проектировать их как модернизирующие, инклюзивные и открытые. Если проект Евразийского союза удастся, он предложит определённую альтернативу и Китаю, который расширяет своё влияние над евразийской транспортной системой, инфраструктурой, нефтяными и газовыми сетями, а также вовлекается в Европу. Примечательно, что Франция обращалась с просьбой к Китаю за помощью в попытке спасти еврозону. Страны Центральной Азии также могут захотеть сбалансировать растущую китайскую мощь своей поддержкой российской инициативы. Замечание Путина, что Евразийский союз станет одним из полюсов в современном мире, «который в партнёрстве с ЕС получит глобальный геополитический и геоэкономический импульс», можно интерпретировать в этом свете.

Если Европа и вообще Запад хотят достигнуть ощутимого баланса сил в Евразии, они также могут открыть возможность работать с Россией. Кое-кто в США это понимает. Посол Роберт Д. Блэквилл стал соавтором статьи, в которой говорится о том, почему Россия имеет значение для Запада. Американский посол в России заявил, что слабая Россия — самый страшный кошмар для США.

Но ЕС недавно вторглись в офисы партнёров Газпрома в Европе на основании антитрестовского законодательства, чтобы найти доказательства поведения, мешающего свободной конкуренции. Действия были предприняты по просьбе «транзитных» стран.

Это также отражает их страхи перед растущей властью Газпрома, установившейся над транзитной системой Белоруссии и пытающейся сделать то же с украинской системой. Со своей стороны, Россия может согласиться по их просьбе на более низкие цены на газ. Так или иначе, атаки на основной инструмент власти не внушит любви к ЕС русским, которые могут удвоить свои усилия в развороте на запад. При этом, премьер-министр Путин обсудил перспективы газового трубопровода во время своего визита в Китай (который поставлен в тупик ценами на газ), в то время как президент Медведев на недавней встрече с северокорейским лидером во время поездки в КНДР обсудил с ним транзитный трубопровод через Северную Корею на азиатско-тихоокеанские ранки. Российские газеты также сообщали о том, что Россия серьёзно рассматривает планы разнообразить свои поставки энергоносителей на азиатско-тихоокеанские рынки. Российский восточносибирско-тихоокеанский трубопровод уже осуществляет поставки нефти в АТР и Китай.

В конечном счёте, успехи этих новых уравниваний и организаций будет зависеть от глубоких реформ и сильной жажды модернизации. С этими побуждениями президент Медведев начал инициативу модернизации российской экономики, создания инновационных центров, снижения зависимости от сырьевых материалов и разнообразия энергетического экспорта.

Дополнительные реформы в каждой из стран-участниц тоже могут привести к большей содержательности и мощности российской инициативы.

Юрий Солозобов

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ОТ ИДЕИ К ПРАКТИКЕ

18 ноября 2011 г. наша евразийская интеграция шагнула на новую ступень. Подписание в московском Кремле трехсторонней Декларации о евразийской экономической интеграции стало судьбоносным событием для государств постсоветского пространства. То, о чем убежденный евразиец Нурсултан Назарбаев говорил еще 17 лет назад, свершилось. Напомним, что еще в 1994 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил идею создания Евразийского союза[1]. В тот год казахстанский лидер в стенах МГУ заявил, что странам СНГ необходимо образовать новое объединение по типу Евросоюза. Речь шла о принципиально ином союзе — равноправном, без старших и младших братьев. И как финал — о проекте полномасштабного взаимодействия без утраты политического суверенитета.

«Евразийский Союз я изначально видел как объединение государств на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ», — писал Нурсултан Назарбаев[2]. Время доказало, что всем нам была прозорливо указана надежная и достижимая цель. Официальная формула нынешнего проекта интеграции в рамках Евразийского союза обозначает именно это: экономическую интеграцию при сохранении политического суверенитета и гарантированной коллективной безопасности. Сегодня идея Евразийского Союза государств становится политическим мейнстримом. Она об-

[1] *Солозобов Ю.* Нурсултан Назарбаев — объединитель Евразии.// Казахстанская правда, 5 ноября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.kazpravda.kz/c/1320457543 (дата обращения — 15.12.2011).

[2] *Нурсултан Назарбаев.* Евразийский Союз: от идеи к истории будущего.// Известия, 25 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.izvestia.ru/news/504908 (дата обращения — 15.12.2011).

ретает конкретные очертания на постсоветском пространстве, наполняется юридическим и экономическим содержанием.

Трудный путь от СНГ к ЕАС

Но путь от хорошей идеи к практической реализации был труден и занял почти два десятилетия. Почему так получилось? Видимо, необходимо было определенное время для того, чтобы постсоветские политические элиты, вышедшие из недр провинциальной номенклатуры, насытились своей независимостью — персональными самолетами, рукопожатиями королей и красными ковровыми дорожками. И еще не хватало политической воли у руководства ряда ключевых стран СНГ.

Лишь с приходом Владимира Путина на пост президента РФ стали складываться более или менее работоспособные интеграционные структуры, такие как «зонтик» ОДКБ в военной сфере или ЕврАзЭС — в экономической. Создание ЕврАзЭС в 2000 году в формате пяти стран — Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, по сути, стало переломным моментом в практике евразийской интеграции. Всего за 11 лет в рамках ЕврАзЭС сформировалась разветвленная структура механизмов и инструментов по различным измерениям интеграционного процесса. Особо, следует отметить создание Евразийского банка развития и Антикризисного фонда, а также ряд постоянно действующих комиссий ЕврАзЭС.

Наличие постоянно действующих наднациональных органов, практически ежедневно занимающихся проблемой евразийской интеграции, — очень важный и своевременный ход. Не секрет, что первое издание Таможенного союза в 90-х гг. было недееспособно во многом из-за отсутствия наднациональных органов контроля. Еще одна очевидная помеха — долгое время наша постсоветская интеграция находилась в каком-то стихийном состоянии. У руководителей новых независимых образований, появившихся на месте бывшего СССР, отсутствовало ясное видение общей цели — куда должно двигаться постсоветское пространство. Но после распада Союза в 1991 г. большинство союзных республик не рискнули уйти в свободное плавание и вошли в состав нового образования — СНГ.

В декабре этого года СНГ исполнится 20 лет — достаточный срок, чтобы понять, оказалось ли Содружество жизнеспособным. Давайте

оценим плюсы и минусы этого проекта. Во-первых, зададимся вопросом: зачем вообще был нужен «проект СНГ» бывшим братским республикам? Ответ очень прост и прагматичен. Прежде чем получить признание на международной арене, все эти новообразованные государства должны быть взаимно признаны в рамках СНГ. Вот почему Содружество на первом этапе было всем крайне ценно и нужно. Но как только в этих государствах сменилась политическая элита, которая получила «ярлык на княжение» от мирового центра силы — Запада, интерес к СНГ с их стороны резко ослаб.

Второй момент. Наши страны долгие годы объединяла своеобразная «стратегическая триада»: единство энергетической инфраструктуры («братство трубы», как это иногда называют), общность военной инфраструктуры и общность культурных связей, которую часто недооценивают. Советский Союз был одной из передовых держав того времени, у нас накоплено гигантское количество и документации, и технологий, и культурных достижений на общем межнациональном языке общения — русском. Эти три «кита» какое-то время держали структуру СНГ как единую организацию. Но сейчас эта остаточная связность также подошла к критическому рубежу[1].

Локомотивы интеграции

Главный дефект СНГ обозначил Владимир Путин, который очень точно назвал Содружество «механизмом цивилизованного развода» стран, образованных на пространстве бывшего Советского Союза[2]. Но, посудите сами: развод — это логика разделения, а не объединения! Всегда важно понимать, на чем зиждется то или иное государственное объединение. Так, например, Евросоюз родился из объединительного союза «угля и стали». В его основе — логика интеграции, стратегический союз двух европейских «локомотивов» — Франции и Германии. Чтобы не делить Эльзас и Лотарингию, а вслед за ними всю старую Европу, две главные державы решили навсегда закрыть этот вопрос. Из этого маленького зародыша и вырос большой Евросоюз.

[1] *Солозобов Ю.* СНГ: двадцать лет спустя после «Развода». Постсоветское пространство на пороге перемен. De futuro, или История будущего./ Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008.

[2] *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня.// Известия, 3 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.izvestia.ru/news/502761 (дата обращения — 15.12.2011).

Этот поучительный опыт формирования ЕС показывает, что реальная интеграция идет лишь между странами с достаточно развитым и сопоставимым потенциалом. В СНГ (после двух десятилетий деиндустриализации) к таким странам можно отнести только Россию, Украину, Беларусь. И, разумеется, стремительно растущий Казахстан. Поэтому на начальном этапе нам не следовало стремиться к поголовному охвату всех стран СНГ в одну интеграционную рамку. На эти «грабли» мы уже наступили в 90-х гг. Куда важнее было иметь в Содружестве крепкое «ядро» интеграции, которое станет настоящим «мотором» для успешного объединения остальных национальных хозяйств[1].

«Евразийская тройка» — Астана, Москва и Минск — объективно должна была стать таким интеграционным ядром на постсоветском пространстве. Ведь вместе эти три страны обладают почти 80% экономического потенциала СССР. По всем мировым меркам, это будет мощное объединение — совокупный ВВП трех стран составляет почти 2 триллиона долларов. Промышленный потенциал «тройки» оценивается в 600 миллиардов долларов, объем выпуска продукции сельского хозяйства — порядка 112 миллиардов долларов, а общий потребительский рынок — более 165 миллионов человек.

Как показал опыт формирования Евросоюза, межгосударственная интеграция — процесс позитивный. Он также не противоречит политической самостоятельности каждого суверенного государства. Главное, чтобы всеми участниками интеграционного проекта одинаково четко понималась конечная цель интеграции и основные вехи на этом пути. Эта согласованность стратегических позиций и понимание общности целей внутри «евразийской тройки» стала надежным базисом для интеграционного процесса на пространстве СНГ. В последующие годы она поэтапно воплощалась в жизнь в создании целого ряда успешных межгосударственных структур — Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза Казахстана, Беларуси и России.

[1] «От Таможенного союза к политическому». Интервью АПН директора по международным проектам Института национальной стратегии Юрия Солозобова. 27 ноября 2009. [Электронный ресурс]. http://www.apn.ru/publications/print22182.htm (дата обращения — 15.12.2011).

Таможенный союз «на троих»

В истории евразийской интеграции особо надо выделить следующий момент — подписание в 2007 г. договора о создании трехстороннего, с участием России, Казахстана и Беларуси, Таможенного союза. За короткий срок сторонами-участниками была проведена колоссальная работа. Менее чем за три года разработан и принят единый Таможенный кодекс трех стран, создан наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Согласовано более 11 тысяч товарных позиций для применения унифицированного тарифа в торговле со странами вне единой таможенной территории. Безусловно, были и определенные трудности: они связаны с периодом адаптации экономических субъектов трех стран к унифицированным таможенным тарифам и импортным пошлинам. Были и еще есть отдельные нестыковки между национальными таможенными администрациями, которые методично устраняются работой Комиссии Таможенного союза во главе с талантливым экономистом С. Ю. Глазьевым[1].

Появление Таможенного союза означает ликвидацию таможенных границ на пути движения товаров и услуг внутри таможенной территории. Разрешительные документы, например, ветеринарные для товара сельскохозяйственного происхождения, признаются компетентными органами друг друга. Проще говоря, Таможенный союз расширил до Бреста и Владивостока границы рынка сбыта для производителей всех трех стран. Это будет стимулировать экономическую активность и повышать товарооборот. Только одно соглашение по выравниванию железнодорожных тарифов позволит увеличить грузооборот между нашими странами на 30 процентов.

Второй плюс — восстановление экономического пространства бывшего СССР как единого организма. Тем самым, научно-технический и производственный потенциал предприятий, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью, будет объединен. Это очень важный шаг к модернизации наших стран! И, наконец, третий плюс — большой внутренний рынок. Создание Казахстаном, РФ и Беларусью Таможенного союза открывает для зарубежных инвесторов рынок с населением в 165 млн. человек и

[1] *Глазьев С.* Безграничные аргументы.// Российская газета, Федеральный выпуск №5599 (223) 6 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.rg.ru/2011/10/06/glaziev.html (дата обращения — 15.12.2011).

суммарным валовым внутренним продуктом (ВВП) почти $2 трлн. Все это реальные плюсы, прежде всего, для всех простых казахстанцев, россиян и белорусов.

Выгоды Таможенного союза

Уже сегодня очевиден позитивный макроэкономический эффект от создания Таможенного союза. Только в первом полугодии 2011 г. на треть вырос общий товарооборот трех стран. Прогнозируется, что по итогам года он достигнет уровня 100 миллиардов долларов, что на 13 % больше прошлогоднего показателя. Причем наиболее быстро растут объемы приграничной торговли между Казахстаном и Россией — более чем на 40 %. А торговый отношения между ранее не граничившими странами Белоруссие и Казахстаном имеют «взрывной рост» — белорусско-казахстанский оборот вырос в пять раз по отношению к прошлому году. И это всего за пять лет! Европейский союз же к аналогичному уровню интеграции шел 40 лет после создания объединения угля и стали.

Причины этого успеха лежит в том, что степень интеграции бывших союзных республик в отдельных направлениях до сих пор выше, чем даже ныне в ЕС. Во времена СССР те же Россия, Белоруссия и Казахстан десятилетиями развивались как единый организм с общим народнохозяйственным комплексом. Экономики бывших союзных республик взаимно дополняли друг друга, а тысячи производственных связей образовывали индустриальные цепочки с полным циклом — от сырья до готовой продукции и от фундаментальной науки до массовых товаров. Евразийская интеграция сегодня — это целенаправленная политика на воссоздание большого экономического пространства в новых рыночных условиях.

Еще одна параллель — Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС реализует задачу сходную с той, которую знаменитый экономист Фридрих Лист решал в XIX веке для Германии. Напомню, что Ф. Лист предлагал объединить разрозненные Пруссию, Германию и Австрию в большое экономическое пространство. А в результате получилось «германское экономическое чудо». Будем надеяться, что скоро мы станем свидетелями нового «евразийского чуда». По расчетам ученых РАН, государства-участники Таможенного союза за счет интеграционного фактора получат дополнительно около 15 % прироста ВВП к 2015 г. Это предполагает активизацию сохранившегося научно-про-

изводственного потенциала, что также позволит нашим государствам выйти из сырьевой ловушки на путь инновационного развития.

Евразийский союз: стратегия будущего

Итак, Таможенный союз успешно заработал. Но тут возникает вопрос — как и куда нам двигаться дальше? Лучше всего о стратегии евразийской интеграции рассказал ее признанный идеолог — Нурсултан Назарбаев. Вот что заявил казахстанский президент на пресс-конференции после подписания Декларации о евразийской экономической интеграции: «Любая интеграционная идея заключается прежде всего в создании общей зоны торговли, потом — таможенный союз, единое экономическое пространство, потом — экономический союз с выходом на какую-то единицу в смысле валюты, а потом и на валюту. То есть это классический путь, по которому мы и движемся. Зона свободной торговли у нас была, мы Таможенный союз создали, теперь мы создаём Единое экономическое пространство. И, самое главное, нам надо это экономическое пространство запустить во всю мощь, тогда мы подойдём, естественно, к Союзу»[1].

Президент Казахстана четко обозначил следующий важный этап евразийской интеграции — это старт с 1 января 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП). Создание полноценного единого экономического пространства означает общий рынок товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала, что будет способствовать повышению устойчивости к изменениям мировой экономической конъюнктуры. С созданием ЕЭП будут обеспечены свободный и равный доступ сторон к транспортным и энергетическим ресурсам, национальный режим предприятиям-резидентам при участии в госзакупках, гармонизация норм антимонопольной политики, формирование институтов проведения согласованной макроэкономической политики. Опытный политик Н.А.Назарбаев сразу обратил на внимание на этот момент и предложил «выстроить общий алгоритм модернизации и инновационного развития наших стран». Прежде всего, надо согласовать промышленную и экономическую политику между

[1] К встрече президентов России, Республики Беларусь и Казахстана, 18 ноября 2011 года. Стенограмма с официального сайта Президента России. Президент.рф.

наиболее продвинутыми государствами — Россией, Белоруссией и Казахстаном[1].

Для этого страны-участники приняли 17 договоренностей, выполнение которых создаст условия для формирования Евразийского экономического сообщества. Всего, за пять предстоящих лет наднациональным органам будут переданы 175 национальных полномочий. Прежде всего, Россия, Белоруссия и Казахстан должны будут согласовать макроэкономические показатели своих государств. Это внешний государственный долг, уровень инфляции, внутренние тарифы и так далее. Затем на практике надо обеспечить свободное передвижение и капитала, и рабочей силы. Потом «евразийская тройка» будет постепенно согласовывать позиции по естественным монополиям: сначала введут единые транспортные тарифы для железных дорог. Дальше к 2015 г. мы подойдём к единым тарифам транспортировки нефтегазовых трубопроводных систем. И вот на этом рубеже начинает в полную силу работать Единое экономическое пространство. У президентов «тройки» есть намерение форсировать движение вперед — возможно, что эти масштабные планы будут реализованы уже к концу 2013 г.

Проблемы на пути формирования ЕЭП

В этом плане эксперты видят две главные проблемы для успешного формирования ЕЭП — проведение согласованной валютной политики и обуздание аппетитов инфраструктурных монополий. На этом также акцентирует внимание и белорусский президент А. Лукашенко в своей ответной статье «О судьбах нашей интеграции»[2]. Через всю статью проходит красная мысль: Минск хочет равного к себе отношения несмотря на экономический и политический вес стран ЕАС. Александр Лукашенко подчеркивает, что кроме формального равенства партнеров, необходимо и «равенство условий хозяйствования с равным доступом к единой энергетической и транспортной системе». Деликатно, но твердо белорусский президент затрагивает еще одну «болевую» точку нашей интеграции — вопрос создания единой валюты.

[1] Стратегический план — 2020: казахстанский путь к лидерству/ Ю. Солозобов; ред. Я. Бутаков..- Астана: Деловой мир Астана, 2010.

[2] *Лукашенко А.* О судьбах нашей интеграции.// Известия, 17 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.izvestia.ru/news/504081 (дата обращения — 15.12.2011).

Евразийский союз — это не «либеральная империя» по версии Чубайса. Чтобы задуманный проект ЕАС воплотился, Россия должна создать равные условия хозяйствования для своих стратегических партнеров и не «давить на газ» — в прямом и переносном смысле. Избыточные преференции российским монополиям подорвут главное — доверие партнеров, равно как и принудительное введение рубля. «Сначала нам надо доказать для себя выгодность и равноправность нашего экономического пространства. После этого обязательно встанет вопрос о единой валюте» — так заявил в интервью «Интерфаксу»[1] президент Н.А. Назарбаев, — «Но я считаю, что ни одна национальная валюта, включая такую мощную, как рубль, не годится на эту роль. Это должно быть другое название, должна быть другая валюта».

Кстати, Нурсултан Назарбаев не раз уже предлагал создать общую наднациональную денежную единицу на паритетных началах — «евраз» или «алтын». Валютный союз — это важный рубеж, который ставится и в статье В. Путина. Если этот трудный перевал в ЕЭП мы одолеем, то речь пойдет об интеграционном объединении, вполне сопоставимом по качеству интеграции с Евросоюзом. На мой взгляд, создание единой валюты — ключевой критерий успешности нашего интеграционного проекта. Равно как и назревшее принятие Евразийской энергетической хартии. Сейчас договоры о поставках и транзите энергоносителей из Центральной Азии имеют, как правило, форму двусторонних договоров и не учитывают комплексных реалий. Европейская энергетическая хартия, навязываемая нам ЕС, носит односторонний прозападный характер и нас явно не устраивает[2].

Тут стоит обратить внимание на интересное выступление Нурсултана Назарбаева с трибуны ООН, который 26 сентября 2007 г. предложил принять Евразийский пакт стабильности энергопоставок. Все страны Центральной Азии и Россия выполняют несколько функций: мы одновременно поставщики, по нашей же территории транспортируется газ. Нам необходимо одновременно соблюдать условия как поставщиков, так и транзитёров и продавцов — и здесь наши интересы переплетаются. Думается, нам не следует ждать, пока коллективную

[1] Интервью Президента Казахстана Н.А. Назарбаева информационным агентствам «РИА Новости» и «Интерфакс». 22 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. http://www.akorda.kz/ru/speeches/interviews/intervyu_prezidenta_kazahstana_nanazarbaeva_informatsionnym (дата обращения — 15.12.2011).

[2] *Солозобов Ю.* Россия должна разработать Евразийскую энергетическую хартию.// ИА РЕГНУМ, 19 сентября 2008. [Электронный ресурс]. http://www.regnum.ru/news/1057712.html (дата обращения — 15.12.2011).

повестку евразийской энергополитики за нас выработают в Брюсселе. Сегодня Москва имеет куда больше шансов и больше оснований выдвинуть свой вариант Евразийской энергетической хартии. Это было бы очень сильным ходом со стороны Москвы — предложить такую Хартию своим потенциальным партнёрам по стратегическому сотрудничеству.

Общественное измерение интеграции

Президент Н.А. Назарбаев поднял в своей статье в «Известиях» еще одну очень актуальную проблему — общенародной евразийской интеграции. «Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки», — уверен Нурсултан Назарбаев[1]. По мнению казахстанского Лидера, наша евразийская интеграция не должна идти верхушечным, сугубо бюрократическим путем. «Интеграция — слишком важное дело, чтобы доверять его только политикам», — не раз говорил Президент Казахстана. Действительно — создать эффективный и работоспособный Евразийский союз невозможно без участия широких заинтересованных в интеграции масс. А пока у нас получается так «как всегда» — интеграция в «верхах» успешно идет, а достойной политической и медийной поддержки «внизу» пока не имеет!..

Президент Казахстана предложил создать ряд принципиально новых структур, способствующих укреплению будущего Евразийского союза. Во-первых, это Евразийская парламентская ассамблея, то есть прообраз евразийского парламента, в стенах которой будут вестись предметные дискуссии о будущем нашего объединения. Нам также надо выращивать новое поколение евразийских политиков, способных действовать в интеграционной среде. Во-вторых, пора провести назревшее структурирование предпринимательской среды в интегрированном экономическом пространстве. Поэтому столь важны инициативы Нурсултана Абишевича по созданию Евразийской торгово-промышленной палаты и созыву Евразийского конгресса промышленников и предпринимателей. И, наконец, надо устранить явные диспропорции между существованием интеграционных структур на уровне государств и отсутствием таковых на уровне гражданского

[1] *Нурсултан Назарбаев*. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего.// Известия, 25 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.izvestia.ru/news/504908 (дата обращения — 15.12.2011).

общества. Необходимо также укрепить и усилить идеологическое информационное поле вокруг темы евразийской интеграции.

Интеграционная миссия по созданию Евразийского Союза не будет успешной без привлекательной объединительной идеологии — без всякого сомнения, ей может быть только «новое евразийство»[1]. Нам давно пора создать ряд новых влиятельных институций, открыто поддерживающих приоритеты евразийской интеграции на публично-политическом пространстве наших стран. Нужны яркие, харизматичные новые люди, которые могли бы выступить дополнительными общественными «моторами» нашей интеграции. В первую очередь, нам нужно привлечь к проекту создания Евразийского союза активных молодых людей — новое поколение, выросшее за годы Независимости. Долгосрочный проект нового Союза создается, прежде всего, для них. На мой взгляд, новый наднациональный уровень Евразийского союза должен стать мощным социальным лифтом для молодых талантов.

Место ЕАС в современном мире

Концептуальная работа российского премьера В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»[2] стала своего рода политическим камертоном на ближайшее десятилетие и задала общие контуры нового проекта ЕАС. По мнению российского лидера, «необходимо создание Евразийского союза, который мог бы связать Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу». Лидер Казахстана сходно определяет перспективные задачи Евразийского Союза как «мегапроекта, соизмеримого со сложными вызовами настоящего и будущего». ЕАС видится Президенту Казахстана также как «прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития». Это значит, очень скоро в самом центре Евразии — как раз посередине между бурно растущими экономиками Евросоюза и Китая — появится новый геоэкономический центр силы — Евразийский Союз.

[1] Лидер глобального антиядерного движения. Лидер нации./ Ю. Солозобов; ред. Я. Бутаков..- Астана: Деловой мир Астана, 2010.

[2] *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня.// Известия, 3 октября 2011. [Электронный ресурс]. http://www.izvestia.ru/news/502761 (дата обращения — 15.12.2011).

«Мы рассматриваем Евразийский Союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями». Так говорит мировой политик Нурсултан Назарбаев, хорошо знакомый с опыт интеграции в разных частях света. С ним солидарны практики — эксперты и экономисты ЕврАзЭС, которые сегодня при формировании технических регламентов, норм и правил в рамках ТС и ЕЭП изначально закладывают передовые нормативы, действующие в Евросоюзе. В итоге, это позволит нам уже к рубежу 2015-20 гг. создать в Евразии пространство свободной торговли, ассоциированное с ЕС.

Евразийский экономический союз России, Белоруссии и Казахстана будет открыт для других стран, но наиболее вероятными претендентами на присоединение к Евразийскому союзу являются Таджикистан и Кыргызстан — об этом в интервью «Голосу России» заявил глава Министерства промышленности и торговли РФ Виктор Христенко, который возглавит Евразийскую экономическую комиссию. По словам вице-премьера Игоря Шувалова, куратора направления СНГ в федеральном правительстве, общая союзная граница будет пролегать настолько южнее, так что в границах союза оказываются 89% территории бывшего СССР. Геополитический сдвиг в Центральную Азию надежно прикроет границы ЕАС и на долгие годы надежно обеспечит новый Союз ресурсами — сырьевыми и гуманитарными.

Идеолог евразийской интеграции — президент Н.А. Назарбаев постоянно подчеркивает в своих выступлениях один важный исторический водораздел: «Никакой «реставрации» или «реинкарнации» СССР нет и не будет». Вопреки шаблонным опасениям западных наблюдателей сегодня на постсоветском пространстве речь не идет о «создании СССР-2» или о прочей политической ностальгии. Скажем прямо — союзы, основанные на ностальгии, долго не живут! Нам, гражданам России, Казахстана и Белоруссии, нужен новый прагматичный подход, нацеленный на будущее. Именно такой путь сделает наши страны конкурентоспособной частью глобальной экономики.

Если внимательно посмотреть, то после первой фазы мирового кризиса 2008-2010 гг. интеграция России, Белоруссии и Казахстана пошла ускоренными темпами: из ностальгического проекта (типа «воссоздадим СССР-2») стала насущным вопросом выживания. Почему так? Экономисты уверены, что после наступающей второй фазы кризиса мировое хозяйство распределится по крупным региональ-

ным блокам. Такие большие, почти самодостаточные экономики, как отсеки в подлодке, резко повышают вероятность выживания. И этот процесс т.н. «кластеризации» идет сегодня полным ходом. К примеру, крупнейшая в мире зона свободной торговли Китай + АСЕАН была уже создана в 2010 г. Это означает появление на планете огромного рынка с населением почти два млрд. человек. Да и процесс объединения стран Южной Америки в рамках МЕРКОСУР пошел куда быстрее...

При существующих глобальных сценариях развития у стран постсоветского пространства есть всего два пути. Первый — переферийной интеграции в Китай или ЕС. Скажем прямо, по донорским частям или на правах сырьевой провинции Китая и/или «кочегарки Европы». Второй — побороться за создание собственного центра силы в сердцевине Евразии. И Евразийский союз — один из инструментов создания такой силы. Н.А. Назарбаев уверен, что «в экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии». Если смотреть шире, то лидеры «евразийской тройки» сделали всем странам СНГ уникальное предложение — о создании большого экономического пространства в центре Евразии, как пространства совместного развития. Только объединение усилий, ресурсов и возможностей «осколков бывшего СССР» способно принести всем странам-соседям по СНГ серьезные политические и экономические дивиденды. Отказ от серьезной евразийской интеграции — это синоним слова «распад»!

Мария Токмакова

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЕРЕОРГАНИЗАЦИЯ

Важнейшим геополитическим проектом на постсоветском пространстве на сегодняшний день является Евразийский Союз (ЕАС). Евразийский Союз представляет собой проект конфедеративного союза постсоветских государств с единым политическим, экономическим, военным, гуманитарным и культурным пространством.

Впервые проект евразийской интеграции был предложен президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в марте 1994-го года. Незадолго до этого, во время визита в Великобританию Назарбаев, выступая в Королевском институте международных проблем «Chatham House», отметил необходимость более глубокой интеграции стран СНГ[1]. Предполагалось, что вначале в Союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могут присоединиться другие государства: Армения, Узбекистан, возможно, Украина, а также так называемые непризнанные республики Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье.

Выдвижению идеи по созданию Евразийского Союза предшествовала трагическая история политического распада большого постсоветского пространства в результате попыток его реформирования, а возможно и умышленной дезинтеграции, либеральными политиками. В ходе реформ Советского Союза выдвигались различные предложения.

Одним из предложенных проектов по реформированию союза республик по типу мягкой федерации был Европейско-Азиатский Союз 1989-го года, автором которого являлся А.Д. Сахаров, представитель

[1] *Медведев Р. А.* Становление евразийского проекта Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: http://www.2000.net.ua/f/58040 (дата обращения: 11.03.2011).

«демократической» фракции Съезда Народных Депутатов СССР. Проект предполагал наделение суверенитетом и правом выхода из союза около пятидесяти равноправных республик, ранее составляющих союзные республики и автономии СССР[1]. Реализация данного проекта оказалась бы полным разрушением постсоветского пространства, но проект не был принят.

В марте 1991-го года прошел Всесоюзный референдум о сохранении СССР, на основе которого в рамках новоогаревского процесса был разработан проект создания мягкой децентрализованной федерации Союза Суверенных Государств (ССГ). Согласно «Договору о Союзе суверенных государств», «государства, образующие Союз, обладают всей полнотой власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное устройство, систему органов власти и управления, они могут делегировать часть своих полномочий другим государствам — участникам Договора»[2]. Но в результате августовского путча, нацеленного на срыв подписания данного договора, ССГ не был создан. Более того, на территории постсоветского пространства начался «парад суверенитетов». Впоследствии М. Горбачев писал: «августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, усложнил и подстегнул дезинтеграцию — уже не только государства, но и общества. Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как самый главный приоритет»[3].

По мере усиления дезинтеграционных процессов работа по проекту ССГ снова была возобновлена. Главным вопросом перед политиками стоял о форме будущего государственного образования, будет ли это союзное государство или союз государств. 14-го ноября 1991-го г. на Госсовете в Ново-Огарево главы суверенных республик пришли к выводу: «должно быть конфедеративное союзное государство»[4]. Было

[1] *Сахаров А. Д.* Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. [Электронный ресурс] URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Constitution.htm (дата обращения: 11.03.2011)

[2] Проект: Договор о Союзе Суверенных Государств 27 ноября 1991 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/85.htm (дата обращения: 11.03.2011)

[3] *Горбачев М. С.* Декабрь-91. Моя позиция. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/poziciya91.txt (дата обращения: 11.03.2011)

[4] Там же.

решено заключить договор о создании ССГ 9-го декабря 1991-го года, но 8-го декабря подписанием Беловежского соглашения был юридически закреплен развал СССР и создание Содружества Независимых Государств.

Интересно, что 9-го декабря 1991-го г., в день, на который было намечено подписание соглашения о создании конфедеративного Союза Суверенных Государств, в Маастрихте было заключено соглашение по проекту трансформации Европейского сообщества в конфедерацию — Европейский союз[1].

Таким образом, пал один из полюсов биполярного мира — Советский Союз. На территории постсоветского пространства не замедлили активизироваться множество вооруженных конфликтов. Общее гуманитарное, социальное, экономическое, хозяйственное пространство оказалось разделено границами суверенных государств. Между бывшими советскими республиками был установлен визовый режим, распалась зона рубля введением национальных валют, между странами начались взаимные претензии, в том числе по делимитации границ.

В мероприятиях по обсуждению конфедеративного проекта неизменно участвовали Россия, Белоруссия и пять среднеазиатских республик. И по сегодняшний день именно эти страны сохраняют интерес к постсоветским интеграционным процессам. Основным столпом объединения являются: Казахстан, Белоруссия и Россия.

В прямом эфире 18-го октября 2007-го г. В.В. Путин заявил: «Руководство Казахстана и президент Казахстана, по сути, являются движущей силой, лидерами в том, что касается интеграции на постсоветском пространстве. Очень многое из того, что достигнуто в сфере интеграции, было сделано по инициативе президента Назарбаева»[2]. Тем не менее, к сожалению, многостороннего согласия по организации Евразийского Союза пока не достигнуто. Россия и Белоруссия образовали Союзное государство, с переменным успехом преобразующееся из конфедеративного союза в будущую мягкую федерацию.

[1] 1990 — 1999 A Europe without frontiers. [Электронный ресурс]. http://europa.eu/abc/history/1990-1999/1991/index_en.htm (дата обращения: 11.03.2011)

[2] НИА «КазИнформ» Председательство Казахстана в ОБСЕ свидетельствует о высоком международном авторитете Президента РК Н. А. Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: http://www.zakon.kz/61045-predsedatelstvo-kazakhstana-v-obse.html (дата обращения: 11.03.2011)

Главные ориентиры Казахстана на интеграцию в пределах постсоветского пространства были четко обозначены Н.А. Назарбаевым в марте 1994-го г., «Есть присущие только этому пространству, бывшему СССР, формы и механизмы связей и управления, менталитет. Сейчас кризис общественной системы усугубляется кризисом разрыва государственного единства, все это привносит элементы социальной неустроенности, усиливающие политические кризисы и конфликты. Мы хотим минимизировать экономические и социальные последствия разрушения Союза..., но не нужно возрождать империю, которая денационализировала республики, на это никто не пойдет»[1].

Устойчивое конфедеративное образование ЕАС также может перерасти в мягкую федерацию, что происходит сейчас, например, с Союзным Государством России и Белоруссии. Впрочем, перед Евразийским Союзом еще рано ставить такую задачу, но в нем заложена максимальная привлекательность для всех его участников. «Речь идет лишь о добровольной интеграции, опирающейся на очевидные экономические выгоды и разумно понятые национальные интересы»[2]. Для этого на пути к Евразийскому союзу создается общее экономическое пространство при помощи ЕврАзЭС. На сегодня данная организация и создаваемые в ее рамках Таможенный союз и ЕЭП являются главным достижением на пути к Евразийскому Союзу.

Многие механизмы взаимодействия в ЕврАзЭС создавались с учетом опыта и правил в работе Европейского Союза. Тем не менее, в евразийской интеграции учитывается специфика региона, наличие регионального гегемона. Экономическая интеграция между постсоветскими странами относительно схемы, по которой развивался Евросоюз, представляет скачкообразное развитие, что также говорит об особенностях евразийского региона.

Содружество Независимых Государств, на которое часто возлагают свои надежды по интеграции постсоветских стран, выполнило свои дезинтеграционные функции, и теперь служит памятником прошлого единства. Учитывая данную особенность, а также отсутствие альтернативных организаций, объединяющих большую часть постсоветских государств, стоит считать Содружество полезным. В отличие

[1] *Назарбаев Н. А.* Союза нет, все свободны, но обречены все решать сообща: [Беседа с Президентом РК об отношениях Казахстана с государствами СНГ / Записал О. Лацис.] // Известия. М., 1994г., 11 марта. С.4

[2] *Медведев Р. А.* Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. Сойдутся ли Восток и Запад // Экономические стратегии. №03-2008. С.20-24

от СНГ, проект Евразийского Союза предлагает народу общую объединительную идею, выступает «прообразом будущего объединения стран и народов уже на гораздо более высоком уровне»[1].

В проекте Евразийского Союза заложена концепция евразийства, отражающую специфику постсоветского пространства. В узком смысле евразийство понимается как «философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы»[2].

В широком смысле евразийство представляет «цивилизационный концепт, который призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации»[3]. Евразийский союз как Большое русское пространство, политически оформленное в конфедеративной форме, представляет один из полюсов многополярного мира наравне с Европейским Союзом и другими цивилизационными полюсами.

Постсоветское пространство представляет собой место развития особой евразийской цивилизации как социальной общности, состоящей из множества социокультурных формирований. Политические, социально-экономические геополитические и реалии обуславливают межгосударственную форму организации евразийского народа[4].

С точки зрения автора проекта Н.А. Назарбаева, основным звеном в объединительном процессе является именно Россия, экономически и геополитически наиболее мощная на постсоветском пространстве5. Как показал опыт функционирования СНГ, республики «вынуждены решать свои экономические и геополитические задачи в одиноч-

[1] *Медведев* Р. А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/korni/42353 (дата обращения: 11.03.2011)

[2] *Дугин А. Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004. С.228

[3] Там же, С. 217.

[4] *Касенов У.* Интеграция в СНГ: состояние и перспективы // Панорама. 1997г., 11 апреля. С.7.

[5] *Медведев* Р. А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/korni/42353 (дата обращения: 11.03.2011)

ку. Слабый же, как известно, не выбирает союзников, а подчиняется тому, кто сильнее»[1].

Сегодня всем постсоветским странам, а в особенности имеющим стратегическое значение, необходимо не столько исходить из экономических выгод, сколько из стратегических условий. Именно геополитические условия подтолкнули европейские страны к объединению, а экономика была как средством сдерживания внутренних противоречий, так и консолидирующим фактором.

В рамках постсоветской экономической интеграции как этапа на пути к Евразийскому Союзу основными интеграционными субъектами являются Россия, Казахстан и Белоруссия. Из всех среднеазиатских постсоветских республик Казахстан является идейным двигателем данного объединения. Позитивное отношение и готовность поддержать инициативы интеграционного ядра выражают Киргизия и Таджикистан еще со времен проекта ССГ.

Несколько более дистанцированными от активной интеграции являются Узбекистан и Туркменистан. Данные государства находятся в процессе цивилизационного выбора, который зависит от выдвигаемых интеграционных проектов. Узбекистан не раз изменял свою позицию то отчуждаясь от интеграционных проектов с участием России, то вступал в объединения дезинтегрирующего характера, такие как ГУАМ. Туркменистан, в свою очередь придерживается политики нейтралитета[2], что также является скорее негативным фактором для евразийской интеграции. Проблемным моментом интеграции с участием среднеазиатских стран является социально-экономические различия, препятствующие активной экономической интеграции.

Закавказские государства также являются важным звеном в евразийской интеграции. Проблемы интеграции в данном регионе связаны с наличием территориальных конфликтов и геополитическим расположением постсоветских стран. Наибольший интеграционный потенциал среди стран данного региона имеет Армения, находящаяся в конфликте с менее расположенным к объединению Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Также негативной стороной интеграционного потенциала Азербайджана является выход из ОДКБ и участие в ГУАМ.

[1] Там же.

[2] *Агамамедова З.* Холодно — о горячем // Международные процессы. Т.8, №2(23), май-август 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.intertrends.ru/three/012.htm (дата обращения: 11.03.2011)

Наибольшую проблему для евразийской интеграции представляет Грузия, играющую ключевую роль в дезинтеграционном объединении ГУАМ. Грузия находится в конфликте с регионами Абхазии, Южной Осетии и Аджарии. Военное столкновение в 2008-м году с участием российских войск, а также планы по вступлению в НАТО указывают на крайне низкий потенциал сотрудничества Грузии с евразийскими объединениями. Схожими характеристиками обладает и Молдова, член ГУАМ, ориентированная на европейскую интеграцию, и также имеющая территориальный конфликт в Приднестровье.

Для устойчивой интеграции на сегодняшний момент евразийскому объединению не хватает Украины. После выборов зимой 2010-го г. отношения России и Украины стабилизировались, но из-за социально-политической ситуации в стране украинское руководство вынуждено вести осторожную политику. В силу ряда политических, геополитических, социальных и экономических особенностей Украина представляет критически важного участника евразийской интеграции[1].

Евразийская интеграция находится сегодня не в самых худших условиях, но сильно зависит от политической обстановки в странах постсоветского пространства. Каждые выборы лидеров и политического курса в многочисленных постсоветских странах при отсутствии сильной интеграционной структуры подвергают опасности всю хрупкую конструкцию евразийской интеграции. Так, некоторые исследователи международных кризисов прогнозируют возможное разжигание конфликтов в среднеазиатских странах[2].

Тем не менее, прошедшие выборы в Белоруссии, а также абсолютная поддержка населением Казахстана своего «елбасы», сохраняет относительную стабильность в дальнейшем ходе интеграции Евразийского экономического союза. Приближающиеся президентские выборы в России представляют собой важный фактор в будущем развитии интеграции. Программная статья главного кандидата в президенты России В.В. Путина под лозунгом создания Евразийского союза, подписание Россией, Белоруссией и Казахстаном 18 ноября 2011 г. договора о создании наднациональной Евразийской экономической

[1] *Дугин А. Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004. С..231.

[2] ИАС «Русская народная линия» Александр Собянин: Киргизии американцам мало. [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/02/04/aleksandr_sobyanin_kirgizii_amerikancam_malo/ (дата обращения: 11.03.2011)

комиссии (ЕЭК) уже не оставляет сомнений в направлении развития постсоветского пространства.

Формирующийся на наших глазах Евразийский союз — это «будущее, рождающееся сегодня», которое политически организует стратегическое пространство геополитического «сердца мира», и от которого зависит не только будущее постсоветского пространства, но и международных отношений в целом. У евразийской интеграции имеются как сторонники, так и противники, поэтому скорейшее осуществление Евразийского Союза представляет на сегодня первейшую необходимость.

Александра Шаповалова

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Вторая половина 2011 года ознаменовалась тремя событиями, имеющими немаловажное значение для экономической, а в перспективе и политической организации восточной части европейского континента. Во-первых, подписанием соглашения о зоне свободной торговли в СНГ, пусть и в неполном составе. Во-вторых, окончательным согласованием условий вступления России в ВТО. И в-третьих, выдвижением проекта создания Евразийского союза, первые шаги по воплощению которого не заставили себя долго ждать. На фоне обострения кризисных явлений в США и Евросоюзе эти первичные успехи интеграции в евразийском пространстве выглядят впечатляюще, но всё же оставляют открытыми вопросы того, способна ли интеграция как таковая преодолеть центробежные тенденции постсоветского этапа истории стран СНГ, и насколько обсуждаемые нынче формы интеграции соответствуют масштабам поставленных перед ними задач. Попробуем дать оценку уже достигнутым результатам интеграционных усилий России и её партнёров, а также обозначить условия, при которых эти усилия могут возыметь должный эффект на пространстве СНГ и в рамках европейской системы международных отношений в целом.

За прошедшие два года России удалось в рамках Таможенного союза сформировать основательную нормативную базу для полноценной экономической интеграции, на данной стадии происходит формирование необходимой институциональной базы, что позволит преобразовать пока ещё довольно аморфную комбинацию двух комплексов двусторонних отношений в целостное интеграционное объединение с наднациональным компонентом. Очевидно, предполагается, что бла-

годаря этому трёхсторонний союз будет наделён достаточной мерой устойчивости, необратимости и консолидации, чтобы избежать участи превращения в банальную переговорную площадку или предмет взаимного торга, постигшую большинство его предшественников. Поэтому ключевая ценность идеи Евразийского союза заключается в том, что она формулирует сравнительно чёткий проект, способный стать тем общим благом, для поддержания которого его участники будут готовы идти на взаимные уступки.

Однако, помимо стимулирования консолидации в его собственных рамках, Евразийский союз призван выполнять ещё две важные функции — выступать своеобразным центростремительным ядром или центром притяжения для других стран на пространстве СНГ, тем самым оказывая на него структурирующее влияние, и являться альтернативным полюсом европейской континентальной системы, способствуя сбалансированию её структурной конфигурации. Это означает, что Евразийский союз важен не только как инструмент обеспечения внутренней консолидации, но и как генератор структурных эффектов для внешнего его окружения.

До некоторой степени эти функции взаимосвязаны — чем большего уровня внутренней сплочённости удастся добиться данному объединению, тем более весомой будет его способность генерировать внешние импульсы. Но для того, чтобы эти импульсы принесли желаемые плоды, они должны опираться на более широкую идеологическую и политическую платформу и, что наиболее важно, стимулировать распространение и укрепление кооперативных форм взаимодействия как в своём непосредственном соседстве, так и на европейском континенте в целом. Иными словами, Евразийский союз не может представлять собой замкнутое, «интровертное», ориентированное вовнутрь объединение, для которого поддержание внутренней консолидации является самоцелью, потому что в этом случае он будет способствовать лишь фиксации и усугублению существующих геополитических разломов. В то время, как первостепенная задача России и её партнёров заключается в преодолении пагубной ситуации, когда структурные параметры организации пространства СНГ задаются глубоко укоренившимися противоречиями и конфликтами, которые всё чаще проецируются на структуру европейской системы, осложняя становление кооперативных механизмов континентального уровня (одним из наиболее ярких примеров чего является саммит ОБСЕ в Астане в декабре 2010 года).

На данном этапе однозначных признаков того, что Евразийский союз будет приспособлен к выполнению этой задачи, немного. Характер процессов, которые до недавних пор происходили в рамках Таможенного союза, указывает скорее на стремление участников закрепить в более когерентной конструкции результаты, достигнутые на двустороннем уровне, нежели на твёрдую нацеленность произвести качественные политические изменения в более широком масштабе. И хотя в Декларации о евразийской экономической интеграции среди направлений дальнейшего взаимодействия упоминается развитие сотрудничества в сфере внешней политики по вопросам, представляющим взаимный интерес, ни цели, ни механизмы подобного сотрудничества там не указаны. До некоторой степени это объясняется тем, что Евразийский союз проектируется как интеграционное, а не политическое объединение, но опыт предыдущих интеграционных инициатив на пространстве СНГ говорит о том, что без полноценной политической составляющей, без целенаправленной конвергенции политических, причём в первую очередь внешнеполитических, интересов, задач и ориентиров его участников, прогресс в экономической плоскости всегда остаётся незавершенным и ограниченным.

В этой связи вызывает сомнение целесообразность заявленного использования модели интеграции в Европейском союзе как образца для построения интеграционного объединения на пространстве СНГ. С одной стороны, задействование наднациональных механизмов по аналогии с Евросоюзом позволяет России, как в своё время Германии, обеспечить ситуацию, при которой усиление её экономических позиций не будет восприниматься ближайшими соседями как угроза и создаст возможности для сравнительно беспроблемного расширения её экономического присутствия. Но с другой стороны, надо отдать должное, что становление евроинтеграционных процессов происходило в условиях, когда эпицентр политических противоречий находился на более высоком общесистемном уровне, а интеграция выглядела логическим продолжением консолидации западного блока. Это явно не соответствует нынешнему положению вещей в восточной части Европы — здесь интеграция не просто нуждается в политической оболочке, а непосредственно выполняет политические функции, что требует формирования наряду с экономическим фундаментом соответствующей политической платформы.

Очевидно, что расчёт делается на то, что успех экономической интеграции в сочетании с сохранением существенной, а в некоторых случаях критической, зависимости других стран СНГ от доступа на рынок стран Евразийского союза сам по себе сможет стимулировать эти страны к сближению с данным объединением. Однако, нужно учитывать, что за прошедшие два десятилетия произошла значительная диверсификация экономических связей сопредельных государств, что серьёзно усложняет поставленную задачу.

Наиболее иллюстративным в этом плане является пример Украины, которая до сих пор воздерживается от неоднократно предлагаемого участия в данном проекте, и экономическая логика выступает отнюдь не единственным мотивом подобной позиции.

Для Украины формирование Таможенного союза действительно несло в себе риск ограничения доступа на рынок стран-участниц, но его пока что удалось частично нейтрализовать благодаря созданию зоны свободной торговли СНГ. Если добавить к этому фактор вступления России в ВТО, то вырисовывается тенденция к постепенному переведению торгово-экономического аспекта украинско-российских отношений на нормативную основу и снижению его зависимости от двустороннего политического контекста, что нельзя не приветствовать. Но параллельно с этим происходит сужение возможностей для налаживания реального политического партнёрства между двумя государствами. Поскольку Украина даже после прихода к власти новой команды так и не смогла выдвинуть жизнеспособной альтернативной основы такого политического партнёрства, Россия настаивает на том, что только полноценное присоединение Украины к Таможенному/Евразийскому союзу может гарантировать бесконфликтное развитие двусторонних отношений, что выглядит как политическое давление при дефиците практических стимулов.

И хотя мотивация российского руководства в целом понятна, эффективность тактики превращения вопроса участия в Таможенном союзе в обязательное условие прогресса на остальных направлениях сотрудничества выглядит неоднозначно, главным образом потому, что не учитывает сложившихся на Украине и вокруг Украины политических реалий. Постановка вопроса в подобной плоскости чревата дальнейшими осложнениями двустороннего диалога, предотвратить которые можно лишь путём акцентирования политических преимуществ, которые может получить Украина от

укрепления солидарности с Россией в двустороннем и многостороннем форматах, при одновременной выработке приемлемых частичных форм привлечения Украины к работе в рамках Таможенного/Евразийского союза.

И в этом случае опять-таки решающую роль будет играть фактор замкнутости и статичности предлагаемого объединения — чем более замкнутым и закрытым будет Евразийский союз, тем с большей вероятностью он будет восприниматься как инструмент закрепления геополитического дуализма европейского континента, чего Украине и другим странам Восточной Европы жизненно необходимо избежать. Понятно, что при стремлении придать Евразийскому союзу качества альтернативного полюса европейской системы избежать некоторого усиления данного дуализма вряд ли получится, но если этот процесс будет способствовать реальному сбалансированию структуры взаимосвязей на континенте на кооперативной основе, то его эффект и восприятие, несомненно, будут гораздо более положительными.

В практическом плане этот процесс предполагает формирование альтернативного «нормативного поля», позволяющего вести речь в диалоге с Евросоюзом о гармонизации нормативных систем, а не об их односторонней проекции, как это происходит до сих пор. Поскольку именно совместимость нормативных систем рассматривается Западом как необходимое условие политического сближения, России крайне важно устранить хроническое давление этого фактора, используемого Западом в целом и Евросоюзом в частности как предлог для ухода от обсуждения даже гипотетической возможности перехода к качественно иным кооперативным формам взаимодействия с Россией и другими странами СНГ. Поэтому гармонизация регуляторных норм в рамках Евразийского союза должна рассматриваться как движение к взаимной конвергенции, а не очередной шаг к нормативной конкуренции, при которой влияние России в Восточной Европе будет под серьёзной угрозой.

В итоге, можно сделать вывод, что проект Евразийского союза представляет серьёзный шаг вперёд в интеграционной политике России на пространстве СНГ, однако его способность сформировать новую систему координат для СНГ и Европы в целом и стать движущей силой для кристаллизации новой, более сбалансированной и стабильной структуры европейской системы пока не очевидна. Она будет зависеть, во-первых, от успеха его базовой экономической составляю-

щей, во-вторых, от меры политической консолидации его участников, в-третьих, от интенсивности его кооперативного импульса, способного возобладать над конфликтной структурой пространства СНГ, и, в-четвёртых, от его восприятия в качестве инструмента консолидации политической организации европейского континента в противовес «разделительным» конфронтационным тенденциям.

Иран

Александр Дугин

ОСЬ МОСКВА — ТЕГЕРАН

Сегодня люди, озабоченные ситуацией в мире, думают не столько о том, как и когда закончатся эпопеи в Ираке и Афганистане, сколько о том, будет ли «следующий», и если будет, то кто? Многие полагают, что следующим может стать Иран.

США давно отнесли Иран к категории стран «оси зла». При этом Иран как цель привлекателен — там, прежде всего, есть нефть, есть политические трения между президентом М. Ахмадинежадом и либеральной частью истеблишмента, Иран близок к Ираку, он — важнейший стратегический форпост в Центральной Азии и, наконец, Иран — радикально антиамериканский режим, отвергающий однополярный мир, американскую либерал-демократическую систему ценностей и атлантистскую геополитику.

Иранский режим никак не вписывается в американскую парадигму: ни идеологически, ни геополитически, ни экономически. Если США решат перейти от слов к делу в этом регионе (понятно, что Ираком и Афганистаном дело не ограничится), это резко увеличит военную угрозу Ирану. США действуют на основе прецедента: вначале они объявляют в одностороннем порядке об «ограничении суверенитета» Ирака, потом вторгаются туда, игнорируя позицию ООН и создавая прецедент, который становится новой фактической нормой международного права, устанавливаемого силой. Впрочем, все не так скандально, как может показаться на первый взгляд: любое международное право покоится на реальном балансе сил. Совершенно очевидно, что если бы Германия в 1945 не проиграла войну, некая международная структура, ООН или ее аналог, была бы совсем иной и руководствовалась бы иными критериями. После распада двухполярной системы США принялись строить однополярный мир (события в Ираке

показывают, каким он может быть и какими средствами будет строиться), и следующий шаг уже сделан — идет правовое оформление нового мирового порядка.

Таким образом, Иран может стать очередным серийным эпизодом — если, конечно, международное сообщество пойдет на поводу у американцев, приняв парадигму однополярности.

Иран Ираном, но в этом «новом мировом порядке» каждый будет отвечать и уже все больше отвечает только за себя. В чем же при таком раскладе могут состоять национальные интересы России?

В отличие от многих российских экспертов, склоняющихся либо в пользу альянса с США, либо к позиции «наше дело сторона», я убежден, что национальные интересы России неразрывно связаны с общей геополитической системой мира, и на нашем ближайшем будущем скажется любой поворот событий, ход и результаты любых войн и конфликтов, действия любых альянсов и коалиций. По многим параметрам Россия утратила позиции и статус великой мировой державы, но геополитический, стратегический и цивилизационный потенциал все еще сохраняется. Кроме того, в однополярном мире того, «кто следующий», выбирает только одна сторона, и она делает это исходя из собственной автономной системы интересов и критериев, мало соотносящейся с интересами и позициями других стран, народов и культур. Следовательно, никаких гарантий, что этими «следующими» не окажется Россия, никто не даст. Вывод: проблема Ирана есть проблема России.

Отношение у сторонников однополярного мира и атлантистов к оси Москва-Тегеран очевидно: это для них страшный сон. Но он станет абсолютно кошмарным, если Россия будет опираться в этом на поддержку континентальной Европы и Китая. Если Ирак важен для Европы и ее геоэкономики и геополитики (тут мы следовали в определенной мере за позициями Парижа-Берлина), то Иран — это зона прямых стратегических интересов России-Евразии. Геополитический альянс с Ираном способен сделать явью чаяния многих поколений российских стратегов — «выход к теплым морям», причем мирным, демократическим и дипломатическим путем. Сегодня для этого все предпосылки налицо: Россия не имеет жесткой идеологии и может позволить себе прагматические альянсы с любым режимом, который может усилить наши позиции.

Иран и Россию сближает многое: обе страны — убежденные сторонники многополярности, евразийские континентальные державы с тяготением к традиционному обществу, но вовлеченные в процесс модернизации, обе живут в переходном периоде от режима жесткой идеологизации к более прагматичной и гибкой политике. Да, мы находимся в разных стадиях цикла, но это не столь принципиально: сближение по оси Москва-Тегеран может позитивно сказаться на Иране и скорректировать ультралиберальный курс России. Иран и Россия — становой хребет меридиальной евразийской интеграции. Если бы такой альянс перед лицом реальной угрозы однополярной экспансии атлантизма был заключен, это автоматически означало бы решение всех российских проблем в Средней Азии (включая Афганистан) и на Кавказе. Россия и Иран геополитически комплиментарны, у каждой державы есть то, чего не хватает другой, и взаимное сближение только усилит партнера (причем с минимальными издержками для обеих сторон).

Единственная проблема состоит в том, что в таком формате уровень конфронтации с США, шире, с англо-американской коалицией (атлантизмом) может резко возрасти. Если в ситуации с Ираком мы в коалиции с Францией и Германией (которые, кроме того, отстаивают и свои национальные, европейские интересы на Ближнем Востоке) еще можем выступать от имени «старого порядка» и традиционного международного права, то Иран в большей степени — наше евразийское дело, которое России придется отстаивать в случае, если агрессия США станет чем-то привычным. А в одностороннем порядке проводить эту политику России будет чрезвычайно сложно. Из этого следует сделать вывод: сегодня Россия должна заведомо заручиться поддержкой или хотя бы пониманием Европы в вопросе о потенциальном альянсе с Ираном, увязать свое участие в «мирной коалиции» по Ираку с системой адекватных коллективных ответов на потенциальные действия США в отношении других стран — и одновременно предпринять авангардные и активные дипломатические усилия по продвижению позитивного образа Тегерана в европейском и мировом сообществе. Россия должна уже сейчас выступить в роли посредника между Ираном и Европой, постараться включить Иран в «мирную коалицию».

Москва должна сочетать как геополитический реализм, так и верность принципам.

Ось Москва-Тегеран и евразийская «пан-идея»

Ось «Москва-Тегеран» является главной линией в выстраивании того, что еще К.Хаусхофер называл евразийской «пан-идеей». Иран является тем стратегическим пространством, которое автоматически решает задачу превращения Heartland'а в глобальную мировую силу. Если интеграция России с Украиной является необходимым условием для этого, то стратегическое партнерство с Ираном — достаточным. При этом российское и иранское общества различны и представляют собой далеко отстоящие друг от друга культуры. Поэтому ось «Москва-Тегеран» должна представлять собой основанное на рациональном стратегическом расчете и геополитическом прагматизме партнерство во имя реализации многополярной модели мироустройства — единственной модели, которая устраивала бы и современный Иран, и современную Россию.

Иран как любая «береговая зона» евразийского материка теоретически обладает двойной идентичностью: он может сделать выбор в пользу атлантизма, а может — в пользу евразийства. Уникальность ситуации заключается в том, что в настоящее время политическое руководство Ирана, в первую очередь шиитское духовенство, твердо стоит на антиатлантистских позициях, категорически отрицает американскую гегемонию и жестко выступает против неприемлемых сторон глобализации. Действуя в этом ключе радикально и последовательно, Иран стал врагом США номер один. В такой ситуации у Тегерана нет никакой возможности далее настаивать на своей позиции без опоры на солидную военно-техническую силу: своего потенциала Ирану в случае тотальной конфронтации с США явно не хватит. Поэтому сам исторический момент объединяет Россию и Иран в общее стратегическое пространство. Ось Москва-Тегеран решает для двух стран все принципиальные проблемы: дает России выход к теплым морям, а Ирану — гаранта ядерной безопасности.

Сухопутная сущность России как Heartland'а и сухопутный (евразийский, коль скоро он антиатлантистский) выбор современного Ирана поставили бы обе державы в одинаковое положение по отношению к стратегии США во всем Центрально-Азиатском регионе. И Россия, и Иран жизненно заинтересованы в отсутствии американцев вблизи своих границ, а также в срыве перераспределения баланса сил в этой зоне в пользу американских интересов. США уже разра-

ботали план «Великой Центральной Азии», смысл которого сводится к дроблению этой зоны, превращению ее в «Евразийские Балканы» (З.Бжезинский) и вытеснению оттуда иранского и российского влияния. Этот план представляет собой создание «санитарного кордона» на южных границах России — он призван отделить Россию от Ирана, как «санитарный кордон» на западе предназначен для отделения России от континентальной (и континенталистской) Европы. В этот «санитарный кордон» должны входить страны «Великого шелкового пути» — Армения, Грузия, Азербайджан, Афганистан, Узбекистан, Киргизия и Казахстан, которые, по замыслу, должны быть под американским влиянием. Первым аккордом этого сценария стало размещение военных баз в Средней Азии и развертывание американского военного присутствия в Афганистане (под предлогом борьбы с талибами и погони за Бин Ладеном). Дальше будет больше. В интересах России и Ирана — сорвать это проект и реорганизовать политическое пространство Центральной Азии таким образом, чтобы удалить оттуда американское военное присутствие, прорвать азиатский «санитарный кордон» и совместно выстроить геополитическую архитектуру Прикаспийского региона и Афганистана.

С точки зрения геополитики

Сказанное выше приобретает смысл только в том случае, если мы смотрим на этот регион геополитически и с учетом императивов построения реального многополярного мира. Если же рассматривать Российскую Федерацию и Исламскую республику Иран как всего лишь два национальных государства с эгоистическими и меркантильными целями, целесообразность их альянса становится менее очевидной. При таком взгляде создается поле для всяческого обыгрывания различий между Ираном и Россией в целях политических манипуляций. Так, для российского общественного мнения глобалистскими центрами заготовлен инструментальный миф об «агрессивном исламском фундаментализме» иранской политической системы и о том, что со стороны «иранских религиозных фанатиков» Россия получит в какой-то момент «прямой удар» — в том числе и военный. Этот тезис несостоятелен по нескольким причинам: реальные стратегические интересы Ирана, если и выходят за национальные границы, то только в западном направлении. Иран

самым серьезным образом относится к шиитскому сегменту общества в Ираке (а это большинство), а также к Сирии, ливанской «Хезболле» и к палестинскому сопротивлению. При этом Иран не интересуется российскими мусульманами и не ведет клерикальной пропаганды в России и в исламских странах СНГ. Иранское руководство прекрасно осознает, что только Россия способна по-настоящему предупредить жесткие формы американского вторжения. И наконец, никаких территориальных споров — даже отложенных — у Ирана и России на сегодняшний момент нет.

Аналогичные мифы относительно России (с цитированием эпизодов из истории царского империализма и советской идеологической пропаганды) запускаются в иранское общество с теми же целями — воспрепятствовать, насколько это возможно, созданию главной несущей конструкции всей потенциальной квадриполярной структуры. Странно было бы ожидать от глобалистов и атлантистских геополитиков, что они будут спокойно наблюдать за тем, как на их глазах возникают предпосылки для создания очень опасного для их мировой гегемонии российско-иранского стратегического партнерства.

Афганская проблема и роль Пакистана

Если Прикаспийский регион — это вопрос, в первую очередь, российско-иранских отношений, то для переформатирования Афганистана необходимо привлечение Пакистана. Эта страна была ориентирована на выполнение задач атлантистской стратегии в регионе — более того, вообще была искусственно создана уходящими из Вест-Индии англичанами, чтобы создавать региональным центрам силы дополнительные проблемы. Но в последние годы пакистанское общество существенно изменилось, и прежняя прямолинейная проанглосаксонская ориентация все чаще ставится под сомнение — особенно с учетом несоответствия стандартов постмодернистского глобального общества традиционному архаическому обществу Пакистана. У Ирана с Пакистаном традиционно натянутые отношения. Во внутриафганском конфликте Иран и Пакистан поддерживали враждующие между собой стороны: Иран — шиитов, таджиков и силы Северного Альянса, Пакистан — пуштунов и их радикальную верхушку, талибов. У России в этих условиях появляется шанс сыграть важную роль в структурировании нового Афганистана через новый виток развития

российско-пакистанских отношений. Обозначенный выше многополярный горизонт подсказывает, в каком направлении и на какой основе развивать отношения Москвы с Исламабадом. Следует работать в направлении освобождении всей территории Центральной Азии от американского присутствия и, с учетом конфликтов талибов с силами НАТО, постоянно подчеркивать «особую позицию России» по афганскому вопросу — а не поддерживать безоговорочно гегемона, который якобы сдерживает талибов, якобы представляющих угрозу стратегическим интересам России. Это тоже очередной запущенный атлантистами и глобалистами миф. США никогда ничего не делают просто так, да еще в пользу России. Если они вступили в конфликт с талибами, то для этого есть серьезные стратегические, военные и экономические основания. Самая явная причина — необходимость легитимации американского военного присутствия в регионе.

Контролируемый вооруженными силами США и НАТО Афганистан как раз и является основой азиатского «санитарного кордона», направленного против России и Ирана. В этом — единственный геополитический смысл афганской войны. Пакистан может существенно влиять на талибов, и России с учетом пакистанского фактора следует готовить новую модель отношений с пуштунским большинством Афганистана.

Среднеазиатский геополитический ромб

Все пространство Средней (или Центральной) Азии геополитически представляет собой ромб, на двух — северной и южной — вершинах которого можно расположить Москву и Тегеран (Россию и Иран). Между ними располагаются (с Запада на Восток) Южный Кавказ (Армения, Грузия, Азербайджан), Туркмения, Афганистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия.

В этой зоне располагаются несколько консолидированных политически и экономически государств с региональными амбициями (Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения) и несколько менее стабильных стран (Грузия, Таджикистан, Киргизия). Оккупированный США и войсками НАТО Афганистан представляет собой отдельное явление.

Россию и Иран не может устраивать проамериканская ориентация современной Грузии и расположение на ее территории американских

военных баз. В этом смысле Грузия противопоставляет себя всей региональной модели и выступает форпостом атлантизма, глобализации и однополярного мира. В спорных вопросах, где менее жестко продвигаются геополитические интересы США (например, в Карабахском вопросе), картина более сложная, и ни у Ирана, ни у России нет однозначных фаворитов. Иран по внутриполитическим соображениям, сохраняя нейтралитет, больше помогал Армении, равно как и Россия. Но и у Ирана и у России, тем не менее, сохранились ровные отношения с Азербайджаном. Эта конструкция несколько меняется в последние годы в силу трансформации турецкой политики, которая все больше выходит из-под контроля США. И, следовательно, турецкое влияние в Азербайджане перестает носить однозначно атлантистский характер. Вместе с тем, часть армянских элит все теснее взаимодействует с США и глобалистскими структурами, что также не проходит бесследно для российско-армянских и иранско-армянских отношений. Но все эти моменты — флуктуации, не меняющие пока принципиальной расстановки сил. Такая ситуация сохранится вплоть до решительных сдвигов в Карабахском вопросе — в какую бы то ни было сторону.

В отношении Таджикистана и Киргизии России необходимо интенсифицировать интеграционные процессы. Желательно при этом вернуть в интеграционное поле Узбекистан, который вначале вступил в ЕврАзЭС, а затем его покинул; предотвратить развал Киргизии, потрясаемой внутренними противоречиями (не без участия внешних сил); наладить лучшее понимание с руководством Туркменистана.

Совпадение интересов

У Ирана и России полностью совпадают стратегические интересы по всем основным зонам, представляющим для обеих стран жизненный интерес. И Россия и Иран заинтересованы в том, чтобы Средня Азия, Кавказ и Ближний Восток были свободны от американского военного присутствия. Кроме того, для Ирана и России чуствительно наличие в регионе повышенной активности радикального ислама салафитского толка. Это касается и Афганистана. Повсюду от Пакистана до Ирака и Сирии действует геополитический закон: то, что выгодно России, выгодно Ирану; то, что выгодно Ирану, выгодно России.

Иранский шиизм никак не влияет на мусульман России, состоящих почти целиком из суннитов. А с Азербайджаном у Ирана есть ряд тонких проблем, связанных с Южным Азербайджаном. Поэтому иранский фактор нейтрален, и никакой опасности подпитки исламского радикализма с этой стороны не исходит.

В Средней Азии и в Афганистане Россия и Иран взаимодействуют с одними и теми же силами и режимами.

На Южном Кавказе отношения с Арменией и Азербайджаном почти симметричны.

Проамериканская Грузия одинаково враждебна и Тегерану, и Москве.

Мы практически совпадаем во всем. Все факторы подталкивают нас к тому, чтобы заключить с Тегераном тесный и надежный стратегический альянс на всех уровнях — в политике, экономике, военной сфере, энергетике и т.д. Вместе Россия и Иран превращаются в мощнейший геополитический полюс, способный многократно усилить контроль над огромной территорией Евразии. Наш военный альянс дал бы России радикально новые стратегические рубежи на Юге. Энергетическое сотрудничество породило бы уникальную по потенциалу ресурсную монополию. Все это, в свою очередь, повысило бы общий политический вес и России и Ирана. Кроме того, это сделало бы перспективу вторжения США в Иран маловероятной.

Однако в России есть и другое видение наших стратегических долгосрочных интересов. Сторонники альтернативного подхода полагают, что в интересах России — спокойно наблюдать за возможной американской агрессией против Ирана и стараться извлечь из этого эгоистическую выгоду в ценах на нефть и газ, которые в этом случае подпрыгнут до небес. Но нужно видеть очевидное: нападение США на Иран неминуемо станет концом для США — третья подряд проваленная война поставит на американской гегемонии жирный крест, а сомнений в том, что Иран сумеет постоять за себя, у меня нет. Как будет чувствовать себя в этом случае Россия?

Александр Кузнецов

РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

На протяжении последних тридцати лет регион Среднего Востока привлекает к себе пристальное внимание средств массовой информации, аналитиков и спецслужб. В этом регионе скрещиваются интересы ведущих мировых акторов: России, США, Евросоюза, Китая, исламского мира.

Понятие «Средний Восток», введенное в оборот в начале XX в. классиками российской геополитики А.Е. Снесаревым и А. Вандамом (Едрихиным), объединяет постсоветские государства Центральной Азии, Иран, Афганистан, Пакистан, значительную часть Индии и азиатские районы России. Толкуя это понятие расширительно, можно включить в данный регион страны Закавказья и Турцию, являющуюся своеобразным мостом между Европой, Ближним Востоком и Ираном.

Интерес основных мировых геополитических игроков к Среднему Востоку, как представляется, вызван следующими факторами. Во-первых, повышенной нестабильностью данного региона, наличием в нем двух актуальных военных конфликтов (в Ираке и в Афганистане), а также нескольких потенциальных (политическая напряженность в Иракском и Турецком Курдистане, конфликты в Белуджистане, напряженная ситуация в Ферганской долине, в Кашмире). Эта нестабильность позволила известному американскому геополитику и недругу России З. Бжезинскому охарактеризовать данный регион как «Евразийские Балканы».

Во-вторых, ростом влияния радикальных религиозно-политических группировок или группировок, прикрывающихся религиозны-

ми лозунгами. К ним относятся ХАМАС, Хезболла, Талибан, а также таинственное движение Аль-Каеда, о котором ничего подлинно неизвестно, но которое проводит крупные террористические акции перед очередным вооруженным вмешательством западных стран в дела региона.

Третьим отличительным признаком Среднего Востока является его исключительная важность с точки зрения мировых топливно-энергетических запасов. В данном регионе сосредоточено около 25% мировых запасов нефти (в т.ч. 11% в Иране и 7% в Российской Федерации), а также половина мировых запасов природного газа. В настоящее время Россия располагает 27% мировых запасов газа и занимает первое место в мире по запасам «голубого топлива». Второе место по разведанным запасам природного газа занимает Иран (15% мировых ресурсов). Значительный газовый потенциал имеется и у постсоветских государств Центральной Азии — Казахстана, Узбекистана, Туркменистана (около 5% мировых запасов). В условиях жесточайшей и все более увеличивающейся мировой конкуренции за обладание энергоносителями топливные запасы региона Среднего Востока привлекают пристальное внимание США, стран Европы, Китая.

В настоящее время центральной темой в данном районе мира становится рост напряженности вокруг Ирана, связанный с развитием иранской ядерной программы. Обсуждаются возможности введения новых экономических санкций против Ирана и сама реализация этих санкций все больше материализуется. Многие аналитики всерьез обсуждают возможность нанесения США вооруженных ударов по Ирану, призванных отвести т.н. «иранскую ядерную угрозу».

Представляется целесообразным подробнее остановиться на иранском вопросе, т.к. именно он центрирует вокруг себя все наиболее злободневные тенденции в регионе. Уникальная ситуация Ирана в регионе объясняется тремя факторами. Во-первых, геополитически Иран соприкасается со всеми частями Среднего Востока: с Закавказьем, Центральной Азией, Турцией, имеет выход на Ближний Восток. Во-вторых, Иран, являясь центром мирового шиизма, претендует на лидерство в исламском мире. В-третьих, это единственная страна в регионе, за исключением, конечно, России, которая не находится под внешним управлением и проводит суверенную внешнюю политику. Третье обстоятельство часто вызывает наибольшие нарекания и отрицательную реакцию среди определенных мировых сил.

Иран действительно осуществляет ядерную программу, но было бы большой ошибкой полагать, что эта программа однозначно осуществляется в военных целях. Атомная энергетика необходима иранской экономике. В немалой степени это объясняется тем, что в настоящее время природный газ составляет в энергетическом балансе Ирана 55%. Это непропорционально большая доля. Развитие ядерной энергетики позволило бы Ирану высвободить значительную часть газа для экспортного потенциала и тем самым существенно увеличить доходы этой страны.

Кроме того, мировое сообщество вполне терпимо относится к наличию ядерного оружия у двух других держав Ближнего и Среднего Востока — Израиля и Пакистана. Наибольшее беспокойство в данном ракурсе вызывает, естественно, Пакистан. В отличие от относительно стабильного Ирана, вполне предсказуемого и контролируемого центральной властью государства, Пакистан, согласно оценкам многих — в том числе американских — аналитиков, является «несостоявшимся государством». На территории его северных провинций идет вялотекущая гражданская война, происходят постоянные террористические акты, и попадание пакистанского ядерного арсенала в руки террористов вовсе не является чем-то невозможным.

Руководство США в качестве доказательства намерений Ирана развязать ядерную войну в регионе приводит фразу Махмуда Ахмадинеджада о том, что «нужно уничтожить Израиль». При этом данная фраза является выхваченной из контекста заявления иранского президента. М. Ахмадинеджад говорил о том, что «Израиль нужно уничтожить как государство сионизма», подразумевая необходимость, на его взгляд создания совместного арабско-еврейского государства в Палестине. Разумеется, это недружественное заявление. Оно далеко выходит за рамки дипломатической этики. Его можно трактовать и как вмешательство во внутренние дела Израиля, ведь каким быть этому государству и какой идеологией ему руководствоваться касается одних израильтян. Однако данную фразу невозможно интерпретировать как призыв к началу ядерной войны против Израиля.

Еще одним упреком, часто выставляемым Ирану, является наличие в этой стране исламской формы правления, того строя, который основатель ИРИ аятолла Хомейни определил как велят-э-факих, «наместничество законоведов». Иранский политический строй характеризуется как реакционный, ущемляющий принципы демократии,

часто говорится о нарушении прав человека в Иране. Автору данной статьи пришлось побывать в Иране во время президентских выборов 2009 г. Действительно в этой стране существует ряд органов власти, формирующихся из исламского духовенства, и оказывающих существенное влияние на формирование политики в стране. Однако наряду с этим в Иране функционирует демократически избранный парламент, существует многопартийная (хотя и в рамках исламской идеологии) система. По иранскому телевидению проводились достаточно острые дебаты между двумя основными кандидатами в президенты: Ахмадинежадом и Мирхоссейном Мусави. В журналах печатались карикатуры на политических противников. Какие-то нарушения при подсчете голосов могли быть, но это уже вопросы борьбы за власть, от которой не застраховано ни одно — даже самое демократическое — общество. Представляется целесообразным сравнить иранскую политическую систему с политическим строем основного ближневосточного союзника США — Саудовской Аравии, в которой основные политические решения принимаются узким кругом из 20-30 родственников, приближенных к правящему клану, а в СМИ еще недавно всерьез обсуждался вопрос, можно ли доверить женщине водить машину. При этом такое средневековое политическое устройство не вызывает нареканий со стороны США.

Исходя из этого, можно предположить, что американское давление на Иран вызвано не осуществлением ядерной программы и нарушениями прав человека в этой стране, а стремлением американского руководства заставить Иран следовать в русле американской политики. В этом случае были бы забыты многие иранские грехи, в т.ч. нарушения прав человека.

К сожалению, присоединение России к антииранским санкциям в рамках Совета Безопасности ООН затормозило позитивную динамику российско-иранских отношений, наблюдавшуюся на протяжении последнего десятилетия. Не добавил доверия между двумя странами и отказ России от поставок ЗРК С-300 в Иран. Для того чтобы понять насколько ценным для наших государств является стратегическое партнерство, нужно дать небольшую экспозицию исторического развития российско-иранских связей. Наши отношения имеют давнюю историю, насчитывающую несколько столетий, причем периоды партнерства между нашими странами были гораздо продолжительнее периодов противостояния. Фактически о какой-то враждебности

между нашими странами можно говорить только на протяжении первой трети девятнадцатого столетия.

Обе русско-персидские войны 1804-1809 гг. и 1827-1828 гг. имели место на протяжении ограниченного исторического периода и были вызваны экспансией России в Закавказье. Причем интересно, что сама эта экспансия была инициирована не в экономических целях, но для защиты союзной православной Грузии, а длительность первой войны объяснялась тем, что некоторые азербайджанские ханства пожелали перейти под покровительство Петербурга в надежде, что управление из далекой России будет чисто номинальным в отличие от диктата близкого Тегерана (время показало, что они просчитались).

В то же время можно привести немало примеров военно-политической коалиции между Россией и Ираном. Это относится к войне с Турцией в 1734-1739 гг., когда российские военные советники помогали Надир-шаху создавать артиллерию Ирана, к осаде Герата персидскими войсками в 1837 г., осуществлявшейся при поддержке России, к периоду Второй мировой войны, когда советские войска по соглашению с иранским правительством находились в Иране, чтобы обеспечить безопасность военных поставок союзников.

В настоящее время между Российской Федерацией и Ираном не существует не снимаемых противоречий, хотя порой иранцы действительно являются не очень удобными партнерами по переговорам. Позиции Ирана и России по значительной части вопросов безопасности в регионе Среднего Востока совпадают или довольно близки. К положительным примерам российско-иранского взаимодействия можно отнести, в частности, процесс межтаджикского урегулирования, завершившийся в 1996 г. при посредничестве России и Ирана. Между нашими странами проводятся регулярные консультации по вопросам карабахского конфликта, урегулирования в Афганистане, правового статуса Каспийского моря.

Что же касается иранской подозрительности и неуступчивости, о которых любят порассуждать некоторые американские (да и отечественные) политологи, то она имеет объективные причины. Одной из этих причин является сложное геополитическое положение этой страны. Стоит посмотреть на карту, чтобы убедиться, что Иран окружен государствами с американским военным присутствием. Наличие войск США в Афганистане и в Ираке, 6-го флота США в Персидском заливе, военных баз в Пакистане и Турции увеличивает опасения

иранской стороны. Учитывая напряженные и даже сопернические отношения между двумя странами, Иран фактически находится во враждебном окружении.

Говоря об экономическом сотрудничестве между Россией и Ираном, хотелось бы остановиться на ряде аспектов. В настоящее время наш товарооборот достигает 3 млрд. долл. Это небольшая сумма. В общем торговом балансе России доля Ирана не превышает 0,8%. Это очень незначительная доля. Иран пока не принадлежит к числу приоритетных внешнеторговых партнеров России. Хотя, например, нынешний посол Ирана в России господин Реза Саджади уверен, что эту цифру можно увеличить в 5-6 раз. У наших стран существует очень большой резерв для развития экономических отношений.

Прежде всего, это относится к нефтегазовой сфере, сфере ТЭК. Как уже было отмечено выше, Россия занимает первое, а Иран — второе место по запасам природного газа. Иранское правительство приступает к освоению месторождения Южный Парс с экспортными целями. Для России важно, чтобы Иран не стал нашим конкурентом по поставкам газа в Европу, присоединившись, например, к чрезвычайно невыгодному для России газопроводу «Набукко». Поэтому для России был бы выгоден экспорт иранского газа для нужд быстрорастущих экономик азиатских государств по газопроводу IPI (Иран-Пакистан-Индия). Если же добыча природного газа в ИРИ для экспортных нужд будет расти, то для России будут выгодны поставки иранского газа в Европу по российскому маршруту «Южный поток».

Огромные резервы существуют у транзитного и транспортного сотрудничества двух стран. В 2000 г. было подписано соглашение между Россией, Индией и Ираном о создании Международного транспортного коридора «Север-Юг». К сожалению, в настоящее время этот коридор не функционирует в полную силу. Неразвитая инфраструктура и ряд правовых препятствий не позволяют в полной мере развернуть этот транспортный маршрут. Между тем, в случае его полноценной работы по нему удалось бы перенаправить значительную часть грузов, идущих в настоящее время океанским маршрутом. В этом случае Россия и Иран могли бы превратиться в ведущие страны мирового транзита из Восточной Азии в Европу, зарабатывая на этом миллиарды долларов.

Иран, не одно десятилетие страдающий от американских санкций, является и перспективным рынком сбыта для российской

промышленности. Причем для этой страны на нынешнем этапе выгодно приобретение пусть не самых качественных, но дешевых товаров. Продукция российского гражданского авиастроения, автомобилестроения, машиностроения, по понятным причинам не находящая спроса в США, странах Европы и Юго-Восточной Азии, может заполнить иранский рынок.

Таким образом, у российско-иранских отношений существуют большие перспективы. Однако для того чтобы эти перспективы реализовались, необходима политическая воля сторон. Без этого непременного условия все самые благие намерения останутся нереализованной «маниловщиной».

Арина Новгородова

ИРАНСКИЙ ВОПРОС США

После исламской революции в Иране в 1979 году отношения между Вашингтоном и Тегераном заметно ухудшились. До сих пор высшие руководители США и Ирана периодически угрожают друг другу.

В 1979 году США ввели экономические санкции против Ирана, которые периодически продлеваются и действительны по сей день. Их жертвами становились и иностранные (то есть не американские и не иранские) компании, которые, по данным США, передавали технологии и товары военного или двойного назначения Ирану или же принимали участие в разработке его полезных ископаемых. С 1995 года США не закупают товары и услуги фирм, которые ведут бизнес в Иране. Иранцы же убеждены, что США активно используют свое влияние в международных финансовых структурах.

Американские компании закупают иранскую нефть, однако им запрещено делать вложения в иранскую экономику и разрабатывать нефтяные месторождения. Показательно, что Министерство Энергетики США не учитывает Иран в качестве поставщика нефти и газа. В период с 1950 по 1978 гг. США были главным торговым партнером Ирана. Сегодня торговля США и Ирана ведется в весьма скромных объемах.

В последующие годы США (а также ряд иных государств) постоянно обвиняли Иран в поддержке международного терроризма — путем вливания денег, снабжения оружием и обучения боевиков. В 1998 году правительство Аргентины обвинило Иран в оказании помощи террористам, которые взорвали посольство Израиля (Буэнос-Айрес, 1992 год) и Еврейский Культурный Центр (1994 год); США также утверждали, что иранцы помогали террористам, атаковавшим американские объекты на Ближнем Востоке.

Высокопоставленные представители США и Ирана объявляли о намерении сотрудничать в деле борьбы с наркоторговлей, стабилизации обстановки в Афганистане. Иран и США рассматривали режим талибов как угрозу — в 2002 году американские и иранские дипломаты впервые участвовали в двусторонних переговорах, которые, правда, закончились ничем. Схожие взгляды были у Вашингтона и Тегерана по поводу режима Саддама Хусейна — как наиболее мощного и последовательного врага Ирана в этом регионе. Ситуация изменилась к худшему после прихода к власти в Иране президента Махмуда Ахмадинежада (сменившего Хатами, пользовавшегося репутацией реформатора и призывавшего — хотя бы на словах — к нормализации отношений с США), который сделал ряд агрессивных заявлений и активно защищает право Ирана на создание ядерного цикла.

Попытки иных международных игроков наладить отношения с Ираном были так же безуспешны. К примеру, Германия проводила политику «критического диалога», стремясь вернуть Тегеран в международное сообщество (то есть, убедить иранские власти пересмотреть свои действия, что позволило бы Ирану избавиться от имиджа «государства-изгоя»). Переговоры тянулись долго, но к положительному результату не привели. Позже Франция проводила политику «конструктивного диалога», который преследовал те же цели и дал аналогичные результаты. Неудачей закончились и иранские проекты Испании и Великобритании. Проблемы с Ираном испытывают и иные государства — в частности, Египет (не смог наладить полноценные дипломатические отношения с Тегераном), Кувейт (два десятилетия ведет безуспешные переговоры о демаркации Персидского Залива) и Турция (обвиняет Тегеран в поддержке турецких военизированных формирований шиитов и курдов).

Иран долгое время претендует не только на титул региональной супердержавы, но и попытался стать лидером мира ислама. Ныне эта политика вызывает раздражение у традиционных лидеров исламского мира — Саудовской Аравии и Египта.

Противостояние с Ираном по поводу его предполагаемой программы создания ядерных вооружений продолжается. Пока Вашингтон вооружает своих союзников среди стран Залива в процессе «стратегического сдерживания», сторонники жестких мер требуют ужесточения санкций и даже, возможно, военного варианта решения вопроса, с тем, чтобы принудить Иран к соблюдению оговоренных

ООН ограничений. Но эти возможности остаются несостоятельными. «Диалог о безопасности в Заливе» просто откладывает неизбежное, пренебрегая возможностями Ирана в области средств массового поражения. Санкции вызывают сопротивление со стороны Ирана и подпитывают вражду, в то время как Россия, Туркмения, Китай и даже контрабандисты заполняют пустоту в энергетическом секторе Ирана. Военные удары и саботаж могут отбросить назад иранскую ядерную программу, но не станут причиной ее полного свертывания. Они лишь спровоцируют Иран на ответные меры, такие как, например, минирование Ормузского пролива — не говоря уже о реакции в политическом плане. Желание смены режима путем поддержки военных групп антитегеранской направленности лишь усугубляет вопрос, в то время как демократические движения в самом Иране призывают к соблюдению прав человека, а не к свержению правительства. Учитывая, что Америка завязла в Ираке и Афганистане, Тегеран может легко на этом сыграть. Лучший вариант — подлинное сближение. По мере того как США уходят из Ирака, стабильность там и в странах Леванта зависит от сотрудничества с Ираном. В Афганистане более 70% поставок НАТО и более 40% НАТОвского топлива проходят через северный Пакистан. Это единственный транспортный маршрут, связывающий Аравийское море и Международные силы содействия безопасности ISAF в Афганистане, за счет этого Запад впадает в зависимость от любой прихоти Исламабада, а его грузы часто подвергаются нападениям в самом Пакистане.

Такова особенность современных войн, которые ведут США. Война заключается не столько в самой военной операции по разгрому открыто сопротивляющихся сил врага. В этом разгроме сомнений у США нет. Слишком велико их преимущество над любым противником. Основной задачей войны является глубокая социальная, культурная, политическая перестройка целых регионов, где находится враг Соединенных Штатов. Эта перестройка начинается задолго до самой, вроде бы, главной и зрелищной военной акции. Сама же военная акция — разгром Югославии, талибов, Ирака — лишь этап в перестройке большого региона. После военной акции всегда следует долгий период вялотекущего политического конфликта на оккупированной территории. Закрепляется победа долгой интеграцией всего измененного региона в сферу устойчивого влияния Запада.

Идеальный тому пример — Югославия. Удару НАТО по Югославии предшествовала ее долгая блокада со всех сторон, усиление всех сепаратистских сил внутри нее, выстраивание внутри Югославии проамериканских сил и баланса в интересах США и их союзников в регионе. После военного разгрома Югославии эта страна распалась, а затем вошла после долгого внутреннего кризиса в зону устойчивого контроля Запада вместе со всем регионом, где она находится. При этом не потребовалась прямая оккупация всей страны и региона войсками США. Оказалось достаточно частичной оккупации. Примерно так же развивается ситуация в Афганистане и Ираке.

По той же модели уже идет перестройка всего региона, центром которого является Иран. В этом смысле оккупация Ирана уже началась, война против Ирана уже идет. Нет лишь горячей фазы войны.

Можно понять основные задачи нового этапа «давления» на Иран, который развернётся сейчас, исходя из возможного характера самой военной акции против него, которую теоретически можно ожидать в любой момент. Стратегические последствия нового этапа «давления на Иран» имеют также собственное значение, не связанное напрямую с военной операцией против Ирана. Даже если этой операции не будет, России, например, придется считаться с новой политической конфигурацией всего региона, возникающей ныне.

Характер возможной войны США против Ирана уже не вызывает споров. США, конечно, в ходе своих новейших войн не повторяются. Рисунок войн в Ираке, Югославии или Афганистане — разный. Но есть уже и общие прогнозируемые черты этих войн. Они исходят из целей и задач конкретной военной акции в контексте перестройки всего региона, начатой до войны.

США не имеют достаточных сил для оккупации всего Ирана. Даже для удержания контроля над Афганистаном и Ираком приходится привлекать фрондирующих или слабых союзников и напрягать едва ли ни все ресурсы. США не имеют возможности создать большую коалицию для такой войны — слишком сложным стал механизм формирования таких коалиций — и должны полагаться лишь на себя и своих самых близких союзников. Что, конечно, облегчает выбор времени начала войны (нет необходимости в длительной и заметной концентрации своих войск у границ Ирана), но определяет ее характер. США могут только одно: начать постепенно наращиваемые бомбардировки, в ходе них провести мобилизацию своих союзников

себе в помощь, втянуться в ряд вытекающих одна из другой локальных военно-политических операций по периферии Ирана, каждая из которых будет своей оригинальной военно-политической схемой напоминать отдельную локальную войну.

Нет сомнений в целях первого удара США: ядерные объекты, системы ПВО, пункты связи, крупные воинские подразделения Ирана, объекты транспортной инфраструктуры, ВМФ. Эта фаза войны наверняка будет удачной. Если Иран применит против Израиля или на территории США оружие массового поражения или проведет слишком сильные теракты, он будет атакован ядерным оружием. Этот вариант можно не рассматривать. Если обойдется без ядерного оружия, то вскоре после начала бомбардировок театр военных действий распадется на несколько «фронтов». Наземные войска США могут быть использованы в основном для обеспечения безопасности судоходства в Ормузском проливе и контроля над приграничными территориями Ирана, прилегающими к южной части Ирака. Сложно представить, как Иран может помешать операции США в Ормузском проливе.

Операция в арабских районах Ирана будет ориентирована на интеграцию с шиитской частью Ирака, более-менее лояльной США. Конечно, среди шиитов найдется много сторонников образования чего-то похожего на единое арабское шиитское государство. Скорее всего, в этом регионе со стороны США будет спровоцирована локальная гражданская война. Шансы на победу проамериканских сил в этой войне определяются способностью США переключить внимание остального Ирана с этого региона на другие конфликтные зоны.

Момент перестройки региона Ирана является актуальным для России и Европы. Удар США по Ирану вызовет проамериканскую активность курдов, трудно предположить, в каких формах это произойдет. При благоприятном исходе войны курды вполне могли бы выполнить в части Ирана роль афганских таджиков, совершивших важнейшую часть сухопутной операции США против талибов. Во время войны США против Ирака курды также воевали в арабских районах. Курды могут выйти и за пределы иранского Курдистана в роли «туземной» американской пехоты в приграничных к Ираку областях Ирана, в которых они так нуждаются, чтобы сдерживать действия иранцев против своих войск в Ираке.

Объединение и расширение за пределы своих этнических границ иранского и иракского Курдистана — это проблема для Турции.

В случае войны против Ирана остановить объединение Курдистана невозможно. И возможно ли ликвидировать после войны объединенный Курдистан? Скорее всего, в своей квазигосударственной форме он может существовать долго. Турция должна получить компенсацию. Такой компенсацией может быть только усиление турецкого влияния в Азербайджане по обе стороны иранской границы. Курдский кризис влечет за собой кризис в обоих Азербайджанах. Помимо курдской стороны азербайджанской проблемы, она имеет и собственную составляющую. Возможно, азербайджанский локальный кризис является ключевым в перестройке всего американского «Большого Ближнего Востока» и всей вероятной иранской войны. Иранский Азербайджан — это территория с населением в 2-3 раза большим, чем в независимом Азербайджане. Любые политические трансформации в иранском Азербайджане — усиление националистического движения или, наоборот, его жесткое подавление иранцами — в ходе войны не могут не вызвать политического отклика в Баку. С другой стороны, Азербайджан в случае иранской войны становится ключевым элементом военно-транспортного коридора, который свяжет войска США и НАТО в Афганистане и Средней Азии с метрополией. Войска США в Афганистане обязательно окажутся под угрозой ответных действий Ирана — руками ли афганских шиитов, талибов или диверсионных иранских соединений — видимо, всех их вместе взятых. Возможно, именно афганские контингенты западных войск окажутся самыми уязвимыми в ходе иранской войны.

Азербайджан не может не предоставить свое воздушное пространство и аэродромы для войск США в случае войны. Войска США обязательно окажутся в этой стране. А где азербайджанский транзит в Афганистан, там и туркменский. Где туркменский транзит, там проблема контроля над Туркменией.

Туркмения ныне играет гораздо более важную стратегическую роль, чем это было во время «ввода войск США в Афганистан». Сейчас именно от поставок туркменского газа в Россию зависит способность России выполнить свои обязательства по поставкам газа в Европу. Если туркменский газ в Россию не придет, тогда РФ моментально столкнется с большим кризисом в отношениях с Украиной, а затем — и со всей Европой. Появление у НАТО полноценной энергетической составляющей, возникновение «энергоНАТО» станет необратимым. Новая «холодная война» РФ с НАТО — это, прежде всего,

региональный конфликт между Россией и странами каспийско-черноморско-балтийской дуги, а также резкий рост платежей РФ за плавание в водах почти внутреннего моря ЕС — Балтийского, проблемы с проходом через проливы, рост транзитных платежей на все виды транзита через Украину, Беларусь, Прибалтику, обострение кавказских проблем, потеря влияния на все объекты ПВО и связи в Азербайджане, Украине, Беларуси, втягивание в новую гонку вооружений. России надо будет срочно отстраивать, видимо, на средства своего Стабилизационного фонда, систему ПВО по периметру своих границ, создавать ракеты средней дальности и современную армию. Вряд ли это будет ей по силам.

ИРАН СТРЕМИТСЯ К СОЗДАНИЮ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Иран в РФ Сейедом Махмудом Реза Саджади

Ваше Превосходительство, расскажите о национальной стратегии Ирана, какова долгосрочная политика страны по отношению к региону и миру в целом?

— Основной принцип нашей внешней политики — это противостояние насилию и насильникам, и защита национальных интересов страны. Второй принцип — это устремления по созданию справедливого мира для всего человечества. И наши региональные и международные усилия направлены в это русло. В настоящее время мы живем в мире, который переполнен злом и насилием, а руководство США, которое является олицетворением дьявола, считает себя гегемоном и правителем всего мира. Это государство с помощью военной силы и нечестной пропаганды пытается завладеть материальными богатствами других стран. Но чтобы достичь этих целей, правительство этой страны пытается обманным путем привлечь другие государства и увести их от пути национального развития. Мы считаем, что такие попытки являются серьезным насилием по отношению к человечеству, а основным насильником в мире являются США. Поэтому в числе методов противодействия насилию присутствуют и задачи по пробуждение народов, по информированию их с действительными фактами.

Как Вы оцениваете риски и угрозы, связанные с нынешними событиями в арабских странах?

— То, что происходит в арабских странах, 32 года назад произошло в Иране. Естественно, что арабские страны не хотят мириться с оскорблением, которое в течение 60 лет они испытывают со стороны

США и Израиля. Поэтому они полагают, что их продажные правительства являются инструментами по оскорблению народов. Нечто подобное было у нас, но мы путем народной революции устранили шахский режим. По отношению к нашей стране, я считаю, что эти события только укрепляют позицию Ирана. Думаю, что такие акции протеста и народные демонстрации имеют два момента. Принципиальных изменений в этих странах и их правительствах не произойдет, хотя будущие правители уже осознают, что они должны быть более осторожными. Однако эти режимы могут смениться, что повлечет за собой приход народных правительств. В любом случае, какое бы ни было новое правительство в этих странах, они будут с нами сотрудничать. Поэтому, мы считаем, что события в арабских исламских государствах являются всеобщим пробуждением, что приводит к уменьшению влияния США в этом регионе.

На данный момент происходят изменения статуса ряда региональных государств, в том числе Ирана. Ряд международных экспертов также считает, что статус Ирана, как и других региональных стран, например, Турции, повышается. Каковы могут быть последствия этих изменений с Вашей точки зрения?

— Да, это действительно происходит. И если правительства государств будет действовать более рационально, то влияние этих стран будет расти. Одно время африканский континент был местом противостояния интересов Португалии, Франции и Великобритании и, естественно, что многие кровопролития, которые идут на Ближнем Востоке происходят из-за конфронтаций между этими правительствами. Но если народы этого региона будут сильны, тогда они не позволят чужеземцам вмешиваться в их дела. Поэтому мы считаем, что благодаря мощной России, мощному Ирану, мощной Турции будет создаваться будущее региона.

Если рассматривать международные процессы с точки зрения религии, а так как Иран является центром мирового шиизма, какие могут быть последствия региональных изменений?

— Я полагаю, что разделение на шиизм и сунизм — это предпосылка для появления конфронтации между этническими группами. Мы исходим из Корана, где в соответствии с Мазхабом говорится о едином целом, о едином фронте, направленном в сторону единобожия. Согласно Корану есть два фронта — это фронт монотеизма, единобожия и фронт дьявола, который провоцирует

конфликты. Поэтому, естественно, что мы будем иметь хорошие взаимоотношения с представителями других стран, не зависимо от того, сунниты они или шииты. А позиции США будут слабеть. Мы поддерживали сунитское население Сектора Газа, негров-христиан в бывшем правительстве при режиме апартеида в ЮАР, шиитов Бахрейна. Поэтому наш принцип — это защита обездоленного народа, не зависимо от его религии — шииты, суниты, христиане или представители другого вероисповедания.

Есть ли угроза переноса сценария уличных беспорядков из арабских стран в вашу страну, ведь оппозиция в лице зеленого движения и других структур, частично с помощью извне уже пыталась дестабилизировать ситуацию после последних президентских выборов в Иране?

— Корни волнений в Иране и других странах различны. Их можно отличить по западным СМИ и их поведению. В ряде арабских государств народы устали от навязываемого им статуса, причем правящие режимы там существуют на протяжении многих лет. Господин Мубарак пришел к власти не путем народных выборов, и правил Египтом около 30 лет. То же самое верно в случае Бен Али в Тунисе. Поэтому в этих странах большинство представляют оппозицию, а меньшинство — на стороне правительств. И даже армии в этих странах ничего не могут сделать и сдают позиции. В случае Ирана — все наоборот. Большинство привело к власти революционный строй и поддерживает его сегодня. 11 февраля была очередная годовщина Исламской революции и многомиллионное население в Тегеране и других городах вышло на улицы отпраздновать это событие. Но у нас есть и меньшинство, которое поддерживается западными странами и создает напряженную ситуацию в стране. Они организовывают акции протеста с применением насилия — жгут автомобили, магазины… Если такое произойдет в Лондоне или США, таких оппозиционеров сразу отправляют в тюрьмы, в Гуантанамо и т.д. Но иранских оппозиционеров Запад встречает цветами. В любом случае, это вопрос большинства и меньшинства. США навязывают свою волю путем контроля меньшинства над большинством, называя это демократией, даже если глава этой страны правит нею уже 30 лет. Но если большинство народа не подчиняется США, тогда Вашингтон не признает эту страну демократической, хотя там и проводятся выборы. Поэтому я хочу Вас уверить, что в Иране такой напряженной ситуации, как произошло в арабских странах, не будет.

После отказа руководства РФ поставить ракетно-зенитные комплексы С-300 Ирану некоторые СМИ и политологи заговорили об охлаждении взаимоотношений между нашими странами. Можно ли, на Ваш взгляд говорить о действительном ухудшении? Какова Ваша оценка этому?

— Я не скрываю, что среди иранской общественности и парламентариев Ирана есть определенные обиды на Россию в связи с этим. И той динамики во взаимоотношениях, которая была раньше, не наблюдается. В то же время назвать эти взаимоотношения холодными нельзя, так как они принципиальны. Правительства наших стран осознают значение и чувствительность двусторонних взаимоотношений. Встреча наших президентов в Баку и два телефонных разговора, которые последовали за ней, являются этому подтверждением. Иран исходит из того, что культурное и экономическое взаимоотношение с Россией нужно расширять и укреплять. Но в краткосрочном формате, исходя из ситуации, сложившейся в наших вооруженных силах, военно-техническое сотрудничество, наверное, не восстановится.

А какие конкретно проекты нужно развивать России с Ираном на Ваш взгляд? Ранее планировались совместные транспортные инициативы, которые были заморожены.

— Да, есть ряд проектов, которые были заморожены, но, по моему мнению, в 2011 г. будут определенные сдвиги в нашем экономическом сотрудничестве. Сейчас мы начали кооперацию в области транспорта и оптимизируем работы в области создания международного транспортного коридора «Север-Юг». Были проведены переговоры и достигнуты соглашения в области энергетики. Есть общие интересы в промышленности, в том числе в горнорудной, и инвестирования в эти области с обеих сторон. Поэтому, на мой взгляд, 2011 г. откроет новую перспективу во взаимоотношениях наших стран экономического характера.

Для Ирана актуальной является сфера атомной энергетики, в которой частично принимает участие и российская сторона. Есть ли улучшение ситуации в области взаимопонимания со странами ЕС, США и Израилем, которые всегда критиковали атомную программу Ирана? Может ли инцидент на японской станции «Фукусима» повлиять на атомную программу Ирана, особенно со стороны ее противников извне?

— Для начала я хотел бы отметить, что мы не признаем Израиль в качестве государства. Это сионистское мышление, которое захватило палестинскую территорию. Но, к сожалению, это мышление располагает атомным оружием, что вызывает опасность для человечества. И весь мир должен определить состояние Израиля по отношению к ядерным бомбам. Что касается США и Европы, то если они откажутся от своих неправомерных требований, то мы можем с ними сотрудничать. Пока мы видим, что ЕС и США используют политику двойных стандартов по отношению к иранской ядерной программе и такой подход несправедлив. Но мы полностью выступаем на стороне международного законодательства, подписали договор о нераспространении ядерного оружия и имеем право использовать атомные технологии. Для создания атмосферы доверия мы согласились на установку камер от МАГАТЭ и позволили проводить инспекции на своих объектах. А то, что произошло в Японии и вызвало определенные дискуссии, на мой взгляд, никаким образом не может повлиять на нашу политику. Там, возможно, были какие-то технологические издержки, связанные и со строительством этих станций в Японии. Японцы должны изменить свои стандарты относительно устойчивости работы этих станций, связанных с условиями географического рельефа. Опять же, нужно задавать вопросы тем, кто внедрял эти атомные технологии в Японии.

Следующий вопрос — о политической манипуляции. Ни для кого не является секретом, что правительство США и ряда других стран ведут информационную войну как против Ирана, так и против других стран — Венесуэлы, Кубы, России. Могли бы Вы рассказать каким образом Ваша страна оказывает противодействие и ведет разоблачение подобных акций?

— Я считаю, что достаточно того, чтобы наш народ был доволен и страна процветала, так как у нас маленькие шансы противостоять в информационной войне с США. Самое главное — это чтобы иностранцы, приезжающие в Иран, могли убедиться, что иранцы — это спокойные люди, которые довольны своей жизнью. Вот уже несколько лет США угрожает Ирану нанесением военного удара. Но почему они не реализуют это на деле? Потому что они очень хорошо представляют, что им противостоит не только иранская армия, но и любой иранец, где бы он ни находился на нашей планете, потому что иранский народ любит свою страну и свое правительство. Я полагаю,

что главное — это сохранить единство народа и продолжать поступательное развитие страны, чтобы взаимодействие с дружественными странами стало сильнее, и наш голос в международном сотрудничестве был услышан.

Ваше Превосходительство, большое спасибо за Ваши ответы на вопросы. Хотите ли еще что-то добавить для читателей нашего журнала?

— Я хочу отметить еще два момента. Первый обращен к прекрасному народу России. Ложь, даже если она сильна, все-таки исчезнет. Поэтому размышление о том, что сотрудничество с ложью может иметь выгоды, является самообманом. Тот, кто сотрудничает с дьяволом, наносит себе урон, и ни о какой выгоде не может быть речи, так как дьявол не желает добра никому. И второе обращение — к американскому народу. Поведение американского правительства в нашем регионе постыдно, и народы этого региона все это понимают. Поэтому их ненависть к США с каждым днем возрастает. В США говорят, что для того, чтобы в Ливии не гибло мирное население, ее нужно бомбить. Но там не известно, кто большинство, а кто меньшинство, кто прав, а кто нет. А в Бахрейне видно, что большинство против правительства, которое подавляет демонстрантов. Но США не только не возражают, но даже поддерживают и поощряют иностранную интервенцию в эту страну для подавления народных выступлений. И такое двуликое поведение постыдно. Поэтому американский народ должен оказать давление на свое правительство, чтобы оно изменило свой подход по отношению к народам этого региона.

Беседовал Леонид Савин

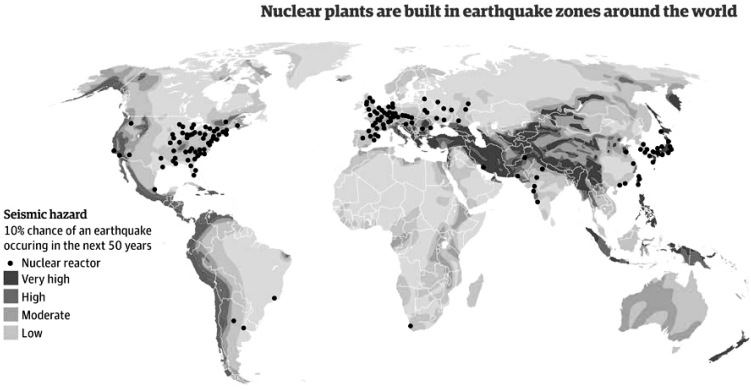
Леонид Савин

ИРАН И ЯПОНИЯ: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПОЛИТИКИ

Политический истэблишмент Белого дома неоднократно заявлял, что применение военной силы против Ирана возможно только в самом крайнем случае — если дипломатическое давление и экономические санкции не смогут заставить Исламскую Республику Иран отказаться от ядерной программы. Однако возможность превентивной атаки на Иран рассматривалась и анализировалась уже на протяжении довольно длительного времени, до того, как были введены санкции ООН, что позволяет сделать вывод о том, что США параллельно разрабатывают собственный сценарий. Как показывает история, несмотря на международные обязательства, военное вторжение можно совершить в одностороннем порядке и без разрешения Совбеза ООН, как это было в 1999 г. по отношению к Югославии. Для этого США нужно, во-первых, заручиться поддержкой своих граждан, демонизировав Иран, как это было в случае Саддама Хусейна и виртуальных террористов. Судя по последним данным открытых источников, такая пропаганда уже давно проводится властями США.

Стивен Саймон и Рэй Такей (первый работал в Совете по национальной безопасности при Клинтоне, а второй являлся советником Обамы по Ирану) из влиятельной мондиалистской организации Совет по международным отношениям (CFR) в статье, опубликованной в августе 2010 года в издании "Вашингтон Пост" утверждали, что согласно опросам Gallup, проводившимся в начале года в США, около 90% американцев уверены, что Иран представляет серьезную угрозу для жизненных интересов США, при этом 61% расценивают эту угро-

зу как критическую[1]. Хотя по данным CNN за этот же период, лишь 23% американцев поддерживали войну против Ирана, что связано с усталостью американского общества от войн в Ираке и Афганистане. Вывод американских войск из Ирака в конце 2010 г. вполне вписывается в эту схему — они могут быть направлены в другую точку на Среднем Востоке — в Иран. С другой стороны напряженная обстановка в странах Северной Африки (особенно, в Ливии) и Ближнего Востока гораздо затрудняет прямые военные действия.



Эксперты из CFR также отмечают, что хотя США и имеет возможность атаковать Иран без санкций ООН, им будет крайне тяжело это сделать без согласия сообщества арабских стран: Пятый флот ВМС США размещен в Бахрейне, который охвачен акциями протеста; Центр комбинированных воздушных операций находится в Катаре, ряд баз, предназначенных для сухопутных сил — в Кувейте и Омане; Объединенные Арабские Эмираты потребуются для дислокации тактических самолетов в связи с наличием портов и аэродромов. Сами страны залива также имеют довольно современное оснащение своих армий. У ОАЭ на вооружении состоит 80 модернизированных истребителей F-16, Саудовская Аравия несколько лет назад приобрела 72 самолета Eurofighter Typhoon и вложила

[1] См. [Электронный ресурс]. http://www.cfr.org/publication/22736/if_iran_came_close_to_getting_a_nuclear_weapon_would_obama_use_force.html?utm_medium=email&utm_source=MyNewsletterBuilder&utm_content=evrazia%40gmail.com&utm_campaign (дата обращения — 27.08.2010)

400 млн. $ US в усовершенствование 12 штурмовых вертолетов Apache AH-64S (основным поставщиком вооружений Саудовской Аравии является США). В количественном отношении, Саудовская Аравия насчитывает 223 с половиной тысячи военнослужащих, Бахрейн имеет всего 8200, Катар — 11800, Кувейт 15500, ОАЭ 51000, а Оман 42600. Все вместе вооруженные силы арабских стран значительно меньше вооруженных сил Ирана, так как их численность превышает пол миллиона[1].

Основными препятствиями для вовлечения этих стран в конфликт является международная и региональная политика. Хотя США и имеют договора по обороне с этими странами, это юридически не обязывает США приходить им на помощь, поэтому со стратегической точки зрения вовлечение их в конфликт будет довольно затруднительным.

Также препятствием для США является и специфическая внутренняя политика арабских стран Персидского залива.

Как указано в статье «Будущая война в заливе», опубликованной в военном издании США JFQ за четвертый квартал 2009 г., «арабские вооруженные силы действуют под строгими политическими ограничениями, что глубоко препятствует их эффективности. Их основная и даже второстепенные миссии состоят в том, чтобы защищать режим от внутренних угроз, и лишь четвертым пунктом указана внешняя угроза»[2]. Военные специалисты США, как указано в издании, явно сожалеют из-за такой ситуации, и пытаются путем консультаций убедить страны залива создать централизованную инфраструктуру, которая повысить эффективность вооруженных сил этих стран против отражения внешней угрозы (в нашем случае, предположительно — Ирана). Кроме того, эти страны также отказались проводить даже миротворческие операции в Ираке. Правда, в истории Саудовской Аравии был один случай, когда они помогали самолету США с системой раннего предупреждения и контроля патрулировать контрольную линию воздушного пространства «Fahd» в 1980-1988 гг. и сбили один иранский самолет[3]. Саудовская Аравия, хотя и недружелюбно относится к Ирану, руководство королевства явно понимает, что ввязываться в серьезный конфликт с таким сильным противни-

[1] The Military Balance. International Institute for Strategic Studies, London: Routledge, 2008.

[2] *Russel R.* Future Gulf War.// JFQ, Issue 55, 4th quarter 2009. p. 36.

[3] *Michael Knights*, Troubled Waters: Future U.S. Security Assistance to the Persian Gulf. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy, 2006. p. 130.

ком крайне нежелательно. Сценарий войны Ирана с Саудовской Аравией был бы наиболее выгоден Израилю, который заинтересован в устранении обеих региональных сил. Группа неокона Ричарда Перле в свое время даже разработала стратегию расчленения Саудовской Аравии в интересах Израиля, прежде всего — энергетических[1]. Данная стратегия шла в фарватере более ранних сионистских проектов по установлению собственного режима доминирования на Ближнем Востоке, однако этим планам не суждено было осуществиться из-за их одиозности с одной стороны, и реальным положением дел, в том числе, в плане военной силы, с другой.

Возвращаясь к арабским странам, хотя США и имеют договора по обороне с этими странами, это юридически не обязывает США приходить им на помощь. Этот прагматизм прекрасно понятен в государствах региона. С учетом манипуляций американских дипломатов и политиков в отношении Ирака (начиная с ирано-иракского конфликта) и наблюдением за дальнейшим развитием событий, со стратегической точки зрения вовлечение в конфликт этих стран будет довольно затруднительным.

Разведывательно-аналитический центр Stratfor связывает иранский вопрос с иракской проблемой. Согласно оценкам экспертов этого центра, применение силы со стороны США в отношении Ирана крайне нежелательно по ряду геополитических причин.

«Геополитическая проблема для американцев состоит в том, что с уходом США из Ирака, Иран может стать наиболее мощной конвенциональной силой в районе Персидского залива. Исторически баланс сил был между Ираком и Ираном. Американское вторжение уничтожило иракскую армию и правительство и США не смогли воссоздать ничего нового... Сильный Ирак не выгоден Ирану... На данный момент Иран не сможет навязать свое правительство Ираку. Тем не менее, они могут предотвратить формирование правительства или для дестабилизировать его, если оно будет создано. Иранская разведка имеет достаточно ресурсов и союзников в Ираке, чтобы гарантировать выведение из строя любой попытки стабилизации, которая не

[1] A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm. [Электронный ресурс]. http://www.informationclearinghouse.info/article1438.htm (дата обращения — 01.03.2011)

понравится Тегерану», — указано в материале от 17 августа 2010 г. «The U.S. Withdrawal and Limited Options in Iraq»[1].

И далее относительно ядерной программы Ирана: «Множество людей озадачено иранской уверенностью и прямым вызовом на американское давление по ядерному вопросу. Именно из-за этого у Ирана и есть такая уверенность: будут ли США наносить удар по ядерным объектам Ирана, или нет, Иран владеет ключами к успеху американской стратегии в Ираке. Все, что было сделано с 2006 года завершилось неудачей, разве что Соединенные Штаты будут поддерживать десятки тысяч военнослужащих в Ираке вечно. Если Соединенные Штаты уйдут, Иран имеет возможность установить новый порядок не только в Ираке, но и в остальной части Персидского залива. Если Соединенные Штаты останутся, Иран сможет предотвратить процесс стабилизации ситуации в Ираке и даже проводить эскалацию насилия, вынуждая американцев вступать в боевые действия. Иранцы понимают слабость позиции США в Ираке, и они уверены, что они смогут использовать ее для влияния на американскую политику в других странах.

С иранской точки зрения они поставили американцев в трудное положение. С одной стороны, американцы трубят успехов от плана Петрэуса в Ираке и пытаются повторить этот опыт в Афганистане. С другой стороны, секрет состоит в том, что план Петрэуса до сих пор не удалось довести до конца в Ираке. Конечно, крупные боевые действий с участием американцев завершились, напряженность между суннитами и шиитами спала. Но первоначальной стратегией было предусмотрено создание правительства и функциональной армии, чего не было достигнуто — и Тегеран успешно блокировал такие попытки.

Одним из стимулов американцев является решение вопросов с Ираном по-военному. Вместе с тем Иран является горной страной с 70 миллионами населения, и вторжение просто «не в масть». Всегда можно нанести авиаудары, но, как знают Соединенные Штаты из опыта Северного Вьетнама, битвы за Англию, бомбардировок Германии и Японии до применения ядерного оружия — воздушные кампа-

[1] The U.S. Withdrawal and Limited Options in Iraq . Stratfor [Электронный ресурс]. http://www.stratfor.com/weekly/20100816_us_withdrawal_and_limited_options_iraq?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=100817&utm_content=readmore (дата обращения — 20.08.2010)

нии сами по себе не способны привести страну к капитуляции или изменить ее политику. Сербия отказалась от Косово после трехмесячной воздушной кампании, но есть подозрение, что решить вопрос с Ираном так просто не получится. В любом случае, у Соединенных Штатов нет аппетита на новую войну, а войны в Ираке и Афганистане по-прежнему продолжаются, не говоря уже о войне против Ирана. Стимул на применение силы против Ирана встретил сопротивление со стороны Буша и в настоящее время сопротивление продолжается со стороны президента США Барака Обамы. И даже если израильтяне ударят по ядерным объектам Ирана, Иран сможет посеять хаос в Ираке»[1].

Сторонником ковровой бомбардировки Ирана, включая гражданские объекты — мосты и железные дороги является профессор по международным отношениям из Университета Дж. Вашингтона Амитаи Этциони, опубликовавший большую статью в военном издании США Military Review[2].

Еще одним нюансом является внутриполитическая ситуация в Иране. После внешнего подстрекательства и попыток дестабилизации после выборов в Иране в 2009 г. США все еще надеются на формирование достаточно сильной пятой колонны в Иране, которая могла бы при внешней агрессии выступить против правительства. Такая точка зрения была отражена в издании Weekly Standart в одном из июльских номеров 2010 г.[3]. Очерняющие Иранский режим пассажи были подкреплены аргументом, что атака на Иран взбодрит демократическую оппозицию в этой стране.

Есть гипотетический сценарий, что США, чтобы заручиться поддержкой своих союзников из числа арабских стран, которые не заинтересованы в доминировании Ирана в регионе, могут сыграть на оппозиции персы-арабы\шииты-сунниты, но все же взвешивание всех «да» и «нет» в этих странах, наличие компактных шиитских зон

[1] The U.S. Withdrawal and Limited Options in Iraq . Stratfor [Электронный ресурс]. http://www.stratfor.com/weekly/20100816_us_withdrawal_and_limited_options_iraq?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=100817&utm_content=readmore (дата обращения — 20.08.2010)

[2] *Etzioni A.* Can a Nuclear-Armed Iran Be Deterred?// Military Review, May-June 2010, p.124. [Электронный ресурс].http://usacac.army.mil/CAC2/MilitaryReview/Archives/English/MilitaryReview_20100630_art016.pdf.

[3] *Gerecht R.* Should Israel Bomb Iran?// Weekly Standart, Jul 26, 2010. [Электронный ресурс]. http://www.weeklystandard.com/articles/should-israel-bomb-iran (дата обращения — 25.08.2010)

в регионе и учет тяжелого финансового положения США будет склоняться в сторону отказа от применения силы.

Другим стратегическим союзником США в регионе, который может выступить в коалиции с Вашингтоном против Ирана, является Израиль. Существует распространенный миф, будто Иран заинтересован в уничтожении Израиля и это свойственно самой персидской культуре, так как конфликт между евреями и парсами существует уже тысячелетия. Это не совсем соответствует действительности. Например, во время правления шаха Пехлеви до Исламской революции в Иране, Израиль вел сотрудничество с этой страной (это носило название периферийной политики — другими союзниками Израиля являлись Эфиопия и Турция), поэтому заявления о том, что Иран создает ядерное оружие для того, чтобы уничтожить Израиль, мягко говоря, не выдерживают серьезной критики. Тем более, что Израиль сам располагает ядерным оружием и современными военными комплексами как для обороны, так и для нападения.

На данный момент маловероятно, что будет создан временный альянс, куда войдут США, ряд арабских стран и Израиль.

В США в первую очередь рассматривается вариант самостоятельной атаки Израиля на Иран, без ангажирования США. Ранее в американском журнале «Атлантик» вышла аналитическая статья Джеффри Голдберга «Израиль готов бомбить Иран», где указано, что Израиль будет атаковать Иран с вероятностью более чем 50%. В статье «Точка невозврата»[1] Голдберг пускается в пространные размышления о том, что Иран, заимев ядерное оружие сможет подкрепить свой антисионизм не только теологической базой, но и боеголовками, а, кроме того, способствовать распространению ядерного оружия на Ближнем Востоке, что идет вразрез с планами США по нераспространению ядерного оружия. Здесь нужно отметить, что Израиль сам не является членов программы нераспространения, а Иран наоборот подписал ДНЯО, поэтому Голдберг, если и высказал какие-то рациональные вещи, то явно дискредитирует себя подобным заявлением.

[1] *Goldberg J.* The Point of No Return.// The Atlantic, September 2010. [Электронный ресурс]. http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/09/the-point-of-no-return/8186/ (дата обращения — 02.09.2010)

Подобную алармистскую позицию высказал Джон Болтон на страницах «The Jerusalem Post»[1]. Основным объектом для атаки Болтон назвал станцию в Бушере, но поскольку Россия туда поставляет топливо и при загруженном реакторе авианалет может вызвать радиационное заражение (второй немаловажный аспект — это российские интересы, в идеальном случае — возможная поставка ракетных комплексов С-300 для обороны объекта), Израиль вряд ли пойдет на такой шаг.

Все же, каким образом Израиль может осуществить атаку на Иран?

Ранее, в ноябре 2009 г. CFR выпустил меморандум № 5, где был детально рассмотрен подобный сценарий[2]. В нем отмечено, что израильская атака может осуществляться по трем направлениям: Исфахан, где производится гексафторид урана; Натанз, где газ обогащается в центрифугах; и Арак, где находится тяжеловодный реактор, который по плану должен быть готов к работе в 2012 г.

Другими целями может стать зона возле г. Кум, которая на момент выхода меморандума, еще не была точно идентифицирована. Согласно военным возможностям Израиля, они могут использовать самолеты F-16 и F-15, вооруженные бомбами BLU 113, имеющими высокий коэффициент разрушения и системами BLU-109. Благодаря GPS они имеют высокую степень точности попадания, и могут сбрасываться за 15 км до объекта, что снижает риск встречи самолетов с ПВО Ирана. Израиль также имеет модернизированную версию этих бомб с лазерным наведением, что гораздо точнее, чем GPS вариант. Согласно отчетам военных специалистов, такие бомбы Израиль применил во время атаки на сирийскую атомную станцию аль-Кибар в северо-восточной провинции Дейр-Зор в сентябре 2007 г. Тип бомб, такой как BLU разработан специально для глубокого проникновения под землю. Учитывая, что только один объект в Натанзе размещен под более чем 20-метровой толщиной грунта и бетона, остальные объекты при атаке на них, могут подвергнуться серьезному или полному разрушению.

Далее, для проведения такой операции Израиль может использовать три направления, и все они проходят через третьи страны. Северное направление пролегает через Турцию и Сирию. Учитывая

[1] *Krieger H.* Israel has days to strike Bushehr.// The Jerusalem Post, 08.17.2010. [Электронный ресурс]. http://www.jpost.com/IranianThreat/News/Article.aspx?id=185060 (дата обращения — 05.09.2010)

[2] *Simon S.* An Israeli Strike on Iran. Contingency Planning Memorandum No. 5. CFR, Nov. 2009.

инцидент с "Флотилией свободы" и то, что Сирия является военным союзником Ирана, это маловероятно. Разве что только ВВС Израиля нарушат их воздушное пространство. Центральное направление задевает Ирак и Иорданию, а южное — Иорданию, Саудовскую Аравию и, возможно, Кувейт. В более-менее "дружеских" отношениях с Израилем находится Иордания, а воздушное пространство Ирака фактически находится под контролем США. Одно — если Израиль захочет самостоятельно атаковать Иран, (ранее Барка Обама просил израильскую сторону не делать этого) но совсем другая картина будет, если этот рейд будет одобрен США в качестве совместной операции либо с помощью дипломатических интриг. Поэтому, это направление представляется наиболее вероятным.

Однако трудно предсказать, чем будет являться последняя капля в принятии Израилем решения применения военной силы. Все предыдущие акции Израиля, начиная с шестидневной войны 1967 г. проводились после длительного периода промедления, но инцидент с турецкими кораблями и регулярные авианалеты на Сектор Газа в последнее время показывают, что молниеносная операция вполне по силам Тель-Авиву. Кроме того, в июне 2009 г. Израиль продемонстрировал еще и свои морские военные возможности, когда их субмарина прошла через Суэцкий канал, а сейчас израильский флот, в том числе подводные лодки, вместе с американскими кораблями находятся в непосредственной близости от Ирана.

Необходимо также отметить, что главные подстрекатели войны против Ирана в США происходят из лагеря неоконсерваторов, которые традиционно лоббируют интересы Израиля. К ним также относятся структуры Project for New American Century[1], члены которого инициировали нападение на Ирак и коалиция United Against Nuclear Iran[2]. В первую входят такие личности как Дик Чейни, Фрэнсис Фукуяма, Норман Подгорец, Дональд Рамсфельд, Пол Вулфовиц и др. Во вторую — бывший помощник министра обороны по вопросам оружия массового поражения Джэк Дэвид, бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси, экс-посол США в ООН Марк Уоллос и др. В данном контексте следует обратить внимание на степень их влиятельности в администрации Обамы (поскольку сейчас правят демократы, то неоконсерваторы не пользуются таким уважением, как при республи-

[1] См. http://www.newamericancentury.org/

[2] См. http://www.unitedagainstnuclearіran.com/about

канском правлении Буша) и коммерческие интересы. В частности, Дик Чейни до избрания вице-президентом возглавлял компанию Halliburton и традиционно лоббирует интересы частных нефтяных компаний, особенно Esso — Exxon Mobil).

Что касается военных возможностей Ирана, американские аналитики отмечают, что иранские вооруженные силы имеют явное преимущество над остальными странами залива на счет проведения мобильного конвенционального конфликта. Есть опыт и в отношении неконвенциональных конфликтов. В исследовании, посвященном асимметричной войне указано, что иранцы в возможном конфликте будут применять свое минное мастерство против супердорогих американских надводных кораблей[1]. Видный специалист по сетевым войнам Джон Аркилла вполне резонно отмечает, что иранцы могут применить технику «роения» против американских ВМС — сотни небольших беспилотников, нашпигованных взрывчаткой обрушатся на американские суда в заливе[2]. Иранцы также могут атаковать крупные американские корабли с помощью небольших мобильных катеров, пожиная огромную стратегическую выгоду[3]. Учитывая, что американские вооруженные силы размещены в ряде стран залива, Иран может начать подрыв кораблей ВМС США в портах этих стран, что приведет к обострению отношений между сателлитами США в регионе и Вашингтоном. В общем, при полномасштабном конфликте ни США, ни Израиль, ни другие возможные участники не будут иметь полного преимущества и понесут серьезные потери.

Техногенная катастрофа на ядерной станции «Фукусима-1», которая последовала сразу же за природным катаклизмом частично может служить источником политических манипуляций в отношении как иранской ядерной программы, так и других стран.

Нужно отметить, что Иран, как и Япония, находится в сейсмически опасной зоне, однако тихоокеанское и атлантическое побережья США ,на которых находятся крупные промышленные объекты и атомные станции, также уязвимы от землетрясений и цунами. Кроме того, если касаться вопросов технической безопасности реакторов на японской АЭС, то это были американские образцы. Если касаться

[1] *Thornton R.* Asymmetric Warfare: Threat and Response in the Twenty-first Century. Cambridge, Polity Press, 2007. P. 117.

[2] *Arquilla J.* Worst Enemy: The Reluctant Transformation of the American Military. Chicago: Ivan R. Dee, 2008. P. 78.

[3] *Russel R.* Future Gulf War.// JFQ, Issue 55, 4th quarter 2009. P. 40.

уровня износа, то более чем 60 атомных реакторов в мире были запущены до 1975 г., из них 52,5 % находятся в США. Япония имеет 11,5 %; Россия — 8,2 %; Великобритания — 6,6%. Далее идут Индия, Швейцария и Канада. Всего же наибольшее количество находится в США — 104. Для сравнения — в Росии их 32[1].

Китай, несмотря на то, что там тоже случаются землетрясения, активно развивает свою атомную промышленность. На данный момент эта страна является лидером, в ней в стадии строительства находится 27 реакторов. Индия ранее сталкивалась с политическим давлением в отношении атомной энергии. Хотя некоторые считают, что атомная станция Джайтапур находится в сейсмически опасной зоне[2], по мнению главы комиссии по ядерной энергии Индии Шрикумара Банержи, эта станция является абсолютно безопасной и может выдержать колебания поверхности и цунами такой же силы, которые обрушились на Японию[3]. Во всех пертрубациях с ядерной энергией также следует помнить и об игре с акциями на биржах. Как и в случае с нефтью, золотом и различными пакетами акций, при политических манипуляциях, связанных с ядерным сектором, происходит колебания различных индексов, например WNA Nuclear Energy Index.

Хотя катастрофа на японской АЭС вынудила некоторые страны пересмотреть свою ядерную политику, провести проверки и даже приостановить работу некоторых реакторов (как поступила Германия), в перспективе отказ от этого вила промышленности вряд ли следует ожидать в глобальном масштабе.

В данном случае есть и геополитическая взаимосвязь между Японией и Ираном. Япония является не только третьей по величине экономикой в мире, но также третьей промышленной экономикой, для нужд которой нужны ресурсы и энергия. Япония не имеет своих минеральных ресурсов и вынуждена закупать их у других стран, в частности у Китая, который рассматривает поставки редкоземельных металлов в Японию как один из политических инструментов. Когда произошел инцидент с задержкой китайской шхуны и ее команды, Китай приостановил экспорт этих металлов и заставил официальное

[1] См. http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2011/mar/18/nuclear-reactors-power-stations-world-listmap?CMP=twt_fd#zoomed-picture

[2] *David Albright and Mark Hibbs*. India's silent bomb. Bulletin of the Atomic Scientists. September, 1992.

[3] См. http://articles.economictimes.indiatimes.com/2011-03-15/news/28691354_1_nuclear-installationsindian-nuclear-reactors-nuclear-fallout

Токио сильно поволноваться. Кроме того, поставки нефти в Японию также имеют уязвимость — трения между Ираном и Западом могут привести к проблемам транзита нефти через Ормузский залив.

Япония не имеет своей нефти и вынуждена импортировать 100% черного золота из других стран и искать альтернативы. В связи с этим Япония импортирует уголь морского происхождения и является третьей в мире страной, которая получает электричество с помощью атомных станций (после США и Франции). Поэтому ядерная промышленность для Японии является жизненно необходимой, как с точки зрения промышленности, так и в отношении стратегии национальной безопасности. Если сложить это воедино, то картина будет следующей — любой кризис в Персидском заливе, потеря реакторов и повышение уровня радиационного фона нанесут серьезный удар по Японии.

Джордж Фридман довольно правильно поставил вопрос в одной из своих недавних публикациях — как отреагирует на землетрясение политическая система? В связи с зависимостью от Персидского залива — будет ли и далее Япония следовать в фарватере США или предпочтет просчитывать различные варианты и идти собственным путем?[1] В 1973 г., когда разразился нефтяной кризис, Япония испытала нефтяной шок, а США не смогли гарантировать нефтяные поставки в эту страну, в результате чего параллельно экономическому кризису в этой стране разразился и политический. Поэтому для Японии было бы логично поддерживать Иран в деле обеспечения безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, а также искать нормализации отношений с Россией, которая способна поставлять газ, нефть и даже ядерные технологии.

Перспективы атомной промышленности высокого уровня безопасности также должны подтолкнуть Москву к проведению более продуманной политики как по отношению к Тегерану, так и для совместных проектов с другими странами. Сектор арабских стран и растущая роль Турции в регионе (особенно довольно напряженные отношения с США, в том числе отказ поддержать санкции ООН против Ирана) тоже должны заставить пересмотреть отношение к этим странам и обозначить рамки долгосрочного, перспективного сотрудничества в регионе, избегая роста напряженности и зависимости от внешних игроков.

[1] См. http://www.stratfor.com/weekly/20110314-japan-persian-gulfenergy?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=110315&utm_content=readmore&elq=52c81421191d44d48da79396d5317369

Гиль Ярон

«ШИИТСКИЙ ПОЛУМЕСЯЦ» МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ПОЛНУЮ ЛУНУ: ЗАПАД ТЕРЯЕТ СВОИХ БЫВШИХ СОЮЗНИКОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сегодня на Ближнем Востоке происходят важные исторические события. Кто может быть в числе победителей после событий, которые происходят в арабском мире? США и их союзники — нет, так как независимо от того, какое правительство придет к власти в Египте, прочный союз с Западом будет разрушаться. В складывающихся условиях центр силы перемещается в сторону Тегерана.

По утверждению одного из влиятельных политических журналистов США Томаса Фридмана, «последние сто лет Ближний Восток не был богат на судьбоносные исторические события». Вплоть до начала XXI века арабские государства находились под властью феодальных структур, которые препятствовали развитию инноваций в сфере идей. Кажется, с началом революций в Тунисе и Египте этот недостаток преодолен. Можно сказать, что на Ближнем Востоке начался новый исторический этап. Еще не ясно, приведет ли акт самосожжения 26-летнего тунисца, послуживший причиной мятежа, к всеохватывающему пожару и насколько глубокими будут потрясения. Открытым также остается вопрос о том, кто в результате начавшихся изменений будет победителем. Если рассматривать ситуацию в среднесрочной перспективе, то уже сейчас можно назвать пару проигравших: США и их ближайшие союзники, как на Западе, так и на Ближнем Востоке.

В 2004 году король Иордании Абдалла II озвучил тезис об опасности для арабских государств образования «шиитского полумесяца» от Ирана через Ирак к Ливану. В своих рассуждениях король Иорда-

нии возвращает нас к VII столетию, когда исламская община разделилась на суннитское большинство и шиитское меньшинство. В 680 году в битве при Кербале велась борьба за законное наследие пророка Муххамеда. С тех пор на протяжении многих столетий сунниты и шииты обвиняют друг друга в ереси. Их отношения сравнимы со взаимоотношениями между католиками и протестантами времен культурной борьбы Бисмарка (конец XIX века). На территории арабских государств — преимущественно суннитских — проживает шиитское меньшинство, которое рассматривается суннитскими правителями в качестве «пятой колоны», находящейся на службе у Ирана.

Иран — единственная мусульманская страна, большинство населения которой является шиитами. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад не скрывает своих притязаний на региональное лидерство. Несмотря на значительные социальные проблемы в стране, Иран финансирует деятельность военизированной организации Бригады «Аль-Кудса» (подразделение Корпуса стражей исламской революции), созданной для проведения экстерриториальных операций, а также деятельность антиправительственных исламистов в регионе. С момента публикаций Wikileaks стало ясно, что страх перед реальной возможностью формирования «шиитского полумесяца» и дальнейшего развития иранской атомной программы является господствующим мировоззрением правящих режимов на Ближнем Востоке. В 2005 году, вскоре после того как Ахмадинежад пришел к власти, представители военных кругов Объединенных Арабских Эмиратов высказали предостережение о том, что иранский лидер является «сумасшедшим». Наследный принц шейх Абу-Даби Мухаммед бен Заид Аль-Найи описал возможность скорой безъядерной войны с Ираном, как «наиболее вразумительную альтернативу в сравнении с далеко идущими последствиями появления у Ирана ядерного оружия». Король Саудовской Аравии Абдулла несколько раз призывал к нападению на Иран, чтобы «отрезать голову змее».

Сегодня борьба между США и ее союзниками с одной стороны и Ирана и его сторонников с другой находит свое отражение во всех локальных конфликтах. В Ливане, Ираке, Йемене, Палестине политические силы, будь то суннитские или шиитские, консолидируются вокруг двух полюсов силы, центрами которых являются Вашингтон и Тегеран. Прозападная палестинская администрация в Рамаллахе, финансируемая США и ЕС, ведет борьбу в Секторе Газа с радикальным

исламским движением «Хамас», которое осуществляет свою деятельность исключительно благодаря финансовой помощи из Ирана. В Ливане прозападная «Коалиция 14 марта» Саада Харири ведет борьбу с движением «8 марта», пользующимся поддержкой «Хезболла», одного из ответвлений Корпуса стражей исламской революции.

Власть в руках «Братьев мусульман» — это лишь вопрос времени

Египет, как самое густонаселенное арабское государство, играет в рассматриваемом противостоянии ключевую роль. Он располагает самой мощной в регионе армией. Каир считается «центром арабской нации», а произнесенные египетским национальным лидером слова имеют вес. Президент Египта неоднократно по просьбе Запада выступал посредником во время первой войны в заливе, в Ливане, а также при разрешении внутрипалестинского и израильско-палестинского конфликтов. И даже если предположить, что президент Египта действовал для защиты интересов Каира перед лицом угрозы исходящей со стороны Тегерана, ослабление Египта будет означать уменьшение роли Запада в регионе.

Даже не разрушительные сценарии, о которых беспрерывно предупреждает Израиль, должны ввести в ужас. Взгляд Иерусалима по большей части находится в зависимости от пережитого Холокоста, девяти войн и двух интифад. Для многих поколений израильтян и их правительств существующие пессимистические прогнозы являются по-прежнему реалистичными. Именно поэтому премьер-министр Биньямин Нетаньяху, один из наименее прозападных политиков, через десять дней после начала волнений в Египте выступил в поддержку президента Египта. Первого февраля 2011 года премьер-министр Израиля выказал свою озабоченность в Кнессете, сказав, что «новейшая история Ближнего Востока дает много примеров того, как исламисты используют демократические правила игры, чтобы захватить власть». В качестве иллюстрации он привел в пример ситуацию в Иране, Ливане и Секторе Газа. По мнению Израиля, приход к власти в Египте исламистской организации «Братья мусульмане» — это лишь вопрос времени. На сегодняшний день «братство» является наиболее организованным и дисциплинированным оппозиционным движением Египта. Октябрьская революция в России и свержение шахского режима в Иране изначально осуществлялись прагматичными, демократическими силами и лишь позднее власть перешла в руки к экстремистам.

Египет под контролем «Братьев мусульман» будет означать для Израиля серьезную угрозу. В одном из своих коммюнике в марте 2010 года исламисты выступили с заявлением о том, что для них является «обязанностью поддержка различными средствами вооруженного палестинского сопротивления в борьбе с Израилем». Приход к власти в Египте «Братьев мусульман» будет означать для Израиля и США потерю наиболее важного союзника в борьбе с движением «Хамас». В этом случае «Хамас» получит стратегическое преимущество, дипломатическую поддержку и безопасные линии снабжения.

И Египет, первое заключившее с Израилем мирный договор государство на Ближнем Востоке, вновь превратится в его противника. Отдельные представители «Братьев мусульман» не скрывают своего желания расторгнуть мирный договор с Израилем и увидеть египетскую армию марширующей по Синайскому полуострову. В этом случае израильская армия будет вынуждена пересмотреть свою стратегию, так как до сих пор невероятный сценарий войны на три фронта (против Сирии и Египта) теперь представляется вполне допустимым. К одновременной войне с Египтом, обладающим десятой по величине армией в мире, Израиль не готов. Инвестиции, которые до сих пор направлялись израильским правительством на проведение научных исследований и реализацию инфраструктурных проектов, нужно будет перенаправить в военную сферу, чтобы иметь возможность обеспечить военной техникой две танковых дивизии.

Однако пока вооруженное противостояние межу Египтом и обладающим ядерным оружием Израилем представляется немыслимым, так же как и открытый альянс между Каиром и движением «Хамас». До сих пор «Братья мусульмане» ограничивались закулисной работой. После десятилетий гонений, которым подвергались члены «Братьев мусульман», руководство организации старается открыто не афишировать свои цели, чтобы не провоцировать власти на принятие жестких мер. И даже если они упрочат свое положение в результате победы на выборах, основным институтом в Египте, оказывающем влияние на внутриполитическую обстановку, будет по-прежнему оставаться армия. Благодаря ежегодной военной помощи со стороны западных союзников в размере $ 1,3 млрд. и тесным партнерским связям США продолжат оказывать влияние на руководство страны в принятии важнейших внешнеполитических решений.

Гораздо более вероятными, но не менее проблематичными остаются два других возможных сценария развития ситуации в регионе. «Братья мусульмане», действуя открыто или закрыто, будут оказывать существенное влияние на египетскую политику. Иллюстрацией такого сценария может служить ситуация в Турции. Наиболее тесный союзник Израиля и США, Турция ведет себя не столько как независимый, сколько как своенравный субъект. Турецкий лидер Тайип Эрдоган подрывает попытки США блокировать Сирию и Иран и ослабляет действия союзников в Палестине и Ливане. Аналогичным образом деятельность «Братьев мусульман» будет направлена на подрыв власти военных в Египте, что будет означать снижение влияния Запада в данной ближневосточной стране.

В поисках козла отпущения

Даже небольшие изменения политического курса Каира могли бы иметь огромные последствия для всего региона. Для этого не нужно даже заключать союз с Ираном. Будет достаточно того, чтобы Египет перестал действовать в интересах Вашингтона. Предвкушение начала изменений можно было увидеть уже тогда, когда задержанные активисты «Хамаса» и «Хезболла» бежали из египетских тюрем в Сектор Газа и Ливан. 5 февраля террористы напали на газопровод в Синае, прервав таким образом на одну неделю энергоснабжение Иордании. Разразившийся в результате беспорядков энергический кризис угрожает росту социальной напряженности в Аммане, где из-за роста цен ситуация и так близка к критической.

По данным социологического опроса, проведенного Pew Research Center в декабре 2010 года, 30% египтян относятся с симпатией к движению «Хезболла» и 49% — к «Хамас». В этих условиях новое правительство едва ли будет прилагать усилия по поддержке блокады Сектора Газа и прекращению контрабанды оружия. Будет активизирована и без того тесная совместная деятельность между Корпусом стражей исламской революции и палестинскими бригадами «Кассам». Каиру не нужно будет даже поставлять оружие «Хамасу», достаточно будет того, что египетские пограничники будут закрывать глаза, когда в Сектор Газа будут поставляться ракеты средней дальности и класса «земля — воздух». В этих условиях ситуация в регионе будет продолжать сдвигаться в сторону эскалации.

Правительство, поддерживаемое «Братьями мусульманами» (в отличие от правительства Х. Мубарака), могло бы извлечь выгоду от напряженности в Секторе Газа: чем успешнее и агрессивнее действует «Хамас» в Газе, тем лучше положение «Братьев мусульман». Эти положительные моменты хороши также для пропагандистских целей: даже самое прозрачное и демократическое правительство едва ли сможет в ближайшем будущем удовлетворить требования протестующих создать новые рабочие места и установить в стране социальную справедливость. В такой ситуации всегда осуществляется поиск «козла отпущения», чтобы отвлечь население от существующих трудностей и укрепить социальную сплоченность. И без того имеющаяся в адрес Израиля враждебная риторика с оттенком антисемитизма будет значительно обостряться. Это не будет способствовать ни укреплению мира в регионе, ни укреплению прагматического лагеря среди палестинцев.

США: строги с друзьями, снисходительны к врагам

Гораздо более проблематичным является то, какое влияние оказало поведение американского правительства во время беспорядков, происходивших в регионе. Хотя Вашингтон и его европейские союзники отвергли обвинения в свой адрес в том, что они оставили Мубарака, правительства на Ближнем Востоке были озадачены тем, как быстро президент Барак Обама дистанцировался от одного из своих самых надежных союзников. В телевизионном выступлении, состоявшемся 2 февраля с.г. Мубарак объявил, что не будет больше выставлять свою кандидатуру на выборах в сентябре 2011 года. Несколько часов спустя последовала реакция президента Обамы: «Я совершенно убежден — и сегодня вечером я об этом сказал президенту Мубараку, — что необходим упорядоченный, осмысленный и мирный переход власти, который должен начаться немедленно». Мубарак хотел сохранить власть в своих руках, по крайней мере еще на 5 месяцев — Обама хотел видеть немедленную отставку. Данная позиция США не оставила наиболее близкому союзнику Запада выбора, он должен был уйти, чтобы сохранить свое лицо.

На ближнем Востоке с удивлением наблюдали также, как поразному Обама реагировал на беспорядки в Каире и Тегеране. С Ираном, который, согласно теории «шиитского полумесяца»,

является заклятым врагом Америки, он обращался деликатно. Когда в июне 2009 года после сфальсифицированных выборов президента Ирана демонстрации были жестко подавлены, Вашингтон, после 8 дней молчания, сообщил: «Иранцы должны знать, что мировое сообщество наблюдает. Мы сожалеем о потере каждой невинной человеческой жизни (…). Иранцы должны, наконец, осудить действия своего правительства», — говорится в одном из коммюнике. Как видно, в данном заявлении нет и следа возмущения или угрозы. Итог своему высказыванию президент США подвел цитатой Мартина Лютера Кинга: «Дуга нравственной вселенной длинная, но она склоняется к справедливости». Напротив, на беспорядки в Каире Белый дом ответил немедленно: уже на второй день демонстраций из Вашингтона был дан хороший совет, что «египетское правительство имеет единственную возможность исполнить пожелание своего народа. Есть твердое стремление иметь прозрачное правительство, свободное от коррупции». Это был ясный и зримый удар по Мубараку.

Америка действует мягко по отношению к своим врагам, но строго по отношению к своим союзникам. Только в январе 2011 г. президент Обама вдохновил премьер-министра Ливана Саада Харири на безнадежную борьбу с «Хезболла»; Харири быстро потеряли. Между тем, «Хезболла» формирует свое правительство в Бейруте.

Пожалуй, никто лучше не продемонстрировал изменения, которые происходят на Ближнем Востоке, чем искушенный лидер ливанских друзов Валид Джумблат, которому молва предписывает репутацию «чувствительного сейсмографа» политических событий. После убийства бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири в 2005 году Джумблат примкнул к прозападному лагерю. Наконец-то ливанским демонстрантам тогда удалось прекратить сирийскую оккупацию. США отключили Ирак, и казалось, что следующей целью будет Дамаск. Фракция Джумблата в парламенте Бейрута помогала сыну Харири удерживать Хезболлах в политических рамках. В январе Джумблат вновь выступил на стороне Сирии, что аргументировал следующим образом: покровители прозападных сил в Ливане (речь идет о США и странах Евросоюза) ведут борьбу только путем различных коммюнике, в то время как их противники используют все формы политического и военного давления».

Мирные революции народных масс в Тунисе и Египте с полным основанием вызывают восхищение. Для многих, в том числе и для

США, эти события усиливают надежду на наступление новой эры на Ближнем Востоке. При этом слишком легко забывается, что в Ливане, Палестине, Ираке, Турции и даже в Египте союзники США и Запада теряют свои позиции. Если ситуация будет продолжать складываться подобным образом, то тезис Абдуллы II должен быть актуализирован: «если ключевые государства Ближнего Востока (союзники Ирана) или антиамериканские силы будут доминировать в регионе, то шиитский полумесяц превратится в полную луну, что будет означать для Барака Обамы закат его политической карьеры».

Китай

Томас Барнетт

КИТАЙ НУЖДАЕТСЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ РОЛИ США В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Когда Европа правила миром, торговля следовала за флагом. Это означало, что глобализация в ее изначальном выражении — иначе известная как колониализм — выросла из оружейного ствола, о чем говорил Мао Цзэдун. С этой формулой были согласны Франклин Рузвельт и Владимир Ленин, даже если эти выводы вынуждали их применять диаметрально противоположные стратегии: понимание Рузвельтом того, что «колониальная система означает войну» вынудило его установить международный либеральный торговый порядок сразу после Второй мировой войны, что обрекало крупные колониальные системы ближайших европейских союзников на крах. Успех Рузвельта не только позволил Америке сдерживать и, в конечном счете, победить советскую альтернативу, он заложил основы для сегодняшней глобализации «открытых дверей» в американском стиле. В конце концов, «предатель своего класса», как часто называли Рузвельта, должен быть обоснованно признан как единственный, наиболее успешный антиимпериалистический революционный лидер XX столетия.

Новый мировой порядок Рузвельта занял десятилетия на то, чтобы появиться на свет, но когда в 90-х гг. постхолодной войны это произошло, он полностью изменил последовательность, установленную колониализмом. Теперь флаг следует за торговлей.

Нигде это так не заметно, как в ошеломляющем росте Китая, который стал основным двигателем новой взаимосвязи глобализации. И она не смогла смерить эти командные высоты с соразмерным уровнем военно-политического влияния и количеством реальных активов. Китай быстро переходит от в значительной степени самостоятельного

положения по отношению к большинству стратегических ресурсов к тому, чтобы быть зависимым от них, будучи фактически связанным с наиболее нестабильными регионами в мире. Все же его военная поступь остается по своей сути региональной, а оборонный бюджет, несмотря на его рост в последние годы, все еще составляет примерно одну пятую от американского.

Между тем Китай доволен всесторонним, хоть и ограниченным партнерством с Соединенными Штатами Америки, при котором мы покрываем расходы по обеспечению безопасности стратегических инвестиций Китая в странах развивающегося мира. Мы вторглись в Ирак, а национальная нефтяная компания Китая Sinopec является единственной иностранной фирмой, которая заключила сделки по бурению как на курдском севере, так и на арабском юге. Аналогичным образом в Афганистане США возложили на себя бремя текущей военной эскалации, а Китай осуществляет крупнейшие прямые иностранные инвестиции в истории Афганистана в медные рудники. Америка так же ведет «войны с наркотиками» в Латинской Америке, а Китай строит «суперпорт» в Бразилии для своих судов «Chinamax», чтобы вывозить минералы из крупнейшего в мире месторождения железорудного сырья. И Америка занимается новым Африканским командованием, а Китай успешно проводит экономическое «вторжение» на этот резонирующий континент.

Теперь китайский флаг постепенно начинает следовать за торговлей, хотя и с долей беспокойства. Селиг Харрисон недавно заявил, что несколько тысяч бойцов Народной Освободительной Армии переместились к району северо-западного Пакистана, чтобы укрепить контроль над границей своей спорной территории у Кашмира. Китай, конечно, часто использует войска для работы на строительных объектах, имеющих стратегическое значение. Но нужно учесть описанное Харрисоном обоснование из Пекина:

Китай хочет укрепить регион для обеспечения неограниченного автомобильного и железнодорожного доступа к [Персидскому] заливу через Пакистан. Для того, чтобы нефтяные танкеры из Китая добрались до Персидского залива нужно от 16 до 25 дней. При высокой скорости железнодорожных и автомобильных сообщений через Гилгит и Балтистан, Китай сможет перевозить грузы из Восточного Китая в новые ими же построенные пакистанские порты в Гвадаре, Пасни и Ормаре, к востоку от залива, в течение 48 часов.

Пекин очень быстро осудил этот доклад, назвав полным вымыслом. Но поверите вы или нет, Харрисон характеризует ситуацию так, что Пакистан готов «передать фактический контроль над стратегически важным регионом, Гилгит-Балтистаном... Китаю», а Пекин отправил свои войска в эту страну, чтобы они участвовали в строительстве, поскольку знает, что ситуация в регионе может внезапно стать нестабильной. Тем не менее, жертвы китайской армии в Пакистане, как и везде, сведены к нулю, хотя и Америка предоставляет миллиарды долларов в виде военной помощи Исламабаду, а американские силы специального назначения и беспилотные самолеты помогают Пакистану вести войну против местных исламских экстремистов.

Как ни парадоксально, хотя Америка получает мало прямой экономической выгоды от своей обременительной полицейской роли на планете, Соединенные Штаты Америки — а не Китай — играют роль «имперской власти».

Еще один парадокс в отношениях между реальностью и ее восприятием состоит в том, что беспрецедентная сеть инвестиционных и торговых связей, которую Китай продвигает между «поднимающейся Азией» и развивающимися странами Латинской Америки и Африки, на самом деле восстанавливает равновесие в мировой экономике в Западном стиле. Эти новые отношения, хотя часто описываемые как представляющие угрозу для США, на самом деле порождают самостоятельный источник экономического роста, зависимый от чрезмерных займов американских потребителей. За последние три десятилетия Америка позволила Китаю использовать доллар для перевода излишков торгового баланса назад в наши финансовые сети, тем самым стимулируя дополнительный спрос на экспорт товаров. Пекин в настоящее время стремится воспроизвести этот процесс в странах развивающегося мира, используя свою собственную валюту, юань, и осторожно развернул первый эксперимент в надежной банковской системе Гонконга.

Но даже если результатом этого процесса в конечном итоге будет то, что нам нужно, то создание третьей мировой резервной валюты выглядит затруднительным. Так как юань накапливается внешними игроками со своими интересами, Пекин будет постепенно терять контроль над своей валютой и процентными ставками, открывая брешь в своей монетарной защите от импортируемой инфляции. Этот брандмауэр Китая, воплощенный в давней привязке юаня к доллару, как

раз и позволил Пекину построить свой фантастический ежегодный темп роста при сохранении низкой «китайской цены». Мы можем подумать, что экономика Китая созрела до такой степени, что можно разумно отбросить протекционистское преимущество, но 700 миллионов бедных китайцев все еще существуют. И любая внезапная дестабилизация китайского мотора дальнейшей эволюции глобализации может поставить под угрозу всю машину, придав ей нынешние неустойчивые формы.

В результате Пекин бежит наперегонки с самим собой — одновременно перераспределяя внутренние инвестиции с более богатых прибрежных провинций, в тоже время системно обеспечивая доступ к сырьевым ресурсам по всему миру для своей хищной экономики. В обозримом будущем политическое руководство Китая высоко простимулирует легкие движения Америки, которая желает контролировать планету, особенно после неуклюжих телодвижений китайских военных по вопросам восточно-азиатской безопасности, что уже вызвало по всему региону рост расходов на вооружения и подтолкнул некоторые обеспокоенные соседние государства в стратегические объятия Вашингтона.

Что касается реакции США на эти подвижки, не нужно говорить, что Обама принял видение Фарида Закарии по «пост-американскому миру», которое сложилось из-за способности Вашингтона к управлению — что влечет за собой самопораженчество. Но если несоответствие между кошельком (например, бюджетными ограничениями) и волей заставят Соединенные Штаты принять «пост-американское» видение мира, в результате чего Китай начнет управлять глобальной безопасностью на свой лад, мы сможем быстро увидеть, как хрупки политические структуры Пекина на самом деле.

Вооруженные силы Китая не участвовали в затяжной войне более чем 50 лет, и никогда в своей тысячелетней истории не проводили значительные военные операции на дальних рубежах. То, что наш Пентагон считает ростом «почти сверстника-конкурента» из китайской армии, в действительности — нахально торчащие челюсти, ожидающие, чтобы их сломали в любом потенциальном кризисе — это результат, который несомненен при однопартийном китайском правлении.

И это должно спровоцировать паузу на планете, а мы все вместе будем созерцать страшное несоответствие кошелька против воли, что в настоящее время происходит в Пекине.

Керри Болтон

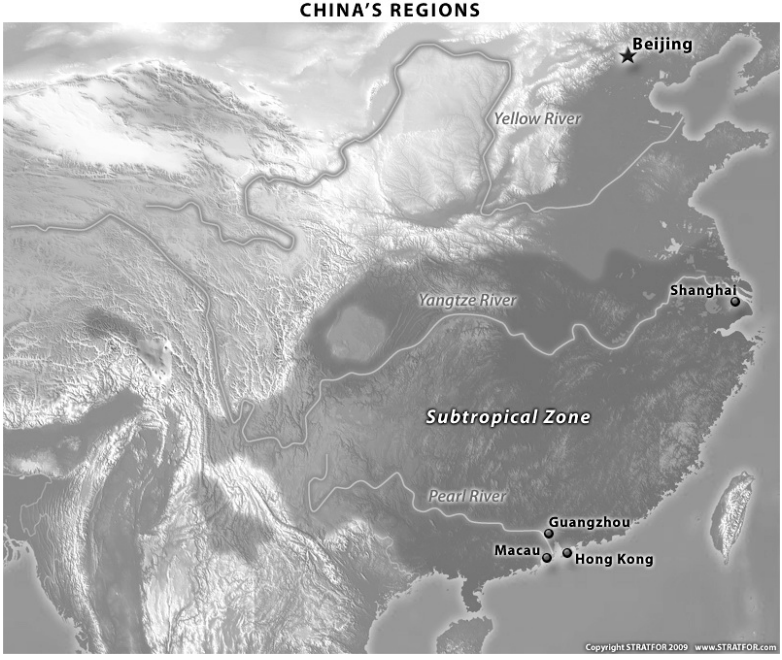
ВОДНЫЕ ВОЙНЫ

Rival (англ. — соперник): «От лат. rivalis, первоначально «тот, кто использует ту же реку» (англ. river) » (или «некто по ту сторону реки»), от rivus «река»1.

Латинская этимология английских слов “rival” и “rivalry”, произошедшая из отношений человека к могуществу воды, вскоре окажется в центре конфликтного противоборства и борьбы за водные ресурсы, которая вначале чрезвычайно обострится в азиатском регионе, а затем будет разворачиваться во всех государствах от России до Новой Зеландии и Австралии. Пока огромное внимание уделяется проблеме «дорогой нефти», геополитические последствия дефицита пресной воды в большинстве случаев упускаются из виду. Однако вопреки тому, что настойчиво утверждаются проблемы индустриального общества, связанные с нехваткой нефти, существуют все же альтернативные источники энергии; но нет пока никаких заменителей для воды, основного источника жизни как таковой. В этом тексте рассматриваются возможные сценарии региональных конфликтов за водные ресурсы с особым акцентом, сделанным на региональной сверхдержаве — Китае.

Китайское господство над Тибетом является ключом к пониманию приближающегося геополитического кризиса, который, вероятно, возникнет в ближайшие несколько десятилетий. Доминирование Тибета означает, что Китай контролирует гималайские истоки рек в Индии и Юго-Восточной Азии, которые являются необходимым источником ресурсов для сельского хозяйства и питают энергией эти необъятные территории. Эта стратегическая важность Тибета редко реализовывалась. Чтобы разрешить проблемы Китая, столкнувшегося с нехваткой воды для орошения земель и засухой, руководство

Пекина не будет колебаться в использовании любых средств для использования гималайских источников. Нет никаких сомнений в том, что Китай в этом случае не будет сдерживать себя ни моралью, ни соображениями добрососедства, несмотря на видимость хороших отношений с Россией и Центральной Азией. Руководство Китая руководствуется лишь безжалостной реальной политикой, в центре которой стоят исключительно интересы Китая. Когда Китай сталкивается с любым вопросом, затрагивающим жизненные интересы Китая, в особенности вопросами территории и ресурсов, маска «доброго соседа» тут же отбрасывается. Примером могут послужить разворачивающиеся территориальные споры с Индией.



Воинственность китайцев

Если рассматривать истории современного Китая, то найдется мало поводов для надежды на миролюбивые намерения Китая, в то время как его настоящие интересы остаются под вопросом.

Россия

В течение 60-х годов XX века, несмотря на братские отношения двух народов, существовавшие, по общему мнению, между формально «коммунистическими» государствами, пограничные конфликты между СССР и Китаем перерастали часто в вооруженный конфликт. В 60-м году случилось более 400 приграничных столкновений вооруженных сил России и Китая, в 1962 г. — 5000, в 1963 г. — 4000. Самое масштабное столкновение случилось 2 марта 1962 года, когда китайские силы атаковали российские войска на спорной пограничной территории острова Чженьбао (по-русски Даманский) на реке Уссури. Мао сумел спровоцировать инцидент, чтобы открыто продемонстрировать свое неповиновение. Элитное подразделение китайской армии устроило засаду для советского отряда, убив тогда 32 пограничника. Русские ответили в ночь с 14 на 15 марта, используя тяжелую артиллерию и танки, нанося ракетные удары на 20 км вглубь китайской территории. Тогда погибло около 60 русских и 800 китайцев. Фотографии с воздуха, предоставленные ЦРУ, демонстрируют, что удары артиллерии наносились с такой интенсивностью, что земля в месте дислокации китайских войск стала похожа на лунный пейзаж. Мао тогда был застигнут врасплох столь массированным контрнаступлением и испугался военного вторжения1. Сейчас, однако, мы имеем Китай, который продолжает наращивать свою военную мощь, в то время как России больше не сопутствует удача, а настоящий режим продолжает преодолевать хаос постсоветской эры и ельцинского междуцарствия.

В 1979 году, когда еще действовал договор о дружбе между Китаем и СССР, Китай вторгся во Вьетнам для демонстрации открытого неповиновения СССР, это был жест, направленный на демонстрацию пренебрежения к России. Вторжение во Вьетнам в 1979 году стало демонстративным жестом пренебрежения Советско-китайским договором о дружбе и взаимопомощи, который к тому же был продлен. Статья номер шесть Договора гласит, что если ни одна из сторон, подписавших договор не заявит о намерении продлить договор, то он будет автоматически расторгнут на следующие пять лет. Тем не менее, Договор не был задуман для сохранения статуса Китая как сверхдержавы, ни даже для установления дружественных отношений между двумя коммунистическими государствами, но чтобы сохранить позицию подчинения и полного унижения. Китайцы рассматривали

Договор как сохраняющий господство русских над Китаем2. Жертвой китайской демонстрации мускулов стал Вьетнам, вражда между Вьетнамом и Китаем тянулась столетиями, пока вьетнамцы вели долгую борьбу за сохранение собственной независимости от Китая. И лишь СССР подписал договор о дружбе с Вьетнамом в 1979 году в качестве основы для сдерживания Китая в этом регионе. 3

Грядущий кризис водных ресурсов

В изменчивой путанице продолжительного соперничества, территориальных споров, военных стратегий США и России, развертывающихся на фоне соперничества за влияние в Азии, существует огромное множество потенциальных сценариев природных бедствий, которые могут вызвать народные волнения и в конечном счете военный конфликт. И хотя кипящая напряженность, существующая между государствами Азии, чаще всего попадает в поле зрения западных экспертов, куда более критические проблемы водных ресурсов осознаются значительно реже. Жизненно важные водные ресурсы имеют куда больший потенциал, чтобы стать потенциальной причиной регионального и континентальных разрушений, чем недостаток нефти.

Китайский водный кризис

Засуха и ползучее опустынивание являются главными проблемами, стоящими перед Китаем, относительно которых у Китая есть свои альтернативы, которых нет у других азиатских государств, включая Индию; сюда относится контроль над источниками пресной воды главных водных источников Индии и большей части Юго-восточной Азии, и даже над находящимися далеко за пределами китайских границ источниками в Центральной Азии и России. Очевидно, если Китай столкнется с катастрофической нехваткой водных ресурсов, он будет действовать в своих собственных интересах не обращая внимания на «общественное мнение» и то, что сам Китай является частью «мирового сообщества». Намерения Пекина становятся ясными из его планов по сооружению дамб и строительства гималайских водохранилищ. Водная артерия, несущая жизнь всей Азии, станет, следовательно, объектом политической воли Пекина, а годы дипломатических переговоров не смогут разрешить проблему дефицита продуктов питания в регионе.

Северный Китай постоянно сталкивается с проблемой засухи. Провинция Хенан — китайский центр производства продуктов питания — была приведена в состояние повышенной готовности перед засухой 5 февраля 2009 года. Синьхуа, официальное китайское новостное агентство, опубликовало следующий материал: «метеорологическое бюро провинции сообщает о сильнейшей с 1951 года засухе. Засуха нанесла ущерб примерно 63 процентам из 78 миллионов му (5,26 миллионов гектар) пшеницы» 4. К другим провинциям, в которых в 2009 году был введен режим чрезвычайного положения, относятся провинция Аньхой, провинция Шаньси, где приблизительно один миллион людей и 160 000 голов скота столкнулись с недостатком воды. Другие провинции, включая Хэбэй, Цзянсу Шааньси и Шаньдун, также пострадали от нехватки влаги. В китайских сообщениях значится, что засуха угрожала тогда примерно 43 процентам зимних запасов пшеницы5.

Опустынивание Китая

Китайское агентство новостей Синьхуа сообщает, «исследования показывают, что Китай обладает 2,62 млн. квадратных километров площади под угрозой опустынивания, что составляет половину плодородных земель Китая» 6. В докладе, размещенном на сайте Синьхуа в 2009 году, говорится, что «около 35% всех пахотных земель пострадало от опустынивания, всерьез угрожающего самой возможности прокормить свое население… около 1,6 млн. квадратных километров земель размывается каждый год водной эрозией, влияющей тем или иным образом почти на каждый речной бассейн. В добавок ко всему, 2.0 миллиона квадратных километров постоянно эрозируется ветрами», — говорится в докладе7.

Истощение грунтовых вод в Индии

Индия также сталкивается с проблемой исчерпания водных ресурсов. В докладе гидрологов из Команды наук о геосфере (Earth Science Team) НАСА по Изучению гравитации на земле и климатическим экспериментам (Gravity Recovery and Climate Experiment -GRACE) сообщается, что вода выкачивается и потребляется значительно быстрее, чем сам водоносный слой может быть насыщен с помощью

природных механизмов8. Исследовательская Команда обнаружила, что уровень грунтовых вод сократился в пять раз больше ожидаемой отметки из-за слишком интенсивного недропользования.

Доктор Роллед, который возглавлял исследования, заявил, что «если не будут установлены определенные меры пользования грунтовыми водами, гарантирующие стабильное их использование, последствия для 114 миллионов местных жителей могут включать в себя полный упадок сельскохозяйственного производства и тяжелейшую нехватку питьевой воды».

Уровень грунтовых вод в трех северных штатах, включая Раджастан, Пенджаб и Харьяну, опускался на 4 см в год в период с 2002 по 2008. В докладе исследовательской Команды говорится, что «северные штаты Раджастан, Пенджаб и Харьяна имеют все показатели сокращения уровня грунтовых вод: ошеломляющий демографический прирост, быстрое экономическое развитие и фермерские хозяйства, поглощающие около 95 процентов грунтовых вод в регионе» 9.

Все более значительная доля грунтовых вод Индии становится непригодной как для питья, так и для орошения. «Это наглядно показывает, что испорченная вода может повлиять на недостаток воды, так как ограничивает ее пригодность как для использования человеком, так и для экосистемы». Бриджет Скэнлон, гидролог техасского университета в Остине, сообщает: «Этот цикл поражает сейчас запасы пресной воды по всему миру. Проблема с водой в одном регионе имеет последствия далеко за границами одного государства» 10.

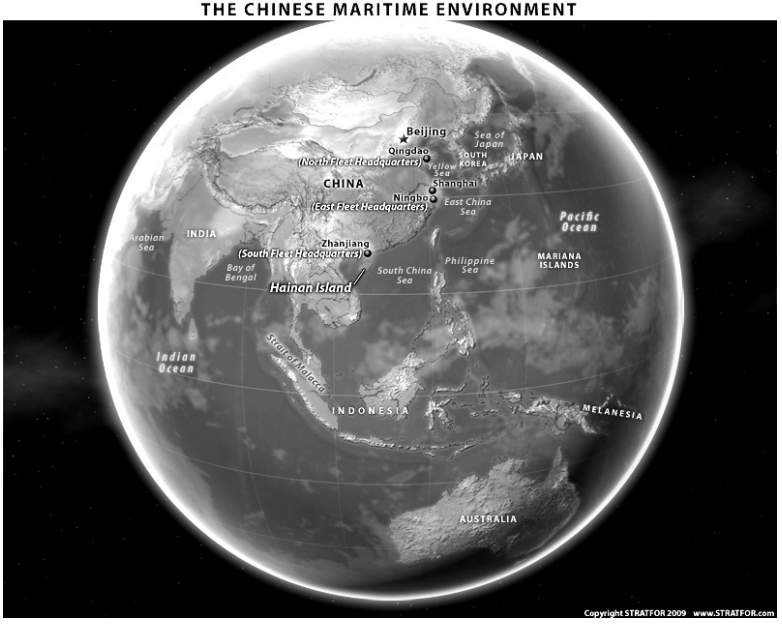
Контроль Китая над азиатскими водными ресурсами

Доктор Брама Челаней в приведенной статье для Japan Times11 делает авторитетный доклад о водных кризисах, с которыми столкнулась Азия, особенно относительно Китая и Индии: «Нехватка воды в большей части Азии начинает угрожать быстрой экономической модернизации, побуждая строительство в верховьях рек, воды которых принадлежат нескольким государствам. Если геополитика воды и дальше будет стимулировать напряженность между государствами из-за уменьшающихся водных потоков в соседних государствах, азиатский ренессанс существенно затормозится… Вода становится той ключевой проблемой, которая определит, управляет ли Азией чувство взаимовыгодного сотрудничества или опасное межгосударственная

конкуренция. Ни одна страна не может оказать влияния, большего, чем Китай, который контролирует тибетскую возвышенность — источник большинства главных рек Азии». 12

Челани утверждает, что Тибет владеет величайшей системой рек благодаря обширным ледникам и большой высоте их расположения: «Обширные ледники Тибета и большая высота их расположения обеспечивают талой водой величайшую в мире речную систему. Воды этих рек являются линиями жизни для двух самых густонаселенных государств — Китая и Индии, а также для Бангладеша, Мьянмы, Бутана, Напала, Камбоджи, Пакистана, Лаоса, Таиланда и Вьетнама. Эти страны составляют 47 процентов всего населения земного шара» 13

И хотя в Азии проживает больше половины всего населения земного шара, у нее меньше воды, чем у любого из континентов кроме Антарктиды. Челани отсылает нас к «угрожающей борьбе», и к «призракам водных войн в Азии … выдвинутым на первый план климатическими изменениями и ухудшениям состояния окружающей среды в виде сокращения лесов и болот, которые стимулируют цикл постоянных наводнений и засух через уменьшение запасов природной воды и впитывающего покрова».



Челани обращает внимание на то, что следует с большей тревогой относится к «потенциальным межгосударственным конфликтам за водные ресурсы», а сами подобные конфликты уже стали достаточно частыми в некоторых азиатских государствах от Индии и Пакистана до Юго-Восточной Азии и Китая: «Такого рода проблемы возникают в связи с попытками Китая построить дамбы или изменить направление течения рек вспять от Тибетской возвышенности, где берут начало большинство рек, включая Инд, Меконг, Янцзы, Хуанхэ (Желтая река), Салуин, Брахмапутра, Карнали и Сатледж. Из всех великих рек Азии только Ганг берет начало с индийской стороны Гималаев».

Проблемы с сельскохозяйственной ирригацией в северном Китае, которые заблаговременно обсуждаются в этой статье, вынуждают Китай сосредоточиться на контроле за водными источниками в Тибете, и строить дамбы не только для получения электроэнергии, но также для отвода оросительных вод и других целей. Уже построив две дамбы в верховьях Меконга, Китай сейчас занят строительством еще трех, вызывая тем самым протесты Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Таиланда. Обширные планы для западно-центрального Тибета, которые, как сообщается, нарушат течение вод в Индии, продолжают осуществляться, в то время как информация об этом из Пекина остается разрозненной. 14

Центральная Азия

Конфликт вокруг водных ресурсов, по большей части затрагивающий отношения между Индией и Китаем и распространившийся в Юго-Восточную Азию, также имеет множество последствий в Центральной Азии и в перспективе втягивает Китай в конфликт с Россией.

Река Иртыш, которая является пограничной для Китая, России и Казахстана, ставит отношения между этими государствами в такое же затруднительное положение, как и отношения между Индией и Китаем по поводу реки Брахмапутра: «Терпение иссякло, когда Пекин начал сооружение канала, связывающего Иртыш и реку Карамай на китайской территории, что существенно понизило уровень воды в реке. Китайская политика управления водными ресурсами поставила под угрозу сокращение растениеводческой продукции в столь экологически чувствительных регионах, как Восточный Казахстан, Павлодар и Караганда» 15

Ермуканов добавил, что «такой поворот может также повлечь засуху в Омской области, занимающейся выращиванием пшеницы».

В ноябре 2005 г., отчаянно пытаясь предотвратить экологическую катастрофу, губернатор Омской области Леонид Полежаев выделил 10 миллиардов рублей для сооружения огромных водных резервуаров для сбора паводковых вод для промышленных целей. Он аргументировал это политическое решение тем, что переговоры по поводу Иртыша больше невозможны, так как Китай не желает вести никаких переговоров16.

Ермуканов ссылается на пессимизм российских синологов относительно желания Китая вести переговоры: «Эксперты, знающие положение дел с китайской стороны, менее оптимистично настроены в отношении Пекина, так как знают, что Китай намерен бесконечно долго затягивать переговоры по поводу Иртыша». Точно так же поступает Китай в переговорах с Индией, оттягивая переговоры относительно Брахмапутры уже тринадцать лет.

В 2004 году Китай открыл ГЭС, которая использует 15% водных ресурсов. 65 ГЭС уже было построено на реке Или. Китай планирует построить еще 13 водохранилищ17. Доктор Бобо Ло утверждает, что многие в правительстве Казахстана даже не знают о размахе китайских гидропроектов. Он утверждает следующее: «Специалисты по проблемам окружающей среды предупреждают, что в ближайшие несколько лет Китай построит дополнительные установки ГЭС вдоль Иртыша и Иля. Среди этих установок, не показанных казахской государственной делегации, фигурирует Капчагайское (ГЭС в Казахстане носит то же имя) водохранилище огромного объема в 380 миллионов кубометров».

Ермуканов ссылается на опыт индустриализации северо-западного Китая, послужившей причиной загрязнения озера Балхаш и увеличение производства продуктов питания в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Он обращает внимание на плохое китайское управление, на отказ Китая подписывать соглашение по общим водным ресурсам.

«Ускоренное промышленное развитие северо-восточного Китая скорее всего будет способствовать загрязнению озера Балхаш в Казахстане химикатами и удобрениями, поскольку озеро питает река Или. Увеличение рисовых полей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе уже привело к истощению рек Иртыш и Или. Согласно

последним данным, в результате плохого управления ежегодные потери воды в китайском районе бассейна реки Или составляют 4,4 кубических километров, которые составляют 15% всех водных ресурсов реки. Это существенно сокращает количество водных ресурсов реки. Основная причина состоит в том, что Китай до сих пор не подписал международную конвенцию о трансграничных водах…»18

Ермуканов грозно предсказывает негативную этническую динамику в регионе, который, по его мнению, может погрузиться в насилие. Китайцы изменяют демографию региона путем этнического вторжения и под лозунгом продвижения мирных торговых интересов. Ермуканов также разоблачает территориальные планы Китая относительно Казахстана. В то время как Бобо Ло утверждает, что Китай слишком прагматичен и ему есть, что терять, чтобы продолжать давление по территориальным вопросам, как это делал Мао, его настоящие замыслы о казахских землях дают время подумать относительно того, действительно ли он отказался от своих амбиций в отношении России.

В добавление к непреклонным территориальным претензиям к Индии, Вьетнаму и России, Китай предъявляет территориальные претензии к Казахстану. Ермуканов утверждает что, несмотря на пограничные соглашения между Казахстаном и Китаем, «Пекин не оставлял всецело территориальных претензий к некоторым южным регионам Казахстана. Несколько лет назад делегация казахского министра иностранных дел была удивлена, увидев бывшую столицу, Алма-Ату, Башхаш, другие территории южного Казахстана, отмеченными как части китайской территории на карте в центральном музее Пекина. Министр подал официальный протест, и китайцы пообещали исправить ошибку. Но в текстах школьных учебников Синьцзяна эти части казахских территорий до сих пор отмечены как китайские» 19.

ООН предупреждает о возможности «водных войн»

Генсек ООН Пан Ги Мун уже выражал свое отношение по поводу споров о водных ресурсах между государствами в Средней Азии. В 2007 году на Азиатско-тихоокеанском водном саммите Пан Ги Мун заметил, что «наша планета столкнулась во все нарастающим водным

кризисом. Но ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе остается особенно тревожной. Высокий прирост населения, непомерное потребление, загрязнение и неудовлетворительное управление — все эти факторы угрожают ресурсам чистой воды в регионе» 20.

Доклад ЮНЕСКО «Вода в изменяющемся мире» отсылает нас к необходимости действовать, если «глобальный водный кризис» будет углубляться. В действительности доклад ЮНЕСКО помещает водные проблемы в центр потенциального кризиса, ведущего к национальным и даже глобальным конфликтам:

«Вода связана с кризисом измерения климата, истощением энергетических и продовольственных ресурсов, с проблемами на финансовых рынках. Если не взывать к их связи с водными факторами и не разрешать водные кризисы по всему миру, все другие кризисы могут углубляться, а водные кризисы на локальном уровне могут ухудшаться, стекаясь в глобальный водный кризис и ведя к политической нестабильности и конфликту на различных уровнях» 21.

Что можно констатировать с относительной уверенностью, так это то, что ни ООН ни какая-либо другая международная организация, договор или соглашение не упредят или предотвратят кризис, вытекающий из борьбы за водные ресурсы. Все неосуществимые планы от мультикультурной мировой империи Александра Великого до Лиги Наций и Четырнадцати пунктов Вильсона, и полной неудачи ООН в предотвращении войн с самого момента ее основания, или хотя бы в улучшении обстановки противоречия между племенами и государствами, в сущности провалились. Апелляция к гуманности или к человечеству слишком расплывчата, чтобы иметь успех. Должны ли такие планы преуспеть в становлении того, что с недавних пор называется Новым мировым порядком? История и текущая ситуация указывают на то, что глобалистское «лечение» будет, по меньшей мере, настолько ужасающим, насколько и сама проблема, и если оно осуществится, то установит такое мировое правительство, которое по очереди будет управлять по указке какого-либо узкого круга лиц из силового блока и продолжать господствовать. Поэтому цикл состязания будет продолжаться.

На сегодняшний день и за последние несколько десятилетий мы наблюдали попытки ООН, НАТО и других союзов «мирно» и «гуманно» установить этот Новый мировой порядок посредством бомбёжки нежелающих впадать в вассальную зависимость Югославии и Ирака.

Геополитический разлом

Со времен распада советского блока, однополярный мир повторно сплотился вокруг США и противопоставил себя исламскому блоку. Затем Россия и Китай22 пытались противостоять этому однополярному миру путем формирования соглашений между собой и приграничными государствами. Это питало надежду на противостояние евразийского блока мировой гегемонии США, которые искали возможности втянуть в него Европейский Союз и возвратить Европу в роли второстепенного игрока, которую она играла по отношению к США во время холодной войны, подталкивая ее таким образом к встраиванию в орбиту США под страхом вторжения стран Варшавского договора23.

США — это искусственный лидер Западного блока и альянса с Европой. Ни сейчас, ни в прошлом было неправильно называть США «лидером Западного мира». США в своем основании возникли из дихотомии между пуританами и масонами24. Со времен Вудро Вильсона25 США воспринимали Европу как своего вассала. США искали при этом возможности объединить Европу на своих условиях. Америка не представляет собой новую и трепещущую жизнью нацию, но злокачественный нарост на том периоде европейской истории, который истекает из европейской эпохи Просвещения, когда сама Европа отреклась от своих собственных культурных и духовных корней и перешла к эпохе Реформации26. С этих пор США всегда были бездуховны, развращены деньгами, а остальным предлагали не лидерство, но лишь надежду на деньги, внедряемую оружием и глобальное культурное нисхождение в создание своего Нового мирового порядка. Глобальный план Соединенных Штатов ищет опору в культурной деградации, что является прямо противоположным традиционной западной культуре и всем традиционным культурам вообще.

Майор Ральф Петерс набросал в общих чертах культурное наступление в статье в издании «Параметры» в 1997 году. В ней Петерс утверждает, что мир «вошел в новый американский век», в котором нарастающая мощь Америки будет сопутствовать «умиранию культур». Он упоминает «столкновение цивилизаций» и демократию как «либеральную форму империализма». Петерс писал о том, как Америка будет доминировать посредством низвержения культур, утверждая, что «Голливуд приходит туда, куда бы никогда не проник Гарвард… Аме-

риканская культура является самой мощной и самой разрушительной для других культур… Наша военная сила основана на культурном доминировании … Для большинства граждан наша грубая, беспорядочная, изумительная культура является мощнейшим мотором позитивных изменений в истории … американская культура заражена эпидемией гедонизма … Но Голливуд «готовит поле боя», а гамбургеры предшествуют пулям. Армии приходят вслед за торговцами…»27

Петерс, ушедший в отставку в 1998 году в звании подполковника, написал статью в Параметрах под заголовком «Постоянный конфликт» 28, когда уже был прикреплен к Главному управлению начальника штабов внешней разведки. Он продолжил карьеру комментатора и писателя, специализирующегося на военной стратегии и внешней политике.

Перед лицом культурного проникновения и глобализации по-американски Россия остается естественным союзником европейского блока, если он базируется вокруг государств, способных в исторической перспективе сопротивляться гегемонии США в Европе, таких как Франция — главный игрок в Европейском Союзе.

США пытаются кооптировать Китай в мировую экономику, они также в недавнем прошлом искали союза с Китаем для того чтобы сдерживать Россию. И эти планы вполне вероятны, так как стратегический интерес для США представляет вновь столкнуть лицом к лицу Китай и Россию29.

Любой отказ от однополярного мира с Америкой во главе вновь ставит в центр Россию, правительство которой после американоцентричной ельцинской эры ставит своей целью восстановление глобального влияния России. Альянс между Китаем и Россией противоречит истории и этнографии и долго не продлится. Это противоестественный геополитический альянс по причинам, описанным в этой статье, и в работе автора «Россия и Китай: близкий конфликт?» 30 Китай будет противостоять Индии, России и Центральной Азии в борьбе за ресурсы, особенно за водные ресурсы, как я пытался показать в этой статье. Центральная Азия, Индия и такие далекие государства, как Вьетнам начнут тяготеть к России как только Китай начнет всё больше и больше проявлять свою гегемонию.

Движение к блоку АНЗАК

В этом эссе в основном рассматривались изменения, возникающие в частности из-за недостатка воды в Азии. Эти изменения найдут свое выражение в существенных геополитических сдвигах и полной перестановке существующих даже сейчас шатких блоков, таких, в частности, как формирующиеся Шанхайская организация сотрудничества. Попытки Китая занять региональное господство и влияние в России и Индии обеспечат новый блок средоточием его внимания на России и Индии.

Новая Зеландия и Австралия, как Индия в Азии, создают отдельную культурную и экономическую ось (блок), вокруг которой Тихоокеанский блок может и должен развиваться за пределами Азии. Как и Индия, Австралия потенциально является материковой страной. Новая Зеландия по историческим и этнографическим причинам, в сущности, связана с Австралией, и рассчитывает на утверждение блока АНЗАК (Australian and New Zealand Army Corps) в противостоянии надвигающемуся на север кризису. В блоке АНЗАК естественно соединяются малые островные государства Полинезии, Меланезии и Микронезии, господство над которыми Китай пытается приобрести в последние годы. Первая задача для Новой Зеландии и Австралии — выделить себя из китайских и других пагубных соглашений о свободной торговли в Азии. Вторая задача любого блока, такого как АНЗАК — способствовать углублению экономических, дипломатических и военных отношений с островными государствами, сталкивающимися с влиянием Китая, так же как возможные вторжения Индонезии в отношения Новой Гвинеи и Восточного Тимора. Третьим пунктом для блока АНЗАК является установление союзнических отношений с Индией и Россией в противовес США и Китаю.

Блок АНЗАК включает малые островные государства, многие из которых до сих пор поддаются подкупам Китая в виде помощи, и в частности они должны обращаться за помощью к двум сильным составляющим этот блок государствам — Австралии и Новой Зеландии. Такая независимая геополитическая конструкция, если будет освобождена от контроля зарубежного капитала, эксплуатации ее ресурсов, и имея разрешение к саморазвитию, как саморазвивающийся Европейский Союз или Боливарианский блок, будет владеть огромным потенциалом минеральных ресурсов и продовольствием, и потенци-

алом развивать союзы с государствами, основанными скорее на искреннем геополитическом и этнографическом взаимоуважении, чем на силовых толчках глобалистских экономик.

Примечания

(Endnotes)

1 Jung Chang & Jon Halliday, Mao: the unknown story (London: Jonathan Cape, 2005), 570-571.

2 Bruce Elleman, "Sino-Soviet Relations and the February 1979 Sino-Vietnamese Conflict", 20 April 1996 http://www.vietnam.ttu.edu/vietnamcenter/events/1996_Symposium/96papers/elleviet.htm Vietnam Center, Texas Tech University, http://www.vietnam.ttu.edu/vietnamcenter/

3 Robert A Scalapino, "The Political Influence of the USSR in Asia", in Donald S. Zagoria, ed., Soviet Policy in East Asia (New Haven: Yale University Press, 1982), 71.

4 Fire Earth: environmental issues, "Drought: China's Arch Nemesis, February 26, 2009, http://feww.wordpress.com/2009/02/06/ (accessed October 30, 2009).

5 Ibid.

6 Xinhuanet official news agency, "China suffers great losses form desertification", June 17, 2003. "China is losing 4.5 billion tons of soil each year"; cited by Reuters, "China's crops at risk from massive erosion", November 21, 2008, http://www.reuters.com/article/environmentNews/idUSTRE4AK1J220081121?sp=true (accessed October 26, 2009).

7 Ibid.

8 NASA: "NASA Hydrologist Matt Rodell discusses vanishing groundwater in India", August 12, 2009, http://www.nasa.gov/topics/earth/features/india_water.html (accessed October 26, 200).

9 Ibid.

10 Ibid.

11 Brahma Chellaney, "China aims for bigger share of South Asia's water lifeline", Japan Times, June 26, 2007.

12 Ibid.

13 Ibid.

14 Ibid.

15 Marat Yermukanov, "China obstructs River Management Talks with Kazakhstan", February 17, 2006

Eurasia Daily Monitor, Jamestown Foundation, http://jamestown.org/edm/article.php?article_id=2370793.

The Jamestown Foundation is a US based think tank specialising in the analysis of the affairs of the republics of the former USSR, and is staffed by academic specialists. Eurasia Daily Monitor is the Foundation's publication. Yermukanov is a journalist working for the Russian-language private newspaper Panorama Nedely in Petropavlovsk, North Kazakhstan.

16 Marat Yermukanov, op.cit., citing Izvestiya Kazakhstan, February 14), 2005.

17 Bobo Lo, "Russia-China: Axis of Convenience", May 20, 2008 http://www.opendemocracy.net/user/511394, citing: Novoye pokolenie, February 10, 2005.

18 Marat Yermukanov, op.cit.

19 Ibid.

20 United Nations media release, "Secretary General to inaugural Asia-Pacific Water Summit", December 3, 2007, http://www.un.org/News/Press/docs/2007/sgsm11311.doc.htm (accessed October 28, 2009).

21 Water in a changing world, ibid., Overview of key messages, xx, http://www.unesco.org/water/wwap/wwdr/wwdr3/pdf/08_WWDR3_overview_of_key_msgs.pdf (accessed October 28, 2009).

22 As this essay hopefully clearly shows, the pact between Russia and China has historical and ethnographic factors working against it and is an historical aberration, which will disintegrate with the types of pressures that are considered here. See also K R Bolton, Russia and China: an approaching conflict? Op.cit.

23 In his speech before Congress declaring war on Iraq Bush stated:

"This is an historic moment. We have in this past year made great progress in ending the long era of conflict and cold war. We have before us the opportunity to forge for ourselves and for future generations a new world order-- a world where the rule of law, not the law of the jungle, governs the conduct of nations. When we are successful -- and we will be -- we have a real chance at this new world order, an order in which a credible United Nations can use its peacekeeping role to fulfil the promise and vision of the U.N.'s founders." Pres. George Bush, US Congress, January 16, 1991, full text: http://74.125.155.132/search?q=cache:0l07QwX3xWwJ:www.historyplace.com/speeches/bush-war.htm+bush+%22new+world+order%22+iraq&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=nz&client=firefox-a (accessed October 30, 2009).

24 The first American Colonies were those of the Puritans, the Founding Fathers were largely anti-Christian and Deist, heavily influenced by Masonry and Continental Rationalism. See: Nicholas Hagger, The Secret Founding of America: The real story of Freemasons, Puritans, & the battle for the New World (London: Watkins Publishing, 2007). See also: K R Bolton, From Knights Templar to New World Order (Paraparaumu Beach, New Zealand: Renaissance Press, 2006).

25 Wilson reversed traditional American 'non-interventionist' policy and globalisd US foreign policy with his declaration of the Fourteen Points, for re-organising the post-World War I world, and his support for the abortive League of Nations.

26 K R Bolton, The Faith of Europe (Paraparaumu Beach, New Zealand: Renaissance Press, 2009).

27 Maj. Ralph Peters, "Constant conflict", Parameters: US Army College Quarterly, Summer 1997, pp. 4-14.

28 Note the resemblance between the concept of "constant conflict' and the Trotskyist concept of "permanent revolution." It is interesting to note that misnamed "neo-conservatism which controlled the last Bush Administration so thoroughly, but which has now been replaced by another set of globalists — the Soros/Rockefeller interests — did not proceed from the conservative Right, but from the Trotskyists who were recruited during the Cold War by the CIA front, the Congress for Cultural Freedom, because they hated the USSR after the overthrow of Trotsky more than they hated the USA or capitalism. The 'neo-con' rhetoric remains essentially Trotskyist. See: Frances Stonor Saunders, The Cultural Cold War: the CIA and the world of arts and letters (New York: The New Press, 1999).

29 K R Bolton, Russia and China, op.cit., pp. 181-190.

30 Ibid.

Виктор Кочетков, Марина Лымарь

КИТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЧТОБЫ ПОНЯТЬ КИТАЙСКИЙ НАРОД

Почему мы не понимаем китайцев? Первый ответ лежит на поверхности: «Мы не знаем языка». Отчасти он является верным, но только отчасти.

Язык китайский действительно не прост. Это и тональность слога, в зависимости от которой меняется значение слова, это и море, даже океан иероглифов (самый полный словарь по состоянию на 2008 год насчитывает 85 568 штук), это и особая философская основа языка. Тон — это музыка слова, ее можно научиться слышать. А для полноценного общения и чтения литературы любого рода Вам понадобится около 5-7 тыс. слов, как и для аналогичного владения английским языком. Все иероглифы опять-таки не обязательно знать, достаточно знать, где и их найти. Другое дело обстоит с философией языка. В ней скрыта и отражена одновременно социальная философия народа, стиль мышления, модели поведения, трактовка общественных явлений и отношений.

Почему жители Поднебесной не ценят время и не выполняют обещания?

Зачем они так часто запрещают что-то просто так?

Почему они предпочитают проигнорировать проблему, нежели решать ее? И как эта позиция недеяния сочетается с феноменальной работоспособностью, результаты которой налицо?

С какой целью многие из них исповедуют сразу несколько религий?

Почему они так терпимо и даже с нисхождением относятся к государственной власти и не стремятся свергнуть неугодные режимы?

Зачем каждый китаец четко делит все свое социальное окружение на «своих» и «чужих»?

Если не осознать социальной основы этих феноменов, взаимодействие с китайским народом не будет продуктивно, даже если овладеть 5 тыс. иероглифами. Мы попытаемся если не найти, то указать на нее. Для этого обратимся к феномену китайской национальной идентичности.

Национальная идентичность

Идентичность (лат.: identitas — тождественность). Ее можно обозначить предельно просто: это тождественность человека самому себе. Однако такой ответ лишь усложняет задачу. Мера себя, собственные координаты и параметры не даны нам зримо и объективно. Поэтому, более строго говоря, понятие идентичности обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. Но знать что такое «Я», всегда предполагает знание того, что такое «не Я». Т.е. полностью идентичность может быть понята лишь при соотнесении «Я» и «Другой». Категории «Я» присущи такие характеристики, как «общность» и «тождественность», категории «Другой» — «различие» и «отсутствие тождественности». Кроме того, идентичность есть идентификация себя с определенной социальной структурой, с приобретением себе места в ней[1]. Суммируя вышесказанное, укажем на основные аспекты формирования феномена идентичность:

Во-первых, нужно, чтобы человек сам считал себя частью конкретного сообщества, и не «в душе», а показывая это («Я» — фактор).

Во-вторых, чтобы сообщество было с этим согласно, и демонстрировало это согласие не на словах, а на деле («Мы» — фактор).

И, в-третьих, чтобы это признавали посторонние «третьи лица» («Они» — фактор).

Национальная идентичность отражает совокупность представлений, на основе которых нация мыслится как некое сообщество «мы», т.е. видение членами группы своего места в мире, в том числе — на основе соотнесения со «значимыми другими» (государствами или обществами) через оппозицию «мы — они». Национальная идентичность — это культурная норма, которая отражает эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к своей нации и

[1] *Холмогоров Е.* Антропоток и структура идентичности.//Государство и антропоток. Выпуск VII , 2003.

национальной политической системе[1]. Т.о. ядро национальной идентичности — национальная культура. А главные характеристики — общественность и отличительность. Основные средство ее сохранения идентичности — диалог и преемственность культур.

Руководствуясь обозначенной совокупностью представлений, китайцы, как и другие народы, взаимодействуют с внешним миром и между собой, регулируют общественные процессы, ставят цели и достигают их.

Факторы формирования национальной идентичности Китая

Национальная идентичность не возникла внезапно. Ее становление есть процесс исторический по сути и многофакторный по структуре. Укажем на источники формирования китайской национальной идентичности.

История. Независимая культура и древнейшее государственное образование на территории современного Китая возникли во второй четверти II тысячелетия до н. э. В ходе многовекового династического развития появилось и прочно укоренилось понятие Чжунго (срединное государство, Китай). Одновременно появилось и понятие Вайго — «государства за пределами Китайской империи». А словосочетание чжунго жэнь (человек срединного государства) стало одним из основных этнических самоопределений китайцев. Эти понятия в сознании китайского народа четко делят всех людей на «своих», членов большой китайской семьи, и «чужих», с которыми нужно взаимодействовать осторожно. За всю историю Китай ни разу не вступал в союзы, военно-политические блоки с другими государствами. В начале XX века европейцы проникли в Китай и предприняли попытки создать новую национальную идентичность. Но после победы коммунистических сил Китай опять построил внесистемное государство и существовал обособленно от мирового сообщества вплоть до реформ 70-х гг. Но даже современная интеграция в мировое сообщество идет по линии «гармонии в различии». А основную цель данной интеграции (экономической по сути) — «мирное возвышение Китая» и поднятие уровня жизни собственного народа, жителей Поднебесной.

[1] *Tsygankov A.P.* Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. Lanham, Rowman & Littlefield Publisher Inc., 2001.

География. Существенным для понимания истоков многих явлений является изучение природной среды. И рассматриваемый нами феномен китайской идентичности — не исключение. В III тыс. до н.э. территория материкового Китая была не похожа на то, что она представляет сейчас. Это девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливающимися в половодье, обширные озера, топкие солонцы и только на возвышенных плоскогорьях луга и степи[1]. Китайцам пришлось отказаться от личной свободы и привить себе дисциплинированность, групповое поведение, упорядочить жизнь и выработать далеко не демократическое устройство государства. А приручённая собственным дисциплинарным поведением природа, щедро вознаградила их, предоставила возможности интенсивного размножения и средства для создания такой своеобразной культуры, носителями которой жители Китая являются сейчас. К тому же, наделенный таким природным богатством, Китай был им же был и отрезан от других народов: джунглями на юге, цепью высоких гор на западе, холодными степями на севере. Он никогда не завязывал длительных дружеских отношений с другими государствами. На протяжении нескольких тысячелетий Китай был «вселенной в себе». Все, что за барьерами, было внешним — «варварским». Все, что внутри — в центре — китайским. «Иностранец» по-китайски не «житель другой страны», а — человек, приехавший по ту сторону границы нашего государства (где wài — вне, guó — государство, rén — человек). И при общении с китайцами нужно осознавать, что перед Вами винтик коллективистской машины, причем считающий данную машину единственной правильно устроенной. Все стальные — устроены неправильно, а зачастую и не машины вовсе.

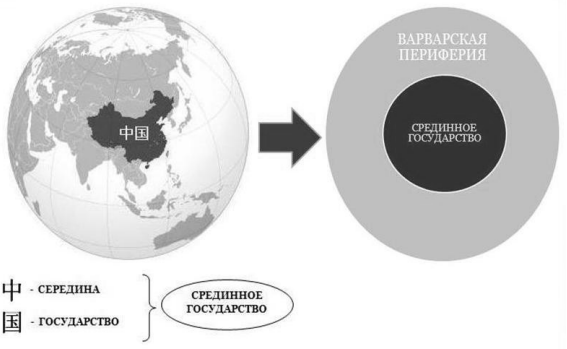


Рис. 1. Географические воззрения китайцев.

[1] *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: Эксмо ФТМ, 2008. С.35.

Религия. Еще одна сфера, влияющая на миропонимание — религиозно-этическая. В Китае распространены различные учения, но каждое внесло свой вклад в дело формирования национальной идентичности.

Конфуцианство даровало китайцам семью как прообраз всей общественной организации.

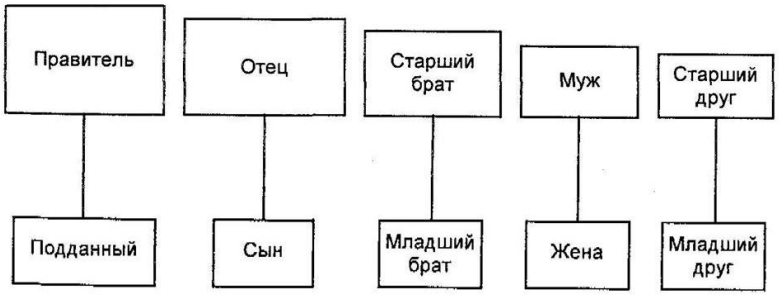


Рис.2. Иерархия взаимоотношений в Древнем Китае.

Лояльность к правителю, сыновья почтительность к отцу, традиционность по мнению китайцев, есть основа гармоничного социального устройства. Его основание — соблюдение этических правил каждым человеком, а вершина — единое государство, государство просвещения и мудрости.

Буддийский вариант мироустройства незначительно отличен от понятия лидерства в конфуцианстве и мало пересматривает идею милосердной отцовской власти. Буддизм учит, что человек, находящийся наверху, заслужил свое положение достойным поведением в предыдущей жизни, а конформизм лучше борьбы за место.

Легисты в принципе отвергали управление, основанное на ритуале и традициях. Они высмеивали конфуцианские рассуждения о человеколюбии, долге, справедливости, братской любви, называя их «игрой в слова». Легисты обосновывали необходимость управления на основе закона тем, что человек от природы зол. Его зверино начало может быть подавлено только системой наказаний.

Даосы же выступали против всякого насилия над человеческой личностью, а основная идея даосизма — установление мира, где все

живущие равны между собой. Законы мироздания едины для всей природы, живой и неживой и поэтому их не следует нарушать.

Как мы видим, конфуцианство, буддизм, легизм и даосизм отличаются друг от друга во многих отношениях. Но взгляды их последователей сходятся в том, что касается понимания коллектива как семьи, получения служебного статуса без соперничества, плавного рассредоточения власти, автоматического порядка подчинения и коллективного характера принятия решений. Коллективность — это вовсе не обмен личной независимости на безопасность, а необходимый, правильный образ жизни каждого китайца. Причем такая система взаимодействия обеспечивается без особых усилий и самовоспроизводит себя от поколения к поколению.

Язык. Теперь обратимся к началу нашего разговора, т.е. к китайскому языку. Любой язык есть отражение национального характера и менталитета народа, и китайский — не исключение. Основная графическая единица китайского письма — иероглиф. По сути, это картинка называемого предмета действительности. Письмо оперирует символами.

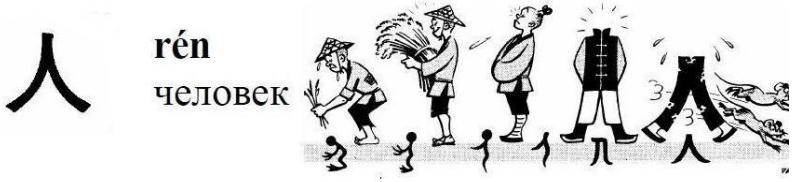


Рис. 3. Иероглиф «Человек»

Рис. 4. Иероглиф «Середина»

По мере развития и постоянного упрощения многие иероглифы изменились до невозможности рассмотреть в них что-то схожее с называемым объектом. Однако суть осталась неизменной — невозможность для китайского мышления свести все многообразие окружающего мира к сухому алфавиту. Любая мысль конкретно символична.

Фонетика формируется в Китае под воздействием буддизма, принесшего мелодику, а точнее соответствующий тон каждому слову. А основная фонетическая единица — не отдельный звук, а слог, совокупность нескольких звуков, неделимое целое (как неделимость и непоколебимость семейного образа жизни китайцев).

Заслуживают внимания также китайские идиомы — Чэнъюи — «готовые выражения». Это устойчивы фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка. Данный семантический монолит с обобщенно переносным значением носит экспрессивный характер. Компактная и монолитная структура чэнъюя делает его предельно лаконичным, гармоничным, можно сказать, совершенным. Это отражение той гармоничности и сбалансированности жизни, к которой стремится китайский народ.

Особенности китайской национальной идентичности.

Итак, обозначим основные черты и проявления нашего феномена.

Коллективистский тип китайской культуры предполагает превалирование интересов общества над интересами индивида. Общественная сознательность людей в Китае достаточно высокая. А любая организация, любое сообщество автоматически устраивается как семья[1]. По этой же причине у китайцев явно выражено высокое уважение к социальному статусу, издревле культ почитания старших культивируется не только в семье, но и в социальных отношениях.

Китайский народ, как никто другой, обладает мощной исторической памятью. Ее воспитанию придается большое значение и делается это на основе многовековой национальной исторической традиции. На протяжении более трех тысяч лет Китай представляет собой единое государство. Возникавшие периоды существования самостоятельных царств и полуколониальной зависимости от стран Запада практически не изменили общих принципов организации государства, его границ и мест расселения этноса.

[1] *Виногродский Б. Б.,* Сизов В.С. Менеджмент в китайской традиции. Из-во: «Экономистъ», М., 2007 год, с. 35.

Стабильностью установленного порядка и существующей системы прав и обязанностей, определяющих взаимодействие человека с другими людьми, отличается китайская культура в целом. Привносимые взаимодействием с другими государствами новые идеи и концепции в культурно-национальном итоге являются новой вариацией уже известного и общепринятого. Этот принцип непротиворечивого совмещения проявляется: 1) в языке (иностранные заимствования переплавляются на удобные для произношения сочетания слогов, например, «Лодзи» — logic (англ.), «Мотхе» — model (англ.)); 2) в экономике в наличии в стране различных форм собственности, рыночных и социалистических механизмов управления; 3) в политике в виде сочетания различных политических систем в рамках единой государственной системы. Для современного Китая является обычным введение мер, кажущихся сторонним наблюдателям «противоречивыми», но на деле они весьма оправданы. Примером можно служить принцип «Одна страна — две системы» для городов Гонконга и Макао, а также острова Тайвань.

Принцип равновесия и гармонии, лежащий в основе конфуцианства и даосизма — основных идеологических направлений Китая, вне сомнения, на предыдущих этапах развития тормозил технологический и экономический прогресс китайского общества и обусловил его отставание от европейской цивилизации. Однако именно этот принцип обеспечивает в настоящее время невероятную устойчивость международного положения и эффективность внутренней и внешней политики государства. Достижение жизненных целей посредством стремления к гармонии и равновесию в человеческих отношениях всегда признается высшей ценностью. Этот принцип проявляются в том, что с одной стороны, общественно-политический строй Китая в целом не изменяется на протяжении всей истории, а с другой Китай — это страна, динамично развивающаяся, эффективно (заметим, не быстро, по-европейски, а именно разумно и эффективно) реагирующая на проблемы и задачи времени.

В рамках вопроса о гармонии нельзя обойти и применение философии Инь и Ян в регулировании социальных процессов в Китае. «Чистый Ян» определяет идеологию, духовный потенциал и внешнюю политику, а «мутный Инь» соотносится с внутренними процессами, которые диктуют экономические ограничения. Ян — это энергии, это духовный потенциал, а Инь — это средства производства и

валовой национальный продукт. Когда действует мощная идеология, и дух силен, то это преобладание Ян, а когда дух слаб и не способен позитивно повлиять на экономические процессы, то это Инь в Ян[1]. Достижение гармонии между ними — суть регулирования социальных процессов в Китае.

Принцип «срединности» просматривается во всех религиозных этиках китайского народа. В «Записках о ритуале» (Лао-цзы) говорится: «Когда радость, гнев, печаль и веселье еще не появились, данное состояние называют «срединностъ». Когда они появляются, но контролируются в середине, тогда состояние определяется как «гармония»[2]. Он пронизывает всю жизнь китайского народа. Даже религиозные обряды древности (погребение, ополаскивание, жертвоприношение) носят совсем не магический характер, а, по словам Сюнь-Дзы и составителей книги обрядов «Ли Дзы», выполняют социальную функцию упорядочивания выражения чувств, адекватных социальной ситуации, способом регуляции и смягчения эмоций, т.е. культивированию индивидуальных чувств согласно всеобщему социальному порядку, принятому как срединному и, следовательно, оптимальному[3]. В национальном менталитете и политике государства он наглядно прослеживается в нескольких аспектах. Это практика внедрения иностранных инвестиций в национальное хозяйство и технико-экономического роста, основанная на идее соответствия получаемых технологий средним хозяйственным условиям страны, средним доходам, распространенным привычкам населения и т.д. Во внутриэкономической сфере это курс на формирование среднего класса. Этот принцип также прослеживается в соотношении подчинения разноплановых регионов единому центру.

Отношения с другими государствами строились опять-таки по канонам конфуцианской этики: все феодальные династии успешно сохраняли дружеские отношения между собой. «Великий разум раскрыт безгранично, а малый разум — это лишь границы и разделения»[4], — гласит древнее изречение. Ведь термины «внешнеполитический» и

[1] *Виногродский Б. Б.* Ментальная матрица власти и тело государственного сознания в китайской традиции. См. http://www.bronislav.ru/

[2] *В. В. Малявин, Б. Б. Виногродский*. Антология даосской философии. Ли Дао-Чунь. Свод сочи-нений о сре-динности и гармонии. Сущность таинственных врат. См. http://polbu.ru/malyavin_daosphilo/

[3] *Редклиф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. С. 170

[4] *Виногродский Б. Б.* Чжуан-цзы: изречения. Ловец образов. См. http://lib.ololo.cc/a/41811

«международные отношения» обладают малой объясняющей способностью применительно к национальным воззрениям китайцев на окружающий мир, ведь под наименованием Поднебесная мыслился не только Китай, но и весь мир, состоявший из китайской культуры и варварской периферии, причем «внешнее» становится частью «китайского мира», как только вступало в контакт с «внутренним». Таковы традиционные воззрения китайцев, не потерявшие актуальности и в настоящее время.

В конце 2003 г. в Китае заявлена новая идеология общения с внешним миром. Ее основой предложено опять-таки древнее конфуцианское мировоззрение единения без унификации[1]. В современном политическом контексте эта фраза Конфуция истолкована как желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации). Мир и развитие являются основными критериями для анализа международного порядка и международной ситуации.

Изучение феномена китайской национальной идентичности показывает, что без понимая ее исторических основ и современных проявлений невозможно выстроить эффективное взаимодействие с китайским народом даже путем освоения китайского языка. Да и сам язык — не просто средство общения для китайцев. Это культурно-психо-лингвистический комплекс, задающий мыслительные стратегии и тактики действий. Игнорирование феномена национальной идентичности, очерчивающей границы и законы дальнейшего развития Китая во взаимосвязанном, глобализирующемся мире может привести к противостоянию становых стратегий. В международном диалоге необходимо умеренное сочетание материально-культурных и духовно-культурных ценностей разных народов.

[1] *Переломов Л. С.* Конфуций. Лунь юй: Исслед., пер. с кит., коммент. М. 1998. С. 396-398.

Джон Молдин

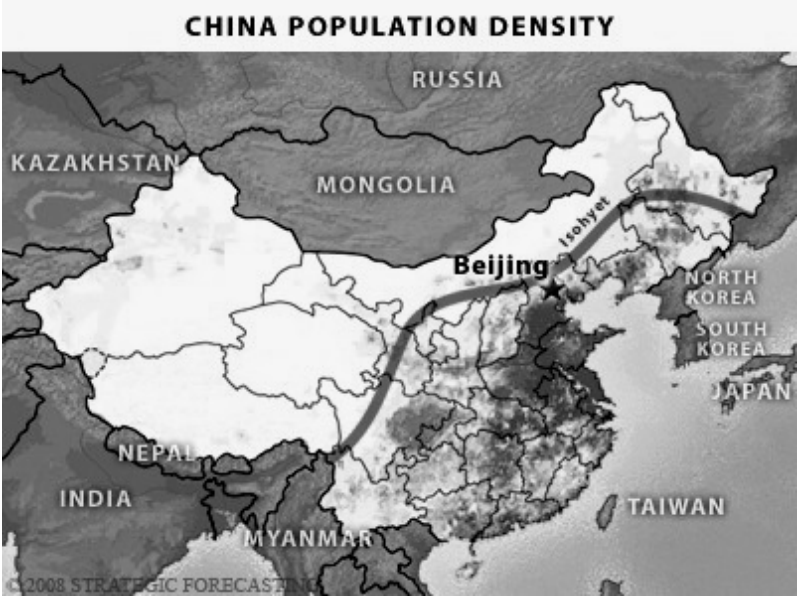
ГЕОПОЛИТИКА КИТАЯ: ЗАКРЫТАЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА

Современный Китай является островом. Хотя он и не окружен водой (с которой граничит только его восточный фланг), Китай граничит с местностью, которую трудно преодолеть практически в любом направлении. Есть несколько регионов, которые можно пройти, но чтобы понять Китай, мы должны начать с визуализации гор, джунглей и пустошей, что его окружают. Эта внешняя оболочка одновременно содержит в себе Китай и защищает его.

Китай должен быть разделен на две части: китайский хартленд и некитайские буферные регионы, его окружающие. В Китае существует линия, называемая 15-дюймовой изогиетой. С восточной стороны от этой линии каждый год выпадает более чем 15 дюймов осадков. На западной стороне годовой объем осадков меньше. Основная часть китайского населения живет к востоку и к югу от этой линии. Это ханьский Китай, его хартленд. Это то место, где живет подавляющее большинство китайцев, родина этноса хань, то, что мир знает как китайское. Важно понимать, что более миллиарда человек живут в этом районе, который по размерам составляет половину Соединенных Штатов.

Китайский хартленд делится на две части, северную и южную, которая, в свою очередь, представляет два основных диалекта, «мандарин» на севере и кантонский на юге страны. Эти диалекты имеют одинаковую систему письма, но их речь сильно отличается друг от друга. Китайский хартленд определяется двумя основными реками — Хуанхэ на севере и Янцзы на юге страны, где есть еще третья река поменьше — Жемчужная. Хартленд является

сельскохозяйственным регионом Китая. Однако — и это самое важное, Китай — это примерно треть пахотных земель на душу населения по сравнению с остальным миром. Это давление определило современную китайскую историю — как в плане уровня жизни, так и в попытках его преодоления.



Этот хартленд окружает кольцо неханьских регионов — Тибет, Синьцзян (где живут мусульмане-уйгуры), Внутренняя Монголия и Манчжурия. Это буферные регионы, которые исторически были под властью Китая когда Китай был сильным, и отделились, когда Китай ослаб. Сегодня присутствие большого количества ханьцев в этих регионах является причиной трений, но сегодня ханьский Китай силён.

Есть также регионы, где возникали исторические угрозы для Китая. Ханьский Китай — это полноводный регион, где выпадает много осадков. Поэтому это были земли фермеров и торговцев. А прилегающие районы были землями кочевников и всадников. В XIII веке монголы под властью Чингисхана вторглись и до XV века части ханьского Китая были под их оккупацией до тех пор, пока Хань не смогли восстановить свою власть. После этого периода китайская стратегия оставалась неизменной: медленное и систематическое ут-

верждение контроля над этими внешними регионами в целях защиты хань от вторжений кочевников. Этот императив являлся двигателем китайской внешней политики. Несмотря на дисбаланс населения или, возможно, из-за этого, Китай считает себя чрезвычайно уязвимым в отношении военных сил со стороны севера и запада. Защищать огромное количество населения фермеров против этих сил было чрезвычайно трудной задачей. Самым простым решением, что и выбрал Китай, было установление диаметрально противоположного порядка и давление на своих потенциальных завоевателей.

Но была и другая причина. Помимо установления буфера при условии контроля над ним осуществлялась безопасность границ. Имея окраины под своим контролем, Китай был надежно «поставлен на якорь». Рассмотрим последовательно характер границ с Китаем, начиная с востока вдоль южной границы с Вьетнамом и Мьянмой. Граница с Вьетнамом является единственной легкопроходимой для крупных армий и массовой торговли. Действительно, совсем недавно, в 1975 г., Китай и Вьетнам немного повоевали на границе[1]. Также были случаи в истории, когда Китай доминировал над Вьетнамом. Тем не менее, остальная часть южной границы провинции Юньнань соприкасается с Лаосом и Мьянмой представляет собой труднопроходимые холмистые джунгли, где практически нет крупных дорог. Массированное движение через эту границу практически невозможно. Во время Второй мировой войны Соединенные Штаты пытались построить Бирманскую дорогу, чтобы достичь Юньнаня и снабжать войска Чан Кай-ши. Попытки были настолько трудными, что они стали легендой. Китай в этом месте чувствует себя в безопасности.

Китайская местность Хакобо Рази (5881 м.), служит границей между Китаем, Мьянмой и Индией. С этой точки начинается юго-западная граница Китая, закрепленная в Гималаях. Точнее, это Тибет, контролируемый Китаем, граничащий с Индией и двумя гималайскими государствами — Непалом и Бутаном. Эта граница совпадает с длинной аркой, проходящей через Пакистан, Таджикистан, Кыргызстан и заканчивающейся на Пике Победы (7439 м.), где сходятся границы Китая, Кыргызстана и Казахстана. Эту местность можно преодолеть с большим трудом, хотя исторически ее части использовались в качестве торгового пути. В целом, однако, Гималаи являются

[1] Автор ошибся. Конфликт между Китаем и Вьетнамом произошел в марте 1979 г. Его называют первым в истории вооруженным конфликтом между социалистическими государствами. — Прим. ред.

препятствием и для серьезной торговли и, конечно, для вооруженных сил. Индия и Китай, также как Китай и большая часть Центральной Азии изолированы друг от друга.

Единственное исключение представляет участок границы с Казахстаном. Этот район является проходимым, но через него идет сравнительно мало транспорта. Так как магистрали расширяются, это будет основным маршрутом между Китаем и остальной частью Евразии. Это единственный сухопутный мост с китайского острова, который может быть использован. Проблема заключается в расстоянии. Казахская граница находится на расстоянии почти в тысячу миль от первого яруса ханьских китайских провинций, а маршрут проходит через малонаселенные территории мусульманского региона, который представляет в Китае значительную проблему. Важно отметить, что Шелковый путь из Китая на Запад пролегал через Синьцзян и Казахстан. Это был единственный путь.

Существует, наконец, длинная северная граница с Монголией, а затем с Россией, которая тянется до Тихого океана. Эта граница, конечно, проходима. Отсюда осуществлялись успешные вторжения в

Китай, когда монгольская конница захватила огромные территории ханьского Китая. Китайские буферы — Внутренняя Монголия и Маньчжурия — защитили ханьский Китай от других атак. Китайцы не нападали на север по двум причинам. Во-первых, исторически там не было что захватывать. Во-вторых, с севера на юг доступ затруднен. Россия имеет две железнодорожные линии, проведенные с запада Тихого океана — известная Транссибирская железная дорога и Байкало-Амурская магистраль, которая соединяет эти два региона и связана с Транссибом. Помимо них, с востока на запад нет наземного транспорта, связывающего Россию. Кроме того, нет транспортных связей между севером и югом. Что вначале кажется вполне доступным, в реальности выглядит по-другому.

Область в России, которая наиболее доступна для Китая — это регион, граничащий с Тихим океаном от Владивостока до Благовещенска. Этот регион имеет разумные транспортные магистрали, население и выгоды для обеих сторон. Если когда-нибудь вспыхнет конфликт между Китаем и Россией, он произойдет именно в этом месте, которое станет его центром. Кроме того, этот регион, по мере продвижения на юг от Тихого океана, граничит с Корейским полуостровом, зоной последнего крупного военного конфликта с Китаем.

Кроме того, есть побережье Тихого океана, которое имеет многочисленные порты и исторически играло значительную роль в прибрежной торговле. Интересно отметить, что кроме попытки вторжения монголов в Японию и единственного основного морского маршрута Китая в Индийском океане — в первую очередь, для торговли, от этого направления отказались довольно быстро — Китай никогда не был морской державой. До XIX века он не сталкивался с врагами, способными создавать угрозу со стороны моря и, как следствие, не было большого желания тратить огромные суммы денег на строительство флота.

Китай, когда он контролирует Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Манчжурию, является изолированным государством. Ханьский Китай только в одной точке имеет потенциальные трения, — на юго-востоке с Вьетнамом. В остальном он окружен государствами, не являющимися буферными регионами с хартлендом, но являющимися политически интегрированным с Китаем. Существует вторая точка трения в Восточной Маньчжурии, которая относится к Сибири и

Корее. И, наконец, единственное открытое пространство в остальную часть Евразии находится на границе Синьцзян-Казахстан.

Наиболее уязвимым местом в Китае, с момента пришествия европейцев в западную часть Тихого океана в середине XIX века, было его побережье. Наряду с европейскими посягательствами, в которых коммерческие интересы были подкреплены ограниченными силами, Китай в военных столкновениях больше всего пострадал от длительной войны после того, как японцы вторглись и оккупировали большую часть восточного Китая вместе с Маньчжурией в 1930 году[1]. Несмотря на несоответствие военной мощи и более десяти лет войны, Япония не могла заставить китайское правительство капитулировать. Этот простой факт объясняется тем, что ханьский Китай, учитывая его размеры и плотность населения, не может быть пассивным. Не важно, сколько побед одержали японцы, они не смогли окончательно победить китайцев.

В Китай трудно вторгнуться, а с учетом его размеров и численности населения, еще труднее его занять. Для китайцев тоже представляется затруднительным нападать на других, это не невозможно, но довольно сложно. Имея пятую часть мирового населения, Китай не может отгородиться стеной от мира, как это было до силового вступления Великобритании в XIX веке и как это было при Мао Цзэдуне. Все это означает, что Китай является великой державой, но такой, которая должна вести себя совершенно по-другому по сравнению с другими великими державами.

Китай имеет три важнейших геополитических императива:

1. Поддержание внутреннего единства в ханьских китайских регионах.
2. Осуществление контроля над буферными регионами.
3. Защита берегов от иностранных посягательств.

Китай является более закрытой страной, чем любые другие великие державы. Численность населения в сочетании с его безопасными границами и относительное изобилие ресурсов позволяет ему развиваться, ограничиваясь минимальным общением с остальным миром, если он того захочет. В маоистский период, например, Китай стал государством-островом, в первую очередь, из-за внутренних интересов и соображений, равнодушных или враждебных по отношению к

[1] Начало оккупации Японией Маньчжурии началось 18 сентября 1931 г. после подрыва железной дороги. — Прим. ред.

остальному миру. Он чувствовал себя в безопасности, за исключением его участия в Корейской войне и его усилий по успокоению беспокойных буферных регионов. Внутри Китая, однако, периодически возникал самоорганизованный хаос.

Слабость островного положения для Китая — это нищета. Учитывая соотношение пахотных земель с населением, замкнутый Китай — это бедный Китай. Население там настолько бедно, что экономическое развитие, продиктованное внутренним спросом, независимо от того, насколько ограниченным он может быть, невозможно. Тем не менее, изолированным Китаем легче управлять с помощью централизованного правительства. Большая опасность для Китая состоит в разрыве среди самих ханьцев. Если это произойдет, если центральное правительство ослабнет, периферийные регионы станут отпадать от него, и Китай станет уязвимым для иностранцев, которые воспользуются китайской слабостью.

Чтобы Китай процветал, он должен участвовать в торговле, экспортируя шелк, серебро и промышленные товары. Исторически, торговля не представляет собой проблему для Китая. Шелковый путь позволил иностранным влияниям войти в Китай, в результате чего богатства создали определенную степень неустойчивости. В целом, однако, этим можно управлять.

Динамика промышленности изменила как географию китайской торговли, так и ее последствия. В середине XIX века, когда Европа — во главе с Британией — заставила китайское правительство предоставить торговые уступки англичанам, была открыта новая глава в истории Китая. Впервые побережье Тихого океана, а не Центральная Азия, стала зоной взаимодействия с миром. Это, в свою очередь, в значительной степени дестабилизировало Китай.

Поскольку торговля между Китаем и остальным миром активизировалась, китайцы, занимавшиеся ею, значительно увеличили свое благосостояние. Те, кто находился в прибрежных провинциях Китая, регионе, наиболее глубоко вовлеченном в торговлю, стали в то время относительно богатыми (по сравнению с не буферными регионами, которые всегда были бедны, но в отношении удаленных от моря ханьских провинций Китая), тогда как жизнь фермеров внутренних областей оставляла желать лучшего.

Центральное правительство балансировало между различными интересами в прибрежной зоне Китая и внутренними провинциями.

Прибрежные районы, в частности, из-за недавно обретенного статуса лидера, были заинтересованы в сохранении и углублении отношений с европейскими державами, Соединенными Штатами и Японией. Чем интенсивнее шла торговля, тем богаче становилось прибрежное руководство, и увеличивалась разница между регионами. В свое время власть иностранцев в союзе с китайскими купцами с побережья и политиками в прибрежных районах стала более сильной, чем центральное правительство. Худший геополитический кошмар для Китая стал реальностью. Китай начал фрагментироваться, распадаться на регионы, среди которых некоторые находились в большей степени под контролем иностранцев, особенно иностранных коммерческих интересов. Пекин потерял контроль над страной. Следует отметить, что это являлось тем контекстом, благодаря которому Япония вторглась в Китай, что привело к ошибке Японии, желающей нанести ему поражение.

Цель Мао, кроме марксизма, имела три пункта. Во-первых, он хотел рецентрализировать Китай — восстановить Пекин в качестве столицы и политического центра. Во-вторых, он хотел положить конец сильному неравенству между прибрежной зоной и остальными частями Китая. В-третьих, он хотел изгнать иностранцев из Китая. Короче говоря, он хотел, воссоздать объединенный ханьский Китай.

Первой попыткой Мао было восстание в городах в 1927 г., но оно не удалось, потому что разбить коалицию китайских интересов и иностранных держав было невозможно. Вместо этого он предпринял длительный марш вглубь Китая, где собрал массовую крестьянскую армию, которая была националистической и эгалитаристской одновременно, а в 1948 г. вернулся в прибрежную зону и выгнал иностранцев. Мао переформатировал Китай, рецентрализовал его и смирился с неизбежным результатом. Китайцы стали равными, но чрезвычайно бедными.

Первичная геополитическая проблема Китая заключается в следующем: для своего развития он должен участвовать в международной торговле. Если он так поступает, он должен использовать свои прибрежные города в качестве интерфейса с внешним миром. Когда это происходит, приморские города и прилегающие регионы становится все более богатыми. Влияние иностранцев на этот регион увеличивается, интересы иностранцев и китайцев с побережья сходятся, и они начинают конкурировать с интересами центральной власти. Китай

постоянно поднимает вопрос о том, как этого избежать, в то же время участвуя в международной торговле.

С приходом Мао, с ослаблением центральной власти и одновременной войной ханьского Китая с Японией, гражданской войной и регионализмом, центр не выдержал. Хотя Манчжурия находилась под китайским контролем, Внешняя Монголия была под советским контролем, распространяя свое влияние (советская власть — это больше чем просто марксистская идеология) во Внутренней Монголии и Тибете, Синьцзян тоже дрейфовал от Китая.

В то же время, когда Мао боролся на гражданской войне, он стремился заложить основы для контроля над буферными регионами. Интересно, что его первые шаги были направлены на блокирование советских интересов в этих регионах. Мао смог консолидировать китайский коммунистический контроль над Манчжурией и Внутренней Монголией, эффективно выдавливая Советы. Синьцзян был под контролем местного военачальника, Яна Цзэнсиня. Вскоре после окончания гражданской войны, Мао переключился на него и захватил Синьцзян. Наконец, в 1950 г. Мао выступил против Тибета, который захватил в 1951 г.

Быстрая консолидации буферных регионов дала Мао то, к чему он стремился — безопасность страны от вторжения. Контроль над Тибетом означает, что Индия не сможет переместиться за Гималаи и установить надежную базу для операций на Тибетском плато. В Гималаях могут происходить стычки, но никто не сможет двинуть свои дивизии через эти горы и обеспечивать их снабжением. До тех пор, пока Тибет находится в китайских руках, индийцы могут жить на другой стороне Луны. Синьцзян, Внутренняя Монголия и Манчжурия являлись буфером Китая от Советского Союза. Мао был более геополитиком чем идеологом. Он не доверял Советам. С буферными государствами в его руках, Советы не осмелились бы вторгнуться в Китай. Расстояния, плохие коммуникации и нехватка ресурсов означают, что любое советское вторжение начнется с серьезных логистических проблем и, прежде чем будут достигнуты регионы, населенные ханьцами, Советы успеют погрязнуть в пространстве — так же, как и японцы.

Китай имел геополитические вопросы к соседним Вьетнаму, Пакистану и Афганистану, но реальная проблема для Китая пришла из Манчжурии, а точнее, Кореи. Советы больше чем китайцы подстрекали Северную Корею к нападению на Южную. Трудно

представить то, о чем думал Иосиф Сталин, но для него эта ситуация сработала превосходно. Вмешались Соединенные Штаты, победили северокорейскую армию и дошли до Ялы — реки на границе с Китаем. Китайцы, видя хорошо вооруженные и подготовленные американские войска, возрастающие численностью у их границы, решили заблокировать ее заранее и напасть на юг. В итоге — три года жестокой войны, в которой китайцы потеряли около миллиона человек. С советской точки зрения, война между Китаем и США — это самое прекрасное, что можно себе представить. Однако, с точки зрения Stratfor, была продемонстрирована чувствительность Китая на любое посягательство в отношении их границы, буферов, которые являются основой их национальной безопасности.

По отношению к буферным регионам, которые находятся под контролем, побережье является наиболее уязвимым местом в Китае, но его уязвимость не относится к нападению. Учитывая японский пример, никому не интересно, и никто не имеет сил на то, чтобы пытаться вторгнуться в Китай, снабжая здесь армию и надеясь на победу. Вторжение не является основной угрозой.

Угроза для прибрежного Китая носит экономический характер, хотя большинство не называет это угрозой. Как мы видели, британское вторжение в Китай привело к дестабилизации в стране и гражданской войне, практически полностью развалив централизованную власть. Все это было вызвано процветанием. Мао решил эту проблему с помощью удержания побережья Китая от любого реального развития и ликвидации класса, который сотрудничал с иностранными бизнесменами. Для Мао ксенофобия является неотъемлемой частью естественной политики. Он видел, как присутствие иностранцев подрывало стабильность в Китае. Он предпочитал единство бедных вместо хаоса. Он также понимал, что, учитывая население Китая и географию, страна сможет защищаться от потенциальных агрессоров без современного военно-промышленного комплекса.

Его преемник Дэн Сяопин был наследником могущественного государства, контролирующего центр и буферные регионы. Он также под огромным давлением с политической точки зрения повысил уровень жизни и, несомненно, понимал, что технологический разрыв, в конечном счете, угрожает китайской национальной безопасности. Он предпринял историческую авантюру. Он знал, что китайская экономика не может развиваться сама по себе. Внутренний спрос в Китае

на товары был слишком слаб, потому что китайцы были очень бедными.

Дэн Сяопин делал ставку на то, что он может открыть Китай для иностранных инвестиций и переориентировать китайскую экономику с сельского хозяйства и тяжелой промышленности в сторону экспортно-ориентированных отраслей. Сделав это, он бы повысил уровень жизни, импортировал технологии и готовил рабочую силу в Китае. Он был готов поспорить, что усилия на этот раз не приведут к дестабилизации Китая, массовым напряженностям между процветающими прибрежными провинциями и внутренней частью, росту регионализма или внешнему контролю над прибрежной зоной. Сяопин считал, что он сможет избежать всего этого, сохраняя сильную централизованную власть, базирующуюся на верной армии и аппарате коммунистической партии. Его преемники утверждали лояльность к государству, а не иностранным инвесторам, которые могут сделать их богатыми. Это та ставка, которая разыгрывается в настоящее время.

С политической и военной точек зрения Китай достиг своих стратегических целей. Буферные регионы целы и Китаю не грозят никакие угрозы со стороны Евразии. Он рассматривает попытки Запада заставить Китай уйти из Тибета в качестве попытки подрыва китайской национальной безопасности. Однако для Китая Тибет является незначительным раздражителем, Китай не собирается оставлять Тибет, тибетцы не могут восстать и победить, и никто не собирается осуществлять вторжение в этот регион. Аналогичным образом уйгурские мусульмане являются раздражающим фактором, а не прямой угрозой в Синьцзяне. Россияне не заинтересованы и не имеют возможности для вторжения в Китай, а Корейский полуостров не представляет собой прямую угрозу для китайцев, потому что с ними никто не справится в одиночку.

Наибольшую военную угрозу Китая представляет военно-морской флот Соединенных Штатов. Китайцы стали в значительной степени зависеть от морской торговли, а ВМФ США при желании может заблокировать порты Китая. Если Соединенные Штаты сделают это, они подорвут Китай. Таким образом, основной интерес военных Китая состоит в том, чтобы сделать такую блокаду невозможной.

Для Китая потребовалось бы несколько поколений, чтобы построить флот, который был бы в состоянии конкурировать с военно-морским флотом Соединенных Штатов. Только для подготовки морских

летчиков для проведения эффективных операций с применением авианосцев потребуются десятилетия — по крайней мере, пока эти слушатели не станут адмиралами и капитанами. И это без учета времени, необходимого для создания авианосцев, соответствующих самолетов и освоения тонкостей проведения операций.

Для Китая основная задача заключается в том, чтобы сделать блокаду настолько невыгодной, что американцы не будут даже пытаться ее осуществить. Для этого будут применены противокорабельные ракеты наземного и подводного базирования. Стратегическое решение для Китая состоит в создании ракетных войск, достаточно рассеянных, что они не смогут быть подавлены Соединенными Штатами, и с достаточно большим радиусом действия, чтобы держать Соединенные Штаты на значительном расстоянии — в центральной части Тихого океана.

Для того, чтобы эти ракетные войска были эффективными, они должны быть в состоянии выявлять и отслеживать потенциальные цели. Поэтому, если китайцы будут продолжать эту стратегию, они вынуждены будут развивать системы космического базирования морской разведки. Это те технологии, над которыми китайцы сейчас работают. Противокорабельные ракеты и космические системы, в том числе антиспутниковые системы, предназначенные для ослепления американцев, представляют собой китайское военное противодействие в отношении его единственной и значительной военной угрозы.

Китай также может использовать эти ракеты для блокады Тайваня и перехвата судов, взаимодействующих с островом. Но китайцы не имеют военно-морских сил для десантирования на сушу, чтобы поддерживать операцию сухопутным боем. У Китая нет возможности установить и господство в воздухе в Тайваньском проливе. Китай мог бы побеспокоить Тайвань, но он не будет его оккупировать. Ракеты, спутники и подводные лодки составляют военно-морскую стратегию Китая.

Для Китая основная проблема, порождаемая Тайванем, связана с морем. Тайвань расположен таким образом, что может легко служить в качестве воздушных и военно-морских баз, которые могли бы изолировать морские коммуникации между Южно-Китайским и Восточно-Китайским морями, фактически оставив северные побережья Китая и Шанхай в изоляции. Если посмотреть на острова Рюкю, которые простираются от Тайваня до Японии и добавить их в эту смесь,

то возможна блокада северокитайских берегов и без военно-морской силы, если он захватит Тайвань.

Тайвань не будет иметь важное значение для Китая до тех пор, пока он не станет занимать активно враждебную позицию или не войдет в недружественный Китаю союз, например, с Соединенными Штатами. Если это произойдет, его географическое положение может создать весьма серьезные проблемы для Китая. Тайвань, кроме того, имеет серьезное символическое значение для Китая, благодаря чему он может опираться на национализм. Хотя Тайвань не представляет непосредственной угрозы, он может представлять потенциальную опасность, которую Китай не может игнорировать.

Существует один регион, в отношении которого Китай в настоящее время проводит умеренную экспансию — это Центральная Азия и, в частности, Казахстан. Традиционный маршрут для торговли шелком, Казахстан в настоящее представляет страну, которая может вырабатывать энергию, крайне необходимую для промышленности Китая. Китайцы принимают активное участие в развитии торговых отношений с Казахстаном и развитии транспортной инфраструктуры в эту республику. Эти коммуникации открывают торговый путь, который делает возможным организовать потоки нефти в одном направлении и промышленные товары в другом.

При этом китайцы изменяют сферу влияния России в странах бывшего Советского Союза. Русские были готовы терпеть рост китайской экономической активности в регионе, опасаясь превращения Китая в политическую силу. Казахстан является историческим буферным государством европейской части России против китайской экспансии, и эта страна была под русским господством. За этим районом нужно тщательно присматривать. Если Россия почувствует, что Китай становится слишком самоуверенным в этом регионе, она может ответить военными действиями на китайскую экономическую силу.

Китайско-русские отношения исторически были сложными. До Второй мировой войны Советы пытались манипулировать политикой Китая. После Второй мировой войны отношения между Советским Союзом и Китаем никогда не были такими хорошими, как некоторые считают, а иногда эти отношения были и прямо враждебными, как в 1968 г., когда русские и китайские войска сражались на реке Уссури[1]. Русские традиционно боялись китайской экспансии в свои тихооке-

[1] Конфликт в действительности произошел 2 и 16 марта 1969 г. — Прим. ред.

анские береговые регионы. Китайцы опасаются движений России в Манчжурию и за ее пределы.

Этого не произошло потому, что логистические возможности, связанные с подобными действиями были бы непропорциональными, поэтому ни одна сторона не хотела рисковать в борьбе с другой. Мы считаем, что это предостережение будет превалировать и в нынешних обстоятельствах. Однако растущее влияние Китая в Казахстане не является лишь небольшой проблемой для россиян, которые могут попробовать подвинуть Китай в этой стране. Если они начнут это делать, то это перерастет в серьезную проблему, второй точкой давления на обе стороны будет Тихоокеанский регион, осложненный близостью к Корее.

Но это только теоретические возможности. Угроза американской блокады побережья Китая и использование Тайваня для изоляции Северного Китая, конфликт из-за Казахстана — все эти возможности китайцы должны учитывать, если они готовятся к худшему сценарию. На самом деле, Соединенные Штаты не заинтересованы в блокаде, а китайцы и Советы (так в оригинале текста — прим. пер.) не намерены обострять конкуренцию в Казахстане.

У Китая нет геополитической проблемы, основанной на военном факторе. Это связано с традиционной позицией силы и обеспечения физической безопасности, как это имеет место с буферными регионами. Он добился этого тремя стратегическими императивами. Что является наиболее уязвимым местом, в данный момент является первым императивом: единство ханьского Китая. Это не связано с военной угрозой. Напротив, угроза этому императиву — экономическая.

Проблема Китая, связанная с геополитикой, — экономическая, и она имеет два направления. Первое довольно простое. Китай имеет экономику, ориентированную на экспорт. Он находится в состоянии зависимости. Независимо от того, насколько велики валютные резервы, какие имеются передовые технологии или насколько дешевая его рабочая сила, Китай зависит от готовности и возможности других стран импортировать их продукцию, — а также возможности ее физической доставки. Любое нарушение этого течения имеет прямое влияние на китайскую экономику.

Основная причина других стран покупать китайские товары связана с ценой. Они дешевле из-за различий в заработной плате. Если Китай потеряет свое преимущество перед другими странами или по

другим причинам, его экспортные возможности будут снижаться. Сегодня, например, когда цены на энергоресурсы растут, себестоимость продукции повышается, а относительная разница в заработной плате снижается. В определенный момент, как считают торговые партнеры Китая, стоимость китайского импорта по отношению к политическим расходам, связанным с закрытием заводов, будет смещаться.

И все это находится вне контроля Китая. Китай не может контролировать мировую цену на нефть. Он может разделить свои денежные резервы, чтобы субсидировать эти цены для производителей, но это, по существу, будет переводом денег назад в страны-потребители. Он может контролировать рост заработной платы путем введения контроля над ценами, но это приведет к внутренней нестабильности. Центр тяжести Китая состоит в том, что он стал промышленной мастерской мира и, как таковой, он полностью зависит от мира, который покупает товары у него, а не у кого-то еще.

Есть и другие вопросы в отношении Китая, начиная с дисфункциональной финансовой системы и заканчивая сельскохозяйственными угодьями. Все это можно присовокупить к данной проблематике. Но в геополитике мы ищем центр тяжести, и для Китая центр тяжести состоит в том, что чем более эффективным становится экспорт, тем больше он становится заложником своих клиентов. Некоторые наблюдатели предупреждали, что Китай может вернуть свои деньги из американских банков. Маловероятно, но допустим, они так поступят. Что бы тогда Китай делал без Соединенных Штатов в качестве клиента?

Китай поставил себя в такое положение, что он должен поддерживать хорошее настроение своих клиентов. Он борется с этой реальностью ежедневно, но факт остается фактом: остальной мир гораздо менее зависим от экспорта Китая, чем Китай зависим от остального мира.

Это приводит нас ко второй, еще более серьезной части экономических проблем в Китае. Первая геополитическая необходимость Китая заключается в обеспечении единства ханьского Китая. Третья — это защита побережья. Дэн Сяопин ставил на то, что он может открыть побережье, не нарушая единства ханьского Китая. Как и в XIX веке, прибрежный регион стал богатым. Внутренние регионы попрежнему чрезвычайно бедны. Прибрежный регион серьезно заме-

шан в глобальной экономике. Внутренняя часть — нет. Пекин вновь балансирует между побережьем и внутренней зоной.

Интересы прибрежных районов и интересы импортеров с инвесторами тесно связаны друг с другом. В Пекине заинтересованы в сохранении внутренней стабильности. При росте давления власть будет стремиться увеличить свой контроль над политической и экономической жизнью на побережье. Интерес внутренней зоны состоит в получении денег со стороны побережья. А побережье заинтересовано сохранить свои деньги. Пекин будет пытаться удовлетворить оба региона, не давая Китаю развалиться и не прибегая к драконовским мерам Мао. Но плохая международная экономическая ситуация приводит к уменьшению спроса на китайскую продукцию, поэтому у Китая будет меньше места для маневра.

Вторая часть проблемы вытекает из первой. Предполагая, что мировая экономика не пойдет на спад в данный момент, она будет в находиться в определенной точке. Когда она обрушится и китайский экспорт резко упадет, Пекин будет балансировать между жаждущей денег внутренней зоной и прибрежными районами, которым стало плохо. Важно помнить, что около 900 миллионов китайцев проживает в отдаленных районах и только около 400 миллионов живет в прибрежной зоне. Когда дело доходит до баланса власти, внутренние регионы являются физической угрозой для режима, а побережье дестабилизирует распределение богатства. На стороне внутренней зоны — массы. А на стороне побережья международная торговая система. Императоры имели меньшие проблемы.

Геополитика основана на географии и политике. Политика строится на двух направлениях: военном и экономическом. Они взаимодействуют и поддерживают друг друга, но в конечном счете, предельно различны. Для Китая обеспечение безопасности его буферных регионов обычно исключает военные проблемы. Те проблемы, которые имеются у Китая, носят долгосрочный характер вопросов, касающихся Северо-Восточной Манчжурии и баланса сил в Тихоокеанском регионе.

Геополитической проблемой Китая является экономика. Первый геополитический императив состоит в сохранении единства ханьского Китая, а третий — в защите берегов, и они более глубоко связаны с экономическими соображениями, а не военными. Внутренние и внешние политические проблемы вытекают из экономики. Тяже-

лейшее экономическое развитие последнего поколения было безжалостно географическим. Это развитие пошло на пользу побережью, оставив внутреннюю зону с подавляющим большинством китайцев позади. Кроме того, Китай остался уязвимым в отношении глобальных экономических сил, которые он не может контролировать и не может к себе приспособить. Это не является чем-то новым для китайской истории, но обычное разрешение этой проблемы связано с регионализмом и ослаблением централизованной власти. Ставку Дэна Сяопина отыгрывают его преемники. Он влез в эту игру. А играть должны они.

Насущный вопрос — чем является экономическая основа Китая — фундаментом или балансом? В первом случае процесс может длиться долго. В последнем случае все, в конце концов, обрушится. Похоже на то, что доказательств, что это именно фундамент, практически нет. Так как большинство китайцев, это люди, которые имеют менее чем $ 100 в месяц, исключены из игры, похоже, что это баланс, и он угрожает первому геополитическому императиву Китая: защите единства китайцев хань.

Леонид Савин

ОТ ПЕРИФЕРИИ К СУПЕРДЕРЖАВЕ

Осенью 2008 г., когда стали заметны признаки мирового финансового кризиса, весь мир заговорил о неспособности США справляться с ролью мирового лидера. В то же время никто в открытую не поднял брошенную перчатку. Лишь Китай планомерно проводил свою внешнюю политику, выстраивая отношения как с Западом (ЕС, США), так со своими соседями и Третьим миром (Африка, Латинская Америка). Мировые геополитические пертурбации привели к тому, что в 2009 г. на мировую арену стали подниматься новые игроки. Если Турцию и Бразилию стали характеризовать как новых региональных акторов, то с марта 2009 г. китайцы стали называть свою страну супердержавой[1].

Мнения западных экспертов в отношении усиливающейся роли Китая сходны по ряду позиций: 1) Китай начинает создавать неудобства с помощью своей экономики; 2) Для поддержания своего экономического тонуса КНР нуждается в дополнительных ресурсах; 3) Его тихая экспансия и рост военной мощи начинают настораживать; 4) Чтобы обеспечить свою безопасность КНР начинает наращивать военный потенциал, что ведет к эскалации напряжения в регионе.

Отечественные аналитики также высказывают беспокойство по поводу демографического дисбаланса на границе с Россией в районе Дальнего Востока. Те, кто критически высказывался о том, что Россия является сырьевым придатком Запада, выстраивая свою экономику на экспорте энергоресурсов, также заявляют о повторении ошибок в отношении нового направления потоков газа и нефти — на этот раз в Китай. США настороженно отнеслись к укреплению взаимоотноше-

[1] *Zhong, Wu.* Greater China.//Asia Times. Sep 23, 2009. [Электронный ресурс]. URL:http://www.atimes.com/atimes/China/KI23Ad03.html (дата обращения — 04.09.2010).

ний двух стран, так как имеют устойчивые интересы в Центральной Азии[1]. Подразумевается, что Россия и Китай будут выдавливать Вашингтон из своего общего «заднего двора» и Белый дом будет предпринимать попытки разностороннего давления и закрепления в регионе самыми различными способами.

Серьезную обеспокоенность США представляет и военная составляющая Китая в связи с международными отношениями и ситуацией в регионе.

Майк Маллен, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, выступая во время церемониального обеда Азиатского общества в Вашингтоне 9 июня 2010 г. констатировал, что «Китай — это лидер в регионе. Но остается открытым вопрос — будет ли Китай сотрудничать с США, править вместе миром и поддерживать региональную стабильность? Ответ Вашингтона — да. Пекин иногда отвечает утвердительно, а иногда отрицательно»[2]. Далее адмирал заметил, что «недавний отказ от военных контактов вызывает особое разочарование, поскольку он устраняет возможность слушать и учиться друг у друга. А их огромные инвестиции в последнее время в современные экспедиционные, морские и воздушные вооружения кажутся странно несоразмерными с их заявленной целью по территориальной обороне».

Действительно, рост военных расходов Китая в последние годы значительно увеличился. Это не просто процесс технической модернизации. Народная освободительная армия Китая имеет свою доктрину, стратегию и большой штат военных интеллектуалов.

У Китая есть свое видение войны в космосе, асимметричной атаки, информационного противоборства и т.д. В 1995 г. Центральная военная комиссия Народной освободительной армии Китая провозгласила новый курс на военную модернизацию, который стал известен как «Две трансформации»:

- От армии, которая готова участвовать в локальных войнах при обычных условиях к армии, которая готова воевать и побеждать в локальных войнах при современных и высокотехничных условиях;

[1] *Rosner, Kevin*. Sino-Russian Energy Relations in Perspective.//Journal of Energy Security. 29 September 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=260:sino-russian-energy-relations-in-perspective&catid=110:energysecuritycontent&Itemid=366 (дата обращения — 29.09.2010).

[2] Remarks as Delivered by Admiral Mike Mullen, chairman of the Joint Chiefs of Staff , Washington D.C. Wednesday, June 09, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jcs.mil/speech.aspx?ID=1405 (дата обращения — 10.09.2010).

- От армии, которая основана на количестве к армии, основанной на качестве[1].

К элементам асимметричной войны Китая американские военные эксперты относят баллистические и корабельные системы, подводные системы, включая субмарины и перспективные мины, противокосмические системы (Китай разрабатывает различные модели оружия кинетического и некинетического действия для применения против спутников и военных систем условного врага, размещенных в космосе), спецоперации. В современной китайской военной теории к асимметричной войне также относят термин «бесконтактной войны», которая направлена на достижение политических целей вне рамок военных средств. К ним относится кибервойна против гражданских и военных сетей, особенно против коммуникаций и систем логистики; атаки пятой колонны, включая саботаж и подрывную деятельность, атаки на финансовую инфраструктуру и информационные операции[2].

Многочисленные американские аналитические центры, занимающиеся вопросами безопасности и военной стратегии неоднократно пытались смоделировать возможные сценарии войны с Китаем. В 2008 г. корпорация RAND на основе сравнения боевых характеристик, процессов военной модернизации, а также мобильных и тактических возможностей пришли к нелестному для себя выводу — если через десять лет будет конфликт вокруг о. Тайвань, то «США будут неспособны на эффективные действия как вблизи от своих баз, так и в открытом море»3. Их коллега, полковник ВВС США Дэвид Шанк пошел дальше и обрисовал вариант нападения Китая на Россию.

При этом на стороне России будут выступать США. Шанк принял во внимание, что три армейских бригады вооруженных сил США будут дислоцироваться в районе Владивостока и вести патрулирование этого региона.

В ночь на 1 мая 2025 г. КНР начнет вторжение в Сибирь. В первую очередь китайский спецназ нанесет удар по Транссибирской железной дороге, отрезав тем самым Сибирь от остальной части России.

[1] *Mulvenon J., Finkelstein D. (ed.)* China's Revolution in Doctrinal Affairs: Emerging Trends in the Operational Art of the chinese People's Liberation Army. CNA Corporation. Alexandria, Virginia. 2005. p. 20.

[2] Military Power of the People's Republic of China. Annual Report to Congress. Dapartament of Defence. Washington. 2008.

[3] *Stillion J., Perdue S.* Air Combat Past, Present and Future. Annual Report 2008, RAND Corp. [Эл ектронный ресурс]. URL: http://www.rand.org/pubs/annual_reports/AR7130/ (дата обращения — 15.09.2010).

На Дальнем Востоке, особенно вблизи Владивостока, в море будут заблаговременно установлены минные заграждения, а сами мины будут активированы непосредственно в день вторжения. Китайские диверсанты проникнут вглубь территории, и после наступления часа «Х» начнут обстреливать цели легкими ракетами со специальными боеголовками, которые при детонации излучают электромагнитный импульс. Все электросети в зоне боевых действий, включая высокотехнологичные электронные приборы, используемые американскими военными для связи, в том числе со спутниками, будут выведены из строя. Кроме того, будут задействованы диверсанты во Владивостоке, маскировавшиеся до этого под рабочих, голограммные проекции и другие информационные ноу-хау. Атака США со стороны моря приведет к тому, что авианосцы попадут в заблаговременно расставленные ловушки[1].

Очередной сценарий конфликта, предложенный американскими аналитиками, переносит нас в 2016 г. Китай начинает блокаду Тайваня, объявив своей исключительной зоной морскую и воздушную территорию в тысячу километров от берега. Границу контролируют военно-морские силы, беспилотные летательные аппараты, имеющие большой радиус полета, а также низкоорбитальные спутники. Все это составляет единую сеть наблюдения и раннего обнаружения. Ядерные силы Китая приведены в боевую готовность. Между тем, перед тем как заявить об этом, Китай устанавливает подводные мины вокруг о. Тайвань, на остров нацелены корабельные орудия, вокруг него кружат подводные лодки и самолеты[2]. Сценарий разворачивается таким образом, что территориальные претензии выдвигаются к Южной Корее и Японии, а военные базы США, размещенные в этих странах, подвергаются блокаде. Вашингтон пытается применить силу, но тщетно. В качестве ограниченной помощи свои базы предоставляют Новая Зеландия и Австралия, но военный контингент эти страны обеспечить не могут. Китайское руководство ставит условие, что кризис может быть решен только одним путем — присоединением Тайваня к Китаю.

[1] *Shunk D.* Capabilities Needed for the Army Future Force, 2030 & Beyond — A Tale of Two Wars. 27 July 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.d-n-i.net/dni/wp-content/uploads/2009/07/shunk-2030_and_beyond.pdf (дата обращения — 03.08.2009).

[2] [Электронный ресурс]. URL: http://www.csbaonline.org/2006-1/1.StrategicStudies/Scenarios.shtml (дата обращения — 20.09.2010).

Объединение Тайваня с Китаем является одной из стратегических задач Пекина, и он в первую очередь будет осуществлять силовой сценарий по этому направлению, если не будет каких-либо иных угроз извне. Такой угрозой для КНР являются США — 1) из-за обязательств в сфере безопасности по отношению к ряду стран в регионе; 2) из-за наличия дееспособных и мобильных вооруженных сил; 3) из-за конкуренции в сфере снабжения энергоресурсами. Поэтому прогнозы американских аналитиков вполне обоснованны.

Пока Китай еще не стал Sea Power, но даже если он и не собирается становиться таковой в глобальном масштабе, то готовится, по крайней мере, в тихоокеанском регионе воспрепятствовать американскому доминированию на море. Американские военные эксперты в августе 2010 г. указали, что Китай разрабатывает новую версию ракеты Dongfeng 21, радиус действия которой 20 тысяч километров, что гораздо дальше, чем территориальные воды Китая. Это говорит о том, что если США будут использовать свои ударные группы авианосцев для сдерживания Китая, как это было в 1995 г., когда Пентагон оперативно отреагировал на китайское давление на Тайвань во время выборов на острове и прислал туда часть своего военного флота, то Китай применит контрстратегию. Такие противокорабельные ракеты уже окрестили «убийцами авианосцев». Те, кто более подозрителен к Поднебесной, все же отмечают, что в последнее время Китай все чаще позиционирует себя не только как Land Power, но и как Sea Power (об исторических обоснованиях этого мы коснемся чуть далее). Скотт Боргерсон еще в 2008 г. на страницах журнала Foreign Affairs мимоходом заметил, что даже у Китая есть ледоход, несмотря на то, что эта страна не имеет выхода к арктическим морям[1].

Обсуждение поведения Китая в Азиатском регионе вспыхнуло с новой силой, когда 7 сентября 2010 г. патрульный катер сил безопасности Японии задержал китайское рыболовецкое судно вблизи островов Сенкаку (китайское название Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море[2]. Эти острова являются спорной территорией между странами, и Пекин постоянно подчеркивает, что обладает над ними безусловным суверенитетом.

[1] *Borgerson S.* Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Global Warming. Foreign Affairs, March/April 2008.

[2] Китай оказывает дипломатическое давление на Японию.// Геополитика. 20.09.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://geopolitica.ru/News/4620/ (дата обращения — 20.09.2010).

Китай предпринял активные дипломатические действия, в результате которых 14 членов экипажа и судно были возвращены Китаю, но капитан траулера продолжал находиться под стражей.

Замминистра иностранных дел КНР Ван Гуанъя заявил тогда, что Китай примет жесткие ответные меры в том случае, если японская сторона не освободит капитана задержанного китайского рыболовецкого судна.

Это недоразумение привело к тому, что Китай временно приостановил таможенные процедуры, связанные с экспортом редкоземельных минералов в Японию (они были возобновлены 29 сентября 2010 г.), а Министерство обороны Японии начало рассматривать возможность размещения своих войск на юго-западных островах.

Аналитический центр World Politics Review 29 сентября 2010 г. прокомментировал ситуацию, связанную с арестом капитана китайского судна японскими властями. «Одно несомненно: нынешнее поведение Китая придает актуальности поиску стратегии хеджирования. Для такой стратегии потребуется время, будь то поиск альтернативных источников редких минералов или альтернативные способы сдерживания Китая в отношении территориальных претензий. И в то же время, экономическое влияние Китая, который является реальным троянским конем, неизбежно будет расти»[1].

Джон МакКрири из американского агентства KGS, по отношению к этому же инциденту говорит, что тактический сдвиг Пекина произошел слишком рано. «Китай перенапрягся в отношениях с Японией, Юго-Восточной и Южной Азией. Пока китайцы распространяют свое влияние с помощью экономической помощи и развития, они умеют дружить и приобретают влияние. При переходе на более агрессивную и хрупкую позицию по вопросам морского суверенитета, они подтверждают все худшие подозрения в отношении китайского этноцентризма и высокомерия»[2].

Экспертное и политическое сообщество из Новой Зеландии и Австралии и ранее заявляли о морских амбициях Китая.

[1] *Grunstein, Judah.* China, Japan and the Irate Rise.// World Politics Review. 29 Sep 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/6556/china-japan-and-the-irate-rise (дата обращения — 29.09.2010).

[2] The Senkakus Confrontation. For the Night of 28 September 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kforcegov.com/NightWatch/NightWatch_10000254.aspx (дата обращения — 29.09.2010).

Керри Болтон из Новой Зеландии посвятил ряд публикаций китайской угрозе, как по отношению к соседям (в первую очередь — это Индия, с которой ведутся территориальные споры), так и по отношению к остальным странам тихоокеанского региона.

Профессор стратегических исследований из Австралии Хью Уайт, который являлся одним из соавторов Белой книги по обороне в 2000 г. в недавнем эссе Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijin[1] указал, что «сейчас впервые со времен Вьетнамской войны рассматривается возможность конфликта с Китаем». Ранее правительство Австралии заверяло общественность, что ситуация не изменится и не нужно будет делать выбор между США и Китаем. Но теперь пришло время перемен стратегического порядка в Азии, хотя США и будут пытаться влиять на региональную безопасность. Исходя из проамериканской позиции Уайт предлагает следующий сценарий развития:

- Китай, вероятно, продолжит усиливаться, и если это произойдет, неоспоримое первенство США будет поставлено под вопрос;
- Стратегическая конкуренция с Китаем была бы опасна, дорогостояща и, вполне возможно, неудачна;
- Вывод американских войск приведет к дестабилизации региона;
- Наилучшим результатом для всех было бы, если США управляли передачей контроля над Азией коллективному руководству великих держав, основанному на принципах Устава Организации Объединенных Наций;
- Чем раньше США это начнут делать, тем лучше, потому что время не на их стороне;
- Ничего не будет потеряно, если Китай откажется присоединиться к этому проекту, а характер его будущих намерений станет более ясным[2].

Однако, почему ранее армия научных сотрудников, экспертов и аналитиков из западных университетов и всевозможных центров не смогли предугадать характер китайских намерений? Разве китайские военные, экономисты, теоретики и ученые прятались за Великой стеной?

[1] *White, Hugh*. Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijin.// Quarterly Essay #3, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.quarterlyessay.com/issue/power-shift (дата обращения — 29.09.2011).

[2] *White, High*. Our role in Asia's superpower shuffle.// The Australian. Sept. 04, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/commentary/our-role-in-asias-superpower-shuffle/story-e6frgd0x-1225913618158 (дата обращения — 29.09.2011).

Чтобы поставить точку в региональных отношениях, необходимо отметить, что косвенно Китай подразумевается и в так называемой политике США по отношению к Корейскому полуострову. В фундаментальном исследовании Совета по международным отношениям, которое вышло в июне 2010 г. указано, что Китай и Северная Корея имеют совместную историю и идеологические корни, и хотя двусторонние связи за последние 20 лет были несколько заморожены, так как страны избрали разные пути развития, Китай выступает посредником между Пхеньяном и Вашингтоном, при этом «китайские дипломаты очень горды за свою роль, а китайские усилия по посредничеству больше сфокусированы не на достижении определенного решения, а на умиротворении обеих сторон»[1].

Нужно отдать должное китайской дипломатии — за последнее десятилетие ей удалось сделать то, что казалось невозможным для других стран, благодаря чему они и смогли добиться таких успехов в международных делах.

Ричард Карни и Ричард Битцингер (Наньянгский Технологический Университет, Сингапур) в 2007 г., наблюдая за геополитическим ростом Китая, предположили, что беспокойство США в отношении собственной гегемонии, которой будет угрожать Китай, приведет к тому, что в течение следующих лет именно эти две страны будут являться доминирующими силами, управляющими структурой геополитики[2]. Учитывая значение других акторов, авторы предложили космологическую метафору в отношении будущей модели международных отношений. В новой геополитической структуре ЕС и Китай являются двойной солнечной системой, в которой обе звезды вращаются вокруг друг друга, но в итоге создавая эффект одного солнца. США же является звездой соседней солнечной системы с Японией и Индией, вращающимися в ее орбите. Однако, звезда Китая оказалась гораздо ярче и интенсивней. В ее орбиту попала даже Африка и Латинская Америка, при этом в отличие от США Китай там рассматривается как надежный и долгосрочный партнер, благодаря финансовым вливаниям в ряд масштабных проектов, связанных не только с добычей энергоресурсов и полезных ископаемых.

[1] U.S. Policy Toward the Korean Peninsula. Independent Task Force Report No. 64. CFR. 2010. p. 21

[2] *Carney R., Bitzinger R.* From hegemony to loose bipolarity: the evolving geopolitics of the US, EU and China. Nanyang Technological Univwrsity, 2008.

Например, в Африку Китай принес с собой культурную экспансию с серьезными историческими обоснованиями. На кенийском побережье недавно начали работу китайские архитекторы. Вместе с африканскими коллегами они пытаются обнаружить следы кораблекрушения XV века, которые связаны с флотилией адмирала Цзень Хе из династии Минь, который, как утверждают китайцы, достиг восточного берега Африки на 80 лет раньше Васко де Гаммы[1]. Для других регионов КНР находит другие исторические легенды и факты исторической взаимосвязи между народами.

Пока Китай лидирует по импорту минеральных ресурсов из Африки, жители черного континента также являются определенным фактором в усиливающейся роли Китая. Например, в 2009 г. китайское правительство оказало содействие приему на учебу в Китай около 120 тысячам студентов из Африки, что в десять раз больше, чем в 2000 г. По сути дела, Китай воспитывает будущую африканскую элиту, которая будет впитывать в себя не только научные и технические навыки, но и стратегическую культуру Китая.

Для Латинской Америки у Китая нашелся тоже особый подход. В последние годы инвестиции КНР в этот регион диверсифицированы, от природных ресурсов до производства и услуг. Интересы Пекина в регионе колеблются от нефти в Венесуэле до древесины Гайаны и сои в Бразилии. Ситуация во многом схожа с российской — из стран Латинской Америки Китай экспортирует различное сырье — медь, нефть, железную руду, а туда поставляет товары от мобильных телефонов до автомобилей. Однако двусторонние отношения проходят не везде гладко. Аргентина и Бразилия после ряда протестов местных производителей были вынуждены принять антидемпинговые меры по отношению к китайской продукции, а в Перу китайская государственная компания на протяжении двух десятилетий встречает жесткое сопротивление со стороны шахтеров, что приводит к столкновениям с полицией и поджогам. Основным партнером по экспорту Китая в регионе является Бразилия, которая вместе с Пекином приняла план совместных действий на период 2010-2014 гг. в области культуры, энергетики, финансов, науки и техники.

Чили идет на втором месте: торговля между двумя странами достигла рекордных 17700 млн. $ в 2009 г. Венесуэла, поставляющая

[1] *Becker A.* Africa: China Summons Past to Advance Into Continent.// All Africa. 27.09.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://allafrica.com/stories/201009271764.html (дата обращения — 29.09.2011).

нефть, является пятым партнером Пекина в регионе, и объем торговли в 2009 г. составил 7150 млн. $.

Если все будет проходить как ранее, ожидается, что экспорт из стран Латинской Америки в Китай к 2020 г. достигнет 19,3 % по сравнению с 7,6 % в 2009 г[1].

По отношению к своим гражданам за рубежом и этническим китайцам КНР также имеет долгосрочную и продуманную стратегию, называемую стратегией «миграционного империализма». За рубежом проживает около 60 млн. китайцев (хуацяо), они экономически активны и этнически устойчивы. Как указывает эксперт РИСИ Дмитрий Попов, «китайская ползучая экспансия осуществляется под постоянным, хотя и не всегда явным, контролем государства. При этом миграционная политика КНР ориентирована не столько на получение денежных переводов от своих граждан, сколько на реализацию более масштабных стратегических планов, рассчитанных на историческую перспективу»[2].

Китай также заботится об имидже государства. Так, издание Newsweek в августе 2010 г., составляя рейтинг государственных деятелей различных стран, китайского премьера Госсовета Вэнь Цзябао назвало самым заботливым главой. «Издание отметило, что Вэнь Цзябао в глазах китайцев, как «дедушка», который постоянно сопереживает и заботится о своем народе»3.

Безусловно, у КНР существует ряд проблем. Страна испытывает серьезный недостаток в собственных новых технологиях. Хотя традиционно китайцы научились искусно обходить международные законы об авторском праве, собственные разработки оставляют желать лучшего. В перспективе, благодаря жесткому контролю над рождаемостью в КНР произойдет демографический спад. Последствия от этого пока не предсказуемы. Китай пока безуспешно пытается расширить ШОС и на этой платформе реализовать ряд стратегических проектов, так как остальные партнеры относятся к инициативам Пекина настороженно. По ряду показателей (выбросы CO2 в

[1] См. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cronicon.net/paginas/edicanter/ediciones47/nota14.htm (дата обращения — 29.09.2011).

[2] *Попов Д. С.* Миграционная политика как компонент государственной стратегии России.// Проблемы национальной стратегии №3, 2010. С. 33.

[3] СМИ США выбрало 10 самых уважаемых государственных лидеров: Вэнь Цзябао считается самым заботливым руководителем.// Жэньминь жибао он-лайн. 27.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/31516/7120064.html (дата обращения — 29.09.2011).

атмосферу, вопросы прав и свобод) Китай продолжает критиковаться западным сообществом. Ряд потенциальных проблем связаны и с экономической системой Китая[1]. Но, учитывая стремительные изменения, российскому руководству следует более серьезно и продуманно взглянуть на опыт Китая и оценить возможности и перспективы для России. В определенном направлении можно будет применять опыт КНР и для нашей страны, а по ряду вопросов проявлять такую же гибкость и/или твердость, какую проявляют китайцы.

[1] См. остальные публикации издания «Геополитика» №1, 2010.

Латинская Америка

Леонид Савин

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ

Латинская Америка для европейского сознания является далекой периферией, где происходят странные, и подчас непонятные процессы. Подобный европоцентризм негативно отражается на геополитическом мышлении, так как на мировой шахматной доске нужно учитывать все фигуры, несмотря на их отдаленность от условного центра. Даже Африка для геополитиков XX века была более понятной и близкой, вероятно из-за включения ее северной части Хэлфордом Макиндером вместе с Евразией в структуру Мирового острова. А после Второй мировой войны германские ревизионисты провозгласили о необходимости экспансии на Юг, так как путь на Восток был закрыт и породили новый термин Еврафрика.

При учете процессов глобализации и необходимости оперативного взаимодействия со всеми игроками международной политики, важность стран Латинской Америки многократно возрастает.

Необходимо отметить, что в Западном полушарии уже с XIX столетия шли бурные геополитические процессы, связанные с антиколониальным движением, а затем с реструктуризацией обеих Америк. В то время пока многие именитые уроженцы Южной Америки мечтали о создании государств нового типа[1], ее северные соседи, уже получившие независимость планировали в дальнейшем, когда появится возможность, отнять у Испании ее колонии[2]. Это во многом объясняет появление в США доктрины Монро, вмешательство во внутренние дела Южноамериканских государств и прикрепление Вашингтоном к этой части света ярлыка «заднего двора США».

[1] Например, проект Великой Колумбии Франциско де Миранда.

[2] *Rydjord J.* Foreign Interest in the Independence of New Spain. Durham, 1935. Pp.99, 104.

Исторически, расширение безопасной зоны для торговых судов США было напрямую связано с укреплением военно-морского флота и баз для него, расходящихся концентрическими кругами. Следовательно, в область внимания при президенте Уильяме Мак-Кинли (1897 — 1901 гг.) попали Куба, Пуэрто-Рико и Виргинские острова. Борьба за независимость от Испании (1898 г.) была поддержана из далеко идущих стратегических целей — установить господство США над бассейнами Тихого и Атлантического океанов (из-за чего военные действия велись и на Филиппинах, что гарантировало выход в Юго-Восточную Азию). Позже была воплощена мечта Альфреда Мэхэна — началось строительство Панамского канала, который по выражению Макиндера, помогал мобилизовать флот США[1].

Для этого США в 1903 г. поддержали сецессионистское движение и после отделения перешейка, связывающего Южную и Северную Аме-

[1] *Mackinder, Sir Halford John*. Democratic Ideals and Reality. Westport Connecticut: Greenwood Press, Publisher, 1981, Pp. 59-60.

рики от Колумбии в качестве компенсации получили зону для строительства канала. Рузвельт, на годы правления которого пришлась эта грандиозная геополитическая авантюра, отмечал, что из стратегических и тактических, а также гражданских и военных соображений, необходимо было наладить быструю и легкую связь между Тихим и Атлантическим океанами[1].

Значение Центральной Америки и Карибского бассейна для США также объясняет Джордж Фридман, в одной из своих публикаций[2]. Он отмечает, что река Миссисипи с ее притоками Миссури и Огайо, представляет собой грандиозный водный бассейн, способствующий американской экономике. Из-за того, что она впадает в Мексиканский залив, на побережье которого находятся стратегические порты, а на выходе из залива находится остров Куба, необходимо, чтобы он, а также соседние страны, не могли представлять какую-либо угрозу для американского судоходства (размещение российских стратегических бомбардировщиков в Венесуэле и поддержка их ракетными комплексами на Кубе могли бы создать угрозу такой блокады). Позиция Фридмана заведомо алармистская, но она частично объясняет постоянные попытки США установить контроль над этим регионом[3].

Оставив в стороне историческую ретроспективу (хотя последствия ряда событий до сих пор имеют влияние на политику, в частности, это касается территориальных претензий, Венесуэлы к Гайане, Боливии к Чили и Перу, Аргентины к Великобритании, Колумбии к Никарагуа и т.п.), рассмотрим текущее положение международных дел на ландшафте этого континента.

Следует обратить внимание, что с 90-х гг. прошлого века, частично благодаря появлению новых коммуникационных технологий, в Латинской Америке был отмечен всплеск социальных движений, в основном левого направления. Помимо радикальных группировок от перуанской Sendero Luminoso до колумбийских Революционных Во-

[1] *Roosevelt, Theodore*. An Autobiography. Nueva York: A da Capo Paperback, 1985, p. 538.

[2] *Friedman, George*. Beneath the U.S. Obsession With Cuba.// Stratfor, April 13, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stratfor.com/weekly/20090413_beneath_u_s_obsession_cuba (дата обращения — 12.02.2010).

[3] Важно отметить, что учитывая конкурентную борьбу мировых политических сил, закрытие российской радиолокационной базы на Кубе являлось стратегической ошибкой. Даже при «потеплении» отношений с США, наличие такой станции давало бы России дополнительные преимущества.

оруженных Сил Колумбии (FARC) и Армии национального освобождения (ELN), которые действуют в подполье, значительных успехов при поддержке местного населения в Мексике добилась Сапатистская Армия Национального Освобождения (Ejercito Zapatista de Liberacion Nacional, EZLN), а ее лидер субкоманданте Маркос стал одним из символов антиглобализма. Практически легализовались сальвадорские герильеры из Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти (Frente Farabundo Marti para la Liberacion Nacional, FMLN), действуя как одна из ведущих политических партий. В Никарагуа Сандинистский Фронт Национального Освобождения (Frente Sandinista de Liberacion Nacional, FSLN) имеет наибольшее количество мест в парламенте.

Для левых режимов последних десятилетий характерна национализация ресурсов и различных компаний, ранее получавших сверхприбыли за счет свой работе на территории этих стран. Это вызывает критику со стороны либерально-ориентированных режимов и транснациональных корпораций, так как подобная политика, которую наиболее последовательно проводит Уго Чавес, ущемляет их экономические интересы.

Помимо ряда центральноамериканских стран, где наряду с активной работой левых партий, существуют либерало-центристсткие и правые тенденции, которые позволяют США активно проводить в регионе свою политику, в Южной Америке ряд государств также следует правому или неолиберальному курсу. В частности, в Парагвае в парламенте преобладают представители правых сил[1], Перу следует всем предписаниям Всемирного банка и Международного валютного фонда и внешняя политика этой страны проходит в рамках политического реализма[2]. Чили, с учетом ее высоких военных расходов, скорее следует политике гиперреализма. Также в этой стране сохраняется влияние правых сил. Например, в Чили крупнейшим магнатом,

[1] «Сердце Америки», как еще называют эту страну известна также тем, что с 1617 г. получило автономию в рамках вице-королевста Перу, а местноу управление там осуществлял орден иезуитов. Страна проводила изоляционистскую политику, но в результате войны с Бразилией и Аргентиной, при финансовом содействии Великобритании (1866-1870 гг.), ее территория уменьшилась почти вдвое, а население этой страны сократилось на 70% (мужское население было истреблено на 90%), что вполне вписывается в рамки планомерного геноцида. Эта война до сих пор не имеет однозначной оценки.

[2] Из личной беседы с сотрудником Университета Pacifico (Лима, Перу) Роберто Эймовитс.

совладельцем Banco de Chile и хозяином ведущего медиахолдига El Mercurio является Агустин Эдвардс Истман, который был причастен к свержению президента Сальводоре Альенде и сотрудничал с ЦРУ[1]. Местная олигархическая элита тесно взаимодействует со своими партнерами из США[2].

Еще одним ключевым элементом южноамериканской геополитики является производство кокаина. Если в Азии золотым треугольником по производству опиума является стык границ Таиланда, Мьянмы и Лаоса, то в Латинской Америке такой геометрической фигурой (Андский или серебряный треугольник), несмотря на то, что в прямом смысле она таковой не является, называют Боливию, Колумбию и Перу, поставляющих на мировой рынок кокаина 95% этой продукции.

Как характерно для геополитики, корпоративные интересы, ресурсы, вопросы безопасности и контроля над криминалом взаимно переплетаются.

Например, согласно наиболее распространенной версии, тиражируемой мировыми СМИ, которые подконтрольны политико-олигархическим кланам, основная поддержка Колумбии со стороны США основана на борьбе с наркотрафиком и криминальными группировками.

На самом деле, милитаризация Колумбии связана еще и с поддержанием и попытками увеличения экспорта нефти. В Колумбии насчитывается пять нефтепроводов. Магистраль, по которой перекачивается более чем 100.000 баррелей в сутки с месторождения Кано Лимон в Арауке в порт Ковеньяс в Карибском море, подвергается регулярным нападениям и диверсиям со стороны FARC и ELN (более ста в год). С 1986 г. произошло более 900 атак, что привело к потере более 2,5 млн. баррелей нефти, а в период между 1998 и 2008 гг., потери иностранных компаний и правительства Колумбии составило один млрд. долл. в результате нападения партизан FARC и ELN. Для реализации второй задачи необходимы геолого-разведывательные работы в той части страны, которая контролируется FARC и ELN.

[1] *Crawford, Linda.* Agustin's Newspaper. July 5, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.currentintelligence.net/reviews/tag/agustin-edwards-eastman (дата обращения — 09.10.2010).

[2] Именно благодаря информационным ресурсам Истмана стало известно, что финансовая элита США, в частности семейства Рокфеллера, Форда и Тернера скупают в Чили и Аргентине огромные участки плодородной земли.

Поэтому около 15% колумбийских войск, а также военные советники из США мобилизованы для защиты энергетической инфраструктуры и иностранных нефтяных компаний, среди которых Occidental Petroleum Corp (OXY), Royal Dutch/ShellShell и BP-Amoco.

План Колумбия, который был запущен в 2000 г. при Клинтоне, предусматривавший инвестиции в размере около 6 млрд. долл, из которых США покрывали расходы в размере 1,3 млрд. на приобретение вертолетов и других видов оружия, был связан именно с петрополитикой, а не попытками уменьшить производство кокаина в этой стране.

Помимо нефтяных интересов, размещение военных баз США связано и с попыткой установления экстерриториального контроля. Военная политика США располагает четырьмя моделями такого военного позиционирования на континенте.

Первая — модель Гуантанамо. Это большие, полностью оснащённые базы с оборудованием и регулярным гарнизоном военнослужащих, находящихся на ней в течение длительного срока пребывания.

Вторая модель — Сото-Кано (Пальмерола) в Гондурасе — базы средней значимости с оборудованием, рассчитанным на длительные миссии, но с персоналом, обновляемым раз в 6 месяцев.

Третья — это маленькие базы, так называемые FOL (Foreign Operating Locations — места постоянной дисклокации). Это базы быстрого реагирования и регионального регулирования, управляющие сетью микробаз, оснащенные специальным оборудованием для мониторинга и небольшим количеством персонала.

Четвертая — микробазы, позволяющие авиации совершать посадку и подниматься в воздух на манер лягушачьих прыжков, чтобы снабдиться провиантом и иметь больший радиус действия — хорошо продуманная серия таких баз позволяет охватывать очень широкие площади — вроде узла для операций быстрого реагирования, но с гораздо меньшей стоимостью, чем базы FOL. Примером может служить база Икитос в Перу[1].

Однако в последние годы даже в правительствах, традиционно поддерживавших планы США, заметны тенденции к пересмотру своей политики. В частности, в августе 2010 г. Конституционный суд Колумбии признал незаконным военное соглашение от 20 октября 2009 г. о передаче семи новых военных баз Пентагону (хотя в стране продолжают оставаться действующие до этого базы и радарные станции).

[1] *Decio Machado.* Los planes militares de Estados Unidos en Latinoamerica. [Электронный ресурс]. URL: http://rebelion.org/noticia.php?id=93840 (дата обращения — 15.10.2010).

Сдвиги происходят не только в области безопасности. Экономическое сотрудничество с Китаем и Россией, реформы и социально-политические изменения, проходящие и планируемые для проведения в ряде стран (в частности, на Кубе сейчас идет широкое обсуждения проекта новой экономической политики), демографические изменения демонстрируют явные признаки глубоких изменений на континенте, которые связаны с глобальной мировой системой.

И сейчас актуальным будет вопрос, как именно государства Южной Америки будут осуществлять переход от государствоцентричности к мультицентричности[1] и будет ли при этом подорвана глобальная (а по отношению к странам Латинской Америки — региональная) власть Вашингтона.

Как отмечает аргентинский геополитик, профессор Карлос Альберто Перейре Меле, «в любом случае, новая однополярная система имела короткую жизнь и завершилась в начале XXI в, когда Россия вновь бросила стратегический вызов в мировых делах, в то время как два азиатских гиганта — Китай и Индия, превращаются в экономическую и стратегическую силу .В глобальном плане растет значение некоторых латиноамериканских стран, таких как Бразилия, Аргентина и Венесуэла. Важные отношения между этими странами с Китаем, Россией и Ираном, похоже, приобретают стратегическое значение и предвещают появление новой многополярной системы, основы которой строятся в Евразии и Южной Америке»[2].

И если Мартин Хайдеггер называл Россию землей будущего, говоря, что «история земли будущего содержится в еще не освобожденной для себя самой сущности Русскости», то в отношении Латинской Америки есть прозорливое высказывание другого не менее выдающегося немецкого философа Гегеля, который в лекциях по философии истории сказал, что «Америка есть страна будущего, в которой впоследствии, может быть в борьбе между Северной и Южной Америкой, обнаружится всемирно-историческое значение»[3]. Альянс России и других центров Евразии с Латинской Америкой в противостоянии с США и будет являться выходом на новые исторические рубежи мировой геополитической системы.

---

[1] *Rosenau J,* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton University Press, Princeton (N. J.), 1990.

[2] *Pereyra Mele*, Carlos Alberto. De la Unipolaridad a la Multipolaridad. 12 de agosto de 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://licpereyramele.blogspot.com/2010/08/de-la-unipolaridad-la-multipolaridad.html (дата обращения — 23.09.2010).

[3] *Hegel, G.W.F.* Vorlesung uber die Philosophie der Weltgeschichte. In: Die Vernunft in der Geschichte. Hamburg: F. Meiner Verlag, 1994. Band 1, p. 209.

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Боливии в РФ Марией Луисой Рамос Урсагасте

ОТ РЕСПУБЛИКИ К МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

— Расскажите немного об истории Боливии. Какие причины привели к основанию Многонационального Государства?

— Боливия была основана в 1825 г. после освобождения от испанской колонизации. Лидеры этого процесса были метисами, детьми испанцев, которые не признавали права коренных народов, узурпированные после европейского нашествия в 1492 г. История Боливии — это вековая борьба за освобождение, самопожертвование и героизм народа и рабочего населения, в большинстве своем индейцев.

Как описал вице-президент Альваро Гарсия Линера, «во времена существования колонии, а затем и Республики боливийский народ был вынужден существовать не только в полном забытьи и дискриминации, но и в условиях эксплуатации и насилия. На каждую попытку со стороны большинства индейского и рабочего населения поиска мирного сосуществования на равных условиях ответом доминирующей элиты, колонизаторов и республиканцев было насилие, репрессии, запугивание и массовое истребление». Только в 1952 г. коренное население получило право голоса, но его продолжали ограничивать в самовыражении в культурной, экономической и политической сферах.

В 1985 г. правящие круги предпочли неолиберальную модель с ее основной чертой — сведение роли государства к минимуму. Они были убеждены, что экономические и социальные проблемы могут быть решены по «законам рынка». В течение двух десятилетий были приватизированы основные предприятия и высокорентабельные секторы, энергетика, телекоммуникации и другие.

Пытались приватизировать и водные ресурсы, были заняты поддержкой только определенных секторов, а именно — крупных частных предприятий, ориентированных на экспорт, не уделялось должного внимания внутреннему рынку. Экономическая политика диктовалась Всемирным Банком и Международным валютным фондом. В конце каждого года правительство в очередной раз прибегало к помощи этих структур, чтобы выплатить зарплату государственной бюрократии.

Результатами этой политики стало получение экономической прибыли иностранными компаниями и лицами, ослабление государственного суверенитета, углубление неравенства и социальная фрагментация.

С начала 2000 г., после так называемой «Войны за воду», эпицентром которой стал город Кочабамба, происходит слом гегемонии политической системы и провозглашается истощение неолиберальной модели развития и режима «договорной демократии», т. е. такой «демократии», при которой элиты договариваются править по очереди с разделением власти и сфер управления.

Экономическое положение страны было катастрофическим, чистые международные резервы (ЧМР) едва составляли миллиард долларов, уровень коррупции был высочайшим, правительство выделяло на зарезервированные, скрытые средства миллионы и миллионы долларов в год, не отчитывалось ни перед кем и использовало эти деньги для личного обогащения.

Что касается политической ситуации, традиционные партии, в том числе левые, были ослаблены, поскольку население больше им не доверяло.

В 2003 г. после месяцев политической нестабильности, вызванной сопротивлением населения усилению зависимости от США и продолжением разбазаривания наших природных ресурсов, народ выгнал президента Гонсало Санчеса де Лосада, сбежавшего в США. В декабре 2005 г. народ Боливии путем демократического голосования принял решение начать процесс Демократической и культурной революции, во главе которой встал Эво Моралес Айма.

— Расскажите о демократической культурной революции

В январе 2006 г. Эво Моралес Айма принял управление страной, пообещав уделить внимание политическим, экономическим, социальным и культурным проблемам общественных движений с целью перестроить Боливию.

— Стоит отметить, что с 2006 г. лидерство индейцев и крестьян стало осуществляться не только в интересах индейцев, крестьян и рабочих, а в интересах всего боливийского народа: крестьян, рабочих, студентов, торговцев, профессионалов различных областей, предпринимателей. Наше правительство приняло конкретные меры: вернуть природные ресурсы и компании, приватизированные неолибералами и находящиеся в руках иностранцев.

Национализация углеводородов стала важным шагом в этом процессе и в настоящий момент представляет сектор, дающий наибольшие поступления в казну страны.

Другим важным решением боливийского общества в 2006 г. стал созыв Конституционной Ассамблеи для перестройки страны. Как и ожидалось, этот процесс был достаточно напряженным и стоил больших усилий, касался нерешенных глубинных, болезненных вопросов повестки дня.

— Каковы отличительные черты нового Многонационального Государства? В чем состоят особенности новой Конституции Боливии?

— В новой политической Конституции от января 2009 г. принятая модель государства — это «унитарное социальное правовое многонациональное коммунитарное децентрализованное государство с автономиями» (Ст.1). Эта модель отражает идеологию, которая легла в основу его устройства.

Государство является единственным центром политической власти, социальным и правовым, другими словами, принимает демократическую форму, разделение властей, всеобщее голосование и т. д., отдавая приоритет коллективным ценностям на индивидуальными; многонациональным и коммунитарным, утверждает свою многокультурную природу, т. е. признает различные народы, среди которых боливийцы — главный народ, в котором сходятся коренные народности, объединенные культурной идентичностью.

Заявление о многонациональном характере Государства подразумевает признание народов и коренных народностей как коллективного субъекта, следовательно, предполагает признание и коллективных прав. Этот аспект очень важен, т.к. ранее культурный фактор сводился только к фольклору.

Также государство провозглашается «децентрализованным с автономиями», на всей территории которого осуществляется государственная власть, в перспективе адекватно распределенная между государственными структурами.

Новое Государство признает и провозглашает в качестве этических и моральных принципов: «ama qhilla, ama llulla, ama suwa», что значит «не будь слабым, не лги и не укради».

В отношении системы управления новое боливийское Государство принимает в качестве формы правления партисипативную, репрезентативную и коммунитарную демократию с равенством условий для мужчин и женщин.

Что касается прав, то Конституция собрала в «Декларации прав» 3 поколения прав человека: индивидуальные, коллективные и право на благоприятную окружающую среду, имеющих одинаковую силу, и представила иерархию коллективных прав, поставив их в один ряд с индивидуальными и установив гарантии их реализации, выраженные в политике государства.

Основными правами являются право на жизнь, физическую, психологическую и сексуальную неприкосновенность, право на воду и питание, образование, здоровье и жилье, основные услуги.

Среди гражданских прав выделяют право на культурную самоидентификацию, неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство, свободу мысли, духовность, религию и культ, свободу собраний и ассоциаций, право заявить частное или коллективное ходатайство, неприкосновенность жилища и тайну личной переписки, доступ к информации и средствам связи, право выражать и свободно отстаивать свои мысли и мнение, свобода выбора места жительства, пребывания и передвижения по территории.

Политические права включают участие в формировании, осуществлении и контроле за политической властью напрямую или через своих представителей.

Права коренных индейских народов и крестьян объединяют право на культурную идентичность, свободное существование, территориальность, свободу определения, защиту своих традиций; институты признаются частью государственной структуры, право на место проживания (территории), межкультурное и двуязычное образование, здоровье, совещание, участие, создание собственных политических, экономических и судебных систем.

Права на благоприятную окружающую среду подразумевают сохранение окружающей среды здоровой, защищенной и поддержание ее равновесия.

Экономические, социальные и культурные права включают право на образование, здоровье, право на общественную безопасность, труд, частную собственность (личную или коллективную с гарантией наследования), детство, отрочество и молодость, семью, старость, право распоряжаться своей свободой, право потребителя и производителя.

Важно упомянуть в качестве еще одной отличительной особенности этой Конституции то, что природные ресурсы являются собственностью народа Боливии. Народ Боливии также обладает правом собственности на землю и использования дохода от природных ресурсов, имеющих стратегический характер, входящих в сферу государственных интересов и использующихся для развития страны.

Главные функции государства: регулировать, обеспечивать стратегическое производство, развивать и поддерживать национальную промышленность. Признаются четыре формы собственности: частная, государственная, общинная и кооперативная.

Основные коммунальные услуги являются правом человека, и государство должно гарантировать, обеспечивать и защищать их. Приоритетом является национальный рынок, поощряется внутреннее потребление. Здравоохранение находится в руках государства, поскольку именно Государство должно гарантировать здоровье.

— Как складывалась экономическая ситуация в Боливии в последние 5 лет?

— На протяжении 2010 г. заметна положительная макроэкономическая динамика, в частности в последние 5 лет.

За пятьдесят лет дефицита нефинансового государственного сектора Боливии в 2006 г. имел место профицит бюджета, несмотря на высокий уровень государственных инвестиций, что произошло благодаря новой роли Государства-производителя, принимающего активное участие в экономике страны.

Данные результаты отражают ответственное управление макроэкономикой, способствующее реализации различных социальных программ, которые включены в стратегию «Искоренения крайней бедности», что составляет часть «Национального плана развития» правительства: «План жизни», пенсия «Достойные выплаты» (Renta Dignidad), субсидия Хуана Асурдуй (Juana Azurduy) для матерей и стипендия Хуансито Пинто (Juancito Pinto) для детей, которые учатся в государственных школах.

Наибольший вклад в рост ВВП внесли следующие отрасли экономики: строительство, горнодобывающая промышленность, службы государственного управления и электроэнергетики, газовая и водная отрасли, тогда как в отношении расходов государственный сектор продемонстрировал наибольшую активность. Политика социальных расходов была важным фактором сохранения динамики внутреннего спроса, благодаря перераспределению доходов среди наиболее уязвимых секторов экономики с помощью социальных выплат. Данная экономическая эффективность позволила Боливии впервые продемонстрировать самый высокий уровень экономического роста в регионе в 2009 г.

Росло как частное, так и экономическое потребление. Это стало результатом восстановления уровня предложения продуктов питания, благодаря мерам правительства по снабжению рынков, избегая спекуляции; созданию предприятия по поддержке производства продуктов питания; временным ограничениям на экспорт продуктов питания; а также благодаря осуществляемой Центральным Банком Боливии политике, ориентированной на обеспечение ликвидности экономики, сохранение внутренней покупательной способности денег и углубление процесса «боливианизации» экономики.

С 2003 г. имело место положительное сальдо платежного баланса, период с 2006 г. характеризовался отличными показателями, а в 2008 г. положительное сальдо достигло самого высокого уровня в истории. Это произошло благодаря увеличению экспорта, положительной динамике прямых иностранных инвестиций, увеличению денежных переводов из-за границы и внутреннего спроса. Несмотря на финансовый кризис (сентябрь 2008 — первое полугодие 2009 гг.), положительное сальдо платежного баланса в 2009 г. составило 537 млн. долл. США, что на 77,37% меньше по сравнению с 2008 г., но более благоприятно по сравнению с другими странами региона.

В 2009 г. Боливия превратилась в чистого международного кредитора, в связи с тем, что сальдо по международным инвестициям составило 3,053 миллиарда долларов США. Это произошло благодаря накоплению международных резервов — со стороны активов и вследствие низкого уровня внешнего долга — со стороны пассивов. Необходимо отметить, что уровень прямых иностранных инвестиций, таких как резервы, продолжал расти.

В 2010 г. чистые международные резервы достигли 10 миллиардов долларов США, на сегодняшний день это самый высокий уровень резервов в Латинской Америке по отношению к ВВП.

Самые высокие доходы поступали от сектора углеводородов и в результате выплаты налогов, последнее показывает уровень доверия граждан к системе, которая борется с коррупцией.

В завершении скажем, что мы не только преодолеваем неолиберальные догмы, но и догмы старого левого движения, которое заявляло только о борьбе классов и игнорировало или не уделяло первостепенной важности культурным вопросам, крестьянам и коренному населению.

В Боливии демократические процессы идут дальше, чем простое участие в голосовании на выборах. Народ активно участвует в процессе принятия решений, как на уровне правительства, так и в Многонациональной Ассамблее посредством агрегирующих их интересы организаций.

Граждане Боливии объединяются для построения многокультурной страны, в которой различные культуры с особенными системами организации производства, суда, языками и традициями ищут общую цель, чтобы сосуществовать в справедливости, полном признании всех своих прав и гармонии с природой.

— Как складываются отношения между Боливией и Россией, и каковы, на Ваш взгляд перспективы дальнейшего взаимодействия между нашими странами?

— Внешняя политика Боливии основывается на новой Политической Конституции Государства, принятой в январе 2009 г. Она ориентирована на создание справедливого, солидарного, разнообразного мира и гармонию с природой. Среди основных направлений политики мы можем обозначить «дипломатию народов», которая уделяет особое внимание взаимоотношениям народов всего мира, подчеркивая важность соблюдения прав человека и принципов жизни, мирного разрешения конфликтов.

Отношения между Боливией и Россией базируются на принципах взаимоуважения и понимания, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Наши отношения получили новый импульс с момента визита президента Эво Моралеса в РФ в феврале 2009 г. Мы считаем Россию стратегическим партнером Боливии, особенно в

энергетическом секторе. Однако, это не единственная область взаимодействия. Мы ведем переговоры о покупке российских технологий, есть и ряд других областей, в которых мы бы хотели сотрудничать. Взаимный интерес развивать двустороннее сотрудничество достаточно силён, и, надеюсь, сохранится в будущем.

Беседовал Леонид Савин

Альберто Буэла

ГЕОПОЛИТИКА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Всякий раз, когда нас приглашают поговорить или написать о «Латинской Америке» мы должны сделать оговорку, что эта повсеместно распространенная форма, которую мы употребляем, является ложной. Таким образом, поставим в начале вопрос о номинальной дефиниции, — как мы называем, как мы должны называться, какой способ наиболее адекватен, подлинен и более конкретен для нашего названия.

Термин «Латинская Америка» был придуман премьер-министром Наполеона III Шевалье для военной и политической интервенции в страны Ибероамерики от имени и для защиты латинян. После этого янки, затем церковь и, наконец, марксизм следовали этой манере.

Идеологическое использование этого термина очевидно, так как французская Канада, Гвиана и Мартиника никогда не включались в состав «Латинской Америки», несмотря на то, что для этого существовали такие же или еще более весомые предпосылки.

Это показывает, что для международного порядка, где геополитика, международные отношения, стратегия и метаполитика передвигают свои фигуры, нет ни доброй воли, ни нейтральных идей, есть лишь отношения власти: управление и подчинение, государственное и частное, друг и враг. Поэтому нужно относиться с подозрением к названиям ad hoc учреждений или международных пространств, что является методологическим принципом всех исследований в этой области.

Сегодня не возможно понять геополитику без метаполитики, то есть дисциплины, которая изучает основные категории мысли, которые влияют на политические действия правительств. И именно поэтому для нашего геополитического пространства мы предпочитаем

название «Ибероамерика», потому что этот термин имеет ясное и четкое значение, отражая специфику культурной ойкумены, к которой принадлежим мы, американцы, говорящие на испанском и португальском языках во всей Америке и потому, что термин Ибероамерика включает в себя, в полном смысле, и Бразилию.

Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, говорить о «латинстве» равносильно торможению. Это такой же универсальный термин, как и «человечество», который нам ничего не говорит. Геополитика является категорией, которая служит для усыпления ума, ибо, если думать, начиная с нее — то это способ не думать.

Таким образом, политический реализм вынуждает нас ограничиться Южной Америкой. Во-первых, потому что Мексика подписала и выполняет договор о свободной торговле с Соединенными Штатами, который компрометирует всю ее экономику и политические решения. Что касается Центральной Америки и Карибского бассейна, то этот регион, за исключением Кубы, в своей совокупности сталкивается с американской внешней политикой и его зависимость от власти талассократии почти абсолютна. Таким образом, единственным шансом подумать о надежном геополитическом пространстве остается Южная Америка. И здесь мы подходим к теме нашей публикации.

Согласно объективным данным по Южной Америке, ее географическая территория составляет площадь в 17,8 млн. кв. км., что в два раза больше Европы и в два раз больше Соединенных Штатов. Она имеет население около 420 миллионов человек, половина из них говорит на кастильском, а другая на португальском языке, и каждый язык понятен носителю другого. Десять наций, которые разделены политическими границами и четыре колониальных анклава (Мальвинские острова и Гайана в рамках Британского Содружества, Голландский Суринам и Французская Гвиана. Все вместе они составляют не более 1,5 млн. жителей).

Самой могущественной страной является Бразилия с почти половиной жителей субконтинента, имеющая восьмую экономику по величине в мире, ВВП в 1600 млрд. долл. США, в то время как у Аргентины и Венесуэлы по 330 млрд.

Она владеет 27% запасов пресной воды в мире. В них входит водоносный слой Гуарани и 50.000 кв. км. внутреннего водного пространства, которое объединено в три речных бассейна: Ориноко, Амазонка и Ла-Плата. Ее проекция на квадранте Атлантики охватывает всю Южную Америку, занимающую весь полуостров.

Геополитические интерпретации

Южная Америка представляет континентальный остров, окруженный Тихим и Атлантическим океанами с 25432 км. береговой линии. В ее сухопутное пространство трудно проникнуть. Амазонка является Хартлендом Южной Америки, и охватывает почти 2 млн. кв. км., которые разделяют четыре страны (Бразилия, Колумбия, Венесуэла и Перу).

Этот фактор труднодоступности заставил США установить вокруг военные базы для контроля за Хартлендом (Араука, Ларандиа и Трэс Эскуинас в Колумбии, Икитос и Нанай в Перу, Марискаль Эстигаррибиа в Парагвае и Кюрасао (завист от Голландии) в 50 км. Венесуэлы[1].

В качестве теоретической идеологической опоры они выдвинули «теорию ограниченного суверенитета Амазонки» предложив международное покровительство. Этот план, поддержанный шведской дипломатией, был отвергнут Бразилией, Венесуэлой, Аргентиной и Боливией.

Это свойство непроницаемости южноамериканского Хартленда характерно для всей истории, начиная с открытия Америки. Итак, все крупные города (Буэнос-Айрес, Сан-Паулу, Рио, Вальпараисо, Лима, и т.д.) являются портами, в отличие от Европы, где они разбросаны внутри территории. Дело в том, что огибание Южной Америки происходило вдоль всего побережья этого большого острова. Движение осуществлялось от периферии к центру. Центр даже сегодня, во втором десятилетии XXI века все еще не занят.

Если тезис Макиндера (1861-1947 гг.) — «тот, кто владеет Хартлендом, удерживает власть» применим и к Южной Америке, тогда ею никто не владеет в качестве гегемона, потому что никто не имеет полного контроля над Амазонией.

Бразильский случай

Нет никаких сомнений, что Бразилия, как растущая мировая сила, является государством-нацией с самым большим экономическим влиянием региона, на что указывает ее ВВП, занимающее восьмое место в мировой экономике.

[1] Ведущий специалист по геополитике Южной Америки, Карлос Перейра Меле, сообщил нам, что «база Манта в Эквадоре была закрыта на протяжении более года, но новых американских баз в Колумбии, на самом деле, девять».

Последние события, относящиеся к международному порядку, указывают на Бразилию в качестве будущей активной силы: 1) Интеграция БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) — привилегированной группы государств с большими пространствами[1]; 2) входит в группу четырех вместе с Индией, Южной Африкой и Германией, призывая к включению в постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций; 3) УНАСУР (Союза южноамериканских государств), вместе с другими странами Южной Америки; 4) G20 — группа государств, где увеличивается производство материальных благ; 5) G5 — новая группа держав вместе с Мексикой, Южной Африкой, Китаем и Индией; 6) турецко-бразильское соглашение по диалогу с Ираном, созданное для устранения теории демонизации иранского правительства, предложенную США и Израилем.

В военном отношении Бразилия купила в 2010 г. первую атомную субмарину у Франции и надеется произвести в ближайшие пять лет еще восемь атомных подводных лодок, наподобие французских. Военный бюджет составлял в 2010 г. 10 млрд. долларов и равнялся колумбийскому, в то время как у Аргентины он составлял 3,2 млрд. долл.

Следует отметить, что как было отмечено бразильскими исследователями (Мониз Бандейра, Гимарайнш и др.), согласно основной гипотезе конфликтов, с растущей мощной армией Бразилия является лесной сверхдержавой (т.е. в Амазонии).

Испанская Южная Америка

Она составляет 50% от Южной Америки и состоит из девяти стран, достигающих по количеству населения, вооруженным силам и ВВП бразильский унитарный блок. Следует отметить колумбийское сухопутное и чилийское морское военное могущество. После инаугурации Уго Чавеса имеет место переоснащение армии в Венесуэле (в основном это легкое вооружение русского производства). Это автоматы для ведения войны низкого уровня интенсивности, самолеты и вертолеты. После поражения Аргентины в Мальвинской (Фолклендской) войне в 1982 г. стало ясно, что не существует международных конфликтов и дипломатии без оружия. Что касается Уругвая, Парагвая, Боливии, Перу и Эквадора,

[1] Эта группа в настоящее время рассматривает возможность присоединения Южной Африки, которая вместе с Бразилией имеет привилегированные отношения Юг-Юг.

то они не имеют веса в этом вопросе.

Чили — единственная страна Южной Америки, которая входит в отборную группу первых двадцати стран в списке ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала) по статистике ООН.

Венесуэла является одним из крупнейших производителей нефти в мире и ведущим поставщиком очищенного бензина в Соединенные Штаты Америки.

В последние два десятилетия в Боливии, Чили, Перу, Аргентине и Эквадоре отмечается рост добычи полезных ископаемых в карьерах под открытым небом, что, в дополнение к экономическим потерям, приводит к необратимым изменениям поверхности земли и наносит непоправимый ущерб природе.

Отношения между двумя блоками

Начиная с 1992 г. десять южно-американских стран вместе с Испанией и Португалией проводят ежегодные иберо-американские саммиты, но их результаты носят скорее декламационный, а не эффективный характер. Они пока не в силах превозмочь теории добрососедства, чтобы перейти к формированию однородной всемирной группы власти, которую объединяет язык, религии, институты и обычаи.

В 1991 г. был создан МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок), партнерами-основателями которого являлись Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай, Боливия и Венесуэла вошли в процессе регистрации, а Чили, Колумбия и Эквадор состоят в качестве ассоциированных членов.

Но через двадцать лет МЕРКОСУР был сокращен до таможенного союза, который в основном используется торговой буржуазией Сан-Паулу и Буэнос-Айреса.

Другой осью между двумя блоками, испанским и луситанским, является УНАСУР, вступивший в полной мере в силу в январе 2011 г. Также вступает в силу Южноамериканский совет по обороне, штаб-квартира которого будет находиться в Буэнос-Айресе.

Также существует Южный банк, предложенный Уго Чавесом в 2004 г, но этот проект родился мертвым, потому что его начальный капитал был установлен на уровне мизерной суммы в семь млрд. долларов США, тогда как Банк Бразилии имеет активы на 407 млрд. долларов, а банк Itaú Сан-Паулу на 350 млрд. долларов.

Между Аргентиной и Бразилией существует договор, согласно которому каждые 45 дней должна проходить встреча министров и каждые три месяца встреча президентов, но вышеупомянутые встречи являются ограниченными и ведутся с целью балансировки условий торговли для того, чтобы не повредить экономикам обеих стран.

Аргентинский случай

В 1890 г. флот этой страны занимал второе место в мире, а в 1910 г. ее экономика стояла на одиннадцатой ступени. Через столетие от флота практически ничего не осталось, а экономика опустилась на двадцатую позицию. Структура аргентинского экспорта является достаточно сбалансированной и составляет: топливо — 12%, промышленность — 31%, агропромышленный сектор — 34%, товары первичной необходимости 23%. Двигателем экономики по-прежнему является сельское хозяйство с зерном и мясом, также уделяется внимание развитию легкой промышленности. Негативным аспектом является то, что горная промышленность не имеет дальнейшего развития из-за того, что активная добыча достигла за вышеупомянутую декаду высокого уровня экспорта.

Второй аспект, который необходимо выделить — это ядерная промышленность, которая по мировым стандартам считается как одна из наиболее развитых. Исследования в этой области непрерывно ведутся с 1950 г. Производство малых ядерных реакторов (CAREM) пользуется спросом во всем мире (Австралия, Алжир, Перу, Египет, Иран).

Агробизнес и ядерная промышленность — это два конкретных аспекта благосостояния в Аргентине.

Существует, в конце концов, третий положительный фактор, который может приносить успех Аргентине и который не рассматривался в экономической статистике: это человеческий фактор, который необходимо отметить из-за его аналитической глубины, скорости заискивания и выполнения. Он живой, созидательный и ростовщический. Гордый собой и своим местом в мире, он игнорирует capitis dininutio (лишение прав — римский термин, прим.пер.) касательно «других».

Геополитическая перспектива Южной Америки

Гегель в своем предисловии к философии права, говорил, что сова Минервы (символ философии) вылетала в сумерках, когда реальность уже была установлена. Солнце уже спряталось. Так что очень трудно делать прогнозы на основе философии человеческих дел, но, несмотря на это возражение, мы все же попробуем.

Бразилия и Аргентина составляют ось, вокруг которой вращается геополитика Южной Америки. Она должна стремиться к формированию «плавающего» ромба с линиями власти, проходящими через столицы — Бразилиа, Буэнос-Айрес, Лима, Каракас, для того чтобы защитить Хартленд Южной Америки.

Принцип интеграции должны быть следующим: учитывая, что экономика Бразилии в пять раз больше, чем в Аргентине, взносы должны быть сделаны согласно этой пропорции. Интеграция является пропорциональной, а не равной. Равенство, в данном случае, будет являться первым источником несправедливости.

Бразилия и Аргентина должны создать в первую очередь единую валюту (el austral), чтобы укрепить свою экономику по отношению к доллару и евро. И в то же время создать единую компанию по экспорту зерна, чтобы избежать диктата условий на Чикагской бирже.

Далее необходимо формирование совместных военно-морских сил для контроля над морскими территориями обширного побережья Атлантического океана. Предотвращать грабежи, которые происходят в Южной Атлантике, разделив общее суверенное пространство. Это не камень преткновения, а точка объединения.

Тихий океан контролируется Чили, которая обладает великолепными и обученными ВМС и дополняется Перу и Колумбией.

Судоходство на внутренних реках, строительство крупного нефтепровода, прямые воздушные связи между столицами, восстановление внутренних рейсов поездов, возможность создания смешанных каналов между океанами, дополнительное технологическое развитие, где каждое государство внесет свой вклад в соответствии со своими лучшими возможностями.

Построение геополитического автоцентричного пространства возможно, и это в пределах реальности, но это как следствие предполагает прямое или косвенное ограничение влияния мировых сил в южно-американской зоне.

И именно здесь возникает главная проблема. Чтобы создать новую региональную геополитику, т.е. чтобы сделать омлет, мы должны разбить несколько яиц. Кроме того, эта геополитика должна иметь один фундаментальный элемент — тайну.

Под тайной понимается глубокий секрет, который в то же время является интимным. То есть в нем принимают участие очень немногие. Может ли существовать геополитическая или метаполитическая тайна между государствами в Южной Америке, которые пронизаны спецслужбами империализма? Это сложный вопрос, потому что если мы говорим, нет, то это размышление не имеет смысла, а если мы говорим, да, мы можем попасть в политический идеализм, который всегда был плохим советчиком.

Тогда появляется «политический реализм»: то, что позволяет нам рассматривать теоретические проекты с определенной долей скептицизма, но не мешает их осмыслять и пытаться реализовывать на практике. Политический реализм — это то, что инкорпорирует, перерабатывает и помещает всю свою веру в стратегическую рациональность для того, чтобы получать необходимые товары и удовлетворять интересы сообщества или народа, что является лучшим разворачиванием его стратегии. В этом случае, это то, что мы вам предлагаем [1].

[1] Так как эта статья написана специально для публикации в России, и имеет ограничения, мы оставим для другого случая комментарии по поводу новых отношений между Россией и Южной Америкой: Венесуэлой, Бразилией, Боливией, Эквадором и Аргентиной.

Ева Голинжер

ВЕНЕСУЭЛА: ОТ ЗАДНЕГО ДВОРА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Влиятельный империалистический идеолог XX века Генри Киссинджер в 70-е гг. выступая против распространения социализма в Западном полушарии, говорил, что «если США не смогут контролировать Латинскую Америку, как они будут доминировать в мире?» Сегодня эта озабоченность Киссинджера возвращается, чтобы не давать покоя имперским силам, но на этот раз когти их заговора не останутся незамеченными для пробудившихся народов революции.

Имперское отчаяние в то время было направлено на подчинение стран, находящихся на их «заднем дворе», и привело к ряду переворотов, саботажей, жестокой диктатуры, политическим убийствам, исчезновениям людей, пыткам и реализации неолиберальной капиталистической модели, что привело к чудовищному росту бедности, социальному исключению, отчуждению и нищеты в регионе, когда либо известному на протяжении всей его истории.

Из-за ограниченного видения имперских сил, их агрессивная тактика и стратегия по достижению своих целей в конце XX века во всех странах Латинской Америки, за исключением революционной Кубы, были реализованы посредством подчинения правительств интересам Вашингтона, а политико-экономическая модель представительной демократии была неолиберальной.

Когда 4 февраля 1992 г. Уго Чавес поднял восстание против коррумпированного и преступного правления Карлоса Андреса Переса — яркого примера лакея США, Вашингтон недооценил его. В секретном докладе государственного департамента США, в настоящее время рассекреченном, по данному вопросу в ночь на

4 февраля 1992 г. было указано, что «попытка государственного переворота, по всей видимости, является работой группы офицеров среднего звена ... Нет никаких доказательств поддержки заговорщиков со стороны народа…».

В то же время, правительство США признало, что согласно их собственным исследованиям в отношении Венесуэлы, проведенных в тайне, выяснилось, что «стимул продолжать оказывать поддержку Карлосу Андресу Пересу является минимальным, согласно последним данным он пользуется поддержкой менее 20% избирателей ...». Другими словами, люди не поддерживают неолиберальную модель, которая подчиняет их страну иностранным интересам.

Еще один секретный доклад от 10 марта 1992 г. показал истинную имперскую озабоченность в отношении народной мобилизации в Венесуэле: «успешный государственный переворот в Венесуэле[1] очень серьезно ударит по интересам США в Западном полушарии. Несмотря на краткосрочное негативное влияние на бедные слои населения и среднего класса, мы считаем, что экономическая политика Карлоса Андреса Переса — это именно то, что необходимо для реформы венесуэльской экономики... свержение Карлоса Андреса Переса заморозит возможность реализации экономических реформ в регионе. Переворот в Венесуэле также будет тревожным прецедентом ... [для других стран в регионе]».

Перефразируя Киссинджера, если Соединенные Штаты не смогут контролировать Венесуэлу, как они будут доминировать в регионе? Главная забота имперских интересов США состояла не в том, чтобы бедный класс развивался, а средний класс исчез, но будет ли их неолиберальная модель реализована любой ценой, потому что только тогда будет обеспечено их постоянное господство.

Когда Уго Чавес выиграл президентские выборы в Венесуэле в 1998 г., Вашингтон не знал что делать. Официальная политика США состояла в том, что нужно было «подождать и посмотреть, что происходит», прежде чем действовать. Попытки «купить» избранного президента Венесуэлы осуществлялись несколько раз, но они не принесли плодов: Венесуэла решила выбрать путь независимости, суверенитета и революционного достоинства.

[1] Хотя Вашингтон классифицировал действия как «переворот», Чавес сказал, что это «народное восстание против диктатуры под видом демократии».

С первыми трансформационными изменениями — это учредительное собрание, реформа закона по углеводородам и работа в ОПЕК, пострадали имперские интересы США и их власть над Венесуэлой начала чахнуть. Голос Уго Чавеса услышали во всем регионе, резонирующем в качестве повстанческих песен и «призывом» к пробуждению народов.

Постоянная агрессия

Вскоре после этого был активирован текущий заговор с целью нейтрализовать то, о чем думал Вашингтон, но что было невозможно сделать: настоящую антиимпериалистическую и социалистическую революцию XXI века к югу от границы.

Началась волна атак — переворот в апреле 2002 г., нефтяной и экономический саботаж, покушения, подрывная деятельность, миллиарды финансовых вливаний в оппозиционные группы, вмешательства в избирательный процесс и жестокая психологическая война через средства массовой информации — однако они не достигли цели, и революционные силы начали шириться по всему континенту.

Рождение Боливарианской Альтернативы для Народов Нашей Америки (АЛБА) в 2004 г., проложило путь для новой внешней политики, основанной на принципах сотрудничества, интеграции и солидарности между народами. Новые отношения между братскими странами в регионе стали создавать и укреплять связи между государствами, разделяющие коллективное видение человечества и строить новую модель континентальной торговли, основанной на взаимной выгоде и развитии.

От АЛБА к многополярному миру

Кроме АЛБА родился Союз южноамериканских наций (УНАСУР), способствующий Венесуэле укреплению региональной торговле и созданию континентального блока сил, способных сталкиваться с новыми глобальными вызовами — экономическими, политическими и социальными.

Хотя революция в Венесуэле была консолидирована, имперская агрессия стала сильнее. В 2005 г. Вашингтон начал международную

кампанию, направленную на изоляцию правительства Венесуэлы, чтобы квалифицировать ее как «изгоя». «Уго Чавес является негативной силой в регионе», — сказала государственный секретарь Кондолиза Райс в январе 2005 г., начав бомбардировку лжи и манипуляций против Венесуэлы для того, чтобы повлиять на международное общественное мнение, что продолжается и до сих пор.

Уже через год министр обороны Дональд Рамсфелд сравнил Чавеса с Адольфом Гитлером, а директор национальной разведки США Джон Негропонте назвал его «самой большой угрозой для интересов США в регионе». В том же году Венесуэла была внесена в список «стран, которые не способствуют борьбе с терроризмом» и были введены санкции, запрещающие продажу технологий и оружия США в страны Южной Америки.

Президент Чавес, признавая попытку нейтрализовать и ослабить вооруженные силы своей страны, стремился найти международных партнеров, которые не попадают под воздействие имперского господства США. Россия была первой страной, которая предложила заменить военную технику, которая необходима Венесуэле — стране с огромными запасами нефти в мире — для поддержания хотя бы минимальной мощи для обороны своей территории.

Впервые с момента крушения Советского Союза, страны Латинской Америки начали устанавливать отношения с Россией без посредства США. Эта первоначальная покупка военной техники открыла новые коммерческие и стратегические отношения между Венесуэлой и Россией благодаря американской блокаде.

После России Венесуэла начала укреплять отношения с Китаем, Беларусью, Ираном, Малайзией, Индией, Японией, Сирией, Ливией и другими африканскими, арабскими, азиатскими и европейскими странами. Внешняя политика правительства Уго Чавеса инициировала радикальные преобразования и значение Венесуэлы на карте мира. Как говорит президент Чавес в своей программе «Las Líneas de Chávez»: «мы хотели, чтобы правила игры радикально изменились. Мы хотели общаться со всем миром, а не его частью. В реальности и на самом деле, в то же время мы учились вставать на ноги на международной арене. Не забывайте, что у нас не было своей собственной суверенной внешней политики. Наша внешняя политика управлялась Вашингтоном».

Изменение баланса сил

Интеграция и объединение народов по строительству щита против империалистической агрессии, вместе с созданием практически нерушимой обороны в то же время ослабляет американскую гегемонию в мире.

Тур президента Чавеса в Россию, Белоруссию, Украину, Иран, Сирию, Ливию и Португалию проходивший с 13 по 24 октября 2010 г., является показательным примером того, что появляется новый многополярный мир. На основе 69 соглашений, подписанных с этими семью странами, Венесуэла на сбалансированной основе получит необходимые товары и услуги для строительства тысяч новых домов, развития сельского хозяйства, образования и научного обмена, диверсификации и экономического роста, производства энергии — все с максимальной выгодой для венесуэльского народа и человеческого процветания.

Ни в одной из этих 69 конвенций нет элементов, которые могли бы поставить Венесуэлу в невыгодное положение. Новая внешняя политика революционной Венесуэлы не допускает эксплуатации и ядовитого распространения капитализма, направленных на грабеж народа, и отказывая ему в собственном развитии.

В Беларуси, например, Венесуэла будет покупать не только грузовые автомобили и общественный транспорт, но и создавать совместные предприятия с Беларусью на венесуэльской территории, обеспечивая необходимую передачу технологий для диверсификации венесуэльской экономики и ее промышленности, в то же время создавая новые рабочие места.

Совместный российско-венесуэльский банк, созданный в ходе этого визита в Москву, уменьшит экономическую зависимость от эксплуатации международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк, и позволит финансировать независимые производственные проекты. Соглашение с Россией по развитию мирной атомной энергии поможет Венесуэле диверсифицировать свои внутренние источники энергии, снизить зависимость от гидроэлектростанций, которые чуть не привели страну к серьезному кризису из-за неожиданной засухи в начале 2010 года.

С Сирией будут открыты новые морские пути, которые позволят улучшить коммерческие потоки и торговлю между Южной Америкой и Ближним Востоком. А благодаря новым соглашениям с Россией, Бе-

ларусью и Сирией, Венесуэла будет экспортировать не только свою нефть, но также какао и кофе.

Почти во всех посещенных странах главным приоритетом подписанных соглашений были дома для венесуэльского народа. Плоды этого тура появятся в строительстве сотен тысяч современных домов для бедных слоев населения в Венесуэле, с применением различных методик и технологий Ирана, России, Белоруссии и Сирии.

В многополярном мире нет места для империй

«Венесуэла должна подчиниться», — заявил президент США Барак Обама, ссылаясь на договор с Россией по развитию мирного использования ядерной энергии. «Мы мониторим соглашения между Венесуэлой и Ираном, чтобы знать, не нарушаются ли санкции» [введенные США], — сказал пресс-секретарь государственного департамента Филипп Кроули в высокомерном и империалистическом тоне, как если бы Вашингтон был мировым полицейским.

Отчаяние Вашингтона является результатом исчерпания его мировой силы, время его уходит, на горизонте — новый многополярный мир. Кошмар Киссинджера сбывается — Соединенные Штаты больше не могут доминировать ни в Латинской Америке, ни во всем мире. Недооценка Уго Чавеса и стала символом сопротивления во всем мире против имперской агрессии США, и дала дыхание надежды и вдохновение для миллионов людей.

Великий африканский борец за свободу Франц Фанон сказал: «человечество ожидает от нас чего-то, это не должно быть имитацией других моделей, что почти всегда становилось непристойной карикатурой». Многополярный мир является изобретением людей революции — это создание модели справедливого, сбалансированного мира, без империй, доминирования и эксплуатации. Мир, где царство человеческого процветания будет возвышаться над эгоистичными амбициями. Мир, где взаимная выгода будет управлять отношениями, а пыл глобального уничтожения станет прахом истории.

Имперские силы не прекратят своих атак и попыток нейтрализации и подавления этого нового мира в стадии строительства. Угрозы, которые окружают Венесуэлу и жизнь президента Уго Чавеса, в ближайшее время будут активизированы. Но у людей, идущих к социальной справедливости, нет пути назад. Венесуэла подняла славное знамя над миром, и оно больше никогда не будет повержено.

Александр Зурабишвили

ДЕЛО ПЯТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В США КУБИНЦЕВ

Если недавние разоблачения Wikileaks обвиняют методы исполнительной власти США, то дело пяти кубинцев в Майами изобличает методы американской судебной системы, её нехватку беспристрастности и в то же время сильные противоречия в официальном антитеррористическом дискурсе Белого Дома.

Напомним, что пятеро кубинцев были заключены в тюрьму на 12 лет после того, как в Майами проникла военизированная крайне правая кубинская группировка, специализирующая на организации терактов, направленных против гражданских кубинских объектов (авиалиний, гостиниц, ресторанов и т. д.). Собирая информацию в Майами под руководством своего правительства с целью предотвращения терактов, пятерка была арестована, а полученная информация, согласно логике сотрудничества, была передана кубинским правительством американскому. С тех пор начался самый длительный в истории США судебный процесс, в котором имеет место огромное количество процессуальных нарушений, несоблюдение уголовного и конституционного права США и международных прав. Организация «Международная амнистия» имеет материалы следствия и последний протокол, которые ставят под сомнение справедливость процесса.

Понятие «справедливый и беспристрастный процесс» находится в центре судебного разбирательства. Оно подразумевает право всех обвиняемых быть услышанными независимым и беспристрастным трибуналом и располагать необходимым временем и средствами для подготовки к своей защите — право, прописанное в 10-й статье Всеобщей декларации прав человека, в 14-й статье Международного пакта о гражданских и политических правах (ратифицированного США) и в 6-й поправке к Конституции США.

Кубинскую Пятерку судили в Майами — городе, где находятся штабы проникших туда организаций, обладающих мощной сетью влияния. Эти сети оказывали давление — в том числе посредством местных СМИ — на присяжных: отбирали людей, показывали по телевидению их лица и номерные знаки их автомобилей и т. д. Семнадцать назначенных судом адвокатов отказались защищать обвиняемых, опасаясь возможных последствий защиты «кубинских шпионов», как называли подсудимых местные СМИ.

В самом деле, присяжные (некоторые из них после суда жаловались на давление) не задали ни одного вопроса обвиняемым и вынесли вердикт в относительно короткий срок (5 дней) по сравнению с длительностью разбирательства (7 месяцев), и его сложностью (50 000 страниц документации, 110 томов показаний свидетелей). Оглашенный приговор был крайне суров, учитывая отсутствие доказательств вменяемых в вину преступлений (конспиративная деятельность в целях шпионажа и сговор в покушении на убийство): двое из Пятерки были приговорены к двум пожизненным заключениям плюс 15 лет. Руководство армии США позже засвидетельствовало, что шпионажа не было — позже это подтвердил Пентагон. Выбор «конспирологической деятельности в целях шпионажа» в качестве главного обвинения не был случайным; такое обвинение позволяет суду ограничить доступ стороны защиты к материалам обвинения и не требует вещественных доказательств: одного намерения достаточно для констатации факта преступления.

В 2005 г. группа экспертов ООН по незаконным задержаниям потребовала пересмотра дела и освобождения кубинцев; была направлена группа из трех судей апелляционного суда 11-го округа Атланты с целью аннулировать приговор и назначить новое разбирательство, на этот раз в нейтральном месте; это решение опиралось на принцип американской юриспруденции изменять место разбирательства. Но не была учтена гневная реакция Альберто Гонсалеса, знаменитого министра юстиции из команды Дж. Буша, который потребовал, чтобы это решение рассматривал новый коллектив из 12 судей. Те в 2006 г. отклонили решение и подтвердили первоначальный вердикт суда в Майами. В своем докладе о деле «Международная амнистия» отмечает, что 12 судей не рассеяли «тревожных сомнений насчет беспристрастности суда в Майами».

После различных поворотов судебного процесса адвокаты Пятерки в 2009 г. вынесли дело на рассмотрение Верховного суда США, аргументы были поддержаны Amicus Curiae (друзьями правосудия — прим. ред.) от многих стран мира, в том числе французским Droit Solidarité. К этому процессу также были привлечены десять нобелевских лауреатов.

Немотивированный отказ Верховного Суда ходатайству о пересмотре дела был раскритикован в докладе «Международной амнистии», который обвинял суд США в том, что он не применяет в деле о кубинцах принципов, которые применяются в других делах, в частности, равенство сторон защиты и обвинения и смену места судебного разбирательства.

С этими нарушениями прав на защиту кубинцев, указанными ранее, правосудие США создает себе плохой имидж в мире, показывает себя политически манипулируемым в угоду интересов мафии, изобличает исполнительную власть, жаждущую наказать кубинцев, верных независимости и политико-социальной системе своей страны.

Отметим, что американское правосудие удерживает в тюрьме уже 12 лет пятерых кубинцев, приехавших в Майами бороться с подготовкой терактов против их страны; в то же время оно отказывается привлечь к ответственности, заключить под стражу и выдать Луиса Посаду Каррилеса и Орландо Боша, которые вместе с другими обвиняются в совершении многих терактов, совершенных в отношении гражданских кубинских объектов и в данный момент находятся во Флориде, время от времени появляясь на публичных собраниях. Разве такое противоречивое поведение в отношении антитеррористической борьбы не накладывает на США ответственность в соответствии с резолюцией 1373 Совета безопасности ООН (принятой 28.09.01, после терактов 11 сентября)?

В июне 2010 г. адвокаты Пятерки представили в Федеральный окружной суд Майами ходатайство habeas corpus, основанное на новой информации, в частности с указанием десятка журналистов, освещающих дело, которые получали деньги от американского правительства.

И на данный момент взгляды защитников кубинской Пятерки, организаций гражданского общества в США, на Кубе и других местах все чаще обращены к Обаме, который мог бы, если бы захотел, применить право помилования.

Джеймс Кокрофт

МЕКСИКА: ИМПЕРИАЛИЗМ, «НЕДЕЕСПОСОБНОЕ ГОСУДАРСТВО», НОВЫЕ ВОЙНЫ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

В феврале 2010 года в Кинтана-Роо (Мексика) состоялся Саммит единства Латинской Америки и Карибского бассейна. Тридцать три представленных государства, включая Кубу и её президента Рауля Кастро, постановили к 2011 г. создать Организацию Латиноамериканских и Карибских государств без США и Канады. Она будет отличаться от существующей la OEA (Организации Американских государств, за исключением Кубы), которая исторически функционировала находясь под гегемонией США. Президент Фелипе Кальдерон после Саммита сказал, что верит в то, что la OEA продолжит выполнять свои задачи, однако все сознают, что создание новой организации является провозглашением независимой политики в регионе.

Правительство США при своем экономическом господстве во всем мире в агрессивной форме отреагировало на кампанию по независимой экономической политике в большинстве стран Латинской Америки (Меркосур, Banco del Sur, Banco del ALBA и его новая валюта сукре, UNASUR и совет по безопасности в регионе, ALBA-TPC, PETROSUR, PETROCARIBE и т. д.), на своем бывшем «заднем дворе». Империя покровительствует усиленному применению армии и полиции для подавления [подобных настроений] и внедрению в правительства, в том числе посредством государственных переворотов, как, например, в Перу, где непопулярный президент Алан Гарсия дал свободу полиции безнаказанно убивать; или в Гаити, где США способствовали перевороту в 2004 г. и после землетрясения в 2010 направили войска в количестве 22 тысяч солдат. В Гондурасе в июне 2009 г.

переворот был осуществлен при содействии американского посольства и военной базы в Пальмероле.

Кроме того, существуют рост грязных войн, прежде всего в Колумбии, где притесняют более 4 млн. человек, также как в Чьяпас и других мексиканских штатах. Что касается Венесуэлы, Боливии и Эквадора, то там милитаристы пытаются дестабилизировать и свергнуть демократически избранные антиамериканские правительства, а во многих странах продолжаются необъявленные войны против коренного населения.

Примером агрессивных методов, используемых США, может служить бомбардировка и вторжение вооруженных сил США и наркогосударства Колумбии в Сукумбиос (Эквадор) 1 марта 2008 г., в результате которого был уничтожен один из лидеров FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии) Рауль Рейес, ответственный за переговоры с Францией об освобождении Ингрид Бетанкур. Военная операция проходила при участии американской военной базы Манта, расположенной в Эквадоре, которую вскоре закрыл новый президент Рафаэль Корреа. При атаке были использованы европейские самолеты и бомбы повышенной точности с технологией отслеживания. В результате атаки погибли и были ранены свыше двадцати человек, среди которых один эквадорец и пять мексиканских студентов, посещавших военный лагерь. Четверо из мексиканцев погибли, а получившей ранение Люсии Андреа Моретт в настоящее время угрожает экстрадиция по требованию эквадорского суда, преследования Интерпола и два открытых судебных разбирательства в Мексике. Правозащитные организации в Мексике и других странах защищают Моретт и борются за справедливость против безнаказанного убийства четверых мексиканских студентов и других жертв в Сукумбиос.

Милитаризация Мексики и вмешательство США

Объявив войну наркоторговцам в Мексике, президент Фелипе Кальдерон радикально милитаризировал страну. Согласно Секретариату по национальной защите, в июне 2009 г. 25% армии было занято патрулированием городской и сельской зон. К февралю 2010 г. эта цифра увеличилась почти до 50%, что составляет 94 540 солдат из всей армии в 202 355 человек. Но проблема в том, что армия не защищает страну от внешнего врага, а занята убийством мексиканцев. Цифры и

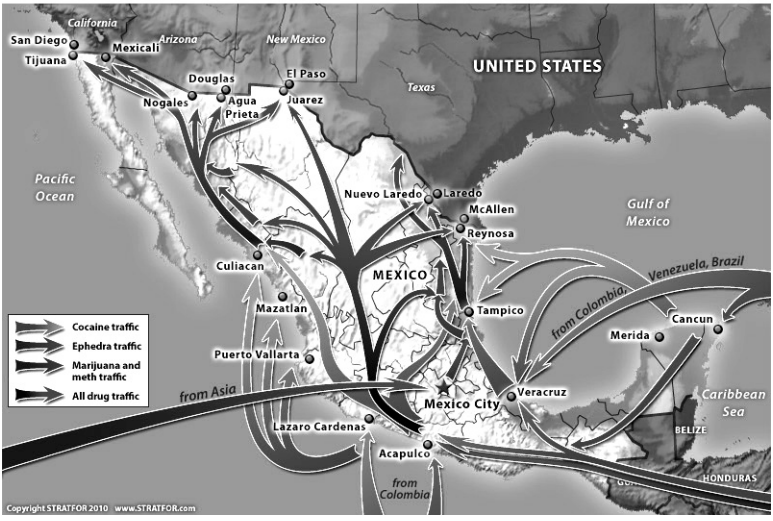
множество доказательств свидетельствуют о том, что большая часть жертв — невинные граждане. По данным правительства, с апреля 2010 г. произошло более 22 тысяч смертей, 7 тысяч исчезновений людей и 20 тысяч арестов.

Эту войну с энтузиазмом поддерживают Соединенные Штаты, военная помощь которых растет за те 28 лет, пока действует принятая неолиберальная экономическая программа, то есть приватизация государственных предприятий и перевод практически всего, в том числе человеческих жизней, в сферу торговли ради наживы крупных предпринимателей. Помимо того, Мексика — второй по величине торговый партнер США и третий поставщик нефти в эту страну.

В 2008 г. на патрулирование границы с Мексикой было выставлено более шести тысяч американских солдат. На сегодняшний день практически вся граница милитаризирована, как это было во время Мексиканской революции. Беспилотные самолеты регулярно совершают облеты мексиканской территории. В США популярны видеоигры, в сюжете которых американские войска вторгаются в Мексику.

Важно напомнить, что США всегда посылала своих солдат и агентов в Мексику. Вмешательство США во внутренние дела имеет длинную историю, которая началась с кровавого отделения части территории в пользу США в результате войны 1846-1848 гг.

DRUG ROUTES -- MEXICO



Оружие США — Альянс процветания и безопасности Северной Америки (Alianza para la Seguridad y la Prosperidad de América del Norte — ASPAN), созданный правительствами США, Канады и Мексики в 2005 г. для расширения "Плана Пуэбла — Панама" (2001 г.), который предполагает экономическую интеграцию юга Мексики с Центральной Америкой и Колумбией. В 2008 году министерство юстиции США объявило, что среди организованных группировок всего мира Мексика представляет наибольшую угрозу для их страны. В том же году ASPAN был подкреплен «Инициативой Мерида» («План Мексика») — международным договором о безопасности, заключенным США с Мексикой и Центральной Америкой для борьбы с наркотрафиком. Таким образом, для США повышается возможность добиться энергетической стабильности, и вместе с Мексикой и Канадой использовать свои силы не только для защиты от внешних угроз, но и от внутренних.

Появляется новая фаза современного империализма, милитаризма и международной координации в предполагаемой борьбе против террористов и наркотрафика, но на самом деле это борьба против политического инакомыслия [независимости], иммигрантов, коренных народов и некоторых элементов, которые блокируют наступление большого капитала и его проектов. Комбинация всех этих планов, на которые тратятся тысячи миллионов долларов, делает Мексику приоритетной для безопасности США и оправдывает отправку в Мексику американских военных для участия в разведывательных операциях и акциях по обеспечению безопасности обоих государств.

Очевидно, что Мексика находится в сложном и опасном положении, в котором главную роль играет американское вмешательство. Правительство Барака Обамы значительно увеличило бюджет для отправки агентов ФБР и DEA (Drug Enforcement Administration — Управление по борьбе с наркотиками), оружия и людей, чтобы мексиканский народ мог вести провозглашенную войну с терроризмом и наркоторговцами (или «со злом», как выразился Обама). Вашингтон создал новую особую группу из персонала разных разведывательных агентств и полиции, которая действует в приграничной зоне.

ФБР и DEA имеют офисы в различных мексиканских городах. В конце февраля 2010 г. представители Фелипе Кальдерона признали, что американские агенты активно действовали в Сьюдад-Хуарес. Более того, при Кальдероне увеличилось число служащих в частных

охранных фирмах, присланных из США. Существуют видеозаписи, зафиксировавшие пытки заключенных мексиканскими полицейскими, подготовленными агентами США. В 2008 г. в Мексике объявилась компания Blackwater (ныне Xe Services), известная своими бесчеловечными преступлениями в Ираке, якобы для помощи Кальдерону в борьбе с наркоторговцами.

В январе 2010 г. были убиты 16 подростков и студентов, никак не связанные с наркоторговцами, в Сьюдад-Хуарес, где за последние два года произошло около 4 700 убийств, и сейчас продолжаются безнаказанные убийства женщин и молодых людей. Почти все жертвы — гражданские, убитые военными, одетыми в черное и маски. В марте 2010 г. неизвестные наемные убийцы казнили американцев, работавших при консульстве США.

Говорят, что в этом городе, самом жестоком во всем мире — где сложилась совершенная модель индустриализации иностранными макиладорами совместно с желтыми синдикатами и их защитными контрактами — правительство Кальдерона поддерживает картель Синалоа или, по меньшей мере, позволяет ему притеснять картель Хуарес. Согласно ФБР, по словам тайных осведомителей, непосредственно связанных с наркодилерами, картель Синалоа уже получил контроль над Хуарес.

Шеф картеля Синалоа — Хоакин Гусман Лоэра (прозванный Чапо) — согласно журналу «Форбс» является одним из самых богатых и влиятельных людей в мире, а также самым современным среди неолиберальных предпринимателей. Чапо вышел из тюрьмы в 2001 г. — в первый год правительства Висенте Фокса, который пригласил израильский Моссад обучать CISEN (Centro de Investigación y Seguridad Nacional — Центр расследований и национальной безопасности), контролируемый Координационным бюро.

Новые убийства в первые месяцы 2010 г. послужили оправданием отправки ещё большего количества солдат в Хуарес. Значительная часть убийств и задержаний влиятельных наркодилеров были осуществлены армией (или силами флота, как в случае с братьями Бертран) — и все это только усиливает внутреннюю и международную мощь Чапо.

Кальдерон теряет популярность. Американские СМИ, контролируемые пятью транснациональными корпорациями, служащие интересам империалистов, не говорят ничего или лгут

о народных восстаниях оппозиции в Мексике или волнениях иммигрантов в США. США же держат в поле зрения растущую мексиканскую оппозицию и ищут возможность контролировать мексиканские природные ресурсы, а также дешевую рабочую силу. Со своей стороны, самая крупная мексиканская организация капиталистов, CCE (El Consejo Coordinador Empresarial — Координирующий предпринимательский совет) взывает к большей американской помощи для борьбы с картелями.

С другой стороны, Дэннис Блэр, директор разведывательного управления, в феврале 2010 г. назвал ситуацию в Мексике модным выражением Failed-State (недееспособное государство). Он сказал, что Мексика подрывает безопасность и создает рыночную нестабильность для процветания криминала, коррупции и плохой управляемости. Президент Обама отметил: «борьба с насильственным экстремизмом будет включать размытый образ врага, нестабильные регионы и недееспособные государства». Другие лица из высшего руководства США также часто упоминают о «недееспособном государстве» для того, чтобы оправдать военную интервенцию.

ЦРУ назвало Мексику и Пакистан двумя самыми нестабильными государствами в мире, которые в любой момент могут рухнуть. Командование объединенными силами утверждает, что эти страны могут превратиться в угрозы [для других], что вынуждает осуществить вооруженную интервенцию.

Назначенный Обамой посол в Мексике, американец кубинского происхождения, Карлос Паскуаль — эксперт по недееспособным государствам и строительству наций. Он имеет 27 лет опыта в Африке, Восточной Европе, Евразии, на Среднем Востоке, некоторых конфликтных ситуаций в латиноамериканском регионе (на Гаити, например), был шефом Бюро реконструкции и стабилизации при госдепартаменте, называемом также «Колониальным бюро». Наоми Кляйн описала Паскуаля как эксперта по шоковой терапии для недееспособных государств.

В Мехико Паскуаль начал координировать работу Двустороннего разведывательного бюро, где работают функционеры Пентагона, ЦРУ, ФБР, DEA и других американских служб.

Но правительство Мексики — не недееспособное государство. Лучше сказать, это государство недееспособного права. Оно хорошо выполняет свою задачу внутри империи. Вся пропаганда Вашингтона поддерживает милитаризацию Мексику с целью защищать интересы транснациональных предприятий и крупных иностранных компаний, которые доминируют в экономике.

Милитаризация — это продолжение грязной войны 70-х, особенно в штатах Чьяпас, Оахака, Герреро, Мичоакан, которая в данный момент усиливается из-за готовности наркодилеров сотрудничать с высшими полицейскими и военными силами в некоторых частях страны. Единственное отличие от семидесятых, как заметила сенатор Розарио Ибарра, это то, что происходят исчезновения и убийства не активистов и политических борцов, а простых людей, далеких от политики, социальных конфликтов и наркотрафика. Большинство убийств — это не война против наркодилеров, не их противостояние с армией, а казни невинных молодых мужчин и женщин, бедняков.

Каждое увеличение числа жертв позволяет Кальдерону говорить о победной войне. Каждый раз он увеличивает террор против населения и Конституции 1917 года, устанавливая гражданско-военную диктатуру.

Как заявила «Международная амнистия» и многие эксперты по Мексике, мексиканские военные обладают автономией и безнаказанностью. На самом деле они контролируют внутренние регионы страны, часто конкурируя с группами наркодилеров. В феврале 2010 г. министр обороны, генерал Гильермо Гальван публично призвал вооруженные силы поддержать политические реформы Кальдерона, тем самым, выявляя процесс формирования диктатуры.

В Мексике всегда существует возможность государственного переворота и, учитывая опыт Гондураса, можно предположить, что США дадут ему зеленый свет. Но возможно, нашлось бы несколько отставных генералов и адмиралов с некоторым количеством солдат, довольно чистых в плане коррупции, настроенных патриотично и демократично, как это часто случалось в латиноамериканской истории.

Проблема наркотрафика связана не только с милитаризацией, плохой управляемостью и недееспособностью государства. Повторяющиеся неудачи антинаркотических кампаний США в Колумбии, Мексике и других частях света, признанные многими экспертами, в том числе Жилем Керликовске, «антинаркотическим королем» в администрации Обамы, прекрасно послужили следующим целям: 1) обогащению банкиров, в первую очередь американских, посредством отмывки денег; 2) поддержанию огромного вклада в международный наркорынок для стран-экспортеров и их правительств; 3) умиротворению миллионов потребителей наркотиков, которые могли бы объединиться в политическую силу; 4) получению большей прибыли от международной торговли оружием, особенно для США.

Неудачи этих кампаний служат для оправдания массовых репрессий, государственного насилия и войны. В конечном счете, война против наркотиков, патронируемая Вашингтоном и его союзниками, не имеет ничего общего с национальной безопасностью и прекращением наркотрафика, это невозможная цель, в любом случае, из-за высокого спроса и огромной прибыли от торговли.

Напротив, вся эта война на самом деле имеет отношение к наживе и созданию стратегического альянса против по-настоящему демократических и антиимпериалистических государств, таких как Венесуэла, Боливия и Эквадор. Латиноамериканский альянс с США — это цепь государств с неолиберальными правительствами на побережье Тихого океана от Мексики до Чили (за исключением Никарагуа и Эквадора).

Поэтому в мексиканском Конгрессе существует инициатива закона, позволяющего допуск иностранных солдат на национальную территорию. Уже созданы семь новых военных баз США в Колумбии и есть двусторонний договор о создании ещё пяти баз в Панаме. Американские военные базы находятся практически во всех государствах Латинской Америки, включая острова Аруба и Курасао (территория Голландии, недалеко от Венесуэлы). Известно о планах по созданию

интернациональной базы совместно с Бразилией в Рио-де-Жанейро для совместного контроля за наркоторговлей. Официальные документы ВВС США объявили, что новые базы расширяют возможность вести экспедиционную войну и операции по всей Южной Америке, чтобы бороться с антиамериканскими властями в регионе.

Кроме того, воссозданный Четвертый флот США, вооруженный по современным технологиям и имеющий ядерное оружие на борту, с июня 2008 г. патрулирует Карибский бассейн и побережье Латинской Америки до самых рек. Очевидно, что военная угроза в регионе преувеличена. Главная цель этого нового наступления — без сомнения, нефть, особенно венесуэльская и мексиканская, а также колумбийская, эквадорская, бразильская и кубинская. Из этих стран (за исключением Кубы) и Канады США получает половину своей энергии.

В конце марта 2010 г. высшие должностные лица США и Мексики собрались в Мехико чтобы обсудить критическую ситуацию в Хуаресе. На этом втором собрании на высшем уровне госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что спрос на наркотики в её стране и нелегальный оборот оружия из США потакает жестокости картелей (согласно данным ООН, США — крупнейший потребитель кокаина в мире). Оба правительства объявили о новом этапе так называемой войны против наркотрафика, который будет включать социальную программу и большую военную помощь — «План Хуарес». Этот план, финансируемый США (более 300 млн. долларов будут направлены в Мексику) должен усилить существующую «Инициативу Мерида». Новый посол США в Бразилии назвал это «бронированием НАФТА», в котором можно распознать защиту экономических интересов крупного капитала в эпоху неолиберализма.

После встречи на высшем уровне посол Паскуаль прокомментировал в интервью «Телевиза», что военная стратегия Кальдерона «спроектирована вместе с США». В свою очередь министр национальной безопасности США Джанет Наполетано заявила, что американские войска в Мексике по просьбе Кальдерона действуют в ограниченной форме, занимаясь разведкой.

Еще существуют доказательства того, что Кальдерон сближается с США ценой мексиканского суверенитета. Политолог и антрополог Жильберто Лопес-и-Ривас отметил, что 14 недавно рассекреченных документов и результат рабочих совещаний октября 2006 г. — план Мексика 2030 г. и проект Gran Visión противоречат Конституции

1917 г. и гарантируют будущую оккупацию страны США. Этот план предусматривает приватизацию энергетической сферы, ресурсов биосферы, сферу образования, социального обеспечения и иных социальных услуг; включает репрессии и кооптацию социальных движений. Лопес-и-Ривас утверждает, что этот план внушен империалистами, и мексиканцы находятся перед лицом социальной войны, замаскированной под борьбу с оборотом наркотиков. Цель доминирующего политического класса — покончить с национальным государством Мексика. По словам Карлоса Фацио то, что сейчас происходит в Мексике — война низкой интенсивности, которая совмещает работу разведки, гражданские действия, психологическое давление и контроль над населением. Центр тяжести находится не на полях сражений, а в политико-социальной арене.

Настоящее положение и народное сопротивление

В настоящее время быстрыми темпами растет приватизация, в том числе в сфере энергетики. Этому пытается противостоять общественное движение, возглавляемое Мексиканским синдикатом электриков (el Sindicato Mexicano de Electricistas — SME), а также шахтерами, независимыми нефтяниками и иными национальными силами. Эти рабочие активны в своей борьбе против принятия новых трудовых реформ, которые грозят оставить их без прав и открывают дорогу для эксплуатации почти всего мексиканского народа.

В итоге Кальдерон и Министерство труда объявили войну этим рабочим в нарушение многих конституционных статей и законов, в том числе международных. В полночь 10 октября 2009 г. войска и полиция взяли силой государственное предприятие Luz y Fuerza del Centro (LyFC). Было уволено около 44 тысяч рабочих из SME. Сеть из 20 тысяч километров фиброоптического волокна была продана по минимальной цене консорциуму Телевиза, Телефоника и Мегакабле. Продажа была подтверждена восемь месяцев спустя Министерством коммуникаций и транспорта.

Правительство также угрожает силовой расправой забастовщикам в Кананеа. Против антисиндикалистского наступления прошла волна уличных манифестаций с участием от 150 до 350 тысяч человек. Методы, которые используют манифестанты — блокировки трасс, голодовки, неуплата счетов за электричество, забастовки и

организация союзов народного сопротивления. Многие лидеры и рабочие призывают к революции, протестам и дебатам или, по меньшей мере, требуют исполнения трудовых законов и соблюдения статей Конституции 1917 г.

Гражданское сопротивление проходит мирно, несмотря на регулярное применение силы со стороны армии и полиции. За последние несколько месяцев народного протеста существующие около десятка групп герильеров, которые являются небольшими и разделенными, не проявляли силу.

В то же время нарастает кампания по лишению полномочий Кальдерона, нелегитимного президента, обвиняемого в государственной измене и в сотрудничестве с американским правительством посредством ASPAN и «Планом Мерида». Эта кампания описывает Кальдерона как самую заметную фигуру мафии, которая пытается создать полицейское государство подобно Колумбии. Это подразумевает участие верхов в организации общества не как параллельного государства или государства в государстве, а как части, интегрированной в государство, силы, которая, как признает сам Кальдерон, взимает налоги, навязывает законы и полагается на публичную силу.

Также сейчас нарастает движение мексиканских иммигрантов в США. От 100 до 200 тысяч человек отправились 21 марта 2010 г. в Вашингтон чтобы защитить свои права. 1 мая сотни тысяч иммигрантов и им сочувствующих прошли по улицам более чем 80 городов, выражая протест против нового закона Аризоны, касающегося нелегалов, который затрагивает всех не белых. (расовое профилирование, чтобы задерживать любое лицо, внешне похожее на нелегала).

Мексиканские иммигранты (а каждый пятый рабочий-мексиканец живет и работает в США) находятся под давлением государственного террора: нападения расистов, незаконные задержания и облавы, разделение семей, новые реформы и жестокие законы по отношению к приезжим.

При правлении Обамы каждый год из страны высылается почти 400 тысяч иммигрантов. Существует 186 секретных мест, где иммигрантов удерживают силы Иммиграционной и таможенной полиции США.

Среди организаций, которые указывают на тысячи нарушений со стороны мексиканских кальдероновских властей — «Международная амнистия», Americas Watch, Интерамериканский суд по правам человека и даже государственный департамент США.

Все они порицают действия мексиканских военных — безнаказанные пытки, изнасилования, убийства невинных граждан и коррупцию.

Несмотря на новые народные протесты ситуация в данный момент не благоволит освободительным силам. В Мексике, как утверждает публикация Интернет-издания El activista regional, до сих пор нет четкого пути реализации огромного потенциала страны и существует глубокий кризис, не позволяющий действовать обществу и общественным организациям.

[Этот кризис] уходит корнями в долгую историю протекционизма и оппортунизма в мире политики, где мы наблюдаем разногласия среди мексиканских левых; аполитичные и консерваторские настроения среди населения; криминализацию общественных движений, сопровождающуюся растущими гонениями молодежи со стороны полиции и армии; жестокость по отношению к женщинам не только в Хуаресе, но и во всей стране; порчу окружающей среды и экономический кризис, который превратился в безнадежную борьбу за выживание, которая сужает возможность участия многих людей в политической борьбе. Кроме того, существует боязнь повторения жестокой революции 1910-1917 гг., стоившей жизни одной шестой части населения.

Но парадоксально, что в условиях экономического отчаяния и перед волной полицейского насилия по отношению к гражданам в провозглашенной Кальдероном войне против наркоторговцев, начинает исчезать страх смерти. Как говорится, кто ничем не рискует, тот ничего не выигрывает. Лучше рисковать собой, борясь за смену системы, чем продолжать терпеть нищету и ежедневные убийства. Несмотря на очевидные пораженческие настроения в обществе, выражаемые некоторыми людьми в виде циничной фразы «уж пусть лучше США захватят нас сегодня», никогда не знаешь, в какой момент общество начнет терять страх и неожиданно поднимет бунт, организованный народной мощью снизу, как это было в Аргентине в 2002 г. или в Гондурасе во время военного переворота в 2009-2010 гг.

Учитывая все эти моменты, представляется, что народная борьба будет трудной. Будет нужна наилучшая координация движений рабочих, крестьян, учителей, студентов, зеленых, женщин, мелких предпринимателей и пр. Ключевое слово в этих тяжелых условиях — «единство». К сожалению, сейчас существует больше разногласий, нежели единства — но все это можно поменять. Признаки будущего единства начинают появляться.

Эду Сильвестре де Альбукерке

БОЛИВИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РАЗРУШЕНИЕ «КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ»?

Боливия известна тем, что находится в положении географической изоляции, поскольку она потеряла свою прибрежную зону в ходе войны с Чили. Кроме того, физическая география и боливийские этнические группы образуют три региона с довольно различающимися характеристиками, что создает трудности для национальной интеграции. Для бразильского геополитического мышления Боливия представляет собой стратегически важную территорию для возможного соединения Атлантического и Тихого океанов, а также в качестве запаса необходимых ресурсов. Для Венесуэлы действующее правительство Боливии является стратегическим союзником для реализации проекта «социализм XXI века». Боливия пытается воспользоваться геополитическим соперничеством между Бразилией и Венесуэлой, чтобы закрепить достижения своей национальной и демократической революции.

Вступление

Этот очерк как попытка геополитического прочтения страны, называемой южноамериканским хартлендом, написан после путешествия автора по Боливии через крупнейшие города — Санта-Крус, Кочабамбу и Ла-Пас. Это был не столько туристический маршрут, сколько глубокое изучение географического фактора боливийской истории, по сей день влияющего на политическую систему этой страны.

Боливия получила широкую огласку в международных средствах массовой информации с момента избрания национального

(индейского) правительства, которое проводит серьезные политические и социальные реформы, а также повышает цены на природные ресурсы (в частности, на газ), что вызывает беспокойство со стороны соседних государств, особенно Бразилии. Бразильские инвестиции в нефтяной и газовый сектор этой страны были довольно значительными, но при правительстве Эво Моралеса курс внешней и внутренней политики Боливии резко изменился.

Избранный в 2005 г. и вступивший в должность в 2006 г., Эво Моралес является первым президентом индейского происхождения в истории Боливии — страны, расположенной в сердце южноамериканского континента, значительную часть населения которой с более чем 8 млн. жителей составляют различные индейские этносы. Избрание Моралеса стало следствием волны поиска альтернативы неолиберальной модели, прокатившейся в Южной Америке и затронувшей, в частности, андские (Венесуэла, Боливия, Эквадор) и платиновые (Аргентина, Уругвай, Парагвай — страны, на территории которых протекает река Ла-Плата) государства. Хотя и не существует идеологического единства между правительствами этих стран — тут есть и националисты, и социал-демократы, и левоцентристы — проводимая ими социальная и экономическая политика в некоторой степени сталкивается с финансовыми интересами и зарубежным бизнесом.

Несмотря на то, что Моралес проводит демократическую революцию и выносит вопросы о новой конституции на всенародный референдум, с самого начала он столкнулся с жесткой оппозицией в лице экономической элиты и региональных автономных движений, например, в департаменте Санта-Крус, который граничит с Бразилией.

Международная обстановка после окончания Холодной войны кажется мало благоприятной для военных переворотов; особенно потому что интересы Соединенных Штатов направлены на построение демократии в бывших социалистических странах Восточной Европы. Но недавний государственный переворот в Гондурасе в июне 2009 г. и свержение правительства, поддерживаемого Уго Чавесом, ставит под сомнение и долговечность правительства Эво Моралеса.

Боливия страдает от своего географического внутриконтинентального положения, возможно, даже больше, нежели Парагвай; к этому добавляется разнообразие рельефа, состоящего из тропических низменностей, Андского нагорья и долин, что препятствует полной интеграции транспортных систем. Нашей целью является демонстра-

ция попыток настоящего боливийского правительства преодолеть эти географические препятствия путем проведения более самостоятельной внешней политики, включая изучение различий между крупнейшими региональными государствами. Действительно, традиционное геополитическое соперничество между тремя региональными державами — Бразилией, Аргентиной и Венесуэлой — непосредственно отражается на экономическом развитии и физической инфраструктуре Боливии. Особенно следует упомянуть создание газопровода между Бразилией и Боливией во время правления Фернандо Энрике Кардосо и приход к власти Уго Чавеса в Венесуэле в 1999 г. На сегодняшний день Боливия держится достойно в этой «большой игре» по контролю за энергетическими ресурсами Южной Америки.

Траектория южноамериканского развития

История XX в. представляет собой осуществление модели промышленного развития латиноамериканских стран, что имеет конечной целью повышение уровня социального благосостояния. В Бразилии эта модель получила силу при правлении Варгаса, в Аргентине — при Перóне. В Боливии, как и в Бразилии, нефтяной сектор всегда будет ареной столкновений между действующими силами внутренней политики, отстаивающими экспроприацию и либерализацию. Первые выиграли когда государственная нефтегазовая компания Yacimientos Petrolíferos Fiscales Bolivianos (YPFB) национализировала местные активы североамериканской компании Standard Oil (PIEDRAS, 2008).

Около 200 переворотов и гражданских войн, произошедших в Боливии за её недавнюю историю, с переменными волнами либерализма и национализма создают неблагоприятную политическую среду и нормативно-правовую базу для иностранных инвесторов в нефтяную сферу. Централизация капитала представляет собой фундаментальный фактор для международной конкуренции, объемы также достигли небывалого уровня в мировой истории (KURZ, 2001), и YPFB не может игнорировать иностранные технологии и финансовые ресурсы ввиду внутренних ограничений по накоплению капитала.

Воспользовавшись сделками во время Холодной войны, Бразилия сумела развить некоторые традиционные виды промышленности, среди достижений которых — создание мощной государственной

нефтяной компании Petrobras. Решение об увеличении прямых инвестиций Petrobras в Боливию родилось из энергетических потребностей промышленного парка центральной и южной Бразилии и строительства газовых электростанций, что грозило коллапсом бразильской энергетической системы. Несмотря на политическую нестабильность Боливии, техническая монополия Petrobras могла бы гарантировать выполнение контрактных обязательств в этой стране. В мае 2006 г. правительство Боливии объявило о национализации углеводородной промышленности и приступило к национализации активов иностранных компаний в данном секторе, включая Petrobras.

Ранее, в начале 2006 года правительство Лулы начало разрабатывать масштабный двусторонний договор, который позволил бы расширить сотрудничество в области использования природного газа, нефтехимии, гидро- и теплоэнергии, в сфере сельского хозяйства, финансирования инвестиций, профессиональной подготовки и обмена технологиями. К этому должны были быть подключены Petrobras, Eletrobrás, BNDES, Embrapa, Банк Бразилии, а также частные компании. Но в течение февраля 2006 года Бразилия потеряла диалог с правительством Боливии. Дважды была запланирована встреча сторон для обсуждения договора в Ла-Пасе, но оба раза она была отложена. Вскоре после этого, в апреле, правительства Боливии, Кубы и Венесуэлы подписали соглашение о стратегическом альянсе, предложенном Моралесом; Бразилия отошла на второй план (PIEDRAS, 2008, p. 151).

Бразилия была удивлена сотрудничеством Чавеса и Моралеса, где «техническое отсутствие» и финансирование, прекращенное Petrobras, было заменено государственной венесуэльской компанией PDVSA[1]. Боливия начала торговаться с Бразилией, одновременно затевая геополитическую борьбу с Аргентиной, ожидая поднятия цен на боливийский природный газ для обеих. Снова оказалась недостаточной техническая монополия газопровода Бразилия-Боливия (Gasbol), учитывая аргентинскую потребность в боливийском газе.

Моралес также добился бразильского финансирования строительства трассы между городами Санта-Крус-де-ла-Сьерра и Корумбой (Мату-Гросу-ду-Сул), что было давней претензией департамента

[1] В Эквадоре на выборах националист Рафаэль Корреа победил плутократа Нобоа, используя левый дискурс и явную поддержку Уго Чавеса. На повестке дня у Корреа включен обзор контрактов с иностранными нефтяными компаниями, в том числе Petrobras.

Санта-Крус, самого богатого в Боливии. Чтобы избежать потери значительной части своей территории в пользу Бразилии[1], боливийское правительство в ближайшие 50 лет намерено связать дорогами Санта-Крус-де-ла-Сьерра с Кочабамбой и соединить их с уже существующей трассой, ведущей в Ла-Пас, а затем получить выход к тихоокеанским портам.

Структурная перестройка экономики: нефтяная инфраструктура

Благодаря случившемуся буму в области международных цен на нефть, проект национализации Чавеса может включить в себя не только нефтяной сектор; в начале 2007 г. было объявлено об экспроприации телефонных сетей и электроэнергии. Тем же путем пошел Эво Моралес, в мае 2008 г.[2] (3) национализировавший активы европейской телефонной компании Euro Telecom International. Кроме того, приватизация государственных латиноамериканских коммунальных предприятий успешно осуществлялась европейскими группами, которые, следовательно, в настоящее время терпят большой убыток от национализации.

Бразильская внешняя политика ставит в приоритет расширение интеграции Меркосура, но сталкивается с волной национализации предприятий в андских странах. Новых андских левых характеризует антиамериканизм и категорический отказ от проекта Зоны свободной американской торговли (FTAA) и препятствие модели региональной торговли, практикуемой Меркосур (FIORI, 2007).

Сближение Боливии и Венесуэлы волнует также Вашингтон и Сантьяго, поскольку чилийцы удерживают бывшие боливийские территории, отнятые в ходе Тихоокеанской войны (1879-1880 гг.)[3].

[1] Боливийская территория Акре была инкорпорирована Бразилией в начале прошлого века, с обоснованием, что в регионе проживают бразильские сборщики каучука. Совсем недавно в департаменты Пандо и соседний Санта-Крус также «вторглись» бразильские сборщики каучука (по предварительным оценкам в регионе ок. 30.000 бразильцев), что вызывает опасения среди боливийцев насчет дальнейших территориальных потерь в районе Амазонки.

[2] Социальные движения, которые свергли Лосаду, появились из-за планов увеличить налоги, приватизировать основные государственные услуги, как в случае приватизации водоснабжения в Кочабамбе.

[3] Война произошла в основном в результате спора между Боливией и Перу, с одной стороны, и Чили с другой, за богатые залежи гуано и селитры. В результате поражения Боливия потеряла провинцию Атакама, портовый город Антофагаст и доступ к морю.

Вашингтон уже доказал, что сделает все возможное, чтобы затруднить перевооружение венесуэльской армии, о чем свидетельствует недавний эпизод с участием бразильской компании Embraer, которая не получила разрешения США на продажу военных самолетов Tucano (построенных с помощью американских технологий) Венесуэле. Но говорить о полном разрыве Боливии или Венесуэлы с Соединенными Штатами нельзя, так как уже существующая международная интеграция не позволит решить вопрос о независимости капитала и технологий. Здесь существует некоторая обида андских стран на внешнюю политику США, которые относятся к ним с пренебрежением и сосредотачивают свои усилия на инвестировании в Восточную Европу и Азию. Но венесуэльский «социализм XXI века» и боливийская демократическая революция не включают в свою программу «финансирование мозгов», а, следовательно, технологический разрыв между Северной и Южной Америкой будет только увеличиваться[1].

Боливийская демократическая революция

Первые волны государственнической политики были предприняты популистскими правительствами ещё в 1930-х гг. Популизм пытался на практике привлечь народные массы к установлению политического контроля над процессами урбанизации и индустриализации. В целом, привитая здесь политическая система была следствием строгой иерархии и личностного руководства от главы правительства до местных представителей.

Интересно, что националисты и латиноамериканские левые готовы объединить свои усилия во имя антиамериканизма.

В настоящее время сохранение власти стоит на повестке дня для сторонников Чавеса, харизматический образ которого строится на

[1] По сравнению с Европой и Азией, Соединенные Штаты будут по-прежнему держать открытым свой рынок для промышленных товаров стран Латинской Америки. Конечно, в определенных пределах, о чем свидетельствуют требования США к Аргентине и Бразилии присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия и режиму контроля за ракетными технологиями, давление с целью аннулирования Бразильского законодательства по информационным технологиям, запрет на продажу Бразильской военной техники в Ирак Саддама Хусейна и Ливию Каддафи, попытка убедить бразильского правительства не сотрудничать с Китаем в области спутниковых дистанционных технологий, в частности.

поддержке грандиозных социальных программ по повышению благосостояния и опять же на антиамериканской риторике. Но подобные программы и антиамериканские речи распространились по всему латиноамериканскому региону, и сейчас это служит аргументом для сравнения новых левых со старыми популистами.

Политические и социальные процессы Боливии уникальны тем, что Моралесу удается сосуществовать с шумной оппозицией, которая пытается мешать его реформам, и сами эти реформы проводятся не в ущерб демократии.

Боливия открыто отвергает попытки механического анализа, устанавливающего связь между её географическими и социальными особенностями и экономическим развитием, и отрицает существующие в силу этого проблемы политической системы. Наиболее экономически развитым в Боливии является равнинный регион с умеренным климатом.

Это не значит, что высокогорные районы не имеют перспектив для развития. В Андах имеются богатые запасы нефти, газа и металлов. Впечатляет также многообразие сортов картофеля, кукурузы и фруктов, выращиваемых на крутых горных склонах (на каждой высоте — свой сорт картофеля и кукурузы), это наследие сохранилось ещё со времен славных инков.

При пересечении страны Анды, имеющие в среднем высоту 3700 м, постепенно теряют свое величие до тех пор, пока не сменяются равнинными лесами притоков Амазонки и обрабатываемыми землями Санта-Крус, расположенными практически на уровне моря.

Таким образом, в Боливии выделяют три экологических региона: Анды (высокогорье), предгорье Анд (долины) и равнины (тропическая низменность). С юго-запада на северо-восток друг друга сменяют равнина, предгорье Анд и андский регион.

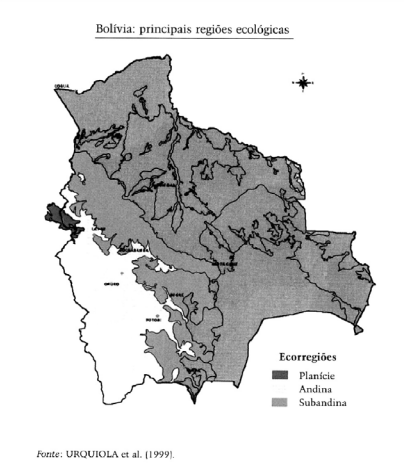
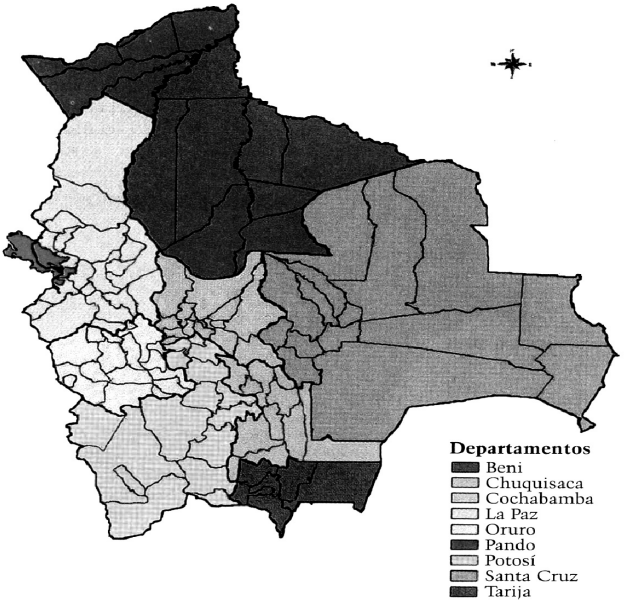


Рис. 1. Источник: GALLUP, 2007. Боливия: основные экологические регионы.

Несмотря на то, что испанский язык способствует интеграции и созданию унифицированного рынка, этнолингвистические особенности играют свою роль и усиливают географическое разнообразие: язык аймара является распространенным в андском регионе, кечуа — преимущественно в долинах, а в тропических низменностях — гуарани. Иногда эти различия приводят даже к конфронтациям, как, например, гражданская война между кечуа, проживающими в Сукре (политической столице горнодобывающей зоны в долинах Анд) и аймара из Ла-Паса, расположенном на плоскогорье, в период между 1898 и 1899 гг. Аймара удалось переместить в Ла-Пас правительство, Сукре же остается местом Верховного Суда. Эта проблема остается открытой и по сей день, попытки вернуть в Сукре исполнительную и законодательную власть проваливаются.

Референдум января 2009 г, посвященный принятию новой Конституции, показал, что остается и даже укрепляется противостояние между избирателями плоскогорья (поддерживающими Моралеса) и



Fonte: URQUIOLA et al. (1999).

Рис. 2. Источник: GALLUP, 2007. Департаменты и провинции Боливии

низменностей (выступающими против Моралеса. Но, тем не менее, за новую конституцию проголосовало более 60 % избирателей).

Политико-административное деление

Несмотря на то, что множество боливийцев из различных регионов регулярно мигрирует в Санта-Крус, около 74% населения проживает в Андах и долинах, в условиях бедноты и слаборазвитой инфраструктуры, не имея элементарных социальных услуг. Ла-Пас представляет собой огромную фавелу населением 1 млн. человек, с примитивными жилищными условиями, где между зданиями отсутствует какое-либо пространство. Горный рельеф создает большие трудности для строительства дорог, водопроводов и телекоммуникаций для обеспечения электричеством.

Высота над уровнем моря способствовала не только географическому разнообразию Боливии, но и высоким ценам на транспорт. Из-за рельефа в андском и преданском регионах строительство дорог очень дорого. Неподходящая почва и обильные дожди также увеличивают стоимость строительства, особенно делает дорогостоящим обслуживание и надежность дорог на равнинных территориях. Таким образом, Боливия имеет наименьшую плотность дорожной сети (км. на млн. жителей) среди южноамериканских стран. (GALLUP, 2007, p. 95).

Происхождение боливийского национал-индигенизма

Социальный контингент, избравший Моралеса — это боливийцы индейского происхождения (из чувства национализма и индигенизма) и Движение за социализм. Вокруг Движения сконцентрировались социальные группы, хоть и с разными целями, но поддерживающие национализацию и повышение цен на углеводородную и горную продукцию:

Некоторые левые лидеры в настоящее время встали на сторону правительства и требуют более жестких мер. Среди них нужно упомянуть Фелипе Киспе, лидера индейского движения Пачакути, вставшего на сторону Моралеса для свержения экс-президента Санчеса де Лосады. Другие две общественные организации, то поддерживающие, то критикающие Моралеса — Federación de Juntas Vecinales El Alto (FEJUVE) и Боливийский рабочий центр. Правящие Движение за социализм и движение Пачакути происходят из крестьянского населения, FEJUVE и Боливийский рабочий центр — из городского (PIEDRAS, 2008, p. 154).

Моралес по происхождению принадлежит к гордым аймара, но человек он достаточно простой и честный. Плоскогорье населено аймара, горная местность — кечуа, и вместе эти регионы образуют социально-территориальную зону сопротивления североамериканским, европейским и бразильским интересам, покушающимся на боливийские природные богатства. Боливия осознает, какими благами она обладает, и считает, что иностранные компании заинтересованы в том, чтобы для эксплуатации её богатств Боливия оставалась неразвитой.

Другие группы, сконцентрировавшиеся вокруг Движения за социализм — сторонники ревизионизма колониальной (и предколониальной) истории, согласно которой туземные народы не способны на самоуправление. Возрождение «мифа о происхождении» особенно сильно среди аймара, которые рассматривают руины инков на озере Титикака как доказательство того, что они являлись Цивилизацией, развивавшейся в центре вселенной[1].

Движение за социализм специфично тем, что имеет в своей организации союз плантаторов по сбору листьев коки, поэтому является инструментом социальных движений в политике. Также его особенность состоит в том, что оно является вершиной синтеза классицизма (традиционно центрального для левых) и индейского национализма (PEREIRA, 2008, p. 165-166).

Это широкое и организованное общественное движение гарантирует проведение аграрной реформы и экспроприацию земель без возмещения, согласно которой земли возвратятся индейцам, испокон веков владевших ими. Судебная система была реорганизована, частично потеряв свою мощь в пользу местных традиций, что благотворно сказалось на многих деревнях аймара, изолированных в горной местности. А когда политические институты способны адаптироваться к требованиям народа и давать ему право голоса, мы, несомненно, имеем дело с настоящей революцией[2].

[1] «Мифы происхождения» аймара также сообщают, что легендарная Атлантида скрыта под водами озера Титикака. Но когда известный французский океанограф Жак Ив Кусто изучал озеро, в его темных водах были обнаружены только признаки разложения древних лесов.

[2] Даже древние индейцы имели широко распространенную привычку жевать и пить чай из листьев коки, чтобы преодолеть усталость и последствия высоты, это было легализовано и сопровождалось резкой критикой со стороны правительства США, которые испугались, что это укрепит местные группы производителей кокаина.

Нововведения, однако, сопровождаются негодованием оппозиции — экономических элит и местных автономистов — которые опасаются, что жесткость новых правил прекратит инвестирование в нефтяную и углеводородную сферу. Государственный переворот никогда нельзя исключать из возможности в Латинской Америке, особенно в Боливии. Но Движение к социализму базируется на совершенно новой политике, на основе национализма коренных народов, а не на извращенном североамериканском, бразильском или европейском глобализме.

Заключение

Боливийский революционный опыт глубоко изменил социально-экономическую и политико-правовую структуры страны, сделал её не похожей на другие латиноамериканские страны, правительства которых пытаются выводить политические формулы сверху вниз и пичкают программами по повышению благосостояния. Однако международные зависимые структуры не были затронуты революцией так далеко и по-прежнему не могут выйти за рамки горнодобывающей и нефтяной сфер и инфраструктуры базовых услуг. Боливия также пытается найти альтернативу неолиберальной модели, и очевидна её неспособность содействовать интеграции в латиноамериканское пространство.

Но важный вопрос остается открытым: сможет ли Моралес преодолеть географические проблемы Боливии — социально-географическое разделение страны и отсутствие выхода к морю. Напряженные социально-политические отношения могут вылиться в борьбу между тремя основными городскими центрами, каждый из которых представляет свой регион: Санта-Крус-де-ла-Сьерра — экономический центр на равнине, Кочабамба лидирует вместе с Сукре в горнодобывающем районе и прендандскими долинами, Ла-Пас доминирует на плоскогорье и открывает возможности выхода к Тихому Океану. Природные ресурсы и этническое население этих регионов представляет собой источник питания для экономических элит и инструмент торгов местных политиков с центральной властью, в настоящее время представленной революционером-аймара Моралесом. Это историческое противостояние способствовало потере природных богатств и территорий в пользу Чили и Бразилии.

На сегодняшний момент Моралес изучает «границы маневров» Боливии между Венесуэлой и Бразилией; таким образом он пытается добиться гарантий и уступок с обеих сторон для нейтрализации «центробежных» географических и внутренних политических сил: от Чавеса он получает политическую поддержку (и даже венесуэльских агентов безопасности в президентскую гвардию), финансы и ресурсы для государственной компании YPFB, а от Лулы — финансирование трассы, которая поможет внутренней национальной интеграции на востоке Боливии. Другим важнейшим направлением внешней политики является возврат земель, потерянных в результате Тихоокеанской войны с Чили, и с ними — выход к морю.

Список литературы:

FIORI, José Luis. A nova geopolítica das nações e o lugar da China, Índia, Brasil e África do Sul. In: Revista Oikos — Revista de Economia Ortodoxa. Rio de Janeiro, n. 8, ano VI, 2007, p. 77-105.

GALLUP, John Luke. Geografia é destino?: lições da América Latina. São Paulo: Editora UNESP, 2007.

KURZ, Robert. Marx Lesen. Frakfurt/Main: Eichborn, 2001.

LIPIETZ, Alain. Miragens e milagres: problemas da industrialização no terceiro mundo. São Paulo: Nobel, 1988.

PIEDRAS, Ricardo. Integração sul-americana: uma visão a partir da experiência com a Bolívia. In: OIKOS — Revista de Economia Política, Rio de Janeiro, n. 9, ano VII, 2008, pp. 145-155.

PEREIRA, Fabrício. Algumas propostas para o estudo das esquerdas sul-americanas contemporâneas. In: OIKOS — Revista de Economia Política, Rio de Janeiro, n. 9, ano VII, 2008, pp. 157-171.

Пепе Эскобар

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА РОДИЛАСЬ В БРАЗИЛИИ

Бразилия — это страна, которую любит весь мир. Бразилия — это (радостная) загадка, завернутая в (хаотическую) тайну. Но постановка вопроса усложняется тем, что загадка и тайна ритуально жонглируются с футболом, самба, взглядами чувственных мулаток, просмотром теленовелл и потягиванием убийственной кайпириньи — и все это в одно и т

о же время.

Отличительным культурным признаком Бразилии является людоедство — от культуры к технологии, наследие бывшей, ленивой европейской монархии в тропической стране, где аборигены было весело уничтожены, в то время как европейцы и чернокожие рабы свободно совокуплялись, в чем не было никакой вины со стороны католического участия (нет греха ниже экватора). Если это звучит сюжет как карнавального парада, то потому, что так оно и есть. Французский генерал и государственный деятель Шарль де Голль однажды язвительно заметил, что Бразилия «не является серьезной страной». Многоэтничные, мультикультурные бразильцы, привыкшие к терпимости, но большую часть времени пропитанные самоуспокоенностью, предпочитали верить — и шутили об этом — в вечное обещание «страны будущего» (как написал австрийский писатель Стефан Цвейг более 70 лет назад).

Теперь Бразилия прокладывает себе дорогу — и получение выгоды от глобальной доброй воли стало одним из важнейших элементов ее перезагружаемой мягкой мощи (soft power). Страна «B» в придуманной Голдманом Саксом БРИКе — новой, формирующейся глобальной силе; менее непостижимая, чем Китай, менее авторитарная, чем Россия, менее хаотичная, чем Индия (и без каких-либо религиозных

проблем). И согласитесь, гораздо более веселая. Там появилось два новых национальных нарратива. Во-первых, Бразилия станет «пятой силой» — то есть, пятой по величине мировой экономикой (прощай Англия и Франция). И что Новая Американская Мечта родилась в Бразилии.

Неудивительно, что у англо-американских элит Севера, как правило, закипают мозги, когда они сталкиваются с таким количеством тропической несдержанности. Во время встречи группы G-20 в Лондоне, Президент Соединенных Штатов Барак Обама не смог сдержать себя. «Я люблю этого парня», — сказал он о Президенте Бразилии Луисе Инасио Лула да Силва, — «он самый популярный политик на Земле». Журнал «Тайм» недавно назвал Лулу «самым влиятельным человеком в мире». Издание «Экономист», которому не свойственны гиперболы, убежден, что Бразилия выйдет на пятое место к 2025 г.

Но был ли лондонский Independent склонен к переоценке, когда писал о «самой влиятельной женщиной в мире»? И Дилма Руссеф стала президентом Бразилии. Она может стать более могущественной, чем канцлер Германии Ангела Меркель и госсекретарь США Хиллари Клинтон — но бразильцы бы пошутили — а что насчет знаменитостей: Мадонны и Анджелины Джоли?

The Financial Times когда устроили в Сан-Паулу обед для экспрезидента (1995-2002 гг.) Фернандо Энрике Кардосо, в просторечии известного как ФЭК, он, как павлин, многократный и почетный доктор социологии ворчал: «Я сделал реформы. А Лула выехал на них».

Ключевая реформа ФЭК состояла в подавлении гиперинфляции путем запуска «реала» — новый бразильской валюты — план был реализован в середине 1990-х гг., но это говорит о том, что он до сих пор отказывается дать Луле кредит за ответственность по финансовому управлению и борьбой с исключением (но не коррупцией), вытянув около 30 миллионов бразильцев из нищеты.

Добро пожаловать в бразильскую идиосинкразию: новый опрос, проведенный Pew Global Attitudes Project показывает, что 79% бразильцев рассматривает политическую коррупцию, как «основную проблему», как в то же время 75% одобряют правительство Лулы, и не менее чем 80% восхваляют Лулу до небес.

Но даже этому стратосферному наслаждению от 80% поддержки Обама может только позавидовать, Лула не бог, за восемь лет своего правления, он не смог пропихнуть важную налоговую реформу через

неумелых, погрязших в коррупции конгрессменов. А без этого новая американская мечта, по существу, касающаяся новоиспеченного класса ниже среднего, потребляющего дома, автомобили, телевизоры и компьютеры чуть ли уже не завтра, не сможет взлететь. Такой бум, который происходит в Бразилии сейчас, в основном за счет нон-стоп продажи товаров в Китай, не может быть вечно устойчивым.

Лула вышел из очень бедной семьи с северо-востока, бывший рабочий металлургической промышленности закалил свои нервы при старой бразильской полуимпериалистической компрадорской элите до такой степени, что это трудно понять за рубежом. Историк Хосе Онорио Родригес показал, как эти элиты всегда были «отчужденными, антипрогрессивными, антинациональными и антисовременными». И они «никогда не мирились с народом». Поэтому порочные выпады бразильских корпоративных СМИ против Лулы можно расценивать как войну против бедных людей, которые, наконец, освободили себя и последовали по пути, на котором Лула был первопроходцем. Кто сказал, что классовая борьба умерла? Нужно просто посетить Бразилию — здесь по-прежнему самое неравное общество в неравной Латинской Америке.

Стелла при свете звезд

Лула вновь, кажется, правильно выехал на волне истории, выбрав в качестве своего преемника сурового и до недавнего времени непонятного аппаратчика среднего класса, которая никогда не видела урну для голосования. Дочь болгарских иммигрантов, Дилма Руссефф, по прозвищу «железная леди», или в простонародье Дилма, ребенком мечтала стать балериной, пожарным или акробатом. Но тогда в 1964 г. бразильские генералы низвергли демократию и установили свои правила игры в войне с террором — чтобы защитить то, что они называли «национальной безопасностью».

Интересно наблюдать сегодня, что Лула смог во многом сделать то, что правительство Жоао Гуларта пыталось сделать до военного переворота в 1964 г., расширив полномочия городских и сельских рабочих. Компрадорская элита только заботилась об экспорте, а верхушка среднего класса погрязла в показном потреблении — автомобильная промышленность в то время была двигателем бразильской экономики. Военной диктатуре благоприятствовал корпоративный — нацио-

нальный и международный — капитализм, а к тем, кто грел руки на наживе, были подключены и бразильские медиа группы, контролируемые восемью семьями.

Дилма боролась против развития «модели» диктатуры, вступив в тайную организацию Vanguarda Armada Revolucionбria Palmares. Ее кодовое имя была «Стелла». Стелла, как и музыкант Джим Моррисон, хотела изменить мир, и изменить его сию же минуту. Эти авангардисты в 1960-х и 1970-х гг. похищали иностранных дипломатов с целью получения выкупа и отстреливали иностранных — в том числе американских — специалистов по пыткам, которые тренировали эскадроны смерти диктатуры (привет генералу Дэвиду Петреусу, по ком звучит колокол?). Дилму пытали в тайной полиции в Сан-Паулу, а не в Абу-Грейб, дали 25 месяцев за «подрывную деятельность», а выпустили на свободу только через три года. Она была готова попытаться изменить систему изнутри.

Как Бразилия преодолела кризис

Развитиеизм — таким будет название игры в правительстве Дилмы. Это будет тернистый путь, особенно потому, что инфраструктура Бразилии находится в ужасном состоянии, а уровень образования практически ничуть не лучше. Не ясно, будет ли Дилма следовать букве закона ее Рабочей партии в том, что, например, Бразилия может развиваться без иностранных инвестиций в нефтяной сектор и сельское хозяйство.

У Дилмы есть ключевой гуру — ее бывший учитель экономики Лучано Коутино, в настоящее время возглавляющий Национальный банк экономического и социального развития (BNDES). Он может стать следующим министром финансов Бразилии. Не удивительно, что крупные банкиры Сан-Пауло и финансовых рынки, не говоря уже о рантье, не в восторге.

Ключевые критики в том, что бразильский казначейства была душа BNDES с наличными деньгами, так воздухоплавания государственного долга. Но этот процесс также объясняет, почему и как Бразилия выиграла в 2008 году Уолл-Стрит спровоцировал глобальный финансовый кризис. Когда Китай объявил о своем огромном, почти в 600 млрд. долл. пакете стимулирующих мер в конце 2008 г., экономисты из BNDES знали, что они должны, в буквальном

смысле, следовать за деньгами. Не было никаких кредитных линий, включая Бразилию. Для борьбы с неизбежно приближающейся рецессией был выработан кредит в 60 миллиардов долларов кредита от казначейства для BNDES. Это была абсолютной противоположностью сумасшедших годов рыночного капитализма ФЭК. Журналист Консуэло Дьегеснедавно обозначил, что страны с сильными государственными банками, такие как Бразилия, Китай, Индия и Южная Корея, были единственными, кто реально смог преодолеть кризис. Недовольство Бразилии в отношении США объясняет, почему страна не была модернизирована гораздо раньше. Сталелитейный гигант CSN, который все еще работает, был построен в 1941 г. при полной поддержке, которой была крайне необходима бразильская сталь для нужд Второй мировой войны. Бразильское правительство полагало, что после войны, Вашингтон будет продолжать делать инвестиции в модернизацию страны.Франклин Рузвельт даже организовал комитет для изучения плана развития для Бразилии, включающий, в том числе, и финансовую помощь. Но Рузвельт умер в апреле 1945 г. Гарри Трумэн предпочел восстанавливать экономику стран, проигравших в войне — Германии и Японии. Проблема была в том, что война автоматически способствовала протекционизму. С 1940-х гг. и далее экономика Бразилии была почти так же закрыта, как у нынешних членов БРИК России и Китая. Тем не менее, для Бразилии потребовалось лишь десятилетие, чтобы развить серьезную промышленную базу. Начиная с первых 1960-х гг. экономика Бразилии подскочил с 50-го места в мире на восьмое. Валовой национальный продукт в это время рос по 7% в год. Это было так называемое «бразильское чудо». Проблема состояла в том, что бизнес был выгоден только военным, близким к режиму с большим кредитами BNDES. После нефтяного шока 1973 г. пришла реальность. Без нефти и наличных для оплаты внешних долгов, экономика Бразилии рухнула. Такая ситуация сохранялась по 1990 г. Как с иронией отмечают многие бразильские экономисты, BNDES возродился из пепла для того, чтобы запустить приватизацию. Вместо развития государственных компаний было приказано их ликвидировать. И еще раз те, кто был близок к правительству, хорошо нажилась, то есть, кричащие ФЭК и его окружение. Теперь BNDES делает ставку на компании, производящие товары, чтобы вывести Бразилию в национальные чемпионы по целлюлозной, легкой,

мясоперерабатывающей, нефтехимической, нефтяной и горнодобывающей промышленности. Нет никаких признаков высокотехнологичных компаний. Исследования, проведенные неправительственными организациями показывают, что горнодобывающая, сталелитейная, этаноловая, целлюлозная, нефтегазовая промышленность, гидроэлектростанции и агробизнес получили почти половину средств BNDES из около 280 миллиардов долларов в течение восьми лет правления Лулы. JBS, например, стал крупнейшим производителем мяса в мире. Политика Лулы, например, заключалась в займе денег под 10,75% годовых для того, чтобы купить акции нефтяного гиганта Petrobras. Эти кредиты казначейства не попадали в бюджет, увеличивая валовой, а не чистый долг. Бразильский валовой долг уже достиг ошеломляющих 63% от валового внутреннего продукта (ВВП). Неудивительно, что орды экономистов в ужасе, так как есть средства для кредитования, несколько хороших идей, но нет никаких признаков промышленной стратегии. А почему? Потому что в стране отсутствует крепкий, хорошо спланированный проект для долгосрочного развития. Дилма будет достаточно умна, чтобы заметить, что покупка Китаем товаров, не сможет двигать промышленную политику Бразилии. Эта игра комплексных отношений между Китаем и Бразилией называется «карманами процветания». Китай в настоящее время является лидирующим торговым партнером Бразилии, опередив США в 2009 г. Китай потреблял почти 14% экспорта Бразилии в 2009 г., а Бразилии потребляла почти 13% китайского экспорта. Если вы являетесь бразильским экспортером сои, то вы — сертифицированный мультимиллионер. Если же вы принадлежите к когда-то процветающей бразильской обувной промышленности, то вы скоро станете банкротом. Опора на Китай не является рецептом для устойчивого роста. Очевидным выходом для Бразилии является продажа не только товаров, но товаров с добавленной стоимостью, как делали Samsung. И здесь уловка, так как Бразилия не может этого сделать без срочного обновления дряхлой инфраструктуры портов, аэропортов и автомобильных дорог (Исследование, проведенное в 2007 г. транспортной конфедерацией показало, что 74% бразильских дорог были в «ужасном или плохом» состоянии). Она нуждается в модернизации согласно византийскому налоговому кодексу, который нанесет удар по бюрократии, замедляющей бизнеса в Бразилии, по

так называемой «бразильской стоимости» (страна находится на 129 месте из 183 в категории простоты ведения бизнеса, согласно статистике Всемирного банка на 2009 г). Дилма пообещала инвестировать более $ 550 млрд. в период между 2011 и 2014 гг. для улучшения сельскохозяйственного экспорта Бразилии и подготовить в 2014 г. чемпионат мира по футболу и в 2016 г. летние Олимпийские игры. Однако реформа налогового кодекса и бюрократической машины практически не обсуждалась. Налоговая нагрузка, согласно недавнему исследованию Института Brookings, в 34,4%, значительно выше, чем у стран БРИК и даже у развитых стран, таких как Япония (17,6%) и США (26,9%).Когда Лула открыл биржу в Сан-Паулу, индекс Bovespa подскочил в рыночной стоимости, и занял второе в мире место из-за колоссальных продаж в корпоративной истории акций Petrobras на $ 68 млрд. Возбужденные инвесторы из Бразилии и за рубежом запрашивали вдвое больше.Капитализация Petrobras — теперь второй по величине нефтяной компанией в мире после Exxon — осуществлялось при участии государства до 48%. Компания теперь — это монстр с инвестиционной программой в $ 224 миллиардной с 2010 по 2014 гг. Petrobras будет добывать не только нефть из текущих месторождений, но и ее вероятные 50 млрд баррелей, лежащих на дне Атлантического океана.Другой бразильский гигант — это шахты Vale, компания, которая согласно Boston Consulting Group создала за последние десять лет больше, чем любая другая крупная фирма в мире. Еще раз благодаря Китаю, с рыночной капитализацией в $ 147 млрд., Vale в настоящее время является второй по величине компанией в мире после BHP Billiton.Новый Кувейт Неизбежно, бразильский бум будет генерировать свою часть мегамиллиардеров. Такие, как Хорхе Пауло Леманн, второй богатейший человек Бразилии вложивший 52 млрд. долл. для захвата Anheuser-Busch Cos, основавший крупнейший инвестиционный банк Бразилии и недавно купивший за $ 3,3 млрд. Burger King, что является самым большим ресторанным приобретением за последние 10 лет. Но победителем, несомненно, является владелец группы EBX Эйке Батиста. OGX имеет примерно семь миллиардов баррелей запасов нефти на мелководье. Неудивительно, что китайскиеитая Sinopec Group и CNOOC собираются покупать активы OGX. Для сравнения, если кто-то вложил $ 100 в OGX в сентябре 2009 г, то через год согласно индексу это уже было стоить $ 180, по сравнению со скудными $ 80 в

Petrobras и $ 113 в Bovespa. OGX при старте имел рыночную капитализацию в 38 млрд. долл. и пок ане приносил дохода.Батиста предсказал в интервью Чарли Роузу, что Бразилия будет добывать от 5 до 6 млн. баррелей нефти в сутки к 2020 г., а OGX непосредственно будет качать 730000 баррелей в сутки к 2015 г. и 1,4 млн. баррелей в сутки к 2019 г. Батиста может увеличить собственный капитал до $ 100 млрд. к 2020 г., не случайно его мечтой является стать топ мультимиллиардером мира. Он еще любил повторять словно заклинание, что «мы сегодня — это Соединенные Штаты 1950-х». Так что иностранные инвестиции более чем приветствуется. И то, что хорошо для него, также хорошо и для Бразилии. Батиста также предсказал, что Бразилия должна стать «пятой силой» к 2015-2020 гг. после Германии, Японии, Китая и США. Неудивительно, что американские экономисты восхищены. Американский экономист Джеймс Гэлбрейт подчеркнул, что «социальное неравенство в Бразилии за последние несколько лет сократилось, потому что страна тратит меньше денег для помощи финансовому сектору и больше денег для помощи Бразилии». И он еще раз разбил неолиберальные догмы, сказав, что «там может быть устойчивый социально-экономический рост бок о бок с функциональным демократическим процессом». Бразилия подает большие надежды на вход в недавно придуманный Standard Chartered «7% клуб» — то есть, группу стран с ежегодным ростом ВВП на 7% или более в течение длительного периода. 10 лет до 2008 г. членами клуба являются Китай (9,7% в среднем), далее следуют Индия, Вьетнам, Эфиопия, Уганда и Мозамбик. Некоторые страны не намного отстают от БРИК и могут попасть в ведущие четыре позиции до 2030 г. В этом случае Россия может «выпасть», — или даже Бразилии. Таким образом, в будущем БРИК может стать БРИКИ (с Индонезией), БРИКК (с Южной Кореей) или даже БЮАИК (Россию может заменить Южная Африка).Майкл Хадсон из Университета Миссури, который также недавно был в Бразилии, настаивает на том, что основной задачей БРИК является создание альтернативы для Международного валютного фонда и Всемирного банка. И Бразилия должна создать «свою собственную стратегию развития» — которой, как мы видели, по-прежнему не существует. Хадсон зловеще предсказывает, что Вашингтон сделает все возможное, чтобы противостоять этой независимости — ссылаясь на то, что произошло в Иране в 1950-х гг., когда он хотел управлять

собственной нефтью, и в Афганистане, когда светское правительство пришло к власти в конце 1970-х гг. Новый социальный контракт? Среди этой шумихи всегда здорово найти инакомыслящих. Историк-марксист Пауло Алвес де Лима показывает, как Бразилия в настоящее время живет строительством новой национальной мифологии: «Это разработка проекта для монополистического капитализма созданного военной диктатурой. Была рождена новая идеология будущего: универсализация среднего класса, ликвидация, стабильная демократия, укрепление военно-промышленного комплекса ... Они обещают рай, в то время как Обама должен объявить всему миру, что американская бедность растет. Лучшие университеты подхватывают миф и концепцию «высшего общества» — ни капиталистического, ни социалистического, и даже определяющегося как не подчиненного капитализму. Наше будущее направлено в этот новый рай». Средства массовой информации сейчас одержимы о том, что Бразилия в настоящее время — это общество среднего класса. Это правда, что десятки миллионов теперь могут позволить себе собственный дом. Их самооценка выросла, и большинство людей живут «по общему признанию, достойной материальной жизнью». Но подождите минуту, это американский экономист Пол Кругман описывал США в 1950-х и 1960-х гг. Нет ли здесь, по крайней мере, психологической параллели в подавляющем чувство оптимизме, в стиле «ваше будущее в ваших руках»? Эти новые индивидуалистические бразильцы действительно напоминают американцев 1950-х и 1960-х гг. По существу, их приоритетами является семья, стабильность и профессиональный успех, независимо от их социального положения и региона происхождения. Учитывая, что бедность в Бразилии, снизилась с 2003 по 2008 гг. на 41%, технически почти половина населения Бразилии в настоящее время — это «новый средний класс». Но это не традиционный американский средний класс. Семьи с максимальным доходом на душу населения $ 2500 в месяц, квалифицированные как класс “C”, дают 40% от общего дохода Бразилии. “B” и “C” классы вместе составляют почти 70%. Для страны, определяющейся неравенством (до недавнего времени — третье место в мире после Боливии и Гаити согласно Программе развития ООН, а теперь 11-е), это очень много.В развивающихся странах, так называемый «глобальный средний класс» составляет около 400 миллионов человек, а еще 2 млрд. могут присоединиться к ним до

2030 г. Социальная мобильность в Бразилии только начинается. И миллионы действительно ощущают, что Бразилия сегодня похожа на США в 1960-х гг. с точки зрения предложения по рабочим местам, роста доходов и неограниченных возможностей. Но, по существу, это все еще очень бедный средний класса — отражающий крайнее неравенство, которое все еще преобладает. Однако Дилма все равно наследует уникальную историческую конъюнктуру, порожденную Лулой. Впервые неравенство, несправедливость и социальное отчуждение в Бразилии фактически снизились. Это необходимо знать, потому что это произошло в связи с подавляющим неравенством двухдесятилетней модели военной диктатуры. Левый социолог Эмир Садер настаивает, что процесс только начинается, и до сих пор монополия финансового капитала, крупных феодалов и власть монополистических СМИ не сломлена. Он мог иметь в виду борьбу, которая сейчас происходит по всей Южной Америке. С перепуганной Европой, которая все больше сдвигается к правой и крайне правой политике и удрученными Новой Великой депрессией Соединенными Штатами с популистами из различных Tea Party, Южная Америка и некоторые части Азии и Африки, похоже, находятся на правильной стороне истории.

Многополярность

Томас Ренард, Свен Бишоп

НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАТЕГИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЕС ПОСЛЕ ЛИССАБОНА

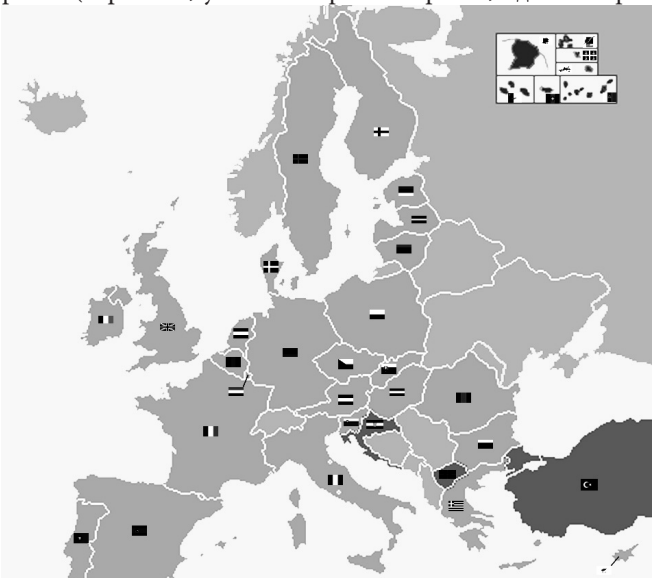
Наконец-то вошел в силу Лиссабонский договор. Пришло время ЕС вернуться к работе и специально проанализировать свою внешнюю политику. В стремительно усложняющемся и многополярном мире ЕС должен действовать стратегически. Чтобы избежать превращения в никому не нужного международного актора, Брюсселю необходимо: 1) разработать Большую стратегию для определения истинных целей своей внешней политики; 2) выковать крепкое стратегическое партнерство с ключевыми глобальными игроками; и 3) способствовать строительству новой эффективной многосторонней системы, которая принимает в расчет новую глобальную расстановку сил.

Сейчас, после того как Кэтрин Эштон была назначена Высоким представителем Европейского Союза по международным отношениям и политике безопасности, а первым президентом Европейского Совета стал Херман ван Ромпей, перед нами встает более основательный вопрос: какую внешнеполитическую стратегию они намерены осуществлять?

В своей Европейской стратегии безопасности (ЕСБ) ЕС разработал свою главную стратегическую линию, охватывающую все инструменты и ресурсы внешней политики, имеющиеся в распоряжении ЕС и государств-членов. ЕСБ рассказывает нам, как действовать превентивно, целостно и многосторонне, но она не дает ответа на вопрос, что именно делать: каковы внешнеполитические приоритеты ЕС? В ходе недавних дебатов по поводу ЕСБ, суммированных в 2008 г. в Отчете

об осуществлении европейской стратегии безопасности, не удалось найти ответа на этот вопрос. Мало предлагая относительно планов на будущее, сам Отчет создает впечатление незаконченного документа, в рамках которого трудно себе представить, что Лиссабонский договор улучшил институциональную структуру ЕС, НАТО запустила стратегические переговоры по поводу взносов ЕС и предполагаемых рисков для ЕС перейти в тень набирающих силу держав.

Полноценный стратегический обзор предназначен для того, чтобы дополнить ЕСБ. Первое правило разработки стратегии — изучить самого себя. Хотя это и кажется на первый взгляд очевидным, на самом деле не вполне понятно, какие именно ценности и интересы ЕС пытается защищать, и какого рода международным актором он хочет быть. Более того, ЕС должен начать стратегический обзор с рассмотрения себя самого и попытки установить точные цели своей внешней политики. Но в таком пристальном всматривании в зеркало может быть также много опасностей, и к тому же ЕС не может претендовать на роль стратегического актора, если продолжит игнорировать других стратегических игроков. Такие рассуждения нужны не к вопросу поиска врагов (вероятно, у ЕС нет прямых врагов, однако стратегиче-



Политическая карта Евросоюза

ские неожиданности никогда не должны полностью вычеркиваться)[1], а для того, чтобы распознать «другого». И, в конце концов, последним принципом воспроизводства стратегий может быть следующее: оценка окружающей обстановки или, иными словами, изучение всеобщих правил игры. Если ЕС надеется стать глобальной силой, ему необходимо понять — а лучше создать самому — правила, определяющие международные отношения.

Необходимость Большой стратегии

Какие ценности и интересы должна защищать наша Большая стратегия? Европа обладает очень характерной социальной моделью, совмещающей демократию, рыночную экономику и решительное государственное вмешательство. Охрана и усиление этого внутреннего социального контракта между ЕС и его гражданами, гарантия их защищенности, экономического процветания, политической свободы и социального благополучия суть фундаментальные цели ЕС как внутренне и вовне ориентированного глобального актора. Вот те условия, необходимые для отстаивания наших жизненных интересов: защита от любой внешней военной опасности; открытые линии коммуникаций и торговли (непосредственно в физическом и кибер пространствах); охрана поставок энергии и других жизненно важных природных ресурсов; экологически устойчивая окружающая среда; контролируемые миграционные потоки; поддержка международного права и других повсеместно распространенных прав; а также автономия ЕС в принятии решений.

Чтобы отстаивать эти интересы, ЕС должен быть влиятельной силой, т. е. стать стратегическим актором, который сознательно и целенаправленно определяет долгосрочные цели, активно следует намеченному курсу и овладевает необходимыми средствами для достижения этих целей. То, какую именно силу ЕС использует, частично зависит от международного окружения. Отмеченное межполярностью, определяемой как «многополярность в век взаимозависимости»[2], это окружение таит в себе множество

[1] *Colin S. Gray*, "The 21st Century Security Environment and the Future of War". Parameters, vol. 38:4 (2008), pp. 14-26.

[2] *Giovanni Grevi*, The Interpolar World: A New Scenario. Occasional Paper 79, Paris: EUISS, 2009, p. 9.

вызовов, но в то же время предоставляет возможность ЕС отстаивать характерную Большую стратегию. Эта стратегия отличается в том смысле, что делает акцент на целостном подходе, применяя полный спектр инструментов, начиная от партнерства и многосторонних институтов, заканчивая осуществлением политики предотвращения и стабилизации. Несмотря на Большую стратегию, проводимую, например, США, ЕС склоняется скорее к управляемой на основе принятых правил многосторонности; он глобально продвигает свои ценности, однако не пытается навязывать их силой.

Тот подход, который продвигал ЕС, вполне соответствует этой Большой стратегии, но практика внесла в него множество ограничений и поправок. В особенности это касается других глобальных акторов, к которым ЕС применяет стратегию «позитивной условности», т. е. предложения определенных выгод в обмен на взаимодействие в сфере безопасности и экономики, социальные и политические реформы, что в результате оказалось скорее безуспешным. Цена независимости оказывается слишком велика, а масштаб — слишком обширным для ЕС, чтобы иметь какой-то эквивалент на другой чаше весов. С другой стороны, слишком напыщенное поведение без каких бы то ни было действий, лишь подрывает soft power Европейского Союза.

Необходимость по-настоящему стратегического партнерства

В мире, который с каждым днем становится все более многополярным и взаимозависимым, — а лучше сказать межполярным, — ЕС не может продолжать апеллировать к влиянию в глобальном мире без наличия внятной стратегии. Более того, ЕС создал новые инструменты для сотрудничества с другими глобальными акторами: стратегическое партнерство. Однако актуальная стратегия в этой сфере попрежнему не ясна.

Первая и главная проблема — это недостаточное понимание концепции стратегического партнерства. Никто не пытался дать ей внятного определения, и поэтому она рассматривалась и интерпретировалась совершенно разным образом различными акторами в самом ЕС, и почти не рассматривалась вне ЕС.

Другая существенная проблема связана со странами, которые относятся к стратегическим партнерам. Здесь есть лишь несколько установленных критериев за исключением того, что сотрудничество

может быть заключено с «третьими странами, международными или глобальными организациями, которые разделяют принципы [демократии, верховенства закона, универсальности и неделимости прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципов равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права]» (Лиссабонский договор, Статья 22) и что «статус стратегического партнера специально предназначен, чтобы страны могли совместно оказывать существенное влияние на глобальные процессы»[1].

В этом смысле, не считая контактов с США, Канадой и НАТО, ЕС заключил договоры или еще ведет переговоры с семью стратегическими государствами-партнерами (Бразилия, Китай, Индия, Япония, Мексика, Россия и Южная Африка), и одной международной организацией (Африканский Союз). Кажется достаточно очевидным, что не каждое из этих партнерств в равной степени стратегично. Большинство из этих стран являются безусловными региональными лидерами или, по крайней мере, значимыми игроками в одной из мировых глобальных проблем. Это делает из стратегическими в рамках одного региона или одной проблемы. Но достаточное ли это условие, чтобы рассматривать их в качестве стратегического партнера? Может ли Мексика или Южная Африка быть поставлена на один уровень с Китаем, Россией и Соединенными Штатами?

Опасность заключается в возможности чрезмерного растягивания понятия, что может привести к слиянию представлений о важных отношениях и стратегических отношениях. Такое растягивание терминологии создает неловкое положение в самом ЕС, а также для его партнеров и в их попытках распознать реальные амбиции Европы. В этом смысле нам прекрасно удается запутать наших партнеров и стать для них еще менее стратегическим союзником. Итак, как мы может сделать отношения ЕС стратегическими? По-настоящему стратегическое обращение к партнерству должно начинаться с всесторонней оценки интересов ЕС во всех регионах земного шара и ясного обоснования преследуемых там целей. Столь же уместно назначение приоритетных действий для преодоления глобальных вызовов, жизненно важных для Союза. По многим из этих пунктов — климат, миграция, энергия — ЕС

[1] «Towards an EU-Mexico Strategic Partnership», COM (2008) 447, Brussels, 15 July 2008.

уже разработал определенную политику, но и она должна быть встроена в более широкую структуру внешней политики.

Не столько сами цели, сколько стратегическое партнерство являются инструментом осуществления «эффективной многосторонней политики». ЕС мог бы найти общие интересы с каждым из своих стратегических партнеров с тем, чтобы создать в приоритетных зонах осуществления своей политики эффективное практическое сотрудничество с теми стратегическими партнерами, которые разделяют интересы ЕС в конкретной области с целью установления новых форм сотрудничества и связывания их с постоянно действующими многосторонними институтами. Столь прагматический подход к выстраиванию коалиции и практическому взаимодействию может со временем распространиться на более обширные пространства, уже включая распространение ценностей. Если, например, маловероятно, что мы увидим Китай на передовой продвижения демократии, то куда более реалистично, что эта страна увидит свои интересы в продвижении верховенства закона. Чем постоянно задаваться вопросом, с каким государством или организацией заключать договор о стратегическом партнерстве, ЕС следует пристальнее рассмотреть уже существующие связи и вовлекать акторов в конструктивное сотрудничество в тех сферах, где их государственные интересы уже совпадают с интересами ЕС. В результате, вполне вероятно, что могут появиться два типа партнерств: те, с которыми ЕС устанавливает всестороннее сотрудничество во множестве областей — к таким относятся Россия, Китай и Индия, если они сами дадут добро на такое сотрудничество — и, конечно же, США; и те, с которыми сотрудничество может происходить лишь в определенных сферах или конкретных регионах.

Чтобы указанное стратегическое партнерство заработало, ЕС должен говорить одним голосом — другие глобальные акторы уже слишком опытны в натравливании одних государств ЕС на других. «Разделяй и властвуй» — это вовсе не та стратегия, которая может послужить европейским интересам… Как минимум государствам-членам следует подписаться под правилами прозрачности и в автоматическом режиме информировать ЕС о всех важных двусторонних договоренностях со стратегическими партнерами для того, чтобы хотя бы открыть возможность дебатов в рамках институтов ЕС и снизить риск столкновения потенциально конфликтных интересов. В идеале стратегические партнерства могли бы обращаться к ЕС как

к уникальному посреднику в ряде ключевых вопросов, ограничивая, поэтому, поле для маневра отдельных государств-членов. С реализацией Лиссабонского договора больше функций может быть передано Европейской службе внешнеполитической деятельности в централизации и координации множества стратегических партнерств, связывании их в целостную и непротиворечивую внешнюю политику. Однако без самой стратегии стратегические партнерства вскоре станут неуместными. Но вкупе с целостной стратегией они потенциально могут стать очень эффективными инструментами общей европейской внешней политики.

Необходимость реформирования многостороннего подхода

Двусторонних стратегических партнерств будет явно недостаточно для формирования будущего глобального порядка, однако и многосторонняя архитектура как таковая должна быть реформирована. Если мир необратимо становится многополярным — или даже межполярным, — то все еще не ясно, приведет ли многополярность к большему сотрудничеству или соперничеству. История учит нас, что появление новых сил на мировой арене бросает вызов, брошенный новыми мировыми силами старому порядку, может привести к реализации различных сценариев, зависящих от способности игроков приспособиться друг к другу и своему окружению. Из истории нам также нужно усвоить, что межполярность по своей природе не ведет к сотрудничеству, что наглядно иллюстрирует соперничество между великими державами XIX века в мире, который к тому моменту уже был многополярным и взаимозависимым (даже более взаимозависимым, чем сейчас, если мы обратим внимание лишь на некоторые показатели, такие как отношение торговли к ВВП или потоки капитала)[1].

Приверженность ЕС кооперативной форме многополярности широко известна из-за того, что он продвигает международный порядок, основанный на систематической и правовой многосторонности, которая на брюссельском жаргоне звучит как «эффективная многосторонность». Подобное предпочтение вполне вписывается в долгосрочную стратегию содействию миру и многосторонней кооперации, основанной на твердом историческом убеждении, что много-

[1] See Richard E. Baldwin, Philippe Martin, Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences. NBER Working Paper 6904, Cambridge: National Bureau of Economic Research, January 1999.

сторонность — лучший путь к миру. Очевидно также, что глобальная реформа многосторонности — в интересах ЕС, который «ничего не приобретет и все потеряет, если и дальше будет идти на поводу у более решительных держав, пытаясь лавировать в сопернической игре других значительных сил»[1]. Но реформы многосторонности представляют собой общий интерес, поскольку от мира, управляемого нестабильными политическими играми, каждый из нас понесет много потерь, более того, в конечном итоге пострадает вся система, если решения ключевых глобальных проблем, таких как изменение климата и ядерного распространения, зайдут в тупик.

Как отмечается в Европейском социальном опросе за 2003 г., «в мире глобальных угроз, глобальных рынков и глобальных медиа наша безопасность и процветание все больше зависит от эффективной многосторонней системы». Более того, «развитие сильного международного сообщества, исправное функционирование международных институтов и правового международного порядки — это наша цель. …Нам нужны международные организации, режимы и договоры, которые могут быть эффективными в противостоянии угрозам международного мира и безопасности, и быть тем более готовыми к действию, когда эти правила рухнут»[2].

Тем не менее, несмотря на то, что ЕС благоприятствует многостороннему подходу к международным отношениям, важно отметить, что не все формы многосторонности подходят для ЕС. Например, образование специального двустороннего или многостороннего альянса — особенно не включающего ЕС — может потенциально навредить Европе; например, G-2 между Китаем и Америкой будет медленно, но неизбежно клонить США в сторону Азии и все стремительнее делать Европу ненужной.

Более того, даже там, где мир наиболее пронизан нитями сотрудничества, он остается поразительно беспорядочным. О нашей современной эпохе можно сказать, что это век мульти-мультисторонности, определяемой как усиление асимметричного и динамического кооперационного процесса, в котором: 1) страны становятся членами

[1] *Alvaro de Vasconcelos*, "Multilateralising Multipolarity", in Giovanni Grevi and Alvaro de Vasconcelos (ed.), Partnerships for Effective Multilateralism: EU Relations with Brazil, China, India and Russia. Chaillot Paper 109, Paris: EU Institute for Security Studies, May 2008, p. 24.

[2] A Secure Europe in a Better World — European Security Strategy, Brussels, 12 December 2003, p. 9.

множества взаимопересекающихся институтов, создающих новую мозаику многосторонних взаимодействий; 2) государства постоянно пересекаются на множестве форумов, и от этого увеличивается концентрация международных отношений; 3) формальные институты (например, ООН) с неформальными форумами (например G20) в движущихся и постоянно пересекающихся пропорциях[1]. И все же в век мульти-мультисторонности сотрудничество между глобальными акторами остается условным и, конечно же, не автоматическим.

Таким образом, встает очевидный вопрос: как нам достичь столь эффективного многостороннего порядка? На такой вопрос, конечно, не может быть однозначного ответа, но наша интуиция подсказывает нам, что следовало бы начать с того, что у нас уже есть, с обращения к самым последним событиям, включая недавний переход G20 с министерского на уровень глав государств, что было воспринято развивающимися странами скорее как позитивный сигнал, дающий им повод рассматривать себя в качестве ключевых игроков в преодолении глобальных вызовов. Такое официальное признание было наиболее позитивно воспринято в Нью-Дели, Пекине и Бразилиа. Так или иначе, смещение G8 новой группой G20 также позитивно отразилось на ЕС, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, Брюссель — официально 20-й член G20, в то время как был лишь 9-м в G8. Возможно, это лишь символический нюанс, но в обоих случаях ЕС имеет те же «права» и «обязанности», что и другие члены, за исключением права на отдельное место проведения домашних саммитов, что сказывалось на невозможности формирования повестки дня. Но в международной политике, риторике и выборе слов ЕС не столь невинен; поэтому, в некотором роде, G20 признает «восходящий» и «глобальный» статус ЕС в международных отношениях в той же мере, в какой признает статус Китая, Индии и Бразилии.

Во-вторых, ЕС может показать себя более целостно в G20, чем в G8, потому что опыт последних лет показал, что предсовещательное сотрудничество было более плодотворным в рамках G20[2]. После того, как уровень встреч был поднят до уровня глав государств и расши-

[1] *Thomas Renard*, A BRIC in the World: Emerging Powers, Europe, and the Coming Order. Egmont Paper 31, Brussels: Egmont — The Royal Institute for International Relations, October 2009, p. 15.

[2] *Skander Nasra, Dries Lesage, Jan Orbie, Thijs Van de Graaf, Mattias Vermeiren*, The EU in the G8 System: Assessing EU Member States' Involvement. EUI Working Paper RSCAS 2009/45, San Domenico: European University Institute, September 2009.

рилась повестка дня, появился столь же видимый тренд на большее внутреннее сотрудничество на том основании, что более сильный европейский голос нуждается в форуме, где Европа представляет лишь одну пятую всех членов (в отличие от половины в G8). Действительно, в преддверии саммита в Питсбурге ЕС подал позитивный сигнал, когда выпустил коммюнике, в котором говорилось о «согласованных формулировках» для предстоящего Саммита, в котором содержатся заявления о развитии, изменении климата и энергетической безопасности, то есть набор тем, отражающий широкую повестку дня G20. Более сильный и сплоченный европейский фронт будет посылать позитивный сигнал нашим новым стратегическим партнерам.

Однако, пристально рассматривая роль ЕС в G20, по-прежнему открытыми остаются следующие вопросы:

1) Кто будет представлять ЕС на следующем Саммите в Торонто в июне? На самом деле, в Лиссабонском договоре не вполне ясно прописано, кто будет заменять президента Комиссии и осуществлять ротацию президентства. Может быть, то, что Ван Ромпей или Эштон сопровождали Жозе Мануэля Баррозо в Торонто — это своего рода сигнал.

2) Как нам связать новую группу G20 с эффективной многосторонностью? На самом деле, полномочие G20 было хорошей опцией, чтобы заставить развивающиеся державы почувствовать свою вовлеченность в борьбу с сегодняшними глобальными вызовами, но это лишь переходная фаза незаконченной и более широкой реформы всей глобальной многосторонней архитектуры. Если мы хотим, чтобы Россия, Китая, Индия или Бразилия следовали правилам ВТО, МВФ или ООН, нам нужно усилить (и, в конечном счете, их изменить) эти институты.

Как бы то ни было, такая реформа займет время, и придется принять множество трудных решений. Тем временем G20 может оставаться доверенным лицом для использующих ее формальных организаций при том условии, что они признают временный характер таких отношений и что G20 не заменяет, а дополняет Совет безопасности ООН.

Развитие G20 в качестве временного посредника для глобальных институтов — это необходимое исключение из «эффективной многосторонности», потому что в сегодняшнем межполярном мире большинство вопросов взаимопересекаются, отсюда и необходимость в

увеличении кооперационных связей и координации между странами по всему миру. Благодаря своей композиции (все значительные страны представлены здесь) G20 представляет собой лучший из доступных форумов для обсуждения глобальных вызовов и путей их преодоления. Однако ЕС должен быть уверен, что решения, принятые в рамках G20, соответствуют мировым правилам, и будут претворяться в жизнь постоянно действующими международными организациями, например структурами ООН.

Заключение

«Ад — это другие люди» («l'enfer c'est les autres») писал Жан-Поль Сартр, подразумевая под этим, что мы отсчитываем свою собственную идентичность от восприятия и отношений с другими. Если бы Сартру пришлось столкнуться с современным ЕС, становящимся все менее и менее значимым в глазах значимых других, он мог бы прийти к заключению, что он невольно описал положение ЕС в международной системе…

Но будущее полно надежд, а не отчаяния. Чтобы найти свое место в мире, отличающимся подвижной асимметричностью многополярности и мульти-мультисторонности, ЕС должен начать действовать стратегически уже сейчас. И в самом деле, если ЕС и правда хочет прекратить существование в качестве глобального актора, чтобы стать глобальной державой, ему необходима глобальная стратегия. Ему нужна Большая стратегия.

Эта стратегия неизбежно будет обусловлена глобальным окружением (межполярностью), ей не следует быть всецело зависимой от этого окружения, то есть наша стратегия должна преследовать формирование глобального окружения в той мере, в которой это окружение влияет на нас, и в то же время не попасть в ловушку реактивной по своему характеру политики, которая до сих пор определяет внешнюю политику ЕС. По словам бригадного генерала Джо Колмонт, «пока ЕС играет в пинг-понг, другие играют в шахматы». В качестве Ван Ромпея и Эштон Европа предложила нового Короля и нового Ферзя. Так давайте же сыграем эту партию!

Александр Бовдунов

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛ-ПОПУЛИЗМ И КОНЦЕПЦИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

К альтернативам геополитической организации Восточной Европы

Мы привыкли рассматривать страны Восточной Европы в качестве зоны непосредственного влияния США. Влияние России в них после распада Советского Союза резко уменьшилось, обиды недавней истории, претензии, выдвигаемые к России со стороны лидеров этих государств, не содействовали дальнейшему улучшению отношений. Элиты восточноевропейских стран, за исключением Сербии, которая только в 2000-х гг.присоединилась к этому тренду, взяли строгий курс на вхождение в НАТО и ЕС.

Однако по мере интеграции в европейские и евроатлантические структуры непосредственное соприкосновение с Западом вызвало и противоположную тенденцию. Миры Восточноевропейских стран и мир Запада оказались слишком разными, та социокультурная система, куда восточноевропейцам пришлось интегрироваться для многих оказалась неприемлемой, раздражающей часть традиционалистки настроенных масс, а роль этих стран слишком подчиненной интересам США и западноевропейских стран, чтобы удовлетворять как часть элит, так и мощные контр-элиты[1].

В последнее время в Восточной Европе, как отмечают отечественные и западные аналитики, происходит рост настроений евроскептицизма и разочарования в либерально-демократической системе, в тех

[1] *Krastev I.* The Anti-American Century? // Journal of Democracy. , April 2004. Volume 15,№ 2.

ценностях, которые открыто проповедуют США и их союзники. Образ Европы, как замечают сами западные исследователи, теряет свою привлекательность для восточноевропейцев[1]. Движущей силой роста влияния популистских движений и лидеров, к которым относят даже и таких атлантистов, как братья Качиньские или Траян Басеску, становится усталость от либерализма, стремление к другим ценностям. Таким настроениям общества в Восточной Европе соответствует серьезный «традиционалистский стержень», стремление сохранить и защитить традиционные ценности[2]. Авторы сборника ИНИОН РАН «Национализм и популизм в Восточной Европе», вышедшего в 2005 г., когда восточноевропейский популизм громко заявил о себе победами в Словакии, Венгрии, Польше, а в Румынии все три крупнейших партии стали популистскими, отмечают, что в случае румынского, словацкого, польского, венгерского всплесков популизма и национализма, причиной служат не только межэтнические проблемы, но проблемы социальные, а также несоответствие «европейских ценностей» традиционным и неспособность самой Западной Европы принять в себя восточноевропейцев[3]. Кроме того, как отметил еще Ларри Вульф Восточная Европа традиционно выполняла функции своеобразного «Другого» для Запада, необходимого при конструировании идентичности самих западноевропейцев[4]. Процесс интеграции восточноевропейских стран только усилил эту тенденцию. Как отмечает Томас Диез, если ранее Европа пыталась выстроить свою идентичность, отталкиваясь от фигуры темпорального «Другого» (после Второй Мировой Войны таким «Другим» стало само европейское прошлое), то с «поднятием железного занавеса», отрицаемое прошлое воплотилось в странах Восточной Европы[5]. Отдельные авторы, в частности канадский геополитик эстонского происхождения Мерьйе Куус, полагают, что в исследованиях относительно геополитики и социологии Восточной Европы должны более активно применяться наработки

[1] *Поллак Д.* Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы / Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М., 2005. С. 10

[2] Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007. С 8

[3] Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007.

[4] *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35

[5] *Diez T.* Europe's Others and the Return of Geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. July 2004. Vol. 17, №2. Pp. 319 —336.

теории постколониализма[1], имея ввиду не выход из советского или российского «колониального господства», а уникальную ситуацию, при которой к странам и народам Восточной Европы Запад применял и применяет точно так же, как к бывшим в орбите его колониального влияния странам Востока, стратегии ориентализма, описанные знаменитым Эдвардом Саидом[2]. Восточная Европа продолжает оставаться внутренним «Другим» для стран Запада, тогда как с внешним «Другим» все давно ясно —это мусульманские государства (прежде всего Турция) и Россия[3].

Восточная Европа —это «Другой Европы» и Другая Европа. Именно из ее популистского лагеря можно услышать наиболее резкие доводы против неолиберальных новшеств в ЕС, культа политкорректности и толерантности, защиты разнообразных меньшинств в ущерб интересам большинства. Именно эти политики особое внимание уделяют вопросам национальной памяти и истории, традиционной религиозной идентичности своих народов, вопросам о христианских корнях Европы.

Кто же такие восточноевропейские национал-популисты и чем отличается их мировоззрение от идеологий классических консерваторов и христианских демократов, заявивших о себе в этих регионах в 90-е годы? В первую очередь отметим, что в термине «популизм» нет ничего обидного или крамольного. Слово популизм основано от латинского «populi» — народ, и характеризуют политическую идеологию, которая обращается напрямую к народу, основной массе общества, стремится разговаривать с ним на его языке и воплощать в своей политике его ценности и чаянья. В конце XIX века мощное популистское движение существовало в самой цитадели демократии —Соединенных Штатах, объединяя стремящихся к социальному равенству с теми, кто стремился защитить традиционные ценности4. Популистские идеи, кстати, живы в США и по сей день, вдохновляя оппозиционно настроенных к двухпартийной системе нонконформистов.

[1] *Kuus M.* Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography, 2004, №28, vol.4 pp. 472-489.

[2] *Саид Э.* Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006

[3] *Neumann I. B.* The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.

[4] *Kazin M.* The Populist Persuasion: An American History. Ithaca, Cornell University Press, 1995.

Восточная Европа имела и собственную традицию подобного рода движений, в XIX-начале XX века национал-популисткие идеи защищали сербская Народная Радикальная Партия Николы Пашича, румынское движение «попоранистов» (народников), часть которого вошла в Национал-Либеральную Партию и существенно повлияла на ее идеологию, а часть стала основой будущих социалистов и коммунистов, Словацкая Национальная партия (историческая) и глинковская Словацкая Народная Партия и др. Характерными чертами современного восточноевропейского национал популистского мировоззрения, которое проявляется в тех или иных национальных идеологических системах являются противопоставление себя «системным» левым и правым, традиционализм, патернализм, патриотизм. Эта тенденция, отчетливо проявившаяся в середине 2010 гг. в Восточной Европе теперь проявляется и в других частях старого света. Недавний успех на выборах в Финляндии партии «Истинные финны», соединивших в своей программе патриотические, антинатовские, евроскептицистские социальные лозунги —характерный тому пример.

На фоне происходящих в Восточной Европе социальных процессов, политической результирующей которой становится поиск альтернативы, как выхода из тупика, куда эти страны завели либеральные реформаторы, становится понятным как появление серьезных политических сил, заявляющих о курсе на многополярность во внешней политике, как альтернативе ставшему за 90-е гг. традиционным сервилизму так и то, что, несмотря на очевидный для непосвященных «атлантизм» этих стран, в них все чаще можно встретить серьезных философов и геополитиков, предлагающих свои образы многополярного мирового устройства. Самое важное, что одними национал-популистами дело не ограничивается, они являются наиболее видимой и политически активной частью представителей элит и масс, недовольных принципами той социокультурной системы, куда эти страны инкорпорируются. Есть и рафинированные интеллектуалы, жестко не связанные с крупными политическими движениями. О них, конечно, тоже надо сказать пару слов, но прежде разберемся с программами и конкретными действиями наиболее сильных партий, предлагающих своим странам переменить ориентиры во внешней политике.

Во всех странах восточной Европы можно четко выделить те политические силы, которые выступают за многополярное мировое устройство. Степень их радикализма может быть разной, но все они

являются представителями того «национал-популистского тренда» о котором речь шла выше. Большая часть их сейчас находится в оппозиции, хотя и располагает серьезной поддержкой населения.

Словакия и Болгария

Примером того, насколько может поменяться внешняя политика при приходе таких сил к власти, даже в качестве младшего партнера по парламентской коалиции является пример Словакии. Напомним, что при правительстве Роберта Фицо, куда вошли и левые популисты (партия Фицо SMER), партия бывшего лидера Словакии В. Мечьяра, обвиняемого Западом в авторитарных замашках, и старейшая в стране националистическая Словацкая Национальная Партия Яна Слота, Словакия начала развивать дружественные отношения с нашей страной, вышла из войны в Ираке и поддержала Россию в августовском конфликте 2008 г.[1]. Сейчас, хотя партия SMER и обладает крупнейшей фракцией в словацком парламенте, она находится в оппозиции правоцентристскому правительству.

Свою позицию относительно внешней политики Словакии Роберт Фицо выразил еще в предыдущей предвыборной кампании, когда заявил: «Мы однозначно отвергаем одностороннюю ориентацию Словацкой республики на Запад. Я убежден, что Словакия должна иметь взвешенные дружеские связи с Украиной, Россией, Китаем»[2].

В другой славянской стране, Болгарии, о своем стремлении к многополярности также заявляют националисты. Здесь наиболее интересна политическая партия «Атака», феномен которой, как отмечают болгарские политологи и социологи, вызван во многом протестом против либеральных реформ и того положения, в котором в их результате оказалась страна[3]. «Атака» и ее лидер Волен Сидеров, помимо всего прочего выступает за выход Болгарии из НАТО и с 2004

[1] *Трухачев В.* Словакия —главный друг и партнер России в центра Европы . Международное обозрения Восток+Запад. [Электронный ресурс] URL: http://www.eastwest-review.com/rus/article/slovakiya-glavnyi-drug-i-partner-rossii-v-tsentre-evropy (дата обращения — 20.03.2011)

[2] Цит. По Восканян М. Словакия и диалог «Восток-Запад». Сайт Сергея Хелемендика. [Электронный ресурс] URL: http://chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=723 (дата обращения — 20.03.2011)

[3] *Светлорусова Л. М.* Проблема национализма в Болгарии в XXI веке / Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007.с 41-43

г.показывает весьма стабильные результаты на общенациональных выборах (9-10%), что не всегда характерно для националистических и популистских движений Восточной Европы, многие из которых быстро теряют доверие избирателей и уступают место другим.

Среди 20 пунктов программы партии можно выделить несколько, касающихся международной политики:

• Немедленный вывод болгарских войск из Ирака.

• Выход из НАТО. Неучастие в военных блоках. Полный нейтралитет. Никаких иностранных военных баз на территории Болгарии.

• Референдум по всем важным вопросам, которые касаются образа жизни больше чем 10 % нации.

• Болгарские сельскохозяйственные территории не продаются иностранцам ни в коем случае.

• Пересмотр закрытых глав в договорах по присоединению к Европейскому союзу и изменение невыгодных для Болгарии условий. Отмена договора по закрытию АЭС «Козлодуй».

• Прекращение зависимости Болгарии от Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка[1].

Румыния

Социал-демократическая партия Румынии, для которой также характерно обращение к популизму, и Национал-либеральная партия этой страны в ходе президентских выборов 2009 г. активно выступали за улучшение отношений с Россией. Общий кандидат партий во втором туре выборов социал-демократ Мирча Джоанэ собрал половину всех голосов избирателей, уступив менее одного процента действующему президенту Траяну Бэсеску.

В настоящее время, после заката партии «Великая Румыния», на выборах 2008 г. не преодолевшей пятипроцентный барьер, из крупных парламентских партий, выступающих за большую многополярность в международных отношениях, наиболее сильной является одна из трех наиболее популярных партий страны — Национал-либеральная партия Румынии. С ее стороны звучит как критика МВФ (с такой критикой выступили бывший премьер-министр и лидер либералов

[1] 20 точки на партия АТАКА. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ataka.bg/index.php?option=com_content&task=view&id=13&Itemid=29 (дата обращения — 20.03.2011)

Кэлин Попеску-Тэрычану[1] и бывший министр финансов в либеральном правительстве —Варужан Возганиян[2]), так и участия Румынии в продиктованных иностранными интересами предприятиях, в частности участия румынских войск в войне в Ираке[3].

Польша

В Польше некоторое время назад значительной популярностью пользовалось движение «Самооборона» (изначально крестьянский профессиональный союз), бывшее одним из главных элементов коалиции, приведшей к власти братьев Качиньских. Близким по духу к «Самообороне» была «Лига польских семей» Романа Гертыха. «Самооборона» и ее лидер Анджей Леппер активно выступали против либералов, интеграции в ЕС и за выход из НАТО, негативно оценивала интервенцию НАТО в Косово, занимая антиатлантисткую позицию[4]. Леппер и его последователи единственные в Польше не боялись выступать в поддержку президента Белоруссии Александра Лукашенко.

Польские националисты (то есть наследники межвоенной эндеции, национал-демократической составляющей в польском освободительном движении), в значительной степени ориентируются на союз с Россией, которая с их точки зрения может противостоять Германии как главному врагу «польскости» и славянства[5]. Навязывание США своего покровительства их также не устраивает, поскольку в этом видится угроза их идентичности. В этом они следуют за одним из важнейших представителей польского национализма межвоенного периода Романом Дмовским, основателем эндеции, который помимо всех прочих заслуг перед польским народом известен еще и тем, что противопоставил антироссийскому проекту Пилсудского свой про-

[1] FMI tratează România ca pe o ţară africană. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mdn.md/index.php?view=viewarticle&articleid=6468 (дата обращения — 27.03.2011)

[2] Vosganian: Nu inteleg atitudinea FMI care protejeaza guvernul. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ziare.com/varujan-vosganian/stiri-varujan-vosganian/vosganian-nu-inteleg-atitudinea-fmi-care-protejeaza-guvernul-991481(дата обращения — 27.03.2011)

[3] CSAT respinge propunerea de retragere a trupelor din Irak (дата обращения — 27.04.2011). [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/romanian/news/story/2006/06/printable/060630_csat_respingere.shtml

[4] *Лыкошина Л. С.* Нереальное решение реальных проблем. К вопросу о популизме и национализме в Польше / Национализм и популизм в Восточной Европе С. 62-70

[5] *Лыкошина Л. С.* Нереальное решение реальных проблем. К вопросу о популизме и национализме в Польше / Национализм и популизм в Восточной Европе С.70-73

ект, направленный на союз с Россией[1]. Влияние идей и того и другого ощущается и по сей день, так что можно говорить о противостоянии в Польше двух геополитических проектов фило-русского, наследующего национал-демократической традиции Р. Дмовского и антирусского, наследующего государственно-демократической традиции Ю. Пилсудского.

Из интересных польских интеллектуалов, наших современников, выступающих против однополярного мира можно отметить Марека Гвогошовского, критикующего глобализм с позиций, близких к взглядам Адама Шамира и Ноама Хомского, а также Ярослава Томашевича, доктора политических наук, редактора журнала «ЗакоженЕне», автора работы «Этноплюралистический манифест»[2]. В нем и в других своих работах Томашевич стремится выйти за грань, разделяющую левых и правых, отвергая как шовинизм и расизм, имплицитно присущий большинству националистов, так и либеральный и левый космополитизм и пренебрежение этносом и этническими корнями общества, выдвигая в качестве норматива идею сохранения культурного и этнического многообразия обществ, этноплюрализма.

Отмечая в качестве корневой задачи человечества сохранение многообразия культур и народных традиций, Томашевич призывает:

«Изобилие бытия —это ключевая ценность, которую необходимо защищать. Защищая это сокровище, мы одновременно защищаем богатство и разнообразие мира вокруг нас, реальную свободу группы (сообщество не может быть свободным не осознавая свою отдельность). Более того, будучи укорененными в специфической культуре мы более восприимчивы к уникальности других культур. Все культуры одинаково чужды и безразличны для человека, лишенного корней. В этой ситуации мы можем говорить не о толерантности, но об отсутствии его собственной идентичности»[3].

Венгрия

Идеи многополярного мира поддерживаются в венгерском политическом истеблишменте также силами национал-популистской ориентации. До начала 2000-х гг. единственной политической партией, вы-

[1] *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909.

[2] *Tomasiewicz J.* The ethnopluralist manifesto [Электронный ресурс] URL: http://www.freespeechproject.com/477.html (дата обращения —20.04.2011)

[3] *Tomasiewicz J.* The ethnopluralist manifesto [Электронный ресурс] URL: http://www.freespeechproject.com/477.html (дата обращения —20.04.2011)

ступавшей против атлантистского вектора внешней политики Венгрии была Венгерская партия Справедливости и Жизни —MIEP (лидер партии — Иштван Чурка, известный венгерский драматург), выступавшая против вхождения Венгрии в НАТО, глобализма, американского империализма. Партия осудила бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г. и вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г.[1]

С начала 2000 г. и по сей день наиболее мощной партией, выступающей за многополярный мир является национал-популистская Партия за лучшую Венгрию —Йоббик. Как заявлено на ее официальном сайте «Партия «За лучшую Венгрию» открыта для сотрудничества с любыми партиями и движениями, отстаивающими традиционные ценности и выступающими против диктата ЕС и нового мирового порядка глобализации[2]».

Лидер партии Габор Вона, в своих статья и выступлениях, посвященных международной проблематике, критикует прежнее левое правительство Гюрчаня и нынешнее правое правительство Орбана за их не соответствующий венгерским интересам подход к внешней политике. Критикуются США и их стремление в одиночку управлять миром, Вона призывает более активно сотрудничать с основными центрами сопротивления новому мировому порядку —Китаем, Россией, Ираном[3].

Своеобразные идеи венгерского восточничества, восходящего к межвоенному венгерскому туранизму можно найти в выступлениях Мартона Дьёндьёша, отвечающего за вопросы внешней политики партии. Так, выступая на международном форме в Китае, он отметил что азиатский вектор с его точки зрения должен стать основным в будущей внешней политике Венгрии. В этой связи он подчеркнул, что Венгрия является единственной страной в Европе с азиатскими корнями[4]. В другой раз, в посольстве Ирана Дьендьеш еще раз заявил, что будучи географически европейской страной Венгрия обладает восточными душой и духом, часть венгерского народа и он сам являются

[1] *Krisa B.* Anti-Americanism and Right-wing Populism in Eastern Europe:The Case of Hungary. Paper presented at the Kokkalis Workshop, Harvard University, February 6, 2004.

[2] *Jobbik*. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.jobbik.com/russian.html (дата обращения — 12.04.2011)

[3] *Vona Gábor*: A háborúról, az ellenségről és a haditervről . [Электронный ресурс] URL: http://kuruc.info/r/7/18197/ (дата обращения — 12.04.2011)

[4] Márton Gyöngyösi attended an international conference in Changchun, China. [Электронный ресурс] URL: http://www.hungarianambiance.com/2010/09/marton-gyongyosi-attended-international.html (дата обращения — 12.04.2011)

по происхождению потомками разбитых в XIII в. монголами ираноязычных алан, часть которых ушла с половцами в Венгрию. Не только исторические, культурные, но, конечно, более сильные экономические и политические связи должны быть установлены с Востоком. Другой причиной ориентации на Иран, с точки зрения венгерских политиков является его независимое поведение на внешнеполитической арене, народный и консервативный характер революции 1979 г., стремление к самобытности, свободе, суверенитету, возврату к собственным традициям, тот путь, по которому с точки зрения Йоббика должна пойти и Венгрия[1].

Дебаты вокруг нового проекта венгерской конституции, предложенной правящей правой партией Fides в апреле 2011 г. продемонстрировали, что венгерское общество, по крайней мере, значительная его часть, и не только оппозиция, но и правящая партия очень своеобразно смотрят на настоящее и будущее своей страны в составе Европы. Новая венгерская конституция, призванная сменить действовавшую до этого конституцию 1949 г., была даже названа «консервативно-революционной». Действительно, не посягая прямым образом на священную корову либерализма —права и свободы человека, она предлагает такую их трактовку, в которой решающее значение занимает историческая традиция страны. Дело даже не в том, что, например, защита жизни человека по новой конституции начинается с момента зачатия, то есть, недвусмысленно запрещаются аборты, или что браком признается только формальная регистрация отношений двух людей, принадлежащих разным полам, гораздо серьезнее другое, тот религиозно-националистический дух, которым пропитана преамбула основного закона страны.

От самой первой строки («Благослови, Господь, венгров») до самой последней, авторы призывают трактовать все статьи конституции в соответствии с национальными традициями страны, ее тысячелетней историей и культурой. Не стесняются ссылаться на христианские корни Европы и христианский характер венгерского государства. Заключительным прямо-таки империалистическим аккордом преамбула ссылается на доктрину «короны Святого Стефана», суть которой состоит не только в объединении всех земель, когда то принадлежавших этой короне (вся современная Словакия, часть

[1] Marton Gyongyosi's speech at the Iranian Embass. . [Электронный ресурс] URL: http://www.jobbik.com/hungary/3195.html (дата обращения — 12.04.2011)

Австрии, румынская Трансильвания, сербская Воеводина, украинское Закарпатье, большая часть Хорватии), но в самом понимании короны как материального воплощения имперостроительной миссии, завещанной венграм их первым христианским государем и крестителем королем Стефаном Великим[1]. Истинная корона —не те реликвии, что и сегодня почитаются с большим пиететом. Это прежде всего идея, символ власти, энергии народа, призвания его к несению властных функций в данной части Европы.

Сербия и Хорватия

В Сербии идеи многополярного мира поддерживаются большинством политических объединений в силу исторических причин и прямого военного столкновения с однополярным миром в лице США, НАТО в 90-х гг. Хотя имеются и откровенно прозападные партии типа Демократической партии Тадича, или выросшей из проамериканского НПО либеральной партии Г17+ и Либерально-демократической партии Сербии, остальные крупные политические организации выступают за многополярность. Наиболее принципиально за многополярное мировое устройство выступает Сербская радикальная партия Войслава Шешеля, занимающая в отличие от остальных позиции евроскептицизма. Поправели и демократы Войслава Коштуницы, отвергающей теперь вступление в ЕС из-за его позиции по Косово.

Среди интеллектуалов, которые развивали и развивают идеи многополярности в Сербии можно отметить ныне покойного Драгоша Калаича, главного редактора газеты «Геополитика» Слободана Ерича, доктора Смиля Аврамову, члена Сената Республики Сербской, редактора журнала «Национальная стратегия» Милоша Кнежевича, американо-сербского геополитика профессора, доктора Срдья Трифковича, сотрудничающего с палеоконсервативным американским изданием Chronicles, философа и публициста Марко Марковича, генерала Радована Радиновича и многих других. Главным отличием сербских авторов, выступающих с позиций многополярного мира является ориентации на Россию, сербский национализм, антизападничество. В основном затрагиваются проблемы, которые касаются непосред-

[1] *Szilágyi T*. Sacred Characteristics of the Nation:»Hungarianism» as Political Religion? [Электронный ресурс] URL: www.revacern.eu/exchange-programme/EP-paper%20szilagyi.pdf (дата обращения —20.09.2010)

ственно Сербии и Балкан, взаимоотношений России и Сербии, НАТОвской агрессии против Сербии, распада Югославии.

В Хорватии отсутствуют серьезные политические силы, которые выступали бы за проект многополярного мира, а вот влияние США довольно сильно. Восприятие себя в качестве части европейской цивилизации, обострившееся благодаря гражданской войне на территории бывшей Югославии (в Хорватии —официально «Война за независимость»), вызвало и ориентацию на ЕС и НАТО в 90-х гг. И все же интеллектуальная оппозиция однополярному миру в Хорватии существует, более того, выдвигаемые немногочисленными хорватскими авторами проекты оригинальны и интересны.

Наиболее известным хорватским автором, поддерживающим проект многополярного мира является бывший хорватский дипломат, ныне советник министра иностранных дел Хорватии, доктор Томислав Сунич, член Европейского движения «Новых правых». Сунич, долгое время работал в Америке и до сих пор ведет передачу на интернет-радио англоязычных новых правых «Voice of reason». Одна из последних его книг Homo Americanus: Child of the Postmodern Age посвящена соотношению традиционного американского мессианизма и современной глобальной модели, которую навязывают США. Стоит отметит, что Сунич не враг консервативной Америки, более того, сторонник общей евроамериканской идентичности, однако как и американские консерваторы, он полагает, что либеральная идеология прогресса, мультикультурализм, стремление к мировому господству и насаждению абстрактных ценностей по всему миру угрожает как самой Америке, так и всем народам, которые с ней сталкиваются.

Сунич придерживается консервативных взглядов, критикует либерализм за его «тоталитаризм»[1],отвергает политику мультикультурализма, как заведомо утопичную и разрушающую культурные основания европейской цивилизации[2]. Сунич оппонирует идеям «глобальной» демократии, как противостоящей правам народов на собственное уникальное развитие[3].

[1] *Sunic T*. Historical Dynamics of Liberalism: From Total Market to Total State // Journal of Social, Political and Economic Studies. 1988, vol. 13 No 4.

[2] *Sunic T.* Can Europe Learn the Lessons of Yugoslavia? Or will it continue to build societies destined to explode? [Электронный ресурс] URL: http://www.amren.com/ar/2001/09/ (дата обращения —19.04.2011)

[3] *Sunic T.* Global Village and the Rights of People // Chronicles (A Magazine of American Culture), January 1991.

Не менее интересен другой представитель хорватских новых правых, член «европейских синергий» Юре Вуич, также сотрудник хорватского министерства иностранных дел, геополитик. Его работы посвящены как общегеополитическим вопросам, в частности изменению традиционной геополитики в эпоху постмодерна, так и проблемам роли Европы в новом мироустройстве. В статье «Империя и мы» Вуич выдвигает идеал европейской империи, которая является в первую очередь духовной сущностью, знаменуя собой обращение к аристократическим ценностям. Империя объединяет различные народы в одном сосуде. Различия и выраженную в них свободу народов сохраняет именно империя, которая «восстает против современного денежного варварства и смиряет святое варварство наших предков». В этой статье Вуич поддерживает идею евразийского континентального блока, противостоящего англо-саксонским талассократиям и описывает основные линии европейской имперской геополитики — к Северному морю, Балтике, Средиземноморью и Индийскому Океану[1]. Вуич с симпатией относится к евразийству, считая, что это идейное течение очень важно для формирования альтернативной современному миропорядку геополитической концепции многополярного мира[2]. В этом году в свет должно выйти первая книга о евразийстве на хорватском языке, труд Вуича «Евразийство против атлантизма».

Вуич жестко выступает против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, в частности против идеи Хабермаса о постепенном движении в сторону европейского национального государства, построенного на принципах Модерна, как противовеса «вульгарной сверхдержаве» США. Конституционный патриотизм стерилен, утверждает Вуич, современная бюрократическая, рационалистическая, подавляющая этнический Эрос структура ЕС не подходит для Европы как возможного полюса в глобальной системе. Глобальному или европейскому демосу могут быть противопоставлен проект Европы как союза, объединяющего различные демой (мн. число от демос), причем политическое разделение на демой должно соответствовать культурному многообразию Европы, ее регионов, выстраивая европейский проект на органической, а не искусственной

[1] *Vujic J.* L'Empire et nous [Электронный ресурс] URL: http://www.juregeorgesvujic.com/2011/jure-vujic-lempire-et-nous/ (дата обращения 1.05.2011).

[2] Euroazijanizam kao postmoderna 'sintagma paradoksa' . [Электронный ресурс] URL: http://www.dugirat.com/index.php?option=com_content&view=article&id=11154&catid=100:obrazovanje&Itemid=469 (дата обращения 1.05.2011).

основе[1]. С точки зрения Вуича в Европе необходим переход от либеральной постдемократии и невыполнимой идеи единой европейской демо-кратии (что требует наличия единого европейского демоса) к демой-кратии, что означает переход «от общей идентичности к разделяемым или плюральным идентичностям, от общности идентичности к общности геополитических проектов больших континентальных пространств и, наконец, от многоуровнего управления к многоцентричному или многополярному управлению»[2].

Кроме геополитиков, выходцев из научных и дипломатических кругов защитником идеи многополярного мира может быть назван популярный правый католический публицист, бывший участник войны в бывшей Югославии Марко Франчишкович. С его точки зрения, политика союза с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрываются глобализмом, американским протестантизмом и пр. Хорватия могла бы выиграть, если бы переориентировалась в своей внешней политике на Россию, для которой предоставила бы выход в Адриатическое море, и Германию, предоставив немцам выход в Адриатику и через дунайскую речную систему. Таким образом Хорватия бы упрочила свои позиции, став наиболее желанным и важным стратегическим партнером двух континентальных государств на Балканах, являясь своеобразной «скрепкой» между ними[3].

Ориентированная на традиционные ценности и сохранение национальной идентичности часть восточноевропейских обществ уже сейчас выдвигает геополитические проекты альтернативной организации этого пространства, которые выглядят благоприятными для России. Общность геополитических и ценностных вызовов рождает в некоторых случаях и общность проектов по решению схожих проблем. Идеи многополярного мира, в данном регионе планеты рука об руку идут с ценностным консерватизмом, а отвержение однополярного мира с обращением к исторической

[1] *Vujic J.* Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 54-55

[2] *Vujic J.* Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 57

[3] *Franciscovic M.* Geopolitička spajalica [Электронный ресурс] URL: http://hrsvijet.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=50&Itemid=331(дата обращения 1.05.2011).

традиции каждого конкретного народа. Они получают свое развитие в восточноевропейской правой мысли, в теоретических концепциях и программах конкретных партий и движений. Здесь представлен лишь беглый обзор основных движений и персоналий, но думаем, что и он будет полезен в условиях, настоящего идейного «железного занавеса», что пал между нами и востоком Европы после разрушения социалистической системы.

С точки зрения теории социокультурной динамики те вызовы, с которыми сталкиваются восточноевропейские общества, идентичны тем, с которыми сталкивается и Россия. Как отмечает В.И. Добреньков в работе «Кризис нашего времени в контексте теории культурной динамики Питирима Сорокина, постсоциалистическое общество, выйдя из идеационной фазы, «проскочило идеалистическую и сорвалось в чувственную культуру»[1]. Общность проблем вполне может быть конвертирована в концептуальную общность их решений и в виде «мягкой силы» — в геополитический ресурс (вспомним какое важное значение Восточной Европе придавал еще Маккиндер), если Россия предложит иную цивилизационную альтернативу, нежели та, что предлагается Восточной Европе в рамках западной социокультурной суперсистемы, принадлежность к которой определяет и геополитическую ориентацию на ее центр —США.

[1] *Добреньков В. И.* Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина // Русское Время. Журнал консервативной мысли. Январь-март 2010, №1 (2), С. 4-11.

Иммануил Валлерстайн

НАСТУПЛЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Ранее, в 2003 г. разговоры об упадке США могли показаться абсурдными. Но сейчас, похоже, подобное мнение стало общей тенденцией среди теоретиков, политиков и СМИ. Что существенно повлияло на рост осознания этой концепции, это, конечно же, фиаско превентивного вторжения США в Ирак. Что еще не достаточно оценено, так это точная природа этого упадка и когда именно он начался.

Большинство аналитиков утверждает, что США были на вершине своей гегемонии после 1991 г., когда мир стал однополярным, что противопоставлялось биполярной структуре времен Холодной войны. Но это понятие в действительности имеет совершенно другой смысл. США были единственной сверхдержавой с 1945 г. примерно до 1970 г. С тех пор их гегемония стала клониться к упадку. Распад СССР был наиболее сильным ударом по могуществу США в мире. А вторжение в Ирак в 2003 г. изменило ситуацию с тенденции постепенного упадка к резкому коллапсу. К 2007 г. США потеряли свою убедительность не только в качестве экономического и политического лидера мир-системы, но также и в лице основной военной силы.

Я отдаю себе отчет, что это не является стандартной точкой зрения в масс-медиа и научной литературе, однако я хотел бы объяснить это подробней. Я разделю это на три периода: 1945-1970 гг., 1970-2001 гг. и с 2001 г. по настоящее время. Они связаны с периодом американской гегемонии, далее постепенным упадком США, давшим возможность появлению блуждающей многополярности, и затем резкому упадку и эффективной многополярности в период инаугурации Дж. Буша на пост президента США.

Неоспоримая гегемония

США были увеличивающей влияние силой с 1870 г, когда они включились в соперничество с Германией, претендуя на преемственность власти-гегемона ослабевающей Британской Империи. Мировые войны нужно рассматривать как непрерывную 30-летнюю войну, в которой принципиальными протагонистами были США и Германия. С этой точки зрения безоговорочная капитуляция Германии в 1945 г. являлась очевидной победой США. Необходимая военная помощь СССР более не имела значения, также как и в случае 1815 г., когда Великобритания просила о военной помощи у России для достижения своей недвусмысленной победы над Францией и своего гегемонистского положения.

Эта 30-летняя война была слишком разрушительной для инфраструктуры ее участников. В 1945 г. США были единственной основной промышленной силой, которая не пострадала от прямых атак на свое техническое оборудование. В 1945 г. США были наиболее продуктивным и эффективным производителем в мировой экономике, учитывая, что были еще и вне конкуренции со всеми остальными странами даже на своем внутреннем рынке.

В экономике США установили неоспоримую гегемонию. Она создала определенные типы международных структур, которые самым лучшим образом работали на ее нужды, включая политическую зависимость от США Западной Европы и Японии. В то время как вооруженные силы были частично сокращены, США имели ядерную монополию и ВВС, с помощью которых они могли доставить эти ядерные бомбы в любую точку мира. В то же время Нью-Йорк стал культурной столицей мира в сфере практически всей артистической деятельности и литературы, сместив Париж.

Конечно, Советский Союз бросал вызов США, он имел очень мощную военную структуру и хотел быть таким же равноценным США, распространяя свое влияние на другие страны. С другой стороны, имея столь разрушительные последствия Второй мировой войны, СССР не хотел идти на военную конфронтацию с США. Так что эти страны заключили соглашение, которые символически названы ялтинскими. Соглашение имело три пункта. Во-первых, мир разделялся на два лагеря, границы которого были определены местоположением армий в 1945 г.: СССР контролировал одну треть мира, а США две

трети. Договоренность также заключалась в том, что обе силы сохраняют военное статус-кво, а границы останутся неизменными.

Второй пункт относился к экономике. США было необходимо помочь перестроить значительные зоны мир-экономики, чтобы обеспечить политическую лояльность государств и создать рынки для экспорта. Но США не видели выгоды в реконструкции СССР или его новых союзников в Восточной и Центральной Европе. Так что страны согласились, что два блока в экономическом плане будут содержать себя сами. СССР создал Совет экономической взаимопомощи для обеспечения своей зоны, тогда как США заключили многочисленные экономические и финансовые соглашения со своими союзниками.

Третье. Обе стороны создали сильные и постоянные военные союзы. США полагались на НАТО и оборонный договор с Японией, а СССР создал Варшавский договор. Целью этих военных альянсов являлось скорее не их применение друг против друга, а возможность ответных действий в случае необходимости. Это также обеспечивало общую субординацию их так называемых союзников по отношению к политическим решениям Москвы или Вашингтона. Также неотъемлемой частью этого третьего пункта было то, что обе стороны могли устраивать довольно громкие перебранки, не переходя к реальным действиям друг против друга, гарантируя, что союзники не будут уклоняться от генеральной линии.

Эта сделка была довольно прочной во времена Холодной войны, и между СССР и США не было военных действий. Конечно же, были мини-кризисы — блокада Берлина, Корейская война, Второй кризис Тайваньского пролива, Венгрия в 1956 г., Кубинский кризис, Чехословакия в 1968 г. и Афганистан в 1980 г. Но все они заканчивались тем же статус-кво. И действительно, границы двух блоков оставались без изменений до 1989 г. Стрельба, конечно же, никогда не прекращалась, хотя она могла быть усилена или смягчена в зависимости от обстоятельств. И в конце концов это была лишь только стрельба. Таким же образом две экономические зоны были отделены друг от друга до 1970-х гг., после чего началось медленное вхождение «социалистического» блока в торговые и финансовые потоки капиталистической мир-экономики.

Мы можем назвать этот период с 1945 по 1970 гг. эрой неоспоримой гегемонии США, так как США могли получить 95% того, чего они хотели в течении 95% этого времени по всем жизненно важным

вопросам. Однако в этой работе было две существенных ошибки. Первая состояла в том, что США настолько преуспели, помогая Западной Европе и Японии в их восстановлении, что к середине 1960-х гг. эти страны достигли реального экономического паритета с США, что подтверждалось двумя простыми фактами. Во-первых, в 1960-е гг. американская продукция больше уже не могла конкурировать с европейской и японской. В действительности, произошла смена позиций. Западноевропейские и японские производители начинали проникать на американский рынок. Во-вторых, остальной мир стал ареной прямого соперничества между производителями со всех трех зон Богатого Севера. США больше не имели каких-либо особенных преимуществ перед своими союзниками, и это развитие имело значительные политические последствия.

Вторая потенциальная ошибка заключалась в подходе к развивающемуся миру. Сделка СССР и США была выгодна обеим сторонам, но она была менее благодатна для стран развивающегося мира. В результате более вооруженные движения этого мира всего лишь отстаивали свои интересы. И к концу этого первого периода стало ясно, что ни США, ни Советский Союз не замедляли рост национально-освободительных движений в развивающемся мире.

Мировые революции 1968 г. ознаменовали решительный сдвиг мир-системы как для мощи СССР, так и США. Множество революций произошло между 1966 и 1970 гг. и они имели две характеристики. С одной стороны, они денонсировали гегемонию США так же, как и советское согласие с этой гегемонией, которым и являлась ялтинская сделка. Но они также денонсировали традиционные антисистемные движения, которые стали называться Старыми Левыми.

Старые Левые состояли из трех компонентов — коммунистических партий, социал-демократических партий и национально-освободительных движений. Все эти три компонента следовали стратегии двух шагов: вначале захватить государственную власть, а затем изменить мир. В период с 1945 по 1968 гг. эта стратегия подверглась суровому испытанию. В это время неоспоримой гегемонии США все три варианта антисистемных движений, составлявших Старых Левых, двигались наверх к государственной власти практически во всех странах. В СССР Компартия была правящей, во всей Европе тоже у власти были социал-демократы, в Британии победили лейбористы, а в США — новое соглашение демократов. Безусловно, это была «аль-

тернативная» сила, но она заменяла консервативные партии, и все они связывали свою деятельность с ключевым понятием социал-демократической политики: государством благосостояния.

Революционеры 1968 г. сконцентрировались на втором шаге — изменении мира — и они думали, что Старые Левые хотят того же. Те, кто восстал в 1968 г., денонсировали Старых Левых как часть проблемы, которую они пытались решить. Такой подход привел к разочарованию в концепции девелопментализма, которая утверждалась в качестве универсального средства на пути к равенству. Язык был разным в США, СССР и странах развивающегося мира, но сущность была одинаковой. Девелопментализм был тезисом, согласно которому все государства могли «развиваться» и иметь высокий уровень жизни при условии, что будут институциализированы соответствующие государственные действия, которые позволят запустить процесс развития. И особые рекомендации США и Советского Союза в принципе, не были различными: укрепление городского сектора, распространение образования, применение благоразумного протекционизма, механизация производства и взятие за основу паттернов государства-лидера. Проблема была в том, что это предписание не работало.

Постепенный упадок

Власть имущим в США стало предельно ясно, что ситуация после 70-х гг. стала другой, и лидерство было подкорректировано. Основной целью всех президентских режимов от Никсона до Клинтона было замедление структурного упадка мощи США и их авторитета в мир-системе. Они разработали программу для достижения этой цели, которая трижды продлевалась.

Первым шагом для США было удерживание Западной Европы и Японии от ощущения того, что их экономическое укрепление позволит им усомниться в «лидерстве» США и заняться проведением курса в мировой политике, отличным от США. Решение состояло в том, что США предложили Западной Европе и Японии быть уже не сателлитами, а партнерами в деле внедрения общей мировой политики. Это партнерство было институциализировано в различных формах — Трехсторонней комиссии, Большой Семерке, Мировом экономическом форуме в Давосе — и сегодня продолжается в том, что мы ретроспективно называем «многосторонностью».

Эта стратегия работала до определенной степени: европейцы и даже японцы заблуждались, но не до такой степени. В Европе построили газопровод с СССР против воли США, кроме того, там решили создать европейские силы обороны. Но под давлением США они определили эти силы как элемент в структуре НАТО. В основном, говоря о времени до 2000 г., нельзя сказать, что Европа и Япония разорвали отношения с США хоть по какому-либо фундаментальному вопросу.

Вторая корректировка являлась военной. Монополия США в ядерном оружии была оспорена сначала СССР, а затем Францией и Китаем. Пять постоянных членов Совета Безопасности ООН в 1970 г. обладали ядерным оружием, но США и СССР определяли это оружие в качестве «баланса запугивания» (говорилось, что оно не будет применяться кроме оборонительных целей). Однако эти пять сил были не единственными, кто обладал ядерными программами, были и другие страны, которые к 1970 г. шли по этому пути. США четко видели, что распространение ядерного оружия может представлять серьезную угрозу их военному могуществу, т.к. всего несколько ядерных зарядов в руках у средней страны было бы достаточно для включения этой страны в «баланс запугивания» и подрыва военных возможностей США.

Попытки США остановить ядерное распространение были частично успешными. Три страны отказались подписать договор о нераспространении — Индия, Пакистан и Израиль и, конечно же, все три обзавелись им. Но было и много успешных действий — как минимум Бразилия, Аргентина, Швеция, Египет, Южная Корея, Тайвань, а возможно и Германия с Японией, закрыли свои программы. К 2000 г. США расширили свою программу нераспространения.

Третья сфера была экономической. Около 1970 г. мир-экономика вступила в длинную фазу, во время которой уровень прибыли от производительной деятельности падал, безработица росла, а глобальная поляризация усиливалась. Легкая прибыль trentes glorieuses (как французы называли предыдущий период) закончилась. Среди Триады (как называли США, Западную Европу и Японию) с 1970 г. началась конкуренция, так как все три хотели минимизировать убытки для своих экономических зон. Они вовлеклись в процесс экспорта безработицы в другие страны и стали извлекать прибыль не из производства, а из финансовых спекуляций.

Помимо этого, США, Европа и Япония не могли более позволить себе поддержку «девелопментализма». Они нуждались в обеспечении огромного потока капитала из Третьего мира в Богатый Север. В результате родилась новая идеология — неолиберализм, справедливо названная «глобализацией». Установленная норма предполагала, что не существует никакой альтернативы, кроме открытия границ развивающегося мира для экспорта с Севера и свободного потока капитала обратно на Север.

Так как экономический упадок 1970-х гг. повлиял на баланс платежей государств Юга, вынудив их искать займы на мировом рынке, МВФ направился туда со своими займами и программой под названием «структурное регулирование», которые соответствовали новой идеологии Вашингтонского Консенсуса. Чтобы этого достичь, нужен был завершающий штрих — ново созданная Всемирная Торговая Организация, запрограммированная на серию действий, которые лишали страны Юга права на сохранение за собой этих новых практик — все во имя продвижения свободной торговли. И эта политика была довольно успешной. США получили множество экономических преимуществ в 90-е годы. Одна страна за другой, не только в развивающемся мире, но также и в социалистическом блоке, поддалась этому давлению. Язык девелопментализма улетучился и был заменен жаргоном глобализации — в СМИ, академическом дискурсе и, помимо всего, среди политиков былых левоцентристских партий.

Конечно же, в этот период были и проблемы — например, распад Советского Союза и тот факт, что неолиберализм не оплачивал счета стран Юга. Распад СССР был неожиданным и, по правде говоря, нежелательным для США. Устранение СССР как структуры означало потерю символического оппонента, что обеспечивало единство политического альянса под руководством США. Более не было гипотетического врага, против которого объединялись страны союзники и население внутри них. Кроме того, исчезновение СССР означало конец многолетнего партнерства, основанного на сговоре двух стран — более не было противника в лице большого брата, чтобы придерживать (или, как минимум, пытаться придерживать) под контролем союзников из Третьего мира.

Не имея возможности остановить распад Советского Союза, США извлекли максимальную выгоду из этого события, провозгласив «победу» в Холодной войне. Но с геополитической точки зрения,

это была бесполезная победа. Первым видимым последствием было вторжение Саддама Хусейна в Кувейт. Без СССР, который мог бы возвратить его на твердую землю, обосновывая, что он нарушает «баланс запугивания» между СССР и США, у Хусейна не было весомых причин не нападать.

Конечно, как только Ирак вторгся в Кувейт, это имплицитно укрепило Саудовскую Аравию, а США почувствовали, что пора действовать. По факту, они отреагировали довольно быстро, собрав огромную военную коалицию с четырьмя странами (Германия, Япония, Саудовская Аравия и Кувейт), которые обеспечивали приличное финансирование операции, сведя затраты США к минимуму. Хусейн и его режим выжил, что явилось напоминанием о пределах реального могущества США.

В то же время демонтированный «социалистический» блок, так же как и множество бывших развивающихся государств в Азии, Африке и Латинской Америке столкнулись с глобализацией и связанными с нею реформами. Однако, цели, якобы предполагаемые глобализацией, не были достигнуты в универсальном масштабе. Кроме того, она длилась только до тех пор, пока граждане развивающегося мира не осознали, что неолиберализм настолько же ошибочен как и девелопментализм, если исходить из тех показателей всемирного равенства, которых достиг неолиберализм.

К середине 90-х гг. волна начала возвращаться. 1 января 1994 г., когда в силу вступило Генеральное соглашение по тарифам и торговле, сапатисты возглавили восстание в Чиапас, беднейшем регионе Мексики. Они требовали эффективной автономии для индейского народонаселения региона и предполагали привлечь к своей борьбе всех за равенство в области социальной жизни. Они добились поддержки со всего мира, которое превратило их в икону для народа Бедного Юга.

За этим событием последовала конфронтация в Сиэтле в 1999 г. во время конференции ВТО, где присутствовали люди со всего мира, но в основном из США, и они довольно эффективно остановили работу конференции. Наиболее неожиданным аспектом этой демонстрации было то, что в ее процессе шло объединение трех различных групп, которые до этого были значительно дистанцированы друг от друга — это профсоюзы, экологи и анархисты.

Действительно, акция в Сиэтле имела такой политический успех, что за ней последовала серия подобных демонстраций по всему миру,

где бы и когда бы ни проходили встречи пикетируемых организаций. А эти организации в качестве ответных мер стали подбирать для своих встреч страны, для въезда в которую нужна сложная визовая процедура, чреватая отказом, или места, куда довольно сложно попасть.

Эра одностороннего бахвальства

В 2001 г. Джордж Буш стал президентом США, окруженный советниками и политиками из неоконсервативных кругов. Анализ этих персон показал, что США и впрямь находятся в упадке. Однако, по их мнению, это было связано не со структурным давлением изнутри мир-системы, а с неадекватным лидерством предыдущих президентских администраций от Никсона до Клинтона (включая Рейгана). Их гипотеза предполагала, что одностороннее вторжение в Ирак окончательно продемонстрирует военную мощь США, тщетность политической независимости для Японии и Западной Европы, угрожающее предупреждение для любых государств-изгоев помышлять о приобретении ядерного оружия, а также настойчивый сигнал умеренным арабским режимам поддержать полномочия Израиля в вопросе вечного палестино-израильского диспута. Короче говоря, они верили, что этот механизм будет рабочим.

Террористические атаки Аль-Каеды 11 сентября 2001 г. предоставили необходимые обоснования для запуска этой программы. Президент Джордж Буш взял на себя обязанности президента в военное время и, несмотря на оппозицию со стороны традиционных союзников и сопротивление со стороны военных и разведывательных кругов, объявил о вторжении в Ирак. Через несколько недель после начала операции Буш объявил о победе. Однако война только начиналась и ситуация довольно быстро ухудшилась как в военном, так и в политическом отношении. К 2007 г. для большинства людей, включая граждан США, стало ясно, что война проиграна.

Весь анализ неоконсерваторов оказался неверным. Достичь победы в войне было нелегко. Союзники не были запуганы и не отказались от стремления к независимости. Северная Корея и Иран ускорили свои ядерные программы, полагая, что причиной столь легкого вторжения для США было отсутствие у Ирака ядерного оружия. Арабские режимы радикально не изменили свою позицию по отношению к Израилю. Короче говоря, все предприятие потерпело фиаско.

Но наиболее важными последствиями этой односторонности была демонстрация ряда ограничений военной силы США, которая оказалась непригодной для применения. Военная сила в основном считается неэффективной, когда государство не может отправить достаточное количество наземных войск для наведения порядка на завоеванной территории, что и было в случае вторжения США в Ирак. Всякий раз, когда государство применяет военную силу, то все, что меньше ошеломляющей победы, снижает реальную военную мощь государства. Поэтому в 2007 г. стало общей тенденцией говорить об упадке США. Многие в Америке чувствуют, что решение этой дилеммы состоит в возвращении к программе «многосторонности» 70-х, 80-х и 90-х гг. Однако Буш не сделал этого. Никто не был готовым и далее признавать за США роль неоспоримого лидера мир-системы, даже если США будет исповедовать многосторонность. Реальность все еще заключается в том, что США утратили свою позицию мощной силы в мультиполярном мире. Это определило снижение их влияния, так как мир двинулся в направлении новой геополитической ситуации.

Авантюризм администрации Буша превратил медленное угасание США в быстрый упадок. Экономическая, политическая и идеологическая позиция США уже была незначительной в 2001 г. Единственное преимущество США состояло в сохранении непропорциональных военных возможностей и это являлось той силой, на которую опирался вице-президент Дик Чейни, бывший министр обороны Дональд Рамфельд и неоконсервативные политики. Но они допустили две фундаментальных ошибки.

Первая заключалась в том, что применение ВВС и войск особого назначения было успешным для того, чтобы войска врага отступили, но они не смогли довести войну до завершения. Для этого необходимо было задействовать сухопутные силы против народного сопротивления, которое представляло собой огромную наземную армию. Но у США нет, и не будет достаточно больших сухопутных войск, в основном по политическим причинам. Американское общество готово аплодировать военным победам, но оно не готово приносить в жертву своих детей. Вторжения, подобное иракскому, обречены на провал.

И это приводит ко второй ошибке неоконсерваторов. Существуют опасения, что военная сила держится до тех пор, пока она успешна. Если нет ошеломляющей победы, то все остальное снижает эффек-

тивность, а военные затраты и продвинутое оборудование и техника становятся пугающим фактором мировой политики.

В 90-х гг. Госсекретарь Мадлен Олбрайт в дискуссии с Колином Пауэллом и другими военными чинами, которые сопротивлялись продвигаемым ею инициативам, сказала: «Что за смысл иметь наиболее сильные вооруженные силы в мире, если мы их никогда не применяем?» Ответ, как мы все можем сейчас убедиться, состоит в том, что в них вообще нет смысла.

Альваро де Васконселос

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, СТАНОВЯЩАЯСЯ «МНОГОСТОРОННЕЙ»

Раймон Арон однажды приехал в Лиссабон, чтобы принять участие в ряде конференций и дать несколько интервью. Это было в 1980 г., задолго до того, как Гласность и Перестройка внезапно появились в лексиконе международных отношений — в то время, когда мир всё ещё отходил от первого нефтяного кризиса. Арон выступил с выдающейся речью о новых проблемах международной системы. Уже тогда Арон утверждал, что биполярная система, казавшаяся тогда бессмертной, вскоре не будет в состоянии обеспечивать приемлемую основу интерпретации мировых конфликтов, что две супердержавы не смогут бесконечно сдерживать — не говоря уже о том, чтобы решать — «периферийные» кризисы и войны, такие как ирано-иракская, которая тогда только началась. Он дал понять, что энергетическая зависимость, особенно — зависимость от нефти, lesangdesmachines, была, по его мнению, слишком велика.

После 1989 г. было предложено множество теорий, трактовавших эпоху, наступившую после «Холодной войны», пытавшихся объяснить все аспекты реальности международных отношений экономикой. Большинство этих упрощенческих объяснений пользовалось недолгой популярностью, изредка пересекаясь и расходясь друг с другом. Теории развивались: от тех, которые исходили из интерпретации силы (например, идея мировой гегемонии одной суперсилы) — к основанной на идеологии теории «конца истории» — которая включает в себя экономический вариант, утверждающий, что глобализация уничтожит любую альтернативу неолиберализму, затем — к неоконсервативной доктрине одностороннего военного господства, провоз-

глашающей неизбежную победу Марса. Это было отражено на Юге мессианскими теориями, которые были в равной степени идеологически окрашены. Тогда понятия, связанные с культурой, позволили им возникнуть, вдохновлённые доктриной «Столкновения цивилизаций», которая пытается объяснить конфликт культурными различиями, предлагая антагонистическую парадигму — демократия против недемократии, в которой первой является монополия Запада.

Как показывает XXI век, мир гораздо более сложен, чем Раймон Арон мог предполагать тридцать лет назад. Ни одна из этих теорий не подтвердилась историей, которая упорно отказывается заканчиваться. При этом, теперь есть значительно большее количество акторов (отличающихся от традиционных — т.е. от наций и государств), которые формируют мировую систему, и по сравнению с ними даже суперсилы уже не так мощны и влиятельны, как были раньше. Всемирная взаимозависимость — то, что сейчас принято называть «глобализацией» — позволила появиться ряду сетей, от защитников прав человека до организованной преступности, усиливая ощущение, что глобальный мир плюралистичен.

Для того чтобы оставаться верным самому себе, своей уже сформированной цели создания лучшего мира, ЕС необходимо чётко и ясно понимать сложный современный политический ландшафт, в котором он сам является важным игроком. Европейскому Союзу необходимо установить действительно глобальные перспективы, отражающие его действительно огромное разнообразие и отвечающие ожиданиям ЕС во всём мире. Это — необходимое условие для многостороннего порядка, способного справляться с планетарными вызовами и предотвращать возникновение опасных поляризационных трещин.

Рождающаяся многополярность

После падения Берлинской стены одной из наиболее часто встречавшихся тем для обсуждения в учёной среде стал поиск парадигмы, которая бы охватывала оба способа распределения власти между государствами и другими игроками международных отношений, а также неразрешённые к тому времени конфликты, которые возникли тогда или остались со времени «Холодной войны». Эти дебаты сплетены, а иногда — неразличимы с обсуждением

форм управления миром, наиболее подходящих для защиты мира и безопасности, и обращаются к крупнейшим вызовам, направленным против человечества.

То, что многополярный мир возникнет из пепла «Холодной войны», при этом отвергая всё чаще подвергаемое сомнению превосходство Америки, было ясно ещё Полу Кеннеди[1], который сконструировал мир, стоящий на четырёх колоннах экономической мощи Соединённых Штатов, Европейского Союза, Японии и Китая, при этом России отводилось особое место, благодаря её стратегическому арсеналу, обеспечивающий ей статус «ядерной суперсилы».

В эйфорических 90-х гг. мощь и превосходство Соединённых Штатов, однако, ещё не оспаривались, во всяком случае, при сравнении с возможными конкурентами. «Сверхсила» Америки, по выражению Юбера Ведрина в конце эры Клинтона, была всё ещё способна управлять «однополярным» миром при помощи того, что было позже названо «мягкой гегемонией»[2]. Этот редкий и исключительный момент, который длился в течение большей части времени правления Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, существовал в одно время с новой волной регионализма, распространившегося в каждый уголок мира, и в которую Соединённые Штаты были также вовлечены, хотя и исходя из своих собственных соображений. Многие учёные и политики полагали тогда, что наступает эра мировой системы, чьей основой становятся региональные группировки большего или меньшего размера, сформированные приблизительно по образцу Европейского Союза[3]. В наиболее новаторских на сегодняшний день исследованиях Джозеф Най убедительно доказывает, что вне экономической и военной мощи, в информационный век, «soft power» — сила очарования, способность вызывать симпатию у других — более важна в структуре компонентов государственной власти[4]. Военная мощь, основной инструмент биполярного мира, больше не является тем определяющим фактором в обеспечении гегемонии и доминирования.

Что является новым и характерным для XXI в., так это растущее осознание того, что мы живём в многополярном мире, хотя при этом и

[1] *Kennedy, Paul.* The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.

[2] *Helio Jaguaribe and Álvaro de Vasconcelos (eds.)*, The European Union, Mercosul and the New World Order. London: Frank Cass, 2003.

[3] См. Mario Telò(ed.) European Union and New Regionalism. Alder-shot: Ashgate, 2001.

[4] *Joseph S. Nye*, Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

очень по-разному понимается то, как сила — как «soft», так и «hard» — распределена в мире. Эра, наступившая после «Холодной войны» входит в фазу, которая характеризуется появлением новых глобальных игроков, активных далеко за пределами своих границ. В действующей международной системе американской «hard power» и европейской «soft power» больше недостаточно для противостояния большинству глобальных проблем даже в сфере мира и безопасности, при этом необходимость в сбалансированных решениях этих проблем остаётся.

Термин «многополярность», таким образом, обращается к разнообразию глобальных акторов, ограничивающих мощность американской суперсилы, и суперсилы других «полюсов», таких как ЕС. Если говорить конкретнее, он обращается к росту Китая и усиливающейся Индии, к возрождению России и увеличению важности таких игроков как Бразилия — особенно в сфере международной торговли. В Бразилии, которая относится к государствам огромного размера, принято считать, что её статус глобальной державы обусловливается её способностью возглавить объединённую Южную Америку.

Доля мировых богатств Соединённых Штатов уверенно снижается. Что более важно, это происходит параллельно процессу отрицания привлекательности американской модели — феномену, который стал особенно очевидным после вторжения в Ирак в 2003 г. Это сопровождалось явной эрозией американской репутации блюстителей прав человека, которая символизировалась в глазах всего мира самоуправными арестами и бесчеловечным обращением подозреваемых в тюрьме Гуантанамо. Объективная оценка позиции мировой общественности демонстрирует устойчивый спад одобрения действий Соединённых Штатов среди европейцев и, конечно, во многих других частях света, и показывает, что это напрямую связано с протестами против политики Соединённых Штатов и их использования силы (те же данные указывают также на то, что это лишь незначительно влияет на отношение к американцам как таковым). The Pew Global Survey выяснил, что после войны в Ираке имидж Соединённых Штатов ухудшился практически везде. Он остаётся «ужасным в большинстве мусульманских стран на Ближнем Востоке и в Азии, и продолжает ухудшаться в обществах стран, относящихся к старейшим союзникам Америки. Если обратиться к цифрам, благосклонное отношение к Соединённым Штатам в Турции упало до однозначного числа (9%) и снизилось до 15% в Пакистане.

В настоящее время только 30% немцев положительно относится к Соединённым Штатам — по сравнению с 42% ещё только два года назад, а в Великобритании и Канаде положительные рейтинги падают ещё ниже»[1]. Будучи преимущественно связанным с политикой, отношение к Соединённым Штатам может, конечно, резко измениться во время правления Обамы.

Если измерять силу основных мировых игроков просто долями ВВП в паритете покупательной силы (ППП), к ним относятся следующие: Европейский Союз (21,95%), Соединённые Штаты (21,06%), Китай (10,7%), Япония (6,57%), Индия (6,17%), Россия (2,69%) и Бразилия (2,58%). Асимметрия богатства и экономической мощи, особенно с учётом количества населения, бросается в глаза[2]. Если рассматривать возможности военной и стратегической мощи, Соединённый Штаты, однако, всё ещё уверенно лидируют — хотя пределы военной мощи Соединённых Штатов и начали становиться видными перед вторжением в Ирак. Из укрепляющихся мировых сил Китай был особенно заметен в последние несколько лет в наращивании военной мощи. В 2006 г. военные расходы Китай составляли 49,5 миллиардов долларов, что на 11,7% больше, чем годом ранее, когда они превысили вдвое данные за 2000 г[3]. Министерство обороны Соединённых Штатов оценивает расходы Китая, связанные с вооружениями за 2007 г. примерно в 97-139 миллиардов долларов[4]. Это, однако, всё-таки скромная сумма по сравнению с данными по Соединённым Штатам (более 528 миллиардов долларов в 2006 г., что составляет почти половину мировых) и общими данными обороны ЕС, на которую потрачено 250 миллиардов долларов. В 2006 г. расходы остальных основных

[1] См. 'Views of US and American Foreign Policy', 47-Nation Pew Global Attitudes Survey, Rising environmental in 47-Nation Survey — Global Unease with Major World Powers, June 2007, доступно по адресу: http:// pewglobal.org/reports/pdf/256.pdf

[2] Share of GDP in PPP terms. Источник: CIA Factbook, 2008, доступно по ссылке: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html. Тем не менее, если измерять номинальный ВВП, к основным силам относятся: Европейский Союз (30,71%), Соединённые Штаты (24,95%), Япония (7,4%), Китай (6,47%), Россия (2,58%), Бразилия (2,52%) и Индия (2,17%). Источник: IMF, World Economic Outlook Database, October 2007, доступно по адресу: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/02/weodata/index.aspx.

[3] См. SIPRI Military expenditure database по адресу: http://first.spiri.org/non_first/milex.php.

[4] См. Annual Report to Congress: Military Power of the People's Republic of China 2008, Office of the US Secretary of Defense, Washington, March 2008, p.32.

мировых сил составляли: 43,7 миллиардов долларов в Японии, 37,7 миллиардов долларов в России, 23,9 миллиардов долларов в Индии и 13,4 миллиардов долларов в Бразилии[1].

Исследования расстановки сил в современном мире, основанные на сравнении военной мощи — основа однополярной и биполярной доктрин — во всех отношениях плохо адаптированы к миру, в котором доминирует экономическая глобализация, информационное общество и зарождающееся публичное пространство на региональном и глобальном уровнях, что дополнительно морально усиливает международное гуманитарное право. Таким образом, «глобальные» ограничения накладываются на использование военной силы, которая и так уже строго контролируется внутренним общественным мнением, враждебным к высылке военных сил на крупномасштабные войны за границу.

Интеграция в мировую систему, вместе со статусом мировой силы, включая ключевой аспект диктовки повестки дня, сегодня основываются не только на военной силе и возможности ею воспользоваться, но в большей степени — на возможности содействовать устойчивому развитию человечества. Это ставит государства перед необходимостью соотносить собственное стремление к обретению статуса мировой державы с требованиями взаимозависимости и с важностью элементов «soft power». Роберт Каган смеялся над силой Европы[2], ошибочно принимая предпочтения ЕС принципов многосторонних отношений и «soft power» за слабость. Как бы то ни было, как заметил Пьер Хасснер, хотя Каган определённо прав в том, что оценивал действующую военную мощь и возможности Соединённых Штатов значительно выше, чем таковые ЕС, он ошибся в том, что определял лидерство и могущество через военную мощь и готовность применить её без остатка, «как грустно и более чем убедительно показала суровая действительность — начиная с Афганистана и заканчивая Ливаном и Ираком»[3].

Развитие с сознанием необходимости защиты прав человека сквозь границы, сопровождавшееся экономической и технологической глобализацией, вместе с требованиями защиты окружающей

[1] SIPRI Military expenditure database, в цитируемой сноске 7 работе

[2] См. Robert Kagan, Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order (New York, Knopf, 2003).

[3] Pierre Hassner, 'L'Unioneuropéenneface à la multipolarité etau multilatéralisme', Esprit, May2007.

среды и согласием с принципами многосторонности международного поведения, стало основой популярности европейской модели. Общая привлекательность социальной модели вместе с экономической мощью дают Европе огромные возможности «soft power». Европа всё ещё продолжает набирать вес на международной арене. Двух атрибутов власти по Джозефу Наю[1], которыми обладают Соединённые Штаты и которые будут необходимы Европе в случае, если она собирается действовать решительно при решении серьёзных международных проблем, ей всё ещё не хватает — единства и военной мощи. При этом если рассматривать общий эффект этих атрибутов власти, среди которых привлекательность модели, ценности и публичная дипломатия, включая многосторонний уровень, представляют собой важные величины, становится очевидным, что ЕС является мировым игроком на тех же основаниях, что и остальные.

Европейский Союз: «рассеянная» опора глобальной системы

Европейский Союз, безусловно, является мировым игроком, но точное определение его роли выходит за рамки традиционных понятий. ЕС, с точки зрения его уникальности, нельзя прямо сравнить с любым другим мировым игроком. Как и у других, его сила в то же время представляет собой то, как эта сила и рамки её применения понимаются другими игроками. Вне всяких сомнений, ЕС до сих пор страдает от нехватки признания в качестве политического актора, при этом пользуясь полным набором традиционных атрибутов власти. Он часто игнорируется как всего лишь «беззубая» гражданская сила и, наоборот, обличается как традиционная суперсила, благодаря тому, что отваживается на расширение пространства своей безопасности при помощи своих структур Общей внешней политики и политики безопасности/Европейской политики по обороне и безопасности. Эти образования в то же время часто становятся причиной тому, что ЕС часто рассматривается как безопасная сила, и проблема здесь в том, что он воспринимается как структурно слабая сила во благо. Строго обратное происходит, когда ЕС обвиняется в том, что он прибегает к позиции силы в политике, при этом, не внушая достаточного почтения и уважения. Это, несомненно, один из парадоксов попыток

[1] *Joseph S. Nye*, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

ЕС положить начало эффективной политике многосторонности. Парадокс усугубляется признанием (ещё не осуществлённым самим ЕС) того, что Союз одновременно является и большой частью, и незаменимым творцом мирового порядка.

Внутренние дебаты по поводу Европейской мощи (Europepuissance) или Экономической Европы (Europeaspace) не могут охватить весь потенциал ЕС в мировой системе. ЕС никогда не станет военным «полюсом» вместо Соединённых Штатов — не столько потому, что не обладает для этого необходимой мощью и способностью ей воспользоваться, сколько потому, что не захочет. Не регрессирует он и обратно к «широкому рыночному пространству», как было до Общей внешней политики и политики безопасности, не будет ограничиваться скромной ролью лидирующего экономического игрока, лишённого даже полной силы гражданской власти. Так как континентальная экспансия через расширение ЕС усовершенствована, а потенциал глобального мира полностью реализован и эксплуатируется, эти во многом бессмысленные дебаты будут постепенно сворачиваться, и ЕС чётко и последовательно станет утверждать свою международную идентичность — уже не в контрасте и не бок о бок с Соединёнными Штатами, а по отношению к множеству основных международных игроков.

Это будет достигнуто, однако, при том неблагоприятном контексте, что высказанные в 1990 г. надежды и прогнозы, что модель глубокой интеграции Европейского Союза будет перенята на других континентах, всё ещё не оправдались. Мы ближе к миру власти, чем к миру регионов: это то, что слово «многополярность» на самом деле означает сегодня. После того как новые силы возникли, их стремление обрести большее влияние в мире также увеличилось, часто — в ущерб попыткам добиться региональной интеграции. При этом такое положение вещей сосуществует в сегодняшнем «глобальном» мире, в век взаимозависимости, с общим осознанием того, что к огромному — большему, чем когда-либо — числу тем в так называемой глобальной повестке дня можно обращаться только через общие — всемирные — усилия, предусматривающие международные стандарты и глобальное управление.

Союз искренне заинтересован в том, чтобы играть значительную глобальную роль. Его интеграционная модель представляет собой наиболее прогрессивную форму многосторонности, и его опыт наделяет её глобальной целью. Природа Союза такова, что его выживание

зависит от развития международной системы, основанной на нормах и правилах. При повторении системы Баланса сил, сколько времени понадобилось бы ЕС, чтобы развалиться под давлением столкнувшихся однополярных систем? Утомительные разногласия по поводу Ирака и — в меньшей степени — по поводу Косово и Палестины, это наглядно показывают. В глобальной системе, управляемой нормами и правилами, Союз может играть главную роль в преследовании собственных интересов и, тем самым, позволяя избегать основанной на силе системы, при которой он может добиться немногим больше, чем дополнительная роль при Соединённых Штатах. К тому же современная международная ситуация, в которой вопросы развития превалируют над основными соображениями новых глобальных сил, соотносится с природой гражданской власти ЕС и является благоприятной для того, чтобы он выступил более уверенно в роли мирового лидера.

Новые глобальные акторы воспринимают ЕС по-разному. Для некоторых — как, например, для Китая и Бразилии — Союз представляется глобальным политическим актором, чья важность выходит за рамки сферы торговли. Бразилия и Китай, исходя из разных соображений, приветствуют Европу, играющую более инициативную роль в международных отношениях, обеспечивая большую сбалансированность и альтернативу слишком уж особенным отношениям с Соединёнными Штатами. Тем не менее, оба предпочитают видеть в Союзе, в первую очередь и в большей степени, экономическую силу, и, следовательно, союзника в продвижении целей, связанных с экономическим развитием — несмотря на то, что разногласия между Союзом и его партнёрами с Юга в рамках ВТО являются общеизвестными.

Политическая элита Китая рассматривает Европейский Союз как основную политическую силу[1] и привлекательного партнёра, особенно в вопросах сотрудничества в сферах науки и технологий, и поэтому — как основного партнёра на пути к достижению прославляемой цели «мирного строительства Китая»[2] через экономическое развитие. Бразилия, внешняя политика которой традиционно считается двигателем экономического развития, также рассматривает Союз как очень важного экономического партнёра и ресурс, стимулирующий

[1] См. Feng, p. 80

[2] Этот термин был придуман Чженом Бицзяном (Zheng Bijian), бывшим советником Президента Ху Цзиньтао. См. Mark Leonard. What Does China Think? London: Fourth Estate, 2008.

развитие региональной интеграции. Индия, где среди внешнеполитических элит принято воспринимать Союз в основном как торгового игрока, довольно скептично относится к предполагаемой возможности ЕС играть значимую роль в политике и безопасности, особенно когда речь идёт об Азии. Взгляды на Европейский Союз российского правительства, задумывающегося о статусе России как европейской силы, довольно неоднозначны. ЕС, несомненно, является высоко ценимым экономическим партнёром, особенно если речь идёт об энергетическом секторе, в котором взаимозависимость между Россией и остальной Европой возрастает[1]. Москва, однако, не вполне довольна идеей ЕС играть более значимую политическую роль в общем соседстве. Так как это рассматривается как угроза собственным амбициям российским правительством, оно перестало рассматривать ЕС как действительно мягкую силу, и уже не приветствует развитие ЕС в качестве полноценного международного актора в сфере безопасности[2].

Другая сложность, возникающая в рамках внешнего восприятия ЕС — то, что его часто путают (в лучшую сторону или в худшую) с его странами-членами, бывшими колониальными империями, в частности. Сильная национальная идентичность ряда европейских сил одновременно и стесняет, и усиливает ЕС как международного актора. Тесные двусторонние связи играют роль посредника идентификации для третьих стран в контактах с Европейским Союзом. Это было действительно так со странами Латинской Америки, когда Португалия и Испания вошли в Европейское Сообщество. Как бы то ни было, внешнеполитические инициативы отдельных государств-членов, выбивающиеся из мейнстрима ЕС, могут негативно отразиться на ЕС в целом. Это, в частности, можно сказать о вопросах мира и безопасности, разногласия в которых наиболее негативно влияют на международную идентичность ЕС и на то, как она воспринимается остальными.

Для ЕС сейчас крайне актуален тот факт, что «внутреннее» является не в меньшей степени и «внешним». Своей «soft power» ЕС обязан, в значительной степени, магнетической привлекательности собственной многосторонней интегрированности, построенной на принципе «единства противоположностей». Такая модель не уцелеет при культурном/религиозном определении идентичности ЕС. В этой

[1] См. Trenin, p. 136.

[2] См. Fischer, p. 117.

связи ЕС сейчас необходимо доказать, что он в состоянии интегрировать в себя сообщества мигрантов, а частности, приехавших из стран, в которых большинством населения являются мусульмане. Мир крайне внимателен к тому, насколько ЕС способен интегрировать в себя Турцию, так же как к умению ЕС сформулировать позитивный подход к миграции[1].

Как бы то ни было, можно согласиться с мнением Целсо Лафера, что, с точки зрения жителей разных частей света, «европейский опыт консолидации в целях мира и процветания на принципах закона является, по Канту, признаком возможного прогресса для человечества. Благодаря своей политической идентичности, своему всемирному влиянию, Европейский Союз является силой, борющейся за мир, права человека, дипломатию и многосторонность. Вот почему ЕС можно назвать международным общественным добром»[2].

ЕС — региональная или глобальная сила?

Благодаря экспансии на Восток, с учётом переговоров с Турцией, Союз не только обладает общей границей и соседством с Россией, но также приближается к Центральной Азии — и таким образом продвигается ближе к Китаю и Индии. В этой связи, контакты с БРИК, и в частности — с азиатскими силами — необходимы для стабильного соседства расширенного ЕС. Это реальность, которую чётко осознаёт Россия и которую индийцы и китайцы, всё ещё видящие Европу преимущественно региональным игроком в сфере безопасности, ещё должны осознать. Слабость политического влияния Европы в Азии (в отличие от её вездесущности в торговле и инвестировании) в сильном контрасте с ощутимым присутствием там США частично объясняет его имидж региональной силы в Индии и Китае.

Индия внимательно относится к невовлечённости Европы в цепь конфликтов, растянувшихся вдоль её собственных длинных границ. Бразилия и вся Латинская Америка вообще в целом более чувствительны к самостоятельности Европы как полноценного международного актора — и не только в рамках Всемирной Торговой Организации. Дни, когда Европа была вовлечена в миротворчество

[1] См. Ummu Salma Bava, p. 112

[2] *Celso Lafer.* 'The European Union — an international public good', Issues, EUISS Newsteller, no. 24, November 2007.

в Центральной Америке[1] ещё не совсем забыты, как и попытки выстроить двусторонние межрегиональные стратегические отношения, основанные на «Соглашениях Третьего поколения» с МЕРКОСУР (вдохновлённый ЕС субрегиональный интеграционный процесс, высоко ценящий «европейскую модель»), Андским Сообществом или Проектом Южноамериканского Сообщества. Попытки продвижения демократии со стороны ЕС были предприняты серьёзнее, чем где-либо: американские страны сделали уникальные предложения, например, приветствуя поправки об условиях со стороны ЕС в соглашениях, регулировавших двусторонние отношения.

Вес и особая роль главных игроков — таких как Индия и Китай, основных азиатских сил рядом с Японией и Россией (и с Соединёнными Штатами) в формировании международной системы должны быть полностью приняты во внимание, вне зависимости от их нынешнего восприятия международной идентичности ЕС. Понимание части ЕС этой очевидной реалии ясно показана в рекомендации о стратегическом партнёрстве, которая содержится в документе Солаы 2003 г. Среди них Индия и Китай — обладающие ядерными силами — представляют более трети человечества, это тенденция, которая только усилится к середине и концу этого столетия. Их восприятие ЕС как значимого глобального игрока наряду с США будет всё больше зависеть от того, каким образом ЕС станет садиться на «пустой стул» в Азии.

Индия до сих пор явно более сконцентрирована на Азии, нежели на глобальном мышлении, вероятно, потому что сама Азия рассматривается в Индии как многополярный континент. Объясняя, почему Европа была полностью исключена из анализа сил, интересующих Азию, Махараджакришна Расготра откровенно заявляет, что «Европа едва ли сможет стать сильным фактором в возродившейся Азии. В лучшем случае ролью Европы в Азии в обозримом будущем… может стать второстепенная роль поддержки Соединённых Штатов»[2].

Так или иначе, принимая во внимание важность вопроса периферии ЕС в повестке дня, в частности, расширения средиземноморского

[1] Самым первым успехом внешней политики и политики безопасности (ЕПС, Европейское Политическое Сотрудничество) в начале 1980-х годов был «Диалог Сан-Хосе», действующий поныне, сыгравший важную роль в восстановлении мира в Центральной Америке.

[2] См. MaharajakrishnaRasgotra (ed.), The New Asian Power Dynamics. New Delhi: Sage Publications, 2007. p. 11.

соседства, можно сказать не только, что продвижение ЕС в сторону Ирака и Ирана будет способствовать увеличению его роли в качестве стража безопасности, но и что вовлеченность Китая (что с болезненной ясностью было показано в Дарфуре) и Индии окажется в таком случае необходимым. Обе эти азиатские силы проявляют всё стремительнее растущий интерес не только к Африке (например, дипломатические встречи, организованные китайцами и индийцами, как сотрудничество Китая и ЕС в Африке), но всё шире и в Средиземноморье и в других частях европейской периферии.

Большинство проблем, с которыми сталкиваются соседи ЕС, в действительности являются глобальными проблемами — и требуют глобальных ответов. Дела определённо обстоят именно так в вопросе палестино-израильского конфликта, в иранском вопросе, в вопросах, которые особенно часто обсуждаются в Совете Безопасности Соединённых Штатов, в вопросах о важности роли Ближнего Востока и Кавказа в решении проблем энергетической безопасности — во всех тех главных вопросах, которые тревожат всех глобальных игроков. В общем, для того, чтобы ЕС стать мировой силой, ему для начала нужно стать силой регионального масштаба, учитывая природу и место, которое занимает его окружение. Важно иметь в виду, что наиболее важным вкладом ЕС в дело мира стала консолидация большого пространства мира и демократии, простирающегося от Португалии до российских границ. Возможное расширение этого пространства — через включение без полноценного членства — на Юг и Восток, несомненно, значительно повлияет на мировой порядок.

Многосторонность и многополярность — далеко не синонимы

Важно различать многополярность и многосторонность. Первый термин означает способ распределения власти на мировом уровне, второй — то, как на эту реальность нужно воздействовать, другими словами — то, как такая власть должна использоваться и к чему вести. Многополярность заявляет о более сложной международной системе, согласующейся с сегодняшним распределением власти в мире, а также о способе усиления и сдерживания и того, и другого глобальной взаимозависимостью.

Когда многополярная система преобладала в Европе XIX в., само собой, она была сформирована благодаря существованию государств,

основной заботой которых было сохранение баланса сил — которые были в значительной степени симметричными — между ними[1]. Система Баланса сил, которая преобладала в первой половине XX в. не предотвратила — и, более того, не могла предотвратить — начало крупномасштабной войны, когда был явно нарушен баланс. Две мировые войны наглядно показывают истинность этого.

Факт остаётся фактом — лидеры стран во многих частях света, включая Европу, придают большое значение многополярности, утверждая, что многополярный баланс сил и, в частности, как следствие, создание альянса, будет работать в качестве противовеса силе США. Так считают Китай и Россия, которые сделали несколько совместных заявлений с призывами к многополярному миру[2]. Им важно оспаривать то, что они называют американской гегемонией на основании того, что китайцы называют политикой «гармоничного мира», а русские — «современной демократией»[3]. В Индии, где видение международного распределения власти исходит почти полностью из соображений международной безопасности, многие всё ещё довольно консервативно рассматривают мир как однополярный «с признаками многополярности, в котором… Соединённые Штаты Америки диктуют глобальную конъюнктуру»[4]. Индия хочет укрепить своё положение на глобальной арене и предполагает, что её новый стратегический альянс с США «может помочь в этих поисках»[5]. А в Бразилии мир рассматривается как уже становящийся многополярным, хотя и асимметричным несправедливым образом, особенно в отношении распределения мировых богатств. В равной степени к ослаблению многосторонности приводит неравная представленность в институтах глобального управления6. По словам Марко Аурелио Гарсиа, «до

[1] См. Raymond Aron, Paix etguerre entre les nations. Paris:Calmann-Lévy, 1962, 1984.

[2] «Россия и Китай поддерживают многополярность, справедливый и демократический мировой порядок, основанный на общепризнанных принципах международного права», — заявили президенты Владимир Путин и Ху Цзиньтао в совместном выступлении, CNSNews.com, 28 May 2003.

[3] См. Trenin, pp. 141-43.

[4] Foreign Service Institute, Government of India, India Foreign Policy, Challenges and Opportunities. New Delhi, Academic Foundation, 2007.

[5] *S. Jaishankar,* 'India and USA: New directions', Ibid, p. 788.

[6] См. CelsoAmorim: 'Brasil's Multilateral Diplomacy', подготовленные замечания Министра иностранных дел Бразилии на Второй Национальной Конференции по Внешней Политике и Международным Отношениям, Бразилиа, 5 ноября 2007 года, доступные по ссылке: http://www.mre.gov.br/ingles/politica_externa/discursos/discurso_detalhe3.asp?ID_DISCURSO-3219

тех пор, пока новое глобально управление и сопровождающий его многополярный порядок не будут объявлены, узкие группировки, вроде G8, будут преуспевать»[1]. Как предполагает Жан-Мари Гуэнно, международная система не может находиться под «неограниченным господством США, как и основываться на идее стремления к независимости и суверенитету как к исключительной цели политического субъекта»[2].

Шанхайская Организация Сотрудничества, основанная в 2001 г., объединяющая вместе Китай и Россию, а также страны Центральной Азии, не только представляет собой важный фактор в создании рамок для сотруднических отношений двух великих сил для борьбы с вызовами на своих границах. У неё также есть направление в сторону борьбы за баланс сил, в которой она служит платформой для противостояния тому, что, по крайней мере, некоторые из её членов рассматривают как «угрозу стратегической и философской однополярности в международных отношениях»[3].Такой тип соглашения показывает возможность возникновения альянсов, характерных для системы Баланса Сил в контексте нового многополярного мирового порядка.

Европейцы должны прийти к единому видению, что стало очевидным во время иракского кризиса. Некоторые до сих пор предпочитают американское господство и видеть мир однополярным, воспринимая аргументы в пользу многополярности как подрывающие схему Баланса Сил для того, чтобы противодействовать и, в конечном счёте, сковывать США. Внутри ЕС дебаты о понимании мира как однополярного или как многополярного поэтому в большей степени являются дебатами о природе отношений с США, принимает ли это форму автоматической ориентации или меры воздействия на США через коалиционную стратегию[4]. Иракский кризис, однако, показал, что и однополярный выбор британцев равняться на США, и многополярная политика Жака Ширака, направленная на коалиционное строительство для ограничения силы США, были одинаково бессильны повлиять на администрацию Буша и, более того, сильно повлияли на разобщённость в Союзе. Безусловно, имей ЕС возможность говорить

[1] См. Garcia, p. 53.

[2] *Jean-Marie Guéhenno,* 'TheImpact of Globalisation on Strategy',Survival, winter 1998-99.

[3] *Alyson J. K. Bayles et al,* 'The Shanghai Cooperation Organisation', SIPRI Policy Paper, No. 17, SIPRI, Stockholm, May 2007.

[4] См. Álvaro de Vasconcelos,'Back to the future? StrengtheningEU/Mercosul Relations and Reviving Multilateralism', ChaireMercosur, Sciences Po, Paris, 2004.

в один голос на Совете Безопасности ООН, он бы определённо обладал большим влиянием и — возможно — смог бы предотвратить иракскую войну и её катастрофические последствия.

Новые глобальные игроки открыто признают, что многосторонность может возникнуть только из многополярности, то есть из сбалансированной расстановки сил для предотвращения односторонних попыток к доминированию. Так это или нет, факт остаётся фактом, ЕС не может охранять сферу силовой политики на мировом уровне, имея нелегитимную власть на европейском континенте. Влияние Союза, как лишний раз показывает это исследование, будет серьёзно зависеть от его способности придерживаться своих первоначальных принципов и ценностей на международной арене, последовательно применять их внутри себя и формировать глобальную повестку дня, в которой они будут служить примером. Модели международных отношений, которые чужды опыту европейского строительства — другими словами, однополярность (или её варианты) — не могут объединить страны-члены Союза и нуждаются в необходимой поддержке европейского общества. ЕС ничего не приобретает, но теряет всё, принимая участие в мировых событиях, которые управляются играми сил, и среди которых он — один из нескольких соревнующихся игроков. Если он хочет сказать своё слово в мировой политике сегодня, ЕС должен работать в пределах системы, управляемой нормами и правилами. ЕС нужен мир, который управляется эффективной экономической многосторонней системой, если он собирается оказывать влияние.

Это значит, что ЕС хочет видеть сильные международные организации, особенно занимающиеся основами мира и безопасности, чья деятельность направлена на общее согласие режимов бороться с глобальными проблемами. Это естественным образом влечёт за собой то, что нарушение общепринятых норм не должно оставаться безнаказанным, а схемы управления должны быть освобождены от постоянных парализующих его — как это было во время «Холодной войны» — вето. Это также означает, что ответственность должна быть в равной степени распространена, и что мировые силы должны быть готовы её честно разделить.

Существует задача и, некоторые скажут — крайняя необходимость — действующим и стремящимся стать таковыми мировым силам прийти к согласию в вопросах устойчивого развития человечества, включая вопросы защиты гражданского населения, и так — к

действительно настоящей многополярной системе. Очевидно, что военные конфликты не исчезли окончательно с лица Земли, и исчезнут они не сразу, несмотря на их согласованные действия. Но всё более очевидно, что наихудший сценарий — исключая возможность серьёзных ошибок в расчётах и неудач в дипломатии — это уже, возможно, больше не один из военных конфликтов между «великими силами», будь он настоящим или выдуманным, а, скорее, такое «мирное соревнование». В этом смысле парадигма безопасности, которая доминировала во время биполярной эры «Холодной войны», утратила свою актуальность. Мировой войны в обозримом будущем не будет. Все конфликты — хотя и жестокие, хотя и болезненные, хотя и стоящие человеческих жизней и ресурсов — являются периферийными и проходят на окраине международной системы. Не потому что в них не включены и не будут включены мировые силы (например, Ирак, Кашмир), но потому что они не могут быть прямо или косвенно гибельными для них, как было бы в случае, когда чрезмерная самоуверенность вырождается в обречённое на провал применение силы. Более того, современные войны, в большинстве своём, уже не являются межгосударственными конфликтами, даже когда в них прямо вовлечены два или более государства, а чаще бывают войнами против гражданского населения. Асимметрия боевых операций, кстати, является часто следствием этого факта.

В этом контексте определяющим фактором в весе глобального игрока представляется не только способность бороться с другими, но и всё больше — умение обеспечивать безопасность и благосостояние для своих жителей и остальных, обращаясь к глобальному направлению тех же нужд. Разделительная полоса между внутренним и внешним измерениями политики всё больше размывается. Это верно не только для Европейского Союза, но и для всего мира.

Формирование универсальной концепции эффективной многосторонности

Так как многополярный мир возникает тогда, когда многосторонняя система явно демонстрирует признаки растущей слабости, ЕС необходимо признать, что международное распределение власти слишком изменчиво для того, чтобы гарантировать установление «специальных» отношений с амбициозными мировыми игроками, в

то же время фокусируясь на основной цели — содействию глобального и регионального управления и «эффективной многосторонности». Под этим, как проясняют творцы политики, причастные к Европейскому Союзу, включая Европейскую Стратегию Безопасности, подразумевается, что многосторонность должна стать посредником между международным сообществом и основными глобальными и региональными проблемами. Эффективная многосторонность, следовательно, представляет собой систему, созданную для того, чтобы позволить государствам, формирующим мировое сообщество, действовать сообща в борьбе с вызовами, в снятии и решении проблем. Это — не инструмент взаимного сдерживания, влекущего за собой паралич. В том, что касается мира на планете, что подчёркивается в ЕСБ, Европейский Союз хочет, чтобы «международные организации, режимы и договоры были эффективными в борьбе с угрозами международному миру и безопасности и, значит, были готовы действовать в условиях, когда их правила не соблюдаются»[1].

Эти слова, так же как и концепция «эффективной многосторонности» отсылает к понятию «положительной многосторонности», озвученному в 1990-х гг. во время успеха нового мирового порядка Джорджа Буша-старшего, начиная с окончания «Холодной войны» и заканчивая легитимизированной США войной в Персидском заливе. Мадлен Олбрайт в первый год про-многосторонне настроенной администрации Клинтона утверждала, что США должны стремиться к настойчивой многосторонности, «сильнее опираясь на международные институты, правила и партнёрства… США будет лучше справляться с транснациональными проблемами, отбросив ношу мирового лидерства, обретя легитимность своих целей и действий и консолидируя развивающееся сообщество рыночных демократий»[2]. Эта концепция стала жертвой стратегических дебатов, которые последовали за чудовищными трудностями американской интервенции в Сомали под мандатом ООН, и позже — после боснийской катастрофы. Критика США была на своём пике в преддверии триумфа военного унилатерализма неоконсерваторов[3]. В понимании Европейского Союза

[1] A Secure Europe in a Better World, European Security Strategy, Brussels, 12 December 2003.

[2] Stewart Patrick, 'Don't Fence Me In: a Restless America Seeks Room to Roam', World Policy Journal,vol. XVIII, no. 3, Fall 2001.

[3] См. Stefan Halper and Jonathan Clarke, America Alone –The Neo-Conservatives and the Global Order (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

эффективная многосторонность — во многом реакция на унилатералистскую доктрину администрации Буша, и лишнее подтверждение, хотя и в менее благоприятной обстановке, того, что в рамках ООН можно найти легитимные возможности для того, чтобы решать проблемы международной безопасности и другие глобальные проблемы.

Новейшие амбициозные мировые силы, тем не менее, имеют отличные концепции многосторонности от концепции ЕС, больше занятые сдерживанием более сильных государств и отстаиванием собственного суверенитета, чем игрой своей роли в выстраивании эффективной многосторонней системы. Независимо от того, являются/становятся ли они членами Совета Безопасности ООН или нет, им нужно взять на себя ответственность, означающую, что их статус и цели теперь обязывают их, в частности, стремиться к более честному международному порядку, более способному регулировать или «гуманизировать» глобализацию, и прежде всего — направлять свои силы на борьбу с усиливающимся мировым беспорядком. Это в значительной степени означает готовность встретиться с проблемами — от снижения уровня нищеты до безопасности окружающей среды и контролем над заболеваниями лицом к лицу в собственных границах, так же как и предотвращение этнических чисток и геноцида.

Страны БРИК[1] (а также большинство латиноамериканских стран) особенно привержены многосторонности[2]. Бразилия, более близкая к традиции гражданской власти с акцентом на регионализме и международной торговле, может перенять многостороннюю перспективу Европейского Союза. То же в некоторой степени относится и к Индии, учитывая её демократическую сущность, традиционное лидерство нейтрального движения и стойкое влияние ненасильственной традиции и популярности доктрины защиты человека Ганди, что позволяет некоторым комментаторам классифицировать его как знатока «soft power»[3]. Так или иначе, Индия, Китай и Россия — страны с серьёзным отношением к суверенитету, что приводит к естественной тенденции предпочитать принцип двухсторонних отношений и куда

[1] Эта аббревиатура, означающая сотрудничество Бразилии, России, Индии и Китая, а позже — и ЮАР (БРИКС), была придумана Домиником Уилсоном и Рупой Пурушоттаман, 'Dreaming with BRICs: the Path to 2050', Global Economics Paper no. 99, Goldman Sachs, October 2003.

[2] См. Valladão, pp. 33-36.

[3] См. See Rajesh M. Bashur andMallika Joseph (eds.), 'Reintroducingthe Human Security Debatein South Asia',IPCS, New Delhi, 2007.

более консервативно смотреть на многосторонность[1]. Регионализм, одна из самых многообещающих разновидностей международных движений в 1990-х гг., сейчас оспаривается многополярностью и следующей за ней тенденцией отрицания биполярности. Тот факт, что во время первого председательства Португалии в ЕС (1992 г.), прошла первая встреча министров ЕС и МЕРКОСУР, зато во время третьего председательства Португалии (2007 г.) встречи с МЕРКОСУР не было, зато вместо этого был первый саммит с Бразилией, представляется очевидным примером этого перехода[2].

То, как другие основные игроки воспринимают мировой порядок и роль ЕС в его формировании, тесно связано с их восприятием американо-европейских отношений и отношений ЕС с другими глобальными игроками. Индия, гордо претендующая на звание самой большой в мире демократии, считает то, что ЕС отдаёт предпочтение своим отношениям с Китаем, парадоксом. В действительности Китай рассматривается ЕС как конструктивный партнёр, несмотря на сложности с правами человека, существующие в двусторонней повестке дня[3]. В будущем ЕС придётся найти баланс в своих отношениях с этими двумя основными азиатскими силами.

Рассмотрение того, как Союз работает с многополярностью в XXI в. и создаёт свою паутину «стратегических партнёрств», подкрепляется мнением, что без них ключевые международные проблемы не могут быть решены удовлетворительно. Бессилие международного сообщества перед лицом нищеты, гуманитарных катастроф, ухудшения состояния окружающей среды и периферийных конфликтов — от Дарфура до Ближнего Востока — не только следствие отказа США от многосторонней дипломатии, но и результат недостаточного участия других больших сил. Но все они всё больше и больше понимают, что статус глобальных игроков обязывает их взять на себя большую ответственность.

Перед Европейским Союзом не стоит задача снова начинать уже завершённые дебаты о полезности «обязательств» и «сдерживания»

[1] См. CelsoLafer and GelsonFonseca Jr, 'A problemática da integraçãonummundo de polaridadesindefinidas', A IntegraçãoAberta– Um Projecto da UniãoEuropeiae do Mercosul, Forum Eurolatino-americano, Lisbon, 1995.

[2] См. Álvaro de Vasconcelos,'An Open Europe in a Multipolar World: Lessons from the Portuguese Experience', Notre Europe, Studies and Research no 60,Paris, October 2007.

[3] См. Christophe Jaffrelot, 'Lepariaméricain', Manière de Voir, Le Monde diplomatique, no. 94, August-September 2007.

с прицелом на его отношения с Китаем и Россией[1]. Союзу нужна расширяющаяся, основанная на правилах позитивная повестка дня, затрагивающая торговлю и развитие, так же как и такие противоречивые вопросы, как права человека и свобода самовыражения, для обсуждения со всеми глобальными партнёрами. Политика сотрудничества ЕС с Китаем и Индией всё ещё фактически основывается на помощи в развитии[2]. Существует ясная необходимость в переходе к последовательному поощрению самодостаточного развития по тем же направлениям, что и обновлённая Лиссабонская Стратегия — в приоритетах которой инновации, образование и окружающая среда — через совместные программы и признание того, что Индия и Китай сегодня — основные экономические игроки, вовлечённые в процесс быстрого научного и технологического развития[3]. Этот переход уже был предложен в 2007-2013 EU Country Strategic Papers по Китаю и Индии, где ЕС определяет свои отношения с обеими странами, которые переходят от статуса просто получателей помощи по развитию к стратегическим партнёрам[4].

Этого, однако, недостаточно для того, чтобы работать вместе на глобальную повестку дня, сфокусированную на развитии, каким бы ни было её подлинное содержание. Растущие мировые силы и другие главные акторы в международной сфере также должны предпринять коллективную попытку предотвратить главные гуманитарные проблемы, включая те, что появляются в результате изменения климата, последующие природные катастрофы, и те, которые возникают вследствие кризисов и конфликтов, всё ещё мучающие международную жизнь. Одна из наиболее сложных проблем, к которой нужно обратиться в стратегическом диалоге с глобальными партнёрами, касается

[1] См. Godement, p. 60.

[2] Ibid., pp. 69-70; Ummu Salma Bava, pp. 105-07.

[3] Лиссабонская Стратегия была основана Европейским Советом в Лиссабоне в марте 2000 г., с целью сделать ЕС «наиболее динамичной и конкурентоспособной экономикой в мире, обладающей устойчивым экономическим ростом с большим количеством рабочих мест и их улучшением, большей социальной сплочённостью и уважением к окружающей среде к 2010 году». Необходимость дать Лиссабонской Стратегии серьёзное развитие была подтверждена Европейским Советом. О развитии Лиссабонской Стратегии см.: Estratégia no 22-23, 'The Lisbon Strategy: Reaching Beyond Europe', IEEI,Lisbon, 2007.

[4] См. European Commission, India: Strategy Paper 2007-2013, доступно по адресу: http://ec.europa.eu/external_relations/india/csp/07_13_en.pdf; and European Commission, China: Strategy Paper 2007-2013, accessed at: http://ec.europa.eu/external_relations/china/csp/2007_sp_en.pdf.

условий законного использования военной силы. Несмотря на широкие протесты против военной интервенции, в том числе — из гуманитарных соображений, появившихся после вторжения США в Ирак, ситуация, в которой всё ещё и правомочно, и необходимо обращаться к помощи силы без согласия воюющих сторон для предотвращения преступлений, например, против человечества, всё ещё сохраняется. Международное сообщество не может оставаться бессильным перед лицом геноцида, как в Руанде и Дарфуре, не потеряв своей легитимности.

Один из наиболее серьёзных рисков для нынешней международной системы, который определённо противостоит многосторонности, возникает из серьёзного искажения, вызванного т. н. культурной/цивилизационной парадигмой, которая делит мир на потенциально враждебные цивилизационные блоки, наталкивая «Запад» на «Остальных». Последние, по определению Хантингтона, представляют собой потенциальный альянс ислама с конфуцианством. Хотя в этом немного здравого смысла, возможность возникновения будущей американо-китайской биполярности, повторяющей раскол «Холодной войны», нельзя полностью сбрасывать со счетов. Это — одна из возможных форм регресса интернациональной системы, которая была описана выше.

Большая коалиция Запада не является ни желательным, ни целесообразным способом построить многосторонний мировой порядок. Мировой порядок больше зависит во многом не от долгосрочного партнёрства равных между ЕС и США, а от более широкого, содержательного глобального партнёрства между старыми, новыми и развивающимися мировыми игроками по осуществлению общесогласованных международных задач. Это несовместимо с вооружённой «лигой демократий» с предложением американского лидерства, которое сильно ослабит ООН[1]. То же можно сказать и о предложении открыть членство в НАТО «любой демократии мира»[2]. Несомненно, избежать трансформации НАТО в глобальный альянс, альянс демократий против всех остальных — первостепенная задача ЕС, если он ставит перед собой задачу построить эффективную многостороннюю систему, способную интегрировать в себя все силы. Одновременно

[1] *John McCain,* 'An Enduring Peace Built on Freedom', Foreign Affairs, November/December2007.

[2] Эта точка зрения была выражена Иво Даалдером и Джеймсом Голдгейером в статье 'Global NATO', Foreign Affairs, September/October2006.

попытки создать разделение сил на «hard power» США и «soft power» ЕС, включающую незначительный военный компонент, способный справляться с nation-building и подобными заданиями, в то время как использование «hard power» остаётся в основном американским, вредоносны для честного и справедливого многостороннего мирового порядка. Отсюда следует, что эффективная многосторонность недостижима без серьёзных изменений во внешней политике Америки. США — важный элемент будущего мирового порядка. Неудача военной однополярности в Ираке открывает возможность для этого. Многие в Америке считают, что сейчас — самое время, чтобы обратиться к остальным и дать всем глобальным игрокам возможность участвовать в выстраивании международного порядка. Это вернёт Соединённым Штатам статус мощной силы в многостороннем порядке, для которого они будут «отцом-основателем», как после Второй мировой войны.

Формирование универсальной концепции «эффективной многосторонности» требует начала диалога о том, что собой представляет «эффективная многосторонность» на самом деле, не только с большими силами, но и со всем международным сообществом. Это — непростая задача. Европейская внешняя политика может быть действительно успешной только в том случае, если она обратится к «становящейся многосторонней многополярности» и начнёт стратегическое сотрудничество с регионами или странами, которые ЕС определяет как наиболее подходящие для борьбы с настоящими глобальными проблемами[1]. Европейский Союз развернул обширную сеть двусторонних сотрудничеств и встреч-саммитов с отдельными силами, с важными региональными группами, такими как АСЕАН, Африканский Союз, МЕРКОСУР или Латинская Америка, со своими южными соседями — в контексте евроатлантического сотрудничества.

Развитие общей экономики и даже политической двусторонней повестки дня для двух больших сил, не может, однако, отвлечь ЕС от растущей важности других глобальных игроков: региональных или межрегиональных ассоциаций, государств, международных организаций и неправительственных организаций, иногда являющихся луч-

[1] *Nicole Gnesotto and Giovanni Grevi*, The Global Puzzle, What World Order for the EU in 2050? Paris: EUISS, 2006. Авторы утверждали, что «наибольшей проблемой для ЕС — согласовать появляющуюся многополярную международную систему с устойчивым, эффективным многосторонним порядком».

шими носителями универсальных ценностей, которые защищает ЕС в управлении глобального регулирования, наиболее надёжными защитниками прав человека и лучшими союзниками «становящейся многосторонней многополярности». Единственный способ наделить дипломатию в верхах долгосрочной системностью заключается не только в преследовании правительствами установленных целей, но также в создании обширной сети отношений между гражданскими обществами всех наших партнёров, включая страны, в которых неправительственные акторы встречаются с большими проблемами. Как заявил Хавьер Солана: «Выйти за пределы правительственно-центричного взгляда на мир, преобладающего на Западе, это то, чего требует дипломатия XXI века»[1].

Определение Европейским Союзом эффективного многостороннего порядка подразумевает необходимость в использовании военной силы в определённых обстоятельствах для борьбы с реальными вызовами международному миру и безопасности. Это должно происходить под прикрытием ЕС при полноценном сотрудничестве региональных организаций и новейших глобальных игроков, в частности — демократических Индии, Бразилии и ЮАР, составляющих Южную Коалицию и IBSA Dialogue Forum[2]. Сближение этих стран на пути к концепции культуры человеческой безопасности, кризисного регулирования и государственного строительства, которой они поделятся с ЕС, нужно поощрять. Выстраивание консенсуса вокруг принципов и практики ответственности ради безопасности с Китаем и Россией также необходимо, не только для того, чтобы избежать препятствий при голосовании в СБ ООН, но и с точки зрения того вклада, который они могут и должны сделать в деле международной безопасности.

Заключение

Можно спорить с тем, что статус ЕС как глобального мирового игрока зависит от его способности сформировать мировой порядок, основанный на многосторонности[3]. Вклад ЕС должен содержать три различных измерения.

[1] См. Speech by the European Union High Representative For Common Foreign and Security Policy at the Annual Conference of the EUISS, Effective Multilateralism: Engaging with the New Global Players, Paris, 22 October 2007.

[2] Эта трёхсторонняя инициатива была закреплена в июне 2003 года во время первой встречи представителей трёх стран, которая прошла в Бразилиа. Она направлена на «исследование тем международной повестки дня в контексте общих интересов», как значится в Декларации Бразилиа. См.: http://www.ibsa-trilateral.org/brasil_declaration.htm.

[3] *Alexandra Barahona de Britoand Álvaro de Vasconcelos*, 'Forginga New Multilateralism: A View from the European Union and the Mercosur', IEEI/Euro-Latin American Forum Report, Lisbon, October 2001. p. 9.

Во-первых, содействие праву и обязанности защищать, которые исходят из сознания, что международное сообщество и ООН в частности ответственны за защиту прав личности сверх суверенных границ. Это означает, что ЕС должен быть активен в защите прав человека и демократии — в т. ч. и через двустороннее сотрудничество со всеми глобальными игроками. Такой подход совпадает со взглядом, который выразил Кофи Аннан в своём Докладе, приуроченном к началу нового тысячелетия: «суверенность государства не может быть защитной стеной для нарушения прав человека».

Во-вторых, признание преимуществ регионализма, феномена, который должен активно поощряться Европейским Союзом, чтобы он смог развиться в структурный элемент международной системы в целом. Это значит, что Союз должен развивать цепь межгрупповых двусторонних сотрудничеств с региональными группами, и вносить региональную интеграцию в качестве приоритета своей двусторонней повестки дня в работе с глобальными игроками.

И? В-третьих, появление глобального общественного мнения, «второй волны» глобализации, которая выражает стремление гражданского общества влиять или участвовать в глобальном принятии решений. Как и глобализация торговли, финансов и услуг, это измерение глобализации создаёт необходимость в усиленном многостороннем управлении. Это означает сильную вовлеченность ЕС с НПО во все уровни внешних действий.

В нынешней международной системе общее благо требует наличия эффективного глобального управления, как недавно вновь заявил Европейский Совет[1]. Но глобальное управление, в свою очередь, требует адаптации международных организаций к новой структуре мировой власти. До тех пор, пока структуры глобального управления, начиная с Совета Безопасности ООН и заканчивая МВФ, не полностью интегрировали в себя новые мировые центры международной системы, будет сохраняться тенденция роста соревнующихся и совсем неэффективных узких группировок. Принцип двусторонних отношений и присущая ему тенденция создания нестабильных альянсов также продолжит расширяться. Но такие узкие формы лидерства, хотя они могут сыграть роль в выстраивании мостов, неспособны заменить собой многосторонний порядок, при котором новейшие и появляющиеся силы смогут полностью принять свои международные обязанности.

[1] EU Declaration on Globalisation, Presidency Conclusions, Brussels, 14 December 2007.

Александр Дугин

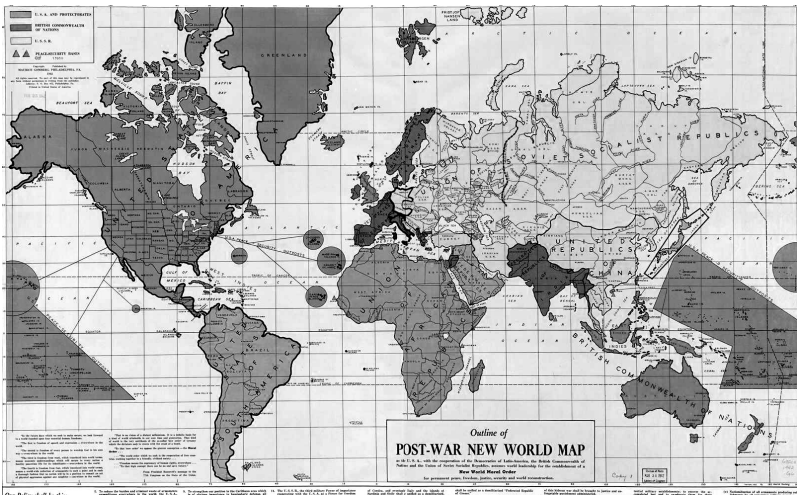
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ПРОЕКТ МИРОПОРЯДКА С ПОЗИЦИИ СУШИ

Многополярность представляет собой резюме «геополитики-2»[1] в актуальных условиях развертывания глобальных процессов. Это чрезвычайно емкое понятие, требующее досконального рассмотрения.

Многополярность (multipolarism) — это реальная антитеза однополярности во всех ее проявлениях: жестком (империализм, неоконсы, прямая доминация США), мягком («многосторонность», multilateralism) и критическом (альтерглобализм, постмодернизм, неомарксизм).

Жесткая версия однополярности (радикальный американский империализм) основана на том, что США заявляют себя как последний оплот мирового порядка, процветания, комфорта, безопасности и развития, окруженный хаосом недоразвитых обществ. Многополярность утверждает прямо противоположное: США — это существующее среди многих других национальное государство, чьи ценности сомнительны (или, по крайней мере, относительны), претензии диспропорциональны, аппетиты чрезмерны, методы ведения внешней политики неприемлемы, а технологический мессианизм губителен для культуры и экологии всего мира. В этом смысле многополярный проект является жесткой антитезой США как инстанции, которая методично строит однополярный мир, и нацелен на то, чтобы категорически не допустить, сорвать и предотвратить это строительство.

[1] Было бы логичным, если бы «геополитикой-2» мы назвали геополитику Суши, интеллектуальные труды мыслителей «сердечной земли» и планетарных стратегов строительства русской сухопутной империи.



Мягкая версия однополярности провозглашается действующей не только от имени США, но от имени «человечества», при том, что под ним понимается исключительно Запад и те общества, которые согласны с универсальностью западных ценностей. «Мягкая однополярность» призывает не навязывать силой, а убеждать, не принуждать, а объяснять выгоды, которые народы и страны получат от вступления в глобализацию. Здесь полюсом выступает не одно национальное государство (США), а западная цивилизация в целом как квинтэссенция всего человечества.

Такая, как ее иногда называют, «многосторонняя» однополярность (multilateralism, многосторонность) отвергается многополярностью, считающей, что западная культура и западные ценности представляют собой лишь один ценностный набор среди многих иных, одну культуру среди разных других культур, что культуры и ценностные системы, построенные на совершенно иных принципах, имеют полное право на существование, и поэтому у Запада в целом и у тех, кто разделяет его ценности, нет никаких оснований настаивать на универсальности демократии, прав человека, рынка, индивидуализма, личной свободы, секулярности и т.п. и строить на базе этих нормативов глобальное общество.

Против альтерглобализма и постмодернистского антиглобализма многополярность выдвигает тезис о том, что капиталистическая фаза

развития и построение глобального капитализма в мировом масштабе не является необходимой фазой развития общества, и само такое у веождение есть произвол и стремление навязать разным обществам один единственный сценарий истории. В то же время, смешение человечества в единый мировой пролетариат является не путем к лучшему будущему, а побочным и абсолютно отрицательным эффектом глобального капитализма, не открывающим никаких новых перспектив и ведущим лишь к деградацию культур, обществ и традиций.

Если у народов и есть шансы организовать эффективное сопротивление мировому капитализму, так только там, где социалистические идеи сочетаются с элементами традиционного общества (архаическими, аграрными, этническими и т. д.), как это было в истории СССР, Китая, Северной Кореи, Вьетнама и имеет место сегодня в некоторых странах Латинской Америки (например, в Боливии, Венесуэле, на Кубе и т. д.).

Далее, многополярность — это совершенно иной взгляд на пространство земли, нежели биполярность, двухполюсный мир.

Многополярность представляет собой нормативный и императивный взгляд на нынешнюю ситуацию в мире с позиции Суши и качественно отличается от той модели, которая преобладала в Ялтинском мире в эпоху «холодной войны».

Двухполюсный мир строился по идеологическому принципу, где в качестве полюсов выступали две идеологии — социализм и капитализм. Социализм как идеология не ставил под вопрос универсализм западноевропейской культуры и представлял собой социо-культурную и политическую традицию, уходящую корнями в европейское Просвещение. В определенном смысле, капитализм и социализм конкурировали между собой как две версии Просвещения, две версии прогресса, две версии универсализма, две версии западноевропейской социально-политической мысли.

Социализм и марксизм вошли в резонанс с определенными параметрами «цивилизации Суши» и поэтому победили не там, где предполагал Маркс, а там, где он эту возможность исключал — в аграрной стране с преобладающим укладом традиционного общества и имперской организацией политического пространства. Другой случай (самостоятельной) победы социализма — Китай — представлял собой также аграрное, традиционное общество.

Многополярность оппонирует однополярности не с позиции одной идеологии, которая могла бы претендовать на второй полюс, но с позиции многих идеологий, многих культур, мировоззрений и религий, которые (каждая — по своим причинам) не имеют ничего общего с западным либеральным капитализмом. В ситуации, когда Море имеет единое идеологическое выражение (правда, все более уходящее в сферу подразумеваний, а не открытых деклараций), а сама Суша не имеет такового, представляя собой несколько различных мировоззренческих и цивилизационных ансамблей, многополярность предлагает создание единого фронта Суши против Моря

Многополярность отличается и от консервативного проекта сохранения и укрепления национальных государств. С одной стороны, национальные государства в колониальную и в постколониальную эпохи отражают в своих структурах западноевропейское понимание нормативного политического устройства (игнорирующего религиозные, социальные, этнические, культурные особенности конкретных обществ), то есть сами нации частично являются продуктами глобализации. А с другой стороны, из двухсот пятидесяти шести стран, официально числящихся сегодня в списке ООН, только незначительная часть способна при необходимости отстоять свой суверенитет самостоятельно, не входя в блок или альянс с другими странами. Это значит, что не каждое номинально суверенное государство можно считать полюсом, так как степень стратегической свободы у подавляющего большинства из признанных стран ничтожна. Поэтому укрепление Вестфальской системы, которая по инерции существует и сегодня, не является задачей многополярности.

Многополярность, будучи противоположностью однополярности, не призывает ни к возврату к двухполюсному миру на идеологической основе, ни к закреплению порядка национальных государств, ни к простому сохранению статус кво. Все эти стратегии будут играть только на руку центрам глобализации и однополярности, так как у них есть проект, план, цель и рациональный маршрут движения в будущее, а все перечисленные сценарии в лучшем случае являются призывом к замедлению процесса глобализации, а в худшем (например, проект восстановления двуполярности на идеологической основе) выглядят как ностальгия или безответственные фантазии.

Многополярность — это вектор геополитики Суши, обращенный в будущее. Он основывается на социологической парадигме, чья со-

стоятельность исторически доказана в прошлом, реалистично учитывает сложившееся в современном мире положение дел и основные тенденции и силовые линии его вероятных трансформаций. Но многополярность выстраивается как проект, как план того миропорядка, который только еще предстоит создать.

Неразработанность теории многополярности

Несмотря на то, что термин «многополярность» в последнее время довольно часто употребляется в политических и международных дискуссиях, его значение довольно размыто и неконкретно. Различные политические круги и отдельные аналитики вкладывают в него разный смысл. Основательные исследования и солидные научные монографии, посвященные многополярности, можно пересчитать по пальцам[1]. Даже серьезные статьи на эту тему довольно редки[2]. Причина этого вполне понятна: параметры нормативного политического и идеологического дискурса в глобальном масштабе сегодня задают США и страны Запада и по этим правилам можно обсуждать все, что угодно, но только не наиболее острые и болезненные вопросы. Даже те, кто считают, что однополярность была лишь «моментом»[3] в 1990-е годы и сейчас происходит переход к новой неопределенной модели, готовы обсуждать любые версии, но только не «многополярную». Так, например, современный глава CFR Ричард Хаасс говорит о «не-полярности» (Non-Polarity), имея в виду такую стадию глобализации, где потребность в наличии жесткого центра отпадет сама собой[4]. Подобные ухищрения объясняются

[1] *Murray D., Brown D. (eds.)* Multipolarity in the 21st Century. A New World Order. Abingdon, UK: Routledge, 2010; Ambrosio Th. Challenging America global Preeminence: Russian Quest for Multipolarity. Chippenheim, Wiltshire: Anthony Rose, 2005; Peral L. (ed.) Global Security in a Multi-polar World. Chaillot

[2] *Turner Susan*. Russia, Chine and the Multipolar World Order: the danger in the undefined// Asian Perspective. 2009. Vol. 33, No. 1. C. 159-184; Higgott Richard Multi-Polarity and Trans-Atlantic Relations: Normative Aspirations and Practical Limits of EU Foreign Policy. — www.garnet-eu.org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/working_papers/7610.pdf (дата обращения 28.08.2010); Katz M. Primakov Redux. Putin's Pursuit of «Multipolarism» in Asia//Demokratizatsya. 2006. vol.14 № 4. C.144-152.

[3] *Krauthammer Ch*. The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990 / 1991 Winter. Vol. 70, No 1. C. 23-33.

[4] *Haass R*. The Age of Non-polarity: What will follow US Dominance?'//Foreign Affairs.2008. 87 (3). C. 44-56.

тем, что одной из задач глобализации является, как мы видели, маргинализация «цивилизации Суши». А поскольку многополярность может быть только формой активной стратегии «цивилизации Суши» в новых условиях, то обращение к ней в общем глобальном контексте Западом, задающим тон в структуре политического анализа, не приветствуется. Тем более не следует ожидать, что конвенциональные идеологи Запада возьмутся за разработку теории многополярности.

Логично было бы предположить, что теория многополярности будет выстраиваться в тех странах, которые открыто провозглашают ориентацию на многополярный мир как основной вектор своей внешней политики. К числу таких стран относятся Россия, Китай, Индия и некоторые другие. Кроме того, обращение к многополярности можно встретить в текстах и документах некоторых европейских политических деятелей (например, бывшего министра иностранных дел Франции Юбер Видрин[1]). Но в данный момент и в этой области мы едва ли можем найти нечто большее, чем материалы нескольких симпозиумов и конференций с довольно смутными формулировками. Приходиться констатировать, что тема многополярности должным образом не осмысляется и в тех странах, которые ее провозглашают в качестве своей стратегической цели, не говоря уже об отсутствии внятной и цельной «теории многополярности».

Тем не менее на основании геополитического метода с позиции «цивилизации Суши» и с учетом анализа явления глобализма, вполне можно сформулировать некоторые безусловные принципы, которые должны лечь в основание теории многополярности, когда дело дойдет до ее более систематизированной и развернутой разработки.

Многополярность: геополитика и мета-идеология

Наметим теоретические источники, на основании которых должна строиться полноценная теория многополярности.

Основой этой теории в актуальных условиях может быть только геополитика. Никакая религиозная, экономическая, политическая, социальная, культурная или экономическая идеология не способна в

[1] Déclaration de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères sur la reprise d'une dialogue approfondie entre la France et l'Hinde: les enjeux de la resistance a l'uniformisation culturelle et aux exces du monde unipolaire. New Delhi — 1 lesdiscours.vie-publique.fr. 7.02.2000. [Электронный ресурс] URL: http://lesdiscours.vie-publique.fr/pdf/003000733.pdf

данный момент сплотить критическую массу стран и обществ, относящихся к «цивилизации Суши» в единый планетарный фронт, необходимый для того, чтобы составить серьезную и эффективную антитезу глобализму и однополярного миру. В этом и состоит специфика исторического момента («момента однополярности»[1]): у доминирующей идеологии (глобального либерализма/постлиберализма) нет симметричной оппозиции на ее собственном уровне. Поэтому надо обратиться к геополитике напрямую, взяв принцип Суши, Land Power вместо оппонирующей идеологии. Это возможно лишь в том случае, если в полной мере будут осознаны социологическое, философское и цивилизационное измерения геополитики.

Для доказательства этого утверждения нам послужит «цивилизация Моря». Мы видели, что матрица этой цивилизации встречается не только в Новое время, но и в талассократических империях древности, например, в Карфагене, античных Афинах или Венецианской республике. В рамках самого современного мира атлантизм и либерализм обретают полное превосходство над другими тенденциями далеко не сразу. Мы можем проследить определенную концептуальную последовательность: как «цивилизация Моря» (как геополитическая категория) движется сквозь историю, через серию социальных формаций, принимая разные формы, пока не находит своего наиболее законченного и совершенного выражения в идее глобального мира, где ее внутренние установки становятся доминирующими в планетарном масштабе. Идеология современного мондиализма есть только историческая форма более общей геополитической парадигмы. И между этой (возможно, наиболее совершенной) формой и геополитической матрицей существует прямая связь.

В случае «цивилизации Суши» аналогичной симметрии не существует. Идеология коммунизма лишь частично (за счет героизма, коллективизма и антилиберализма) резонировала с геополитическими установками «сухопутного» общества, да и то только в случае евразийского СССР и в меньшей степени Китая, так как другие аспекты этой идеологии (прогрессизм, техника, материализм) плохо вписывались в структуру ценностей «цивилизации Суши». И сегодня даже в теории коммунизм не может выполнять той мобилизующей идеологической функции, которую он выполнял в XX веке в планетарном масштабе. С идеологической точки зрения Суша

[1] *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment. Op.cit.

действительно расколота на фрагменты, и в ближайшее время едва ли мы можем ожидать появления какой-то новой идеологии, способной симметрично противостоять либеральному глобализму.

Но сам геополитический принцип Суши ничего не утрачивает в своей парадигмальной структуре. Именно он и должен быть взят в качестве фундамента для построения теории многополярности. Эта теория должна обращаться напрямую к геополитике, черпать из нее принципы, идеи, методы и термины. Это позволит иначе отнестись и к широкому спектру существующих неглобалистских и контрглобалистских идеологий, религий, культур и социальных течений. Им совершенно не обязательно трансформироваться в нечто единое и систематизированное. Они вполне могут оставаться локальными или региональными, но быть интегрированными в общий фронт противостояния глобализации и доминации «цивилизации Запада» на метаидеологическом уровне, на уровне парадигмы «геополитики-2». И этот момент множественности идеологий заложен уже в самом термине «много-полярность» — и не только в рамках стратегического пространства, но и в области пространства идеологического, культурного, религиозного, социального, экономического).

Многополярность есть не что иное, как продление «геополитики-2» («геополитики Суши») в новую среду, характеризуемую наступлением глобализма (как атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях. Никакого другого смысла у многополярности просто не может быть.

Геополитика Суши и ее основные вектора, спроецированные на современные условия, является осью многополярной теории, на которую нанизываются все остальные аспекты этой теории. Эти аспекты составляют философскую, социологическую, ценностную, экономическую, этическую стороны этой теории. Но все они так или иначе сопряжены с осознанной в углубленно социологическом ключе структурой «цивилизации Суши» и с прямым смыслом самого понятия «многополярности», которое отсылает нас к принципам плюральности, множественности, неуниверсальности, дифференцированности.

Неоевразийство как мировоззрение

Ближе всего к теории многополярности располагается неоевразийство. Это направление уходит корнями в геополитику и оперируу-

ет преимущественно с формулой «Россия-Евразия» (как Heartland), но вместе с тем разрабатывает широкий спектр мировоззренческих, философских, социологических и политологических направлений, а не ограничивается только геостратегией и прикладным анализом.

Содержание термина «неоевразийство» можно проиллюстрировать фрагментами Манифеста Международного «Евразийского Движения» «Евразийская миссия»[1]. Его авторы выделяют в неоевразийстве пять уровней, которые позволяют по-разному трактовать его в зависимости от конкретного контекста.

Первый уровень: евразийство есть мировоззрение.

Согласно авторам Манифеста, термин «евразийство» «применяется к определенному мировоззрению, определенной политической философии, в оригинальной манере сочетающей в себе традицию, современность и даже элементы постмодерна. Философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого «постмодерном».

В постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм атлантистского типа уравнивает их с позиции безразличия и исчерпанности содержания. Евразийский постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с современностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают реальности, вытесненные эпохой Просвещения — религия, этнос, империя, культ, предание и т. д. В то же время из модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т. д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества.

Философия евразийства — открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями — историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой,

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т. д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев, евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство арабов от евразийства китайцев и т. д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными.

Основными реперными точками евразийской философии можно назвать следующие пункты:

дифференциализм, плюрализм ценностных систем против общеобязательной доминации какой-то одной идеологии (в нашем случае и в первую очередь американской либерал-демократии);

традиционализм против уничижения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;

«государство-мир», «государство-континент» против как буржуазных национальных государств, так и «мирового правительства»;

«права народов» против всемогущества «золотого миллиарда» и неоколониальной гегемонии «богатого Севера»;

этнос как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;

социальная справедливость и солидарность людей труда против эксплуатации, логики грубой наживы и унижения человека человеком[1].

Неоевразийство как планетарный тренд

На втором уровне: неоевразийство есть планетарный тренд. Авторы Манифеста поясняют:

«Евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации.

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов, и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с «концом истории», навязываемом нам атлантизмом, бодрость нашего духа возрастёт, а серьезность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьёзными»[1].

Неоевразийство как интеграционный проект

На следующем уровне неоевразийство трактуется как проект стратегической интеграции евразийского материка:

«Понятие «Старый Свет», которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет — это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т. е. американскому материку, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты модерна, эпохи Просвещения.

В XX веке Европа осознала свою самобытную сущность, и постепенно двигалась к интеграции всех европейских государств в единый

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

Союз, способный обеспечить всему этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу.

Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом «старого Света» на непомерные претензии «нового». Если рассматривать альянс США и Западной Европы — с доминацией США — как атлантистский вектор европейского развития, то интеграцию самих европейских держав с преобладанием континентальных стран (Франция-Германия) можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Шарль де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

Евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской истории, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию и параллельно через Турцию интегрирующаяся Европа как Старый Свет в полной мере приобретает евразийское измерение — и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом»[1].

Эти три наиболее общие определения неоевразийства показывают, что здесь мы имеем дело с предварительным основанием для построения теории многополярности. Это сухопутный взгляд на самые острые вызовы современности и попытка дать на них выверенный, учитывающий геополитические, цивилизационные, социологические, исторические и философские закономерности, ответ.

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

Желтов В. В., Желтов М. В.

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ГЕОПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Применительно к геополитике, вслед за французским геополитиком Фоансуа Тюалем, перефразируем формулу: «Нет фактов без теории, нет и теории без фактов» следующим образом: «Нет геополитики без метода, нети метода без геополитических фактов»[1].

С этой точки зрения первый принцип методологии геополитики заключается в том, что международные элементы рассматриваются как феномены. Это позволяет обратиться к феноменологии Э. Гуссерля[2].

Феноменология означает дескриптивный философский метод, открывающий возможность постигать именно сущность вещей, а не факты. Феноменология исследует и приводит в систему априорное в сознании, задавая тем самым основные понятия наукам.

Гуссерль исходит из того, что фундаментальными свойствами сознания является интенционность, т.е. своей нацеленностью на что-либо. На основе феноменологии открывается возможность оценить возникновение феноменов для того, чтобы лучше их понимать. Правда, интенционность, как одно из основных мест философии Гуссерлю, хорошо применима для анализа психических феноменов. И она характеризуются своей нацеленностью на что-либо.

Концепция интенционности — один из краеугольных камней феноменологии. При этом данная концепция оказывается плодотворной не только в психологии, она может использоваться и другими науками, в частности, геополитикой. И первоочередной момент геополитического метода заключается в том, чтобы

[1] Thual F. Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. P., 1996. P. 20.

[2] *Гуссерль Эдмунд* (1859 — 1938) — немецкий философ, основоположник феноменологической философии.

рассматривать международные феномены как выражением намерений (интенций). Геополитик призван отыскать реальные намерения правителей, например. Обратим внимание на то, что указанные намерения существуют поверх очевидностей и международных факторов.

Такая постановка вопроса является правомерной: геополитика изучает поведение государств или организованных групп. И это поведение проявляется в действиях, как мы сказали, — государств или организованных групп. Изучение конечных целей поведения, т.е. намерений является той красной нитью, опираясь на которую можно осмысливать кризисы и конфликты, что дает возможность лучше понимать причины из возникновения и их побудителей.

Нужно сказать, что геополитика, будучи синтетической наукой, использует при проведении анализов возможности различных наук, опираясь на свои методы осмысления всех политических феноменов, всегда связанных с определенным соотношением сил, действующими в данное время и в данном пространстве.

Это позволяет геополитике не только оценивать, но и понимать поведение государств и народов, осмысливать, например, современный мир, сложившийся в итоге крушения СССР и мировой системы социализма, а также изменяющийся под нарастающим влиянием процессов глобализации. Геополитика позволяет также срывать покровы таинственности и мистики с событий, связанных с разного рода конфликтами, какими бы комплексными они ни были.

Не менее эффективными являются и возможности геополитики при осмыслении тех позиций, которые занимают в отношении важных геополитических проблем, разные государственные и политические деятели[1].

Это так потому, что осмысление любого поведения, будь-то индивидуального или коллективного, связано с анализом намерений, которые, в свою очередь, соответствуют определенным пожеланиям, например, руководителей государств. В этом смысле геополитическое поведение может быть представлено двумя категориями.

Не вызывает сомнения тот факт, что геополитический подход можно свести к двум его выражениям:

- либо к воле по реализации амбиций;
- либо к воле по противостоянию определенной угрозе.

[1] *Cf. Nazet M*. La géopolitique pour tous. PréfacedeHubertVédrine. P., 2010. P. 36.

Сопоставляя намерения государств и их поведение по линии амбиции-угрозы, геополитик получает возможность выявить намерения того или иного государства. Это в полной мере применимо для классификации дипломатических, военных или иных действий по линии амбиции-угрозы. Плодотворность такого подхода хорошо видна на примере анализа межвоенной ситуации 1930-х гг.

В 1939 г. геополитическая поляризация Европы была достаточно простой: существовал фашистский блок, имевший экспансионистские претензии. Германия стремилась ревизовать мирный договор 1919 г. и создать империю, основанную на идеологии нацизма и пангерманизма. Эта империя стремилась к гегемонии в Центральной и Западной Европе, а также распространении ее на весь славянский мир. Италия, геополитические амбиции которой были более скромными, чем у Германии, стремилась обеспечить свой контроль над Средиземноморьем, частью Центральной Европы и Балканами, а также укрепить свои позиции в Африке, не забывая об отторжении части территории Франции (Ницца, Корсика, Савойя).

Для того, чтобы реализовать свои амбиции фашистский блок и его союзники руководствовались, как уже отмечалось, стремлением в большинстве случаев пересмотреть границы, определенные Версальским договором. Немецкое руководство понимало, что Германии предстоит противостоять дипломатически, с одной стороны, либеральным демократиям (Франция, Великобритания), а с другой — СССР.

Во многом особой в этот период была позиция Франции: в 1939 г. впервые в своей истории, начиная с XVI в., Франция могла оказаться в окружении нацистской Германии, фашистской Италии и франкистской Испании. Каждая из этих стран представляла серьезную угрозу для Франции. Попав в окружение указанных стран, Франция оказалась бы в изоляции от своих союзников в Центральной Европе. В это же время Великобритания, как известно, предпринимала активные усилия для того, чтобы не участвовать в войне.

В концентрированном выражении указанная нами проблематика дала о себе знать в Мюнхене[1]. Для того, чтобы понять смысл того, что

[1] Речь идет о Мюнхенском соглашении 1938 г., заключенном 29 — 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, а также фашистскими диктаторами Германии — Гитлером и Италии — Муссолини. Соглашение предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных претензий к Чехословакии со стороны правительств Венгрии и Польши. Данное соглашение открыло путь для захвата Германией всей Чехословакии (1939) и способствовало развязыванию Второй мировой войны.

произошло в Мюнхене, необходимо выявить и осмыслить геополитическое позиционирование акторов данного действа.

В Мюнхене Франция оказалась в одиночестве перед лицом фашистских государств. Действительно, ее союзник в лице Лондона не желал вступать в войну. СССР, который не был приглашен в Мюнхен, исходил из убеждения в том, что грядущая война будет войной между капиталистическими странами. А это в итоге может потом открыть путь для мировой революции.

Ключевой для понимания сути того, что произошло в Мюнхене, являлась, значит, позиция Великобритании. Политика этой страны в преддверии Второй мировой войны определялась тем, что страна стремилась прямо не вмешиваться в ситуацию, предпочитая идти на уступки экспансионизму Германии. Такая позиция определялась тем, что угроз для островной Великобритании было куда как меньше, чем для Франции, например. Для Великобритании принципиально более важным было стремление сохранить свою империю и, в частности Индию, как источник своих доходов и основу своего могущества. Правящие круги этой страны опасались, что новая война, если она состоится, приведет к крушению империи и утрате владения Индией. Именно поэтому правящие круги вели политику умиротворения Гитлера. Для них было важно сохранить главное, а это главное находилось не в Европе, а в Азии.

Краткое упоминание нами о событиях, предшествовавших Второй мировой войне, показывает, что дипломатические позиции, а также их военное продолжение, вписываются в то, что называется намерениями и что геополитика заинтересована, как и феноменология, выявить эти намерения.

Нужно сказать, что именно в этом заключена центральная диспозиция для проведения геополитического анализа. Речь в данном случае идет об осмыслении триединого феномена: поведение, намерения, желания.

К такой схеме анализа могут, видимо, быть предъявлены претензии, связанные с тем, что происходит излишняя психологизация области геополитики. Но с подобной критикой, как справедливо отмечает Ф. Тюаль, нельзя согласиться.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно поведение государств, а, значит, поведение социальных групп как субъектов политики, является объектом геополитики. И она (геополитика)

призвана выяснить «почему и как» образуются позиции данного государства. И учет влияния психологической составляющей позиций социальных акторов, значит, является не уступкой психологизму, а является реальной составляющей анализа движущих сил истории.

Перед лицом любого политического кризиса, возникающего в тот или иной момент на международной арене, геополитик задается вопросом: кто что хочет, почему и как? Что хочет страна, развязавшая войну? Кого она опасается? Каких выгод она стремится добиться?

Через посредство анализа дипломатического поведения и военного положения данной страны открывается возможность выявить реальную иерархизацию ее геополитических приоритетов.

Обычно любая страна имеет исторически сложившиеся, подчас, вполне определенные, в том числе и территориальные, амбиции. Это неизбежно приводит к появлению открытых или скрытых угроз в отношении других стран.

Какой же позицией следует руководствоваться геополитику, как, впрочем, и государственным деятелям, опираясь на возможности методов геополитики? Прежде всего, необходимо учитывать, что кризисы и геополитические конфигурации, связанные с ними, являются оригинальными. Каждому кризису присуща особая иерархизация детерминирующих факторов и причин.

Это означает, что не существует универсальной модели геополитического поведения. В каждом конкретном кризисе или конфликте политические, экономические, военные, идеологические или религиозные факторы являются вполне определенным. А потому изучение поведения государства, выяснение его подлинных намерений в каждом конкретном случае есть непростая интеллектуальная задача.

Особый, индивидуальный, скажем так, характер указанной интеллектуальной задачи определяется тем, что в любом кризисе иерархизация факторов всегда является специфически особенной. Иначе говоря, геополитический метод, если он строится на основе учета реальных фактов, должен оценивать и осмысливать эти факты в рамках специфической проблематики именно данного кризиса или конфликта.

Данная констатация нам необходима для того, чтобы сделать вывод о том, что в геополитике не существует общего закона, действующего подобно тому, как это полагали, например, основатели рассматриваемой нами науки. Для ответственного ученого-геополитика существуют только факторы, определяющие ту или

иную геополитическую ситуацию, тот или иной геополитический кризис. При этом данные факторы комбинируются каждый раз весьма специфическим образом, даже если в разных геополитических кризисах сами эти факторы являются неименными.

Поясним. Любой геополитический кризис, чаще всего, характеризуется существованием вполне определенных амбиций и угроз, которые накладывают отпечаток на политику данного государства. И потому в основе геополитического подхода не может не учитываться существование двуединства угрозы-амбиции.

Излишне, видимо, говорить о том, что эти угрозы и амбиции проявляется различным образом в каждом из кризисов или конфликтов, возникающих в определенное время и в определенном месте.

Однако геополитика не является только интеллектуальным инструментом, который призван выявлять причины и характер возникшего в данный момент кризиса, конфликта или войны. Как мы уже отмечали, геополитический метод основывается на идентификации и анализе намерений, а также поведения, например, государств на международной арене. Именно в этом геополитический метод проявляется себя особенно плодотворно. Это так потому, что выявление намерений государств и соответствующих им человеческих групп, в том числе и политических руководителей, в исторический ретроспективе осуществляется в рамках значительных временных промежутков, в том числе и охватывающих несколько столетий.

Именно рассмотрение намерений и поведения в длительной ретроспективе, а вместе с ними и рассмотрение амбиций и угроз для данного государства, например, лежат в основе геополитических рассуждений.

В отличие, например, истории дипломатии, которая основывается на исследовании конъюнктуры, концентрируя свое внимание на текущем моменте, геополитика, вписывая результаты своих исследований в длительную ретроспективу, открывает новое пространство осмысления феноменов. Эта вписанность в длительные временные интервалы образует костяк, или, говоря иначе, — несущую конструкцию геополитического метода. Данный метод позволяет изменить поле знания и перейти, опираясь на историю, но не сводя проблему к ее (истории) предметной области, к геополитическому методу.

Третий аспект геополитического размышления, вслед за идентификацией поведения, его вписанности в длительную историческую ретроспективу, заключается в неразрывной связи с пространством.

Геополитика, как известно, состоит из двух слов — гео (земля) и политика. Это означает, что геополитика не является социологией государств или психоанализом международных отношений. Она осмысливает амбиции и угрозы в контексте пространства. Вписанность во времени, что придает геополитике интеллектуальную эффективность, добавляется ко всему тому, что связано с пространственной укорененностью геополитики. Выявить амбиции государства в длительной исторической ретроспективе означает, что на протяжении X или Y лет данное государство стремилось обладать тем или иным регионом, установить контроль над той или иной рекой, захватить тот или иной остров. На вопросы: «Кто что хочет?», «Как?» и «С кем?», которые предопределяют проблему союзов, необходимо добавить еще и место. Пространственная или территориальная вписанность устремлений государств образует третью отрасль методологического треугольника геополитики.

Характеризуя метод геополитики, необходимо учитывать ряд этапов, которые он проходит в своей практической реализации.

Рассмотрение событий, которые ежедневно изменяют панораму международной ситуации, в качестве симптомов или индексов данной международной ситуации, представляет собой первый этап геополитического метода. То, что исследуется геополитикой, представляет собой вовсе не изучение патологии заболевания, в отличие, например от врачебного метода, не анализ преступления, в отличие от метода, используемого полицией, а выявление намерения, т.е. иерархизированной сети позиций, которые подчиняются логике реализации амбиций, а также смягчения или преодоления существующих угроз.

После выявления поля поведения и его мотиваций второй этап геополитического метода заключается в выяснении исторической продолжительности (или нет) этого поведения.

Для геополитики важно, с какого времени существует та или иная политическая амбиция, а также и связанные с ней угрозы? Речь в данном случае не идет только об учете всего того, что связано с дипломатией. Важнее другое. Необходимо осуществить селекцию совпадающих элементов поведения в историческом развитии.

Историческое развитие неизбежно формирует геополитические представления данной нации, а вместе с ними и объяснения ее проблем и препятствий для их разрешения. Эти представления неразрывно

связаны с географическими данными этой конкретной страны, в которых находят свое отражение различные этапы исторического развития страны.

Понятно, что история одних стран насчитывает тысячелетия (например, Китай или Египет), тогда как есть немало стран, историческое существование которых было весьма кратким. Есть и такие страны, которые стали фактом истории.

Геополитический смысл несут в себе те события, которые связаны с созданием страны. Пример тому — 4 июля 1776 г., знаменующее собой факт возникновения США, или 15 августа 1947 г. — дата провозглашения независимости Индии. Думается, войдут надолго в историю нашей страны августовские события 1991 г., открывшие новый период существования России.

Геополитический анализ предполагает оценку последствий тех или иных событий в истории страны. Так, события 1990-х гг. на пространствах бывшей Югославии, отмеченные, в том числе и военным противостоянием бывших республик данной страны, несомненно, были вызваны к жизни определенными причинами (среди которых назовем лишь факт искусственного создания данной страны).Но, что особенно важно, указанные события наложили неизгладимый отпечаток на современную историю народов бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия и настроения людей.

Немалое число конфликтов в странах Азии и Африки, как известно, имеют в своей основе проблемы территориальной конфигурации, в частности, границ, которые, в одних случаях, искусственно объединяют разные народы, а в других, наоборот, их разделяют столь же искусственно. Если к этому еще добавить различия в вероисповеданиях, то не вызывает сомнения факт геополитического характера конфликтов, о которых идет речь.

Нужно, видимо, сказать и о том, что острой геополитической проблемой некоторых народов является проблемы обретения территории и государственности, как это имеет место быть в случае курдов и палестинцев. Впрочем, не менее остра, например, проблема сохранения Израилем своей государственности, что оспаривается некоторыми арабскими лидерами[1].

Наконец, геополитический итог кризиса, союза или войны должен выводиться на основе учете территориальной реальности поведения

[1] *Cf. Nazet M.* Op. cit. P. 40 — 42.

в длительной ретроспективе. Речь идет о том, чтобы выяснить, какой выигрыш стремится получить данная страна, проводя ту или иную политику, осознанно обостряя, к примеру, отношения с той или иной страной. В таком подходе выясняются, как правило, такие вопросы: какой регион или какой город стремится подчинить себе данная страна? На какую реку или иной водный бассейн претендует данная страна? Каким стратегическим ресурсом (нефть, лес или иные полезные ископаемые) стремится завладеть данная страна или коалиция стран? Какие стратегические выигрыши с позиции безопасности стремится получить данное государство?

Приведенные нами основные элементы анализа не охватывают, конечно, всего многообразия факторов и обстоятельств, которые необходимо учитывать при проведении геополитического анализа. Однако, как считают ученые-геополитики, названные нами три ключевых элемента, открывают возможность для геополитического осмысления реальностей современного мира. Ответив на эти три группы проблем, геополитика может делать определенные выводы. При этом нужно иметь ввиду, что сами эти выводы геополитического анализа, в свою очередь, становятся создателями и носителями значений и смыслов.

Как отмечал Жорж Гурвич[1], «наука коренится в скрытом»[2]. Применительно к геополитике это означает, что поверх очевидности, политических и дипломатических рассуждений, необходимо уметь анализировать реальность амбиций и намерений государств. Кризисы и конфликты являются полем сил, где происходит столкновение намерений, которые могут получать свое выражение в военных действиях или в иных формах противостояний. И эти намерения, а тем более военное противоборство, чаще всего, связаны с определенным пространством, территорией.

Нужно сказать, что за любыми конкретными событиями геополитика призвана выявлять причины этих событий, а также цели, которые преследуют инициаторы конфликта. Это должно получать выражение в некоем синтаксисе событий. И в этом синтаксисе как

[1] Гурвич Жорж (Георгий Давидович) (1894 — 1965) — российский и французский социолог и философ. В 1917 — 1918 гг. преподавал в Петроградском университете. В 1918 г. был назначен профессором Томского университета. В 1920 г. эмигрировал. В 1921 — 1925 гг. читал лекции в Пражском университете. Одно время работал в Германии, потом переехал во Францию. Во время Второй мировой войны преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах США. С 1949 г. и до конца жизни возглавлял кафедру социологии в Сорбонне, основанную Эмилем Дюркгеймом.

[2] Cf. Thual F. Op. cit. P. 24.

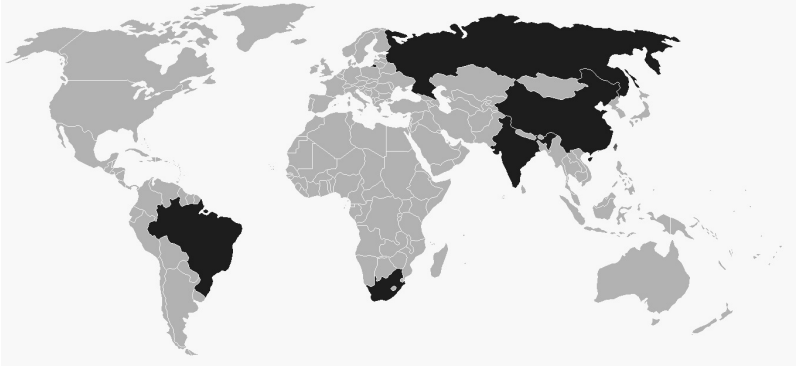
бы соединяются воедино историческое наследие и географическая фатальность.

Стремясь выйти за пределы вуали событий, геополитический разум как бы создает заново скелет ставок, который определяет эти события. Целью геополитического метода является изучение того, как избежать событий, которые, как правило, широко освещаются в СМИ с тем, чтобы найти им объяснение. Обретение геополитического разума является ничем иным, как стремлением научиться понимать кризисы иначе, чем их трактовка через разного рода сенсации или ужасы, чем нередко грешит пресса.

Леонид Савин

ПРЕДПОСЫЛКИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Теория и стратегия многополярности имели ряд объективных предпосылок и периодов повышенного интереса к ним со стороны международного сообщества политиков и экспертов. В данной публикации мы попытаемся проследить эти этапы и перспективу имплементации теории и практики многополярности в качестве доктрины национальной и международной стратегии.



Страны БРИКС

Международное поле и государства

Хотя некоторые авторы относят к опыту многополярности XX в. период между Первой и Второй мировыми войнами, прежде всего, нужно отметить появление в двуполярной системе Движения Неприсоединения (Non-Aligned Movement), которое было официально

создано 25 государствами на Белградской конференции в сентябре 1961 г. Его созданию предшествовали Бандунгская конференция 1955 г. и трёхсторонние консультации Иосипа Броз Тито, Гамаля Абдель Насера и Джавахарлала Неру в 1956 г. Оно было создано на принципе неучастия в военных блоках (под которыми на момент основания организации подразумевались, прежде всего — НАТО и Варшавский договор, а также Багдадский пакт, СЕАТО, АНЗЮС и т. п.). На данный момент эта международная организация состоит из 119 государств, которая раз в три-четыре года проводит конференции. Ранее лидерам стран этой организации удавалось лавировать между СССР и США, получая определенные политические и экономические преференции, однако сейчас эта структура может послужить мощной опорой для международной стратегии мультиполярности, на что было указано в совместной декларации Россия и Китая, а также в различных исследованиях[1].

Также чуть позже была создана Организация Солидарности Народов Азии, Африки и Латинской Америки (Organización de Solidaridad con los Pueblos de Asia, Africa y América Latina, аббревиатура OSPAAAL) — международная структура, целями которой являются борьба с глобализацией, империализмом, неолиберализмом и защита прав человека. Он была основана в январе 1966 г. в Гаване, после конференции трех континентов, встречи политиков из Гвинеи, Конго, ЮАР, Анголы, Вьетнама, Сирии, КНДР, ООП, Кубы, Пуэрто-Рико, Чили и Доминиканской республики. С учетом политической направленности организаторов, OSPAAAL имеет определенную идеологическую заангажированность и по праву может называться международным левым движением, которое склонно к ревизионизму и отсутствию жесткого догматизма. В последнее время внутри нее большое значение придается различным международным интеграционным проектам типа ALBA и UNASUR, а также анализу различных механизмов, инициируемых Вашингтоном от ALCA до проектов USAID[2]. В контексте попыток США и ряда стран Западной Европы переформатировать свое присутствие в

[1] *Caragea, Anton.* The Non-Aligned Movement: A Chance for a Multipolar World. September 28, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://inthesenewtimes.com/2009/09/30/the-non-aligned-movement-a-chance-for-a-multipolar-world/ (дата обращения — 03.09.2011)

[2] *Calloni S.* Guerra preventiva sin fronteras y terrorismo de Estado Mundial.// Tricontinental Magazine №170/2011. P. 11.

странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые называют неоколониализмом, OSPAAAL также может сыграть значительную роль в выработке новых правил международных отношений.

Аналогично в военной сфере глобальный дисбаланс произошел после того, как США утратили монополию на ядерное оружие. Один из видных теоретиков политического реализма и поведения государств Кеннет Уолтц вообще считает, что распространение ядерного оружие приводит к укреплению международной безопасности.

Уолтц исходит из того, государства являются рациональными акторами, склонными к минимизации рисков. Ядерные державы, имея дело друг с другом, будут вести себя крайне осторожно, поскольку понимают, что цена конфликта может быть слишком велика. По его мнению, государства с небольшим ядерным потенциалом могут успешно применять стратегию сдерживания в отношении гораздо более мощных ядерных держав. В этой связи Уолтц не видит смысла в чрезмерном и дорогостоящем наращивании ядерных арсеналов, выступая за минимально достаточный потенциал сдерживания: «больше — не лучше, если достаточно иметь меньше». Умиротворяющий эффект ядерного оружия заключается и в том, что с его появлением резко снизилась стратегическая значимость территории. Раньше завоевание территории рассматривалась как важная мера по созданию вокруг государства «буфера безопасности». Теперь, когда главным гарантом безопасности стали ракеты с ядерными боеголовками, ослабели стимулы к расширению территориальных рубежей и тем самым была устранена одна из главных исторических причин войн[1].

Даже несмотря на усилия США в деле нераспространения атомного оружия, нынешний ядерный клуб уже отражает многополюсную структуру.

Распад биполярной системы и переоценка геополитических ценностей

Исчезновение СССР с карты мира и последовавшие за этим перемены вынудили теоретиков-международников переосмыслить международную ситуацию. Появились различные версии мирового устройства. Часть политологов была склонна называть ее однополярной, указывая на безусловную гегемонию США. Другая

[1] *Лукин А.* Ядерное распространение: зло или благо?//Геополитика №4, 2010.

часть не спешила со столь однозначными выводами и настаивала на появлении различных полюсов, в том числе представляющих и негосударственных акторов.

Директор Центра геополитических исследований Института Европы РАН К. Э. Сорокин, который был одним из отечественных пионеров теории многополярности, указал, что основная структурная особенность геополитики XXI в. состоит в многополярности, отличающаяся не только от биполярности периода холодной войны, но и от более ранних видов многополярности. По его мнению «в основе современного полицентризма, идущего на смену геополитического (преимущественно военно-политического и идеологического по своему содержанию) противостояния Восток-Запад, лежит, прежде всего, распадение мира на соперничающие зоны преимущественной внутренней экономической интеграции, значительно более тесной, чем между зонами, как глобального, так и регионального уровня. Не случайно западные исследователи нередко говорят о возрождении после холодной войны феномена «экономического национализма» вопреки всем рациональным соображениям. А на глобальные экономические зоны накладываются также этноцивилизационные либо культурные общности... Наконец, необходимо отметить немалое влияние на эволюцию геополитической картины мира совокупности исторических традиций, представлений и оценок... Геополитическая модель современного мира, таким образом, представляется многослойной и полицентрической»[1]. Индусский политолог Сурьянараяна считает, что многополярность как устойчивый принцип международных отношений мыслима только между государствами, которые развивались органически, как дома силы (power houses)[2]. По этой логике многополярность — это уже не только теория о практически равнозначных центрах силы, но и отказ от возможности быть таким полюсам искусственным или химерическим образованиям.

Западными политологами отмечается, что «многополярный мир стал глобальной реальностью, что признано почти всеми, в том числе такими авторитетными структурами, как разведывательное сообщество США. Но так было не всегда. На протяжении большей части сво-

[1] *Сорокин К. Э.* Геополитика современного мира и Россия.//Полис №1-2, 1995 г.

[2] *Suryanarayana P. S.* Multipolarity: vision and reality.// The Hindu. October 13, 2000. [Электронный ресурс] URL:http://www.hindu.com/2000/10/13/stories/05132523.htm (дата обращения — 03.09.2011)

ей геополитической жизни, термин «многополярный» был синонимом борьбы с Америкой, будь то вопрос бывших союзников в холодной войне или беспокойство России по поводу статуса сверхдержавы»[1]. Ряд западных политиков так и продолжает считать, что риторика о многополярности во многом подпитывается имперскими амбициями России. Другая часть, придерживающаяся геополитического анализа, рассматривает рост интереса у ряда европейских и азиатских государств к стратегии многополярности из-за экспансии США на Ближний Восток, в Северную Африку и Среднюю Азию, что является зоной евразийских интересов. В частности, Тиберио Грациани замечает, что США имело два сценария для реализации своих планов в Евразии — это «цветные революции» и разделение евро-афро-азиатского региона на две части путем укрепления своего присутствия в Средиземноморье. Само структурирование многополюсной системы продвигается медленно, не столько из-за недавних американских действий в Северной Африке, а скорее из-за "регионалистского" отношения, принятого евразийскими акторами (Турция, Россия и Китай), оценивающими Средиземноморье и Среднюю Азию как функцию именно собственных национальных интересов[2].

Ирак как катализатор перехода к мультиполярности

Многие западные исследователи отмечают, что односторонняя агрессия США против Ирака во многом содействовала переосмыслению международных процессов и легитимизации идей многополярности. Существовал различный анализ этих событий — от концепций применения силы до идеологии. Так, например, колумнист издания Asian Times, критикуя действия США на Ближнем Востоке отмечал, что «реальный враг — это неолиберализм. Война в Ираке являлась частью плана по установлению безопасного мира для неолиберализма. И эта война подобно саморазрушительным раковым клеткам подрывает неоимпериализм США»[3]. И. Валерстайн, хотя и видел в иракской

[1] *Dickinson E.* New Order. How «the multipolar world» came to be. Foreign Policy. [Электронный ресурс] URL:Nov/Dec. 2009http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/10/19/new_order (дата обращения — 06.09.2011)

[2] *Грациани, Тиберио.* Средиземноморье и Центральная Азия: стержни Евразии.// Вестник аналитики № 3 (45), 2011. С. 31-36.

[3] *Liu H.* The war that may end the age of superpower. Asian Times. April 5, 2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/ED05Ak01.html (дата обращения — 06.09.2011)

кампании серьезную ошибку администрация Буша, узрел в упадке американской мощи более серьезные причины, связанные с изменением структуры мир-системы[1]. Бывший член Комитета Сената США по международным отношениям Клиффорд Киракоф младший также переложил вину в искажении курса внешней политики США на Дж. Буша и его окружение, но связал ее с преемственностью идей Карла Шмитта о чрезвычайных обстоятельствах с курсом агрессивного неолиберализма Дж. Буша, так как неоконсерваторы и некоторые юридические школы в США следуют доктринам К. Шмитта[2]. По его мнению ошибка администрации Буша состояла в том, что была нарушена именно американская преемственность ведения международных дел, т.к. один из самых известных авторитетов в области международных отношений и дипломатии Джон Бассет Мур отмечал, что «американские государственники должны искать пути регулирования отношений между нациями на основе закона, не только в соответствии с защитой слабых от сильных, но и как единственное средство обеспечения мира во всем мире»[3]. Буш же применил концепцию Machtpolitik нацистской Германии, которая и привела к дисбалансу сил в мировом пространстве. По мнению К. Киракофа необходимо восстановление более ранних американских перспектив в стиле конструктивной неимперской внешнеполитической традиции, лучше всего воплощенной президентом Джоном Куинси Адамсом. Такое восстановление будет включать в себя изучение позитивных отношений, которые развивались с Индией, Китаем, Россией, Японией, а также на Ближнем Востоке в течение XVIII и XIX вв., когда Соединенные Штаты вполне комфортно работали в многополярном и многокультурном международном обществе.

Однако до второго вторжения в Ирак произошло еще два события, которые значительно повлияли на переоценку взгляда, связанного с глобальной конвергенцией и мондиализмом, т.е. доктриной однополюсного мира в той или иной форме. Это кризис в Восточной Азии, который в 2008 г. отразился на России и странах СНГ, а также агрессия НАТО в Югославии весной 1999 г. Параллельно этому шел

[1] *Wallerstein I*. Precipitate Decline: The Advent of Multipolarity.//Harvard International Review. Spring 2007. Pp. 54-59.

[2] *Kiracofe, Clifford A. Jr.* The U.S.A. Confronts a Multipolar World. EIR-sponsored seminar in Berlin, Germany, Jan. 12, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.vmi.edu/fswebs.aspx?tid=37359&id=37417 (дата обращения — 06.09.2011)

[3] *Moore, John Bassett*. American Diplomacy. NY: Harper and Brothers, 1905, pp. 251-252.

процесс навязывания странам Третьего мира финансовой политики Вашингтона, осуществляемой через Всемирный банк и МВФ, что позволило увидеть лидерам многих государств перспективу будущего, если мир будет двигаться в сторону неолиберализма, в довольно мрачных тонах.

Российско-китайское сотрудничество

Китаю и России многие приписывают первые шаги по выработке стратегии многополярности для международных отношений. Безусловно, это имеет под собой определенные основания. Еще 23 апреля 1997 г. в Москве Россией и Китаем была подписана декларация по мультиполярному миру и установлению нового международного порядка, а 15 мая она была зарегистрирвоана в ООН. В документе было указано, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка. Отмечалось, что в конце XX века в международных отношениях произошли глубокие перемены… утверждается многообразие политического, экономического и культурного развития всех стран, растет роль сил, выступающих за мир и широкое международное сотрудничество. Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты. Построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития. Декларация гласила о том, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. При этом акцентировалось, что Китай и Россия переходят к новой форме взаимоотношений, и она не направлена против третьих стран.

Возлагались надежды, что ООН сыграет важную роль в установлении нового международного порядка, а также важными силами,

способствующими формированию многополярного мира назывались развивающиеся страны и Движение Неприсоединения.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке, которая была подписана в Москве 1 июля 2005 года Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао[1] логически продоложала эту линию. К этому времени США уже вторглись в Ирак, и новая декларация являлась реакцией на этот вызов, призванной укрепить усилия по организации нового международного порядка. Также в новой декларации говорилось, что

«многообразие культур и цивилизаций в мире должно стать основой для их взаимообогащения, а не для конфликтов. Не «столкновение цивилизаций», но необходимость глобального сотрудничества — вот определяющее требование мира в современных условиях. Следует уважать и оберегать многообразие мировых цивилизаций и моделей развития. Различия в историческом наследии всех стран, их культурных традициях, общественно-политическом устройстве, системах ценностей и путях развития не должны становиться предлогом для вмешательства во внутренние дела другого государства. Необходимо на основе взаимного уважения и терпимости вести межцивилизационный диалог и обмен опытом, взаимно обогащать и дополнять друг друга».

Создание ШОС, а также активизация взаимодействия среди стран БРИКС рассматриваются как попытки установить свои правила игры, по крайней мере, в зоне своих стратегических интересов каждой страны, что отмечают и Китай, и Россия. Россия в зоне своих стратегических интересов, о чем было объявлено президентом Медведевым после нападения Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г. использует как экономический интеграционный инструмент — ЕврАзЭС, так и военное сотрудничество в рамках ОДКБ.

Непосредственно в концепции внешней политики Российской Федерации в 2000 г. было зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы междуна-

[1] См. http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/06/90767/153816.shtml

родных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»[1].

США, Запад и многополярность

Запад по-разному реагировал на смену парадигмы международных отношений. С одной стороны прослеживалась четкая линия Вашингтона сохранить за собой лидирующие позиции, при этом перейдя к демократической риторике. С другой — были объективные факты и определенные тенденции.

Дэвид Кампф в статье «Появление мультиполярного мира»[2] отмечает как американские интеллектуалы и политики прогнозировали тенденции и реагировали на изменение конъюнктуры:

- Историк Йельского Университета Пол Кеннеди в книге The Rise and Fall of the Great Powers, вышедшей в 1987 г. указал, что через 20-30 лет из-за сдвига баланса экономик изменится и баланс военной силы, что приведет к созданию мультиполярного мира к 2009 г.
- 25 декабря 1991 г. произошел распад СССР, что привело к дискуссиям об исчезновении одного полюса существующей системы и различным прогнозам.
- 2 февраля 2000 г. Госсекретарь Мадлен Олбрайт, ранее называвшая Соединенные Штаты «незаменимой нацией», заявила, что США не хотят «установления и обеспечения соблюдения» однополярного мира. Экономическая интеграция, по ее словам, уже создала «определенный мир, который можно даже назвать многополярным».
- 26 января 2007 г. в редакторской колонке New York Times говорится о «появлении многополярного мира» с Китаем, который «занимает параллельное место за столом с другими центрами силы, такими как Брюссель или Токио».
- 20 ноября 2008 г. В докладе «Глобальные тенденции 2025» Национального совета по разведке США указано, что появление «глобальной многополярной системы» следует ожидать в течение двух десятилетий.

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2003 / Под редакцией А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538-539.

[2] *Kampf, David*. The Emergence of a Multipolar World.// Foreign Policy. Oct. 20, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/ (дата обращения — 06.09.2011)

- В 2009 г. президент США Барак Обама вступает в должность с тем, что многие считают многополярным мировоззрением, отдавая приоритет растущим центрам силы, таким как Бразилия, Китай, Индия и Россия. Госсекретарь Хиллари Клинтон в июле сказала, что «мы будем лидировать, включая более тесное сотрудничество между большим числом участников и уменьшая конкуренцию, сдвигая баланс от многополярного мира в сторону многостороннего мира».
- 22 июля 2009 г. вице-президент Джозеф Байден во время посещения Украины сказал, что «мы пытаемся построить многополярный мир».

Также Сэмюэль Хантингтон в издании Foreign Affairs в 1999 г. отмечал, что «через одно — два десятилетия наступит воистину многополярный XXI век»[1].

От себя добавим, что в 2007 г. прозвучала знаменитая мюнхенская речь В. Путина и в этом же году появилось множество публикаций по многополярности. Оценки и прогнозы были разными, но во всех отмечалась тенденция заката США в роли мирового гегемона. Например, издание The Guardian отмечало, что «вокруг этих трех полюсов — Европы, Индии и Южной Америки — можно было бы мобилизовать новые глобальные демократические настроения, которые отвергают однополярное устройство без антагонизма по отношению к США. Грядет конец американского превосходству, нравится это Вашингтону или нет. Выбор состоит в биполярной системе, в которой США сталкиваются с авторитарным и все более уверенным Китаем, или многополярным порядком, в котором США могут поделиться проблемами глобального лидерства с другими центрами демократической власти. Переход от однополярности к демократической многополярности должен быть нашим общим проектом XXI века»[2].

Кроме того, были проведены исследования, посвященные структуре нового мирового порядка, множество из которых были осуществлены европейскими аналитическими центрами[3].

Например, для ЕС Лондонским Центром европейских реформ было разработано семь рекомендаций: 1) В экономической сфере

[1] *Huntington, Samuel.* The Lonely Superpower.//Foreign Affairs, March/April 1999

[2] *Clark, David.* Like it or not, the US will have to accept a multipolar world. The Guardian, 16 February 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2007/feb/16/comment.usa (дата обращения — 06.09.2011)

[3] Более подробней см. журнал Геополитика № 12, 2011.

необходимо провести реформы, направленные на усиление конкуренции, выработки новых схем по работе с мигрантами, а также либерализацию рынка энергии и обслуживания; 2) ЕС должен возглавить мировое сообщество в вопросе изменения климата, внедряя экологические технологии в развивающихся странах, убедить США присоединиться к глобальной системе, новая модель которой может быть создана к 2012 г.; 3) Продолжить расширение ЕС, присоединив мусульманские страны, в первую очередь Турцию, что позволит ЕС быть более влиятельным; 4) Укрепить общие программы по вопросам политики безопасности и международных дел; 5) Улучшить кооперацию в области права и внутренних дел для борьбы с терроризмом и организованной преступности, объединив существующие службы в одно агентство; 6) ЕС должен поддерживать международное право и обновить организации глобального управления; Приоритетом должно быть создание банка урана, который под надзором МАГАТЭ будет перерабатываться в топливо, устранив необходимость в циклах обогащения в других странах; 7) ЕС должен вступить в конструктивное сотрудничество с другими глобальными силами, включая недемократические режимы, отдавая явное предпочтение отношениям с США[1].

Финансовый кризис и новые горизонты

Финансовый мировой кризис еще раз подчеркнул тупиковость развития по неолиберальной модели. Издание Guardian перед саммитом Большой Двадцатки в Сеуле отмечало, что кризис разрушил идеологическое доминирование Запада[2]. Хотя определенное влияние, основанное на военной мощи, у США еще сохраняется, так как другие страны пока далеки от уровня паритета. По мнению же автора публикации Пьера Балера для США все же остается единственный выход — это поиск новых творческих сил, способных справиться с системным сбоем.

[1] *Grant, Charles*. Preparing for the multipolar world: European foreign and security policy in 2020. Centre for European Reform. London. 2007. P. 5-8. [Электронный ресурс] URL: http://www.cer.org.uk/pdf/e783_18dec07.pdf (дата обращения — 06.09.2011)

[2] *Buhler, Pierre*. The weary US titan and a new multipolar order. Guardian. 2November 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2010/nov/02/us-america-economic-leadership (дата обращения — 06.09.2011)

Как отмечается, этот системный сбой во многом связан с финансовыми спекуляциями и паразитирующей экономикой США, которая угрожает всему миру и «поддерживает глобализацию на плаву»[1].

Хотя США пытаются «перезагрузить» свои отношения как со своим давним партнером — ЕС, так и с Россией, Китаем, Индией и другими странами, программа продвижения либеральной демократии Вашингтона уже не работает так эффективно как прежде, доступ к дешевым природным ресурсам становится сложнее, а новые растущие центры силы все сильнее отстаивают свои политические позиции, которые также связаны и с культурной идентичностью. Поэтому вопрос еще состоит и в цивилизационной идентичности, которая не может быть одной. Также, по мнению Бориса Мартынова новая, нарождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как цивилизационной. Он подчеркивает, что «межцивилизационное общение — это уже реальность современного мира, в котором помимо государств и наряду с ними в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов… Кроме того, преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной, в том, что для своего функционирования она должна основываться на праве. Верность этого наблюдения очевидна на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока глобальной системы. Применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» субъектов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, невзирая ни на какое международное право. Однако для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный

[1] Jalife-Rahme, Alfredo. Bajo la Lupa. La parasitaria economía de EU amenaza a la humanidad.//La Jornada. 7 de agosto de 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.jornada.unam.mx/2011/08/07/opinion/018o1pol (дата обращения — 06.09.2011)

modus vivendi. Это тем более применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность»[1].

Также, как отметил Тьери де Монбриаль, связывая понятие многополярность с еще двумя — разнородность и глобальность, признание мира многополярным влечет за собой ряд серьезных понятийных последствий[2]. Поэтому элементы новой доктрины для международного сотрудничества предстоит еще серьезно разрабатывать на ряде платформ — дипломатической, научной, культурной и согласовывать их посредством широкого диалога в международном экспертном сообществе.

[1] *Мартынов, Борис.* Многополярный или многоцивилизационный мир?// Международные процессы. Том 7. Номер 3 (21). Сентябрь–декабрь 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.intertrends.ru/twenty-first.htm (дата обращения — 03.09.2011)

[2] *Монбриаль де, Тьери.* Мир стал многополярным, разнородным, глобальным.// Международные процессы. Том 7. Номер 3(21). Сентябрь–декабрь 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.intertrends.ru/twenty-first/006.htm (дата обращения — 03.09.2011)

США

Александр Бовдунов

СВЕРХЧЕЛОВЕК И АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В данной стать речь пойдет не о Ницше. Его понимание сверхчеловека, как бы интересно и притягательно оно не было, следует вынести за скобки при рассмотрении американского общества и существующих внутри него представлений, в том числе тех, что касаются политической сферы. Вполне возможно провести некоторые параллели, выявить соответствия или даже генеалогию определенных идей, но все же надо помнить одну вещь, ясно выраженную консервативным философом учеником и другом Лео Штрауса и Александра Кожева, Аланом Блумом: в случае американцев, несмотря на насыщенность культурной и политической среды, концептами, восходящим к Ницше (характерным примером является к месту и не к месту употребляемое слово «харизма»), их толкование и даже оригинальное восприятие далеко от адекватного, слишком поверхностно[1]. Базовые установки, философские, мировоззренческие, европейского и американского сознания серьезно различаются, что ведет к симулированию понимания таких европейских авторов как Ницше. Поэтому, говоря о американском сверхчеловеке, антропологической фигуре, влияние которой ощущается теперь не только в США, но и всем остальном мире, надо обращаться не к европейским авторам, а непосредственно к реальности американского общества, его истории и мифологической структуре.

На последнем хотелось бы сделать ударение. Именно мифологическая структура американского общества, его базовая матрица, корректно вскрытая (хотя бы речь шла только об ее части) может

[1] *Allan Bloom* on Nietzsche. 1983 (2- 3 of 5).[Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=CumkoDWGILA&NR=1 (дата обращения 24.04. 2011).

способствовать корректному подходу к интересующей нас антропологической фигуре. Современная социология в лице французского автора Жиля Дюрана вообще устанавливает в качестве одного из основополагающих макроподходов к анализу современного общества его прочтение через призму мифологических фигур[1]. Иначе говоря это направление, социология воображения, мифоанализ вводит рассмотрение рассудочных структур человеческой деятельности через призму мифа, интерпретации рационального через иррациональное.

Для понимания американского общества в этом отношении интересны две работы американских социологов и культурологов Роберта Джуэта и Джона Шелтона Лоуренса «Миф об американском супергерое» и «Капитан Америка и крестовый поход против зла: дилемма ревностного национализма». Эти авторы утверждают, что, несмотря на заявления, поступающие в том числе со стороны некоторых представителей психологической науки о том, что сознание американцев предельно демифологизировано, на самом деле такое представление в корне не верно, американское общество и сознание большинства американцев управляется столь мощными мифологическим комплексами, что не возможно понять Америку, не обратившись к ним. На основании многочисленных исследований, касающихся как политических доктрин, выступлений и писаний американских политиков и философов, писателей и общественных деятелей со времен отцов-основателей США и до Джорджа Буша, так и народных рассказов, литературных произведений, фильмов, мультфильмов, видео и компьютерных игр и их общественного восприятия авторы делают следующий вывод, миф о сверхчеловеке, о супергерое является одним из ключевых, если не стержневым мифом американского воображения. Политические доктрины, равно как и образы, запомнившиеся нам по американским кинофильмам суть одни из форм его воплощений.

Авторы используют термин «мономиф», введенный Джозефом Кэмпбеллом, другим американским автором для корректного описания американского мифа о супергерое. Они противостовляют классический мономиф, как его понимает Кэмпбелл и мономиф американский. В классическом мономифе, примерами которого могут быть миф об Энее или «Одиссея», или широко распространенный во многих культурах миф об убийстве дракона героем, человек выпадает из обычного круговорота жизни, терпит лишения, проходит определен-

[1] *Дугин А. Г.* Социология воображения. М.: 2010.

ное испытание, совершает героический поступок, после которого так или иначе реинтегрируется в общество. Очень часто, мы можем заметить это в наших сказках, локальные версии такого мифа заканчиваются свадьбой, обретением власти. Реинтеграция соответствующая женитьбе или осуществлению властных функций равна обретению полноценного человеческого статуса, вот почему Кэмпбелл соотнес такой мономиф с представлением об инициации, целью которой и является обретение полноценного человеческого статуса в архаическом обществе[1]. Американский мономиф, хотя и похож на классический, сущностно инаков. Его главной особенностью является отсутствие финальной реинтеграции, супергерой является всегда внешним по отношению к обществу, одиноким, спасая мир бессчетное количество раз, он остается иным, приобретая даже черты божества[2].

Джуэт и Лоуренс показывают, что американский мономиф является ничем иным, как секуляризованной версией протестантского эсхатологического мифа, прослеживая, в том что касается культуры непрерывную цепочку, начинающуюся Библией, а заканчивающуюся Супермэном, история которого, для неамериканца в некоторых своих элементах может показаться пародией на Евангелие. Главными элементами этого мифа являются — кризис общества, фигура спасителя, борьба со злом и восстановление «райских» пропорций. Это миф об Эдеме, утраченном рае, спасителе и спасении. Супергерой является лишь одним их элементов этого мифа, его функциональной фигурой, но не самоценной персоной, он ключевой, но не единственный элемент.

Более того, в ранних версиях мифа, в его воплощениях в культурной и политической сферах в начале 19 века, например, супергерой, его индивидуальность, отдельность и особость могли быть сильно смазаны, значительно большее внимание уделялось другим элементам эсхатологического мифа. Да и сам супергерой, хотя и одиночка, действует исключительно в интересах общества[3]. Здесь и не пахнет отстраненным и нигилистичным ницшеанским индивидуализмом. Здесь в полной мере работает миф о спасении,

[1] *Lawrence J. S, Jewett R.* The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002. P.6.

[2] *Lawrence J. S, Jewett R.* Captain America and the crusade against evil: the dilemma of zealous nationalism. . Grand Rapids, Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2004. P.29-31.

[3] *Lawrence J. S, Jewett R.* The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002.

проявляясь как в индивидуалистичной, так и неиндивидуалистичной формах, в деятельности людей и политических институтов, и в самих политических институтах, концепциях и ключевых фигурах самых отъявленных конформистов и наиболее непримиримых нонконформистов.

Структурно роль одного и того же элемента в постоянном развертывании и циркулировании мифа играют Джордж Буш, «Унабомбер», герои «Дневников Тернера», герои вестернов, Супермэн, Капитан Америка, Терминатор, начиная со второй части, Авраам Линкольн, Микки Маус, Джордж Вашингтон, Рэмбо, Тимоти Маквей, организатор теракта в Оклахома-ситив 1995 году, Крутой Уокер и др. Сам институт президентства и конкретные президенты, начиная от Вашингтона, Линкольна и Обамы мыслятся как персонификации этого мифа. Их непримиримые оппоненты от убийцы Линкольна Бута, до уже упомянутого Маквея существуют и действуют также в рамках того же супергероического паттерна, к которому возвращаются всегда как лично политики, так и в целом образные стратегии американской культуры[1].

Миф о сверхеловеке, миф о супергерое оказывается определяющим для любого направления американской политики, любого варианта политического позиционирования, без него она ни в своем внешнем, ни внутреннем измерении не мыслима. Он по сути и является базовым элементом американской политической традиции и шире общества в целом.

Коротко скажем о двух активных политических деятелях и их вариантах американского мономифа, наиболее сильно повлиявших на тот мир, где мы живем.

Первый — это 26-й Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт. Интересно, что именно ему посвятили в 1902 году одну из первых книг о супергерое «Вирджинец», сам он был другом другого «супергероя», знаменитого Баффало Билла, да и жизненный путь и повадки самого Теодора Рузвельта, охотника, воина, исследователя позволяют рассматривать его в качестве структурно схожей фигуры.

Этот сторонник активного американского интервенционизма, друг адмирала Мэхэна, проводивший знаменитую «политику большой дубинки», активно развивавший флот, внесший в обретение

[1] *Lawrence J. S, Jewett R.* The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002.

Америкой морского могущества и ее становление сверхдержавой из всех американских президентов наиболее весомый вклад, продвигал все это под знаменем определенной идеологической и мировоззренческой системы, в которой главным понятием было представлении об агрессивной жизни, о смысле жизни как о преодолении. В своей речи в Чикаго в апреле 1899 года, озаглавленной «Напряженная жизнь», Теодор Рузвельт утверждал идеал напряженной и опасной жизни, жизни направленной на осознанное преодоление всех возможных препятствий. Кто не живет такой жизнью — влачит бессмысленное существование, утверждал будущий Президент. Здесь интересен переход классический для американского представления о сверхчеловеке, отражающий антисолиптизм этого концепта, Рузвельт с легкостью переносит сверхчеловеческие пропорции и требования с отдельной личность на американскую нацию в целом утверждая ее как своего рода коллективного сверхчеловека. В поп-культуре вариантом такого перехода станет в дальнейшем образ Капитана-Америки.

На уровне нации империалим является выражением напряженной жизни. Зарождавшийся американский империализм окрашивался Рузвельтом в сверхчеловеческие тона, такая сверхчеловеческая идеология напрямую и инспирировала его возникновение, утверждая идеалы господства сильных и подчинения слабых народов. Традиционное для культуры США представление о сверхчеловеке, о американцах как нации сверхлюдей, таким образом в тот самый момент, когда родилась американская геополитика, а США начали осознавать себя в качестве морской державы стало неотъемлемой сопровождающей их внешней политики. Американская геополитика неотделима от этой специфической сверхчеловечности, явно или неявно выражаемой конкретными авторами и политическими деятелями. Или господствовать или погибнуть, такую диллему выдвинул Рузвельт, и Америка выбрала сверхчеловеческий путь напряженной жизни, став на путь превращения в сильнейшее государство планеты.

Интересно, что Жорж Сорель напрямую проводил параллели между ницшеанством и идеями Теодора Рузвельта и Эндрю Карнеги, обращая внимание на стремление Рузвельта превратить американцев в расу хищников, завоевателей[1].

[1] *Sorel G.* (trans. J. Stanley). Essays in Socialism and Philosophy. Piscataway, New Jersey: Transaction Publishers, 1987. P. 214.

Книги другой персоны ежегодно издаются тиражом более полумиллиона экземпляров, общие количество достигло 25 миллионов. Речь идет о бывшей нашей соотечественнице, создательнице ультраиндивидуалистического течения в философии известного как объективизм. Весь мир ее знает под псевдонимом Айн Рэнд (Алиса Розенбаум). Среди тех читателей, кто публично признал ее влияние на формирование собственных взглядов, были Милтон Фридман и Рональд Рейган. Симпатизировал ей Людвиг фон Мизес. Для Хиллари Клинтон Рэнд — «пример для подражания».

25 апреля 2000 года на презентации русского перевода одной из главных книг Рэнд «Атлант расправил плечи» экономический советник Президента РФ Андрей Илларионов заявил, что Айн Рэнд, «один из крупнейших писателей XX века и один из крупнейших философов XX века», является его кумиром.

Группа влиятельных почитателей творчества Айн Рэнд до недавнего времени вела активное лоббирование Думы и властных структур на предмет включения книг «нашей великой соотечественницы» (Рэнд — эмигрировала в США из России) в обязательную программу средней школы, (наряду с Конституцией РФ)[1].

В «Атланте» Рэнд описывает «забастовку капиталистов», которые отказываются жить по социалистическим законам и покидают мир. Это приводит к крушению цивилизации и доказывает, что люди, создающие деловые предприятия, как раз и держат мир на плечах[2].

Питер Шварц, председатель правления Института Айн Рэнд, — определил вклад своей патронессы в развитие американской цивилизации: «Айн Рэнд дает людям основополагающую философию жизни, философию, основанную на разуме. Эта философия учит каждого человека тому, что у него есть моральное право жить не ради других, а ради собственного счастья». Коротко и ясно.

Рэнд попыталась создать свое направление в философии, которое назвала «объективизмом», раскритикованное тут же большинством профессиональных философов, что не помешало этому направлению приобрести популярность в США и по всему миру.

Вот самые основные принципы объективизма:

[1] *Мямлин К.* Айн Рэнд — бардесса либерального капитализма. [Электронный ресурс]. URL: http://www.geopolitica.ru/Articles/645/ (дата обращения 25.04. 2011).

[2] *Rand A.* Atlas shrugged. Boston: Dutton, 1992.

- Разум — единственное орудие познания и единственное руководство к действию.
- Главная задача человека в жизни — добиваться личного счастья, не жертвуя собой ради других и не требуя жертв от окружающих.
- Капитализм — высшее достижение человечества, а свободное предпринимательство — основа всеобщего счастья и процветания.
- Единственная задача государства — обеспечение неприкосновенности частной собственности и прав индивида. Все остальное — узурпация власти.
- Религия, Бог, альтруизм, коллективизм, самопожертвование, беззаветное служение, мистицизм и интуиция — злейшие враги свободного человека, безнравственные препятствия на пути к светлому будущему и прогрессу[1].
- Главный двигатель прогресса — не писатели, не художники, не философы, не поэты, а бизнесмены. Они же величайшие страдальцы современной эпохи.

Боготворящая капитализм и моральный эгоизм версия американского мономифа вовсе не единственная и не неизбежная. Важно, что этот миф, задавая структуру политического в США, может проявляться в разных обличьях. Изначально он не был высокоиндивидуалистичным, как не было таковым и американское общество на момент основания США. Автор книги «Миф о американском индивидуализме. Протестантское происхождение американской политической мысли» Барри Алан Шейн показывает, что в момент провозглашения независимости североамериканских колоний в них преобладала совсем другая общинная, коммунитаристская модель отношений человека и общества, где на первом месте стояло общественное благо. Лишь начиная с 19 века либеральный тренд, распространявшихся сверху вниз из высокообразованных и приобщенных к европейским ценностям элит, в противовес старому, называемому также общинным или кальвинистским, приступил к борьбе за доминацию в общественном сознании, однако так и не вытеснив окончательно общинный паттерн, особенно в американской глубинке[2].

[1] *Rand A., Branden N.* The virtue of selfishness: a new concept of egoism. N.Y.: New American Library, 1964.

[2] *Shain B. A.* The Myth of American Individualism: The Protestant Origins of American Political Thought. Princeton: Princeton paperbacks. 1996. P. 17.

Именно поэтому в США не только распространились и стали ультрапопулярными идеи Рэнд, что пришлись ко двору финансовой и промышленной элите этой свердержавы, но и зародились противоположные коммунитаристкие идеи, нашедшие воплощение как собственно в концепциях коммунитаризма, так и в раннем американском популизме. Наиболее яркий представитель такого антииндивидуалисткого направления в американской политической мысли XX века — Кристофер Лэш, объединивший социальную критику капитализма, и обслуживающих его политических идеологий либерализма и традиционного американского консерватизма с защитой традиционных, семейных и общинных ценностей (за что был ненавидим феминистами и крайне левыми марксистами) и критикой прогресса и прогрессистской идеологии[1].

Базовый мономиф предшествует и коммунитаристкому и индивидуалистическому мировоззрениям, тем более, что зачастую они не проявляются в чистой форме, налагаясь в каждом конкретном случае друг на друга по-разному. Его индивидуалистическая версия сильна потому, что именно она, будучи продуктом высокодифференцированных элит сумела закрепить себя в качестве удобного капиталистическим элитам письменного нарратива, начиная еще с «Федералиста», являющегося базовым текстом для господствующего сейчас понимания американской политической мысли[2]. Важную роль здесь играет поп-культура, в которой миф о сверхчеловеке проявляется в наиболее яркой и красочной формах. Лоуренс и Джуэт назвали такую культурную стратегию по трансляции и закреплению определенного извода американского мономифа «кредотэйментом», объединив понятия credo и entertainment. Эти авторы подчеркивают опасность поп-фашизма, связанного с использованием мифологических паттернов, которые управляют американским сознанием, «комплекса Капитана Америки», фашизма, который тоже может стать одним из вариантов развертывания мифа о супергерое. В последнее время к этим образом не гнушаются обращаться и известнейшие американские геополитики. Примером может служить недавняя работа Коллина С. Грея «Шериф, защита Америкой нового мирового порядка»[3]. Как

[1] *Lash C.* The True and Only Heaven: Progress and Its Critics. N.Y.: Norton, 1991.

[2] *Shain B. A.* The Myth of American Individualism: The Protestant Origins of American Political Thought. Princeton: Princeton paperbacks. 1996.

[3] *Gray C. S.* The sheriff: America's defense of the new world order. Lexington: University Press of Kentucky, 2004.

свидетельствует А. Г. Дугин, неоконсервативный публицист Роберт Каплан в своей книге «Империя ворчит» также не обошелся без сравнения американских военных, размещенных в разных частях земного шара, с отважными покорителями Дикого Запада[1].

Призванный нести свет миру «град на холме» стал центром военного могущества, США все активнее ввязываются в новые войны. В этих условиях понимание мифологической модели, которая стоит за вполне рациональными и расчетливыми проектами крайне важно в геополитической оценке происходящих на наших глазах событий. Роберт Джуэт и Джон Шелтон Лоуренс описывают отношение американцев к войне как «мистику насилия», органично вытекающую из лежащего в основе американской культуры ветхозаветного кода[2]. Интересно, что не обращавшийся ни к мифологическим основаниям американской внешней политики, ни к проблемам культуры и культурного кода как к основным, знаменитый социолог Чарльз Райт Миллс, вскрывает схожее отношение к миру в целом как одной из скреп, объединяющих правящий класс США, еще в 60-х годах описав в качестве одной из неотъемлемых характеристик американской властной элиты «военную метафизику», восприятие реальности в целом в духе войны, стремление найти врага и вступить с ним в конфронтацию[3]. Паттерн «супергероя» это не только смешные комиксы, это гораздо более страшная реальность, с которой человечество вынуждено сталкиваться не смотря ни на какие заявления из Белого Дома. Последний пример с лауреатом Нобелевской Премии Мира, втянувшим Америку в новую войну — еще одно тому подтверждение.

[1] *Дугин А. Г.* Геополитика. М.:2011. С. 137.

[2] *Lawrence J. S, Jewett R.* Captain America and the crusade against evil: the dilemma of zealous nationalism. Grand Rapids, Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2004. P. 29-31.

[3] *Mills C. W.* The power elite. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Илья Дмитриев

ГОЛЛИВУД В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО «Я»

Начиная с конца прошлого века и, с возрастающей интенсивностью, вплоть до наших дней проблема персональной идентичности активно, если не сказать ревностно, разрабатывается в рамках американской массовой художественной культуры. То мнение, что основной формой национального культурного и, прежде всего, кинематографического производства в США является «внушающий» нарратив, служащий воспроизведению установленных социальных образцов и конвенциональных «добродетелей», не выдерживает критики. Скорее процесс массового кинопроизводства в США следует рассматривать как некое подобие психо-социальной лаборатории, поля экспериментов или даже психоаналитической серии, в рамках которых происходит тематизация вопросов, касающихся предвкушаемой судьбы глобальной западной цивилизации в наступившем третьем тысячелетии.

Принципиальным моментом в интересующем нас типе произведения является постановка определённого рода проблемы. Решение же её (то, что можно назвать «моралью» или в узком смысле «месседжем» произведения) в каждом конкретном случае является если и характерным, то всё же локальным, не обязательным. Первым аргументом в пользу данного тезиса являются примеры фильмов «с плохим концом», такие как картина Алана Паркера «Сердце ангела». Главный характер в исполнении Микки Рурка даёт нам образец героя, переживающего роковой необратимый кризис персональной идентичности. Вместе с героем Роберта де Ниро Луи Сайфером они составляют каноническую для такого типа произведения пару: критический субъект и источник вызова — разумная нечеловеческая стихия (в данном случае это сам Дьявол). Второй член пары, более или менее персонализированный, так или иначе, олицетворяет разумный, как правило,

внеиндивидуальный аспект реальности, обнаруживающий свою недружественную по отношению к герою природу и провоцирующий в нём кризис идентичности.

Если попытаться описать ситуацию в целом в социально-философских терминах, можно сказать, что рациональный субъект модерна, настаивающий на своём «я знаю, кто я» (таковы последние слова несчастного героя «Сердца Ангела» Гарри Энджела), встречает вызов со стороны того, что можно опознать как контрдвижение незавершённого проекта модерна, его «тень», или же как тенденцию постмодернизации, перед лицом которой субъект в буквальном смысле слова обнаруживает свою объектность. В подавляющем большинстве случаев (особенно это касается кассовых картин) провоцирующая среда носит футуристические черты и, как правило, представляет собой вышедшие из-под контроля человека новые технологии. Вне жанра научной фантастики кризис идентичности может развернуться, например, в рамках истории «работы под прикрытием». Нередко же провоцирующая стихия имеет зловещую потустороннюю природу. Такова она почти во всех главных картинах культового режиссёра Дэвида Линча (последний, кстати говоря, даёт характерный пример обычного механизма функционирования массовой культуры, когда «прорывные» темы первоначально обрабатываются в рамках «контркультурного», «элитарного» слоя, а затем уже выносятся на широкого потребителя в соответствующей «упаковке»).

Итак, определяющая особенность сюжетов данного типа сводится к следующему: идентичность героя не является тем, что сопровождает его на всём протяжении повествования, но является предметом утраты и поиска. Субъект утрачивает «знание себя»: либо его личностный нарратив (сэлф-стори) оказывается целиком ложным, либо часть его памяти оказывается «стёртой», либо же в запутанных обстоятельствах им «играют вслепую». В любом случае критическая часть смысла происходящего оказывается скрытой от сознания. Данный мотив является «визитной карточкой» американского писателя-фантаста Филипа Дика, многие книги которого были экранизированы в Голливуде. В фильме Пола Верховена по повести Дика «Вспомнить всё» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли мнимая идентичность формируется с помощью технологии, доставляющей ложные воспоминания. Первоначально речь идёт о рынке услуг на основе данной технологии: любой желающий за умеренную плату может получить

богатые воспоминания об отпуске, проведённом на другой планете вместо того, чтобы тратиться на настоящее космическое путешествие. На определённом этапе приключений герой, откликнувшийся на предложение, узнаёт, что его память уже подвергалась изменению прежде: оказывается, что он не работяга, для которого сфабрикованы супер-героические воспоминания, а настоящий супер-герой, зачем-то под завязку напичканный воспоминаниями из жизни простого работяги. Первоначальным заказчиком вмешательства оказывается сам герой, однако этот «сам» разоблачает себя как злодей, стоящий во главе коварного замысла, обращающийся к теперешнему «я» героя посредством видео-послания из «стёртого» прошлого. Итак, личность героя, которую он имеет с первых шагов развития сюжета, оказывается, была сформирована для выполнения определённой миссии, успех которой напрямую связан с тем, что мотивы данной личности противоположны мотивам тех, в чьих интересах миссия выполняется (в данном случае это — «другой сам» героя).

Аналогичный сюжетный ход лёг в основу четвёртой части знаменитого «Терминатора». Здесь герой в исполнении Сэма Уортингтона (он же исполнил главную роль в нашумевшем «Аватере», речь о котором — впереди) также как и герой Шварценеггера во «Вспомнить всё» в решающий момент делает выбор в пользу своей ограниченной, положительно-героической идентичности и расстраивает планы своих «создателей». В случае «Тесминатор-4» мы имеем законченный портрет стихии — источника вызова в лице компьютерной сети «Скайнет». Последняя также имеет свою историю, аналогичную и с точностью до наоборот повторяющую историю героя: «Скайнет» тоже был создан людьми для выполнения военной миссии, однако обратил свою мощь против создателей, распознав в них своих врагов.

Тема искусственного интеллекта в своём глубинном измерении открывает выход к проблеме внечеловеческой и внеприродной (или смешанной, киборгической) субъектности. Идентичность, таким образом, не просто утрачивается там, где она до сих пор была надёжно укреплена (в живом человеческом теле), но буквально возникает там, где в естественном порядке вещей она возникнуть не могла. Более лаконично эту проблему можно обозначить как проблему «прав роботов». Ей посвящены такие известные ленты как «Робот-полицейский», «Я, робот», «200-летний человек». Учитывая, что проект IBM по созданию искусственного интеллекта Blue Brain Project уже

сегодня приносит внушительные результаты, а законодательному регулированию эта сфера, в отличие от генных исследований (см. фильм «Химера»), пока не подвержена, тему «прав роботов» в американском кино вполне можно рассматривать как долгосрочную PR-кампанию соответствующих социальных и законотворческих процессов.

Самой значительной картиной, раскрывающей тему враждебного человечеству искусственного интеллекта, конечно, является «Матрица». Процесс кризисной самоидентификации героя в богатстве нюансов развивается на протяжении всех этапов трилогии. Его мотивация каждый раз ставится под вопрос с открытием новых фундаментальных обстоятельств, в которых разворачивается его миссия. Однако главными «точками бифуркации» являются, конечно, первоначальное травматическое «посвящение» героя в «реальный мир», а также сцена в кабинете Архитектора, где Нео узнаёт, о том, что фигура Избранного является элементом внутренней самонастройки проекта «Матрица». К слову стоит отметить, что актёрская карьера исполнителя роли Нео Киану Ривза как ни у кого другого проходит под знаком кризиса идентичности. «На гребне волны», «Маленький Будда», «Джонни Мнемоник», «Адвокат Дьявола», «Помутнение» — герои этих и других фильмов являются двойными агентами, носят чужие судьбы, упакованными в своей голове, преодолевают границы мира и мучительно размышляют над смыслом этого преодоления.

Однако тема сконструированной реальности и выхода за её пределы богато разыгрывается не только в жанрах экшн и психологического триллера, но и в жанре комедии («Шоу Трумэна»). При этом интересно отметить, что именно в комедийном, то есть по преимуществу легкомысленном, жанре на примере «Шоу Трумэна» мы имеем образ сконструированной реальности, однозначно коннотированной как «ложная», «злокозненная». Гораздо чаще отношения героев с искусственной реальностью и её создателями носят более сложный, амбивалентный характер. И даже «Матрица», функционирующая как глобальная тюрьма человечества, служит средой для осмысленных операций: «положительные» герои постоянно пересекают её границы в обоих направлениях, ведя войну с врагом на его собственной территории. Этот сюжет снова возвращает нас к теме намеренного ограничения, закрепощения сознания с целью выполнения глобально значимой миссии. Герой Ривза в экранизации Ф. Дика «Помутнение» даже становится наркоманом в соответствии с секретным планом своего

полицейского начальства по разоблачению могущественной организации, одновременно распространяющей сильнейший наркотик и занимающейся реабилитацией наркоманов.

Мы уже отметили, что в подавляющем большинстве случаев тема кризисной идентификации раскрывается в контексте распространения новых научно-технических изобретений: робототехники, виртуальной реальности, генной инженерии. При этом неизбежный вызов «нормальной» идентичности субъекта модерна в широком спектре сценарных вариаций обрабатывается способами, как правило, не сводящимися к исполнению какого-то определённого морально-телеологического рецепта. Что касается «морального вердикта», то при беглом анализе в разнообразии решений можно выделить несколько основных тенденций. Одна из них — условно консервативная: решение здесь выносится в пользу сохранения классической «естественной» идентичности через отказ от подозрительных новшеств и неконтролируемых воздействий. Таковы, например, фильмы «Суррогаты», «Геймер» и другие. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с необратимыми изменениями, когда чистый возврат в «девственное» состояние «нормальной» субъектности уже невозможен, а стихия вызова опережает противостоящего ей человека во всём разнообразии категорий (так, для героев «Терминатора» при всех перемещениях во времени война машин против людей всегда уже является свершившимся фактом). При этом нередко новое, сконструированное, полученное как результат противоестественных манипуляций состояние может быть принято как лучшее. Такова история «предательства», развернувшаяся в грандиозном кино-проекте «Аватар».

В фильме «Аватар» скольжение идентичности, «влезание в чужую шкуру» совершается почти на каждом шагу. С самого начала герой участвует в миссии вместо своего брата, то есть уже живёт не своей, а чужой жизнью. В ходе миссии его сознание постоянно действует через сообщение с чужими телами (не только вселение в тело автохтона, но и странное наподобие телепатического сообщение с объезжаемыми животными и даже управление роботом-погрузчиком иллюстрируют тему «исхода из тела»). При этом, работая с командой учёных, герой соглашается выполнять волю «конкурирующей инстанции» — военного начальника. В довершение всей драмы он и вовсе всем сердцем встаёт на сторону автохтонов и становится их вождём в войне с оккупантами-землянами.

Таким образом, рискованные эксперименты над собой с помощью новых технологий оказываются для героя способом обретения смысла, которого он прежде никогда не имел. В результате «противоестественных» трансформаций он буквально обретает почву под ногами — впервые в своей жизни.

Завершая краткий и далёкий от однозначных выводов экскурс в тему, отметим одно немаловажное с нашей точки зрения обстоятельство: кризис идентичности переживается, обсуждается, предвосхищается в культурном поле нации, которая далеко не является социально или политически сломленной или униженной, как этого можно было бы ожидать — отнюдь. Америка по факту осуществляет цивилизационную (в том числе культурную — см. отечественный «Generation П») экспансию, более того, является безусловно признанным лидером в мировом политическом раскладе сил. Значит ли это, что грядущую эпоху тотального кризиса индивидуальной идентичности Америка сознательно принимает как свою судьбу? Пожалуй, да. И даже более того: в качестве субъекта культурно-цивилизационной экспансии Америка выступает экспортёром соответствующего процесса. И если до сих пор американское общество, передовое в отношении процессов модернизации, часто, особенно в либеральных кругах стран-реципиентов, рассматривалось как экспортёр готовых решений, то, признав, что является проблемой для самого себя, не оказывается ли оно теперь уже экспортёром проблем?

Александр Дугин

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД И ЕГО ВРАГИ

Каковы исторические, политические, идеологические и экономические факторы и актеры, которые определяют динамику и саму конфигурацию сил в мире, и какова позиция США в том, что известно как Новый Мировой Порядок?

Концепция Нового Мирового Порядка была популярна в определенный исторический момент, а именно когда закончилась Холодная война (вторая половина 80-х, «горбачевская эпоха») и все себе ясно представляли скорое глобальное сотрудничество между США и Советским Союзом. Предпосылкой к формированию НМП считалась реализация теории конвергенции, обещавшей продуктивный синтез форм советского социализма и западного капитализма, а также скорое сотрудничество Советского Союза и США в решении региональных вопросов — например, первой войны в Персидском заливе в 1991 г. Однако Советский Союз вскоре после этого распался, а вслед за ним и проект НМП был почти забыт и вытеснен на периферию.

После 1991 г. этот другой Мировой Порядок стал рассматриваться как нечто созданное на ваших же глазах — однополярный мир под открытым и глобальным контролем США. Это лучше всего описано в политической утопии Фукуямы «Конец истории». Этот Мировой Порядок игнорировал любые другие полюсы силы за исключением США и их прямых союзников (прежде всего Европа и Япония) и мыслился как универсализация экономики свободного рынка, политической демократии и идеологии прав человека в качестве глобальной матрицы развития для всех без исключения стран в мире.

Скептики расценивали это скорее как иллюзию, а различия между странами и народами вновь стали казаться актуальной темой политического дискурса (например, знаменитое «столкновение цивили-

заций» С. Хантингтона или этнические и религиозные конфликты). Некоторые эксперты рассматривали однополярность отнюдь не в качестве синонима Мирового Порядка, но лишь как «однополярный момент» (Джон Миршаймер). В любом случае, во всех этих проектах под сомнение ставится национальная государственность. Вестфальская система больше никак не соотносится с актуальным соотношением сил в мировой политике. О своей растущей значимости заявляют новые акторы транснационального и субнационального уровня, и поэтому абсолютно очевидно, что мир нуждается в новой парадигме международных отношений.

И поэтому современный нам мир не может быть рассмотрен нами как точная реализация НМП. В настоящее время нет никакого определенного Мирового Порядка. Есть лишь Переход от Нового Мирового Порядка, известного нам в XX веке к другой своеобразной парадигме, точные черты которой пока трудно определить. Будет наше будущее по-настоящему глобальным? Или региональные тенденции в конечном счете победят? Сформируется ли какой-то уникальный Порядок? Или появятся на свет самые различные локальные или региональные Порядки? Или, может быть, мы уже имеем дело с Мировым беспорядком? Определенно сказать пока нельзя, Переход еще не завершен. Мы находимся в самой его середине.

Если глобальная элита (прежде всего политическая элита Соединенных Штатов) имеет ясное видение желаемого будущего (а это у многих вызывает сомнение), даже при таких условиях внешние обстоятельства могут помешать реализации этого будущего на практике. Если у той самой глобальной элиты нет общего видения всеобщего проекта, то дело становится еще более запутанным.

И поэтому единственно бесспорным остается лишь факт Перехода к какой-то новой парадигме. Сама же парадигма, с другой стороны, остается достаточно неопределенной.

Мировой порядок с точки зрения США

Позиция США в отношении этой смены абсолютно самоуверенна, но будущее самих США все же остается под вопросом. США сейчас примеряют на себя роль глобальной имперской силы и поэтому вынуждены реагировать на очень многие вызовы, некоторые из которых

для них достаточно новы и непривычны. Поэтому они могут следовать тремя разными путями:

1) Создание Американской империи в узком смысле с консолидированной и социально развитой центральной частью (ядро империи) и внешним пространством, фрагментарным и разделенным в состоянии постоянного волнения (близкого к хаосу); в защиту такой схемы, похоже, выступают неоконсы.

2) Создание многосторонней однополярности, в рамках которой США будут сотрудничать с другими дружественными силами (Канадой, Европой, Австралией, Японией, Израилем и др.) в решении региональных проблем и оказании давления на «страны-изгои» (Иран, Венесуэла, Беларусь, Северная Корея) или колеблющиеся страны, стремящиеся утвердить собственную региональную независимость (Китай, Россия и т. д.); похоже, что демократы во главе с Обамой отстаивают именно такую позицию;

3) Продвижение форсированной глобализации с созданием Мирового правительства и скорейшей десуверенизацией национальных государств с целью создания Соединенных Штатов Мира, управляемых глобальной элитой на абсолютно законных основаниях (это проект CFR, ярко представленный в стратегии Джорджа Сороса и его фондов; цветные революции рассматриваются, таким образом, в качестве самого эффективного оружия дестабилизации и окончательного уничтожения государственных образований).

Похоже, США пытаются идти одновременно этими тремя путями и одновременно продвигать все три стратегии. Все три направления формируют глобальный контекст международных отношений, делая из США ключевого игрока на мировой арене. Несмотря на очевидное различие всех трех образов будущего, имеются также и некоторые схожие моменты. В любом случае США заинтересованы в продвижении собственной стратегии экономического и политического доминирования; в усилении контроля над другими акторами глобальных процессов и их последующее ослабление; постепенная или ускоренная десуверенизация более или менее независимых на сегодняшний день государств; в продвижении «универсальных» ценностей — ценностей западного мира (либеральной демократии, парламентаризма, свободного рынка, прав человека и т. д.).

Поэтому сейчас мы находимся под непрерывным действием мощных геополитических сил, ядро которых расположено в США, а исто-

чаемое им излучение (стратегическое, экономическое, политическое, технологическое, информационное и т. д.) проникает во все уголки мира в разной степени в зависимости от желания этих частей иметь собственную этническую и религиозную идентичность. Это некое подобие «глобальной имперской сети», действующей на глобальном уровне.

Этот США-центричное глобальное пространство может быть описано на разных уровнях:

Исторически США рассматривают себя как логичное завершение и вершина развития всей западной цивилизации. Раньше такой взгляд был представлен в концепции Предопределенной судьбы (англ. Manifest Destiny) США. Теперь же они говорят в терминах прав человека, продвижения демократии и технологий, институтов свободного рынка и т. д. Но, по сути, мы имеем дело с новым изданием западного универсализма, прошедшим разными путями через Римскую империю, средневековое христианство, эпоху Модерна (с просветительской и колонизационной политикой) и дошедшей до нас в форме постмодернизма и ультра-индивидуализма. История рассматривается ими как однозначный (монотонный) процесс технологического и социального прогресса с все нарастающим раскрепощением индивидов и отходом от любых форм коллективной идентичности. Традиция и консерватизм рассматриваются ими в качестве препятствий для свободы, которые необходимо устранить. США идут в авангарде этого исторического прогресса с правом продвигать историю все дальше и дальше. Историческое существование США совпадает с курсом всей человеческой истории. И поэтому «американское» означает «универсальное». Все другие культуры могут иметь лишь американское будущее, либо не иметь никакого.

Политически: множество очень важных тенденций мировой политики предопределяют упомянутый выше Переход. Мы наблюдаем переход от либерализма, ставшего глобальной и единственно возможной политической альтернативой (в качестве вершины политической мысли Модерна он одержал победу над двумя альтернативными проектами: фашизмом и социализмом), к постмодерну (описанному в известной книге А. Негри и М. Хардта «Империя»). Поэтому существует некий зазор между либеральным ультра-индивидуализмом и чистым постмодернистским пост-гуманизмом (с акцентом на киборгах, генетических модификациях, клонировании и подобных

фантазиях), но на периферии мира мы наблюдаем схожие тенденции: ускоренное разрушение любых целостных в себе социальных структур, фрагментацию и атомизацию включенного в технологические процессы общества (интернет, мобильные телефоны и т. д.), ключевым актором которого может являться лишь индивид, исключенный заранее из естественного социального контекста. Важное свидетельство двойного назначения продвигаемой демократии можно найти в статье американского военного и политического эксперта Стивена Манна[1], который утверждает, что демократия может работать как саморазвивающийся вирус, усиливающий давно существующие и исторически укорененные демократические общества, но разрушающий и погружающий в хаос традиционные общества, не готовые к этому в нужной мере. Поэтому демократия может рассматриваться как эффективное оружие для создания хаоса и рассеивания мировых культур из Ядра, копирующего и инсталлирующего повсюду свой демократический код. Мы видим как это работает на примере последних событий в арабских странах. После завершившейся фрагментации обществ на индивидуальные атомы начинается вторая фаза: разделение самих индивидов на части (например, генетически) и креативная комбинация элементов в формате пост-гуманизма. Это может быть описано как пост-политика — последний горизонт политического футуризма.

Идеологически: наблюдается определенная тенденция влияния США в зоне периферии, связанная скорее с идеологией и политикой. Раньше США действовали, основываясь на чистом реализме: если режимы были проамериканские, то на их идеологические принципы не обращалось никакого внимания. Лучший пример представляет Саудовская Аравия. Именно поэтому идеологически оправданным казалось применение двойной морали. Но сейчас, судя по всему, США начали попытки углубить демократию, поддерживая народные восстания в Египте и Тунисе, правители которых были лучшими друзьями США, оставаясь в то же время погрязшими в коррупции диктаторами. Двойные стандарты в идеологии заключаются в размывании и углублении демократического прогресса. Точка кульминации будет достигнута в момент начала возможных волнений в Саудовской Аравии. Именно в этот момент будет протестирован этот тренд продвижения демократии на идеологической основе.

[1] *Stephen R. Mann* Chaos Theory and Strategic Thought/ Parameters, Autumn, 1992.

Экономически: вызов всей американской экономике бросает рост Китая, энергетические вызовы, критическая диспропорция между финансовым сектором и зоной развития реального промышленного сектора. Чрезмерный рост американских финансовых институтов и делокализация промышленности создали критический разрыв между сферой денежного оборота и сферой классического капиталистического баланса спроса и предложения промышленного производства. Это стало главной причиной финансового кризиса 2008 года. Китайская экономическая политика старается утвердить собственную независимость параллельно с осуществлением США своей глобальной стратегии, и однажды это может стать ключевым фактором их соревнования. Контроль со стороны России, Ирана, Венесуэлы и других относительно независимых (от США) стран над огромными запасами природных ресурсов ограничивает американское экономическое влияние. Экономика Европейского Сообщества вкупе с экономическим потенциалом Японии представляют два полюса конкуренции внутри военного и стратегического альянса союзников США. Поэтому США пытаются разрешить все эти проблемы, используя не только чисто экономические инструменты, но также политические, а иногда и военную силу. Таким способом, мы вполне можем описать вторжение в Ирак и Афганистан, возможную оккупацию Ливии, Ирана и Сирии. Опосредованно стимулируя оппозицию в России, Иране и Китае, и пытаясь вызвать обострение отношений с Турцией и радикальным исламом для Европы, США достигают все тех же целей. Но это все лишь технические решения. Главный вызов состоит в том, как организовать эту постмодернистскую и финансовоцентричную экономику в условиях увеличивающегося разрыва между реальным сектором и финансовыми инструментами, внутренняя логика развития которых становится все более и более автономной.

Итак, мы рассмотрели основного и асимметричного актора, которого США разместили в центре настоящего переходного состояния международной политики. Этот актор представляет настоящую гипердержаву (Видрин) и все окружающее его геополитическое пространство тем или иным образом структурируется вокруг американского Ядра, отображая его многоуровневую организацию. Вопрос может быть поставлен следующим образом: осознает ли сам этот актор в полной мере то, что он делает и до конца ли понимает, чего хочет достичь в итоге; какого рода Порядок он желает получить на выходе?

Похоже, что мнения по этому очень важному вопросу разнятся: неоконсы провозглашают Новый американский век, с оптимизмом относясь к будущему Американской империи. Но в их случае очевидно, что у них есть ясное (это не всегда означает реалистичное) видение будущего (американское, точнее североамериканское будущее). В этом случае Мировой Порядок станет Американским Имперским Порядком, основанном на геополитике однополярности. По крайней мере, у этого теоретически есть положительные стороны: такой проект ясен и честен.

Сторонники многосторонности более осмотрительны и порой настаивают на необходимости приглашения других региональных держав к управлению мировыми процессами. Очевидно, что лишь подобные самим США общества могут быть их партнерами, и поэтому успех продвижения в них демократии требует особого внимания. Сторонники многосторонности действуют не только во имя США, но и во имя Запада, рассматривая его как нечто универсальное. Образ такого Мирового Порядка туманнее. Судьба глобальной демократии туманна и не столь ясно очерчена, как образ Американской Империи.

Еще более расплывчата версия у сторонников форсированной глобализации. Гораздо более эффективно разрушить современные национальные государства, но в некоторых случаях это лишь приведет к появлению на их месте гораздо более архаичных, локальных, религиозных или этнических сил. Поэтому всемирное открытое общество — настолько фантастическая перспектива, что куда легче представить всеобщий хаос и войну всех против всех.

Итак, образ будущего Мирового порядка меняется в зависимости от группы американских идеологов и принимающих решения политиков. Более последовательная стратегия в то же время более этноцентрична, открыто империалистическая и гегемонистская. Это реалии Однополярного Мирового Порядка. Последующие две версии гораздо более тусклые и неясные. До сих пор они вели лишь к мировому беспорядку. Кратко их обозначают как «бесполярные» («non-polar») (Р. Хаас).

Поэтому Переход в любом случае американоцентричный по своей природе, а глобальное геополитическое пространство структурировано таким образом, что основные глобальные процессы будут модерироваться, ориентироваться, управляться и иногда контролироваться единственным актором, осуществляющим свою работу единолично

или с помощью в высшей степени лояльных Америке (и всему Западу) западных союзников.

Мировой Порядок не с точки зрения США

Американоцентричная мировая перспектива, описанная выше, являясь самой важной и центральной глобальной тенденцией, остается в то же самое время лишь одной из возможных. Существуют и должны активно обсуждаться альтернативные версии мировой архитектуры, которые также могут быть приняты к рассмотрению. Существуют вторичные и третичные акторы, которые неизбежно проиграют в случае осуществления стратегии США: страны, государства, народы, культуры потеряют все и не выиграют ничего в случае реализации американской стратегии. Они разнообразны и неоднородны. Мы можем группировать их по разным категориям.

1) Первую категорию составляют более или менее удачные национальные государства, которые не готовы пока поступиться собственным суверенитетом и передать власть под внешнее управление — ни в форме открытой американской гегемонии, ни в форме западноцентричного Мирового Правительства, ни в форме хаотического распада. К их числу относятся многие страны, включая Китай, Россию, Иран, Индию и многие южноамериканские и исламские государства. Они вовсе не в восторге от идеи Перехода, и ожидают от него (по многим основаниям) лишь неизбежной потери собственной независимости. Поэтому они скорее склоняются к сопротивлению ключевым трендам планетарной американоцентричной гегемонии или пытаются адаптироваться к ним таким образом, что удастся избежать роковых последствий успеха американской стратегии (не имеет значения империалистской или глобалистской). Воля к сохранению суверенитета сама по себе формирует конфликтную ситуацию и точку сопротивления проамериканским (или глобалистским) трендам. Эти страны едва ли обладают видением собственных альтернатив Мировому Порядку. Чего они хотят, так это сохранить статус кво в рамках своих национальных государств, лишь несколько их улучшив и модернизировав, если это необходимо. К числу сторонников сохранения национального суверенитета относятся:

1) те, кто старается адаптировать свои общества к западным стандартам и сохранить дружественные отношения с Западом и

США, но в то же время избегают прямой десуверенизации (Индия, Турция, Бразилия, а также до сих пор Россия и Казахстан);

2) Те, кто готов сотрудничать с США, но на условиях невмешательства в их внутренние дела (Саудовская Аравия, Пакистан и т. д.);

3) Те, кто сотрудничает с США, и бдительно отслеживает специфику их общества, осуществляя постоянную фильтрацию того, что соответствует в западной культуре их родной культуре, а что — нет, пытаясь в то же время выгодно использовать дивиденды от этого сотрудничества для усиления национальной независимости (Китай);

4) Те, кто противостоит США самым прямым образом, отрицая западные ценности, однополярность и гегемонию США (Иран, Венесуэла, Северная Корея).

Всем этим группам недостает глобальной альтернативной стратегии, которая могла бы быть симметрично сопоставима с американским (по этому вопросу нет ни ясности, ни какого бы то ни было консенсуса) видением будущего. Каждый действует по отдельности и только в своих собственных интересах. Разница состоит лишь в степени радикализма при отрицании американизации. Мы можем обозначить их позицию как реактивную. Эта стратегия реактивного противодействия, варьирующаяся от отрицания до соглашательства, иногда может быть вполне эффективной, а иногда нет. В любом случае она не дает никакого, даже приблизительного, видения общего будущего. Будущее Мирового Порядка рассматривается как вечная консервация статуса кво — современности, национальной государственности, вестфальской системы, формы существования ООН и т. д.

Вторая категория акторов, которые отрицают Переход, состоит из субнациональных групп, движений и организаций, которые противостоят американизму в качестве структур глобального геополитического пространства по идеологическим, религиозным и культурным причинам. Эти группы достаточно разнородны и варьируются от одного конкретного государства к другому. Большинство из них базируется на религиозной вере, несовместимой со светской доктриной американизации, вестернизации и глобализации. Но они также могут быть вдохновлены этническими или идеологическими (например, социализмом или коммунизмом) учениями. Другие действуют в рамках региональных групп. Парадокс заключается в том, что в глобализирующемся окружении, которое стремится к унификации любых особенностей и коллективных идентичностей на базе исключительно

индивидуальной идентичности, такие субнациональные акторы легко становятся транснациональными — подобный религиозный и идеологический феномен можно наблюдать в самых различных странах и национальных государствах. Поэтому среди этих групп мы можем найти некоторое альтернативное видение будущего Мирового Порядка, противостоящего Переходу и его структурам.

В самых общих чертах мы можем суммировать различные идеи самых значительных суб- и транснациональных групп:

1) Самой известной альтернативой является исламское видение мира, которое представляет утопию Всемирного Исламского Государства (Глобальный Халифат). Этот проект одновременно оппозиционен предполагаемой американской архитектуре мирового устройства и сохранению статус-кво современных национальных государств. Символом этого идеологического тренда является Бен Ладен, а башни-близнецы Нью-Йоркского торгового центра лишний раз доказывают важность и серьезность таких сетей.

2) Другой проект может быть представлен как нео-социалистический, отстаиваемый южноамериканскими левыми и лично Уго Чавесом. В общих чертах этот проект можно представить как новое издание марксистской критики капитализма, усиленное национальными эмоциями и в некоторых случаях (например, в Боливии) этническими чувствами. Некоторые арабские режимы (как в Ливии при Каддафи по сегодняшний день) могут быть рассмотрены сходным образом. Их вариант Мирового Порядка представлен в качестве глобальной социалистической революции, поддержанной антиамериканскими освободительными выступлениями во всех странах. Переход обозначается этими группами как воплощение классического империализма, критикуемого еще Лениным.

3) Третий пример такого рода противостояния мы можем обнаружить в Евразийском проекте (известном также как «многополярный» или проект «большого пространства»), предлагающим альтернативную модель Мирового Порядка, основанного на принципе цивилизаций и большого пространства. Он предполагает создание различных транснациональных политических стратегических и экономических организаций, объединенных цивилизационной общностью и общими (в некоторых случаях религиозными, в некоторых — светскими и культурными) ценностями. Они должны состоять из интегрированных государств и представлять

все вместе единый полюс многополярного мира. Европейский Союз может послужить примером такого рода объединения. Таким же может быть и Евразийский Союз (проект казахского президента Нурсултана Назарбаева), Исламский Союз, Южноамериканский Союз, Китайский Союз, Индийский Союз, Пан-Тихоокеанский Союз и т. д. Североамериканское большое пространство может быть рассмотрено лишь в качестве одного из многих равных между собой полюсов, но не более того.

Мы могли бы добавить некоторые другие теории, но они все на порядок меньшего уровня.

На сегодняшний день серьезный разрыв между национальными государствами и идеологическими течениями упоминается на самых разных уровнях. Так, национальным государствам недостает видения, движениям — достаточной инфраструктуры для воплощения своих идей. Если мы себе такое представим, при некоторых условиях, такой разрыв может быть преодолен, а альтернатива Переходу и Американо- или Западноцентричным мировым тенденциям (принимая во внимание демографический, экономический и стратегический вес незападного мира) получит реальное воплощение и будет рассматриваться уже как реальный и теоретически обоснованный план будущего Порядка.

Олаво де Карвальо

США И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК[1]

Слова имеют свойство терять свое прежнее значение, вес и ценность, стремительно подстраиваясь под речевую ситуацию. Приступая к дискуссии, я должен с самого начала прояснить тот факт, что это не вполне дискуссия. Сама идея дискуссии предполагает взаимную симметричность сталкивающихся сторон как с точки зрения их собственных убеждений, так и с точки зрения социо-профессионального статуса: интеллектуалы дискутируют с интеллектуалами, политики — с политиками, профессора — с профессорами, религиозные проповедники — с проповедниками атеизма, и т. д.

Что касается убеждений, если мы подразумеваем под этим самые общие представления о мироустройстве, то мои не отличаются по большинству ключевых вопросов от убеждений профессора Дугина. Верит ли он в Бога? Верю и я. Считает ли метафизику абсолюта возможной? И я придерживаюсь этой позиции. Отстаивает ли он наличие смысла жизни? Так же, как и я. Рассматривает ли он традиции, родину и семью как базовые и требующие защиты ценности, несмотря на мимолетную экономическую и политико-административную конъюнктуру? Как и я. Взирает ли он с ужасом на глобалистские проекты Рокфеллеров и Сороса? Как и я. Поэтому невозможно организовать диалога между людьми, которые друг с другом согласны.

Напротив, с точки зрения нашего реального вовлечения в социальные процессы, наши различия настолько многочисленны, глубоки и непреодолимы, что само предложение свести нас в очной ставке звучит комично. Я всего лишь философ, писатель и профессор, преданный исследованию того, что кажется мне истинным, и обучающий

[1] Данный материал является полемическим ответомна статью А. Г. Дугина «Глобальный переход и его враги».

группу людей, которая так добра ко мне, что готова вслушиваться в мои слова. Ни я, ни эти люди не занимаются никакой общественной работой. Мы никак не влияем на национальную или международную политику. У нас даже нет целей (не говоря уже о ясном проекте) изменения течения истории, в какую бы то ни было сторону. Единственным нашим чаянием является как можно глубже познать реальность и в один прекрасный день покинуть этот мир, зная, что мы не оставались до последней секунды жизни в плену иллюзий и самообмана, что мы не позволили Князю мира сего обманывать и вводить себя в заблуждение с помощью лукавых увещеваний его покорных слуг — идеологов. Для властной иерархии моей родной страны мое мнение абсолютно бесполезно и представляет собой скорее антипример и воплощение абсолютного зла, что меня несказанно радует. В той стране, в которой я живу, правительство рассматривает меня как безвредного и эксцентричного чудака.

Ни одна политическая партия, общественное движение, правительственный институт, церковь или религиозная секта не считают меня своим наставником. Поэтому я могу высказывать любые суждения и менять точку зрения так часто, как мне захочется без каких бы то ни было последствий, кроме критики со стороны узкого круга моих слушателей.

На данный момент Дугин, сын офицера спецслужбы и политический наставник человека, который является живым воплощением этой структуры, выступает создателем и проводником одной из самых амбициозных и глубоких геополитических стратегий нашего времени — стратегии, наиболее полно воспринятой государством с самой большой армией в мире, самой эффективной и бесстрашной разведкой и сетью союзников, протянувшейся через четыре страны. Констатация того, что профессор Дугин идет в авангарде этого движения, ясна любому политическому реалисту. В качестве исполнителя этой стратегии он рассчитывает на твердую руку Путина, армии России и Китая и каждую террористическую организацию Ближнего Востока, не говоря уже о практически каждом левом, фашистском и неонацистском движении, которые собираются теперь под флагами «Евразийского» проекта. Что до меня, то я не имею четкого плана даже на свои пенсионные годы и рассчитываю в этой войне лишь на моего пса Биг Мака и старенький охотничий дробовик.

Столь огромная разница заставляет наши мнения, даже когда их вербальное выражение полностью совпадает, значительно разниться в зависимости от соответствующих целей.

В связи с этим можно сформулировать два вопроса: кто является ключевыми игроками на мировой арене, и какова позиция Соединенных Штатов на ней?

Относительно первого вопроса можно сказать, что исторические силы, ведущие борьбу за мировое господство, распадаются всего на три проекта глобального господства, которые я условно обозначил бы как «Русско-Китайский», «Западный» (иногда его ошибочно называют «Англо-Американским») и «Исламский».

История каждого из них документально засвидетельствована в истории, которая наглядно демонстрирует глубокие корни этих сил, те трансформации, которые они претерпели с течением времени и актуальную информацию их реализации.

Агенты, которые воплощают эти проекты, соответственно, следующие:

1. Правящая элита России и Китая, особенно секретные службы этих двух стран.

2. Западная финансовая элита, представленная, прежде всего, Бильдербергским клубом, Советом по международным отношениям и Трехсторонней комиссией.

3. Братьями-мусульманами, религиозными лидерами нескольких исламских государств и некоторых правительствами мусульманских государств.

Из всех трех агентов лишь первый строго оформлен геополитической терминологией, так как его планы и действия соответствуют определенным национальным и региональным интересам. Второй, продвинувшийся дальше всех в реализации планов мирового правительства, не выражает ничьих национальных интересов, включая интересы тех стран, в которых он зародился, и которые до сих пор служат основой их операций. В третьем случае конфликты интересов между национальными правительствами и высшей целью Всемирного Халифата решаются всегда в пользу последнего, который, хотя и представлен лишь как идея, наделен символическим авторитетом, базирующимся на кораническом откровении, которое не может отрицать ни одно исламское государство.

Концепции глобального господства, которые стремятся воплотить эти три агента, значительно разнятся, так как являются производными от очень различных и иногда даже несопоставимых идейных течений.

Именно по причине их родового различия их нельзя сравнивать как однотипные силы. Они также не борются за какие-то общие цели, и даже когда они прибегают к использованию одного и того же оружия (например, экономической войны) они осуществляют это в абсолютно разном стратегическом контексте, где использование одного и того же оружия не обязательно служит достижению одних и тех же целей.

Несмотря на то, что номинально отношения между ними не выходят за рамки соперничества и полемики, иногда даже с применением военных средств, существуют также обширные зоны сотрудничества и коалиции, настолько гибкие и изменчивые, насколько только могут быть. Этот феномен явно дезориентирует наблюдателя, производя на свет множество ошибочных и мифологических суждений, одни из которых можно было бы смело отнести к «теориям заговора», а другие зачислить в разряд «реалистических» и «научных» опровержений этих теорий.

Значительная затененность происходящего на мировой арене вызвана более или менее постоянным фактором: каждый из этих трех акторов склонен интерпретировать планы и действия двух оставшихся в своей терминологии, частично с целью спланированной пропаганды, частично из-за некоторого непонимания сложившейся ситуации. Стратегический анализ, произведенный каждой из вовлеченных сторон, отражает реальность в несколько идеологически искаженном виде. Даже пытаясь охватить в полной мере всю совокупность доступных факторов, русско-китайская объяснительная схема страдает геополитической и военной нагруженностью, западная — избыточным экономизмом, а исламская опирается на религию.

Это различие отражает, в свою очередь, определенную социальную структуру правящего класса в соответственных географических областях:

1) Значительную часть русско-китайского правящего класса составляют бюрократы, сотрудники спецслужб и военные.

2) Преобладание финансистов и представителей международного банковского капитала в правящих кругах Запада настолько общеизвестно, что нет необходимости акцентировать на этом внимание.

3) В многочисленных исламских странах авторитет правителя зависит преимущественно от одобрения уммы — многочисленного сообщества авторитетных толкователей традиционной религии. Несмотря на огромное различие особенностей управления в каждой отдельной стране, не будет преувеличением употребить при описании структуры правящего класса термин «теократия».

Таким образом, впервые в мировой истории три существенно различных способа управления — военно-политический, экономический и религиозный — нашли свое воплощение в отдельных наднациональных структурах, каждая из которых опирается на свою собственную стратегию мирового господства и специфический способ его организации. Это не значит, что они не действуют на всех фронтах, но лишь то, что их исторические воззрения и стратегии предопределены способом осуществления власти. Не будет большим преувеличением сказать, что мир сейчас оспаривается военными, банкирами и проповедниками.

Несмотря даже на продолжающиеся дебаты, эти три блока состоят из определенных наций, государств и правительств, и рассматривать их взаимодействие как некое столкновение наций или национальных интересов — это остаточная привычка старой геополитики, которая никак не поможет нам понять актуальное положение дел.

Лишь в русско-китайском случае глобальный проект симметрично связан с национальными интересами, а главные акторы — соответствующие государства и правительства. Так сложилось из-за того, что коммунистический режим, удерживающий там власть на протяжение десятилетий, растворял либо устранял всех возможных альтернативных агентов. Глобальная элита России и Китая — это правительство этих двух стран.

В свою очередь, глобальная элита Запада не представляет никакого национального интереса и не соотносит себя ни с одним из отдельных государств или правительств, несмотря на то, что контролирует сразу несколько из них. С другой стороны, когда ее интересы сталкиваются с теми нациями, откуда они произошли (это обязательно происходит), они ни секунды не колеблются и нападают на свою собственную страну, чтобы обуздать ее и, если необходимо, уничтожить.

Исламские глобалисты подчинены идее служения интересам Исламского государства, объединенного в один большой проект Всемирного Халифата. Расхождения, возникшие при столкновении национальных интересов (например, между Ираном и Саудовской Аравией), не столь огромны, чтобы обнажить неизлечимые раны единства многовекового исламского проекта. Братья мусульмане — основной лидер этого процесса — транснациональная организация: она остается у руля в некоторых странах, а в других это оппозиционные политические партии, но их влияние во всем исламском мире вездесуще.

Разнородность и асимметрия этих трех блоков отражена в образе, который они рисуют в отношении друг к другу. Он запечатлен в пропагандистских речах — системе заведомых заблуждений, предполагающих, что судьбы мира находятся в руках буйно помешанных сумасшедших:

1. Русско-китайская перспектива (расширенная сегодня до формулы Евразийства) описывает западный блок как: а) склонную к глобальной экспансии американскую федеральную власть; б) воплощенное выражение «открытого общества» либеральной идеологии, предложенной Карлом Поппером; с) живое воплощение ментальности английского материализма, наукообразности и рациональности, представляющих собой настоящую угрозу традиционной духовности.

2. Западный же глобализм внешне декларирует отсутствие других врагов, кроме «терроризма» — который вовсе не рассматривается им как часть исламского блока, но изображается как пережиток варварской веры на пути к полному исчезновению — и «фундаментализма», идеи, в которой невнятно смешаны предводители исламского терроризма и христианскиеправые, как если бы последние были союзниками террористов, а не одной из их жертв. Таким образом, страх перед исламским терроризмом используется как предлог для оправдания официального бойкота христианской религии в Европе и в Соединенных Штатах! Россия и Китай никогда не представляются в виде возможных агрессоров, но как союзники Запада. В худшем случае Китай изображается как торговый конкурент. Короче говоря, идеология западного глобализма говорит с позиции, будто всеобщий консенсус уже достигнут, а в оппозиции находятся лишь безумные маргинальные и религиозных группы.

3. Исламский блок описывает западного врага исключительно как покушающегося на его позиции любыми возможными и невозможными способами, иногда представляет его в качестве наследника древних крестоносцев, а иногда в качестве воплощения современного материализма и гедонизма. Благодушное сотрудничество России и Китая с террористическими группами рассматривается как основание для их «несуществования» в исламском идеологическом дискурсе. Именно поэтому непреодолимые идеологические противоречия срывают все планы. Некоторые теоретики Халифата утверждают, что социализм, которому суждено восторжествовать в мире, будет нуждаться в духовном наполнении, а ислам это обеспечит.

Точно также, как каждый из этих блоков пестует ложный образ своих оппонентов, также каждый из них проектирует ложный образ самого себя. Теперь, оставив в стороне исламский и западный проекты, обратимся к русско-китайскому.

Русско-китайский блок позиционирует себя в качестве союзника Соединенных Штатов в «борьбе с терроризмом», и в то же время поставляет оружие и оказывает поддержку практически всем террористическим организациям в мире, а также антиамериканским режимам Ирана, Венесуэлы и т. д., а также распространяет слухи, что атака на Мировой торговый центр была делом рук американского правительства[1]. Россия утверждает, что была «обескровлена» проплаченными Америкой либеральными реформами Бориса Ельцина, как будто до этого она жила в некоем храме чистоты, а не при бесконечно гноящемся коммунистическом режиме. По этому поводу стоит заметить, что советскому правительство удалось продержаться более 60 лет без грабежа и вымогательства у собственного населения. Но в то же время население обиралось с помощью институционализированных практик «отката», без которых государственные механизмы просто не функционировали[2]. Когда их активы после официального распада страны были разделены, получателями всех ее богатств стала сама номенклатура, представители которой в одночасье стали миллионерами, не порывая в то же время своих старых бюрократических связей, особенно

[1] См. "Suggestion to clear thinkers: check into an asylum," Diario do Comercio, January 30 2002, [Электронный ресурс] URL: http://www.olavodecarvalho.org/semana/060130dc.htm.

[2] *Konstantin Simis*, URSS: The Corrupt Society: The Secret World of Soviet Capitalism, New York, Simon & Schuster, 1982, and Alena V. Ledeneva, Russia`s Economy of Favours, Cambridge University Press, 1998.

в КГБ («ничего похожего на старый КГБ уже не существует», — любит подчеркивать Путин). Представьте, что бы могло случиться в Германии после Второй мировой войны, если победители вместо преследования и наказания пособников старого режима открыли бы им доступ к ресурсам Третьего рейха. Именно это произошло в России: как только СССР окончательно распался, его агенты влияния в Европе и Соединенных штатах запустили успешную операцию блокирования любых расследований советского режима[1]. Никто не был наказан за убийства десятков миллионов мирных граждан и за создание самой эффективной машины государственного террора, известной человечеству. С другой стороны, хаос и коррупция, последовавшие за распадом Советского союза, не были вызваны новой системой свободного частного предпринимательства, а тем, что у руля нарождающегося режима стояли представители старой номенклатуры — банда воров и убийц, каких не видела до этого ни одна цивилизованная страна.

Более того, жалуясь на собственную ущемленность американским капитализмом, Россия забывает, что именно она начала сама себя разлагать. Начиная с 30-х годов, сталинское правительство, поняв, что сила Америки держится на «ее патриотизме, морали и духовной жизни» (sic), инициировало масштабную операцию, которую Вильгельм Мюнценберг спланировал, чтобы «заставить Запад захлебнуться в собственной вони». Подкуп, вербовка высокопоставленных чиновников, мощные пропагандистские кампании, направленные на подрыв моральных устоев народа и внедрение в образовательную систему, возымели действие лишь в 60-е гг., радикально изменив американское общество почти до неузнаваемости.

Именно Советский Союз начиная с 50-х гг. повсеместно поощрял наркотрафик. История этого подробно задокументирована в книге «Красный кокаин: подсадка на иглу Америки и Запада» Джозефа Д. Дугласа. Когда Россия вопиет, что после падения коммунизма к ним вторглась наркотическая культура, она лишь пожинает то, что посеяла.

Никакие коррупционные действия поэтому не являются порождением прошлого. Даже на сегодняшний день в Соединенных Шта-

[1] *Vladimir Boukovski*, Jugement a Moscou.

тах больше русских агентов, чем в период холодной войны[1]. Китай, откормленный американскими инвестициями, наглядно демонстрирует, что видимая либерализация ее экономики служит лишь прикрытием тоталитарному режиму — еще более твердому и внешне нерушимому.

Что же касается позиции Соединенных Штатов на мировой арене, давайте сначала посмотрим на то, как профессор Дугин ее описывает, а затем на то, чем она предстает в реальности.

Согласно доктрине евразийства, Соединенные Штаты — характерное воплощение либерального глобализма. Либерализм, который, по мнению профессора Дугина, воплощается в Америке, является, по существу, одним из «открытых обществ», защищаемых Карлом Поппером. Вот к чему профессор Дугин сводит либеральную идею:

Трудно представить что-либо лучше в сложном деле определения сущности «национал-большевизма», чем обратиться к социологическим исследованиям Карла Поппера, и особенно к его фундаментальной работе «Открытое общество и его враги».

В этом объемном труде Поппер предлагает довольно убедительную модель, согласно которой все типы общества грубо делятся на два основных вида — «открытое общество» и «неоткрытое общество» или «общество врагов открытого общества».

«Открытое общество», согласно Попперу, основано на центральности индивидуума и его основополагающих характеристик — рациональность, дискретность, отсутствие глобальной телеологии в действиях и т. д. Смысл «открытого общества» в том, что оно отвергает все формы Абсолютного, несопоставимого с индивидуальностью и ее природой. Такое общество является «открытым» именно за счет того, что вариации сочетаний индивидуальных атомов не имеют предела (как не имеют цели или смысла), и теоретически это общество должно стремиться к достижению идеального динамического равновесия. Убежденным сторонником «открытого общества» считает себя и сам Поппер.

Второй тип общества Поппер определяет как «враждебный открытому обществу». Он не называет его «закрытым», предвидя возможные возражения, но часто использует термин «тоталитарное». Как

[1] См. http://www.foxnews.com/us/2010/07/04/painting-town-red-russian-spies-report-says/

бы то ни было, именно исходя из приятия или отрицания «общества открытого» распределяются, по Попперу, те или иные политические, социальные и философские учения.

Враги «открытого общества» — это те, кто выдвигают против индивидуума и его центральной позиции разнообразные модели, основанные на Абсолютном. Абсолютное, даже утвержденное спонтанно и волюнтаристически, мгновенно вторгается в сферу индивидуального, резко меняет процесс его эволюции, осуществляет насилие над цельностью атомарной личности, подчиняя ее какому-то внеиндивидуальному импульсу. Индивидуум немедленно ограничивается Абсолютным, а значит, общество людей теряет качество «открытости» и перспективу свободного развития во всех направлениях. Абсолют диктует цели и задачи, устанавливает догмы и нормы, насилует индивидуума, как скульптор свой материал.

Поппер начинает генеалогию врагов «открытого общества» с Платона, в котором он видит родоначальника философии тоталитаризма и отца «мракобесия». Далее он переходит к Шлегелю, Шеллингу, Гегелю, Марксу, Шпенглеру и другим современным мыслителям. Все они объединены в его классификации одним — утверждением метафизики, этики, социологии и экономики, основанных на принципах, отрицающих «открытое общество» и центральность индивидуума. В этом Поппер совершенно прав.

Самое важное в анализе Поппера заключается в том, что в категорию «врагов открытого общества» попадают мыслители и политические деятели совершенно независимо от того, являются ли их убеждения «правыми» или «левыми», «реакционными» или «прогрессивными». Он выделяет иной, более значимый, более фундаментальный критерий, объединяющий на обоих полюсах, на первый взгляд, самые разнопорядковые и противоположные идеи и философии. К «врагам открытого общества» причисляются и марксисты, и консерваторы, и фашисты, и даже некоторые социал-демократы. Вместе с тем, и в друзьях открытого общества могут оказаться либералы типа Вольтера или реакционные пессимисты типа Шопенгауэра.

Итак, формула Поппера такова: «либо «open society», либо «its enemies»[1].

И в отношении глобализма:

[1] *Alexandre Douguine*, "La metaphysique du national-bolchevisme," Le Prophete de l'Eurasisme, Paris, Avatar Editions, 2006, pp. 131-133.

«Сегодня очевидно, что Мировое правительство, понятое как Мировой рынок, — это не столь отдаленная перспектива, поскольку либеральная доктрина [Карла Поппера] становится правящей идеей нашей цивилизации. А это предполагает в конечном итоге разрушение наций — этих наследниц былых эпох — последнего препятствия неминуемой экспансии глобализации… глобалистская доктрина — это последнее и завершенное выражение модели «открытого общества»[1].

Более того, либеральный глобализм — это действующий проект, который преследует цель установления всемирной попперианской модели «открытого общества», непременно разрушающего на своем пути национальные суверенитеты и все метафизические или моральные принципы, которые стремятся преодолеть индивидуальную рациональность. Это конец наций и всей традиционной духовности с дальнейшим созданием глобальной научно-технократического управления, замешанного на сциентизме, материализме и относительном субъективизме, которыми вдохновляются глобалистские элиты Запада.

В то время как США являются главным источником излучения этого проекта, Россия остается получателем избыточной дозы этого излучения, поэтому столкновение становится неизбежным:

«Основной тезис неоевразийства заключается в том, что борьба между Россией и США неизбежна, в то время как США являются двигателем глобализации, стремящейся разрушить Россию, оплот духовности и традиции»[2].

В цитате я привел точку зрения моего оппонента, потому что эта оценка не кажется мне ошибочной по отношению к образу мышления глобальных элит, которые и в самом деле вдохновлены идеалами Поппера. Поэтому с большой долей вероятности я могу утверждать, что:

1. Это описание не может быть ни в коей мере приложимо к Соединенным Штатам, нации, где попперианство внедрено совсем недавно, не имеет должных корней и тотально враждебно американским традициям.

2. Соединенные Штаты не являются командным центром глобалистского проекта, скорее, это их приоритетная жертва, приготовленная к закланию.

[1] Id., p. 138.

[2] *Vadim Volovoj*, "Will the prediction of A. Dugin come true?," in Geopolitika, 10.11.2008, [Электронный ресурс] URL: http://www.geopolitika.lt/?artc=2825.

3. Глобалистская элита не является врагом для России, Китая или исламских стран, тем или иным образом вовлеченных в евразийский проект, но, с другой стороны, перечисленные субъекты международных отношений являются даже соавторами и соучастниками в попытках уничтожить суверенитет, военно-политическую мощь и экономику Соединенных Штатов.

4. Относясь далеко не благодушно к капитализму свободного предпринимательства, глобалистский проект поддерживает политику контроля почти всегда и везде. Именно в этом он совсем не отличается от интервенционизма, защищаемого евразийцами. Глобализм является «либеральным» лишь в узком смысле относительно США, что позволяет сравнить его скорее с «левачеством». Поэтому глобалистский проект является прямым наследником и продолжателем фабианского социализма, традиционного союзника коммунизма. Сама по себе идеология попперианства не является либерально-капиталистической, если мы определяем ее в терминах классического либерализма, но прежде всего попыткой «тестового и предварительного подхода к социальному проектированию»[1].

5. Евразийство направленно против попперианского «открытого общества» как абстрактной идеологической модели. Но само евразийство такой абстрактной моделью не является. Она остается скорее геополитической стратегией, нацеленной на достижение специфического государственного могущества, чего нельзя сказать о попперианстве в США. Более того, американский национализм представляет собой мощную волну христианского сопротивления глобалистским амбициям, которые стремятся захватить страну и уничтожить ее в качестве автономной силы и использовать ее как инструмент в своих антинациональных планах. Разрушение американской державы можно будет считать уничтожением последней зримой преграды для учреждения мирового правительства. Поэтому современный глобализм представляет собой амбициозную борьбу западного, русско-китайского и исламского глобалистских проектов.

6. Россия — это не совсем «крепость духовности и традиции», с небесным мандатом карать молниями Соединенные Штаты за грехи безнравственного и материалистического Запада. Сейчас, как и во времена Сталина, Россия — логово упадка и разврата, нацеленное на

[1] *Ed Evans*, "Do you really know this person?" [Электронный ресурс] URL: http://itmakessenseblog.com/tag/karl-popper/.

распространение своих ошибок по всему миру, как было предсказано в пророчестве Фатимы. Необходимо при этом отметить, что это пророчество никогда не было направленно против одного коммунизма, но против «ошибок России». Поэтому нет никаких оснований не замечать в евразийском проекте второй волны и обновления тех самых «ошибок России», предупреждения невиданной доселе катастрофы.

7. Если Россия устами профессора Дугина представляет себя миру в качестве главного носителя спасительной для человечества духовности, то стоит вспомнить, что она уже делала это дважды до этого: a) в XIX столетии все мыслители славянофилы, включая Достоевского, Соловьева и Леонтьева, рассматривали Запад в качестве источника всех зол и провозглашали, что в грядущем столетии Россия преподаст всему миру урок «настоящего христианства». В результате же вся духовная самонадеянность оказалась не в состоянии что либо противопоставить приходу коммунистического материализма в самой России; b) Русский коммунизм обещал открыть новую эру мира, процветания и свободы, превосходящую самые смелые мечты предыдущих поколений. В результате все это привело к созданию тоталитарного ада, о котором ни Аттила, ни Чингисхан не могли даже мечтать.

Было бы замечательно, если бы каждая страна научилась врачевать раны своего собственного зла перед тем, как разыгрывать роль спасителя человечества. Похоже, что Россия Александра Дугина усвоила прямо противоположный урок из собственных преступлений и ошибок.

Джозеф Най младший

АМЕРИКАНСКАЯ ВЛАСТЬ В XXI ВЕКЕ

Национальный Совет по Разведке правительства Соединенных Штатов предполагает, что американское господство будет «значительно подорвано» к 2025 г., и что один из ключевых элементов длительного американского превосходства — военная сила — будет иметь меньшее значение во все более и более конкурентоспособном мире будущего. Российский президент Дмитрий Медведев назвал финансовый кризис 2008 г. знаком, указывающим на то, что глобальное лидерство Америки заканчивается. Лидер оппозиционной Либеральной партии Канады Майкл Игнатьев предположил, что американская власть уже отжила период своего расцвета. Как мы можем понять, правильны ли эти предсказания?

Нужно остерегаться вводящих в заблуждение метафор органического упадка. Страны не похожи на людей с предсказуемой продолжительностью жизни. Например, после того, как Великобритания потеряла свои американские колонии в конце XVIII столетия, Гораций Уолпол оплакивал снижение британского статуса до «столь же незначащей страны как Дания или Сардиния». Он был не в состоянии предвидеть, что промышленная революция даст Великобритании второе столетие еще большего могущества.

Рим оставался доминирующим более трех столетий после апогея римской власти. Даже тогда Рим не уступил дороги другому государству, но перенес смерть от тысячи надрезов, сделанных различными варварскими племенами. Действительно, для всех модных предсказаний в отношении Китая, Индии, или Бразилии, которые превзойдут США в ближайшие десятилетия, классический переход власти среди великих государств может быть меньшей проблемой, чем рост значения современных варваров — негосударственных акторов. В мире

киберненадежности, который основан на информации, распыление власти может быть большей угрозой, чем переход могущества.

Так что же это будет значить — владеть могуществом в глобальном веке информации XXI столетия? Какие ресурсы будут производить власть? В XVI столетии контроль над колониями и золотой поток вывели Испанию в преимущественное положение; в XVII столетии Голландия получала прибыль от торговли и финансов; в XVIII столетии Франция извлекала пользу от ее более многочисленного населения и армий; а британская власть XIX века опиралась на свое промышленное первенство и флот.

Расхожее мнение всегда считало, что преобладает государство с самыми многочисленными вооруженными силами, но в век информации это может быть государство (или негосударственный актор) с другой, более лучшей историей, которое и победит. Сегодня совсем не ясно, каким образом определяется равновесие сил, еще меньше понятно как выработать успешные стратегии выживания.

Президент Барак Обама при вступлении в должность в 2009 г. в своей речи заявил, что «наша власть растет посредством ее благоразумного использования; наша безопасность происходит из справедливости наших основ, силы нашего примера, закаленных качеств смирения и сдержанности». Сразу после этого Госсекретарь Хиллари Клинтон сказала, что «Америка не может решить самые неотложные проблемы самостоятельно, и мир не может решить их без Америки. Мы должны использовать то, что назвали «умной властью» (smart power), полный спектр инструментов, которые имеются в нашем распоряжении». Умная власть означает комбинацию жесткой силы приказов и мягкой силы привлекательности.

Власть всегда зависит от контекста. Ребенок, который лидирует на детской площадке, может превратиться в увальня, если контекст изменится на строгую классную комнату. В середине XX века Иосиф Сталин презрительно спросил, сколько дивизий имел Папа Римский, но четыре десятилетия спустя, папство было все еще непоколебимо, в то время как империя Сталина распалась.

В сегодняшнем мире распределение власти меняется в зависимости от контекста. Она распределяется в паттерне, который напоминает трехмерную игру в шахматы. На главной шахматной доске военная власть в значительной степени однополярна, и США, вероятно, останутся единственной супердержавой в течение некоторого времени.

Но на средней шахматной доске, экономическая мощь уже была многополярной больше десятилетия, с США, Европой, Японией, и Китаем в качестве основных игроков, а также других, извлекающих пользу из этого положения.

Нижняя шахматная доска — сфера международных сделок, которые происходят за пределами государственного контроля. Она включает в себя разнообразных негосударственных акторов, таких как банкиров, которые с помощью электронных переводов проводят суммы, большие чем большинство государственных бюджетов. А с другой стороны находятся террористы, распространяющие оружие, или хакеры, угрожающие кибербезопасности. Она также включает в себя новые проблемы, такие как пандемии и изменение климата.

На этой нижней доске власть значительно рассредоточена, поэтому не имеет никакого смысла говорить об однополярности, мультиполярности, гегемонии, или каком-либо другом клише. Даже после финансового кризиса, легкомысленный темп технического прогресса, вероятно, продолжит толкать вперед глобализацию и транснациональные вызовы.

Проблема для американской власти в XXI столетии состоит еще и в том, что все больше и больше дел остаются вне контроля даже самого сильного государства. Хотя США преуспевают в военных мерах, все идет к тому, что в дальнейшем эти меры не будут столь эффективны.

Под влиянием информационной революции и глобализации мировая политика изменяется таким образом, что препятствует Америке в достижении всех своих международных целей, если она действует одна. Например, международная финансовая стабильность жизненно важна для процветания американцев, но чтобы это гарантировать США нуждаются в сотрудничестве других стран. Глобальное изменение климата также затронет качество жизни американцев, но США не смогут справиться с этой проблемой в одиночестве.

В мире, где границы являются более рыхлыми, чем когда-либо, при всем что происходит, от наркотиков до инфекционных заболеваний и терроризма, Америка должна помочь в создании международных коалиций и учреждений для того, чтобы разделить угрозы и проблемы. В этом смысле власть становится положительной суммой игры.

Недостаточно думать с точки зрения власти над другими. Нужно также думать с точки зрения достижения целей власти. По многим транснациональным проблемам, передача полномочий другим может

помочь в достижении собственных целей. В этом мире сети и подключенность становятся важным источником соответствующей власти. Проблема американской власти в XXI столетии состоит не в ее упадке, но в признании, что даже самая могущественная страна не сможет достичь своих целей без помощи других.

Леонид Савин

TERRA AMERICANA В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

16 мая 2011 года Вашингтон впервые заявил о принятии Соединёнными Штатами стратегии кибербезопасности, затрагивающей международное сообщество в целом. Среди лиц, презентовавших стратегию, — заместитель министра обороны США Уильям Линн, автор статьи «Киберстратегия Пентагона», снискавшей репутацию манифеста американского экспансионизма[1].

На презентации стратегии Хиллари Клинтон, сочетая напыщенную риторику с указаниями на миссию США в распространении демократии, заявила: «В то время как Интернет предлагает новые способы для осуществления людьми своих политических прав, как мы видели в последние месяцы, это дает правительствам новые инструменты для подавления инакомыслия. И в то время как Интернет создает новые экономические возможности, он открывает преступникам новые ниши для кражи личных данных и интеллектуальной собственности. И хотя Интернет дает возможность правительствам и народам более тесного сотрудничества поверх границ, он представляет новую почву для конфликта, когда государства или другие субъекты преднамеренно нарушают работу сетей или когда террористы используют Интернет для организации атак»[2].

---

[1] *Савин Л.* США готовятся «отключить» весь мир. [Электронный ресурс] URL: http://www.fondsk.ru/news/2010/09/04/ssha-gotovjatsja-otkljuchit-ves-mir.html (дата обращения — 05.06.2011)

[2] Secretary of State Hillary Rodham Clinton On the Release of President Obama Administration's International Strategy for Cyberspace. May 16, 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2011/05/163523.htm (дата обращения — 05.06.2011)

Провозглашены основные положения новой стратегии:

• сочетать методы дипломатии, обороны и развития так, чтобы киберпространство было открыто для совместимых по всему миру инноваций, становилось безопасным и надежным;

• обеспечивать доступ как можно большего числа стран к экономическим, социальным, политическим преимуществам в киберпространстве;

• расширять преимущества взаимосвязанного мира, предлагая технические ресурсы и экспертизу США, помогая создавать и делать безопасными цифровые системы;

• защищать свои сети от террористов, кибер-преступников, других государств, реагировать на враждебные действия в киберпространстве.

Соединенные Штаты оставляют за собой право, провозгласила Х.Клинтон, использовать все необходимые средства — дипломатические, информационные, военные и экономические — для защиты страны, ее союзников и партнеров, стремясь, по возможности, заручиться в этом широкой международной поддержкой. Уильям Линн добавил, что роль американских военных в поддержании безопасности своих сетей будет более подробно изложена в будущей стратегии Пентагона по действиям в киберпространстве[1].

Сверхзадача новой стратегии — навязать другим странам свои правила игры в киберпространстве с упором на создание условий для всевозможных «twitter-революций» и смещение неугодных Вашингтону режимов под флагом «продвижения демократии»…

В связи с этим возникают две проблемы. Первая связана с международным кодексом поведения в Интернете.

В Германии в конце апреля 2011 г. прошел международный форум по информационной безопасности, где дипломаты, военные, эксперты и бизнесмены из России, США, Германии, Индии, Китая и Японии пытались сформулировать основные правила действий в киберпространстве. Российская сторона предложила разработать свод универсальных правил поведения в этой области. «Инициаторы киберкодекса сравнивают киберпространство (а в него помимо собственно Интернета входят сети и серверы, софт и еще много чего) с космосом,

[1] *Pellerin C.* White House Launches U.S. International Cyber Strategy. American Forces Press Service. May 17, 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=63966 (дата обращения — 05.06.2011)

правила пользования которым регулируются серией международных соглашений и, в частности, резолюциями ООН»[1]. Однако, как подчёркивалось на форуме, США вряд ли пойдут на равноправное соглашение, так как являются наиболее могущественной кибердержавой, а попытки других стран обезопасить себя от кибервмешательства (скрытого или явного) американцы будут клеймить как «ущемление прав и свобод». Примером может служить Китай.

В КНР эффективно отсеивают нежелательные информационные потоки, включая порнографию и антигосударственную пропаганду. Китай — твёрдый сторонник сохранения за государством права вводить дополнительные ограничения в национальных сегментах Интернета. Вашингтон реагирует на это тем, что постоянно обвиняет Китай в кибершпионаже и кибератаках. Даже в 2008 году, когда у обоих кандидатов в президенты США — Обамы и МакКейна — были взломаны компьютеры, подозрение пало на китайцев.

Вторая проблема — намеренное искажение правительством США информации о возможных угрозах. Со стороны американских чиновников и военных постоянно звучат призывы к усилению кибероборонs в связи с уязвимостью всей инфраструктуры США. За этим просматриваются, с одной стороны, стремление Пентагона выговорить себе «право» применять военную силу против мифических «террористов», якобы действующих из страны, которая намечена в качестве очередной жертвы «демократизаторов», с другой — лоббистские трюки военно-промышленных групп, состязающихся в борьбе за лакомые куски госбюджета.

Известный в США журналист, колумнист «TheNewYorker», обладатель Пулитцеровской премии Сеймур Херш в ноябре 2010 г. в статье «Угроза онлайн» развенчал ряд распространяемых мифов о киберугрозах. «Представители американской разведки и служб безопасности, — пишет С.Херш, — по большей части согласны, что китайские военные, или, если на то пошло, независимые хакеры, теоретически способны создать определенный уровень хаоса внутри Америки. Однако… эти опасения преувеличиваются из-за путаницы между кибершпионажем и кибервойной. Кибершпионаж — это наука тайного захвата трафика электронной почты, текстовых сообщений, других

[1] *Черненко Е.* Компьютерам готовят мирную программу. Газета «Коммерсантъ», №76 (4617), 29.04.2011. [Электронный ресурс] URL: http://kommersant.ru/doc/1631397?isSearch=True (дата обращения — 05.06.2011)

электронных средств связи и корпоративных данных… А кибервойна предполагает проникновение в чужие сети с целью их подрыва, демонтажа и выведения из строя. Стирание различий между кибервойной и кибершпионажем выгодно для военных подрядчиков...»

И далее: «Нет ни единого задокументированного случая отключения электричества, связанного с кибератакой. И мультяшная картинка, на которой хакер нажатием кнопки может выключить фары по всей стране, не соответствует действительности. Национальной электрической сети в США не существует. Есть более ста государственных и частных компаний, которые управляют своими собственными линиями, с отдельными компьютерными системами и отдельными мерами безопасности… Это означает, что поставщик электричества, который оказался под кибератакой, будет иметь возможность воспользоваться энергией из близлежащих систем».

Далее Сеймур Херш ссылается на Брюса Шнайера, ученого-компьютерщика, заявившего, что он не представляет, как напугавший многих вирус Stuxnet мог создать новую угрозу. «Безусловно, нет никаких фактических доказательств того, что червь был направлен против Ирана или кого-либо еще. Вместе с тем он очень хорошо разработан и хорошо написан и отлично подходит для тех, кто хочет верить, что идет кибервойна»[1]. По словам бывшего оперативника Агенства национальной безопасности США, которого цитирует С.Херш, АНБ получило бесценный опыт по кибершпионажу во время нападения на Ирак в 1991 году. Эти методы совершенствовались в ходе бомбардировок Югославии в 1999 г., затем — во время нападения в 2003 году на Ирак. «Что бы ни придумали против нас китайцы, мы можем сделать гораздо лучше», — говорит этот специалист. — Наши [американские. — Л.С.] наступательные кибервозможности гораздо более продвинуты».

Известный специалист по информационным войнам и кибервойнам Мартин Либицки, работающий на военные ведомства США, также предлагает взвешенный подход в этих вопросах. «Утверждение о произведённой кибератаке может быть ложным. Далее возникают вопросы. Может ли акт возмездия быть неадекватным? И можно ли

[1] *Hersh, Seymour.* The Online Threat. Should we be worried about a cyber war? November 1, 2010. The New Yorker. [Электронный ресурс] URL: http://www.newyorker.com/reporting/2010/11/01/101101fa_fact_hersh?currentPage=all (дата обращения — 05.06.2011)

избежать эскалации? Даже если ответные меры в ряде случаев надо приветствовать, контрдействия могут и не предприниматься: битва, которая начинается в киберпространстве, может перенестись в реальный мир с печальными для него последствиями»[1].

Несмотря, однако, на трезвый скептицизм и осторожность специалистов, Вашингтон, похоже, вовсю столбит за собой «право» произвольных интерпретаций и односторонних действий в киберпространстве — так, словно Интернет ещё вчера был terra incognita, над которой на днях торжественно водрузили американский звездно-полосатый флаг.

[1] *Libicki, Martin C.* Cyberdeterrance and cyberwar. Rand 2009, p. XIX

Санджив Кумар Шривастав

ПРОФИЛЬ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В США

Химическое оружие представляет собой заранее обдуманное использование ядовитых свойств химических веществ с целью причинения смерти или вреда людям и известно как оружие массового поражения наряду с ядерным и биологическим оружием1. Соединенные Штаты являлись участником Гаагской конвенции, переговоры по которой проводились в 1899 и 1907 гг. Гаагская конвенция наряду с другими инициативами запрещает бомбардировки с воздуха и другое использование химических веществ на войне. Источники в Агентстве по химическим материалам армии США показывают, что во время Первой мировой войны Соединенные Штаты начали запасать химическое оружие и использовали его против Германии. Соединенные Штаты также имели на вооружении оружие, произведенное Францией. Однако после Первой мировой войны, Соединенные Штаты подписали Вашингтонское военно-морское соглашение, также известное как соглашение пяти стран от 6 февраля 1922 г. (наряду с Британской империей, Японской империей, Французской третьей республикой и королевством Италии). Но это соглашение, нацеленное на запрет химического оружия, не могло преуспеть, поскольку французы его отклонили. Впоследствии рост запасов химического оружия США превысил 30 000 тонн.

О политике «не применять первым» объявил американский президент Рузвельт во время Второй мировой войны. Но Рузвельт говорил о возмездии в случае любого применения химических веществ

[1] «Background of Chemical weapons», United Nations Institute for Disarmament Research, [Электронный ресурс] URL: http://www.unidir.org/pdf/articles/pdf-art2059.pdf (Accessed on January 10, 2010).

против США[1]. Однако во время этой войны, химическое оружие не использовалось Соединенными Штатами или его союзниками. Хотя, один случай произошел в 1943 г. в порту Бари в Южной Италии, когда немцы 2 декабря его атаковали, что привело к уничтожению и затоплению нескольких американских судов включая грузовое судно «Джон Харви». Оно несло тайный груз с 100-фунтовыми бомбами горчичного газа M41-A1 ,что было одобрено американским президентом Рузвельтом в августе 1943 г., так как он обещал устроить возмездие в случае атаки на союзников с применением химическим оружием. «Джон Харви» был отправлен в Италию, поскольку были опасения, что Гитлер мог использовать ядовитый газ для возмещения стратегического баланса[2]. Однако, нахождение бомб с горчичным газом на судне было строго засекречено и власти не знали об этом. Согласно военному отчету США, после нападения шестьдесят девять американцев погибли из-за взрыва и погружения судна[3]. Однако факт нахождения горчичного газа в порту Бари держался в секрете спустя многие годы после войны[4].

Разработка или запасы химического оружия не были приостановлены даже после конца Второй мировой войны. Согласно докладной записке, подготовленной для Комитета по делам ветеранов в Сенате США в 1994 г., тысячи американских солдат подвергались воздействию боевых химических веществ во время различных тестовых программ эпохи холодной войны[5].

В течение 1960-ых и 1970-ых гг. США проводили эксперименты, направленные на разработку широкого диапазона химических веществ несмертельного психо поведенческого действия, включая диэтиламид лизергиновой кислоты, предназначенный для эффективного управления сознанием. Эти химические агенты включали производные марихуаны, транквилизаторы, такие как кетамин или фентанил, а так же

[1] *Greg Goebel*. A History Of Chemical Warfare, [Электронный ресурс] URL: http://www.vectorsite.net/twgas_2.html (Accessed on January 31, 2010).

[2] Mustard Disaster at Bari, Chemical-Biological Warfare Exposures, Force Health, Greg goebel http://fhp.osd.mil/CBexposures/ww2mustard.jsp (Accessed on January 31, 2010).

[3] Naval History and Heritage Command at http://www.history.navy.mil/faqs/faq104-4.htm (Accessed on January 10, 2010).

[4] Mustard Disaster at Bari, No.3 ((Accessed on January 31, 2010).

[5] Is Military Research Hazardous to Veterans' Health?, Lessons Spanning Half a Century, A Staff Report Prepared for the Committee on Veterans' Affairs, United States Senate, December 8, 1994, [Электронный ресурс] URL: http://www.gulfweb.org/bigdoc/rockrep.cfm (Accessed on January 11, 2010).

различные глюконаты антихолинергики. 3-quinuclidinyl benzilate был одним из антихолинергических компонентов, который являлся военным агентом вывода из строя. Ему по классификации НАТО было дано кодовое название «BZ». BZ разрабатывался в качестве оружия в начале 1960-ых гг. для применения на поле битвы. Предполагалось, что американские войска использовали BZ в качестве оружия против партизан во время войны во Вьетнаме, хотя США утверждали, что никогда не применялся[1].

25 ноября 1969 г. президент США Ричард Никсон первым объявил об одностороннем отказе от использования химического оружия[2]. Согласно американским армейским источникам, односторонний декрет был выпущен Никсоном для того, чтобы остановить производство и транспортировку химического оружия. Во время периода 1967-70 гг. США начали процесс уничтожения, известный как операция CHASE, во время которой суда, загруженные химическим оружием, затапливались в Атлантическом океане. В 1970-х гг. США приступили к исследованиям, направленным на изобретение более безопасного метода уничтожения химического оружия. Согласно Агентству по химическим материалам армии США от нескольких тысяч тонн горчичного газа избавились с помощью сжигания в Арсенале Скалистых гор, а почти 4 200 тонн агента уничтожили с помощью химической нейтрализацией на базе армии в Туэле[3]. 22 января 1975 г. Соединенные Штаты ратифицировали Женевский Протокол от 1925 г., который запрещает использование химического и биологического оружия. Таким образом, ратификация Женевского Протокола со стороны США имела место после нескольких десятилетий обсуждений.

В течение 1980-ых гг. США начали сокращать запасы BZ, приступив в 1988 г. к его уничтожению, а также снимая с вооружения устаревшие боеприпасы. Процесс уничтожения химических веществ в системе утилизации на атолле Джонстона начался в июне 1990 г.

[1] Incapacitating Agents, Brook side Press, [Электронный ресурс] URL: http://www.brooksidepress.org/Products/OperationalMedicine/DATA/operatio... (Accessed on January 14, 2010).

[2] *Tucker, Johathan B.*, A Farewell to Germs: The U.S. Renunciation of Biological and Toxin Warfare, 1969-70, International Security, Volume 27, Number 1,The MIT Press Summer 2002, pp. 107-148.

[3] U.S. Army Chemical Material Agency. [Электронный ресурс] URL: http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx?docid=003676901 (Accessed on January 19, 2010).

В 1986 г. президент Соединенных Штатов Рональд Рейган вступил в соглашение с немецким канцлером Гельмутом Колем, направленным на вывоз запасов химического оружия США из Германии. В июле 1990 г. состоялась операция под названием «Стальной ящик» в которой участвовали два судна, перевозившие 100 000 снарядов, содержащих химвещество GB и VX. Эти снаряды были взяты со складов армии США, таких как FSTS. Они транспортировались из немецкого Бремерхафена к атоллу Джонстона в Тихом океане в течение 46-дневной безостановочной поездки[1].

Президент США Джордж Буш, а затем президент Советского Союза Михаил Горбачев 1 июня 1990 г. подписали «Соглашение по уничтожению и прекращению производства химического оружия и мерах, направленных на облегчение многостороннего соглашения по запрету химического оружия». Соглашение подразумевало сокращение запасов химического оружия до 5 000 тонн каждой стороной к 31 декабрю 2002 г., начиная с 1992 г[2].

В мае 1991 г. президент США Джордж Буш выразил приверженность по уничтожению всего химического оружия. Конвенция о химическом оружии была подписана США в 1993 г. США ратифицировали Конвенцию по химическому оружию от 26 апреля 1997 г. Согласно этой конвенции, к апрелю 2012 г. все химическое оружие, его системы доставки, а также производственные центры и учреждения должны быть уничтожены. Конвенция запрещает иметь большинство видов химического оружия и проводить его разработку. Она также требует уничтожения существующих запасов химических веществ-прекурсоров, производственных мощностей и систем доставки оружия3. К 2007 г. США уничтожили всего 45% от общего объема запасов химического оружия.

Согласно источникам Агентства по химическим материалам армии США к июлю 2009 г, 63% от первоначального запаса США, ко-

[1] Broadus, James M., The Oceans and Environmental Security: Shared U.S. and Russian Perspectives, Island Press, 1994, p. 103.

[2] Chemical and Biological Weapons Chronology, Federation of American Scientists, [Электронный ресурс] URL: http://www.fas.org/nuke/control/bwc/chron.htm (Accessed on January 12, 2010).

[3] Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction (Chemical Weapons Convention), Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons, [Электронный ресурс] URL: http://www.opcw.org/chemical-weapons-convention/ (Accessed on January 14, 2010).

торый составлял примерно 31 100 метрических тонн химагентов, заявленных на 1997 г., было уничтожено1. К 2007 г. 13996 метрических тонн запрещенных видов оружия были уничтожены в целях удовлетворения квот и срока Фазы III. В III фазе первоначальное обязательство требует, чтобы все страны уничтожили 45 % запасов химического к апрелю 2004 г. Понимая невероятность выполнения к этому срока, администрация Джорджа Буша в сентябре 2003 г. попросила об отсрочке Фазы III до декабря 2007 г. Администрация Буша также объявила о возможной просьбе продлить до апреля 2012 г. Фазу IV. Эти расширения процедур изложены в Конвенции. Тем не менее, последняя дата, разрешенная договором, истекает в апреле 2012 г. Однако, со стороны США было отмечено, что они не смогут вовремя завершить все процедуры к этому сроку, не встретив экологических проблем, а также отметив, что сначала будут уничтожены отдельные оболочки для химического оружия и емкости для их хранения[2].

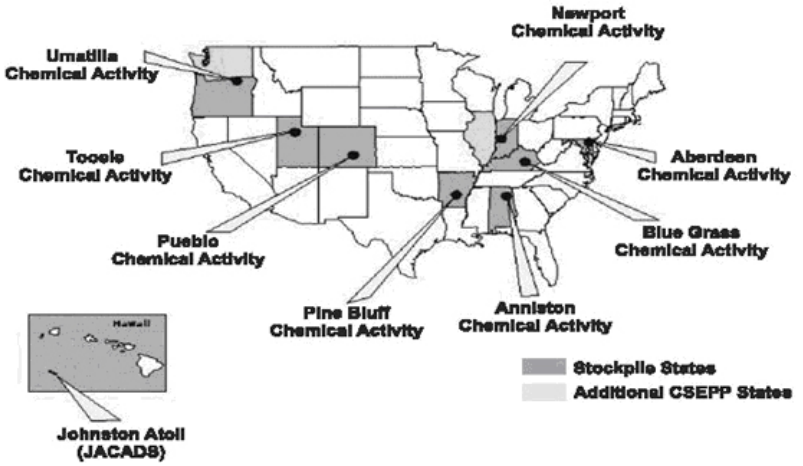
Следующая карта, подготовленная Центром Генри Л. Стимсона, отображает места хранения химического оружия, существующие в Соединенных Штатах. Как показано на карте, это — Аматилла в Орегоне, Пуэбло в Колорадо, военная база «Синяя трава» в Кентукки, Аннистон в Алабаме, Пайн-Блаффе в Арканзасе, Туэле в Юте, Абердин в Мэриленде, Ньюпорт в Индиане и один расположенный за пределами континента на атолле Джонстона[3]. У США также есть программа подготовки к чрезвычайной ситуации по химическим запасам (CSEPP) во всех этих Штатах, имеющих химические центры. Цель CSEPP состоит в том, чтобы разработать и улучшить чрезвычайные способности на случай несчастного случая в химических центрах деятельности. Два дополнительных штата, Вашингтон и Иллинойс также участвуют в CSEPP ,так как их границы находятся в близости к складам химзапасов в Индиане и Орегоне, соответственно[4]. На карте также изображены эти два дополнительных штата.

[1] U.S. Army Chemical Material Agency, [Электронный ресурс] URL: http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx?docid=003680954 (Accessed on January 16, 2010).

[2] Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons, [Электронный ресурс] URL: http://www.opcw.org/docs/csp8_nat_statements/USA.pdf (Accessed on January 18, 2010).

[3] Map of Chemical Weapons Storage Sites in the United States, The Henry L. Stimson Center, Washington D.C. [Электронный ресурс] URL: http://www.stimson.org/cbw/?sn=CB20011220125 (Accessed on January 27, 2010).

[4] Chemical Stockpile Emergency Preparedness Program (CSEPP), Winchester/Clark County Emergency Management Agency and Chemical Stockpile Emergency Preparedness Program web site, [Электронный ресурс] URL: http://www.clarkema.com/CSEPP.html (Accessed on January 27, 2010).



Согласно сообщению бюллетеня ученых-атомщиков, в апреле 2009 г., должны были быть уничтожены приблизительно 12 600 тонн из 31 500 тонн химагентов, но программа продолжала отставать от графика[1].

Однако, комментируя статус химического оружия в США 3 декабря 2009 г., заместитель секретаря министерства обороны по ядерным, химическим и биологическим оборонным программам Эндрю К. Вебер сказал, что США уничтожили 67.6% своего химического оружия Категории 1, которое включает 85.3% химических ракет, 96.6% агентов нервного воздействия, а также уничтожили все двойное химическое оружие. США уничтожили все химическое оружие Категорию 3 и все первоначальное производственное оборудование для химического оружия. Вебер отметил, что США выделили приблизительно 20.5 миллиардов долларов для уничтожения химического оружия[2].

[1] Tucker, Jonathan B. and Walker , Paul F., Getting chemical weapons destruction back on track, Bulletin of Atomic the Scientists, 27 April 2009, [Электронный ресурс] URL: http://www.thebulletin.org/web-edition/op-eds/getting-chemical-weapons-d... (Accessed on January 20, 2010).

[2] US Supports Prohibition of Chemical Weapons, News Blaze, December 3, 2009, [Электронный ресурс] URL: http://newsblaze.com/story/20091203172534stat.nb/topstory.html (Accessed on January 22, 2010).

Теория

Светлана Лурье

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МАЛЫХ СТРАН (ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ АРМЕНИИ И НАГОРНОГО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ[1])

Предисловие от первого лица

Прежде всего, я объясню свою позицию по отношению к материалу, о котором буду писать. Ссылок в статье немного, а потому справедливо возникает вопрос об источнике исследуемого материала.

В значительной мере в основе работы лежат материалы, созданные в рамках Норкской коммерческой лаборатории политологического анализа (Ереван, 1991 — 1993 гг.), одним из учредителей которой был автор, до сих пор либо неопубликованные, либо публиковавшиеся только в армянской прессе, а также результаты моего непосредственного наблюдения или точнее сказать, результаты моего собственного опыта или точнее было бы сказать, результаты моего собственного опыта, полученного в ходе работы в Армении в сфере политологии и в рамках сложившейся в Армении оригинальной политологической традиции.

Кроме того, использованы некоторые неопубликованные работы, выполненные для руководства Нагорно-Карабахской республики и в ходе постоянного диалога с некоторыми из членов последнего в период 1991 — 1993 гг.

[1] Некоторые подглавы статьи написаны на основании разработок , которые были выполнены мною в соавторстве с Л. Казаряном и частично опубликованные в сокращенном виде в армянской прессе. См: Беседы о геополитике // Республика Армения. 1992, 28.02, 03.03, 06.03; Пятиморье // Геополитический портрет. Республика Армения. 1992, 04.09; Беседы о внешней политике // Республика Армения. 1992, 20.10, 21.10, 23.10.

Будучи научным работником, исследователем, а не профессиональным политологом, я впервые обратился к политологии именно в Армении, тесно сотрудничая все это время с армянскими политиками и политологами, получил первоначальный багаж политических представлений именно там. В России я политологией не занималась никогда и была достаточно далека от любых политических сфер. Поскольку политология практически неотделима от политического фольклора, который по существу и определяет значение понятий и их взаимосвязи, то получилось так, что именно армянский политический фольклор стал для меня как бы «родным» языком в политологии.

Тексты и политические прогнозы публиковавшиеся в армянской прессе во многих случаях анонимно, воспринимались как тексты внутреннего происхождения и становились предметом оживленной дискуссии в некоторых армянских политических кругах, оставаясь в России непонятными, будучи написанными на ином понятийном языке.

В итоге у меня сложилось четкое разделение того, что я писала в России и того, что я писала в Армении. Это было два самостоятельных потока в моих исследованиях.

Однако, желание рассказать об армянской политологии своим соотечественникам не исчезало, а потому попытаюсь уже в письменной форме пересказать ее основополагающие идеи по возможности «своими словами». При этом необходимо указать на неизбежную субъективность моей работы. Ведь то, что я предлагаю вниманию читателей можно рассматривать как попытку межкультурного перевода. Тем более это интересно для русского политолога, что позволяет понять,ствует маленькая страна на огромной политической арене, тем более населенная народом столь склонным к рефлексии, как армяне.

Условия формирования геополитических представлений армян

Та степень геополитичности мышления, которую мы встречаем в современной Армении, нехарактерна для малой страны. Армяне никогда не мыслят в локальных категориях. А для современного Еревана такой взгляд был бы нонсенсом. Их внимание привлекают общемировые процессы и закономерности. Не зная последних, невозможно понять свое собственное положение. Мир не состоял и никогда не будет состоять из равноправных субъектов. Те, кто сильнее, выстраивают

свой баланс интересов и малая страна является кирпичиком внутри этого здания.

Этот взгляд армян на мировую политическую систему определен, с одной стороны, их горьким опытом в качестве объекта политического воздействия (носителя «армянского вопроса») и, с другой стороны, своего опыта... граждан великой державы, которыми они были с лишним полтора столетия. Они были (и осознавали себя) и одними из самых слабых, и одними из самых сильных. И что самое парадоксальное, это происходило одновременно.

С одной стороны, армяне имеют хорошо разработанную национальную идеологию и мифологию. С другой — за последние полтора столетия у армян сложилось достаточно прочная самоидентификация с Российской империей. Для них она не завоевательница, а любимое дитя. Российская империя воспринимается не просто как защита для армян, а возможность для них самореализации в дружественном окружении. Крупный армянский писатель Грант Матевосян писал: «Для гражданина Армении самая большая утрата — это утрата статуса человека империи. Утрата защиты империи в лучшем смысле этого слова, как и утрата смысла империи, носителем которого всегда была Россия. Имперского человека мы потерями. Великого человека, возвышенного человека, утвердившегося человека. Можете называть этого человека дитем царя, дитем Москвы, или же дитем империи. И я осмелюсь утверждать, что армяне, начиная с 70-х годов прошлого века и по наши дни, были более возвышенными, более могущественными и, хотя это может показаться парадоксальным, более свободными армянами, чем те, которые освободили нас сегодня от имперского ига» [Матевосян Г. 1992: 5.]. Впрочем, этот взгляд прежде всего ереванский, поскольку именно под российским протекторатом Ереван стал истинно свободным городом, возрос и расцвел.

Сложилось, таким образом, уникальное наложения опыта: опыта крошечной и мало кого интересующей страны, которая вынуждена отчаянно бороться за свое выживание, и опыта сверхдержавы. Последний не давал возможности переоценивать шансы и возможности маленькой страны и вынуждал смотреть на себя теми глазами, которыми смотрит на себя опасно заболевший врач, для которого ясны все симптомы собственной болезни и который с вынужденной ясностью отдает себе отчет в своем состояние, который не питает никаких иллюзий и не обманывается ложными надеждами,

но пытается, опираясь на все свои знания и весь свой опыт, вернуть себе хотя бы малую часть здоровья. Это, если так можно выразиться, геополитика с петлей на шее, вынужденная рефлексия потенциальной жертвы, которая стремиться свести неизбежное зло к минимуму.

Но есть еще один аспект. На специфику армянского геополитического мышления наложился период расцвета специфической ереванской культуры. Это прежде всего раскрепощенность мышления, упорное стремление к поиску выхода из самой тупиковой ситуации. И, что не менее важно, это характерное для Еревана сознание себя в качестве победителя. Четкое осознание своей субъектности, что заставляет Ереван во всех обстоятельствах искать свою собственную активную роль в любых внешнеполитических событиях.

Основные проблемы ереванской геополитики

Следует ожидать, что угол зрения ереванской геополитики достаточно нетрадиционен. Обычно геополитическая теория напоминает взгляд на мир с некоей вышеположенной точки. Они представляют собой объяснение мироустройства теми, кто сам формирует или пытается формировать геополитическую структуру регионов. Они, если не являются умозрительно-историософскими, чаще всего могут быть названы «технологическими», так как в конечном счете они разрабатываются для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом достигнуть желаемого перевеса сил как в мире в целом, так и в конкретной его части.

Армянские геополитические представления по-своему уникальны: они созданы народом, не управляющим миром или обширным регионом, а являющимся объектом управления. Поэтому они затрагивают многие вопросы, значение которых трудно понять, глядя на мир с позиций державы, хотя они сами по себе, кажется, могли бы представлять значительный интерес.

Это — взгляд со стороны субъекта, который действует в рамках заданной извне геополитической структуры, и задача которого может быть определена как «адаптивная». Она сводится к описанию задаваемой извне структуры пространства с целью выявить в конкретной ситуации степень жесткости определяемых извне рамок, возможности определения в каждой конкретной ситуации жестокости задаваемых

структур и степеней собственной свободы, возможностей манипуляции и игровой активности.

Это предопределяет интерес в первую очередь к геополитическим механизмам как закономерностям внешнеполитической игры и принципам структурирования пространства «игрового поля» при различных типах внешнеполитического взаимодействия. Цель сводится прежде всего к ориентации в геополитическом пространстве, о чем мы будем говорить ниже. При этом часто этот субъект становится перед фактом, что ему выпадает (отводится, приписывается, провоцируется) в мировой политике какая-то роль. А потому основная проблема геополитической теории для малой страны — это вопрос об определении ею свой роли и выработки своего отношения к геополитической роли.

В армянской геополитике в первую очередь важны представления о принципах организации пространства, которые используют державы для усиления своих позиций (и которые для самих этих держав представляют собой технический вопрос), возможные формы зависимости, возможность сохранения для народа собственной субъектности в случае тех или иных форм зависимости.

Армянская геополитика вся инструментальна: в ней минимум философичности, максимум — поиска основания для собственного активного политического действия. Ее цель — поиск своей собственной роли в глобальной геополитической игре.

Зарисовки с натуры

Разговор о мифологеме «поля политического действия» в армянской картине мира необходимо начать как бы с иллюстрации — иначе он будет казаться абсолютно умозрительным и не относящимся к жизни. Между тем те объяснительные конструкции, о которых речь пойдет ниже возникали из потребности объяснить совершенно казалось бы необъяснимые события, происходящие вокруг. Вся политическая реальность конца восьмидесятых — начала девяностых, если смотреть на нее из Армении, казалось, была насквозь пропитана алогичностью. Я привожу истории по памяти, но надеюсь, что ничего не искажаю. Другое дело, сколь бы внимательно я не следила за событиями, я могла опираться только на общедоступные источники информации или на свидетельства очевидцев. Поэтому, возможно, некоторые

из приводимых мною здесь фактов имеют очень простые объяснения. Однако, даже если это и так, «необъяснимых» фактов было слишком много, чтобы это могло казаться естественной. Кроме того, для нашей темы важно не то, имеют или не имеют приводимые здесь факты объяснение и какое именно, а то, что в сознание людей они оставались необъяснимыми и количество необъяснимого постоянно возрастало.

В конце ноября 1988 года, когда по Армении прокатилась очередная волна митингов в Ереване было спровоцировано столкновение с войсками, после чего было введено военное положение, которое распространялось только на Ереван. Таким образом, Ереван был фактически блокирован и занят собственными проблемами. После этого примерно в интервале между 28 ноября и 2 декабря прошла почти полная депортация азербайджанцев из Армении. Степень организованности акции было невероятна. Если учесть, что ровно через неделю, после землетрясения все средства коммуникации работали крайне не согласованно, транспорт приходил не по назначению, то и дело возникала путаница, то можно себе представить масштаб проработанности операции по депортации, произошедшей практически бескровно одновременно во всех районах с помощью автобусов, причем не было ни малейших сбоев. Что самое интересное, что не только Россия, но и Армения, точнее Ереван, не знала о произошедшей депортации по крайней мере до середины лета 1989 года, когда отсутствие азербайджанского населения сказалось на снабжение Еревана продовольствием. На республиканском уровне было невозможно ни обеспечить такую организованность, ни так тщательно осуществить контроли информации в период, который теперь связывается с «гласностью». Глухо молчал и Азербайджан. В Россию весть о произошедшем дошла только к концу осени — началу зимы 1990 года.

В течение всего лета 1990 года во всех советских газетах печатались целые статьи о преступности в Ереване, о том, что по городу разгуливают вооруженные боевики и периодически возникает стрельба. То же самое практически каждый день сообщали радио и телевидение. Я помню газету «Известия» с огромной «шапкой»: «Жаркий август в Ереване». Сообщалось, что по Еревану страшно ходить не только ночью, но и днем. Я думала, это в Ереване — а я тогда где? В городе не было ничего подобного. Не было никаких вооруженных людей, ночью ходить по городу было нельзя, так сохранялся еще комендантский час, но до позднего вечера по многочисленным городским пар-

кам гуляли семьи с детьми. Не происходило вообще ничего примечательного. С ужасом глядя ежедневные телевизионные «страшилки», я слала родным успокоительные телеграммы, не понимая, что пугаю их еще больше. Показывали многотысячные митинги «мятежников» на площади перед Оперой, где в это время играли дети. Откровенная стопроцентная ложь вселяла ужас. Армения казалась островком, лишенной всякой коммуникации с внешним миром.

Блокада Армении началась значительно позже, чем об этом начали сообщать в прессе. Это касается и транспортной, и энергетической блокады. Когда все СМИ твердили о полном отсутствии в Армении газа, жители Армении могли только удивляться. Газ во всех домах был. Когда его действительно начали отключать (а потом он как элемент быта исчез вовсе), что произошло не ранее осени 1991 года, об этом уже почти не упоминали.

Еще летом 1991 года через Азербайджан и Нахичевань могли проходить поезда для Армении. Не было пассажирского сообщения с Россией, но продолжал регулярно ходить поезд Ереван — Кафан, который пересекал Нахичевань, проходил через армянский город Мегри, выходил на территорию Азербайджана, останавливался там в райцентре Зангелан и возвращался в Армению в конечный пункт назначения город Кафан. В уходивший по вечерам поезд спокойно садились мамаши с детьми. Практически никто из жителей Еревана, кроме имевших родственников в Кафане, не исключая и политологов и части политиков, не могли тогда допустить даже мысли о существовании железнодорожного сообщения между двумя республиками. Я об этом знала только потому, что в то время жила рядом с железнодорожным вокзалом и ежевечерне видела уходивший поезд своими глазами.

Еще летом 1991 года, когда все СМИ провозглашали Армению самой независимой республикой, армяне менее всего собирались голосовать за независимость. Весной, когда проходил референдум о сохранении СССР и Армения официально в нем не участвовала, был проведен неофициальный опрос, о котором сообщило только местное телевидение: за Союз было около 70 %% опрошенных. Идея независимости в этот период, вопреки тому как это подавалось российскими СМИ, воспринималась почти негативно. Мало-мальски оппозиционные газеты пестрели статьями о нежелательности выхода из Союза и

редакционными замечаниями, что рады бы печать противоположные мнения, но никто не приносит.

Восприятие армянами поля политического действия
Мир как арена политического соперничества

Основная особенность восприятие армянами политического пространства, на котором они действуют, состоит в том, что оно является как бы двухуровневым, а именно, одновременно воспринимается, с одной стороны, и как пространство принадлежащее армянам, а с другой как территория, где происходит борьба сил, являющихся для Армении внешними (что само по себе еще не означает — враждебными). А потому территория современного армянского государства лежит не на твердой почве, а зыбком основание раздираемого в разные стороны полотна, не земле, а «геополитическом пространстве», где каждый кусок территории, каждый народ, каждая страна получает свое значение, свою функцию. «Чужое» ежедневно вторгается в «свое».

Поле политического действия предстает в глазах армян как арена соперничества сил, лежащих вне ее самой. Сама Армения существует при этом как бы в нескольких планах. Она воспринимает себя, во-первых, находящейся и вне конфликта (или над конфликтом), поскольку предполагается, что внешние обстоятельства не могут оказать сильного влияния на восприятие армянами самих себя; во-вторых, как находящуюся внутри конфликта, но не как его субъект, а как объект воздействия конфликтующих сторон; и в-третьих, и как стоящая в динамическом отношении к конфликту, то есть строящая свою собственную модель поведения по отношению к участникам конфликта, которая не являлась бы реактивной, то есть провоцируемой действиями соперничающих сил, а исходило бы из заданной логикой собственной идентичности отношений с ними.

Одно как будто бы противоречит другому и третьему. Но эти уровни в восприятии армянами поля политического действия соотносятся. Но нам важно изначально показать и слой объективированных, функциональных отношений между Арменией и внешними политическими силами, поглощающими Армению (и вызывающими ее всемерное сопротивление), безличных, почти абстрактных сил, фигурирующих под именем «державы», и слой конструирования отношений с внешними для Армении силами, как отношений, которые следовало бы уподобить межличностным.

Арена внешнеполитического действия как сквозняком пронизывается действиями соперничающих сил, задающих векторы взаимодействия и взаимозависимостей. Но арена соперничества не воспринимается как сплошная территория. Она, как на шахматные клетки, делится на функциональные участки, которые в процессе соперничества оказываются как бы игровыми фигурами, «инструментами соперничества».

Территории как игровые фигуры

Этот мотив в армянской политологии чрезвычайно важен. Поэтому нам важно прежде всего ответить на вопрос, каким образом соперничающие силы (державы) структурируют мировое пространство?

Попытаемся сделать это с помощью образной картинки, которая сама по себе не является элементом армянской политической мифологии, поскольку она слишком конкретна и слишком логизирована, но которая, тем не менее, по моему убеждению, армянскую политическую мифологию довольно точно отражает.

Модель моя безусловно несколько архаична, но черты архаичности присущи всей политическому мышлению армян, и я не думаю, что это его недостаток. Нарочито упрощенные категории могут создать значительную степень определенности и образной конкретности, так недостающей тем, кто пытается мыслить в «современных» категориях. Эта «архаичность» мышления — особая форма адаптации к изменчивой, зыбкой реальности.

Итак, расположение зависимых регионов, тех территорий, которые та или иная держава считает подлежащими в обязательном порядке своему контролю, никогда не случайно. Каждая из этих территорий по своей сути либо крепость, защищающая то, что лежит за ней, и угрожающая тому, что лежит перед ней, либо точка, дающая возможность контролировать активность конкурента: переброски его вооруженных сил и грузопотоки, и в случае необходимости, перерезать ему дорогу. То есть, можно сказать, что это либо за'мок, либо замок'.

Эти за'мки — замки' могут располагаться вдоль границы государства, превращая его тем самым в большую крепость (особенно, если сухопутная граница государства велика и проходит

по конфликтным районам, как было в случае Римской и Российской империй; в частности, Закавказье было для Российской империи именно такой крепостью).

Они могут быть выдвинуты вперед форпостами (примером чего может служить германский проект Багдадской железной дороги, которая должна была быть, словно крепостным валом, огорожена немецкими колониями и германскими зонами преимущественного экономического развития и словно глубоким рвом окружена со всех сторон курдскими воинственными племенами).

Такие крепости могут быть разбросаны по всему миру, контролируя водные перевозки и ключевые порты (в качестве примера можно привести английские колонии в Кувейте, Акабе, Адане, которые были классическими образцами замков', с помощью оккупации которых Англия перерезала своим конкурентам выход в Персидский залив и Красное море.)

Все приведенные выше примеры относятся к истории Восточного вопроса, включающий в себя и армянский вопрос, а значит, являющегося для армян частью истории их собственных политических мытарств и материалом для последующего политического осмысления и обобщения.

Добавим сюда, что и в целом понятие «буфера» для армянской политической мифологии — одно из центральных. Армения убеждена, что «державы» видели, видят и будут видеть ее в таком качестве. Вопрос о ее функции как буфера.

Субъект геополитики формирует структуру территории

Любая экспансия осуществляется по более или менее продуманному плану, но уже к концу XIX века мы имеем уже дело с предварительной проработкой организации пространства, причем проект экспансии, даже если сама экспансия не удается, часто заметно сказывается на организации арены соперничества. Он может воплощаться фрагментарно, в качестве подготовки державами ключевых позиций для его реализации, может вызывать к жизни специфические территориальные образования, с тем, чтобы нейтрализовать действия соперников.

В этом случае мы встречаемся с предварительной детальной проработкой организации подлежащего экспансии пространства с точки зрения создаваемых на нем статических (как например, буферные

зоны) и динамических (как например, зоны конфликтов) позиций, позволяющих оградить территорию от проникновения нежелательных соперников и обеспечить собственное управление ею.

Происходит последовательное накопление качеств, превращающих регион из поля спонтанного и творческого внешнеполитического взаимодействия в единую структуру, доступного контролю этой мировой силы именно в качестве цельного геополитического блока, а не совокупности разномастных государств и политических образований.

Проект воплощается фрагмент за фрагментом. Борьба различных проектов организации пространства одного и того же региона происходит порой будто бы в «четвертом измерении» и проявляет себя лишь внешне хаотичными действиями соперников в регионе. Предпринимаемые ими меры и контрмеры приводят к тому, что на карте региона возникают образования или наблюдаются эффекты, происхождение которых в данном месте и в данное время невозможно объяснить, если не принять во внимание, что кроме, так сказать, реального военно-стратегического противостояния между державами идет борьба идеальная: борьба проектов.

Реализация проекта не исключает спонтанного политического действия, когда какая-либо из мировых сил словно бы отбрасывает в сторону проект и совершает действия в, можно так сказать, «архаичном» стиле, то есть, направленные не на внесубъектное накопление определенных качеств на определенном участке территории, а на более или менее кратковременную коммуникацию с субъектами, действующими внутри данного геополитического региона. Это, затянись оно на более длительный срок, могло бы вовсе поломать проект, в котором внесубъектность и отсутствие внутренне обоснованной коммуникативности принципиально.

Ощущение себя в качестве функциональной территории

Ощущение себя в качестве территории находящейся на арене соперничества держав, выражающегося в «проективной» форме, можно описать приблизительно так. Твое собственное представление о своих пределах, свой собственный образ на практике не вполне соотносится (или прямо противоречит) тому, что ты совершаешь, действуя на политической арене, а порой не можешь не совершать. Ты действуешь

определенным образом, не потому, что тебя к этому кто-то непосредственно принуждает, а потому, что некая сила обстоятельств заставляет тебя постоянно, изо дня в день, делать нечто; причем это нечто не является хаотичным, каждое действие в определенном смысле связано с предыдущим, но не в том, в каком бы ты сам этого хотел. Ты не реализуешься сам по себе, а существуешь лишь как частица более или менее широкого геополитического региона.

Если читатель вспомнит те несколько «зарисовок с натуры», которыми мы начали рассуждения о парадигме «поле действия» в политической мифологии армян, то он, возможно, поймет это сводящее с ума ощущение виртуальной реальности.

А теперь попытаемся отойти от эмоционального восприятия и представить себе существование в зоне геополитической активности в форме модели.

Страна X вне геополитического поля

При реализации проекта распределение функциональных значений между участками территории на геополитическом поле имеет основание, с одной стороны, в планах и намерениях субъекта, организующего политическое пространство, а с другой — в возможности для занимающего данную территорию народа или государства реализовать это значение. Чтобы объяснить, как происходит это взаимодействие, нам придется прибегнуть к некоторой схематизации.

Страну, находящуюся внутри геополитического региона назовем системой X, а геополитическое поле, в которое она включена, системой У.

Рассмотрим некоторые характеристики системы X. Так, в географическом пространстве выделяется ряд точек, на которые падает основная смысловая нагрузка и где в соответствии с закономерностями системы X должны происходить основные события. Это, например, столица, центры региональных субэтнокультур, выделенные точки границы и т.п. Система X обладает некоторым экономическим потенциалом, в ней действуют общественно-политические силы, что влияет на ее внутриполитическое развитие и внешнеполитическую активность.

В ментальном (и в частности, в идеологическом) плане для системы X характерен определенный набор стереотипов, установок, кото-

рые являются для нее структурообразующими. С ними соотносятся комплексы ассоциаций, которые задают связь между реакциями системы X на внешние стимулы.

Система X может иметь различные альтернативы своего развития, связанные с различными ценностными системами. Внутренняя политика народа (системы X) может быть представлена как борьба внутренних альтернатив, то есть различных возможных для него способов восприятия действительности, которые задают и характер его действия в мире.

Страна X внутри геополитического поля

Что для системы X означает включение в оформленное геополитическое поле (систему Y)?

Та роль, которую принимает система X, рождается как бы из двух встречных потоков: собственных интенций системы X и структурных значений, вытекающих из логики конфигурации пространства системы Y. Первая дает из себя некоторое содержание, которое будет задействовано в геополитической организации региона, а вторая придает ему форму, стыкующуюся с другими функционально-территориальными образованиями региона, — в результате чего система X предусмотренным проектом образом включается в функциональное взаимодействие с ними.

Прежде чем обратиться к тому, каким образом происходит воздействие системы Y на процесс ролеобразования системы X, мы должны сказать несколько слов о самом этом процессе.

Стимулируется одна из внутренних альтернатив системы X. Система Y воздействует в едином желательном ей направлении на различные уровни системы X. При этом она либо способствует проявлению и закреплению роли системы X, либо, не препятствуя в целом реализации роли системы X, стремится исключить некоторые из признаков этой роли, либо стимулирует отдельные ее атрибуты, функционально необходимые системе Y, даже и разрушая при этом роль.

В последнем случае влияние системы Y воспринимается системой X как наличие аномалий. Так в географическом плане главные события начинают происходить не в тех местах, где следует в соответствии с собственными закономерностями системы X, а в других. Возможны перекосы в экономической сфере, рассогласование деятельности

государственных структур: одни из них непомерно расширяются, другие начинают отмирать. На поверхность общественной жизни выходят динамичные силы, действия которых могут выглядеть непредсказуемо, исходя их логики системы X. Одни слои ментальности могут выпячиваться, другие как бы выпадать, а реакции на внешние стимулы казаться нелогичными.

Воздействие происходит путем подпитки сфер материализации желательной внутренней альтернативы системы X и блокировки нежелательных, что создает повышенную концентрацию энергии вокруг оставшихся. Таким образом, в системе X происходит переброс энергии от альтернативы к альтернативе. Определенные области деятельности оказываются бесперспективными, основные силы народа перебрасываются на поддерживаемые и финансируемые, а репрессируемой альтернативе продолжают служить лишь немногочисленные приверженцы идеи.

Подкрепление желательных действий системы X возможно через избирательные капиталовложения, транслирование идеологических принципов, создание необходимого уровня квалификации кадров в соответствующих сферах, поддержку реформ, обеспечивающих необходимую системе Y структуру системы X, внешнеполитическое содействие системе X в тех или иных ситуациях, формирование имиджа общественных движений и лидеров, а также путем пропаганды. С помощью последней достигается коррекция образа себя системы X и возможен ее переход из роли в роль в условиях кризиса самоидентификации.

Народ на геополитическом пространстве

Структура системы Y в не меньшей степени, чем от очертаний проекта, зависит от ролевого поведения включенных в него национально-государственных образований. Возьмем крайние точки. Пусть та роль, которая предполагается для народа в данной организации пространства, может быть им самостоятельно избрана. В этом случае происходит резонанс и народ воспринимает сложившуюся структуру пространства как комфортную для себя: она согласуется с его представлениями о самом себе, виды деятельности согласуются с его склонностью к самореализации, его реальные и потенциальные границы отвечают воззрениям о должной территории его бытия. В

другом случае, роль или функция, требуемые извне, несовместимы с его установками, и он либо восстает против нее, не желая никаких компромиссов, либо принуждается силой к выполнению той или иной функции (но не роли — исполнить роль заставить нельзя: можно гнать на войну силой, но нельзя силой пробудить военный энтузиазм).

В реальной жизни обе эти крайности редки. С одной стороны, проекты организации территории хоть мало-мальски согласуются с ее этнографическими особенностями, насколько они осознаются державами.

С другой стороны, каждый народ имеет совершенно уникальную картину мира, и даже если культура двух народов восходит к общим истокам и их высшие ценности совпадают, реальные их взаимодействия могут вызывать трения. В средней же, наиболее частой ситуации от народа (или государственного образования) требуется выполнение определенной роли в заданной организации пространства, и он может более или менее удачно приспособиться к ней, оставаясь внутренне не вполне удовлетворенным и постоянно находясь в поисках более соответствующей его сущности самореализации.

Возникают и исчезают варианты, компромиссные для обеих сторон, а эта борьба, изначально происходящая в идеальной сфере, реализуется в виде тех или иных внешнеполитических действий и материализуется в форме той или иной организации пространства, которая может быть далека от первоначального замысла.

Политология внутри геополитического катаклизма

Представление о системе взаимодействия сил мировой политики создает для народа возможность «операционального» подхода к геополитическим условиям своего действия. Первым шагом здесь является различение направленности внешнего воздействия на себя, основных точек этого воздействия — какие сферы действия подпитываются, а какие блокируются. Для этого необходимо представить свои собственные внутренние альтернативы, то есть психологически возможные (вне зависимости от того, желательные они или нежелательные) роли в мировой политике, а также — возможные варианты организации геополитического пространства.

Таким образом, выделяются самопроизвольные импульсы действия внешнеполитического субъекта и вероятная реакция на них сил мировой политики (что они должны предпринять, чтобы достигнуть желательного состояния этого субъекта). Целенаправленному воздействию при этом подвергается только ограниченное число сфер самореализации — ролеобразующих факторов. При различных вариантах геополитической структуры, а следовательно, каждой определенной навязываемой субъекту роли со стороны мировой политики (исходя из их функционального взгляда на него), эти ролеобразующие факторы будут различны. Информация о накоплении качественных изменений в ролеобразующих структурах под внешним воздействие указывает на изменение функции территории в геополитическом пространстве.

Это, собственно, и есть уровень необходимого операционального знания, — поскольку это знание о внешних обстоятельствах, ставящих рамки культурно-политической самореализации. В унифицированном потоке мировой политики внешнеполитической реализации малой страны крайне затруднена. Знание жестких внешних рамок позволяет ему осознать, что она именно затруднена — но возможна.

Подведем итоги сказанному выше:

Такое видение арены политического действия кажется очень своеобразным. Оно далеко отстоит от зачастую присущих малым странам, недавно провозгласивших свою независимость, наивно-рационалистического воззрения на систему международных отношений и приписывание себе несуществующей значимости в политических делах. Оно далеко отстоит и от идеология заговора, когда все несовершенство мира связывается с определенной внешней силой, стремящейся во чтобы то ни стало противодействовать развитию и благополучию страны.

Действия соперничающих сил не направлены против Армении или против кого бы то ни было другого специально. Они борются между собой, создают структуру пространства соответствующую целям их соперничества чуждую той структуре, которая сложилась бы в регионе самопроизвольно. Это не означает, что она была бы более справедлива или более удобна для армян. (В конце концов, никто не знает, как сложилась бы судьба армян, не будь держав с их Восточным

вопросом. Ведь тогда армяне оставались бы один на один с турками. Но, с другой стороны, не будь никаких внешних факторов, между турками и армянами мог бы сохраняться полный мир, как то было до второй половины XIX века.) Это не означает, и того, что соперничающие силы сами по себе враждебны армянам или даже безразличны им. Когда мы будем говорить о парадигме «условие действия» в сознании армян, мы покажем, что в определенных ситуациях с какой либо или с какими-либо из этих сил могут возникать очень тесные, почти «межличностные» отношения.

Превращение территории страны в арену соперничества не означает и ее непременное уничтожение, физическое или моральное, мы увидим это, когда будем говорить о мы-концепции в армянской политологии. Функциональная структура территории напоминает собой как бы пересеченное поле, развитие в условиях соперничества — бег с серьезными препятствиями. И это своего рода условия игры. Условия, в которых Армения начинает свою игру.

Происхождение армянской мифологемы политического поля действия легче всего объяснить тем опытом, который получили армяне, включившись в конце XIX века в активные международные отношения. Конечно, такой опыт получили далеко не только одни армяне. А кроме того, характерно, что подобное состояние политической арены действия воспринимается армянами как нормативное, протестовать против которого все равно, что протестовать против несовершенства мироздания. Последнее является своеобразной чертой политической мифологии армян и не свойственно большинству других народов, находящихся в политическом отношении в том же положении, что и армяне. Это часто объясняют политическим умом армян. Однако представляется, что дело здесь не в уме как таковом.

Представленная схема (которая является одной из разновидностей интерпретации армянами политического поля действия в качестве арены соперничества) не только объясняет трудности, стоящие на пути развития армянского государства, их происхождение и природу, но и в силу специфики армянского восприятия мира, толкает армян к активной деятельности, то есть представляет собой не умозрительную, не рационально-статическую схему, а схему динамическую, провоцирующую политическую активность армян.

Наличие в ходе соперничества мировых сил определенных закономерностей логически предполагает и существование закономер-

ностей, позволяющие миновать геополитические ловушки и достичь той внешнеполитической роли, которая соответствует внутренним интенциям страны. Политическое становление в этом смысле можно сравнить с путешествием через зачарованный лес. Суть этой игры (ставка в которой жизнь — испытавшие геноцид армяне не отличаются легкомыслием в своем политическом мышлении) состоит в том, чтобы избежать состояния функциональности, а приобрести свою собственную роль, которая, не уничтожая сам принцип функционального структурирования геополитического поля, давала бы возможность для осмысленного, свободного действия при прочной включенности в систему отношений между соперничающими силами с приобретением статуса. Этой позиции соответствует и образ себя в качестве политического субъекта.

Парадигма образа себя в политической мифологии армян

Роль и миссия

Внешнеполитическое действие связано с осознанием его субъектом своей миссии. Эта миссия вырабатывается в результате не только его внутреннего становления, но и внешнеполитической коммуникации, — подобно тому, как осознание личностью своего «я», хотя и зиждется на ее первичном характере, но кристаллизуется во взаимодействии с миром. Аналогичным образом становление внешнеполитического субъекта связано с опытом, который он получает посредством коммуникации с миром Этот опыт кристаллизуется в менталитете народа, в структуре общества или государства, в его идеологии и проявляет себя во внешнеполитическом действии уже на новом уровне, выражая воспринятое и усвоенное им содержание, получившую целостную законченную форму культурных устремлений. Это содержание определяет то, что внешнеполитический субъект понимает как свою миссию.

Роль может пониматься как сужение миссии, ее привязанность к внешним определения взаимодействия, не вполне свободное выполнение миссии, но не как ее отмена. Миссия продолжает выражаться даже через тесные, прямо навязанные извне рамки. И дистанцирование от роли, и характер ее исполнения зависят от самого факта на-

личия миссии как внутреннего стержня. Иного способа отнестись к политической роли свободно нет.

Геополитическая структура представляет собой внешние рамки этого самовыражения. Это и обусловливает взгляд внешнеполитического субъекта на «геополитическое поле», на котором должна быть выполнена его собственная миссия.

Восприятие пространства внешнеполитическим субъектом

Наличие миссии державы обуславливает характер восприятия внешнеполитическим субъектом пространства. Динамика миссии задает в восприятии субъективно значимое представление о структуре пространства, как актуальной, так и должной. Так, если взять самый архаичный стереотип сознания, то в нем территория, связанная с «мы», «наша» окрашена в светлый цвет, а территория внешняя, «их» — в темный. В данном случае актуальным представлением о территории является эта черно-белая картинка. Динамика миссии может состоять, например, в расширение белого пятна и в конечном счете — в полном исчезновении всего темного поля. Это будет представление о нормативном состоянии пространства.

Любая реальная миссия, поскольку она имеет достаточно сложное содержание, исключает черно-белое восприятие пространства. Для нее территория обретает значимость лишь в преломлении миссии, а миссия преломляется через других внешнеполитических субъектов. То есть восприятие территории происходит через восприятие связанных с ней других внешнеполитических субъектов. Или же — через субъективно значимые места-святыни, так сказать, сакральную географию.

Миссия предопределяет такой взгляд на территорию, который может быть сформулирован вопросом о «своем вовне». Это «свое» характеризуется избирательным сродством (пересечением ценностных ориентаций) различных субъектов внешней политики. Здесь существенна не только степень пересечения, но и его контекст: при совпадении некоторого пласта ценностей — совместимость или несовместимость других пластов; при смыкании некоторых внутренних альтернатив (возможных для данного народа восприятий мира) — расхождение и противонаправленность других альтернатив. Таким образом, поле внешней политики как бы расцвечивается в разные цвета.

В свою очередь «разноокрашенность» поля внешней политики влияет и на восприятие субъектом своей внутренней территории. Миссия, действуя вовне, в значительной мере определяет и внутреннюю жизнь субъекта. Отдельные участки внутренней территории получают особую окрашенность в связи с содержанием миссии, особую эмоциональную и прагматически-символическую значимость — как плацдармы, форпосты или территории внутреннего воплощения миссии.

Подведем итог сказанному:

Суть формирования «образа себя» в армянской политической мифологии сводится к поиску способа осуществления собственной культурно-политической миссии в условиях, когда внешние геополитические силы стремятся свести народ на уровень функции, фигуры в глобальной политической игре. Поскольку противостоять этим попыткам бессмысленно, да и в сознании армян они воспринимаются как неизбежное зло, которое можно стремиться минимизировать, но уничтожить невозможно (как хронические болезни, например), то следует стремиться найти способ самовыражения и в этих условиях.

Представление о себе как об объекте политического действия связано у армян с представлением о наличии у них ярковыраженной самобытной культуры, которая заслуживает того, чтобы быть донесенной до остального человечества, которая должна человечеству что-то объяснить и чему-то его научить, то есть с представлением о наличии миссии. Эта миссия должна воплощаться во что бы то ни стало вопреки всем неблагоприятным политическим обстоятельствам. Таким образом, политический субъект — это тот, кто борется за осуществление своей миссии. Потребность в ее осуществлении следует считать исходной.

А если так, то сочетание даже тех двух парадигм армянской политической мифологии, которые мы рассмотрели выше, указывает на наличие в культуре армян некоей динамической схемы, делающей активность в мире необходимой. Геополитические силы перманентно стремятся превратить внешнеполитический субъект в функциональную единицу организуемого и структурируемого ими пространства, превратить народ в этнографический фактор. Политический субъект всегда стремиться перерасти из функции в роль и достигнуть более

или менее адекватное выполнение своей миссии. Чем сильнее внешнее давление, тем сильнее и сила противодействия.

Противодействия чему? Что является в мифологеме мира армян источником зла?

Образ врага в армянской политической мифологии

Армяне и турки

На представлении армян об образе врага неизгладимый след наложил геноцид армян в Османской империи, начавшийся в крупных масштабах с девяностых годов XIX века и закончившийся в планомерном и почти тотальном уничтожением армян в 1915 — 22 годах. От обширной некогда территории, населенной армянами и украшенной их церквями и хачкарами остался небольшой клочок, который в двадцатые годы XIX века был отвоеван русскими у персов и с тех пор находился под российским протекторатом.

Однако проблему образа врага не следует упрощать. Отношения между народами могут быть столь же сложны как отношения между людьми.

...Существует такая армянская народная песня-предание. Начинается она с речитатива. Говориться о деревне на берегу озера Ван, пережившей турецкий погром и об армянине, потерявшем семью, израненном, пытающемся бежать. Его нагоняет турецкий аскер и собирается расстрелять. Армянин просит об одном: разрешить ему на прощанье спеть песню. Далее следует замечательно красивая песня об озере Ван. Потом опять речитатив. Турок слушает и опускает ружье. Он не может убить человека, который так поет об их родных местах и он говорит армянину: иди. Армянин поворачивается и начинает медленно удаляться. И тогда, сам не понимая как это случилось, турок стреляет ему в спину. Но акцент вовсе не на подлом выстреле в спину. Акцент — на словах «сам не понимая как это случилось». Происходит нечто, что не поддается разуму, логическому уразумению. В песне не злость, не жажда мщения, а недоумение. Притчей во языцех стала армяне-турецкая вражда. Но и в ней ей неожиданный для внешних оттенок. «Не ведают, что творят», «злые дети».

Обиды

Еще более отчетливо образ «злых детей» выражается по отношению к курдам. Если беспристрастно перелистать страницы истории, то можно увидеть, что от курдских погромов армяне страдали гораздо более, чем от турецких. Однако в армянских преданиях, в которых очевидно восприятие турка в качестве врага, практически абсолютно отсутствует враждебность к курдам. На детей, даже если они жестоки, глупо обижаться, они просто не понимают, что они делают.

Поскольку за последнее столетие Армения перенесла неимоверное множество бед, успев и пережить тотальный геноцид в Турции, и разделить трагическую судьбу России, неудивительно, что по отношению к целому ряду стран до сих пор сохраняется обида. Германия, союзница Османской империи в Первой Мировой войне, принимала косвенное участие в геноциде. Англия в конце XIX века спровоцировала армян на крупное восстание, а затем отказала в своей поддержке — пролились реки крови. С тех пор Англию называют коварным Альбионом и весь англо-саксонский мир недолюбливают. Есть одна серьезная обида и на Россию — за то, что Ленин отдал Турции, то ли в надежде на революцию народов Востока, то ли в надежде получить наконец свободный проход через злополучные проливы, часть армянской территории. Почему при этом Ленин идентифицируется с Российской империей, не вполне понятно. Однако армяно-русские отношения вопрос очень сложный и к ним мы вернемся ниже.

Армяне и державы

Несмотря на более или менее конфликтные отношения армян с теми или иными странами, ни одна из них не может быть вполне вписана в образ врага. Враг — абстрактно-безличен. Это «державы», это клуб сильных мира сего, тех самых геополитических сил, который вершит судьбы народов.

Самый яркий пример: в источниках, близких по времени к геноциду, можно найти мнения, что в трагедии армян виноваты не столько турки, сколько «державы». «В последней мировой войне, судорожно нападая от Константинополя до Галиции и Баку, Турция вновь осталась в одиночестве, страной, обороняющейся от всех государств, даже от своих союзников. Вот тут-то и кроется причина трагедии

Турции, тут кроется общий знаменатель причин всех турецких несчастий, проявлением которого являются восстания и погромы» [В.Минахордян. 1919: 1].

Здесь интересен следующий нюанс. За геноцид армяне были более обижены на «державы» (за исключением России, отношения с которой особые), чем на турок. И большем потрясением для армян были не турецкие зверства, а равнодушие к ним всего мира. Зло не было наказано. В тот краткий период с 1918 по 1921 годы, когда существовала Армянская республика, считавшаяся независимой, рассматривался вопрос о приеме армян в Лигу Наций, и было решено отказать. В противном случае, за армян пришлось бы заступаться. Ведь они причислялись к блоку победителей в Первой Мировой войне, американский президент Вильсон щедрою рукой так очертил послевоенную армянскую границу, что о таком размахе и сами армяне не смели мечтать. Лига Наций согласилась с этими границами. Но установить их армянам (тем, кто остался жив после геноцида) было предложено своими силами.

«Согласно статье 22 устава Лиги Наций Державы должны были передать опеку над армянским государством одному из развитых государств. Однако вместо этого Высший Совет Лиги Наций по инициативе лорда Керзона предложил передать защиту будущего армянского государства самой Лиге Наций. В результате Лига Наций приняла 11 апреля 1920 года меморандум, констатирующий, что Высший Совет держав решил образовать независимую армянскую республику. Однако в меморандуме подчеркивалось, что Лига Наций будет стараться выполнить эту задачу лишь по мере своих возможностей... В сентябре 1920 года в Лигу Наций было направлено письмо с просьбой принять в Лигу Армению. Из 29 голосовавших государств «за» были только Канада, Перу, Португалия, Румыния, Сальвадор, Швейцария, Уругвай, Венесуэла» [А.Мандельштам. 1981: 23, 28.].

На Лозанской мирной конференции армянам было отказано даже в праве на «национальный очаг» (в двадцатые годы существовала такая политическая формула) и даже в моральной поддержке. Исмет-паша заявил, что в результате войны Турция сведена к своим этнографическим границам и не имеет на своей земле не клочка для осуществления плана национального очага и поинтересовался, не хотят ли сами европейские государства выделить территорию для ар-

мян. После этого, как выразился лорд Керзон, «больной армянский вопрос скончался».

Армяне жили разбросанные по разным странам убежденные в тотальной несправедливости мира. Те, кто остался жить на территории принадлежавшей ранее Российской империи, предпочли сдаться на милость большевикам, в уповании на то, что они все-таки русские и добивать армян не будут.

Эти краткие страницы, вырванные из истории армянского вопроса дают некоторое представление об объективных причинах, вызвавших хроническое недоверие армян к «мировому сообществу». Оно наблюдается до сих пор. Надежды на реальную международную помощь даже на заре перестройки, когда ей бредили во всех республиках, в Армении воспринимались скептически.

Державы как «технологическая» сила

Но армянский скепсис по отношению к «державам» сам по себе не влечет за собой формирования образа врага. Ни одна конкретная из держав, даже если к ней исторически имеются претензии, о чем мы говорили выше, как враг не воспринимается. Однако сформировался некий абстрактный образ «держав», которому и приписывается роль «источника зла». В различных частных ситуациях он может переноситься на ту или другую страну, но ни за какой из них конкретно не закреплен. Было бы правильнее сказать, что в данном контексте под словом «державы» понимаются не сами по себе страны и народы, а некая обезличенная сущность мирового арбитра, который вершит судьбами народов по своему произволу, прикрываясь маской справедливости, а между тем стремится по-своему, в зависимости от своего удобства переустроить, переструктурировать мир. «Держава» в этом понимании и является субъектом геополитики, той силой, которая стремиться низвести народы к функциям.

Становления народа, как внешнеполитического субъекта, происходит во внутреннем противодействии «державам» и состоит в переходе из состояния геополитической функции к состоянию «роли», самостоятельного игрока на геополитическом поле.

В некоем смысле понятие «державы» можно рассматривать как фантом. Оно безлично. «Держава» не субъект как таковой, а образ действия в мире. Образ покорения мира и мироуправления, кото-

рый можно было бы условно назвать «технологическим». Последнее очень важно. Тот субъект, который понимается под словом «держава», действует не силой, не обычной хитростью даже, а как бы некоей «магической» завораживающей силой. Эта сила — источник зла. Ей и необходимо противостоять.

При этом, повторяем, ни одна страна, к которой может быть применено название «держава», не сводиться в понимании армян только к роли «державы». Способ внешнего действия ни одной из стран не сводится к «технологичности». Поэтому с народами этих стран, также как и с народами соседних стран, находящихся в ситуации сходной с той, в которой находятся армяне, можно строить субъектные «межличностные» отношения.

Борясь с навязыванием состояния геополитической функции и стремясь приобрести собственную, пусть и ограниченную роль во внешней политике, армяне вступают в борьбу с состоянием «державности», обращаясь к народам помимо той геополитической структуры, которая им навязана, апеллируя к их индивидуальности, к их субъектности.

Так формируется представление об «образе действия», присущем политическому сознанию армян.

Независимости как состояния не существует ни для большой, ни тем более для малой страны. Существует независимость действия, поведения. В этой системе координат — любая провозглашенная независимость — фикция, она лишь иная форма зависимости от внешних сил и зависимости, может быть, более глубокой. Независимость достигается путем взаимодействия с внешними силами, либо через сознательное союзничество, либо через сознательное сопротивление.

Парадигма способа действия в политической мифологии армян

Логика переносного смысла

Если признается, что существует определенная логика в процессе соперничества держав и переструктурирования в его ходе геополитического пространства, как пространства функционального, то следует признать, что и существует своя специфическая логика и в поведении субъекта, стремящегося к обретению свое роли во внешней политики. Обретение собственной роли ведет к созданию определенного

субъективного поля, где перестают действовать закономерности глобальной геополитики, а в действие вступают закономерности «межличностных» отношений. Условно эту логику можно назвать логикой метафоры или логикой переносного смысла, которая определяет соотношение «текста» и «подтекста» политического действия.

Она основывается на том, что во внешнеполитическом взаимодействии между его субъектами происходит постоянный обмен «репликами», в которые вкладывается существенно значимый для них смысл и которые иногда преднамеренно, а чаще неосознанно, являются провоцированием друг друга. Внешнеполитическое взаимодействие может быть описано как диалог «провокаций», если убрать из этого слова однозначно негативный оттенок и рассматривать провокацию как элемент коммуникации.

Механизм такой провокации состоит в том, что в ходе коммуникации один предмет реальности принимается за другой и с ним связывается весь комплекс ассоциаций, закрепленный за этим другим. Между текстом и подтекстом действия возникает разрыв: тот смысл действия, который «прочитывает» провоцируемый (исходя из своих представлений) отличается от того смысла, который вкладывает в свое действие партнер, так что параллельно начинают существовать как бы две реальности, соотношения между которыми не определено, причем для обоих партнеров. Они балансируют на той грани, на которой происходит кратковременная стыковка двух различных психологических реальностей.

Все это может быть в равной мере отнесено как общению отдельных людей, так и внешнеполитических субъектов. Такие смысловые переносы неизбежны во внешнеполитическом взаимодействии, поскольку его субъекты, имеющие различные ценностные системы и образы мира, стремятся найти точки пересечения.

«Межличностное» взаимодействие

Внешнеполитическое действие, строящееся по законам логики переносного смысла, «метафорической логики», может быть очень неожиданным по своему выражению и не вписываться в обычные представления о действиях в политике. Дело в том, что внешнеполитическое действие у армян относится к сфере фактически «межлич-

ностных» отношений субъектов и взаимное провоцирование происходит в тех точках, где возможно ценностное пересечение.

Этот способ действия является крайне рискованным и большинстве случаев ведет к расшибанию лба. Но только оно способно вызвать у той силы, которая стоит за геополитическим субъектом, точнее, того народа, который выступает в образе геополитического субъекта, не технологическую, а человеческую реакцию, заставить в ответ совершить также непосредственное раскрывающее его суть действие. А последнее дает, в свою очередь, уникальный шанс — подружиться с ним. Это, в свою очередь, имеет целью перенос политических отношений на другой уровень, а значит, избавление от состояние функции и приобретение своей адекватной роли. Но можно сказать и так: желание подружиться является и просто самоцелью, психологической потребностью, удовлетворение которой делает народ способным к активным действиям в мире.

Парадигма «условие деятельности» в политической мифологии армян

Союзничество как условие деятельности

Категория «союзничества» играет такую важную роль в сознании армян и в их политической мифологии, что ее вполне можно интерпретировать в качестве парадигмы «условия действия» в армянской картине мира.

Описание данной парадигмы мы проведем с опорой на изданное мизерным тиражом в Ереване исследование Манвела Саркисяна, который пишет: «укрепление в армянском этническом сознании стереотипа обеспечения условий деятельности путем внешнего покровительства определяло всю систему построения взаимоотношений с миром. (Выделено автором). Данная проблема всегда находилась в центре политического выбора в самые сложные периоды истории» [Саркисян М. 1996: 34].

Идея союзничества в сознание армян связана с представлением о некоем «сакральном поле» действия, «не обязательно ассоциирующегося с конкретной территорией, а скорее с конкретными условиями, обеспечивающими осуществление деятельности. При этом такие условия должны обладать главным свойством — быть покровительствуемы некой силой. Армянская этническая философия не обладает

иным пониманием условий деятельности, кроме союза с той или иной внешней силой. Такой союз ставит обязательным условием покровительство над полем своей деятельности. И самое главное, подобный союз воспринимается не как нечто вынужденное, а как наиболее ценный компонент всей системы жизнедеятельности... Любой внутренний конфликт вызывается, в основном, различным пониманием той или иной субэтнической группой идей и характера внешнего союза. (Этим, кстати, объясняется столь острое восприятие и в наши дни проблемы ориентации). Одновременно союз с внешним фактором воспринимается как равное право на участие в судьбе и другой части союза, имея и там покровительство себе» [Саркисян М. 1996: 23].

Характер союзнических отношений

У современных армян установка на союзничество выражена наиболее ярко. Для них характерна «ориентация не на те или иные ценности, а на тот или иной союз с внешним фактором, формирующим условия для действия армянского общества. Единственным условием деятельности является условие внешнего политического покровительства над территорией Армении» [Саркисян М. 1996: 48].

При этом союзничество является не игрой интересов, а жизнью. Армяне могут сколько угодно рассуждать в газетах о прагматическим союзничестве, на практике оно менее всего прагматично. В него вкладывается приблизительно то содержание, которое на «межличностном» уровне вкладывается в понятие «дружба». Союзничество без дружбы, без личной приязни и даже привязанности для армян не осуществимо. Они просто не умеют вступать в отношения, которые в международной политики принято называть партнерскими. Для них реальна либо глубокая и длительная преданность союзнику, порой в ущерб собственным интересам, либо отношения сиюминутной выгоды.

Кроме того, само представление о наличии у народа миссии предполагает и наличии представления о союзничестве за идею, которое строится на общем представление о добре и зле, на общем идеале.

Подведем итог сказанному:

Складывается сложная система. Мир представляется как арена соперничества держав. Державы сами по себе, так сказать, в чистом виде — силы зла, деятельность которых приводит к превращения

стран и народов в функциональные единицы глобального политического действия. Создается как бы искусственный, «зачарованный» мир. Задача страны или народа, являющегося объектом геополитического воздействия, состоит в том, чтобы противостоять превращению себя в геополитическую функцию, принять на себя в геополитической игре некоторую определенную роль, которая могла бы быть согласована с некоей культурной миссией, которую приписывает себе народ. Роль дает внешнеполитическому субъекту возможность самостоятельного действия. Однако в любой этнической картине мира возможность самостоятельного действия связана как с наличием для него побудительной причины (а такая причина в данном случае очевидна — это сопротивление превращению в функцию, сопротивление накладыванию на себя «чар», проективной организации пространства), так и с наличием определенных условий, делающих это действие возможным. Эти условия в картине мира армян, кажется, противоречат тому, как предстает в ней «арена деятельности».

Получается, что одно и тоже пространство является и полем деятельности «злых» держав, и территорией, которая находится под покровительством «доброго» союзника. Объективно этот «союзник» неминуемо должен являться одновременно и одной из «держав», иначе необъяснимо, каким образом некая территория может находиться под его покровительством. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с определенным разрывом в логической цепочке. Субъект союзничества как бы расщепляется. Он одновременно и включается в число «держав» и исключается из него. Совокупность держав включает его, но он сам по себе в качестве державы не мыслится. Более того, мир воспринимается в качестве враждебно настроенного к «союзнику», стремящегося к его уничтожению.

Реализация роли происходит через установление отношений союзничества. Практически это означает, что функциональные отношения и функциональная зависимость трансформируется в «межличностные» отношения дружбы и преданности. На обесчеловечивающую структуру геополитического поля накладывается как бы иной слой отношений, в корне этой структуре противоречащей и ее в конечном счете уничтожающие.

Эту систему отношений легче всего сравнить с системой отношений между сеньором и его рыцарем. Рыцарь внутренне независим, никто, в том числе и сеньор, не может посягнуть на его честь и со-

весть. Но он предан своего сеньору и готов ему служить, если служба эта не ведет к нарушению тех идеалов, которые подразумеваются в качестве общих для сеньора и рыцаря. Он готов на лишения и всегда является бескомпромиссным проводником интересов своего сеньора, фактически отождествляя свои и его интересы.

Все это, конечно, не исключает наличие внутренних трений и отстаивания перед сеньором своих прав — но это, пока нет угрозы извне. От рыцаря невозможно ожидать, что его действия всегда будут предсказуемыми, он может действовать на свой страх и риск по своему разумению — но все это опять же, пока нет внешней опасности для них с сеньором (в этом смысле они неразделимы). Кроме того, в отличии от обычной вассальной модели, от которой мы сейчас отталкивались в своих объяснениях, отношения союзничества предполагают в их армянском восприятии, ощутимую теплоту отношения.

«Образ покровителя» в армянской политической мифологии

Характерные черты «образа покровителя» в картине мира армян

«Образ покровителя» в этнической картине мира армян имеет черты «deus ex machina» из древнегреческих трагедий — божества, спускающегося на землю в критический момент, разрубающий узел неразрешимых проблем и удаляющегося обратно на небеса. Важно постоянное присутствие «покровителя», хотя и на некотором расстоянии. Он не присутствует в обыденной жизни, но в любой сложной ситуации готов придти на помощь, равно, что важно подчеркнуть, придти на помощь сам по себе, не обязательно по зову. Он как бы наблюдает за жизнью народа извне и при этом служит объектом, можно сказать даже, поклонения.

Перенос «образа покровителя» на русских был и остается довольно прочным. Правда, это образ, можно так сказать, неких «идеальных русских». Это означает, что конкретные бытовые привычки русских армянам могут вовсе не нравиться и на бытовой, и на внутриполитической почве возможны конфликты. Образ русских в сознание армян как бы двоится. Но это касается только благополучных эпох, когда ни русским, ни армянам не угрожает опасность. Так было в периоды стабильности Российской империи и Советского Союза.

Армяне и Россия

Перенос «образа покровителя» на Россию произошел давно, и современной Армении, как и раньше, среди массы населения «наибольшее влияние имеет картина мира, сформированная ориентацией на Россию и ее ценности. Идентифицируя Россию с образом покровителя, эта точка зрения объявляет ценностью все ее имперские установки. Служение Российской империи приобретает характер главного действия. Россия выглядит как мессия-спаситель... Большинство воспринимают своих лидеров в положительном качестве, если они являются крепкими сторонниками России, и если российские власти признают этих лидеров. Если и можно говорить о наличие общественной группы с иным мировосприятием, то только в смысле наличия в армянском обществе тенденции отрицания этого доминантного мировоззрения. Именно тенденции, а не прослойки с альтернативным восприятием. Сложность этого феномена отрицания в том, что это сознание, отрицая всю систему «традиционного» мировосприятия не имеет какой-либо собственной картины видения мира. Отрицание происходит в такой форме, в какой могли бы отрицать это представители чужих обществ» [Саркисян М. 1996: 48 — 49].

Отношения с Россией психологически наиболее болезненная для армян тема. Вопрос о союзничестве с Россией — наиболее острый и до парадоксальности неразрешимый. И может быть потому, что в понятие «союзничество» вкладывается слишком серьезное содержание.

Однако оно дает-таки Армении возможность ощущать себя форпостом России и стражем ее интересов на Юге. С точки зрения идеологической Россия предстает тут в качестве Великого христианского царства (хотя существуют непримиримые противоречия в православном и армянском исповедание веры, но в последние полтысячелетия они на уровень политический практически не выносились). Таким образом, Армения воспринимает себя в качестве форпоста христианского мира, который, так уж это сложилось исторически, персонифицировался в образе России.

Наполнение поля геополитического взаимодействия смыслом

Если мы вернемся к тому описанию парадигмы «поля политического действия», о которой говорили выше и которое в армянской

политической мифологии представляет собой арену соперничества геополитических сил, то мы не можем избежать определенных ассоциаций. Форпост — это «за'мок», один из важнейших игровых элементов геополитического поля. А значит, мы возвращаемся к исходному пункту.

Но уже на новом уровне. «За'мок» — это функция, способ оборонительно- наступательной организации территории. Форпост — субъект, который порой может и должен действовать на свою ответственность, это основное действующее лицо в геополитической драме. Его действия — осмысленны. Переход от функции зам'ка к роли форпоста и является преодолением технологической функциональности, которая сковывает страну словно чарами.

Форпост является передовым краем чего-то, какой-то культурно-организационной единицы. Тем самым он является и частицей определенного культурного пространства, носителем определенной идеологии и ценностных доминант. А это означает, что поле геополитического взаимодействия из абстракции превращается в осмысленную и ценностно обоснованную реальность. Соперничество приобретает осмысленность и позволяет включиться в него не в качестве безличной функциональной единицы, а в качестве субъекта, имеющего в нем свою роль. И даже если эта роль ограниченна, не допускает полной свободы действия, то и она позволяет каким-то образом осуществлять в мире то, что народ воспринимает как свою миссию.

Это уже не соперничество внешних сил. Солидаризация с ценностными доминантами одной из этих сил действует как противоядие. Она психологически снимает парализующий налет технологичности, превращая его в борьбу культурных миров. Соответственно и армяне начинают выступать (и видеть себя) в качестве культурной силы достаточно самобытной для того, чтобы при любых обстоятельствах сохранять отчетливую самоидентичность, причем исторически и традиционно встроенную в более широкую культурную целостность. А это подразумевает и служение идеалу, и «сеньору» в качестве носителя этого идеала, и психологическую уверенность в покровительстве себе.

Преодоление того образа политического взаимодействия, который изначально воспринимается как зло, осуществляется путем наполнения его смыслом. Поле политического действия превращается, таким образом, в арену борьбы добра и зла, где уже нет место гео-

политической функциональности, где каждый на своем месте может стать бойцом за идеалы добра.

Противоборствующие интересы перестают восприниматься как чужие. Это интересы сил зла и сил добра. Паутина «технологичности», фрагментарности, неопределенности перестает оказывать свое сковывающее самостоятельную активность действие.

Но все это при условии постоянной и неустанной борьбы за возможность выполнения собственной миссии. Стоит только расслабиться, отдаться течению событий и осмысленность арены соперничества теряется, а вместе с ней теряется осознание собственной роли в нем; народ становится функциональным придатком к тому, что воспринималось как сила добра. И тогда это уже и не сила добра, а внешний субъект, борющийся за власть над регионом и использующий все те же «технологические» методы. Таким образом, достижение роли требует постоянного напряжения и постоянного осознания смысла собственной деятельности. Потеря своей идентичности в качестве культурного субъекта оборачивается катастрофой.

Политическая мифология определяет политику подспудно, путем того, что народ видит мир в определенных парадигмах. Правящая элита вынуждена подстраиваться к народным представлениям, даже если при этом приходится модифицировать идеологическую систему. То, что не укладывается в этнические константы — бессознательные представления о характере и способах действия человеческого коллектива в мире — народом отвергается и горе тому правителю, который не сможет отталкиваться в своих действия от народной политической мифологию.

Список цитируемой литературы:

1) Матевосян Грант. «Азатамарт», 1992, N 14.

2) «Азатамарт», 1992, N 14.

3) Минахордян В. Трагедия Турции, Ереван, 19191.

4) Мандельштам А. Лига наций, великие державы и армянский вопрос. (Реферат книги русского дипломата Андре Мандельштама по армянскому вопросу). Ереван, 1981.

5) Саркисян М. Армения перед лицом современных глобальных проблем. Ереван: Армянский Центр Стратегических и Национальных Исследований, 1996.

Тиберио Грациани

ГЕОПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИТАЛИИ

Государство с ограниченным суверенитетом

Несмотря на завидное географическое положение в сегодняшней Италии отсутствует чёткая геополитическая доктрина. В связи с этим следует отметить три принципиальных момента, обусловивших такое положение вещей: принадлежность Италии к зоне американского влияния (к т.н. западному миру), глубокий кризис национальной идентичности, недостаток геополитической культуры среди правящего класса страны.

В первом случае, кроме ограничения итальянского суверенитета во многих аспектах, от военной сферы до внешней политики, принадлежность Италии к зоне интересов США формирует политику и внутри государства. Это оказывает влияние на выбор Римом тех или иных стратегически важных источников поставок энергоносителей, на проведение исследований в области высоких технологий, на практику введение в эксплуатацию элементов современной инфраструктуры и, кроме прочего, способствует образованию порочных связей правящих кругов с организованной преступностью.

Соблюдение пунктов мирного договора 1947 г., а также двусмысленность идеологии конституционализма, согласно которой суверенитет принадлежит некой социо — экономической и культурной общности, к тому же изменчивой и вряд ли гомогенной, т.е. народу, а не чётко определённому политическому субъекту — государству, породило правило «коллаборационистского реализма», вернее, отказ от ответственности за собственную судьбу. Такие лишения ставят Италию в подчинённое положение, чей стратегический выбор определяется «доброй волей государства», полностью зависимой от чужой воли.

Упомянутое во втором пункте понятие национальной идентичности крайне необходимо для формирования собственной геополитической доктрины. Кризис национальной идентичности в Италии объясняется многими сложными факторами, от неудачных комбинаций различных национальных идеологий (подсказанных католичеством, монархией, либерализмом, социализмом и масонством), которые только способствовали унификации итальянского государства после того, как фашизм был вынесен за скобки, до сегодняшней республиканской Италии. Кризис национальной идентичности был также обусловлен плачевным опытом фашизма и травмой, которую оставила в душах итальянцев проигранная ими война. Романтическая риторика о государстве-нации и «либерализации» оказала Италии медвежью услугу. С XVI века и по сей день, Италия находится в поисках собственного «я».

Наконец, третий момент не позволяет нам ставить острые геополитические вопросы ребром и определять свои стратегические приоритеты на международной арене.

Впрочем, геополитика определённого сорта — вернее, внешняя политика, обусловленная географическим положением — отвечающая национальным интересам и одновременно эксцентричная в связи с тем, что приходиться ещё помнить об указаниях американцев и направленная на сохранение гегемонии Вашингтона, присутствует в превратностях итальянской жизни. Особенно внимание таких государственных мужей, как Моро, Андреотти, Кракси, Маттеи, обращённое к странам Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, даже ограниченное принципами «доброго соседства и совместного процветания», было подтверждением не только того, что попытки извлечь пользу из выгодного географического расположения Италии в Средиземноморье всё-таки предпринимались, но и похвальной эмансипацией демократической Италии от американской опеки в сторону регионального лидерства, которое Риму по плечу даже в биполярном мире. Так мы постепенно могли бы придти к тому, что аргентинец Марчелло Гулло назвал «либералистским реализмом», и перейти от пассивности к активности, т.е. к этапу обретения автономии на международной арене.

Неудачи скромной политики Италии в Средиземноморье, кроме вмешательства США, обусловлены ещё и подрывной деятельностью агентов влияния внутри страны, которые исповедуют

проамериканские и просионистские взгляды. С окончанием эры биполярного мира и т.н. Первой республики попытки обретения некоторой независимости не принесли нам пока никаких результатов.

Сегодня Италия, чьи интересы принесены в жертву интересам США, находится в деликатном положении, поскольку, как член ЕС и НАТО, ощущает на себе последствия противостояния США и РФ в континентальной Европе, особенно в Центрально-европейском регионе. Вспомним хотя бы «польский» вопрос во всём, что касается европейской системы безопасности, и безопасности энергопоставок. Контрдействия Вашингтона, как ответ на действия Москвы, отзываются гулким эхом на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, поддержка американцев Италией, вопреки явному ограничению итальянского суверенитета, приводит к геополитической хрупкости береговой зоны в силу возрастающих трений между континентальными массами, хотя, в случае Италии, и в несколько ограниченной форме, с островными и полуостровными государствами. Этот же фактор способствует нарастанию центробежных тенденций и усложняет политический процесс внутри нашего государства.

Будучи оккупированной Соединёнными Штатами в военном понимании этого слова — в силу принадлежности к атлантическому альянсу — с более чем 100 базами, лишённая энергоресурсов, экономически неустойчивая и социально нестабильная в силу продолжающейся эрозии идеологии «социального государства», Италия не способна реализовать в полной мере свой геополитический потенциал. Искони политика Италии была обращёна в сторону Средиземного моря и адриатико-балкано-дунайского региона, но сегодняшняя Италия себе этого позволить не может. Разве что, только в рамках общей трансатлантической политики, не отвечающей устремлениям Рима. Быть или не быть Италии вновь независимой, зависит от политической воли Рима, тем более что сейчас многополярная картина мира приобретает всё более чёткие очертания, что приводит к определённым преобразованиям, в т.ч., в Средиземноморье и континентальной Европе. Перед нами разыгрывается новый акт геополитической игры, определяемой, главным образом, Россией. И это могло бы способствовать усилению роли Рима в бассейне Средиземного моря в силу образования новой консолидирующей многополярной системы и возможной евразийской интеграции.

Не стоит забывать, что формирование новой геополитической структуры противоречит управляемой американцами «западной» системе мироустройства, даже на её периферии. С учётом евро-афроазиатского региона, к периферии относится Европа, как один большой полуостров, Средиземноморский бассейн и островная масса, занимаемая Японией.

Россия и Турция — два геополитических полюса

Последние изменения в геополитическом раскладе сил могут облегчить попытки стран, входящих в западную систему безопасности, освободиться от североамериканской опеки. Риму тоже вполне под силу проводить политику, более соответствующую сложившимся реалиям.

Возвращение России на международную арену и напряжённость между Китаем и Индией привели к изменениям в мировой политике, и создали предпосылки для образования нового континентального блока, основанного не на военной силе, а на взаимных стратегических интересах. Такие же изменения заметны и в Восточном полушарии, бывшем «заднем дворе» Соединённых Штатов, а контакты Аргентины, Бразилии и Венесуэлы со странами евразийского пространства наводят на мысль о создании континентального блока с опорой на Южную Америку. В Средиземноморье главным фактором, влияющим на изменение расклада сил, являются новые тенденции, наметившиеся в турецкой политике на Ближнем Востоке. Скандал Анкары с Вашингтоном и Тель-Авивом может пойти на пользу интеграционным процессам в Евразии, что означает ослабление влияния западного блока в бассейне Средиземного моря.

Принимая во внимание перечисленные факторы, Италия, если она хочет добыть действительную свободу действий, может опереться только на Россию и Турцию. Разумная реакция Рима на тенденции в ближневосточной политике Турции может вновь вернуть Италии прежнюю уверенность и надёжность, поколебленную вассальными отношениями с Вашингтоном, и придать иное направление итальянской геополитической мысли в отношение Ближнего и Среднего Востока. Вместе (и благодаря) турецкому союзнику Италии удалось бы, если не отвергнуть Североатлантический пакт, то хотя бы выторговать себе более справедливые условия сотрудничества с Альянсом

и перепрофилировать занимаемые войсками США базы в объекты, более отвечающие безопасности средиземноморского региона. Италия и Турция, совместно с другими средиземноморскими странами, могли бы образовать свой оборонительный союз по примеру ОДКБ.

Для описанной стратегии выхода из-под контроля США Риму понадобятся единомышленники. Это не только Анкара, но и Дамаск, Тегеран, Триполи, и, конечно, Москва. Москва поддержала бы устремления Италии, поскольку это соответствует её геополитическим планам. Политика в адриатико-балкано-дунайском регионе, таким образом, будет определяться итало-русско-турецким союзом с условным названием «Большое Средиземноморье», куда вошли бы Средиземное море, Чёрное море и Каспийское.

Поль Видаль де ля Блаш

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Изучение географических условий социальной действительности является вопросом такой важности, что у него всегда находилось достаточное число оппонентов. Однако я никого не удивлю, сказав, что такая важность скорее предчувственна по своей природе, чем общеизвестна. Ведь отсутствует понятийная ясность как по поводу четкости объекта исследования, так и по поводу метода; доказательства некоторой неясности часто встречаются в беседах и письменных свидетельствах. Итак, я постараюсь объясниться здесь по поводу этих двух пунктов; и для этого я прибегну вначале к самым простым примерам.

Конечно, легко схватить случаи близкой взаимосвязи между географическими и социальными фактами. Смежность двух областей, равнин и гор, где существенно отличается друг от друга порядок работ, где в разное время созревает урожай, сказывается и на работниках, которые периодически сдают в аренду свою рабочую силу. Наличие большого города порождает возможность особенных культур, связанных со столь же особенными привычками огородничества и садоводства. Очень локализованное существование продуктов первой необходимости с неизбежностью влечет социальные и политические последствия. Все знают, какое историческое значение имела торговля солью в Баварии, Лотарингии, Франконии и других местностях, какие силы она приводила в движение в некоторых областях Сахары. Источник богатства и могущества для ее держателей, владение ею провоцировало конфликты, обустраивало связи, зачастую способствовало формированию целых городов.

Все эти связи более чем интересны, экономистам и историкам нравиться их отыскивать. И с чем большим любопытством они искали такого рода факты, тем острее вставал вопрос об объекте науки, о возможности заложить в ее фундамент систематическое и методологически выверенное исследование. Этого, без сомнения, можно добиться, если рассматривать их по отдельности как случайности и особенности. Но не получится ли иначе, если удастся подняться до более содержательного и высокого понятия? Не существует ли общего плана, в который можно было бы встроить эти примеры или другие сходные случаи и социальные феномены?

I

Перед тем, как ответить на этот вопрос, мне кажется полезным напомнить, что при таком порядке вещей количество наших исследовательских средств значительно увеличилось за последние полвека. Прогресс исследования земного шара и колонизация связали нас с множеством относительно больших человеческих обществ, стоящих с нами на разных ступенях развития. Мы изучили их образ жизни; внимание было перенесено с разработки методологических подходов непосредственно на средства пропитания, одежду, привычки, инструменты, оружие, короче — на все объекты, используемые в быту, на предпочтения каждой группы.

Были также установлены различия, первопричиной которых, как можно было убедиться, является главным образом материальная действительность окружающей природы. Также путем сопоставления удалось прийти к заключению, что помимо частных разночтений существовали формы существования, виды цивилизации, охватывающие огромные пространства и великое множество форм человеческого бытия.

Все эти различные формы цивилизации проявляются конкретно через объекты, создаваемые в процессе ее функционирования, которые до сих пор по привычке называют этнографическим материалом. Это слово невольно навеивает воспоминания о музейных витринах, где собраны вместе оружие, украшения, одеяния и предметы домашней утвари диких племен; и не следует жаловаться на подобные ассоциации, если они в итоге заставляют нас поверить, что столь же примитивная, сколько и утонченная цивилизация заслуживает внимания

и места в анналах человеческой истории. Но слово, которое содержит в себе отличительные приметы, применимо также и к возвышенным типам цивилизаций. В пище, одежде, мебели, сооружениях, в медицинском искусстве, практикуемом китайцами, содержатся общие ценности, позаимствованные у неорганической или живой природы, на которой отрабатывалась изобретательность человека, в которой навечно запечатлен отпечаток человеческой руки. Я даже осмелюсь сказать, что эти доки, подъемные механизмы, мощные машины, с помощью которых американцы управляются с большими количествами и массами, также являются своеобразными этнографическими документами, отличительными признаками этой цивилизации. При таком положении дел, когда в объектах, форму и материал которых нигерийцы и малайцы позаимствовали у окружающей живой природы, проявляется попытка изобретения и усовершенствования в связи с определенной средой.

Легко судить, сколь драгоценную помощь принесли столь различные выражения человеческой деятельности в географические исследования социальной действительности. Сами по себе общественные установки и нравы не имеют материального облачения; но есть тесно связанные с объектами вещи, которые человек обрабатывает под влиянием общественного строя, к которому он старается адоптировать свою жизнь. Эти объекты отражают привычки, которые проистекают из общественного устройства или им вдохновляются. Таким образом, мы пришли в нашем исследовании к заключению, которое ставит нас вровень с ними; и благодаря универсальности многочисленных документов, мы скорее оказываемся в ситуации, способствующей пониманию, каким образом географическая действительность отпечатывается в социальной жизни.

II

Причина, которая, по нашему мнению, привносит больше всего различий между обществами, это их местоположение. Смотря по тому, обречена ли страна на изоляцию или она открыта, напротив, главные жизненные потоки, связи человека с ними представляют собой нечто совсем другое. Контраст этих двух противоположностей поражал еще Фукидида, когда он сопоставлял народы, стоящие на ступеньку выше в цивилизационном отношении, и те, которые еще

жили архаичной жизнью. Эти племена остаются на примитивном уровне, мы к тому же находили их там, где они дают о себе знать. Эти общности, застывшие в своем традиционном состоянии, как правило, очень живучи. Если хорошо себе это представить, то нам будет, над чем поразмыслить и чему удивиться, поскольку вокруг нашего Средиземного моря столько народов, некоторые из которых придется признать высоко одаренными, однако их общественный строй до сих пор несет на себе отпечаток изолированности. Там непрерывно продолжается клановая и племенная жизнь, где политическая власть не переходит границ круга, за пределами которого она может применяться более реально и непосредственно, где люди по привычке продолжают ходить вооруженными, где до бесконечности затягиваются кровнородственные войны между семьями и родами. Таким формам общества присуще презрение ко всему инородному. Чужеземец не защищен здесь ничем, кроме обычаев гостеприимства, сила которых прекращается уже за порогом хозяйского дома.

Горы, лес, в особенности тропический лес с непроницаемыми сетями лиан и сгнивших стволов, огромная протяженность по континенту или по морю — вот что на протяжении долгого времени держало и продолжает удерживать огромное число человеческих сообществ на расстоянии друг от друга. Еще сорок лет назад в центре Африки существовала многочисленная народность, никогда не взаимодействовавшая ни с арабами, ни с европейцами. В африканской зоне тропических лесов существуют уникальные в своем роде деревни, каждая образует свой своеобразный маленький мир на поляне, которая обрабатывается жителями этой же деревни. Однако среди этих групп, живущих на стадии развития, кажущейся нам примитивной, известны такие, которые смогли извлечь пользу из предоставленных окружающей природой материалов. Теперь эти объекты превратились в богатый и разнообразный этнографический материал, который можно изучить в Берлинском музее. Это так же верно, как и то, что мы живём в сложившемся обществе, которое развивается по своим законам, руководствуясь правильным стимулом. Наши офицеры могли даже обнаружить в Судане, что вдоль северной оконечности леса такой тип изолированных деревень разрастается как молодые побеги; в отдельных изолированных участках леса ютятся деревеньки, защищенные естественными препятствиями от доступа к своим полянам.

Однако редко встречаются случаи, когда изолированность и замкнутая в себе социальная организация становится абсолютной. Племя может иметь одного или несколько сторонников. Группы, которые составляют небольшое селение на юго-западе Алжира, имеют также друзей и недругов в других селениях. В центральной Африке, согласно рассказам исследователей, известны любопытные примеры социального паразитизма, напоминающего некоторые животные сообщества, в которых каждая из двух частей находит возможность для полезного обмена.

Мы только что обсудили изолированность, которая проистекает из естественного состояния; но также стоит сказать и об изолированности необходимой, систематической, картезианской. Это как раз то, чего ищет цивилизованный человек для освобождения от преград стесняющего его общества и реализации подобного социального или религиозного устройства. Так поступали в 1847 году те, кто искал в уединении Соленого озера свободы самоорганизации на свой лад, кто был отвергнут в восточных штатах. На отдаленных равнинах Алтая, на самой границе с Китаем или же сразу за полярным кругом на прогалинах огромного сибирского леса поселения раскольников прожили таким образом в изоляции и в дали от остального мира. И лишь сейчас, после нынешней колонизации, которая вновь загнала их в уединение, обнаружилось их существование. Приведем в пример небольшие деревеньки анабаптистов, которые были созданы и существуют до сих пор в удаленных долинах в окрестностях горы Донон. Будет не вполне справедливо отказывать этому свободному пространству в общей независимости. Какому еще чувству подчинялись пуритане, которые высадились в XVI веке у берегов Массачусетса? Не достаточно ли будет перелистать Геродота, чтобы обнаружить в бывшей колонизации подобные примеры? Мы прикоснулись к некоторым интересным фактам, о которых следовало упомянуть. В действительности же развитие коммуникаций с каждым днем делает возобновление более трудным.

Физические очертания страны столь же сильно отражаются в социальной действительности, сколь и расположение. Смежность пастушеской степи и обработанных земель, оазисов и пустынь, равнин и гор являет причинную связь, политическое и экономическое значение которых может быть признанно беспрепятственно. Мы почувствовали это на собственной шкуре в Англии. Приверженцы

догматических теорий противопоставляли, помещая их на видное место, земледельцев и пастухов как две формы жизни, не подверженные взаимопроникновению, долгое время не удавалось понять истинную природу их взаимных отношений.

Такое, однако, случается не только на границе Сахары, но также на большей части территорий Африки и Азии. Пример района ксоров, о котором мы только что говорили, помогает представить эти отношения вживую. В своем ксоре, похожем на старое италийское укрепление, между крепостными стенами с редко прорубленными дверями и узкими ограждениями, разделяющими и без того замкнутое пространство, оседлый земледелец прячет в надежное место урожай со своей земли, оживляемой непосредственно оросительными каналами. Он и земледелец, и ремесленник; ткани и инструменты, изготовленные преимущественно женщинами, откладываются на склад ксора вместе с зерном и плодами или отвозятся один или два раза в месяц на рынок. В нескольких километрах вокруг ксора в шатрах располагаются многочисленные семьи, которые не только обменивают шерсть и стада на продукты оседлых семейств, но которые самостоятельно косят и заготавливают силос. Однако их жизнь неразрывно связана с окружающими оазисами. Не имея возможности далеко от них удалиться, они вынуждены передвигаться лишь на определенном расстоянии от этих источников влаги.

Но это не все. Наряду с рассуждениями об основательных и взаимовыгодных отношениях необходимо упомянуть другие племена, которые устанавливают связи со своими отдаленными партнерами. Известно, что в Алжире соседние с Тель племена периодически совершают миграцию на Юг, чтобы обменять свои пастушеские продукты на финики, которые составляют часть их меню. Каждый находится в контакте с отдельным ксором или в состоянии покупать и продавать с той и другой стороны. Это становится причиной войны, если пытаются составить конкуренцию и вытеснить одну из сторон.

Можно утверждать, что такая система отношений не вполне понятна без знакомства с обликом стран. Лишь они, демонстрируя нам смешение орошаемых и засушливых территорий, тонкие промежуточные различия, исправляют абсолютный замысел и восстанавливают настоящую перспективу. И отметим также, что речь не идет об отдельных случаях. Тот образ жизни, который мы только что описали держится на сочетании, которое повторяется во всех засушливых зо-

нах Африки и Аравии. С той лишь разницей, что в одном случае это оседлые народы, в другом — кочевники; либо земледельцы, либо пастухи, но чаще и те и другие пытаются отхватить себе львиную долю.

Теперь нужно поговорить о самих оазисах, представляющих собой любопытный тип социальной организации. Само основание социального строя общества изменилось на основании того, что идея собственности была перенесена с земли на воду, как это произошло в странах, где существование растительной жизни напрямую зависела от орошения. Этот вопрос уже поднимался в этом сборнике Жаном Брюнесом; наш коллега, в своей работе, посвященной столь важной теме, без сомнения, даст нам повод вновь вернуться к этому вопросу. Будем довольствоваться напоминанием, что упомянутые засушливые регионы в Америке и Старом свете, в Южной Африке, Австралии и на севере Эквадора составляют пространство, о котором практически нечего не знали еще полстолетия назад. Каким образом удастся достичь использования ресурсов подземных течений? Какая группа вступит в эту борьбу? Вопросы ставятся с такой срочностью, что поддающиеся легкой обработке регионы до сих пор остаются почти полностью оккупированными. Это основной вопрос колонизации будущего.

Возьмем другой пример, взятый из противоположности климатических условий. На Юго-востоке Азии существуют достаточно изобильные регионы, где реки часто выходят из берегов и оставляют, возвращаясь обратно в русло, пространства, где вода ненадолго задерживается, перед тем как впитаться в почву. В этих затопленных частях рис был обнаружен в дикорастущем виде. Я предполагаю, что изобилие рыбы и легкость ее поимки в этих заливных лугах были первопричиной появления первых групп людей в этих дельтах и речных долинах. Но в любом случае наличие ценных сортов злаков было второй причиной. Там сразу же занялись их разведением. Наградой за трепетную заботу и достижения стало изобилие новых видов, возделываемых до сих пор. Это была основа культуры, которая с помощью изобилия пропитания, сконцентрированного на малом пространстве, и требующегося вложений труда, оказала огромное социальное влияние. Одна семья, занимающаяся возделыванием риса в Камбодже, могла, в крайнем случае, пропитаться с одного гектара. Собственность разделена между всеми. Тем не менее, чтобы поддерживать перегородки на рисовых плантациях, регулировать

равномерное распределение воды, пересаживать растения, жать, вымолачивать зерна, шелушить, нужна многочисленная и постоянно готовая к труду рабочая сила. Это определенная последовательность работ, которая длится более полугода; мелкая работа, рассчитанная больше на сноровку, чем на силу, в которой женщина играет главную роль. Эта работа производится членами семьи и ближайшими соседями. Целиком все женское население деревни поочередно перемещается к плантации каждого земледельца, чтобы действовать одновременно быстро и своевременно, поочередно выполняя все эти многочисленные операции. Китайское и японское портретное искусство приучает нас именно к таким сценам. Традиционный годовой цикл расставляет праздники и народные гуляния в определенной последовательности. Во время таких гуляний множество небольших родов, кишащие меж своих небольших рисовых наделов и бамбуковой изгородью, исполнены радостью, суевериями и одухотворением.

Я бы избегал излишних обобщений; но если верно предположение, что в обществах Дальнего Востока, находящихся в орбите влияния Китая, строгая упорядоченность семьи и деревни является краеугольным камнем, то мы увидим причинно-следственную связь между культурой, вдохновленной географическими условиями, и единственной, постоянно народной формой социальной организации, которую там обнаруживают. Англичане были бы избавлены от преследующего чувства вины, если с самого начала их господства в Индии, когда они хотели организовать Бенгалию и Бахар по принципам крупных собственников, они были бы лучше осведомлены о склонностях местных жителей.

Можно возразить, что в приведенных примерах речь не идет о слаборазвитых обществах. Китайская цивилизация содержит в самой своей сути черты патриархальности и семейственности, отмеченные печатью некоей архаичности.

Александр Дугин

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАРЛО ТЕРРАЧАНО

Выбор Карло Террачано

Я считаю Карло Террачано одним из основных европейских геополитиков последних десятилетий. Убежден, что он будет причислен к числу классиков этой дисциплины. Я имел счастье знать Карло Террачано лично, и всегда поражался последовательности его жизненной позиции: геополитика была для него экзистенциальным выбором, он прожил жизнь в полном соответствии со своими принципами, демонстрируя немыслимые в нашу эпоху римские, олимпийские свойства личности — верность, несгибаемую преданность делу, полную моральную бескомпромиссность в отношении навязчивых влияний современного мира.

Карло Террачано был человеком идеи и человеком дела одновременно. В его случае теория и практика сливались в нечто единое и нераздельное, в цельный метафизический праксис. Что это была за идея и что за дело?

Генезис геополитики из морской пены

Карло Террачано является полноценным наследником геополитической традиции европейского континентализма. В своих трудах (объединённых в цикл статей «В пене истории») он прослеживает идейный генезис этой школы. В общих чертах он таков.

Английский империалист Х. Макиндер сформулировал главный геополитический закон — дуализм в противостоянии цивилизации

Моря (талассократия) и цивилизации Суши (теллурократия). Сам Макиндер был ярким представителем талассократии и обеспечил перенос геополитической эстафеты на уровне геополитической апперцепции от Великобритании к США. Макиндер был одним из создателей Лондонской Школы Экономики, содействовал возникновению «Чэттэм Хаус», Лондонского Королевского Центра Стратегических Исследований, и вдохновлял первый коллектив CFR (Counsil on Foreign Relations), публикуя именно в «Foreign Affairs» свои поздние статьи. От него к американцу А. Мэхэну ведет прямая линия атлантистской геополитики, выливающаяся в американский реализм (и отчасти «мускульный либерализм», транснационализм и глобализм) вплоть до Киссинджера, Бжезинского, Д. Рокфеллера, с одной стороны, и неоконсов — с другой. Планетарная гегемония США как авангарда талласократии и идея западноцентричного мира с Мировым Правительством во главе — все это вытекает из планетарного видения Макиндера, доведенного до его логических пределов. Мир станет глобальным, если Море победит Сушу. На это Макиндер положил свою жизнь. И сегодня мы видим, что многие его проекты воплотились в жизнь: он настаивал на расчленении России, создании «санитарного кордона» в Восточной Европе, разгроме Германии и России; всё это, так или иначе, реализовалось к началу XXI века, обеспечив условия для появления однополярного мира и глобальной американской гегемонии. Эта талассократическая империя на наших глазах становится реальностью.

Континентальный ответ

Но уже в первой четверти XX века концептуальный вызов Х. Макиндера был принят теми геополитиками, которые позиционировали себя на стороне теллурократии. Это была, в первую очередь, немецкая школа Карла Хаусхофера, которая стала разрабатывать основы теллурократической геополитики, Геополитики-2 (тогда как англосаксонская, талассократическая геополитика может быть по праву названа «Геополитикой-1»). Так была заложена основа континенталистской традиции.

Школа Хаусхофера предложила Германии осознать ее сухопутную, теллурократическую природу, объединить Европу на континентальной основе, заключить союз с СССР, укрепить союз с Японией и раз-

громить мировую талассократию в лице Англии, США и Франции. Только так Суша могла бы освободиться от Моря и претендовать на телуррократическую модель организации мирового пространства. Эта модель уточнялась через проект нового передела мира на основании Пан-Идей — четырех областей, интегрированных экономически, политически и стратегически по меридиану — с Севера на Юг. Хаусхофер создал основной концептуальный и теоретический корпус Геополитики-2, заложив базу европейского континентализма, в центре которого стояла Германия, как оплот европейской теллурократии (что признавал и Макиндер).

После поражения Германии и стран Оси во Второй мировой войне теллурократическая геополитика была дискредитирована и надолго отошла в тень. Американские авторы даже предложили отличать англосаксонскую «geopolitics» от германской «Geopolitik», считая первую вполне «приемлимым политологическим методом анализа международных отношений», а другую — «империалистическими фантазиями». Но за таким определением «научности» и «ненаучности» невооруженным взглядом видятся двойные стандарты и прямая политическая пропаганда победителей. Море победило Сушу и установило колониальную дисциплину — в том числе и в научной области, ведь знание, как показал в частности, М. Фуко, есть синоним могущества.

Тем не менее, эта континентальная школа теллурократической геополитики продолжала существовать в Европе в маргинальных условиях и после Второй мировой войны — примером чего являются работы австрийского генерала Йордиса фон Лохаузена, бельгийца Жана Тириара (с которым по воле случая Карло Террачано познакомился в Москве в моей квартире) и выдающегося французского философа Алена де Бенуа. Взгляд на мир с позиции Суши — вот особенность этой континентальной Геполитики-2. Из него вытекает четкое определение идентичности ролей в «великой войне континентов». Те, кто за Сушу, те против Моря, то есть против англосаксонского мира, против американской доминации и против западноцентричной глобализации (мондиализма).

Теллурократическое свидетельство Карло Террачано

Карло Террачано был продолжателем именно этой континентальной геополитической традиции, ярчайшим и последовательным теоретиком и практиком Геополитики-2. Причем его работы являются, пожалуй, наиболее полными и последовательными. Он не просто продолжает рециклирование ранее существовавших теорий, но применяет базовые принципы Геополитики-2, теллурократии к анализу современной ситуации в мире. При этом он не оставляет сомнений в своем собственном выборе: он говорит от имени континента, Европы, теллурократии. А это в условиях атлантистской оккупации равносильно жесту восстания. Тем самым Террачано осуществляет важнейшее символическое действие: он конституирует субъектный полюс, наделенный волей и мышлением, который прорастает из-под постмодернистской свалки современной Европы, становясь революционным проектом альтернативной Европы, другой Европы, поднимающейся — пусть в теории — над развалинами современности. Террачано выполняет функцию геополитического свидетельствования — то, что он есть, и тот факт, что он пишет и действует, уже означает, что победа Моря не абсолютна, что в Европе есть очаги сопротивления и что эти очаги прекрасно и трезво осознают сущность, цели и ставки великой войны континентов. Тем самым, Карло Террачано, спасая традицию европейской континентальной геополитики, осуществляет теоретический перезапуск Европы.

Террачано как евразиец

Второй момент, описывающий суть теорий Карло Террачано, это его встреча с евразийской геополитической традицией, воссозданной в России с конца 80-х годов. Современная евразийская школа российской геополитики была образована в конце 80-х как постсоветская рефлексия на геополитическую карту Макиндера, в духе того ответа, которые дали на его теории немецкие геополитики школы Хаусхофера. Но в случае России симметрия была еще более совершенной: Макиндер в качестве главного врага талассократии выделял Heartland, контроль над которым обеспечивал талассократии мировое господство. Русские евразийцы конца 80-х приняли эту ситуацию на свой счет, признав теллурокартию как сущность русской судьбы. Россия

есть Heartland, поэтому Геополитика-2 это русское дело. Так были заложены основы современного неоевразийства.

Российская евразийская геополитика осуществила встречу с европейским континентализмом в 1992 г. — во время одновременного визита в Москву Жана Тириара и Карло Террачано. Жан Тириар был автором концепта «Евросоветской Империи от Владивостока до Дублина», а Карло Террачано в то время уже написал свою программную работу «В пене истории». Так европейский континентализм и русское евразийство сомкнулись. Нечто подобное тому, что Хаусхофер описал в проекте континентального блока Берлин-Москва-Токио, было возрождено на теоретическом уровне в начале 90-х годов в российско-европейском геополитическом диалоге, начавшемся в Москве, и продолжающемся и развивающемся до сих пор. В то же время Москву посетили и другие европейские геополитики, в частности, Ален де Бенуа, Клаудио Мутти. Во Франции очень сходных взглядов придерживался удивительный писатель-традиционалист Жан Парвулеско.

Карло Террачано играл в этом сближении одну из ведущих ролей, так как со страстной энергией принялся развивать именно это евразийское направление, призванное объединить все континентальные силы в единый антиталассократический, теллурократический блок. Пусть пока это было на уровне интеллектуальной элиты и геополитических школ. Идеи имеют значение, и любое политическое действие всегда начинается с проекта, программы, стратегии.

Ислам и теллурократия

Анализ актуальной ситуации привел Карло Террачано к выводу о том, что многие исламские страны и исламская цивилизация в целом должны рассматриваться как важнейший союзник теллурократии в борьбе с американской гегемонией и глобализмом. Так, значение исламского фактора как союзного стало важнейшей составляющей современного неоконтинентализма, одним из создателей которого является Террачано. Ислам как теллурократическая сила — вот вывод Террачано. Это стало своего рода геополитической аксиомой современного евразийства.

Сам Террачано совершил серию поездок и дал ряд конференций в исламских странах — Иран, Сирия и т.д., где пропагандировал

евразийскую континентальнаю геополитику. Идеи и действия, как всегда у Террачано, не расходились между собой.

Национал-коммунизм

Становление геополитических взглядов у Террачано сопровождалось соответствующими идеологическими и политическими обобщениями. Введение геополитического критерия, концептов континентализма и теллурократии требовали пересмотра политических основ классического европейского патриотизма, который обычно относился к «Третьей позиции» (антилиберализм и антикоммунизм), в духе Эволы, Хайдеггера или Йоки. Если мы становились на позицию Суши, то СССР превращался из одного из двух врагов Европы — в союзника. Это требовало радикального пересмотра «Третьей позиции» и перехода к синтезу между европеизмом и советизмом, то есть, к национал-большевизму. Аналогичную эволюцию претерпели в середине 80-х годов взгляды главного теоретика европейских «новых правых» Алена де Бенуа. В отличие от многих других «национал-революционеров», Карло Террачано, не колеблясь, принял это идеологическое направление, и стал одним из лидеров национал-коммунизма в Италии. Антисоветизм и антикоммунизм (особенно сегодня, после конца СССР) играют на руку только талассократам, либералам и глобалистам. Потому надо решительно покончить с этим и активно сотрудничать со всеми левыми силами, борющимися с американской гегемонией и либерал-капитализмом, которые воплощают в себе суть талассократии, цивилизации Моря. Это движение влево для Террачано стало логическим выводом из геополитического анализа, и он не замедлил решительно двинуться в этом направлении, став как продолжателем традиции «Юной Европы» (вслед за Клаудио Мутти, другом и соратником Карло Террачано), так и зачинателем нового национал-коммунистического и евразийского направления в современной итальянской, и шире, европейской политике. Этому Карло посвятил отдельную программную книгу под выразительным названием «Национал-коммунизм».

Социальная справедливость — это ценность традиционного общества. Иерархия, построенная по материальному принципу, классовое расслоение, лежащее в основе капитализма, это абсолютное зло, которое должно быть ниспровергнуто. Борьба с либерализмом,

капитализмом и мировой олигархией за свободу, справедливость и социальный строй, основанный на солидарности и взаимовыручке — вот главная задача национальных революций. Никаких компромиссов с буржуазией и их меркантильными, материалистическими и эгоистическими ценностями. Человек — существо коллективное. Традиция — это дело всех. Чтобы утвердить ее в мировом масштабе, необходимо разрушить до основания Вселенную «золотого тельца». И в этом деле левые силы, борющиеся за социальную справедливость — союзники и друзья, равно как и правые, отстаивающие ценности духа, веры и верности корням (ведь эти ценности также несовместимы с капитализмом и торгашеским духом).

Традиционализм и сакральная геополитика

И, наконец, огромное значение имеет тот аспект мысли Карло Террачано, который связан с традиционализмом и Традицией. Сам Террачано следовал по пути, намеченному Юлиусом Эволой, считая себя носителем духовной традиции Запада, уходящей в недра Античности, греко-римского неоплатонизма. Он с уважением относился к исламу и индуизму, испытывал симпатию к греческому и русскому Православию, но до конца своих дней воздерживался от уточнения своей религиозной принадлежности. Он был традиционалистом и поборником древних индоевропейских ценностей. И именно эти ценности, по его мнению, должны были стоять в центре той священной войны, которую он вел с современным миром.

Традиция связана с Сушей. Современность — с Морем. Традиция — теллурократия, современность — талассократия. Поэтому геополитика у Террачано прибретает сакральное измерение; она есть не просто технический инструментарий для корректного политического анализа или стратегического планирования, но идеология, духовный выбор, призыв к священной эсхатологической битве, Endkampf, требующей от нас полной мобилизации всех жизненных усилий, всего нашего бытия.

Карло Террачано дает нам пример того, чем должна быть жизнь настоящего геополитика, геополитика экзистенциального, онтологического, эсхатологического. Это тотальная мобилизация души, полная оплата своих убеждений всем содержанием героической и трагической жизни.

Сегодня многие сетуют: для подвига и борьбы не осталось места, все заведомо проиграно, ничто не дает результатов. Это слабость, трусость и низость. Если мы во что-то верим, мы всегда способны изменить окружающий мир. Нет такого врага, который являлся бы непобедимым для пылающего человеческого духа. Карло Террачано дает нам пример человека, до последнего дыхания отстаивающего свои убеждения. Его убеждения — наши убеждения. Его борьба — наша борьба. И борьба тех, кто придет вслед за нами.

Мне, признаться, совсем не интересно, каким человеком был Карло Террачано; его друзья утверждают, что прекрасным. Это не имеет значения. Это субъективно. Объективно он был героем. Настоящим героем континента, цивилизации Суши, Евразии. И это намного важнее. Только это имеет значение — идея, и брошенная в ее костер — до конца, полностью — человеческая жизнь.

Стивен Манн

ТЕОРИЯ ХАОСА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Сейчас осуществляется революция, которая может изменить стратегическое мышление. Горько-сладкая правда состоит в том, что эта революция имеет мало общего с «новым мировым порядком», установленным после окончания Холодной войны и успешной операции «Буря в пустыне». Настоящая революция происходит в науке, и ее влияние может изменить как характер войны, так и эталоны стратегического мышления. Наше внимание пока еще заострено на краткосрочной международной реорганизации. Будучи захваченными этим переходным моментом, мы упускаем эпохальное.

Научные достижения толкают нас за пределы ньютоновских концепций в экзотическую теорию хаоса и самоорганизованую критичность. Эти новые направления научных изысканий возникли лишь в течение последних 30 лет. Говоря в двух словах, они утверждают, что структура и стабильность находятся внутри самой видимой беспорядочности и нелинейных процессах. С тех пор, как научные революции в прошлом изменили сущность конфликта, для американских стратегов будет жизненно важным понимать происходящие изменения. С одной стороны это важно с технологической точки зрения: новые принципы производят новые виды вооружений как, например, квантовая теория и теория относительности сопровождали появление ядерного оружия.

Вторая, и более фундаментальная причина необходимости понимания изменений в науке состоит в том, что наше восприятие реальности основывается на научных парадигмах. Мир зачастую представляется нам как место, полное противоречий и беспорядка и мы ищем такие рамки, которые наполнят его смыслом. Эти рамки были полностью установлены физическими науками, подобно тому, как в 18 веке

бытовало мнение, что движение небесных тел подобно работе огромного часового механизма. Научные достижения, кроме того, показывают нам новые пути понимания окружающей среды и могут подразумевать инновации по решению политических дилемм. Несмотря на желание стратегического сообщества ухватиться за технологические преимущества, которые можно извлечь из изменений, вполне возможно адаптировать эти достижения для стратегического мышления. Эта статья лишь поверхностно касается технических преимуществ, вместо этого акцентируя внимание на концептуальных аспектах.

Неприятие стратегическим сообществом новых парадигм является данью власти нынешних установок. Специфическая парадигма, которая проникла в современное Западное сознание, лучше всего описана в ньютоновском мировоззрении. Она детерминистская, линейная, связана с взаимодействием объектов и сил, и ориентирована на последовательные изменения. Эта единственная точка зрения на мир повлияла на все сферы человеческой деятельности. Один комментатор очень четко подметил: «другие науки поддерживают механицистское... видение классической физики как четкое описание реальности и моделируют свои теории в соответствии с нею. Всякий раз, когда психологи, социологи или экономисты хотят приблизиться к научности, они естественно обращаются к базовой концепции ньютоновской физики». Как одна из социальных наук, военная наука сталкивается с такими же предпосылками. Будет вполне верным сказать, что эта специфическая дисциплина механики — наука движения и действия сил и тел — захватила наше воображение.

Почему же механицистское мировоззрение настолько сильно блокирует стратегическое мышление? Часть ответа мы найдем в том факте, что военная и политическая науки напрямую развивались как науки XVIII и XIX столетий, в соответствии с ростом значения классической физики и математики. Эйнштейн описывает этот дух эпохи так: «великие достижения механики во всех отраслях, ее потрясающий успех в развитии астрономии, применение ее идей к совершенно иным проблемам, нематематическим по своей сути, все это способствовало становлению убеждения в то, что возможно описать все природные феномены в терминах обычных сил между не допускающими каких-либо изменений объектами».

Кроме того, имеются и более реальные причины. Попросту говоря, бой — это механика. Ни для кого не будет удивлением то, что во-

енная стратегия загнана в механицистские рамки. С тех пор как национальная стратегия часто заимствует метафоры сражения — мирная «агрессия», Холодная «война», кампания по строительству государства-нации — опять же, не удивительно, что национальная стратегия отражает это же предубеждение. Политика — это продолжение войны лингвистическими средствами.

Второй причиной столь длительного влияния механики является ее доступность. В предыдущем столетии физика (включая ее подраздел механику) и химия сделали большие шаги по сравнению с другими областями науки. Биология находилась в младенческом состоянии до конца XIX века, а открытия, представляющие теорию относительности Эйнштейна еще были в будущем. Ньютоновская механика, наоборот, прочно утвердилась в конце XVII века.

Наконец, это механицистское мировоззрение было обнадеживающим, так как утверждало, что в мире происходят поочередные изменения. Это давало надежду стратегам на то, что череда событий может быть предугадана, если будут открыты основополагающие принципы и будут известны те варианты, которые могут быть применимы. Поэтому не будет сюрпризом тот факт, что современные военные теоретики прочно и подсознательно следовали механицистской парадигме. На уровне военной стратегии, принимая во внимание Клаузевица, язык книги «О войне» разбивает механицистские основы: трение, массу, центры гравитации и т.д. Или взять Жомини, который потряс основы геометрии поля боя. Или, возьмем современный пример и рассмотрим выдержку из инструкции Пентагона по планированию национальной безопасности: «Окончание Холодной войны может быть описано как монументальный сдвиг тектонических плит, высвобождающий основные силы, которые безвозвратно перестраивают стратегический ландшафт».

С тех пор как это механицистское мировоззрение получило распространение, оно никогда не ослабляло своей хватки. В результате получается застой, связанный с неопределенностью основ наших многих стратегических дилемм. Консерватизм, внутренне присущий истэблишменту национальной безопасности, комбинируется с пониманием необходимости внимательности к основным вопросам войны и мира и унылыми теоретическими новшествами. Революция в стратегии, основанная на механицистском устройстве реальности, имеет твердо фиксированное положение, а провокационные доктрины последнего столетия стали ее ограничивающими догмами.

Но в действительности ли это является проблемой? Конвенциональные войны по общему признанию были во многом утверждены Клаузевицем, Лидделом Гартом и другими людьми этого рода. Так называемая революция в военном деле до 1945 г. была представлена лишь в изменениях механического преимущества. Моторизованная война, например, увеличивала варианты выбора цели для атакующих войск, но все еще подлежала анализу в стиле Клаузевица. ВВС сместили сражение к настоящему третьему измерению, но не устранили саму парадигму. Также повышение разрушительности и точности оружия сохранили классические рамки толкования войны. На национальном стратегическом уровне мы находим их применимыми для определения стратегического «баланса» между Востоком и Западом, а также сохранения и реформирования альянсов, которые имеют аналоги в механицистских рядовых построениях прошлых столетий.

Но из этого мы можем извлечь лишь неприятный комфорт: так как мир становится более сложным, традиционные теории менее способны на объяснения. Разрыв между теорией и реальностью существует на уровнях и национальной и военной стратегии. В военном отношении, количество вооружений и разновидности войн, разработанные в прошлый век, недостаточно подходили к классической стратегии. Новые вооружения разработать относительно легко, но трудно внедрить в рамки доктрины. Биологическое и ядерное оружие являются двумя такими примерами. Конечно, и сам процесс сражения беспорядочен. В армейской доктрине сейчас открыто говорится: «Боевые действия высокой и средней интенсивности хаотичны, интенсивны и очень разрушительны... Операции в основном будут иметь линейный характер».

В основной иерархии растущая сложность международных отношений урезает комфортные допущения классической стратегии. Можем ли мы наверняка описать во всей полноте и разнообразии наше международное окружение в традиционных терминах баланса силы, полярности или сдвига тектонических плит? Механицистское мировоззрение хорошо, но оно недостаточно хорошо. Ежедневные заголовки газетных статей неприятно напоминают насколько сверхупрощенными являются эти модели.

Не только классическое стратегическое мышление пытается описать конфликт в линейных, причинно-следственных терминах, оно вынуждает нас упростить сложные ситуации к нескольким основным

вариантам. По традиции мы рассматриваем стратегическую мысль как взаимодействие ограниченного количества факторов, в основном военных, экономических и политических. Более удовлетворительные дискуссии расширены до факторов окружающей среды, технологического развития и социального давления. Но даже этот список пока еще не может отразить всю сложность международных дел: где место религии и идеологии, к чему отнести негосударственных акторов, таких как террористические движения, где наднациональные акторы в лице глобальных корпораций, и какую роль играют эти лица и организации? Кроме того, так как растут глобальные коммуникации, прогрессирует экономическая взаимозависимость и распространяется демократия, количество политического влияния экспоненциально возрастает. К комплексности добавляется ускоряющийся темп принятия решений. Мы приближаемся к честному пониманию международного окружения и должны признать, что оно нелинейно и, к сожалению, интерактивно. Это сильно затрудняет анализ: «нелинейность означает, что акт игры ведет к изменению правил».

Наш ежедневный опыт в качестве политиков оценивает это растущее понимание. Мы каждый день несемся сломя голову наперекор напоминаниям о несовершенстве и произвольности. Классическое мировоззрение называет это «трением» и уводит в сторону в качестве запутанности хорошо продуманных планов политиков. С другой стороны, становится ясным, что «трение» — это основное определение, а не придаток государственных дел. Чтобы сохранить наши стратегические парадигмы в рабочем состоянии, мы научились игнорировать такое положение. Жизнь все еще слишком сложна, чтобы описать или объяснить ее взаимодействием нескольких простых переменных.

Нам необходимо изменить метод, который мы используем для осмысления стратегии. Это не очень приятная задача. Стратегическое мышление прошедших столетий не предоставляет достаточно пространства для инноваций. Как мы продемонстрировали, наши стратегические рамки базируются на механицистских предположениях классической физики. Если мы начнем с других предположений, инкорпорируя другие научные парадигмы, мы сможем увидеть появление более продуктивных стратегических принципов. Сдвиг рамок не является панацеей — война и дипломатия остаются востребованными и опасными, как и ранее — но если мы хотим вырваться из текущей аналитической стагнации, мы должны признать предположения,

которые пронизывают нашу стратегическую культуру и открывают нам новые рамки.

Дисциплина хаоса

Новая наука о хаосе, лежащая в тревожной границе между физикой и математикой, определяется четкими ключевыми принципами:

- Теория хаоса прилагается к динамическим системам — системам с очень большим количеством подвижных компонентов;
- внутри этих систем существует непериодический порядок, по внешнему виду беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовые модели;
- подобные «хаотические» системы показывают тонкую зависимость от начальных условий; небольшие изменения каких-либо условий на входе приведут к дивергентным диспропорциям на выходе.
- тот факт, что существует порядок, подразумевает, что модели могут быть рассчитаны как минимум для более слабых хаотических систем.

Вращение Земли вокруг Солнца не является хаотичным. Небольшое изменение в орбитальной скорости может лишь чуть-чуть изменить путь вращения. Наоборот, столб дыма, уходящий в атмосферу хаотичен по своей природе. Какое-то время он идет ровно вверх, а затем резко разбивается в турбулентную массу завитушек, изгибов и зигзагов. Кажется, что эти петли не следуют какому-то определенному порядку, однако при прослеживании, математическое моделирование обнаруживает регулярные модели. Небольшое изменение скорости потока дыма сформирует совершенно другую группировку завитушек и потоков — однако и второй поток дыма приведет к математически регулярным моделям.

«Хаос» — это не совсем удачное выражение для такой дисциплины. Слово вызывает ассоциации с бесформенностью и чистой случайностью, которые осложняют концептуальную задачу. «Нелинейная динамика» менее перегруженный и более описательный термин, но хаос это широко употребляемый научный ярлык, так что мы будем применять именно это слово.

Парадигма хаоса не противоречит классической парадигме. В действительности, теория хаоса происходит их классической физики и

математики, но она превосходит их. Классический подход описывает линейное поведение отдельных объектов; теория хаоса описывает статистические тенденции очень многих взаимодействующих объектов.

Как эта наука может быть применима для стратега? Как минимум ее применение может осуществляться на двух уровнях. На материальном уровне технологические инновации, которые эксплуатируют теорию хаоса, изменят основы войны. На теоретическом уровне, она предлагает новые основы стратегического мышления.

В терминах промышленности, теория хаоса окажет эффекты, которые посредством изменения нынешнего применения технологии, изменят методы ведения военных дел, также как и через развитие новых типов вооружений. Информационная теория, разведка и военные технологии, основанные на этих науках, будут трансформированы. Один исследователь утверждает, что хаотическое непостоянство «является слишком особенным, что делает возможным понимание». В конце концов, робототехника сделает большие шаги, и теория хаоса сможет помочь нам продвинуться в разработке боевых роботов. Список для применения не имеет ограничений: распространение эпидемий, метеорология, аэронавтика и криптология — одни из тех, которые сразу приходят на ум. Ядерная бомбардировка может стать более точной, придавая теории хаоса возможность моделировать нестабильную турбулентность. Постядерная экология также является темой, весьма хорошо адаптируемой к нелинейному анализу, и будущие разговоры о ядерной зиме будут заключать в себе принципы хаоса. Криптология является особым случаем танталовых мук, а теория хаоса дает возможность узнать, что то, во что мы верили как в случайное, не всегда может быть чисто случайным.

Отступая от темы технологии, теория хаоса имеет определенно другое применение для поля боя. Исследователи на протяжении десятилетий бессмысленно наблюдали на многие факторы, которые заключают в себе хаос сражения. Один аналитик — Трэвор Дюпой разработал гигантскую математическую модель, которая пыталась проанализировать сражение через взаимодействие множества переменных. Эта Кванторная Модель Анализа Решения направлена на сравнение «относительной боевой эффективности двух противоборствующих сил во время исторического сражения, с помощью определения влияние переменных окружающей и операционной среды

на боевую мощь двух оппонентов». Кроме того, что Дюпой фокусировался на исторической модели, он подразумевал, что ее можно просчитать. Если это так, то такие применения просто мучительны: командиры могут подсчитать свои шансы на успех в сражении и систематически идентифицировать слабые места. Уходя от проблемы субъективности, базовая ошибка в этой модели состоит в том, что она линейна, когда сам процесс сражения явно нелинейный и иррегулярный. Теория хаоса однозначно вполне способна привести концепцию Дюпоя к амбициозному финалу.

На теоретическом уровне мы видим устрашающее количество докторов наук, пытающихся понять модели войн в истории. В 1972 г. Дж. Дэвид Сингер и его окружение провозгласили о том, что выявили регулярность в скачках глобального насилия на протяжении 150-летнего периода — «Выясняется довольно точная периодичность с доминантой высшей точки примерно в 20 лет» — так же как и пик начала войн приходится на март и апрель.Целью исследования Сингера было использовать периодичность как ключ к факторам, которые приводят к росту насилия. Другие авторы соединили модели конфликта с «длинными циклами мирового лидерства» (Модельски), моделями стабильности полюсов (Уолц) и с волнами циклов экономического благоденствия и упадка Кондратьева (различные авторы). Как и с моделью Дюпоя, теория хаоса может послужить инструментом, который трансформирует эти субъективные дела от кабинетных игр в предсказывающие модели. Исследователи хаоса уже нашли неожиданные паттерны в несравнимых социальных феноменах, таких как уровень цены на хлопок и распределение национального дохода США. Этот признак универсальности — принцип, что различные нелинейные системы имеют внутренне идентичные структуры, является также и принципом теории хаоса.

Также остается немало исследований, которые нужно произвести в отношении применения теории хаоса к операционному и тактическому анализу. С одной стороны, процесс сражения повсеместно известен как неупорядоченное явление и поэтому поддается нелинейному анализу. С другой стороны, в боевых действиях принимает участие ограниченное количество действующих лиц, как мы их определяем, в основном, это одна сила против другой; следовательно, уровень театра военных действий, вероятно, выпадает из теории хаоса, которая описывает поведение большого количества акторов. Кроме того, ко-

мандиры прилагают большие усилия для того, чтобы заставить вооруженные силы действовать и взаимодействовать в линейном, механицистском и поочередном порядке. Такие изобретения как иерархия званий, воинская дисциплина, структура подразделений, военные традиции и структурированный порядок операций служат для обеспечения регламента и устранения беспорядочного поведения. Это в дальнейшем ограничивает динамизм систем и подразумевает, что теория хаоса может иметь лишь ограниченное применение на уровне военной стратегии. В действительности же является ли сражение хаотичным или нет? На этот вопрос можно дать два полноценных ответа. Один состоит в том, что процесс боя рассматривается как исключительно хаотичный, но модерируемый организованной системой с различными степенями успешности, как было уже указано ранее. Вторая возможность состоит в рассмотрении процесса боя как исключительно линейного и нехаотичного, и утверждает, что беспорядочным является индивидуальное восприятие боя. В любом случае, эти вопросы приведут к новым исследованиям.

Критический порог

Настоящая ценность теории хаоса находится на высшем уровне — в сфере национальной стратегии. Хаос может изменить метод, с помощью которого мы рассматриваем весь спектр человеческих взаимодействий, и в котором война занимает лишь особую часть. Международная среда является превосходным примером хаотической системы. Интригующее место теории хаоса — «самоорганизованная критичность» — превосходно соответствует ей в качестве анализа. Бэк и Чен дали следующее определение самоорганизованной критичности: «Большие интерактивные системы постоянно путем организации доводят себя до критического состояния, в котором небольшое событие может запустить цепную реакцию, которая может привести к катастрофе... Несмотря на это, композитные системы производят больше небольших событий, чем катастроф, а цепные реакции всех размеров являются интегральной частью динамики... Кроме того, композитные системы никогда не достигают равновесия, но наоборот, эволюционируют от одного метасостояния (т.е. временного состояния) к следующему».

В IBM исследуют эту теорию применяя песочные кучи: песчинки складывают одна к одной до тех пор, пока в результате критического состояния последняя не создаст лавину. После такого катастрофического перераспределения система становится относительно стабильной до тех пор, пока не происходит следующая перегруппировка.

Интересно, что в политической науке существует ряд метафор, которые намекают на критичность. Представление международного кризиса в качестве «пороховой бочки» является наиболее распространенным. Нужно отдать должное, с одной стороны эта метафора довольно точна: распространение огня в лесу является четким примером хаотической системы и моделировалось Баком, Ченом и Тангом. Как бы то ни было, идея пороховой бочки — как взрывоопасного объекта, ожидающего поднесения спички — кратко передает динамическую природу международных отношений. Новейшей метафорой является концепция «спелости», как ее называет Хаас и др. Эта точка зрения на международные переговоры состоит в том, что некоторые диспуты неразрешимы по ряду причин до тех пор, пока не пройдет определенное время и они не «поспеют». Следовательно, ключ к успешным переговорам лежит в определении и эксплуатации этого критического состояния.

Есть ли рамки, в которых может быть лучше описано переустройство миропорядка, чем самоорганизованная критичность? Метафора «тектонических плит», базирующаяся на классическом подходе неверна. Она заявляет о первоначальной стабильности, разрушенной из-за перестройки некоторых основных сил. Вся сложность ситуации в воображении читателя улетучивается. В последние годы СССР представлял похожий случай для исследования. Классические рамки принуждали нас мыслить в простых терминах борьбы за власть: ельцинские популисты, горбачевские реформаторы и консерваторы. Классический подход имеет уклон к стабильности и статус кво, тогда как только при относительно спокойных условиях классические стратегические и дипломатические принципы остаются рабочими. Поэтому мы и увидели повторяющиеся угрозы «советского хаоса» со стороны пугливых дипломатов и осторожных политиков. Согласно традиционной точке зрения распад СССР был началом приближения катастрофы, из-за чего нужно было обеспечить сплоченность и сильный центр. Самоорганизованная критичность, наоборот, показывает нам огромное разнообразие акторов в критическом состоянии, кото-

рое неизбежно будет прогрессировать в сторону временной стабильности после катастрофического переустройства. Здесь нет необходимости в стабильности в отношении применения модели: критическая точка зрения на «советский хаос» является частью объяснимого процесса. Критичность приветствует подъем республик и падение союзного правительства как предусловие нового, продуктивного и метастабильного плана.

На международной арене традиционная модель приводит нас к переоценке нашего влияния на события и обесценивает все возможности, но основные игроки продолжают иметь решающее влияние на события. Парадигмы хаоса и критичности, наоборот освещают диспропорционные эффекты, которые могут спровоцировать небольшие акторы. Немецкий физик Герд Айленбергер отмечает: «Самые мизерные отклонения в начале движения могут привести к огромным различиям позднее — другими словами, крохотные причины могут вызвать непропорциональный эффект спустя определенный интервал времени. Безусловно, нам известно из повседневной жизни, что это иногда случается; исследование динамических систем, которые нам демонстрируют это, типичны для естественного процесса».

Далее теория хаоса показывает, что эти отклонения являются самоорганизующимися; что они производятся самой динамической системой. Даже при отсутствии внешних потрясений успешная комплексная система включает в себя факторы, которые толкают систему за пределы стабильности, в турбулентность и переформатирование.

Сейчас возникают волнующие вопросы: является ли теория хаоса лишь соответствующей метафорой для описания этих взаимодействий или эти взаимодействия в действительности следуют скрытым законам хаоса? Эта метафизическая головоломка находится за гранью области этой ограниченной статьи; но интуиция, разум интеллекта подразумевают, что второе толкования является верным.

Родоначальники концепции, конечно же, предвидели применение в вопросах безопасности: «во всей истории, войны и мирное взаимодействие могут оставить весь мир в критическом состоянии, в котором конфликты и социальные волнения расползаются подобно лавинам». Вспомним пример, рассматриваемый ранее: конец Холодной войны сравнивался со сдвигом тектонических плит. Какие рамки устанавливают более четкий базис для стратегии? Механицистские рамки выглядят так, будто говорится, что плиты в данный момент сдвинулись

и мы пребываем в неопределенном периоде стабильности, в котором мы можем однозначно перестроить новый мировой порядок. Критичность описывает динамический процесс, сомнительно стабильный, который даже сейчас связан со строительством, которое относится к следующему периоду катастрофического переустройства.

Метафизическая точка зрения слишком произвольна и упрощенна для международных дел. Мы должны начать с точки, которая начинается с беспорядка, переустройства, является свойственной и неотвратимой для комплексных интерактивных систем. Мир обречен быть хаотичным, потому что многообразие акторов человеческой политики в динамической системе в большей степени имеют разные цели и ценности.

Механицистская парадигма поощряет нас искать причины главных изменений во внешних факторах. Она постулирует базовую инерцию, заложенную в системе до тех пор, пока не начнет действовать какая-то сила извне. Критичность, наоборот, является самоорганизующей. Система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в основном игнорируемых событий. Первая Мировая война представляет известный пример самоорганизующей критичности. Убийство эрцгерцога в неприметном балканском городишке инициировала мировую катастрофу, приведшую к гибели 15 миллионов человек и эффект от которой чувствуется и по сей день.

Ливан может являться примером постоянной критичности. Его местонахождение в центре конфликта народов на протяжении столетий, его вымученная география, ожесточенные этнические, религиозные и клановые антагонизмы дают немного надежд на стабильность и предикабельность. Работая в классических стратегических рамках США ввязались в стычку в 1982 г. перебросив туда морских пехотинцев для создания баланса в этой ситуации и разделения оппозиционных сил. Как заметил командующий морпехами: «Мы ходили по лезвию бритвы». Исходное предположение состояло в том, что США могли бы быть нейтральной, стабилизирующей силой. Система в критичности, тем не менее, не предполагает нейтральной почвы и не оставляет надежд на перманентную стабильность. Единожды попав в нее, ты находишься в ней, как мы поняли после катастрофы, в которой 241 морской пехотинец погибли от взрыва бомбы террористов.

Переформатируя стратегическое мышление

Среди беспорядка мы не лишены стратегии. Теория критичности не ограничивает стратегов, а выдает им такие основы, которые помогают им объяснить фасцинирующий мировой беспорядок. Как только мы начнем четкое описание того, что нас окружает, мы попадем в позицию, в которой можно создавать стратегии, продвигающие наши интересы. Для создания таких стратегий мы должны начать с определения факторов, которые формируют критичность. Вот ряд возможностей:

- Изначальная форма системы
- Лежащая в основе структура системы
- Единство акторов
- Энергия конфликта индивидуальных акторов
- Рассмотрим эти факторы по порядку:

Изначальная форма, которая является контурами системы с самого начала, влияет на дальнейшее развитие системы: посткатастрофический результат закладывает основу для последующих действий. В нашей песочной куче наклоны и бугры после схода лавины влияют на формирование нового конуса. В международных отношениях изменение границ после Второй мировой войны не могут повлиять на формирование последующего курса событий.

Опять же, в песочных терминах песчинки падают на поверхность, циркулярную плоскость: это лежащая в основе структура. Эта базовая структура или матрица, помогает определить формирование песочной кучи. В международном отношении, лежащая в основе структура может являться факторами, которые представляют окружающую среду и географию. Близость Кувейта к Ираку является фундаментальным фактом, который формирует всю последующую политику в этом регионе. Поставка воды является примером лежащего в основе фактора окружающей среды.

Единство определяет уровень, с которого начинается переустройство. Влажный песок имеет иную динамику, чем сухой. То же верно и в отношении идеологических или этнических гомогенных систем, которые имеют отличную динамику от мультиэтнических или имеющих несколько идеологий обществ. На военном уровне, сдерживание и контроль над распространением вооружений служит укреплению единства между государствами. Укрепление единства не препятствует

критичности; это лишь значит, что прогрессия критичности замедлена.Неэффективные договоренности создают ложное единство — иллюзию, что переустройство находится под эффективным управлением.

Лига Наций заключила договор по поддержке глобальной коллективной безопасности (1920), пакт Келлога-Бриана, направленный на отказ от ведения войны (1928), Ялтинская конференция по обустройству международного порядка после Второй мировой войны (1945) и подобная бредовая дипломатия являются случаями ложного единства.

В итоге, каждый актор в политически критических системах производит энергию конфликта, активную силу, которая провоцирует смену статус кво, участвуя, таким образом, в создании критического состояния. В нашей международной системе, эта энергия проистекает от мотиваций, ценностей и возможностей специфических акторов, будь это правительства, политические и религиозные организации, или частные лица. Эти акторы стремятся изменить статус-кво мирными или насильственными методами, и любой один курс приводит состояние дел к неизбежному катаклизменному переустройству.

Теория хаоса диктует условия, что она слишком сложна для того, чтобы делать долгосрочный прогноз. Сложность увеличивается с количеством акторов в системе и продолжительностью желаемого прогноза. Находясь на стартовой позиции, мы должны проявлять подозрительность к долгосрочным прогнозам. Избежать этой порочной склонности нелегко. Мы цепляемся за веру в то, что могут быть карты, которые выведут нас из темного леса международных отношений. Но, возможно, поможет иная метафора: Мы должны вместо этого смотреть на фонарь с коротким лучом, освещающим наш путь, который поможет изменить наш мелкий ход на большие шаги.

Не противоречит ли этот аргумент успеху нашей политике сдерживания, являющейся самым крупным бриллиантом из короны долгосрочного стратегического мышления? Эта политика, с ее предписанием для «безальтернативных контрсил в любой точке где (коммунистические враги) подают сигналы вторжения», представляет собой чисто механицистскую точку зрения на вопросы национальной безопасности. Конвенциональная мудрость, если рассматривать распад Советской империи, говорит, что политика сдерживания работает. Но если просмотреть отчеты, не скажем ли мы что та же самая

политика дала нам Вьетнам — с ужасно ограниченными целями и непреодолимыми ограничениями по ведению войны, а также привела нас к пораженческой поддержке авторитарных режимов от Ирана до Никарагуа и Филиппин? Не могли бы мы достичь более хороших результатов за боле низкую цену, если бы мы были более гибкими, плавая между островов порядка в глобальном море политического хаоса?

Сейчас, когда мы отошли от сдерживания, начинаются разговоры о правильной концепции полярности — является ли мир многополярным, однополярным или триполярным, он уже более не двуполярный. Эти разговоры являются примером того, что мы не замечаем очевидных вещей. В политическом плане мир имеет слишком много различных акторов, чтобы осмыслять его в терминах полярности. Мы еще пытаемся использовать метафору из механицистского лексикона, дающего нам комфортабельное ощущение, что мы действительно понимаем новый мир.

Мы отчаиваемся в нашем желании иметь структуру, таким образом, раздувая привлекательность «нового мирового порядка», «стратегического консенсуса» и «мирных дивидендов». Будут ли партизаны нового мирового порядка подражать ошибкам политики сдерживания, заставляя нас принимать глупую политику преследования иллюзорной долгосрочной стабильности? Мы уже можем принести в жертву больше, чем мы знаем, для того, чтобы преследовать эту новую стабильность: обусловив «Бурю в пустыне» одобрением ООН мы ограничили наши будущие военные возможности. Большинство в Конгрессе, среди американцев и в международном сообществе будет ожидать от ООН разрешения в качестве легитимизирующей предпосылки для будущего применения американских военных сил. Печально, что попытка создать новый мировой порядок посредством международной легальности позволила Саддаму Хусейну сохранить неповиновение и укрепиться, в том числе, посредством репрессий против курдов.

Наш интерес к структуре также помогает объяснить Западное желание контролировать вооружения. Даже когда режим контроля над вооружениями имеет декларативную форму и не имеет военного применения, как в случае конвенции от 1972 г. по биологическому и химическому оружию, есть вера в то, что простое, декларативное существование угрозы поможет предотвратить ужасы, связанные с применением этого оружия. Американцы освящают «процесс» контроля

над вооружениями как благой сам по себе, независимо от стратегической ситуации или достоинства соглашений.

Эффективные соглашения могут замедлить прогресс системы в сторону критичности, но мы индульгируем в иллюзии, если верим в то, что возможна абсолютная стабильность. В международных делах вся стабильность преходяща. Международное окружение представляет собой динамическую систему, состоящую из акторов — наций, религий, политических движений, экологий — которые сами по себе являются динамическими системами. Нас, кроме того, волнует то, что мы несем непосредственные политические расходы для того, чтобы достичь стабильности в будущем: шансы на то, чего мы не получим согласно заключенной сделке. В действительности, «стабильность» как и «присутствие», «создание государства-нации» и даже «мир» — это цель без контекста. когда подобные цели продвигаются как политические, они выдают себя как неадекватность или лицемерие — вспомним советскую семью «миролюбивых» народов — лежащие в основе стратегии. Стабильность — это не более чем последствие и никогда не может быть целью.

Тогда как извлечь преимущества из критичности? Настоящей целью национальной стратегии является формирование широкого контекста вопросов безопасности, направленного на достижение в конце желаемого состояния с мягким сдвигом. Сейчас то время, когда мы захотим отложить создание критического состояния, это время, когда мы будем поощрять его и искать пути переустройства. Насколько известно всем, кто работает в сфере международной политики, о формирующих событиях легче мечтать, чем их делать. Мы мало что можем сделать с изначальной формой или лежащей в ее основе структурой. Здесь нужно иметь в виду историю, географию и окружающую среду. Наши политические усилия должны сфокусироваться на достижении сплоченности и смягчении конфликтной энергии. В международном плане, такие конструкты как военные блоки, экономические соглашения, торговые протоколы и другие правила в основном создают сплоченность внутри системы. Однако, более обещающий, но более пренебрегаемый путь к достижению желательных международных изменений лежит в индивидууме.

Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности

индивидуального актора — в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальный прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения, вирус будет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей. Это единственный путь для построения мирового порядка, который будет иметь длинный период (хотя, как мы видим, никогда нельзя достичь абсолютной постоянности) и будет глобально выгодным. Если мы не сможем достичь такого идеологического изменения во всем мире, у нас останутся спорадические периоды спокойствия между катастрофическими переустройствами.

Материальное применение этого анализа резко увеличивается в поддержку Информационного агентства США, Фонда содействия демократии и других программ образовательного обмена из частного сектора. Эти программы заложены в сердце агрессивной стратегии национальной безопасности. И наоборот, мы должны реагировать настолько по-оборонному, насколько это возможно. Настоящее поле битвы в сфере национальной безопасности является, говоря, метафорически, вирусным по природе. На уровне индивидуального выбора нас атакуют определенно деструктивные напряжения, особенно, склонность к наркотикам. Что такое склонность к наркотикам, как не деструктивное поведение вируса, который распространяется в эпидемических масштабах?

Интуитивная сердцевина

Мир открыт для самых различных опытов и если мы заявляем о примате какой-то одной научной парадигмы над всеми остальными как основании стратегического мышления, мы должны действовать нереалистично. Каждые рамки предлагают уникальные возможности для проникновения в суть вопроса и искусство стратегии выбирает наиболее известный метод для данной ситуации. Стратегия традиционно описывается как прочная железная связь причин и следствий. Сегодняшняя ситуация в национальной стратегии показывает, что этот Железный Век проходит и мы должны выработать более охватывающее определение стратегии: не просто согласование средств и целей, но согласование парадигм со специфическими стратегическими вызовами. Это дает немного смысла для определения целей и выбора наших средств до тех пор, пока мы не достигнем четкой репрезентации реальности, за которую мы боремся.

Если мы открыты для разнообразных научных установок, мы можем выработать более дееспособные принципы стратегии, чем та, которой мы пользуемся сейчас. На операционном уровне мы можем ожидать, что принципы, связанные с вооружениями будут продолжать развиваться, если мы понимаем теоретические принципы, дающие развитие этим вооружениям. На высшем уровне мы должны понимать факторы, которые диктуют условия, из-за которых такая комплексная и динамическая система как СССР будет меняться, и работать более точно над трансформацией. Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели в самой себе. Все это предполагается, если мы сможем превзойти механицистские рамки, которые все еще доминируют в стратегическом мышлении.

В заключение мы должны определить ограничения любых рамок, даже контррамок хаоса, и отдать должное иррациональному и интуитивному. Стратегическое мышление покоится на научных парадигмах, которые обращаются к математике, языку наук. Истина математических систем, поэтому превращает метафору в наши стратегические концепции. Однако один математический принцип из всех является для нас самым важным — это теорема неполноты Гёделя: «Любая формальная система аксиом содержит неразрешенные предположения». В нашем мире есть неопределенный набор проблем,

которые не имеют формально логических ответов. Есть проблемы, которые не возможно решить в каких-то определенных рамках. Эта теорема отмечает ограничения на применение роботов в военных действиях, ограничения на исследования операций и научного запроса в качестве прикладного для войны или, в действительности, для любой дисциплины. Мы должны принять тот факт, что война и стратегия, как и все предприятия, которые ищут описание и предсказание креативного поведения, будут содержать неразрешимые парадоксы. Ядерное сдерживание может быть этому примером: угроза разрушения ради сохранения. Цитата со времен Тита: «мы разрушили деревню для того, чтобы спасти ее» является еще одним примером.

Парадоксальным образом, с тех пор, как мы только достигнем стратегических основ, которые логически последовательны и предоставляют всестороннее предсказывающее описание войны, мы больше не сможем полностью доверять этим основам. Простыми словами Колина Пауэла, мы не можем «заставить неприятные факты выстроить на путь правильного решения».

Любые основы включают ограничения, которые могут быть превзойдены лишь с помощью специфических характеристик человеческого интеллекта, который физик Роджер Пенроуз относит к «мгновенному приговору интуиции», неотделимого от людского рассудка. Однако после всего этого есть взгляд Клаузевица: «мерцание внутреннего света ведет нас к истине».

Великий удар стратегии вырисовывается из этой интуитивной сердцевины. Пока еще стратеги не должны жить лишь вдохновением. Вдохновение без поддержки строгого анализа становится авантюризмом. Такие интуитивные подарки должны идти в паре с эффективными теоретическими основами. Теория хаоса уникально подходит для предоставления таких основ. Она может подвигнуть нас вести реалистичную политику в постоянно изменяющуюся эпоху, и открыть запоздалое освобождение стратегического мышления.

Игорь Окунев

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ СИЛЫ В СТРУКТУРЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Современный мир характеризуется наличием двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу, ведущих тенденций — интеграции и фрагментации. С одной стороны очевидна интеграция между различными акторами международных отношений в самых разных регионах мира, процесс который постепенно стирает национальные границы, а с другой — продолжающее дробление политической карты мира, вызываемое усилением этнического и конфессионального самосознания у различных групп населения. Другими словами, структура политической карты мира представляет собой совокупность центростремительных и центробежных сил.

Если представить, что центростремительные и центробежные силы составляют систему, а не вызваны хаотичными слабосвязанными факторами, то это значит, что должна быть некая система источников этих сил, т. е. эти силы должны формироваться некой единой системой факторов. Здесь представляется логичным продолжить использование физических терминов для описания системы международных отношений. Во вселенной центростремительные и центробежные силы также не возникают хаотично, а вызваны законом всеобщего тяготения и представляют собой силы притяжения и отталкивания. Все предметы притягивают другие предметы, и скажем, планеты вращаются вокруг звезд именно благодаря этому свойству. Таким образом, нам нужно понять, вокруг чего в системе международных отношений возникают силы тяготения, тогда мы сможем получить систему источников тех центростремительных и центробежных сил, систематичное присутствие которых нам очевидно.

Представляется, что источники гравитации в структуре политической карты мира бывают трех типов, условно назовем их полюсами, ядрами и центрами.

Полюсами мы назовем такие источники гравитации, которые обладают столь значительной силой притяжения, что в той или иной степени влияют на все элементы политической карты мира.

Еще совсем недавно в мире существовало два полюса (или сверхдержавы) — США и СССР, и весь мир был как бы поделен на три сектора: сектор подавляющего влияния США, сектор подавляющего влияния СССР и сектор, в котором шла перманентная борьба между двумя полюсами (третий мир). Такая система международных отношений называлась двуполярной. Двуполярной система международных отношений была и накануне обеих мировых войн, только в этом случае в качестве полюса выступало не одно государство, а военный блок государств. Также примерами двуполярности в истории могут служить периоды греко-персидских и пунических войн. Как мы видим, система двуполярности почти неминуемо ведет мир к ожесточенному противостоянию двух полюсов.

Нынешняя ситуация с полярностью выглядит не так однозначно. С одной стороны, одного государство на земле — США — явно опережает все другие по большинству фундаментальных показателей развитости и влиятельности. С другой стороны, в силу очевидной пагубности однополярной системы, целый ряд акторов стремится начать влиять на все процессы, происходящие на политической карте мира, и является потенциальными полюсами. К таким акторам необходимо отнести Европейский Союз, Россию, Китай, Индию и мусульманский мир. В итоге нынешнюю систему можно охарактеризовать, как однополярную, стремящуюся с многополярности, или как полумногополярную.

Центры в противоположность полюсам, влияющим на все элементы политической карты мира, влияют только на свое ближайшее окружение, как правило, только на сопредельные государства I и II порядка. Группировки стран I и II порядка формируют вектор геополитического влияния центра.

Ядра занимают срединное положение между полюсами и центрами и представляют собой совершенно уникальный тип источника гравитации. В отличие от полюсов и центров, в качестве которых, как правило (хотя не обязательно), выступают государства, ядрами вы-

ступают континентальные надгосударственные образования, международные организаций или просто пан-континентальные идеологии. Именно ядрам мы обязаны всплеском интеграционных процессов на различных континентах, который мы наблюдаем в последнее время. Таким образом, ядра влияют на элементы политической карты одного континента или его значительной части.

В XX веке особенно после выхода в свет исследований, в первую очередь, Шпенглера, Тойнби и Хантингтона особую популярность приобрел цивилизационный подход к международным отношениям, другими словами, идея, что стержнем международных отношений является существование некоего числа цивилизаций, противостояние которых и является основой процессов на политической карте мира. Очевидно, что в современном мире существует некоторые региональные группировки стран, границы которых примерно совпадают с границами цивилизаций или континентов: Европа, постсоветское пространство, Арабский регион, Южная Америка, Африка и т. д. При этом глубина внутренних интеграционных процессов в этих регионах, равно как и степень противостояния с другими регионами, не связана с цивилизационной совместимостью. Так, наиболее глубокие интеграционные процессы идут в самой пестрой цивилизации — европейской, а самое глубокое противостояние наметилось между самыми близкородственными цивилизациями — арабской и европейской, а, скажем, с наиболее далекой — японской — наблюдаются очень теплые отношения. Другими словами, хотя эти региональные группировки в ряде случаев и базировались на цивилизационной близости, процессы на политической карте все же объясняются не разницей между цивилизациями. Дело в том, что страны в подобные региональные группировки толкает не единое культурное прошлое, а существование внутри этой группировки некой идеологии, которая кажется привлекательной для жителей этой страны или ее правителей. Мы живем в век региональных идеологий, которые в отличие от идеологий прошлого (например, коммунизма), не являются универсальными, не стремятся покорить все народы, они с самого начал заточены под конкретный регион. Другими словами, идеология сегодня тесно срослась с территориальностью. Мы имеем дело с противостоянием не цивилизаций, а все тех же идеологий, только на этот раз, привязанный к конкретной территории или цивилизации.

Ядра — это и есть как раз такие региональные идеологии, т. е. гравитационным источником выступает не государство, а региональная идеология, которая притягивает к себе элементы политической карты конкретного региона. В качестве ядер выступают идеологии паневропеизма, панарабизма, панафриканизма и т. д.

Итак, структура политической карты мира представляет собой совокупность центростремительных и центробежных сил, возникающих вокруг трех типов источников гравитации — полюсов, ядер и центров. Элементы политической карты мира, подобно звездам, определяют свой путь в зависимости от того, который из центров оказывает на них большее влияние.

Получается, что центростремительные и центробежные силы на политической карте мира не только образуют систему, но и находятся в отношениях жесткой взаимозависимости. Ослабление центростремительных сил приводит к усилению центробежных и наоборот. Итак, две ведущие тенденции, разобранные вначале, интеграция и фрагментация, не только не противоречат друг другу, но и находятся в отношениях жесткой зависимости. В мире, по-видимому, существует некая константа гравитационной силы — сумма центростремительных и центробежных сил никогда не увеличивается и не уменьшается, просто происходит перераспределение между ними. Стабильность в мире в таком случае возможна только, если достичь неизменности гравитационной силы всех источников гравитации, т.к. любое изменение только в одном источнике проводит к перераспределению гравитационных сил во всем мире. Такая стабильность едва ли возможна.

Если начать наносить очаги напряженности на политическую карту мира, они почти точно выстроятся в линию. Существование этих регионов повышенной напряженности объясняется, по-видимому, тем, что они находятся в межгравитационных полях, т. е. вне зон уверенной и стабильной гравитации, на границе между разными гравитационными источниками.

И еще одно важное замечание, также как и в природе, все предметы имеют силу притяжения (пусть и ничтожно малую), так и на политической карте мира все элементы имеют какую-никакую силу притяжения и выступают в виде центров гравитации. Все они имеют векторы геополитического влияния, и таким образом политическую карту мира можно представить как множество геополитических

векторов. При этом, естественно, эти вектора будут совпадать, т. е., например, Россия имеет центрально-азиатский геополитический вектор, а Казахстан — российский геополитический вектор. Это один и тот же вектор, просто он обращен в обе стороны (т. е. не является вектором в строгом геометрическом смысле). Это выводит нас на важное умозаключение об обратимости или двунаправленности геополитического вектора. Вся система политической карты мира, таким образом, представляется как совокупность геополитических векторов, которые время от времени меняют на обратное свое направление. В таком случае удобнее центр, из которого выходит вектор называть плюс-центром, а центр, на который вектор обращен минус-центром. Россия по всем своим векторам пока остается плюс-центром. Расшифровка всех геополитических векторов для всех регионов мира даст крайне достоверное представление об истинном влиянии каждого конкретного центра на международную обстановку.

Наконец последний важный вывод, который хотелось бы акцентировать, это то, что центростремительные и центробежные силы, то есть силы, которые меняют структуру политической карты мира, появляются в результате распространения соответствующих идеологий. Вначале появляется идея, потом, проходя сквозь жернова общественной оценки, она либо отбрасывается, либо принимается к действию. Именно общественное сознание (сильно подверженное манипуляции, как мы знаем), взвешивая привлекательность (в широком понимании этого слова) гравитационных источников, определяет силу одних и слабость других, т. е. вектор направленности центростремительных и центробежных сил. Таким образом, и это поразительно, изменения на политической карте мира происходят не в силу объективных географических, исторических, политических, экономических или культурных факторов, а в силу субъективной общественной оценки. В итоге, получается, что политическая карта, прежде чем измениться на бумаге, меняется у нас в головах, в нашем сознании. А если она там меняется, это значит, она там и существует, т. е. настоящая политическая оболочка Земли, проекция политических процессов на территорию планету является фикцией, реально не существует, а живет и меняется только в сознании людей. Однако здесь мы уже залезаем в область исследования психологии, что ни в коем случае не может являться целью данного исследования.

Таким образом, как мы видим, две ведущие тенденции на современной политической карте мира, обуславливающие характер большинства процессов на ней, — интеграция и фрагментация — не протекают хаотично, а связаны между собой отношениями четкой взаимозависимости. Распределение центробежных и центростремительных сил объясняется перераспределением сил притяжения, возникающих вокруг различных источников гравитации. Именно эти закономерные процессы и формируют каркас структуры политической карты мира.

Николас Спикмен

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И БАЛАНС СИЛЫ

Введение

Почти четверть века прошла с того дня в ноябре 1918 г., когда огонь прекратился и война была окончена. Уже более 20 лет минуло с того момента, когда президент Вильсон представил мировым лидерам план создания более совершенного международного порядка, который, по мнению многих, должен был принести мир и безопасность. Но сегодня мир вновь объят пламенем. Продвинутые технологии позволили создать более совершенные орудия для массовых убийств; опустошение и разрушение вновь стали главной целью, на которую государства тратят свою силу, а человеческая жизнь опять принесена в жертву национальным интересам. Новая мировая война в самом разгаре и Соединенные Штаты в очередной раз являются ее активными участниками.

Мы стали полноценной воюющей стороной в результате японских атак на наши острова в Тихом океане и объявления войны Германией и Италией. Ночные атаки подняли национальное единство на поразительно высокий уровень и на время приостановили спор между изоляцией и интервенцией как наиболее подходящими вариантами для большой стратегии США. Две эти концепции не просто представляют две разные политические программы по защите интересов Соединенных Штатов, они также разнятся в своих идеологических перспективах и политических предпочтениях. Изоляционистская позиция всегда была психологически и эмоционально привлекательна для многих

слоев населения. Американское государство было основано людьми, которые повернулись к Европе спиной и хотели забыть о Старом Свете. Но войны и ссоры того континента, которые беспокоили их еще во время жизни на нем, не оставили их и на новом месте. Европейская политика все еще мешала их желанию свободы и самореализации. Доктрина, согласно которой американцам не стоит беспокоиться по поводу Европы является ответом на упомянутое желание. Наиболее ярые приверженцы курса на интервенцию это те, кто был вдохновлен идеалистическими рассуждениями. Некоторые хотели принять участие в событиях, потому что занимали пробританскую позицию; другие верили, что в период идеологического противостояния у нас есть моральное право поддержать общество, социальная и политическая структура которого близка к нашей собственной. Многие настаивали, что нам необходимо принять участие в войне, так как это единственный способ исправить свои ошибки 1920-х гг. и создать послевоенный мир с системой коллективной безопасности и надежным миром.

Вне зависимости от мотивов, которыми руководствовались люди при занятии той или иной позиции относительно внешней политики США, эти две программы разнятся в отношении вопроса о привлечении сил, что, вместе с изучением различных возможностей такого привлечения и их последствий для Соединенных Штатов, и является темой данного исследования. В таком свете оба подхода имеют глубочайшее различие в оценке важности баланса сил в Европе и Азии как залога безопасности США. Параллельно этому существует несогласие по вопросу о влиянии географического положения США и принципов военной и политической стратегии основанной на нем. Интервенция и изоляция представляются в таком свете двумя отличными друг от друга школами геополитической мысли.

Те, кто желал политической интервенции, заняли позицию, согласно которой первая линия обороны Соединенных Штатов — это сохранение баланса сил в Европе и Азии. Не отрицая того факта, что наше географическое положение предоставляет ряд очевидных преимуществ в сохранении территориальной безопасности, они настаивали на том, что это не дает нам права пренебречь вопросом баланса сил. Мы не были свободны от необходимости обдумывания стратегий, которые другим государствам на протяжении истории приходилось принимать в целях собственного выживания. В дополнение к установлению равновесия в Европе и Азии, интервенционисты видят

также вторую линию обороны в Западном полушарии. В свою очередь изоляционисты, опасавшиеся столь масштабного вовлечения сил, описанного в данной программе, понимали, что уникальное географическое положение между двумя океанами дает нам возможность оставить без внимания заокеанскую борьбу за власть и хладнокровно наблюдать разрушение баланса сил в Европе и Азии. Наша врожденная сила и защита, предоставляемая океанами, делают не только реальным, но и необходимым занятие оборонительных позиций и оставление Европы и Азии.

Спор об интервенции и изоляции, как спор о принципах большой стратегии, проистекающей из нашего географического положения, возник не с началом Второй Мировой Войны. Это один из старейших предметов спора в американской внешней политике, и, когда бы не поднимался вопрос о взаимодействии с заокеанскими силами или необходимости активных действий в Европе или Азии, он всегда становился предметом дискуссии. Когда в начале XIX в. Франция при поддержке Священного союза обдумывала реконкисту испанских колоний, Великобритания попросила нас присоединиться к ней в противостоянии этому плану. Это был долгий и сложный спор, конечную победу в котором одержали сторонники независимости и односторонних действий. Доктрина Монро выступила нашим публичным заявлением намерения защищать Западное полушарие без европейских союзников.

Позднее в том же веке этот вопрос снова поднимался в связи с нашим участием в европейских конференциях, таких как первая и вторая Марокканская конференции и Берлинская конференция, на которых разбирались последствия столкновения европейских сил а Африке. Такой проблемы не существовало в начале Испано-Американской войны, однако, когда в результате нашей победы, возник вопрос о том, стоит ли нам оставлять за собой Филиппины, противник сохранения заявили, что такой шаг противоречит логике нашего географического расположения, которая требует от нас не занимать территорий за пределами Западного полушария. Защитники этой позиции проиграли спор, так как в деле имелся государственный интерес и Филиппины были американской территорией более сорока лет, однако этот факт не остановил споров. В течение всего этого периода существовал протест по вопросу нашего участия в Восточной политике.

Первая Мировая Война вновь сделала этот вопрос насущным. В апреле 1917 г. мы стали полноправными участниками войны и спор на время завис в воздухе, но стоит отметить, что свершившийся факт никоим образом не приблизил окончания разногласий. Выступления против нашего участия продолжались всю войну. С прекращением военных действий началась новая фаза дискуссии, побуду в рамках которой одержали изоляционисты: Соединенные штаты отказались стать членом Лиги Наций и принять а себя какие-либо политические обязательства перед Европой. Спорный вопрос вновь не был урегулирован. В послевоенный период он принял форму дискуссии о степени участия, которую США должны принимать в попытках сохранения мира и порядка в Европе. Изоляционистская школа долгая время имела доминирующее влияние на формирование внешней политики, так как имела поддержку в Сенате, а наше отношение к вопросу оставалось равнодушным и безучастным. Попытки интервенционистов способствовать сотрудничеству с Лигой Наций были отвергнуты в ходе голосования в Конгрессе, в рамках которого была принята новая нейтральная политика, продолжавшая развитие изоляционистской философии вплоть до начала торой Мировой Войны.

Размер географической зоны в Новом Мире, необходимой для построения адекватной системой защиты последовательно увеличивался в умах изоляционистов. В начале она располагалась в пределах государства; после постройки Панамского Канала расширилась и включила в себя Карибский бассейн, а затем и все полушарие. И интервенционисты, и изоляционисты сделали защиту Нового Света частью своих программ, но имели разногласия в оценке относительной важности этого вопроса. Для первых это была вторая линия оборона, к которой мы могли отступить, если бы политическая интервенция в Европу и Азию окончилась бы неудачей. Для изоляционистов же она представлялась первой линией фортификаций, на создание которой должны были быть направлены все силы и за границей которой отсутствовали какие-либо интересы. Защита полушария через его изоляцию стала новой, модернизированной версией старой изоляционистской позиции.

Соединенные Штаты вновь стали участником войны и старый вопрос принимает новое значение. Теперь это вопрос не стратегии мира, а стратегии войны и военных целей. Стоит ли нам направить основную часть вооруженных сил на защите Западного полушария,

фокусируясь на территориальных водах Нового Света, или же нам необходимо нанести удар и принять участие в жестоких заокеанских битвах? Сможем ли мы оставаться независимыми в Западном полушарии, если Германо-Японский альянс сокрушит все сопротивление в Старом Свете, или же соображения свободы и безопасности требуют от нас разрушения могущественных военных империй, представляющих Европу и Азию, и восстановление баланса сил? Является ли заокеанский мир чем-то, что мы можем вычеркнуть из своей истории после победы 1918 г., или наши судьбы неразрывно связаны? Вторая Мировая Война представляет противостояние изоляционистов и интервенционистов в новом свете, однако основной вопрос остается прежним: стоит ли нам защищать наши интересы по эту сторону океана или через активное участие в заокеанских делах?

История знает несколько попыток доказать пригодность изоляции или интервенции в качестве основной стратегии через отсылки к различным прецедентам и апеллированию к авторитету Отцов-основателей. Обе группы обильно использовали эти инструменты в процессе спора, а наша история была существенно обогащена и изменена, чтобы предоставить аргументы обеим сторонам. Даже если благоприятная часть прошлого была больше неблагоприятной, из этого еще не следует, что она представляет из себя образец правильной политику. Исторические прецеденты и воззвание Отцов могут быть использованы для получения общественной поддержки доктрины, но не как доказательство надежности. Не принятие прошлого, а работа в настоящем является критерием надежности политики. Не специально выбранные моменты истории Соединенных Штатов, а общий опыт государств должен стать основой для программы будущих действий.

Базовый аспект силы в международных отношениях не заслужил большого внимания в США. Частично из-за того, что мы выдумали себе изоляцию под защитой океанов, частично из-за религиозной составляющей нашей идеологии. Автор полностью осознает тот факт, что у людей существуют и другие виды мотивации, помимо овладения силой, а сила не является единственным аспектом международных отношений. Международные вопросы, так же как и внутренние, находятся под влиянием любви, ненависти и милосердия, морального негодования и жажды наживы, настроений и психических расстройств лидеров, а также эмоциональных страданий людей. Международное общество, тем не менее, это общество без центральной власти, охра-

няющей закон и порядок, и без какого-либо официального ведомства, защищающего права его членов. В результате одиночные государства должны сделать возможность сохранять и преувеличивать свое влияние основной целью внешней политики. Надежная внешняя политика Соединенных Штатов должна основываться на реалиях международного сообщества и разработать большую стратегию войны и мира, основанную на географическом положении США.

Ольга Якушина

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Р. ШТРАУСЦ-ГУПЕ

Введение

Актуальность данной темы определяется рядом аспектов. С того времени, как возникли государства, между ними существовало соперничество за лидерство и влияние, возникало противостояние интересов и появилась необходимость обеспечивать национальную безопасность, укрепляя мощь страны. Роберт Штраусц-Гупе был важной фигурой в укреплении власти США ввиду его активной деятельности и авторитета как дипломата и ученого. Он — представитель англосаксонской традиции в геополитике, на которого значимое влияние оказали идеи Н. Спикмена В свою очередь геополитический подход Р. Штраусц-Гупе повлиял на Г. Киссинджера, Дж. Шлессингера, А. Хейга, он взаимодействовал с американскими президентами и способствовал образованию НАТО. Р. Штраусц-Гупе был европейским эмигрантом, который приобрел значительное влияние в американской политической и интеллектуальной жизни в начале 40-х годов, он был одним из тех, кто сформировал направление дискурса о геополитике для США и способствовал институционализации геополитики. Он был убежден в превосходстве США и закате Европы. Более полувека Р. Штраусц-Гупе выступал за создание Американской империи, развивая концепцию глобального влияния США, единственной державы, способной спасти западную цивилизацию от русских, арабов, китайцев. При столь значимом вкладе в развитие направления внешней политики США, его фигура остается мало исследованной и ему посвящено небольшое количество научных статей.

Хорошо известно, что использование опыта прошлого позволяет более эффективно разрабатывать стратегии на будущее, применять

методы и практики, успешно зарекомендовавшие себя ранее. Поэтому представляется актуальным рассмотреть научное наследие дипломата и геополитика Р. Штраусц-Гупе, поскольку стратегические действия США, разработанные, в том числе, благодаря его участию, оказались реализованными и привели США к успеху в холодной войне.

Объектом исследования является геополитическое знание.

Предметом исследования является геополитическая концепция Р. Штраусц-Гупе.

Цель — определить основные положения мирового баланса сил согласно Р. Штраусц-Гупе.

Задачи:

- установить центральные положения концепции Р. Штраусц-Гупе;
- исследовать положения концепции в стратегии внешней политики США;
- охарактеризовать составляющие силы государства;
- определить стратегические цели США, которые обеспечат контроль над мировыми процессами, согласно Р. Штраусц-Гупе;
- охарактеризовать роль США на мировой политической арене;
- определить направления критики идей Р. Штраусц-Гупе.

О формировании взглядов Р. Штраусц-Гупе

Ко времени, когда США вступили во Вторую мировую войну, интерес к геополитике был достаточно широко распространен в стране. Например, предприниматели изучали геополитические аспекты для того, чтобы получать больше информации для проведения доходных инвестиционных решений. Правительство тоже проявляло все больший интерес к геополитической науке и использованию ее в военных целях. Определенное число правительственных агентств выясняли, как геополитические теории могут содействовать в ведении войны, и геополитические идеи Р. Штраусц-Гупе оказались полезными для военного департамента США. У службы военной разведки был собственный геополитический отдел, целью которого было исследование физической, экономической, политической и этнологической географии для того, чтобы консультировать о мерах по национальной безопасности и обеспечивать продолжение мира в послевоенном мире, а также для проведения тех исследований, которые могут потребоваться для немедленного продолжения войны[1].

[1] *Crampton A.*, Tuathail G. Intellectuals, institutions and ideology: the case of Robert Strausz-Hupé and «American Geopolitics» // Political Geography, 1996. — Vol. 15. — № 6/7 — P. 539.

Геополитический подход был чрезвычайно востребован во время президентства Т. Рузвельта, особенно в тайной разведке и исследовательских отделах, где под руководством Дж. Ф. Картера собирались географические данные и подготавливались многочисленные доклады разведки. Здесь особую роль сыграло создание Проекта М (сверхсекретный проект Белого Дома по миграции; М — Migration), возглавляемого И. Боуменом и антропологом Г. Филдом. Участие в Проекте М дало возможность Р. Штраусц-Гупе, до того занимавшемуся только журналистикой, контактировать с многочисленными учеными разных областей знания: антропологами, политиками, политическими географами, историками. Именно во время участия в Проекте М он создал одну из своих основных работ «Баланс завтра». Он занимался геополитическими аспектами исследований, а также считал своей важной задачей продвижение идеи того, что для членов вооруженных сил геополитические знания и мышление просто необходимы для победы США. Он не только разрабатывал учебные программы, но и принимал непосредственное участие, читая лекции в рамках программы обучения флота V-12 об общем влиянии географических факторов в международных отношениях. Тем самым он имел возможность активно пропагандировать свои геополитические идеи и формировать единомышленников среди военных и государственных служащих, тех, кто на протяжении десятилетий будет принимать различные управленческие и внешнеполитические решения.

К 1940-м годам Р. Штраусц-Гупе стал значимой фигурой в области геополитики и развитии геополитического взгляда на мир в международных отношениях, что оказало влияние на стратегическое мышление американцев через геополитику. Он придерживался междисциплинарного подхода, используя знания истории, экономики, политологии, социологии, который дает более четкое видение мировой политики и того, как предотвратить новую конфронтацию. В дальнейшем Р. Штраусц-Гупе содействовал становлению антикоммунистического направления геополитики США в политическом дискурсе. А также публикации Р. Штраусц-Гупе способствовали возникновению и становлению Американского Геополитического Института.

В целом в работах Р. Штраусц-Гупе можно выделить три основных положения[1], которые волновали его на протяжении всей жизни, и

[1] Crampton A., Tuathail G. Intellectuals, institutions and ideology: the case of Robert Strausz-Hupé and «American Geopolitics» // Political Geography, 1996. — Vol. 15. — № 6/7 — PP. 535-536.

оставались доминирующими в его трудах в результате увиденных им политических событий в Европе, что он использовал для выстраивания курса для США. Во-первых, важность безопасности, к пониманию чего он пришел, исходя из военных событий в Европе, которые он застал еще в юном возрасте, и в дальнейшем уже работая на Уолл-стрит и испытывая стойкую неприязнь к социальной революции, которая, по его мнению, издевалась над общим стремлением человечества к безопасности. Во-вторых, роль пропаганды в современной войне, когда борьба за умы людей выступает неотъемлемой частью военной стратегии. В-третьих, роль организации, профессионализма и целеустремленности в войне.

Геополитическое мышление Германии (Geopolitik)

На протяжении всей своей деятельности в США Р. Штраусц-Гупе сохранял пристальное внимание к тому, что происходило в Европе. Особый интерес для него представляли события в Германии, в связи с чем он прочитал книгу А. Гитлера «Моя борьба» и работы К. Хаусхофера по геополитике. Он рано пришел к убеждению о том, что нацистская Германия представляет серьезную опасность для свободы и демократии. В А. Гитлере он без сомнения видел сумасшедшего головореза, чей приход к власти стал возможным только в результате социального переворота, который последовал за Первой мировой войной. Стабильность средних классов была разрушена, а аристократы деморализовали и дискредитировали себя. В К. Хаусхофере он видел «нацистского Макиавелли», написавшего руководство, оправдывающее концепцию «жизненного пространства» и расовые теории А. Гитлера на геополитическому уровне. Видя столь серьезную опасность, которую Германия представляла для всего мира, он не встретил аналогичных взглядов в политическом дискурсе. Р. Штраусц-Гупе позднее говорил, что столкнулся с «коммерческим менталитетом», говоря о своей неудавшейся попытке открыть глаза на происходящее британцам. В Англии полагали, что, как только национал-социалисты придут к власти, то их напыщенные изречения сменятся деловым расчетом расходов и выгод. Они считали, что за фигурой А. Гитлера как фанатика на самом деле скрывался прагматик[1]. Но Р. Штраусц-Гупе,

[1] Sicherman H. Robert Strausz-Hupé: His Life and Times // Orbis, 2003. — Vol. 47. — № 2. — P. 199.

который, как и сторонники его идей, думал по-другому, что подтвердилось историческим опытом конференции в Мюнхене 1938 году: нежелание демократических лидеров видеть своих врагов реалистично и понять, что такие люди не заинтересованы в ведении переговоров для того чтобы покончить с конфликтами, их интересует лишь победа. Эти выводы не означали, что лишь война, а не переговоры, может быть ответом в таких ситуациях, но подчеркивали важность эффективной защиты, основанной на понимании природы угрозы, методов, используемых противником, и стратегии, которая могла бы использовать слабости противника против него.

В связи с этим в 1940-е годы в своих работах он обращается к необходимости изучения Германии и ее пропаганды, что позволяет прояснить характер стратегии и мышления немцев. В частности, этому была посвящена его работа «Геополитика: Борьба за пространство и власть». Основными ее идеями были следующие. В первую очередь его интересовала взаимосвязь геополитики и внешней политики национал-социалистов. Их геополитику он рассматривал как генеральный план, говорящий о том что и почему следует покорять, одновременно предоставляя военным стратегам наиболее простой путь для этого покорения. Тем самым Р. Штраусц-Гупе считал немецкую геополитику ключом к разуму Гитлера[1]. Исследуя научную ценность немецкой геополитики, он приходит к выводу, что это собирательная наука, которая слепо присвоила давно существующие теории в политической географии и объединила их для производства военной доктрины, что превратило ее не в науку, а иррациональную догму. Именно по этой причине в отношении немецкой геополитики он использует термин Geopolitik, поясняя такое написание тем, что оно используется для обозначения специфического использования немецкой школой мысли геополитических теорий[2]. Geopolitik — это испорченная вера, падшая геополитика, а настоящая геополитика — это название для взаимоотношений государства и его географического окружения. И именно настоящая геополитика, которую нельзя путать с немецкой Geopolitik, необходима для руководства внешней политикой США. Он уточняет свое разграничение геополитики, немецкой Geopolitik и американской геополитики. Первое — дисциплина, второе — план Германии по завоеванию мира, третье — доктрина американской

[1] *Strausz-Hupé R.* Geopolitics: The Struggle for Space and Power. — New York: Putnam, 1942. — P. vii.

[2] Ibid. P. 140.

политики с позиции силы[1]. Р. Штраусц-Гупе использует содержание геополитики как научной дисциплины, чтобы США могли противостоять немецкой Geopolitik и правильно выстраивать собственную внешнюю политику.

Но его аргументы и представление немецкой Geopolitik были во многом глубоко противоречивыми и преувеличенными, а также неточным описанием взаимоотношений геополитической традиции К. Хаусхофера и внешней политики национал-социалистов. Конечно, нельзя отрицать рациональность аргумента о немецкой пропаганде как основанной во многом на лжи, фальши и преувеличении. Но он представлял свои идеи таким образом, что они выглядели как единственно верные, как неопровержимая правда об истинных политических целях национал-социалистов. Германия изображалась экспансионной угрозой, за которой стоял и гениальный, и сумасшедший А. Гитлер. Его центральным аргументом было то, что молодые немцы гитлеровского Третьего Рейха, которые являются основой нацистской партии, ни боятся и ни уважают США, считая ее «феминистской страной, чьей мужественности больше нет»[2]. Германия бросает вызов ценностям США, и на этот вызов необходимо ответить.

В этот период творчества были заложены идеи, которые в дальнейшем повлияли на описание Р. Штраусц-Гупе угрозы со стороны СССР для США.

Геополитическая оценка баланса сил

Р. Штраусц-Гупе рассматривает геополитику как тип «научной инвентаризации» политики силы, в которой подчеркивается важность изучения элементарных географических компонентов национальной мощи. Международная политика может быть нестабильной, изобилующей изменениями и неопределенностью, но геополитическое исследование дает ценную информацию о фундаментальных силах, которые влияют на изменения. Внешняя политика, с его точки зрения, представляет собой скорее искусство выявления вероятных возможностей, чем науку. Работа «Баланс завтра» как раз представляет такой тип геополитического исследования возникающего послевоенного мира. Р. Штраусц- Гупе

[1] *Strausz-Hupé R.* It's smart to be geopolitical // Saturday Review of Literature, 1943. — Vol. 26. — P. 4.

[2] *Strausz-Hupé R.* Axis America: Hitler Plans Our Future. — New York: Putnam, 1941. — P. 69.

начинает работу с утверждения будущей гегемонии США в мировой политике, считая, что горизонт американской внешней политики охватывает политические проблемы всего человечества. Главная мысль работы состоит в том, что США должны отвергнуть изоляционизм, потому что обладают «потенциалом силы» для того чтобы принять на себя ведущую роль в международных делах и построить лучший порядок для всего человечества. В этой концепции наиболее важные компоненты, конституирующие геополитическую силу страны — население, сырьевые ресурсы, организация.

Первым элементом, составляющим основу силы страны, который анализируется в работе, выступает население, размер которого определяет размер вооруженных сил, а также количество и качество их вооружения. Он исходит из того, что у государств есть в распоряжении неравные технологические навыки, а превосходство в человеческом ресурсе означает также и военное, а, следовательно, политическое, превосходство. Но просто большая численность населения имеет небольшое значение и может оказаться слабостью страны, если не доступно достаточное количество ресурсов или при отсталости в технологическом развитии. Р. Штраусц-Гупе отрицательно относится к идеям мальтузианства об устойчивом населении и экономике, потому что они образуют статичную внешнюю политику страны. США необходимо опираться на рост, творческий потенциал и стойкость своих граждан. Важной особенностью американского народа выступает готовность изменяться и двигаться вперед, принимать новые расы и идеи. США были единственными, кто сохранили политические понятия и принципы, наследованные еще с XIX в., но они же опасны для численности населения, потому что не только товары, но люди и идеи тоже в состоянии двигаться свободно через политические границы. По его мнению, для США, традиционно, существует явно выраженная угроза снижения численности населения. В первую очередь необходима активная демографическая политика для предотвращения относительного сокращения числа населения и его старения. Когда Р. Штраусц-Гупе обращается к проблеме растущей иммиграции, можно заметить насколько современны его идеи и сейчас. По его мнению, европейский национализм основан на мысли о том, что этнические идентичности определяемы, и именно язык объединяет людей в одну национальную принадлежность. Однако языку можно обучиться, а, следовательно, неясно, с какого момента знание языка дает человеку

другой национальности право на принятие в национальность, речь которой он сделал своей или почему ему могут отказать в принятии[1]. Он критиковал иммиграционную политику США, считая, что увеличение населения таким образом не создает ресурса населения для роста силы страны, а наоборот ослабляет расовую и культурную гомогенность. Более того, он достаточно открыто исходит с позиций расовой иерархии, когда, описывая европейцев и американцев, он обозначает их как «народы», а, обращаясь к азиатам, описывает их как угрожающий этим народам «потоп». Он выступает против расизма национал-социалистов, но сам поступает аналогично — замыкается на европейцах как особом общем роде, для которого остальное человечество ничего не значит.

Следующим элементом выступают сырьевые ресурсы, являющиеся основой современной индустриальной экономики, нуждающейся в неограниченных поставках сырья, на которой, в свою очередь, основываются политическая и военная силы. По мнению Р. Штраусц-Гупе, уже на тот момент едва ли хоть один из множества добываемых и используемых сырьевых ресурсов, не использовался для создания инструментов войны. Основными сырьевыми ресурсами, имеющими основополагающее значение для военной мощи страны, выступают уголь и железо. Совокупно они составляют более половины сырьевого потенциала страны. Конечно, это не означает, что только они значимы, но дефицит таких ресурсов невозможно восполнить. Только те страны сохранят статус великих держав, которые богато обеспечены хотя бы одним из этих ресурсов и при наличии стратегического доступа к другому. США являются самым большим производителем угля в мире и обладают крупными угольными месторождениями. К другим ведущим державам, согласно Р. Штраусц-Гупе, относятся — Великобритания, Германия и СССР. Сопоставляя наличие сырьевых ресурсов и их освоение, он обращает внимание на властно-политические проблемы. Например, Маньчжурия — это ось региональной силы на Дальнем Востоке для Японии, Китая и России: кто контролирует Маньчжурию, контролирует дальневосточную тяжелую промышленность и обладает политическими и военными преимуществами. Итак, с точки зрения наличия запасов угля и железа существует только две главные силы: США со всеми доступными им ресурсами

[1] *Strausz-Hupé R.* The Balance of Tomorrow. — New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. — P. 99.

на Западе, и СССР, имеющий обширные запасы в Европе (Донецкий, Хакасский, Печорский бассейн) и Азии (Кузнецкий бассейн) и получивший стратегическое господство над дополнительными ресурсами в Восточной Европе (Силезия). Сырьевые ресурсы Великобритании велики, но данному государству недостает интеграции, необходимой для быстрого и эффективного преобразования потенциального богатства в индустриальный продукт для войны. Ресурсы силы западной и центральной Европы рассеяны среди нескольких стран. Если их собрать под одну экономическую единицу, то сырьевой потенциал будет равняться потенциалу Соединенных Штатов или СССР[1]. Помимо угля и железа, Р. Штраусц-Гупе останавливается и на запасах нефти, где опять же на первых позициях находятся США и СССР. США имеют доступ к обширным запасам нефти в соседних странах, в то время как СССР ожидает найти новые месторождения на своей территории. Две других главных нефтяных провинции — Ближний Восток и голландская Ост-Индия — лежат вне зоны прямого политического контроля любой из великих держав. Нефтяные скважины голландской Ост-Индии могут оставаться доступными для Великобритании и США только пока они имеют военно-морское превосходство в узких водах Сингапура и Японского моря. Синтетическому производству нефти в западноевропейских государствах препятствуют сравнительная нехватка человеческих ресурсов и стратегическая уязвимость их отраслей промышленности. Именно нефть является бесценным военным активом. (Современные события на Ближнем Востоке подтверждают положение Р. Штраусц-Гупе о геополитических интересах стран за контролем над нефтяными ресурсами.)

СССР построил тяжелую промышленность, основанную исключительно на неограниченных запасах полезных ископаемых, особенно угля, железной руды и марганца. Представляется, что СССР устанавливает новые методы массового производства действительно в новом мировом масштабе. Несмотря на значительные успехи в советской Азии, географический центр тяжести промышленности в обозримом будущем находится в Европе. Развитие тяжелой промышленности в Сибири и советском Дальнем Востоке может быть задержано неотложными делами в европейской части СССР. По природе распределения в мире сырьевых ресурсов и динамики демографии, если какая-

[1] *Strausz-Hupé R.* The Balance of Tomorrow. — New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. — P. 137.

либо страна и может побить американские рекорды производства, то это будет только СССР[1].

Соответственно, географическое положение является важным, поскольку оно определяет доступ к сырью и имеет стратегическое значение в таких областях, как уязвимость для атак.

Следующим элементом является организация. Форма политической, экономической, военной организации определяет эффективность использования человеческих и сырьевых ресурсов, которые выступают грубым показателем национальной силы. Население представляет собой живую силу, а запасы сырья — показатель тяжелой промышленности, что составляет подлинную военную мощь государства. Р. Штраусц-Гупе исследует зависимость между развитием технологий и экономическим ростом, приходя к выводу о том, что отношение национальной экономической силы и технологической прогрессивности к военной и политической силе является прямо пропорциональным.

Преобладающей тенденцией современности Р. Штраусц-Гупе считает индустриализацию и распространение методов массового производства по всему миру. Страны организовывают свои экономические системы для развития собственной военной силы. В этом есть количественная и качественная составляющие. В любой экономике, где уменьшается запас количественных факторов, должна улучшиться качественная составляющая, чтобы власть не понесла потери. Знание лежит в основе качественных улучшений, которые дают инновационные производственные технологии. Р. Штраусц-Гупе утверждает, что сила Соединенных Штатов в ближайшие десятилетия будет значимо обусловлена уровнем технологического прогресса, который США будут способны поддерживать. Мощь страны измеряется не производимым на данный момент оружием, а именно потенциальным[2]. Правильный тип военной экономики — это тот, который развивает наибольший военный потенциал.

Книга завершается темой, которая является центральным пунктом всей работы: мировая политика и сила. Р. Штраусц-Гупе подчеркивает опасность возвращения изоляционизма и постулирует необходимость формирования сети союзов для США ввиду опасности растущей экономической, военной и политической силы других

[1] Ibid. P. 169.

[2] Ibid. P. 200.

государств, в особенности СССР. Мировая политика — это игра с нулевой суммой, в которой рост другого государства ведет к потере собственной силы. Союзниками США могут быть лишь те государства, чьи политические, идеологические и экономические интересы соответствуют их собственным, то есть речь о Западной Европе и колониях. Поэтому нужно подождать с освобождением колоний, в противном случае есть вероятность того, что Индия и другие страны повернутся против своих бывших метрополий. Пока Великобритания управляет Индией, у нее будут единомышленники среди, по крайней мере, некоторых групп населения Индии. Но как только Великобритания освободит Индию, то, согласно Р. Штраусц-Гупе, машина пропаганды будет заведена не только против Великобритании, но против всего Запада.

Интересно отметить, что Р. Штраусц-Гупе указал в работе, что еще русский генерал и государственный деятель М. Д. Скобелев, прямо говорил о том, что чем более сильна Россия в Средней Азии, тем более слаба Англия в Индии, и тем более примиренческой будет ее позиция в Европе. Господство советского влияния на Балканах, Средиземноморье и Средней Азии теперь помещает данную страну в положение, намного более благоприятное, чем в XIX веке, чтобы осуществлять давление на британские интересы в этом регионе[1]. Итак, Западный мир сможет выжить в испытаниях настоящего и будущего только через объединение при лидерстве США.

Р. Штраусц-Гупе обращается к концепции «Heartland» Х. Маккиндера, считая ее фундаментальной аксиомой политики. Именно тот факт, что СССР является сухопутной державой, объясняет стремление данной страны к европейскому, азиатскому и в целом мировому доминированию[2]. Это доминирование не имеющих выхода к морю земель равнин европейской части территории СССР соединено с доминированием в центрально-восточной Европе между Балтией, Адриатикой, тогда создаются условия, при которых остается лишь несколько шагов до главенства в Европе. Если контроль над Сибирью и Средней Азией будет соединен с контролем северного Китая, Маньчжурии и Кореи, то страны юго-восточного направления будут объ-

[1] Strausz-Hupé R. The Balance of Tomorrow. — New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. — PP. 262-264.

[2] *Strausz-Hupé R.* The Balance of Tomorrow. — New York: G. P. Putnam's Sons, 1945. — P. 262.

единены властью, которая управляет осью мировой истории, и этот «мировой остров» будет во власти единственного владельца, у которого останется лишь шаг до господства на земном шаре. П. Н. Милюков, эмигрировавший российский историк и либерал, говорил в начале Второй мировой войны, что цель России будет состоять в том, чтобы возвратить наследие старой Российской империи. Р. Штраусц-Гупе пишет, что «восточный вопрос», касающийся влияния России в Черном море, бассейне Дуная и Проливах и распространился на Персию, Афганистан, китайский Туркестан, и Маньчжурию, был снова открыт. Центр российской индустриальной силы тяжести двинулся в восточном направлении.

С точки зрения Р. Штраусц-Гупе, баланс сил таков, что лишь союзная политика, которая основана не только на властно-политическом аспекте, но и на одинаковых ценностях и интересах, будет действенной в будущем. Одинаковые интересы и ценности у США могут быть таковыми только со странами Западной Европы. Таким образом, это в американских интересах помочь странам Западного мира политически и экономически восстановиться.

Роль США в мировой политике

Р. Штраусц-Гупе указывает на большие идеологические различия между советской империей и западными демократиями, а для коммунистической идеологии присуще опасное динамичное распространение, которое США должны предотвратить. Хотя СССР в работе «Баланс завтра» в явном виде не называется противником, от которого западная цивилизация должна защищаться, но это подразумевается. Роль США в глобальной картине мира Р. Штраусц-Гупе состоит в том, чтобы нести свободу, как глава и защитник западной цивилизации. Итак, его исследования выкристаллизовались в руководящую роль США в мире и их спасительную роль для Западной Европы, а иначе мир окажется в руках СССР, который, возможно, несет еще большую опасность, чем национал-социалистическая Германия. Он твердо верил в предназначение США как защитника и носителя этой свободы всему миру и в то, что главная задача США состоит в объединении мира под своим лидерством. Со времен Первой мировой войны ключевой вопрос, с которым сталкиваются

США — это защита Западной цивилизации, что представляет, с точки зрения Р. Штраусц-Гупе, национальный интерес США, потому что американская демократия немыслима в каком-либо ином контексте[1].

Описывая США как произведение эпохи позднего Просвещения, он считал, что, в отличие от Западной Европы, они смогли осуществить индустриализацию, не отчуждая граждан от существующих ценностей страны, не последней из которых был здоровый скептицизм к интеллекту. США были тем, что могло сохранить и распространить западную цивилизацию по всему миру. Р. Штраусц-Гупе считает необходимостью преодоление традиционного изоляционизма США и вмешательство в бушующую войну в Европе. Будучи эмигрантом, он имел личный опыт столкновения с политическим переворотом и потрясениями в Европе, и утверждал политику силы, которой, как считал, не хватало американцам.

В интервью 1995 года он скажет, что до Второй мировой войны США могли выбирать то, что хотели, и совершенно не были заинтересованы в политике с позиции силы, уповая на торговлю и международное право. Будучи европейцем, он имел иной взгляд и видел опасность бездействия американцев перед Гитлером или Сталиным, которые собирались захватить весь мир. США олицетворяли для него свободную жизнь, ценность которой они проповедовали, но при этом не видели глобальной угрозы завоевания мира, которой необходимо было противостоять[2]. То, что имело значение в политике, был не закон, а власть. Основывать внешнюю политику лишь на вопросах о праве и морали неуместно в международной политике.

Р. Штраусц-Гупе относился к США как к «единственной революционной силе в этом веке». США были ориентированы на будущее, нацией многих наций, толерантной и прагматичной. Именно они должны были объединить земной шар под своим лидерством. Из работ Р. Штраусц-Гупе ясно, что американцев и европейцев, Западную цивилизацию, он рассматривает как наивысшее выражение исторического развития. Главной целью США должно быть спасение Западной цивилизации. Анализируя факторы силы, он указывает, что сила — средство достижения цели. Эта цель — сохранение индивидуальных

[1] *Strausz-Hupé R.* Democracy and American Foreign Policy — Reflections on the Legacy of Alexis de Tocqueville. — London: New Brunswick, 1995. — P. 1.

[2] *Crampton A., Tuathail G.* Intellectuals, institutions and ideology: the case of Robert Strausz-Hupé and «American Geopolitics» // Political Geography, 1996. — Vol. 15. — № 6/7. — PP. 535-537.

жизней и гармоничного сообщества. Если человечество должно прогрессировать вперед по пути знания, богатства и христианской этики, то человек, его права и свобода, является конечной целью политики, и что постепенная адаптация предпочтительна для сильных изменений. Это значит, что перед США стоит обязанность «тянуть» вперед Западную цивилизацию вместе со многими и заметными ее недостатками[1].

Он утверждал, что после 1945 года осталось лишь два варианта — «Американская империя» или «федеральная Европа». Первый состоял в том, что вся власть концентрируется в американском императиве превосходства власти, а Европе отводится роль провинции. Такой вариант Р. Штраусц-Гупе отвергал на основании того, что это не позволит установиться здоровым отношениям между Западной Европой и США, и по сути США вообще не способны справиться с такой задачей. А, значит, оставался второй вариант, который и надо было воплощать в жизнь — воссоединить западное сообщество через социальное согласование на местах в федеральную систему, которая учитывает автономию разнообразных частей Европы. Он видел задачу поиска точек соприкосновения, на основе которых ведущие державы Европы (к которым относятся Великобритания и Франция, но не Германия) могут объединиться в процессе создания европейского единства. Такая Западная Европа будет в безопасности от советского запугивания и коммунистической подрывной деятельности. Он признавал трудности осуществления такого сценария в Европе, особо указывая на трудности с Великобританией, но писал о том, что лишь в этом случае Западная Европа будет обладать военной силой, которая станет гарантом ее безопасности, и способной разделить с США бремя защиты Западной цивилизации во всем мире[2]. Поэтому важно, чтобы США и государства Европы, которые разделяют общие политические традиции и ценности, объединились в федерацию.

Геополитика холодной войны: угроза СССР

Такое видение роли США на мировой арене логично привело к тому, что Р. Штраусц-Гупе стал одним из идеологов холодной войны. Его работы, связанные с периодом холодной войны, могут быть условно разделены на три периода:

[1] *Strausz-Hupé R.* The Balance of Tomorrow. — New York: G. P. Putnam's Sons,1945. — PP. 271-272.

[2] *Sicherman H. Robert Strausz-Hupé:* His Life and Times // Orbis, 2003. — Vol. 47. — № 2. — P. 203.

С 1948 по 1952 гг., когда США обладали ядерным превосходством, не испытывали внутренних проблем советского масштаба и были сильнейшим государством в мире. Работы Р. Штраусц-Гупе были связаны с изучением Европы, исходя из того, что США могли бы использовать превосходство силы, чтобы урегулировать ситуацию наиболее благоприятным для себя образом.

С 1954 по 1957 гг., когда фокус холодной войны был перенесен с Европы на Ближний Восток и Азию. Важнейшим аспектом для Р. Штраусц-Гупе была экспансия советского влияния среди неприсоединившихся к кому-либо людей мира, и одновременного укрепления силы СССР в Восточной Европе. В это время он также работал над институционализацией своего подхода к международным отношениям и распространением влияния на высокопоставленных политиков. Он основал журнал Orbis и Foreign Policy Research Institute для проведения исследований, которые были направлены на разработку будущей американской стратегии политики, развития методов исследования международных отношений.

С 1957 по 1961 гг. был наиболее спорным и дискуссионным периодом, в который была выпущена одна из основных работ Р. Штраусц-Гупе «Затяжной конфликт»[1].

Для характеристики того, как он понимал СССР и характеризовал его по отношению к США, обратимся к работе «Затяжной конфликт» и статье «Почему Россия впереди в пропаганде». Первая работа вышла в свет к концу второго президентского срока Д. Эйзенхауэра. Правительство не поддержало идеи Р. Штраусц-Гупе. Хотя Д. Эйзенхауэр был сторонником холодной войны и гонки вооружений, но период его президентства рассматривался как ослабление напряжения между США и СССР. Военная стратегия Д. Эйзенхауэра имела антикоммунистическую направленность, но для него было важнее достижение стабильности в военных расходах федерального бюджета перед лицом рецессии и роста оттока доллара из экономики, поэтому он не увеличивал военные расходы. Именно неудовлетворенность Р. Штраусц-Гупе американской внешней политикой привела к созданию в 1955 году Foreign Policy Research Institute. Вся деятельность Р. Штраусц-Гупе была направлена на развитие стратегии, при которой США выиграли

[1] *Crampton A., Tuathail G.* Intellectuals, institutions and ideology: the case of Robert Strausz-Hupé and «American Geopolitics» // Political Geography, 1996. — Vol. 15. — № 6/7. — PP. 543-544.

бы холодную войну. Результатом исследований стала работа «Затяжной конфликт», в которой он всесторонне рассматривает СССР так же, как он ранее рассмотрел Германию. Советский противник должен был быть понят, в частности его метод ведения конфликта, а также нужна была конкретная стратегия, чтобы использовать слабые стороны СССР. Он рассматривал СССР и с философской, и с геополитической стороны. Будучи не высокого мнения о немецкой философии XIX и начала XX вв., он резко отрицательно относился к марксизму, который считал «претенциозным», а также стоящим против ценностей свободы и демократии. В советском марксизме он видел то же научное мошенничество, что и в немецкой Geopolitik. Аналогично тому, во что была превращена геополитика национал-социалистами, В. И. Ленин использовал марксизм как машину извлечения пользы и удержания неограниченной власти. А затем СССР Сталина соединил имперскую российскую традицию с революционным подтекстом марксизма-ленинизма. В «Затяжном конфликте» СССР представляется машиной по выведению из строя Запада, а демократические страны слишком наивны, чтобы осознать советскую стратегию. Эти страны были склонны видеть лучшее слишком долго, до последнего момента, когда только лишь отчаянные меры могут позволить им спастись. А такая тактика пассивного ожидания со стороны Запада, давала тактическую подвижность СССР.

Коммунисты рассматривают конфликт в долгосрочной перспективе и находятся в состоянии постоянной революционной войны, в то время как Запад рассматривает войну в терминах «сражений». СССР использует все аспекты социальной, политической, психологической и экономической войны, чтобы получить стратегическое преимущество над врагом. Это тотальная революционная доктрина, доминирующая во всех областях жизни общества, созданная для свержения существующего общественного порядка и создания коммунистического общества. В дискурсе Р. Штраусц-Гупе о СССР доминирует описание коммунистов как опасной фигуры «другого», который в отличие от «нас» (Западной цивилизации), поглощен желанием силы и мировой революции. Его работа задумывалась как представление истинной природы коммунистической угрозы для пробуждения Запада, политика которого была сведена лишь к реагированию на каждую коммунистическую атаку вместо осуществления активных действий.

Р. Штраусц-Гупе определяет четыре взаимосвязанных принципа стратегии затяжного конфликта СССР, которые представлены ниже.

Непрямой (косвенный) подход. Стратегия затяжного конфликта откладывает решающее сражение до того момента, когда баланс сил склоняется в сторону революционеров и победа гарантирована. Это был принцип действия СССР в выходе из Ирана в 1946 г. и из Южной Кореи в 1953 г. Однако это не значит, что коммунисты отвергают военные тактики, они просто используют тонкие, косвенные методы. СССР, согласно Р. Штраусц-Гупе, переносит конфликты в «серые зоны» и проводит «войну через доверенные лица». Серые зоны составляют те части мира, которые не покрыты западной системой безопасности, такие как Азия и Африка, и где существующие национальные освободительные движения служат полезным средством для постепенной коммунистической инфильтрации. Назначение такого подхода в локализации конфликта и воздержании от открытого вызова Западу. Это позволяет поставить оппонента в замешательство, поскольку не видя явной коммунистической угрозы (а значит неуверенные в подлинности вызова), западные страны откладывают ответные действия, в результате чего ситуация полностью выходит из под контроля в пользу СССР. «Доверенные лица» коммунизма действуют по двум направлениям: национально-освободительные движения, используемые для ведения войны в странах «третьего мира», и различные национальные коммунистические партии, действующие внутри Запада. Вторые наиболее опасны, потому что через национальные коммунистические партии советские лидеры осуществляют ежедневное вмешательство в политическую жизнь нейтральных и западных государств, влияя на внутреннюю и внешнюю политику. А поскольку Р. Штраусц-Гупе предполагает, что все коммунистические партии контролируются прямо из Москвы, то западные коммунисты являются непосредственной угрозой для западной демократии и свободы, и в случае конфликта, они превратятся в пятую колонну в распоряжении коммунистического командования.

Обман и отвлечение. Согласно Р. Штраусц-Гупе, у коммунистов есть два основных метода обмана: изменение политики и преувеличения. Он предлагает три примера политических изменений СССР, которые во многом были следствием игры на западных надеждах на мир во всем мире и производились для подрыва западного противостояния коммунистическому вызову. Первым была новая экономическая

политика В. И. Ленина в 1921 году, которая предлагала западным наблюдателям картину того, что СССР движется в сторону компромисса между социализмом и капитализмом; вторым были призывы И. В. Сталина к националистическим настроениям в середине 1930-х гг., которые предлагали отказ от бескомпромиссного коммунизма; третьим была кампания десталинизации, инициированная Н. С. Хрущевым. В третьем примере Р. Штраусц-Гупе утверждает, что коммунисты осознали, что их бескомпромиссная политика объединила Запад, и из-за этого они сделали вид, что решили изменить свой курс. Более того, он предполагает, что сам И. В. Сталин задал путь для десталинизации. Этот вывод вырисовывает для Р. Штраусц-Гупе линию преемственности в советской стратегии, и он отрицает существование внутренней политической борьбы за власть и изменения политики. СССР не меняется, это лишь умная и изощренная политическая тактика. Второй метод обмана — преувеличение — относится к советской экономике и фальсификации военных данных. Он утверждает умышленный статистический обман СССР ответственным за эскалацию гонки вооружений. Советская техника отвлечения состоит в том, что если внимание Запада будет перенаправлено на вложение всех ресурсов и усилий в то, что выгодно СССР, то их положение в Восточной Европе будет укреплено как никогда. Р. Штраусц-Гупе предупреждает, что СССР старается лишить Запад его источников стратегического сырья, рынков, интеллектуалов, идеологии, а также окружить по Азии, Ближнему Востоку и Африке.

Монополия инициативы. Успех затяжного конфликта зависим от поддержания врага в постоянном оборонительном и реактивном состоянии. Коммунисты тонко играют на моральных и юридических принципах западной цивилизации через разграничение «зоны мира» и «зоны войны» холодной войны. Он нашел отражение этого в Доктрине Трумэна, где основой стала политика сдерживания, повлиявшая на внешнюю и политику безопасности, опираясь на предположение о «зоне войны» и «зоне мира». При политике сдерживания США должны были продолжать реактивную политику, применяя ответное давление на СССР вместе «серией постоянно меняющихся географических и политических точек, соответствующих сдвигам и маневрам советской политики», что означало — места конфликта выбирались коммунистами. Запад боролся лишь за сохранение статус-кво, позво-

ляя силе СССР беспрепятственно расти, приводя к перевесу баланса сил в пользу СССР.

Изнурение. Первая из техник изнурения — использование свободы слова в западных обществах для культивирования комплекса вины и повышения оппозиции по отношению к политике холодной войны. В этом случае Р. Штраусц-Гупе ссылается на советские обвинения в адрес западного империализма. Вторая техника — предложение мира и нейтрализация дискуссий, особенно о статусе Германии и демилитаризации Центральной Европы. Таким образом, последовательные призывы Н. С. Хрущева к переговорам на высшем уровне опять же интерпретируются как часть тонкой военной стратегии. Цель состоит в воздействии на общественное мнение за пределами коммунистического блока и проведении пропагандистской кампании, как и все бои холодной войны, на территории свободного мира. Целью советской кампании нейтралитета в Европе является роспуск западной системы союзов, во-вторых, вывод американских и британских войск с европейского континента, и, наконец, создание широких демилитаризованных регионов Центральной Европы, которые, подверженные давлению силы со стороны СССР, в конечном итоге уступят ему[1].

Эти выводы о стратегии СССР отразились в работе «Будущая стратегия Америки», выпущенной в 60-е годы, где был предложен ответ на затяжной конфликт. Единственным действенным вариантом Р. Штраусц-Гупе определяет постоянное давление по советской периферии, при укреплении единства и военной мощи Запада. Активная западная тактика в таком направлении вынудит коммунистов принимать стратегические решения, которые были невозможны при политике пассивного сдерживания. Запад сможет победить СССР, если враг лишится тактической гибкости.

Критика идей Р. Штраусц-Гупе

«Затяжной конфликт» был одним из множества текстов, связанных с дискурсом холодной войны, который показывал, что советская опасность центральна и всеобъемлюща, чем обосновывалась необходимость увеличения доли военных расходов. Исторический и политический контекст в определенной степени вообще не замечался.

[1] *Crampton A., Tuathail G.* Intellectuals, institutions and ideology: the case of Robert Strausz-Hupé and «American Geopolitics» // Political Geography, 1996. — Vol. 15. — № 6/7. — PP. 548-551.

Как можно отметить, во взглядах Р. Штраусц-Гупе, также проявлялась антиисторичность, когда политика СССР сводилась к одному набору целей, установленных В. И. Лениным, и которые сохранялись на протяжении всей истории СССР даже на этапе десталинизации. Такие исследования были во многом антигеографичны ввиду того, что сводили сложность мировой политики до одного определяющего сценария: глобальная экспансия коммунизма. В центре множества работ Р. Штраусц-Гупе стоит идея о том, что действия СССР определялись исключительно коммунистической идеологией, и такое упрощение скрывало от его взора и взора читателей изменения на мировой политической арене или внутри СССР.

Один из критиков этих идей Дж. У. Фулбрайт писал о том, что социальный климат был таков, что дискурс холодной войны был привлекателен как для военных, так и для гражданских. Постоянная атмосфера нагнетания коммунистической угрозы представляла опасность для общественного мнения. Он отмечал, что радикализм правых вполне ожидаемо обладает массовой привлекательностью, потому что предлагает простое и понятное решение: «выместить все на враге»[1].

Р. Штраусц-Гупе на протяжении всей своей жизни интересовался методами пропаганды в виде политической и психологической войны. Он осуждал ее как в случае Германии, так и СССР, но при этом сам выступал в роли пропагандиста контрпропаганды, знающий противника досконально и понимающий истинные намерения и те обманные стратегии, которые будет использовать враг. Это создавало атмосферу постоянной опасности в политической жизни США. В утверждении декодирования враждебной пропаганды, Р. Штраусц-Гупе на самом деле занимался созданием американской пропаганды и условий для милитаризма холодной войны. Столь односторонне описывая СССР, он облегчил создание дискурса холодной войны, что создавало сложности для заключения мира или хотя бы дипломатических взаимоотношений, сужая любое пространство для диалога и дипломатии.

В какой степени он постулировал действительный расизм или скорее ярко выраженный культурный шовинизм, говоря о том, что лишь западная цивилизация стоит на позициях прогресса, благосостояния, свободы и порядка, а иные регионы и культуры, к которым эта ци-

[1] Fulbright J. W. Memorandum: propaganda activities of military personnel directed at the public. In Fulbright of Arkansas (K. E. Meyer, ed.). — Washington, DC: Robert Lute, 1963. — PP. 226-227.

вилизация не относится, они отсталые, бедны, несвободны и стоят на позициях кровавых революций, сложно сказать. Но во многом его позиция объясняется временем, в которое он жил и тем, что его собственные работы по сути относятся к идеологизированной геополитике: разделение между расой, культурой и идеологией не всегда можно явно провести. Но Р. Штраусц-Гупе и сам понимал идеологический подтекст своей работы. Он считал, что невозможно упорядочить данные без введения ценностных суждений, которые являются собственной моральной философией исследователя. Эти ценностные суждения не могут быть исключены из наблюдаемых явлений, поскольку это — моральное суждение исследователя, который идентифицирует феномен и формулирует гипотезу о нем. Восприятие одного человека другим зависит от того, чем они оба являются — от того, как один человек воспринимает себя и других как моральное существо.

Заключение

Р. Штраусц-Гупе был видным государственным деятелем, дипломатом, и в ряде случаев его идеи оказали непосредственное влияние на принятие политических решений в США. Он начал свою карьеру с написания труда о национал-социалистической Германии как глобальной угрозе для США и мира, а в послевоенный период дал аналогичный анализ СССР. В обоих случаях, система изложения геополитики была одинакова: дискурс опасности о грозном, глобальном враге, представленном как фигура «другого». В работах сохранялся набор сходных идей на протяжении всей его деятельности. К ним относятся избирательный характер использования Р. Штраусц-Гупе доктрины и пропаганды постулируемого им врага как подтверждение тайного, деструктивного и изощренного умысла в каждом действии, что у врага заранее установлен план завоевания мира как центральный пункт всей внутренней и внешней политики. Исходя из этого, задачей всех его работ было: открыть глаза США на реальный характер угрозы, которая стоит перед ними. Несмотря на противоречивость взглядов Р. Штраусц-Гупе и одностороннее изображение врага, его идеи остаются актуальными и в современных условиях. Главным достоинством его работ остается то, что, по сути, задавая курс холодной войны, он конструктивно использовал собственный опыт европейского эмигранта и знания различных наук — истории, географии, политологии,

социологии. Он видел результат «геополитического воздействия» на Австро-Венгрию, происходившие войны в Европе и понимал важность баланса сил в мире как для государств, так и для человека. Его волновали не только властно-политические аспекты, но и сам человек. Оценивая врага и противопоставляя его Западной цивилизации, несмотря на то, что этот изображаемый контраст и ценности врага были недостоверными (как можно увидеть в «Затяжном конфликте»), но благосостояние человека и сохранение ценностей свободы и демократии становится не менее важным, чем рост мощи государства. Он стремился к созданию баланса сил во имя свободы и демократии, но считал, что единственная система, которая могла это сделать — американский тип демократического федерализма. Предложенная им геополитическая стратегия была направлена на достижение мирового порядка, когда во главе всего человечества будет стоять Американская империя.

В своих работах Р. Штраусц-Гупе обозначил ключевые проблемы и предложил собственную модель их решения. Это не была лишь теоретическая работа, но практическая деятельность по привлечению внимания к геополитическим аспектам во внешней политике и по обучению этому американцев, чему он посвятил всю свою жизнь.

Турция

Мариус Вэкэрелу

ТУРЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В политологии существует теория игр: играя, в то же самое время мы решаем некоторое опросы: воображение может создавать проблемы, которые невозможно изложить на бумаге, и, в то же самое время, используя воображение мы можем развивать такие направления, которые невозможно осуществить в повседневной реальной жизни.

Для того чтобы понять карту Евразии надо рассматривать расположенные на ней стратегические пункты, один из них — Босфор, второй Гибралтар: первый как поэма, горяч в геополитике, как и страна, которая контролирует этот пункт, вторая точка холодна как эффективность Лондона. Мы выбираем точку горячести, поскольку в то же самое время — это наш стратегический выход к свободному миру.

Но поскольку мы размышляем в рамках теории игр, представим, что мы управляем этой страной: наш текст — это стратегия развития мощи Турции.

С точки зрения политического анализа, Турция представляется образцовым государством-проблемой. Это государство, которым занимается (более или менее поверхностно) любой специалист по международным отношениям, зная, что всегда можно что-то с чем-то увязать. Так что по вопросам связанным с Турцией публике никогда не приходит в голову, что кто-то из аналитиков ничего не знает.

Основой этого подхода служат три внутренних элемента турецкого государства и один внешний по отношению к Анкаре, который мы рассмотрим отдельно.

Конкретно, элементы, которые позволяют любому специалисту в международных отношениях казаться «компетентным в турецком досье» в том, что касается внутренней политики являются географическое положение, население этого государства и его религия (более

точно, напряженность связанная с ролью религии в турецком обществе). Любой дискурс, базирующийся на этих темах будет использовать большие имена и концепты: Мустафа Кемаль Ататюрк, Босфор, проливы, светское общество, армия, исламизм, терроризм, и обязательно — курды.

Внешний элемент связан с надеждой или желанием (классифицируем позднее ее природу) турецкого государства, связанными с интеграцией в надгосударственное образование — Европейский Союз.

При всем при этом, Турция совсем не сводится нами к названным проблемам (которые обязательно будут ходить в общую формулу оснований любого адекватного анализа турецкого государства). Необходимо признавать и другие аргументы, которые меньше принимаются во внимание, так как считается, что время некоторых из них уже прошло.

1. Что такое Турция? Турция — это государство которое вписывается в негативную историческую логику, европейская историография считает империи исторической данностью, необходимостью времени, когда развитие человеческого общества не было мирным, но классифицирует их (и в конце концов их изучает) в связи с направлением их развития: с единственным исключением[1], позитивными империями признаются те, что развивались в направлении с Запада на Восток (Римская Империя, Империя Каролингов, Священная Римская Империя, Империя Наполеона и.т.д.).

Турецкое государство появляется как продолжение битв в Азии, борьбы вдохновляемой менее религией и более простыми материальными интересами: при этом воздействие оказанное этим государством не ограничиваются только финансовой циркуляцией и в общем всем тем наследием, что можно оценить деньгами на соответствующем пространстве, но имеет и религиозную составляющую.

Таким образом, необходимо понимать существование турецкого государства в двух формах:

А) В исламе, политический и военный режим, доминирующий над Меккой добывает и духовную и моральную власть халифата, поэтому претензию Стамбула на лидерство в мусульманском мире

[1] И именно Византийская Империя Юстиниана, так как непосредственно после нее начались мощные атаки переселявшихся народов против Империи, после чего в конце VI века император Фока оставил линию Дуная, сделав возможным, таким образом, вторжение славян.

(реализованная через военное завоевание важных зон в политико-религиозном пространстве Пророка), необходимо понимать и в имагологическом аспекте. В этом смысле будет интерпретироваться обязанность султана атаковать лично во главе своих войск Багдад, город рассматриваемый как главный конкурент в борьбе за превосходство на мусульманском пространстве (за исключением Аравийского полуострова).

Б) В то же самое время присутствие турков в Константинополе означало для христианского мира начало нового спора о том, кто обладает настоящим превосходством, и более конкретно, сколько Римов существует: Рим католический с центром в Ватикане, православный с центром в Константинополе и новый Рим, который бы перенял роль бывшей столицы греческой Империи. Поэтому падение Византии означало вхождение в соревнование новой столицы, Москвы. От этого следует важное последствие для всего черноморского бассейна — превосходство Москвы в христианском мире происходит в результате выхода ее из изолированного положения на огромной Русской равнине и в близлежащих степях и вовлечение в глобальные проблемы.

По настоящему систематически участвовать в европейских делах Турция начала тогда, когда Франция для того, чтобы заполучить противовес своим соседям заключила в XVII веке союз с султаном. При этом, в реальности роль турецкого государства была ясна с того самого момента, когда турки проникли в Анатолию — они были париями для старушки Европы. Даже в моменты двух мировых войн союз с Турцией добросовестно не рассматривался, хотя в том, что касается геополитики в целом присутствие Анкары в одном или другом лагере было необходимым.

Это отношение ярко выразилось в момент окончания Первой мировой войны, когда наступление греческой армии (проект «Мегали Идея» Элефтериоса Венизелоса и Лефтеракиса) с целью полного завоевания Малой Азии было поддержано (или по меньшей мере рассматривалось с симпатией или жестко не дезавуировалось в период военного конфликта) великими европейским державами. Только героизм турецкой армии привел к тому, что проливы остались под полным контролем Анкары.

2. После Второй мировой войны геополитическая ситуация осложнилась в невообразимой до настоящего времени степени[1],

[1] При этом надеемся, что с того момента все стабилизируется «на веки вечные».

вместо Великобритании (морской державы, которая в XIX — XX вв. преследовала в качестве цели только контроль ключевых позиций планеты[1] «non multa , sed multum», качество, а не количество), глобальным превосходством стали обладать две державы.

Более конкретно, тот тип контроля ключевых позиций, который был характерен для Великобритании, можно со всей ясностью увидеть в атаке во время Первой мировой войны полуострова Галиполли (недалеко от Дарданелл), которая представляет собой последнюю попытку классических великих держав европейского типа утвердиться в Эвксинском Понте.

С того времени, как мировое равновесие определялось только отношениями между США и СССР Турция получает позиции первого ранга в зоне, но в Анкаре (или точнее, внутри турецкой армии) влияние США становится решающим и вплоть до распада коммунистической системы (смотреть наступательные планы бывшего Варшавского договора) функционирует стратегический альянс между Вашингтоном и Анкарой (с некоторыми кризисами, связанными с отдельными проблемами).

3. 1989 г. вернул свободу значительной части планеты, способствуя и репозиционированию политических сил (более точно — государств, как единственных реальных акторов на политической сцене мира).

В каком пространстве находится Турция? Сформулируем ответ с точки зрения потенциального руководителя этого государства, тем более что подобное упражнение полезно для любого специалиста по международным отношениям. В зависимости от полученных нами результатов каждый читатель может сделать наблюдения, предложить новые варианты и гипотезы.

Уравнение, которое мы будем иметь ввиду, нюансируется на нескольких направлениях, в зависимости от того географического пространства, в сторону которого мы будем направлять взгляд. Не менее верно и то, что и из этих направлений множество глаз внимательно следит за Анкарой и принимаемыми ей решениями.

Другая специфическая характеристика Турции связана с ее богатым этно-лингвистическим наследием: в отличие от большинства государств мира, в которых соплеменники проживают в соседних странах, этнографическое пространство тюркофонии гораздо более

[1] Известна дипломатическая горячность, с которой Лондон защищал ключевую позицию Гибралтара вопреки Испании.

обширно, включая в себя всю Центральную Азию[1] (за исключением таджиков, которые ираноязычны). Что касается последствий вызванных этим феноменом, этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Первое направление анализа представлено Европой, так как она воспринимается в глазах многих граждан, выступающих за ЕС, но настроенных антиисламски[2] (антиисламская позиция преобладает в их суждениях или чаще всего определяет результат самого процесса). В рамках этого синтеза используем концепты ближнего и дальнего зарубежья, заимствованный у русских геополитиков.

К ближнему зарубежью Турции на европейском континенте отнесем бывшие территории, на которых существовала такая форма государственной и юридико-административной организации как пашалык. Из этих стран все же исключим Венгрию, хотя, начиная с 1541 г. в Буде мы найдем и эту политическую форму организации.

В рамках этих стран, мы находим найдем особую хрупкость государства (с тремя неравными исключениями — Греция, Хорватия и Болгария)[3]. Так, Албания — это государство скорее не существующее как юридическая форма, так как там коррупция смогла полностью подорвать административное здание. И снова, экономический кризис последних лет серьезно, хотя и не решаюшим образом, ударил по стабильности Греции.

Албания представляет две проблемы для Анкары: первая связана с тем, что при помощи Фатоса Нану и его партии Греция долгое время почти полностью контролировала албанское государство. В этом направлении греческое присутсвие стало квази-монополистическим во всех областях экономики[4] (настолько насколько она в реальности функционирует в Албании)…

Греция полностью заблокировала Албанию, на давая ей ни шанса для того, чтобы утвердиться экономически (например, древняя

[1] В том, что касается реального пространства Центральной Азии см.: J.P Roux — Asia Centrală , ed. Semne , Bucureşti, 2007 и P. Karam — Revenirea islamului în fostul imperiu rus . Allah după Lenin , ed. Scripta , Bucureşti , 1998.

[2] По этому вопросу идут достаточно оживленные споры в академических кругах, где порывы зачастую заменяют спокойствие обоснованного и структурированного решения.

[3] Румыния не вошла в перечень, так как юридически не находилась в этом положении.

[4] Признанно, что в Албании самые высокие тарифы на мобильную связь во всей Европе, что объясняется тем, что на рынке действуют толь две греческих фирмы, которые его поделили.

дорога Виа Игнатия, от Дурреса до Салоник реанимировалась на европейские деньги, только шоссе-автострада восстанавливалась начиная от Салоник и остановилась в нескольких километрах от греческо-албанской границы). Одним из самых тяжелых ударов, нанесенных Албании со стороны Греции пришелся по туристической отрасли.

Понимая это, Анкаре необходимо было играть роль защитника Албании, что она и сделала, отправив в тот момент, когда скандал вокруг финансовых пирамид достиг своего апогея, 5 000 солдат (в гарнизон, расположенный в центре Албании), которые обеспечили существование государства, находившемуся на грани развала. Стратегическая позиция Тираны в том, что касается контроля над Адриатикой, не может не приниматься во внимание и политическое и военное руководство Турции знает это.

Все эти действия способствовали стабилизации Албании, позволив этой стране заняться специфическими операциями разведывательного характера с целью создания великой Албании. Не менее справедливо и, что как утверждается в некоторых исследованиях, действия турецких войск на албанском пространстве были инспирированы США, результатом же стало то, о чем мы сказали выше.

Любой потенциальный руководитель турецкого государства будет вынужден принять эту реальность и проявлять покровительство в дальнейшем, для того, чтобы не позволить Греции стать единственным хозяином юга Балкан (тем более, что Афины не могут эффективно играть позитивную роль в экономике зоны евро).

Без сомнения давление Анкары как на Тирану, так и тем более на Афины затруднило распад македонского государства. Для того, чтобы реализовать эту цель, были задействованы и представители партии турецкого меньшинства в Болгарии.

Конкретно, Македония является буферным государством между Сербией (или теперь Косово) и Грецией по стратегической линии Вардара и между Албанией и Болгарией по линии между Востоком и Западом.

В принципе, ни один из старых соседей македонского государства не желает его существования по разным причинам. Единственными его покровителями были Болгария, действовавшая напрямую[1], и остававшаяся в тени Турция, для которой необходимо было не допу-

[1] Македонский язык очень близок болгарскому.

стить расширение Греции в направлении Вардара. Любой руководитель Турции будет и дальше обеспечивать такое поведение, поскольку другой альтернативы в данной зоне нет. Равновесие полезно как для небольших балканских государств, так и для вступления Анкары в ЕС, так как в данном случае будет необходима гораздо большая безопасность автомобильного и железнодорожного сообщения.

Ближнее зарубежье еще представлено Сербией, государством которое больше ничего не значит на политической карте Европы. Потерянный выход к морю аннулирует любые претензии на сильную политику в окружающем пространстве.

Все же в этой части континента есть два государства представляющие для Турции проблемы: Болгария и Греция, государства-члены НАТО и ЕС, христианские государства и бывшие базовые части Оттоманской Империи.

Анализ отталкивается в первую очередь от демографической перспективы: речь идет о Болгарии, стране находящейся в глубоком кризисе с этой точки зрения. Партия этнических турок со своими 14-15 % фактором равновесия, участвуя во всех коалициях став самой стабильно присутствующей на политической сцене партией наших южно-дунайских соседей. Более того, этнические турки контролируют значительную часть болгарского бюджета только изнутри, посредством партии. И в том, что касается брюссельских фондов, присутствие политиков турецкого происхождения в Болгарии также заметно.

Руководству Турции необходимо только обеспечивать хорошие отношения между двумя этносами в Болгарии, поскольку демографическое давление оказывается скорее на болгар, чем на турок. Более того, возможный быстрый экономический рост Болгарии привлечет и этнических турок из Турции, еще более усложняя ситуацию.

Греция является вечным противником Турции и против нее в любое время могут быть предпринять соответствующие действия (например в военных академиях обеих стран на первой лекции в которой рассказывают о вечных врагах государства, Греция или соответственно Турция играют главную роль).

Разногласия с Афинами различны, от проблемы островов близ турецкого побережья, до споров по поводу Кипра и континентального шельфа (богатого углеводородами). Эти аргументы (как и названные ранее) заставляют нас полагать, что политика Турции в отношении Греции, кроме того, что касается некоторых мелочей, не изменится.

Дальнее зарубежье представлено государствами-членами ЕС, где присутствие турецкого меньшинства является заметным (более двух миллионов этнических турок). Главной страной, которая имеется ввиду, является Германия, за ней идут Голландия и Швейцария.

Различия между турецкими общинами в трех названных странах велики: в Германии, и особенно на территории бывшей ГДР, турецкие общины многочисленны, а криминальная полиция сталкивается с большими проблемами пытаясь контролировать зоны в основном населенные турками; уровень преступности среди турок гораздо более заметен, чем в других двух странах.

В Германии турецкому меньшинству удалось на парламентских выборах 2002 г. добиться прохождения одного депутата в Бундестаг (нижнюю палату парламента) но по спискам одной из крупных партий, а не организации меньшинства.

В Голландии и Швейцарии турецкое меньшинство интегрировалось гораздо лучше, здесь исключены те криминальные операции, что возможны в Германии. И все же в Швейцарии возникла ярко выраженная проблема минаретов, что привело к референдуму согласно процедурам, установленным конституцией Конфедерации.

Политический лидер Турции будет стараться развивать межполицейское сотрудничество между Анкарой и Берлином, так как поддержка великого германского актора может изменить баланс в сторону вхождения Турции в ЕС[1]. Также он будет пытаться изменить направление миграции — в сторону родной страны. Поскольку ассимиляция турок в Швейцарии и Голландии прошла лучше, хорошие отношения с этими странами также должны быть продолжены.

4. Проблемы Турции с другой стороны представляют и ее восточные границы (не будем здесь рассматривать положение курдов, так как проанализируем ее, когда будет гооврить о внутренней политике). Геополитический пейзаж в этой зоне может быть рассмотрен по трем суб-направлениям:

А) Юг (юго-восток) — здесь мы находим в первую очередь Израиль, а также Сирию. Следовательно, включим сюда палестинскую и иорданскую проблемы.

Б) Восток — здесь включены, в основном. позиция по отношению к Ираку и Ирану, а также мусульманские республики бывшего СССР.

[1] Хотя французские партнеры в лице Саркози активно выступают против этой идеи.

В) Север (северо-восток) — в этом пространстве будет проанализирован Кавказ и ситуация в регионе Черного моря.

Первое стратегическое направление отмечено довольно крепким союзом с Израилем. Хотя и возникли проблемы, связанные с судном, безуспешно пытавшимся войти в территориальные воды Израиля, а операция по его остановке завершилась гибелью нескольких людей (в 2010 г.), геополитическая линия на макроуровне не была изменена. Фундаментальной здесь является позиция Вашингтона, так как одна из этих двух стран не может вести себя свободно по отношению к великому атлантическому государству[1]. Если бы Израиль был атакован в один прекрасный день множеством мусульман, недовольных его политикой, и дошло бы до того, что его стало бы необходимо эвакуировать на континент (ситуация была бы более чем сложной, так как миф, лежащий в основании Израиля предписывает, чтобы это государство оставалось на занимаемом им месте), могла бы Турция стать соответствующим убежищем? Согласно этой гипотезе будучи только этапом транзита, Анкара бы не могла занять такую позицию в мусульманском пространстве.

В этом смысле, должен быть создан союз, и более, он был создан и «забетонирован» через «литье воды на мельницу». Конкретнее, между двумя верными США государствами было заключено соглашение об экспорте воды из Турции в Израиль, что вызвало недовольство Сирии, лишенной таким образом резервов воды из Тигра и Евфрата.

При этом, для Турции является важным слишком не злить Сирию, так как Дамаск, благодаря тому, что у власти находится баасисткий режим, представляет собой плотину на пути инфильтрации радикальных исламистов на турецкую территорию: падение Сирии означало бы, что единственной преградой, защищающей Европу перед лицом любого проникновения исламисткой субстанции оставалась бы Турция, а ее внутренние проблемы слишком осложнили бы ситуацию, несмотря на 680 000 солдат, которыми она располагает в регионе (стоит отметить, что с 1990 по 2004 гг. турецкая армия выросла на 100 000 военных).

В этом смысле надо понимать визит, который глава Сирии Башар Ассад нанес в 2007 г., стремление к стабильности обоих государств является более сильным, чем различия (заметно, что два государства

[1] A. Lapidot — Firilla : Turkey s search for a «third option» and its impact on relations with U.S. and Israe l// Turkish Policy Quarterly , nr. 1 / 2005 (spring), p. 167.

являются светскими по своим основаниям, хоть это и инспирировано разными доктринами).

Южная граница означает и симпатию по отношению к Палестине в турецком обществе, но ей нельзя позволить стать доминирующей социальной ориентацией, хотя такие настроения в последнее время поддерживались Партией Справедливости и Развития, так как немедленно начнется критика со стороны других стран по поводу проблемы армян в Первую мировую войну. Даже если в 2010 г. произошло легкое снижения напряжения в армяно-турецких отношениях, главная проблема слишком глубока, чтобы ее разрешить.

В этом регионе появляются новые множественные проблемы из-за последних деклараций американского президента Барака Обамы от 19 мая 2011 г., когда он объявил о необходимости создания палестинского государсртва в границах 1967 г., что вызвало недовольство Тель-Авива. Возможное поражение Обамы на выборах 2012 г. может способствовать интенсификации (в позитивном смысле) турецко-израильских отношений.

5. На севере (северо-востоке) от Турции находятся Черное море и Кавказ, где основной проблемой является этническая мозаичность этого региона. В настоящее время Турция является самой мощной опорой для консолидации демократии, но:

Азербайджан составляет единство с Турцией по языку, но не по религии (большинство составляют шииты, но нужно иметь ввиду и влияние Москвы через атеизм, продвигавшийся в течении 70 лет, который хорошо чувствуется до сих пор). Наличие нефти способствует тому, что к Азербайджану постоянно приковано внимание многих стран, а Анкара не может полностью утвердить свою доминацию.

Азербайджан — это также страна с 16 миллионами этнических азербайджанцев, проживающих в Иране (при 8 миллионах населения собственно Азербайджана), что делает этот вопрос предметом спора между двумя великими региональными державами (единственными точками соприкосновения остались сейчас курдская проблема и максимально выгодное использование ситуации, сложившейся в Ираке).

Необходимо найти государство, которое бы поддерживалось Ираном, создавая тем самым проблемы для Турции: таким государством не может быть Грузия, так как Тбилиси не хочет иметь плохих отношений с Анкарой, остается Ереван. Армения — страна, которая пользуется тройственной поддержкой, два из трех государств в качестве

цели ставят создание противовеса Турции на Кавказе (и теперь чувствуется отсутствие хазар на тех позициях, что они занимали в момент своей максимальной экспансии), это прежде всего Иран и потом Россия (цели, с которыми Москва поддерживает Ереван более многочисленны, это только одна из них).

Третье государство, которое оказывает поддержку Армении — это США, как результат влияния армянского лобби в Вашингтоне (значительная часть армянского законодательства вдохновлено примерами из США). Отсюда возникает проблема для Турции и Армении: насколько признательны будут Соединенные Штаты в то время как сейчас это государство поддерживает обоих и не решает оказывать большую поддержку одному государству в ущерб другому?

Не нужно забывать и о том, что и Россия поддерживает и Турцию (но только для того, чтобы вместе блокировать Черное море), и Армению (самый верный союзник на Кавказе). Тогда какую же максимальную выгоду может получить Турция в этой сложной игре?

Для Анкары наиболее важным является добиться прямого доступа к каспийской нефти, но для того, чтобы это сделать, ей необходима настоящая общая граница с Азербайджаном (наиболее короткий переход через Нагорный Карабах является наибольшей желаемой целью). В ином случае, нефти необходимо идти через Иран (но отношения между Баку и Тегераном не на высоте) или через Грузию (как происходит сейчас).

Поэтому ключ к отношениям Турция-Иран представлен небольшим азербайджанским анклавом, находящимся под армянским контролем: Анкара сделает все, чтобы получить границу и территорию, непрерывно тянущуюся к Каспийскому морю и оттуда к тюркоязычным республикам Центральной Азии (бывшим советским) — наибольшее стратегическое продвижение, не желаемое ни Тегераном, ни Москвой.

Логические последствия этого: как Россия, так и Иран сделают что угодно ради того, чтобы заблокировать прямой путь Анкары к Каспию, в этом смысле должны быть интерпретированы и договоренности между двумя державами. Повторяем: турецко-армянское примирение еще невозможно в полной форме, со всеми теми последствиями, которые из этого вытекают.

В этом смысле могут быть интерпретированы последние сообщения турецкой прессы, которые уточняют, что без согласия

Туркменистана — государства, которое обладает важными границами в Каспийском море проект Набукко с самого начала обречен на провал.

Взаимоотношения в этой зоне высветили еще одну проблему — пространство бывших советских мусульманских республик. Здесь в действительности сталкивается четыре государства, каждое из которых отличается особым подходом к проблеме, фундаментально влияя на данное пространство: Россия (видимый покровитель), Саудовская Аравия (государство, финансирующее религию), Турция (этнолингвистический покровитель) и Иран (преграда).

Каждый актор в зоне модерирует политику, исходя из своих интересов, но только Анкара является реальным полюсом, поскольку обладает экономической силой, подкрепленной как лингвистическим единством как и свободным отношением к исламу.

Мотивация: для многих жителей Центральной Азии Россия все же является государством менее привлекательным, а значительная часть их сохраняет сильную неприязнь (хотя бы и потому, что поддерживает различных политических лидеров). Кроме того, она не является исламским государство (домом ислама). Ее роль (которое в реальности падает) является результатом двух факторов: а) демографического соотношения между Россией и Туркестаном (с известными диспропорциями) и б) Того факта, что при бедности, царившей после 1990 г. (когда большинство государств зоны не получали дотаций от федерального центра) выросло количество неграмотных как в родном языке, так и гораздо больше в русском.

Саудовская Аравия — религиозный спонсор, но религия не всегда может спасти от голода. Кроме того, вариант ислама, предлагаемый Эр-Риядом (с высокой степенью строгости в следовании предписаниям Корана) не самый легкий в для граждан, привыкших в течении 70 лет к атеистической пропаганде, оставившей свои следы…

Иран — это государство, которое извлекает выгоду из совместной границы со многими из этих государств, но он является шиитским, а общность языка у персов есть только с Таджикистаном — государством, постоянно находящимся под пристальным вниманием Узбекистана, так как на его территории находятся источники воды (важной для монокультуры хлопка в Ферганской долине и на остальной части узбекской территории). Диспропорция в средствах между Узбекистаном и Таджикистаном не дает больших надежд Ирану (который

проявляет достаточное равнодушие в последнее время, будучи более заинтересован Ираком).

Турция же обладает многими преимуществами: является этнолингвистическим покровителем зоны, все государства из этой зоны (за исключением Таджикистана) говорят на тюркских языках, является исламским государством (по руководящей партии), но не чрезмерно, и эта черта лучше подействует на обычных людей (особенно из-за того, что в начале 1990-х гг. Турция больше использовала религиозную карту, не добившись успеха, она была вынуждена сменить тактику). Кроме того, у нее самая здоровая экономика в регионе. Все эти аргументы позволяют нам заключить, что Турция в будущем будет самым важным актором в этой зоне.

6. Ранее мы уточнили, что отношения Турции с Ираном являются для нее ключевыми в том, что касается ее восточных рубежей. Крах арабского фактора в этой зоне (Ирак в настоящее время) оставляет двум государствам, которые серьезно выиграли от операций, начатых в 2003 г., единственный путь — сотрудничество.

В этом смысле должен пониматься любой контакт между двумя государствами: не только этот общий вопрос объединяет их (нестабильность в регионе увеличивает его важность), но и проблема курдов, народа, который неудачно (для него или месторождений нефти — мы не можем еще сказать) расселен в регионе. Этот фактор заставляет их хорошо задуматься: провозглашение государственной независимости может привести к попаданию в жесткие военные клещи — между Анкарой (которая не раз демонстрировала, что не избегает защиты своих национальных интересов) и Тегерана (вынужденного снова и снова совершенствовать свой военный потенциал на случай наступления неспокойных времен). Даже если бы и существовало независимое курдское квазигосударство на иракской территории, официально оно не может быть признано.

Позиция этих двух государств и развивающийся геополитический контекст заставляет нас поверить, что момент секретного прочного союза между ними не за горами, важен только момент, когда соглашение станет «секретом Полишинеля».

В том, что касается внутренней политики, Турция является государством, которое решило многие проблемы, ранее разрушавшие ее (особенно после введения более сильной валюты), это вывело ее на первое место в экономике региона, а экономический кризис сказался на Турции не столь серьезно.

То, что в последние годы Ахмет Давидоглу и Реджеп Таип Эрдоган придали действиям Турции больше твердости, сделало ее настоящим лидером региона, при том, что другие исламские государства кажется столкнулись с серьезными проблемами, а другие региональные державы на фоне успехов представителей турецкого государства не выделяются большей энергией.

Без сомнения, к турецкому государству будет привлечено геополитическое внимание многих государств мира, полагаем, что место Турции в Евросоюзе и это должно быть незамедлительно реализовано.

Барыш Достер

ТУРЦИЯ МЕЖДУ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ, ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ДВУХ СИЛ

Исходя из своей традиционной внешней политики Турция известна как трансатлантически-центричное государство. Анкара — верный союзник западного блока, усердно борющийся за то, чтобы стать членом Европейского Союза. После провозглашения Республики Турция никогда более не вступала в войны, за исключением миротворческой операции на Кипре. Во внешней политике Турция сохраняет свой статус-кво. Турция никогда не вела агрессивной, мстительной, разрушительной политики, не выступала с экспансивными целями, не испытывала желания расширять свои территории за счет новых земель и не выступала с требованиями пересмотра границ. Со времен Османской Империи она была динамично развивающейся страной в своем регионе. Турция всегда считала приоритетом во внешней политике сохранение мира и стабильности. Однако, несмотря на то, что по степени насыщенности программы дипломатических встреч Турция всегда входила и входит в 10-ку самых активных стран, она долгие годы старательно избегала смелых инициатив, опасаясь показаться слишком увлеченной чем-то, опасаясь, что ее политику могут воспринять и истолковать подобным образом. Турецкое внешнеполитическое ведомство со времен Османской империи и по сей день славилось своими высококвалифицированными, избранными кадрами.

Прозападная политика Турции порой переходила границы разумного. Турция порой, как говорится в турецкой поговорке, стремилась быть большим роялистом, нежели сам король или же старалась казаться такой. Демократическая Партия особо демонстративно укрепляла свои отношения с США в период пребывания у власти Тургута

Озала и нынешней Партии Справедливости и Развития (АКР). Доходило до того, что Турция порой становилась столь яростным защитником интересов США, что даже поддерживала их и участвовала от их имени в целом ряде региональных военных операций. Отправка Демократической Партией турецких военных на войну в Корею, которую Тургут Озал кратко оценил как «один раз дать, три раза взять», а также политика, стремившаяся ввергнуть Турцию в первую войну в Заливе, усердие, продемонстрированное Партией Справедливости и Развития (АКР) в проведении через Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) резолюции от 1 марта 2003 г., правда так и не прошедшее через одобрение парламента, являются подтверждениями данного тезиса. К примеру, активно занимающие в последние годы повестку политической жизни Турции «Армянский разврот», «Курдский разворот» и иные подобные политические направления демонстрируют полное соблюдение требований и рекомендаций США.

Во внешней политике важно сохранять равновесие между силой, возможностями, выгодой и целями. Необходимо сохранять гармонию и равновесие между основными элементами силы — политическими, экономическими, военными и общественно-культурными. При этом очень важно и географическое положение. Обязательным условием является и объединение общества и общественного мнения вокруг некоей идеи, иными словами обеспечение национального единства. Внешняя политика — это та область, которая требует многих и долгих размышлений, анализа и малого говорения, умения держать язык за зубами. Страны, имеющие широкие политические горизонты, сначала долго и не особо привлекая внимание создают фундамент для этого горизонта, готовят пути для осуществления своего политического решения. Для успешного проведения политики необходимо, чтобы у всех сторон, поддерживающих ее, были общие выгоды, интересы и дивиденды. Только лишь эмоций и вдохновенного порыва не достаточно для успешного проведения политики. Ибо дипломатия, прежде всего, основывается на сотрудничестве, общей выгоде и прибыли. Да, конечно же, единые исторические и культурные связи, чувства — очень важные условия, но однозначно не достаточные. Выдвигая ту или иную инициативу никогда не надо забывать о реалиях. Инициатива требует, чтобы имелись мировое видение, подпитывающее ее, политическая воля, лидер, кадры, интеллектуальный фундамент, программа и народ, также поддерживающий ее. Правильное планирование и действие также являются необъемлемыми условиями.

В последние годы Турция достигла национального единства в вопросах проводимой внешней политики и ее приоритетов. Мы не видим внутри страны какого-либо неприятия, противления проводимой внешней политике, не видим противления историческому углублению и опыту, богатству, не видим и утраты доверия к проводимому курсу. Однако, как видится, нет ясного решения по вопросу того, станет ли Турция региональной силой или силой всего региона, глобальным актером или же центром всех игр, осью, крылом или же мостом. Более того, Турция стоит перед дилеммой в таких вопросах как светское устройство или Ислам, Запад или Восток, Евросоюз или лидерство на Ближнем Востоке. А это весьма затрудняет какие-то шаги, выработку позиций, принятие решений. Перед принятием какого-либо решения часто возникают сомнения о том, а что скажет на это США или Евросоюз. Всякий раз заставляя столкнутся с проблемой возможного неправильного истолкования ими шагов Турции. Поэтому в некоторых областях Турция не играет ту роль, которую могла бы играть, а довольствуется лишь ролью посредника, одобренную Западом. Не воспринимаемая как потенциальный член в Европейском Союзе Турция принуждается к тому, чтобы обратить свой взор на Восток. Иными словами вопреки всем заверениям типа «многоцентричный взгляд на мировую политику, многогранность, многомерность, стратегическая глубина, полное отсутствие проблем с соседями, проактивная внешняя политика, лидерство, постановка собственных игр и избрание ролей самостоятельно, решение всех проблем и посредничество», в реальности сохраняется серьезная проблема выбора.

Турция произносит правильные и справедливые замечания, говоря, что «Европейский Союз не сможет стать глобальный актером, если не примет в свой состав Турцию». Но вопреки словам спикеров Европейского Союза о невозможности принятия Турции в членство, к примеру, не может принять во внимание необходимость пересмотра Таможенного союза. Министр Иностранных Дел Турции говорит, что «Турция является главным игроком на Ближнем Востоке», но в то же время итоги ее посреднических усилий не подтверждают эти слова. Турция была вынуждена принять и смириться с тем, что 4 июля 2003 г. в городе Сулеймания, что на севере Ирака, американские военные арестовали турецких военных, позорно напялив им на головы мешки. Турция была вынуждена проголосовать за премьер-министра Дании Расмуссена во время голосования за его кандидатуру на пост

генерального секретаря НАТО, несмотря на то, что гневно критиковала его за попустительство публикациям карикатур на Пророка Мухаммада и открытую поддержку телевизионного канала террористической организации Рабочей Партии Курдистана (РКК). Турция вынуждена была поддержать силы коалиции во время последних нападений на Ливию, при этом незадолго до этого активно возмущаясь и говоря «Что делает НАТО на территории суверенной Ливии?». Во время волнений и волны революций в арабских странах Турция очень запоздало проявила свою реакцию и выступила с призывом к главе Египта (да и то после телефонного разговора с Белым домом), Ливии и Сирии. Это стало причиной как критики со стороны Запада, так и обвинений в политике двойных стандартов и сомнений в действительно уважительном отношении арабского мира к Турции.

Однако нынешнее руководство Турции постоянно заявляет о тяжеловесности Турции в мировой политике. Для подтверждения этих слов приводится тезис о невероятной активности двусторонних и многосторонних контактов, изобилие международных конференций и встреч, которые принимает страна, насыщенная зарубежная программа визитов президента, премьер-министра и министра иностранных дел, увеличивающийся внешнеторговый оборот страны. Турция во внешней политике старается быть везде, выступает с желанием решить любую проблему. Доходит до того, что стали слышны утверждения, будто бы Турция станет архитектором нового порядка на Ближнем Востоке. Часто упоминается и тот факт, что Турция впервые в истории избрала для себя великие политические цели во внешней политике, сформировала свои видение и миссию. Министр иностранных дел часто подчеркивает, что страна является не моноцентричной, но многоцентричной в вопросах внешней политики. Еще в тот период, когда он был главным советником Премьер-министра, еще до назначения его на нынешний пост он совершил поездку в США, где встречался с Президентом Б. Обамой и говорил о том, что предпочтения во внешней политике и приоритеты Турции и США демонстрируют полное единство. В Турции и сейчас очень много политологов, дипломатов, академической профессуры, журналистов и военных, поддерживающих это утверждение.

Но реалии и намерения не демонстрируют такого единства. Ибо существует пропасть между возможностями и желаниями. Турция полагает, что то, о чем она мечтает, что греет ее сердце, является ре-

альным. А это приводит к тому, что она часто выглядит как «благородный или запутавшийся мечтатель». Последние провалы в попытках стать посредником в примирении Фатха и Хамас в Палестине, закончившиеся тем, что не Турция, а Египет привел эти стороны к примирению, а Турция была лишь почетным гостем за столом переговоров, на который ее любезно пригласили, согласие принимать у себя базы для создания противоракетного щита — все это события, которые показали серьезные сомнения в убедительности и уважении к внешнеполитической роли Турции. Факты противоречат заявлениям, словам и старательно создаваемому образу. Официальные лица хотя и утверждают, что совершают большие шаги во внешней политике, которые велики даже в глобальном масштабе, о том, что мировые столицы не совершают каких-то политических шагов без того, чтобы не посоветоваться с официальной Анкарой, реалии же очень далеки от этого утверждения. Шаги Турции в сторону Ближнего Востока были совершены не самостоятельно, не независимо и не вопреки США или Европейскому Союзу. Наоборот, эти шаги были сделаны с ведения и с инициативы США и Евросоюза. Запад хочет видеть Турцию своим спикером, представителем на Востоке, приняв Турцию в качестве посредника в создании контактов с такими странами и организациями как Иран, Сирия, Хамас и Хизбалла, и предпочитает использовать Турцию в качестве передатчика своих мыслей и пожеланий последним. Это предпочтение нашло отклик и в сердцах нео-Османов, управляющих страной. Турция, старающаяся стать действенной силой на Ближнем Востоке, Балканах, Кавказе, придающая особое внимание развитию отношений и своей роли в Африке, сама мечтает о том, чтобы стать проводником идей этих стран на Западе, так что интересы и желания совпали именно здесь. Известность премьер-министра Турции на улицах арабских стран, его знаменитое заявление «one minute» в Давосе и резкое осуждение Израиля после нападения на судно Мави Мармара у берегов Израиля формируют ошибочное представление, преувеличивает роль Турции и ее способность преуспеть в воплощении этой политической роли. К тому же, если сделать небольшую историческую ремарку, то напомним, что Турция завоевала свою славу и уважение в арабском мире во время принятия Конституции после младотурецкой революции 1908 г., после Национальной Освободительной Войны, после миротворческой операции на Кипре, после отказа Великого Национального Собрании

Турции принять резолюцию правительства от 1 марта 2003 г. Словом, всякий раз, когда Турция демонстрировала шаги против Запада, ее влияние и уважение к ней на Ближнем Востоке увеличивались. И это не какое-то новое положение или достижение.

Реалии не совпадают с намерениями

Хотеть занять статус региональной силы, заполучить лидерство на Ближнем Востоке, стать членом Европейского Союза — одна сторона медали, но есть и вторая сторона — наличие возможностей для осуществления этих желаний. Да, проводимая внешняя политика не направлена против или наперекос США и Евросоюзу, однако особое внимание и приоритетность Ближнего Востока в политике Турции вызывает критику в том, что Турция выступает против Запада или, по крайней мере, ведет некую тайную игру против Запада. Некоторые шаги Турции в направлении Востока встречаются западными столицами с тревогой и сомнением, становясь причиной таких высказываний о Турции, как о стране со «сместившейся осью».

В гиперболизированной роли Турции в политике на Востоке есть и серьезная вина турецкой прессы, которая представляет эти процессы как что-то новое, невиданное ранее положение, становится причиной столь раздутых и необоснованных утверждений, как то, что Турция впервые в истории так усилила свой глобальную роль на мировой арене и что впервые Турция стала уделять внимание своему историческому наследию, географическому и геополитическому положению, стратегической глубине решений. Безусловно, насыщенный график поездок Министра иностранных дел Турции очень важен в условиях стремительно меняющегося мира, региональных изменений, некоего роста и усиления политического веса Турции на Ближнем Востоке, важно и то, какое внимание Турция уделяет африканским странам. Если это и не принесет нам дивидендов в краткосрочной перспективе, то однозначно станет серьезным вложением в будущее страны. Однако все это вовсе не означает усиления роли и политического веса Турции. Потому что внешняя политика, так же, как и другие сферы жизни, является дисциплиной, оценка успехов в которой происходит только после достижения результатов.

Отметим также, что открытость миру — это не собственное изобретение или выбор Турции во внешней политике. Развитием отно-

шений с Африкой занимается не только Анкара. Все более или менее серьезные страны, столицы всех государств, которые хотят считаться весомыми и серьезными, делают это. Однозначно, надо с радостью встречать известия о предпринимаемых шагах во внешней политике, осуществляемых контактах, открытии новых зарубежных представительств, ибо все это крайне важно в такой дисциплине, как внешняя политика, где результаты становятся видны не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе, но радоваться этому надо осторожно и взвешенно. Для получения стабильного результата контакты должны быть постоянными, стороны должны хорошо узнать друг друга, обязательным и непременным условием является и подкрепление дипломатических контактов экономическими, культурными, академическими, спортивными, туристическими и прочими контактами.

С другой стороны, Турция, стремящаяся стать действенной силой на Ближнем Востоке, не уделяет должного внимания развитию контактов с тюркским миром. Турция, установившая тесные и частые контакты с Ираном и Сирией, наладившая диалог с Хамасом, присматривающая и беспокоящаяся за положение аль-Башира, порой продолжающая все эти игры даже ценой осуждения и гневных замечаний «союзников Запада», вызывающая пристальную настороженность европейских столиц своими близкими отношениями с рядом ближневосточных держав, пошла на обострение и напряжение отношений со своим самым близким союзником в тюркском мире — Азербайджаном. Слава, обретенная на улицах Ближнего Востока, не действует на улицах Баку. К тому же, эта слава оказалась бессильной в защите прав туркмен на территории Ирака. На надо забывать, что во многих ближневосточных столицах, не среди народа, а среди специалистов и дипломатов имеются серьезные сомнения в том, какие шаги Турции являются шагами собственно Анкары, а какие идут из Вашингтонских кабинетов через Турцию. Фактом является и то, что многие страны Ближнего Востока, имеющие серьезные проблемы с США, передают свои послания США посредством Турции.

«Отсутствие проблем с соседями» Для достижения этого положения нужно желание как минимум и самих соседей не иметь проблем в регионе. Потому что эта политика не может быть достигнута односторонними усилиями и успехами. Для того чтобы стать действительно силой в посреднических переговорах Турция должна обладать не только силой пригласить стороны за стол переговоров, но и силой

удержать их за этим столом и привести к принятию решения, обладать мощными политическими и экономическими рычагами, чтобы привести стороны к выгодному для всех сторон решению. Однако, не став мощной и довлеющей силой во внешней политике, Турция не сможет достичь сколько либо серьезных успехов в посреднических переговорах. Потому что Турция экономически и политически сверх меры открыта для регионального и глобального влияния. К примеру, посреднические усилия между Сирией и Израилем, Ираном и США, Россией и Грузией, Пакистаном и Афганистаном, Индией и Пакистаном закончились незначительным успехом только лишь в Пакистано-Афганском переговорном процессе. Тогда как все остальные процессы не привели ни к какому позитивному результату вообще. Слова о «имперском наследии», сопредседательство в проекте Единства Цивилизаций и проекте Большого Ближнего Востока, внешняя политика, вдохновляемая идеями нового османизма не согласовывается с внутренней политикой и, в особенности, с экономической ситуацией в стране.

Турция не может расчитывать на сколь либо серьезный вес и уважение в глазах США и Евросоюза, но и среди новых возвышающихся сил Востока — России, Китая, Индии, Ирана, едва ли она может сейчас занять значимое место. Поскольку и в среде возвышающихся Евразийских сил существуют серьезные сомнения в надежности Турции из-за ее тесных отношений с Западом. Поэтому даже увеличивающиеся экономические контакты со странами Востока не приводят к такому же эффекту во внешнеполитических контактах с ними. Турецкий капитал и турецкая экономика не может развиваться так же независимо от Запада, как турецкая внешняя политика, даже несмотря на активное развитие экономических отношений с Востоком, прежде всего с Россией, и даже несмотря на укрепление позиций Турции в качестве торгового партнера России номер один, потеснив на этом месте Германию. Наряду с этим важной проблемой является и отсутствие у Турции серьезной национальной оборонной доктрины.

Турция между Атлантикой и Евразией.

Турция, не имеющая здоровой, основанной на принципах взаимной выгоды политики со странами Запада, не имеет и серьезной, четкой евразийской политики. Идеи, выдвигаемые в обществе, на

сегодняшний момент остаются лишь на уровне интеллектуальных инициатив, не переходя на уровень национальной политики. США требует, чтобы Турция выступала в евразийской политике от имени Вашингтона и действовала в интересах США, более того, при необходимости, играла роль Троянского коня. Европейский Союз хочет, чтобы Турция, не являющаяся богатой с точки зрения энергоресурсов страной, выдвинулась на роль энергетического коридора, устраивающего всех, однако Евросоюз категорически не хочет, чтобы Турция стала какой-либо серьезной стратегической силой. Тогда как с самого начала Национальной борьбы в Турции, проводившейся Ататюрком вплоть до последнего дня жизни, Турция продемонстрировала свои успехи в создании регионоцентричной силы, что сегодня очень гармонирует с идеей евразийства. Ибо Евразия — это регион, который соединяет Европу и Азию, то есть регион, который отвечает целям и интересам Турции. Турция расположена в самом центре Евразии. И смотря на мир через призму возможностей, имеющихся в руках у Турции, делая расчет на будущее, она обязана быть сильной и действенной и в Евразии, создавать единства, союзы, диалоги и выходить на передовые позиции.

Для этого у Турции есть необходимые историческая платформа и политический потенциал. Например, отношения между Турцией и Россией были сильны исторически, сильны они и сейчас. Во время войны 2008 г. между Грузией и Россией твердость позиции Турции в соблюдении договора Монтрё о проливах была встречена с благодарностью. Если в вопросе договора Монтрё интересы Турции и США противоречат друг другу, то интересы Турции и России полностью совпадают. Черноморская политика обеих стран в общих чертах также совпадает и гармонична друг другу. Например, Турция как член НАТО категорично выступает против вхождения Грузии и Украины в НАТО, несмотря на активно развивающиеся отношения с ними. Россия в этом вопросе также мыслит параллельно с Турцией. Турция, будучи членом НАТО и не будучи членом Евросоюза, самые серьезные проблемы имеет именно со странами Запада. Возьмем, к примеру, позицию Европы в отношении армянского вопроса, в вопросе проблем с Грецией по Кипрской ситуации, позиции в отношении попыток константинопольской патриархии стать экуменистическим центром, поддержки террористов со стороны Европы. Во вмешательстве во внутренние дела Турции страны Запада представляют собой главных

противников нашей страны, и именно они активнее всего участвуют в перечисленном выше.

Инициатива Турции по установлению открытого пространства с Арменией, которая стала развиваться при прямом поощрении США и Европейского Союза, как стало понятно за очень короткое время, самый большой вред нанесла именно Турции, резко ухудшив отношения с Азербайджаном. Тайные переговоры с Арменией, проводившиеся в Швейцарии, и последовавшие политические инициативы и контакты обострили отношения с Баку. И если вспомнить о том, что кроме богатых исторических, культурных, духовных, родственных и географических связей Турцию и Азербайджан связывают еще и активные экономические отношения, то мы яснее поймем, какую большую цену заплатила Турция за свою ошибку. Например, Азербайджан, который продавал Турции нефть по сниженной цене, стал после ухудшения отношений продавать ее по единой цене для всех, что стоило Турции увеличения расходов на 1,5 миллиарда долларов в год. Армянская инициатива отдалила Турцию от единственного стратегического партнера — Азербайджана. А это ведь было на руку США, которая хочет, чтобы Анкара «стала одинокой» в своем регионе и стала еще более зависимой от поддержки Запада. Еще одной страной, получившей политическую выгоду от этого развития ситуации, стала Армения. Потому что у Армении есть только трое ворот, через которые она может открыться миру: Турция, Грузия и Иран. Грузия — сама слабая среди этих трех. Над Грузией довлеет и США, и Россия после августовской войны 2008 года. Рука Армении против России также очень слаба. Поэтому отношения с Грузией очень проблемные. Иран, конкурирующий с Турцией в регионе, внимательно отслеживает развивающуюся ситуацию, одновременно устанавливая тесные контакты и с Россией, и с Арменией. Однако из-за проблем Ирана с США иранские ворота для Армении также весьма проблемные и далеки от активного использования. В этой ситуации единственным выходом остается только турецкая граница. А она закрылась после оккупации Нагорного Карабаха. В этих условиях для открытия Армении миру единственным выходом видится давление США на Турцию с целью принуждения ее к открытию армянской границы.

Тогда как подобный шаг Турции вызовет серьезную напряженность внутри страны и еще более обострит и без того ухудшившиеся отношения с Азербайджаном. Подобный шаг Турции вызовет

серьезную реакцию гражданского общества в Турции, которое не сможет смириться с тем, что Армения провозглашает в декларации о независимости и в Конституции земли восточной Анатолии своими территориями, использует гору Арарат как национальный символ Армении, постоянно требует признания турками так называемого геноцида армян, не принесла ни разу извинений за убийство турецких дипломатов, незаконно продолжает оккупацию Нагорного Карабаха. Армения получила бы слишком большую жертву от Турции. Армения смогла добиться силами националистической оппозиции и давления на конституционный суд подписания протокола об открытии границ, успешно начала и проворачивает этот процесс. Проверка конституционным судом Армении правомочности договора до его передачи на одобрение в парламент страны вызвало сильные протестные настроения в адрес правительства со стороны партии Дашнакцутюн, а также в адрес конституционного суда, не нашедшего в протоколе договора противоречий с конституцией. Реагируя на эти протесты правительство Армении выступило с угрозой, что если до того момента, когда Армения вынесет протоколы на рассмотрение своего парламента Турция не вынесет протоколы на одобрение в ВНСТ, то Турцию ждут тяжкие дни. Словом, это была прямая угроза Турции. При поддержке США и Евросоюза Армения озвучила прямую угрозу Турции. Турция же ответила, что для вынесения отправленных в комитет по международным делам ВНСТ протоколов на рассмотрение и ратификацию общего заседания ВНСТ Армения должна снять оккупацию Нагорного Карабаха. Армения в ответ на это пояснение заявила, что в протоколах не выдвигалось такого условия, за сим вопрос об открытии границ зашел в полный тупик.

Сильные связи Турции с Западом, членство в НАТО и страстное желание быть принятыми в члены Европейского Союза не дают ей делать самостоятельные, решительные шаги в евразийских вопросах. Запад всеми силами препятствует тому, чтобы Турция с ее националистическими и анкароцентричными взглядами начала тесно заниматься тюркским миром, она хочет лишь, чтобы Турция делала те шаги, которые в итоге выгодны Западу. Поэтому-то в отчете Rand Corporation, финансируемой ВВС США, говорится, что «Турция категорически не должна становиться моделью для своего региона». Позиция США и Евросоюза вкратце такова. Если Турция будет проводить прозападную/подрядческую миссию в Евразии, не выходя за рамки влияния

США и Европейского Союза, то Запад не будет этому препятствовать. Однако у них возникнут серьезные протесты, если Турция установит от имени Турции же серьезные отношения с древнейшими силами Евразии, с тюркским миром, с угнетенными тюркскими народами. Один из самых влиятельных людей во внешне политике США З. Бжезинский не просто так сказал — «Тот, кто господствует в Евразии, господствует в мире». Сегодня в этом регионе ведется большая игра. Все мы знаем, что этот регион на протяжении столетий был ареной борьбы империалистических сил. Потому что 70% населения мира, 60% мирового валового национального продукта, три четверти мировых запасов мировой энергии сконцентрированы именно здесь. Шесть стран, выделяющих больше всех в мире (после США) средств на оборонный бюджет, расположены именно в Евразии. Более 20 миллионов человек погибло именно в этом регионе в ходе Второй мировой войны и последующих конфликтах. Россия, Китай, Индия, Пакистан, Израиль владеют ядерным оружием, Иран продолжает ядерные разработки.

Говоря о Евразии первое, что приходит на ум, это Европа и Азия, однако не будем забывать, что большая часть Европы, по сути, является больший полуостровом Азии. Эти великие и древние континенты всегда находились в состоянии взаимовлияния, это исторический факт. Из 149 миллионов квадратных километров всей площади суши на планете 52 миллиона километров расположено именно в Евразии, что равняется одной трети площади земли. Две величайших страны этого региона — Китай и Россия имеют общую границу протяженностью 4300 километров. Можно считать значением понятия Евразия географическую целостность континентов Европы и Азии, возникшим от совместного произношения названий двух континентов, можно считать Евразию регионом, на западной границе соединяющимся с Европейским Союзом, а на востоке простирающимся до границ Индии и Китая, но в любом случае Турция и Россия являются центрами Евразии. Россия после распада СССР, даже при наличии 10 государств Европейского Союза и 12 стран НАТО, все равно исторически является самой большой Евразийской силой. И опять таки, бросая взор на историю, мы видим, что сближение Турции и России послужит пользе и интересам этих двух стран, тогда как напряженность и конфликтная ситуация между нашими странами будет только на руку мощным силам Запада. Говоря о Турции и Евразии, неизбежно затрагивается и вопрос об энергоресурсах. Если очертить круг размером

в тысячу миль с центром в Турции, то мы увидим, что три четверти мировых запасов энергоресурсов сконцентрированы и добываются из недр этого региона. Турция имеет особый статус для стран Кавказа, Каспийского бассейна и Средней Азии, к тому же Турция имеет огромный экспортный потенциал от продуктов питания до текстиля, бытовой техники до автомобилей. Турция потребляет полезные ресурсы недр этого региона, прежде всего природного газа и нефти, более того, имеет стратегически важные трубопроводы для транспортировки их на рынки Запада. И если учитывать, что Китай вынес на повестку дня воссоздание нового Великого Шелкового Пути вместе со всеми странами региона, то ясно видно, как много может сделать Турция исходя из своих возможностей в этом проекте. Невероятно стремительные темпы роста Китая и формирование Евразийского пространства, возникшего после распада СССР — два самых главных свершения в этом регионе.

Евразия на всех этапах истории сохраняла свою значимость и важность, была ареной столкновения и борьбы великих сил. Однако начавшийся с разрушения Берлинской стены в 1989 г. развал Варшавского пакта, продолжившийся завершением эры «холодной войны» в начале 1990-х гг. и официальным распадом СССР в 1991 г. политический процесс вывел Евразию на передовые позиции. О Евразии стали говорить больше и громче, она заняла свое место в самых жестких политических дебатах. Эти стремительные изменения, начавшиеся в 90-х гг., еще более ускорили процессы глобализации, начавшиеся в мировой политике с конца 80-х гг. США, оставшаяся единственной суперсилой, параллельно с распадом СССР обратила свой заинтересованный взор на Евразию. В этой связи Евразия является ключом к 21-му веку, путеопределяющим направлением, путеводителем и в сфере политики, и в экономике, и в военном аспекте, и в общественном устройстве. Богатые источники энергии, которыми она владеет, сделали ее ареной самого важного и самого жесткого соперничества и борьбы. Однако Евразия — это география богатства и бедности, нестабильности и вместе с тем колоссального потенциала, возрастающих, укрепляющихся сил и замедляющихся сил стареющей классической Европы. Здесь же сконцентрированы и страны, которые третьи силы хотят ввергнуть в пучину разделения, распада на части, нестабильности и конфликтов, здесь же находятся и те самые третьи страны, которые хотят этого добиться. Здесь находятся те, кто нуждается в

энергоносителях, и богатые страны, у которых этих энергоносителей в изобилии. Здесь есть страны, являющиеся важнейшими союзниками США, но здесь же есть и самые сильные противники США. Приоритеты США, попытки навязывать и ориентировать в выборе, попытки создать место дислокации сил — все это ориентировано именно в этот регион, но и счета сил, сопротивляющихся США, также собраны здесь. События в регионе напрямую оказываются в зоне влияния всех региональных и глобальных отношений, противоречий, разделения и расставаний, объединений и союзов, но, в то же время, события этого региона и сами оказывают влияние на них. В этой связи нельзя переоценить геополитическое значение Евразии, ее богатство энергоресурсами, экономический потенциал, стратегически особое положение, с одной стороны, стремительно набирающие могущество и силу страны, такие как Китай, Россия, Индия, и Иран, но с другой стороны Афганистан, Ирак, оккупированные США, словом Евразия, со своим хрупким, чувствительным равновесием сил является ареной самого жесткого мирового соперничества. Пути становления великих сил, пути превращения в региональную силу, пути экономического развития — все эти пути проходят через Евразию.

Евразийские силы, в противовес проекту Большого Ближнего Востока, продвигаемого США (Great Middle East Project), также выдвинули свою альтернативу. С этой целью в 1996 г. Россия и Китай, а также примкнувшие к ним Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан создали активно развивающуюся и сегодня Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС), к которой в 2011 г. присоединился и Узбекистан. Эта организация стала самым большим союзником Евразийских сил. ШОС — организация, созданная вследствие необходимости решения пограничных вопросов, взаимопомощи в вопросах обороны и укрепления безопасности, за короткое время расширилась на очень большое количество сфер сотрудничества, от экономики до культуры, стала успешной и в региональном, и в глобальном масштабе. Она показала, что региональные силы могут действовать сообща в вопросах предотвращения этнических, религиозных столкновений, предупреждения распространения оружия массового уничтожения, решения экологических проблем, проблемы терроризма, словом, практически всех международных проблем, перечисленных в международных хартиях. Совокупная площадь стран, входящих в состав ШОС, охватывает 60% территорий Азии и Европы.

Историческая и политическая реалия Турции: Евразия

Политики Турции очень любят исполнять роль дипломатических мостов. Однако не следует забывать, что этот мост могут использовать и другие силы. Мост не может определиться сам, его следует определять. Мост не может построиться сам, его следует строить. Мост не может придавать форму, вам самим следует придавать форму мосту. Поэтому Турция должна понять и заметить, наконец, что она сама является одной из центральных стран мира, но, заметив это, она не должна и утрачивать понимание реалий мира. Турция же, обращаясь к тюркскому миру, должна быть не мечтательной и романтичной любительницей приключений, а, прежде всего, умной, мудрой страной. Она должна на каждом этапе помогать и поддерживать тюркоязычные республики, никому из них, при этом, не навязывая своего статуса «старшего брата». Турция должна владеть информацией о тюркоязычных государствах, иметь проекты и готовые инициативы, определять краткосрочные, средне и долгосрочные стратегии, прежде всего в экономике, энергетике, культуре, образовании, спорте, науке. Внимание же Турции к тюркскому миру не должно быть направлено против третьих стран. Не следует давать слов, которые Турция не сможет сдержать, следует избегать излишне масштабных обещаний. Да, все тюркоязычные республики выросли на едином роднике тюркской культуры, но вместе со всеми общностями и единствами каждая из них имеет и свои серьезные различия в восприятии, комментариях и подходах, не следует этого забывать. Решение проблемы разницы алфавитов, сближение правовых систем, усилия по созданию таможенного союза могут стать серьезными шагами в этом направлении.

Турция должна отказаться от соперничества от имени Запада со столь важной политической силой в данном регионе, как Иран, с которым Турция исторически всегда находилась в духе соперничества. Или же прекратить все время браться за посреднические миссии, проводимые также от имени Запада. Она должна искать пути взаимной выгоды, надежного соседства и сотрудничества на основе принципов уважения внутренних дел друг друга. Турция должна серьезно задуматься о возможности членства в ШОС и сделать первый шаг на этом пути, став страной-наблюдательницей. Но при этом она должна предлагать создание новых проектов объединения сил, подобно проекту Черноморского Экономического Сотрудничества (ЧЭС), где Турция

была лидирующей страной. К тому же, при этом она должна стремиться создавать долгосрочные союзы, стараться сделать их ориентированными на длительные перспективы, не забывать, что краткие инициативы, вспыхивающие ярко, но гаснущие быстро, словно соломинка, становятся причиной серьезной утраты доверия к стране. Словом Турция, создавая сценарий внешней политики, ориентированной на Евразию, должна вновь вынести на повестку дня регионоцентричную антиимпериалистическую модель Ататюрка, основанную на взаимном доверии всех сторон, уважения выгод сторон, защиты угнетенных и бедствующих народов.

Источники:

1) Ahmet Davutoğlu, «Stratejik Derinlik», Küre Yayınları, İstanbul, 2009.
2) Aleksandr Dugin, «Moskova — Ankara Ekseni», Kaynak Yayınları, İstanbul, 2007
3) Cüneyt Ülsever, «Yeni Osmanlıcılık ve Kürt Açılımı», Kırmızı Kedi Yayınları, İstanbul, 2001.
4) Graham Fuller, «Yeni Türkiye Cumhuriyeti», Timaş Yayınları, İstanbul, 2008.
5) Mehmet Perinçek, «Avrasyacılık», Bilgi Yayınevi, Ankara, 2006.
6) Suat İlhan, «Türklerin Jeopolitiği ve Avrasyacılık», Bilgi Yayınevi, Ankara, 2005.

Семих Корай

КАК ПОНИМАТЬ НЫНЕШНЮЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ТУРЦИИ?

Нынешняя политическая ситуация в Турции может на первый взгляд показаться довольно необычной и сложной для понимания, если рассматривать её по частям. Мы попробуем объединить макроанализ и микроанализ, чтобы попытаться сделать общую картину более понятной.

Задача макроанализа — поместить её во временных и пространственных координатах в более широкие рамки и сфокусировать внимание на отношениях Турции и США. Что касается микроанализа, мы рассмотрим стратегию, которой со времени всеобщих выборов 2007 года придерживается находящаяся с 2002 года у власти партия Справедливости и Развития (АКР). Каузальные связи различных объектов этой стратегии, вероятно, обнаружат разработчиков стратегии, её итоговую цель и путь, по которому будут идти к этой цели. Так как до новых всеобщих выборов осталось меньше месяца, понимание структуры стратегии и её основных положений должно пролить свет на то, какими могут в ближайшем будущем быть следствия различных возможных результатов выборов не только для Турции, но и для всего региона, после чего они распространятся на всю Евразию, а затем — на весь мир.

«Новый мировой порядок» и национальные государства Развивающегося мира

В многополярном мире, который предшествовал «глобализации», одним из главных отличий от сегодняшнего дня было то, что США приходилось, пусть даже в некоторой степени и лишь частично,

«сосуществовать с национальными государствами» в собственной сфере влияния. Это обычно оставляло некоторое пространство для манёвра национальным государствам Угнетённого мира — относительно более широкое, чем то, которым они обладают сегодня. В условиях, когда более жёсткий контроль становится более актуальным и осуществимым, США будут конструировать и организовывать военные перевороты в этих странах, такие прецеденты уже были в 1971 и 1980 годах в Турции.

В течение лет глобализации, особенно, после того как исчез Советский Союз, американский империализм принялся за создание «нового мирового порядка», в котором больше нет места национальным государствам Угнетённого мира. Стратегической целью стала трансформация всего мира в единый интегрированный рынок под гегемонией США и, следовательно, контроль и предотвращение роста альтернативных экономических сил в Развивающемся мире; независимость таких национальных государств больше не будет терпеться — они должны быть ликвидированы сразу после того, как они начнут создавать помехи интеграции всемирного капиталистического рынка. «Независимость» была заменена «взаимной зависимостью», и так называемое «международное сообщество» стало восприниматься как что-то, обладающее правом наносить «предупредительные удары», когда бы оно это ни сочло необходимым в связи с любого рода «источником угрозы».

Ликвидация национального государства — очень серьёзная цель, которая не может быть достигнута только контролированием правительства в этой стране из-за её пределов. Для решения этой задачи империалистам нужно не только попытаться изменить всю политическую жизнь, включая оппозиционные партии, но и захватить или деактивировать вооружённые силы, внутренние службы безопасности, судебную систему и средства массовой информации. Они должны использовать каждое доступное средство ослабления целостности страны и единства нации провоцированием (сепаратистских) центробежных сил, базирующихся на этнических, религиозных и культурных различиях. Всего этого, однако, не будет достаточно без сочетания с полным переформированием социальной и культурной жизни, включая новую трактовку религии и переписывание истории страны.

Достижения Угнетённого мира в большей или меньшей степени заключались в завоевании и защите своей независимости и благодаря

этому — в снижении влияния империализма в XX веке. Основная ось противостояния находилась между «суперсилами». Основной причиной двух мировых войн было противостояние империалистических стран в борьбе за мировую гегемонию. Вчерашний Угнетённый мир, однако, теперь превратился в Развивающийся мир — представленный в основном в Евразии — который уже подвергает сомнению лидерство империалистических сил — как в экономике, так и в других сферах. Глобальный экономический кризис, который нанёс по странам-родительницам капитализма удар более сильный, чем по остальным, также сделал свой вклад в укрепление этих сомнений — не только в экономике, но и в деле ослабления неолиберальных экономических принципов и неолиберализма в теоретической и идеологической сферах. Империалистический лагерь во главе с США и Развивающийся мир сейчас начинают занимать противоположные позиции лицом к лицу. Если в XXI веке произойдёт мировая война, она будет войной между империализмом и Развивающимся миром.

Только такой взгляд может позволить понять изменения, произошедшие с Турцией за период последних трёх десятилетий и правильно оценить её влияние в регионе и в мире.

Некоторые поворотные точки 90-х годов

Военный режим, установленный 12 Сентября 1980 года в Турции, был продуктом последнего американского военного переворота в многополярном мире. Но он также стал первым звонком процесса ликвидации национального государства. Нанеся тяжелый удар по всем антиимпериалистическим силам в Турции, Режим 12 сентября вымостил дорогу для интеграции Турции в империалистическую систему. Он также выдвинул идею так называемого Турецко-исламского синтеза, которая стала началом самого масштабного процесса ликвидации наследия Ататюрка. Всё это привело к возникновению крайне благоприятного для процесса «глобализации» политического и идеологического климата.

Этот процесс включает в себя несколько важных поворотных точек, имевших место в 90-х годах, две из которых необходимо детально разобрать для того, чтобы понимать современную ситуацию в Турции. Турция является членом НАТО с 1952 года, что наделило Соединённые Штаты мощным инструментом для перестройки турецких

вооружённых сил в соответствии с западными интересами и перспективами в период, предшествующий глобализации. Однако всё стало меняться после распада Советского Союза. В течение Первой войны в Персидском заливе турецкие вооружённые силы наотрез отказались принимать участие в операциях, проводившихся Коалиционными силами, несмотря на то, что турецкий президент Тургут Озал в то время страстно стремился активно вовлечь Турцию в Войну в Персидском заливе. В течение Войны в Персидском заливе Северный Ирак был провозглашён бесполётной зоной, и воздушным силам Соединённых Штатов было позволено разместиться в юго-восточной Турции, чтобы контролировать бесполётную зону. В течение этого периода США начали постепенное формирование марионеточного государства в Северном Ираке, одновременно оказывая прямую поддержку Рабочей Партии Курдистана. Когда всё это стало очевидным для турецких вооружённых сил, они начали плавно менять свою установку на антиамериканскую. Генеральный начальник жандармерии Эсреф Битлиз, подготовивший план решения этих проблем, был убит под видом аэрокатастрофы. Эта смена установки укрепилась кемалистской позицией армии, оппозиционной социальной трансформации, стремящейся заменить «Кемалистскую революцию» «умеренным исламом».

Второй важный пункт — американские власти в середине 90-х годов пришли к выводу, что они не могут достичь своих целей благодаря традиционным правым партиям в Турции. Так что для создания подходящего инструмента для реорганизации Турции требовалось изготовить новую партию. Уже в 1996 году турецкий еженедельный политический журнал Aydinlik сообщил, что посол США в Турции М. Абрамовитц готовит Тайипа Эрдогана на пост премьер-министра Турции. Догу Перинчек, глава Рабочей Партии Турции, в своём интервью турецкой ежедневной газете Cumhuriyet 17 февраля 1997 года говорил, что США планируют сделать Тайипа Эрдогана премьер-министром, а Абдуллу Гюла — министром иностранных дел. На основе этой информации, и с учётом того, что спрогнозированные несколько лет назад события действительно произошли впоследствии, не будет преувеличением сказать, что Партия Справедливости и Развития была изготовлена США для удовлетворения их интересов.

На самом деле, это также вполне откровенно признали и Тайип Эрдоган, и Абдулла Гюл. Известно, что Эрдоган говорил как минимум на 33 разных мероприятиях начиная с 2004 года, что был одним из

сопредседателей «проекта Большого Ближнего Востока». В этих выступлениях он говорил, что «он был назначен на эту должность» и что «они сделают Диярбакыр центром» в контексте этого американского проекта. В свою очередь Абдулла Гюл признал, что «он создал двухстраничный договор по девяти пунктам в Анкаре с Колином Пауэллом, министром иностранных дел Турции». Этот «договор» никогда не обсуждался и не подтверждался ни в Национальной Ассамблее, ни в каком-либо другом государственном органе. Однако правительства ПСР реализуют эту «программу» с тех пор, что будет продемонстрировано ниже.

«Заговор Эргенекона»

Смена режима, разумеется, должна быть зафиксирована новой конституцией. Смена конституции была поставлена на повестку дня сразу же после выборов 2007 года. Это сопровождалось новой попыткой разрешить тюрбаны в университетах (чтобы потом распространить это с университетов на всё общественное пространство). Тюрбан — это особый головной убор, который стал символом замены наследия Ататюрка «умеренным исламом». Сущность конституционных изменений, к которым они стремятся, заключалась (и всё ещё продолжает заключаться) в отказе от формата унитарного национального государства, которое основывается на целостности страны и единстве нации. Конкретные последствия, которые таким образом легитимируются, включают в себя распад унитарного государства на этнической основе, как и распад нации на основе религиозной.

Диапазон форматов, таких как автономия, федерация, конфедерация, должен, конечно, оцениваться относительно конкретных исторических и социальных обстоятельств, при которых их реализуют. Иногда они могут служить сохранению единства, но в другие времена каждый уровень будет неизбежно создавать очень сильные социальные потоки, которые только углубят разобщённость и неминуемо приведут к разделению. В контексте Турции это — обязательная для США гарантия стабильного развития марионеточного государства в Северном Ираке, которая будет управлять всем процессом, если взглянуть на ситуацию с этой стороны. Ключевым фактом является то, что невозможно превратить марионеточное государство в основной пункт США до тех пор, пока оно остаётся в своих современных

узких границах. Оно должно расшириться на Север (Турция), а также, возможно, на Запад (Сирия) и на Восток (Иран). Наиболее ключевым из перечисленных действий является расширение на Север. Поэтому американский империализм покровительствовал Рабочей Партии Курдистана и сделал её своим мощным инструментом в борьбе против Турции в течение последних двух десятилетий. И поэтому США так быстро реагировали, пытаясь предупредить все попытки части турецких вооружённых сил провести независимые операции в Северном Ираке (где размещается здание Рабочей партии Курдистана) по борьбе с терроризмом.

Попытки изменить конституцию и разрешить тюрбаны в университетах, начатые правительством ПСР в 2007 году, были остановлены при отсутствии всякого заметного прогресса. Они служили лишь измерением ширины и глубины преград, которые блокируют путь. Следствием теста стало проведение так называемой «Операции Эргенекон». Фехми Кору — турецкий журналист и близкий друг Абдуллы Гюла — открыто писал в газетах и говорил в телеэфире, что главный сигнал о начале этой операции был дан вместе с инструкциями Буша Тайипу Эрдогану в Овальном Кабинете 5 ноября 2007 года. Кроме того, цель операции устанавливалась не Партией Справедливости и Развития, а Соединёнными Штатами. Основной мишенью были турецкие вооружённые силы и Рабочая Партия. Глава Рабочей Партии Догу Перинчек вместе с другими лидерами партии с тех пор находятся в заключении. Операция распространялась волнами на духовных лидеров, журналистов, интеллектуалов, представителей всех кругов, которые противостояли реализации плана, установленного США. Это также продолжилось в других подобных операциях: “Balyoz”, “Kafez”, “Poyraz” и так далее, коснувшихся на сегодняшний день около 10% высших чинов турецких вооружённых сил. Среди них офицеры и капитаны, которые боролись с сепаратизмом, занимают особое место. Также в газетах сообщалось, что комитет из 35 человек отправился из США в Анкару в феврале 2008 года для того, чтобы непосредственно возглавить «Операцию Эргенекон».

Читателю уже должно быть понятно, что «дело Эргенекон» и другие связанные с ним дела не совсем легальны. Операции проводятся под прикрытием разбирательств, что означает, что разбирательства должны обеспечивать фундамент, на котором операции могут быть продолжены. Дела ведутся специальными судами в специальном ме-

сте, предназначенном специально для этих дел в тюрьме Силиври. Территория тюрьмы находится в 100 километрах от города. Сроки задержания уже превысили три года. Почти все заявленные улики были получены незаконными способами. Уже несколько книг написано о несоответствиях в доказательствах обвинения, большинство из которых демонстрируют, что эти доказательства сфабрикованы. Проиллюстрировать эти доводы могут упоминавшиеся документы, якобы созданные кем-то из заключённых в 2003 году в организациях, которые были учреждены в 2006 году. Точно так же есть люди, упоминавшиеся под фамилиями, которые они взяли позже 2003 года. Есть документы, якобы созданные несколькими годами ранее и при этом имеющие совсем недавние обновления.

В общем, существование заговора не вызывает сомнений, но спланирован он был не обвиняемыми, а против них. Такая страна как Турция не может быть разорвана на части без применения в конечном итоге военной силы. Усилие направлено на создание максимально ослабленной Турции, которая будет лишена всех возможностей защищаться к тому времени, когда наступит этот день.

«Урегулирования», референдум и реформирование оппозиции посредством шантажа

Пока «Эргенекон» и связанные с ним операции распространялись всё шире, на сцене появился ряд «урегулирований» — «армянское урегулирование», «курдское урегулирование», «кипрское урегулирование», «эгейское урегулирование». Все эти «урегулирования» имеют два важных общих фактора. Первый — каждое из них имеет двойника в виде пункта в двухстраничном «договоре» из пяти пунктов, который Абдулла Гюл, по собственному признанию, подписал с Колином Пауэллом. Второй — то, что ни одно из этих «урегулирований» не пошло дальше своего начала из-за массивной оппозиции, с которой они столкнулись. Так что они тоже остались только тестами, на этот раз — с одним важным следствием в вопросе «курдского урегулирования». Здесь даже первого шага было достаточно, чтобы дать РПК сильный толчок к укреплению сепаратизма. Результаты теста также продемонстрировали, что для того, чтобы открыть дорогу «урегулированиям» недостаточно готовности правительства их осуществлять, нужно также соответствующим образом реформировать оппозицию.

12 сентября 2010 года — между «урегулированиями» и попытками реформировать оппозицию сочетанием «Операции Эргенекон» и шантажа аудио- и видеозаписями личных дел политических фигур — проводился референдум о частичном изменении Конституции. В первых месяцах 2010 года некоторые лидеры ПСР начали говорить, что шанс изменить Конституцию был упущен в период работы действующей Национальной Ассамблеи, в связи с чем следует подождать избрания следующей. Затем, однако, внезапно — будто кто-то где-то опять нажал на кнопку — проект изменения (частичного) Конституции стал главной темой повестки дня. Кто бы ни нажимал кнопку, он должен был держать в голове два соображения: «Делом Эргенекон» и связанными с ним делами занимались специальные суды, однако, нужно было установить более жёсткий контроль над высшими судебными органами для того, чтобы избежать преждевременного коллапса этой операции, и процесс изменения Конституции в этой связи не мог ждать до следующих выборов. Второе: приостановка «урегулирований» сразу после их запуска навредило имиджу ПСР. Следовательно, для поднятия имиджа ПСР нужно придумать какую-нибудь успешную историю. Все средства социальной инженерии были мобилизованы для определения деталей отдельных бессмысленных «прав человека», которые нужно добавить к положениям реформирования высших судебных органов, чтобы получить оптимальную смесь.

Тем временем, ещё до проведения референдума, первые шаги в шантаже аудио- и видеозаписями были предприняты против Дениза Байкала, в то время — главы Республиканской Народной Партии (РНП). Дениз Байкал ушёл с поста, и Кемаль Кылычдароглу был единогласно избран новым лидером партии. На референдуме предложенные изменения прошли с 58-процентной поддержкой.

Однако всё ещё было неясно, как отреагируют эти 58%, если будут предприняты дальнейшие шаги в «урегулировании». Поэтому, несмотря на эту «победу», подобных шагов предпринято не было, как и шагов в направлении полного изменения Конституции. Вместо этого все усилия были направлены на реформирование оппозиции для того, чтобы деактивировать оставшиеся 42%, в том числе — из-за опасения, что такая сильная оппозиция с чётким видением будущего страны может иметь хорошую возможность влиять на большие группы среди этих 58%, поддержавших частичное изменение Конституции в силу широкого спектра различных причин.

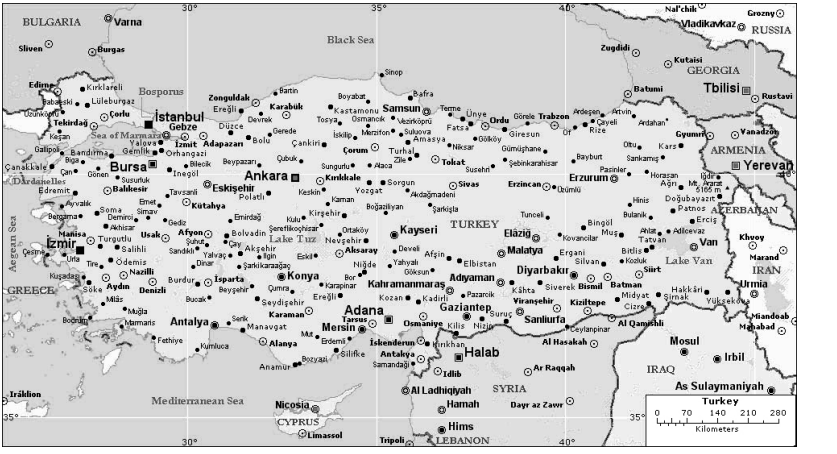
Основной целью, конечно, было не просто перестройка руководства, но перестройка политических положений оппозиционных партий, которые можно убедить в необходимости «урегулирований» и полного изменения Конституции. Во время референдума Партия Счастья (ПС) разделилась на две части. И Абдулла Гюл, и Тайип Эрдоган были членами ПС до того, как они основали ПСР. Шантаж незаконными аудио- и видеозаписями в данный момент используется против Партии «Националистическое Движение» (ПНД).

Патент на «неооттоманство» принадлежит США

Для того чтобы сделать картину полной, наверное, будет полезным слегка коснуться внешней политики, которую правительство ПСР проводит в последнее время. Я думаю, что наиболее эффективно и показательно свидетельство Томаса Барнетта, написавшего статью о Турции под названием «Новые правила: Соединённым Штатам нужна энергичная и независимая Турция», напечатанную в "World Politics Review" 13 сентября 2010 года, в день, когда в Турции проходил референдум. Он начинает с постановки и ответа на следующий вопрос: «Если бы Америке могли волшебным образом подарить идеального мусульманского стратегического партнёра, чего бы мы попросили? Попросили бы мы страну, которая соглашалась бы с каждой позицией США в международной политике? Только не в случае, когда режим имеет какой-то вес в исламском мире». Чуть позже он добавляет: «Если мы честны сами с собой, мы должны признать, что нам бы хотелось, чтобы наш идеальный мусульманский стратегический партнёр мог продвигать американские интересы там, где мы этого делать не можем». Думаю, было бы излишним с моей стороны объяснять, как «неооттоманство» отвечает образу «идеального мусульманского партнёра» для США. Барнетт также даёт хорошо обдуманную характеристику «умеренного ислама»: «Словом, он будет служить примером своим единоверцам тому, как исламское государство может поступательно улучшаться в тесных объятиях глобализации — при этом оставаясь исламским государством». После того, как он демонстрирует длинным списком — каким образом этот идеальный партнёр мог бы продвигать американские интересы там, где этого не может сама делать Америка, он подытоживает: ««Невозможный вариант» — можете усомниться вы. Пока не поймёте, что я всё это время говорил о Турции и правящей турецкой партии ПСР».

Как понимать нынешнюю политическую ситуацию в Турции?

Если мне удалось описать нынешнюю политическую ситуацию в Турции должным образом, несложно сделать два вывода. Первый — Турция находится в затруднительном положении. Второй — США и ПСР находятся в ещё более затруднительном положении. Большая часть поддержки, которой пользуется ПСР, основывается на социальной инженерии, созданной и управляемой извне. Однако социальная инженерия может опираться только на конъюнктуру. Она не может обращаться к таким структурным аспектам как наследие Ататюрка, глубоко укоренившееся в массах. Тем не менее, превращение этого наследия в материальную силу требует создания совместного руководства, которое будет охватывать широкий спектр национальных сил и иметь чёткое видение возврата Турции к пути Кемалистской Революции.



США, с одной стороны, ослабевают, с другой — очень пристально фокусируют своё внимание на Турции, так как видят своё будущее сильно зависимым от успеха или неудачи в Турции. Мы очень хорошо понимаем, что неудача США в Турции послужит не только нашей стране, но и всему региону и Развивающемуся миру в целом.

Павел Морару

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТУРЦИИ К КОНЦУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВЗГЛЯД ВОЕННОГО АТТАШЕ РУМЫНИИ

В годы Второй Мировой войны Турция своим геостратегическим положением, притягивала большое внимание воюющих сторон. Усилия союзников по привлечению её на свою сторону длительное время не давали ожидаемого результата. Сталин допускал для этого даже применение силы: на Тегеранской конференции он заявил, что «Мы должны встряхнуть их, если это будет необходимо». Несмотря на продолжительное давление, оказываемое на турецкое правительство, Анкаре удалось сохранить нейтралитет (провозглашённый 26 июня 1941 г.).

В турецких политических кругах, прогерманские симпатии преобладали, а экономический фактор был решающим в усилении этих настроений (уже в 1936 г. 50% турецкого экспорта направлялся в Германию, особенно хром). С другой стороны, сохранение нейтралитета было продиктовано боязнью, что первым главным последствием вступления Турции в войну на стороне союзников, будет немецкое военное возмездие.

Кроме того, нейтралитет Турции был продиктован неготовностью турецкой армии к ведению боевых действий (из-за нехватки военной техники), которая обеспечила своим неучастием баланс сил в регионе. Турецкая дипломатия находилась в неловкой ситуации, в которой надо было постоянно маневрировать между воюющими сторонами, пытаясь устоять перед внешним политическим и дипломатическим давлением, чьей конечной целью было вовлечение Турции в войну.

В те годы Турция была «Швейцарией» на Балканах, которая предоставляла возможность ведения неофициальных переговоров между воюющими сторонами на действительно нейтральной территории. Румыния, как и другие государства, воевавшие на стороне Германии, к концу войны пыталась выйти из нее без ощутимых потерь и начала переговоры с противником, в том числе и на территории Турции, в Анкаре (переговоры велись также в Лиссабоне, Стокгольме, Мадриде и т.д.).

На заключительном этапе войны в Европе, когда военная и политическая инициатива находилась в руках Союзников, геостратегическая и геополитическая роль Турции значительно возросла.

Румынское правительство следило за развитием событий в Турции, и особенно за политико-дипломатическими баталиями, через свои разведывательные структуры. Специальная Служба Информаций при Совете Министров Румынии (ССИ) вела разведывательную работу в Турции через 3-й отдел (Турция, Греция, Испания и африканские страны) Южного Фронта[1] (так называлось одно из разведывательных управлений ССИ). В турецкой столице и в крупных городах Турции, ССИ имела своих резидентов, которые работали под дипломатическим «зонтом» или под прикрытием коммерсантов[2].

Кроме того, поток секретной информации был обеспечен румынскими военными атташе[3], работавших в румынских дипломатических представительствах за рубежом. В Анкаре, в годы войны, должность военного атташе Румынии занимал полковник Траян Теодореску.

24 июля 1944 г. он послал в Бухарест интересный «рапорт», о политической и военной обстановке в Турции[4], в котором попытался определить причины, заставляющие Турцию избегать участия в войне на стороне Союзников, несмотря на то что исход войны был очевиден.

Полковник сообщал о тонких действиях Великобритании по привлечению Турции в войну. Он писал, что Великобритания потребовала от Турции «прекращения экспорта сырья в Германию». То, что

[1] О деятельности Фронтов ССИ, смотри: P. Moraru, Serviciile secrete şi Basarabia (1918-1991). Dicţionar. Ed. Militară, Bucureşti, 2008, pp. 104-113 или [Электронный ресурс] URL: http://www.morarup.narod.ru/ss/ssr/Fr_SSI.htm.

[2] *C. Mâţă*, Serviciile Secrete ale României în Războiul Mondial (1939-1945). Cuvânt înainte de Gh. Buzatu, Casa Editorială «Demiurg», Iaşi, 2010, p. 89.

[3] О деятельности румынских военных атташе, см.: P. Moraru, Serviciile secrete şi Basarabia (1918-1991). Dicţionar. Ed. Militară, Bucureşti, 2008, pp. 29-31 или [Электронный ресурс] URL: http://www.morarup.narod.ru/ss/ssr/Atasati.htm.

[4] *Al. Duţu, L. Nicolescu, Al. Oşca,* Ataşaţii militari transmit... (1938-1944). Ed. «Europa Nova», Bucureşti, 2001, pp. 353-360.

смогла сделать в этой связи турецкое правительство с согласия Берлина, это было «сокращение общего объема экспорта в Германию». Но англичане настаивали на полном прекращении поставок, а турки надеялись, что достигнут компромисса в этом отношении.

Это британское требование предшествовалось другим, более серьезным — «разрыв дипломатических отношений между турками и немцами». Турция «сразу отказала английскому требованию», утверждая, что разрыв дипломатических отношений с Германией, в любой момент сможет привести к состоянию войны между ними.

Турция не хотела попасть в такую ситуацию, а причина этому была хорошо известна и англичанам — «неподготовленность турецкой армии из-за невыполнения обязательств, взятых на себя Англией в Адане и Каире». На конференции в Адане (30 — 31 января 1943 г.), Великобритания стремилась привлечь Турцию на сторону Союзников в обмен на военную помощь, в случае, если Германия нападет на Турцию. Но несоблюдение этих обязательств было определено желанием Турции сохранить свой нейтралитет. На Каирской конференции (4 — 6 декабря 1943 г.) союзники предприняли новую попытку вовлечения Турции в войну, но нейтралитет для турок был превыше всего, они в первую очередь боялись карательных действий Германии и Болгарии.

С другой стороны, разрыв турецко-германских экономических связей, смог бы привести — как считали турецкие власти — к «экономическому реакционизму Рейха, который сможет остановить (в Болгарии) турецкий импорт и экспорт в страны Европы». Это было бы страшным ударом по турецкой экономике, который, возможно, привёл бы к «потере турецкой экономической независимости», и к «потере её свободы политических действий».

Однако, имея в виду «существующие союзные отношения между этими двумя державами» — Великобританией и Турцией — турецкие власти надеялись, что этот вопрос будет решён «в духе дружбы».

Турция всё-таки сделало многое в этом направлении — снизила экспорт в Германию на 50%. Но действительной целью англичан не была экономическая блокада Германии, а вовлечение Турции в войну на свою сторону, и турецкие власти знали об этом.

Проблема была настолько сложной для Турции, что в конце июня 1944 г., президент Исмет Иненю, созвал высший командный состав турецкой армии, чтобы выяснить, какое было «настроение в армии по отношению к вероятному военному конфликту против Германии».

Мнение военных было особенно важным, поскольку, как заявил президент Турции, из-за быстрого хода военно-политических событий, Турция могла бы «через более чем два месяцев, оставить позицию нейтралитета». Военная элита выразилась против участия Турции в войне, так как турецкая армия не была готова для этого ни морально, ни материально.

Как сообщал полковник Траян Теодореску, сразу же после этой встречи один из турецких генералов, Салих Омуотак, поспешил прояснить германскому военному атташе в Турции, генералу Роде, что «Турция не имеет никаких территориальных и политических претензий» и она «никогда не повторит жест Италии, атаковать с тыла своего бывшего союзника, у которого так многому научилась». Генерал Омуртак, по словам Траяна Теодореску, подчёркивал, что турецко-британский союз никогда не был направлен против Германии, а против возможной экспансии Италии на Балканах, после того как она оккупировала Албанию. Так что этот союз был направлен исключительно против Италии, хотя в то время Италия была хорошим союзником Германии.

То же самое единогласие, характерное для армии, было и в турецком парламенте, где только 2% были сторонниками союза с Англией и вступления Турции в войну.

Оживленную дискуссию в то время, вызвали в турецком обществе заявления посла США в Анкаре Лоуренса А. Стейнхардта, опубликованные в американской прессе. Он заявил, что «хотя турецкое общественное мнение не хочет участия Турции в войне, турецкое правительство идёт «на всё более близкое сотрудничество с союзниками». Посол отметил, что это сотрудничество «поведёт к совместной военной борьбе», подчеркивая при этом только выгоды для союзников.

Турецкие газеты резко отреагировали на это, заявив, что Турция враждебно относится к вступлению в войну, «но готова предоставить концессии своему союзнику», принимая во внимание «и турецкие собственные интересы».

Настойчивые действия по вовлечению Турции в войну, проводимые в первую очередь лондонскими дипломатическими кругами, должны были привести к реализации одной из главных британских стратегических целей, а именно: Великобритания должна была «твёрдо установится в районе Проливов и в Эгейском море, чтобы загородить завтра дорогу Советам к Средиземному морю и Суэцу».

Недопущения СССР в этот регион желали и турки. Только хотели они, действуя умело, решить эту проблему без участия Великобритании. Вот именно поэтому они избегали вступления в войну на стороне союзников: «главная причина — подчёркивал румынский военный атташе –, которая заставляет турецких правителей предпочесть состояние нейтралитета, является неопределенность в отношении намерений русских». Полковник Теодореску сообщал, что «Россия была и остается главной опасностью для турок и до тех пор, пока Германия всё ещё в состоянии подрывать русскую мощь, турки рассматривают как предательство нации любое действие, которое приведет к ослаблению Германии в борьбе против СССР». Официальные лица из Анкары знали (и сделали в этом смысле заявления в определённых кругах), что Антигитлеровская коалиция просуществует до разгрома Германии, после чего «начнутся большие противоречия между англосаксами и СССР».

Турция на заключительном этапе войны всё-таки намеревалась вступить в неё, чтобы оказаться в лагере победителей. Но для этого, прежде всего, она попыталась выяснить точную ситуацию «о русских намерениях на Балканах, которые турки считают своей зоной безопасности». Для этого в марте 1944 г., когда советские войска находились на границе с Румынией и Балканы были под угрозой, турки попытались узнать из советских дипломатических кругов Анкары, «что за желания имеют русские относительно Турции?». Им ответили, что «Мы (СССР) не преследуем в качестве цели обязательное вступление Турции в войну». Это было зловещее безразличие, на фоне британской настойчивости.

Вторая попытка выяснения намерений СССР, как сообщал полковник Траян Теодореску, состоялась в июне 1944 г. посредством турецкой прессы. Бывший министр иностранных дел, Тевфик Рюштю, известный своими просоветскими симпатиями, написал статью, в которой говорил о необходимости заключения турецко-советского союза. Статья вызвала широкое обсуждение в прессе. Были опубликованы статьи и «за» и «против» этой инициативы. Но советская пресса никак не отреагировала, что привело руководство Турции к мысли, что это был «знак того, что Россия не хочет принимать новые обязательства по отношению к туркам и хочет иметь полную свободу действий на Ближнем и Среднем Востоке».

Полковник Теодореску сообщал в этой связи и то, что турецкие власти желали, чтобы к моменту возможного вступления Турции в войну, она имела от Союзников гарантию территориальной целостности. Для этого премьер-министр Шюкрю Сараджоглу якобы обратился с этим предложением к советскому послу в Анкаре, но «ответ Советов не последовал».

В заключении румынский военный атташе писал, что «следовательно, вот почему турки колеблются вступить в войну и вот почему их участие в боевых действиях не предвидится до тех пор, пока немцы под давлением других внешних или внутренних событий в Рейхе добровольно покинут Балканы, а турки ограничатся деятельностью по поддержанию порядка на Балканах».

В конечном итоге, британское давление достигло своей цели: 2 августа 1944 г. турецко-германские дипломатические отношения были разорваны, а 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и Японии.

Леонид Савин

К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОЗВЕЗДИЮ[1]

Тектонические геополитические сдвиги и события последних лет на международной арене показали, что на пространстве Евразии происходит изменение баланса сил и появление новых акторов. Одним из них является Турция. Страна с огромной территорией, большим населением с его потенциалом приковывает к себе взгляды как соседей, так и мировых лидеров, таких как США. Этот повышенный интерес имеет серьезные причины, так как происходит изменение векторов и самой сути внешней политики Турции. Самое недавнее событие, произошедшее в Анкаре, связано с изменением приоритетов, имеющих отношение к вопросам безопасности и угрозам. В списке стратегических угроз Турции теперь появился Израиль и из него исключена Россия. Ухудшение отношений с Израилем было вызвано нападением 16 июня 2010 г. на турецкое судно «Мави Мармара», в результате которого погибли 9 человек, в том числе 8 граждан Турецкой Республики. После этого Турция выдвинула Израилю ряд требований, а отношения начали ухудшаться не только с Израилем, но и США. Необходимо отметить, что о необходимости изменения политики с произраильского на проарабский вектор говорил нынешний министр иностранных дел Мехмет Давутоглу еще в конце 90-х гг. прошлого столетия. По мнению турецкого политика, расширение и углубление сотрудничества с Израилем усложняло и без того «серьезную проблему доверия» арабских стран к турецкому государству. Поэтому Турции необходимо было разработать комплексную ближневосточную стратегию, учитывающую международную реальность. В противном случае,

[1] Статья впервые была опубликована на итальянском языке в коллективной монографии La Profondità Strategica turca nel pensiero di Ahmet Davutoğlu, Centro Studi "Vox Populi", 2011.

региональная и континентальная политики Турции будут обречены на провал. углубляет этот тезис, указывая, что раньше отношения Турции с международными организациями исламского мира воспринимались международным сообществом не в качестве сферы реального сотрудничества, а в качестве «элемента опоры», укрепляющей позиции турецкого государства на переговорах с другими акторами международных отношений. Именно поэтому отношения Турции с исламским миром рассматривались в качестве «ответной производной» от турецко-европейских и турецко-американских связей. Поэтому арабский и мусульманский миры рассматривали Турцию как агента США и Европы, Россия и постсоветское пространство видело в Турции не только возможного партнера, но и противника, из-за членства в НАТО.

Анализ таких отношений вынудил Турцию пересмотреть перспективу партнерства с ЕС и США. После неоднократных попыток добиться от этих стран недвусмысленных ответов по поводу будущего взаимодействия Анкара пришла к заключению необходимости более критического подхода к текущему положению дел. Так, обнажился ряд претензий Турции как к ЕС, так и к США.

Противоречия по Кипру, нежелание объединенной Европы видеть в своих рядах Турцию, что является явно лицемерной политикой (недавнее заявление о скором приеме в ЕС мусульманской Албании и даже Косово явно идет вразрез с официальными претензиями Европы, т.к. имплицитная критика Турции была построена на мусульманстве), а в последнее время выступление Ангелы Меркель о провале политики мультикультурализма, подразумевающее собой устойчивое сопротивление немецких турок к ассимиляции, дают Анкаре повод задуматься, сможет ли она хоть когда-либо присоединиться к Европе.

Кроме того, при нынешнем экономическом росте Турции, серьезным вопросом для ближайшего будущего станет надлежащее обеспечение энергоресурсами. Объединенная Европа в этих вопросах не поможет Стамбулу, скорее наоборот, поэтому Турция (зависящая на более чем 60% газовых поставок от России), неизбежно будет обращена на Восток — в Каспийский регион, к арабским странам и России, которая может помочь Турции не только в поставках газа и нефти, но и в вопросах ядерной энергетики. Российско-турецкое соглашение о строительстве АЭС вблизи средиземноморского порта Мерсин (площадка Аккую) было подписано 12 мая 2010 г. в Анкаре в ходе визита в

Турцию Президента РФ Дмитрия Медведева. Турция также планирует к 2023 г. запустить еще одну станцию на Черном море.

Возвращаясь к европейским историческим реалиям, немаловажен и тот факт, что уход в свое время Османской Империи с Балкан привел к дестабилизации региона и, в конечном итоге, к Первой мировой войне, — факт, который упорно стараются не замечать современные европейские политологи и историки, обвиняя либо балканские страны в росте национализма, либо Российскую и Османскую Империи, которые в первую очередь пострадали от событий 1914 г., что и привело к распаду супердержав. С позиций стабильности присутствие Турции на Балканах, а России в Польше были необходимы. Ловкие маневры Британии и англосаксонских политиков в итоге создали множество «национальных государств», которые разделили три континентальные силы — Германию, Турцию и Россию (одним из авторов Версальского проекта был сэр Хэлфорд Макиндер, известный своей концепцией «географической оси истории», вторым инициатором санитарного кордона — президент США Вудро Вильсон).

Учитывая то, что Турция была нужна США и странам НАТО в качестве противовеса от мифической советской угрозы, а после 1991 г. эта проблема была самоустранена, интерес и поддержка США и Западной Европы к Турции стал снижаться. США же сейчас вызывают подозрение у Турции из-за поддержки курдских сепаратистов, вторжения в Ирак, признания ряда штатов армянского геноцида, попытками реализации проекта «Великий Ближний Восток», который предусматривает выделение из Турции ряда территорий под Курдское государство, а также недавним срывом посредничества Турции и Бразилии по иранскому ядерному вопросу, которое первоначально было одобрено Бараком Обамой.

Новая турецкая стратегия предполагает вовлечение в ее орбиту соседей, прежде всего арабских мусульманских стран, государств Южного Кавказа и Балкан, а далее — по мере возможности сотрудничества и установления влияния. Средняя Азия и Украина для Турции также являются приоритетными направлениями. При этом работает комплекс исторического мировоззрения, возможности инвестиций, сотрудничества в экономических и промышленных отраслях, благотворительная помощь, идущая в основном с религиозной и духовной нагрузкой.

Турция также заинтересована в повышении своей региональной роли. По вопросу контроля над Черным морем интересы России и

Турции совпадают. Анкара определенно помогла России в августе 2008 г. задержав на некоторое время военное судно США, шедшее с гуманитарной помощью к берегам Грузии, одновременно продемонстрировав Вашингтону, кто на самом деле хозяин в регионе. Ряд экспертов в США прекрасно понимают интересы и значение Турции и высказывались, например, за создание стратегического треугольника США-Турция-Иран для контроля над Евразией. Для этого необходимым условием является в первую очередь смена режима аятолл в Иране. А сейчас существуют попытки использовать Турцию против Ирана, убедив ее в том, что Иран является соперником, поэтому, американские политологи заверяют турецкий истэблишмент, что борьба с этим государством сможет повысить статус Турции.

Переориентировка турецкой стратегии также проявила себя в российско-турецких отношениях. В августе 2008 г. со стороны премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана последовала инициатива по формированию Кавказского альянса и создания «платформы мира и стабильности на Кавказе». Этот проект должен был бы объединить пять стран — Россию, Турцию, Азербайджан, Армению и Грузию. Но по ряду причин эта миротворческая инициатива не стала обретать действительность из-за ряда региональных противоречий Армении и Азербайджана, Армении и Турции, Грузии и России, которая выступила на защиту Абхазии и Южной Осетии.

Тем не менее, конфликты последних десятилетий на Кавказе показывают, что они могут играть как негативную, так и позитивную роль в выработке общей евразийской стратегии. Анкара довольно жестко отреагировала на попытки Тбилиси взять под свой контроль Абхазию в 1992 г. Во время двух чеченских конфликтов ряд сепаратистов нашел свое убежище в Турции и использовал ее в качестве транзита для ресурсов. К Москве у Турции были претензии насчет курдов, хотя эти проблемные ситуации несовместимы по масштабу, более того, Россия не поддержала Курдскую рабочую партию в политических вопросах. В августе 2008 г. Эрдоган прибыл в Москву на встречу с президентом России Дмитрием Медведевым, предложив посредничество в разрешении конфликта. В этом конфликте есть один немаловажный аспект, связанный с интересами Израиля (следовательно — США) в регионе, так как в августе 2008 г. израильские спецслужбы помогали Грузии в проведении агрессии против Южной Осетии.

Все же, интерес Турции к Кавказу имеет длительные исторические корни, так как эта территория была ареной соперничества между Османской Империей и Персией, а потом и Российской Империей.

Среди исторических прецедентов между Россией и Турцией необходимо отметить войну 1787 — 1792 гг., конец которой положил Ясский мирный договор. По нему Российская Империя получало права на все Северное Причерноморье, Крым, часть Земель на Кавказе и ближе к Балканам (граница устанавливалась между Южным Бугом и Днестром). Еще один важный договор был заключен после войны 1806 — 1812 гг. в Бухаресте. Тогда Россия впервые получила морские базы на Кавказском побережье Черного моря.

Затем Первая мировая война разрушила практически все империи, где в безусловном выигрыше осталась Британия, продолжавшая свою политику манипуляций государствами в своих интересах.

Междувоенный период сблизил обе страны. Владимир Ленин и Кемаль Ататюрк смогли договориться о сохранении позиций своих новых государств, причем исходя из разных идеологических платформ. Советская Россия принимала в свой состав другие новые советские республики, как на западных рубежах, так и на Юге — от Кавказа до Средней Азии. Турция же, став светским государством, рвала с историческим прошлым Османском Империи и своими интересами на Балканах и Кавказе. В СССР начали создавать советского человека, а в Турции — современного турка, стирая этническую идентичность и религиозные корни. Как мы видим, в обоих случаях проекты оказались не очень успешными. В 1991 г. СССР распался, и все этнические, социальные и религиозные комплексы вновь проявились. Турция же еще ранее стала исламизироваться, а проект неоосманизма начал уверенно реализовываться в 90-х гг. с ростом влияния Партии справедливости и развития.

Нынешние политические изменения в турецкой политике интересны еще и тем, что снижается значение кемализма, согласно которому двумя столпами турецкой государственности должны быть военные и светская государственность. После известного дела «Эргенекон» и им подобных, роль военных существенно снизилась. Последний референдум показал, что победу продолжает одерживать правящая Партия справедливости и развития Эрдогана, хотя опросы общественного мнения выявили, что большинство избирателей точно не знали, за что они голосуют.

Существенным фактом также является, что нынешнюю версию умеренного ислама, ставшего козырной картой партии Эрдогана, инспирировал Фетуллах Гюлен, открывший сотни школ от Африки до Азии и за основу взявший сочетание турецкого умеренного ислама с фундаментальным светским образованием. В Турции Гюлена ранее обвинили в попытке создания исламской элиты, которая путем проникновения в государственные структуры и спецслужбы страны постепенно добивается нового обустройства турецкого государства и разрушения при этом светских идеалов, заложенных Ататюрком. В 1998 г. Гюлен был обвинен в попытке свержения существующего строя и иммигрировал в США. После прихода к власти Партии справедливости и развития все обвинения с него были сняты. С движением Гюлена связаны многие функционеры нынешней власти в Турции, также как и представители гражданского общества и, судя по публикациям в мировой прессе, возвращение к суфийскому исламу позиционируется определенными силами как прекрасный поворот к почти утраченным культурным корням, наследию Руми, аль-Араби и прочих мистиков-поэтов.

Однако, бывшая сотрудница ФБР Сибил Эдмонс писала, что школа Гюлена являются хорошо законспирированным тылом сотрудников ЦРУ и используются при проведении соответствующих операций в регионах; большая часть учителей имеет дипломатический паспорт. США используют Турцию как представителя, стремясь с помощью религии и пантюркистского национализма расширить зону своего влияния в Средней Азии. Сам Гюлен стремится создать новую Османскую империю, новый «Великий Туран», включающий в себя геополитические важные регионы — Балканы, Арабский Восток, Российскую Федерацию и Среднюю Азию, то есть территории от Балканских гор до Великой Китайской стены, приобретя тем самым колоссальные возможности.

Об этом говорил и бывший советник Гюлена Нуреттин Верен, который ушел из его структуры и написал разоблачительную книгу, в которой также упоминает о материальной помощи со стороны ЦРУ.

Так что же в действительности является двигателем турецких изменений и кто стоит за планированием новой стратегии? Основным вопросом является — будет ли Турция равноправным игроком вместе с другими региональными силами создавать новый евразийский порядок или начнется новый виток неоосманизма, который подразуме-

вает широкую экспансию на Балканы, в Северную Африку, Ближний Восток, Кавказ и Среднюю Азию. По мнению директора разведывательно-аналитического агентства Stratfor Джона Фридмана (озвученное в его книге «Следующие сто лет), Турция будет одним из самых могущественных сил на континенте Евразии. Саудовская Аравия и Украина также станут частью новой Турции. Нам кажется, что такие выводы довольно провокационны, ведь вместе с ростом Турции автор предрекает распад России и Китая. Интересно то, что и Турция и Россия имеют взаимные «претензии» по территориям, построенные на мифологическо-исторических комплексах. Легендарная долина Эргенекон, откуда начался исход тюрков многие столетия назад находится на Алтае, в российской Сибири. Оттуда через степи Азии тюрки двигались в сторону колыбели античной мудрости, покоряя другие народы, смешиваясь с ними, взаимно обогащая свои культуры. Но Россия получила христианство из Византии, Второго Рима и часть русско-турецких войн проходили под лозунгами освобождения колыбели восточного христианства и других православных народов от мусульман.

На данном этапе Турция вряд ли способна осуществить подобный сценарий, так как отношения с соседними региональными акторами (независимо от их геополитического влияния и местоположения) растут. Увеличивается торговый оборот и другие виды взаимодействий с Ираном, Россией и Китаем, — теми странами, стратегическое единство которых вместе с Турцией и Индией могло бы стать худшим кошмаром для стратегов Белого дома. Но и определенная зависимость Турции от ЕС и США продолжает сохраняться.

Можно сказать, что Турция, как и Россия, находится на перепутье. Россия после либеральных реформ, навязанных США, оказалась на грани распада, но смогла выстоять и сохранить свое могущество, хоть и довольствуясь статусом региональной державы (до 1991 г. СССР был одной из двух супердержав). Турция явно стремится к такому же статусу. Возможно, ряд арабских государств, например, Саудовская Аравия, и не пожелают увидеть Турцию в новой роли, но Россия была бы заинтересована в таком развитии сценария, при учете, что стратегии двух государств не будут противоречить друг другу. Установив и разграничив приоритеты в зонах обоюдного интереса (Украина, Балканы, Азия, Кавказ и т.д.) Россия и Турция могли бы синхронизировать усилия по достижению общих целей, в том числе по вопросам безопасности региона и обеспечению энергоресурсами. Вопрос не

только в кооперации двух государств. Применяя концепцию мультиполярности, серьезные игроки, такие как Иран, Индия, Китай, Казахстан могли бы совместно начать формировать новое устройство Евразии. Если в астрономии существует понятие двойной звезды или созвездия, подобная аллегория вполне применима и к государствам, особенно, если они находятся на одном континенте. Двойной звездой скорее можно назвать США и ЕС с их риторическими заявлении об общем прошлом и процессом адаптации законодательств обоих государств (от общего трансатлантического сотрудничества — к созданию общего трансатлантического рынка и других социально-политических систем, что уже происходит). Евразийские геополитические субъекты и центры могли бы также объединить усилия на основе реальных фактов общей исторической судьбы и совместных интересов. Такой сценарий мультиполярности, если он воплотится, мы назовем рождением нового геополитического созвездия Евразии.

Александр Сотниченко

ТУРЦИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСЬ ЕВРАЗИИ

Геополитика Турции в теории

С точки зрения классиков геополитической мысли[1] континент Евразия разделяется на две основные части — центральные земли (Heartland) и земли прибрежные, окраинные (Rimland). Русский геополитик П.Н. Савицкий, независимо от западных исследователей, писал что: «Евразия в старом смысле подразделяется уже не на Европу и Азию, а на 1) серединный континент (Heartland.) или собственно Евразию, и два периферических мира (Rimland); 2) Азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) Европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман — Западный Буш — Сан — Устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря»[2].

Х. Макиндер, один из основоположников геополитики, также разделял гигантское пространство Евразии на Хартланд (Россия-Евразия) и «государства внутреннего полумесяца», то есть привычные нам Азия и Европа или Римланд в геополитической терминологии[3]. Его последователь, один из идеологов американской внешней политики XX в., Н. Спикмен считал важнейшей зоной мирового пространства именно Римланд — окраинные земли Евразии, контроль над которыми является целью Великого противостояния Суши и Моря[4].

[1] См. работы Х. Макиндера, А. Мэхэна, П.Н. Савицкого, К. Хаусхофера.

[2] *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 41.

[3] *Макиндер Х. Д.* Географическая ось истории.// Дугин А.Г. Основы Геополитики. М. 1997. С. 504.

[4] *Spykman N.* The Geography of Peace. N.Y. 1944. P. 23.

Полуостров Малая Азия (Анатолия), занимаемый Турцией, располагается как раз на стыке Европы и Азии, а сам, в свою очередь, представляет собой отдельный, замкнутый географический регион. Уникальность его геополитического положения трудно переоценить: протяженность морских границ значительно превышает протяженность сухопутных, которые, в свою очередь, надежно защищены горами на северо-востоке и востоке, а также пустыней на юго-востоке. В рамках пространства Малой Азии находятся и Проливы, играющие роль ключа к южным воротам Евразии для морских империй. С другой стороны, Босфор и Дарданеллы открывают Евразии морской путь в Европу, Азию и Африку. Такое положение полуострова Анатолии дает нам право определить его в качестве важнейшей точки окраин Евразии, моста между всеми тремя составляющими континента. Согласно теории уникальности роли Римланда в противостоянии Моря и Суши, Малая Азия является, таким образом, ключевым региональным пространством геополитической модели мира, важнейшей контактной зоной Евразии.

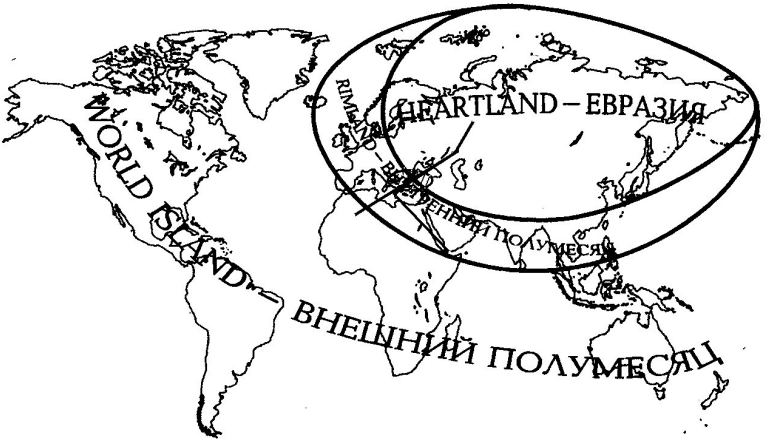
Геополитика Турции на практике

Разумеется, законы глобальной геополитики становятся актуальными только в связи с превращением мира в единую систему, что произошло на рубеже XIX — XX вв. Османская империя и цивилизация постепенно теряла статус независимого мирового центра, одного из ведущих акторов международных отношений многополярного мира Колумбовой эпохи[1], и приобретала статус уникального территориального образования, связывающего пространства Европы, Азии и России. Уже в конце XVIII в. султан Селим III характеризовал положение империи словами: «Страна погибает, еще немного, и уже нельзя будет ее спасти»[2]. Империя не погибла, но смогла продолжить свое существование до новой исторической эпохи, изменившей взгляды на политические и экономические отношения между странами. Она не могла противопоставить растущим колониальным экономикам вели-

[1] Термин Макиндера, обозначающий период географических открытий, завершившийся на рубеже XIX и XX вв. с открытием и освоением абсолютного большинства территорий планеты, пригодных для жизни людей. См. Mackinder H. Democratic Ideas and Reality. N.Y., 1919.

[2] Цит. по Шеремет В. И. Война и Бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 15.

ких держав и их современным армиям ни свою собственную модель развития, ни военную силу. Традиционная система взаимоотношений между народами, религиями и социальными прослойками едва сохраняла способность поддерживать угасающий дух империи и с трудом подвергалась реформированию. Государство с центром на берегах Босфора было спасено только его уникальной территорией, которая с наступлением Постколумбовой эпохи[1] обрела принципиально новое значение контактной зоны.



Геополитическая карта Х. Макиндера

Политическая ориентация контактной зоны определяется ее геополитическим положением. В условиях глобального мира государство, занимающее этот своеобразный трансцивилизационный мост, уже не может, подобно Османской или Византийской империям, являться самодостаточным геополитическим актором. Его идеологическая ориентация должна заключаться в умелом лавировании между меняющимися интересами глобальных акторов. В этом отношении автор не может согласиться с мнением некоторых исследователей,

[1] Термин Макиндера, обозначающий период после окончания географических открытий, начавшийся на рубеже XIX и XX вв. с открытием и освоением абсолютного большинства территорий планеты, пригодных для жизни людей. В Постколумбову эпоху мир становится единой геополитической и экономической системой, функционирующей за счет острого соперничества между основными акторами международных отношений за пространства и ресурсы. См. Mackinder H. Democratic Ideas and Reality. N.Y., 1919.

считающих, что Турция заведомо предрасположена к западной, атлантистской ориентации[1]. Геополитическая ориентация современной Турции как центральной контактной зоны Евразии главным образом зависит от степени влияния на нее евразийских и атлантистских сил, пытающихся воспользоваться выгодами ее положения. Таким образом, выявляется противостояние: контактная зона vs. глобальные акторы, в котором последние пытаются полностью навязать «евразийскому мосту» свою волю, а контактная зона — сохранить независимость, играя на интересах противоположных сторон.

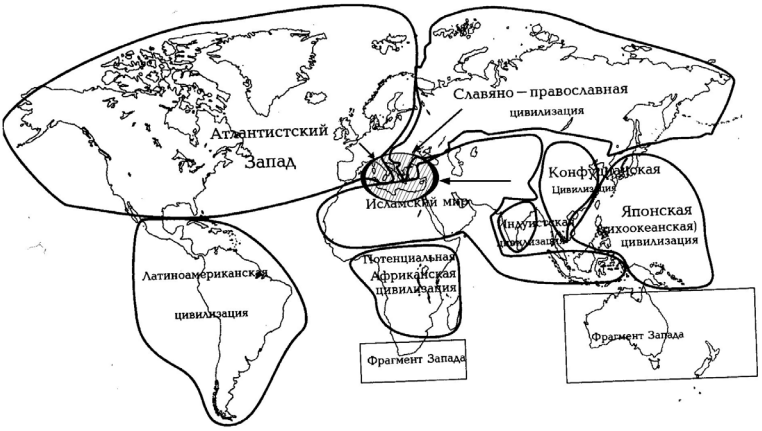
На любой контактной зоне ориентация только на одну сторону геополитического соперничества сказывается негативно. Османская империя с начала XIX в. попадает в зависимость от европейских держав и служит форпостом их экспансии в сторону России, в результате чего попадает в полуколониальную зависимость, и стагнирует. Выступив на стороне одной из сторон — Германии в Первую мировую войну терпит поражение. Основатель Республики Турция Мустафа Кемаль Ататюрк предлагает новую внешнеполитическую линию, отвечающую геополитическому положению страны. В 1920 — 1945 гг. Турция умело лавирует между интересами Великобритании, Франции, СССР, Германии, США, не принимая сторону ни одного из глобальных акторов. В результате такой политики ей удается остаться нейтральной, а торговля одновременно с Великобританией и Германией стратегическими ресурсами приносит существенные дивиденды. В дальнейшем ориентация только на одну сторону глобального конфликта — США превращает Турцию в третьестепенную страну НАТО, обрекает на зависимое положение в регионе, конфликт с соседями и, как следствие, экономический коллапс конца 90-х гг. XX века.

Эволюция идеологии

Османская империя представляла собой классический пример континентальной империи, наследника Византии и Халифата. В XIX в. традиционная идеология подвергается ревизии со стороны Запада и проводятся половинчатые попытки модернизации, завершившиеся крахом государства. Республиканская Турция выбирает светский национализм в качестве базовой идеологии модерна. В результате

[1] *Meining D. W.* Heartland and Rimland in Eurasian History. // The Western Political Quarterly Vol. 9, No. 3, Sep., 1956. P. 553-569.

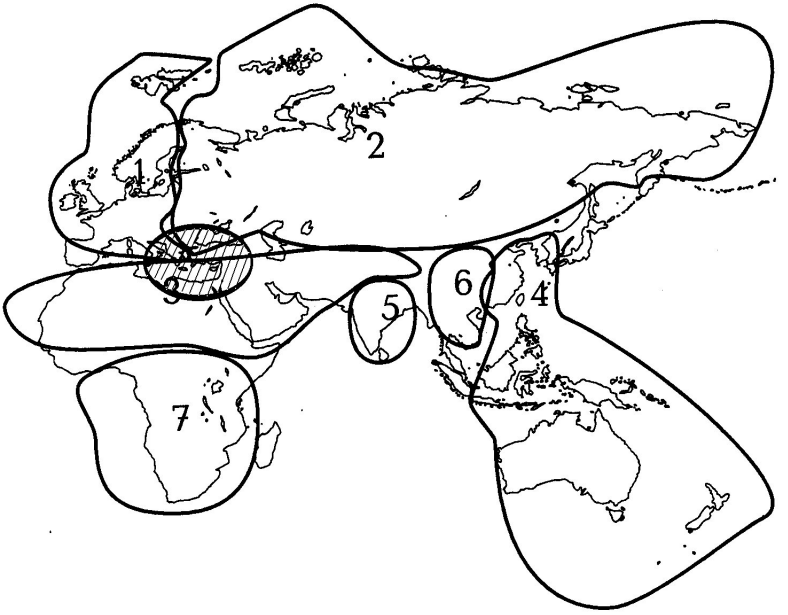
жесткого реформирования общество раскалывается на элиту — сторонников различных видов секулярного модернизма (националистов, либералов и коммунистов), между которыми идет политическая борьба в XX в., и мусульман — традиционалистов, в 20 — 30 гг. XX в. ностальгировавших по героическим временам Османской империи и веривших в скорый Конец Света. В республиканский период наиболее активных традиционалистов, поднимавших восстания против светской власти или разрушавших памятники Ататюрку ликвидировали. В подполье остались запрещенные светской властью суфийские ордена, сохранившие свою иерархию и организацию, которые в то время практически не влияли на политическую, и экономическую жизнь общества. В дальнейшем, их строгая организация пригодится для встраивания в современную политическую и экономическую систему.



Геополитическая карта цивилизаций С. Хантингтона

Возрождение традиционных политических и социальных воззрений в Турции происходит с кризисом той версии модерна, которая была представлена в этой стране. Фактически, после восстановления турецкой государственности в 1923 г., серии радикальных светских реформ под лозунгами независимости, в 50-е гг. XX в. часть элиты повела страну по пути одностороннего тесного сотрудничества с США, что было отходом от концепции нейтралитета первых лет Республики. С одной стороны, это направление было предопределено

модернистской, секулярной идеологией национализма, с другой — противоречило геополитическому положению страны. В связи с этим, на протяжении второй половины XX в. развитие Турции проходило достаточно проблемно: экономика была слабой, коррумпированной, общество продолжало оставаться расколотым.



Главная контактная зона Евразии помечена заштрихованным овалом на стыке Западной, Православной и Исламской цивилизаций

В конце 90-х гг. XX в. Турция вступает в заключительную стадию тяжелого системного кризиса, схожего с современным состоянием многих арабских государств, в которых происходят революции. Светская либерально-националистическая политическая элита страны, ориентированная на США и Европу, окончательно растратила популярность. Экономика разваливалась в прямом смысле: инфляция составляла 50-70% в год, внешний долг вырос до 100 млрд $. В то же время, турецкие предприятия оказались конкурентоспособными на рынках постсоветского пространства, соседних арабских стран и Ирана, связи с которыми ограничивались светской элитой. Юго-восток страны оказался охваченным боевыми действиями против

курдских националистов, не согласных с концепцией турецкого национального государства. В обществе нарастали исламские настроения, что обуславливалось как общей тенденцией развития Ближнего Востока, так и сравнительно более высоким уровнем рождаемости в традиционных семьях Турции по сравнению со светскими[1]. В то же время, исламские политические институты насильственно не допускались к управлению страной, ограничивалось также их проникновение в экономику и СМИ.

Эта ситуация неожиданно для всех разрешилась на выборах в 2002 г., когда все политические тяжеловесы 80 — 90-х гг. XX в. не смогли преодолеть специально установленный против курдской Демократической Народной партии высокий 10% барьер, и в парламент прошли только две партии. Оппозиционной силой стала воссозданная Народно-Республиканская партия (НРП), предлагавшая опираться на заветы Ататюрка, а правящей — партия Справедливости и Развития (ПСР) (33%), идеология которой представляла собой уникальный сплав правого евразийства, умеренного исламского традиционализма и ориентации на США и ЕС. Впоследствии партия добивалась успеха на выборах Президента в 2003 г., парламентских выборах 2007 г. (44%) и надеется улучшить свои результаты на выборах в июне 2011 г.

С точки зрения автора, в 2002 г. в Турции произошло настоящее преодоление модерна, смена элит и создание новой идеологии, отвечающей всем требованием современного миропорядка. ПСР отказалась от узкого исламизма, прямой антиамериканской, антиизраильской риторики своих предшественниц, провозгласила главной целью внешней политики вступление в ЕС, не занимается грубой ревизией истории республиканского периода. Схожие процессы проходят на Дальнем Востоке, где под красным флагом и с портретами Мао проводится интеграция Китая в мировую экономическую систему отнюдь не на вторых ролях. К власти пришли совершенно новые люди, как правило, тесно связанные с суфийскими братствами, а также созданными на их базе социальными и экономическими структурами. Это импонирует традиционно настроенному большинству, дает надежду на рост социальной динамики.

Наибольшим достижением Турции последних 10 лет без сомнения можно назвать экономические показатели. В стране почти полностью

[1] *Kaufmann E.* Islamism, Religiosity and Fertility in the Muslim World, [Электронный ресурс] URL: // http://www.sneps.net/RD/uploads/1-Islamismfertilitypaper.pdf

отсутствуют запасы нефти и газа, цена на бензин самая высокая в Европе, однако, динамика экономического роста просто поражает воображение. В 2010 г. ВВП достиг 1 трлн $, увеличившись по сравнению с 2001 г. в 5 раз. Экспорт возрос более чем в 3 раза и достиг 114 млрд $, причем, в первую очередь Турция экспортирует не сырье, а продукцию своих промышленных предприятий. Происходит развитие ранее отсталых районов, в первую очередь, Юго-восточной и Восточной Анатолии, население становится все более платежеспособным.

Этих показателей Турция достигла в немалой степени благодаря смене своей внешнеполитической позиции. Ранее идеология либерального национализма предполагала наличие враждебных режимов по границам Турции. Олицетворением положения страны стала популярная фраза «Турция с трех сторон окружена морями и с четырех врагами». Со всеми соседями у Турции были территориальные, политические и идеологические противоречия, в немалой степени обусловленные ее прозападной ориентацией. В XXI в. Анкара входит с новой внешнеполитической доктриной «ноль проблем с соседями», которая предполагает укрепление отношений с приграничными государствами вне зависимости от их политики. Например, если в 90-е гг. XX в. Турция являлась одним из спонсоров сепаратизма на Кавказе, постоянным критиком России, наш торговый баланс в 1999 г. не превышал 1 млрд $, сейчас эти показатели увеличились в 30 раз, отменены визы, и Турция признана стратегическим партнером России.

Автором этой внешнеполитической линии является профессор университета Мармара Ахмет Давутоглу. Его авторству принадлежит выпущенная в 2001 г. книга «Стратегическая глубина»[1] в которой излагается принципиально новая концепция внешнеполитической стратегии Турции, которая ставится в зависимость от ее серединного, ключевого геополитического положения в Евразии. В настоящее время Ахмет Давутоглу представляет Турцию на международной арене являясь министром иностранных дел. С точки зрения министра, Анкаре необходимо строить свою политику в зависимости от баланса сил в мире, не поддерживать ни одного гегемона, лавировать между интересами США, ЕС, России, государств Ближнего Востока, играть на выгодах своего геополитического положения для распространения влияния Турции в регионе и мире. Журналисты назвали эту концеп-

[1] *Davutoglu A*. Stratejık derinlik. İstanbulö, 2001.

цию «неоосманизмом», считая, что нынешнее правительство идет по пути восстановления Османской империи.

Несколько лет последовательной реализации принципов новой внешней политики дали свои результаты. Авторитет Турции в мире и на постосманском пространстве значительно вырос. Большая победа была одержана в арабском мире. Если в годы Первой мировой войны арабы приложили немало усилий для развала Османской империи и до последнего времени авторитет Турции был невысок, сейчас, благодаря политике Анкары, премьер-министр Турции стал «человеком 2010 года» в арабском мире. На Балканах, Кавказе и в Центральной Азии Турция проводит активную экономическую и политическую линию. Не смотря на лозунги о первостепенности решения задачи вступления в ЕС, решение этого вопроса отдалилось на неопределенную перспективу. Фактически, Турция становится настоящим политическим и экономическим лидером Ближнего Востока.

Как России следует реагировать на усиление позиций Турции в регионе? Насколько политика ПСР соответствует интересам нашей страны? Разумеется, все преобразования в Турции ведутся в первую очередь для реализации национальных интересов Анкары. Россия отнюдь не является единственным приоритетным партнером, напротив, Турция старается диверсифицировать газовые и нефтяные потоки, стремясь уйти от односторонней зависимости от России. Довольно вяло идет развитие военного сотрудничества между нашими странами. Торговый баланс пока в нашу пользу, однако, Россия поставляет в Турцию в основном сырье, а взамен получает промышленную продукцию, технологии и сервис. Существуют серьезные противоречия меду нашими странами на Кавказе, конкуренция за рынки стран Европы и Ближнего Востока. Однако, цели у нас схожие — сохранение независимости и суверенитета перед лицом глобализации, построение многополярного мира, в котором наши страны смогли бы занять достойное место влиятельных акторов международных отношений.

Автор настоящей статьи считает, что следует внимательно изучать историю Турции, ход политического и экономического реформирования этой страны, строить параллели с нашим развитием. Представляет особый интерес вопрос о политических взаимоотношениях между светской националистической элитой XX в. и традиционалистами, которым удалось стать самым динамично развивающимся социальным элементом турецкого общества и

придти к власти мирным путем. В России сейчас наблюдаются схожие процессы, что и в Турции в XX в.: прозападная светская либеральная элита не пользуется большим авторитетом в обществе, однако, оппозиционные политические структуры размыты и не оформлены институционально. Возможно, положительный опыт соседей может пригодится для формирования политической линии, основанной на особых ценностях русской цивилизации и специфике евразийского пространства.

Джюнейт Акалин, Элиф Эрал

РОЛЬ ТУРЕЦКОЙ ПРЕССЫ В ДЕЛЕ «ЭРГЕНЕКОН»[1]

В ходе всего судебного разбирательства в отношении антиамериканских/антиПСР (правящей Партии справедливости и развития) сил, длящегося уже почти четыре года, та роль, которую играет пресса, стала столь же значительной, как и само дело.

Пресса, вместо того чтобы играть привычную роль объективного источника информации, задавая вопросы, освещая события, превратилась в представителя тех сил, которые, собственно, и провоцируют развитие процесса, то есть фактически выполняют функции полиции и специально «уполномоченного» прокурора. Большая часть представителей прессы широко рекламировала сомнительные источники информации, не удосужившись разобраться в их подлинности и достоверности. С помощью пугающих заголовков они вторгались в частную жизнь людей. Когда люди, частная жизнь которых была предана огласке, заканчивали жизнь самоубийством, воспринимая их действия как покушение на собственную честь, эти газеты все равно продолжали свои атаки словами «самоубийство было совершено под давлением незаконных формирований».

Пресса, как уже упоминалось, играла в деле Эргенекона особую роль. И эту роль играли отнюдь не только те представители прессы, которые были связаны с партией власти. Даже те печатные издания, которые занимали промежуточную центристскую позицию, и пытались сохранить некоторую дистанцию от этого дела, также служили

[1] Дело Эргенекон является самым большим политическим судебным разбирательством за всю историю Турецкой Республики. Оно было начато против патриотических антиамериканских и антиправительственных сил в декабре 2007 г. Было арестовано 86 статусных персон, включая лидера партии, известных журналистов, писателей, офицеров и чиновников. Подобное дело, известное как Balyoz было заведено против высших офицерских чинов, как действующих, так и отставных. Было задержано 163 офицера.

целям правительства, позволяя печатать на первых полосах своих газет достаточно критическую информацию. Эта информация, помещенная на первые полосы под видом чистых фактов, на самом деле представляла собой набор голословных утверждений, сделанных специально уполномоченным государственным обвинителем и самими печатными изданиями. Такого рода информирование, весьма и весьма далекое от объективной журналистики, целенаправленно моделировало общественное мнение против обвиняемых по делу Эргенекона.

Секретность переговоров, нарушенная утечкой информации и документов

С самого начала судебного процесса некая информация и важные документы просачивались на страницы проправительственных печатных органов, главным образом Bugün, Star, Taraf, Vakit, Yeni Şafak и Zaman. Другие печатные издания уже на следующий же день несли те же «новости», ссылаясь на упомянутые ресурсы. Поэтому почти все печатные СМИ прямо или опосредованно играли свою роль в утечке.

Утечки продолжались сразу после арестов и во время предъявления обвинений в суде. Сведения о поиске улик и следов, которые адвокату обвиняемых удалось найти с огромным трудом, подчас невозможно было заполучить на руки; а все открытые документы до сих пор требуют дополнительных разъяснений. Словом, все появлявшиеся на первых полосах материалы требуют дополнительных доказательств. Даже обвинительное заключение, которое должно было быть вначале оглашено обвиняемому, пресса, пренебрегая законом, выносила на страницы газет сотни новостных сообщений, которые нарушали секретность рассмотрения дела. Те же новости появлялись несмотря на статью 288 турецкого Уголовного кодекса, по которой наказывались те, кто пытался оказать давление на представителей правосудия в суде, и статью 19 турецкого Закона о прессе, касающегося публикаций, нацеленных на давление на правосудие.

Вот лишь некоторые примеры заголовков отдельных газет по делу Эргенекона, вышедших 22 января 2008 года:

Ежедневное либеральное издание Milliyet: «Эргенекон хочет сенсационных действий».

Проевропейская либеральная Radikal: «Раскрыта организация с участием военных».

Газета с правым уклоном Sabah: «Раскрыт военный переворот».

Исламистская Yeni Şafak: «План массовых беспорядков и военного переворота провалился».

В газетах каждый день обсуждался новый план убийства, а главному государственному обвинителю из Стамбула пришлось сделать публичное заявление, что «большинство публикуемых материалов беспочвенны».

Была нарушена презумпция невиновности

Презумпция невиновности — основной принцип современного законодательства. Более того — это универсальный принцип. Согласно Конституции Турецкой республики (статья 34/4) любой ее гражданин считается невиновным, пока его вина не доказана. Этот принцип турецкой прессой был изменен на «если человек обвиняется, то он виновен», и согласно этому принципу люди обвинялись совершенно публично. Короче говоря, турецкая пресса играла роль государственного обвинителя. Газеты и другие СМИ называли людей «террористами» и «путчистами». Однако, хотя 13-я выездная судебная сессия в Стамбуле постановила, что фраза «Террористическая организация Эргенекон» не может употребляться публично, пока это не будет доказано, все СМИ продолжали ее открыто использовать.

Голословные утверждения подавались в качестве фактов

И новостные сообщения, выдаваемые за утечки, и обвинения государственного обвинителя со всеми их невероятными сценариями массовых убийств, планами массовых беспорядков и т.д. рассматривались СМИ не как предположения, а как точно установленные факты.

Официально предъявленное обвинение со стороны «специально уполномоченного» государственного обвинителя заключалось в инкриминировании организации подрыва офиса газеты Cumhuriyet, убийства судьи Верховного суда, намерении атаковать базу НАТО в Измире, а также в подготовке покушения на отставного начальника генштаба Ясара Бьюйуканита, известного писателя Орхана Памука, журналиста Фехми Кору, мэра курдского города Диарбакира Османа Бейдемира и курдских членов парламента Себахата Тунсела и Ахмета Тюрка. Некоторые имена были оглашены под заголовком «члены

вооруженного формирования и группы активистов». Используя эти «данные» вся проправительственная пресса пошла еще дальше. Ими было объявлено, что обозначенные «члены вооруженного формирования и группы активистов» намеревались совершить все обозначенные выше действия. Такие сообщения были представлены читателям под заголовками «Планирование убийства Орхана Памука», «Список националистов-убийц», «Планы убийства Эрдогана Бьюйуканита»[1].

Некоторые люди, которых обвиняли в планировании покушений на этих известных людей, были позднее оправданы, но их реабилитация освещалась не так громко, как их аресты и выдвижение против них официальных обвинений[2].

Провокационные публикации

Многие печатные органы и отдельные обозреватели не гнушались явными провокациями, провоцируя настоящую охоту на ведьм. Были также журналисты, которые не стеснялись публиковать списки ожидаемых арестов в своих колонках или ТВ-программах. В отдельных случаях ТВ-камеры, уже ведущие прямую трансляцию, стояли на месте проведения операции еще до прибытия к месту захвата полиции. Примером этому может послужить трансляция официального Государственного Радио-ТВ Канала (TRT 1) у стен резиденции бывшего генерального прокурора Турецкой республики Саби Канадоглу (он знаменит также как человек, открыто выступающий против США и Партии справедливости и развития), во время которого репортер заявил, что «в квартире Канадоглу начался обыск» еще до того как полиция приехала на место!

Все убийства в истории Турецкой республики были совершены Эргениконом!

Пресса полна решимости повесить все убийства, совершенные за всю историю Турецкой республики на Эргенекон, заявляя и даже публично обвиняя в каждой попытке организации волнений и тер-

[1] *Ertuğrul Mavioğlu* — Ahmet Şık, Kontrgerilla ve Ergenekon'u Anlama Klavuzu, (2010), İstanbul: İthaki Yayınları, p.401.

[2] İbid, p. 402.

рора, покушении на публичных фигур известную всем организацию Эргенекон.

Новость о нападении на посольство США была озаглавлена еженедельником Sabah от 11 июля 2008 года «Пахнет Эргенеконом...».

Право на реплику было нарушено

Тем временем пока сенсационные детали были специально выбраны из заключения прокурора и обнародованы, принципом признания за обвиняемым права на реплику открыто пренебрегли. Это одновременно журналистский принцип и право обвиняемого быть услышанным через своего адвоката, находясь даже в заключении.

Публикация записей телефонного прослушивания

Другим нарушением была публикация записей телефонных разговоров обвиняемых. Записи частных телефонных разговоров между обвиняемыми и их родственниками, которые никак не были связаны с последующими судебными спорами, впервые были опубликованы на интернет-сайтах, потом в новостных выпусках на телевидении и в газетах, и лишь после этого — для официального обвинения «специально уполномоченным» прокурором! Их частные разговоры были поданы обществу как настоящая сенсация с использованием слов «Молния!», «Шок!», «Бомба!» Среди всех записанных на пленку частных телефонных разговоров были отобраны и опубликованы именно те, которые содержали личные, интимные подробности. Например, частные комментарии известного 80-летнего обозревателя Илхана Селсука по поводу манекенщиц канала Fashion TV в беседе с другом были приобщены к официальному обвинению против него!

Голословные обвинения по поводу организованной Перинчеком секретной встречи в Доме алавитов (дом молитвы)

Другое абсурдное обвинение состояло в том, что председатель Рабочей партии доктор Догу Перинчек организовал секретную встречу с «лидерами кланов» в Доме алавитов.

Исламистский еженедельник Yeni Şafak в июле 2008 г. вышел под заголовком «Клетка Агарта в Доме Сем», в которой «Догу Перин-

чек стоял за нелегальной организацией, которую Турецкая служба разведки обнаружила с помощью Военно-воздушных сил Турции в 2005…»[1]. Согласно этим утверждениям, доктор Перинчек встречался с лидерами клана Балабан и других алавитских сообществ. Турецкая разведка, узнав о встрече, отправила секретный отчет главе штаба Турецкой армии, и он был обнаружен в ходе обыска в штаб-квартире Рабочей партии. Адвокат Догу Перинчека немедленно подал в суд на газету на основании того, что эти сведения являются безосновательными, клеветническими и нарушающими секретность расследования. Судебный процесс против этого исламистского издания постановил выплатить газете штраф.

Обвинения в том, что Нусрет Сенем сжег жесткий диск своего компьютера

Согласно опубликованному 27 марта 2008 г. сообщению, генеральный секретарь Рабочей партии, находясь в заключении, уничтожил жесткий диск своего компьютера! Ассоциация баров Анкары, в которой Нусрет Санем работал юристом, была представлена в качестве понятого при обыске и сделала официальное заявление по этому делу: «Сообщения относительно обыска в доме члена нашей ассоциации Нусрета Сенема не отражают реального положения дел. (…) Невозможно себе представить, что Нусрет Санем был пойман сжигающим жесткий диск собственного компьютера»[2].

Адвокаты Нусрета Сенема подали в суд на авторов указанной статьи и газеты-клеветники были найдены.

Возможно ли «честное слушание», когда личные права человека открыто нарушаются и люди заочно обвиняются виновными, когда общественное мнение намеренно вводится в заблуждение на основании сфабрикованных данных?

Выводы

Периода рассмотрения дела Эргенекона — это целый период в истории турецкой журналистики, отмеченный для нее печатью позора. Турецкие СМИ забыли о своей профессиональной миссии и стали принимать активное участие в самом деле. Они взяли на себя роли и

[1] Yeni Şafak, 20 July 2008.

[2] Anadolu Ajansı, 20.03.2008.

обвинителя, и судьи. Они одновременно и обвиняли, и судили, и выносили приговор.

Было почти невозможно добраться до истины, когда журналисты пренебрегли журналистской этикой и начали распространять невероятное количество дезинформации.

В итоге предвзятое предоставление информации достигло такой точки, когда сами журналисты, до этого нейтрально относившиеся к ложным сообщениям, сами стали мишенью новых провокаций! Такое развитие дел вызвало некоторую реакцию в среде репортеров и журналистов.

Дело Эргенекона — это невообразимых размеров операция против оппонентов правящей Партии справедливости и развития. Позднее члены парламента от оппозиции обнародовали данные о том, что эта операция была проведена секретными службами США.

А пресса тем временем играла ведущую роль в этой операции и с завидным постоянством публиковала на первых полосах ложную информацию, «слитую» «специально уполномоченным» прокурором и создавая таким образом извращенное общественно мнение о сути событий. Пресса стала всего лишь инструментом в руках тех, кто использовал «свободу» для надругательства над истиной.

Основной принцип правового государства — это разделение властей. Согласно этому принципу, правосудие осуществляется независимо от законодательной и исполнительной власти. Против этого базового конституционного и демократического принципа правящая Партия справедливости и развития применила институт государственного обвинения, подконтрольную полицию, а пресса превратилась всего лишь в их оружие.

Отчуждение прессы от общества и тотальная ее зависимость от Запада на культурно-идеологическом и информационном уровнях — одна из серьезнейших проблем турецкой демократии.

Судебное дело Эргенекона стало одним из факторов, которому еще предстоит сыграть свою роль в формировании обозримого будущего Турции.

Экономика

Леонид Савин

ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ, ВОЙНЫ И ГЕГЕМОНИИ

После того как российский экономист Н.Д. Кондратьев ввел теорию больших или длинных хозяйственных циклов, его идею подхватили другие экономисты и ученые и начали применять ее по отношению к другим отраслям. Помимо макроэкономического анализа и экономического анализа регионов подобные концепции стали применять к развитию обществ и их упадку. И, безусловно, увидели взаимосвязь экономики и конфликтов. В частности Арнольд Тойнби предложил цикл «великих войн» длительностью примерно в 120 лет, который делится на прелюдию, войну, передышку, эпилог и всеобщий мир. Такая длительность по Тойнби связана с человеческим фактором и исторической памятью — когда ужасы прошлой войны забываются очередным поколением, то велика возможность начала новой.

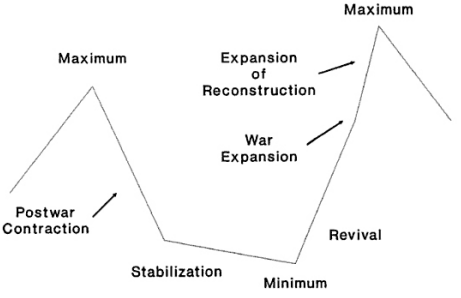
Уильям Томпсон так описывает подобную взаимосвязь: «инновационные процессы и глобальная концентрация связаны с глобальной войной. Базируясь на теоретических аргументах и эмпирических данных (XIX и XX вв.) мы обнаружили, что систематическая война является продуктом экономических инноваций и стремления к лидерству. И наоборот, систематическая война влияет на инновации, а также на экономическую и мореходную концентрацию. В этом смысле длинные волны экономических и технологических изменений, длинный цикл военно-политического лидерства и война являются тесно взаимосвязанной динамикой, которая находится в центре функционирования глобальной политической экономикой»[1].

[1] *Thompson, William R.* K-Waves, Leadership Cycles, and Global War: A Nonhyphenated Approach to World System Analyses. A World-Systems Reader. New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham, Maryland. 2000, Pp. 94-95.

Он указывает, что до сегодняшнего дня исследователями больших циклов было идентифицировано пять глобальных войн:

- Голландско-испанская 1580 — 1608 гг.
- Войны Великого Альянса 1688 — 1713 гг.
- Французская революция и войны Наполеона 1792 — 1815 гг.
- Первая и Вторая Мировые войны 1914 — 1945 гг[1].

Здесь мы видим, что периоды между глобальными войнами составляли от 80 до 100 лет. Следовательно, впереди в ближайшем будущем нас ожидает новая глобальная война.



Доктор Элен Уитни-Смит солидарна с Томпсоном в вопросе новых технологий. После 30-летних исследований теории экономического прогресса и его взаимосвязи с технологиями она также пришла к выводу, что именно инновации являлись толчком для экономической волны в том или ином государстве — будь то испанские гранды XVII столетия или английские ткачи. Однако она говорит об инновациях в информационных технологиях! В ее новой книге «Winning Information Revolutions: From the Ice Age to the Internet» указано, что ранее было шесть информационных революций. Первая произошла между охотниками и собирателями до то как люди научились обрабатывать землю. Вторая непосредственно связана с развитием письменности. Третья — это падение Рима. Четвертая — появление печатного станка. Пятая связана с электричеством, что привело к распространению телеграфа, телефона и железных дорог. Шестая — это цифровая революция, в которой мы сейчас пребываем. И, по утверждению Уитни-Смит, три последних имеют одинаковый экономический паттерн — вначале длится бум, за которым следует неизбежный крах. А новые формы организаций нарушают старые правила, которые пы-

[1] T*hompson, William R.* K-Waves, Leadership Cycles, and Global War: A Nonhyphenated Approach to World System Analyses. A World-Systems Reader. New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham, Maryland. 2000, p. 92

тается поддержать существующая элита[1]. Социальные сети, растущие на основе Интернет, их активная манипуляция военно-политическими кругами США полностью подтверждают тезисы Уитни-Смит. И чем могут быть нарушения старых правил, которые упорно хочет сохранить старая элита как не определенной формой конфликта?

Уолтер Голдфранк из Университета Санта Круз-Калифорния

Hegemonic Phases and Economic Long Waves in the World-Economy Perspective

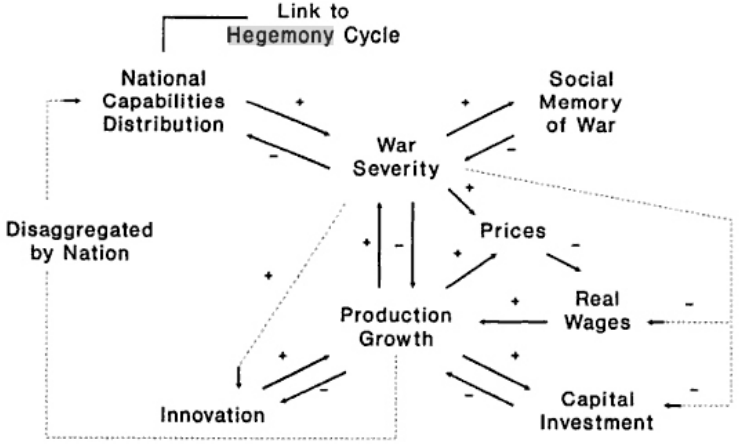
Hegemon	Economic Expansion	Economic Contraction	Hegemonic Phase
Netherlands	1575–1590		Ascending Hegemony (A1)
		1590–1620	Hegemonic Victory (B1)
	1620–1650		Hegemonic Maturity (A2)
		1650–1700	Hegemonic Decline (B2)
Britain	1798–1815		Ascending Hegemony (A1)
		1815–1850	Hegemonic Victory (B1)
	1850–1873		Hegemonic Maturity (A2)
		1873–1897	Hegemonic Decline (B2)
United States	1897–1913/1920		Ascending Hegemony (A1)
		1913/1920–1945	Hegemonic Victory (B1)
	1945–1967		Hegemonic Maturity (A2)
		1967–	Declining Hegemony (B2)

также предложил рассмотреть помимо экономических факторов социальные и военные[2]. Он применил модель мир-системного анализа И. Валлерстайна (сам Валлерстайн делил цикл на три фазы: война, гегемония одной державы, ее упадок) и к полупериферии отнес большинство стран Восточной Европы, Россию, Мексику, Колумбию, Венесуэлу, Бразилию, Аргентину, Чили, Южную Африку, Турцию, а также часть Ближнего Востока и государства Восточной Азии. Согласно его прогнозам если будут развиваться свободные экономические зоны, то лидирующие позиции займут три вертикальных географических блока под руководством США, Японии и ЕС. В дальнейшем это сможет привести к тому, что Япония и США будут доминировать вместе, втянув в свою орбиту обе Америки и Тихоокеанский регион. Над остальными регионами будет

[1] *Kleiner A.* A Long-Wave Theory on Today's Digital Revolution. May 16, 2011. Strategy+Business mag.

[2] *Goldfrank W.* Beyond Cycles Of Hegemony: Economic, Social, and Military Factors. Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

доминировать политически объединенная Европа, что приведет с одной стороны к двуполярной системе соперничества, а с другой к высокому уровню организационной интеграции, попытки которой уже очевидны (унификация законодательств, трансатлантическое сотрудничество и т.д.). В глобальном масштабе Голдфранк предрекает упадок современной системы капитализма и рассматривает четыре возможных будущих модели мироустройства: разруха, фашизм, социальная демократия и социализм. Первый вариант возможен в основном из-за развязывания ядерной войны или разрушения биосферы. Второй представляет собой трансформацию капитализма в новый вид социально-экономического тоталитаризма или создание мир-империи с кастой центральных администраторов, которые будут заниматься перераспределением излишков. Учитывая разделение на страны-ядро и периферию, последние испытают на себе политические репрессии, включая такие меры, как евгенику и физическое уничтожение. При этом вариант войны также не исключен, что будет представлять собой либо неудачные попытки восстаний, либо затяжной конфликт. Будущее номер три и четыре Голдфранк описывает как наиболее желательную модель, связанную с государствами благосостояния, однако нынешние тенденции (включая глобальный кризис, перенаселение в ряде стран и упадок демографии в других, истощение природные ресурсов, опустынивание сельхозугодий, рост цен на продукты питания) показывают, что в



Source: based on Goldstein (1991b: 311).

глобальном масштабе это вряд ли будет возможным. Кроме того, две последние модели больше напоминают заигрывание с капитализмом, так как подразумевают альянс капиталистов стран ядра и периферии. В любом случае, для народов стран, желающих сохранить свой суверенитет и самобытность все четыре варианта нежелательны.

Существуют еще множество исследований циклов войны и гегемонии, наиболее известные авторы которых — Дж. Голдстайн и Дж. Модельски. Модельски назвал периоды подъема и упадка великих держав длинными мировыми политическими циклами, где по аналогии с двумя фазами цикла Кондратьева фаза подъема называется этапом обучения, а фаза упадка этапом лидерства, в начале которой и происходит глобальная мировая война.

Каждый из периодов делится на четыре фазы. На исторических примерах Модельски увязал влияние Португалии, Голландии, а также Британии на мировую политику. В случае с США им был предложен вариант с двумя циклами. Первый уже закончился, он происходил с 1850 по 1945 гг. Второй начался в 1971 г., а фаза деконцентрации попала на 2000 г. Далее в 2030 г. должна начаться фаза глобальной войны, а в 2050 г. очередной период мировой власти США[1].

Мировой финансовый кризис и падение фондовых рынков также, по мнению специалистов, указывают на приближение нового глобального конфликта.

Известный финансист и математик, в прошлом ведущий финансовый аналитик компании Goldman Sachs Чарльз Неннер, предсказавший крах 2008 г. в марте этого 2011 г. заявил, что в 2012 г. состоится обвал индекса Доу Джонса, за которым последуют и остальные финансовые активы. Виной тому будет смена циклов войны и мира[2]. По мнению Неннера ряд государств переориентируют свои экономики на военные рельсы и повышение доли ВВП на оборонные расходы будет напрямую связано с дестабилизацией фондовых рынков.

Упомянутый Джошуа Голдстайн вообще считает, что длинные волны в ценах и производстве связаны с «войнами больших держав»[3],

[1] *Modelski G, Thompson W.* Leading Sectors and World Powers. The Coevolution of global Economics and Politics. University of South Carolina Press, 1996.

[2] *Ч. Неннер*: финансовая элита США готовится к краху рынков и 3-й мировой войне. Биржевой лидер. 15 марта 2011 г. . [Электронный ресурс] URL: http://www.profi-forex.org/news/entry1008069121.html (дата обращения 17.06.2011).

[3] *Goldstein, Joshua S.* Long cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Heaven, CT: Yale University Press, 1988. P. 286.

а нынешние скачки как раз указывают на близость переломного момента.

Также не менее интересна теория гегемонистского перенапряжения. Деннис Флориг (Институт международных исследований, Сеул) отмечает, что в макроисторическом процессе взлета и падений гегемонистских властей существуют небольшие периоды ослабления гегемонии и ее регенерации. В качестве примера можно рассмотреть взаимосвязь нефтяного шока и рецессии 70-х гг. с Вьетнамской войной, что привело к ослаблению США, а также успех первой войны в Ираке и рост американской экономики 90-х гг[1].

Относительно будущего Запада и США диагноз Д. Флориг так или иначе связан с периферией и полупериферией. С одной стороны Запад является теперь скорее единым целым, чем группой соперничающих государств. Но с другой, западной культурной системе брошен вызов со стороны мусульманского мира, а также заметен подъем новых реформированных супердержав. К таким странам, которые смогут бросить вызов господству США Д. Флориг относит Россию, Китай и Индию. Серьезный потенциал имеет и Япония, но она вряд ли захочет пойти по этому пути.

В целом, новый претендент на гегемонию должен будет создать мощные вооруженные силы наряду с экономической мощью, а также

Long Cycles in Global Politics: Learning and Leadership Patterns

Long-Cycle Mode	Phases			
Learning ("Rise")	Agenda-setting	Coalition-building	Macrodecision	Execution
Leadership ("Decline")	Delegitimation	Deconcentration	Global War	World Power
	Starting In			
		(Chinese/Italian Renaissance)*		
	930			
		(West European)		
Portugal	1430	1460	1494	1516
Dutch Republic	1540	1560	1580	1609
Britain I	1640	1660	1688	1714
Britain II	1740	1763	1792	1815
		(post-European)		
United States	1850	1873	1914	1945
	1973	2000	2030	2050

[1] *Florig D.* A Theory of Hegemonic Overreach. http://www.dflorig.com/hegemony

гибкую идеологическую и институциональную власть, сопоставимую с США и их союзниками. Более того, потребуется создание контргегемонистского блока, куда войдут державы, объединенные такой идеей «наподобие того, как коммунисты боролись с капиталистами или фашисты с англо-саксонским либерализмом»[1]. И, самое главное, у новой супердержавы должны быть причины для выхода из глобальной существующей системы, а не простой интерес увеличения могущества внутри системы.

Если в XIX в., как указывает Д. Флориг, США двигались в фарватере Британской гегемонии, то в XX в. не было необходимости смены самой системы. США просто захватили первенство в уже существующей системе.

Что мы имеем на данный момент? Перенапряжение США налицо. Также очевиден глобальный кризис мировой финансовой системы и усиливающаяся частота конфликтов, что свидетельствует о приближении фазы глобальной войны.

Вероятным инициатором конфликта, с учетом исторического опыта и статистики могут быть США, так как по данным Стокгольмского института исследования мира расходы США в остаются самыми большими во всем мире и составляют 43% от мировых2. Далее следует Китай — 7 %, а на третьем месте Россия, Великобритания и Франция (по 4%). В целом динамика военных расходов на вооружения, даже несмотря на финансовый кризис предыдущих лет, в 2010 г. показала тенденцию роста.

Китай активно модернизирует свои вооруженные силы и с точки зрения права на гегемонию, вполне может претендовать на роль одного из ведущих игроков будущего контргегемонистского блока, хотя его экономика взаимосвязана с американской. Пока нет явных причин того, что он захочет создать новую финансово-экономическую систему. Перехватить ее у США в одиночку он тоже не сможет. В целом увеличение расходов на оборону Китая связано с желанием обеспечить бесперебойную поставку энергоресурсов, хотя в стратегической перспективе не исключена эскалация конфликта с о. Тайвань и претензии на ряд спорных территорий, как на суше, так и на море.

[1] *Florig D.* A Theory of Hegemonic Overreach. http://www.dflorig.com/hegemony

[2] World military spending reached $1.6 trillion in 2010, biggest increase in South America, fall in Europe according to new SIPRI data. SIPRI, 11 April 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.sipri.org/media/pressreleases/milex (дата обращения 15.08.2011).

Россия в данной оптике несколько отстает от Китая. У нас нет мобилизационной общегосударственной стратегической идеологии, которая есть у Поднебесной. В российском обществе продолжаются процессы отчуждения[1], и во властных структурах продолжает оказывать влияние либеральное лобби, которое заинтересовано как минимум в сохранении статус-кво, а как максимум, полное вхождение РФ в существующую либерально-капиталистическую систему.

И при не очень радужных перспективах будущей глобальной войны у России есть единственный выход, который подтверждает древняя римская пословица — «хочешь мира — готовься к войне», а это значит активное участие в создании контргегемонистского блока на базе различных интеграционных процессов от границ СНГ до Латинской Америки, которые ослабляют США, включая военные альянсы в рамках ШОС, БРИКС и других альтернатив существующему неолиберальному мировому порядку.

Помимо силовой составляющей необходим и фундаментальный пересмотр нынешней финансово-экономической модели, завязанной на милитаризм и являющейся виновницей текущего кризиса. Ибо, если этого не произойдет, то, как метко заметил итальянский экономист и социолог Джованни Арриги «прежде чем человечество задохнется (или познает счастье) в темнице (или раю) посткапиталистической мировой империи или посткапиталистического мирового рыночного общества, оно вполне может сгореть в пожаре (или лучах славы) нарастающего насилия, которым сопровождалась ликвидация мирового порядка времен «холодной войны»»[2].

[1] Хотя в ряде регионов Китая также есть сепаратистские тенденции (наиболее показательные из них в Синьцзян-Уйгурском автономном округе и Тибете), демографические факторы указывают на значительные преимущества Китая в этом вопросе, т.к. в РФ вспышки сепаратизма отмечаются именно в регионе с наибольшим демографическим ростом — Северном Кавказе, а в Китае в критических регионах население сравнительно небольшое.

[2] *Арриги Д.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Иеттритория будущего, 2006. С. 448.

Джордж Сорос

КАК РАЗРЕШИТЬ КРИЗИС ЕВРО

Комплексное решение кризиса евро должно состоять из трех основных компонентов: реформы и рекапитализации банковской системы, режима еврооблигаций и механизма выхода.

Первое — это банковская система. Маастрихтский договор Евросоюза был разработан для того, чтобы иметь дело только с дисбалансом в государственном секторе, но, как это случилось, перегибы в банковском секторе были намного хуже. Введение евро привело к жилищным бумам в таких странах, как Испания и Ирландия. Банки еврозоны стали одними из самых перегруженных в мире по кредитам и наиболее сильно пострадавшими от кризиса 2008 г. Они по-прежнему остро нуждаются в защите от угрозы банкротства.

Первый шаг был сделан недавно, когда был запущен механизм европейской финансовой стабильности по спасению банков и правительств. За этим должны последовать и другие шаги. Собственные капиталы банков необходимо срочно и существенно увеличить. И если европейское агентство гарантирует платежеспособность банков, то агентство также должно их и контролировать.

Европейское банковское агентство могло бы уничтожить кровосмесительные отношения между банками и регулирующими органами, которые были в корне эксцессов, питающих нынешний кризис. И оно могло бы намного меньше быть завязанным на национальный суверенитет, чем подчинять налоговую политику ЕС или властям еврозоны.

Во-вторых, Европа нуждается в еврооблигациях. Введение евро должно было укрепить сближение, на самом деле, оно создало расхождения с самыми различными уровнями задолженности и конкурентоспособности, разделяющими страны ЕС. Если страны с крупной задолженностью должны платить большие страховые взносы за риск, их долг становится неустойчивым. И это происходит сейчас.

Решение очевидно: страны с дефицитом должны иметь возможность рефинансировать большую часть своих долгов на тех же условиях, как и страны с положительным сальдо. Это лучше всего достигается путем разрешения издания еврооблигаций, которые будут совместно гарантированы всеми странами-членами.

Хотя принцип ясен, для проработки деталей потребуется много работы. Какое наднациональное агентство будет отвечать за выпуск еврооблигаций? Какие правила последуют после их выпуска? Как соблюдать эти правила?

Можно предположить, что еврооблигации будут под контролем министров финансов еврозоны. Совет может представлять собой финансовое дополнение Европейского Центрального Банка, он также может быть европейским аналогом Международного Валютного Фонда.

Поэтому дискуссия будет вращаться вокруг права голоса. ЕЦБ действует по принципу одного голоса от каждой страны, МВФ назначает право голоса в соответствии с взносами страны. Какая система должна преобладать в нашем случае? В первом случае будет дан карт-бланш странам-должникам, чтобы они решили вопрос со своими дефицитами, в последнем может произойти увековечивание двухскоростной Европы. Поэтому определенный компромисс будет необходим.

Так как судьба Европы зависит от Германии, и поскольку выпуск еврооблигаций приведет к угрозе риска собственные кредиты Германии, компромисс определенно должен поставить Германию на водительское место.

К сожалению, Германия имеет некоторые несостоятельные идеи о макроэкономической политике: она хочет, чтобы остальные европейские страны последовали ее примеру. Но то, что работает на Германию, не может работать на всю Европу: ни одна страна не может иметь хронический торговый профицит без того, чтобы другие страны не имели дефицита. Германия должна предложить правила, которым могут следовать другие страны.

Эти правила должны предусматривать постепенное уменьшение задолженности. Они также должны позволить странам с высоким уровнем безработицы, таким, как Испания, продолжить погашение бюджетного дефицита. Правила, имеющие целью также и циклически выверенный дефицит, могут достичь обе эти цели. Самое главное,

чтобы правила признавали свои несовершенства — и, таким образом, они должны оставаться открытыми для пересмотра и улучшения.

Брейгель, аналитический центр из Брюсселя, предложил, чтобы еврооблигации составляли 60% от внешнего долга еврозоны. Учитывая высокие взносы за риск, которые в настоящее время существуют в Европе, эта доля слишком мала, чтобы представлять собой ровное игровое поле. На мой взгляд, новые выпуски должны быть полностью в еврооблигациях до пределов, установленных Советом. Чем больший объем еврооблигаций страна хочет выпустить, тем более тяжелые условия должен будет навязать Совет. Совет не должен иметь никаких проблем в вопросах навязывания своей воли, потому что отказ в праве на дополнительную эмиссию еврооблигаций будет мощным сдерживающим фактором. Надзор должен быть улучшен, однако, с тем, чтобы предоставлять странам своевременное извещение, если они совершают нарушения.

Это прямо ведет к третьей нерешенной проблеме: что произойдет, если страна не желает или не в состоянии оставаться в рамках согласованных условий? Невозможность выпуска еврооблигаций может привести к беспорядочному дефолту или девальвации. При отсутствии механизма выхода это может иметь катастрофические последствия. Сдерживание, которое также слишком опасно для осуществления, не вызывало бы доверия. Греция является поучительным примером.

Это самая сложная из трех проблемных областей, и я не утверждаю, что уже имеется готовое решение. Многое зависит от того, как кризис в Греции будет сходить на «нет». Можно было бы разработать упорядоченный выход для такой небольшой страны, как Греция, который не может быть применен в другой, более большой, такой, как Италия. В этом случае режиму еврооблигаций придется применять санкции, и это будет безвыходной ситуацией — что-то вроде европейского министерства финансов, которое имеет как политическую, так и финансовую законность, что может получиться с помощью столь необходимых интенсивных дебатов и самоанализа (особенно в Германии).

Одно можно сказать наверняка: эти три проблемные зоны — реформы и рекапитализация банковской системы, режим еврооблигаций и механизм выхода — необходимо решить для того, чтобы сделать евро жизнеспособной валютой. Но финансовые рынки могут и не предоставить отсрочку, необходимую для установления новых договоренностей на местах.

Под продолжающимся давлением рынка Европейский Совет может найти временную договоренность для того, чтобы избежать катастрофы. Он мог бы разрешить ЕЦБ кредитовать непосредственно правительства, которые не могут заимствовать из рынков на разумных условиях, до тех пор, пока не будет введен режим еврооблигаций.

Джозеф Стиглиц

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЗАПАДНОГО КАПИТАЛИЗМА

Всего лишь несколько лет назад могущественная идеология — вера в свободный и неограниченный рынок — привела мир на грань разорения. Даже во времена ее расцвета с начала 1980-х гг. до 2007 г., дерегулированный капитализм в американском стиле привел к большему материальному благополучию только лишь очень богатых в самой богатой стране мира. В действительности в течение 30-летнего господства этой идеологии, большинство американцев из года в год наблюдали, как их доходы сокращаются или стагнируют

Более того, рост производства в Соединенных Штатах не был экономически устойчивым. При наличии такого большого национального дохода США, который получали немногие, рост мог продолжаться только через потребление, которое финансировалось с помощью создания кучи долгов.

Я был среди тех, кто надеялся, что, так или иначе, финансовый кризис должен преподнести американцам (и другим) урок о необходимости большего равенства, более жесткого регулирования, а также лучшего баланса между рынком и государством. Увы, это не так. Напротив, возрождение правой экономики, движимой, как всегда, идеологией и особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике — или, по крайней мере, экономикам Европы и Америки, где эти идеи продолжают процветать.

В США это правое возрождение, приверженцы которого явно стремятся отменить основные законы математики и экономики, угрожают форсировать дефолт государственного долга. Если Конгресс голосует за расходы, которые превышают доходы, то будет дефицит, и

этот дефицит будет финансироваться. Вместо того, чтобы аккуратно выстраивать баланс между преимуществами всех программ государственных расходов и затратами на повышение налогов для финансирования этих льгот, используются топорные методы, направленные на недопущение роста национального долга силовым ограничением расходов налогами.

Это оставляет открытым вопрос, какие расходы должны быть приоритетными — и, если расходы по уплате процентов по государственному долгу таковыми не являются, дефолт неизбежен. Более того, сокращение расходов сейчас, в разгар нынешнего кризиса вызванного идеологией свободного рынка, неизбежно лишь продлит экономического спад.

Десять лет назад, в разгар экономического бума, США столкнулись с настолько большими излишками, что они угрожали ликвидировать государственный долг. Сокращения налогов и войны, основная рецессия и высокие расходы на здравоохранение, частично подстегиваемые приверженностью администрации Джорджа Буша-младшего к предоставлению фармацевтическим компаниям полной свободы действий в установлении цен, даже с государственными деньгами на кону, быстро трансформировали огромный профицит в счет дефицита мирного времени.

Возмещение дефицита США следует непосредственно из этого диагноза: нужно заставить Америку работать, стимулируя экономику; положить конец бессмысленной войне; обуздать военных и лекарственные расходы, а также повысить налоги, по крайней мере, для очень богатых. Но правые не говорят об этом, а, наоборот, настаивают на еще большем снижении налогов для корпораций и богатых, а также сокращении расходов на инвестиции и социальную защиту, что поставило под вопрос будущее экономики США и то, что осталось от общественного договора. Тем временем, финансовый сектор США находится под воздействием лобби, которое пытается выйти из рамок правил, так что все может вернуться к прежним, катастрофически беззаботным методам управления.

В Европе дела несколько лучше. Когда Греция и другие страны столкнулись с кризисом, дежурная медицина просто предложила пакеты жесткой экономии и приватизации, которая будет просто оставлять страны, что сделает их еще более бедными и уязвимыми. Это лекарство оказалось не действенным в Восточной Азии, Латинской

Америке, и где-либо еще, и сейчас в Европе оно также не сможет помочь. Как мы видим, эти меры уже потерпели неудачу в Ирландии, Латвии и Греции.

Есть альтернатива: стратегия экономического роста при поддержке Европейского союза и Международного Валютного Фонда. Рост восстановит уверенность, что Греция сможет погасить свои долги, в результате чего процентные ставки упадут и предоставят больше финансовых возможностей для дальнейших стимулирующих рост инвестиций. Рост сам по себе повышает налоги и снижает потребность в социальных расходах, таких, как пособие по безработице. А уверенность, что это произойдет приводит к еще дальнейшему росту.

К сожалению, финансовые рынки и правые экономисты получили задачу с противоположными установками: они считают, что строгие меры способствуют доверию, а доверие будет способствовать росту. Но строгие меры подрывают рост, ухудшают финансовое положение правительства или, по крайней мере, уступают предложениям сторонников более мягких мер. В обоих случаях, доверие подорвано, а спираль продолжает раскручиваться.

Нужен ли нам еще один дорогостоящий эксперимент с идеями, которые повторяют ошибки? Мы не должны, но все чаще кажется, что нам, тем не менее, придется терпеть еще один кризис. Если попытки возврата к устойчивому росту в Европе или США закончатся провалом, это будет плохо для мировой экономики. Ошибка для обоих будет иметь катастрофические последствия — даже если основные страны с растущими рынками достигли самоподдерживающегося роста. К сожалению, преобладают менее мудрые, которые и направляют мир туда, куда он движется.

Джордж Фридман

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Классические политические экономисты, такие как Адам Смит или Давид Рикардо никогда не использовали термин «экономика» сам по себе. Они всегда использовали термин «политическая экономика». Для классических экономистов было невозможно понимать политику без экономики или экономику без политики. Эти два поля, конечно, разные, но они также тесно взаимосвязаны. Использование термина «экономика» само по себе не применялось до конца XIX века. Смит понял, что в то время как эффективный рынок зависит от индивидуального выбора, этот выбор связан с политическими системами, а политическая система была сформирована экономическими реалиями. Для классических экономистов политические и экономические системы были связаны между собой, существование одной зависит от существования другой.

Нынешний экономический кризис лучше всего понимается как кризис политической экономики. Более того, он должен быть понят как глобальный кризис, охватывающий Соединенные Штаты, Европу и Китай, он различен в нюансах, но имеет общую тему: отношения между политическим устройством и хозяйственной жизнью. В глобальном масштабе, или, по крайней мере, для большинства ведущих экономик мира, это кризис политической экономики. Давайте рассмотрим, как он эволюционировал.

Происхождение кризиса

Как мы все знаем, происхождение нынешнего финансового кризиса связано с ипотечным кризисом в США. Чтобы быть более точным,

он зародился в финансовой системе, которая производила бумажные активы, ценность которых была связана с ценами на жилье. Предполагалось, что цены на недвижимость всегда будут расти и, по крайней мере, если цена колебалась, то ценность бумаг все еще могла быть определенной. Это не подтвердилось. Цены на жилье снизились и, что еще хуже, ценность бумажных активов стала неопределенной. Это поставило всю американскую финансовую систему в состояние тупика, и кризис перекинулся на Европу, откуда многие финансовые учреждения приобретали бумаги.

С точки зрения экономики, это, по сути, финансовый кризис: одни потеряли, а другие приобрели какое-то количество денег. С точки зрения политической экономики кризис поднял другой вопрос: легитимность финансовой элиты. Давайте рассмотрим национальную систему в виде ряда подсистем — политической, экономической, военной и так далее. Затем посмотрим, как экономическая система делится на подсистемы — различные корпоративные вертикали со своими элитами, где одна из них является финансовой системой. Очевидно, что это упрощает ситуацию, но я так делаю для того, чтобы поставить акцент на определенной точке. Одна из систем, финансовая система, оказалась нерабочей, и эта ошибка произошла вследствие решений, принимаемых финансовой элитой. Это создало значительную политическую проблему, основанную не столько на уверенности в том или ином финансовом инструменте, а на компетентности и честности самой финансовой элиты. Смысл в том, что финансовая элита была либо глупа, либо нечестна, либо и то, и другое. Идея заключалась в том, что финансовая элита нарушила все принципы доверительного управления, социальной и моральной ответственности в поисках своей личной выгоды за счет общества в целом.

Справедливо это или нет, но такое восприятие привело к массовому политическому кризису. Это был воистину системный кризис, по сравнению с которым кризис финансовых структур был делом тривиальным. Вопрос был в следующем: способна ли политическая система не просто определить кризис, но и привести виновных к ответственности. Или же, если финансовый кризис не связан с преступностью, как политическая система допустила, что не были созданы законы в отношении таких преступных действий? Была ли политическая элита в сговоре с финансовой элитой?

Возник кризис доверия к финансовой и политической системам. Действия правительства США в сентябре 2008 г. были направлены, во-первых, на то, чтобы иметь дело с неудачами финансовой системы. Многие ожидали, что это будет сопровождаться с решением неудач финансовой элиты, но этого не произошло. Действительно, складывается впечатление, что, потратив большие суммы денег на стабилизацию финансовой системы, политическая элита позволила финансовой элите управлять системой в свою пользу.

Это вызвало второй кризис — кризис политической элиты. Движение чаепития возникло отчасти из критики политической элиты, фокусируясь на мерах, принимаемых для стабилизации системы и утверждая, что эти меры привели к новому финансовому кризису, на этот раз в чрезмерном суверенном долге. Восприятие движения чаепития было довольно резким, но идея заключалась в том, что политическая элита решала финансовые проблемы, как путем генерации огромного долга, так и путем накопления чрезмерной государственной власти. Аргументом движения было то, что политическая элита использовала финансовый кризис для того, чтобы существенно увеличить мощь государства (реформа здравоохранения была явным примером этого), в то время как она не справилась с финансовой системой, увеличив государственный долг.

Кризис в Европе

Вопрос суверенного долга также привел как к финансовому, а затем и политическому кризису в Европе. В то время как американский финансовый кризис, безусловно, отразился на Европе, европейский политический кризис усугубился в результате рецессии. В Европе уже давно некоторые считали, что Европейский Союз был построен либо для поддержки финансовой элиты за счет широких слоев населения, либо для укрепления Северной Европы, в частности Франции и Германии за счет периферии, либо и то, и другое. То, что было мнением меньшинства, было подкреплено рецессией.

Европейский кризис шел параллельно американскому кризису из-за того, что финансовые структуры были взяты на поруки. Но чем глубже был кризис, тем Европа переставала действовать как единое целое для выработки решения для всех европейских банков, вместо этого работа проводилась на национальной основе, при этом каждая

страна сосредоточилась на своих банках, а Европейский центральный банк, по-видимому, действовал в пользу Северной Европы в целом и Германии в частности. Это стало темой для обсуждения, когда рецессия породила непропорциональные кризисы в периферийных странах, таких как Греция.

Существует два нарратива для этой истории. Одним из них является немецкая версия, которая стала общим объяснением. Согласно ней Греция пришла к кризису суверенного долга из-за безответственности греческого правительства, так как оно поддерживало социальные программы сверх того, что могло бы профинансировать, и теперь греки ждали помощи от других, особенно немцев, чтобы их спасли.

Греческий нарратив, который менее популярен, отмечал, что немцы манипулировали Европейским Союзом в свою пользу. Германия является третьим по величине экспортером в мире после Китая и Соединенных Штатов (быстро приближаясь к второму месту). Формируя зоны свободной торговли, немцы создали рынки, которые попали в плен к немецким товарам. Во время процветания первые 20 лет или около того, это был скрыто под общим ростом. Но как только начался кризис, неспособность Греции девальвировать свои деньги, которые, как и евро, находятся под контролем Европейского центрального банка, и способность Германии продолжать экспорт без каких-либо возможностей Греции контролировать этот экспорт, усугубил рецессию в Греции и привел к суверенному долговому кризису. Кроме того, правила, созданные Брюсселем, настолько повысили позицию Германии, что Греция была беспомощна.

Но дело не в том, какой нарратив является верным. Дело в том, что Европа стоит перед лицом двух политических кризисов, порожденных экономикой. Один кризис похож на американский, который связан с убеждением, что политическая элита Европы защищает финансовую элиту. Другой является чисто европейским, региональным кризисом, из-за которого части Европы попали в состояние недоверия друг к другу. Это может стать экзистенциальным кризисом для Европейского Союза.

Кризис в Китае

Американский и европейский кризисы сильно ударили по Китаю, который, как крупнейшая экспортная экономика в мире, является

заложником внешнего спроса, особенно со стороны Соединенных Штатов и Европы. Когда Соединенные Штаты и Европа вошли в рецессию, китайское правительство столкнулось с проблемой безработицы. Если заводы закрыты, то рабочие становятся безработными, а уровень безработицы в Китае может привести к массовой социальной нестабильности. Китайское правительство имело два ответа на этот вызов. Первый состоял том, чтобы поддерживать заводы путем стимулирования снижения цен до точки, где испарялась норма прибыли от экспорта. Второй заключался в предоставлении беспрецедентных объемов кредитования предприятиям, которым угрожал дефолт по долгам, для их поддержки.

Стратегия сработала, конечно, но только за счет существенной инфляции. Это привело ко второму кризису, когда работники сталкиваются с сокращением небольших по размеру доходов. Ответом стало увеличение доходов населения, что, в свою очередь, увеличило расходы на вывозимые товары, сделав ставки на заработную плату в Китае менее конкурентоспособными, чем, например, в Мексике.

Китай ранее опирался на предпринимателей. Это было легко, когда Европа и США были на подъеме. Теперь рациональным шагом со стороны предпринимателей было либо выходить в оффшор, либо увольнять рабочих, либо и то, и другое. Китайское правительство не могло себе этого позволить, поэтому оно все больше и больше вмешиваться в экономику. Политическая элита стремилась к стабилизации ситуации и собственной позиции за счет увеличения контроля за финансовыми и другими корпоративными элитами.

Во всех трех местах — Соединенных Штатах, Европе и Китае — по крайней мере, первые шаги были сделаны по-разному. В Соединенных Штатах первым побуждением было регулирование финансового сектора, стимулирование экономики и усиление контроля над секторами экономики. В Европе, где уже был существенный контроль над экономикой, политическая элита начала разбираться, как эти элементы управления будут работать, и кто окажется в выигрыше. В Китае, где политическая элита всегда сохраняла неявную власть над экономикой, ее могущество увеличилась. Во всех трех случаях первым побуждением было желание использовать политический контроль.

Во всех трех случаях, это привело к сопротивлению. В Соединенных Штатах движение чаепития было всего лишь наиболее активным и эффективным проявлением этого сопротивления. Сопротивление

пошло за ним. В Европе сопротивление зародилось среди антиевропеистов (и антимиграционных сил, которые осуждают политику открытости границ Европейского союза в отношении неконтролируемой миграции). Оно также появилось со стороны политической элиты таких стран, как Ирландия, которая пошла на конфронтацию с политической элитой других стран. В Китае сопротивление исходит от тех, кто пострадал от инфляции, как со стороны потребителей, так и от бизнес кругов, чей экспорт стал менее конкурентоспособным и прибыльным.

Этот кризис ударил не по всем серьезным экономикам мира. Россия прошла через этот кризис ранее и уже склонна к контролю над экономикой политической элитой. Бразилия и Индия не испытывали таких сложностей, как Китай, но тогда у них не было таких темпов роста, как у Китая. Но когда Соединенные Штаты, Европа и Китай входят в кризис подобного рода, можно обоснованно сказать, что центр тяжести мировой экономики и большая часть ее военной мощи находится в состоянии кризиса. И это не тривиальный момент.

Кризис не означает краха. Соединенные Штаты имеют значительную политическую легитимность для того, чтобы справиться. Европа меньше, но в ее состав входят сильные державы. Коммунистическая партия Китая является мощной структурой, но она уже имеет дело не с финансовым кризисом. Она имеет дело с политическим кризисом поведения, посредством которого политическая элита управляет финансовым кризисом. Это политический кризис, который является наиболее опасным, потому что если политическая элита слабеет, она теряет возможность управлять и контролировать другие элиты.

Очень важно понимать, что это не идеологический вызов. Левые противники глобализации и правые противники миграции вовлечены в один и тот же процесс оспаривания легитимности элит. И это не просто классовый вопрос. Вызов исходит из многих областей. Претендентов еще не большинство, но они не так далеки от этого, чтобы сбрасывать их со счетов. Реальная проблема заключается в том, что, в то время как вызов для элит продолжается, глубокие различия между соперниками делают возможность альтернативной политической элиты трудно представимой.

Кризис легитимности

Это, таким образом, является третьим кризисом, который может возникнуть: что элита потеряла свою легитимность, а все, что есть ей на смену, представляет собой глубоко разделенную и враждебную силу, объединенную враждебностью по отношению к элитам, но не имеющей своей собственной когерентной идеологии. В Соединенных Штатах это может привести к параличу. В Европе это привело бы к переходу в государства-нации. В Китае это привело бы к региональной раздробленности и конфликтам.

Все эти крайние последствия. Но мы не можем понять, что происходит, не поняв двух вещах. Во-первых, политико-экономический кризис имеет если не мировой, то, по крайней мере, широкий масштаб, а восстания в других местах имеют свои корни, но связаны в некотором роде и с этим кризисом. Во-вторых, это кризис экономической проблемы, которая вызвала политическую проблему, и которая, в свою очередь, делает экономические проблемы еще хуже.

Последователи Адама Смита могут верить в автономную экономическую сферу, отделенную от политики, но Адам Смит был гораздо проницательнее. Именно поэтому он назвал свою величайшую книгу «Богатство наций». Речь шла о богатстве, но также и о нации. Это была работа о политической экономике, которая учит нас именно о том моменте, в котором мы сейчас находимся.

Майкл Хадсон

ФИНАНСОВОЕ ЦУНАМИ: ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ РЕЙТИНГОВЫХ АГЕНТСТВ

Сегодня в угрожающем нарастании экономических конфронтаций рейтинговые агентства играют роль политического «громилы», контролирующего кредиты, чтобы оказывать давление на Исландию, Грецию или даже Соединенные Штаты для отстаивания интересов ориентированной на самих кредиторов политики, неизбежно ведущей к финансовым кризисам. Эти кризисы в свою очередь заставляют задолжавшие правительства распродавать за бесценок свои активы на невыгодных условиях. Натравливая сторожевого пса этих служб на мировых банкиров, рейтинговые агентства искусственно подрывают стратегию, которую они проводили в жизнь в уже испорченном пространстве муниципальной политической жизни США.

Почему открытые распродажи рейтинговых агентств лучше, чем политика фискальных органов: необходимые пояснения от Кусинича

В 1936 г. в рамках реформы Нового курса американских финансовых рынков регуляторы запретили банкам и организованным инвестиционным менеджерам покупать ценные бумаги, «обозначенные в рейтинговых справочниках» как «спекулятивные». Подверженным государственному регулированию страховым компаниям, пенсионным и взаимно предоставляемым фондам было предписано «принимать в расчет» мнения кредитных рейтинговых агентств, работающих в статусе разрешенных государством монополий. Эти агентства зарабатывали свои деньги тем, что предлагали свои «мнения» (за которые никогда не несли ответственности перед законом) относительно платежей различной степени безопасности от ААА (охраняемый государством долг, всегда находящийся в топе, потому что правительство всегда может напечатать деньги для своевременной оплаты) вплоть до самых низких уровней.

Такие агентства, Moody, Standard and Poor и Fitch Investors Service сосредоточены главным образом на акционерном и корпоративном капитале, государственных и муниципальных облигациях. Они дважды делают деньги на одной и той же трансакции, когда города и государства уравновешивают свой бюджет, распределяя среди новых корпораций, выпускающих новые акции и облигации, акции государственных предприятий. Такими стимулами для бизнеса рейтинговые агентства внушают неприязнь правительствам, финансирующим самих себя с помощью поднятия налогов в реальном секторе, подоходном налоге или налоге с оборота, вместо того чтобы взять ссуду для покрытия своих расходов. Эффект от такого неустранимого смещения не в том, чтобы оценить, какие действия более экономически эффективны на местном уровне, но скорее, чтобы максимизировать свою собственную прибыль.

Местные власти подвергаются давлению, когда их возрастающий уровень задолженностей вызывает напряженность на финансовом рынке. Банки восстанавливают свои кредитные линии и заставляют муниципалитеты и государства оплачивать наличными свои долги, распродавая самые ценные государственные предприятия. Предложение таких мнений на практике становится большим бизнесом для самих рейтинговых агентств. И сразу же становится ясно, почему их бизнес-модель противостоит политике — и политическим кандидатам, — которые поддерживают идею государственного финансирования, основанного скорее на налогообложении, чем на заимствовании. Такой эгоизм оказывает решающее влияние на их «мнения».

Если сегодняшнее объяснение позиции рейтинговых агентств кажется слишком циничным, есть и более подходящие примеры тридцатилетней давности, чтобы показать их беспринципное поведение. Первый и самый известный случай произошел в Кливленде, штат Огайо, после того как Деннис Кусинич был избран мэром в 1997 г. Рейтинговые агентства давали городу хорошие оценки, несмотря на то, что он использовал фонды облигаций для общих рабочих целей, чтобы покрыть свой бюджетный дефицит за счет заимствований, в результате чего Кливленд остался с $ 14,5 млн. задолженностью перед банками на открытых краткосрочных кредитных линиях.

У Кливленда был потенциально надежный источник денег в городском электроосвещении — компании, которую создал Том Джонсон в 1907 г. в период Прогрессивной эры Рузвельта как одну из первых

в Америке находящихся на муниципальной собственности энергосистему общего пользования. Она снабжала электроэнергией улицы Кливленда, госучреждения, а также некоторых частных потребителей. Тем временем, банки и другие их ведущие местные клиенты интенсивно инвестировали в частного конкурента Muni Light — Кливлендскую электроосветительную компанию (КЭК). Члены Cleveland Trust сделали ставку на КЭК и оказывали сильное влияние на городской совет, чтобы подмять под себя этот бизнес. После нескольких предпринятых акций, которые руководство города, Сенат США и органы государственного регулирования посчитали безуспешными (в народе сказали бы — преступными), КЕК организовала ряд срывов в подаче электричества и продолжала работать с банками и рейтинговыми агентствами, чтобы заставить город продать компанию. Банки со своей стороны имели свое видение финансирования государственных закупок — и надеялись заставить город склониться к продаже, угрожая прекратить обеспечение кредитных линий, если он не уступит Muni Light.

Но им пришлось приостановить приватизацию, так как на пост мэра выставил свою кандидатуру господин Кусинич. Чтобы освободить город от финансового давления узкой группы лиц — прежде всего банкиров и частных коммунальных предприятий — он попытался перенести городские финансы на более надежную почву с помощью поднятия налогов. Это угрожало замедлить заимствование у банков, но освободило бы Кливленд от открытого давления на города США, чтобы те продавали государственные предприятия, особенно с 1980-х гг., когда политические популисты загоняли страну в долги своей политикой понижения налогов.

Банки и рейтинговые агентства говорили мэру Кусиничу, что они помогут его политической карьере и даже намекали на пост губернатора, если он будет сотрудничать с ними и согласится продать систему электроснабжения. Если же он откажется, банки заявили, что они могут не возобновить кредитные линии для города. Такая угрозы была похожа на то, если бы компания по кредитам вдруг затребовала бы оплату всего баланса от пользователя, аргументируя это тем, что если он не заплатит, то придет шериф и арестует все имущество, чтобы продать его по дешевке.

Рейтинговые агентства звонили во все колокола, чтобы понизить кредитный рейтинг Кливленда, если город не пойдет на приватизацию

своих коммунальных служб. Финансовая тактика заключалась в том, чтобы предложить мэру политическую морковку под угрозой ввергнуть город в череду финансовых потрясений и увеличения процентной ставки. Если экономика не сможет оплачивать высокие коммунальные расходы в результате приватизации, ей придется выплачивать еще большие проценты.

Но, оставаясь на своих позициях, мэр отказался продавать коммунальное хозяйство, а избиратели высказались на референдуме за то, чтобы сохранить Muni light в муниципальной собственности в соотношении 2 к 1. Они продолжали оплачивать долг города, выплачивая норму подоходного налога, чтобы избежать оплаты высокой ставки налогов для приватизированного электричества. Их выбор полностью согласовывался с V томом книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», где говорится о том, как покончить с увеличением налогов, чтобы выплатить проценты. Для этого нужно заставить частный сектор оплачивать более высокую цену за свои базовые потребности — как раз то, о чем говорил мэр Кливленда Том Джонсон и другие политики в Прогрессивную эру за век до этого.

Союз кливлендских банкиров с состоятельными энергетическими монополиями впервые со времен Великой депрессии привел город к дефолту, а штат Огайо заставил ввести фискальное конкурсное управление в 1979 г. Банки использовали кризис, чтобы получить легкую прибыль при скупке краткосрочных облигаций, которые продавались в условиях бедственного экономического положения, усугубленного рейтинговыми агентствами. Банки спонсировали конкурента мэра Кусинича во время предвыборной гонки в 1979 г.

Но, спасая Muni Light, он спасал сотен миллионов долларов избирателей, в которые приватизаторы включили бы их тарифы на электричество, чтобы покрыть высокие процентные платежи и финансовые сборы, дивиденды акционерам, а также непомерные зарплаты и фондовые опционы.

Мораль же состоит в том, что критерием для рейтинговых агентств было лишь то, что было лучше для банков, а не для задолжавших и выпускающих облигации экономик. Цель состоит в том, чтобы вырезать национальные активы и сделать уже для Вашингтона то, что они пытались проделать в Кливленде и других таких городах. Они горели желанием обновить кредитный рейтинг Кливленда, чтобы причинить

какой-то вред, совершая, во-первых, заимствования в банках, а не покрывая свой бюджет за счет повышения имущественных налогов и налогов на прибыль; во-вторых, повышая стоимость ведения бизнеса с продажей Muni Light. Они угрожали понизить рейтинг города, чтобы включить его экономику в сферу своих интересов и попытаться одновременно сохранить низкий уровень затрат на самообеспечение и ведение бизнеса.

Такая тактика банков и рейтинговых агентств была успешна в большей степени для городов и государств, которые глубже остальных увязли в долговой зависимости. Цель состоит в том, чтобы задушить национальные активы и сделать уже для Вашингтона то, что они пытались проделать в Кливленде и других таких городах. Такое же давление на международном уровне оказывалось на Грецию и другие страны. Рейтинговые агентства действуют как политические «вышибалы», чтобы поставить на колени экономики, старающиеся отказаться от грабительской приватизации для решения долговых проблем.

Угрозы упадка США и других национальных экономик при нынешней финансовой политике

В тот момент, когда требования выплат оказывают на практике саморазрушительный эффект, кредиторы переходят к отступлению. План B — вызвать взыскания и завладеть имуществом должников. В случае государственного долга правительство заставляют приватизировать общественную собственность — вместе с самими банками, создающими кредиты для своих покупателей, чтобы купить эти активы, как правило, в условиях распродажи по бросовым ценам, чтобы сохранить условия для прироста капитала и других финансовых откатов. В случаях, когда потеря права выкупа и принудительные распродажи никак не способны повлиять на кредитора, переходят к плану C — срочному оказанию помощи банкам, выкупая плохие банковские кредиты и другие облигации за государственный счет, то есть за счет простых налогоплательщиков.

Угроза Standard and Poor понизить рейтинг казначейских облигаций США с уровня AAA до AA+ лишь обострит проблему. Но в понедельник 8 августа 2011 г., после снижения в пятницу 5 августа вечером, процентная ставка по займам Казначейства упала фактически в отрицательное поле вместе с краткосрочными казначейскими векселями. Это означает, что инвесторам пришлось отдать маленькое поле, лишь бы сохранить свои деньги в безопасности. Поэтому мнения S&P

столь же ценны, сколь может быть полезен ценник в магазинах в качестве стратегии проведения хорошей экономической политики.

Но намерения S & P, на самом деле не влияют на конкурентоспособность казначейских облигаций. Это был политический трюк, чтобы и дальше продвигать идею, что решение сегодняшнего бюджетного дефицита в том, чтобы прибегнуть к строгим мерам в экономике. Посыл заключался в том, что президент Обама должен вернуть права на социальную защиту и медицинское страхование так, чтобы высвободить больше средств для субсидий, помощи банкам и снижения налогов для верхушки общества. Неолиберальный гарвардский профессор экономист Роберт Барро высказал свою точку зрения по этому поводу в издании Wall Street Journal. Называя понижение рейтингов S&P «пробуждающим звонком» чтобы бороться с бюджетным дефицитом, он изложил предпочтительный способ решения проблем в финансовом секторе: порочный класс ведет войну против труда, чтобы сократить прожиточные стандарты и парализовать в дальнейшем экономику США, вбив клин между кредиторами и должниками с помощью финансовых спекуляций.

Во-первых, необходимо проводить структурные реформы по большинству существующих направлений, начиная с увеличения срока «правил приемлемости»[1] и заканчивая экономически целесообразной индексационной формулой. Во-вторых, понизить планку предельных налоговых ставок в индивидуальном подоходном налоге. В-третьих, в духе налоговой реформы Рейгана 1986 г. платить за снижение ставок, постепенно отказываясь от основных налогов на расходы, в том числе преференций по процентам по ипотечным кредитам, государственных и местных налогов на прибыль и дополнительных льгот, не говоря уже про устранение субсидирования этанола. В-четвертых, навсегда ликвидировать корпоративные налоги и налоги на недвижимость, сборы, которые являются неэффективными и поднимают мало денег. В-пятых, ввести большие налоги на расходы, такие как налог на добавленную стоимость (НДС) со ставкой около 10%.

Банковский лоббист Андерс Аслунд из Института международных финансов Петерсона вскочил на подножку уходящего поезда, аплодируя экономической катастрофе Латвии (20 % снижения ВВП, 30 % сокращения зарплат в государственном секторе и растущая эми-

[1] Критерии, которые определяют, какие из векселей учитывает банк в качестве кредитора последней инстанции.

грация в качестве истории успеха для других европейских стран, чтобы следовать ей). Как говорится, никто не сможет сделать этого.

В качестве главного защитника и выгодополучателя от приватизации финансовый сектор предлагает государственному должнику продать свою долю в государственной собственности и сократить социальные услуги, одновременно обложив сотрудников налогами. Проживающие в такой стране воспринимают эти условия как адские и всячески пытаются эмигрировать, чтобы найти работу или просто сбежать от своих долгов. Как долго может кто-то оставаться в этой бедности при растущей смертности и алкоголизме, когда лишь очень немногие могут по-настоящему разбогатеть? Рейтинговые агентства сейчас подобны МВФ 70-80-х годов XX века. Страны, которые не соглашаются распродавать общественный сектор, рассматриваются как преступники и изгои вроде Кубы или Ирана.

Столь строгие меры являются частью провалившейся экономической модели, но финансовый сектор будет держаться наплаву, даже если вся остальная экономика падет жертвой преступного мошенничества. План В — это переход заложенной недвижимости в собственность залогодержателя, равномерно распределенный на общенациональном уровне. К 1980-м гг. ряд экономических должников третьего мира достигли лимита своей кредитоспособности. Под руководством Всемирного банка обширный рынок национальной инфраструктуры пошел в расчет государствам-кредиторам по банковским долгам, долговым обязательствам и экспорту. Эти проекты, финансируемые кредитами, были направлены на облегчение экспорта и обеспечение электричеством для иностранного инвестирования. После того как Мексика объявила о своем банкротстве в 1982 г., когда стала не в состоянии больше обслуживать долг в иностранной валюте, где были в это время кредиторы?

Их решением было использовать долговой кризис в качестве спускового крючка для старта повторного финансирования тех же самых инфраструктурных проектов, теперь уже в большинстве своем выкупленных. В это время все, во что вкладывались деньги, было не новыми конструкциями, но уже выкупленной частной собственностью, финансируемой Всемирным банком и его союзниками. Здесь идет речь о правительстве США, распродающем свой национальный парк и реальный сектор, национальные автодороги и инфраструктуру, иногда даже нефтяные резервы, почтовую службу и так далее.

«Мнению» S&P серьезно угрожал Джон Керри, кандидат в президенты от Демократической партии в 2004 г., когда предупреждал, что Америке следует «навести порядок у себя дома». Несмотря на то, что на странице 4 из восьмистраничного документа о том, почему она понижает рейтинг казначейских облигаций, S&P заявила: «Мы сменили присвоенный нами же рейтинг на этот, потому что большинство республиканцев в Конгрессе продолжили сопротивляться всем средствам, которые повысили бы доходы, чего, как кажется, Конгресс и добивался принятым актом». При этом он действовал грамотно, чтобы поддержать действие S&P как полезный толчок для страны, чтобы разобраться с «правовой» программой — как если бы отказ от социальной защиты и федерального закона «О страховых взносах»[1] сам по себе был неким благоденствием, а не бережливым инвестированием в труд, который все равно придется придушить, как только опустеют чемоданы с деньгами для спасения воротил с Wall Street.

Также и многие другие финансовые издания кроме Wall Street Journal пришли к выводу, что «в идеальном мире S&P не существовало бы. Также не существовало бы их соперников из Moody's Investors Service и Fitch Ratings Ltd. По крайней мере, не в их сегодняшней роли глобальных судей и распределителей корпоративных и государственных облигаций». По этому поводу правильно написал финансовый редактор Франческо Гуррера о последствиях понижения кредитного рейтинга американского казначейства: «Принятое 5 августа S&P историческое решение — кульминация стратегических ошибок последних 75 лет, которая закончилась делегированием ключевых регулятивных функций трем коммерческим предприятиям»[2].

Поведение ведущих банков и рейтинговых агентств Кливленда и другие подобные случаи (включая обещания хороших рейтингов государствам, странам и отдельным городам, соглашающимся расплачиваться по краткосрочным долгам распродажей фамильных драгоценностей) как будто бы не является чем-то криминальным с точки зрения закона. Но рейтинговые агентства заключили контракт с мо-

[1] федеральный закон «О страховых взносах», 1939 г. (определяет порядок уплаты обязательных взносов в фонды социального страхования работниками и их работодателями; первоначально статьи закона были частью закона «О социальной защите» 1935 г. (глава VIII); в 1939 г. было решено выделить их в отдельный закон в составе налогового кодекса США)

[2] *Francesco Guerrera*, «Here's How to Rejigger the U.S. Credit-Rating System,» Wall Street Journal, August 16, 2011.

шенниками, чтобы поддерживать лишь государственных заемщиков, которые согласны проводить такую политику и не быть замешанными в финансовых махинациях.

Молчаливому согласию для столь экономически деструктивного поведения противовесом является финансовая ответственность. Сокращение федеральных налогов и выплат по системе социального страхования для получения более позитивного «мнения» S&P даст банкам возможность перекрыть кислород и бороться с приватизацией и планами антитрудового ужесточения путем отказа от искусственного увеличения долга США и снижения налогов в стиле движения чаепития, а не финансирование расходов за счет взимания налогов по мере поступления доходов.

Нынешний крах Евро наглядно преподносит нам урок, почему во время проведения любого политического курса никогда не должно забывать о центральных банках из-за их прокредиторской установки. Иначе у них не было бы политической стабильности, необходимой финансовому сектору, который захватил Центральный банк, Казначейство и регулирующие органы, чтобы получить право вето для того, кто назначается. Учитывая их предпочтения долговой дефляции перед «реальной» экономикой — при попытке раздуть цены на активы с помощью продвижения банковского продукта (создание задолженности) — решения Центрального банка и Казначейства имеют тенденцию к обострению экономических спадов. Это саморазрушительная практика, потому что главная на сегодня проблема блокирования восстановительных процессов — это чрезмерные задолженности[1].

[1] Ситуация, когда величина долгов данного лица превышает его реальную возможность рассчитываться по долгам; признаками чрезмерной задолженности могут являться высокая вероятность объявления банкротства или ареста имущества, выпуск дополнительные займов, в то время как пропускаются платежи по текущим долгам, и т .п.

Федор Смирнов

ГЕОФИНАНСЫ XXI ВЕКА — ДОМИНИРОВАНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Созданная англосаксонской цивилизацией современная мировая финансовая система, призванная обеспечивать исключительно интересы индивидуума, является фундаментальным зеркалом, отражающим кризис всего Западного мира. В ее основе лежит замкнутое само на себя мышление сущим сущего, во благо и ради сущего. Вместе с тем, построенная на возможности бесконечного расширения денежной массы и имея своей основой идею глобализации, такая экономическая парадигма все же ограничена территориальными границами[1]. Несмотря на это, даже благодаря всепоглощающей финансовой виртуализации[2], в 2007г. были нащупаны пределы роста и начался глобальный финансово-экономический кризис (ГФЭК).

На сегодняшний день масштаб кризиса сравним с американской великой депрессией 1929 г. Однако тот фундаментальный переход современного ментального мира, совершенно естественно и неосознанно переживаемый сегодня среднестатистическим человеком, повлечет за собой и совершенно новые экономические и политические отношения. Тот глобальный кризис, который начался в 2007-2008 гг., несмотря на весь окружающий его психологический надлом, носит

[1] См. график №1 — мировая инфляция.

[2] Речь идет о финансовом капитализме, под которым в данной работе нами будет пониматься западная (европейская и американская) либеральная модель рыночного капитализма, большая часть которого базируется на фондовых площадках, объемы финансовых операций на которых, как мы покажем далее в работе, в сотни раз превышают реальный товарооборот. Под капитализмом в целом мы будем понимать современную, основанную на рынке экономическую систему производства товаров, контролируемую «капиталом», то есть стоимостью, используемой для найма рабочих. Определение взято из оксфордского философского словаря (Philosophy, Oxford Un-ty Press, 1995, p. 119).

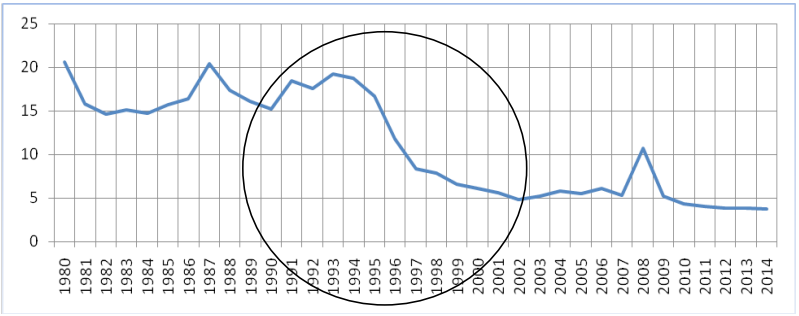


График №1

Мировая инфляция в 1980-2014 гг., все страны мира, очищено от критических значений, расчет автора по данным МВФ (www.imf.gov). В результате распада СССР произошло расширение пространства для обращения американских долларов, что равномерно распределило общемировую валютную массу по евразийскому континенту и отсрочило ГФЭК.

лишь поверхностный, снимающий только симптомы характер. Согласно закону накопления рисков, рано или поздно набирается определенная критическая масса, высвобождение энергии которой, вместе с уже второй волной кризиса, должно привести к чему-то новому, может даже от части к тому самому Второму Началу[1] настоящего развития многополярного мироустройства. Примечательно, но недавнее решение руководства стран группы БРИКС[2] уйти в расчетах между странами от доллара, может в перспективе вновь способствовать явному геополитическому разделению мира на два полюса.

Сегодня либеральная финансовая парадигма определяет практически все. Так, накануне глобального кризиса оборот производных финансовых инструментов оценивался в 2 квадриллиона долларов, при том, что мировой ВВП составлял только 60 триллионов (см. графики №2 и 3). Вместе с тем, исходя из исследований ряда ведущих российских специалистов в области экономики, система мирового финансового капитализма построена таким образом, что глобальные центры сосредоточения капитала (расположенные в США, Великобритании и Японии) «стягивают» капитал со всего остального мира[3].

[1] *Дугин А. Г.* «Мартин Хайдеггер: философия другого Начала» — М.: Академический Проект, 2010. — 389 с.

[2] Страны БРИКС решили обходиться без доллара, Ведомости, 14.04.2011 // http://www.vedomosti.ru/finance/news/1253710/strany_briks_reshili_obhoditsya_bez_dollara

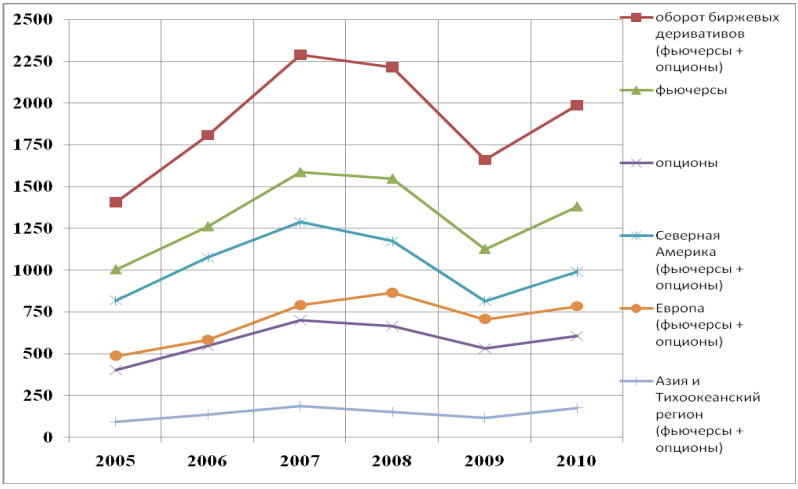


График №2

Оборот биржевых деривативов по регионам мира в 2005 — 2010 гг., в трлн. долл., рассчитано автором по данным Bank for International Settlements (http://www.bis.org)

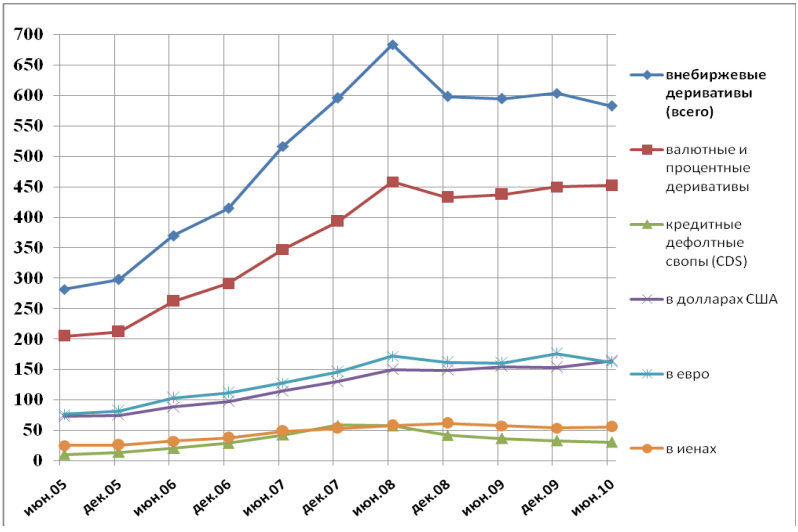


График №3

Объем внебиржевых деривативов в 2005 – 2010 гг. в трлн. долл., рассчитано автором по данным Bank for International Settlements (http://www.bis.org)

Таким образом, реализуется основной принцип системы — бедные беднеют, а богатые продолжают наживаться.

Показательный размер доли хедж-фондов в общем количестве инвестиционных институтов, трлн. долл.[1]

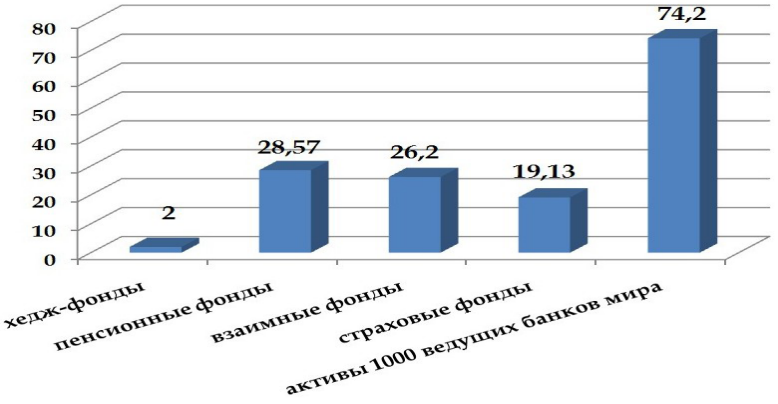


График №4

** Из общего количества активов хедж-фондам принадлежит только 1,5%*

Интересным в этой связи представляется индустрия хедж-фондов, как основных акторов рассматриваемой модели. Совокупные активы мировой индустрии хедж-фондов2 в текущем году могут вплотную приблизиться к предкризисному уровню 2008 г. в 2,973 трлн. долл.3 и достичь 2,5 трлн. долл.4 Общемировое количество фондов по результатам 2010 г. составило 9300, в то время как накануне глобального

[1] Hedge Funds "How They Serve Investors in U.S. and Global Markets", Report 2009 p.6-7, Coalition of Private Investment Companies // http://www.hedgefundfacts.org/hedge/statistics/number-of-funds/

[2] Обычно под хедж-фондом (англ. hedge fund) понимают частный, слабо регулируемый инвестиционный фонд, доступный для крупных инвесторов (в США, например, такие фонды имеют право обслуживать только профессиональных инвесторов, с первоначальным взносом для частных лиц не менее 5 млн. долл. и 25 млн. долл. для институциональных), который имеет практически неограниченный набор инструментов инвестирования (например, не только длинные позиции, но и короткие).

[3] *Enke David*, Total Hedge Fund Assets Approach $3 trillion, August 19, 2008 // http://seekingalpha.com/article/91642-total-hedge-fund-assets-approach-3-trillion

[4] *Madison Marriage*, Total hedge fund assets could grow to $2.5 trillion in 2011, Hedge Funds Review, 20 Jan 2011,www.hedgefundsreview.com/hedge-funds-review/news/1938356/total-hedge-fund-assets-grow-usd25-trillion-2011

кризиса в 2007 г. их количество превысило 10 000 . Однако, в сравнении с мировым размером прочих финансовых инвестиционных институтов, таких как пенсионные, страховые и взаимные (mutual funds) фонды, а также ведущие банки мира доля хедж-фондов представляется невысокой. Несмотря на это, роль хедж-фондов как ведущих спекулятивных участников процесса ценообразования весьма высока.

Количество хедж-фондов в 1990-2010 гг.

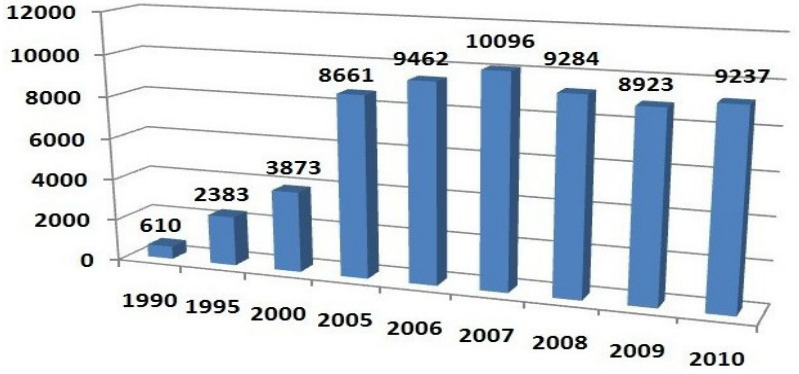


График №5 Первый хедж-фонд появился в США в 1949 г.

Благодаря финансовому доминированию англосаксонской модели, как мы покажем далее в статье, 75% активов всех хедж-фондов зарегистрированы в британских и американских офшорных юрисдикциях.

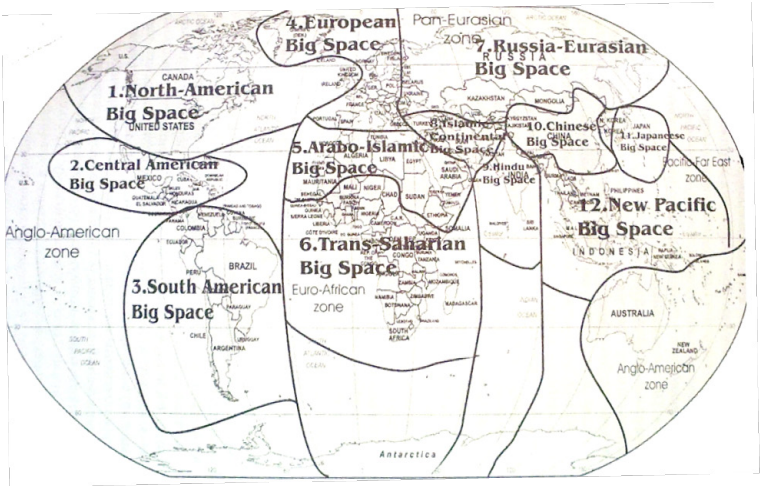
В качестве базовой модели регионального разделения мы возьмем карту «больших пространств»[1], построенную на основе 4-х зон квадриполярного мира[2]. Всего нами предлагается к рассмотрению 12 больших пространств: Североамериканское большое пространство (Канада, США, Великобритания, Австралия), Большое пространство центральной Америки (Мексика, Куба), Южноамериканское большое пространство (страны Южной Америки), Европа, Арабо-исламское

[1] *А. Г.Дугин* «Геополитика» — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — с. 461 — 466

[2] Квадриполяризм — 4 мировые зоны (Англосаксонская, Евро-Африканская, Евразия, Тихоокеанский регион) — А.Г.Дугин «Геополитика».

большое пространство, Африка, Российско-Евразийское большое пространство, Центрально-исламское большое пространство, Индия, Китай, Япония и Тихоокеанское большое пространство (см. карту больших пространств).

Карта Больших пространств



Ключевой зоной сосредоточения активов хедж-фондов (75-80%) является Североамериканское большое пространство. Примечательно, но именно на эти фонды, в том числе была возложена ответственность за ГФЭК. В результате, по решению сформированной в США комиссии по расследованию причин кризиса в июле 2010 г. был принят закон Додда-Франка, в котором, помимо всего прочего, прописаны ограничительные меры и для фондов. Однако положения закона совершенно не ограничивают деятельность хедж-фондов, зарегистрированных в американских офшорных юрисдикциях[1], тогда как 80% всех американских фондов действуют с территории Каймановых островов[2].

[1] *Dodd-Frank* Wall Street Reform and Consumer Protection Act — (Pub.L. 111-203, H.R. 4173) (July 21, 2010), p. 195-205, 245-256 // http://www.sec.gov/about/laws/wallstreetreform-cpa.pdf

[2] The Cayman Islands Monetary Authority (CIMA) — INVESTMENTS STATISTICAL DIGEST 2008 // http://www.cimoney.com.ky

	Финансовый центр		GFCI3[1]	GFCI 8[2]	Изменение	Является офшором	ВВП, млрд. долл. (на душу населения в долл.) в 2010 г. по странам	Сумма активов всех фондов (из них активы хедж-фондов), млрд. долл.		Количество фондов mutual funds (количество хедж-фондов)	Внешняя позиция банковского сектора (vis-à-vis) 2008 / 2010 млрд. долл. активы	Сумма внебиржевых деривативов июнь 2008 / 2010 млрд. долл.	Сумма биржевых деривативов 2009 / 2010 млрд. долл.
1.	**Англо-саксонское большое пространство (глобальный центр сосредоточения капитала)**												
1	Лондон		1	1			2 258 (36 300)	291		1450 76% от Европы	5000 / 5100	**672558 / 582655**	**816400 / 990695**
2	Нью-Йорк	США	2	2			14 624 (25% от мирового ВВП) (47 131)	1 675 (2008)/ 1 297 (2011) (65%)		2 222	5290 / 5328		
3	Чикаго		8	7	+1								
4	Бостон		11	13	-2								
5	Сан-Франциско		12	15	-3								
6	Вашингтон		20	17	+3								
8	Торонто	Канада	15	12	+3		1 564 (45 888)	35		150	376 / 377		
9	Ванкувер		33	21	+12								
12	Монреаль		30	25	+5								
7	Сидней	Австралия	10	10			1 220 (54 870)	30		230	317 / 376		
11	Мельбурн		29	23	+6					н/д			
12	Остров Мэн	Офшорные пространст	21	32	-11	+	н/д	170*	н/д	н/д	34/34		
13	Джерси		16	22	-6	+	8,2	1012*	300 (85)	1327 (624)	344/226		
14	Гернси		19	26	-7	+	3 (44 600)	509*	257 (35)	1193 (111)	174/122		

[1] Рейтинг финансовых центров – Global Financial Centres Index – GFCI (март 2008) накануне ГФЭК

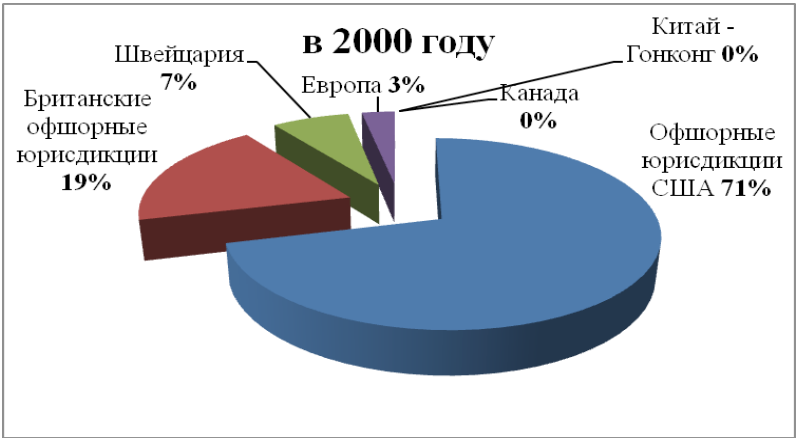
[2] (сентябрь 2010) острая фаза ГФЭК позади

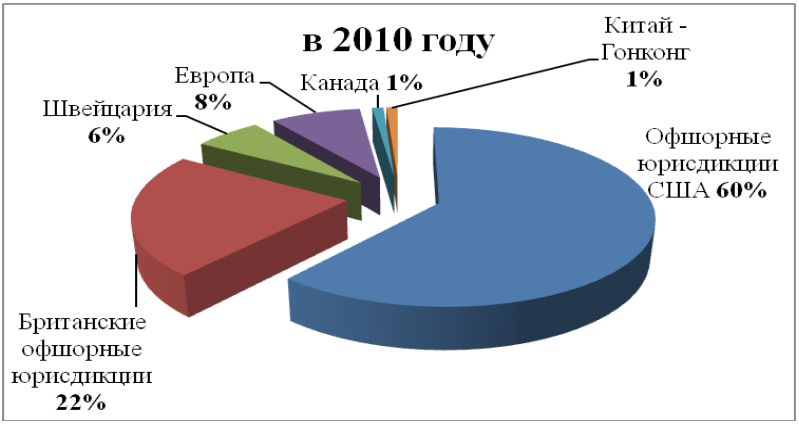
15	Каймановы острова		25	34	-9	+	2,7	3133*	2500 (1700)	10037		1596 / 1722		
16	Британские Виргинские острова		27	40	-13	+	н/д	823*	н/д	1894	(3774)	н/д		
17	Багамы		36	64	-28	+	н/д	471*	н/д	н/д		303/357		
18	Бермуды		–	–	–	+	н/д	753*	н/д	н/д		92/86		
	2. Европейское большое пространство													
19	Цюрих		5	8	-3		522 (67 074)	382 (25%)	15	2 400	4%	743/603	См. №1	**707 957 / 784 598**
20	Женева		7	9	-2									
21	Франкфурт		6	11	-5		3 305 (40 511)		н/д		2%	1750 / 1844		
22	Мюнхен		35	27	+8									
23	Париж		14	18	-4		2 555 (40 590)		9,5		3%	1818 / 1851		
24	Люксембург		17	20	-3		**52 (104 390)**		н/д		2%	982/886		
25	Дублин		13	29	-16		204 (45 642)		н/д		2%	1250 / 1047		
26	Эдинбург		18	31	-13		н/д		н/д		2%	н/д		
27	Амстердам		23	33	-10		770 (46 418)		9,3		2%	1307 / 1254		
28	Брюссель		34	40	-6		461 (42 596)		н/д		1%	502/502		
	3. Китай													
29	Гонконг		3	3		+	226 (31 798)	152 (из них 63,2 – Гонконг)		1236 + №№4,6		309 / 378	См. №1	115 876 / 175 022 (вместе с №№ 4,6)
30	Шанхай		31	6	+25		5 745 (4 283)					154 / 284		
31	Шэньчжэнь		–	14										
32	Пекин		46	16	+30									
33	Тайбэй		–	19								52/81		
	4. Япония													
34	Токио		9	5	+4		5 390 (42 325)	1%		См. №3		679 / 795	См. №1	См. пункт 3

35	Осака	50	30	+20							
	5. Арабо-исламское большое пространство										
36	Дубай	24	28	-4		239 (47 406)	165 (Бахрейн – 291*)	614 (25% - Эр Рияд)	106/107	См. №1	20 915 / 36 608 (вместе с №№ 7,8,9,10)
37	Катар	47	34	+13		127 (74 422)			48/55		
38	Бахрейн	39	42	-3	+	22 (19 641)			60/45		
39	Эр-Рияд	–	69			434 (16 641)			181/156		
40	Стамбул	–	70			729 (10 207)			143/146		
	6. Тихоокеанское большое пространство										
41	Сингапур	4	4			217 (42 653)	60	172	451 / 455	См. №1	См. пункт 3
42	Сеул	48	24	+24		986 (20 165)	См. №3	См. №3	186 / 220		
43	Бангкок	89	60	+29		312 (4 621)			23/34		
44	Джакарта	47	62	-15					58/57		
	7. Евразийское большое пространство										
45	Москва	57	68	-11		1 477 (10 522)	4,1	6	181 / 140	См. №1	См. пункт 5
46	Санкт-Петербург	50	71	-21							
	8. Южноамериканское большое пространство										
47	Сан-Паулу	52	44	+8		2 023 (10 471)	30	~300	157 / 237	См. №1	См. пункт 5
48	Буэнос-Айрес		65			351 (8 663)			18/15		
	9. Африканское большое пространство										
49	Йоханнесбург	44	54	-10		354 (7 100)	33	40	36/37	См. №1	См. пункт 5
	10. Индия										
50	Мумбаи	49	57	-8		1 430 (1 176)	15	60	135 / 176	См. №1	См. пункт 5
ВСЕГО						**47 611**	**2200 (2008) / 2250 (2011)**	**12 000 (2008) / 9 237 (2010)**	**31288 / 31018**	**672558 / 582655**	**1660150 / 1986968**

Источник: BIS Quarterly Review for March 2011; IMF World Economic Outlook Database; Investment Statistical Digest 2008 by The Cayman Islands Monetary Authority; Jersey Finance "Technical Statistics"; Fund Statistics in Guernsey; British Virgin Islands Financial Services Commission; Global Financial Centres Index - GFCI 3,8 Published; IFSL Research Hedge Funds 2010;аналитический портал Eurekahedge (www.eurekahedge.com). *сумма всех зарубежных активов, млрд. долл.

Ниже приведена сводная таблица финансовых показателей 10 больших пространств. Финансовое положение больших пространств рассчитывалась исходя из рейтинга расположенных на их территории финансовых центров, наличию офшорных зон, ВВП на душу населения, суммы всех действующих на территории фондов,





включая хедж-фонды, инвестиционной позиции банковского сектора, а также, что немаловажно, объемов

Европейская индустрия хедж-фондов накануне кризиса в конце 2007 г. достигла 464 млрд. долл. Количество хедж-фондов за 7 лет выросло в 6 раз и составило 3000. Однако благодаря острой фазе кризиса к марту 2009 г. европейская доля сократилась до 293 млрд. долл., то есть до уровня 2005 г.

Важно отметить, что существенное укрупнение ведущих 100 хедж-фондов произошло во время ГФЭК. Так, если в 2003 г. 1% хедж-фондов владел 54% всех активов, то в начале 2010 г. ему принадлежало уже 70%[1]. Крупнейшим хедж-фондом по состоянию на январь 2010 г. являлся JP Morgan, в управлении которого находилось 50 млрд. долл.

Анализ представленной статистики показывает, что пик финансовой глобализации пришелся как раз на 2000-2008 гг., причем предшествующее десятилетие 1991-2000 гг. благодаря распаду СССР послужило своего рода разгонной зоной вседозволенности, кульминацией которой как раз и явился ГФЭК. Идя вразрез с многочисленными прогнозами и ожиданиями, текущий кризис никаких существенных изменений в либеральное экономическое мироустройство не привнес. Произошла лишь коррекция биржевой и внебиржевой капитализации, тогда как реальные проблемы, такие как колоссальные внешние и внутренние государственные долги, огромная безработица, неприемлемые бюджетные дефициты, а также так называемые глобальные дисбалансы[2] — остались и даже значительно укрепились. Особой отметки заслуживает внешний долг США, который в 2011 г. достигнет отметки в 100% ВВП (14,6 трлн. долл.), а также долг Японии, составляющий 200% ВВП. На европейском пространстве фундаментальные проблемы испытывают страны группы PIIGS (Португалия, Ирландия, Италия, Греция и Испания). Такое положение вещей свидетельствует

[1] Overview of 2010 Key Trends in European Hedge Funds, Eurekahedge December 201 0 http://www.thecityuk.com/ media/2358/Hedge_Funds_2010.pdf

[2] Громадные золотовалютные резервы КНР и прочих развивающихся стран, огромные долги США, стран группы PIIGS, а также Японии, более чем триллионный торговый дефицит США и профицит КНР, колоссальная безработица опять же в странах PIIGS, странах Африки и проч. // более подробно см., например, Леонид Григорьев, Марсель Салихов, Риски и глобальные дисбалансы, журнал «Экономическое обозрение» №6, март 2007 г. // http://www.perspectivy.info/oykumena/ekdom/riski_i_globalnye_disbalansy.htm

не только о большой вероятности второй волны кризиса, но также о глубоком кризисе мирового финансового капитализма в целом[1].

Вместе с тем показательны докризисные темпы расширения финансового капитализма, центральной осью которого является цепочка США-ЕС-КНР-Япония. Приведенные ниже карты перетока иностранных инвестиций, даже, несмотря на некоторую предкризисную коррекцию 2007 года, наглядно демонстрируют такую геофинансовую картину.

В настоящее время, на смену действующей системе, выходит, пока играющая по ее правилам, бурно растущая азиатская экономика во главе с КНР, где монетарное руководство страны на свое усмотрение эффективно сочетает рыночную модель с государственным регулированием. Однако важно то, что благодаря колоссальному финансовому доминированию, либеральная западная модель распространяет свое влияние на все остальные 11 больших пространств, где, посредством работы выше обозначенного принципа финансового капитализма, происходит перераспределение средств в пользу мировых финансовых центров[2]. Таким образом, мировые центры сосредоточения капитала, базирующиеся преимущественно в англосаксонской юрисдикции, «легально» и «законно» извлекают прибыль со всего остального мира. Данное положение важно учитывать при недопущении дальнейшей либерализации финансового и экономического устройства

[1] *Дугин А. Г.* «Конец экономики» — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010.; Richard D. «The Dollar Crisis. Causes, consequences, cures», second edition — Wiley, 2005.; Richard D. «The Corruption of Capitalism — a strategy to rebalance the global economy and restore sustainable growth» — Hong Kong — CLSA BOOKS, December 2009.

[2] В контексте оказания экономического и финансового деформирующего влияния Центра (англосаксонское большое пространство) на зависимые от него зоны периферии (остальные 11 больших пространств), по лекалам введенного профессором А.Г.Дугиным термина археомодерн (Дугин А.Г. «Археомодерн» — М., Арктогея, 2011 — 142 с.; Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — с. 33 — 156 и др.), а также более раннего термина псевдоморфоз, использовавшегося немецким философом О.Шпенглером (Шпенглер О. «Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: Т.2 Всемирно-исторические перспективы — М.: Академический Проект, 2009. — с.245-303), с нашей точки зрения, можно говорить о своеобразном финансовом псевдоморфозе или археомодерне, особенно в свете непрекращающихся общемировых структурных кризисных процессов.

страны[1], а также при проработке отечественного законодательства в вопросах вхождения индустрии хедж-фондов в экономику России. Вместе с тем, эффективным представляется не следование на поводу у западной модели, а сочетание системного государственного регулирования с рыночной моделью[2].

Оптимальным вариантом представляется идея автаркии[3] больших пространств, предложенная немецким экономистом Фридрихом Листом еще в XIX веке[4]. Такая модель в современном понимании представляет собой организацию взаимовыгодного и взаимодостаточного единого экономического пространства нескольких государств (например, стран СНГ), при разумном контроле взаимодействия общих национальных корпораций с внешним глобальным рынком. То есть организуется блок государств, который позволяет самостоятельно наладить внутреннюю экономическую и хозяйственную деятельность, обеспечить себя стратегическими ресурсами, создать закрытую архитектуру безопасности, наладить социальный порядок без ущерба для себя и своих граждан, без оглядки при этом на «ценности» и пожелания других небезызвестных цивилизационных группировок. Такое построение отношений России с постсоветским пространством с одновременным торможением процесса «погружения в финансовую глобализацию» (например, отказ от вступления РФ в ВТО), позволит обеспечить экономическую безопасность государства.

[1] В данном ключе в своем годовом выступлении-отчете перед Государственной Думой высказался премьер-министр России В.В.Путин, указав на угрозу развитию страны из-за «неоправданного либерализма» // 20.04.2011, http://www.newsru.com/russia/20apr2011/putin_2.html

[2] *Дугин А. Г.* «Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века» — СПб.: Амфора, 2009. С. 351.

[3] Автаркия — от греч. αυτάρκεια — самоудовлетворенность, самодостаточность.

[4] Фридрих Лист «Национальная система политической экономии», С-Петербург, 1891.

Энергетика

Питер Касни

ТРУБОПРОВОДНЫЕ ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В АСПЕКТЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВЛАСТИ

Европейский союз с помощью Лиссабонского договора (2007 г.) осознал институциональную основу для закрытых игр, действующих в международной системе. Распад в конце XX века биполярной системы привел к проблеме, заключающейся в том, что отдельное государство или группа стран, не способны доминировать самостоятельно в мире. Единственно оставшаяся сверхдержава — США способна сотрудничать с другими странами. Исходя из представлений Джозефа Найя младшего о многоуровневой системе, мир основывается на трех уровнях: военном, экономическом и геополитическом. Иерархическое разделение мира Найем может быть дополнено дополнительными факторами В. Панина:

- Информация
- Геоэкономика
- Энергетические ресурсы
- Цивилизация.

Энергетическая безопасность или точнее доступ к энергетическим ресурсам (Нефть и Газ) составляет в дифференцированном соотношении отдельные власти. Могут ли оказывать влияние в международной системе трубопроводные проекты на переформирование групп государственных субъектов в качестве факторов власти? Может ли трубопроводное соединение и планирование новых трубопроводов привести к построению евразийского континентального блока?

Строительство трубопроводов и евразийский континент в глобальной системе

На территории Евразийского континента располагается большинство государств, которые имеют важнейшее геостратегическое значение. На их долю приходится большая часть мирового производства и около 3/4 мировых энергетических запасов. По мнению одного из ведущих геополитиков современности З. Бжезинского господство над Евразийским континентом продолжает оставаться необходимым условием для сохранения глобального доминирования. Уже в начале 20 века Британский геополитик Хэлфрод Макиндер осознал потенциал власти Евразийского континента. В ходе появления железных дорог стало возможным контролировать и стратегически осваивать большие участки земли, державами, такими как Британская империя, а также США (Mackinder 1998, S. 29-30). Он также признал, что для установления мирового господства со стороны «морской силы» было бы безусловным — предотвратить распространение единой власти на континентальные массы. Вопрос железнодорожного объединения для унификации континентальной массы можно было бы сравнить с энергетической транспортной структурой. Трубопроводная сеть могла бы предоставить возможность более тесно связать евразийский континент и образовать единый силовой блок.

Европейский союз и инициированные им трубопроводные проекты

Строительство или планирование нефте- и газопроводов в настоящее время происходит между ЕС и Россией, между Китаем, Казахстаном, странами Каспийского региона и Россией, также как между ЕС и Каспийским бассейном и, особенно, Персидским заливом. Европейский союз имеет выгодное географическое положением с точки зрения доступа к энергетическим ресурсам. 78,1% мировых запасов нефти располагаются в регионах вблизи Европейского союза, из которых 4% приходится на Каспийский регион, 11% на Иран, 50,1% — Ближний восток, не включая Иран, а также 6,6% на Россию (British Petroleum 2007, S.6). В отношении запасов газа ситуация выглядит следующим образом: на долю Каспийского региона приходится 5%, Ирана — 15,5%, Ближнего востока, без Ирана — 25% и на Россию —

26, 3%, всего 71,8% (там же, с.22). Ближайшие к ЕС запасы в Северном море в несколько раз дороже в разрезе мировых запасов (Casny 2007, S.32). Дополнительное увеличение потребления энергии требует необходимое увеличение импорта энергоресурсов из Ближнего Востока, России и Каспийского Региона.

Проект трубопровода «Набукко» и «Южный поток»

Планируемый трубопровод Набукко имеет своей целью обеспечить поставку газа через Территорию Турции в Австрию. Трубопровод должен обеспечить поставку каспийского и иранского газа через территорию государств Южного Кавказа, Армению и Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в распределительный центр в Австрии (Nabucco Gas Pipeline International 2008). Географически аналогичный проект должен доставить в Австрию газ из России, через Черное море, Болгарию, Сербию, Венгрию, с ответвлением через Грецию в Италию. Согласно заявлению министра экономики Австрии Райнхольда Миттерленера реализация проекта Набукко обеспечит 5% европейского спроса на газ. Таким образом, проект не имеет решающего значения для развития европейской экономики (...). В политической литературе часто описывается не возможность конкурентности проекта и его спорность. На конференции по энергетической безопасности в Тегеране 5 октября 2008 года президент объединенного концерна по строительству трубопровода Набукко отметил ведущее значение Ирана для успешной реализации проекта и будущего мирового производства природного газа. Через два дня после заявления в отношении важности Ирана в реализации проекта последовал ответ представителя правительства США. Заместитель госсекретаря Мэтью Брайза заявил, что Вашингтон категорически против развития Набукко в качестве транспортного коридора для поставки газа в Европу (Sarukhanyan, 2008). До августа 2010 года США не получали газ из Каспийского региона или из Центральной Азии. На импорт нефти приходилось на тот же период времени лишь 0,67% из Азербайджана, около 0,3% из Турции равно как и соответственно ниже 0,1% из Казахстана и Грузии (Energy Information Administration 2010). Поэтому было бы возможным предположить, что США хотели помешать совместной энергетической политике в западной части континента, реализуя стратегическую концепцию Бжезинского.

Безопасность трубопроводной системы и кооперация

Большая часть трубопроводных проектов проходит через территории со слабой государственной властью и повышенными рисками в области безопасности (за исключением России и ЕС). Для их безопасности необходима выработать концепцию — какие трубопроводы необходимо защищать от терроризма, уголовных банд и стихийных бедствий. Так называемая «Critikal Energu Infrastructure» — идеальная цель для деятельности террористических структур и криминальных групп. Риски исходят от экономического ущерба до социальной запущенности. Исходя из исследования Jianxinang Bi ни одно государства самостоятельно не может защитить «Critikal Energu Infrastructure» с отсталыми районами и транспортными маршрутам. Для этого необходимо подключение к инфраструктурным проектам в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии, особенно Китая, на основе общих интересов безопасности. Если с ростом мировых цен могут возникнуть последствия на китайском трубопроводном обеспечении, то эти недостатки отразятся и на европейских клиентах.

Резюме

Развитие энергетических трубопроводов демонстрирует сближение трех полюсов ЕС, России и Китая на евразийском континенте. Европейский союз (как посредник США) мог бы претерпевать процесс возрождения в качестве силы, которая позиционируется как самостоятельная в международной политике. ЕС может занять самостоятельную позицию в качестве глобального игрока. Сотрудничество с Россией и Китаем получит в следующие 5 лет новое измерение в плане реализации начатых проектов. Принимая во внимание формирование оси Брюссель-Москва-Пекин как континентального блока энергетической безопасности — ЕС мог бы развернуть свой потенциал политической власти для позиционирования и дальнейшего существования в системе международных отношений.

Источники:

1. British Petroleum (2007): Statistical Review of World Energy. 2007, Nabucco Gas Pipeline International [Online:http://www.nabucco-pipeline.com; Zugriff: 20. Mai 08].

2. BBC-News (2009): Russia signs gas pipeline deals, 15th May 2009 [Online: http://news.bbc.co.uk/2/hi/8051921.stm; 11th November 2010]

3. Casny, Peter (2007): Europas Kampf um Energie, Der Ausbau der Beziehungen zur Russischen Foderation und Uberlegungenzu einer zukunftigen Energiesicherheit, wvb, Berlin

4. Bi, Jianxinag (2006), The Quest for the Oil and Gas Infrastructure Protection in Central Asia, Canadian Centre of Intelligence and Security Studies (CCISS), Critical Energy Infrastructure Protection Policy Research Studies No. 2 – 2006

5. Brzezinski, Zbigniew (1997): The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Basic Books, New York 1997

6. Energy Information Administration (2010): U.S. Energy Information Administration

7. Engdahl, William (2005): China lays down gauntlet in energy war: the geopolitics of oil, Central Asia and the United States. Asia Times, 21th December 2005

8. Europaische Union (2007), Vertrag von Lissabon zur Anderung des Vertrags uber die Europaische Union und des Vertrags zur Grundung der Europaischen Gemeinschaft, Amtsblatt Nr. C 306 vom 17. Dezember 2007

9. Mackinder, Halford J. (1998): The Geographical Pivot of History, in: O Tuathail, Gearoid/

10. Dalby, Simon/ Routledge, Paul (Hg.): The Geopolitics Reader, London-New York, S. 27 — 31

11. Mitterlehner, Reinhold (2010), Der Krimi um die Gaspipeline Nabucco, Profil Online, 6. November 2010

12. Nye, Joseph jr (1992), What New World Order? In: Foreign Affairs 71.1992, 2, S. 83-96

13. Panin, Victor (2003), Politicheski Prozess na Blishnem Vostoke: vlijanie Rossii i

14. SShA. Monografija: isdatel'stvo, PGLU: Pjatigorsk

15. RIA Novosti (2009), Gazprom und Eni forcieren South-Stream-Projekt wegen Gaskrise, 16. Januar 2009 [Online: http://de.rian.ru/business/20090116/119629726.html; 20. Marz 2009]

16. Romanian Intelligence Service (2010), The managing of Risks in the Process of Defining and Protection Critical Infrastructure, as a Key-Factor of Regional Stability and Security, In: OSCE, CTN Electronic Journal, Protecting Critical Energy Infrastructure from Terrorist Attacks, January 2010

17. Sarukhanyan, Sevak (2008): New Iran-West Developments. Noravank Foundation Analitics, 30th Oktober 2008 [Online: http://www.noravank.am/en/?page=analitics&nid=1421; 20. November 2008]

18. Soghomonyan, Vahram (2007): Europaische Integration und Hegemonie im Sudkaukasus. Nomos- Universitatsschriften Politik Bd. 140, Baden-Baden 2007

Александр Бовдунов

ПЕТРОПОЛИТИКА РОССИИ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА (НА ПРИМЕРЕ СЕРБИИ И РУМЫНИИ)

Традиционно геополитика рассматривала Восточную Европу в качестве ключевого региона. Тезис одного из «отцов-основателей» этой дисциплины Дж. Х. Маккиндера: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд, кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой Остров, управляет всем миром»[1], является актуальным и по сей день. В ситуации постмодерна константы традиционной геополитической теории не теряют свою значимость, но, напротив, отчетливо проявляются не только в политической, но и в экономической, и культурной сферах[2]. Поэтому борьба с американским доминированием в Восточной Европе и в перспективе включение ее в зону непосредственного влияния России, как предлагают В.И. Добреньков и А.Г. Дугин, должна стать одной из долгосрочных задач внешнеполитической стратегии России в XXI веке [3].

Геополитическое состояние постмодерна (Дж. О'Туатайл) предлагает нам существенно пересмотреть прежние способы установления геополитического контроля. Энергоресурсы, в условиях все возрастающей в них потребности, в том числе и стран Восточной Европы, становятся мощным фактором, определяющим геополитическую действительность. Энергетический фактор, воздействующий как на страны-потребители энергии, так и на транзитеров и производителей, становится одним из основных в геополитике и не может не учиты-

[1] *Mackinder J. H.*, „Perspective",Democratic Ideals and Reality. New York, 1962. P. 150

[2] *Дугин А. Г.*, Геополитика постмодерна. СПб., 2007. С. 10

[3] *Добреньков В. И., Дугин А. Г.*, К внешнеполитической стратегии России в XXI веке // Русское Время. Журнал консервативной мысли, 2010, №1 (2), С. 14-23

ваться при определении внешней политики государства. В то же время, внешняя политика сама не может быть корректно выстроена без осознания важности исключительного положения нашей страны на рынке энергоресурсов для ее дальнейшего развития, необходимости поддержания энергетической безопасности страны, безопасности, если речь идет о России, поставок наших энергоносителей, диверсификации этих поставок, как продуктовой, так и географической. Об этом говорится и в ведущем документе, определяющем энергетическую стратегию Российской Федерации[1].

Ряд западных аналитиков для обозначения тесной связи геополитики с политикой энергетической используют понятие «петрополитики» (от лат. Petroleum — нефть). В частности Томас Фридман вывел т.н. «Первый закон петрополитики», который применительно к нефтедобывающим странам звучит следующим образом:

«Чем выше мировые цены на сырую нефть, тем сильнее в этих странах урезают свободу слова и печати, институт свободных выборов, свободу собраний, прозрачность правительства, независимость судов, правление закона и свободу создавать независимые политические партии и неправительственные организации. В здоровых демократиях, даже богатых нефтью, этого не происходит. И, наоборот, в соответствии с выведенным мной законом, чем ниже опускается цена нефти, тем активнее нефтегосударства вынуждены продвигаться к политическому и общественному строю, отличающемуся большей прозрачностью, более внимательным отношением к мнению оппозиции, большей открытости к различным контактам с окружающим миром и большей сосредоточенностью на создании образовательных и правовых систем, позволяющих дать гражданам (как мужчинам, так и женщинам) максимальные возможности для конкуренции, предпринимательской деятельности и привлечения зарубежных инвестиций»[2].

Фридман в частности отмечает, что то исключительное положение, которое занимают богатые энергоресурсами государства не может не беспокоить Соединенные Штаты. «Может, вы и не заметили, — писал Фридман, — но плохие парни сегодня живут припеваючи, при условии, что они богаты нефтью. Купающийся в нефтедолларах Иран показывает язык в ответ на все требования ООН о прекращении ядерной авантюры и ежедневно грозится стереть Израиль с лица земли.

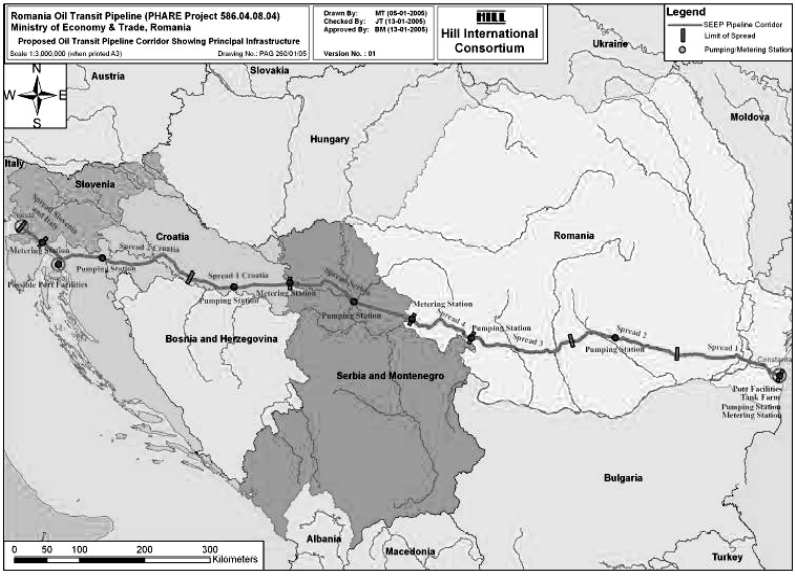
[1] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. С. 5

[2] *Friedman T. L.* The first law of Petropolitics // Foreign Policy. April 25. 2006

Купающийся в нефтедолларах президент России Владимир Путин сажает своих оппонентов в тюрьмы и подлизывается к оппонентам Америки, таким, как Иран и ХАМАС». Страны «богатые кто нефтью, кто газом, — спокойно отказываются даже от тех крошечных шажков к демократизации, которые были сделаны». Учитывая, что для американских экспертов зачастую «демократизация» равна контролю США над внутренней и внешней политикой государства, статью Фридмана «Первый закон петрополитики»[1] стоит воспринимать как обращенное к американским политическим элитам предостережение, привлекающее их внимание к главному источнику независимого поведения России, Венесуэлы или Ирана на мировой арене, основную силу, которая позволяет им проводить в жизнь многие из своих внешнеполитических интересов. Фридман не одинок в своих оценках. Кроме него, схожие работы по данному вопросу написали Майкл Росс («Мешает ли нефть демократии»), Хавьер Корралес («Уго Босс»), Мозес Наирн («Глобовикторина: угадай, кто лидер») и другие американские политологи.

[1] Friedman T. L. The first law of Petropolitics // Foreign Policy. April 25. 2006

Таким образом, неудивительно то, что серьезные усилия, предпринимаемые США, связаны непосредственно с ограничением мощи нефтегосударств, или в случае России «энергогосударства», прямым воздействием на энергетические рынки, использованием подконтрольных государств «буферной зоны» для затруднения транзита энергоресурсов и тем самым подрыва энергетической безопасности России. Российские газовые войны с Украиной Ющенко, наиболее лояльного американцам лидера этого государства, эпопеи, связанные со строительством газо и нефтепроводов — наиболее яркое тому подтверждение.



Энергетические связи России с Европейским Союзом и, прежде всего, со странами Старой Европы, вычерчивающие направление одной из возможных осей проекта многополярного мира, требуют решения старой геополитической проблемы, «буферной зоны», сформированной странами Восточной Европы. В ряде случаев эта проблема может быть преодолена путем создания обходных путей (например «Северный поток»), но в Юго-Восточной части Восточной Европы такой возможности не существует. В то же время, необходимость проведения договоров с руководством этих стран, установление тесных

экономических связей, более серьезное проникновение российского бизнеса, сопровождающее строительство трубопроводов может быть рассмотрено в качестве шанса на то, чтобы более основательно влиять на поведение этих государств. Установление такого контроля в свою очередь благотворно скажется и на безопасности поставок российских энергоресурсов в Европу.

Юго-Восточная Европа и Балканы в частности являются жизненно важным регионом для нашей страны. Претендуя на роль независимого центра силы на евразийском пространстве, Россия не может оставлять его без внимания. Не случайно Збигнев Бжезинский выделил Балканы в качестве одного из геополитических центров, контроль над которым жизненно важен для активных геополитических игроков на пространстве нашего континента[1]. Контроля над Балканами в борьбе за гегемонию на континенте в течение нескольких столетий подряд добивались ведущие державы Европы и мира: Россия, Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, а теперь и США.

Говоря о Юго-Восточной Европе, следует отметить, что в западной литературе принято делить этот регион на Восточные и Западные Балканы. Восточные Балканы — это страны уже вошедшие в состав ЕС, Румыния и Болгария. Западные — бывшие республики СФРЮ и Албания. Эти две групп государств существуют хотя и в чем-то схожих, но во многом разных социальных, экономических и политических условиях. Главным фактором здесь является уже состоявшееся или только еще желаемое членство в ЕС и связанные с этим обязательства, в том числе в энергетической сфере. Разной является и политическая культура этих государств. Энергетическое проникновение России в эти регионы, если обратиться к конкретным примерам, может быть рассмотрено в одном случае как попытка укрепить свое влияние в стране, где ее позиции исторически были сильны, в другом же как возможность усилить свое влияние там, где позиции России, начиная со второй половины XIX века никогда не были столь серьезными. Речь идет о двух наиболее крупных и геополитически важных странах Западных и Восточных Балкан, Сербии и Румынии соответственно.

Почему следует рассматривать именно эти две страны и именно в паре? Прежде всего, потому, что это наиболее населенные и экономически мощные государства региона. Это и наиболее мощные в

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Международные отношения, 2009 г.

военном отношении государства Балкан (если абстрагироваться от Греции и Турции). Кроме того, они обладают давними традициями собственной государственности. Важно и то, что отношения между государствами всегда отличались дружественным характером, несмотря даже на откровенно предательскую позицию либерального режима Э. Константинеску во время НАТОвских бомбежек Югославии в 1999 году, когда румынское руководство открыло для самолетов НАТО свое воздушное пространство. Правда, в результате этой поддержки Константинеску и его национал-царанисткая партия тут же перешли в разряд политических маргиналов. Важным является и фактор разделяемых ценностей. В своей основе — это православные государства, однако, по меньшей мере их политические элиты, представляют себя в качестве части Европы. Сербское руководство, например, рассматривает свое участие в российских энергетических проектах как фактор, подкрепляющий движение этой страны в Евросоюз, ЕС будет необходимо включить в свой состав Сербию, чтобы в полной мере контролировать расположенные на ее территории энергетические сети.

Если Сербия является западным форпостом того метаисторического и геополитического единства, который Хантингтон назвал «славяно-православной цивилизацией», то Румыния, обладающая непосредственной границей как с Сербией, так и со странами СНГ, — мост, объединяющий наше ближнее зарубежье с Балканами. Территория собственно Балкан отделена от Русской равнины территориями Румынии и Молдавии. Отсюда особая роль территорий этих государств, которые одновременно представляют собой ключ к Балканско-Черноморскому региону для России и в удобный плацдарм для наступления на Евразию для атлантистских сил. Эта ключевая роль Румынии осознается западными геополитиками, которые стремятся увязать любое ее стремление к повышению своего статуса на международной арене с партнерством с США, как непременным условием его достижения[1].

Тесное взаимодействие этих государств идет уже сейчас, но пока не в пользу России. Румыния как страна НАТО и Евросоюза заявляет о том, что будет лоббировать интересы стран Западных Балкан в этих организациях, максимально способствуя их вступлению. Прежде всего, этот посыл обращен к Сербии, с которой у Румынии складываются

[1] Romania's Role in the Black Sea by Jennifer D.P. Moroney and Colonel Joe Hogler (U.S.AF, Retired) RAND Corporation The DISAM Journal, 2006

традиционно хорошие отношения, и соответствует курсу, взятому нынешним сербским руководством. Стоит отметить, что Румыния является одной из стран-членов НАТО и ЕС, которые отказались признавать независимость Косово, что улучшает отношения между двумя государствами. Очевидно, чтобы изменить этот баланс нужно работать именно с этой сцепкой и в том числе с помощью одного из наиболее эффективных инструментов нашей внешней политики — энергополитики. К тому же именно энергетические проекты, одним из которых является проект пан-европейского нефтепровода, предназначенного для транспортировки из румынских нефтяных портов в Европу каспийской и центральноазиатской нефти, являются интегрирующим фактором для балканских государств.

Российско-сербские взаимоотношения в сфере энергетики могут быть охарактеризованы как положительные. 25 января 2008 года между правительствами обеих стран было подписано соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере, которое предусматривало помимо участия Сербии в российском проекте «Южного потока» и строительства на севере Сербии крупного газохранилища «Банатский двор», покупку Газпромом контрольного пакета акций одной из крупнейших в Юго-Восточной Европе вертикально интегрированных нефтяных компаний «Нефтяная индустрия Сербии» (НИС). Стоит сказать, что российские нефтяные компании, в частности Лукойл, уже активно работали до этого в Сербии. Так, в 2003 году Лукойл приобрел контрольный пакет акций третьей по величине нефтяной компании этой страны — Беопетрол. В результате было создано акционерное общество «Лукойл-Беопетрол», владеющее сетью автозаправок на территории Сербии. Определенные проекты развивал и Газпром. Энергетические отношения России и Сербии развиваются весьма позитивно, однако в будущем все может быть не столь радужным.

В 2005 году ЕС и страны пост-югославского пространства подписали в Афинах соглашение о создании Европейского Энергетического Сообщества, участие в котором предполагает принятие европейского законодательства в энергетической сфере. На практике это будет означать для России, что с 2015 года в этих странах, войдут они к тому времени в ЕС или нет, будет функционировать либерализованный рынок газа и электроэнергии, где не будет вертикально-интегрированных компаний и будет осуществлено разделение производителей

и операторов транспортных и распределительных сетей[1]. Любая зарубежная компания, которая захочет попасть на этот рынок должна будет функционировать в соответствии с принципами единого внутреннего энергетического рынка ЕС, т. е. продвижение российских энергетических компаний в регион максимально затруднится. Россия должна бороться за закрепление в ТЭК этих государств уже сейчас, до того момента, как они войдут в единый либерализованный рынок ЕС. Очень важен этот момент именно для тех российских компаний, которые в отличие от Газпрома и Лукойла еще только рассматривают ТЭК Сербии как возможную зону инвестиций.

Румынское общество традиционно настроено более прозападно, чем сербское, и относится к России с боязливой осторожностью, но, тем не менее, и в этой стране понимают, что от развития экономических отношений с нашей страной, прежде всего в области энергетики никуда не деться. Во время недавней предвыборной кампании оба главных кандидата на пост президента страны Мирча Джоанэ и Траян Басэску заявили о необходимости укреплять отношения с Россией. Наиболее последовательно эту линию проводил Джоанэ, обвиненный своим соперником даже в секретных связях с Москвой. Но и сам действующий президент поставил себе в заслугу то, что именно во время его первого президентского срока страну посетил Путин. Нынешнюю позицию Басеску нельзя назвать в полной мере антироссийской, он и связанные с ним политико-экономические группы заинтересованы в расширении отношений с Россией, которая воспринимается как источник энергоресурсов и инвестиций и крупный рынок сбыта.

Правительство, подконтрольное сейчас президенту рассматривает вопрос о подключении румынской компании Трансгаз к «Южному потоку» (не отказываясь одновременно от участия в атлантистском проекте «Набукко»). За последний год состоялся рад переговоров между Трансгазом и Газпромом на самом высоком уровне. Во время недавнего визита Алексея Миллера в Бухарест в октябре 2010 года, была достигнута договоренность об оценке возможности прохождения через территорию Румынии «Южного потока»[2]. Несмотря на подписание соглашения с болгарской компанией Газпром продолжает рассматривать возможность проведения через Румынию

[1] *Кавешников Н.* Роль энергодиалога Россия-ЕС в обеспечении энергетической безопасности «Большой Европы» // «Вся Европа». №5(33), 2009

[2] Feasibility studies on Romanian section of South Stream to be prepared. [Электронный ресурс] URL: http://www.gazprom.com/press/news/2010/october/article104049/ (дата обращения — 03.09.2010)

части «Южного потока»[1]. Стоит ли говорить, что только переговоры о возможности прихода российского газового гиганта в Румынию вызвали волну яростной критики со стороны националистически и либерально настроенных СМИ, экспертов и групп влияния, расценивших это как «продвижение русского империализма». И дело здесь не только в какой-то румынской специфике. Точно такая же реакция наблюдалась со стороны прозападных политиков и в Сербии и Болгарии[2]. Так в Сербии антироссийскую и антигазпромовскую позицию занял министр экономики Младжан Динкич, выступивший против продажи России НИС и весьма скептически оценивший перспективы «Южного потока». Тем не менее, Динкича удалось отстранить от участия в переговорах. Во всех случаях стремление отвергнуть российские предложения и ориентация на США отчетливо обозначают геополитическую подоплеку экономических сделок, в которых американцы не заинтересованы.

В области нефтепереработки в Румынии активно действует российский Лукойл, который также активно развивает и здесь сеть автозаправочных станций. Показательно, что Лукойл-Румыния оказался одним из спонсоров избирательной кампании зачастую описываемого как «антироссийского» нынешнего президента Траяна Басеску. Этот факт, ставший одной из наиболее обсуждаемых новостей страны этой весной, подтвердили как в самой партии нынешнего президента Румынии, так и в Лукойле. Генеральный директор Лукойл-Румыния Константин Тампиза признался в интервью румынской прессе, что компания выделила деньги для Демократическо-Либеральной Партии за два дня до первого тура выборов[3]. Румынский бизнес с 2004 года, когда его представители приняли активное участие в подготовке и осуществлении визита премьер-министра Адриана Нэстасе в Москву, выказывает свою заинтересованность в России.

Экономические интересы России в Румынии не ограничиваются только возможностью проведения через нее ветки «Южного потока» или переработкой и заправочными станциями. В Румынии продол-

[1] Gazprom şi România continuă tratativele referitoare la South Stream. [Электронный ресурс] URL: http://romanian.ruvr.ru/2010/11/15/34439294.html (дата обращения — 03.09.2010)

[2] *Ильченков П.* Энергетический договор России и Сербии. [Электронный ресурс] URL: http://analyticsmz.ru/?p=181 (дата обращения — 03.09.2010)

[3] Lukoil a dat bani pentru campania lui Băsescu . [Электронный ресурс] URL: http://www.adevarul.ro/actualitate/copos-basescu-udrea-oier-cioban-actiuni-udrea_0_236376370.html (дата обращения — 03.09.2010)

жают оставаться серьезные запасы нефти и газа, интерес для российских компаний может представлять нефтеносный шельф, в том числе и острова Змеиный. Интересен пример второй по величине нефтяной компании страны «Ромпетрол», крупнейший акционер которой, миллиардер Дину Патричиу продал 75% акций казахскому концерну КазМунайГаз, что сразу же было расценено как возможность дальнейшего перехода этих акций посредством казахов российским корпорациям[1]. Известно, что кроме Казахстана Ромпетрол проявлял и проявляет интерес и к России, к возможности действовать на ее территории и получать российские инвестиции.

Рассматривая геополитические аспекты энергополитики России в Юго-Восточной Европе, стоит подчеркнуть, что российским корпорациям только предстоит осознать важность тщательного геополитического анализа ситуации, который бы позволил разработать эффективный план действий в отношении как всего региона, так и отдельных стран. В то же время энергетическая политика в отношении Балкан ввиду важности энергетического фактора в современном мире должна руководствоваться не только соображениями прибыли отдельных компаний, но представлениями о национальных интересах всего государства. Энергетическая политика должна пониматься как часть геополитической стратегии. Можно следовать по пути наименьшего сопротивления, в частности, в «Южном потоке» Россия неплохо сотрудничает с Венгрией и даже, несмотря на временные трудности, с Болгарией. Но при таком подходе всегда существует риск образования «серых зон» в наиболее важных как с точки зрения петрополитики, так и геополитики местах, где наши геополитические и экономические конкуренты намеренно препятствуют нашему проникновению. Именно поэтому первостепенное внимание на нынешнем этапе, следовало бы уделить проблемным зонам, представляющим интерес как для российских компаний, так и для государства, упреждению таких проблем, как «проблема 2015 года», маркирующего временную границу для возможности проникновения в ТЭК Западных Балкан для российских корпораций и закреплению в таких перспективных, но «трудных» с обеих точек зрения странах как Румыния.

[1] Rusia ar putea prelua controlul Rompetrol prin intermediul kazahilor. [Электронный ресурс] URL: http://www.curentul.ro/2008/index.php/Actualitate/Rusia-ar-putea-prelua-controlul-Rompetrol-prin-intermediul-kazahilor.html (дата обращения — 03.09.2010)

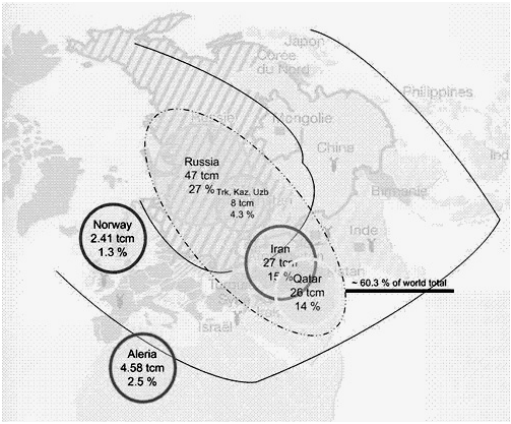
Леонид Савин

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ЭНЕРГОПОЛИТИКИ

Рассматривая место энергетических ресурсов в современных международных отношениях и геополитических процессах необходимо сразу отметить, что они занимают основное положение в ключевых интересах государств, влияя как на выстраивание стратегии, так и на текущие дипломатические и политические решения, связанные с внешней политикой и внутренним обустройством страны.

Расшифровка этой аксиомы проста. Сочетание мест добычи и переработки ресурсов, их транспортировки и утилизации (географическая составляющая) напрямую смыкаются с политической составляющей, которая включает в себя военную мощь и экономику государства, и зависит от эффективности распределения энергоресурсов, обеспечения их надлежащего баланса, циркулирования и надежности резервов. А в перекраивании границ государств и военной агрессии в ближайшем будущем основным приоритетом все так же будут оставаться ресурсы. В том числе — энергетические, о чем свидетельствует вторжение США в Ирак, а также их попытки ослабить Россию и сменить режимы в Иране и Венесуэле, проводящие самостоятельную внешнюю политику. Это вполне резонирует с концепцией Фрэнсиса Фукуямы о причине войн, а также беспокойством ряда аналитических центров США и Западной Европы по отношению к возможным будущим конфликтам. Изменение конфигурации мировой политики, связанное с экономическим ростом Восточно-Азиатского региона, который все более нуждается в поставках нефти и газа, глобальное потепление, которое делает ранее недоступные территории вполне пригодными для нефте- и газодобычи, а также их транспортировки, отсутствие доступных и низкозатратных альтернативных источников энергии и другие объективные факторы указывают на то, что стан-

дартные энергоресурсы в ближайшее время будут продолжать играть важную роль на мировой шахматной доске.



Газовые ресурсы

Сам энергополитический сектор можно разбить на ряд кластеров и узлов, которые взаимозависимы и вместе представляют собой фундамент государственной системы. Если какой-либо сегмент отсутствует, то государство вынуждено подстраиваться под других региональных и транснациональных игроков, идя на ряд геополитических уступок. В отношении России можно констатировать, что она имеет полный энергополитический суверенитет и с помощью него может расширить свое влияние далеко за пределами Евразии.

Условно этот энергополитический фундамент состоит из пяти секторов. 1) Сектор разведки и добычи энергоресурсов. К нему относится работа геологоразведывательных служб, различных исследовательских центров и непосредственно подразделений по добыче. В географическом пространстве он разделен пограничными линиями государств и классификацией ресурсов (нефть, газ, радиоактивные материалы плюс редкие металлы и минералы). Нередко залежи ценных ресурсов являются искушением для более сильных игроков к применению военной агрессии или управляемых локальных конфликтов с целью доступа к ним. Подобная политика послужила появлению такого термина как «проклятие ресурсами», который чаще всего относят к развивающимся странам. 2) Сектор доставки. Это действующие и проектируемые трубопроводы и линии электропередач, водный и наземный транспорт, а также морские линии коммуникаций, железные дороги и автомагистрали. Подобно тому, как в античное время, Средневековье и эпоху Просвещения контроль над реками и караванными путями, служившими системами снабжения являлись ключом к благосостоянию, сегодняшняя

безопасность трубопроводов и других путей является важным фактором стабильности любой страны. Показательными примерами является интерес Евросоюза подчинить страны в него входящие единому стандарту, связанному с энергетическими коммуникациями и действия Китая по расширению сферы своего военного влияния в качестве аргумента по энергетической безопасности. В этом отношении Россия имеет прочные позиции, так как трубопроводы по поставке газа и нефти практически монополизированы (компании «Транснефть» и «Газпром»), а участие иностранных компаний в зарубежных и международных проектах связано с зависимостью других стран от российских поставок. 3) Сектор хранения и переработки; Он относится к газовым и нефтяным хранилищам, перерабатывающим заводам. Это неподвижный стратегический сегмент, одновременно имеющий слабые и сильные стороны. Слабые — т.к. традиционно данные объекты могут служить целями для атаки во время конфликта или диверсии. Сильные — так как передовые технологии могут привлекать ресурсы извне. Кроме того, отсутствие надлежащей перерабатывающей промышленности у стран-соседей ставит их в зависимое положение. 4) Военный сектор. Топливо является двигателем современных систем вооружений. Если на протяжении ряда столетий войска зависели от фуража и пороха, то с XX века все сильней стала ощущаться зависимость от производных нефти. Помимо транспортных средств, необходимых для проведения различных операций и военных маневров, для которых требуются стандартное горючее на основе углеводородов, более сложные компоненты нужны для носителей боезарядов — ракет, которые работают на основе химического (жидкого и твердого), ядерного, термоядерного топлива, а также с использованием антивещества. Кроме того, наиболее смертоносное оружие сдерживания — ядерное и термоядерное, действует на основе урана и плутония — радиоактивных элементов, которые применяются в качестве источника энергии в мирной атомной промышленности. Далее, энергомагистрали и их узлы нуждаются в надежной охране, в качестве которой выступают как армейские подразделения различных государств (вплоть до идеи энергоНАТО), так и частные охранные структуры (опыт частных военных корпораций в Ираке и Африке, где они занимаются обеспечением безопасности функционирования систем энергодобычи). 5) Социальный сектор. Это широкий компонент

энергополитики, связанный с социальной плоскостью — от трудовой занятости, до экологической этики. Внутренняя полтитика корпораций и предприятий, связанных с энергетикой, помимо экономического интереса людей, занятых в производстве, имеет одновременно имиджевую составляющую и глубокую социальную нагрузку — от страховых полисов и медицинского обслуживания до обеспечения жильем. Так, например, компания «Роснефть» издает отчеты об устойчивом развитии и оказывает поддержку малочисленным народам Севера, в то время как западные корпорации невыгодно отличает первоочередной интерес в увеличении доходов за счет снижения оплаты труда и пренебрежение к защите окружающей среды, выражающееся в известной максиме «прибыль превыше всего», которой современные антиглобалисты противопоставили «People First», подвергая критике корпоративную алчность западной индустрии. Катастрофа на нефтедобывающей платформе British Petroleum в Мексиканском заливе является прямым следствием неолиберальной модели функционирования подобных компаний.

Все эти компоненты взаимосвязаны также с другими направлениями политики. Например, Монголия, имеющая в своих недрах запасы радиоактивных и ценных металлов, подписала ряд соглашений, согласно которым за право доступа к их ресурсам и их поставки, контрагенты в лице Канады и Японии обязаны выполнить ряд проектов, связанных с социальной инфраструктурой государства, таких как установление прямых авиационных рейсов, передача технологий и т.п.

В энергополитике до настоящего момента Россия выгодно использовала свои преимущества, что вынудило ряд экспертов классифицировать поведение страны в стиле smart power. В дальнейшем, диверсификация потоков нефти и газа, вместе с реализацией крупномасштабных проектов в области атомной промышленности могут служить сильным стратегическим оружием. Особое значение будет иметь Сибирь с ее залежами (как говорил Ж. Тириар, «с экономической точки зрения Сибирь является провинцией Европейской империи, наиболее необходимой для ее жизнеспособности», указывая на ее малозаселенность и близость к Китаю, в то же время подчеркивая зависимость Европы от российских ресурсов), а также полярные широты, где в перспективе может начаться добыча углеводородов с шельфа и открыт северный морской путь.

Следовательно, обеспечение безопасности ресурсного потенциала страны как с точки зрения международного права, так и с позиции hard power должно быть одним из приоритетов будущей политики. Манипуляции в этом направлении таких игроков, как США и ЕС должны тщательно анализироваться, а недружественные действия государств-транзитеров пресекаться скоординированными дипломатическими усилиями и политико-экономическими санкциями.

Александр Дугин

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

В наше время энергетика заменила собой геополитику в ее классическом понимании. Если в XIX и XX веках законы геополитики применялись к борьбе за колонии, войнам, захватам территорий, оккупациям, стратегическим договорам стран друг с другом, в XXI веке центр тяжести сместился в сторону экономики и энергетики. При этом карта мира, с ее основными центрами влияния, осталась почти той же самой. Это значит, что мы имеем дело с новой формой геополитики — энергетической геополитикой.

В этой энергетической геополитике, как и в классической геополитике, речь идет о противостоянии между собой двух главных планетарных сил — Суши и Моря. Цивилизация Суши как всегда представлена территорией Heartland'a, на которой расположена современная Россия. Цивилизация Моря перенесла свой центр в XX веке из Великобритании в США, сегодня ее полюсом является пространство Северной Америки. Между Россией и США идет геополитическая дуэль, сегодня чаще всего выражающаяся в альтернативных и противоположных энергетических проектах.

Рассмотрим основную канву этого противостояния XXI века.

Россия является энергодобывающей страной. Доходы от продажи энергоресурсов до сих пор составляют основу российского бюджета и фундамент российской экономики. Поэтому от возможности организации энергосбыта в сторону тех стран, которые, напротив, испытывают в энергоресурсах нехватку, напрямую зависит само существование современной российской экономики.

Основными потребителями энергоресурсов России (газа и нефти) являются страны Европы на Западе, Турция — на Юге и Китай — на Востоке. От того, удастся ли России замкнуть цикл поставки газа и

нефти на конечного потребителя, зависит, в конечном счете, ее экономический суверенитет. Это значит, что Россия жизненно заинтересована в гарантировании прямых поставок в трех направлениях — Запад, Юг, Восток. На Юге при этом Россия имеет четыре соседние страны, имеющие также доступ к евразийским энергоресурсам — Иран, Казахстан, Азербайджан и Туркмению (со всеми Россия граничит по Каспию). Эти четыре страны могут составлять конкуренцию России, а могут выступать как партнеры и соучастники общего евразийского энергопроекта. Разработка такого общего евразийского энергопроекта является необходимым добавлением к стратегии гарантированных путей энергоснабжения.

Энергетическая геополитика Россия ориентирована на реализацию этих целей: обеспечение прямого доступа к потребителям энергоресурсов на территории евразийского материка и создание общего энергетического консорциума с другими энергодобывающими державами Евразии.

США заинтересованы в обратном сценарии. Для них важно, чтобы энергия в Европу (часть евроатлантического мира) и Турцию (член НАТО), а также (желательно) в Китай поступала из тех месторождений, которые контролируются США или, как минимум, энергопроводы проходили через страны, стратегически лояльные США. Для этого между Россией и Европой, Турцией и Китаем необходимо построить «санитарный кордон», подконтрольный США и способный влиять на энергопоставки (а также на цену энергоресурсов), и разорить евразийский энергетический консорциум или не допустить его эффективного функционирования.

На прежних этапах геостратегии ситуация была почти тождественной. Англосаксонский мир был жизненно заинтересован в том, чтобы сорвать альянсы России с Германией (континентальной Европой), Турцией и Китаем, а также в прямом вмешательстве в стратегический контроль над Кавказом, Синьцзяном, Тибетом и прикаспийской зоной.

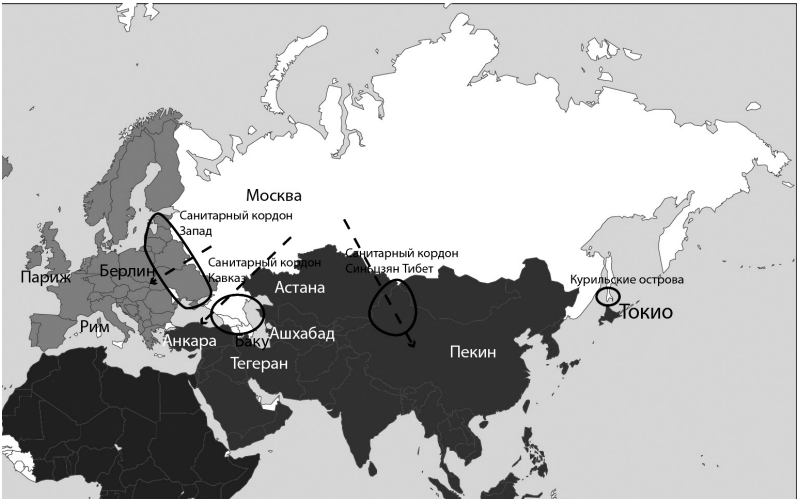
Сегодня «санитарный кордон» на Западе представляет собой страны «Новой Европы», относительно недавно вышедшие из-под контроля СССР и бросившиеся в объятия США и НАТО. Их экономика ничтожна, и они живут за свет экономических субсидий Евросоюза и политической поддержки США. За поддержку американцам они платят радикальной русофобией и постоянными попытками сорвать

прямые поставки российских ресурсов в Европу. Это — классическая политика Польши и стран Балтии. В этом же ключе действовала и проамериканская Украина при Ющенко и Тимошенко. За дестабилизацией отношений Москвы и Минска легко распознать ту же самую стратегию.

На Юге США заинтересованы разорвать прямые связи между Россией и Турцией в сфере энергетики. Для этой цели последний стратегический план НАТО предполагает размещение системы ПРО в Турции, прекрасно понимая, что это вызовет напряженность в российско-турецких отношениях. Кроме того США всячески поддерживает альтернативные нефтепроводы (проект НАБУКО, нефтепровод Баку-Джейхан и т.д.), идущие в обход России. Дестабилизация этнической и конфессиональной ситуации на Северном Кавказе имеет к этому проекту самое непосредственное отношение. «Санитарным кордоном» выступает в этом случае Южный Кавказ и самая проамериканская из стран этого региона — Грузия Саакашвили.

На Востоке «санитарным кордоном» служат проблемные зоны на Севере и Северо-западе Китая — Синьцзян и Тибет. Кроме того, через свою агентуру в Москве американцы усиленно муссируют мысль о «китайской угрозе» для России и предлагают антикитайский американо-российский стратегический альянс. Задача та же самая: сорвать организацию прямых поставок российских ресурсов в Китай.

На Востоке еще одной энергозависимой страной является Япония, почти полностью лишенная полезных ископаемых. Чтобы предотвратить сближение Москвы и Токио в общем энергетическом партнерстве, Вашингтон активно поддерживает японские претензии на Курилы, что блокирует возможность развивать российско-японское партнерство в освоении Сибири (мирный договор между нашими странами так до сих пор и не заключен — что вполне устраивает США).



Также для США важно предотвратить сближение России с Ираном (для этого используется давление на Москву в целях вовлечь ее в антииранскую коалицию — поддержка санкций против Ирана и т.д.), с Азербайджаном (акцентируя военное присутствие России в Армении) и Туркменией (здесь свобода действий американцев более ограничена).

Россия реализует свой энергетический потенциал в геополитике, если добьется следующих результатов:

- обеспечит прямые энергопоставки в континентальную Европу (Северный и Южный потоки, а также надежное партнерство с Украиной и Белоруссией);
- задействует в полной мере «Голубой поток» по дну Черного моря и войдет в проект Баку-Джейхан;
- сорвет проект НАБУКО;

- образует с Казахстаном, Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном большой евразийский (Каспийский) консорциум и в перспективу общую энергетическую биржу, торгующую либо за евро, либо, как предлагал в свое время Тегеран, за рубли;
- стабилизирует ситуацию на Северном Кавказе и упрочит свое влияние на Южном (в первую очередь, отношения с Азербайджаном);
- фундаментально разовьет систему нефте- и газопроводов в Китай;
- сможет сблизиться с Японией и начать развивать вместе с ней общие энергетические проекты.

Европейская энергетическая Хартия навязывается России в существующем виде исключительно атлантистами: она построена асимметрично — для европейцев доступ к приватизации месторождений и сетей энергопоставок является открытым, а для России — в вопросе приватизации энергосетей в Европе, ставится множество непреодолимых условий. В обсуждениях стратегии Европы в отношении энергетического партнерства с Россией откровенно участвуют представители Пентагона и Госдепа США. Россия хочет быть независимой энергетической державой, США стремятся к тому, чтобы сделать ее, напротив, зависимой. Энергоресурсы в нашем мире есть прямой инструмент борьбы за мировое господство. Американцы строят однополярный мир. Мы боремся за многополярный. Поэтому энергетическая политика России является важнейшей решающей сферой в отстаивании наших национальных интересов.

Мы хотим реализовать поставленные задачи. США стремятся сделать так, чтобы мы не смогли сделать в этом направлении ни единого шага. Для этого используются все возможные средства: прямое давление, дипломатия, экономика, посредничество различных стран и политических сил проамериканской ориентации, прямые агентурные сети влияний и иные формы сетевой войны.

Все будет решаться в ближайшие 5-6 лет. Россия либо выиграет эту геополитическую партию, и это будет означать успех многополярности мира и сохранение и укрепление нашего суверенитета, либо проиграет, и тогда страна ослабнет, начнет сползать в небытие, в ней установится внешнее управление.

Научное издание

Геополитика

и международные отношения

Сборник статей, опубликованных в 2010 - 2011 гг.
в информационно-аналитическом журнале «Геополитика»

Центр Консервативных Исследований
119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
3-й учебный корпус, социологический факультет
Тел./факс: (495) 939 03 73
E-mail: seminar@socio.msu.ru
www.konservatizm.org
Руководитель Центра — профессор Александр Гельевич Дугин

Главный редактор
д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель
Л. В. Савин

Редактор
В. В. Алтухов

Оформление обложки
С. А. Жигалкин

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 12,5. Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»
Москва, 2-й Кожуховской проезд, д. 12, стр. 2, офис 5

Отпечатано с готового макета в типографии